ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕД

ОНИ СРЕДИ НАС

Альфред
ВАН ВОГТ

Клетка для разума

МЭТР ПАРАДОКСА

Альфред
ВАН ВОГТ

Клетка для разума

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕД

Клетка для разума (сборник)
Альфред Элтон Ван Вогт

Аннотация
Альфред Ван Вогт. Клетка для разума
Бесконечная битва
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

20.
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
Силки
Пролог
1
2
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая

Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Глава двадцать вторая
Глава двадцать третья
Глава двадцать четвертая
Глава двадцать пятая
Глава двадцать шестая
Глава двадцать седьмая
Глава двадцать восьмая
Глава двадцать девятая
Глава тридцатая
Глава тридцать первая

Глава тридцать вторая
Глава тридцать третья
Клетка для разума
Империя Атома
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22

Глава 23
Глава 24
Волшебник Линна
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23

24
25
26
Библия Пта
Глава 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ
Глава 2. БОГИНЯ В ЦЕПЯХ
Глава 3. ЧЕЛОВЕК ИЗ 1944 ГОДА НАШЕЙ ЭРЫ
Глава 4. ЧЕРЕЗ 200 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ В БУДУЩЕМ
Глава 5. ПОДЗЕМЕЛЬЕ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ
Глава 6. ПОЛЕТ СКВОЗЬ НОЧЬ
Глава 7. ПРОСТРАНСТВО ТЬМЫ
Глава 8. АЛЬПИНИСТ НА УТЕСЕ
Глава 9. ДВОРЕЦ — КРЕПОСТЬ
Глава 10. КНИГА СМЕРТИ
Глава 11. ПЕРСТЕНЬ ВЛАСТИ
Глава 12. ВЫРВАННАЯ СТРАНИЦА
Глава 13. ПУТЕШЕСТВИЕ УМОВ
Глава 14. ТРИУМФ ЗОЛОТОВОЛОСОЙ БОГИНИ
Глава 15. ГОРОД ТРИА
Глава 16. НУШИР НУШИРВАНСКИЙ
Глава 17. СТРАНА ВУЛКАНОВ
Глава 18. БИТВА БОГИНЬ
Глава 19. БОЖЕСТВЕННЫЙ ТРОН
Глава 20. ЗАРД АККАДИСТРАНСКАЯ
Глава 21. МЕЖ СТЕН СМЕРТИ

Глава 22. ПИЩА БОЕВЫХ СКРИРОВ
Глава 23. МОРЕ ТЕТА
Глава 24. СВИДАНИЕ В КОТАХЭЙ
Глава 25. ВТОРЖЕНИЕ В ГОНВОЛЕЙН
Глава 26. СВЕРЖЕНИЕ БОГИНИ

Аннотация

Сборник романов.

Содержание:

Бесконечная битва (роман, перевод Д. Савельева, Я. Савельева), стр. 7-151

Силки (роман, перевод Ю. Семенычева), стр. 153-293

Клетка для разума (роман, перевод И. Петровской), стр. 295-451

Империя атома (роман, перевод В. Поляка), стр. 453-581

Волшебник Линна (роман, перевод В. Поляка), стр. 583-735

Библия Пта (роман, перевод Л. Ткачука), стр. 737-857

Альфред Ван Вогт
Клетка для разума

Бесконечная битва

1

Модьун цинично усмехнулся, когда оратор, закончив свою речь, проливающую новый свет на историю человечества, попросил задавать вопросы.

Было задано несколько глупых вопросов — люди, похоже, не совсем понимали, как отнестись к полученной только что ими информации. Модьун привлек к себе внимание, лениво задав вопрос:

— Вы уверены, что не описываете какую-то древнюю мифологию?

— Конечно, мы не можем быть уверены, — последовал осторожный ответ, — но думаем что нет.

— Ваш рассказ о наших далеких предках, — настаивал Модьун, — отнюдь не внушает мне доверия.

— Как и нам сначала, — ответил оратор. — Однако содержание и значительность полученных деталей гарантируют достоверность.

— Тогда выходит, что наши предки сражались, как животные, с непрекращающейся жестокостью, и это говорит о том, что они были способны

на настоящую физическую активность.

— Это самое определенное из того, что мы обнаружили.

— И, подобно нашим животным, они действительно ходили на собственных ногах и не нуждались в искусственной поддержке?

— Вот именно, — ответил оратор.

— Могу представить реакцию тех, кто ранее заблуждался относительно этого вопроса, — саркастически заметил Модьун.

Слабые улыбки, выражающие согласие, появились на лицах многих людей.

— Представляю себе, — продолжил Модьун, — как они зачинали и рожали своих детей.

— О да, — последовал ответ. — В процессе спаривания женщина оплодотворялась, и через определенный период разрешалась от бремени.

Все в зале вздрогнули, словно перед их глазами на сцене совершался акт совокупления.

— Отвратительно, — пробормотала какая-то женщина.

— Боюсь, — добавил еще кто-то, — это начало человечества довольно-таки непросто принять. И теперь вы скажете нам, что они сами принимали пищу.

— Совершенно верно, — согласился оратор. —

Пища проходила по пищеварительному тракту. Каждый человек усваивал ее индивидуально, а отходы удалялись в резервуар для удобрений.

Последовало еще несколько вопросов, но присутствующие охладели; докладчик по имени Дода почувствовал это через открытые усилители мысленного канала, посредством которого он связывался со своей «аудиторией». Заметив, что Модьун оставался в числе немногих, не отсоединившихся от канала, Дода мысленно обратился к нему:

— Кое-что заставляет меня предполагать, что вы больше других интересуетесь этими открытиями.

Модьуну стало смешно.

— У меня тело в два фута[1] длиной и голова в четырнадцать дюймов в диаметре[2]. Что может меня интересовать в древних людях, с их восемью футами мускулов и костей, которые могли самостоятельно поддерживать голову? Я догадываюсь, что вам бы хотелось, чтобы я вырос до таких размеров — как подопытный кролик.

— У наших предков рост был около шести фу-

---

[1] notes: 1
около 61 см (Примеч. перев.)

[2] notes: 2
35,5 см.

тов.

— Да, но головы у них были меньше, вы же сами сказали это.

— Возможно, — в голосе Доды звучало отчаяние, — если бы какая-нибудь женщина согласилась вырасти, то для вас это могло бы стать интересным экспериментом.

Ответ Модьуна был язвительным и недоверчивым.

— Этого никогда не случится. Наши женщины куда как более изящны. — Он на мгновение умолк, а потом с иронией продолжил: — Почему бы вам не провести этот эксперимент на себе?

— Потому что я экспериментатор. Пройдет год, пока тело станет длиннее, потом, наверное, еще два года займет эксперимент, и еще один год, чтобы снова стать человеком. Кто-то должен наблюдать…

Модьун продолжил с насмешкой:

— Четыре года! Когда я хочу погубить чью-то репутацию, я руководствуюсь здравым смыслом. Позже я свяжусь с вами.

— Не говорите сразу же «нет», — умоляюще попросил Дода. — Не забывайте, именно вы сказали: кто-то должен время от времени выходить за барьер и смотреть, что происходит там, в мире

снаружи.

— Я просто пошутил, — резко ответил Модьун.

— И все же вы сказали это. Все же… это было вашей мыслью.

И он был прав.

«Так всегда бывает, — угрюмо подумал Модьун, — что кто-то слушает даже случайные мысли и интерпретирует их по собственному усмотрению и сообразно своим целям…»

Не подлежало сомнению, что Дода выбрал его для эксперимента; свидетельство тому — эти его замечания. Во всяком случае… эти факты… их нельзя было просто отбросить в сторону.

Внезапно Модьун с задумчивостью сказал:

— Безусловно, тщательное изучение архивов и ранних обучающих устройств, от которых сейчас отказались, подтвердит большую часть этих сведений. Такое исследование необходимо для любого, кто отважится выйти наружу.

Дода благоразумно молчал.

— Часть этих сведений может быть интересной, — продолжил Модьун.

Он позвал своих слуг-насекомых, которые унесли его.

Через три дня Модьун лениво плавал в собственном, залитом солнцем бассейне. Именно

сюда он обычно приходил поглощать энергию солнечных лучей — они ему помогали перерабатывать воздух, которым он дышал, и воду, которую он впитывал порами тела, в питательные вещества, поддерживающие в его теле идеальное здоровье на всю вечность.

Вернее, почти на всю вечность. Он был из третьего поколения существ, выведенного в пробирке за барьером. Каждый из двух предыдущих поколений прожил почти пятнадцать сотен лет.

Он плавал в бассейне и с восхищением любовался своим отражением в зеркале, погруженном в воду. Какая благородная и красивая голова, замечательное конусообразное тело! Крошечные ручки и ножки были частично спрятаны за почти неразличимым снаряжением.

И все же он почти видел намеки на изменения — он стал на несколько миллиметров длиннее. Такому восприимчивому и чувствительному мозгу, как у него, даже такие небольшие изменения были отчетливо видны.

Дода сказал, что могут возникнуть слабые боли, но с ними можно будет справиться, когда ученый-помощник насекомое Экет будет должным образом проинструктирован, как ввести ему в тело через трубки лекарства, понижающие чув-

ствительность.

«Конечно, это, — извиняясь, подчеркнул Дода, — будет до тех пор, пока ты не достигнешь стадии, когда сможешь есть твердую пищу».

Модьун пожал плечами в ответ на такую заботу экспериментатора. Он уже принял решение, когда узнал, что женщина по имени Судлил согласилась вырасти и соединиться с любым мужчиной, который пойдет на тот же самый шаг… Это сообщение вызвало легкий интерес у мужчин: Судлил была очень женственной, и ее с радостью приняли бы в любом бассейне. Однако Дода поторопился нанести удар потенциальным соперникам, объявив, — с согласия Модьуна, — что выбор уже сделан.

Судлил призналась, что она рада иметь партнером его, Модьуна. Она станет таких же размеров, как и он, через месяц.

Прошло несколько лет — и вот он здесь.

Его принес сюда сам Экет и посадил на зеленой лужайке чуть вдали от шоссе, невидимом за насыпью, заросшей кустарником.

Со стороны шоссе доносились взвизгивания шин по дорожному покрытию. Эти звуки неожиданно взволновали Модьуна. Ему пришлось взять себя в руки, чтобы задавить сильное желание

подпрыгивать от возбуждения… Совершенно неожиданная реакция тела. Но, глядя на возвращающегося в горы Экета, он сознательно сдерживал дергающиеся мускулы. Скоро ученый-насекомое исчез за выступом утеса.

Модьун поднялся на пологий склон, все еще сдерживая себя и удивляясь тому, что происходило у него внутри под кожей. Добравшись до вершины, он начал пробираться сквозь заросли кустарника. Неожиданно он вышел на обочину дороги.

Давным-давно он приказал одному из своих носильщиков-насекомых принести его к этой дороге и в течение некоторого времени следил за движением транспорта.

Неисчислимое количество машин проносилось на безумной скорости мимо него, и почти в каждой находились пассажиры: нескончаемый поток животных всех видов. И от одного этого многообразия живых существ в нем росло удивление: он забыл, сколь много на свете разных животных. Теперь все уже за тысячи лет оцивилизованные и живущие в созданных человеком механических городах.

— Но куда все они направляются? — наконец спросил Модьун у своего проводника-насекомого,

огромного богомола, первоначально видоизмененного для путешествий по неровной гористой местности. Богомол ответил вопросом на вопрос с типичной для насекомых практичностью:

— Сэр, почему бы нам не остановить сотню или больше этих машин и не поинтересоваться у пассажиров, куда они едут?

В тот раз Модьун отклонил это предложение. Оно показалось ему напрасной тратой времени. Но теперь же — когда он стоял и смотрел на казавшиеся теми самыми мчащиеся машины — жалел, что тогда он быстро отказался от этой авантюры и не решился порасспрашивать пассажиров.

Сейчас никакой скуки он не испытывал. Его полностью выросшее тело охватило возбуждение. Куда бы он ни посмотрел, все волновало его. Ему хотелось раскачиваться, кружить на месте, гримасничать и размахивать руками.

Там так много движения. Нескончаемый поток машин… Он видел их, слышал их рокот. И внезапно понял, что его двигательные центры оказались незащищенными.

В результате он почти потерял над собой контроль. Невыносимо… Модьун попробовал сдержаться. Сразу же трепет и подергивание мышц прекратились.

Успокоенный, он отказался от свободного автомобиля, который подъехал к нему. Через несколько секунд он поднял руку, когда показалась машина с четырьмя животными в салоне и двумя свободными местами.

Когда она остановилась, Модьуну пришлось пробежаться вперед и залезть в кабину. Тяжело дыша, он плюхнулся на сиденье. Модьун немного удивился тем усилиям, что ему пришлось на это затратить, и сделал себе пометку в уме, как реагирует его тело: усиленное сердцебиение, внезапное расширение легких, шумное дыхание. Внутренние химические изменения, последовавшие вслед за этим, оказались столь многочисленными, что он отказался от попыток проанализировать все их.

Интересно. Ново. Модьун подумал: «Препараты, которые давал мне Дода в последнее время, подавляли мою активность. И, безусловно, мирная обстановка, как в райском саду, вызывала только приятнее ощущения».

Модьун вдруг понял, что остальные пассажиры с любопытством смотрят на него.

Мысли о прошлом ушли куда-то в глубины подсознания. Он тоже стал рассматривать людей с легкой вежливой улыбкой.

— Кто вы? — наконец спросил мужчина, похожий на кота. — Не могу припомнить, чтобы видел раньше ваш вид.

Говоривший имел отдаленное сходство с южно-американским ягуаром.

Модьун уже собирался было ответить, что он человек, когда до него дошла суть замечания говорившего. Человек, повелитель этой планеты, теперь был им… неизвестен.

«Все правильно, — подумал он, — мы ведем замкнутое существование вместе с нашими насекомыми-слугами, которые носят нас, и животными — домашней прислугой. И нам самим не было дела до цивилизации животных и насекомых, которая существует за барьером».

Но то, что миру снаружи уже совсем ничего не известно о нем и его приятелях, — совсем другое дело. Безусловно, это не было предусмотрено в первоначальной программе…

Осознав это, Модьун решил не говорить правду о себе. Прежде чем он придумал, что же ему сообщить, это сделал за него видоизмененный гиппопотам. Стройное существо, в восемь футов в длину, с небольшой шеей, сидевшее на переднем сиденье, сказало, пожав плечами:

— Он обезьяна. В Африке много таких как он.

Другое существо, похожее на лису, сидевшее рядом с Модьуном, тут же слабо возразило:

— Я видел многих обезьян. Определенное сходство есть, но это не обезьяна.

— О Господи! — воскликнул человек-гиппопотам. — Обезьяны — совсем не то, что ваш или мой вид. У них много разных видов, и каждый из них не похож ни на какой другой.

«Что ж, — терпеливо подумал Модьун, — обезьяны так обезьяны. Почему бы и нет?»

Его приняли за обезьяну случайно, на некоторое время.

Ошибка в программировании, из-за которой эти люди-животные не смогли признать в нем человека, сбивала с толку, и проверкой этого еще следовало заняться, что-то здесь было такое, что могло даже стать темой для интересного доклада, когда он вернется за барьер.

Поэтому Модьун продолжил выдавать себя за обезьяну и завел дружескую беседу с человеком-гиппопотамом, человеком-ягуаром и красивым темнокожим существом, которое вскоре назвало себя медведем-гризли.

Все эти люди-животные имели рост от семи до восьми футов. Их тела изменились до получеловеческого вида. У каждого были руки, каждый

сидел прямо… и, разумеется, мог ходить вертикально.

На время скучной дороги поездка с ними представляла некоторый интерес. Модьун откинулся назад и смотрел на быстро мелькавшую за окном сельскую местность, чувствуя внутри себя какое-то возбуждение. Волнение? Он сразу же отмел эту мысль. Но все-таки после анализа признался, что тело его реагирует по-новому, и предположил, что люди в те далекие, давно минувшие дни не могли понимать, что возбуждение на низком уровне именно такое — чисто физическое и химическое.

Модьун снова вспомнил, что говорил богомол — нужно спросить о причинах, заставляющих сотни людей-животных ехать куда-то. И поэтому он поинтересовался:

— Куда вы едете?

Он подавил внезапное желание добавить еще «так быстро». Но ведь действительно эти все машины мчались, словно механические демоны, на скорости, превышающей первоначально запрограммированную. Очевидно, в компьютерах, которые управляли ими, изменили данные касательно скорости. В сторону увеличения.

«Кто это сделал?» — подумал Модьун.

Все четверо его попутчиков — как они ему сказали — посещали подготовительную школу, где изучали работу огромного космического корабля. И сейчас они едут в город Хали, где будут ждать запуска. Модьун понял, что они подружились в лагере. Их отношения друг к другу были задушевными, даже нежными… И после недолгого любопытства к Модьуну, они забыли о нем. Что тому только и надо было.

Модьун почувствовал, как же он далек от повседневных дел планеты. Он отвлекся на некоторое время, пока его четыре попутчика обсуждали детали их обучения и предстоящего путешествия в космосе. Вскоре он увидел, что их машина въезжает в город. Неожиданно вокруг них оказалось множество зданий. Они поднимались по холмам, и Модьун мельком увидел вдали какую-то речку. Вскоре город окружил их со всех сторон. Огромные здания и куда более скромных размеров сверкали в лучах полуденного солнца.

Модьун вдруг понял, что его тело снова возбуждено. Если бы он не знал точно, что это касается только тела, то он мог бы ошибочно поверить, что и сам его разум возбужден. Придется остерегаться этого… Сильного стремления его «эго» отождествить себя с телесными ощущениями.

«Город Хали, — подумал Модьун. — Итак, вот я и здесь. Первый человек, который вышел за барьер через три с половиной тысячи лет».

В этом, вынужден был признаться он, было определенное величие.

2

Куда вы намерены отправиться? — спросил один из людей-животных.

Модьуну потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что обратились к нему. Он очнулся от своих грез и ответил, что не знает.

— Я здесь новичок. Только что, — запинаясь, пробормотал он, — прибыл из Африки. Куда вы посоветуете мне обратиться?

Они серьезно обсуждали этот вопрос, игнорируя его. Наконец ответил человек-лиса, и нотка удивления в его голосе показывала, что они об этом раньше не думали.

— Почему бы нам не взять его с собой?

Так они и решили.

— Мы можем показать ему все, — сказал человек-гиппопотам. — Будет забавно посмотреть, например, с каким типом женщин он сблизится.

Модьун вспомнил Судлил.

— Скоро сюда прибудет моя женщина, — сообщил он.

— Это даже лучше, — заметил человек-ягуар. — Мы сможем наблюдать, как обезьяны занимаются любовью. — Наверное, на лице Модьуна появи-

лось какое-то странное выражение: его несколько узкие глазки расширились в невинности. — Вы ведь будете не против, не так ли?

Сам Модьун не видел причин возражать, но интуитивно предвидел, что Судлил может быть против. Как раз перед его отъездом они наблюдали за спариванием одной пары животных. Судлил, конечно, еще не успела в данный момент вырасти до нужных размеров, и, наверное, ее реакция отражает болезненно чувствительное состояние ее тела. Впрочем, во всем этом вопросе она ведет себя несколько странно.

Улыбнувшись при этом воспоминании, Модьун спокойно объяснил, что самки-обезьяны иногда возражают против наблюдения.

Четверо самцов посмотрели на него не мигая, сначала удивленно, потом с почти одинаковым презрением.

— О Господи, — произнес человек-ягуар, — вы что, имеете в виду, что вы, обезьяны, позволяете своим самкам указывать, что вам делать?

Он посмотрел на своих попутчиков с иронической усмешкой.

— Вижу, что нам придется учить этого приятеля, что значит быть мужчиной. — Он протянул руку и высокомерно похлопал Модьуна по ру-

ке. — Не тревожьтесь, сэр. Держитесь нас, и мы скоро приведем вас в нормальное состояние.

И в этот момент впервые четверка людей-животных представилась. Человека-ягуара звали Дуулдном, человека-медведя — Руузбом, человека-лису — Наррлом, а человека-гиппопотама — Иччдохзом.

Сообщив свои имена, они замолкли в ожидании, но Модьун несколько секунд колебался, торопливо роясь в памяти, чтобы понять, что же эти имена могут означать и откуда они происходят. При идентификации животных люди просто присваивали каждому определенное количество букв алфавита: пять для животных из Северной Америки, шесть — из Южной, семь из Африки и так далее. Компьютеры, запрограммированные на то, чтобы давать имена, не должны были использовать лишь одну букву для имени. Поэтому не было человека-животного, у которого было бы имя Аааaа или Ббббб. Но за исключением этого — полная свобода. В этой чехарде с именами его попутчикам еще повезло — их имена еще можно было произнести вслух.

И тут же Модьуна обеспокоила мысль, что способ, который использовали люди, когда давали имена, немного отличается от этого, и поэтому,

если он назовет свое имя Модьун, тот тут же разоблачит себя, как человеческое существо… для любого, кто немного разбирается в этом.

Но колебался он недолго. Модьун сразу понял, что изменяя букву «ь» на «и», он сможет сохранить произношение, не разоблачая себя при этом, а, добавляя «н», благодаря тому, что в его имени семь букв, он укажет, что он из Африки. По крайней мере он сможет делать это, пока не введет в какой-нибудь компьютер комбинацию букв своего имени.

Что на самом деле не имело никакого значения. В конце концов, было бы нелепо слишком долго поддерживать обман, что он обезьяна.

Они приняли его измененное имя без вопросов. Итак, он теперь Модиунн… на несколько часов. Или минут.

После этого Дуулдн, человек-ягуар, сообщил, что он и его попутчики направляются в центр города.

— Понимаете, — сказал Дуулдн, — здесь обычная система поселений. Думаю, она такая повсюду в мире.

— Да, — коротко ответил Модьун.

Выбравшись из машины через несколько минут, он понял, что сердится. Разве понимает *он*,

как управляются эти города?! Он, принадлежащий к расе, создавшей эти автоматические города и автоматические поселения… короче, все на этой планете!

Тем не менее когда машина отъехала, а четверо людей-животных быстро пошли по широкой улице, Модьуну потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что они направляются к двигающемуся тротуару.

«Конечно», — догадался он тогда, ругая себя.

В памяти всплыли давние воспоминания, и город показался более знакомым. Он припомнил, что жилая зона разбита так, чтобы принимать приезжих в одном секторе, затем идет намного больший сектор, где проживают семьи постоянных жителей, и наконец роскошные апартаменты для людей.

Путешествие по движущемуся тротуару закончилось через полтора квартала. Человек-ягуар указал на склон холма и сказал:

— Эй, здесь вся улица свободна. Давайте поселимся здесь, а потом выйдем и пойдем поесть.

Модьун последним преодолел четырехдорожечный переход от скоростного тротуара к среднескоростному, а затем к медленному тротуару и наконец шагнул на улицу. Его попут-

чики поднимались вверх по склону холма, а он медленно и нерешительно следовал за ними. Продолжать ли ему свой обман? Это казалось делом не очень несерьезным. Тем не менее, вскоре он, как и другие, стоял перед рядом кнопок. Он нажал свое обезьянье имя.

И ждал, пока дверь по сигналу компьютера откроется.

Однако компьютер отказался впустить его.

— Вы не правильно указали свое имя, — сообщил он.

Целая вечность прошла, а Модьун ничего не делал, никак не реагировал, даже не обдумывал то, что произнесла машина. Он был в смятении, подобного чувства он никогда прежде не испытывал. В каком-то отношении это и было его реакцией, но совершенно новой для него, неосознанной, и его разум не понимал реакции тела.

Самым фантастическим было то, что в таком же смятении оказались также и его мысли…

Модьун начал приходить в себя. Сначала он просто наблюдал. Перед ним рядом с дверью в квартиру находился механизм: кнопки, которые он нажимал, маленькая треугольная металлическая решетка под ними — откуда голос компьютера произнес эти невероятные слова.

С одной стороны Модьун видел длинный ряд стерильных квартир, точно таких как та, которую он выбрал для своего проживания. Ну, не совсем квартир. Они все были одноэтажными и простирались на весь квартал, как террасы. Перед каждой квартирой было несколько ступенек, ведущих на небольшое крыльцо, и Модьун предположил — хотя он не мог ясно видеть, что было у других дверей, — что на каждом крыльце были кнопки с буквами и система динамиков за решеткой.

В некотором смысле, он взирал на однообразный мир. Но каким еще образом можно обеспечить жильем миллионы существ? Действительно, если предки занимали такую же терпимую позицию по отношению к людям-животным, как и он, то они заботились не о красоте, а лишь о пользе.

Но, поскольку чистота была вещью полезной, они снабжали каждую квартиру в любом городе автоматической чистящей системой. Так что пластмассовые стены и пластмассовые двери, как и решетка из нержавеющей стали, блестели — так было чисто. И ступеньки выглядели вымытыми и выскобленными, а на тротуаре под ними не было ни пятнышка грязи.

Модьун все еще рассеянно осматривал мир вокруг, когда до него вдруг дошло, что же так подействовало на него.

Отказ.

«Мне отказали!»

За всю его жизнь в несколько сотен лет никто никогда не отказывал ему! Это был удар по его сознанию, перед которым никогда не существовало никаких барьеров, кроме философии о тщетности бытия… и особенно тщетности усилий. Действительно, ничего не стоит делать. Вот потому-то у тел есть чувства, а у мозга — нет. Человеческая натура такова, что человек может отдавать себе отчет, когда его тело испытывает чувства. Уделом людей был выбор, обращать или нет внимание на чувства своих тел.

И теперь он был лишен этого. Когда Модьун осознал всю удивительную глубину своего открытия, несшего беспокойство, он понял, что его тело испытывает раздражение.

Осознание физического чувства было подобно сигналу. Тут же весь его мозг вернулся к нормальному состоянию: отделился от тела, стал более спокойным, но и более любопытным.

— В чем проблема? — сказал Модьун. — Мое имя имеет нужную длину и правильный код

для обезьяны из Африки. Почему меня не принимают?

— Личность с таким именем — Модиунн — в настоящее время зарегистрирована в Африке и проживает по определенному адресу.

Раздражение усилилось. Почему-то казалось, что его телом все труднее и труднее управлять. Несколько секунд понадобилось Модьуну, чтобы понять, что создавало такое беспокойство его телу. В прежние времена можно было запрограммировать компьютеры, чтобы они учитывали такие детали, но это не было сделано. Ни одно человеческое существо никогда не беспокоилось об отдельном животным, где оно находится или даже что случилось с ним.

Поэтому он произнес теперь угрожающим тоном:

— С каких пор компьютеру есть дело до местонахождения какого-то отдельного животного?

— Вы спрашиваете, имею ли я право отказаться впустить вас? — спросил компьютер.

— Я, — ответил Модьун, как человек, осознающий свое величие, — спрашиваю, откуда вы знаете, где находится Модиунн? Я хочу знать, кто связал вас с компьютером в Южной Африке.

Компьютер ответил, что он связан с другими

компьютерами этой планеты уже в течение 3453 лет 11 часов 27 минут и 10 секунд. Пока он отвечал, Модьун подумал, что его не программировали отвечать на подобного рода вопросы.

Он уже открыл было рот, чтобы задать новый вопрос, когда вдруг понял, что его тело испытывает болезненные ощущения. И тогда Модьун осознал, что все это время нервничал. Он не знал точно, сколько времени назад люди ушли за барьер, кроме того, что он был из третьего поколения. Но с помощью своих информационных центров у себя в мозгу он понял, что компьютеры были перепрограммированы через несколько лет после ухода людей.

«Кто же мог это сделать?»

— Вы отказываетесь открыть эту дверь для меня? — предпринял он еще одну попытку.

— Это невозможно, — последовал ответ. — Я всего лишь автомат, а вы не соответствуете требованиям, позволяющим войти.

Заявление компьютера, к несчастью, напомнило Модьуну об ограничениях механических устройств. Проблема не в машине, а в том — или тех — кто перепрограммировал его.

«Посмотрим, смогу ли я убедить кого-нибудь переехать в большую квартиру и поселиться со

мной», — решил он.

Как Модьун сейчас заметил, люди-животные уже исчезли в своих маленьких домишках. Он вспомнил, что Руузб, человек-медведь, занимал квартиру слева от него. Поэтому он направился туда и постучал в дверь — игнорируя систему кнопок.

Пауза. Звук шагов. Потом открылась дверь, и Модьун увидел красивое лицо огромного человека-медведя. Он приветливо улыбнулся Модьуну.

— Эй, — гаркнул он, — вы очень быстро управились. Входите. Я буду готов через минуту.

Модьун вошел, боясь, что и сейчас дверной компьютер помешает ему. Но динамик молчал — механизм не был приведен в действие их с Руузбом разговором. И, очевидно, на него не влиял факт присутствия Модьуна, если хозяин дома.

«Включается при нажатии кнопки», — с облегчением подумал Модьун.

Он собирался предложить человеку-медведю поселиться вместе с ним в двухкомнатной квартире для приезжих. Однако теперь в этом не было необходимости. Но что именно и когда точно ему делать, он совершенно не знал. Однако было ясно, что что-то здесь не так, как должно быть.

Как он верил, что культура животных осталась

прежней, стереотипной, без каких-либо неожиданностей. И сердечное приглашение Руузба дало ему немного времени, чтобы обдумать положение дел.

«Я попрошу его поселиться вместе со мной… немного погодя».

3

Через полчаса…

Пятеро приятелей зашли в столовую двумя кварталами далее. Оказавшись внутри, Модьун чуть поотстал от остальных, схвативших тарелки и ставших в очередь. В голове Модьуна мелькнул вопрос, а не откажется ли пищевой компьютер обслуживать его? И не хочет ли он прямо здесь и сейчас объявить, что он человек?

И Модьун решил идти дальше только потому, что он отказывался поверить, что кто-то взял на себя труд изменить программы миллионов простых машин. И что более важно, не было никаких внешних признаков того, что медленно создававшаяся (в течение тысяч лет) система бесплатного питания — где не задавали никаких вопросов — изменилась.

Машины автоматически возделывали почву и собирали урожай. Для тех, кто прежде был плотоядным, с помощью компьютера из съедобных зерен, фруктов, травы, кустарников и деревьев были созданы различные типы белковых продуктов. Для тех же, кто был травоядным, подходящая диета создавалась по тому же общему признаку.

Почти все зеленое, желтое или растущее в лесу использовалось для разумных форм жизни. Почти ничего не выбрасывалось.

Слишком сложно. Изменение означало бы вмешательство во всю цепь операций. Модьун взял свою еду из контейнеров, которые компьютер позволил ему открыть. Он назвал свое имя, доверившись логике. В конце концов, насколько он помнит, обезьяны все еще питаются самыми разнообразными растениями, многие из которых не нравятся людям. Спасибо и на том!

Вскоре, когда его тарелка наполнилась съедобной пищей, он направился к столу, который заняли его спутники. Пока все шло хорошо. Его приятели оживленно о чем-то беседовали, Модьун сел и начал старательно жевать и глотать пищу. Хотя он не раз ел к концу своего пребывания за барьером, весь процесс в целом оставался еще неприятным.

Модьун помнил, что после того, как он покончит с этим неприятным для него процессом поедания пищи, то случится вещь еще более худшая. Позже… ему придется искать общественный туалет и в присутствии других существ в соседних кабинках избавляться от отходов организма.

«Жизнь за барьером, — подумал Модьун, —

именно такова, какой я ее себе представлял: скучные, надоедливые, раздражительные переживания». Но на некоторое время его заманили в это большое тело, и ему придется выполнять его требования.

Модьун знал мнения старых людей: каждым отдельным индивидуумом управляют, его проблемы никогда не решаются; существует непрекращающаяся нужда бороться с окружающей средой, что повторяется с наступлением нового дня, вынуждая его продолжать это сражение.

«Какие мысли могут быть у такого существа? Никаких?»

Модьун без особого удовольствия пережевывал свою пищу, обдумывая ситуацию, когда, случайно услышав высказанное одним из своих четырех спутников слово, он понял, что они все еще обсуждают надоевшую ему тему предстоящего путешествия в космос.

Кто-то, по-видимому, убедил власти утвердить неверную цель экспедиции. И они считали, что должны противодействовать и убедить власть предержащих выбрать правильную звезду для межзвездного путешествия.

— … Значение… необходимое действие… жизненно важные… решающие для мира…

Слова с их скрытым смыслом, указывающим на обязательную необходимость выполнения каких-то вещей, проходили через воспринимающую систему Модьуна, и поначалу он просто регистрировал их. Наконец до него дошел их смысл, и он сказал с легкой улыбкой:

— Если вам не удастся отстоять свою точку зрения, что случится?

Человек-ягуар посмотрел удивленно на него.

— Кто-то другой выдвинет свой план.

— С какими результатами? — спросил Модьун.

— Они ошибаются. А наши идеи верны.

— Но что же все-таки действительно случится? — не отставал от него Модьун.

— Экспедиция отправится к группе желтых солнц, похожих на наше. Шансов найти жизнь на планетах, вращающихся вокруг звезд, как наше солнце, меньше, чем на планетах голубых звезд. Это уже доказано.

Модьун, взирая на все это со своих позиций, где *все* эти вещи были в равной степени бесполезными, снова улыбнулся наивности ответа.

— Но, предположим, — спросил он, — что экспедиция не обнаружит жизни ни в системе желтой, ни в системе голубой звезды?

— Значит, путешествие будет напрасным.

Безупречная логика этого существа не доходила до сознания Модьуна. Человек сам прошел через эту промежуточную стадию — когда-то он сам верил, что успех заключается в одних только результатах. Модьун сместил акцент своего вопроса.

— В подобного рода путешествиях не будут ли участвующие в них испытывать неудобств?

— О нет! Корабли совершенны — словно огромные города, летящие сквозь пространство.

— И они будут на борту звездолета есть, спать, развлекаться, общаться с особями противоположного пола, смогут тренироваться и обучаться?

— Конечно.

— Тогда, — с торжеством заключил Модьун, — какая разница, каким будет результат?

— Ну, если мы не обнаружим другую жизнь, то это путешествие окажется напрасным. Хотя звездолеты и мчатся в пространстве с огромной скоростью, но, как нам сказали, мы посетим множество планет, и это займет много времени. Всем станет тяжелее жить, если не будет достигнута основная цель.

Модьуну казалось, что жизнь на корабле абсолютно не изменится, независимо оттого, закончится полет неудачно или успешно. Забав-

ляясь, он сместил акцент:

— Ну хорошо, а если вы обнаружите разумных существ в другой звездной системе — что тогда?

Человек-ягуар покачал головой.

— Вы, обезьяны, — сказал он, — задаете ужасные вопросы. О Господи, сэр, все, что нас окружает, — жизнь. А познавать новое — это и есть сама жизнь.

Но Модьуна уже нельзя было отвлечь от этой мысли.

— Скажите мне, — не отставал он, — как вы поступите с чужими существами, если найдете их?

— Ну-у-у… нам придется выработать политику относительно них. Все будет зависеть от их реакции.

— Приведите мне пример такой политики.

Настроение человека-ягуара изменилось. Он казался раздраженным, словно ему надоел этот разговор.

— Как могу я знать заранее! — взорвался он.

Пока продолжалась эта дискуссия, Модьун с растущей уверенностью вдруг отметил еще один факт из услышанного им. И спросил:

— Вы тут постоянно упоминали о том, что нужно убедить власти. Кто эти власти?

Потом Модьун ждал и думал: «Теперь я узнаю,

кто враг».

— Люди-гиены, — таков был ответ.

Последовало мгновенное разочарование. Ответ казался слишком заурядным. «Не люди-тигры или люди-львы, — подумал Модьун. — И не люди-слоны. Никто из огромных и могучих зверей, а всего лишь вид, который прежде питался падалью, но сейчас добрался до вершин власти».

Но этот ответ вызывал беспокойство.

Никто никого не превосходил. Когда люди скрылись за барьером, самосохраняющиеся компьютеры управляли городами и селами. Люди-гиены прорвали эту оборону. Невероятно… но у него не было причин сомневаться в этом.

Однако теперь он чувствовал себя лучше. Одна группа, с которой можно говорить, вести дела. Неожиданно все это показалось Модьуну несерьезной проблемой.

Он расслабился и впервые за все время с искренним интересом принял участие в беседе. Эти разговоры что-то ему напомнили. Модьун сказал:

— Вы вот говорите о поисках других обитаемых звездных систем. А как насчет Нунули, которые обнаружили иную жизнь в нашей солнечной системе? Ведь вернулись они-таки на Землю? Так

почему вы не спрашиваете у них об обитаемых системах? Я не сомневаюсь, что они с радостью расскажут это вам. Это очень услужливая раса.

Модьун остановился, увидев смущенные лица.

— Нунули! — повторил человек-лиса.

— Существа с другой звезды! Нет, мы никогда… — Теперь воскликнул человек-медведь.

— Где вы слышали об этих инопланетянах со звезд? — спросил человек-ягуар подозрительно. — И когда?

Модьуну, который на мгновение забыл, что он играет роль обезьяны и что не должен знать больше, чем они, удалось произнести:

— Я слышал это там, откуда я приехал.

«И это, — самодовольно подумал он, — чистая правда».

Четверо людей-животных, по всей видимости, приняли его утверждение за чистую монету. Очевидно, им было неизвестно, что происходит в далекой Африке. Еще после нескольких минут бурной дискуссии они пришли к выводу, что тем, кто прилетел из космоса, земляне позволили жить, но не дали случившемуся широкой огласки.

Это была неудача. Такая глупость! Но в этом была и хорошая сторона, заметил человек-мед-

ведь, они доказывали собой, что в космосе есть и другие расы.

— Весь район там должен быть исследован. — Человек-медведь неопределенно махнул рукой, охватывая полгоризонта.

Подходящий момент еще не настал — их внимание, кажется, все еще было занято навязчивой идеей, однако в голове Модьуна мелькнула еще одна мысль.

— Что вы делали до того, как вас выбрали для этого путешествия? — полюбопытствовал он. — Чем занимались?

— Я работал монтером на строительстве, — ответил Наррл. — Ну, понимаете — в автоматических системах случаются такие неполадки, что вы никогда не поверите. И я их находил.

Иччдохз, как выяснилось, работал на океанской ферме, где разводили морские водоросли.

— И я по-прежнему отлично чувствую себя у воды, даже несмотря на то, что она соленая, — признался он. — Каналы и болота… В общем, довольно хорошо.

Руузб был лесничим.

— Я люблю горы и расстояния, — сообщил он. — Вот почему, мне кажется, мне понравится и это путешествие. Весь этот космос.

Дуулдн не рассказал ничего о себе. Он выглядел немного смущенным.

— Вообще-то я не стыжусь того, чем занимался, — сказал он, — но профессия у меня была так себе, и я лучше не буду ничего говорить.

Отказ стал мгновенным вызовом Модьуну. Он смутно помнил, что, изменяя животных, человек имел в виду некоторые особые способности, которые он обнаружил в каждом виде существ... Какие же они могут быть у ягуара? Он не мог ни вспомнить, ни додуматься до этого.

И тут с запозданием ему пришло в голову, что им, наверное, хочется знать о его профессии. Он уже открыл было рот, чтобы ответить, что был специалистом по электронике, когда вдруг понял, что в этом признании нет нужды — его приятели вернулись к своей предыдущей скучной теме.

Информация о Нунули, пожалуй, возбудила в них еще больший интерес к предстоящей межзвездной экспедиции, сделала их еще более решительными — если это было вообще возможно — в настаивании на правильном определении места назначения экспедиции. Когда Модьун снова прислушался к их разговору, они обсуждали ряд способов, которые должны были склонить «власти» к их точке зрения.

Неожиданно человек-лиса вскочил на ноги.

— Эй! — чуть ли не завыл он в возбуждении, — лучше добиться, чтобы нас выслушала комиссия.

Когда встали и остальные, поднялся и Модьун. Он был слегка обескуражен — хотя и не сильно. Их неожиданное (но на самом деле не неожиданное) намерение, кажется, положит *конец* его туманному плану поселиться вместе с Руузбом. Ему и в голову не приходило, хотя должно было прийти, что они должны присутствовать днем на собрании.

Действительно, это не было настоящее препятствие. На самом деле перед ним стояла проблема: как найти комнату. И он должен был ее решить.

Модьун направился к ближайшей двери, понимая, что его приятели идут сзади и думал: «Пока они будут на собрании этого комитета, я займусь этим квартирным компьютером. И посмотрим, кто хозяин: человек, создатель, — или же машина».

С этой мыслью он переступил порог, повернулся и увидел, что он *один* стоит на улице!

4

Его приятели ушли.

Поразительно!

Только что они были сзади, Иччдохз хрипло смеялся, Дуулдн говорил что-то своим глубоким мурлыкающим голосом, Руззб тяжело громыхал по полу, а человек-лиса что-то пролаял в ответ…

Конечно, слова не имели никакого значения, но к звукам, которые они издавали, он успел привыкнуть как к неотъемлемой части своего окружения.

Модьун остановился и посмотрел назад. Вот дверь, через которую он вышел.

Он помнил, что она была непрозрачной, однако…

Непрозрачной!

Модьун заметил, что пошел в ее сторону, и у нее не было ни ручки, ни защелки. Он сделал три шага, а потом остановился, стал ощупывать дверь ладонями и пальцами и попытался открыть ее.

Но под руками была лишь маслянистая гладкая поверхность. Дверь не открывалась. Сзади, с улицы, он услышал какой-то слабый шум… Что-то в его мозгу тут же среагировало.

Модьун обернулся.

Высокий, больше восьми футов ростом, человек-гиена стоял всего метрах в шести от него с автоматическим пистолетом в одной руке, он сказал странным голосом:

— Что случилось?

Потом сделал неопределенное движение телом, словно покачнулся, так что пистолет выпал из его вытянутой руки и звякнул о тротуар с характерным металлическим звуком.

Это словно был какой-то сигнал. Огромный человек-гиена опустился на колени и прошептал:

— Помогите!

Модьун мог бы помочь, но оставался на месте. Он лишь стоял, осознавая свою вину.

Ощущение в его мозгу. Он понял, что это было — он сразил человека-гиену газом, выпущенным из своего тела!

Невероятно, но какая-то часть его мозга интерпретировала звук, раздавшийся сзади, или, скорее, уловила намерения существа-гиены, насколько это возможно при передаче мыслей, — интерпретировала *это* как угрозу.

Больше всего его удивило то, что его реакция оказалась агрессивной.

За всю свою предыдущую спокойную жизнь, с

ее философией полного — именно *полного* — отказа от насилия, он никогда не совершал ни на кого мысленных нападений.

Итак, это просто рефлекс его тела, с его животным бешенством. «О Господи, — подумал он, — мне нужно следить за этим!»

Пока он принимал это решение, человек-гиена перекатился на бок и теперь лежал на бетоне, скорчившись, стоная и извиваясь. Модьун подошел к нему и с сочувствием посмотрел на подергивающееся тело.

Через несколько секунд он увидел, что пистолет лежит в метре от него. Модьун подошел, поднял его, осмотрел и увидел, что он заряжен.

Он не знал, что и думать. Поэтому спросил:

— Откуда у тебя это оружие?

Стон — вот какой он услышал ответ.

— А я считал, что пистолеты больше не выпускаются, — не отставал Модьун.

На этот раз ответ был более информативным.

— Ради Бога, — простонал человек-гиена, — я умираю, а вы задаете мне глупые вопросы.

Все оказалось не так уж плохо. По правде говоря, первоначальное чувство сильной вины отошло на задний план в сознании Модьуна. Оно еще было там, но стало более слабым, когда он

с облегчением понял, что то, что он применил, *оказалось* газом, а не чем-нибудь иным.

И как результат — у человека-гиены начался обычный сильный приступ желудочных спазмов. Возможно, он чувствовал сильную изжогу и другие признаки отравления, которые испытывают животные и люди.

Это страшно, болезненно, но не смертельно.

— Через час с вами будет все в порядке, — успокоил его Модьун. — Однако, — он бросил пистолет в карман пальто, — у меня сильное подозрение, что вы собирались стрелять из этого пистолета. Это делает вас потенциальным убийцей, и поэтому я только запишу ваше имя…

Догадываясь, что ему не ответят добровольно, Модьун мысленно потребовал мгновенного ответа. И человек-гиена прореагировал:

— Глидллл.

— Все в порядке, Глидллл, — сказал Модьун, — мы не хотим дальше нарушать ваше право на свободу мысли, поэтому сейчас я не требую больше информации. Что-то не так в этом мире, и я не могу поверить, что вы лично ответственны за это. Но я буду знать, как связаться с вами, когда наконец приму решение.

После этих слов Модьун повернулся и пошел

влево, туда, где заметил дырку в заборе, ведущую ко входу в столовую.

Когда Модьун достиг улицы, куда он сначала вышел, его четыре приятеля уже вышли из здания. Увидев его, Наррл, человек-лиса, облегченно вздохнул, и все остановились.

Несколько секунд они говорили вместе, и из этой смеси слов Модьун вскоре смог выделить всего несколько битов информации: *они* уже думали, что потеряли *его.* Модьун задумчиво посмотрел на них. Все они излучали ауру невинности, отчего он сразу и полностью поверил в их рассказ. Что бы ни случилось, они не были виновны в этом.

Модьун подумал, что этот инцидент приобретает совсем простое объяснение. Совершенно случайно он вышел через боковую дверь в тот момент, когда, по их словам, они остановились на несколько секунд и обернулись назад, чтобы посмотреть на что-то. Когда они повернулись обратно, его уже не было.

Но как вышло, что этот человек-гиена с автоматическим пистолетом ждал его снаружи на заднем дворе? Совпадение требовало напряжения воображения, но поскольку никто не знал, кто он такой и кем он был, то объяснение могло

быть только одно: совпадение.

И от этой мысли Модьун почувствовал, как его напряженное тело начало расслабляться.

Он наблюдал, как четверо его приятелей заторопились на свое собрание. Сначала они добрались на движущемся тротуаре до улицы, по которой ездили машины. Один из них махнул рукой, и какая-то машина остановилась. Они забрались в него, закрылись дверцы, и через несколько секунд машина поехала дальше по улице. Вскоре Модьун Потерял ее из виду.

Чувствуя себя спокойным, но еще слегка несчастливым, Модьун направился в сторону квартир на террасе. Это состояние лишь слегка волновало его. «Тела, — подумал он, — вот это действительно удивительные творения!» Невероятно, но его тело уже начало скучать по его спутникам. Он чувствовал себя несколько счастливым в их компании.

Модьун пошел на это, чтобы показать, как одурманивают разум настоящего человека. Но Модьуна удивило, что обучающие машины никак не подготовили его к таким ловушкам. Тот, кто программировал их, уже забыл о таких подробностях. Или, наверное, даже зная о них, просто их игнорировал.

Модьун все еще мысленно тряс головой — хотя на самом деле его не беспокоили различия — когда добрался до улицы, где жили его приятели и где он тоже надеялся поселиться. С облегчением он увидел, что небольшая комнатка между человеком-медведем и человеком-ягуаром еще не занята. Так как она свободна, то теперь ему не придется объяснять, почему он переехал.

Теперь он не терял время на дальнейшие споры с машиной. То, что он делал, было одним из способов, посредством которых мозг человека контролировал положение дел. Сила, которая была мгновенно приведена в движение, уничтожила прочные электрические соединения специальной системы реле, открывающих дверь.

Поскольку он действовал с безупречной логикой, то он не повредил небольшую панель управления, посредством которой компьютер дистанционно контролировал этот крошечный дом. Модьун просто открыл дверь. Через несколько секунд, когда он повернул ручку и толкнул дверь, та распахнулась, полностью оправдывая его ожидания.

Теперь Модьун мог войти. Однако он не двигался с места. Внутри него появилось какое-то чувство, и оно шло *от* сознания к телу.

Модьун стоял на крыльце этого небольшой квартирки и смотрел с ее скромной высоты на часть города Хали, испытывая чувство, что лишь один он человек, а все остальные отличаются от него. Большая их часть просто приспособилась, но не изменилась внутри. Человек поднял их из глубин животной дикости, но это не оказалось для большинства трамплином для прогрессивного развития.

Чудеса биологии насильственно были применены к ним. После этого молекулярные цепочки оказались закодированными, чтобы сохранить изменения, и тысячи лет они справлялись с этой задачей.

Но и только! Модьун представлял себе огромные массы людей-животных, которые радостно общались, подходили к пищевым автоматам, забивались в свои квартиры, докладывая компьютерам, горячо обсуждали подробности того, на что они были запрограммированы, или, как это он только что узнал, выполняли приказания человека-гиены.

Какая удивительная случайность, что лишь человек-гиена из всех остальных людей-животных каким-то образом пробился через внутреннее кодирование.

Стоя здесь, Модьун предполагал, что это незначительный прорыв, что в человеке есть еще что-то, чего нет ни в одном животном.

И это ощущение засело у него в мозгу.

«Мы великие», — подумал он.

И тогда впервые он признался, что поступил хорошо, когда явился из-за барьера, чтобы узнать, что же время сделало с планетой Людей.

С такой оценкой своего пребывания здесь, за барьером, он вошел в эту маленькую квартиру, где проживет некоторое время, играя роль обезьяны.

Пока не прибудет Судлил.

Общение с человеком-гиеной, вооруженным пистолетом, в свете имеющихся фактов, казалось, к делу не относилось. Скрытый смысл заключался в том, что Модьун мог засветиться.

Но это, конечно, невероятно.

«Ведь никто не ищет меня, — подумал Модьун. — Я просто один человек-обезьяна, живущий, как приезжий, в городе Хал и».

Если пистолет предназначался для убийства, то собирались убивать вовсе не его. Простая логика, а значит, какого черта морочить себе голову над этим.

И он прекратил это занятие.

И проснулся в кромешной тьме, осознав, что в комнате кто-то находится, склонившись над кроватью с оружием..

5

У Модьуна не было времени подумать, как лучше отреагировать. Поэтому он превратил врага в камень.

Потом включил свет и встал. Склонившись над кроватью, застыл человек-гиена, сжимая крепко нож. Пойманный врасплох, когда наносил удар, и поэтому его положение было динамически неустойчивым.

Модьун, конечно, до этого никогда не пробовавший способ превращения в камень живых существ, с волнением посмотрел на свое собственное тело. Он — его «я», думающая сущность — внимательно разглядывал незваного гостя с полной беспристрастностью. Из того, что он знал о процессах, которые вызывались в результате подобного рода воздействия, Модьун понял, что все потенциальные возможности для затвердения тела были в один миг высвобождены посредством внутренних химических сил.

Модьун вызвал артрит, паралич, камни в обеих почках, затвердение в артериях и общее окостенение тела человека-гиены… Он подозревал, что тот чувствует сильную боль, поэтому прошел к

нему, чтобы взять нож из руки — вернее, попытался это сделать…

Дело оказалось непростым: словно пальцы прилипли к рукоятке. Однако Модьун вытянул нож резким, сильным рывком. Потом проверил карманы человека-гиены, нашел несколько таблеток, которые благодаря своему особенному чувству запаха он опознал как ядовитые.

Модьун понюхал лезвие ножа. Тот же самый запах. Так вот какой избран способ — двойной подстраховки.

Больше он ничего не обнаружил.

После чего, ощущая жалость к страдающему в агонии существу, Модьун немного размягчил застывшую статую — чуть-чуть жидкости, самый минимум.

Казалось, человек-гиена медленно падал на постель. И остался лежать там, словно мокрая масса, чем в буквальном смысле и являлся на самом деле.

Теперь некоторое время его тело будет внутренне перестраиваться; возможно, лишь через день он придет в себя после шока и сможет двигаться. После этого еще какое-то время в мозгу будет избыток жидкости, как и в каждой клетке. Но поскольку, по всей видимости, он не был

болен и в его системе не было естественного нарушения, то в конце концов все придет в норму.

Модьун не знал, когда можно будет допросить этого предполагаемого убийцу о мотивах, которые двигали им. Кажется, ему вспомнилось, что обучающие машины когда-то, давным-давно, сообщили Модьуну, что требуется от одной недели до двух, чтобы голосовые связки полностью восстановились, и человек смог говорить.

Все это не имело значения. Значение имело то, что вне всякого сомнения, кто-то *ищет* его.

Логика подсказывала, что такого не может быть, но факты были налицо. Уже два покушения на его жизнь. Невозможные в мире, где не существовало преступлений. Но тем не менее это случилось.

Модьун мгновенно решил, куда он должен пойти, чтобы провести первую проверку.

Поэтому, вскоре после трех часов ночи, он, полностью одетый, распахнул входную дверь работающей круглосуточно столовой и прошел к боковому выходу, через который каким-то образом он — случайно (?) — попал во двор, где оказался лицом к лицу с вооруженным пистолетом человеком-гиеной.

Что-то в этом беспокоило его. Мгновенное за-

мешательство…

«Меня направлял мысленный усилитель», — понял он. И он был включен всего на несколько секунд, во время которых его осторожно мысленно подталкивали к этой боковой двери… Все выглядело так, словно это была его собственная мысль. Так осторожно, согласно его собственной цели, что в той шумной обстановке он не заметил этого.

Модьун предположил, что четверо его приятелей подверглись такому же мысленному давлению, которое направило *их* мимо этой двери, отвлекая их внимание. Но они Даже на мгновение не представляли собой проблему: люди-животные не в состоянии заметить подобные явления.

Убежденный в правильности своих догадок, Модьун предупредил себя: «След, по которому я сейчас иду, ведет в компьютерный центр, и там кто-то есть. Вот тогда-то я и Узнаю, в чем состоит проблема».

Модьун даже не предполагал, с какой невероятной Проблемой он столкнется.

Еще не кончилась ночь… только на востоке слабое сияние..

Модьун вошел в компьютерный центр через

парадный вход и оказался в смутно освещенном мире металлических панелей, некоторые из них простирались от пола до высокого потолка.

Были слышны слабые звуки; насколько он мог определить, это были исключительно звуки машин и их органов управления. Легкие щелчки, когда одно устройство соединялось с основной машиной, потом другое отсоединялось, и так далее.

Это ничего не означало и не имело значения: обычный порядок, который продолжается в одном и том же автоматическим режиме тысячи лет и, вероятно, будет продолжаться, пока жизнь не исчезнет с этой планеты.

Важен же был только мыслепередатчик. Модьун, мысленно настроившись на это простое устройство, прошел несколько дверей, один коридор и спустился вниз по ступенькам к этому устройству.

«Ну что ж, — подумал Модьун, — вот где ты находишься».

Машина, перед которой он очутился, казалась обыкновенным компьютером универсального типа, способным подсоединяться к внешним интерфейсам и работать в интерактивном режиме. Но именно от него исходила направляющая

мысль, которая заставила его выйти через боковую дверь столовой.

Через несколько секунд Модьун удивился, что ему позволили пройти так далеко без всяких помех. Он почувствовал… сопротивление… его присутствию здесь. Поразительно, что Модьун не мог осознать это яснее, он, который обладал столь удивительно восприимчивой чувствительностью.

«Ладно, скоро узнаю».

Модьун обратился к компьютеру, требуя объяснений. Эта комната, заполненная машинами, отозвалась эхом его голоса. Он явственно почувствовал, что много-много столетий прошло, как *шум* жизни нарушал тишину этого помещения.

Последовала долгая пауза — что само по себе было необычно: компьютеры всегда (за исключением этого раза) отвечали мгновенно.

Наконец:

— Мне были даны инструкции сообщить вам, — сказал компьютер, — что Нунули — повелитель этой планеты лично поговорит с вами, как только он — оно — сможет прибыть в эту комнату, на что потребуется около минуты.

У Модьуна было в запасе шестьдесят секунд, чтобы оценить значение этих слов. Посколь-

ку он полностью держал себя под мысленным контролем, то единственной его реакцией было удивление.

Минута прошла. Где-то за пределами поля его зрения открылась дверь.

6

Только в течение нескольких секунд существо, которое направлялось вперед по проходу мимо машин и металлических панелей, выглядело как человек. Оно было одето в костюм, закрывавший его тело и руки. У него были две ноги и две руки, и держал он их как человек.

Но вторым главным впечатлением Модьуна был его своеобразный зеленовато-голубой головной убор и пара перчаток из странной ткани в голубую полоску.

Мгновения, когда он казался знакомым, прошли.

Модьун понял, что пришелец не являлся земным созданием. То, что выглядело как разноцветный головной убор, оказалось массой небольших щупалец, поднимавшихся с головы и отражавшихся на гладкой коже лица как в зеркале.

А то, что походило на костюм, на самом деле было зеленовато-серой кожей, в отдельных местах скорее даже голубоватой, чем зеленой. На этом существе не было вообще никакой одежды.

Хотя Модьун лично сам никогда не видел Нунули, он понял, судя по тем сведениям, что слышал

во время своего обучения, что перед ним инопланетное существо, племя которых впервые посетило Землю около пяти тысяч лет назад.

По меньшей мере, здесь был один из Нунули.

Создание остановилось и теперь находилось на одном Уровне с Модьуном. Ростом оно было в шесть футов и казалось скорее тщедушным. Землянин возвышался над ним на добрых полметра.

Тем не менее Модьун вдруг понял, что чувствует себя просителем.

— И что же вы собираетесь делать? — спросил он.

Вверх поднялись руки, и это также была поразительно точная имитация человеческого жеста, что-то вроде пожатия плечами.

— Все сделано, — ответил Нунули. — Больше ничего не нужно. Эта планета завоевана.

Голос его был мягким, но не женским. Сами слова были произнесены на универсальном земном языке без акцента. Или, во всяком случае, если и был какой-то акцент, то он казался легким местным диалектом.

Модьун оценил ситуацию.

— Но какие у вас планы относительно меня и других человеческих существ? — спросил он.

— Никаких, — был ответ. — Что вы в силах

предпринять против нас?

— У нас есть системы мысленного контроля, — сказал Модьун.

— Сколько вас здесь?

— Около тысячи, — неохотно признался Модьун. На какое-то мгновение — одно лишь мгновение — он был поражен незначительностью этого числа.

— Когда мы только прибыли сюда, — сказал Нунули, — здесь жило около четырех миллиардов людей. Вот *это* действительно могло представлять опасность. Но теперь, говорю вам, мы охотно позволим этой тысяче делать все, что им только захочется… включая противодействие нам. Но к чему им тревожить нас, если мы не будет беспокоить их?

Модьун обдумывал эти слова — как он вдруг понял — с чувством облегчения, которое испытывало его тело. Напряжение возникло в его в мышцах и нервах, и ответные сигналы, которые они посылали в мозг, были слишком сильными.

Наконец Модьун сказал:

— Но зачем вам вообще завоевывать нас? Что вы собираетесь делать с таким разнообразием разумных форм на планете?

— Что будет сделано с этой планетой, — офи-

циальным тоном произнес Нунули, — еще не решено. Решение будет принято на собрании специального комитета. — Существо повторило знакомый жест пожатия плечами, распростерло руки и сказало: — Иногда трудно выносить такие вопросы на повестку дня.

— Но почему вы завоевали нас? — не отставал Модьун.

Нунули вернулся к официальному тону:

— Нам были даны инструкции уничтожить правящую группу, после чего будет принято решение, как поступить с планетой. Наш способ завоевания Земли заключался в предложении человеческим существам улучшить их тела и мозг. Ваши предки оказались под таким впечатлением от открывавшихся при этом возможностей, что не заметили, что среди стремлений, которые поощряются при этом, оказался и всеподавляющий импульс к возврату к философскому существованию.

Так как этот процесс продолжался, то вскоре люди по собственному желанию оставили свою цивилизацию для животных и насекомых. Позднее, когда нам понадобился какой-нибудь вид животных, кто бы представлял нас, мы выбрали гиен. Разумеется, не представляя отчетливо

ситуацию, они не лучшим образом выполняют наши распоряжения. Поэтому вам и причинили беспокойство…

Модьун подумал, что это был намек на два покушения на его жизнь, и это объяснение показалось ему неудовлетворительным, но он решил не комментировать его.

— Подобного, — продолжил Нунули, — больше не повторится — если только вы будете вести себя благоразумно.

Модьун, быстро оценив все сказанное, глубоко вздохнул и сказал:

— Едва ли это выглядит как завоевание.

— Человек фактически исчез. Это и есть завоевание.

Модьуну было трудно оценить эту мысль. Сокращение численности людей до тысячи казалось ему довольно разумным, после чего могло последовать сокращение численности Нунули и огромного количества животных и насекомых, кишевших по всей Земле.

Он так и сказал.

Нунули отверг эту идею.

— Нам были даны инструкции завоевать Вселенную и вырастить такое количество людей-рабов, сколько необходимо для осуществления

этой цели.

— Но почему?

— Это решает комитет, — последовал холодный ответ.

В голове Модьуна начала складываться смутная картина иерархической структуры захватчиков. Он произнес:

— Этот комитет… вы связаны с его членами?

— Нет, это они связываются с нами. Мы лишь получаем инструкции.

— Значит, они не живут вместе с вами?

— О, нет! — ответил потрясенный Нунули. — Они живут за барьером, и никто не бывает там. Никто!

— Они похожи на вас? По форме, я имею в виду.

— Конечно, нет. Это было бы смешно. — Нунули внезапно возмутился. — Члены нашего комитета — особая раса.

— Сколько же их там?

— О, около тысячи, — последовал ответ.

— Понятно, — заметил Модьун.

Из слов, произнесенных затем этим существом, было очевидно, что *оно* ничего не понимает:

— Комитет не должен иметь больше членов. Он стал бы слишком громоздким.

— Конечно, — поторопился заверить его Модьун.

И через несколько секунд добавил:

— Я вижу, что наших людей-животных посылают в космос к другим планетам. Очевидно, вы используете их как часть групп захвата?

— Конечно. Они действуют как дополнительные силы в нашем плане завоевания.

— Тогда слухи о том, куда направится звездолет, который уже готов к полету, просто камуфляж?

— На Земле, — сказал Нунули, — мы поддерживаем видимость демократии, первоначально установленной людьми. Поэтому мы и распускаем слухи и создаем видимость свободы выбора для большинства. Но действительно планеты, которые будут завоеваны, уже выбраны.

— Но в настоящее время, — заметил Модьун, — у вас еще нет плана, что же вам делать с людьми, которые живут на Земле… окончательного плана?

— До тех пор, — ответил Нунули, — пока комитет не примет решение по этому вопросу в соответствии с тем, что будет сделано с Землей. А что будут делать тем временем обитатели планеты, не имеет никакого существенного значения: Земля сейчас уже завоевана.

Существо сделало вывод:

— Я понимаю, что для нас может оказаться неудобным, что вы находитесь здесь поблизости, когда приближается время отлета. Поэтому я советую вам вернуться обратно за барьер.

— Мне кажется, — возразил Модьун, — что пока я нахожусь под личиной обезьяны, я не представляю для вас никаких проблем.

— Рано или поздно, — последовал ответ, — кто-то признает в вас человека, и это создаст сложности. Поэтому покиньте город… таков мой совет.

— Несмотря на то, что, как вы знаете, мы, люди, — не применяем агрессивных качеств, — продолжал настаивать Модьун, — у меня создалось впечатление, что если бы я захотел, то мог бы уничтожить всех Нунули на этой планете. Я ошибаюсь?

— Очевидно, — последовал раздраженный ответ, — мы должны будем доказать вам, что немногочисленность людей делает вас бессильными. Итак, я думаю, что на этом наша беседа должна закончиться. Вы можете выйти из этого здания тем путем, каким вошли.

Что Модьун и сделал. Уже наступило утро.

Когда он проснулся, он подумал, что не чув-

ствует разницы между нынешним состоянием, когда он знает, что живет на завоеванной Земле, и прежним состоянием неведения.

Четыре миллиарда мужчин и женщин постепенно поумирали — и всегда по очень важным причинам, совсем не похожим на массовую резню. Или даже хуже, предположительно, остальным еще предстоит уничтожение.

Дело было сделано, и сделано тихо, самим человеком. Мог ли такой удел быть связанным с преднамеренным завоеванием?

Этот вопрос относился к области философии.

7

Размышления закончились.

Модьун отказался от дальнейших раздумий и встал с постели.

Закончив одеваться, он услышал шаги на маленьком крыльце.

Когда Модьун открыл дверь, он увидел стоявших на крыльце его четверых приятелей, одетых иначе, чем накануне: теперь на каждом из них были не только широкие брюки, но и подходящие пиджаки, под которыми — белая рубашка с высоким воротником, яркие разноцветные шарфы, завязанные вокруг шеи и свисающие вниз. Даже ноги их выглядели иначе. За день до этого они носили комнатные туфли неопределенного фасона. Но сегодня утром на его приятелях были блестящие черные туфли.

Модьун удивленно смотрел на всех четверых. Прежде чем он успел вымолвить хоть слово, человек-медведь начал веселым голосом:

— Мы подумали, что возможно ты захочешь пойти вместе с нами позавтракать.

Приглашение было радушным. И сам Модьун не колебался. Да и делать ему было особенного

нечего до тех пор, пока из-за барьера не прибудет Судлил. Ему вдруг пришло в голову, что, возможно, какой-то интерес будет представлять путешествие по всей планете; когда он присоединится к человеческой расе, от него потребуют письменного отчета. Но с путешествием можно подождать. По крайней мере, до завтрака. Модьун улыбнулся.

Он прошел на крыльцо. Повернулся. Закрыл дверь за собой. Снова обернулся лицом к приятелям. И в этот раз пожал руки каждому человеку-животному. Наррлу последнему. Тот сказал:

— У нас масса времени. Заседание комитета не возобновится до одиннадцати.

Снова ярко светило солнце. Модьун вдыхал воздух, который был все так же чистым и свежим. Не было никаких примесей. Модьун непринужденно спросил:

— Как прошло вчерашнее слушание?

Четыре возмущенных стона были ответом ему.

— Эти напыщенные люди-гиены! — пожаловался Дуулдн.

Другие выражали похожие чувства, и из слов вскоре выяснилось, что им не разрешили высказать свое мнение потому, что они не были соответствующим образом одеты. И поэтому они

сидели среди публики и, расстроенные, слушали, а неуместные свидетельства в пользу их точки зрения поставили их в глупое положение в глазах комиссии.

— Мы уверены, что сегодня этому будет положен конец, — пробормотал Дуулдн своим мурлыкающим голосом.

Его узкие глаза и намек на кошачью ярость ягуара (о чем свидетельствовал яркий румянец на щеках) придавали его словам определенную свирепость.

Модьуну, помнившему о том, что сказал Нунули — что место назначения экспедиции уже выбрано, — стало жаль своих приятелей. И тут его что-то подтолкнуло.

— Почему бы мне не пойти с вами? — спросил он. — Мне бы хотелось лично понаблюдать за этими людьми-гиенами. Я не буду выступать. Просто наблюдать.

И это было правдой. Ему действительно хотелось посмотреть на этих животных.

Его приятелей обрадовало это предложение.

— Мы хотели бы, чтобы вы рассказали им о Нунули, — сказал Иччдохз. — Но ему нужно найти одежду получше, — проворчал Руузб. — Пусть оденется как мы.

— Я не собираюсь выступать, — повторил Модьун.

Утро уже было в самом разгаре, когда они позавтракали и нашли для него костюм. Модьун вместе с приятелями торопливо направился к улице, по которой мчались автомобили. Почти тут же остановилась одна машина и подобрала их.

Целью их путешествия было высокое здание, расположенное в центре города. На лифте они поднялись на верхний этаж. Оказавшись в коридоре, его спутники стали выказывать выражение подобострастного уважения, и вскоре они шепотом обратились к восьмифутовому человеку-гиене, стоявшему перед закрытой двойной дверью, очевидно, в конференц-зал. Это существо кивнуло им, попросило соблюдать тишину и очень тихо открыло дверь ровно настолько, чтобы они могли войти по одному.

Модьун сидел сзади и смотрел поверх огромного количества голов странных существ. Здесь были даже представители нескольких видов насекомых — конечно, не носильщиков. И они тоже, как выяснилось, пришли сюда, чтобы выступать и отстаивать свою точку зрения. Модьун не прислушивался к этим выступлениям, поэтому и не понимал, что они хотят.

Все его внимание привлекла комиссия: одни лишь люди-гиены. Это было удивительно. Он ощутил сильное желание приблизиться к ним. Модьун заметил, что люди, подходившие поближе, выступали перед публикой, и поэтому ему в голову пришло, что если он собирается оспорить право комитета принимать решение по этому вопросу, то должен разузнать побольше об этих людях-гиенах. А Почему бы и нет?

Поэтому, когда Наррл — чуть попозже — высказал свои страстные доводы и был отпущен, Модьун махнул ему рукой, чтобы он подошел, после чего прошептал ему, что он передумал и хочет, чтобы его имя было внесено в список выступающих.

Человек-лиса, наклонившийся к Модьуну, когда тот прошептал свою просьбу, выпрямился во весь свой двухметровый рост и громко и удивленно произнес:

— Конечно, мы запишем ваше имя прямо в начале списка. Мы хотим, чтобы вы рассказали им о Нунули.

Его громкий голос мгновенно привлек внимание комиссии, и секретарь собрания резко постучал по столу, призывая к порядку и тишине. Но в нужное время Модьун оказался на месте

оратора. После этого один из членов комитета вежливо обратился к нему:

— Тут сказано, что вы обезьяна. Я видел обезьян, но по-моему, вы не очень-то похожи на обезьяну.

— Существует много видов обезьян, — повторил Модьун аргумент, высказанный одним из его приятелей-животных в машине.

— И какой же породы вы? — не отставал спрашивающий.

Модьун не обратил внимания на этот вопрос, больше занятый разглядыванием людей-животных, правивших Землей. Те люди-гиены, которых он видел раньше, во дворе столовой и в своей спальне накануне, были ввиду своего болезненного состояния неподходящими объектами для изучения.

Модьун подозревал, что, наверное, так же трудно отличить человека, страдающего жестокими желудочными спазмами или артритом, от *здорового.*

Поэтому теперь он внимательно приглядывался к ним.

И сразу же четко увидел одно отличие…

На первый взгляд у них был обыкновенный внешний вид измененных животных. Форма головы гиены осталась прежней, но только…

ведь точно так же дело обстояло и с остальными измененными животными. Как и у них, облик людей-гиен был почти человеческим: благодаря тщательным биологическим манипуляциям им придали человеческий облик.

Разница существовала, хотя и неуловимая, но очевидная. Модьун заметил в них чувство превосходства. Это было логично: они правят планетой, поэтому они и выше.

В его голове возник вопрос: понимают ли они то, что они — агенты инопланетной расы? Сознательно ли они помогают Нунули? Ответ на этот вопрос нельзя было получить от людей-гиен, занимавших главенствующие места в комитете.

Когда цепочка этих ощущений завершила свой скорый путь в мозгу Модьуна, он решил бросить прямой вызов имеющемуся положению вещей.

Поэтому он сказал:

— Не могли бы вы процитировать мне указания людей, позволяющие человеку-гиене рассматривать вопросы подобного характера?

В публике началось волнение. Шарканье ног. Появилось даже тяжелое дыхание и бормотание.

Председатель опустил молоток, требуя тишины. Член комитета, уже начавший было говорить, приподнял брови и откинул назад голову, потом

сел в прежнее положение и сказал:

— Ваш вопрос не относится к тем, по которым этот комитет может выносить решения. Мы работаем по указанию правительственного департамента и уполномочены решать вопросы, входящие только в этот ограниченный круг. Вас удовлетворяет этот ответ?

Модьун вынужден был молча согласиться. Он не заботился о том, кому бросал вызов: Модьун узнал, что противостоит второстепенной организации. Это была одна из тех, не бесконечных, но крупных, цепей управления, вроде разговора с компьютером, а не с человеком, который запрограммировал его, и потому совершенно бесполезного.

«Они все джентльмены», — подумал Модьун.

Все действительно выглядело очень цивилизованно и благопристойно. Модьун понял, что он не испытывает вражду к тем, кто достиг их уровня культуры.

— При подобных обстоятельствах, — обратился он к комитету, — мне больше не о чем говорить.

Когда Модьун поднялся, чтобы сойти с помоста, человек-ягуар выкрикнул из публики:

— Эй, а как насчет Нунули?

Очевидно, для человека-гиены это было слиш-

ком, и он в ярости опустил молоток. В конференц-зал ворвались люди-гиены в униформе, и через несколько минут помещение было очищено от публики, и в коридоре было зачитано объявление о том, что слушание возобновится после трех часов дня.

Модьун, направляясь вместе с приятелями к лифту, завернул за угол и увидел, что около двадцати человек-гиен в униформе блокировали коридор в ста футах впереди. Когда зрители и выступающие, которые присутствовали на слушании, подошли к этому живому барьеру, каждый останавливался и что-то говорил. И всегда, как заметил Модьун, ответ, похоже, был удовлетворительным: человеку позволялось идти дальше по узкому проходу, сделанному между двумя рядами людей-гиен в униформе.

Их маленькой группе из пяти человек пришлось дожидаться своей очереди. Наррл, который был впереди, вскоре вернулся с сообщением:

— Они спрашивают у каждого его имя, после чего пропускают.

У человека-гиены, задававшего вопросы, было суровое лицо и в одной руке какой-то лист бумаги. После того как Модьун сообщил свое обезьянье имя, офицер бросил взгляд на свой листок,

а потом сказал официальным тоном:

— Вы не можете повторить по буквам свое имя?

Модьун терпеливо сделал это. Человек-гиена еще раз изучил свой документ, потом сказал:

— Это для вас.

И протянул листок. Человек взял его, удивленно переспросив:

— Для меня? Что это?

— Повестка.

— Что за повестка? — полюбопытствовал Модьун.

Человек-гиена раздраженно буркнул:

— Прочтите. Тогда и узнаете.

Потом он махнул в сторону другого человека-гиены в униформе. Вся группа застыла.

— Направо! Шагом марш! — скомандовал он.

Звук их шагов быстро затих.

Модьун стоял рядом с Руузбом, и остальные трое приятелей не сводили с него глаз.

— Что там? — спросил Руузб. — Что это он тебе дал?

— Повестку, — ответил Модьун.

— Что?

Модьун передал листок человеку-медведю. Тот посмотрел на сложенную бумажку, потом

медленно громко прочитал сверху: *«Государство против Модиунна».* Потом огромное существо посмотрело на человека.

— Эй, — воскликнуло оно. — Это ведь твое имя. А кто он, этот парень по имени Государство?

Модьун не мог сдержать улыбки.

— Государство — это правительство, — ответил он и остановился. Улыбка его исчезла, когда он задумался над смыслом сказанного. Наконец он сказал: — По всей видимости, это относится к узурпирующим власть людям-гиенам.

Модьун увидел, как слегка розовое лицо Дуулдна хмуро скривилось.

— Ты задал хороший вопрос, Модиунн, на собрании. Почему это люди-гиены имеют право решать, куда полетит корабль? — Он насупил брови, и мускулы его челюстей как-то странно двигались. Дуулдн сжал зубы с почти металлическим лязгом.

— Никогда не думал об этом раньше, — признался он в конце.

— Да, — сказал Руузб, — это был хороший вопрос. Да, черт побери, — выругался он, — вы и я в одиночку, — он посмотрел на человека-ягуара, — можем прикончить с дюжину этих гиен! Так почему это они указывают нам, что делать?

Модьун быстро посмотрел то на одного, то на другого: оба — могучие люди-животные. У обоих лица покраснели и было очевидно, что внутри они кипят. Человек подумал: «Дикость на самом деле не слишком глубоко скрыта. Он удивлен, но…»

Для него это оказалось решающим. Лучше думать о том, что он говорит, потом. Очевидно, попытка возбудить этих людей-животных ни к чему хорошему не приведет: они только попадут в беду.

И Модьун громко сказал:

— Успокойтесь, друзья. Не будем волноваться. Все это не настолько важно.

Еще несколько секунд они были возбужденные. Потом румянец исчез с их лиц. Дуулдн протянул вперед руку и взял листок бумаги из руки Руузба.

— Давайте посмотрим, что это такое, — предложил он.

— Погоди, — возразил человек-медведь, но было уже поздно. Его приятель забрал повестку у него и развернул ее. Человек-ягуар посмотрел на первые слова, написанные в ней, и, казалось, на несколько секунд онемел оттого, что прочитал там. Потом он произнес вслух:

— Вызов в суд по уголовному делу.

— Уголовному делу? — повторил Наррл.

Все четверо людей-животных, как один, отодвинулись подальше от Модьуна, потом остановились и не мигая уставились на него.

На их лицах застыло выражение замешательства. Аура невинности покидала их.

— Как могу я быть преступником в мире, где нет преступлений? — спросил Модьун.

— Да, — согласился Руузб. — Он прав. Что мог сделать он?

— Ну, не знаю… — ответил человек-лиса, и в его голосе было слышно сомнение. — Если люди-гиены утверждают, что он преступник, то, наверное, это правда. — Он замолк. — Нам очень хорошо спорить о том, как они вошли в правительство. Но факт остается фактом: они правят нами.

— Там написано, в чем меня обвиняют, — сказал Модьун Дуулдну. — В чем же именно?

— Да, да, — сказал Руузб, — прочитайте.

Человек-ягуар снова поднес листок бумаги к лампе и произнес нежным, глубоким голосом:

— Обвинение… да… вот оно… повреждение выходного устройства компьютера, проникновение незаконным путем в помещение для приезжих… — Он мигнул. — Эй, это не похоже

на серьезное преступление. — Потом снова посмотрел на повестку. — Здесь говорится, что вы должны предстать перед судом в следующий… э-э… вторник… До тех пор — слушайте — всех честных граждан призывают не общаться с обвиняемым. То есть нас, честных граждан. Итак, — он кивнул головой в сторону Модьуна, — вы должны до следующего вторника пробыть в одиночестве.

Он торопливо сложил повестку и передал ее Модьуну. Все признаки недавнего короткого возмущения, случившегося еще несколько минут назад, исчезли. Он сказал:

— Ну, друзья, нам лучше уйти отсюда.

Модьуну же он сказал:

— Увидимся в следующий вторник, приятель.

Он ушел, за ним последовал Наррл, небрежно махнувший рукой на прощание. Руузб и Иччдохз пребывали в нерешительности. Человек-медведь пробурчал неуверенно:

— Нельзя же просто так бросить друга в беде.

Модьун вновь подтвердил свое решение не втягивать этих людей в свои дела.

— Только до следующего вторника, — сказал он. — Вот тогда и увидимся.

Похоже, эти слова ободрили человека-медведя и человека-гиппопотама — они нуждались в

этом. Они облегченно вздохнули и почти с благодарностью пожали ему руку. Потом торопливо удалились вслед за своими приятелями.

Когда Модьун подошел к шахте лифта, их там уже не было. Вообще вокруг никого уже не было. Когда подъехал следующий лифт, Модьун увидел, что и он пуст. Что тоже было удивительно. Тем не менее он уже собирался войти в кабину, когда факт полного отсутствия людей там, где еще пять минут их было очень много, привлек его внимание, заставив подумать об осторожности.

«Ла-а-а-дно, я пойду пешком, — решил он. — Нельзя забывать, что Нунули — коварные существа!»

Было бы обидно, если бы лифт застрял по пути вниз, вместе с ним. Чтобы спастись, ему бы пришлось, наверное, нарушить еще несколько законов… Когда Модьун спускался по первому пролету, ему вдруг в голову пришло, что он слишком драматизирует простую ситуацию.

«Полагаю, — вздохнул он, начиная спускаться по второму пролету из тридцати трех, — что именно так люди должны были все обдумывать в прежние дни, когда существовала конкуренция, интриги и все такое».

Спускаясь по третьему пролету, Модьун поймал

себя, что испытывает отвращение к этой жизни за барьером. Наверное, ему следует поступить так, как советуют Нунули: вернуться туда и забыть все это безумие.

Однако, спускаясь по четвертому пролету, он с грустью осознал: «Я же обещал Доде. И кроме того, через несколько недель сюда придет Судлил».

Так что ничего другого не оставалось, кроме как спускаться вниз по еще тридцати этажам.

Что он и сделал.

Но к тому времени, когда он достиг вестибюля, он уже принял одно решение.

Он все сознавал.

Тишина и покой охватывали все… но то тут то там возникало беспокойство.

8

Модьун чувствовал единство со всем окружающим пространством, кроме этой зоны беспокойства, зоны вмешательства, воздействия, агрессивной энергии — насилия, так это называлось. Или, наверное, тут было только намерение насилия. Завитки, цепи, темнота, сверкающие пряди и потоки резкого и ослепительного серебра, вибрирующие в царстве безмерной тишины вокруг него.

Модьун понимал, что люди-животные — мирные и глупые существа. Здесь их было так много, что их доброжелательство наполняло пустоту.

Люди-гиены вызывали беспорядок в представляемой им картине окружающего. Подавляющее большинство их было просто незнающими простофилями. Сияние, смешанное с темными прядями, мешало понять, как они стали правящей группой. Но, в этом не было никаких сомнений, они согласились на эту роль. И поэтому от них исходил постоянный поток слабой агрессии. И в результате они создали… строгость, да, жесткость. Но ничего на самом деле серьезного.

Однако вожди людей-гиен имели другую окрас-

ку. Они-то *знали.* Это знание окрыляло их. Их окружали облака, состоявшие из излучений и частичек восхищения собой. Ликование полной безопасности. Безопасности, которая происходила из осознания того, что Нунули были всемогущи, и что поэтому те, посредством которых Нунули правили, были совершенно неуязвимыми.

…Гордость занимаемым ими положением переплеталась с бесконечной эйфорией: структура пространства скручивалась в многочисленные особые формы. Их было больше тысячи, слишком много, чтобы сосчитать; целый высший класс людей-гиен. И вокруг каждого вырисовывалась угрожающая аура…

Однако настоящее беспокойство исходило от одного Нунули. Вокруг него образовалось огромное бесформенное черное облако. Непроницаемая пелена закрывала все это существо.

Темнота тянула энергию из какого-то находящегося неподалеку источника. Но этот источник не имел определенного местонахождения. Мощь, исходившая от него, немного удивляла даже Модьуна.

«Эм, да это же Йлем, первородная материя! Значит, я сделал основное открытие, касающееся врага».

Его разум обдумывал эту мысль. Он отталкивал идею врага, потому что… есть ли вообще на самом деле враг?

Все мировоззрение, основанное на миролюбивой философии, утверждало: «нет». Здесь нет врагов. Здесь есть только люди, которые своими действиями вызывают враждебное отношение к себе.

Не будет таких действий, не будет и врага.

«Итак, — решил Модьун, — я вернусь в свою маленькую квартирку и останусь там, чтобы не создавать проблем и не вызывать к себе враждебного отношения, до следующего вторника… когда пойду в суд. Что будет мирным ответом на повестку, которую мне вручили».

И так он и сделал… если не считать появлений в столовой.

9

У дверей стоял человек-гиена, спереди его одежды висела карточка: «СЛУЖАЩИЙ ПО СУДЕБНЫМ ПОВЕСТКАМ». Он изучил повестку Модьуна и просто сказал:

— Входите, сэр.

Модьун вошел в большую комнату и огляделся в замешательстве. Прямо перед ним стоял длинный стол. За ним за маленькими прозрачными окошками находилось около дюжины женщин-гиен. Перед каждым из этих окошек располагалась очередь из людей-животных. Очереди отличались численностью от шести до двадцати.

Никаких признаков комнаты судебного заседания. Модьун вернулся в коридор и поглядел на остальные двери. Потом медленно прошел к ближайшей. Мысль, что, возможно, на повестке был указан неправильный номер комнаты, исчезла. Тут также не было никаких признаков комнаты судебного заседания.

Модьун медленно вернулся в большую комнату, снова показав свою повестку служащему по судебным повесткам, который, похоже, и не помнил его: он вновь пригласил его войти.

В этот раз, когда Модьун оказался внутри, он подошел к человеку-гиене в униформе, стоявшему отдельно у стены. На его табличке были слова: «СЛУЖАЩИЙ СУДА». Снова приемлемым средством для общения послужила его повестка — «служащий» бросил взгляд на нее и безразличным тоном сказал:

— Восьмое окно.

Модьун прошел туда и встал сзади. Это была самая короткая очередь, сейчас состоявшая из пяти человек. Модьун был шестым.

Едва он только встал в хвосте очереди, успев лишь заметить, что первым в очереди был человек-тигр, как тот из окошка получил какой-то листок бумаги. Человек-тигр посмотрел на него. Потом наклонился и сказал что-то в окошко. Модьун не расслышал слов, однако выражение его лица подсказало их смысл: ярость. Ответ женщины-гиены прозвучал удивительно четко.

— Простите, — вежливо сказала она, — не я пишу законы.

Человек-тигр медленно выпрямился. Потом постоял, нахмурившись, наверное, не меньше десяти секунд. Наконец он сжал челюсти и быстро пошел к двери.

Человек-крыса, стоявший прямо перед Модьу-

ном, покачал головой и прошептал:

— Парень несомненно получил суровый приговор.

— А какое было преступление? — спросил Модьун.

Человек-крыса покачал головой.

— Не знаю, оно было указано в его повестке. — Потом добавил: — Вероятно, поколотил кого-то. За это строго наказывают.

— Гм-м! — пробормотал Модьун. Его охватило любопытство. — А какое у вас преступление?

Человек-крыса несколько секунд пребывал в нерешительности, потом ответил:

— Кража.

— Кража! В мире, где все можно свободно достать! — Модьун был искренне удивлен, и лишь после этого непроизвольно вырвавшегося замечания до него вдруг дошло, что в этом мире могут быть преступления.

И действительно, первым ответом человека-крысы было:

— Ради Бога, это не так уж страшно!

Сказав это, он расслабился, похоже, поняв, по крайней мере, частично удивление Модьуна. Потом продолжил более спокойным тоном:

— Это трудно себе представить, но я начал кое-

что замечать. Вы и я, — вдруг возмущенно сказал он, — можем пользоваться этими общественными автомобилями на главных дорогах. Если же мы хотим добраться до небольшой улочки, то нам нужно выйти из машины и пойти по двигающему тротуару или же просто идти пешком.

— Что здесь не так? — поинтересовался Модьун нейтральным тоном. — Когда говорят о деталях, все кажется очень справедливым. Никому ведь и не приходится ходить пешком больше, чем на пятьдесят метров.

Продолговатое лицо существа перед ним, имевшее только намек на крысиную морду, скривилось в знакомой ухмылке.

— Когда я заметил, что у этих людей-гиен из числа официальных лиц есть свои специальные автомашины, на которых они раскатывают прямо по этим улочкам… ну, я понял, что должен просто назваться другим именем. Поэтому я сел в одну и поехал на ней домой. И теперь вот я здесь.

Пока он рассказывал свою историю, очередь медленно продвигалась вперед. Теперь у Модьуна появилось время рассмотреть лицо существа, которому вынесли приговор и который уходил, — лишенное всякого выражения лицо,

напоминающее крокодила или, по крайней мере, какой-то рептилии, и это лицо ничего не говорило ему. Модьун обратил все свое внимание снова к человеку-крысе и сказал:

— Как они поймали вас?

— Частные автомобили связаны со специальным компьютером, — последовал гневный ответ. — Ну, а тот послал за мной патрульного. Вот так я получил свою повестку, в которой сообщалось, что на сегодня назначено судебное разбирательство. И вот я здесь.

— Не очень-то похоже на судебное разбирательство, — заметил Модьун, когда третий человек в их очереди принял карточку, где должен был быть указан *его* приговор, посмотрел на него, тревожно оскалившись и, показав кроличьи зубки, отскочил к двери.

Смысл слов, сказанных Модьуном, похоже, не дошел до сознания человека-крысы.

— Что ж, — заметил он, — суд есть суд.

Модьуну же это отнюдь не казалось судом.

— Вам и мне, — пожал плечами человек-крыса, — просто не повезло, и поэтому мы в суде.

Четвертый человек отходил от окошка. Человек-крыса торопливо произнес:

— Мне лучше повернуться к окошку. Нужно по-

казывать уважение своими манерами, иначе это может быть расценено как неуважение к суду.

— Как вас зовут? — спросил Модьун.

Имя этого существа было Банлт, и он постоянно проживал в Хали, с женой и тремя отпрысками. Банлт хотел узнать, почему Модьун заинтересовался им.

— В мире, — ответил Модьун, — который считается совершенным за исключением того, что приходится ходить пешком лишние пятьдесят метров, вы совершили кражу. Мне хотелось бы изучить вашу философию…

Банлт не ответил. Ему вручали его приговор. Он бросил взгляд на него, и на его лице появилось недоверчивое напряженное выражение. Он уходил ошеломленный. Модьуну хотелось догнать его, однако настала его очередь. И поэтому он сунул под решетку свою повестку и с большим интересом наблюдал, как женщина-гиена набрала ряд цифр, отпечатанных в его повестке, на дисплее справа от нее. Из автомата выполз лист бумаги, который развернулся в жесткую карточку.

Модьун с большим интересом взял этот небольшой листок бумаги и прочитал:

«Наказание: двадцать дней заключения в своей

квартире. Вы можете выходить три раза в день поесть, проводя при этом вне пределов квартиры не больше одного часа».

Модьун был удивлен. Он наклонился и сказал женщине:

— Это кажется несколько нелогичным. Мое преступление состоит в незаконном занятии квартиры. А теперь я приговариваюсь к заключению в той же самой квартире, и пребывание в ней, очевидно, теперь не является незаконным. Есть здесь кто-нибудь, с кем я мог бы это обсудить?

— Пожалуйста, не мешайте очереди, отойдите от окошка. То, что вам нужно, спросите у служащего.

Модьун во время получения своего «приговора» краем глаза наблюдал за уходившим Банлтом, миновавшим уже служащего по повесткам. Модьун задержался лишь за тем, чтобы задать краткий вопрос, потом выпрямился и торопливо пошел к тому же выходу. Выйдя в коридор, он быстро оглядел находившихся поблизости людей, ища Банлта. И не увидел его.

«Ладно, он, наверное, убежал и полностью забыл о моей просьбе. Слишком плохо!»

Покачав головой, как это несколько раз делал

Руузб, Модьун повернулся и пошел обратно в комнату суда. Однако путь ему у двери преградил служащий по повесткам.

— У вас должна быть повестка, чтобы войти в комнату суда, сэр, — вежливо сказал человек-гиена.

Модьун объяснил, что случилось, и показал листок со своим приговором. Страж у двери, в кого сейчас превратился этот служащий, лишь покачал *своей* головой.

— Прошу прощения, сэр, мне было приказано не пропускать никого, у кого нет повестки.

— Хорошо-о! — протянул человек. Потом сделал шаг назад и посмотрел на существо, загородившее проход. Он подумал: «В конце концов, все это судопроизводство — откровенная пародия. Смешно спрашивать о нелогичности одного аспекта, когда вся процедура несправедлива».

Однако еще несколько деталей волновали его.

Он сказал вслух:

— Не могли бы вы сказать мне, какого рода приговоры выносятся здесь? Например, тому человеку-крысе, который только что вышел, прямо передо мной. Какое наказание он мог получить за свой проступок? За кражу автомобиля?

Страж у двери выпрямился во весь рост.

— Сэр, — сказал он, — те из нас, в ком есть внутренняя сила, чтобы править, также имеют и сострадание, поэтому много лет назад был издан указ, что о наказании, которое выносит суд, сообщается исключительно только человеку, которому выносится приговор.

— Не понимаю, — протестующе сказал Модьун, — какую ценность имеет тайна для человека, которого неправильно наказали.

Страж оставался спокойным.

— Пожалуйста, отойдите в сторону. Вы мешаете работе суда.

И действительно, в этот момент подошел еще один человек с повесткой. Модьун отошел назад, постоял несколько секунд в нерешительности, потом направился в сторону лифта.

Он провел день в суде, и теперь настало время отбывать срок «наказания» — по крайней мере, пока не прибудет Судлил.

10

Когда автомобиль с визгом остановился, Модьун увидел женщину, стоявшую возле кустов, почти неразличимую. Он лишь мельком взглянул на нее: Модьун опаздывал и, следовательно, был виноват в этом, поэтому он выпрыгнул из машины и побежал к ней. Модьун пытался сделать все задуманное за тот час, что был у него: дольше ему нельзя было находиться вне пределов своей квартиры-тюрьмы.

Хотя он и не ходил в столовую, чтобы иметь в своем распоряжении дополнительное время, он понимал, что опаздывает. Поэтому — быстро вперед! Посадить ее в автомобиль — и в город.

Он думал так, когда карабкался по небольшому холму, пробираясь к кустам, где она ждала его, и тут он увидел Экета. Насекомое-ученый находился на высоте ста пятидесяти метров над долиной и, несомненно, возвращался назад за барьер.

Модьун остановился и направил мысль к насекомому. Сперва он поприветствовал ученого, для чего принял снова вежливое приветствие. Потом передал послание для других людей.

В этом мысленном сообщении он кратко описал

то, что узнал. Изменения в программировании компьютеров. Новое положение людей-гиен. Завоевание Нунули Земли от имени какого-то далекого комитета.

Его сообщение являлось лишь информацией и ничем другим. Очевидно, интерес к таким подробностям среди настоящих людей будет небольшим. Возможно, у нескольких даже вызовет приятное возбуждение. Вероятно, Дода обрадуется и получит удовлетворение от результатов этого эксперимента, подвергавшегося резкой критике (некоторые мужчины особенно упирали на то, что в нем участвует Судлил). Тем не менее, было сомнительно, что кого-нибудь еще можно будет уговорить обрести тело, которое функционировало бы самостоятельно, со всеми унизительными потребностями.

В заключительных словах своего сообщения Модьун учел такую возможную реакцию оставшихся за барьером людей.

Он передавал Экету:

— Поскольку Судлил и я вынуждены еще три года терпеть мучения существования в полном теле, и два года из них будут проведены за барьером, я предлагаю, чтобы вы предоставили нам право самим принимать решения, связанные с

вышеуказанным положением дел.

Этими словами заканчивалось послание.

Хотя связь была краткой по времени, Модьун понял, что женщина вышла из поля его зрения. В течение нескольких секунд он колебался. Смотрел на подернутую дымкой долину, где быстро исчезало вдали насекомое-носильщик.

В этот момент его больше всего волновало то, что он передал ложь. Правдой было то, что он не мог справиться с ситуацией, и он сомневался, захочет ли Судлил вообще помочь ему разрешить ее.

Это ощущение прошло. Потому что… да и что имело значение? Что могут сделать Нунули против людей? Ничего… вроде бы. Думая так, он стал обходить заросли кустарника. Обойдя их, он остановился. И посмотрел.

«Господи!» — подумал он.

Рядом с шоссе стояла Судлил, наблюдая за бесконечным потоком машин. Она находилась всего в тридцати метрах от него и сначала ничем не выдавала, что знает о его присутствии. Модьун двинулся вперед, и она повернулась к нему. Тут же. И, это уже удивило его, энергично.

Ее живость! Совершенно поразительно! Она улыбалась, глядя на него. Электризующей пре-

красной улыбкой. Так она и стояла, одетая экстравагантно — в брюки и рубашку. Но ее золотистые волосы ниспадали на плечи. Голубые глаза были такими яркими, что, казалось, сияли собственным светом. Губы полуоткрыты, и создавалось общее впечатление яркой индивидуальности на грани… чего же?

Модьун не имел ни малейшего представления. Он никогда не видел женщины-человека в полный рост. Ее внешний вид еще и потому так поразил его, что когда несколько недель назад он видел ее в последний раз, она была значительно меньших размеров. И в ней ощущалась некоторая неповоротливость, что Дода объяснял чрезвычайно быстрым ростом клеток. Ну и, конечно же, лекарственными препаратами.

От всей этой неповоротливости не осталось и следа.

Вот она перед ним, так и пышущая здоровьем. Все ее тело и лицо трепетали. И это продолжалось и продолжалось, не прекращаясь ни на минуту! Это прелестное создание сказало приятным голосом:

— Экет позволил мне передать твое сообщение остальным.

Потом добавила:

— Значит, есть проблемы.

Тут наконец Модьун обрел дар речи:

— Отчасти, — признался он, а потом торопливо продолжил: — Сядем в машину, и я расскажу тебе остальное.

Теперь он чувствовал тревогу. Ему действительно нужно поскорее попасть в свою квартиру, и чем скорее они там окажутся, тем лучше.

Судлил не возражала против его предложения. Модьун остановил автомобиль без пассажиров. Они сели в кабину, и он начал свою историю. Как его по ошибке приняли за обезьяну. И что он из чистого любопытства не стал этого отрицать. И о постоянном заключении в своей квартире в качестве наказания за проживание в ней под фальшивым именем.

Когда Модьун закончил свой рассказ, Судлил сказала:

— Твой приговор действует двадцать дней?

— Да.

— И уже прошло восемнадцать?

— Да, — в растерянности ответил он, потому что она стремилась к какой-то цели.

— Ты думаешь, важно, чтобы прошло точно двадцать дней? — спросила женщина.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, эти двадцать дней понадобились им, чтобы закончить какое-то дело, связанное с тобой, вот почему им и нужно было, чтобы ты бездействовал все это время.

Эта мысль ни разу не приходила ему в голову. Но Модьун быстро понял ее скрытый смысл. Он сказал:

— Что же такое они могут сделать за три недели, чего нельзя сделать за три дня?

Модьун замолчал, потом закончил фразу:

— Я считал, что получил приговор в соответствии с преступлением.

— Значит, ты думаешь, что многие люди-животные неправильно называют себя?

После глубокомысленной паузы Модьун осознал, что он не верит ни во что подобное и что он сомневается, что кто-либо получал прежде приговор за такое «преступление».

— Это кажется странным, — медленно начал Модьун, — но все-таки, что они могут сделать? Что может их комитет?

По выражению лица Судлил было видно, что она пытается понять эту трудную мысль. На слова Модьуна она ответила сияющей улыбкой. И в этот миг она была прекрасна.

— Верно, — согласилась она. — Значит, на

самом деле нет никаких проблем. Я просто полюбопытствовала.

То, как она сменила тему разговора после высказанной такой неплохой мысли, не полностью удовлетворило Модьуна. Это напомнило ему, что он теряет время.

— Я решил, — начал Модьун, — что, чтобы не создавать во всем этом деле в дальнейшем никаких проблем, не буду предпринимать никаких действий.

— Что кажется весьма разумным, — согласилась женщина.

Ее ответ был таким добродушным, что, казалось, настал благоприятный момент, чтобы высказать свою точку зрения. Поэтому он пересказал ей то, что сообщил о Нунули, считавшими себя завоевателями Земли.

— Давным-давно, еще до того, как человеческая раса достигла нынешнего высокого уровня, это сообщение заставило бы меня объявить войну захватчикам и попытаться изгнать их с нашей планеты, — признался Модьун. — У меня такое чувство, что они добились этой победы посредством какого-то ловкого трюка, и эти хитрости показывают их ужасный упрямый характер. Им нельзя позволить добиться успеха. Однако же…

как сказали мои друзья-животные, — и ты должна согласиться с этим — все это преходящее.

— Я согласна, — ответила женщина.

— Значит, — закончил Модьун свою мысль, — нам придется прожить там еще несколько дней под личиной обезьян, чтобы не вызвать раздражение людей-гиен.

Последовала небольшая пауза. Автомобиль монотонно гудел, его резиновые колеса пели.

— Но ведь я не обезьяна, — сказала затем Судлил с какой-то странной интонацией в голосе.

Модьун слегка удивился этому ее ответу. Это казалось ему столь очевидным, что он никогда даже не подумал бы поднимать этот вопрос. И тогда он сделал то, что не считал нужным: мысленно проанализировал свои слова, чтобы понять, что же в них вызвало такую реакцию у нее. И не нашел ответа. Его рассказ был исключительно рациональным. Он четко объяснил свое затруднительное положение и то, как он собирается выйти из него.

Судлил продолжала:

— У вас, мужчин, бывают очень странные мысли. Ясно, что в этот раз мы прибудем в город уже как люди и это автоматически разрешит все предыдущие проблемы. Давай это обсудим.

Модьун продолжал сидеть рядом с ней с несчастным видом. Должна же быть какая-то неувязка в ее логике, однако что-то в ее голосе говорило ему, что обсуждение этого вопроса закончено. Поскольку он придерживался принципа полного уважения к ее точке зрения — как и любого другого человека — то это действительно *был* конец обсуждения.

Их молчание неожиданно прервалось через двадцать минут. Судлил что-то внимательно рассматривала за окном автомобиля. Потом вдруг показала рукой:

— Что это? — спросила она.

Модьун посмотрел в ту сторону. Там, вдалеке, за каньоном виднелась долина, над которой поднималась такая огромная конструкция, каких Модьун никогда в жизни не видел. Он успел лишь мельком посмотреть на ее очертания, когда автомобиль промчался мимо узкой расселины на крутых холмах, и чудовищных размеров строение скрылось из виду. Тем не менее и того, что увидел Модьун, было достаточно.

— Это, наверное, космический корабль, — сказал он.

И рассказал ей о своих четырех приятелях и их скором отлете к какой-то далекой звездной

системе.

Он мягко продолжил описывать, как в день вынесение ему приговора они, испытывая робость, пришли к нем домой узнать, какое он получил наказание. И с каким облегчением они восприняли то, что в приговоре ничего не было сказано насчет того, что им запрещено общаться (ним.

— Поэтому они ходили со мной есть и навещали меня. Кроме сегодняшнего дня, потому что они сегодня получают оборудование для своего космического путешествия.

Судлил никак не комментировала его слова по этому поводу, она казалась равнодушной. Но это был дружественный нейтралитет. И поэтому позже, когда машина уже въехала в город, Модьун стал показывать ей различные достопримечательности: квартиры для приезжих, дома для постоянных жителей города, столовую, улицу с магазинами… Он понимал, что ему трудно сдерживать свои чувства. Но вскоре его стало беспокоить чувство гордости, словно человек, который знает такие мелочи, лучше того, кто их не знает. Однако его удивило то, что Судлил проявляет интерес к этим подробностям. Тем не менее, как того и следовало ожидать, наконец ее внимание привлек расположенный впереди

квартал жилых домов, предназначенных в давние времена для людей.

— Как ты думаешь, они все еще пустуют? — спросила Судлил.

— Посмотрим, — ответил Модьун и указал на склон холма впереди. — Это здесь, справа.

Выбранный Судлил дом был с садами, террасами поднимавшимися до самого здания, которое представляло собой пять овалов, входивших один в другой. Овалы были разных цветов, и в общем эта картина производила совершенно поразительное впечатление. Поскольку именно Судлил предложила поселиться в одном из этих домов, Модьун не возражал. Он назвал компьютеру автомашины свое настоящее человеческое имя и потребовал, чтобы их доставили по крутой дороге к парадному входу.

Едва они только вышли из машины, та тут же уехала. И они остались одни.

11

Они прибыли точно на место назначения, но Модьун все еще колебался.

«Должен ли я согласиться с ее решением? — спросил он себя. — Перестать притворяться обезьяной?»

Повелитель Нунули предостерегал его против этого. И сейчас Модьуна волновало то, что этих глупых животных могут натравить прямо на них, двух человеческих существ. Тогда им придется решать, в какой мере использовать способы защиты.

Модьун обернулся к женщине, чтобы спросить ее, думала ли она над этим. И увидел, что она идет к прелестному забору в конце дороги. За оградой был крутой обрыв. А ниже простирался и сам город Хули; он раскинулся дальше, чем Модьун представлял себе раньше. Женщина прислонилась к забору и окинула взглядом всю панораму города. Модьун остался на месте, но и отсюда ему была видна часть этой прекрасной панорамы.

Теперь он заметил нечто, что до этого ускользало от его внимания — самое высокое здание. Благодаря тому, что они стояли на вершине хол-

ма, им открылся поразительный вид города; даже крыши далеких небоскребов, как тот, по лестнице которого ему однажды пришлось спускаться, были ниже того места, где они стояли.

Модьун подумал: «Возможно, ей нравится вовсе не разнообразие красок, а сама высота». Но даже в таком случае на самого Модьуна открывшаяся ему панорама произвела впечатление.

Тут ему пришло в голову, что поскольку он считается опытным человеком, то ему следует что-то сделать.

Но что именно?

Модьун огляделся. Они вышли из автомашины перед входной дверью. Дорога уходила дальше направо, исчезая из виду за домом. И, по всей видимости, совершала полный круг, потому что автомобиль появился уже внизу и помчался назад по той дороге, по которой прибыл сюда.

Этот дом заинтересовал Модьуна. Если он уже был занят, то ничего не свидетельствовало об этом: ни единого звука или движения. Хотя, впрочем, слышались *какие-то* звуки — полуденный ветерок шелестел кустарником; опавшие листья с шуршанием волочились по не подверженной действию времени пластмассовой дороге; жаворонок неожиданно запел громко.

Модьун направился ко входу. И почувствовал, что женщина обернулась. Он сообщил свое настоящее имя дверному компьютеру, и Судлил пошла к нему. Когда замок поддался, Модьун надавил на защелку и толкнул дверь, после чего, повернувшись, шагнул к женщине и одним движением поднял ее.

Его удивил ее вес, но он с еще большей силой напряг мышцы и после этого уже без труда перенес ее через порог.

Опуская женщину, Модьун лишь слегка запыхался и поддерживал ее, пока она не обрела равновесие.

— Что все это значит? — удивленно спросила Судлил.

— Свадебная церемония, — спокойно ответил Модьун.

Он объяснил, что видел это в нескольких драмах по телевидению во время своего заключения. В конце Модьун добавил:

— Телевидение быстро мне приелось, и я вскоре перестал его смотреть. Но пары людей-животных делали так. Вот почему, — он пожал плечами, как это часто делал Дуулдн, — я запомнил некоторые детали.

— Итак, теперь я твоя жена? — с интересом

спросила Судлил.

— Да.

— Ну, — неуверенно начала она, — полагаю, что при таких обстоятельствах…

— Конечно, — остановил ее Модьун, — ведь мы собираемся заниматься сексом.

Она кивнула и отвернулась.

— Давай посмотрим, в каком состоянии наш дом через три тысячи лет.

Модьун не возражал. Он следовал за ней из комнаты в комнату, и все здесь выглядело столь же красиво, как в рассказах обучающих машин. Три спальни вместе с примыкавшими к ним ванными. Гостиная в сто квадратных футов. Огромная столовая. Кабинет. Несколько небольших спален для животных с отдельными ванными, две комнаты, назначение которых было не совсем ясным, и столовая с автоматическим обслуживанием.

Лишь одного машины не могли передать — красоту обстановки. Каждая мелочь была искусно выполнена из неразрушающихся пластмасс. Поверхности изгибались, чтобы по-разному отражать свет. Общее впечатление… да, именно этого и добивался давно умерший мастер: мерцающее палисандровое дерево в одной спальне; впечатление старины в другой; небольшие резные диваны

в огромной гостиной были, похоже, из тикового дерева и там же — удобные кожаные кресла и пышные китайские ковры и драпировки, выглядевшие гобеленами.

Молодожены ходили из одной комнаты в другую, и Судлил была всем очень довольна. Наконец они пришли в столовую, и Судлил многозначительно сказала:

— Нам даже не придется выходить на улицу, чтобы поесть.

Модьун понимал ее. Но теперь ему казалось, что она совершила ошибку, не обратив должного внимания на негативные моменты.

Женщина продолжила:

— Как ты знаешь, мы во время роста были вынуждены удовлетворять определенные унизительные потребности наших тел. Еда и последующее избавление от отходов, сон, который отбирает много времени, необходимость стоять и сидеть — все это так отвратительно! Но как бы то ни было, мы здесь. Поэтому по крайней мере мы можем делать все это в уединении нашего жилища.

Модьун медлил.

— Нам нельзя забывать, что Нунули, вероятно, известно, где теперь нахожусь я, и, возможно,

они уже узнали, что и ты здесь.

— С исторической точки зрения очень хорошо известно, — начала Судлил, — что эти вопросы совсем не должны заботить женщину. Поскольку мы вернулись на более низкий эволюционный план, ты, несомненно, не будешь думать о таких мелочах.

Модьуна вдруг осенило. Судлил всегда ценили за ее женскую точку зрения. И, очевидно, у нее было достаточно времени, чтобы обдумать свое новое положение, и теперь она демонстрировала свое новое понимание мира. Любопытно. Тем не менее, она не учитывает, что привлечет к себе такое же внимание Нунули, как и… он сам.

Женщина оглядела несколько шкафов. Наконец, довольная, она повернулась к Модьуну.

— Мы осмотрели дом, — сказала она. — Что теперь?

Модьун сказал, что он хотел совершить поездку по планете. Но думал, что они подождут несколько дней, пока будет длиться его наказание, но не сказал этого. Судлил терпеливо выслушала его, а затем спросила:

— Да, но что мы будем делать сегодня?

Модьун не растерялся — просто приспосабливался к ее постоянной потребности что-то

делать.

— Мы можем заняться, — ответил он, — такими же философскими дискуссиями, какие вели за барьером…

Судлил оборвала его слегка дрожащим голосом:

— Мысли не имеют большой ценности для этого тела.

— Мы можем сесть, — продолжил Модьун, — либо лечь или же почитать книги о животных в кабинете, а потом пообедать. После чего могли бы посмотреть телевизор. И наконец, разумеется, отправиться спать.

— Ты имеешь в виду… просто посидеть?

Поразительная реакция. Но уже произнося эти слова, она увидела выражение его лица. И, наверное, поняла, что и у него есть проблемы с собственным телом.

— Я чувствую в своем мозгу… возбуждение, — медленно продолжила Судлил. — Словно все те нейтральные его части, которые управляют движением, подвергаются влиянию зрительных и особенно звуковых ощущений. То же самое происходит при прикосновении к моим ногам и когда ветерок гладит мою кожу. До сих пор органы обоняния и вкусовые рецепторы причиняют

мне какое-то беспокойство. Но еще больше я хочу двигаться.

Судлил посмотрела на него.

— Хорошо?

Модьун терпеливо улыбался, когда она произносила это слово.

— Ты, возможно, заметила, насколько усилились эти чувства после выхода за барьер. Хотя они кажутся знакомыми и чудесными: пути нервных импульсов давно проложены природой. Но здесь все, — он огляделся, — дом, город, люди — незнакомо для нас, вот почему, хотя они и кажутся нам обыкновенными, но действуют возбуждающе. И ты должна осознать существование этих импульсов и понять, что тело должен контролировать философски идеальный мозг.

— А пока, — заключил он, — закрывай как можно чаще глаза. Если это не помогает, то вставай и танцуй, как животные. Я часто так делал во время своего ареста, особенно когда звучала подходящая музыка.

Модьун увидел по выражению ее лица, что сказанное им вызвало реакцию сопротивления, подобную той, которая, по ее словам, вызывалась у нее органами обоняния и осязания. Он поспешно добавил:

— Возможно, у тебя есть предложения?

— Почему бы нам не заняться сексом, — ответила Судлил. — У животных на это всегда уходит полтора часа — так мы проведем время до обеда. А уж после еды мы решим, чем займемся вечером.

Модьуну казалось, что сейчас еще неподходящее время для секса. Почему-то он полагал, что сексом нужно заниматься ночью или же рано утром. Но он уже установил, что обладание таким огромным телом являлось для Судлил слишком сильным переживанием. «Ну и замечательно», — подумал он.

— Исторически, как считает Дода, — добродушно заметил Модьун, ведя женщину через самый длинный овал в самую большую спальню, — пока мы не стали людьми, только немногие святые могли обходиться без полового акта. По всей видимости, что бы ни сделали Нунули, они создали в человеке это святое — полагаю, что именно это слово подходит здесь в философском аспекте — свойство. Поэтому мы и смогли измениться и подняться от человека-животного до настоящих людей.

После этого комментария ему вдруг в голову пришла еще одна мысль.

— Твои гениталии, — спросил он, — очень по-

хожи на половые органы женщин-животных?

— Никогда об этом не задумывалась — ответила Судлил. — Внешне, по первому впечатлению, — да.

— Я взял на себя труд, — сообщил Модьун, — исследовать нескольких самок. Так что я могу дать тебе более точный ответ.

— Хорошо, — согласилась женщина.

— Очень похоже, — сказал он через несколько минут. — За исключением того, что женщины-животные выделяют огромное количество масла. У тебя же я его не обнаружил.

— Я заметила, — произнесла Судлил, — что у тебя нет признаков жесткости, которая наблюдалась у всех самцов, которых мы видели. Помнишь?

— Возможно, это явление возникает, как следствие активности, — заметил Модьун. — Давай-ка лучше начнем.

Попытка заняться сексом вскоре поставила их обоих в тупик. Они вертелись в постели, немного напуганные физическим соприкосновением их тел, вздрагивали, съеживались, но решительно не проявляли любопытства. Наконец, обескураженные, они отодвинулись друг от друга, оставшись лежать неподвижно на спинах.

Вскоре Модьун отметил:

— Животные, кажется, находятся в особом состоянии возбуждения. Вспоминаю, там присутствовал какой-то неприятный запах. Мы, похоже, не испытываем подобного возбуждения, и я ощущаю лишь запах пота.

— Когда ты прижался своими губами к моим, — сказала женщина, — ты выделял слюну, и она увлажняла мои уста, и это было довольно неприятно.

— Я думал, было бы нелепо, если бы сухой рот касался сухого рта, — оправдывался Модьун.

Она тут же ответила, но не словесно, а движением к краю постели, опустила загорелые ноги на пол и встала.

Потом начала одеваться. Через минуту на ней были брюки и блузка. Обувшись в туфли, Судлил сказала:

— Поскольку это не продлилось столько времени, как я думала, то я пройдусь погуляю. А что будешь делать ты?

— Я просто останусь лежать здесь с закрытыми глазами, — ответил Модьун.

Пока он говорил, она прошла в дверь и скрылась из виду. Он слышал ее удаляющиеся шаги по толстому ковру, потом далекие хлопки откры-

вающейся и закрывающейся входной двери.

Прошло немного времени.

После захода солнца Модьун оделся, прошел в столовую и поел. После чего, слегка охваченный любопытством, он вышел наружу и огляделся в поисках женщины. Ниже него в сторону города вилась дорога. С того места, где он стоял, нельзя было рассмотреть всю ее, но уже зажглись уличные огни, и поэтому он смог установить, что Судлил не было нигде в поле его зрения.

Он вспомнил, как она возражала против того, чтобы есть в общественной столовой, и подумал: «Она скоро проголодается и тогда вернется».

Модьун вернулся в дом и лег на постель, к чему он уже стал привычен за время ареста. Через несколько часов пора было пойти спать.

Но Судлил все еще было.

«Ну и ну...» — подумал Модьун. Но у него было достаточно терпения. Женщина очевидно решила исследовать город в первый же день своего пребывания в нем, в отличие от него. Он вспомнил ее потребность в движении. Очевидно, все дело в этом.

Модьун разделся, лег в постель и уснул.

Где-то темной ночью раздался взрыв.

12

В доли секунды катастрофы все человеческие разумы за барьером автоматически получили мысленные указания о своих действиях. Модьун оказался в числе этих несчастных.

Каждый из них сразу же осознал угрозу и альтернативу: сопротивляться или нет. И самым невероятным из случившегося было то, что лишь один Модьун знал, как решить такие вопросы.

Его политика пассивного принятия правил людей-гиен и Нунули была единственной определенной мыслью. И во время роковых миллионных долей секунды, когда они еще могли бы что-то сделать, эта его установка смешалась с тем, что в другое время могло бы быть естественной реакцией.

Но в чем могла бы она заключаться, никто так никогда и не узнал. Мгновение, когда еще можно было бы что-то сделать, пролетело слишком быстро для того, чтобы пространство Йлем успело отреагировать.

И это мгновение ушло навсегда.

В предпоследний момент появился слабый намек на то, что все люди как бы сказали друг

другу: «Прощайте, дорогие друзья!» А потом… Мгновенно наступившая темнота.

Модьун выпрямился на кровати и сказал:

— Боже милостивый!

Пока он произносил эти слова, прошел еще какой-то малый промежуток времени.

Модьун, наверное, выпрыгнул из кровати и включил свет. Потому что, когда стал что-то понимать, он стоял в ярко освещенной гостиной. Потом он осознал, что его правая нога дергается и почувствовал слабость: колени подогнулись под ним, и Модьун, грузно опустившись на пол, повалился на бок, ноги слегка подергивались, и его всего трясло.

В это время ему трудно было смотреть. Казалось, что пятно перед глазами возникло само по себе после нескольких сигналов, которыми отозвалось его тело в ответ на воздействие системы контроля его мозга.

«О Господи, что происходит?»

Он почувствовал жар от какого-то внутреннего источника. Тепло в глазах, лице, теле перешло в обжигающий жар. Это было удивительно и происходило автоматически.

Вода. Ему очень хотелось воды. Он, спотыкаясь, побрел в столовую. Стакан в его руке дрожал.

Модьун держал его, расплескивая содержимое, затем поднес к губам. Но он почувствовал прохладу воды, струйкой бежавшей по подбородку и обнаженной груди, а потом по ногам.

Эта вода и прохлада вскоре вернули к нему способность рассуждать и он начал осознавать свои чувства.

Гнев.

Это мгновенно указало ему самое важное направление; всепоглощающая мысль захватила свободно плавающие в его разуме ощущения и показала, на что нужно направить это его чувство.

Так как им двигал гнев, то Модьун побежал обратно в спальню и набросил на себя одежду. Одевание немного задержало его. И гнев поэтому еще больше вскипал в нем. А потом он оказался на улице и побежал вниз по дороге.

Лишь когда он подбежал к шоссе и незанятый автомобиль подъехал к нему, он с запозданием осознал, что в то мгновение катастрофы он *не* почувствовал мозга Судлил. И пока он ехал к месту назначения, он никак не мог избавиться от этого ошеломляющего открытия.

13

Когда автомобиль Модьуна остановился перед компьютерным центром, то вокруг, за исключением уличных огней и ярко освещенных зданий, царила непроглядная тьма.

Модьун неспешно выбрался из машины. Прошло некоторое время. Его первоначальная бурная реакция уже значительно ослабела. Он даже начал критически оценивать собственное состояние.

Его собственная реакция казалась ему полудетской.

Тем не менее он решительно вошел в здание. Однако на самом деле он не полностью сознавал, что же теперь, после всего случившегося, ему делать.

Нунули, который вскоре появился из-за машин, был не тем существом, что сразу же понял Модьун, с которым он разговаривал раньше.

— Я прибыл на Землю, — сказал этот новый индивидуум в ответ на вопрос Модьуна, — через несколько минут после взрыва и сразу же направился сюда. Я так и думал, что вы сделаете это — приедете прямо сюда.

Нунули стоял на открытом месте перед небольшим металлическим ограждением, которое защищало гигантский компьютер. Даже в физическом отношении этот Нунули отличался от прежнего. Он был выше. И несколько сутулился. Может быть, он был и старше.

Открытие, что здесь новичок, который, предположительно, не отвечает непосредственно за случившееся, некоторое время сдерживало гнев Модьуна, уже немного поутихший. Внезапно показалось важным расставить все по своим местам.

— Что случилось с первым номером? — спросил Модьун.

— Он уехал поздно вечером с женщиной, — последовал ответ.

— До взрыва? — В голосе Модьуна звучало удивление.

— Конечно, — раздраженно ответил Нунули. — Взрыв организовал специальный комитет.

Наконец-то Модьун узнал то, что хотел.

— И где же он? — хмуро спросил он.

— Он отбыл приблизительно через тридцать секунд после взрыва, — ответил Нунули и сделал паузу. — Синхронность действий при этом, — продолжал он, — заключалась в том, чтобы никто

из нас не знал, что собирается делать другой. В таких случаях отмечается непогрешимая логика комитета.

— Да! — только и мог воскликнуть человек. — И какова же ваша роль во всем этом?

— Я — заместитель Повелителя Нунули на Земле.

Все это поставило Модьуна в тупик.

— Что-то я никак не могу разобраться во всем этом деле, — признался Модьун. — У меня такое чувство, что должен что-то лично сделать с вами.

Если Нунули и понял тайный смысл сказанного, то не подал виду. Он лишь поинтересовался:

— Что, например?

— Мне, наверное, следует подвергнуть вас какому-нибудь наказанию.

— Какому именно? — спросил раздраженно Нунули.

— Есть одна старая поговорка, — сказал Модьун, — «око за око».

— Но мне кажется, что это входит в прямое противоречие с вашей философией. И, кроме того, — нетерпеливо продолжало инопланетное существо, — что это даст вам?

— Правду, — ответил в замешательстве Мо-

дьун.

Ощущение, что он должен что-то сделать, быстро уступило место очевидной логике ситуации.

Нунули продолжал:

— Дело в том, что они даже не пытались защищаться. Почему вы считаете, что обязаны предпринять какие-либо действия?

— Ну… — колебался Модьун.

Он с печалью думал о собственной роли в отказе людей действовать. Было трудно судить о подобного рода сложных психических аспектах, особенно если на нем лежит *вся* вина за их роковые колебания в тот критический момент. Избавится ли он когда-нибудь от этого чувства?

Среди прочих вещей это в некоторой степени переносило часть ответственности с Нунули на него. И хотя это было, разумеется, нелепо, но правда заключалась в том — поскольку катастрофа уже случилась — что в будущем не должно оставаться место упрекам.

Модьун вдруг понял, что размышляет над другими аспектами дела.

— Что заставило комитет пойти на подобное? — спросил он.

— Первый номер сказал вам. Вы угрожали, что станете мешать нам.

— Но ведь это были мои слова. А не их. Разве есть логика в том, чтобы нападать на тех, кто даже и не думал выходить за барьер?

— Откуда нам было знать, что они думают? *Вы-то* вышли, — продолжал Нунули. — Прежде всего комитет знал, что остатки человеческой расы могут причинить массу неприятностей. Поэтому они и выбрали лучшее решение.

— Полагаю, в ваших словах есть смысл — с их точки зрения, — неохотно признал Модьун. — Но вы, как и их намерение, беспокоите меня. Возникает вопрос: должно ли существо, подобное вам, связанное с комитетом, способным на подобные действия, иметь свободу выбирать и совершать разрушительные поступки, на которые вы, очевидно, способны? Ведь вы допустили это в данном случае.

— Какие еще примеры вы можете привести? — спросило инопланетное существо.

Модьун мог думать только об одном сравнении.

— Ваши олухи, эти гиены-люди, изводили меня. Что наводит на мысль, что прежний повелитель Нунули замышлял что-то против меня.

— Гм-м! — Нунули, похоже, обдумывал эту мысль. Блестящее серое лицо немного вытяну-

лось.

— Я скажу вам вот что. Все издевательства должны прекратиться. Остаток вашего приговора отменяется. Вы можете делать все, что хотите, отправляться куда угодно на Земле.

— Почему-то это решение меня не удовлетворяет, — заметил человек. — Но я полагаю, что оно — лучшее при подобных обстоятельствах.

— Очень хорошо. Вы можете путешествовать… в качестве обезьяна.

— Значит, есть ограничение, — заметил Модьун.

— Совсем незначительное. Какой смысл последнему человеку на Земле заявлять о своем существовании?

Модьуну пришлось согласиться, что, конечно, это не столь уж необходимо.

— Но осталось еще одно человеческое существо, — возразил он. — Женщина, Судлил. Вы сказали, что она покинула планету прошлой ночью?

— Как пояснил член комитета, который занимался всей этой проблемой, — ответил Нунули номер два, — все дело в том, что только первый номер знает, где находится женщина, а он отправился в какую-то другую часть Вселенной и

никогда уже не возвратится сюда, так что для вас невозможно проследить за ней.

Модьун стоял на металлическом полу компьютерного центра с высоким потолком и ощущал вибрацию всех этих дрожащих металлических пластин сквозь подошвы ботинок. В его мозгу возник мощный импульс другого рода. Наконец он сказал:

— Интересная проблема.

— Неразрешимая, — с удовлетворением заметил Нунули.

Торжество инопланетного существа оскорбило Модьуна. Однако он понял, что это просто реакция тела, словно какой-то части его «я» был брошен вызов — как решить эту проблему. Но, конечно, все было не так. Зачем решать проблему, которую невозможно разрешить? Судлил покинула дом и, очевидно, вскоре после этого оказалась на борту космического корабля. Эта цепочка событий заводила его в тупик, потому что, как он предполагал, Судлил не имела подобных намерений.

— Наверное, — заметил он вслух, — лучше всего будет, если вы разузнаете, где она, и сообщите мне об этом.

— Не может быть и речи, — последовал корот-

кий ответ.

— Почему вы отказываетесь?

— Вы мужчина. Она женщина, — сказал Нунули. — С нашей стороны было бы глупо позволить вам спариваться и рожать детей. Поэтому ее увезли туда, где нет мужчин, а вас оставили здесь.

Модьун отверг возможность того, что Судлил когда-либо решится на воспроизводительный процесс и позволит дойти ему до конца. Его внимание поэтому переключилось на другую мысль. Он сказал:

— Действительно ли номер первый мог захватить ее и доставить на борт какого-нибудь космического корабля?

— Ну… нет!

На сероватом, гладком как стекло лице инопланетного существа прошлась рябь, когда напряглась одна мышца, вероятно, проявление какой-то эмоции. Модьун решил, что это самодовольное смешное превосходство.

— Как указано в отчетах, она очень доверчива, — продолжал Нунули, — и, естественно, не могла проникнуть в тайные мысли моего предшественника. Поэтому, когда он пригласил ее посетить один из быстроходных кораблей комитета, она без каких-либо подозрений поднялась

на борт. Даже когда женщина поняла, что корабль взлетает, она оставалась беззаботной, как сообщил впоследствии капитан корабля.

Модьун успокоился.

— Ну, конечно, — добавил Нунули. — Не все ли равно, где находится. Это как раз то, чего вы, люди, кажется, никак не поймете.

Теперь интерес Модьуна быстро угасал. Он сказал:

— Теперь я понимаю, что вы собирались причинить ей и мне вред, но, к частью, человеческая мысль превозмогла ваши злобные намерения и не допустила ничего подобного. Поэтому Судлил на корабле, и ее куда-то увозят. В будущем, когда вы будете лучше оценивать реальность, вы постараетесь разузнать для меня о ее местонахождении.

— Повторяю, этого никогда не будет, — последовал ответ.

— Я так и думал, что вы скажете именно это, — произнес Модьун. Он повернулся, безразличный ко всему. — Я имею некоторые обязательства перед ней, поэтому я могу настаивать в будущем на том, чтобы мне сообщили о ее местонахождении.

— Это не приведет ни к чему хорошему, — ска-

зал новый Повелитель Нунули. — Я не знаю, где она находится, и комитет специально издал инструкции, чтобы подобная информация никогда не попала ко мне. Поэтому ничем не могу вам помочь, даже при всем своем желании. Которого у меня нет. И давайте закончим на этом нашу дискуссию. Если только у вас нет других вопросов.

Модьун не мог ни о чем думать.

14

Снова на улице. Еще было темно. Но приближающийся рассвет уже заявлял о себе на затянутом облаками небе. Модьун шел по пустынному сейчас тротуару. По самой улице, конечно, мчались автомобили. Все они, как видел он, были свободными, но что еще они могут делать ночью, кроме как полагаться на случай, что кому-то захочется воспользоваться их услугами. Для этого они и были предназначены.

Модьуна волновали три вещи. Первое — то, что он не знал точно, что должен чувствовать. Второе — то, что, как заметил он, его тело было не в лучшем душевном состоянии. Но третьим было то, что его ум был спокоен.

Модьун понимал, что Судлил — самка его породы. С ее прибытием приходилось считаться с проявлениями чувств другого существа. И через пару часов она наскучила ему.

Когда-нибудь, несомненно, они будут вместе и станут обсуждать будущее человечества. Но едва ли в этом есть крайняя необходимость.

«Наверное, прямо сейчас мне следует пойти поспать и дать телу необходимый отдых. А потом,

утром, решу, что мне делать».

Садясь в машину, он вдруг поймал себя на мысли, что ему уже больше не хочется совершать путешествие по планете: раньше это нужно было для блага тех, кто остался за барьером… а сейчас в этом не было никакого смысла.

«Так что теперь делать?»

Не забывая о том единственном ограничении, которое установил Нунули — хранить в тайне его человеческое происхождение (почему бы и нет?) — он направил автомобиль к квартирам для приезжих. Потом, откинувшись на спинку сиденья, Модьун подумал: «Член далекого комитета проявляет непосредственный интерес».

Невероятно. Но тем не менее об этом заявил Нунули.

Непосредственный интерес к небольшой планете Земле в малонаселенном — по сравнению с количеством звезд — наружном конце Млечного Пути… Тут Модьун понял, что у него в голове созревает идея заговора против двух людей — его и Судлил. Это *казалось* невозможным.

Да, член комитета мог советовать Нунули, *если*, конечно, у него спрашивали совета. И их общая установка, несомненно, распространялась на такие бесконечно малые по их стандартам,

единицы, как он. Нунули просто проявляют старание, как и положено расе хороших слуг.

Единственное человеческое существо, миролюбивый философ, безобидный, ибо хочет, чтобы все остались живыми, который никогда не нанесет ответный удар, — такая личность не представляет даже малейшего интереса для правящей, завоевавшей Галактику расы. И ввиду таких огромных расстояний ее представители даже и не должны знать о его существовании, как об отдельном индивидууме. И любой совет, который они дали своим слугам, этим Нунули, не может, сам по себе, конкретно касаться того, против кого он направлен. Так должны были обстоять дела.

Несмотря на эту безупречную логику, он не мог до конца заставить себя принять этот довод.

«Я еще подумаю об этом, позже».

Модьун вышел из машины, когда добрался в своих рассуждениях до этого места. Когда он подошел поближе к своему дому, то с удивлением увидел человека-медведя Руузба, который сидел на ступеньках крыльца. Красивый человек-животное полудремал, прислонившись к одной из поддерживающих перекладин.

Когда Модьун приблизился, он открыл глаза, моргнул и сказал:

— Эй!

Его голос прозвучал громко в ночном воздухе. Наверное, он заметил это, потому что, вскочив на ноги, сказал почти шепотом:

— Где вы были? Вы заставили всех нас волноваться!

Человек спокойно объяснил, что возникло кое-что, заслуживающее его внимания. Когда он кончил говорить, Руузб взял его за руку и потащил к одной из квартир.

Руузб постучал в дверь, и, когда сонный Дуулдн открыл ее, толкнул Модьуна в объятия человека-ягуара и стремительно вышел, бросив через плечо:

— Позову остальных.

Через пять минут все собрались в квартире Дуулдна. И Руузб зарычал своим зычным голосом:

— Друзья, у этой обезьяны не все дома, — он постучал по лбу, — потому что он нарушил условия своего заключения за два дня до истечения срока приговора. Завтра у него может быть много хлопот, а нас не будет здесь, чтобы помочь ему.

Руузб повернулся к Модьуну. Он с печалью на своем красивом лице сообщил, что они вчетвером должны быть этим утром на борту звездолета, до полудня. Взлет назначен на следующее утро.

Модьун был удивлен.

— Вы имеете в виду… что они собираются загрузить на борт миллион людей за один день?

Дуулдн заметил:

— В случае крайней необходимости они вполне способны на такое. Но начали погрузку еще две недели назад. Мы попали в число последних пятидесяти тысяч.

Руузб жестом руки призвал приятеля замолчать.

— Не отклоняйся от темы, — сказал он. — Весь вопрос в том, что мы собираемся делать с этой обезьяной. Он, кажется, ничего не знает.

Человек-лиса напротив шевельнулся.

— Вот что пришло мне в голову. А почему бы не взять его с собой?

— Ты имеешь в виду в космос? — испугался человек-медведь. Потом покачал головой. — Наверное, это незаконно.

— По чьим это законам? — промурлыкал Дуулдн. — По законам узурпирующих власть людей-гиен. — Он пожал плечами. — Когда улетает столь много людей, то никто не обратит внимания на одну лишнюю обезьяну. А он потом просто заявит, что, наверное, его документы потерялись.

Внушающий благоговейный страх человек-гиппопотам, повернувшись, внимательно посмотрел на человека:

— Эй, Модьун, а что вы думаете? Хотите лететь?

В том, что происходило, Модьуна интересовало лишь их желание поинтриговать и помочь ему. Поразительно, что всего лишь одна его фраза насчет узурпации власти людьми-гиенами разрушила их преданность гиенам. Сначала Руузб и Дуулдн, а теперь, очевидно, после прошествия некоторого времени, и Наррл с Иччдохзом — как бы это назвать? — были совращены. Всего на несколько минут маски были сняты. Еще не зная всей правды, они реагировали на малейшее открытие истины с гневом, уничтожая свою прежнюю наивность и чистоту помыслов.

Модьун вспомнил о своем приятеле-преступнике, человеке-крысе, который был вынужден украсть, когда узнал, что руководители-гиены проезжают на автомобилях лишние пятьдесят метров т, о входных дверей. Эта привилегия возмущала его.

«Действительно, им немного нужно», — подумал Модьун.

Идеальное равновесие, которое оставил че-

ловек, когда ушел за барьер, было нарушено Нунули-завоевателями. Очень плохо. Но может быть, с этим можно что-то сделать.

Модьун вдруг понял, что все четыре пары сверкающих глаз все еще с нетерпением смотрят на него в ожидании его ответа. И это напомнило ему, что сначала нужно кое-что сделать.

— Я уйду на рассвете, — сказал он. — Но вернусь сюда к девяти или к половине десятого. Это не будет слишком поздно?

Они искренне заверили его, что не будет.

На рассвете он поехал туда, где вывел его Экет месяц назад… и где он встретил Судлил. Он мысленно помнил картину местности и возможный путь, по которому автомобиль мог провезти его по бездорожью. Как он и ожидал, робот-водитель подчинился его человеческому имени.

И поэтому вскоре Модьун стоял на холме, глядя на то, что еще совсем недавно было долиной, где в своем раю жила тысяча человек. Не осталось ничего: ни садов, ни соединяющихся каналов и прудов, ни золотистых домов и площадок, которые образовывали центральную часть диаметром в милю. Исчез и внешний край построек, где находились *дома* насекомых и животных, прислуживавших людям.

Там, где был маленький городок с остатками человеческой расы, теперь зияла яма длиной в три мили и в полмили глубиной.

Если он собирается полететь в космос, то, наверное, когда-нибудь ему придется потолковать обо всем этом с тем самым членом этого комитета…

Внезапно Модьуну показалось, что он действительно намерен это сделать.

15

Модьун сначала не заботился о том, чтобы найти себе место постоянного проживания. Расставшись со своими четырьмя друзьями, отправившимися в назначенные им комнаты, он прогуливался по коридору и вскоре оказался у каких-то ворот… Перед ним простиралось огромное открытое пространство.

Модьун быстро оценил, что в диаметре оно было с километр и не меньше ста метров в высоту. Там повсюду росли деревья, а вдали зеленело пастбище, и, конечно, тысячи людей-животных наслаждались этим приятным видом. Похоже, это было идеальное место, чтобы провести первые несколько часов на борту звездолета. Модьун сделал шаг вперед, чтобы пройти через ворота… и обнаружил, что они заперты.

Вперед вышла женщина-животное, изящно одетая и похожая, судя по внешнему виду, на обезьяну. Она посмотрела на него с высоты своего более чем двухметрового роста и сказала:

— Эти огороженные места являются неприкосновенными, сэр. Когда столько людей на борту, то открытые пространства должны использоваться

лишь в определенные часы. Если вы сообщите мне свое имя и номер комнаты, я прослежу, чтобы вам сообщили о времени, когда вам можно будет прийти сюда.

Неожиданное препятствие, но вполне понятное. Так как у него не было комнаты, то Модьун лишь покачал головой, услышав ее предложение, продолжая с неподдельным интересом разглядывать женщину-обезьяну.

— Из какой части Африки? — спросил он.

— С восточного побережья. — Она ослепительно улыбнулась. — Откуда приезжают такие красавцы, — продолжила она. — Не хотели бы поселиться вместе со мной?

Теперь Модьун определенно почувствовал к ней интерес.

— Как это можно устроить?

Женщина прелестно улыбнулась ему с очевидным желанием:

— Если женщине удается найти себе мужчину, то это дает ей право на большую постель. Их несколько в каждой общей спальне.

— Мне кажется это неплохой идеей, — согласился Модьун. — И где же эта спальня?

— Я запишу для вас, — нетерпеливо сказала она.

Модьун смотрел, как она поспешно достала из маленькой сумочки небольшой блокнот и написала изящным почерком несколько строчек в нем. Потом вырвала лист и протянула его ему.

— Вот.

Модьун взял лист, посмотрел вниз и прочитал:

— «Палуба 33, секция 193, коридор Н, спальня 287». А снизу подписано: «Трольнд».

Модьун сунул листок в нагрудный карман. Женщина-обезьяна спросила:

— Как вас зовут?

Он сообщил ей свое африканское имя, Модиуннн, и закончил:

— Увидимся, когда настанет пора ложиться спать.

Наступил вечер. А потом и время сна: пора было отправляться по тому адресу, который ему дала Трольнд.

Модьун проснулся ночью оттого, что женщина-обезьяна водрузилась на него, когда он лежал на спине. Она была довольно тяжелой, и поэтому, обдумав возможность позволить ей остаться лежать на нем без всяких комментариев с его стороны, он нарушил молчание и сказал низким вежливым тоном:

— Ты проснулась?

— Еще бы, я проснулась, — ответила она спокойным низким голосом.

— Это что, обычный для обезьян из твоей части Африки способ спать? — поинтересовался он.

— О, Господи, — воскликнула она, — Что еще за нелепый вопрос? Мужчина ты или пустое место?

Модьун не понял вопроса, поэтому ответил:

— Почему бы утром нам не обсудить загадку, наподобие этой? А сейчас я хочу спать.

Последовала долгая пауза. А затем, ни слова не говоря, женщина откатилась от него к противоположному краю постели. Наверное, она и провела там всю ночь, потому что Модьун почти сразу же уснул. Когда он проснулся утром, Трольнд уже встала и что-то делала у дальней стены спальни, возле зеркала.

Модьун начал одеваться. Когда он наклонился, чтобы одеть туфли, то почувствовал вибрацию пола. Он мгновенно принял во внимание этот немаловажный факт: растрачивание такого количества энергии автоматически без его сознательного участия отметил его мозг.

И он мысленно увидел картину.

Сначала просто волны и возмущения замкнутого пространства — целые квадриллионы волн наблюдаемого визуально мира.

«Магнитные и гравитационные, — подумал он. — И, конечно… этого и следовало ожидать, корабль должен соединиться с огромными магнитными и гравитационными полями Земли, чтобы его гигантская масса оторвалась от такого массивного тела».

Итак, они взлетают. Очень легко. Просто. Ничего опасного.

При этой успокаивающей мысли мысленная картина изменилась. Он увидел человека-гиену: какого-то офицера в форме с медалями, находившегося в огромном помещении где-то на корабле. В комнате блестели механические устройства, и перед панелями приборов стояли другие люди-гиены, тоже в форме.

Картина начала блекнуть, и на одно короткое мгновение на нее наложилось гладкое серое лицо.

Нунули, лоб которого покрывали похожие на червей волосы. Глаза этого существа, словно подернутые серовато-зеленым туманом лужи, казалось, смотрели прямо на Модьуна.

А потом и он исчез.

Модьун закончил обувать ботинки и понял, что испытывает радость. Теперь, когда они взлетели, он может отправляться поесть. Он согласился

со своими четырьмя приятелями-животными, что в предшествующий день ему лучше воздержаться от посещения общественной столовой, что он и выполнил неукоснительно, но вот для его нынешнего тела это представило некоторые затруднения. Теперь это следовало исправить.

Модьун поднялся и подошел к женщине-обезьяне.

— Увидимся снова ночью, — весело сказал он.

— Не смей возвращаться сюда! — произнесла женщина-обезьяна.

Модьун, который уже начал было небрежно поворачиваться, обернулся и ней и внимательно посмотрел на нее.

— Я вижу явную враждебность в твоем тоне, — сказал он. — Меня удивляет это, поскольку я вел себя с тобой очень вежливо.

— Мне не нужна такая вежливость, — последовал печальный ответ.

Неожиданно Модьун понял, что ее раздражение связано с ее загадочным поведением прошлой ночью. Он спросил:

— Все дело в этом?

— Конечно, — с желчью в голосе ответила она. — Я рассчитывала, что мужчина будет вести себя как мужчина, когда он с женщиной.

— О! — только и мог вымолвить Модьун.

Он все понял и запротестовал:

— Вы допускаете смешение видов?

— А кто собирался размножаться? — резко бросила она.

Невразумительный ответ. Но он помнил свою неудачную попытку заняться сексом с Судлил и сказал:

— Действительно, есть одна проблема, которую мне надо решить. Поэтому почему бы мне не проконсультироваться по этому поводу у своих друзей, а потом снова поговорить с тобой?

— Можешь не беспокоиться, — холодно ответила Трольнд.

Она очевидно была не в лучшем настроении. Модьун решил отказаться от обсуждения и ушел прямиком в столовую, которую заметил по пути еще прошлой ночью, сообщил компьютеру свое настоящее имя и вскоре нес тарелку к небольшому столику в углу. Когда он неторопливо ел, то вдруг заметил, что люди-гиены в форме строятся снаружи у каждого из четырех входов в столовую.

Модьун вздохнул. Опять начинается вся эта глупость.

Вдруг он поймал себя на новой для него мысли:

«Сколько же еще я должен терпеть?»

Это чувство прошло, когда человек-гиена, имевший побольше, чем у остальных золотых полосок, вошел в столовую и прошел прямо к нему.

— Вас зовут Модиунн? — вежливо спросил он.

— А если и так? — спросил в свою очередь Модьун.

— С уважением я прошу вас пройти со мной в жилище Нунули, Повелителя этого корабля.

Клокотавшие где-то внутри него эмоции значительно охладили тон этой вежливой просьбы. Они не испарились полностью, однако автоматически он стал вести себя повежливее.

— Что он хочет? — спросил Модьун.

— Он хочет задать вам несколько вопросов.

— Мне в голову не приходит ни единого стоящего вопроса, который он мог бы задать и на который я мог бы ответить. Поэтому я отвечаю вам «нет» и отказываюсь идти с вами.

Человек-гиена казался сбитым с толку.

— Но, — запротестовал он, — разве могу я вернуться с таким ответом? Насколько мне известно, он ожидает, что я применю силу, если убеждение не может. Хотя таких инструкций я не получал.

Модьун с достоинством ответил:

— Передайте этому джентльмену, что, если

он выделит мне каюту на борту этого корабля и нанесет мне визит, я приму его.

Офицера-гиену, кажется, эти слова успокоили.

— Благодарю вас, — сказал он. — Мне нужен был какой-то ответ.

После чего он удалился.

Вот и все. Время шло, и никаких известий. Это казалось странным. И тут Модьун подумал, что Нунули — интриганы, и несомненно у них был какой-то план, связанный с его арестом на Земле. Хотя трудно было вообразить себе какой именно. Наконец, когда ничего другого не оставалось, он решил поискать своих друзей.

Их спальня была аналогичной той, в которой спала Трольнд — за исключением того, что тут были одни мужчины. При первом осмотре этой огромной комнаты с рядами многоярусных коек, он не заметил ничего, чтобы говорило о присутствии его друзей. Модьун прошел к кровати, где человек-мышь и человек-лиса размером поменьше Наррла играли в карты, и спросил о своих приятелях.

Их мгновенная реакция удивила его. Человек-мышь выронил карты на постель, вскочил на ноги и пронзительно завопил другим людям, находившимся поблизости:

— Этот парень ищет ту четверку!

Половина людей в комнате услышала эти слова. И каждый из них поднялся. А те, кто был на дальних койках, привлеченные этой суматохой, встали либо озирались. Несколько даже поднялись на ноги.

Слева от Модьуна дородный тип, чье лицо отдаленно напоминало тигриное, махнул ему приглашающе и сказал:

— Подойдите сюда!

Модьун, хотя и был сбит с толку, тем не менее выполнил его приказание. Сзади человек-мышь завизжал:

— Они арестованы. И нам были даны указания допрашивать любого, кто придет и станет искать их. Кто вы?

16

«Такое дурачье», — подумал Модьун. И это было хуже всего в сложившейся ситуации. Он автоматически повернулся и посмотрел на дверь, через которую вошел.

Но этот путь уже был отрезан — семь человекоподобных существ оказались между ним и дверью за те мгновения, что прошли между первым воплем человека-мыши и его ответом на команду человека-тигра. Это делало невозможным его мирное отступление из зоны возможного насилия, чего требовала от него его миролюбивая философия.

Модьун смирился с неизбежностью столкновения.

Буйная толпа. Пока он стоял в нерешительности, толпа полуживотных окружала его, толкая друг друга. Когда они оказались совсем близко от него, он тут же почувствовал неприятный запах животного пота. Тем не менее, ему не пришло в голову выключить обонятельные рецепторы. Не сопротивляясь, Модьун позволил оттеснить себя в угол. Это стало ожидаемой им частью первоначальной неудачной попытки уйти отсюда.

Откуда-то из толпы человек-тигр ударил Модьуна в лицо. Быстрый удар, который он отбил, так что лапа взлетела выше головы. Боль была незначительной, но само намерение возбудило его.

— За что? — спросил он.

— Ты грязный, вонючий, что еще надо? — последовал ответ. — И мы знаем, что делать с предателями и их друзьями, не так ли? Говорю, нужно убивать таких как ты!

Крик подхватили те, кто был поблизости:

— Убить его!

При этом несколько сильных ударов обрушились на плечи и голову Модьуна. Он уклонился от ударов, с сожалением понимая, что его тело, несомненно, будет защищать себя, когда давление станет достаточно большим. Поэтому он подавил боль, поднял левую руку, чтобы отражать удары их кулаков, и, поскольку он был достаточно неуязвимым, ударил человека-тигра в челюсть. Он ощутил удар, как толчок в суставы, отразившийся в плече. Боли не было, только сотрясение.

Поскольку боли он не чувствовал и не имел никакого опыта, он ударил, ничуть не сдерживаясь. А потом с испугом смотрел, как огромный человек-животное, шатаясь, сделал назад с десяток шагов и с грохотом упал на пол.

Все, буквально все, повернулись и посмотрели. Они тоже не умели драться и поэтому отодвинулись от Модьуна, и перестали обращать на него внимание; раскрыв рты, они стояли и смотрели на тело своего товарища.

Появился проход — достаточный, чтобы можно было идти, не пробивая себе путь кулаками, а пользуясь их временной нерешительностью. И Модьун направился к поверженному существу, огибая застывших от удивления людей-животных. Он прошел мимо них, наклонился и помог ошеломленному человеку-тигру подняться на ноги.

— Прошу извинить меня, — сказал Модьун. — Я только хотел задать вам несколько вопросов.

Огромное существо быстро приходило в себя.

— Вот это был удар! — с уважением воскликнул он. Потом повторил: — Вопросы?

Модьун высказал удивление их враждебным отношением.

— С каких это пор преступление — быть знакомым с кем-то? — спросил он.

И этот вопрос остановил излияния человека-тигра.

— Ну… — с сомнением начал было он и умолк. Потом повернулся к своим приятелям. — А что

вы думаете, друзья?

— Но он знаком с преступниками, — ответил человек-мышь.

— Да. — Человек-тигр пронзительно посмотрел на Модьуна, став внезапно намного агрессивнее. — Что вы на это скажете?

— Вы сказали, что их арестовали? — спросил Модьун.

— Да, конечно.

— Взяты под стражу?

— Да.

— Значит, их должны будут судить. Их вина еще не доказана. — Модьун вспомнил свое собственное появление в «суде» и быстро добавил: — Они имеют право на разбирательство в суде присяжных среди себе подобных, то есть вас, ребята. Двенадцать человек, выбранных среди вас, и судья в присутствии публики — то есть остальных из вас — выслушают свидетельские показания против обвиняемых и определят, подтверждают ли эти показания утверждения обвинения.

Модьун умолк.

— В чем их обвиняют? — спросил потом он.

Никто не знал этого.

— Ну, — со злостью сказал Модьун, — вам долж-

но быть стыдно, всем вам. Признать человека виновным, не зная даже его преступления.

Его собственная роль в неожиданном развитии событий стала ему яснее.

— Друзья, — начал он, — мы должны обеспечить этим четверым, которые являются такими же обычными людьми, как вы или я, справедливый суд.

Они были только людьми-животными, к тому же тупоумными. И они покинули идеальный мир, где от них требовался только минимум работы. В некотором смысле руководство людьми-гиенами и Нунули, вероятно, шло им на пользу: они чувствовали поддержу и получали пищу для размышлений. Создавали видимость работы.

На таких существ — как Модьун уже успел заметить — мгновенно производило впечатление все, что казалось справедливым. Тоже произошло и сейчас.

— Вы правы. Именно это мы и собираемся выяснить.

Общий хор голосов выражал согласие. Люди-животные повернулись и стали горячо убеждать друг друга в обоснованности давно не используемых принципов справедливого судебного разбирательства.

Люди-животные разбились на небольшие группы, возбужденно беседуя между собой. Никто, кажется, и не заметил, как Модьун прошел к двери, через которую вошел и, осторожно осмотревшись, вышел в коридор.

Потом он пошел быстрее, взволнованный тем, что узнал о таинственном аресте своих друзей, но по крайней мере ему никто не мешал предпринять кое-какие действия по этому поводу.

Которые самому ему еще не казались ясными.

«Моя проблема в том, что я философ», — эта мысль была новой для него — думать об этом, как о проблеме.

Некоторое время после этого он бродил и бродил в темноте — мысленной темноте. Он автоматически ускорил шаг, что было вызвано его глубоким внутренним расстройством. Вскоре его внимание акцентировалось на быстром движении.

Затем, наконец, он еще раз осознал, что на телесном уровне он любит эту четверку и их затруднительное положение беспокоило его на этом уровне.

Модьун побежал.

Все быстрее и быстрее.

Сердце его заколотилось, дыхание стало неров-

ным, он сознавал, что это клокотавшие в нем эмоции, связанные со случившимся с его друзьями-животными, ускользают. Модьун понял, что это было ответной химической реакцией определенных желез, которые с тех пор, как он вырос, определяли в основном его поведение. С грустью он отметил, что подобные химические вещества, выделяемые железами в кровь — и среди них адреналин — можно разогнать мышечной активностью.

Когда он бежал, ощущение, что он должен сделать что-то, исчезло.

Снова став философом, Модьун с улыбкой вспоминал те еще недавно казавшиеся такими серьезными побуждения, что едва не вовлекли его в дело, которое на самом деле ничего не значило для него.

Это была старая догма сторонников мирных отношений: нет предела безумству не умеющих сдерживать себя людей, и поэтому никогда не позволяйте втягивать себя в их конфликты, не отражайте ударов и не наносите ответных, избегайте эмоций.

Пусть они победят.

Легкая победа смягчает агрессоров. Правда, порою это кажется неприятным, но ведь, если

не давать втягивать себя во всякие конфликты, или по крайней мере сделать свое участие в них минимальным, то лучше сохранить мир таким путем. Даже если при этом кое-кто пострадает, все равно это лучше.

Вновь согласившись с основными положениями своей философии, Модьун перешел на шаг.

Теперь он был голоден. Модьун вошел в ближайшую из многочисленных столовых.

И когда он сидел за столиком и ел, он снова увидел то же самое небольшое представление, что и этим утром, — людей-гиен в форме, выстроившихся снаружи каждого входа столовой. А затем тот же самый высокопоставленный офицер почтительно подошел к нему и протянул ему какой-то документ.

Внешне документ был очень похож на повестку, которую Модьун получил на Земле. И на мгновение он ощутил сильный прилив тепла, возникший где-то в районе копчика. Он понял — гнев, и поспешно спросил:

— Что это?

— Вы должны выступить в качестве свидетеля против четырех человек, которые обвиняются в том, что нелегально провели на борт корабля человека, не имевшего на то разрешения властей.

Судебное разбирательство начнется завтра утром в девять часов в месте, указанном в повестке.

Не только каждое предложение, но каждая отдельная часть того, что произносил человек-гиена, звучали разоблачающе. Модьун только округлил рот и из него выскакивало: «О! О! О!» И это неизменное «О!» выражало его ошеломление и осознание.

Теперь он знал, почему их арестовали.

Очевидно на Земле шпионы заметили его связь с этой четверткой. Поэтому в ту же минуту, когда он Модьун, был обнаружен на борту корабля (несомненно, компьютером столовой), кто-то решил, что его друзья и были теми, кто помог ему пробраться на корабль.

Трудно угадать исход такого суда. Но, несомненно, Нунули-Повелитель начал одну из своих хитрых игр. В конце концов теперь выяснится тайная цель Нунули.

Гиена-офицер сказал с уважением:

— Меня просили обеспечить ваше присутствие на суде в качестве свидетеля.

Модьун колебался. Но что еще он мог сделать? Он постоянно думал о том, что должен позволить этим негодяям делать все так, как они того желают. Победив без борьбы, они должны будут

успокоиться — такова была его философия.

Тем не менее Модьун помнил и то, к чему еще час назад призывал людей-животных. И, хотя обвинение не казалось очень серьезным и, вероятно, было только частью другого, большего плана, направленного против него, он задал главный вопрос:

— Это будет суд с присяжными и судьей?

— Да.

— Вы уверены? — настаивал Модьун. — Вы понимаете, что это означает?

— Судья и двенадцать присяжных рассмотрят свидетельские показания, а у обвиняемых будет адвокат по их выбору.

Возможно, это действительно будет справедливый суд.

— Хорошо, — сказал человек. — Я буду там.

— Благодарю вас.

После этого офицер сунул руку в карман и, вытащив еще один сложенный листок бумаги, передал ему.

Модьун подозрительно посмотрел на бумажку.

— Что это? — спросил он.

— Мне было сказано, что если вы согласитесь выступить в качестве свидетеля, то вам будет выделена каюта, как вы просили сегодня утром.

Здесь указан номер каюты и ее местонахождение.

Модьун взял бумажку с заметным облегчением. Он уже беспокоился, где же проведет вторую ночь.

— Пожалуйста, — произнес он, — передайте мою благодарность Нунули-Повелителю. Скажите ему, что я ценю его любезность.

Как и было обещано, суд начался точно в девять часов на следующее утро, и в качестве первого свидетеля был вызван Модьун.

17

Зал суда был устроен так, как Модьун и представлял себе по описаниям обучающих машин.

Двенадцать присяжных, все люди-гиены, сидели на скамье для присяжных, поставленной вдоль одной стены. Судья — тоже человек-гиена — облаченный в мантию, сидел на скамье. Место свидетеля, куда вызвали Модьуна, находилось слева от судьи. Гиена-прокурор сидел за одним из столов справа, а гиена-адвокат — за другим. Прямо перед Модьуном за специальной загородкой сидели четверо подсудимых, за ними в ряд выстроились гиены-офицеры полиции. Прямо напротив различных слуг закона, за низкой оградой, располагалось несколько десятков рядов стульев, и на них сидела публика.

Все было устроено так идеально, что, когда прокурор поднялся и тут же начал говорить, голос его прозвучал как-то резко в этой тишине:

— Этого свидетеля зовут Модиунн. Он обезьяна из Африки, и он нелегально проник на борт этого корабля с помощью четырех обвиняемых. Они обвиняются в измене, призыве к мятежу, или, другими словами, они совершили уголовное пре-

ступление, которое карается смертью для всех четырех обвиняемых.

Он обращался с этими словами к присяжным. Потом повернулся к адвокату и сказал:

— Что может сказать свидетель в оправдание их ужасного преступления?

Адвокат, не вставая, ответил:

— Свидетель признается в том, что все ваши утверждения — правда. Продолжайте судебное разбирательство.

— Возражаю! — заорал Модьун в этот момент. Он весь горел с головы до ног. Со слабым удивлением он понял, что дрожит.

— Возражение отклоняется, — как-то слишком уж вежливо произнес судья. — За свидетеля говорит адвокат.

Модьун воскликнул:

— Я протестую против этой пародии на судебное разбирательство. Если оно будет продолжаться так и дальше, я откажусь выступать в качестве свидетеля.

Судья наклонился к стулу свидетеля. Он казался обескураженным:

— Что, по-вашему, неправильно в суде?

— Я требую, чтобы вопросы задавались непосредственно свидетелю и чтобы ему было позво-

лено отвечать на них самому.

— Но это неслыханная вещь, — запротестовал судья. — Ведь это очевидно, что адвокат, который знает закон, может отвечать более квалифицированно, чем свидетель.

Тут ему в голову, похоже, пришла новая мысль.

— Да, — продолжал судья, — вы ведь из Африки. Ваши требования, они что, у вас в порядке вещей?

Модьун глубоко вздохнул. Его потрясло, какие умственные усилия приходится прикладывать судье, когда он должен выходить за рамки тех простых истин, по которым живут люди. Но Модьун отказывался соглашаться с чем-то, более нечестным, чем неправильное произношение его имени. Или фальшивая идентификация себя в качестве обезьяны. И *все.* В остальном он требовал только правды.

Модьун сказал:

— Я требую, чтобы суд совещался по правилам, установленным человеком.

Последовала долгая пауза. Наконец судья подозвал к себе прокурора и адвоката и они втроем о чем-то стали шептаться. Затем оба юриста возвратились к своим столам. Когда они уселись,

судья своим вежливым голоском обратился ко всем присутствующим:

— Поскольку показания этого свидетеля являются важными, мы решили согласиться на примитивную процедуру, к которой он привык в своей родной стране в Африке. — Судья повернулся к Модьуну и сказал ему с упреком: — Я искренне надеюсь, что вы потом извинитесь перед адвокатом за оскорбление, которое вы ему здесь публично нанесли. — После чего он вежливо продолжил: — Каким образом у вас происходят заседания суда, мистер Модиунн?

— Правильная процедура… — начал было Модьун, однако судья перебил его:

— Там, откуда вы прибыли.

— … Давным-давно установленная человеком, — продолжал Модьун, — заключается в том, что прокурор должен задавать мне ряд относящихся к делу вопросов, и каждый раз ждать моего ответа.

— Какого рода вопросы? — спросил человек-гиена на скамье, который, очевидно, готов был пойти на уступки, но находился в замешательстве.

— Сперва он должен узнать мое имя, — сказал Модьун.

— Но мы знаем ваше имя, — последовал удивленный ответ. — Оно написано на этой повестке.

— Такие факты должны устанавливаться во время непосредственного допроса, — твердо сказал Модьун.

Судья засомневался.

— Такой метод может задержать нас здесь на весь день.

— Может, даже на неделю, — заметил Модьун.

Почти у каждого в зале суда вырвался вздох удивления. И судья, мгновенно позабыв о своей вежливости, резко ответил:

— Это невозможно!

Но после еще одной паузы он обратился к прокурору со словами:

— Продолжайте, сэр.

И тот вышел вперед. Он выглядел неуверенно. Однако он задал главные вопросы:

— Как вас зовут?

— Действительно ли вы обезьяна из Африки?

— Тот ли вы человек, которого обвиняемые нелегально провели на борт этого корабля?

— Знаете ли вы, в чем обвиняют подсудимых?

Именно при этом вопросе Модьун впервые попытался сопротивляться, беря на себя, или пытаясь сделать это, роль одновременно как

свидетеля, так и адвоката.

18

— Я протестую против такой постановки вопроса. То, в чем обвиняют подсудимых, не является преступлением по законам, которые установили люди, прежде чем удалиться за барьер и оставить остальную Землю своим друзьям, людям-животным.

Так аргументировал свое мнение Модьун. Потом он продолжал:

— Если это и проступок, то лишь совсем незначительный, и наказание за него не может быть большим, чем заключение в каюте на два или три дня.

Тут его прервал судья, заявив, что обвиняемые виновны в преступлении, караемом смертной казнью по определению.

— Определению? — переспросил Модьун.

— Да, определению, — подтвердил судья.

— Покажите мне это определение, — сказал Модьун.

Служащий суда, человек-гиена в лоснящемся черном костюме и сорочке с высоким воротником, принес книгу, в которой в главе 31 на странице 295 в параграфе 4 строка 7 начиналась

словами: «…следует считать уголовным преступлением, караемом длительным тюремным заключением, штрафом или смертью».

— Разрешите мне посмотреть, — попросил Модьун.

Служащий посмотрел на судью, и, когда тот кивнул, передал том Модьуну. Модьун перечитал сроки, посмотрел последний лист, прочитал то, что было там, и, бросив торжествующий взгляд на судью, сказал:

— Это не тот закон, что был установлен человеком, а неправильная и неприемлемая редакция меньшинства из людей-животных — людей-гиен.

Гиена-судья сказал:

— Я заявляю, что закон правильный и подходящий.

Его голос явно был уже не таким вежливым.

— По моему мнению, — возразил Модьун, — вы должны признать обвиняемых невиновными на том основании, что преступление не доказано.

— Я хочу задать вам один вопрос, — сказал судья. — Вы собираетесь давать показания или нет? Если нет, то, пожалуйста, освободите место свидетеля.

Он говорил с раздражением.

Едва ли это был подходящий момент, чтобы уйти, поэтому Модьун сказал:

— Я буду давать показания, но я оставляю за собой право снова поднять этот вопрос.

Судья повернулся к гиене-прокурору.

— Продолжайте допрос этого важного свидетеля, — сказал он.

— Каким образом вы оказались на борту этого корабля? — спросил прокурор.

— Я прошел по космодрому к одному из нескольких сотен входов и подошел к подъемнику. Он поднял меня примерно на сто этажей, и я вышел из кабины лифта в какой-то коридор. Я к тому времени уже не сомневался, что благополучно поднялся на борт корабля и не могу сказать, что ошибся, — закончил Модьун.

В зале суда воцарилась тишина, когда фактическое рассмотрение дела завершилось. Высокий тощий человек-гиена, который задавал вопросы, казался растерянным. Однако вскоре он взял себя в руки и сказал:

— Посмотрите на скамью подсудимых.

Модьун подчинился и, конечно, увидел своих четырех друзей.

— Вы узнаете этих людей? — спросил прокурор.

— Да, всех, — ответил Модьун.

Арестованные с шумом задвигались. Наррл осел в кресле, словно его ударили.

— Соблюдайте порядок в суде, — закричал судья пронзительным голосом.

Прокурор продолжал:

— Присутствовал ли кто-нибудь из этих людей, — он махнул в сторону арестованных, — когда вы шли по космодрому, входили в лифт и поднимались на борт корабля?

С того места, где он сидел, человек мог видеть, как напряглись люди-животные, сидевшие на местах для публики. Он чувствовал, как многие из них невольно затаили или замедлили дыхание, очевидно ожидая, что его ответ будет утвердительным. Модьун повернулся к судье.

— Ваша честь, я понимаю, что моему ответу на этот вопрос придается огромное значение. Как будто каждый автоматически предполагает, что утвердительный ответ повредит арестованным. Вы тоже так считаете?

Высокое худое существо наклонилось к нему:

— Ваша обязанность как свидетеля только правдиво отвечать на вопросы. Какие выводы я смогу сделать в своем окончательном приговоре, определит логика, которой руководствуется суд.

— И все же, — возразил Модьун, — вы — член малочисленной группы, которая захватила все важные государственные посты, включая то, что только люди-гиены имеют право проводить судебные разбирательства и быть присяжными в суде. Поэтому я подозреваю, что ваш приговор может быть не совсем беспристрастным. Если вы сможете убедить меня, что он будет беспристрастным, то я с огромной радостью отвечу на этот вопрос.

— Он будет беспристрастным, — сказал судья.

Модьун покачал головой.

— Боюсь, что мы не понимаем друг друга. Каждый может утверждать, что суд беспристрастный. Но как вы можете убедить меня, принимая во внимание то, что вы член узурпирующего меньшинства, что вы не осудите этих арестованных.

— Боюсь, что мне снова придется попросить вас либо давать показания, либо уйти, — холодно сказал судья.

— Да, я буду давать показания, — пообещал Модьун.

— Очень хорошо. Так каким будет ваш ответ?

— Арестованные были со мной, когда я поднимался на корабль.

— Аааааааааах! — выдохнула аудитория, отреа-

гировавшая, как один человек, и это прозвучало, словно много существ одновременно вздохнули.

Судья постучал молотком, призывая к порядку. Когда наконец в зале суда снова воцарилось молчание, Модьун сказал адвокату:

— Я понимаю, что из моих слов можно предположить, что связь четырех арестованных со мной, — важная улика против них.

— А что еще можно предположить? — спросил судья, едва скрывая свое торжество.

Человек с жалостью смотрел на него.

— То, что я сопровождал их, не может служить обвинением против них. Допустим, что хотя они и были со мной, но не догадывались о моих намерениях. — Модьун махнул рукой. — И можно привести еще с десяток подобных предположений.

Судья кивнул прокурору.

— Продолжайте допрос этого свидетеля и особенно обратите внимание на те вопросы, которые он поднял. Он, кажется, наконец-то решил отвечать честно, поэтому добейтесь от него правды.

В этом был смысл, Модьун должен был признать это. Хотя он мог философски рассуждать о правде, все дело было в том, что он не собирался лгать о происшедших в действительности

событиях. Поэтому прокурор вытягивал из него одно признание за другим. Наконец, выяснилось, что да, действительно, четверо обвиняемых знали заранее, что он собирается попасть на борт звездолета; да, действительно, один из них предложил это, и остальные согласились.

Когда Модьун закончил, судья бросил взгляд на защитника:

— Есть вопросы к вашему свидетелю, сэр?

— Нет, — последовал ответ. — Признаюсь, что не вижу смысла продолжать дальше это судебное разбирательство.

— Я согласен с вами, — произнес судья.

После чего повернулся к арестованным.

— Встать! — приказал он.

Четверо обвиняемых неуверенно поднялись.

Судья продолжал:

— Ваша вина установлена благодаря этому свидетелю… — начал было он, однако громким возгласом Модьун остановил его:

— Эй!

Судья не обратил на него внимания и твердым голосом продолжал:

— Поэтому я приказываю, чтобы всех вас четверых отвели в камеру…

— А как насчет присяжных? — резким голосом

закричал Модьун. — Считается ведь, что это суд присяжных.

— … и держали там одну неделю, пока вы будете ждать ответа на апелляцию в верховный суд. Если верховный суд вас не помилует, то ровно через неделю, начиная с сегодняшнего дня, вас четверых расстреляет группа стрелков, использующих N-энергетическое оружие.

Судья махнул полицейским в форме, которые стояли рядом с арестованными.

— Увести осужденных, — приказал он.

Потом он снова повернулся к Модьуну и вежливым тоном добавил:

— Я хочу поблагодарить вас за ваши честные свидетельские показания, которые помогли установить, что эти четверо обвиняемых действительно виновны в предъявляемом им обвинении и нам не нужно проводить дальнейшую бюрократическую процедуру.

— Да-а-а, — с сомнением протянул Модьун.

19

«Я сделал все, что мог», — уверял себя Модьун. Ему ничего другого не оставалось теперь, кроме как позволить событиям идти своим чередом.

И все же весь остаток дня, когда проходило судебное разбирательство, его тело оставалось неприятно разгоряченным. Что, несомненно, было нездоровой реакцией его желез на то, с чем не мог согласиться его идеальный с философской точки зрения мозг. И в привязанности его тела к Руузбу и остальным самым нелепым было то, что он встретился с ними совершенно случайно.

«Не то, чтобы я выбрал их за какие-то особые качества, которые впоследствии обнаружил в них», — мелькнула у него мысль.

В день своего выхода из-за барьера он остановил автомобиль, где находилось четверо существ, и занял одно из двух свободных сидений. Вот и все, с чего началось их знакомство. Между этой четверкой в автомобиле и любыми другими людьми-животными нет разницы.

«Это, — убеждал он себя, — реальное отображение моих отношений с ними».

И тем не менее его тело оставалось более разго-

ряченным, чем обычно.

Утром на четвертый день после суда раздался звонок в дверь. Открыв дверь, Модьун увидел офицера-гиену в форме. Он вежливо сообщил ему, что «четверо осужденных получили отказ в ответ на апелляцию верховному суду. Поскольку он проходил по делу как главный свидетель, то суд настоял, чтобы ему сообщили об этом решении».

Модьун уже собрался было поблагодарить офицера и закрыть за ним дверь, когда вдруг понял, что его лицо покраснело от этой новости. И поторопился сказать:

— Я хочу посетить осужденных перед казнью. Можно это устроить?

— Буду только рад навести справки от вашего имени, — ответил офицер, — и сообщу вам решение.

Выяснилось, что он может это сделать, и ему дали разрешение посетить осужденных перед казнью вечером на шестой день после суда.

«Они ведут себя очень любезно и законно во всем этом деле», — был вынужден признаться Модьун. Похоже, он совсем ошибался, когда думал раньше, что все это — какой-то хитрый план, нацеленный против него.

Снаружи тюремная камера выглядела просто,

как обычная спальня, которая запиралась на замок. Перед дверью сидел гиена-караульный. Он внимательно прочитал разрешение на посещение Модьуном осужденных, после чего отпер дверь, подождал, пока тот войдет, а потом запер ее за Модьуном.

Несколько секунд ему казалось, что в камере никого нет. А потом неожиданно с низкой койки спустилась пара ног и Модьун увидел Наррла, выпрямившегося с приглушенным восклицанием:

— О Господи, посмотрите, кто здесь!

Вслед за этими словами поспешно показались и остальные три пары ног, и еще три знакомых лица людей-животных показались на нижних койках. Все четверо поднялись, подошли к посетителю и пожали ему руки.

Оглядываясь. Модьун увидел, что вообще-то имеются различия между этим помещением и другими спальнями: за койками был альков, и там находились стол и знакомое устройство из столовой.

Модьун робко сказал после краткого осмотра:

— Мне казалось, что лучше зайти попрощаться.

Большая слеза покатилась по щеке Руузба. Кожа его, кажется, приобрела бледный цвет, и он не

очень хорошо выглядел, о чем свидетельствовали впалые щеки.

— Спасибо, дружище, — произнес он сдавленным голосом.

Модьун посмотрел на него с заметным удивлением.

— В чем проблема? — спросил он. — Каждый должен уйти, рано или поздно. Так почему бы не сейчас? — Потом Модьун поправился: — То есть завтра.

После этих слов наступило молчание. Затем Дуулдн подошел и остановился перед Модьуном. Щеки его горели двумя огромными розовыми пятнами. Он сглотнул, очевидно сдерживая свои эмоции, и сказал:

— Дружище, у тебя довольно странные взгляды.

Он помрачнел и продолжил:

— Модиунн, никогда раньше не встречал я обезьяны, похожей на тебя. Ты сидел в свидетельском кресле и наговаривал на нас.

— Но ведь правда всегда правда, — защищался Модьун.

В этот момент он понял, что замечание, высказанное человеком-ягуаром, отнюдь не дружеское.

— Ты ведь не сердишься за случившееся, правда? — спросил Модьун.

Розовые пятна начали блекнуть. Дуулдн вздохнул.

— Сначала я был зол как черт. А потом подумал: «Ладно уж, это же мои милый глупый друг, обезьяна, и снова говорит не то, что надо». И мой гнев прошел. Правильно, друзья? — он посмотрел на своих спутников.

— Да, — с печалью ответили Наррл и Иччдохз. Руузб молчал, уставившись в пол и потирая глаза.

Их точка зрения была такой бесперспективной, что Модьун чувствовал необходимость попытаться перевоспитать их.

— Сколько вам лет? — поинтересовался он у каждого. И впервые узнал, что их возраст колеблется от двадцати шести до тридцати трех: Руузб оказался старше всех, а человек-гиппопотам — самым младшим. А средняя продолжительность жизни у людей-животных составляла приблизительно шестьдесят лет.

— Итак, — рассуждал Модьун, — вы все уже прожили, грубо говоря, половину обычной жизни. За оставшуюся половину едва ли стоит сражаться.

Озабоченность появилась на их лицах.

Наконец человек-лиса в сердцах воскликнул:

— Подумать только, я попал в такие неприятности только потому, что захотел стать твоим другом!

Человек был поражен. Он не видел связи между этими двумя обстоятельствами.

— Вы намекаете, — сказал он, потрясенный, — что есть причинно-следственная связь. Но я так не думаю. Вы делали то, что считали нужным, а потом люди-гиены сделали то, что сами посчитали нужным. Рационально рассуждая, следует признать, что между этими двумя событиями нет никакой связи. Только в ваших головах существует эта связь. На самом же деле ее нет.

Модьун видел, что его друзья его не понимают. Они просто потупили взоры и выглядели еще более несчастными, покорившись своей судьбе. Модьун почувствовал к ним жалость.

— Вы должны понимать, — продолжал он, — что никто так и не постиг смысла жизни. Поэтому каждый вид должен быть сведен к небольшой группе, в которой каждый отдельный индивидуум несет в себе всю совокупность генов, то есть полную генетическую наследственность своей расы и ждать. Поскольку на Земле остается много представителей ваших видов, то нет причин, по

которой вы должны дорожить своим существованием. Да и довольно велика возможность того, что в этом завоевательном путешествии вас все равно убьют.

После этих слов в дверь громко постучал караульный.

— Всем посетителям выйти! — крикнул он резким голосом через огороженное решеткой окно в металлической двери.

— Одну минуту! — попросил Модьун и повернулся к своим друзьям. — Ну, что вы скажете?

Большая слеза проползла по щеке Руузба.

— Прощай, друг, — произнес он. — Я не понимаю твоих слов, но думаю, что у тебя добрые намерения.

Руузб протянул руку.

Модьун вздохнул, увидев этот жест Дуулдна.

— Должен признаться, — сказал Модьун, — что если у вас такие чувства, то вам лучше пойти со мной, когда я выйду. Не стоит проходить через то, чему вы так упорно сопротивляетесь. Я скажу властям, что вы считаете приговор неприемлемым. Это ведь так, не правда ли?

Четверо людей-животных внимательно посмотрели на него. Человек-ягуар выразил сожаление.

— Каким образом нам удастся выйти вместе с тобой? — спросил он. — Ведь снаружи вооруженный охранник.

Человек отмахнулся.

— Я только сделаю так, что он вас пропустит — минимальное воздействие на его мозг — и мы продолжим нашу дискуссию у меня в каюте.

«Естественно, — подумал Модьун, — власти как-то отреагируют на эти самовольные действия. Поэтому, наверное, сейчас для меня было бы лучше сразу поговорить с Нунули-Повелителем».

Примерно через час после того, как его четверо приятелей вместе с ним проследовали в его каюту, раздался звонок. Открыв дверь, Модьун обнаружил за дверью высокопоставленного офицера-гиену в форме.

— Мне снова, — шепотом обратился он к человеку, — было приказали попросить вас прийти и побеседовать с Нунули-Повелителем. Вы при тете?

Модьун вышел в коридор, устанавливая защитный энергетический барьер вокруг каюты, и ответил:

— Я готов незамедлительно отправиться.

Потом он закрыл дверь за собой.

20.

Модьун шел за офицером-гиеной по коридору и думал: «Я должен доказать Нунули, насколько нелогичным было это судебное разбирательство».

Пока они поднимались в кабине лифта, Модьуну казалось, что жизнь станет намного более сложной, если ему придется защищать своих четверых друзей-животных и самого себя всю оставшуюся часть этого путешествия Когда они шли по свободному пространству от первого лифта ко второму, он подумал: «Будем надеяться, что у Нунули есть приемлемое решение».

Когда второй лифт остановился, офицер-гиена быстро посмотрел на панель управления. Когда на ней замигала белая лампочка, он нажал на кнопку. Бесшумный механизм разомкнул двери, и офицер-гиена заметил:

— Вы войдете один. Это будет частная беседа.

Когда Модьун прошел вперед, дверь мягко закрылась за ним. Не оглядываясь, он прошел в комнату, занимавшую не более десяти квадратных метров. В ней ничего не было, кроме чего-то, похожего на матрац. Он валялся на полу. На нем

на спине отдыхал Нунули.

Модьун сразу понял, что это был незнакомый ему Нунули, отличающийся от тех двоих, с кем он общался на Земле. Что, разумеется, и было естественно: один Нунули нужен на таком корабле, как этот, еще один — на Земле По крайней мере, по одному в каждом месте, где необходимо руководство.

— Вы пришли ко мне, — произнесло инопланетное существо на полу, — тогда, когда я отдыхаю от всех своих многочисленных обязанностей.

Модьун огляделся еще раз, пытаясь найти выход в другое помещение. Или что-то другое. На первый взгляд ничего похожего не было.

— Это ваша каюта? — спросил Модьун.

— Да.

— Здесь вы живете во время путешествий на этом корабле? — не отставал Модьун.

— Да.

Туго натянутая серая кожа на продолговатом лице, казалось, немного подернулась, как бы непроизвольно. Это было проявлением охвативших Нунули чувств, но понять их было несколько трудновато. Нунули продолжал:

— Наверное, эта каюта кажется вам более аскетичной, чем та, что я выделил вам?

— Просто любопытно, — ответил Модьун. — Похоже, ваш комитет требует от своих представителей, чтобы они не проявляли ненужного интереса к роскоши или другим признакам власти.

И снова выражение лица существа, лежавшего на матраце, изменилось. Всего лишь на мгновение, однако Модьуну оно показалось похожим на улыбку высокомерного превосходства, которую он отметил на втором Нунули-Повелителе Земли.

— Мы и так были уже расой аскетов, когда комитет выбрал нас для своих высших целей, — сообщил инопланетянин. — Все, что нам было нужно… — Нунули остановился, потом пробормотал: — Неважно.

— Несомненно, — кивнул Модьун, — ваш вид пришел к окончательному правильному выводу, что все во Вселенной происходит по какой-то причине. Так зачем приобретать имущество, кроме минимума простых вещей, необходимых для выживания. Не так ли?

— Нет.

Нунули по-прежнему лежал на матраце. И через несколько секунд стало ясно, что ему не хочется распространяться на эту тему. Модьун принял этот отказ спокойно и произнес:

— Я с уважением отношусь к вашей тайне.

— Естественно, — согласился Нунули — Мы улучшили человеческую расу, чтобы она проявляла подобное уважение к правам других существ. Мы заметили это качество в людях и развили его с целью создания необходимого эффекта. И это нам удалось. Поэтому в ваших словах нет ничего удивительного.

— Внутри меня есть чувство, которое говорит мне, что ни одна связь не является автоматически полностью односторонней, как вы считаете. Например, меня раздражает ваша логика в связи с судом над моими четырьмя друзьями.

— Да вы же не знаете, какова она, моя логика, — последовал резкий ответ.

— Верно. Но тем не менее, это очевидно. Вы устроили суд над четверкой людей-животных с Земли из-за той незначительной роли, которую они сыграли в моем появлении на этом корабле.

— Что же нелогичного здесь?

— Корабль строился на Земле, не так ли? — спросил Модьун.

Похоже, этот вопрос удивил Нунули.

— Да, разумеется. Мы всегда, если удается, используем местные заводы и материалы.

— Вашими работниками были земные живот-

ные? — не отставал Модьун.

— Естественно. Кто же еще? Комитет настаивает, чтобы мы обходились местной рабочей силой.

— Тогда какие возражения могут быть у вас? — спросил Модьун. — По определению я имею право находиться на этом корабле.

— Не понимаю ваших доводов, — последовал холодный ответ.

Модьун широко развел руки в сторону.

— Земля принадлежит человеку и в меньшей степени животным, которых человек поднял от их дикости. Поэтому этот корабль, который собирался на Земле людьми-животными, принадлежит человеку и в меньшей степени животным. А я — единственный человек на борту этого корабля, поэтому он принадлежит мне.

— Земля — планета, которую мы завоевали, — с гордостью произнес Нунули. — Поэтому человек на ней ничем не владеет.

Модьун упрямо покачал головой и почувствовал, что его глаза слегка сузились — реакция тела, несколько удивившая его, потому что это был эмоциональный протест против иной точки зрения.

— Я еще не смирился с победой Нунули, — ска-

зал Модьун. — Пока я существую, корабль принадлежит мне Однако, — он умолк на несколько секунд, — все это не имеет большого значения. Я пытаюсь отыскать наилучший выход из создавшегося положения. Я ищу одну женщину, которую — у меня есть основания так считать — один ваш коллега увез с Земли и переправил в какое-то другое место. Если вы сможете доставить меня к ней, то я с радостью покину этот корабль, где бы она ни находилась.

— Это совершенно невозможно, — ответило существо на полу. — Давайте теперь вернемся на некоторое время к вашей логике. Ее ошибочность в том, что вы не знаете о еще одной нашей цели насчет вас. Вы знаете, сколько дней уже прошло с момента отлета этого корабля с Земли? — В его голосе чувствовалась ликующая нотка.

— Около недели, наверное, — ответил Модьун.

Ему пришлось признаться самому себе, что он слегка обескуражен этим неуместным вопросом.

Существо снова обрело спокойствие, широко раскрыв зеленовато-серые глаза, а серая кожа на его лице слегка ослабла.

— Этот корабль преодолел, — сообщил Нунули, — примерно четыреста световых лет И несколько раз менял курс специально для того,

чтобы нельзя было определить направление, откуда он отправился в путь.

Он остановился, как бы предоставляя Модьуну возможность как-то отреагировать И насколько очевидным для инопланетянина казалось то, что человека должна расстроить эта информация, что Модьун решил не разочаровывать его в этом. Сам же подумал «Хотя, конечно, без всякого сомнения это мудро — лишать своих потенциальных врагов каких-либо сведений о планете, откуда прибыл нападающий корабль».

По блеску глаз Нунули Модьун понял, что он ошибся И действительно, через несколько секунд инопланетное существо пояснило причину своего неприкрытого злорадства:

— То, что вы сказали о планете, разумеется, верно. Но эта тактика с изменениями курса корабля выбрана абсолютно только ради вашего блага. Чтобы намеренно запутать *вас* — чтобы *вы* никогда не вернулись на Землю И ту же цель преследовал и суд над вашими друзьями-животными Если вы поразмыслите, то поймете, что мы специально морочили вам голову этим судебным разбирательством и тянули до последнего момента, не позволяя узнать их судьбу, пока корабль не преодолел необходимое расстояние. Разумеется,

этот корабль уже не вернется на Землю.

Итак, таков был их план Теперь все это показалось Модьуну каким-то излишеством. По-видимому, логика расы подчиненных агентов, какими являлись Нунули, была жестко ограниченной У этих существ была цель, связанная с Землей, которую они должны были выполнить. И вот теперь, уничтожив всех людей за барьером и удалив с Земли Судлил и Модьуна, их цель, по всей видимости, достигнута.

Полная иррациональность этой миссии и целей, которые они преследовали, вызвали у Модьуна ощущение что ему действительно нечего сказать на это безумие Он мог сделать только один логический вывод.

— В таком случае, — сказал он, — поскольку четверо моих друзей являлись не более, чем пешками в этой игре, вы не будете возражать против отмены смертного приговора и их помилования.

— Возражений не будет, — последовал мгновенный ответ. — Вообще-то это было одной из причин, по которой я вызвал вас сюда.

Потом Нунули продолжил более официальным тоном:

— Реддлл, офицер-гиена, который привел вас сюда, проводит вас обратно в каюту и даст каж-

дому из ваших четверых друзей оправдательный документ.

Все так же лежа на спине в этой пустой комнате, Нунули сказал в заключение:

— Мне кажется, что на этом можно закончить нашу беседу.

Так же думал и Модьун. Но оставалась еще пара моментов.

— Ваш план против меня теперь уже полностью выполнен? — спросил он.

— Что вы имеете в виду? — Этот вопрос, похоже, удивил существо на полу.

— Схема была такой: нечто сделано против меня, я принимаю это. Я даже терплю отдельного Нунули, который замышляет чего-то добиться от меня. Вся картина так и не укладывается у меня в голове. Я продолжаю мирное существование. А потом вдруг обнаруживаю, что против меня существует тайный заговор. Поэтому я хочу знать: продолжается ли он еще? Этот тайный заговор. Или же ваша миссия относительно Земли и людей завершена?

— Теперь она завершена, — последовал ответ. — Что здесь еще можно сделать?

— Именно это и сказал мне второй Нунули-Повелитель, — ответил Модьун, — но, как оказалось,

его слова были ложью. Мне осточертело все это вранье и заговоры. Они не согласуются с основной истиной Вселенной.

— Откуда последнему представителю расы знать ее? — раздраженно поинтересовался Нунули. — Хотя дайте подумать. — После паузы он продолжил: — Единственным другим результатом, связанным с вами в рамках нашей миссии, было бы убийство вас и той женщины. А на ваш взгляд, есть ли какая-то альтернатива этому?

— Вообще-то нет, — ответил Модьун после минутного раздумья. — Если только я стану чинить вам препятствия.

— Ну хорошо, — все еще раздраженно сказал Нунули, — значит, таков ваш ответ.

Внешне ответ казался удовлетворительным и правдивым. И все же…

— Есть еще одна вещь. — сказал Модьун, — которая так важна, что, возможно, я буду вынужден потребовать от вас ответ.

— Это, — выдохнул Нунули, — становится невыносимым.

Смысл этих слов потряс человека: для него немыслимо было делать что-то, чего не выносило другое существо.

Тем не менее через несколько секунд он про-

должил думать об этом.

— С некоторым опозданием я начинаю понимать… — начал Модьун, но остановился, когда значение этих слов проникло в самые глубины его сознания, и утешения в них никакого не было, ибо он был последним уцелевшим представителем человеческой расы, если не считать Судлил. И осознание этой истины — если это была истина — пришло слишком поздно. Пока не совсем понятно было, что ему делать… Но разговор с комитетом, скорее всего… да.

Модьун закончил свою мысль:

— … начинаю понимать, что, возможно, неблагоразумно, чтобы одна раса позволяла усовершенствовать себя другой, намерения которой могли бы вовсе не быть альтруистическими.

Пока он говорил, он переживал старые, видоизмененные чувства, бессловесно заявлявшие о себе откуда-то из глубин его нервной системы. Он как бы издалека слышал свои слова:

— Такое решение этого дела не устраивает меня. Эти простые логические заключения естественного характера..

Потребовались сознательные усилия, чтобы остановить поток слов. Модьун долгое время стоял неподвижно, удивляясь полноте проявления

своих чувств. Но вскоре он контролировал их и продолжил:

— Во время разговора с вами, я вдруг ловлю себя на том, что прислушиваюсь к реакции на мои слова, и эта реакция отличается от той, что высказывал второй Нунули. И поэтому я вынужден задать вам вопрос: как мне определить, входят ли сами Нунули в комитет, который они якобы представляют?

Неожиданно Модьун изменил тему беседы:

— Почему вы считаете, что я не смогу преодолеть свое естественное нежелание воздействовать на окружающих, если можно найти более приемлемое решение?

Тусклые глаза Нунули разглядывали его так пристально, что Модьун после долгой паузы добавил:

— Почему бы вам добровольно не открыть мне свой разум и не показать мне достаточно из истории расы Нунули, чтобы установить, что в самом деле мне не о чем больше беспокоиться?

Существо на полу, когда он закончил, зашевелилось. Тонкие ноги задвигались. Руки слегка согнулись. Шея изогнулась назад, когда существо село.

— Хорошо, — ответил Нунули, — я уступаю ва-

шему преступному давлению. Но, предупреждаю вас, комитет может посчитать себя оскорбленным, и я не могу отвечать за действия, которые могут последовать вслед за этим.

21

Картины показывали простую аскетичную жизнь Нунули, похоже, жили на родной планете, как монахи Были видны длинные темные здания, где у каждого из этих существ была своя крошечная келья, в которой оно влачило серое существование Голые полы, и ничего другого, помимо матрацев для сна, в кельях не было.

Затем на картинах появились женщины Нунули в домах несколько иной формы Различие заключалось в том, что здесь были общие дворы и комнаты, где ухаживали за детьми в первые годы жизни их держали в удобных сооружениях, напоминавших детские кроватки.

Один раз в несколько лет женщина Нунули отправлялась поутру с определенной целью и разыскивала один из монастырей В картине, появившейся в сознании Нунули-Повелителя корабля, одна из женщин стучала по двери в какую-то комнатушку Потом во вторую дверь после — в третью, и так далее Мужчина в каждой из комнат очевидно, понимал, что это был за стук, потому что вставал со своего матраца и открывал дверь. Потом стоял и смотрел на нее

И она стояла, ожидая Ее, кажется совсем не беспокоило то, что ее перед этим отвергли Так она переходила от одной кельи к другой Наконец, в каждом случае из трех, которые наблюдал Модьун, она оказывалась в комнатке, где мужчину привлекал запах то ли ее тела, то ли ее мыслей. С принявшим ее поклонником она оставалась на несколько дней и ночей Большую часть времени они проводили, лежа рядом и медитируя. Но дважды во время ее пребывания в этой комнате наступал один момент Возбуждения? Даже при хорошем мысленном контакте Модьун не был точно уверен, что же это было за чувство. Но что бы это ни было, оно приводило к спариванию, которое, казалось, никогда не кончится. Четыре часа. Пять. Естественно, в основном, ночью.

После второго раза женщина просто вставала и, даже не попрощавшись с мужчиной, покидала келью и монастырь. Потом она жила в своем маленьком уютном жилище, вместе с другими женщинами. Там, в безмолвной тайне своей комнатки она вынашивала и примерно через год рожала маленькое чудовище, которое вскоре принимало облик Нунули.

Внезапно все картины поблекли. Лежавший на полу своей маленькой каюты Нунули-Повели-

тель посмотрел на Модьуна и сказал:

— Такой была наша жизнь до того, как мы стали служить комитету.

Модьун ответил, не скрывая удивления и разочарования:

— И это все, что вы собираетесь показать мне?

Это краткое изложение нашей дозувговской истории, — последовал быстрый ответ — Именно это вы и спрашивали.

Модьун открыл было рот, чтобы возразить, что он не удовлетворен показанным, но вдруг остановился, осознав только что услышанный им поразительный факт.

«Дозувговской» — вырвалось у Нунули-Повелителя.

Из контекста следовало, что Зувг — название планеты расы комитета «Я, наверное, действительно надавил на него, раз он сообщил мне подобную информацию», — решил Модьун Несколько долгих секунд он смаковал про себя это слово Наконец ему пришло в голову, что то, против чего он сначала собирался протестовать, еще оставалось важным И он сказал:

— Показанные вами картины не объясняют скачка от сурового монашеского существования до массовых убийств. Как произошла такая

трансформация?

Зеленые глаза смотрели на него с недоумением.

— Разве мы обсуждаем ту же самую тему? — начал было Нунули, но тут же остановился и воскликнул:

— О! — Глаза его расширились, как будто он только что осознал, что имеет в виду Модьун — То, что мы делаем от имени комитета, — продолжил инопланетянин, — не убийство.

— Позвольте мне, — заметил Модьун, — внести ясность в этот вопрос. Вы или другой Нунули уничтожили или потворствовали истреблению человеческого вида. В соответствии с убеждениями, которых придерживаетесь вы, что это как не убийство?

— Это — часть программы комитета по улучшению жизненной ситуации в Галактике. — Нунули махнул в несогласии тонкой рукой с серой гладкой кожей.

— По улучшению чего?

Существо сохраняло спокойствие.

— Прошу прощения. Я должен попросить вас оказать мне любезность покинуть мою комнату, чтобы я продолжил свой отдых. Ваша проблема разрешена. Вашим друзьям теперь ничто не

угрожает. Вы получили информацию, о которой просили. Вы, разумеется, не собираетесь еще обсуждать этот вопрос, учитывая мой несомненный протест?

Модьун колебался. Вообще-то от разговора с Нунули он ожидал большего. В его голове все еще хранилось несколько вопросов, и он чувствовал, что беспокоило его, нетерпение к возражениям собеседника.

— У меня, кажется, необычное настроение, — сказал наконец Модьун. — Я хотел бы задать еще несколько вопросов и получить на них ответ. — И, не дожидаясь согласия Нунули, продолжил: — Я думаю, самый важный из них — как члены комитета сумели добиться поддержки от расы существ, подобных вам.

В голубых глазах, казалось, возникло легкое удивление. Потом на гладком лице появилось какое-то напряжение, вероятно, выражавшее у Нунули крайнюю степень озабоченности. В последовавших затем словах Повелителя не было и тени сомнения:

— Они высшая раса. В тот момент, когда один из них вошел с нами в контакт, он указал нам цель. После ознакомления с планетой с передовой культурой мы решили, что стоит попробовать

использовать тонкие методы и вызвали члена комитета, чтобы он вложил эти цели в сознание наших лидеров. Вот и все. Со всяким инакомыслием было покончено.

— О! — воскликнул Модьун.

Все начинало проясняться.

— Цель, — отметил Модьун. — Конечно.

— Значит, когда Зувгайты вошли в контакт с Нунули, то это была мысленная связь? — вежливо спросил Модьун. — То есть мысленный разговор, диалог?

Нунули возмутился.

— Член комитета не обсуждает ничего с представителем низшей расы, — ответил он разгневанно.

Модьун постарался сдержать торжество. Хотя это и было не бог весть что, но он узнал кое-что, чего не знал Нунули. То, что способ мысленной связи Зувгайтов был не двухсторонним в обычном понимании. Они, очевидно, обладали способностью внушать какие-то скрытые цели.

А цели могли быть какими угодно. В этом смысле они могли передавать друг другу внушения, по-видимому, могли защищать себя от гипнотического воздействия подобных передач, и таким образом, ничего не опасаясь, переговариваться

через мили и годы пространства, используя единое мысленное пространство. Подобным образом внушение цель может быть передано и другому человеку у которого нет защиты от этого.

С удивлением Модьун вдруг понял, что его тело дрожит от этой информации С огромным трудом он, запинаясь спросил:

— Могут ли они… внушать, э-э… объединившись?

— Вся тысяча, — с удовлетворением ответил Нунули. — Их мощь безгранична.

На этом обсуждение этой способности Зувгайтов было прекращено. Против такого защищенного одностороннего способа внушения тысяч отдельных индивидуумов, каждый из которых мог оказывать огромное сопротивление, человеческий способ воздействия нельзя было применять непосредственно.

Неожиданно Модьуну вдруг захотелось узнать и другие вещи.

— Цель этого народа, — сказал он, — продолжает удивлять меня. Их план улучшения Галактики включает уничтожение человеческой расы и, может быть, остальных разумных видов. Как научно объяснить все это?

У Нунули вообще отсутствовало воображение.

— Эта информация существует Я знаю ее, но не могу открыть.

У Модьуна промелькнула мысль, что четыре миллиарда мужчин и женщин Земли погибли во имя достижения этой цели Зувгайтов, и по крайней мере он должен узнать причину.

— В таком случае, — угрожающе сказал он, — мне, возможно, придется подвергнуть вас внушению.

— Это не даст вам ничего, — ответил Нунули. Он вел себя самодовольно. — Как меня уверили, никто, даже человек, не способен проникнуть сквозь специальный барьер в моем мозгу, который защищает эти данные.

— Это может оказаться любопытным испытанием, — заметил Модьун, — вот мы и проверим, действительно ли это так.

Но он говорил нерешительно и обнаружил, что внутренне одобряет эти ограничения, которые заложил раньше: если Нунули не откажется рассказать свою давнюю историю, то он не станет применять силу. Этот довод, как ему казалось, невозможно было опровергнуть. И это было довольно нелепо, поскольку в моменты возбуждения или напряжения он применял этот метод независимо от прежних моральных установок.

Думая так, но все еще продолжая колебаться, Модьун продолжил:

— Что сказали Зувгайты о природе вашего барьера в мозгу?

— Если вы примените свою силу в этой зоне, — последовал ответ, — то немедленно убьете меня.

— О?

— Принималось и принимается на веру, — спокойно продолжил Нунули, — что вы не станете делать ничего, что действительно навредит мне.

— Думаю, что это правда, — неохотно признался Модьун. — Но все же…

Он объяснил, что это область биологии, которую люди полностью изучили.

— То, что мы сделали для земных животных — только малая часть наших настоящих способностей манипулировать клетками и группами клеток. Я уже заметил, что у вас, хотя и не точно такой, но сравнимый с человеческим тип нервных клеток. Каждая из ваших нервных клеток имеет длинную соединительную нить из нервной ткани, выходящую из каждого конца. У людей подобные связи имеют название аксонов и дендритов.

— Я знаком с анатомическими подробностями, которые вы описываете.

— Хорошо. Одно время, — продолжал Модьун, — люди Земли придерживались мнения, что аксон — это просто линия, похожая на телефонный провод, способная передавать электрический импульс, то же касается и дендрита. Однако было обнаружено, что каждая из этих мелких нитей нервного вещества усеяна от пяти до десяти тысяч маленьких пятнышек. Последующие тесты установили, что у каждого из этих пятнышек есть свой вход или выход. Так что представьте себе оригинальный человеческий мозг с двенадцатью миллиардами клеток, каждая с нервными окончаниями, имеющими от пяти до десяти тысяч входов или выходов, и ни одно из них, очевидно, не используется для непосредственной передачи импульсов мозга.

— Я очень хорошо знаком с этими подробностями, — последовал краткий ответ. — Именно благодаря нашим передовым исследованиям этих входов и выходов, которые не были проведены другими расами, и стало возможным наше улучшение человеческой породы и достижение уровня, когда каждый индивидуум обладает совершенными способностями и силой, но применение ее против других существ сдерживается философскими ограничениями — припоминаете

это?

Модьун с грустью вспомнил, но упорно продолжал высказывать вслух свои доводы.

— В работающем электронном приборе неиспользуемые входы и выходы создают шум. В человеческом мозгу они стали источником путаницы и неправильных связей. Однако впоследствии было обнаружено, что входы на самом деле принимают *все* мысли других людей, а выходы передают все содержимое мозга в единое психическое пространство. Но — и это мое мнение — входящая и выходящая информация настолько смешана с шумом, что невозможно было выделить эту информацию, пока не была развита наша система мысленной передачи.

— Я не вижу ничего такого неправильного в том, что вся сила ограничивается философскими установками, кроме тех случаев (я начал понимать это), когда это ведет к общему саморазрушению, — продолжил Модьун. — К тому же я обладаю способностями к мысленному внушению. *Думаю*, мне вполне по силам помочь вам обойти этот барьер внутри вас или вообще уничтожить его… — Модьун в этом месте нарочно немного помолчал. — Но, — закончил он, — в чем я действительно нуждаюсь, так это в дополни-

тельной информации.

Последовала долгая пауза. Странные глаза внимательно изучали его. Наконец Нунули произнес:

— Я отвечу почти на любой ответ, кроме этого. Я не уверен, что ваши знания превосходят знания члена комитета. Что бы еще хотелось вам узнать?

— Где находится Зувг?

— Я не знаю. Никогда не бывал там. Очевидно, они не допустят близко к вам того, кто знал бы это.

И этот ответ также показался Модьуну правдивым. Он сказал:

— Тогда кратко изложите мне все, что вам известно о комитете.

— Это самая развитая раса в Галактике. Науки, которые они не развили сами, они заимствовали у других рас, применяя свой способ мысленного контроля. Они — единственная раса по-настоящему бессмертных существ…

Модьун прервал его:

— Вы хотели сказать, живущие дольше всех? — Он улыбнулся. — Человек в настоящее время живет около тридцати пяти сотен земных лет. Возможно, что эволюция в конце концов доведет

этот срок до десяти тысяч. Существуют причины, из-за которых обычная человеческая клетка в конце концов угасает, что и приводит к смерти.

Гладкое загадочное лицо смягчилось, как никогда раньше.

— Я повторяю, они по-настоящему бессмертны. Некоторым членам комитета за сотню тысяч земных лет. Вы слышите?

— Н-но ведь это невозможно на данной стадии эволюции Галактики, — запротестовал Модьун, — если не считать одного пути. — Модьун казался встревоженным. — Давным-давно мы, люди, приняли решение не идти таким неестественным путем.

— Вы не смогли идти по нему из-за своей философии, правильно?

— В основном, думаю, да. И, кроме того, потому что…

Модьуна прервали.

— Это была ваша ошибка, — последовал спокойный ответ. — Природе нет дела до правильных или неправильных методов. Только фактическое положение дел имеет значение. А фактом является то, что все они невероятно старые индивидуумы, и вам никогда не достигнуть того, чего они добились. — Инопланетное существо на

матраце замолчало. — Несомненно, теперь вы закончите этот допрос, и мы сможем расстаться.

— Да, — согласился Модьун. — Остальное я узнаю, когда побеседую с членом комитета. Можете вы устроить такую встречу?

— Невозможно, по причинам, которые я уже объяснил Они не принимают сообщения. Они только посылают их в форме приказов.

— Если это все же это когда-нибудь окажется возможным, — сказал Модьун, — то вы знаете, где найти меня.

— Разумеется, я знаю, где вы находитесь, — последовал ответ, в котором прозвучало удовлетворение, — и куда вы собираетесь.

— Куда же?

— В никуда.

22

Все закончилось.

По крайней мере вроде бы со всеми проблемами людей-животных было покончено. Четверо приятелей сначала нервничали, когда вернулись в свою спальню. Но ничего не случилось, а когда неожиданно их товарищи по спальне обступили их и принялись хлопать по плечам и пожимать руки, были даже аплодисменты, они быстро возобновили свое беззаботное существование.

Но они, несомненно, приобрели суровый опыт Впервые сила потрясения, которое пережили они, проявилась сразу после возвращения в каюту Модьуна. Когда тот после принятия ванны увидел, что они разглядывают все вокруг с удивлением и завистью. Они, похоже, вообще не помнили о том времени, которое они проводили здесь. Они издавали восклицания, поражаясь богатству этой роскошной гостиной. Затем осмотрели великолепно обставленную спальню. Но, оказавшись на кухне с его личной столовой, стали громко выражать свое изумление.

— Дружище! — воскликнул Руузб, подозрительно наклонив голову. — Это действительно класс.

Откуда?

— Да, как? — спросил Наррл, вопросительно приподняв свой острый нос, также наклонив голову.

Иччдохз и Дуулдн стояли рядом с округлившимися от любопытства глазами.

Модьун дал им объяснение, исходившее от высокопоставленного офицера-гиены:

— Как мне объяснили, когда я переехал сюда, что поскольку меня не было в списках ни одной из спален, то не оставалось никакого другого места для меня, кроме одной из свободных офицерских кают.

— Дружище! — воскликнул Руузб. — Мне бы тоже стоило стать безбилетным пассажиром.

Модьун великодушно продолжил:

— Почему бы вам, друзья, не навещать меня иногда и не обедать со мной? Так мы сможем держаться вместе.

Они охотно согласились. Теперь он имел компаньонов на время обедов. Это было приятно. Не потому, что эта компания много значила для него, а потому что теперь они начали почти беспрерывно болтать о предстоящей посадке Это стало неизбежной темой разговоров. Когда они уходили для дополнительных тренировок

и Модьун включал свой телевизор с замкнутым контуром, то видел на экране высокопоставленного человека-гиену, который говорил о том же самом. Только по одному каналу в эти подготовительные часы передавалась музыка, и не всегда она была одной и той же.

На второй день четверо приятелей прибыли в его каюту и у каждого был пакет и длинный прибор, излучавший статический заряд, который зарегистрировала одна из систем восприятия его человеческого мозга. Модьун исследовал одно из этих оружий и понял, что оно было неземного происхождения и конструкции.

— Очень остроумно, — заметил он, передавая оружие обратно человеку-ягуару, его владельцу. И снова знакомый румянец появился на щеках Дуулдна.

— Ты смеешься? — сказал Дуулдн. — Прошло несколько дней, пока до моей башки дошло, как работает эта штуковина. А ты ведешь себя так, словно уже понял.

— Ну… — начал было Модьун, однако Руузб, стоявший напротив, перебил его:

— Вероятно, видел их раньше, в Африке. Правильно Модьун?

Тот с готовностью ухватился за такое объяс-

нение.

— Оно похоже на то, что я видел в Африке, — многословно сказал он. — Заряд находится вот в этом длинном стволе. — Он показал на блестящее тиснение вдоль дна барабана этого оружия, похожего на винтовку. — Если нажать на эту кнопку здесь наверху, то ствол высвобождает заряд, как батарея. Судя по размеру, мне кажется, что энергия мгновенной вспышки может сделать электропроводным столб воздуха величиной около пятисот ярдов. И поэтому электрический ток от маленькой динамомашины внутри ствола доходит до любой цели без потерь. Думаю, тысяча ампер при 660 вольтах — этого достаточно, чтобы убить не измененного слона. — Модьун печально покачал головой. — Слишком плохо.

— Что здесь плохого? — спросил Дуулдн. — Нам, возможно, понадобится что-то вроде этого, чтобы защищать себя, когда мы будем спускаться там. Кто знает, с чем мы столкнемся?

Поскольку им была неизвестна настоящая цель этой экспедиции, Модьун не стал развивать эту тему.

А когда они уже сидели за столом во время обеда, он узнал, что посадка назначена на следующее утро по корабельному времени.

23

По просьбе Нунули-Повелителя звездолета, Модьун оставался в своей каюте. При подобных обстоятельствах — как указало инопланетное существо — это было самое малое, что он мог сделать. Это казалось разумным и самому Модьуну Он принял это; в каком-то смысле он являлся непрошеным гостем, и поэтому должен доставлять как можно меньше беспокойства.

Его просьба — чтобы ему разрешили смотреть за посадкой по видеоустройству в его каюте — была отклонена Нунули Тело Модьуна — как он заметил — с сожалением восприняло этот отказ; но это действительно было не его делом И, конечно, похоже на правду, что такая высадка получится необычайно скучной, с бесчисленными повторяющимися действиями.

Модьуну не старался представить себе, что происходит там, внизу Континент планеты, который он видел мельком на ранних стадия приближения корабля, был достаточного размера, чтобы прийти к заключению, что там проживало огромное число жителей. И он предположил, что будет применен метод захвата.

Модьун выполнял обычные действия, которые требовало его выросшее человеческое тело. Когда подошло время дневного сна, он поел легкую пищу. Потом, во время небольшого расслабления, ожидая, пока его тело выполнит необходимые биологические функции, он позволил своему телу послушать какую-то живую животную музыку. Странно, но кровь, похоже, побежала немного быстрее, сердце забилось сильнее, а глаза сияли. Музыка продолжала быть для Модьуна источником обучения эмоциям, возможным объяснением человеческого поведения в те давние дни, когда такие эмоции было очень легко вызвать.

«Мы действительно произошли от существ очень примитивного типа», — подумал Модьун. Довольно поразительно осознавать, что именно такого примитивного человека и обнаружили Нунули — и безошибочно поняли, с какой стороны он наиболее уязвим. Это, конечно, не имело смысла. В конце концов, то, что, как им казалось, они достигли, и то, чего достигли на самом деле, оказались совершенно разные вещи.

Пока Модьун так размышлял, он закончил свой туалет, сбросил одежду и забрался в постель.

Через час к нему в дверь постучали, разбудив его.

«Стук, — подумал он. — Что-то случилось со звонком?»

Однако Модьун включил свет и встал с постели.

— Кто там?

— Это я, Нунули-Повелитель корабля. Мне нужно поговорить с вами.

— Почему бы не прийти после дневного сна? — спросил Модьун.

— То, что я сообщу, не может ждать.

Рассуждения Модьуна сразу же пришли в противоречие с его природной вежливостью. Его разум говорил: очевидно, что-то не так. Правда заключалась в том, что если бы он и Нунули никогда больше ни о чем не разговаривали, то он бы ничего не терял. И, конечно, ничего бы при этом не приобретал. Но Модьун всегда был любезен даже в противовес разуму. Так получилось и этот раз.

— Я раздет, — сказал Модьун. — Могу я одеться прежде, чем отвечу?

— Нет, нет, в этом нет необходимости. Я всегда сам раздет, вы знаете это. Ваше тело безобразно, но я могу вынести его вид.

«Смотрите-ка, кто кого называет безобразным», — думал Модьун, когда шел к двери и

открывал ее. Нунули проскользнул внутрь с удивительной поспешностью. Он торопливо направился к кровати и опустился на нее.

— У нас там, внизу, возникла небольшая проблема, — сказал он. — Я бы хотел знать, не поделитесь ли вы своими соображениями.

— Что за проблема? — поинтересовался Модьун. Он не давал никаких обещаний — пока. Нунули встал с кровати.

— Быть может, вы оденетесь и пойдете со мной.

— То я должен одеться, то не должен. Решите же наконец, — сказал Модьун.

— Одевайтесь. Температура внизу около нуля. Мы, кажется, опустились на холодную часть планеты.

Когда Модьун одевался, то подумал, а потом и сказал, что, по его мнению, в любом случае было бы глупо покидать корабль.

— В конце концов, — подчеркнул он, — я нахожусь на борту корабля без вашего разрешения. Из всего того, что я знаю, когда я окажусь там, внизу, вы просто прикажете кораблю взлететь и покинуть этот район космоса, а я останусь здесь. И мне ведь даже не известно, где мы находимся.

— А я думал, что вам все равно, где вы находи-

тесь, — последовал резкий ответ.

— Мое тело устало от того, что оно заполнено простыми устройствами, — сказал Модьун, — и я очень мало интересуюсь той неразберихой, которую вы пытаетесь создать вокруг меня.

Нунули, похоже, смирился с возражением человека. Он сказал коротко:

— Внизу идет битва, и поэтому я прошу вас применить одну из своих систем восприятия и спасти нашу армию.

Модьун был удивлен этим неправильным представлением о нем, сложившимся у его собеседника. Он подчеркнул, что системы восприятия строго ограничены и в такой ситуации неприменимы вообще.

— Они обеспечивают, — сказал он, — ограниченный контроль над элементарными силами в ограниченном пространстве. Если бы вы, Нунули, действительно захотели убить меня, то, вероятно, вам это удалось бы, однако вы должны были бы приготовиться к тому, что силы, которые вы используете, обратятся лично против вас. Вот так это и происходит.

Если о массе похожих на червей щупалец и гладком, как стекло, лице можно было бы сказать, что оно имеет отсутствующее выражение,

то именно так Нунули отреагировал на его объяснение. Инопланетное существо казалось задумчивым, но в конце концов сказало:

— Какой же метод вы примените, чтобы отразить нападение врага на сам корабль?

— Забрать ваших людей на борт корабля и улететь, — просто ответил Модьун.

Его собеседник был вынужден признаться:

— Это проблема, с которой я сам никогда лично не сталкивался. — Должен сказать, что я сбит с толку тем, что не должным образом оценил этих., э-э… Гуньанцев во время предыдущих посещений. Я мог бы поклясться, что сложная техника не понадобится и что мы просто сможем прибыть с нашим мощным оружием и сокрушить все на своем пути.

Он объяснил:

— Это всегда самый простой способ. Дело делается сразу, и помех больше нет. Мы создаем правительство, подвластное нам, и ждем инструкций от комитета. — Нунули покачал головой. — Но не так, как на вашей Земле. Помните, там нам противостояла атомная цивилизация, и нам пришлось немного изменить этот метод, на осуществление которого потребовалось несколько сотен лет.

Нунули вдруг вспомнил о своей главной цели.

— Ситуация очень серьезная. Даже вам скоро могут начать причинять неудобство энергетическая заряды Гуньанцев, если вы не поможете нам.

Его голос звучал серьезно и убедительно.

— Так что же именно произошло? — спросил Модьун.

Последовала пауза, потом честный ответ:

— Наше посадочное судно повреждено и не может взлететь, а огромные силы Гуньанцев — наверное, в две дивизии — захватили всю заднюю часть корабля, включая расположенный там огромный парк. Добились они этого, применив метод, в котором ни я, ни мои технические советники не можем разобраться.

— Может быть, — кивнул Модьун, — именно там я и мог бы помочь. Почему бы вам и мне не посетить эту заднюю секцию? Думаю, что теперь вы хотите отказаться от атаки?

— Да, конечно. — Существо казалось расстроенным. — Но сначала мы должны освободить и вернуть наши наземные силы. Там, внизу, находится добрых двести тысяч человек.

Модьун был поражен.

— Это, конечно, огромное количество существ,

и, вероятно, туда входят и мои четверо друзей-животных Они сказали мне, что они все были выбраны методом жеребьевки.

— Мне ничего не известно о таких мелочах, — торопливо произнес Нунули.

Модьун, держась одной рукой за дверь, повернулся и хмуро посмотрел на инопланетное существо.

— То, как вы сказали это, — медленно начал Модьун, — дает мне повод усомниться в вашей системе «жеребьевки» Может быть, она такая же честная, как и обсуждение места назначения экспедиции на Земле? — Его глаза сузились. — Может быть, моих друзей выбрали умышленно, и их направили на самые опасные задания в надежде, что их ранят или убьют?

— Нет, нет, клянусь, — прошептал Нунули — Этого не может быть. — Он в отчаянии замолчал. — Если ваши друзья внизу, то, чем скорее вы вмешаетесь, тем лучше Могу уверить вас: это кошмар! Что-то нужно сделать, иначе все наши войска будут уничтожены.

— Не совсем могу представить, что делать, — сказал Модьун, — но так как цель — прекратить атаку, то давайте пойдем и посмотрим.

С этими словами Модьун открыл дверь и вы-

шел в коридор.

Нунули следовал прямо за ним.

24

Почти сразу же стало трудно двигаться.

Сзади шли толпы людей-животных. Раздавались пронзительные крики и топот ног, когда мужчины и женщины с волнением пробирались в переднюю часть корабля.

— Держитесь прямо за мной, — сказал Модьун Нунули вклинив свое большое тело между этим хрупким инопланетным существом и несколькими людьми-животными, такими же громадными, как и он сам. Они торопливо бежали в их сторону, отталкивали их, словно не замечая. Обезумевшая толпа и не осознавала, что они вдвоем пытаются пробиться в противоположном направлении. К счастью, толпа была неоднородной. Иногда образовывалось пустое пространство, в которое тут же устремлялись охваченные ужасом люди-животные. В такие моменты оба — и человек, и Нунули — быстро продвигались вперед.

Наконец они достигли района, где на полу лежали раненые и мертвые. Среди стонов раненых и умирающих Модьун почувствовал, как его сзади потянули за локоть.

— Куда вы идете? — спросил Нунули. Гладкое

лицо, кажется, выражало что-то другое — его серый цвет стал вроде бы не таким ярким, как обычно. И казалось, червячки на его голове свернулись в крошечные узелки и очень ровно разлеглись на его черепе.

— Я думал, мы сможем пойти и поговорить с предводителем войск Гуньанцев, проникших на борт корабля.

Нунули оживленно заметил:

— Эй, я запрещаю вам делать это сейчас. Не будет ли несколько глупо, если я, хозяин этого корабля, отдамся на их милость.

— Сомневаюсь, что это имеет какое-либо значение, — сказал Модьун, слегка удивленный этим отказом. — Они, наверное, будут счастливы узнать, что вы намерены отказаться от атаки. Ведь *это* правда?

— Да, абсолютная, — искренне подтвердило существо. — Действительно, если вам удастся убедить их позволить нашим наземным войскам вернуться на корабль, то скажите им, что мы тут же улетаем.

— Я очень рад слышать это, — заметил Модьун. — Но полагаю, будет все же лучше, если вы сами это и скажете.

Нунули попятился назад.

— Мне кажется, я должен находиться в рубке управления, организуя наши силы для обороны передней части корабля на случай, если враг начнет атаку до того, как вы сможете переговорить с ними. Я заметил, что, похоже, никто этим не занимается.

Это была правда. Модьун вдруг понял, что тела лежавших вокруг них существ, как мертвых, так и живых, принадлежали людям-животным, которые каким-то образом выбрались или выползли из бойни дальше к задней секции. И войска Гуньанцев, наверное, маневрировали в нескольких больших парках, расположенных в той же части корабля.

— Хорошо, — громко согласился он, — ваше предложение в общем неплохо. Здесь могут начаться не очень согласованные действия и возникнуть трудности при передаче сообщений. Для спасения оставшихся в живых, что, — Модьун вспомнил о той заинтересованности в продлении жизни, которую проявили четверо его друзей, когда их приговорили к смерти, — я уверен, сейчас — самое главное. И как мне представляется, — обратился он к инопланетному существу, — это также и ваша обязанность.

Кажется, цвет кожи Нунули приобрел свою

первоначальную ярко-серую окраску.

— Собственно говоря, — заметил он, — я имею указание комитета не подвергать себя ненужному риску. В своем стремлении к миру мне, похоже, придется поступить именно так. Поэтому я лучше быстро уйду.

— Я не знаю ничего о вас и мире… — начал было Модьун, но остановился, потому что его слова неслись вслед быстро удаляющемуся Нунули, который несколько секунд спустя юркнул в боковой коридор и исчез.

Модьун продолжил свой путь. Хотя в том не было особой нужды — в таком замкнутом пространстве его настоящая система защиты действовала автоматически — он включил сигнальную систему восприятия чисто из любопытства. Почти тут же поступил первый ответный сигнал, сообщавший, что за ним следят при помощи довольно сложных приборов, которые могут создавать изображение, непосредственно не видя цель.

Вскоре Модьун понял, что двери мягко отворились, и он оказался на территории, контролируемой Гуньанцами. Множество каких-то существ — скорее всего, солдат — вышло в коридор из комнат позади него, отрезав путь к отступлению.

«Хорошо, — подумал Модьун. — Надеюсь, они

видели, что я шел сюда с какой-то целью».

Вдруг он почувствовал в своем мозгу какое-то ощущение воздействия Что-то яркое промелькнуло мимо плеча.

Не оборачиваясь, Модьун продолжал идти прежним быстрым шагом, беспокоясь лишь о том, чтобы не споткнуться о трупы. Еще одна яркая вспышка промелькнула у него над головой, а потом другая. В его мозг хлынул непрерывный поток энергетических воздействий. Но, заметил он, уровень энергии был минимальным, это была защита, не сопротивление.

Существа не целились прямо в него. Модьун предположил, что они проверяют его решимость продолжать идти в выбранном направлении.

Так же внезапно, как и началась, энергетическая стрельба прекратилась. А через несколько секунд, когда он достиг бокового коридора, с двух сторон его окружило с полдюжины существ, блокируя путь.

Модьун остановился. Он подумал, что сейчас точно узнает, чего будет стоить дальнейшее продвижение вперед.

Противостоявшие ему существа были грубыми и коренастыми. У них были головы, тела, руки, словно их грубые человеческие тела были выруб-

лены из мрамора.

«Человек сделан из мягкой глины, — подумал Модьун, — а Гуньанцы — из твердого коричневатого мрамора» Одно из шести созданий, преградивших ему путь, махнуло ему рукой. Повелительным жестом. Оно, похоже, приказывало ему что-то сделать. После этого Гуньанец что-то резко прокричал, и тут же он и пятеро его товарищей разделились на две группы по трое. Одна группа заняла положение слева от него, а другая — справа. Модьун понял, в чем смысл этого. И действительно, когда он снова пошел вперед, обе группы отправились вместе с ним, не отставая Его сопровождают? Куда?

Модьун надеялся, что на командный пост Неожиданно существо, которое уже показало, что обладает некоторой властью, отделилось от своей группы и неуклюже побежало вперед к стоявшим впереди у открытой двери нескольким Гуньанцам, внимательно наблюдавшим за ними, что-то прокричало им, а потом, повернувшись, внимательно посмотрело своими глубоко посаженными глазами в спокойные глаза Модьуна и указало на открытую дверь.

И снова Модьуну показалось, что он понял, чего от него хотят Поэтому он прошел через двери.

И оказался в огромном зале, напоминающем театр Здесь была сцена и три яруса кресел, рассчитанных по меньшей мере тысяч на шесть зрителей, с небольшой галеркой у самого потолка, способной вместить еще несколько сотен.

Несколько Гуньанцев, по-видимому, солдаты, потому что в руках они держали что-то, похожее на металлические прутья, настороженно смотрели вниз на сцену, с высокой выгодной позиции. Все остальные, кто присутствовал в зале, были на огромной сцене, позади которой тремя рядами стояло около сотни Гуньанцев. В руках у них также были металлические прутья. А перед ними сидела вторая группа существ, не меньше трех дюжин. Какой-то индивидуум, не отличавшийся от остальных, по-видимому, что-то говорил сидящим.

Все сто тридцать Гуньанцев, кажется, глядели на экран, который поднимался вертикально перед сценой. Но с того места у двери, где остановился Модьун, нельзя было увидеть происходящее на экране.

25

Когда существа на сцене осознали присутствие Модьуна, то вся эта драматическая картина мгновенно изменилась.

Индивидуум, который обращался к остальным, умолк и тяжелой поступью сделал несколько шагов к краю сцены поближе к Модьуну, а потом заговорил громким голосом Слова эти были обращены к тем, кто сопровождал человека, а поскольку и другие слышали их, то Модьун мог присоединиться к их числу, не боясь выглядеть невежливым, почему он включил мысленное восприятие, и смысл слов, в несколько грубом переводе, стал ясен ему.

— Поставьте передо мной эту свинью!

Полученный при этом Модьуном из сознания этого Гуньанца образ животного, название которого соответствовало представлению о неизмененных земных свиньях, валявшихся в грязи, больше напоминал небольшую рогатую корову.

Модьун обиженно улыбнулся при мысли о таком неудачном сравнении И поэтому он заговорил вслух, одновременно передавая мысленное сообщение:

— Я пришел сюда добровольно Если вы хотите, чтобы я прошел на сцену, то я с радостью сделаю это.

— О… Да ты говоришь на нашем языке! — Гуньанский главнокомандующий был удивлен. — Хорошо, я рад, что у нас есть с кем побеседовать.

Модьун решил, что будет слишком сложно объяснить природу мыслевосприятия, которое при использовании в сочетании с произносимыми словами создавало впечатление, что собеседник слышит родную речь. В этом способе особенно хорошо то, что он ограничивал вторжение в мысли другой личности значением произносимых слов.

Думая так, он быстро пошел вперед. Шесть его эскортеров побежали несколько неуклюже рядом с ним, чтобы не отстать от него. Из-за кулис на сцену вели широкие ступени. И лишь когда Модьун поднялся по ним, он увидел то, что показывал огромный экран: прекрасный вид внизу, часть планеты Гуньанцев, очевидно, непосредственно под земным кораблем. Никто не помешал ему пересечь всю сцену и пройти туда, откуда он мог наблюдать всю картину.

Внизу был день. Ясный, светлый, все было хорошо видно, но, казалось, события разворачивались лишь в полумиле внизу. С одной стороны,

изгибаясь в лесу, протекала река, неожиданно выныривая на огромную равнину в районе посадки корабля. На этой равнине, занимая часть обеих берегов, располагалась армия землян Она не окопалась — что создавало неправильное впечатление их отчаянного положения. Но отступить она не могла.

Со всех сторон их обступали войска Гуньанцев, теснили, сжимая в кольцо около двух квадратных миль. А это было очень малое пространство для четверти миллиона людей-животных и их снаряжения.

Между этими армиями — Земли и Гуньи — развернулась битва. Среди людей-животных Земли появлялись огромные вспышки яркого разноцветного огня, и сверкающие пятна пламени возникали в непрерывных брызгах огня среди отдаленных войск Гуньанцев.

Вот и все, что успел увидеть Модьун, перед тем как резко отвернуться от экрана, — очень жестокое и беспощадное побоище.

— Мы должны остановить эти битву как можно скорее Нет никакой необходимости армиям и Гуньи, и Земли продолжать эту бессмысленную резню.

— Кто вы? — резко спросил Гуньанский главно-

командующий.

— Меня зовут Модьун. А как вас?

— *Я* генерал армии Гердов. Меня зовут Дуэр.

— Генерал Дуэр, я представляю Нунули-Повелителя этого корабля Земли. Давайте остановим эту бойню.

Последовала долгая пауза. Потом грустный ответ:

— Это сражение может быть остановлено только при полном уничтожении или при полной капитуляции вторгшейся армии.

Модьун вздохнул так, как это делал Иччдохз, открыв рот и выдохнув воздух. Затем он сказал:

— В этом нет необходимости. В конце концов мы оба знаем, что страдают только простые люди. Естественно, руководители никогда не капитулируют и не позволят уничтожить себя. Поэтому ваше предложение нереально.

— Наказание должно соответствовать преступлению, — последовал беспощадный ответ. — Они входят в состав вторгшихся войск агрессора, пытающегося захватить Гуньу.

— У этих простых людей не было таких намерений, — возразил Модьун. — Кроме того, какой бы ни была индивидуальная ответственность, условия изменились. Теперь они хотят покинуть

эту планету, отказываясь от атаки, если ваш передовой отряд покинет корабль и нам будет позволено вернуть своих людей.

Мысленная позиция существа, стоявшего перед ним, оставалась такой же неумолимой.

— Если война началась, — начал Гуньанец, — то ее не так просто прекратить. Мы требуем полной капитуляции этого корабля и планеты — Земля, так, кажется, вы назвали ее? — осмелившейся послать войска для захвата Гуньи.

Модьун покачал головой.

— Это неправильное, устаревшее мнение, — сказал он. — Война не устраивает ни ту, ни другую сторону. Прежде всего, она никогда не должна была начинаться. Но раз уж так случилось, то ее нужно прекратить как можно скорее. Вам очень повезло, что атака захлебнулась. Чем скорее вы начнете думать об этом с такой точки зрения, тем быстрее поймете, что ничего не выиграете своим непреклонным ответом. Прекратите эту войну, пока люди моей армии чувствуют себя побежденными. Они могут что-то придумать или у них появятся такие же желания, как и у вас, и тогда они не сдадутся.

Последовала долгая пауза. Генерал Дуэр стоял и смотрел на землянина глубоко посаженными

глазами. Казалось, он переваривал смысл сказанного человеком. Наконец он спросил:

— Мы обсуждаем один и тот же вопрос?

Модьун был удивлен. Ему казалось, что он изложил свою позицию, как обычно, по существу. И все же, имея дело с неразумными индивидуумами, он уже обнаружил, что они стремятся искажать истину. Поэтому теперь, четко выговаривая слова, он сказал:

— Предмет моего разговора — отвод ваших армий с этого корабля и мирная высадка наших наземных сил. Взамен Нунули-Повелитель соглашается отказаться от агрессивных действий против Гуньи.

— Да? — иронически воскликнул генерал. — Я не могу быть уверен в этом. У меня создалось впечатление, что враг для ведения переговоров послал безумца.

— Здравомыслие, конечно, относительное понятие… — начал говорить Модьун, но его резко оборвали:

— Ваши армии и ваш корабль полностью в нашей власти. И тем не менее вы приходите сюда и ведете себя так, словно дела обстоят по-другому. Кто, черт возьми, вы такой? И что значит вся эта болтовня?

Разумеется, это был не точный перевод, а только вежливая интерпретация его грубой речи.

— Я пассажир, — ответил Модьун. — Ну, то есть… — Он остановился, размышляя, может ли он рассказать о своем положении последнего человека Земли. О его роли на корабле — непрошеный гость, который не считается опасным, но которого нельзя заставить покинуть корабль. Модьун подумал, что он лишь хочет найти Судлил и поговорить с одним из членов комитета.

— Я не участвую во всем этом, — закончил он свое предложение, скрыв неопределенность, и махнул в сторону Гуньанских солдат, захватывая и огромный экран. — Но я хочу поговорить с вами. Впрочем, если вы не измените своей точки зрения, тогда нет необходимости продолжать беседу. Если вы не сможете посмотреть на все с разумных позиций, а, очевидно, так оно и есть, я вернусь в свою часть корабля.

— Нет, — многозначительно сказало существо перед ним. — Вы никуда не пойдете. На Гунье мы отсылаем головы неудачливых посредников их начальникам.

От остальных существ на сцене донеслись какие-то звуки. Это был, как понял Модьун, их иронический хохот.

Он с упреком покачал головой.

— Должен предупредить вас, что мое тело не любит личных угроз. Для меня явилось открытием, что древние люди действительно не могли жить, придерживаясь пассивной философии. Я пытался понять, каким образом мне справиться с такой автоматической подавляющей реакцией, и решил, что в нынешней критической ситуации мне придется преднамеренно мягко вторгнуться в ваше сознание. Заранее извиняюсь и прежде чем сделать это, я хотел бы сообщить вам, что я единственный на корабле, кто может говорить на вашем языке. И вы уверены, что можете угрожать переводчику, который…

Модьун замолчал.

Потому что именно в этот момент он ощутил прилив тепла в один из своих восприимчивых центров. Он слегка повернулся и посмотрел туда, откуда исходило тепло. Когда он сделал это, лампочки в зале начали мигать.

Модьун успел подумать:

«Ради бога, *подобное*… в такой отсталой культуре, как Гуньанская!»

И тут он подумал, что их знания о таких явлениях не полные и они, по всей видимости, не осознают, что их нельзя применять у поверхно-

сти планеты.

Дальнейшие критические размышления стали невозможными.

Модьун воспринимал все, с чем только мог справиться его мозг, в каждое конкретное мгновение.

26

Модьун не задумывался над тем, что делать дальше. Если бы он задумался об этом даже на мгновение, это заставило бы его заколебаться, а на таких сверхскоростях это могло бы оказаться смертельно опасным. Произошедшее было энергетическим явлением. В этот миг он лишь с интересом, и очень сильным, наблюдал за пространственным явлением, которого никогда до этого не видел, но о котором слышал.

В первые полсекунды его мозг отметил появление черной дыры, действительный размер которой, как он определил, составлял восемь километров.

Довольно небольшая.

Первоначально, он отметил, это было голубое солнце. После сгорания всего водорода в ядерной реакции оно превратилось в красный гигант и быстро, необычайно быстро, израсходовало свой гелий, углерод, кислород, кремний и так далее вплоть до железа, когда (в понятиях звездного времени) установилось устойчивое состояние. Но железо тоже было исчерпано, после чего звезда на короткий миг устойчивого состояния превра-

тилась в белый карлик.

Следующий коллапс должен был стать невероятным безумием нейтронной звезды. Но установить равновесие для такой малой массы, как эта луна, оказалось невозможным. И возникла особая область пространства в восемь километров в диаметре.

Гравитационная дыра.

Модьун с удивлением подумал:

«Эти Гуньанцы, наверное, уже экспериментировали с подобными гравитационными силами в ближнем космосе. Так что они узнали кое-какие из этих законов и собираются нанести поражение комитету. Это кажется невероятным. Трудно вообразить себе, что у них действительно есть развитая технология. Но нет никаких сомнений в том, что они управляют этой гравитацией.

Вот почему после посадки корабль потерял подвижность и не в состоянии взлететь — его удерживает уровень гравитации красного гигантского солнца».

Десять секунд он затратил на обдумывание этого — довольно большой промежуток времени по масштабам микроскопической Вселенной черной дыры.

Модьун чувствовал, как корабль содрогает-

ся под ним, когда его компьютеры пытались приспособиться к непрерывному сдвигу в гравитационном и магнитном потоке, пытаясь противостоять возникшему особенному состоянию пространства-вещества, энергетическому безумию. Что, конечно, было невозможно.

За эти десять секунд гравитационные силы преодолели уравновешивающую мощь гигантских машин звездолета, нарушив точку равновесия.

И в тот же миг огромный корабль начал падать вниз.

«Э-э, ведь гравитация не является силой, — напомнил себе Модьун. — В некотором отношении она даже не поле в обычном магнитном смысле этого слова. Для двух тел в пространстве *легче* стремиться к притяжению, чем к отталкиванию. И это *единственная* причина, почему такой огромный корабль мог приблизиться к поверхности планеты. Так что его „гравитационным двигателям“ нужно было только создавать поле, в котором каждая частица корпуса корабля игнорировала бы присутствие огромной массы планеты».

Силой можно управлять, уменьшая ее как угодно от максимальной. Потому-то корабль и кружился прежде, не приближаясь к планете, на

расстоянии в полмили от ее поверхности, находясь в гравитационном равновесии.

Использование черной дыры нарушило это равновесие.

Но корабль все еще падал с ускорением свободного падения. На Земле его скорость составила бы шестьдесят футов в первую секунду и дошла бы до тридцати двух во вторую; на Гунье примерно то же самое. В таких вопросах разница между двумя планетами, измеряемая в дюймах или сантиметрах на секунду в квадрате, составляла… совсем малые величины.

Не существует систем восприятия, которые непосредственно могли бы иметь дело с такими колоссальными силами.

«Но кто-то сделал это, — продолжал свои размышления Модьун. — И с ним или ними можно войти в контакт».

Но он все еще не воспринимал происходящее как битву. Он просто привел в исполнение свое первоначальное решение получить информацию от генерала Дуэра. И ощутил растерянность. Страх. Весь мозг и тело Гуньанца отражали убежденность в неминуемой катастрофе.

— Хорошо, хорошо, — кричал в темноте Гуньанский военачальник. — Мы уйдем. Но, ради Бога,

не разрушайте корабль!

«Он не знал!»

Удивленный Модьун предпринял следующий шаг: включил систему восприятия сознания окружающего пространства.

И увидел какое-то лицо..

Не человека. Не Гуньанца. И не Нунули.

Сосредоточенное лицо. Треугольная голова. Два глаза, узкие, почти кроваво-красного цвета. И эти прищуренные глаза, казалось, впились прямо в глаза Модьуна. Но лишь на короткое мгновение их взгляды встретились в грубом физическом смысле. И во время этого бесконечно малого времени мозг, скрывающийся за этими глазами, не сознавал, что за ним наблюдают.

И тогда же Модьун послал вперед мысль:

— Кто вы? Почему вы делаете это?

Автоматически последовал ответ:

— Я член комитета — специальный агент — который уничтожил людей за барьером. И теперь, применяя другой способ, столь же мощный, знание которого принадлежит исключительно членам комитета, я…

В этот момент существо осознало присутствие Модьуна И сразу автоматический поток мыслей прекратился.

Модьун был поражен этим отключением.

В темноте вокруг него Гуньанцы в смятении карабкались и издавали бессмысленные хриплые звуки. Корабль падал, У него возникло тошнотворное чувство, какое испытываешь на слишком быстро спускающемся лифте.

Для Модьуна все это было не так уж важно. В этот момент он почувствовал такое страстное желание получить информацию, что принудительным образом потребовал от далекого члена комитета ответа, не замечая, что вторгается в сознание инопланетного существа.

Когда сила его требования достигла максимума, странное сосредоточенное лицо вместо того чтобы становиться более ясным… поблекло, уступив место, словно в замутненном пруду, голове и плечам какого-то существа с золотистыми волосами. Видение задрожало, но потом успокоилось, и Модьун увидел…

Судлил.

Ему показалось, что между ними пролегло громадное расстояние. Но ее синие глаза смотрели прямо на него, словно она находилась всего в нескольких дюймах от него И мысленные рецепторы мужчины уловили ее мысли, четкие и безошибочные, но какие-то печальные:

«Модьун, я нуждаюсь в твоей помощи. Я угодила в ловушку, установленную Зувгайтом, членом комитета…»

Связь прервалась. Ее изображение на таком удалении оставалось четким, но если она все еще и передавала мысли, то они не доходили. И Модьун вспомнил то, что Нунули сказал ему о Зувговском способе одностороннего мысленного контроля.

«Так это правда!»

Невероятно, чтобы один Зувгайт, предположительно без посторонней помощи, был способен на столь интенсивный односторонний мысленный поток, что создавал препятствия и задержки в системах мысленной передачи.

27

Модьун проделал то, что было для него необычно: он вдруг понял, что верит, будто появление изображения Судлил на экране произошло намеренно. Это был какой-то план. Навязанная силой причинно-следственная связь, о существовании которой ему удалось узнать лишь потому, что он должен был постепенно подстраивать свой мозг к искаженным целям существа с неведомыми мотивами.

Вокруг него, когда он понял это, была сплошная темнота неосвещенного огромного зала космического корабля. Он накренился, как это бывает с огромными телами, падающими в воздухе. Словно огромная масса атмосферы, раздвигаясь перед падающим чудовищем, бурей пронеслась по всем нижним палубам корабля, отыскала выемки и выпуклости, что вызвало дисбаланс в скорости падения отдельных частей. Пол начал крениться вперед. Модьун вынужден был стоять, как на склоне горы, слегка согнув одну ногу и опираясь на другую.

Стоя в этом несколько неуклюжем положении, Модьун понял: «Меня специально заставили

обратить внимание на затруднительное положение Судлил, чтобы занять меня на то время, пока корабль не упадет на землю.

Что и произойдет через несколько десятков секунд.

Ловко придумано…»

Тело Модьуна почувствовало тепло. Его лицо стало разгоряченным, напряженные глаза горели, зубы были крепко сжаты. Он продолжал думать.

«На самом деле член комитета все еще находится там — невидимый за изображением Судлил.

Ничего другого не остается…» — И Модьун мысленно потребовал, чтобы ему сообщили всю правду.

И тут же пришел мгновенный ответ, занявший, однако, несколько секунд. В течение всего этого времени сила его требования не отпускала члена комитета, связанного с образом, который тот пытался удержать.

Неожиданно изображение Судлил затуманилось. И снова ощущение расстояния… Модьуну казалось, что она отдаляется от него еще дальше.

Потом лицо Судлил исчезло. И там, где она была со своей странной просьбой о помощи, осталась..

Темнота.

В огромном зале театра замигали лампочки, затем включилось освещение. Одновременно возникло ощущение, как в останавливающемся лифте — словно прыгаешь с десяти или пятнадцати футов и падаешь на глинистую отмель. У Модьуна перехватило дыхание. Его колени подогнулись, и он неуклюже повалился на пол.

«Лифт» снова включился, теперь уже направляясь вверх. Скорость соответствовала ускорению свободного падения и потому его удерживало прижатым к полу. Лежа таким образом, на несколько секунд оказавшись беспомощным, Модьун понял, что произошло. Член комитета был вынужден удалиться, чтобы оказаться вне зоны воздействия Модьуна. И тем самым ему пришлось отказаться от своего замысла. Отсечь черную дыру.

Итак, что-то происходило.

Автоматически система подъема корабля восстановила свою предыдущую связь с планетой под собой. Напряжение было ужасным. Конструкции корабля стонали. Каждая молекула, по теории, должна отклоняться одинаково, но на самом деле между различными элементами существовали незначительные различия. Полы скрипели, стены дрожали, все немного

изгибалось и поворачивалось вследствие этих крошечных отклонений.

К несчастью, то, что происходило, слабо напоминало реальную опасность. Черная дыра находилась в непосредственной близости от планеты. И где-то там эта внушающая благоговейный ужас огромная масса пыталась восстановить *свое* равновесие. И когда ее равновесие с макрокосмосом установится, то произойдут невероятно сильные возмущения.

Наконец Модьуну удалось подняться на ноги. И он увидел, что генерал Дуэр тоже пытается обрести равновесие. Очень быстро. Довольно смело. Но первые слова Гуньанца показались ему глупыми:

— Я знал, что вы не обрушите свой корабль на собственную армию внизу.

Неподходящий момент, чтобы объяснить главнокомандующему ему ошибку.

— Свяжите меня со своим главным руководителем.

Модьун мысленно потребовал мгновенного согласия.

Менее, чем через полминуты Модьун сжато изложил другому Гуньанцу с суровым лицом — чье изображение мгновенно появилось на экране

— историю Зувгайтов, рассказал о стремящемся завоевать Галактику комитете и попытался описать гравитационный вихрь, который представляла собой черная дыра.

Последним его советом было:

— Передайте предупреждение по радио. Скажите своим людям, чтобы они забрались под прочно укрепленные объекты, например, под дома с бетонным фундаментом. Под полом закрепите матрацы или что-нибудь мягкое, чтобы, когда произойдет резкий всесокрушающий рывок гравитации, людей прижало к этим матрацам. Ввиду невероятно медленного течения времени в черной дыре первая реакция, вероятно, произойдет не раньше, чем через несколько часов.

Он закончил связь требованием общего согласия.

Сработает ли какой-нибудь метод защиты? Модьун не был в этом уверен. Он не исключал возможности того, что твердые остатки планеты разлетятся по всему космосу.

Он признавал, что перспективы для Гуньанцев казались ужасными, но не мог не сказать об этом генералу Дуэру:

— Я думаю, вашим штурмовым отрядам лучше оставаться на борту нашего корабля, и, если это

возможно, доставить сюда и такое же количество женщин. Ну, а сейчас отведите меня туда, откуда я мог бы связаться с рубкой управления корабля. Как мне кажется, связаться с ними из этой части корабля я не смогу.

Когда его пожелание было выполнено, Модьун не стал дожидаться, пока окажется у передающего устройства, а просто включил свою систему восприятия и определил местонахождение Нунули.

Потом направил вперед мысль. И снова внушение согласия.

— … пусть войска поднимутся на борт корабля. Поднимайтесь медленно и, достигнув расстояния в сто миль над армией, удерживайтесь в этом положении. Передайте по кораблю предупреждение, что будут самые различные толчки в результате гравитационных возмущений, почему каждый, если захочет спать, должен привязаться ремнями Он сделал все, что было в его силах.

Модьун вернулся в свою каюту. И лишь тогда почувствовал себя виноватым.

«Разве когда-нибудь прежде я воздействовал на сознание других людей?»

Модьун спал неспокойно, с чувством этой ви-

НЫ.

28

Запыхавшись, Модьун вошел в свою каюту и подумал «Теперь Нунули не сможет действовать против меня и мне нужно опасаться какого-нибудь другого нападения уже со стороны самого комитета».

Раздевшись, Модьун прошел к кровати, привязался ремнями… и уснул.

… и проснулся оттого, что ремни чувствительно впились в его тело. «Три „же“», — оценил он.

Модьуну было тревожно, но ко всему ведь нужно подходить с философской точки зрения. Теоретически сила тяжести внутри черной дыры может достигать тысяч «же». Хотя двигатели корабля были рассчитаны на случай чрезвычайных обстоятельств, но в сочетании с огромными скоростями это делало возможным деформацию в любую сторону: вверх, вниз, влево, вправо. И встроенное устройство всегда найдет положение минимального напряжения.

«…Не о чем беспокоиться. Нужно доверить…»

Вообще-то всего четыре раза резко навалилась сила тяжести. Все это время Модьун лежал в темноте — вернее, даже плыл — позволяя себе

сознавать колоссальную скорость гигантского корабля, когда он сначала ускорялся, а потом резко тормозил, пролетая за секунду расстояние в десятки световых столетий.

И проскочил черную дыру.

Когда это случилось, Модьун спал. И в его сознании возник образ Судлил, раздетой, как в тот первый день, когда она вышла из-за барьера, но в тот раз ее вид нисколько не взволновал его А вот теперь, в этом сне, это воспоминание расшевелило в нем ранее не испытываемое им чувство И он уже собирался исследовать это чувство, когда его ошеломило понимание того, что он человек видит самый настоящий сон.

Модьун, удивленный этой мыслью, проснулся Сон! У него? Но лишь животные видят сны, чтобы разрешить все свои проблемы и избавиться от конфликтов предыдущего дня.

«Я начинаю ослабевать» — Эта мысль обеспокоила его То, что он видит сон, — первый симптом, что его бодрствующее днем сознание уже не справляется с грузом навалившихся на него проблем.

Сначала Модьун не обратил внимания на содержание сновидения Его испугал *сам* факт появления сна И все же вскоре он стал осознавать,

что во сне его гениталии приобрели твердость, которую он до этого замечал только у мужчин-животных.

«Будь я проклят! Так вот как это происходит!» Испытывая огромный интерес, Модьун встал и внимательно изучил это явление в зеркале ванной комнаты Но, очевидно, его половой член не мог вынести такого осмотра, и вскоре он пришел в прежнее состояние.

Однако, когда Модьун одевался, он был весел Он несколько раз проигрывал в уме этот сон, главным образом ради — как осознал он — его эротического содержания Когда он расчесывал волосы, до него с опозданием дошло, что такой необычный случай, как сон, может иметь и совсем иное значение.

«Новое нападение?»

Возможно, пока его мозг был поглощен переживанием первой страсти, происходило действие, которое он не должен был заметить Охваченный тревогой, Модьун включил систему восприятия.

Но корабль мирно плыл в обычном пространстве, направляясь к ближайшей солнечной системе А в поле, которое охватывал его мысленный зондаж, имелась лишь одна темная область — Нунули. Но даже она была не такой темной,

как раньше.

«Если что-то и случилось, — печально подумал Модьун, — то это уже произошло Да и не такое уж это важное событие, чтобы оставить после какой-нибудь след».

Но, конечно, такой сон — идеальное нападение на таких, как он.

Модьун закончил одеваться, все еще продолжая размышлять о возможной природе нападения, когда в дверь позвонили. Модьун мгновенно среагировал и направился к двери. Почти тут же в голове мелькнула мысль об осторожности, и он остановился:

«Пора перестать быть безупречным и понять, что их заговор направлен против одной личности — меня самого. Да, это кажется невероятным, но тем не менее в этом нет никаких сомнений. Началось все с нападений людей-гиен, а закончилось грандиозным появлением черной дыры, и человеческая раса, которую олицетворял лишь один мужчина — он сам — и есть их цель».

Они-то и вызвали этот сон о природе сексуального возбуждения. Очевидно, им нужно было чем-то занять все его внимание, пока они готовят последнее нападение. И поскольку он сделал невозможным для Нунули-Повелителя этого ко-

рабля предпринять любую попытку нанести ему какой-нибудь вред… Да, это, конечно, действия какого-то члена комитета.

Но все равно, трудно было представить себе, что один Зувгайт проявляет личный интерес к судьбе какого-то одного человека с какой-то небольшой планеты. Но в этом не было сомнений. Злобное создание с красными глазами, с которым он вошел в короткий контакт во время атаки черной дыры, позволило увидеть себя. Столь же важно было и то, что они хотели гибели своего слуги Нунули вместе с кораблем — не предупреждая об этом нападении. Фантастическая мысль, но она была верной.

«Как бы то ни было, но я готов как никогда!»

Остановившись, Модьун включил все уровни восприятия, так что, если включится один, то автоматически сработают и остальные.

Приняв эти меры предосторожности, он прошел к двери и открыл ее. Там, как он и предчувствовал, стояли все четверо его друзей-животных, глуповато улыбаясь.

— Эй! — воскликнул Модьун. — Входите же!

Произнося эти слова, он уже сражался за свою жизнь.

29

Дуло ружья выплюнуло пламя. Сверкающий заряд как молния пролетел несколько дюжин футов по коридору, вызывая ужасный треск, прежде чем вонзился в пол.

— Иччдохз, — раздраженно сказал Руузб, — следи за своими действиями. — Потом повернулся к Модьуну. — Привет! — поздоровался он, улыбаясь.

Все случилось так быстро, эта попытка снести ему голову. И, когда она не удалась, мгновенно был использован механизм уничтожения.

Теперь он не сможет проанализировать, какой метод они противопоставляют человеческой системе восприятия. Но в каком же, наверное, отчаянном положении они оказались, раз решились показать ему, что у них есть такой метод.

У Модьуна не было времени сразу же поразмыслить над этим: когда Дуулдн вошел, он вдруг обнаружил, что хватает и по очереди прижимает к себе каждого человека-животного.

— Ребята, я так рад видеть вас!

Его руку неистово трясли. Нежная рука Наррла обхватила его шею и плечи, а потом толкнула

его на могучую грудь Руузба, который так сильно сжал Модьуна, что у того перехватило дыхание.

— Эй! — Только и смог выдавить из себя Модьун. — Хватит, друзья!

Как вскоре узнал он, они довольно хорошо оправились от переживаний. Но все равно еще были возбуждены.

— Друг! — воскликнул человек-медведь, качая головой. — Здесь внизу гнездо гремучих змей. Мы взяли на борт больше этих существ, чем, на мой взгляд, следовало. Чем скорее мы уберемся с этой планеты, тем будет лучше.

Потом он добавил:

— Нам удалось освободиться и вернуть обратно наши войска, однако… — Человек-медведь умолк, помрачнев.

Конечно, огромный корабль был уже далеко от Гуньи, но его друзья не должны были полагать, что ему что-то известно помимо обычных сведений. «Здесь внизу» теперь отстояло от них очень-очень далеко, но человек не сообщил им об этом.

Человек-лиса издал какой-то нечленораздельный звук, когда человек-медведь закончил говорить. Модьун посмотрел на него.

— В чем дело, Наррл?

Слеза скатилась по щеке человека-лисы.

— Странно, я никогда не думал об этом путешествии как о завоевании. Предположим, мы действительно завоевали этих — как их там? Что бы мы тогда с ними сделали?

— Это все проклятые люди-гиены, — проворчал Иччдохз — Как и говорил Модьун: группа, узурпировавшая власть, с ошибочными идеями.

Слушая их, Модьун почувствовал себя лучше Значит, они действительно обвиняют людей-гиен, которые лишь ненамного умнее их; и, конечно, они никогда не совершат нового нападения на эту планету. Но в силе их протеста заключалась и надежда, что, возможно, и у остальных людей-животных на борту корабля можно вызвать желание неповиновения властям.

За этой промелькнувшей в голове Модьуна мыслью не стояло пока что ничего серьезного, хотя она имела вид какого-то решения — словно человек *мог* взять снова под контроль людей-животных Земли.

Модьун понимал, что мысль эта несколько преждевременна Он участливо спросил:

— Итак, вы четверо больше не будете спускаться. В следующий раз наступит очередь кого-то другого, правильно?

— Тогда почему нас позвали сегодня утром и сказали, чтобы мы носили электрические ружья до получения дальнейших указаний? — пожаловался Дуулдн.

«Так вот в чем дело!»

— А что, с этими ружьями есть какие-нибудь проблемы? — небрежно поинтересовался Модьун.

Руузб с отвращением пожал плечами.

— Офицер-гиена обнаружил неполадку в ружье Иччдохза, и потому мы задержались с приходом сюда, пока его приводили в порядок. Но, быть может эй! — Его огромные карпе невинные глаза расширились. — Быть может, ружье так до конца и не отремонтировали. Быть может, поэтому оно и выстрелило у двери. А как ты считаешь, Иччдохз?

Человек-гиппопотам согласился, что, возможно, это действительно все объясняет. Поэтому Модьун, чувствуя огромное облегчение простотой объяснения случившейся попытки убить его (в которой, по всей видимости, член комитета действовал в обход Нунули и непосредственно воздействовал на офицера-гиену), сказал:

— Хорошо, в конце концов, что вас попросили ходить с ружьями, это всего лишь естественная

мера предосторожности Это совсем не значит, что вас пошлют вниз в следующий раз.

Очевидно, такая мысль не приходила никому из них в голову Они тут же просияли и вскоре весело рассказывали о своих тяжелых переживаниях на Гунье Теперь, когда все закончилось, их смех звучал громко, словно они успокаивали себя, пересказывая и смеясь над самыми ужасными и опасными моментами высадки.

Вскоре Модьуну показалось, что прошло достаточно времени пока они все болтали и болтали, а он напряженно думал.

И он принял решение.

Модьун встал. Итак, вот он, подходящий момент Повернувшись, он встал лицом к четверым друзьям, поднял одну руку, чтобы привлечь их внимание, а затем сказал:

— Друзья, мне нужно сообщить вам нечто важное.

Потом он простыми словами рассказал им, кто он такой, что он уже успел сделать и какие проблемы еще предстоит решить Когда он закончил, наступило долгое молчание Наконец Руузб встал и, подойдя к человеку, молча потряс его руку Это послужило для остальных сигналом, и они сделали то же самое.

Но когда они снова уселись, их блестящие глаза неподвижно смотрели на Модьуна, ожидая продолжения. Однако первым начал Руузб, сказав рассудительно:

— Итак, ты находишься здесь — со всеми способностями своей уничтоженной расы.

Модьуну должен был согласиться, что это правда.

— Я вот не понимаю только одного, — сказал он. — Нет сомнений в том что, как они показали, они могут сделать со мной, в равной степени относится и Судлил. Но тем не менее они не убили ее. Почему?

Наррл мрачно ответил:

— Они сохранили ей жизнь, чтобы использовать против тебя так, как ты это уже говорил. Этот Зувгайт специально поставил ее перед собой, чтобы ты не мог ударить по нему.

— Но, — не согласился Модьун если они действительно могут полностью контролировать твой метод мысленною воздействия, зачем им вообще заниматься всей этой чепухой?

Дуулдн, который до этого молчал, вдруг сказал:

— Я не вижу в будущем ни одной настоящей проблемы. Тебе нужно просто держаться подальше от этих Зувгайтов и их хитрого метода

управления вашим мозгом, и, — он махнул рукой, — тогда все проблемы отпадут сами по себе.

— Да! — воскликнул Иччдохз.

Руузб и Наррл тоже просияли.

— Да, только и всего, — сказал человек-лиса.

— Ну-у… — протянул Модьун нерешительно.

Последовавшая пауза смущала его. Их предложение бежать подальше от неприятностей не подходило для человека, люди так не поступают, человек, и это Модьун считал само собой разумеющимся, — высшая форма жизни.

Перед ним никогда не стояло такой проблемы: может ли он или посмеет ли? Модьун никогда не пренебрегал опасностью настолько, чтобы у него пропадало чувство страха. Если он и избегал какой-либо конфликтной ситуации, то только из философских соображений, но теперь это стало неприемлемым — при *нынешних* обстоятельствах, когда он решил поговорить с членом комитета. Он без особой радости объяснил свое решение друзьям.

Кому-то нужно отправиться вперед и разведать их замыслы, а потом убедить их отказаться от них, если они не смогут дать подходящее объяснение. И откровенно признаюсь, я не вижу, как они могут это сделать. Например, они взяли сюда

с Земли миллион людей для завоевания новой планеты.

Кто-то должен сказать им, какой неподходящей была такая программа для всех участвующих в ней людей, для тех, кто атаковал, для тех, кто защищался, для тех, кого убили там всего за несколько мгновений.

— Вот вам, — сказал Модьун, — когда вы ползали там, в гуньанской грязи, было не до смеху, не так ли?

Четверо друзей согласились с этим.

— Вот что я имею в виду, — продолжал Модьун. — Я хочу совершить посадку вблизи одного из зданий внизу, выйти и поговорить с членом комитета.

— Но ведь он своими более мощными телепатическими способностями нейтрализует твою систему восприятия, — возразил Наррл, — и тогда ты окажешься в его власти.

Модьун махнул рукой, как это часто делал сам Наррл.

— Это неважно, — сказал человек.

— О Господи!. — воскликнул Дуулдн — Да ты совсем рехнулся?! — Потом он повернулся к остальным. — Друзья, у этих людей, похоже, размягчение мозгов.

Это была реакция, разрушающая барьер.

Они все испытывали благоговейный ужас. Перед человеком. Потомком их древних создателей! И поэтому они подчинились образу — представляемому ими — сверхчеловека. Вспышка человека-ягуара освободила их.

— Послушай, дружище, — проворчал Руузб, — ты храбрый человек, но с такой философией тебе никогда не уйти от Зувгайта живым.

— И вдумайся, — заговорил Наррл, — ты обладаешь всеми научными знаниями своей расы Разве они не могут помочь тебе найти уязвимое место Зувгайтов?

Этот вопрос человека-лисы удивил Модьуна.

— Вообще-то, — ответил человек, — если бы я позволил себе думать о насилии то верно, комитет знает меньше людей о едином мысленном пространстве или черной дыре, могущих использовать такие вещи.

Дуулдн вскочил на ноги.

— Никогда не занимался подобной интеллектуальной чепухой, — сказал он — У тебя есть какая-нибудь идея, которую можно было бы практически применить?

Модьун глубоко вздохнул.

— Третий закон движения, — спокойно ответил

он, — действует в едином мысленном пространстве так же, как и в обычном, разумеется, с той разницей, что тут это волна, сохраняющая энергию.

— Что это значит? — спросил напрягшийся Иччдохз, наклоняясь вперед.

Дуулдн нетерпеливо пояснил остальным людям-животным:

— Действие и противодействие равны и направлены в противоположные стороны.

Потом он обратился к Модьуну:

— В чем же смысл?

— Им не следовало взрывать город людей за барьером, используя энергию единого мысленного пространства. Где-то там еще продолжаются ядерные реакции — Модьун с упреком покачал головой — Если кто-то когда-нибудь найдет того, кто знает о подобных вещах.

— А может, *ты* и есть этот кто-то? — рассудительно спросил Руузб.

— Я! — воскликнул Модьун.

И замолчал, пораженный. Он сообщил известные ему сведения, не обращаясь ни к кому лично, и меньше всего — к самому себе. Теперь он сглотнул комок в горле и выдохнул:

— Да, я не мог сделать это. Это могло окончить-

ся массовым убийством.

— Только послушайте его! — с возмущением фыркнул Иччдохз.

Руузб поднялся на ноги и сказал:

— Мы тоже отправимся вместе с тобой туда и будем прикрывать тебя своими электрическими ружьями. Позже мы сможем обсудить твои действия.

— Думаю, — предположил Модьун, — что мы должны сперва высадить армию. Но не для пальбы или чего-то подобного, а просто потому, что тогда трудно будет предпринять что-либо против такого количества существ, особенно когда они будут именно там, где находятся Зувгайты.

— Это неплохая мысль, — согласился Дуулдн.

30

Они позавтракали. Потом в сопровождении четырех людей-животных, испытывающих благоговейный трепет перед ним, Модьун направился в рубку управления.

— Быть может, они не пустят нас, — с сомнением заметил Наррл, когда они подошли ко входу — огромной двери, сдвинутой глубоко в большую нишу.

Лампочки у входа ярко светили, а на металлической табличке было написано:

«ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!»

Мысленная сила человека снесла все эти барьеры. Кроме того, она разогнала существ, находившихся внутри: инженеров и техников-гиен. Когда никого из персонала не осталось, Модьун осмотрел запоры на всех дверях.

И через несколько минут после этого появился..

Зувг!

На огромном экране рубки управления он представлял собой только туманный светящийся круг на фоне черного неба. При увеличении стал виден какой-то небольшой город, расположенных в го-

ристой местности, — город, где жили Зувгайты.

Комитет!

С такого расстояния слабое сияние барьера, окружавшего город, нельзя было рассмотреть. Но, конечно, он существовал. Впрочем, это не имело никакого значения.

Внизу нельзя было ничего ясно рассмотреть, одни лишь утесы и каньоны, бросавшие длинные тени, темные овраги; и то тут, то там мелькали здания. Одно стояло высоко на вершине горы, еще одно — на дне тысячефутовой пропасти.

Модьун, не отрывая глаз от этой величественной картины, сдерживал дрожь. Возникающую во всем теле, а не просто в одном месте. Иногда это была нога, иногда плечо и рука… желудок и внутренности, бедра, легкие и так далее, назад и вперед по кругу. Ощущения постоянно менялись, не останавливаясь ни на секунду.

Модьун снял все барьеры для восприятия и последующей стимуляции внутренних сил.

Он чувствовал давление пола на подошвы и пятки, гладкость внутренней материи его брюк. Он вдыхал воздух, который лишь слегка щекотал ему легкие. Лицо его горело от какого-то чувства, теперь уже ставшего вроде бы постоянным. Гнева? Впрочем, Модьун не был до конца уверен в

этом. Но это чувство подталкивало его.

Просто чтобы удостовериться, *каким* было это чувство, Модьун мысленно повторил свои жизненные принципы: (1) Люди такие, как они есть, и жизнь такая, как есть — имеющая смысл. (2) Если вы доверяете людям, то они тоже будут доверять вам. (3) Полюбите их, и они ответят вам любовью. (4) Жизнь, в сущности, прекрасная вещь. Никогда не совершайте угрожающих движений, и вы будете удивлены, насколько мирной станет ваша жизнь. (5) Всегда подставляйте другую щеку.

Как он заметил, эти высказывания просто промелькнули в его голове, не дав ему мысленной подзарядки — просто приятная группа мыслей, которые, несомненно, были правильными в некоторых случаях, но нельзя было сказать, что так было всегда. Потому что, очевидно, Нунули *не* думали так. Да и эти Зувгайты… по крайней мере пока.

И так же думали некоторые земные существа. Может быть, позже, в будущем, они и будут так думать. Но не сейчас.

Конечно, ему еще нужно быть осторожным. Он по-прежнему не способен убивать. Есть и много других *запретов.* И о них Зувгайты не должны узнать.

Модьун и его друзья-животные большую часть дня следили за высадкой огромной армии в горах внутри барьера, не встречая никакого сопротивления. «Итак, они ждут меня», — Модьун теперь в этом не сомневался. Его ноги пустились в пляс, что было выражением его удовлетворения.

«Я действительно разрушил внутренние барьеры…» — Ощущаемые им внутри чувства тут же передавались его телу. И это было ему приятно.

Позднее, когда они сели пообедать, стало ясно, что друзья следили за ним, потому что Дуулдн сказал:

— А вы действительно умны! Откуда вы узнали все эти вещи насчет черных дыр?

— Системы мысленного восприятия способны непосредственно постигать все явления Природы, — ответил Модьун, потом скромно добавил: — Это совсем не значит, что я совершенен как личность. Нунули сделали нас такими. Я не умнее и не лучше любого другого существа — если не считать того, что у меня есть эти особые способности.

Руузб, довольно энергично накинувшийся на еду, посмотрел на человека:

— Друзья, наверное, это действительно так. Многое из того, что сделал этот парень с момента

нашего знакомства с ним, выглядит довольно наивным. У него доброе сердце, но не острый ум. И все же, вне всякого сомнения, его котелок способен на кое-какие вещи, очень интересные Верно, Модьун?

Того отнюдь не обрадовала такая характеристика, полученная от человека-медведя. Однако Модьун очень хотел, чтобы его друзья-животные по-доброму принимали его, поэтому энергично закивал:

— Да, — согласился он. — Хотя, — добавил он через несколько секунд, — теперь я не столь наивен, как раньше.

— Мы посмотрим, — сказал Руузб, глядя на Модьуна. — Не обижайся, друг, я просто констатирую факты. Например, — он с грустью покачал головой, — только представь себе: ты позволяешь украсть единственную на весь мир женщину твоего племени путем простого заговора и даже не думаешь предпринять что-нибудь по этому поводу.

— Но я знаю, где она находится, — попытался защититься Модьун.

— И где же? — тут же проворчал Руузб.

— Она, конечно же, у этого Зувгайта.

Человек-медведь повернулся к остальным дру-

зьям и беспомощно развел руками.

— Сами видите, ну, что я говорил, — сказал он.

Наррл улыбнулся сидевшему напротив него Модьуну:

— Я помню одну женщину, которая когда-то горячила мою кровь. Но до того, как я собрался бросить ее, она поменяла меня на другого, у которого был лучше подвешен язык. Я знал, где она оказалась впоследствии, правильно.

— И у меня, — охотно поддержал эту тему Иччдохз, — был друг, решивший пересечь океан на лодке, которая затонула в бурю. Он утонул. Я знаю, где он, правильно. Его останки — на глубине двух миль от поверхности воды.

— Видишь ли, Модьун, — Руузб не мигая смотрел на человека, — ты говоришь так, что порою кажется, что ты не можешь сложить два и два.

Их дружеское нападение сильно обидело Модьуна. Он только сейчас начал осознавать, что тут что-то неправильно… «Человек потерпел поражение, — подумал он. — Действительно уничтожен до последнего мужчины и женщины. А я здесь все еще разглагольствую и веду себя, как победитель.

В самом деле, смешно. И все же…»

Когда они наконец закончили есть, Модьун

сказал:

— Давайте лучше отправимся спать. Возможно, ночью мы получим сообщение, что дело дошло до точки, что я смогу встретиться с Зvвгайтами там, внизу Тогда в тот момент наши тела будут чувствовать себя лучше после отдыха.

Дуулдн с подозрением посмотрел на человека.

— У тебя есть план? — требовательно спросил он.

— Я же сказал вам, что я не такой наивный, как кажется, — запротестовал Модьун. — У армии внизу нет продовольствия. А они не привыкли обходиться без еды.

Сообщение пришло вскоре после трех часов полуночи по корабельному времени.

31

По видеоустройству они увидели, что к месту, куда их пригласили на встречу, нельзя приблизиться непосредственно — если только не приземляться на крышу. Само здание было плотно прижато к утесу, который отвесно поднимался за ним. А впереди тянулся еще один склон, хотя и не такой крутой, да и тянулся он не более чем на две сотни футов.

Ниже здания была довольно плоская равнина, украшенная аллеями и изгородями, которые вились среди кустарников и вдоль реки к краю леса, удаленного от здания на двести ярдов. При приземлении где-нибудь на этой равнине пришлось бы уничтожить какую-нибудь из этих аллей или изгородей, что, конечно, было бы очень невежливо со стороны гостей.

Модьун мог подняться по лестнице, ведущей вверх по склону горы из сада внизу — если это было садом — к зданию наверху. Но казалось совершенно очевидным: это здание и равнина внизу являлись частью одного и того же архитектурного и паркового комплекса.

По склону горы двигалось много фигур; несо-

мненно, это перемещалась армия людей-животных. Но они находились еще далеко справа и должны были подниматься дальше вверх. До их прихода, наверное, еще где-то час времени. Модьун с волнением подсчитывал. Возможно, ему следует отложить посадку.

Другой ближайший луг, где можно было приземлиться, располагался на довольно крутом склоне на четверть мили ниже. Именно там Модьун и посадил свою спасательную шлюпку и оттуда повел своих четверых друзей по неровной земле. Ласковый ветерок дул вниз по склону холма. Для любого существа с такой же чувствительностью, как у Модьуна, этот воздух показался бы слишком насыщенным кислородом; поданным компьютера он составлял 35 процентов атмосферы Веселый квинтет вскоре стал передвигаться уже среди деревьев. И вот они увидели первые признаки жизни.

Эти существа казались птицами, маленькие крылатые создания, которые порхали по верхним ветвям деревьев. Модьун включил систему мысленного восприятия и ощутил мимолетные удары простых мысле-форм Он увидел картины веток, шумящих рядом, и неба, видимого маленькими блестящими глазками этих созданий.

Но никаких помыслов. Существа были тем, чем казались. И вокруг них — одна лишь дикая природа. Все естественно, даже примитивно.

«Почему, — спросил себя, удивившись, Модьун, — тот, кто живет в таком раю, чувствует необходимость связываться с другими планетами и управлять ими. Они могли надеяться лишь на то, что единственное, что им удастся получить от такого господства, — это особое сознание, что они оказывают влияние на жизнь в каком-то отдаленном неизвестном месте, и очень маловероятно, а, быть может даже и невозможно, что им когда-либо удастся посетить больше, чем несколько из этих контролируемых ими планет Поэтому полное удовлетворение зависит от их собственного представления хода событий.

Зачем им все это нужно?»

Все это выглядело очень печально и бесполезно.

Думая так, Модьун с друзьями достиг края сада. Прямо перед ними тянулась первая из этих светлых аллей. Модьун осторожно ступил на нее, остановился и повернулся.

— Я думаю, вам, друзья, следует подождать здесь, — сказал он людям-животным. — Спрячьтесь среди кустов. — Его слова прозвучали громко

в обступившей их тишине. — Моя мысленная защита охватывает и это место; и поэтому то, что я смогу делать для самого себя, я смогу делать и для вас, даже находясь далеко от вас. Но если я вернусь до прихода солдат, то уходите обратно к спасательной шлюпке Быть может, вам еще придется спасать меня.

Четверо друзей безропотно, что было необычно, подчинились. Модьун посмотрел на их человеческие лица и увидел написанное на них благоговение и какую-то нарастающую тревогу.

Именно Руузбу удалось первым очнуться от этого столбняка, он сказал едва слышно, почти хриплым шепотом:

— Друг, мы вытащим тебя, верно?

Потом он пожал руку Модьуну и пробормотал:

— Удачи, приятель! Забей гол в их ворота!

Потом и остальные подошли каждый по очереди и тоже пожали руку Только Дуулдн сделал замечание:

— Не торопись, друг.

Модьун кивнул и пошел вперед.

Сверху все казалось невероятно близким. С земли же площадка, похожая на сад, выглядела более плоской, чем с неба. Теперь можно также заметить, что то, что казалось грязью, по всей ви-

димости было какой-то пластмассой, на которой собралась пыль. Пыль была и на аллеях, но сами они были другого цвета. Здесь было несколько впадин, через реку было переброшено несколько мостиков, украшенных орнаментом, но что он обозначал (если и обозначал что-нибудь вообще), было неясно.

Землянин двигался вперед не оглядываясь, и вскоре пересек реку по одному из этих мостиков. Издалека он, как и остальные, выглядел хрупким; однако когда человек ступил на него, то под ногами он оказался твердым как сталь. А через минуту человек уже поднимался по лестнице, которая вела вверх к строению, похожему на замок.

Модьун, запыхавшись, забрался наверх и увидел покрытую пылью дорожку, которая вела к прозрачной как стекло двери, находившейся менее чем в двух дюжинах футов от края обрыва.

Лишь теперь Модьун, перед тем как продолжить путь, оглянулся и посмотрел на далекие фигуры своих друзей. Они все еще стояли там и смотрели на него.

Он махнул рукой, и они тоже замахали ему в ответ.

Вот и все… если не считать слезы, появившейся в одном глазу, когда он отвернулся от них.

«Когда имеешь такое тело, — подумал Модьун, — то ты действительно можешь привязаться к людям».

Но, очевидно, сейчас был неподходящий момент для подобных чувств. Поэтому он пошел вперед к двери, не думая сейчас ни о чем конкретно. Когда он подошел к двери, та автоматически открылась.

А потом и закрылась за ним, когда Модьун вошел.

32

Проснувшись, Модьун подумал:

«Полагаю, самоубийство — самый простой выход из создавшегося положения. Но столь же эффективным является и простое решение, что не стоит заводить детей».

Как-то и каким-то путем человечество должно закончить свое существование.

Модьун зевнул, потянулся и сел на кровати в маленькой комнате, которая примыкала к рубке управления спасательной шлюпки. Включился «дневной» свет, наверное, именно поэтому он и проснулся. Где-то в глубинах его сознания оставался какой-то вопрос, удивление. Это чувство было слишком слабым, чтобы он мог в этот момент обратить на него внимание.

Модьун слез с кровати — и едва не упал на Руузба, который спал мертвым сном на полу.

— Эй! — позвал его Модьун.

Как сразу же заметил человек, на полу дальше Руузба растянулись и остальные его друзья-животные. Они шевельнулись и сели, подняв головы. Дуулдн, Наррл и Иччдохз. Потом трое людей-животных вскочили на ноги и бросились

к Модьуну, по очереди спотыкаясь о Руузба.

Наррл первым подбежал к человеку.

— С тобой все в порядке, приятель? — спросил он.

Модьун был удивлен.

— Конечно. А что должно со мной случиться?

Дуулдн, остановившийся чтобы потрясти Руузба, прекратил попытки и выпрямился.

— Полагаю, он сейчас пытается побороть древний инстинкт зимней спячки, присущий его племени. Обычно подобное происходит с ним в определенный период каждый год... — Очевидно, его слова относились к человеку-медведю, и лишь в этот момент он с запозданием осознал то, что сказал Модьун.

— Что *должно* с тобой случиться? — переспросил он. — Послушай, — продолжал он агрессивно, — прошлой ночью ты сказал нам, что утром объяснишь то, что случилось. Теперь, приятель, уже утро.

— Что ты сказал? — Человек казался удивленным. — Объяснение чего?

Потом Модьун замолчал. Молниеносно в голове пронеслось воспоминание.

— Я прошел в ту дверь... — пробормотал он и запнулся.

— Да, а потом что? — пробурчал Иччдохз.

Модьун оглядел круг пытливо уставившихся на него глаз. Даже Руузб сел и сонно смотрел на него.

Модьун покачал головой — чувствуя, как расширились его испуганные глаза.

— Я не помню. Как я попал сюда?

— Расскажи ты, Наррл. У тебя лучше подвешен язык.

— Особенно-то и рассказывать нечего, — пробурчал Наррл. — Ты вошел — мы видели тебя. Потом прошло немногим больше часа. За это время земные войска достигли этого места, вскарабкались по ступенькам и тоже вошли в здание. Затем мы получили мысленный зов от тебя, чтобы пришли туда и забрали Судлил, что мы и сделали. А затем ты сказал, что должен вернуться, чтобы сдержать какое-то обещание, но так как уже наступила ночь, то мы убедили тебя остаться до утра, — и вот мы здесь.

— Зачем я должен был вернуться? — растерянно спросил Модьун. — Что еще за обещание?

— Ты не сказал.

Модьун снова медленно опустился на кровать.

— Это похоже на самопроизвольную потерю памяти, — медленно сказал он. — Мне нужно

хорошенько подумать, что же теперь делать дальше.

Дуулдн сказал голосом, в котором звучал благоговейный ужас:

— Ты имеешь в виду гипноз?

Человек спокойно кивнул:

— Они, наверное, преодолели мою защиту.

Модьун едва мог сдержать свое удивление.

— Будь я проклят!

Потом пояснил:

— Таков их способ контроля. Внушают цель, и после этого вы в их подчинении.

Модьун уже собрался было продолжать, когда вспомнил мысль, с которой проснулся, и сказал:

— Послушайте, я должен был убить себя. Нет! — поправил он себя. — Я должен был убедиться, что у меня и Судлил не будет потомства. Человеческий вид должен угаснуть…

Он снова замолчал Казалось, в его голове одновременно роится множество мыслей. Сидя на краю кровати, Модьун пытался разобраться в их клубке.

— Судлил!.. — Он вспомнил ее имя. — Вы сказали, что вы принесли ее сюда. Где же она?

Люди-животные посмотрели многозначительно друг на друга, а потом печально покачали

головами.

— С этим парнем действительно что-то случилось, — заметил Дуулдн.

Руузб тихо сказал:

— Модьун, посмотри на кровать позади тебя.

Модьун медленно повернулся, еще не веря, что он мог быть таким бесчувственным. Прошло несколько секунд, прежде чем он вспомнил, что лежал лицом к двери, и первым его побуждением было встать. Итак, он лежал спиной к Судлил и не видел ее.

Почувствовав удовлетворение от этого объяснения, Модьун посмотрел на женщину. Те самые золотистые волосы, ее лицо не изменилось с тех пор, когда он впервые увидел ее… Даже во сне она излучала жизнерадостность — другого слова нельзя было подобрать.

«Интересно, выглядел ли я когда-нибудь так хорошо».

Впервые в жизни такая мысль пришла ему в голову как его воспринимают окружающие.

Не сводя глаз с женщины, Модьун спросил:

— Что с ней случилось?

— Ты сказал нам, что она без сознания. Поэтому мы сделали носилки и принесли ее сюда, — отвечал Наррл — И ее состояние не изменилось с

того времени.

Модьун был очень удивлен.

— Я говорил это все прошлой ночью, словно я знал? Почему же я не привел ее в сознание?

Выяснилось, что ему не хотелось будить ее, пусть выспится, очевидно, к вечеру она проснется.

— Полагаю, — сказал Модьун расстроенным тоном, — я, наверное, знал прошлой ночью, что делаю. Поэтому я лучше не буду спешить.

— Я думаю, — раздался голос Руузба, — нам лучше собрать военный совет или что-нибудь в этом роде.

«*Что-нибудь*, непременно», — подумал Модьун.

Прошел час. Они уже успели поесть и сидели в рубке управления, держа совет. Модьун глубоко вздохнул и сказал:

— Вот я вижу, как иду к той двери Теперь я собираюсь включить систему памяти. И попытаюсь рассказать вам, друзья, что случилось..

33

Когда Модьун вошел, сидевший в двадцати футах прямо напротив двери Нунули встал из-за стола и сказал:

— Распишитесь здесь.

В одной руке он держал что-то, похожее на ручку, а другой показывал вниз на то, что выглядело как книга для записи гостей.

Модьун остановился прямо у входа. Он сознательно сдержал импульс сделать сразу же то, о чем его просили, оставаясь на месте и оглядываясь. Комната была небольшой, но с высокими потолками. Стены, казалось, были сделаны из той же самой сверкавшей белизной пластмассы, что и аллеи и изгороди снаружи. Он увидел две двери, находившиеся по обе стороны от, Модьун не мог подобрать лучшего слова, конторки портье. Двери были огромными — по меньшей двери десять футов высотой — и богато украшены узором из золотых листьев. С помощью какого-то способа, понять который Модьун и не пытался, это помещение имело яркое дневное освещение.

Удовлетворившись первым осмотром, Модьун медленно пошел вперед, включив все свои внут-

ренние рецепторы восприятия. Он чувствовал твердый пол под подошвами и трение ткани брюк на ногах и бедрах. Рубашка натирала грудь и руки. Воздух казался теплым, щекотал легкие — Модьун чувствовал избыток кислорода. От его тела исходило множество других ощущений, каждое из которых утверждало: «Все в порядке!»

Вскоре он оказался рядом с конторкой и посмотрел вниз на чистую страницу. Изучая ее, Модьун краем глаза заметил, что ручка в протянутой руке Нунули уже лишь в нескольких дюймах от него.

В голове пронеслось две мысли, и обе критически оценивали то, что происходило. Первая мысль: «Эта обстановка создана для человека с Земли. Приемная, конторка, книга для записи гостей — все невероятно упрощено и сделано, несомненно, впопыхах, как в старых конторах людей». Модьун предположил, что знакомый вид должен убаюкать его. Наверное, они ожидали, что он автоматически проделает все процедуры, связанные с такой обстановкой. Вторая мысль вытекала из первой: поскольку они не поленились проделать все эти хлопоты, то, значит, против него замышляется новый заговор.

В его мозгу были готовы включиться все рецепторы. Но по правде говоря, ему совсем не

хотелось, чтобы его втянули на уровень, который был ниже уровня Зувгайта. Поэтому он покачал головой, как делали это люди-животные, желая сказать «нет».

— Я условился о встрече, — сказал Модьун.

Нунули не стал возражать.

— Сюда, сэр.

Он показал на дверь слева от Модьуна.

Человек не двигался. Слова инопланетного существа вызвали в нем не одно, а целую группу ощущений. Его голос. То, как держал себя Нунули, пока говорил — слегка двигая мускулами. И самое главное, человек ощущал исходившее из его мозга чувство, похожее на коварство.

Еще один заговор? Что же это может быть? Сначала беспокойство при виде книги для, записи гостей, теперь такое же ощущение неправильности и в комнате, куда ему предлагают войти.

Модьун приложил определенные усилия, чтобы сдержать желание из простого любопытства исследовать то, что находилось за левой дверью. «Позже, — подумал он, — я пройду через эту дверь и сделаю запись в книге для записи гостей».

Он должен знать, какая здесь связь.

Вслух же Модьун сказал:

— Могу я сначала войти в эту комнату? — и

указал на дверь справа.

— Конечно, — последовал вежливый ответ.

Все в нем: вибрации, звучание, тембры — утверждали: «правильно».

Нунули прошел к двери, открыл ее для прохода человека. Модьун, идя к ней, заметил, что сразу перед дверью находится небольшая ниша. Сама же комната, очевидно, находилась дальше вправо. Ее он пока не видел. Когда он подошел к двери, то, не останавливаясь, переступил через порог и вошел.

Почти одновременно произошли два события: дверь захлопнулась за ним с металлическим звуком, а лампы впереди погасли.

Во внезапно наступившей темноте, в сердце Зувговской твердыни, человек несколько секунд пребывал в нерешительности. Но только несколько. А потом он прошел десять футов, свернул налево и направился к стулу, присутствие которого ощущал благодаря включенной системе восприятия. Он сделал четырнадцать шагов к нему и сел.

Из темноты донесся какой-то голос:

— Итак, вы позволили завлечь себя в ловушку.

В течение нескольких секунд после произнесения этих слов внимание Модьуна занимал тот

факт, что Зувгайт, как и Нунули в приемной, также говорил на универсальном земном языке.

«Как же они беспокоятся об одном человеке?!»

До его сознания постепенно доходил зловещий смысл этих слов, и он уже не думал, на каком языке они были произнесены. Модьун продолжал доверять своему первоначальному ощущению, что нужно было войти именно в эту комнату. Что же касается услышанных им слов, то он размышлял над ними, исследуя одновременно и окружающую обстановку.

Когда он только вошел в эту комнату, то ощутил теплоту тела и присутствие еще одного живого существа. Но лишь одного, находившегося метрах в десяти от стула и немного слева. В комнате стоял слабый запах инопланетного существа. Человек ощутил, что оно говорит, возвышаясь по меньшей мере на один фут над Модьуном.

«Стоит ли член комитета на возвышении?» Рыскающему в темноте сознанию Модьуна так не казалось. Поэтому он пришел в заключению, что рост Зувгайта от девяти до девяти с половиной футов.

Интересно!

Ощущая теперь, что член комитета смотрит на него из темноты, словно видя его каким-то обра-

зом, Модьун обратил все внимание на его слова.

«Стал ли я жертвой мгновенного убеждения Зувгайтов, применения их всесокрушающей силы?»

Как помнил Модьун, голос этого существа не походил на другие, что он слышал раньше. И конечно, ему с откровенной прямотой указали на смысл фразы: *«Ты в ловушке!»*

Он завершил изучение себя. «Пока все нормально Меня пока не трогают».

Тут Модьун вдруг понял, что ощущает и еще одно чувство — разочарование Встреча с членом комитета оказалась не такой, какой он себе ее представлял: открытым диалогом лицом к лицу Скорость совершенно не скрываемых действий, обстановка — темнота — уже, Модьун должен был признать, явно воздействовали на него. При таком противостоянии они начали не сначала, а на пике интенсивности.

Модьун сам провел небольшое исследование.

— К несчастью, я понимаю, — сказал он, — что ваши слова и манера поведения означают, что вы не собираетесь отказываться от завоевания Галактики.

Первым ответом Зувгайта было то, что он подошел поближе и вскоре остановился рядом с

сидевшим на стуле человеком, глядя из темноты на него.

— Мы, кажется, не понимаем друг друга, — последовало затем второе его действие. — У нас нет завоевательных планов. Откуда вы это взяли?

Модьун сидел, откинувшись на спинку стула, с запозданием вспомнив, что то же самое ему сказал и Нунули-Повелитель корабля. Тогда он представлял себе последствия действий народа-прислужников Зувгайтов: захват по их приказам планет, уничтожение людей, безжалостное нападение на Гуньу.

Модьун вдруг понял, что говорит вслух и, подчеркнув эти неумолимые факты, закончил:

— У меня создалось впечатление, что подобные методы применялись и на десятках тысяч других планет.

— То, что мы делаем, — не завоевание, — возразил Зувгайт — Мы просто, но неумолимо останавливаем случайное эволюционное развитие неправильных жизненных форм Когда же на планете устанавливается правильное течение эволюции, мы позволяем в течение некоторого времени ей развиваться, под нашим контролем, но, в конечном счете, без дополнительного вмешательства. И — если не проявлять излишнего

воображения — неужели это можно считать завоеванием?

Пораженный этими словами, Модьун открыл было рот, но тут же закрыл его. Вот ему и дали *объяснение.*

«О Боже, — подумал он, — всюду они нападают на самых приспособленных, кто пережил эволюционный процесс!»

Это была удивительная идея.

Даже когда человек изменял животных, *такая* идея не обсуждалась. И позднее, когда подстрекаемые Нунули люди изменили самих себя, они хотели лишь подчеркнуть черты, которые уже проявились в мутном потоке естественного отбора.

— По каким и чьим стандартам, — спросил он, — осуществляется выбор подходящих расовых черт?

— На каждой планете, — ответил Зувгайт, — мы выводим жизненную форму с самым большим естественным сроком жизни. Можете ли вы придумать лучший стандарт, чем долговечность?

Голос умолк. Модьун вежливо ждал, пока существо станет развивать свою мысль дальше. Когда прошло несколько секунд, Модьун по ровному дыханию собеседника понял, что дополнитель-

ного объяснения не последует.

— Послушайте — начал неопределенно человек, но замолк, потом несколько секунд посидел и затем спросил — Вы ведь долгоживущая раса… верно?

— Долгоживущая — неправильное определение Мы бессмертны. — В голосе звучала гордость. — Это одно из наших двух самых важных качеств.

Модьун молча предположил, что вторым важным качеством его собеседника является способность управлять сознанием других существ. Но он решил не привлекать к этому внимания.

— Короче говоря, — начал Модьун, — критерием для вас служит некое качество, которое ваша раса, очевидно, приобрела в результате естественного отбора без изменения. Я сказал «очевидно», потому что хочу снова вернуться к этому вопросу.

Член комитета остался спокойным.

— Мы были полностью объективны. Мы изучали *всевозможные* положительные черты сотен рас..

— И в конце концов решили, что ваша собственная — самая лучшая, — перебил его Модьун, — не спрашивая себя, как это случилось.

— Повторяю, вы можете придумать лучшее

качество, чем долголетие?

«Неужели в его голосе уже чувствуется раздражение?» — спросил себя Модьун и ответил:

— Да, человеческая система восприятия. Да, человеческая миролюбивая философия Понимаете, — он замолчал на несколько секунд, — я вот размышляю над человеческими чертами, а вы думаете о своих собственных, Зувгайтовских. Мы оба, несомненно, субъективны, не правда ли?

— Я так понимаю, — последовал холодный ответ, — что поскольку вы здесь находитесь под нашим полным контролем, то дальнейший разговор будет просто напрасной тратой времени.

Итак, с этим покончено.

Модьун очень тихо сидел на стуле, пытаясь разобраться в своих ощущениях. Насколько он мог попять, пока ничего не менялось. И в эти минуты, подводившие итог всему, как сообщала ему его система восприятия, ничего не происходило. Значит, что бы они ни делали, *это* было за пределами его чувствительности. Ни единое мысленное пространство, ни обычное не говорили ему о направляемом на него потоке энергии. Весь ближний космос двигался в пределах атомно-молекулярной логики, не потревоженный вмешательством разумов — это указывало, что

проблема — внутри него, а не снаружи.

Когда он тревожно размышлял над *этими* возможностями, ему в голову вдруг пришло, что наступило время для осуществления его намерений. Правда, он не знал, с чего начать.

«Я пришел для беседы. И она уже завершена. Ни к чему не привела…»

По-прежнему не зная, с чего начать, он сказал для пробы:

— Биология — предмет, который в результате улучшения нас Нунули мы стали понимать, быть может, лучше кого-либо другого.

Из темноты донесся какой-то звук — исходивший от огромного существа, стоявшего перед ним. Не слова, просто какой-то звук. Иронический хохот?

Зувгайт заговорил терпеливым тоном:

— В принципе, мы не должны сейчас ничего предпринимать. Контроль над вами установлен давно. Вы должны понимать, что никто не может сделать ничего против своего образа жизни. Индивидуум может даже понять природу битвы, которую *должен* вести — и, кажется, этой стадии вы уже достигли — но вас всегда ограничивает мысль, что вашу кожу можно пронзить, сердце остановить, — группа клеток обладает особы-

ми способностями — но и только. Например, несмотря на вашу систему восприятия, вы, люди, добились лишь увеличения продолжительности своей жизни почти до двух тысяч земных лет. Даже этим вы обязаны Нунули, улучшившему человеческую породу.

— Верно, — согласился человек. — Однако я собираюсь исследовать это для вас и…

Зувгайт резко оборвал его:

— Чтобы показать, как уверенно мы себя чувствуем, мы призываем вас применить свою систему восприятия против нас. И тогда вы поймете, что ничего не сможете сделать.

— Вы просите невозможного, — возразил Модьун. — Слово «против» не имеет смысла для меня. Я не против вас.

— Точно, — с удовлетворением заметил Зувгайт, — как прислуживающая нам раса и запрограммировала вас.

— Для меня было бы невероятно трудно умышленно предпринять против кого-либо деструктивные действия, — сказал человек.

— Вот именно, — радостно согласился член комитета. — Вас сдерживают эти рамки. Как я уже говорил, вы ведете нерешительную борьбу со своей вечной природой, но в сущности вы не

сможете сделать ничего, кроме как… остаться тем, кто вы есть.

— Гм-м! — произнес Модьун. — Как я вижу, мы не полностью понимаем друг друга. — Потом он повторил то, что однажды сказал Руузб к огромному неудовольствию Дуулдна: — Существует отнюдь не один способ содрать шкуру с кота.

— Я не понимаю этого, — ответил Зувгайт.

Человек не ответил.

Модьун не мог дальше ничего вспомнить. Он снова находился на борту спасательной шлюпки и ничего не помнил.

— Это все, — раздраженно сказал он.

— Но с какого кота ты собирался содрать шкуру и каким способом? — спросил Руузб, бросив хитрый взгляд на покрасневшее лицо Дуулдна.

— Я сожалею, что использовал это сравнение, — извинился Модьун, сидевший за столом в столовой напротив человека-ягуара. — Прими мои извинения, Дуулдн.

— Ладно уж, — пробормотал огромный человек-кот. — Я не столько злюсь, сколько напуган. И все из-за этого Зувгайта!

Иччдохз покачал головой.

— Друзья, — начал он, — да он просто баба. — Он нахмуренно посмотрел на Модьуна. — Он не

боится, но, несомненно, не знает, как драться.

— Я собирался начать драться, — возразил Модьун.

— Тогда ты говоришь что-то не то. Ты ведь сказал этому Зувгайту, что не можешь ничего сделать против него. А теперь утверждаешь нам, что можешь.

Все они обвиняюще посмотрели на человека.

— Да, ты что, лицемер? — спросил Наррл.

— Мы всегда ценили тебя за честность, — сказал Руузб. — А теперь ты сказал ему пустые слова. Пойми меня правильно, — поторопился закончить человек-медведь. — Мы хотим победить этих сукиных детей.

— Я собирался напасть на них, используя единое мысленное пространство, — объяснил Модьун, — и это был единственный честный способ, открытый для меня. Послушайте…

Когда Модьун закончил объяснения, Дуулдн сказал решительно:

— И ты думаешь, что именно это ты и должен был сделать?

— Да.

— Но тот момент, когда ты сделал это, и стал концом твоих воспоминаний?

Модьун был вынужден признать, что, безуслов-

но, именно это и случилось.

— Полагаю, они, наверное, предприняли контратаку, намереваясь добиться чего-то другого.

— А что, энергия этого единого мысленного пространства могла убить этих Зувгайтов? — вступил в разговор Наррл.

Модьун был поражен.

— Конечно, нет. Это было бы убийство.

Дуулдн поднял руки.

— Вы только послушайте его! — зарычал он и, с трудом сдержавшись, продолжал: — Ты в состоянии обнаружить еще одну энергию, подобную энергии единого мысленного пространства?

Модьун покачал головой.

— Наверное, такие существуют. Но мне известна лишь одна энергия. Не забывайте, что единое мысленное пространство столь же огромно, как и обычное, если не учитывать, что там отсутствует время.

— Так ты говоришь, что использовал все, что знал, — не отставал от него человек-ягуар.

— Именно это я и собирался сделать, — согласился Модьун, защищаясь.

Лицо Дуулдна стало кирпично-красным, когда он откинулся на спинку стула.

— Мне лучше больше ничего не говорить, —

пробурчал он. — Величайшая возможность в истории Галактики была утрачена одним мягкосердечным…

Модьун казался побежденным и остановил его слабым голосом:

— Друзья, возьмите бразды правления в свои руки!

Но ответил дипломатично именно Руузб:

— Хорошо, Модьун, почему бы тебе не включить свою систему восприятия? Может, нам удастся все же узнать, что произошло?

34

Модьун провел испытание. Провел на самом деле. Понимая, что не будет второй возможности, он провел эксперимент до конца. Как генерал, у которого появилась новая идея, как выиграть сражение, Модьун проверял ее не на предварительных маневрах, а прямо на поле боя.

Очевидно, он не мог атаковать тысячу могучих умов, соединенных линией односторонней связи с ним, подобно тому, как несколько гипнотизеров объединяются вместе, чтобы побороть волю одного человека. Поэтому он действовал не прямо, а использовал свою систему восприятия для поиска в едином мысленном пространстве уже существовавшего там источника энергии, включенного в соответствии с неизменными законами.

Поскольку этот процесс был фактически мгновенным, он не удивился, когда тишину этой темной комнаты разорвали слова Зувгайта:

— Как показывают наши приборы, вы включили свою систему восприятия. Однако ничего не случилось.

Зувгайт продолжил тем же раздраженным

тоном:

— Мы все ощущаем слабое физическое воздействие на уровне единого мысленного пространства. Но всем известно, что в нем нельзя ничего вызвать без предварительной подготовки. Естественно, на это не требуется время, как это требуется для нашего пространства. И у вас нет слишком много времени.

Итак, они почувствовали что-то. Да еще Модьун узнал, что его попытки неизбежно обнаружат.

Модьун сказал с намеком на прежнюю вежливость:

— То, что сейчас происходит, конечно, физиологический процесс. Когда он усилится, не стоит волноваться. Но нужно сказать, что после изменения направления сдвинутся и химические связи. Это создаст особое…

Модьун остановился, с грустью осознав внезапно наступившее в комнате напряжение. Словно Зувгайт испытывал нечто, аналогичное человеческому потоотделению в результате нервных переживаний. Из темноты донесся хмурый голос существа:

— Вы говорите, что каким-то способом управляете мной… нами?

— Все, что я сделал, — вежливым тоном со-

общил Модьун, — это использовал энергию, которую вы первоначально заложили в единое мысленное пространство, использовал ее в качестве носителя для активизации биологической перестройки. И это подействует на всех существ, связанных с вами, то есть, как вы сказали, с каждым. А теперь…

— *Какую* первоначальную энергию?

— Взрыв в едином мысленном пространстве, — ответил Модьун, — благодаря которому вы уничтожили людей за барьером. Откуда вы узнали о нем?

— От расы, которая теперь вымерла, — неохотно ответил Зувгайт.

— Полагаю, — заметил Модьун, — еще одно неправильное эволюционное развитие. Что ж, я должен сказать вам, что их знания были правильными. Поэтому я смог использовать энергию реакции взрыва, которая, и вы должны будете со мной согласиться, включает в себя все комбинации жизненных энергий…

— И что же достигается при этом, — резко перебило его существо.

Модьун глубоко вздохнул.

— Раса Зувгайтов теперь пойдет вперед по правильному эволюционному пути. В течение

следующих нескольких тысяч лет продолжительность жизни каждого индивидуума будет составлять, полагаю, где-то семьдесят — восемьдесят земных лет.

Говоря это, Модьун постепенно начал чувствовать, что с каким-то напряжением в этом существе, возвышавшемся над ним в этой темной комнате, нарастает новое чувство.

— Это изменение направления в нас, которое вы произвели… — неожиданно начал напряженным голосом Зувгайт. — Один из моих товарищей только что спросил меня, нельзя ли отменить эту настройку и восстановить первоначальное направление?

Модьун молчал в нерешительности несколько секунд. Его удивила скорость ответа. Он нанес им такое мощное поражение, и все же в действительности еще можно было все мгновенно исправить.

«Вот и началась контратака, — подумал он, — хотя и с опозданием». Но теперь все было кончено, и больше ничего не оставалось. Впрочем, оставалась еще одна вещь — *его* запрограммированность, и *они* это понимали.

Естественно, он должен был честно ответить на их вопрос.

— Я действительно не думал над этим, но полагаю, что ответ будет положительным. Но восстанавливать вас нужно по одному, и на это требуется много времени. Однако должен заметить вам, что у меня нет намерений…

И снова тут же пришел ответ с поражающей сознание скоростью, принимая во внимание, какой огромной силы шок они должны были испытать.

— Мы были единственной бессмертной расой во Вселенной, — сказал Зувгайт, — и вы сделали нас смертными. Это *неправильно.*

В известном смысле так оно и было. Вероятно, не стоило вмешиваться в вещи, столь уникальные. «Однако они вмешивались во столь многое, — спорил сам с собой Модьун, — что теперь их доводы кажутся несущественными».

«Но ведь, все верно, меня атаковали».

— Нет ничего неприкосновенного в естественном отборе, — настаивал Зувгайт. — На Земле вы, люди, вмешались в него, когда изменяли животных…

Голос говорил еще что-то, но на некоторое время Модьун перестал слышать. Он устал физически. Не мог видеть. Звуки у него в голове превратились в бормотание. Каким-то дальним уголком своего сознания он наблюдал за про-

исходящим и с легким изумлением подумал: «При помощи этих слов меня в данный момент контролируют».

Может ли он пойти на огромный риск, включив систему мысленной защиты?

С тревогой думая об этом, Модьун заметил, что, кажется, возмущения ослабевают. Всего лишь легкое головокружение, ничего на самом деле смертельного, вполне терпимое. Ему вдруг пришла в голову мысль, что оскорбления, неправильное обращение и заговоры этих существ нарушили безупречную чистоту его действий.

«Я прошел долгий путь, — подумал Модьун, — вероятно, большую его часть, в неправильном направлении».

Но при данных обстоятельствах он не чувствовал вины.

К тому времени, когда Модьун стал осознавать это, он уже настолько оправился, что снова стал воспринимать голос члена комитета.

— … Мой коллега, — говорил Зувгайт, — предлагает, чтобы мы вернули вам женщину-землянку в обмен на то, что вы вернете нас в прежнее состояние. Как объясняет он, эта женщина нужна вам для продолжения вашего вида. Она находится в бессознательном состоянии и ей угрожает опас-

ность. Поэтому он считает, что у вас нет выбора.

Модьун был поражен безупречностью их логики. Да, они в своих планах допустили роковой просчет. Но тогда то же самое касается и человечества. И эти Зувгайты уже оправились от потрясения. И все же не было полной уверенности, что человечество…

«Они добрались до меня, — подумал Модьун. — Я не могу использовать свою систему восприятия для получения с помощью силы нужных сведений, потому что они могут свести ее на нет. Но теперь они уже не посмеют предпринять ничего против меня, потому что я — единственный, кто на самом деле может помочь им».

Безупречное равновесие сил между человеком и его самым опасным противником. В этой симметричности была какая-то зловещая красота.

И конечно, проблема еще не была решена.

— Я хочу восстановить вас. Но не знаю, как это можно сделать. Видите ли, — он распростер руки, как часто делал Наррл, — в тот момент, когда я верну даже одного члена комитета в его первоначальное состояние, он станет свободным, и после этого он уже не будет связан никаким договором о защите Судлил.

Модьун замолчал, задумавшись.

— Я признаю, что она находится в вашей власти, она сама сказала, что угодила в ловушку. Я представляю, что она с ее философией, не признающей насилия, и пассивной женской позицией была чрезвычайно доверчивой.

— Вот именно, — нетерпеливо прервал его Зувгайт. — Мы смогли привести ее тело в бессознательное состояние, но, разумеется, мы не хотели непосредственно наброситься на ее систему восприятия. Но теперь действительно есть причина для быстрого принятия вами решения. Мы понимаем вашу нетерпеливость и тоже считаем, что лучше не терять зря времени, а согласиться, что человек с вашей… э-э… безупречной философией — какой бы она ни была ошибочной — сдержит данное обещание. Поэтому, если вы пообещаете восстановить наше первоначальное состояние в течение следующей недели или даже быстрее, мы скажем вам, где именно находится Судлил.

«Итак, я под контролем».

Этот вывод казался единственным правдоподобным объяснением.

Ему было все равно. Словно он делал свободный выбор.

«… Я могу пообещать, а потом нарушить свое обещание…» — Такое чувство было у него внут-

ри.

Но они действовали, не зная об этом.

Зувгайт сказал нетерпеливо:

— Вам лучше принять решение. Это важно для безопасности женщины.

Во всяком случае решение больше не являлось проблемой. Модьун просто сказал:

— Очень хорошо, даю обещание. Где она?

— Она в комнате, куда можно пройти через левую дверь в приемной, — выпалил собеседник. — Мы сделали так, что, если бы вы вошли в нее, то увидели бы ее. И тогда в момент умственного погружения в ее состояние мы всей тысячей набросились бы на вас.

Глаза Модьуна расширились.

— Гм-м! — сказал он. — Интересно, сработало бы это?

Пока он обдумывал, у него появилась другая мысль:

— Тысяча, — сказал он. — Как вы, Зувгайты, уменьшили себя до такого небольшого числа?

— Мы — одна семья, — объяснил член комитета. Казалось, он думал о другом. — Очевидно, что там, где имеется много семей, одна должна в конце концов уничтожить остальные. Это случилось очень давно…

35

Модьун встал в спасательной шлюпке.

— Именно тогда и появились животные-солдаты. Нунули и Зувгайты убежали по коридору, ведущему внутрь горы. А я поспешил в приемную и стал охранять вход в левую дверь. Несколько солдат хотели выломать дверь, но я просто мысленно внушил им уйти.

Модьун задумался.

— Это действительно была очень мирная компания. Однако я могу себе вообразить, какими дикими они показались членам комитета, которые никого не пускали за свой барьер и не имели защиты против огромного количества людей. С любой проблемой они могли бы в один миг покончить, после того как я приказал направить вниз походные кухни. Они были голодны так, как никогда раньше в условиях изнеженной жизни на Земле, но выстроились в ряд, образовав очереди, как добропорядочные граждане. Как только я это увидел, я позвал вас, друзья, и вы пришли с носилками для Судлил.

Руузб торжествующе произнес:

— Я хочу, чтобы ты обратил внимание, что в

этот раз твоя память не отказала тебе до самого конца. Итак, они все же не смогли остановить тебя своим гипнозом.

— Я заметил уже это, — ответил Модьун.

Он прошел к пульту управления и, зная, что все они следят за ним, нажал на кнопку, которая открывала двери шлюза.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Модьун и направился к двойным дверям, остановился на несколько секунд у самого порога и добавил: — Вернусь завтра утром. Так что вы уж дождитесь меня, ладно?

После этих слов он шагнул наружу и начал подниматься по склону, вскоре достиг сада и здания Зувгайтов, расположенных в полумиле. Он прошел около двухсот футов, когда осознал, что четверо людей-животных вышли из спасательной шлюпки и бегут в ту же сторону, куда направляется и он. Модьун продолжал идти, поскольку они не звали его; но он не удивился, когда они, тяжело дыша, зашагали рядом с ним.

— Куда ты идешь? — спросил, запыхавшись, Наррл.

Модьун остановился и объяснил им, что обещал Зувгайтам сделать кое-что.

— Так что поймите, мне нужно идти.

Он хотел уже продолжить свой путь, когда увидел странное выражение, появившееся на лице Дуулдна.

Человек-ягуар сказал подавленным тоном:

— Хочешь, чтобы тебя снова одурачили!

— Что ты имеешь в виду? — удивленно спросил Модьун.

— Ты же не собираешься выполнить обещание, данное самым большим сукиным детям, каких только свет видывал?

— Обещание есть обещание, — ответил Модьун, а затем с удивлением воскликнул: — Эй! — когда его друзья схватили его.

— Никуда ты не пойдешь, — прорычал Руузб.

И прежде чем Модьун смог ясно осознать их намерения, они потащили его обратно к спасательной шлюпке.

— Послушайте, друзья, — предупредил он, — мне придется применить внушение, если вы не остановитесь.

— Хорошо, — вызывающе произнес Дуулдн, — если ты сможешь сделать это с нами, твоими единственными друзьями, то давай начинай, дружище.

— Но мое обещание… — неопределенно начал Модьун, но Дуулдн перебил его:

— Помнишь, ты однажды спросил меня, чем я занимался до этой экспедиции? И я не ответил.

Модьун помнил. Но сейчас это казалось не совсем уместным напоминанием.

— Ну и что? — спросил он.

— Ну, — сказал Дуулдн, — я был охранником в психиатрической больнице.

Больше он ничего не произнес.

Четверо людей-животных продолжали крепко держать Модьуна. Они шли вместе с ним, подталкивали его сопротивляющееся тело, не обращая никакого внимания на его протесты, и даже подзадоривали его, чтобы он подавил их своей системой внушения, но именно этого сейчас он не был в состоянии заставить себя сделать. Они доставили его прямиком в рубку управления, усадили за командирское кресло и внимательно наблюдали, как он неохотно манипулировал на приборной доске, и вскоре они взлетели, взяв курс к огромному кораблю, который ждал их на орбите на высоте свыше 23 тысяч миль.

И в этот момент его система восприятия ощутила какой-то сигнал… Но оперативной части его мозга это ощущение показалось сравнительно безобидным.

«У меня разыгралось воображение…

Они пошли на это с отчаяния, когда увидели, что я улетаю. Может, мне включить какую-нибудь противодействующую систему восприятия на тот случай, если мне действительно будет что-то угрожать, но посмотрим, не игра ли это моего воображения».

Да.

Сразу же начались галлюцинации: он вернулся в приемную Зувгайтов. В правой руке у него ручка, и он наклонился над книгой для записи посетителей. Почему-то он понимал смысл происходящего. Чувство в его мозгу было, фактически, сигналом для него, что все идет как надо.

Все в порядке.

В этой галлюцинации он, кажется, действительно поставил свою подпись и даже начал выпрямляться, когда…

Модьун проснулся в темноте, помня, что говорил ему Дуулдн, и подумал:

«Черт возьми! Мои друзья-животные обращались со мной, как с сумасшедшим!»

Но его беспокоило то, что теперь он понимал, что так и нужно было действовать:

«Я действительно был безумен.

Я был запрограммированным продуктом улучшения расы».

И до последнего времени не использовал свой интеллект, чтобы перейти эти границы. «Если это не сумасшествие, то что тогда?»

Модьун лежал в тишине темноты; и теперь, когда его глаза привыкли к ней, он увидел, что находится на борту огромного земного корабля. Он видел смутные очертания двух человеческих существ, сидевших на стульях рядом с кроватью. Вскоре он даже смог узнать их: Руузб и Дуулдн.

«Они наблюдают за мной. Они мои друзья».

Модьун при этой мысли почувствовал теплоту и печаль. Печаль — потому что подозревал, что им было бы не по себе, если бы последний мужчина и женщина сделали то, что должны были сделать: уйти из жизни.

Модьун подозревал, что мысль эта появилась у него в мозгу в результате действия заложенной Нунули многие столетия назад программы. Но, понял он, истина везде остается истиной.

Внутри каждого мужчины есть тайная, ускользающая, беспредельно упрямая, бессмысленная умственно-эмоциональная *жилка*, которая делает его самым отвратительным созданием во всей Галактике.

В давние времена, при малейшем удобном случае он на всю катушку использовал *любую*

возможность пролезть наверх за счет других. Ни одна политическая система не в состоянии была предотвратить этого. И не было предела его алчности.

Зувгайты были правы. Человеческая раса должна была уйти в небытие.

И тут с запозданием пришло ему в голову, что они, вероятно, внушили ему это намерение во время испытанного им головокружения. И значит, чувство, что все закончилось, было неверным. Профессионально внушенная иллюзия.

«Выходит, это была настоящая битва. Они победили меня, потом я победил их. А теперь они нанесли свой сокрушительный удар мне, как бы мстя».

Обе расы никуда не годятся. Но, конечно, то, что сотворили Зувгайты с собой, его совершенно не касается. Поэтому он должен исправить то, что сделал с ними. Это было очевидно.

Из темноты донесся близкий голос Руузба:

— Дуулдн, мне кажется, наш приятель проснулся.

— Уфф! — Человек-ягуар несколько секунд выглядел смущенным. Потом он неуклюже поднялся на ноги.

«Он собирается включить свет…» — Модьун

непроизвольно напрягся, но все равно, когда загорелся свет, он моргнул и зажмурил глаза.

— Ага, он действительно проснулся. — Это сказал Дуулдн.

Оба человека-животных подошли к кровати и склонились на ним.

Руузб сказал хмуро:

— Мы воспринимали твои мысли. Судлил показала нам, прежде чем уйти на танцы, как не терять связь с твоим разумом. Эй, приятель, пропащая душа у тебя!

— Почему пропащая? — автоматически спросил Модьун. — Что еще за танцы?

Человек-медведь не обратил внимания на его вопросы.

— Она сказала — я имею в виду Судлил, — что ты сам справишься с их гипнозом. Для нее это означало вторжение в твой разум.

— Действительно, — согласился Модьун и задумался.

— Н-но как же быть с тем, что благодаря ее помощи вы поддерживаете мысленную связь со мной? Разве это не вторжение?!

— Она сказала, что это уж нам решать, — объяснил Дуулдн с удовлетворением в голосе. — И, брат, мы не испытываем никаких угрызений

совести. Согласен, Руузб?

— Да, — возбужденно ответил человек-медведь.

— Послушай, дружище, — продолжал Дуулдн, — тебе предстоит принять решение. Либо ты убьешь нас — так постановила Судлил по нашей просьбе — либо же настроишь свою систему восприятия на стирание всех следов гипноза Зувгайтов. Будь готов сражаться за свою жизнь.

Модьун сел на кровати и быстро их оглядел. Удивленный выражением решимости на их лицах, он сказал:

— Мне придется применить внушение против вас…

— И этим, ты убьешь нас, — перебил его Руузб, — так это сделала Судлил.

И, не останавливаясь, он ударил своим огромным кулаком Модьуна в грудь. Удар был так силен, что у человека перехватило дыхание.

— Ради Бога… — выдохнул Модьун, не в силах закончить фразу. В ту же секунду ужасный удар угодил ему по скуле.

— Включи систему восприятия, чтобы избавиться от гипноза! — зарычал человек-ягуар.

— Послушайте, — резко закричал Модьун, — это нечестно…

Кулак Руузба попал ему прямо в челюсть, и человек издал странный звук.

— Это неправильно, — пробормотал Модьун. — Их бессмертие… — Дуулдн остановил его слова ударом в живот.

— Включай систему, сукин ты сын!

Модьун начал защищаться. А потом он с удивлением обнаружил, что стоит на коленях возле двери, а Руузб душит его и кричит:

— Включай систему, ублюдок!

Наконец Модьун подумал, несколько неопределенно, что внушение действительно может принимать разные формы. Этот метод был очень убедительным.

Примерно через минуту он лежал на полу, Дуулдн сидел верхом на его ногах, а Руузб коленями прижимал его бицепсы. Человек-медведь поднял кулак, намереваясь, похоже, ударить изо всех сил Модьуна в лицо.

Это было уже слишком. Человек съежился.

— Не бейте меня! — воскликнул он. — Я сделаю это.

В уголке его сознания возникло огромное удивление. Он подумал, что Зувгайты, несомненно, не рассчитывали, что еще кого-то может волновать будущее человеческой расы.

Поднятый над ним кулак разжался.

— Хорошо, включай систему.

Модьун так и сделал, а потом вздохнул:

— И все равно это неправильно, но сделанного уже не вернешь.

Они рывком подняли его на ноги. Обняли его. Руузб едва не расплакался.

— Дружище, — сказал он и прокашлялся. — Это самое трудное дело в моей жизни. Но теперь, — он замолк на несколько секунд, — тебе предстоит еще одна работенка. Четверо миллиардов людей решили, что жизнь не стоит того, чтобы цепляться за нее, правильно?

Модьун ждал. Он чувствовал, что ответ не нужен. И действительно, человек-медведь продолжал:

— Поэтому, наверное, такими были твои мысли, когда ты решил уйти, и для этого не требовалось даже гипноза Зувгайтов. Правильно?

«Да, это было так».

— Поэтому, — продолжал человек-медведь, — твои друзья и должны были помешать этому. Теперь, слушай. Ты хочешь, чтобы эта женщина забеременела в следующие две недели, и мы, твои друзья, останемся здесь лишь затем, чтобы проследить за этим, иначе побьем тебя сильнее,

чем в этот раз.

— Ну-у-у… — с сомнением сказал Модьун. — Думаю, что так будет правильно. В конце концов, ведь она — *моя жена.*

Модьун смеялся и плясал. Все люди-животные вокруг него весело танцевали. Но он был самый свободный среди них. До этого всегда его двигательные центры имели сознательные ограничения, но теперь он убрал их на некоторое время. Ритмическая музыка вливалась в его уши, побуждая его к движению. В результате — быстрый, но удивительно изящный танец.

Он умело двигался в огромной толпе, пока после очередного поворота не оказался лицом к лицу к женщиной, схватил ее в тот самый момент, когда она, также засмеявшись, повернулась к нему.

Когда они оказались рядом, она, со смехом приняв его руку, сияя от счастья, вскинула вверх руки в такт движению танца.

И после следующего шага она впервые посмотрела ему в лицо.

36

Еще одна мысль — или, скорее, новый ее вариант — мелькнула в голове Модьуна:

«Все это очень убедительно».

Он обратил внимание на эту мысль, когда она уже промелькнула — простая фраза, одно-единственное наблюдение его «я», которое наконец дошло до его сознания.

В то же мгновение он с ужасом понял:

«Все это недостаточно убедительно».

На женском лице появилась нерешительность. Оба они продолжали танцевать. Однако иллюзия — так сейчас воспринимал окружающее Модьун — казалась вполне достоверной.

И все же он больше не верил в нее. Модьун ждал с любопытством, что же ему на самом деле покажут его органы чувств. И не был особенно удивлен появлением новой галлюцинации — Банлта, человека-крысы, единственного из всех человечески существ повернувшегося к нему лицом. Бантл неуверенно вымолвил:

— Моя… философия? Какая философия?

Они стояли друг напротив друга: высокий мощного телосложения человек и высокий и более

худой человек-крыса… стояли в сверкающем мраморном вестибюле здания суда на Земле, когда Модьун объяснял, что философия — причина действий. Поэтому…

— Какая же у вас была причина красть тот автомобиль?

— Я же уже говорил вам, что вообразил, что у меня не меньше прав, чем у гиен. — Банлт остановился на несколько секунд, беспомощно глядя на человека и ожидая от него продолжения.

— Тогда на самом деле из ваших слов следует, — сказал Модьун, — что в этом мире, созданном людьми, люди-гиены могут взять на себя законное управление планетой, а остальные люди втягиваются в раздоры из-за незначительных нарушений равенства, которые они, бывает, замечают рядом?

Человек-крыса моргнул.

— Эй, — сказал он, — разве я это говорил.

Он казался удивленным.

После этой фразы Банлта его образ и здание суда потускнели.

И все же хотя Модьун не мог ничего разобрать вокруг себя, стоял он на твердой поверхности. Он терпеливо переносил это состояние, убежденный, что его мозг, очевидно, все еще пытается

окончательно пробудиться, преодолевая сопротивление. Этот маленький диалог между ним и Банлтом, которого никогда в действительности не было, — еще одна попытка со стороны Зувгайтов ослабить человека. Они снова показали ему, что человек и его разумные животные — крайне испорченные… и нелогичные существа.

«Действительно, — подумал Модьун, — положение человека гораздо хуже, чем это слабое проявление недовольства Банлта. За обычным сопротивлением по поводу чьих-либо льгот таится эгоистичное безумие».

Импульс затаившейся перед прыжком пантеры, неутомимый поиск пути сквозь барьеры сопротивления других людей, сражающиеся между собой идеи… Если в этом сопротивлении запрограммированному промыванию мозгов и открывался когда-либо просвет (порою подобное случалось), то сжигаемый ожиданием безумец устремлялся туда. Какие бы импульсы им ни владели: желание царствовать, деньги, имущество, власть — какими бы способами он ни пытался это осуществить: с помощью убийства, пыток или арестов всех противников без сострадания — он подчинялся им и выполнял беспрекословно.

И женщина-землянка хотела быть именно

здесь, рядом со своим богом — молчаливая принцесса, никогда не задающая вопросов, достигшая такого положения, требующая только одного: чтобы он, ее бог, оставался на вершине… и делал все, чтобы не слететь с нее.

Те мужчины и женщины, которые не добились этого, ждали, расстроенные и нетерпеливые, удобного случая.

Зувгайты были правы. Человеческая раса совсем не достойна того, чтобы существовать.

Модьун не удивился тому, что эта мысль, похоже, не волнует его. Он постепенно начал замечать изменения в самом себе.

Вся эта борьба. Такая длительная. Они были безжалостны и полны решимости — и поэтому заставляли его делать одно действие за другим, выполнять новую программу. Начиная с автоматического включения системы защиты против первого человека-гиены… потом та грациозная битва, которую он вовсе не считал таковой, с использованием всей мощи черной дыры, а теперь вот наконец, последовало это беспощадное нападение на него уже как на личность…

«Тупые идиоты, — подумал Модьун, — они превратили меня в воина, да так искусно, что я этого не заметил».

Уже думая так, его восприятие… прояснилось.

Модьун понял, что стоит перед прозрачной дверью здания Зувгайтов. Его окружала гробовая тишина.

«Конечно, — подумал он, — что же еще?»

Он вспомнил момент, когда только прибыл сюда.

Именно в эти самые первые мгновения его прибытия сюда Зувгайты пытались вместе подчинить его мозг контролю. И в течение всех этих ужасных мгновений его мозг с его способностями, так замечательно усовершенствованные Нунули, сражались в этой молчаливой битве за выживание на уровне, лежавшем в области подсознания, где, увы, человек действительно действует…

Бесконечность и безвременность подсознательных ментальных сил, которые-то и привели человечество на край гибели, этот никогда не задающийся вопросами и со всем соглашающийся идиотизм мгновенно сменяющихся настроений, которые привели в конце концов к положению, когда один мужчина и одна женщина противостояли в одиночестве своим врагам перед ликом вечности.

Еще раз Модьун оглядел горный пейзаж, а потом вернулся к двери и заглянул внутрь себя.

«Да, — чувствовал он, — никаких сомнений: на этот раз я здесь».

Оставалось только решить один вопрос: о его будущем.

Модьун осторожно открыл дверь и прошел внутрь приемной.

Нунули-Повелитель, ожидавший его за конторкой в двадцати футах, протянул ручку и показал на книгу для записи гостей.

Модьун взял ручку и, наклонившись, решительно, без колебаний расписался:

«Модьун, человек с Земли, находится здесь, чтобы обсудить условия постоянного мира, которые победитель диктует побежденному в битве врагу...»

Написав эти слова, он заметил, что они, фактически, полностью отрицают всю его предыдущую жизненную философию.

«Да, — подумал он, — если ты изменяешься внутри, то это действительно изменение».

И его ощущения свидетельствовали: любая раса делает все необходимое для выживания. Без негативных мыслей по поводу группового существования. В таких рамках недовольные личности могут ожидать, что рост и изменение, возможно, постепенно уничтожат неприятные

черты, возникающие в результате эволюционного приспособления расы к окружающей среде. Но человек никогда не согласится на такие качественные ограничения.

Любая раса принимала жизнь.

Да, это совсем другое чувство. Да, да, да, да.

Еще через несколько секунд более длительных раздумий Модьун снова воспользовался ручкой и добавил к написанному:

«…чтобы жить и действительно давать жить другим».

Он подчеркнул главную мысль:

«Действительно».

А потом выпрямился во весь рост, сознавая, что при этом испытывает чувство, которое никогда прежде у него не было, какое-то ликование; то, что он сделал эту запись, не повлекло за собой никаких последствий.

— Какая дверь? — спросил Модьун, и его голос громко прозвучал в тишине приемной.

Последовала долгая пауза. Странное, напряженное, испуганное выражение возникло на гладком сером лице. «Получает инструкции», — подумал Модьун.

Медленно и неохотно Нунули поднял руку вверх и указал на дверь справа.

Модьун направлялся в комнату за дверью с ликованием одержавшего победу воина.

Силки

Пролог
1

Жарко, очень жарко в эти полуденные часы на улочках маленького гаитянского городка. Конечно, в саду, под сенью деревьев, прохладнее, но жизненная необходимость увидеть ветхого старца вынудила Марию покинуть спасительную тень и ступить на пышущую жаром, словно раскаленный металл, мостовую. Потому что тот сидел прямо на солнцепеке и гнусно улыбался, оскалив белые вставные зубы.

— Так ты, значит, просишь денег на поднятие затонувшего корабля с сокровищами? Неужели ты думаешь, что я выжил из ума?

Он вновь ощерился, утомленно-похотливо, и подмигнул ей.

— Разве что, — со значением произнес этот замшелый пень, — такая молоденькая, красивая девочка будет добренькой к старому человеку…

Он ждал ответа, жадно, подобно сморщенной жабе, впитывая тепло солнца в свои заплесневелые кости, видно уже неспособные согреться естественным путем. Но и испепеляющее солнце

помогало слабо: его непрерывно била дрожь от озноба.

Мария Ледерль взглянула на него с любопытством. Ее воспитал старый морской волк с изощренным чувством юмора, а посему она восприняла слова возможного заимодавца спокойно, лишь чуть-чуть удивившись, что глаза этой сладострастной развалины еще сохранили возможность увлажняться при виде молодой девушки.

Проигнорировав его намеки, она твердо заявила:

— Дело верное. Корабль затонул в войну в открытом море неподалеку от Санта-Юиля. Капитаном на нем был — в последний раз! — мой отец. Когда компания отказалась финансировать экспедицию, он решил сам собрать необходимые средства. А о вас он узнал от одного из своих приятелей.

Это была неправда, поскольку старик стоял последним в длинном списке потенциальных кредиторов. Но Мария продолжала без остановки:

— И, ради бога, не обижайтесь. Ведь любителей риска все еще встречается не так уж мало. Так почему бы такому испытанному игроку, как

господин Райхер, не пощекотать себе нервы в последние дни жизни?

Почти безгубый рот растянулся в новой улыбке, вторично продемонстрировав безупречные зубы. На сей раз тон был более благожелательным.

— Я же ответил тебе, дорогуша. Всю свою наличность я решил отдать на исследования в области медицины. Я не перестаю надеяться, что они все же откроют что-нибудь такое… — Он зябко передернул тощими плечами. Лицо исказилось страхом. — Я совсем не расположен сходить в могилу.

На какое-то мгновение Мария даже пожалела эту старую перечницу. Ей подумалось, что придет и ей время превратиться в поминутно дергающуюся старуху. Но эта мысль промелькнула будто легкое облачко на летнем небосклоне. У нее, молодой, были дела поважнее.

— Значит, вы никак в этом не заинтересованы?

— Ни в коей мере.

— Ни капельки?

— Нет, даже на десятую долю процента, — отрезал уже с неприязнью Райхер.

Ничего не оставалось, как удалиться. На прощание она все же бросила:

— Если вдруг передумаете, то наша “Голден Мэри” стоит на четвертом причале.

Мария вернулась в порт, где небольшое суденышко поджаривалось на солнце в нестройном ряду себе подобных. Большинство из них предназначалось для плавания в открытом море. Многие — из тех, что прибыли из Соединенных Штатов, — служили прогулочными яхтами, на борту которых их владельцы и гости играли в бридж, танцевали под звуки, исторгаемые дорогостоящей аппаратурой, и калились на солнышке. Мария не жаловала этих толстосумов за их наглое, избыточное богатство, в то время как люди, подобные ей и отцу, испытывали нужду и находились на пороге отчаяния.

Обжигая руки о деревянные перила, Мария поднялась на палубу. В сердцах пытаясь как-то утихомирить боль от ожога, она похлопала себя по бедрам.

— Это ты, Мария? — раздался откуда-то из чрева судна голос отца.

— Да, Джордж.

— У меня назначена встреча с одним типом. Его зовут Сойер. Там будет и немало солидных деятелей, поговорю-ка я с ними. Все-таки еще одна попытка…

Мария промолчала, только скользнула по нему взглядом, когда отец вышел наверх. Он надел свою самую шикарную капитанскую форму, но неумолимое время уже взяло свое. Перед ней стоял далеко не тот крепкий и бравый красавец-мужчина, которого она знала с детства. Поседели виски, неизгладимыми отметинами бесчисленных зим были испещрены огрубевшие черты лица.

Она подалась к отцу и поцеловала его.

— Знаешь, я особенно рассчитываю на возможность поговорить с одним очень богатым стариком по имени Райхер. Он обещал тоже там быть.

Мария совсем было уже открыла рот, чтобы объяснить, насколько беспочвенны его надежды, но вовремя удержалась. Она вдруг подумала о том, что до сих пор внушительный мундир продолжает производить благоприятное впечатление на людей. Так что нельзя было исключать, что и Райхер при виде зрелого и образованного мужчины поведет себя иначе.

Лишь после ухода отца она сообразила, какого характера должно было быть предстоящее сборище, чтобы вынудить Райхера вылезти из своей берлоги.

Она прекрасно пообедала вытащенными из холодильника фруктами, а затем принялась сочинять стихотворение, где обыгрывалось сравнение безумия солнечного пекла с разгулом неистовой ярости убийцы. Небрежно бросив свое непритязательное творение в ящик стола, где их накопилось уже изрядное количество, она уселась на палубе под тентом и обвела взглядом порт и беспредельную даль моря. Играли блестками ласковые волны, разбиваясь об острые белые носы суденышек и набегая на столь же непорочного цвета стены домов приморского городка. Эта картина все еще продолжала завораживать ее, хотя в теперешней ситуации Мария уже и не знала, радует она ее или вызывает отвращение неизменностью каждодневной безысходности.

“Все это прекрасно и мило, — подумала она, — но насколько же печально и грустно для безденежных отца с дочкой”.

Девушка вздрогнула при мысли о возможных бедах, но потом, с вызовом пожав плечами, решила: “Все равно и в самом безысходном положении что-нибудь да придумаю”.

Но полной уверенности в этом у нее не было.

Мария спустилась вниз, надела купальный костюм и через минуту уже плескалась в парном,

покрытом легкой рябью море. И все же до чего это было ужасно: бездарно проходил еще один день в ее жизни, как перед этим пробежали сотни других, бесследно исчезнувших в пучине времени, подобно брошенным в океан камушкам.

Мысленным взором она окинула шлейф тянувшейся позади череды дней, освещенных все тем же великолепием солнца. Каждый из них в отдельности прошел в общем не так уж и плохо, но в сумме они порождали неясную тревогу, поскольку жизнь явно протекала бестолково.

И она — в который уже раз! — собралась было принять какое-нибудь важное решение, которое круто изменило бы ее серое существование, как вдруг заметила появившуюся на палубе стоявшей метрах в тридцати от них яхты Сильвию Хаскинс, которая махала ей рукой.

Мария подплыла к соседнему судну и без особого желания поднялась на борт. Она ненавидела Генри Хаскинса, ее мужа, и поэтому испытала большое облегчение после того, как Сильвия выложила все волнующие ее новости:

— Генри ушел на совещание, посвященное крупному медицинскому открытию. Затем, как он сказал, мы должны будем отплыть на один из близлежащих островов и лично ознакомиться с

чем-то или с кем-то, я так и не поняла, на ком оно было успешно применено.

Мария в ответ вежливо изобразила:

— О!

Ее представление о Генри Хаскинсе весьма отличалось от того, которое, как мнилось его жене, она должна была бы иметь. Этот атлетически сложенный мужчина отличался, по его же собственным словам, невозмутимостью и, уверенный в своей неотразимости, неоднократно пытался приставать к Марии. Он отказался от своих недвусмысленных заигрываний только после того, как однажды натолкнулся на острие кинжала, убедительно сверкнувшего в ее ни на секунду не дрогнувшей руке.

В отличие от своего мужа Сильвия была милой, добросердечной, дружелюбной, но несколько нескладной особой. Генри не раз с гордостью расхваливал ее достоинства.

Для Марии сама мысль о том, что кто-то, возможно, нашел способ продлить жизнь Генри, была непереносимой. Но в данный момент слова Сильвии заинтересовали ее с той точки зрения, что Генри участвовал в важном совещании. Учитывая размеры городишка, было очевидно, что он присутствовал на той же самой встрече, что и

ее отец. Она сообщила об этом Сильвии.

Та воскликнула:

— Ну, слава Богу, значит, это не выдумки Генри. Я слышала, что туда намеревались пойти также Педди, старикан Грейсон, чета Хейнцов, Джимми Батт и еще по меньшей мере два-три человека.

“И этот старый хрыч Райхер, — подумала про себя Мария. — О боже!”

— А вот и ваш отец, — неожиданно прервала ее раздумья Сильвия.

Капитан Ледерль, увидев свою дочь, остановился. Он с видимым воодушевлением потер руки.

— Мария, — радостно провозгласил он, — быстренько наведи порядок в моей каюте. Сегодня вечером господин Райхер прибудет к нам на борт, а завтра рано утром мы отчаливаем на Эскоу-Айленд.

Она тут же спрыгнула в море и вскоре уже шла по своему судну по направлению к капитанскому кубрику. Обернувшись к идущему вслед за ней отцу, она увидела, что оживленного выражения на его лице как не бывало.

— Все, что я говорил, предназначалось только для ушей Сильвии, — пояснил он. — А так все гораздо проще: нас наняли как перевозчиков.

Она не проронила ни слова, но отец, очевидно,

расценил это как упрек в свой адрес, потому что тут же начал оправдываться:

— А что мне оставалось делать, дорогая моя? Не мог же я упустить даже такую, пусть плохонькую, возможность!

— Расскажи мне, что там происходило, — попросила она.

— Какой-то хмырь разливался соловьем, что нашел метод омоложения, и все это старичье воспрянуло духом. Я сделал вид, что и сам не прочь поиметь что-нибудь с этого, и, по правде говоря, верю в это.

В сущности, для него это был хоть какой-то, но все же успех. Из обломков своих планов Джордж спасал сейчас самое ценное — контакты. Что получится из того, что у них в гостях переночует Райхер, пока было совершенно неясно. Но важно, что он будет здесь.

— Снаряжение для подводного плавания возьмем? — самым естественным тоном спросила Мария.

— Само собой, — отозвался отец.

Казалось, она обрадовалась этому.

2

Для океана этот день ничем не отличался от вереницы других. Волны привычно ловко растекались между скалами и рифами затерянного в его просторах островка. Они мягко шелестели по песку и угрожающе рычали на неподдающиеся их напору утесы. Но весь этот шум и гам оставался на поверхности. В его глубинах, вдали от берега, царило величавое спокойствие.

Мария стояла на палубе уже начавшего дряхлеть судна и чувствовала свое нерасторжимое единство с природой — небом, морем и этим островом. Именно туда отправились с утра все мужчины. Она обрадовалась, что никому не пришла в голову глупая идея предложить оставшимся в ожидании их возвращения женщинам перекинуться в бридж. Был полдень, и они, скорее всего, сейчас дремали в своих каютах, тем самым весь необъятный мир океана достался ей одной.

Рассеянно поглядывая на воду, Мария неожиданно уловила в ней какое-то движение. Она наклонилась, чтобы получше рассмотреть, что там происходит, и замерла, пораженная.

Глубоко внизу, где-то, наверное, на глубине

метров двенадцати, изящно скользила человеческая фигура.

Сквозь удивительно прозрачную водную гладь хорошо просматривалось песчаное дно. Стайка шаловливых рыб-попугайчиков, порезвившись в этих хрустальных глубинах, стремительно скрылась в сумраке прибрежных скал.

Человек плыл виртуозно. Странным, однако, было то, что делал он это на столь большой глубине без какого-либо специального снаряжения. К тому же, преломляясь в водной толще, его тело казалось ей в чем-то отличным от человеческого. В тот самый момент, когда у нее мелькнула эта мысль, незнакомец, подняв голову, встретился с ней взглядом и невероятной силы гребком рванулся в ее сторону.

Лишь тогда, когда он покинул водную стихию, Мария поняла… Это и в самом деле был не человек.

Точнее, от человека в нем оставались общие контуры. Но кожа лица и тела была неестественно толстой, как если бы ее прослаивали пласты жира и еще чего-то, что предохраняло пловца от холода и воды. Знакомая со многими диковинками моря, Мария сразу же заметила у него под мышками… жабры. На ногах виднелись

перепонки, а рост достигал двух метров десяти сантиметров.

Мария уже давно ничего не боялась на этом свете, поэтому лишь слегка отступила от борта и задержала дыхание чуть дольше обычного. И то, что она так спокойно прореагировала на появление этого необычного существа, позволило ей увидеть, как оно… перевоплощалось.

Процесс начался, когда тот еще находился в воде. Продолговатое и крепкое тело укоротилось, толстая кожа утончилась, голова приняла более изящную форму. На глазах ошеломленной Марии под его ставшей необычно гибкой кожей в течение нескольких секунд стремительно скручивались и раскручивались мышцы. Игра света в воде, а также мелкая зыбь мешали проследить за всеми движениями, но в конечном счете то, что еще несколько мгновений назад было более чем двухметровой “рыбиной” превратилось в стройного и совершенно нагого молодого человека.

А в том, что это существо стало человеком во всех отношениях, не было ни малейшего сомнения. Без видимых усилий он перемахнул через борт. Теперь его рост составлял метр восемьдесят. Юноша вел себя самым естественным образом. Низким приятным баритоном он обратился к

Марии:

— Весь этот шум поднялся из-за моей персоны. Старина Сойер, подарив мне жизнь, превзошел самого себя. Но, понимаю, вы, должно быть, шокированы моим видом. Посему не могли бы вы достать мне что-то вроде брюк?

Мария не двигалась с места. Его лицо кого-то ей смутно напоминало. Когда-то, как ей представлялось, давным-давно, появился в ее жизни один паренек… Но продержался он только до тех пор, пока она не обнаружила, что была для него всего лишь одной из дюжины девушек, с большинством из которых у него были гораздо более близкие отношения, чем те, которые она иногда могла бы ему позволить. И этот юноша так разительно походил на ее прежнюю симпатию…

— Вы не?.. — вырвалось у нее непроизвольно.

Казалось, он уже знал то, о чем она лишь собиралась его спросить, поскольку отрицательно покачал головой и с улыбкой успокоил ее:

— Нет, я обещаю вам быть верным всегда. — Затем добавил: — Дело в том, что Сойер и я, мы оба нуждаемся в молодой женщине, которая согласилась бы стать матерью моих детей. Полагаем, что закрепить в потомстве мои особые способности вполне возможно, но это надо еще доказать.

— Но то, что вы сделали, было, на мой взгляд, верхом совершенства, — возразила Мария, лишь смутно осознавая, что у нее и мысли не появилось с ходу и полностью отвергнуть его предложение. Скорее, она почувствовала какое-то неясное ей самой внутреннее удовлетворение оттого, что теперь она могла бы совершить в своей жизни нечто такое, что искупало бы все эти бездарно прожитые годы.

— Вы видели только часть того, на что я способен, — продолжал юноша. — Я могу принимать три различные формы. Сойер не ограничился только поисками в прошлом человечества, но попытался заглянуть и в будущее, раскрыв его потенциальные возможности. Человеческое обличье — лишь одна из форм, в которые я могу преобразовываться.

— А какая же третья? — тихо поинтересовалась Мария.

— Можно, я расскажу об этом чуть позже?

— Но ведь это совершенно невероятно! — воскликнула Мария. — КТО же вы на самом деле?

— Я СИЛКИ, — ответил он, — причем ПЕРВЫЙ.

Глава первая

Нэт Семп, силки класса “Си”, очнулся в заданное им самим себе время и тут же, задействовав свои сенсорные каналы, определил, что уже находится совсем рядом с обнаруженным им еще час назад космическим кораблем.

На какое-то время он слегка размягчил внешнюю, твердую как сталь и похожую на хитин оболочку — свою своеобразную кожу. Это позволило ему воспринимать световые волны в доступном человеку диапазоне. Упорядочив затем их через систему линз, он обрел способность дальновидения.

Из-за ослабления герметичности между телом силки и вакуумом заметно повысилось внутреннее давление. Возникло особое ощущение, типичное для ускоренного расходования кислорода, накопленного в хитиновом каркасе. Так происходило всегда при переходе на кислородоемкий зрительный канал восприятия действительности. Потребление драгоценного газа быстро вернулось к норме, как только он, проведя несколько нужных визуальных замеров, восстановил жесткость и непроницаемость сво-

его кокона.

То, что Семп увидел своим телескопическим зрением, весьма взволновало его. Стало ясно, что приближавшийся корабль принадлежал Вариантам.

Семпу было хорошо известно, что в обычных условиях Варианты на взрослого, в полном расцвете своих возможностей силки не нападают. В то же время недавно прошли слухи о непонятных пока изменениях в их поведении. Так, некоторые силки при встречах с Вариантами стали испытывать психологический дискомфорт. Поэтому нельзя было исключать, что, наткнувшись на него, Варианты, сконцентрировав всю энергию своей группы, смогут помешать его полету.

Пока Семп раздумывал, что предпочтительней — уклониться от встречи или, наоборот, смело идти, как обычно делали это силки, им навстречу, — он почувствовал, как корабль, слегка сменив курс, развернулся в его сторону. Итак, решение было принято, причем не им. Варианты сами искали контакта.

Естественно, в том, что касается ориентации в космосе, этот звездолет никак не мог быть ни “выше” и ни “ниже” его. Тем не менее Семп, ощутивший наличие на нем искусственной гра-

витации, решил считать ее для удобства точкой отсчета. При таком подходе получалось, что чужак подплывал к нему чуть снизу.

Используя другой сенсорный датчик с более высокой частотой восприятия — нечто вроде радара, — Семп внимательно наблюдал за маневрами космолета. Тот сбросил скорость, сделал большой виток и лег на параллельный курс впереди него, двигаясь несколько медленнее Семпа. Получалось, что если он будет продолжать свой путь по прежней траектории, то через несколько минут неизбежно настигнет его.

Семп решил не сворачивать. Постепенно корабль Вариантов наползал на него из мрака космоса, заметно увеличиваясь в размерах. На первый взгляд, они составляли тысячу шестьсот метров в ширину, восемьсот в высоту и пять километров в длину.

Семп не имел дыхательного аппарата, получая весь нужный организму водород за счет внутреннего электролизного обмена. И в общечеловеческом смысле он не мог видеть. Но ситуацию представлял себе достаточно ясно. Поэтому он чувствовал сейчас какую-то обреченность, испытывая печаль от того, что ему так не повезло и что в столь неподходящий для него

момент он так нелепо напоролся на эту, судя по всему значительную, группу Вариантов.

Когда он вплотную приблизился к кораблю, тот несколько подался вверх и застыл над ним в нескольких метрах. На окутанном тьмой мостике Семп различил несколько дюжин поджидавших его Вариантов. Они также были без скафандров, находясь в этот момент в состоянии полной адаптации к космическому вакууму. Позади группы виднелся двойной люк, который вел вовнутрь космолета. Его внешняя входная дверь была открыта, а через заднюю прозрачную стену просматривалась заполнявшая весь корабль вода.

Ее вид и обмен предварительными приветствиями неожиданно доставили ему явно преждевременное удовольствие. Он даже слегка вздрогнул, подумав с тревогой: “Неужели я уже так близок к Перевоплощению?”

Силки в стадии “Си” являлись полностью космическими созданиями. Поэтому на палубу корабля Семп сел довольно неуклюже. Специальные костные структуры, которые в ином облике служили бы ему ногами, воспринимали твердые структуры на молекулярном уровне, и, когда он коснулся металла, между ними произошел энергетический обмен, который он тут же по-

чувствовал.

В известном смысле он стоял. Но не путем мускульных усилий, а посредством тонкой калибровки энергополей. Мускулов у него в этом состоянии попросту не было. Закрепившись на поверхности корабля с помощью магнитного поля, он затем внутренним усилием сформировал — один за другим — два прочных, но высокой степени гибкости костных блока.

Это дало ему возможность двигаться, подобно двуногому существу, опираясь на эти эластичные костного характера отростки. Но в целом ходьба для него в нынешнем виде была делом очень трудным. Для этого при каждом шаге ему требовалось давать импульс костной системе размягчаться, чтобы почти тут же восстанавливать ее прежнюю жесткость. И хотя научился он этому искусству давно, все равно скорость передвижения была очень низкой. В открытом космическом пространстве он мог развить ускорение в пятьдесят “жи”. Но сейчас вышагивал со скоростью не более чем полтора километра в час да еще и испытывал удовлетворение от того, что был способен достичь такого показателя в этих условиях.

Так, медленно, но уверенно он приблизился к

поджидавшей его группе Вариантов и остановился на небольшом расстоянии от ближайшей к нему коренастой фигуры.

С виду Вариант был тот же силки, но только более низкорослый. Но Семп знал, что на самом деле все эти несчастные создания были лишь неудавшимися моделями подлинных силки, что и объясняло их общее название. Было очень трудно по внешнему облику определить, к какому типу принадлежал тот или иной конкретный Вариант, или попросту “В”, поскольку различия касались внутреннего строения. Поэтому первое, что решил для себя Семп, — это определиться в отношении типа “В” космолета.

Для установления с ними связи он использовал ту функцию своего мозга, которую еще до того, как разобрались в ее сущности, называли просто телепатия.

После его мысленного посыла возникла пауза, но через некоторое время один из стоявших далеко в задних рядах “В” ответил ему тем же способом.

“У нас есть причины, не позволяющие нам себя идентифицировать. Именно поэтому мы и просим вас остаться с нами до того момента, пока вы сами не разберетесь в наших проблемах”.

“Но подобное утаивание незаконно”, — сухо заметил Семп.

Последовал ответ, на удивление не похожий на обычно враждебную реакцию “В”:

“Мы не стремимся создавать ненужных осложнений. Меня зовут Ралден, и нам очень бы хотелось, чтобы вы кое-что увидели на борту”.

“Что именно?”

“Девятилетнего мальчишку. Он сын силки и земной женщины. В последнее время проявил крайние вариантные качества. В этой связи просим разрешения уничтожить его”.

“О!” — только и смог вымолвить Семп. Его на мгновение охватило смятение. Память услужливо, хотя и мельком, напомнила, что и его сыну от первого брачного сезона сейчас должно было быть столько же лет.

И дело тут было не в особых родительских чувствах. Силки было запрещено видеть появившихся от них сыновей. Они были воспитаны в том духе, что к потомству всех силки подходили с одинаковой меркой. Но подлинным кошмаром для хрупкого равновесия, установившегося между обычными жителями Земли, Посредниками и двумя устоявшимися классами силки являлась перспектива гипотетического появления среди

нестабильного сообщества Вариантов какого-нибудь высокоодаренного “В”.

На деле эти опасения оказались не очень обоснованными. Когда время от времени силки посещали космолеты “В”, они обнаруживали, что тот или иной подававший надежды парнишка устранялся самими Вариантами. Они не переносили выделения дарований в своей среде, опасаясь, что талантливый ребенок, став взрослым, установит над ними свою власть и лишит нынешней свободы.

Тогда стали требовать, чтобы подобные расправы были обязательно предварительно санкционированы каким-нибудь нормальным силки, что и объясняло первоначально созданную “В” атмосферу таинственности вокруг дела. Конечно, “В” могли уничтожить таких парнишек даже и в том случае, если бы не получили на то разрешения от силки, в надежде, что их корабль так никогда и не выявят в беспредельных просторах космоса.

“Так вот, значит, в чем дело?” — переспросил Семп.

“В” подтвердили это.

Семп заколебался. Его нерешительность объяснялась тем, что уже в течение некоторого времени он отмечал в своем организме опреде-

ленные признаки того, что он вот-вот начнет Перевоплощение. У него просто не было в запасе одного дня или даже двух, которые ему пришлось бы провести на этом космолете для принятия решения в отношении мальчика.

Но, подумал он, если он не задержится здесь по их просьбе, то тем самым автоматически даст им свое согласие на убийство. А он прекрасно отдавал себе отчет в том, что пойти на это не сможет.

“Ладно, — важно сказал он. — Я пройду в корабль”.

Группа “В” сопроводила его до шлюзовой камеры. Они тесно сгрудились, когда за ними закрылась толстенная стальная дверь люка, изолировавшая их от открытого космоса. В шлюз начала неслышно поступать вода. Семп видел, как, проникая в находившуюся еще в вакуумном режиме камеру, вода в мгновение ока превращалась в газ. Однако по мере заполнения пространства она вновь обретала привычное жидкое состояние и постепенно стала обволакивать сбившихся в кучу “В” и Семпа.

Чувствовать вокруг себя водную стихию доставляло несказанное удовольствие. Костные структуры Семпа сразу же рефлекторно попытались размягчиться, и он был вынужден сделать

заметное волевое усилие, чтобы воспрепятствовать этому. Но когда вода накрыла его целиком, Семп почувствовал, что тяга к размягчению нарастает уже во всей внешней оболочке. Возникло исключительно острое ощущение предстоявшего вскоре блаженства Перевоплощения. Ему пришлось мобилизовать всю свою сферу сознательного, чтобы удерживать под контролем начинавшийся процесс адаптации к новой среде. А так хотелось побыстрее и помощнее прогнать через жабры теплую и ласковую струю воды! Но Семп понимал, что подобная несдержанность и спешка выдадут особо опытным “В” его состояние, и неукоснительно придерживался обычной в таких случаях процедуры.

В свою очередь “В” тоже начали постепенно переходить из исключительной для них космической формы в свое нормальное состояние с жабрами. Наконец открылся внутренний люк, и вся группа изящно вплыла вовнутрь корабля. Шлюзовая камера закрылась, и они оказались в первом из громадных блоков-резервуаров, из которых собственно и состоял космолет.

К Семпу в состоянии “рыбы” вернулась нормальная способность видеть мир, и он огляделся, пытаясь разобраться в окружавшем его подвод-

ном мире. Но ничего необычного в нем не было — самая обыкновенная трансплантированная в эти особые условия морская фауна и флора. Колыхались под воздействием течений водоросли, но Семп знал, что воду гонят специальные мощные насосы. Он даже чувствовал по еле заметным перепадам напора струй ритм их работы.

Глава вторая

С новой средой обитания у Семпа каких-либо проблем не возникало. Вода для него была естественным элементом, и при переходе из состояния силки в форму рыбы он терял из своих прежних способностей совсем немного. Внутренний богатейший мир ощущений в целом оставался. Нервные центры, по одиночке или в различных друг с другом комбинациях, были связаны с различного рода энергополями. Когда-то в далекие времена все это называлось “чувствами”. Но вместо пяти чувств, которыми в течение многих и многих веков ограничивалось восприятие действительности человеком, силки могли фиксировать впечатления от внешнего мира по ста восьмидесяти четырем различного вида сенсорным каналам широчайшего спектра.

Результатом такого невероятно богатого отражения бытия являлся колоссальный внутренний “шумовой фон” из непрерывного потока поступавших извне информационных сигналов. Поэтому с первых же дней существования силки главным элементом его воспитания и постоянной тренировки являлось умение контролировать

всю эту богатейшую палитру разнообразных внешних раздражителей.

Семп, ритмично работая жабрами, величаво проплывал вместе с “В” мимо сказочных подводных пейзажей. Эта водная вселенная чутко реагировала на их вторжение. Кораллы сначала приобрели кремовый оттенок, затем стали оранжевыми, пурпурными, пока не расцветились всем богатством оттенков. Тысячи морских червяков испуганно втянули головы в норки, но тут же повысовывали их им вслед. И то была лишь ничтожно малая часть развертывавшегося перед ними подводного ландшафта.

Между стенками отсека сновали более десятка голубых, зеленых и ярко-красных рыбок. Их нетронутая первозданная красота манила Семпа. Это была старая форма жизни, та, что создавалась самой Природой. Ее не коснулась магическая рука всемогущего знания, которое в конечном счете разрешило столько загадок таинства жизни. Семп протянул соединенные пленкой пальцы к одной из них, что стрелой проносилась мимо, но та вильнула и, взметнувшись, тут же куда-то умчалась. Семп от полноты испытанного удовольствия даже расплылся в широкой улыбке, за что поплатился, немедленно хлебнув теплой

воды.

Внутри корабля он стал меньше ростом. Произошло это путем уплотнения его тела. Образовавшиеся мускулы сократились, а ставшая целиком внутренней костная система ужалась с трех метров, как это было в космосе, до чуть более двух.

Семп уже сумел разобраться в своих спутниках. Из тридцати девяти вышедших его встречать Вариантов тридцать один относились к разряду самых обыденных. Естественным состоянием для них была форма рыбы, и в ней они проводили основную часть своей жизни. В то же время на короткий срок они могли принимать человеческий облик, а в образе силки были способны продержаться от нескольких часов до недели и больше. Все тридцать девять “В” обладали, хотя и в ограниченных пределах, энергетическим потенциалом.

Из оставшихся восьми трое располагали значительными энергоресурсами, один мог даже создавать силовой барьер, а четверо были способны дышать воздухом в течение достаточно продолжительного времени.

Каждый из них был по-своему умен. Но Семп, который через тот или иной из своих многочис-

ленных каналов восприятия мог улавливать малейшие запахи тела, определять температуру как в воде, так и вне ее, понимал сложную музыку расположения костей и мускулов в теле, в каждом из этих существ почувствовал мощный эмоциональный заряд недовольства, гнева, наглой дерзости и еще более сильного напластования — ненависти. Это не могло не заинтриговать его. Действуя в своей обычной при контактах с “В” манере, Семп вплотную подплыл к ближайшему из них. Затем, выбрав особо стойкую несущую волну — она сохраняла наложенное на нее послание лишь на расстоянии в несколько метров — в упор спросил соседа:

“У вас какой секрет?”

На какой-то миг “В” опешил. Ответ на этот направленный мощный посыл был настолько побудительно рефлекторным, что Семп получил его на той же волне практически немедленно.

Семп улыбнулся, довольный успехом примененного им маневра. Ответ позволял ему завязать разговор в нужном направлении. Поэтому он спросил вновь:

“Никто ведь не угрожает “В” ни в индивидуальном, ни в коллективном порядке? Непонятно, чем вызвана ваша ненависть”.

“Я ЧУВСТВУЮ себя в опасности!” — нехотя отозвался собеседник.

“Узнав вашу тайну, я понял, что вы женаты. Есть ли у вас дети?”

“Да”.

“Вы работаете?”

“Да”.

“Журналистика, литература, телевидение?”

“Да”.

“Спорт?”

“Только смотрю соревнования. Сам не участвую”.

В этот момент они проплывали сквозь подводные джунгли. Картина, что и говорить, впечатляла: огромные вздрагивавшие в струях течения чаши растений, стремительно тянувшиеся ввысь колонны кораллов, осьминог, настороженно выглядывавший из укрытия, быстро прошмыгнувший угорь, множество разнообразных рыб. Они все еще находились в той части корабля, где в первозданном виде были воспроизведены условия океана в тропических широтах. Для Семпа, который беспрерывно патрулировал в космосе вот уже целый месяц, сама возможность поплавать была и наслаждением, и отличной спортивной разминкой.

Но сейчас его занимали совсем другие мысли, и он опять обратился к своему спутнику:

“Послушайте меня, друг. Здесь все создано на благо всех. Такое спокойное и приятное время-препровождение, видно, лучшее, что нам могут предложить в жизни. Если вы завидуете моей службе в качестве полицейского, то, уверяю вас, напрасно! Я тоже привык к исполнению своих обязанностей, но подумайте, например, что из-за них я имею право на брачный период только один раз в девять с половиной лет. Понравилось ли бы вам это?”

Конечно, его заявление ни в коей мере не соответствовало действительности. Но сами силки и их ближайшие земные союзники — Посредники усиленно культивировали подобный миф, убедившись в его психологической необходимости. Дело в том, что от веры в подобную байку обычные земляне испытывали большое удовлетворение, поскольку считали это громадным изъяном в жизни силки, которым они по всем другим статьям откровенно мучительно завидовали.

Обращаясь с подобным утешением к плывущему рядом и почему-то чрезмерно озлобленному “В”, Семп рассчитывал именно на такого рода

эффект. Но исходивший от “В” сумрачный эмоциональный настрой лишь усилился и перерос в откровенную враждебность.

“Вы обходитесь со мной, как с ребенком, — мрачно парировал тот. — Но мне кое-что известно о Логике уровней. И мне ваши софизмы ни к чему”.

“Не стоит искать в моих словах какой-то скрытый смысл. Просто реплика и не более того, — мягко уточнил Семп. — Лучше расслабьтесь и не бойтесь: о супружеской неверности я вашей жене не сообщу”.

“Будьте вы прокляты!” — взорвался “В” и рывком отпрянул в сторону.

Семп, ничуть не огорчившись, повторил свою комбинацию с другим “В” из числа сопровождавших его. Тот утаивал от всех профессиональный проступок, когда он дважды засыпал на посту у одной из шлюзовых камер, соединявших корабль с космическим вакуумом.

С аналогичным вопросом он обратился и к третьему Варианту — женщине. Как ни странно, но ее секрет состоял в том, что она считала себя сумасшедшей. Едва осознав, что он проник в ее тайну, женщина “В” впала в истерику. Изящная и привлекательная, она явно была из “воздухо-

дышащих”, то есть “В”, способная сравнительно надолго обретать человеческую форму. Но вот нервы ее никуда не годились.

“Умоляю вас, никому об этом ни слова! — телепатически воскликнула она, полная ужаса. — Иначе они меня уничтожат”.

Прежде чем Семпу удалось установить, почему она так уверовала в свое помешательство, женщина, не скрывая удрученности, вдруг выпалила:

“Они намерены завлечь вас в отсек, заселенный акулами!”

Поняв, какую важную информацию она разгласила, женщина на миг застыла, ее почти земное лицо исказила гримаса.

Реакция Семпа была мгновенной:

“С какой целью?”

“Не знаю. На словах они говорят совсем другое… О! Пожалуйста, не надо больше…” — В определенной степени потеряв контроль за своим физическим состоянием, она стала судорожно дергаться в воде; еще немного, и на нее могли бы обратить внимание остальные “В”.

Семп поспешил успокоить женщину:

“Не волнуйтесь! Даю вам честное слово, что все останется между нами”.

Тем временем он успел выяснить, что ее зовут Менса и что она, по ее словам, становится очень красивой, когда трансформируется в женщину.

Поразмыслив, Семп пришел к выводу, что в будущем эта “В” может ему очень пригодиться и что поэтому он должен не подавать вида о своей осведомленности и позволить увлечь себя в злосчастный резервуар с акулами.

Все произошло как-то очень буднично и незаметно. Один из “В”, умевший генерировать энергию, приблизился к нему. Остальные, как бы вполне естественно, чуть поотстали.

“Сюда”, — показал направление проводник.

Семп последовал за ним. Прошло, однако, какое-то время, прежде чем он заметил, что вместе со своим гидом очутился по одну сторону прозрачной стены, а остальная часть группы — по другую. Он огляделся в поисках своего провожатого, но тот уже успел быстро нырнуть и втиснулся в небольшую пещеру между двумя скалами.

Неожиданно вода вокруг Семпа замутилась. Это не помешало ему увидеть, что все остальные “В” прильнули к прозрачной перегородке с другой стороны. В то же мгновение Семп уловил легкое движение в колыхавшихся водорослях, оттуда метнулись тени, сверкнул злобный пронзитель-

ный глаз, всплеснулись блики света на сероватом туловище… Семп тут же переключился на иной уровень восприятия — в условиях глухой темноты — и приготовился к бою.

В форме “рыбы” Семп мог повести борьбу методом электрического суперугря, с той только разницей, что его энергоразряд представлял собой пучок и для поражения противника прямого контакта с ним не требовалось. Он формировал свой залп из серии быстро чередующихся вспышек вне своего тела, стыкуя два потока частиц с противоположным зарядом. По своей мощности удар позволял легко справиться с дюжиной морских монстров.

Но нынешнее его состояние нормальным назвать было нельзя. Он по существу был на грани Перевоплощения. И поэтому любую борьбу с обитателем затерянного в космосе моря следовало вести с позиций логики уровней, а не на энергооснове. Сейчас он не мог позволить себе израсходовать хотя бы малую часть своих энергетических ресурсов.

В тот самый момент, когда Семп принял это решение, из чащобы заходивших ходуном зарослей угрожающе выскользнула акула. С ленцой, по-видимому, нарочитой, она направилась в его

сторону, на ходу перевернулась, обнажив чудовищные зубы в мерзкой пасти, и неожиданно резко рванулась к нему.

На волну тут же последовавшего в ее адрес мысленного посыла Семп наложил нужную команду. Она подстегивала тот исключительно примитивный механизм в ее организме, благодаря которому в мозгу животного возникали образы.

Хищник, естественно, был абсолютно беззащитен против подобной сверхстимуляции своего органа воображения. Мгновенно его зубы сомкнулись, реагируя на ярчайшую картину якобы появившейся перед ним жертвы, тело взметнулось в яростной кровавой схватке, затем возликовало в танце роскошного пиршества. После этого, захлестнутая ощущением переполненного желудка, акула возмечтала о возвращении в сумеречный подводный лес, столь искусно воспроизведенный в одном из уголков громадины-корабля, мчавшегося где-то вблизи Юпитера.

Сверхстимуляция продолжалась, но теперь возникавшие образы уже никак не связывались с движением хищника. Поэтому акулу стало медленно сносить течением, пока, совершенного того не осознавая, она не тюкнулась тупо в стенку кораллов. В таком положении она и зависла,

хотя все еще представляла себе, что продолжает неудержимо нестись вперед и вперед.

Монстра атаковали с использованием логики, соотнесенной с его структурой, на уровне, который превосходил его мощнейшее боевое оснащение.

Уровни логики. Люди давно уже ею баловались, в том числе и сами с гобой, вскрывая наиболее древние пласты мозга, в которых внушенные образы и звуки были столь же реальны, как и в действительности. В данном случае это был наиболее адекватный обстоятельствам уровень логики, ничего общего не имевший с человеческим. С таким животным, как акула, феномен был примитивен — просто серия машинальных рефлексов. Быстрая стимуляция и молниеносное ее купирование. Все время движение, обеспокоенность, неутолимая потребность в большем количестве кислорода, чем его имелось в этом конкретном месте. Это была логика уровней в ее Механическом цикле.

Погрузившись в мир грез, хищник стал впадать в забытье. Не дожидаясь, пока процесс станет необратимым, Семп холодно обратился к глазевшим на эту сцену зрителям:

“Хотите, чтобы я ее прикончил?”

Существа, скрывавшиеся за прозрачной стенкой, промолчали и жестом показали, где находится выход из блока с акулами.

Тогда Семп вернул монстру контроль над собой. Но он знал, что пройдет не менее двадцати минут, прежде чем тот полностью придет в себя.

Когда через несколько минут Семп выплыл из отсека и присоединился к “В”, то сразу же уловил, что их отношение к нему изменилось. Они не скрывали своего пренебрежения. Это было тем более забавным, что, насколько он знал, все они находились в полнейшей от него зависимости.

Кто-то в этой группе, очевидно, знал об истинном состоянии Семпа и приближавшемся Перевоплощении. Следовательно…

Он отметил, что группа вплыла в резервуар таких громадных размеров, что не было видно даже дна. Небольшие косяки ярко-пестрых рыбешек скользили в зеленоватых глубинах. Вода похолодала, была по-прежнему приятной, но уже не тяготила, что характерно для тропических морей. Семп подгреб к одному из “В”, способных генерировать энергию. Как и прежде, он врасплох подбросил ему:

“Каков ваш секрет?”

Его звали Гелл, а тщательно оберегаемая от всех

личная тайна состояла в том, что он применял свои энергетические способности для физического устранения соперников, оспаривавших у него благосклонность той или иной особы женского пола. Выболтав столь компрометировавшие его сведения, которые могли стать достоянием его соотечественников, сосед Семпа пришел в неописуемый ужас. В таком состоянии ничего путного он сообщить уже не мог, разве что имя административного главы космолета — Рибер, а также то, что именно тот послал их встретить Семпа. Но и эта информация представляла интерес.

Семпа сейчас гораздо больше занимало другое: тревожное, на уровне интуиции, предчувствие, что он ввязался в решение задачи, намного трудней той, на которую указывали до сих пор поступавшие к нему сигналы. Он пришел к выводу, что нападение акулы было подстроено ему как испытание. Но ради чего?

Глава третья

Неожиданно прямо перед Семпом открылась панорама города.

Вода стала кристально чистой. Не было ни малейшего намека на загрязнение, которое так омрачает земные океаны, особенно в местах поселения людей. Среди видневшихся городских построек были куполообразные сооружения, аналогичные по виду тем, что распространены в подводном царстве на Земле. Там подобная форма была жестко обусловлена гигантским глубинным давлением. Но здесь, на корабле с его искусственной гравитацией, вода удерживалась стенками космолета и имела тот вес, который пожелают задать ей его хозяева. Поэтому была возможность воздвигнуть в городе строения достаточно высокие, изящных и порой чрезмерно вычурных форм. В целом их можно было считать красивыми, и не только в функциональном смысле.

Семпа привели к зданию с высоким куполом и напоминавшими минареты башенками. В конечном счете он оказался в помещении вместе с двумя “В”, которые умели стабильно принимать

форму воздуходышащих. То были Менса и некий Григ.

Уровень воды в комнате стал понижаться. Со свистом ворвался воздух, и вскоре там установилась вполне земная по составу атмосфера. Семп быстро преобразовался в форму человека и вышел в коридор современного, оснащенного кондиционерами здания. Он и двое сопровождавших его “В” были совершенно нагими.

Мужчина распорядился, обращаясь к Менее:

— Отведи его к себе и дай какую-нибудь одежду. Когда позову, доставь его в апартаменты номер один наверху.

Григ был уже на пути к выходу, когда его внезапно остановил Семп:

— Кто дал вам это поручение?

“В” заметно колебался, явно смущенный тем, что имел дело с силки. Выражение его лица вдруг изменилось. Казалось, что он к чему-то прислушивается.

Семп тут же задействовал все сторожевые центры своего богатого набора рецепторов, включая и те, что на какое-то время были приглушены. Разумеется, в образе человека их гамма была намного беднее, чем в обличье силки. Тем не менее полностью они никогда еще его не подводили.

Григ наконец очнулся:

— Это он приказал… немедленно после того, как вы оденетесь…

— Кто это он?

Григ не скрывал своего удивления:

— Мальчик, конечно. — Сказано это было таким тоном, который подразумевал: кто же еще?

Пока Семп обсыхал и надевал одежды, которые ему предложила Менса, он размышлял о том, что могло лежать в основе ее уверенности в собственном помешательстве. Стараясь быть предельно осторожным и деликатным, он обратился к ней:

— Почему все вы, Варианты, столь скверного о себе мнения?

— Потому что существует кое-что получше, чем мы… Это — силки! — Свою тираду она произнесла запальчиво, гневно, в глазах стояли слезы существа, чувствующего собственную ущербность. — Я не могу этого объяснить, — устало продолжила она, — но с самого детства я чувствую себя какой-то надломленной. Вот и сейчас я вся охвачена смутной и лишенной всяких оснований надеждой на то, что вы немедленно наброситесь на меня и овладеете моим телом. Мне так хочется стать вашей рабыней!

Хотя Менса, только что выйдя из воды, была

вся мокрая, а ее волосы слиплись, следовало признать, что она не преувеличивала, когда чуть раньше заявляла Семпу, что отлично выглядит в облике земной женщины. Можно было смело утверждать, что со своей молочного цвета кожей и стройной, с изящными формами, фигуркой она действительно выглядела красавицей.

У Семпа в этой ситуации не было альтернативы, поскольку в ближайший час, как он считал, ему, видимо, потребуется ее помощь. Поэтому он спокойно возвестил:

— Хорошо, я принимаю тебя как свою рабыню.

Менса реагировала на его слова исключительно бурно. В каком-то судорожном порыве она бросилась к нему, пытаясь на ходу освободиться от одежды, которая, однако, застряла у нее на бедрах.

— Возьми меня! — пламенно воскликнула она. — Возьми меня как женщину!

Семп, женатый на молоденькой Посреднице, мягко освободился из ее объятий, твердо заявив:

— Рабы требований не выдвигают. Они ждут, когда их хозяева выразят свое пожелание. Мой первый тебе приказ: немедленно открой свой разум!

Женщина, вся дрожа, отпрянула.

— Не могу, — прошептала она. — Мальчик запрещает это делать.

Семп пошел другим путем:

— Что за причина заставляет тебя считать себя ненормальной?

Она покачала головой.

— Что-то такое, что… связано с мальчиком, — выдохнула Менса. — Но я не знаю, что это…

— Тогда ты его рабыня, а не моя. В ее глазах застыла мольба.

— Освободи меня! Сама я не в силах сделать это.

— Где расположены апартаменты номер один?

Она объяснила, добавив:

— Можете пройти туда по лестнице или подняться на лифте.

Семп выбрал первое. Ему требовалось немного, пусть всего несколько минут, для того чтобы оценить сложившееся положение. И он решил сделать следующее. Увидеться с мальчиком! Определить его судьбу. Переговорить с административным распорядителем космолета Рибером. Наказать его! Распорядиться, чтобы корабль сейчас же направился к ближайшей контрольной станции!

С такими намерениями он и поднялся на

верхний этаж и нажал на кнопку при входе в указанное ему помещение. Дверь бесшумно открылась. Семп вошел и тут же очутился лицом к лицу с мальчиком.

Ростом метра в полтора, тот выглядел прелестным земным ребенком. Семп должен был признать, что в своей жизни не часто видел детей столь очаровательной наружности. Он сидел перед экраном телевизора, вмонтированного в стену помещения. Когда Семп вошел, мальчик лениво повернулся в его сторону и произнес:

— Мне было так интересно узнать, как вы поступите с этой акулой в вашем нынешнем состоянии.

ИТАК, ОН ЗНАЛ!

Семп, поняв это, откровенно изумился. Молниеносно мелькнула мысль: лучше умереть, чем идти на какую-то сделку и раскрыться, одновременно удвоить осторожность в достижении поставленной цели.

Мальчик невозмутимо заметил:

— Вполне возможно, что теперь-то вы уж ни на что не способны.

Семп уже полностью овладел собой и не испытывал ничего, кроме острого любопытства. Как же так: он настроил свой организм таким обра-

зом, что информация о его внутреннем состояний совершенно не просачивалась наружу. Между тем этот мальчик спокойно ее считывал, причем в деталях. Как это ему удавалось?

Мальчик чуть улыбнулся, судя по всему этим его мыслям, потому что отрицательно покачал головой.

Семп произнес:

— Если вы не отважитесь пояснить, как вам это удается, я сделаю вывод, что речь идет не о каком-то новом методе. Тогда придется выяснить, кто вы такой на самом деле, а сделав это, я смогу с вами справиться.

Мальчик расхохотался, презрительно махнув рукой, и поспешил сменить тему разговора.

— Так вы считаете, что меня следует уничтожить?

Семп вгляделся в эти сверкавшие стального цвета глаза, в которых сквозило озорное лукавство, и почувствовал, что с ним сейчас играет некто, считавший себя неуязвимым. Значит, вопрос заключался в том, чтобы выяснить, соответствовала ли эта его уверенность реальному положению дел, или же мальчик просто заблуждался на свой счет.

— Соответствует, соответствует, — заверил

его тот.

Но если это так, то обладает ли он изначально присущими ему свойствами, способными ограничить мощный потенциал силки?

— А вот на это я вам не отвечу, — сухо бросил мальчик.

— Ну и прекрасно, — ответил Семп, разворачиваясь и направляясь к выходу. — Если будете упорствовать в вашем решении, то буду считать вас вне закона. Никто не имеет права проживать в пределах Солнечной системы и оставаться вне контроля. Тем не менее даю небольшую отсрочку для того, чтобы вы могли отказаться от ваших нынешних намерений. Лично я советую вам вернуться на стезю законопослушного гражданина.

Семп вышел. Самым важным сейчас для него было то, что ничто не помешало ему сделать это.

Глава четвертая

В коридоре Семпа поджидал Григ. Теперь он почему-то изо всех сил старался угодить ему. Семп попросил отвести его к Риберу и поинтересовался, воздуходышащий ли тот. Оказалось, что нет. Посему Семпу и Григу пришлось снова трансформироваться в подводные существа.

Они приплыли в громадных размеров расщелину, на внутренних краях которой местами красовались чашечки глубинных растений. Именно здесь, в лабиринте из металла и пластика, заполненном водой, и обитал Рибер. Глава администрации корабля был крепким и крупным Вариантом, с несколько выпученными глазами, что являлось характерным признаком для стадии “рыбы”. В ожидании посетителей он плавал рядом с приемником сигналов. Взглянув на Семпа, он включил стоявший рядом аппарат и несколько вызывающе пояснил на использовавшемся при переговорах под водой языке:

— Считаю, что наш разговор следует записать. Не думаю, что силки можно доверять в том, что он объективно доложит о создавшейся ситуации.

Семп не возражал. Рибер начал докладывать,

причем, как представлялось, во вполне откровенной манере:

— Космолет и все находящиеся на его борту лица находятся под полным контролем этого необычного мальчишки. Его воздействие на нас не носит постоянного характера, и большую часть времени мы проводим так, как это обычно принято среди Вариантов. Но, к примеру, те “В”, что выходили вас встречать, были бессильны как-то противостоять его приказу. Если вам удастся сокрушить его, то мы, несомненно, освободимся от его тирании. В противном случае мы останемся рабами, хотим мы того или нет.

Семп ответил:

— И тем не менее должен же быть у него какой-то уязвимый уровень. Давайте разберемся: почему вы выполняете его указания?

— Когда он впервые отдал мне распоряжение, — откликнулся Рибер, — я просто-напросто расхохотался ему в лицо. Но спустя несколько часов вдруг понял, что все равно выполнил его волю, оказавшись на необходимое для этого время в бессознательном состоянии. На следующий день я счел предпочтительным лучше делать это сознательно. И такое положение длится по земным меркам уже целый год.

Семп понял, что основным методом наведения бессознательного состояния служило отключение “В” от нормального восприятия ими мира. Он вспомнил, как один из Вариантов признался, что, находясь на вахте у внешнего люка, заснул. Семп попросил вызвать всех “В”, ответственных за входные шлюзовые камеры. Уже испытанным методом он опросил каждого из прибывших:

“Каков твой секрет?”

Выяснилось, что семеро из двадцати впадали в сон при исполнении служебных обязанностей. Таким образом разгадка оказалась до смешного простой: мальчик приближался к внешнему люку, погружал постового в дрему и легко проникал в космолет.

Стало очевидным, что проблема предстала намного более сложной, чем казалась на первых порах. Семп вернулся обратно в квартиру Менсы и переоделся. Та, провожая его до двери, шепнула:

— Только не покидайте корабль, не овладев мною. Мне абсолютно необходимо чувствовать, что я принадлежу вам.

Но Семпу уже было предельно ясно, что происходило с ней. Лично он был здесь ни при чем. Просто Менсу вопреки ее воле патологически и

неудержимо влекло к кому-то, кого она не только не желала, но и глубоко презирала. Однако, щадя Менсу, он ласково заверил ее, что действительно тянется к ней. После этого Семп направился в апартаменты номер один.

На сей раз, отметил он, при его появлении на лице мальчика вспыхнуло смущение, а излучавшие раньше внутренний огонь глаза потускнели. Семп мягко обратился к нему:

— Вижу, что потрудились вы на славу. И это значит, что дела с осуществлением ваших планов обстоят далеко не так, как вам хотелось бы. И все же глубинная суть ваших трудностей в том, что Посредники не теряют времени, когда имеют дело с опасными аномалиями.

Мальчик внезапно тяжко вздохнул:

— Мне это известно. Должен раскрыться вам: я — Тем, ваш сын. Уловив, что вы приближаетесь к кораблю, я подумал, что должен обязательно встретиться со своим отцом. Я очень боялся, что мои способности, которые считаются необычными, обнаружатся. Поэтому я так отчаянно старался как-то обеспечить свою личную безопасность здесь, в космосе. Теперь я понимаю, что не обойдусь своими силами и что мои отношения с землянами нужно решительно изменить. Говорю

это вполне осознанно и готов пройти соответствующий курс перевоспитания.

Для Семпа подобного заявления было достаточно. Ясно, что он не позволит ликвидировать этого мальчика.

Наскоро — Семп имел к тому основания из-за сроков Перевоплощения — они обсудили положение. Договорились, что по возвращении на Землю Семп доложит обо всем Посредникам, от которых силки не имеют права никогда и ничего утаивать. Сложность была в том, что сразу после этого он, Семп, утратит возможность эффективного контроля за развитием событий. Пройдя Перевоплощение, он вступит в брачный период и на многие месяцы лишится своего энергетического потенциала. А именно тогда мальчик окажется целиком и полностью во власти закона, над которым довлеют предрассудки.

Тем пренебрежительно бросил:

— Обо мне не беспокойтесь. С Вариантами я готов помериться силами. Для вас же сейчас лучший выход — незамедлительно лететь на Землю, но, — не удержался он, — как вы сами убедитесь, я окажусь там раньше вас.

Семп не стал выяснять, каким образом тот сумеет совершить подобное чудо. Ему нельзя было

терять ни минуты. Раздеваясь потом в квартире Менсы, он с большой гордостью заявил ей:

— Мальчик — мой сын.

Она испуганно распахнула глаза:

— Ваш сын! Но…

— Что такое?

— Ничего, — как-то машинально ответила она. — Я просто удивилась, и все.

Семп подошел к ней и отечески поцеловал ее в темя.

— Я вижу, что вы втянуты в какую-то любовную связь.

Она отрицательно мотнула головой.

— Сейчас нет. С тех пор… — Она умолкла, явно чем-то ошеломленная.

Но у Семпа не было времени разбираться в любовных перипетиях этой женщины.

Как только он покинул помещение, там тут же появился мальчик. Он резко бросил Менее отнюдь не детским тоном:

— Еще немного, и ты бы меня выдала!

— Но я всего-навсего Вариант, — жалобно простонала Менса.

На ее глазах мальчик начал стремительно преобразовываться и вскоре предстал вполне взрослым и крепким мужчиной. Он немедлен-

но послал в сторону Менсы энергоимпульс. Тот оказал на нее такое мощное воздействие, что Менса, несмотря на выступившее у нее на лице выражение глубокого отвращения, в томлении страсти так и потянулась к нему. Когда между ними оставалось всего несколько сантиметров, мужчина купировал исходивший от него призыв. Женщина тут же резко от него отшатнулась. Он ухмыльнулся. Но и сам отодвинулся от нее, а спустя несколько мгновений вошел в контакт с кем-то на одной из планет далекой звездной системы.

Между ними завязался проходивший в полном молчании разговор.

“Я наконец-то решился ввязаться в схватку с силки, одним из могущественнейших жителей этой системы. В своих действиях он руководствуется идеей, которую называет “логикой уровней”. Я обнаружил, что ее можно применить и к нему в цикле Интереса, в данном случае к своему сыну, которого он никогда в жизни не видел. Я очень осторожно модифицировал в нужном мне направлении его умонастроение. Полагаю, что после этого я вполне могу в полной для себя безопасности опускаться на их главную планету под названием Земля”.

“Но чтобы внести эти коррективы, вам наверняка пришлось создать между вами канал взаимодействия?”

“Естественно, но я все же рискнул пойти на это”.

“А какие каналы использовались еще, Ди-изаринн?”

Мужчина бросил взгляд на Менсу.

“Несколько. Но за одним возможным исключением, все эти существа способны воспротивиться любой попытке силки заглянуть в их мозг и попытаться их обнаружить. Мне попалась весьма строптивая группа так называемых Вариантов. Они никому и ни в чем не доверяют в своей солнечной системе. Допускаю, что они вообще относятся ко всем сугубо враждебно. А исключение, о котором я говорю, это женщина “В”, которая, однако, полностью находится под моим контролем”.

“Почему ты не ликвидируешь ее?”

“Дело в том, что все члены этой группы состоят между собой в какой-то сложной телепатической связи, в которой мне пока не удалось разобраться. Если она погибнет, то все ее сородичи в тот же миг узнают об этом. Поэтому я не могу поступить с ней так, как это принято у нас”.

“А что с силки?”

“Он отправился на Землю, полностью сбитый мною с толку. Для него характерен еще один существенный момент: он накануне периодической глубокой трансформации, во время которой теряет весь свой боевой потенциал, как наступательный, так и оборонительный. Я намерен не мешать этим физиологическим изменениям, дать им возможность нормально развиться, чтобы затем без труда спокойно покончить с ним”.

Глава пятая

Еще на подлете к Земле Семп послал через Пятерку-Р донесение Властям силки на имя своего Посредника Чарли Бэкстера. Прибыв на спутник и приняв человеческую форму, он ознакомился с ответом Чарли на свой рапорт: “Мальчик обнаружен. Власти запрещают вам спускаться на Землю, пока все не прояснится”.

“Другими словами, ждите, пока мы его не уничтожим”, — гневно отреагировал Семп. Итак, возникло препятствие, которого он никак не ожидал.

Командир спутника, обычный, ничем не выделявшийся землянин, проинформировал его:

— Господин Семп, я получил указание не разрешать вам спуск на Землю до получения дополнительных распоряжений. Весьма необычный приказ.

Действительно, никогда и никто до сих пор не ограничивал силки в их передвижениях. Но Семп уже принял решение. Самым естественным тоном он заявил:

— Ну что же, в таком случае я вернусь обратно в космос.

— А разве вам не предстоит в самое ближайшее время Перевоплощение? — с подозрением спросил собеседник. — Впрочем, поступайте как знаете. Но не забывайте, что в космосе нет такси, чтобы выручить вас в случае наступления…

— Перевоплощение — не мгновенный процесс, и мы можем оттянуть его на несколько часов, — отозвался он. Семп не стал добавлять, что Перевоплощение уже подступило вплотную и что он вынужден мобилизовывать все свои силы, чтобы как-то его сдержать.

Прежде чем покинуть спутник, он направил телеграмму жене:

“Дорогая Джоанн! Задерживаюсь из-за одного недоразумения. О времени встречи предупрежу. Но увидимся скоро. Позвони Чарли, и он тебе все расскажет. Любящий тебя Нэт”.

Это послание носило зашифрованный, понятный только им двоим, характер. Оно наверняка взволнует ее. Но Семп не сомневался в том, что Джоанн будет ждать его в заранее оговоренном месте. Она придет обязательно и, как надеялся Семп, не сообщит своим коллегам Посредникам о его намерениях, хотя и сама входит в их число.

Очутившись в космосе, Семп направился к точке, расположенной вертикально над Южным

полюсом. Там он вошел в земную атмосферу. При этом он генерировал перед собой магнитное поле, заставив волны светиться. В тот же миг он почувствовал, как по созданной им энергосфере скользнул луч радара, посланный с поверхности Земли. Ясно, что движение его тела и тянувшийся за ним световой хвост будут зафиксированы, но на экране радара они будут, выглядеть в точности как падение метеорита.

На высоте в шестнадцать километров он уменьшил скорость падения и приводнился к северу от Антарктиды, примерно в тысяче шестистах километрах от южной оконечности Южной Америки. Затем он помчался на север со скоростью снаряда на высоте ста пятидесяти метров, иногда опускаясь, чтобы немного охладить нагревавшийся от трения о воздух хитиновый покров. Сорок минут спустя он уже был вблизи места своего проживания, на южной оконечности Флориды.

Недалеко от пляжа Семп опустился в море, превратился в “рыбу” и поплыл. В шестидесяти метрах от берега он принял облик человека. Завидев машину Джоанн на автостраде рядом с дюной, он выскочил на берег вместе с накатившейся волной как раз в том месте, где она поджидала его, сидя на подстилке.

Увидев Семпа, Джоанн встала. Это была элегантно выглядевшая, очень привлекательная блондинка с голубыми глазами. Ее лицо с классическими чертами было необычайно бледным. Семп подхватил протянутое ею полотенце и быстро надел привезенную одежду. Потом, вернувшись к машине, они расцеловались. Но она держалась как-то отчужденно, а ее тело было заметно напряжено.

Наконец она заговорила, причем вслух, не прибегая к телепатической связи.

— Надеюсь, ты понимаешь, что если будешь продолжать упорствовать в задуманном, то окажешься первым в течение более чем двухсот лет силки, которого либо сурово накажут, либо вообще лишат жизни?

И тогда Семп понял, что она все же сообщила о его незаконном возвращении на Землю Властям силки и что тем или иным образом, но при разговоре присутствуют их представители. Он не рассердился за это на Джоанн. Быстро оценив ситуацию, он даже пришел к выводу, что Посредники были обязаны как-то помочь ему в этот критический момент. Возможно, они уже проводят ускоренную проверку Тема, чтобы не затягивать с решением вопроса о его судьбе.

— Что ты намерен предпринять, Нэт? — В тоне жены скорее звучала обеспокоенность, чем гнев. Впервые ее лицо несколько порозовело.

Семп холодно ответил:

— Если они уничтожат этого мальчугана, то в любом случае я буду добиваться объяснения причин такого решения.

Она тихо произнесла:

— Никогда не думала, что силки способен так переживать за своего сына, которого он никогда даже и в глаза не видел. В конце концов, я ведь тоже была вынуждена отказаться от него. Пришлось ради этого пройти целый курс разблокирования устойчивых рефлексов.

— Дело не в личных сантиментах, — раздраженно прервал ее Семп.

— Тогда тем более ты должен понимать сложившуюся обстановку. Ясно, что мальчик владеет методом скрывать свои мысли и одновременно легко проникает во внутренний мир других. Ты же сам об этом сообщал. Даже ты не смог преодолеть воздвигнутый им барьер и не выяснил, что у него на уме. Столкнувшись с таким феноменом, Посредники оказываются не в состоянии осуществлять свою историческую охранительную миссию. А это уже политическая проблема.

— Когда я составлял свой доклад, — возразил Семп, — то предложил в нем пятилетнюю программу изучения и реадаптации мальчика. Так и следует поступить.

Но Джоанн, казалось, не слышала его. Она стала как бы размышлять вслух:

— Силки — это выведенная людьми мутация на основе крупнейших открытий в биологии, сделанных во второй половине двадцатого века. Когда была выделена химическая субстанция Жизни, стало возможным достичь громадного прогресса в создании форм, отличных от тех, что породила Природа.

Все это было Семпу давно известно, но он не перебивал жену.

— Но идти по этому пути надлежало с большой осторожностью. Поэтому было решено, что силки не будут обладать неограниченной способностью к воспроизводству. Поступили следующим образом: их гены наделили громадным количеством каналов восприятия внешнего мира. Тем самым силки стали обладать удивительными свойствами. Но одновременно в те же гены встроили определенные ограничения. В результате этого созданное людьми существо могло по желанию принимать три формы — человека, рыбы

и силки. Но раз в девять с половиной лет силки обязательно должен проходить Перевоплощение — становиться на определенный срок человеком в целях воспроизводства. Это не что-то надуманное, а нечто, родившееся вместе с самими силки, и изменить это они не в состоянии.

Семп подумал, что возразить тут нечего, но Джоанн и не ждала никаких возражений.

— Много времени тому назад нашлись силки, попытавшиеся нарушить этот цикл, но их тут же уничтожили за подобный проступок. На время своего обязательного Перевоплощения силки теряет все свои особые качества и становится во всем подобен человеку. Именно таким образом мы, люди, контролируем свои создания. В течение этого периода мы имеем полную возможность наказать вас за все те незаконные действия, которые вы могли совершить в обличье силки. Наше второе оружие — это отсутствие женщин-силки. Если в результате брачного союза силки с женщиной из числа Посредников рождается девочка, то она не обладает особыми способностями силки. Это тоже предусмотрено на уровне генов…

Она перевела дыхание, затем продолжила:

— Посредники — это выявленная при появлении первых силки очень небольшая часть людей,

которые оказались наделенными способностью читать мысли силки. Это обстоятельство было использовано для установления административного контроля над тогда еще немногочисленной группой силки и для создания гарантий выживания в целом для рода человеческого перед лицом существ, которые иначе бы в силу своих исключительных качеств быстро и полностью подчинили бы его себе.

Заканчивала свой монолог Джоанн в некотором замешательстве.

— Ты всегда был согласен с необходимостью таких защитных мер, направленных на то, чтобы человечество не угасло. Так неужели теперь ты изменил свое мнение? Почему бы тебе не пойти к Властям силки и не переговорить с Чарли Бэкстером? Достаточно одного такого откровенного разговора, и ты сможешь сделать куда больше, чем в случае открытого неповиновения. Мальчик здесь. Поэтому тебе все равно придется пойти к Властям. Умоляю тебя, Нэт!

Семп не думал, что высказанные ею мысли были прямым приглашением сейчас же пройти в административное здание Властей, но он и не удивился, когда скоростной вертолет сел непосредственно на террасу этого учреждения, а

навстречу ему тут же вышел Чарли Бэкстер, высокий, худой мужчина, как всегда приветливый, но на сей раз очень бледный.

Когда они вошли в лифт, Семп сразу же почувствовал, как вокруг него возвели силовое поле, которое отрезало его от всех излучений внешнего мира. В этом не было ничего странного, если не считать необычайной мощности этого поля. По самой первой прикидке его хватало на защиту всего города или даже значительной части планеты.

Семп бросил вопрошающий взгляд на Бэкстера и натолкнулся на пару колючих глаз. Посредник спокойно предложил ему:

— Можете прочесть мои мысли.

Он не замедлил сделать это и с удивлением обнаружил, что его радиограмма о мальчике привела к спешному изучению всех связанных с его сыном документов. В результате специалисты единодушно пришли к мнению, что Тем был абсолютно нормальным подрастающим силки. Значит, произошло что-то необычное и пока неясное с самим Семпом.

— Вашему сыну никогда ничто не угрожало, — пояснил Бэкстер. — Мы предлагаем вам самому взглянуть и указать, кто из предъявленных вам

на опознание мальчиков является вашим сыном.

Они вышли из лифта и направились в большой зал. На телеэкране в одной из стен виднелась обыкновенная уличная сцена. К скрытой камере приближалась, ничего не подозревая, группа подростков.

Семп быстро обежал взглядом их лица.

— Никого из них я никогда в жизни не видел.

— Ваш сын — справа от нас, — просто сказал Бэкстер.

В этот момент энергосвязи в мозгу Семпа возобладали над навязанными ему сцепками на уровне нейронов. В мгновенном озарении он понял все. При этом произошел и молниеносный анализ того, каким образом его естественный долг по защите потомства сияки был умело деформирован псевдосыном. Он сразу же распознал проделавший эту операцию энергетический уровень. Семп осознал также, что этот сигнал был следствием разового прямого контакта, который мальчик на корабле установил с ним. Во всех других ситуациях двойник Тема выступал лишь приемником сигналов.

Семп заметил, как внимательно наблюдает за ним своими заблестевшими глазами Бэкстер.

— Думаете, можно что-нибудь предпринять?

Но отвечать на этот вопрос было еще преждевременно. Вместе с тем он почувствовал, насколько благодарен Посредникам за проявленную ими заботу о его безопасности. Стало ясно, что если бы он догадался о подлинном положении дел до того, как пересек защитный барьер, теперь надежно прикрывавший его, то фальшивый Тем, вероятнее всего, попытался бы тут же отделаться от него.

Снова заговорил Бэкстер:

— Садитесь. Посмотрим, что скажет компьютер насчет введенного в вас сигнала.

Машина выдала три структурированных предположения, которые могли бы объяснить комплекс событий, связанных с лже-Темом. Семп и Бэкстер воззрились на эти выводы с изумлением, поскольку их собственные догадки не шли дальше какого-нибудь неожиданного вектора развития нестабильных Вариантов.

Все три гипотезы машины сходились на том, что земляне столкнулись с пришельцем из далеких миров. Экспресс-анализ, тут же проведенный Семпом и Бэкстером, показал, что в двух случаях чужак, располагая очень мощным боевым потенциалом, — а в этом никаких сомнений не

было, — не стал бы столь тщательно заботиться о сохранении своих действий в тайне. В третьем же речь шла о возможности совершенно невероятной формы сексуальных отношений, при которой их кульминационным моментом являлось ритуальное убийство одним партнером другого, наподобие того, как это происходит у некоторых видов пауков.

Бэкстер заговорил тоном человека, который отказывается верить собственным глазам:

— Неужели верно заключение компьютера о том, что они нуждаются в большом количестве разнообразных сексуальных партнеров? — И он закончил чуть слышно: — Надо немедленно предупредить всех силки. Мы мобилизуем для отпора все наши силы. Семп, можете ли вы что-либо предпринять прямо сейчас?

Семп, который уже ввел в свою сенсорную систему характеристики всех трех подсказанных электронным мозгом возможных проявлений неземного разума, откровенно занервничал. Чувствовалось, что он напряжен и напуган.

— Я задал себе вопрос, куда бы сейчас направилось это чудовище, и пришел к однозначному ответу: ко мне домой! Думаете, Джоанн уже добралась к себе? Не собиралась ли она сначала

заглянуть куда-нибудь?

Бэкстер медленно покачал головой.

В ту же секунду Семп выскочил через дверь на большую веранду, с ходу преобразовался в силки и, частично нейтрализовав гравитацию и силовые линии защитного поля, с невиданной для него ранее поспешностью ринулся в образовавшийся проход к своей резиденции во Флориде.

Глава шестая

Он ворвался к себе в громадный, расположенный на берегу моря особняк уже в человеческом облике, наиболее удобном на последних метрах пути и в передвижениях по коридорам дома. Подстроившись перед этим под сенсорную структуру пришельца, он проник в помещение практически незамеченным.

Нэт застал Джоанн полуобнаженной в главной спальне. Как никогда привлекательная, жена встретила его теплой, сердечной улыбкой. Она призывно раскинулась в розового цвета постели. Все ее тело, казалось, излучало неодолимый зов, и естество Семпа неудержимо устремилось к ней. Долгое время ничего больше в этом мире для него не существовало — только он и она. В безумном любовном таинстве.

Внезапно у Семпа перехватило дыхание: в чем дело? Почему так, в мгновение ока, он полностью потерял контроль над собой и безоглядно отдался всепожирающей страсти? Что стало с настоящей Джоанн? При этой мысли мигом улетучились наведенные чары. Наоборот: неистовым вулканом взорвалась вся его ненависть, злость и ярость

беспощадной борьбы с коварным врагом.

В ту же секунду он выбросил в его сторону мощный энергозаряд. Бесполезно! Его нейтрализовал не менее эффективный защитный барьер, тут же возведенный существом. Тогда Семп в бешенстве набросился на него. Они сцепились в мертвой хватке.

Так продолжалось какое-то время — отчаянная рукопашная между совершенно обнаженным Семпом и полуголой женщиной. В конечном счете стальные мускулы противника, раз в десять крепче, чем у него, отшвырнули силки.

Семпу все же удалось приземлиться на ноги. На смену слепой вспышке гнева снова пришла холодная рассудочность. Вернулось понимание всей масштабности возникшей проблемы с точки зрения угрозы со стороны этой твари для Земли в целом.

Тем временем двойник Джоанн спешно менял форму. Вместо женщины перед Семпом возникла сугубо мужская фигура, правда, с остатками дамского туалета на крепком теле. Зло блестели глаза возбужденного до предела самца.

Нэта охватила безысходная тревога за судьбу жены, но ему в этот момент даже в голову не пришло наводить о ней у монстра справки. Он

отрывисто бросил:

— Вон отсюда! В контакт вступлю в космосе и только тогда, когда нас будет разделять миллион километров.

Человекоподобное лицо пришельца передернула презрительная улыбка-гримаса:

— Сейчас уйду. Чувствую, что вынашивается план выйти через меня на планету, с которой я родом. Ничего не получится!

— Посмотрим, на что способны две тысячи силки в нашем противостоянии, — отрезал в том же тоне Нэт.

Кожа существа глянцево поблескивала здоровьем, от него исходило ощущение самоуверенности и сжатого в пружину могущества.

— На всякий случай пусть силки зарубят себе на носу, что нам, кибмадинам, полностью подвластны те силы, которыми они овладели лишь частично.

— Любая жесткая система всегда носит в себе гибкий элемент, — парировал Семп.

Чужак отреагировал очень резко, в манере, не оставлявшей сомнений в решительности его настроя:

— Не вздумайте напасть на меня — слишком дорого заплатите за это!

С этими словами кибмадин начал растворяться в воздухе. Что-то непроизвольно екнуло внутри у" Семпа, слабо протестуя против того, чтобы вот так запросто отпускать восвояси космическое создание, не сделав всего возможного для преодоления разделявшей их пропасти. Ведь что там ни говори, но это был первый контакт человечества с внеземным разумом! Несчетное число раз, подумал Семп, люди пытались представить себе, как он произойдет, строили столько надежд... Но это секундное колебание тут же развеялось, как только силки вернулся к безмерно враждебной реальности, воздвигнувшей эту бездонную пропасть между ними.

Пока эти мысли проносились в голове Семпа, пришельца и след простыл.

Семп срочно вызвал Бэкстера и попросил его:

— Надо послать сюда кого-то из других силки, чтобы тот подменил меня. Чувствую, что вот-вот начнется Перевоплощение.

Все было проделано в считанные минуты, и он тут же сконтактировал с неким Джеддом, с которым обо всем договорился. В свою очередь Бэкстер предупредил его:

— Я сам направляюсь к вам. Правительство наделило меня чрезвычайными полномочиями.

Только после принятия всех этих мер предосторожности Семп позволил себе заняться Джоанн. Он обнаружил ее в другой спальне на кровати, полностью одетой и погруженной в сон. Дыхание было ровным и глубоким. Семп не медля прозондировал ее мозг. Ответный рефлекс успокоил его: да, она действительно спала, хотя в клетках еще улавливалось присутствие посторонней, внеземного происхождения, энергии. Семпу удалось считать заложенную в эту чуждую силу информацию, которая объяснила, почему его жена осталась в живых. Оказалось, что кибмадин ограничился тем, что воспользовался ее телом как моделью для создания дубликата, призванного завлечь его, Семпа, в ловушку. На этот раз он решил играть только по-крупному и не желал довольствоваться чем-либо меньшим, чем силки.

Семп не стал будить жену. Вскоре появился и Бэкстер. Они обменялись впечатлениями в телепатическом режиме. Посредник неожиданно спросил:

“Нэт, я чувствую, что вас что-то гложет, не так ли?”

Семп кивнул.

“Чего вы опасаетесь?” — тихо осведомился Бэкстер.

“СМЕРТИ!”

И Семп снова, уже вторично после того, как они встретились с пришельцем, поклялся себе, что не остановится ни перед чем, рискнет, если понадобится, собственной жизнью, но обезвредит противника. Приняв столь бесповоротное решение, он без промедления приступил к делу. Начал с того, что свил в тугой жгут все свои рецепторы, тщательно очистив их от постороннего земного фона. Он отключил все ненужные ему в этот момент сигналы-раздражители — от телевидения, радио, радаров, всех излучавших энергию машин. Он целиком ушел в прощупывание космоса, стремясь во что бы то ни стало выявить кибмадина. На него обрушился оглушительный поток информации из бескрайней Вселенной.

Силки уже давно знали о многоголосье Космоса, о сонме бесчисленных пульсаций во всех его уголках. Час за часом, год за годом они жили в этом непрерывном “шуме”, и существенная часть их базовой подготовки сводилась к оттачиванию умения выделять из этого изобилия сведений нужные им элементы, овладевать механизмом запуска или выключения того или иного органа восприятия.

И сейчас Семп проводил в своем сложнейшем

сенсорном аппарате “расконсервацию” отдельных участков, пробуждал те из них, которые по тем или иным причинам были на время приглушены.

Его мозг достиг максимума в своей функции осознания мира. В этом своем состоянии Семп начал воспринимать звучание звезд — дальних, ближних, их групп и могучих галактик. Каждое небесное светило имело свой неповторимый и сложнейший “голос”. Не только не было дублирования, но даже близкого совпадения.

Весь воспринимаемый им Универсум состоял из неоспоримых индивидуальностей. И Семп мог определять расстояние До каждой звезды, выявлять уникальный характер каждого поступавшего сигнала. И насколько радушным представал перед ним этот мир. В нем не было хаоса. Он отчетливо представлял себе собственное место в этой гармонии Пространства-Времени, и это укрепляло в нем веру в фундаментальное совершенство всего сущего.

Глава седьмая

Сознание Семпа постепенно сужало сферу рекогносцировки с дальних рубежей все ближе к Земле и остановилось в конце концов на рубеже примерно в миллион километров от нее. Силки провел тщательное просеивание информации, находящейся в этой сфере.

Не открывая глаз, он сообщил Бэкстеру:

— Не могу его уловить. Видимо, он обогнул Землю и отгородился ее массой от наших поисковых усилий. Нельзя ли задействовать отражательные установки?

Бэкстер переговорил по специальному каналу связи, и Семпу были приданы соответствующие спутники. С их помощью чужака обнаружили достаточно быстро.

Семп обратился к пришельцу:

“Мне нужны разъяснения случившегося”.

Кибмадин живо откликнулся:

“Тогда лучше всего рассказать о моем народе”.

И Семп услышал невероятную историю о вечных жрецах любви, о более чем миллионе существ, которые проводили жизнь в непрерывном кочевье с одной планетной системы на другую.

Попадая в новые условия, они уподоблялись по форме населявшим эти небесные тела жителям и, повинуясь могучему зову смысла собственного существования, вступали с ними в сексуальные отношения. При этом для объекта их страсти эта связь оборачивалась страданиями с обязательным последующим уничтожением. Лишь дважды за все время существования этих удивительных любовных похождений они наталкивались на существ, обладавших достаточной мощью, чтобы отвергнуть их притязания. В обоих случаях кибмадины в отместку полностью уничтожили их звездные системы.

“Все. Дополнительной информации не будет”, — лаконично закончил свое повествование Диизаринн.

Семп прервал контакт. Потрясенный Бэкстер спросил:

— Неужели все это правда?

Семп убежденно заявил, что верит в то, о чем поведал чужак, и добавил:

— Учитывая смертельную опасность этого существа для всей Солнечной системы, необходимо быстрейшим образом выявить, откуда он прибыл, и ликвидировать монстра.

— Но как? — задумчиво протянул Посредник.

Это был хороший вопрос. Семпу уже довелось схватиться с этим созданием, и он натолкнулся на несокрушимую крепость. Как показывали все имеющиеся на его счет сведения, захватчик обладал способностью с одинаковой легкостью и быстротой принимать бесчисленное множество форм. И тем не менее не было оснований считать, что к его действиям неприменима логика уровней.

Его размышления прервала реплика стоявшего сзади Бэкстера:

— Вы уверены в этом?

Семп ответил громко и убежденно:

— Все всякого сомнения. Но для задействования логики уровней необходимо создать ситуацию максимально близкого контакта силовых полей. Если будет дано выбирать, то сантиметровые расстояния для этих целей предпочтительней дециметровых, а те в свою очередь — метровых. В любом случае операцию следует проводить мне, и, значит, я должен немедленно отправиться туда.

— Куда это — “туда”? — не понял Бэкстер. Он все еще не мог прийти в себя от полученного шока.

— На его космический корабль.

— Вы думаете, он у него есть?

— Это очевидно. Все остальное было бы менее удобным в практическом плане.

Семп рассуждал просто. Когда кто-то в просторах космоса приближался к звезде, он мог использовать ее притяжение для наращивания своей скорости. Но в данный момент кибмадин, судя по всему, как бы "поднимался" по планетам, двигаясь от Солнца. Видимо, он маневрировал гравитацией, нейтрализуя за собой солнечную и используя перед собой планетарную, в первую очередь Юпитера.

Разумеется, ни одному разумному существу даже и в голову не придет, что такой метод можно применить при межзвездных перелетах. Значит, у пришельца обязательно должен был быть звездолет. Непременно. И Семп знал, где тот находится.

Он обратился к Бэкстеру:

— Прикажите выделить в мое распоряжение космический корабль с переносным бассейном, заполненным водой.

— Вы думаете, что Перевоплощение состоится до того, как вы успеете туда добраться?

— Оно может начаться в любой момент.

Бэкстер сегодня не переставал удивляться:

— И вы собираетесь вступить в поединок с

самым могущественным из известных нам существ, почти не располагая энергией?

— Придется, — ответил Семп. — Это — единственный способ заставить его приблизиться на сантиметровое расстояние от того источника силового поля, который я намерен расположить в бассейне. Ради всего нашего мира, Бэкстер! Начинайте с того, о чем я вас прошу!

Посредник нехотя направился к аппарату связи.

Глава восьмая

Как Семп и ожидал, Перевоплощение случилось во время его доставки на корабль противника. Он вступил в первую обязательную фазу — состояние рыбы. Пришлось размещать силки в логове кибмадина в специально подготовленном бассейне.

Теперь на срок немногим более чем двух месяцев Нэт перешел в класс силки “Би”.

Когда Ди-изаринн наконец прибыл к своему скромных размеров звездолету, находившемуся на сильно вытянутой орбите за Плутоном, он по состоянию входа шлюза сразу же обнаружил, что в его отсутствие кто-то побывал в его убежище. Более того, он мгновенно уловил и присутствие незваного гостя — Семпа.

За многие тысячелетия своей жизни рефлексы Ди-изаринна несколько ослабли, бдительность притупилась, а самомнение возросло. Поэтому он не очень обеспокоился сложившейся ситуацией, хотя не мог не признать, что налицо все признаки ловушки.

Первой его реакцией была всесторонняя проверка, нет ли на борту какого-то мощного источника энергии, способного нанести ему

непоправимый ущерб. Выяснилось, что ничего, даже близко похожего на это, не было. Лишь из переносного бассейна, который он, к своему удивлению, обнаружил на космолете, исходит тонкий энергетический ручеек. Однако его целевого назначения он при всем старании так и не понял.

Кибмадин неожиданно подумал: неужели земляне столь примитивным способом стремятся запугать его, надеясь воспрепятствовать возвращению на свой корабль? Это разъярило его.

Он решительно запустил входные механизмы. Приняв человеческое обличье, Ди-изаринн сразу же направился к бассейну, установленному в его маленькой каюте, и сверху вниз взглянул на Семпа, который в своей форме рыбы распластался на дне. Он вызывающе обратился к силки:

— Если все эти проделки — ваша уловка, то она бессмысленна, поскольку мне все равно, кроме звездолета, деться некуда.

Семп в нынешнем состоянии был способен только воспринимать человеческую речь, но отвечать не мог.

Ди-изаринн не сдавался:

— Весьма любопытно, что единственный силки, чьи мысли в настоящее время я почему-то не могу прочесть, подвергает себя исключительной

опасности, заявившись ко мне прямо на борт. Понимаю, что выйти на меня вам помог, видимо, компьютер. И все же я невольно задаюсь вопросом, а не примчались ли вы сюда, горя тем неистовым желанием, которое я пытался разбудить в вас при нашей последней памятной встрече? А может быть, вы руководствовались стремлением снова слиться в экстазе и вами двигала тоска по тому всепоглощающему состоянию, которое я дал вам возможность тогда познать?

Семп прикинул: “Кажется, клюнуло. Он не понимает своей роли в том, что происходит”. Логика уровней начала успешно действовать в новом цикле — Сладострастия.

После высказанных предположений Ди-изаринн успокоился. Он снова почувствовал себя хозяином положения. Ну что же, решил он, в сущности речь идет о том же самом силки, только в новой форме, и на сей раз ему уж не избежать кульминационного финала сексуальной оргии, когда страсть в буквальном смысле этого слова пожирала его через партнера.

И он внезапно почувствовал глубочайший восторг при одной только мысли о блаженстве, которое испытывал в прошлом при поглощении десятков миллионов клеток трепещущего

тела любовника. Кибмадин живо представил себе, как это происходило: вначале у его объекта вожделения срабатывал рефлекс неприятия происходившего, возникал дикий ужас и взрывался инстинкт отторжения; затем в какой-то момент это внезапно превращалось в свою противоположность — в неуемное стремление каждой частицы быть полностью поглощенной в томлении взывающей к собственной гибели плоти.

Постепенно безмятежное настроение Ди-изаринна стало сменяться катастрофически быстро нараставшим возбуждением под воздействием проносившихся в его воображении сцен десятка тысяч пиршеств, в ходе которых он смачно пожирал своих напарников. Эти воспоминания об остроте пережитых тогда моментов распаляли его все сильнее и сильнее.

“ДА, Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛЮБИЛ ИХ ДО КОНЦА, — с тоской подумал он. — Жаль, что они сами не были в состоянии прочувствовать все сладострастие сексуальной вакханалии с такой концовкой”.

Сколько раз, продолжал неуклонно разматываться клубок откуда-то зародившихся в нем мыслей, он говорил десяткам тысяч своих жертв: “Когда-нибудь я повстречаю существо, способное пожрать и меня. И тогда…” При этом всегда заве-

рял, что кто-кто, а уж он-то сумеет насладиться процессом собственного уничтожения.

В сущности это было извращением самой сути жизни, когда стремление к саморазрушению становилось не менее сильным чувством, чем инстинкт самосохранения.

Ди-изаринн продолжал стоять перед бассейном с водой, неотрывно глядя на Семпа, и чувствовал, как его размышления неумолимо перерастают в чудовищный ком поглощавших его эмоций. И тут он вдруг понял, что не заметил, когда переступил ту черту, перед которой в нем оставалось еще достаточно сил для возвращения вспять. Теперь он уже не принадлежал себе, потерял способность ориентироваться в действительности, стал неотделимой частицей этого извержения желания.

Кибмадин отошел от бассейна. Позабыв о Семпе, он принялся лихорадочно преобразовываться в одно столь запомнившееся ему по прежним жгучим ощущениям существо — длинношеее, с нежной шерсткой и грозными челюстями. Он с нежностью подумал именно об этой форме жизни, которая совсем недавно была его партнером по смертельной любви. Нервная система тех созданий Природы обладала какой-то уникальной особенностью взвинчивать в нем удовольствие

при пожирании их тел.

Ждать далее было невмоготу. Подстегнутый присущей его роду безжалостностью и свирепостью, Ди-изаринн резко повернул свою голову на длинной шее и изогнутыми острейшими зубами разом отхватил громадный кусок своего бедра.

От нестерпимой боли он взвыл. Но в его мозгу, замороченном процессом, развязанным логикой уровней, этот трубный глас отозвался лишь эхом несчетного числа подобных завываний, которые в былые времена исторгали жертвы под безжалостное пощелкивание его собственных челюстей. Поэтому истошный звук лишь дополнительно стимулировал его к тому, чтобы превозмочь все границы переносимости боли.

Он еще свирепее, еще беспощаднее вгрызся в собственное тело, начал рвать его на куски и, давясь, глотать в каком-то исступлении.

Кибмадин уже почти наполовину уничтожил сам себя, когда откуда-то из глубины своего далекого прошлого в нем, наконец, возникло нечто вроде детского страха перед смертью. Робко и нерешительно, исходя слепой тоской и отчаянием, он судорожно попытался войти в спасительный контакт со своим сородичем на далекой планете, где в этот момент проживали

существа его вида. Но тут вмешалась посторонняя сила, которая, пронзив его, повелительно и с непререкаемым превосходством перехватила коммуникационный канал. Это был сведенный воедино энергетический импульс двенадцати силки, настолько мощный, насколько в состоянии была его вынести несущая волна.

Суммарная сила энерговыброса достигала ста сорока тысяч ампер и более восьмидесяти тысяч вольт и была настолько несокрушимой, что прорвала все защитные барьеры застигнутого врасплох соратника Ди-изаринна. Тот мгновенно исчез в пламени и дыму.

Столь поспешно установленная связь столь же молниеносно перестала и существовать. И снова для Вселенной Солнце превратилось, как и раньше, в затерянную в беспредельности Космоса безымянную звездочку.

Подоспевшая вскоре подмога уже занималась решением вопросов транспортировки на Землю бассейна, в котором продолжал плескаться Семп. Очутившись в океане, он погрузился в его пучину. Там на специально сооруженной гигантской платформе вела свою неспешную жизнь в облике рыб колония силки класса “Би”.

К ним и подселился Семп, пробывший в их

городах под куполами… положенное по циклу Перевоплощения время.

Глава девятая

Нэт Семп обогнал мужчину и… остановился как вкопанный.

От прохожего исходили неясные флюиды. Несмотря на то что в этот момент Нэт находился в облике человека, они затронули тот участок его нервной системы, где таилась частица его способностей силки.

Семп напряг память. Напрасно. Он был уверен, что никогда ранее подобного сигнала ни от кого не получал.

Семп обернулся и посмотрел через плечо. Заинтересовавший его человек остановился на ближайшем углу. Как только красный свет светофора сменился на зеленый, тот быстро перешел на другую сторону улицы. Ростом незнакомец напоминал Семпа, то есть был чуть выше метра восьмидесяти, и даже весил, видимо, столько же — под восемьдесят килограммов.

Этот человек, как и Семп, был брюнетом и одет в такой же точно темно-серый костюм. Теперь, когда их разделяло несколько сотен футов, Семп уже засомневался, действительно ли этот прохожий, как поначалу показалось, был ему знаком.

И все же, преодолев нерешительность, Семп быстрым шагом устремился вслед, догнал его и вежливо осведомился:

— Можно вас на минутку?

Мужчина остановился. Вблизи их сходство было настолько разительным, что наводило на мысль о кровном родстве. Все было одинаковым: серо-голубые глаза, правильной формы нос, плотно сжатые губы, форма ушей, могучая шея и даже манера держаться.

— Не знаю, как у вас, — сказал Семп, — но у меня сложилось впечатление, что мы похожи друг на друга, словно близнецы-братья.

Лицо его соперника исказил легкий тик, губы растянулись в чуть заметной саркастической улыбке. Он посмотрел на Семпа свысока и таким же, как у него, баритоном ответил:

— Именно этого я и добивался. Если бы вы с первого раза не обратили внимание на наше сходство, я бы возобновил попытку. Меня зовут А-Брем.

Озадаченный Семп промолчал. В тоне прохожего, в его манере держаться он уловил какую-то враждебность. А может быть, презрение?

Если бы незнакомец оказался обычным человеком, каким-то образом распознавшим в нем

силки, несмотря на его человеческий облик, Семп воспринял бы это как в общем-то банальный инцидент. Случалось, что люди стремились разыскать тех, о ком было доподлинно известно, что они принадлежат к силки, чтобы просто обругать их. Обычно человека, поступившего столь неподобающим образом, силки избегали, либо обезоруживали его своим добродушием, либо отвечали тем же. Бывало и так, что не оставалось ничего другого, как вступить в драку.

Однако разительное сходство с этим прохожим говорило в пользу того, что встреча носила совсем иной характер.

Пока Семп все еще раздумывал над сложившейся ситуацией, незнакомец впился в него циничным взглядом серо-голубых глаз. Его губы приоткрылись в насмешливой улыбке, сверкнули белые ровные зубы.

— Примерно в это же самое время, — процедил он, — каждый силки, находящийся в пределах Солнечной системы, выслушивает послание от своего “второго я”.

Он немного помолчал, затем продолжил все с той же высокомерной улыбкой:

— Я вижу, как вы подобрались и насторожились…

Это соответствовало действительности. Семп на самом деле внезапно решил, что не упустит своего собеседника независимо от того, скажет ли тот что-либо соответствующее правде или слукавит.

Между тем человек продолжал:

— Вижу, что вы собираетесь с мыслями в надежде меня захватить. Ничего не выйдет, так как я ни в чем вам не уступаю.

— Так вы силки? — осведомился Семп.

— Да, я силки.

Если следовать логике истории силки, то для подобных утверждений никаких оснований не должно было быть. В то же время налицо был факт удивительнейшего и неоспоримого сходства с ним.

Эта мысль никак не повлияла на решение Семпа. Если перед ним был настоящий силки, то Семп обладал над любым своим соотечественником одним, только ему свойственным, преимуществом. Дело в том, что когда в прошлом году ему пришлось вступить в стычку и в прямой контакт с представителем внеземной формы жизни, кибмадином, он научился некоторым методам контроля над своим телом, о которых ранее даже и не подозревал. Власти силки приняли в

то время решение о том, чтобы он не делился своими новоприобретенными качествами ни с кем из своих сородичей. Он твердо следовал этой установке.

Сейчас эти дополнительные знания шли ему на пользу, если, конечно, этот человек действительно был силки.

— Ну как, в состоянии выслушать послание? — с вызовом спросил незнакомец.

Семп, готовый к самой важной, может быть, в своей жизни схватке, коротко кивнул.

— Это ультиматум.

— Жду, — жестко ограничился Семп.

— Вам надлежит прекратить все формы связи с людьми. Приказано воссоединиться с народом силки. Для принятия решения дается неделя. По истечении этого срока вы будете рассматриваться как предатель, и с вами поступят так, как поступали с ними во все времена, то есть беспощадно.

Поскольку “народа” силки не существовало, причем никогда, Семп после небольшого раздумья над этим неожиданным ультиматумом решительно отклонил его и тут же нанес удар.

Он по-прежнему не верил, что стоявший перед ним “близнец” был настоящим силки. Поэтому Семп послал лишь минимальный электрический

разряд на одной из тех частот, которые он мог задействовать в своем человеческом облике. Соответственно на человека он оказал бы только парализующее действие и не нанес бы ему никаких травм. К великому изумлению Семпа, его энергетический таран был тут же нейтрализован силовым экраном силки, сравнимым по мощности с тем, который он мог бы развить сам. Так, значит, и впрямь он имел дело с одним из силки!

Незнакомец, скрипнув зубами, смерил его грозным взглядом, в котором сверкнула неожиданная злоба.

— Это я вам еще припомню, — прорычал он. — Вы ранили бы меня, не располагай я соответствующей защитой.

Семп заколебался в оценке его слов. В конце концов, никто не обязывал его задерживать этого незнакомца.

— Послушайте, — настойчиво сказал он. — А не пройти ли нам вместе к Властям Силки? Если народ силки действительно существует, то наилучшим тому доказательством явилось бы установление с ним нормальных контактов.

Второй силки явно начал отступной маневр:

— Я только выполнял свой долг, — пробурчал

он, — и не имею привычки ввязываться в драку. А вы пытались убить меня.

Второй силки, казалось, был в шоковом состоянии. Его глаза снова изменились, как бы на сей раз потускнев. Предыдущая самоуверенность пропала. Он продолжал отступать.

Семп задумчиво, полный неуверенности, наблюдал за ним. Сам он был настолько хорошо тренированным бойцом, что с трудом мог представить себе, что кто-то из силки слабо владеет искусством единоборства.

— Нам совсем не обязательно затевать потасовку, — примирительно заметил он. — Но не можете же вы всерьез рассчитывать на то, что, предъявив ультиматум, сразу же испаритесь, как будто уже выполнили свою задачу. Вы говорите, что вас зовут А-Брем. Откуда вы?

Произнося эти слова, он отметил, что люди стали останавливаться и приглядываться к этой странной уличной сцене, когда один человек надвигался на другого, а тот медленно, шаг за шагом, отступал.

— Сначала ответьте на один простой вопрос: если народ силки на самом деле существует, то где он — и вы в том числе — скрывался все эти последние годы? — настойчиво расспрашивал

Семп.

— Пошли вы к черту! Перестаньте меня мучить. Ультиматум вы получили. Назначен срок — одна неделя. А теперь оставьте меня в покое!

Было ясно, что его “второе я” не задумывался над тем, как будет вести себя после предъявления ультиматума. И эта непродуманность придавала инциденту еще более пикантный оттенок. Но А-Брем опять впал в ярость и снова почувствовал себя храбрым.

Он внезапно атаковал Семпа. Однако зигзагообразная молния, порожденная его силовым полем, тут же, потрескивая, отскочила от мгновенно возведенного Семпом защитного экрана. Она срикошетила в один из домов, проскочила по тротуару и на глазах изумленных людей заземлилась через металлическую решетку сточной канавы.

— В эту игру можно поиграть и вдвоем! — гневно бросил ему А-Брем.

Семп ничего не ответил. Электрический разряд, выпущенный его противником, достигал максимума, возможного для силки в образе человека. Где-то вблизи испуганно закричала женщина. Улица быстро опустела. Люди разбежались в поисках укрытия.

Было самое время положить конец этому безумию, иначе оно могло закончиться смертельным исходом. Семп решил действовать исходя из постулата, что этот силки не был в достаточной степени тренирован и, следовательно, был уязвим в случае применения против него средств, основанных на простой логике уровней и исключающих поражение на смерть.

Не было даже необходимости использовать тайные приемы, которые он перенял у неземного существа в прошлом году.

Приняв решение, он проделал тонкий энергетический маневр. Он изменил специфический комплекс низкоэнергетических силовых линий в своем мозгу и направил их в сторону А-Брема.

Мгновенно сработала эта странная логика, присущая самой структуре и функционированию жизни. Логика уровней! Эта наука появилась в результате применения методов, разработанных земными учеными, к великолепным способностям силки изменять свою форму.

Каждая живая клетка обладает свойственной только ей жесткостью. Каждое сообщество клеток способно на присущее только ему действие. Возбудившись в этом особом нервном комплексе, его “мысль” проходит именно свой цикл, а

когда имеются еще соответствующие действие или эмоция… то они проявляются абсолютно в соответствии с этой заданной жесткостью.

Но еще более существенно то обстоятельство, что определенные сообщества клеток могут в своей взаимосвязи образовать новую систему, и группы из этих конгломератов приобретают уже свое специфическое действие.

Такой системой сообществ клеток является участок мозга человека, регулирующий сон.

Примененный Семпом прием не оказал бы никакого воздействия на силки класса “Си”. Даже силки класса “Би” были бы способны успешно противостоять навязыванию сна.

Однако силки в образе человека, повстречавшийся Семпу, зашатался. Его веки внезапно отяжелели, а очевидная неконтролируемость им своего тела показала, что он заснул буквально на ходу.

Когда А-Брем начал падать, Семп быстро подхватил его под руки, чтобы не дать ушибиться об асфальт. Одновременно он осуществил свой второй тонкий маневр.

На другой силовой волне он послал ему команду, которая повлияла на систему сообществ клеток в мозгу А-Брема, ведавшую сознанием.

Тем самым он попытался установить над своим “двойником” полный контроль с помощью логики уровней в цикле Сон-Сознание. Навязанный тому сон изолировал мозг от внешних восприятий, а манипулирование механизмом отключения сознания позволило блокировать те накопленные в памяти команды, которые в обычных условиях были бы способны стимулировать бдительность у того, кто действительно не был бы склонен засыпать.

Семп уже поздравил себя с одержанной так удивительно легко победой;’ как неожиданно почувствовал, что тело “двойника” в его руках напряглось. Семп ощутил присутствие третьей силы. Выпустив А-Брема из объятий, он попятился. С величайшим удивлением он увидел, как “двойник” свечой взвился в небо.

Ограниченный в своих возможностях своей человеческой формой, Семп был не в состоянии установить характер той энергии, которая оказалась способной вызвать этот в высшей степени невероятный феномен. Чтобы разобраться в случившемся, ему следовало — и он прекрасно это понимал — преобразоваться в облик силки. Однако существовало правило, запрещавшее делать это на виду у людей.

И все же Семп, мгновенно оценив уникальность ситуации и беспрецедентное стечение обстоятельств, тут же трансформировался в силки и купировал гравитацию.

И с Земли со скоростью ракеты стартовало трехметровое тело, напоминавшее своим силуэтом снаряд. Большая часть его одежды разлетелась в клочья и осталась на тротуаре. Несколько уцелевших кусочков, зацепившихся за тело, были в конечном счете сорваны вихревым потоком, возникшим в результате бурного взлета Семпа.

К сожалению, на переход из одного состояния в другое ушли добрых пять секунд. Еще несколько секунд он потерял на то, чтобы принять решение. В итоге он взлетел тогда, когда А-Брем уже превратился в стремительно удалявшуюся точку.

Семпа особенно поразило то обстоятельство, что даже с присущим ему как силки особым восприятием мира он никак не мог обнаружить на малейшего следа энергии со стороны беглеца — ни вслед за ним, ни вокруг. К тому же, несмотря на все свои усилия, Семп так и не мог сократить разрыв между ними. Поэтому, хотя и не сразу, он понял, что его гонка за А-Бремом бесполезна и что тело последнего вот-вот войдет в разреженные слои атмосферы, непригодные для жизни

человека. Ему надлежало действовать очень быстро. Учитывая это, он снял свой контроль над центрами сна и сознания своего “двойника”.

Чуть позже он уловил, что А-Брем трансформировался из человека в силки, что ничуть не удивило, хотя и разочаровало Семпа. Это доказывало, что тот пробудился ото сна и был отныне в состоянии контролировать свои действия.

А-Брем продолжал свой вертикальный полет, но уже в облике взрослого силки. Вскоре стало очевидным, что он рискует пересечь пояса Ван Аллена. Семп не намеревался следовать этому безрассудному шагу.

Поэтому, когда оба силки приблизились к верхней границе атмосферы, Семп наложил свою мысль на энергетический пучок и послал его на спутник, находившийся на стационарной земной орбите. Он сообщил тем самым о происшествии.

Проделав это, Семп развернулся на обратный курс. Он испытывал глубокое смятение от разразившихся событий. К тому же, оказавшись без одежды, он не мог сейчас появиться в обществе в человеческом облике. Поэтому Семп прямиком направился к Властям силки.

Глава десятая

Спускаясь сверху к большому комплексу зданий, где располагалась центральная администрация силки, Семп обратил внимание, что туда же слетались и некоторые другие его сородичи. Он сделал отсюда вывод, что это вызвано теми же, что и у него, причинами.

Поэтому, используя природные особенности силки, он обшарил пространство позади себя и обнаружил большое количество стремительно приближавшихся черных точек. Предвидя неминуемую в этой связи сумятицу, он замедлил скорость, завис в воздухе и направил телепатический вызов Чарли Бэкстеру, своему Посреднику из числа людей, работавшему внутри здания. Семп изложил ему план по предотвращению подобного столкновения.

Бэкстер был в совершенной растерянности от случившегося, но отреагировал очень быстро.

— Это лучшее из поступивших к нам предложений. Вы правы: это могло бы стать опасным.

Последовала пауза. Видимо, Бэкстер сообщал в эти минуты о его плане другим членам группы Посредников, так как вскоре Семп принял по

телепатической связи общее распоряжение:

“Всем силки! Внимание! Скопление слишком большого числа силки одновременно в одном и том же месте нежелательно. В этой связи разделитесь на десять групп согласно секретной номерной инструкции Группа, план “Джи”. Пусть к зданию приблизится и совершит посадку только один из вас. Всем остальным рассредоточиться до поступления новых указаний”.

Получив приказ, все силки вблизи Семпа стали описывать круги. Сам Семп в соответствии с названной инструкцией входил в группу номер три. Поэтому он свернул в сторону, достиг плотных слоев атмосферы и устремился к себе домой, примерно в тысяче шестистах километрах отсюда, на самой южной оконечности Флориды.

Во время полета, он вошел в мысленный контакт со своей женой Джоанн. Когда голый, как червяк, он вошел в свой дом, та уже подготовила ему одежду и знала о происшедшем столько же, сколько и он сам.

Одеваясь, Семп отметил, что Джоанн была типично по-женски обеспокоена и взволнована даже больше, чем он. Она сразу же поверила в существование нации силки. Это, по ее мнению, неизбежно означало, что должны быть и

силки женского пола. Со слезами на глазах она заявила:

— Признайся, что так оно и есть на самом деле и что ты сам уже думал об этом, не правда ли?

— Я следую логике, — заметил Семп, — поэтому рассмотрел все возможные варианты. Но как разумное существо я хотел бы получить ответы на кое-какие вопросы прежде, чем отвергать все, что мы знаем об истории силки.

В отношениях между силки и людьми обе стороны признавали в качестве установленного факта, что силки появились на свет в результате биологических опытов. В свое время генетики сделали ряд интересных открытий, касавшихся АДН и АРН, и реализовали их, поместив в пробирку сперматозоид и яйцеклетку.

— Что станет с нашим браком? — разволновалась Джоанн.

— Да ничего не изменится.

— Скоро ты будешь считать меня чем-то вроде таитянки эпохи трехсотлетней давности, которая вышла замуж за белого на одном из островов Южных морей в тот момент, когда как раз стали высаживаться белые женщины.

Экстравагантность такого рода рассуждений поразила Семпа.

— Ну что же тут общего? — воскликнул он. — Обещаю до конца жизни оставаться тебе верным и преданным мужем.

— Никто не может ничего обещать, когда речь идет о личных отношениях, — парировала она. Тем не менее через некоторое время слова мужа возымели свое действие, и она успокоилась. Вытерев слезы, она подошла к нему и позволила себя поцеловать.

Чарли Бэкстер позвонил только через час. Он извинился за задержку, сославшись на совещание, состоявшееся в связи с разработкой задания для Семпа.

— На совещании говорили практически только о вас, — сообщил Бэкстер.

Семп терпеливо ждал разъяснений.

Оказалось, что окончательное решение уже было принято. Как и раньше, Семпу предписывалось воздерживаться от разговоров с остальными силки.

— По причинам, которые вам известны — добавил Бэкстер многозначительным тоном.

Семп сделал из этого вывод, что тот намекал на секретные знания, приобретенные им в ходе контакта с внеземным существом. Именно с той поры ему доверяли только специальные миссии,

в результате чего он жил обособленно от других силки.

Бэкстер рассказал ему, что “двойники” вступили в контакт лишь с четырьмястами силки.

— Точнее, с тремястами девяносто шестью, — поправился он.

Семп испытывал смешанное чувство облегчения и смутного пренебрежения. Итак, утверждение А-Брема о том, что они обратились ко всем земным силки, было всего лишь пропагандистским трюком. Своим поведением тот убедительно доказал, что был всего лишь глуповатым силки. А эта ложь только добавила лишний чернивший его мазок к общей картине.

— Некоторые из “двойников” были очень грубыми подделками, — продолжал Бэкстер. — Видимо, у них плоховато с искусством имитации других существ.

В то же время — и теперь он должен был это признать — установление пусть даже всего четырехсот контактов убедительно доказывало наличие до сих пор неизвестной группы силки.

— Даже если они совершенно не тренированы, — подчеркнул Бэкстер, — все равно необходимо выяснить, кто они и откуда явились.

— Имеются ли другие признаки существования

этой группы? — поинтересовался Семп.

Каких-либо иных сведений, кроме тех, которыми располагал Семп, не было.

— Все ли они успели скрыться? — допытывался изумленный Семп. — Неужели никто не преуспел лучше меня?

— В среднем результаты даже хуже ваших, — ответил Бэкстер.

Выяснилось, что большинство силки даже и не пытались задержать появившихся странных сородичей. Они ограничились сообщением об имевшем место факте и запросили указаний.

— Не стоит их упрекать за это, — сказал Бэкстер и добавил в доверительном тоне: — Могу также сказать, что как сама схватка с этим силки, так и причины, побудившие вступить в нее, дают нам основания считать вас одним из двух дюжин силки, на которых мы можем положиться в этом деле. Посему вам предлагается сделать следующее…

В заключение инструктажа он подчеркнул:

— Можете взять с собой Джоанн, но отправляйтесь сейчас же, не мешкая.

На панно виднелась надпись: “В этом здании звучит только музыка силки”.

Семп, который другой музыки и не слушал,

заметил на лице Джоанн легкую гримасу отвращения. Она перехватила его взгляд, все поняла и, как бы в оправдание, заявила:

— Да, это так. Мне все время кажется, что звучит только одна струна. Будто тянут одну и ту же ноту или самое большее несколько близких друг к другу, неустанно повторяя их в различных комбинациях… От этого возникает что-то вроде морской болезни.

Для Семпа, который мог различить в этой музыке гармонии, недоступные человеческому слуху, этот эмоциональный взрыв со стороны Джоанн встраивался во множество других, аналогичных. Являясь мужем этой человеческой “супруги”, он уже давно к ним привык. Жены же силки с трудом адаптировались к особенностям их семейной жизни.

Джоанн не преминула лишний раз подчеркнуть это:

— Вот так все и бывает. В один прекрасный день вы разделяете судьбу с чудесным, физически совершенным мужчиной. Но все время твердите себе: это — не настоящий человек, это — разновидность монстра, который в мгновенье ока может превратиться в нечто вроде рыбы или космического создания… И уж конечно ни за что

на свете я не захотела бы с ним расстаться.

Вскоре панно с предупреждением музыкального характера осталось позади, и они вошли в музей. Целью их визита был осмотр лаборатории, где, по официальной версии, якобы произвели на свет первого силки. Лаборатория занимала всю центральную часть здания. В музей она, согласно вывешенной при входе табличке, была переведена сто десять лет тому назад.

Как считал Бэкстер, следовало более основательно разобраться в технических обстоятельствах истории появления силки. Впервые, действительно впервые, вся концепция истории появления и развития силки была поставлена под вопрос.

Именно такого рода задачу сформулировали перед Семпом и Джоанн: еще раз оценить все относящиеся к этой проблеме прежние факты.

Лаборатория была ярко освещена. В помещении находилась всего одна посетительница — женщина, скорее невзрачная на вид, с черными как смоль волосами, но без какой-либо косметики, одетая крайне небрежно. Она стояла у одного из стендов, у двери в противоположном углу.

Уже при входе Семп почувствовал, как его мозга слегка коснулась чья-то возникшая извне

мысль. Он повернулся к Джоанн. Как Посредник, та обладала способностью общаться с ним телепатически на расстоянии. Поэтому он подумал, что этот легкий мыслеобраз исходил от нее, и не стал углубляться далее в эту проблему, во всяком случае, в течение нескольких секунд.

И только с небольшим опозданием он осознал, что несущей для этой мысли была магнитная волна, свойственная только силки.

Семп круто развернулся на месте и пристально взглянул на черноволосую женщину. В ответ та несколько принужденно, как отметил Семп, улыбнулась. И тут же он четко и ясно уловил ее послание: “Прошу, не выдавайте меня. Я здесь поставлена специально для того, чтобы развеять сомнения у любого силки”.

Никаких объяснений и не требовалось. Это сообщение как громом поразило Семпа.

Если верить тому, что им говорили до сих пор, силки женского пола никогда не существовали. Все проживавшие на Земле силки являлись мужчинами, женатыми на женщинах, входивших в группу Посредников.

Однако эта брюнетка сельского вида была “женщиной” силки! Одним фактом своего присутствия она подтверждала это. Она могла бы

добавить — впрочем, этого теперь и не требовалось — что-то вроде: “Не утруждайте себя копанием в старых и пыльных досье. Я являюсь живым доказательством того, что силки родились вовсе не в какой-то там лаборатории двести тридцать лет назад”.

Внезапно Семп почувствовал, как его мысли расплываются. Это подошла Джоанн. Он понял, что она, видимо, перехватила его раздумья и сама пришла в волнение. Взглянув он увидел, что в ее лице не было ни кровинки.

— Нэт! — донесся до него резкий, как при падении ножа гильотины, голос Джоанн. — Ее надо захватить!

Семп как-то неуверенно двинулся вперед.

В то же время его мысли, несмотря на проявленные колебания, уже подчинялись логике.

Прошло всего несколько часов после его встречи с А-Бремом. Значит, ее поставили здесь несколько раньше. Следовательно, она не вступала еще в контакт ни с кем из своих сородичей. Вывод: она наверняка не знает, что перед таким силки, как Семп, она столь же беспомощна, как гражданский человек перед вооруженным солдатом.

Со своей стороны брюнетка, видимо, почув-

ствовала что-то неладное. Она резко толкнула дверь, перед которой стояла, и исчезла за ней.

— Нэт! — раздался пронзительный голос Джоанн всего в нескольких сантиметрах позади. — Не дашь же ты ей улизнуть!

Семп, замешкавшийся от удивления на несколько секунд, послал вдогонку беглянке:

“Я вовсе не собираюсь вступать с вами в борьбу, но буду тенью следовать по пятам до тех пор, пока не получу нужных нам сведений!”

“Слишком поздно! — отозвалась она на волне, используемой силки в форме человека. — Уже слишком поздно!”

Но Семп придерживался иного мнения. Он быстро подскочил к двери, за которой она скрылась. Его слегка расстроило, что та оказалась запертой. Ему пришлось разнести ее вдребезги разовым силовым зарядом, сверкнувшим извилистой молнией. Он быстро перешагнул через дымившиеся обломки и успел заметить женщину в тот самый момент, когда та убегала через потайную раздвижную дверь в стене.

До нее было не более пятнадцати шагов. Она полуобернулась, бросив взгляд в его направлении. То, что она увидела, явилось для нее полной неожиданностью, так как на ее лице отразилось

замешательство.

Она поспешно протянула руку, на что-то нажала, и дверь закрылась. Именно в этот момент Семп, который бросился к ней со всех ног, успел рассмотреть, что далее тянется освещенный коридор. Наличие этого секретного прохода было чревато слишком большими последствиями, чтобы Семп мог позволить себе поразмышлять сейчас над этой проблемой.

Он уже добрался до стены и стал на ощупь отыскивать потайную дверь. После довольно длительных безуспешных попыток это ему удалось. Тогда Семп отошел на шаг и уже сдвоенным энергетическим разрядом, посланным его мыслями и материализовавшимся в виде яркой электрической дуги, сокрушил ее. Это было единственным энергетическим оружием, доступным ему в облике человека, но его хватило с лихвой.

Минуту спустя он перемахнул через дымящееся отверстие в стене и устремился вперед по узкому коридору.

Глава одиннадцатая

Коридор, куда проник Семп, был сделан из цемента и уводил его легким наклоном под землю. Прямой как стрела, он был освещен, хотя и скуповато. Все же это позволило Семпу увидеть убегавшую женщину метрах в пятидесяти от себя.

Она бежала на женский манер, путаясь в платье, то есть не очень быстро. Семп, сорвавшись с места с максимальной скоростью, за минуту сократил расстояние вдвое. Цемента под ногами уже не было. Впереди показался земляной грот, также освещенный, но еще более скудно, так как лампы размещались в нем через большие интервалы.

Добежав до грота, молодая женщина выстрелила в него на магнитной волне силки посыл: “Если вы сейчас же не прекратите преследование, я буду вынуждена прибегнуть к…” — и далее последовало не очень понятное слово, что-то вроде “могучей силы”.

Семп вспомнил о той энергии, которая вознесла в небо А-Брема. Он воспринял эту угрозу всерьез и тут же смодулировал волну, скомандовав от-

ключение сознания.

Все произошло менее болезненно, чем если бы это случилось чуть раньше. Она вырубилась мгновенно, что доказывало эффективное воздействие приказа Семпа на соответствующие участки ее мозга.

Но упала она не на бетон, а на землю. Установка Семпа настигла ее на бегу, поэтому она сначала повалилась на колени, а затем подвернулась правым плечом. Судя по всему, ударилась не слишком сильно. Во всяком случае, так показалось Семпу, когда он приблизился к месту, где лежала незнакомка.

Он перешел на шаг. Оставаясь все время начеку, Семп подошел к распростертому телу, твердо решив не позволить на сей раз никакой посторонней "специальной силе" увести у него добычу.

Он испытывал лишь легкие угрызения совести от того, что применил достаточно сильное средство. Поразмыслив, он пришел к выводу, что не мог позволить себе какое-то более мягкое воздействие на эту женщину. Погружение в сон А-Брема не помешало последнему прибегнуть к тому, что Семп посчитал силовым полем, и благополучно спастись.

А он никак не мог позволить ей сбежать. Ока-

завшись лицом к лицу с необычной ситуацией, он действовал быстро и решительно. В данный момент женщина оказалась целиком в его власти. В создавшемся положении было слишком много неясного, чтобы продолжать медлить.

Он тут же опустился перед ней на колени. Поскольку она не спала, а была лишь без сознания, ее сенсорная система была открыта для внешних раздражителей.

Напротив, чтобы добиться нужных Семпу ответов, следовало перевести девушку в состояние сна, для того чтобы восстановить внутренние потоки восприятий, действующие в замкнутом цикле.

Так он и поступил: поочередно воздействовал на центр, отключавший сознание, когда задавал вопрос, и на центр сна для получения ответа. Это чем-то напоминало старинный метод работы радиолюбителей, которые по окончании передачи должны были произносить слово “конец!”.

Кроме того, — и это было вполне естественно — ему надо было удостовериться в том, что незнакомка отвечала на вопросы правдиво.

Для этого он задавал вопросы один за другим и каждый раз менял частоту магнитной волны, накладывая на нее команду для комплекса кле-

ток мозга, восприимчивых к гипнотическим средствам.

Получился вполне связный мысленный разговор:

“Ваше имя?”

“Б-Росс”.

“Откуда вы?”

“Из дома”.

“Где ваш дом?”

“В небесах”, — появился мысленный образ небольшого скалистого тела в Космосе. У Семпа создалось впечатление, что речь шла о метеоре диаметром меньше тридцати километров.

“Где он находится?”

“Он облетает Солнце внутри орбиты первой планеты”.

Таким образом, она явилась на Землю заранее, и все эти “двойники” находились вдали от их дома. Они, судя по всему, совершенно не догадывались, что живущие на Земле силки намного превосходят их по своим способностям. Это позволяло Семпу получить сведения решающего значения.

“Какова его орбита?” — мысленно спросил он.

“Простирается до девятой планеты”.

Нептун! Какие поразительные расстояния!

“Его средняя скорость?” — быстро возобновил расспросы Семп.

Она ответила, приняв за меру измерения меркурианский год, что в переводе на земные мерки соответствовало примерно ста десяти годам на один виток.

Семп легонько присвистнул. В его мозгу сейчас же образовалась логическая цепочка. Первый ребенок силки появился на свет “из пробирки” немногим более двухсот двадцати лет тому назад. Так говорилось в официальной истории. А это время соответствовало двойному периоду обращения небольшого планетоида силки. Семп разом оборвал ход своих мыслей, чтобы спросить у Б-Росс, каким образом они находят свой “дом”, который можно было запросто спутать с тысячами подобных ему небесных тел.

Ответ был таков, что только силки могли использовать его как исходную точку для последующих операций. В ее мозгу были собраны все координаты и ориентиры, которые позволяли ей локализовывать метеор.

Семп тщательно запомнил эти данные. Он уже готовился выведать у женщины новые подробности, как почувствовал, что в его теле возник инерционный момент.

Его отшвырнуло назад…

Все произошло так, как если бы он сидел в машине, спиной по ходу движения… машина резко затормозила, а он продолжал двигаться по инерции…

Но в силу того, что у него был выработан устойчивый рефлекс на случай неожиданного падения, Семп был отброшен всего на несколько шагов, успев включить единственно доступное ему в облике человека защитное поле.

Созданный им барьер был не в состоянии мгновенно нейтрализовать силу гравитационного притяжения, но, будучи производным от магнитного поля Земли, он подпитывался силовыми линиями, проходящими в данной точке пространства.

Эти линии, которые Семп модулировал сейчас по своему усмотрению, начали взаимодействовать с гибкими металлическими пластинами, вшитыми в ткань его одежды, и удержали его. В итоге он оказался в подвешенном состоянии в нескольких футах от земли.

С этого наблюдательного пункта было удобно следить за развитием событий.

Он сразу же понял, что имеет дело с поразительным по своей природе феноменом.

В центре появившегося гравитационного поля он обнаружил микроскопическую группу молекул. Фантастическим во всем этом был тот факт, что гравитация — суть постоянная величина, зависящая только от массы и квадрата расстояния.

А Семп уже подсчитал, что это воздействовавшее на него возникшее гравитационное тяготение в три раза превышало земную норму над уровнем моря. То есть… согласно всем физическим законам столь удивительно малый по размерам комок частиц должен был обладать массой, в три раза превышавшей массу Земли!.. Что, естественно, было делом невозможным.

Насколько мог судить Семп, речь не шла о системе крупных молекул, и та не была радиоактивна.

Он уже готовился прекратить изучение этого феномена и заняться своим собственным положением, как заметил, что возникшее гравитационное поле имело еще одно совершенно невероятное свойство.

Его действие распространялось только на органическую материю. Оно совершенно не сказывалось на окружавших его земляных стенах и — что довело его изумление до предела — оно не влияло на тело женщины.

Эта грависила воздействовала лишь на одно органическое тело — его собственное!

Единственный объект, единственное человеческое существо — Нэт Семп — подвергся ее влиянию.

И тогда он вспомнил, что и в случае с А-Бремом его тело не реагировало на тягу, умыкнувшую того с Земли. Он чувствовал в тот момент наличие какого-то поля, но только в той мере, в какой проходившие через его голову силовые линии были затронуты им. Даже тогда, когда он трансформировался в силки и пустился в погоню за своим "вторым я" в атмосферу, феномен строго сохранял все те же характеристики.

Значит, то, что происходило в данный момент, было предназначено исключительно ему самому. Теперь он обладал персональным гравитационным полем и ничтожной группой молекул, которая его "знала".

В то время как подобные мысли беспокойно метались в его сознании, Семп, повернув голову, взглянул на женщину.

Он ничуть не удивился тому, что увидел.

Поскольку его внимание было вынужденно отвлечено возникшим суперполем, тот контроль, который он осуществлял над ее мозговыми цен-

трами, ослаб. Женщина задвигалась и начала приходить в себя.

Она села, огляделась и увидела его.

Тотчас же по-спортивному легко вскочила на ноги. Было очевидно, что женщина ничего не помнит из того, что произошло за время, пока она находилась в бессознательном состоянии, и ничуть не догадывается о том, что выдала Семпу самые сокровенные секреты. Доказательством этого служила появившаяся на ее лице улыбка.

— Вот видите, — сказала она, — я же вас предупреждала о том, что произойдет. Ну что ж, до свидания!

Видно было, что она находится в отличном настроении. Женщина повернулась, углубилась в грот и вскоре скрылась за левым поворотом.

После ее ухода Семп вновь сосредоточил все свое внимание на необычном гравитационном поле. Он подумал, что оно обязательно вскоре исчезнет или рассеется и что тогда он обретет свободу. Семп был глубоко убежден в том, что в его распоряжении, видимо, всего несколько минут, чтобы изучить этот феномен и раскрыть его природу.

“Если бы только я смог принять форму силки, то решить эту проблему не составило бы труда”,

— подумал он с горечью.

Но Семп не решался попробовать сделать это в сложившейся ситуации.

Было невозможно одновременно и трансформироваться, и поддерживать свою безопасность.

Силки имели одну, так сказать, “слабинку”: во время перехода из одной формы в другую они становились крайне уязвимыми.

Учитывая это, он впервые после расставания вступил в телепатический контакт с Джоанн. Он рассказал ей о своем незавидном положении, передал ей все сведения, которые ему удалось выяснить, и закончил разговор словами:

“Думаю, что смогу продержаться весь день и узнать, что же из всего этого выйдет. Тем не менее считаю желательным присутствие рядом другого силки, чтобы противостоять любым неожиданностям”.

“Я попрошу Чарли Бэкстера связаться с тобой”, — пообещала она обеспокоенным тоном.

Глава двенадцатая

Джоанн позвонила Бэкстеру и телепатически передавала содержание состоявшегося разговора мужу.

Бэкстер проявил удивительную заинтересованность в сведениях, полученных Семпом о внеземных силки. Он считал, что гравитационное поле — это какая-то новая форма использования энергии, но проявил сдержанность в отношении того, чтобы выслать ему на помощь кого-нибудь из силки.

— Давайте трезво смотреть на вещи, Джоанн, — сказал он. — В прошлом году ваш муж узнал нечто такое, что в случае, если это станет достоянием других силки, хрупкое равновесие, в котором сейчас удается удерживать совместную с силки цивилизацию, будет поставлено под удар. Нэт прекрасно понимает нашу обеспокоенность на этот счет. Так что сообщите ему, что я вышлю машину, которая обеспечит его защиту на период трансформации в силки.

По мнению Семпа, еще более опасным для будущих отношений людей с силки являлся сам факт появления этих, дотоле никому не извест-

ных, силки. Но он поостерегся сообщить об этом Джоанне.

Бэкстер в завершение разговора подчеркнул, что для направления машины понадобится некоторое время, и в этой связи просил Семпа не терять присутствия духа.

Когда Бэкстер положил трубку, Джоанн телепатически выпалила своему мужу:

“Во всей этой авантюре есть один момент, который облегчает мне душу”.

“Что ты подразумеваешь под этим?”

“Если все женщины силки в облике человека в такой же мере лишены очарования, как эта Б-Росс, мне беспокоиться нечего”.

Прошел час, другой, потом… десять.

Снаружи, должно быть, уже наступили сумерки, солнце давно зашло, а звезды, как обычно, сверкали своими тонкими лучиками.

Машина от Чарли Бэкстера прибыла, затем укатила обратно. Семп, чувствуя теперь себя в безопасности в своем обличье силки, не покидал своего поста поблизости от самого замечательного энергополя, которое когда-либо существовало в Солнечной системе. И самым удивительным в нем было то, что оно не проявляло никаких признаков ослабления своей колоссальной

гравитационной мощи. Семп надеялся, что благодаря сверхчувствительной сенсорике силки ему удастся обнаружить линии подпитывания поля из внешнего источника.

Но ничего подобного не существовало, не было ни малейших признаков этого. Вся энергия исходила из этой, единственной в своем роде, ничтожно малой группы молекул — и больше ниоткуда.

Минуты шли одна за другой, часы — за часами. Бдение продолжалось, и у него было предостаточно времени, чтобы оценить все значение той проблемы, с которой теперь должен столкнуться каждый земной силки: необходимость принять решение в отношении космических сородичей.

Наступило утро.

Вскоре после восхода солнца снаружи гравиполе проявило склонность к самостоятельности. Оно переместилось вдоль коридора, втягиваясь в глубину грота. Семп плыл в воздухе вслед за ним, сознательно слегка поддаваясь исходящему от того гравитационному притяжению. Но держался настороже, хотя и сгорал от любопытства, надеясь узнать о нем побольше.

Грот внезапно перешел в давно заброшенную глубокую сточную канаву. Цемент в ней потрес-

кался. Стены были исполосованы бесчисленными глубокими щелями. Но этот участок, казалось, был знаком преследуемой Нэтом группе молекул, так как скорость ее возросла. Внезапно под ними появилась вода, причем не стоячая, а вся в завихрениях и покрытая рябью. “Сюда явно доходит прилив”, — сделал вывод Семп.

Вода поднималась все выше, и вскоре они на всем ходу, не уменьшая скорости, нырнули в нее. Постепенно мутная вода светлела. В конце концов они достигли освещенных солнцем вод ущелья в каких-нибудь тридцати метрах от океана.

Когда они чуть позже вынырнули на поверхность, странный комок молекул еще больше увеличил скорость. Подозревая, что сейчас он попытается от него оторваться, Семп мобилизовал все свои способности силки, чтобы снять с него характеристики.

Но он абсолютно ничего не добился. Не поступило ни единого сигнала, не обнаружилось ни малейшего следа возможного источника энергии. На какую-то долю секунды у него создалось четкое впечатление, что атомы, составляющие группу молекул, были в чем-то необычными. Но как только он сосредоточился на соответствующей этому ощущению частоте восприятия, молекулы,

должно быть, “осознали” его временное прозрение и “закрылись”. Впрочем, возможно, это была просто игра его воображения.

В то самое мгновение, когда он начал анализировать эту мысль, у него возникло предчувствие, что комплекс молекул вот-вот оторвется от него. Скорость частиц быстро возрастала. В течение нескольких секунд она достигла предела того, что может выдержать мчащийся сквозь атмосферу силки. Хитиновый покров, защищавший тело силки, стал все больше и больше разогреваться.

Не скрывая огорчения, Семп начал перестраивать свою атомную структуру, что окончательно прервало его настрой на чужое гравитационное поле. Группа молекул стремительно неслась на восток, где уже с час как взошло солнце. Разрыв между ней и Семпом все увеличивался. Спустя несколько секунд после отрыва она покинула пределы атмосферы и со скоростью несколько километров в секунду устремилась, казалось, прямо к Солнцу.

Семп достиг границы атмосферы. Прощупывая с помощью особых органов чувств силки безбрежный и темный океан космоса, обступивший его со всех сторон, он вошел в контакт с ближайшим к нему геостационарным спутником и сообщил

находившимся на его борту ученым координаты системы молекул. Он выжидал, продолжая все еще надеяться, что те установят ее положение. Наконец поступил ответ:

— Сожалеем, но мы не отметили никакого необычного явления.

Ошеломленный Семп отдался на волю земного притяжения. Затем, умело корректируя воздействие на него силы тяжести и магнитных полей планеты, он взял курс на административное здание, где размещались Власти силки.

Глава тринадцатая

Три часа бесконечных разговоров.

Семп как единственный силки среди присутствовавших на заседании занимал место у торца длинного стола. Он считал эту дискуссию нудной и скучной.

Ему давно уже казалось, что самым разумным решением было бы отправить на этот планетоид его или какого-нибудь другого силки. Тот собрал бы факты, принял меры, способные решить вопрос строго логически, но тем не менее гуманно, а потом вернулся бы и обо всем доложил Властям.

Если по каким-то причинам так называемая “нация или народ силки” не прислушается к голосу разума, тогда стоило бы заново обсудить этот вопрос.

Ожидая, когда три дюжины участников совещания соблаговолят договориться между собой, он не преминул отметить тот иерархический порядок, в котором сидели присутствовавшие.

Посредники, куда входил и Бэкстер, занимали место в конце длинного стола. Далее по обе его стороны размещались обычные люди. После них следовал он, а замыкали протокольный порядок

три помощника меньшего ранга и официальный секретарь триумвирата, составлявшего Власти силки.

Такой порядок размещения был не нов для него. Он обсуждал этот вопрос с другими силки, и те говорили ему по этому поводу, что налицо распределение ролей, обратно пропорциональное реальной силе — уникальный случай в истории.

Самые могучие по своим возможностям существа в Солнечной системе, силки всегда занимали посты второстепенного значения.

Он вышел из задумчивости, заметив, что в зале воцарилась тишина. Он увидел, что Чарли Бэкстер, стройный человек с серыми глазами и напряженным выражением на лице, обогнул стол и остановился перед ним.

— Ну вот, Нэт! — сказал он. — Вот так мы видим общую картину случившегося. — Казалось, он испытывал смущение.

С быстротой молнии Семп прогнал автоматически фиксировавшийся в памяти весь ход совещания и констатировал, что в конце концов они пришли к предугаданному им решению.

Он отметил также, что они рассматривали его как чреватое серьезными последствиями. Действительно, предстояло выполнить очень

сложное задание. Дело могло кончиться гибелью. Поэтому они воздержатся от критики в случае отказа с его стороны.

— Мне стыдно просить вас об этом, — продолжал Бэкстер. — Но мы находимся почти в состоянии войны.

Семп прекрасно отдавал себе отчет в том, что участники совещания держались не очень уверенно. На Земле войны не было уже сто пятьдесят лет. И теперь никто не мог претендовать на то, чтобы выступать экспертом в этих вопросах.

Он поднялся, испытывая груз озабоченности этих людей, давивший сейчас на него. По очереди оглядел повернутые к нему лица и сказал:

— Успокойтесь, господа. Конечно, я выполню то, что вы от меня ожидаете.

Все, казалось, вздохнули с облегчением. Очень быстро дискуссия перешла на обсуждение деталей: говорилось о трудностях локализации метеора, особенно с учетом столь длительного периода его обращения на орбите.

Было хорошо известно, что существовало примерно полторы тысячи крупных метеоров и планетоидов, а сверх того еще десятки тысяч небесных тел меньших размеров. У всех у них орбиты отличались тем, что, подчиняясь в целом

общим законам небесной механики, зачастую выкидывали всякого рода эксцентричности. Некоторые из этих странников, например кометы, периодически подходили довольно близко к Солнцу, чтобы удалиться затем в просторы Вселенной и возвратиться через пятьдесят или сто лет и начать снова раскручивать свою карусель. Скалистых обломков промежуточных размеров было так много, что им даже не присваивали названий, а их траектории вычислялись только тогда, когда в этом возникала особая необходимость. В сущности какой-либо нужды вести наблюдения за этими небесными телами по-настоящему не было.

Семп неоднократно подлетал к этим метеорам-одиночкам, а при случае и высаживался на них. Воспоминания об этих посещениях были одними из самых мрачных, которые он вынес из своих многочисленных вылазок в космос. Абсолютная темень, безжизненная пустота этих бесплодных скал, сенсорный голод. Странно, но чем больше по размерам были эти небесные тела, тем более тягостное впечатление они оставляли.

Как-то раз он обнаружил, что мог испытывать нечто вроде интеллектуального родства с одной из скал диаметром порядка трехсот метров. Тогда

он имел дело с одним аморфным телом, которое в конце концов ушло на гиперболическую орбиту. Когда он подсчитал, что оно обречено навечно покинуть Солнечную систему, то, к собственному удивлению, начал образно представлять себе, как долго это небесное тело бороздило космос, какие невообразимые дали оно покрыло за это время, как через некоторое время оно снова затеряется в безмерной бездне Вселенной и будет миллионы лет одиноко мчаться сквозь звезды.

Представитель Правительства — некий Джон Мэтьюз — прервал ход его мыслей.

Семп взглянул на него, наклонив голову.

— Если верить поступившим сообщениям, несколько сотен земных силки уже согласны подчиниться этим космическим сородичам. Вы же, как я полагаю, не считаете, что планетоид является вашей родиной. Почему?

Семп улыбнулся:

— Для начала я не позволил бы выдавать мне черное за белое, как это сделали они.

Немного поколебавшись, он продолжал серьезным тоном:

— Помимо чувства лояльности по отношению к Земле, у меня есть к тому и другие веские причины. Я не считаю, что живым формам жизни

пойдет на пользу жесткая привязанность только к своему виду: я — де лев, а ты — медведь, и на этом кончим. Разумная жизнь развивается, или должна развиваться, в направлении общей цивилизации. Я, возможно, похож на мальчишку, который ушел с фермы в большой город, в данном случае — на Землю. Сегодня мои соотечественники требуют, чтобы я вернулся на ферму. Им никогда не понять, почему эта стало для меня невозможным, поэтому я даже не пытаюсь излагать им свои взгляды.

— Но может так случиться, — произнес Мэтьюз, — что в действительности большим городом окажется планетоид, а Земля — фермой. Как быть тогда?

Семп вежливо улыбнулся, но ограничился тем, что отрицательно покачал головой.

— Еще один вопрос, — настаивал Мэтьюз. — На ваш взгляд, как надо относиться к силки?

Семп развел руками:

— Не вижу необходимости каких-либо реформ в этой области.

Он полностью верил в то, о чем говорил. Семп никогда не придавал значения вопросам ранга и старшинства.

В то же время он давно уже знал, что некоторые

силки болезненно относились к отведенному им на Земле положению, считая, что оно ставило их в подчинение по отношению к людям. Другие, такие, как он сам, выполняли свой долг, были верны своим земным женам и стремились наилучшим образом использовать те, пусть несколько ограниченные, возможности, которые им предоставляла человеческая цивилизация. Она не позволяла им полностью раскрыть свои способности, поскольку силки обладали таким богатым набором органов чувств, что многие из них оставались на Земле без применения, поскольку не существовало организации, способной стимулировать эти творческие потенции.

Вполне возможно, что подобный порядок вещей мог бы быть и улучшен. Но пока силки оставались тем, чем они были. Семп охотно признавал, что всякие попытки изменить условия бытия силки породили бы страх и волнение среди людей. Так зачем же, считал он, предпринимать подобные действия ради единственной цели — удовлетворить самолюбие группы силки общей численностью менее чем в две тысячи индивидуумов?

Во всяком случае так обстояло дело до сегодняшнего дня. Появление же космических силки

намного увеличило бы число его сородичей, недовольных своим положением. Однако, говорил сам себе Семп, этого было бы недостаточно, чтобы существенным образом повлиять на количественное соотношение людей и силки на Земле.

— Насколько я понимаю, — отчеканил он громко, — не существует лучшего решения проблемы силки, чем сейчас.

Чарли Бэкстер счел момент подходящим для того, чтобы положить конец дискуссии.

— Нэт, в выполнении миссии вас будут сопровождать наши лучшие, наши самые лучшие пожелания успеха и полное доверие. До орбиты Меркурия вы полетите на борту космического корабля. Это позволит сэкономить время. Успеха вам!

Глава четырнадцатая

Открывшаяся перед ним картина поистине была фантастической.

Планетоид силки выходил на свой период обращения вокруг Солнца, находясь далеко внутри эксцентрической орбиты Меркурия. Судя по всему, он должен был задеть солнечную корону — эти бескрайние облака раскаленного газа, которые исторгает из себя огненное светило в виде огромных огненных языков, бесформенных рукавов, мостиков…

Семп несколько сомневался, что дело дойдет до столь катастрофического развития событий. Но, периодически подставляя воздействию Солнца свое тело, защищенное прочным как сталь хитиновым покровом, он чувствовал, насколько могуче его притяжение на столь малом расстоянии.

Небо перед ним почти полностью закрывал добела раскаленный диск. Свет был настолько ярок и воспринимался им в столь широком диапазоне волн, что, как только он приоткрывал свою сенсорную систему, та мгновенно перенасыщалась. Тем не менее ему приходилось периодически

идти на это, чтобы вносить необходимые коррективы в свой полетный курс.

Вскоре он и планетоид вышли на пересекающиеся орбиты.

Но сам момент встречи должен был произойти еще через несколько часов. Поэтому Семп полностью выключил свою систему восприятия среды. Он мгновенно и глубоко заснул, что силки позволяли себе крайне редко.

Он вышел из сна постепенно, отметив, что правильно рассчитал время. Планетоид уже был “виден” на одном из бесконечно малых нервных экранов на головной части его организма. Изображение на нем напоминало то, что бывает на радарах, и вначале соответствовало размеру с горошинку.

Но менее чем за тридцать минут он заметно приблизился, и его величину уже можно было оценить примерно в восемь километров, что на глазок составляло половину реального диаметра.

В этот момент Семп совершил свой единственно опасный маневр. Он позволил притяжению Солнца втянуть себя внутрь орбиты планетоида. Затем он нейтрализовал звездную тягу и с помощью нескольких энергетических выбросов по

краям поля позади себя устремился к поверхности небесного тела со стороны светила.

Он исходил из того, что ни один силки в нормальных условиях не станет размещаться на солнечной стороне астероида. В их интересах было держаться где-нибудь внутри этого крупного скалистого обломка или уж, во всяком случае, на его неосвещенной части.

Вблизи в слепящем свете планетоид был похож на сморщенную головку старого лысого индейца. Он был красновато-серого цвета, весь в шрамах и трещинах и не совсем круглой формы. Эти щели оказались гротами. В один из них Семп и проскользнул, как рыба в свою норку.

Семп погрузился в то, что представилось бы человеческому взору как абсолютная чернота. Однако, находясь в личине силки, он прекрасно видел интерьер в самых различных диапазонах волн.

Вскоре он попал в коридор со стенами из полированного гранита. Его пол под ногами легким наклоном уходил вниз. Минут через двадцать показался поворот. Свернув, он натолкнулся на мерцавший, почти матового цвета, энергетический экран.

Семп сразу же понял, что преодолеть это пре-

пятствие для него не проблема. Впрочем, он весьма сомневался, что оно было воздвигнуто в этом месте для того, чтобы кого-то отловить. Мгновенный анализ его природы показал, что речь шла о стене, по прочности примерно равной внешней оболочке космического корабля.

Она была достаточно крепкой, чтобы устоять перед любым бронебойным снарядом.

Преодоление такого экрана входило в подготовку силки в рамках установления контроля над энергией.

Семп начал с того, что возбудил поле, равное по своей мощности защитному, и придал ему колебательное движение. Это вызвало в экране резонанс. Мгновение спустя они стали взаимно проникать друг в друга. При этом, однако, именно защитный заслон поглощался созданным Семпом полем, а не наоборот.

Тем самым за несколько минут силки оказался внутри объединенного поля и совершенно безопасно преодолел его. После этого ему оставалось только снова разделить оба поля, понижая частоту колебаний до тех пор, пока они окончательно не разомкнулись.

При этом раздался звук, напоминавший удар хлыста.

Факт щелчка доказывал, что отныне Семп находился в пространстве, заполненном воздухом. Очень скоро силки установил, что тот не имел ничего общего с земной атмосферой. В нем содержалось тридцать процентов кислорода, двадцать процентов гелия, остальное — сернистые образования. Что касается давления, то оно примерно вдвое превышало земное над уровнем моря.

И все же это был воздух, а его наличие, без сомнений, было чем-то обусловлено.

Со своей точки возле преодоленного барьера Семп различил метрах в тридцати под собой обширное помещение. В струившемся мягком свете оно выглядело как настоящее сокровище.

Стены были инкрустированы драгоценными камнями, покрыты тонкими слоями благородных металлов и разноцветных горных пород. Все это было умело обработано в серию рисунков. Они представляли собой непрерывно бегущую полосу, отражавшую историю существ, похожих на кентавров с гордой поступью. Крупным планом выделялись их лица, имевшие мало общего с человеческими, но сохранявшими определенную привлекательность своей чувственностью.

На полу этого грандиозного зала виднелся макет какой-то планеты, покрытой блестящей

субстанцией, оттенявшей изогнутую и гористую поверхность со сверкающими линиями рек, деревьев и других растений в трехмерном изображении, океанов и фосфоресцирующих озер, с тысячами ярких точек, обозначавших расположение городов и поселков.

Бока планеты плавно закруглялись, и у Семпа создалось впечатление, что это шар и что если спуститься вниз, то, видимо, можно было бы рассмотреть и его обратную сторону.

Весь этот комплекс являл собой воплощение абсолютной, совершенной красоты.

Семп предположил, что как увиденные им изображения обыденной жизни, так и планеты в целом являлись точной ретроспективой какого-то вида живых существ и места, с которыми силки были связаны в определенный период их истории.

Семп испытал настоящее интеллектуальное потрясение от высочайшего уровня художественного оформления этого помещения.

Спускаясь по туннелю, Семп обратил внимание на несколько ответвлявшихся от него в соседние залы переходов с широкими арками. Бросая туда на ходу мимолетные взгляды, он видел размещенные в них новехонькие машины, мебель,

различного рода предметы. Семп сделал вывод, что все это — промышленная продукция либо народа кентавров, либо других цивилизаций. Но времени на подробный осмотр не было. Его внимание привлекла лестница, ведущая вниз.

Он стал спускаться по ней и опять натолкнулся на защитный экран.

Проникнув через него тем же способом, что и раньше, он очутился в зале, наполненном морской водой.

В сумрачном свете подводной цивилизации на дне покоилась еще одна планета, заточенная в это гигантское хранилище.

И это было только начало. Углубляясь все дальше и дальше, Семп переходил с одного уровня на другой, каждый раз пересекая все новые и новые оборонительные заставы и натыкаясь на столь же художественно оформленные новые палаты.

Все они были отделаны драгоценными камнями и блестевшими на свету металлами. В каждом громадном зале он обнаруживал удивительные сцены, вероятно, из жизни обитаемых планет и далеких звезд, а также новый состав атмосферы.

Когда он проскочил таким образом с дюжину подобных помещений, Семп понял, что в недрах этого планетоида собрано богатство, которому

не было равных где бы то ни было во Вселенной. Семп мысленно подсчитал общий объем внутренней части астероида. Получилось что-то около тысячи-тысячи двухсот кубических километров. И тогда он вспомнил слова члена Правительства Мэтьюза, который предположил, что “городом” мог оказаться планетоид, а Земля — “фермой”.

Факты как будто все больше и больше подтверждали эту гипотезу.

Семп все время ожидал, что вот-вот встретит жителя этого небесного тела. Пройдя еще три зала, где в миниатюре были представлены планеты, столь же далекие в пространстве, как и во времени, силки остановился, чтобы обдумать положение.

Он был твердо убежден в том, что, узнав о существовании подобного богатства, получил преимущество, которое ему следовало сохранить любой ценой. Он также пришел к заключению, что внеземные силки живут на стороне астероида, противоположной Солнцу, и что по этой причине они никак не ожидали визита, нанесенного им столь необычным путем.

Поразмыслив, Семп счел свои выводы достаточно обоснованными и без промедления отправился на темную сторону планетоида.

И опять он увидел входные отверстия гротов, а, шагнув туда, уже через несколько десятков шагов обнаружил энергетический барьер. Преодолев его, он констатировал, что воздух и сила притяжения в этих местах соответствовали земным над уровнем моря.

Планируя между полом и потолком, Семп втянулся в помещение, стены которого были сделаны из полированного гранита. В нем размещалась мебель — диваны и столы, вдоль одной из стен тянулась низкая библиотека. Общий вид комнаты, лишенной каких-либо личностных особенностей, говорил о том, что это представительская приемная. В целом она создавала впечатление чего-то нереального.

Сохраняя форму силки, Семп спустился по лестнице и вошел в другую комнату, в которой пол был устлан землей. Росли цветы и кустарники, характерные для умеренных широт Земли. И все тот же показушный вид…

На третьем, нижнем, уровне располагались офисы с компьютерами. Семп был знатоком в этой области и понял их назначение. Вместе с тем он отметил отсутствие пользователей этого специфического источника информации.

Он уже готовился опуститься на следующий

уровень, когда исключительно мощный энергетический пучок возвел сверхбыстрый защитный экран, с природой которого он познакомился во время прошлогоднего контакта с пришельцем кибмадином.

От столкновения этого пучка энергии с охранительным полем Семпа вспыхнул ослепительно яркий свет, словно в комнату ворвалось само солнце. Сияние не ослабевало. Это давало основание предположить, что тот, кто направил энерголуч, хотел выявить, как долго продержится экран силки.

Для Семпа речь шла о схватке, развернувшейся с быстротой молнии по всему фронту его линии обороны. Но эта атака в конце концов захлебнулась, натолкнувшись на жесткое ядро второго приема, который он перенял у кибмадина.

И только это помогло сдержать нападение.

Глава пятнадцатая

Прошла целая минута, прежде чем агрессор сообразил, что для поддержания своего защитного барьера Семп использует его же собственный энергопучок. Иными словами, силки пока даже и не прибегал к своим собственным энергоресурсам и мог продержаться столько времени, сколько будет действовать энерголуч противника, повторяя маневр столь часто, сколь это будет необходимо.

Атака прекратилась так же внезапно, как и началась.

Семп растерянно огляделся вокруг. Все помещение превратилось в свалку добела и докрасна раскаленных обломков различных предметов. Обвалились гранитные стены, обнажив скальную основу метеорита, к которой они крепились. С потолка и раздробленных стен в двадцать ручьев стекали расплавившиеся горные породы. Целые куски и блоки продолжали рушиться со всех сторон, нагромождаясь друг на друга.

То, что совсем недавно выглядело современным офисом, за несколько минут превратилось в сплошные руины. В опустошенном зале сме-

шались в кучу почерневшие металлические предметы с остатками скал.

Самым потрясающим открытием для Семпа было то, что его спас только сверхбыстрый защитный барьер кибмадина. Нападение было рассчитано так, чтобы своей мощностью и скоростью подавить всю оборонительную и наступательную систему обыкновенного силки.

Причем с явным намерением убить его.

Никаких тебе переговоров, вопросов друг к другу, попыток достичь согласия.

Эта беспощадная схватка вновь привела его к специальной логике уровней. В нем непроизвольно поднялась волна ненависти.

Затем спустя некоторое время ее сменило другое чувство. “Я выиграл”, — подумал он.

Обретя спокойствие, но по-прежнему кипя от злости, он спустился еще на пять уровней, и неожиданно перед ним возникла обширная панорама открытой местности.

И прямо под ним расстилался город космических силки.

Во всех своих деталях он повторял земной городок. Многоквартирные жилые дома, частные резиденции, улицы, обсаженные деревьями. Семп не мог оправиться от изумления, так как

и здесь местные силки, это было очевидно, постаралась воспроизвести подлинно земную обстановку.

Далеко-далеко под собой он различал силуэты на тротуарах. Семп спикировал вниз.

Когда он завис в тридцати метрах над силки, те остановились, подняли головы и стали в него всматриваться. Один из прохожих — это была женщина — довольно резко телепатически спросила: “Вы кто?”

Семп ответил.

Четверо стоявших недалеко от нее людей выразили удивление. Однако они ничуть не испугались и не проявили никакой враждебности.

Небольшая группа из трех мужчин и одной женщины остановилась, поджидая его. Спускаясь, Семп видел, как они знаками подзывают других силки. Вскоре собралась толпа. Большинство были в облике человека, но добрая дюжина в образе силки.

“Не стражи ли это порядка?” — мелькнуло у него. Но они, как и остальные, не проявляли никакой недоброжелательности.

Наоборот, ни один силки не выставил защитного ментального барьера, и — что было самым удивительным — никто из них, кажется, не имел

ни малейшего представления о том нападении, которому Семп подвергся в офисе, близ поверхности астероида.

Он решил воспользоваться их неосведомленностью. Сохраняя бдительность и не распространяясь о случившемся, полагал он, возможно, удастся обнаружить тайного недруга.

Семп предполагал, что проявление насилия в отношении него было задумано и осуществлено на административном уровне.

“Я все равно найду этих проходимцев”, — с ожесточением подумал он.

Затем он обратился к собравшейся безобидной аудитории:

— Я послан сюда Правительством Земли с поручением выяснить, на базе каких соглашений мы могли бы установить дружественные отношения между нашими двумя сообществами.

Вмешалась одна из женщин:

— Говорят, что нам невозможно трансформироваться в привлекательную для землян форму. Какие у вас на этот счет предложения?

Ее вопрос был встречен взрывом хохота. Семп был озадачен. Он никак не ожидал проявления столь непринужденной симпатии со стороны толпы.

В то же время это никоим образом не повлияло на его решительное настроение.

— Мне представляется, что и этот вопрос можно было бы обсудить на правительственном уровне, — усмехнулся он, — но не в качестве первого пункта повестки дня.

Видимо, что-то в его мысленном настрое все же отражало недавнее озлобление, поскольку один из стоявших в толпе мужчин язвительно заметил:

— Кажется, не столь уж он и дружелюбен.

Одна из женщин живо откликнулась:

— Послушайте, господин Семп! Но ведь вы вернулись на свою родину.

Семп уже обрел самообладание и ответил ей ровным, спокойным голосом:

— Как аукнется, так и откликнется. В этот момент вы выказываете замечательную доброжелательность. Но силки, которых ваши правители послали на Землю, сыпали кровожадные угрозы.

И все же он не мог избавиться от некоторого замешательства: силки, с которыми он имел дело в данный момент, явно не проявляли враждебных намерений. И этому факту он придавал очень большое значение.

Тем не менее он все же решил логически завер-

шить свою мысль:

— Я прибыл сюда, чтобы раскрыть всю подноготную этой истории. В этой связи, почему бы вам не связать меня с властями?

— Но у нас нет никаких властей! — воскликнула одна из женщин.

— Господин Семп, — заявил мужчина, — мы живем здесь в условиях полной свободы и приглашаем вас и других земных силки присоединиться к нам.

— Кто принял решение послать на Землю эти четыре сотни эмиссаров? — настаивал Семп.

— Так повелевает делать обычай, как только наступает нужный час, — пояснила другая женщина.

— И подкреплять эти визиты угрозами? — упорствовал Семп. — Причем запугивать смертью?

Его слова, казалось, ошарашили женщину. Она повернулась к одному из соотечественников.

— Вот вы были там. Разве вы угрожали прибегнуть к насилию? — требовательно спросила она.

Мужчина замялся:

— Что-то я плохо припоминаю, как все это происходило, — произнес он. — Но думаю, что так оно и было. — Потом добавил: — Так бывает всегда, когда Энергией нас заряжает Е-Лерд. Па-

мять вещь ненадежная. По правде говоря, все, что связано с угрозами, у меня вылетело из головы, и только сейчас я вдруг вспомнил об этом.

Вид у него был растерянный:

— Черт побери! Надо поговорить об этом с Е-Лердом и выяснить, почему все так произошло.

Семп телепатически обратился к нему непосредственно:

“Какие у вас остались воспоминания от пребывания на Земле?”

В ответ он услышал:

“Я лишь помню, как сообщил земным силки, что их сородичи в Космосе прибыли и что давно уже пора проинформировать их о том, откуда они взялись на самом деле”.

Он замолчал, а затем, обернувшись к другим силки, вспылил:

— Это и впрямь фантастично! Я потрясен. Необходимо разобраться, какими методами Е-Лерд управляет Энергией. Подумать только! Я кому-то угрожал смертью, находясь на Земле! На меня это совсем не похоже.

То, как искренне он удивлялся случившемуся, свидетельствовало в его пользу больше, чем если бы он начал шумно протестовать.

— Из сказанного вами я делаю вывод, — заявил

Семп, — что, вопреки предыдущим заверениям, у вас все же есть глава, имя которому Е-Лерд.

Один из присутствовавших, который был в облике силки, пояснил:

— Нет, это не так. Он не является нашим шефом, но я вижу, каким образом можно объяснить этот вопрос. Мы свободны. Никто не диктует нам, что нужно делать. Но, действительно, часть своих полномочий мы делегируем. Например, поручаем Е-Лерду заниматься Энергией, и мы получаем ее в пользование от него. Хотели бы вы переговорить с ним, господин Семп?

— Еще как! — воскликнул тот с очевидным удовлетворением.

Про себя он подумал: “Энергия! Ну конечно же! Чего еще надо? Только лицо, контролирующее Энергию, могло напасть на меня!”

— Меня зовут О-Ведд, — представился космический силки. — Соблаговолите в таком случае следовать за мной.

Его длинное вытянутое тело отделилось от группы соотечественников и стрелой помчалось над их головами. Семп ринулся за ним. Они остановились перед небольшим входом в облицованный гранитом узкий туннель и проникли в него. Метров через тридцать они оказались

над вторым, не менее обширным, открытым пространством. То был второй город силки.

Во всяком случае, таково было его первое впечатление.

Однако, приглядевшись повнимательней, Семп заметил, что строения в этом городе носили другой характер. Не было громадных жилых домов. У Семпа, знакомого с большинством источников получения энергии, каких-либо сомнений не оставалось: некоторые из крупных зданий, которые он видел перед собой, напоминали помещения, где обычно вырабатывается атомная энергия. Другие служили распределительными центрами электричества. Третьи имели весьма своеобразные формы систем преобразования Илема.

Ни в одном из перечисленных объектов, конечно, не было собственно Энергии как совокупности. Но различных ее проявлений здесь было в достатке.

Семп приземлился вслед за О-Веддом во дворе одного из блоков строений, которые он, несмотря на все защитные экраны, без труда определил как источник магнитных излучений.

Космический силки принял форму человека и ждал, когда то же самое сделает силки.

— Нужды нет! — лаконично отказался Семп. — Лучше попросите его выйти сюда.

О-Ведд недоуменно пожал плечами. В своем человеческом обличье он оказался брюнетом небольшого роста. Космический силки прошел в здание.

Вокруг Семпа стояла тишина, которую нарушал лишь выползавший из строений легкий шум. Система сверхчувствительных сигналов обнаружения, которую он постоянно поддерживал вокруг себя, внезапно зарегистрировала легкое касание. Это отмеченное датчиками, похожее на вздох движение воздуха, однако, не вызвало у Семпа мгновенной ответной реакции — выставления защитных экранов.

В конце концов, речь шла о чем-то вроде слабого ветерка, который обычно тянет с моря, и он не программировал свои механизмы обнаружения опасности на столь незначительные раздражители.

Он уже собирался выкинуть из головы этот несущественный факт, чтобы заняться анализом своих впечатлений от встречи с космическими силки и возникшей к ним симпатии, как вдруг в мозгу Семпа шевельнулась мысль: а откуда ЗДЕСЬ мог появиться бриз!

Он мгновенно окутался заградительным полем и ощетинился детекторами.

Семп успел заметить, что это действительно был легкий ветерок, но вызван он был появившимся в окружающем его пространстве участком вакуума.

На глазах Семпа двор подернулся пеленой, а затем и вовсе исчез.

И вообще больше не было никакого планетоида.

Свою восприимчивость к сигналам любого рода Семп поднял до максимума.

Теперь он просто висел в космическом пространстве. Сбоку от него ослепительно белым светом пылал гигантских размеров солнечный диск.

Внезапно всем своим телом он ощутил, что кто-то пытается вытянуть из него энергию. Возникло впечатление, что его экраны силки все больше и больше напрягались, а его организм упорно противился какой-то внешней силе на самых различных уровнях.

“Ясно, что это нападение, — подумал он с тревогой, — опять меня пытаются устранить”.

Независимо от природы новой атаки она носила автоматический характер. Его собственная

система восприятия оказалась изолированной от внешнего мира, а сам он очутился во власти агрессора.

И тут Семп почувствовал, как погрузился в глубочайший мрак. Но больше всего его деморализовало осознание того факта, что какие-то внешние силы заблокировали его органы восприятия действительности, что не позволяло ему определить характер предпринятой против него агрессии.

Он увидел, что…

И в этот момент исчезло всякое понятие о расстоянии!

Растянувшись цепочкой на несколько километров, в космосе летели силки. Семп отчетливо различал их. С присущей ему быстротой он сосчитал — двести восемьдесят восемь. Он перехватил их мысли и узнал, что то были силки-ренегаты, покинувшие Землю.

Семп догадался, что им сообщили координаты планетоида и что они возвращались на родину.

Время сжалось.

Буквально, как ему показалось, в одно мгновение всю группу силки перенесли непосредственно к планетоиду. Семп теперь видел астероид на расстоянии максимально километрах в тридцати

от себя.

Но самым обескураживающим, а также самым смертельно опасным для него обстоятельством было то, что в тот момент, когда развертывались все эти удивительные события, которые он все-таки как-то воспринимал на одном из своих уровней, на другом он прекрасно отдавал себе отчет в том, что одновременно против него велась мощнейшая атака на уничтожение.

А он почти ничего не видел, не чувствовал, не осознавал.

В какие-то паузы у него возникали расплывчатые ощущения. Его защитные барьеры продолжали действовать. Но все это было далеко от уровня сознания и походило скорее на какой-то земной сон.

Будучи отлично подготовленным силки, Семп обостренно следил за развитием ситуации как внутри, так и вокруг себя. Он вел ни на мгновение не прекращавшуюся борьбу за обретение чувства реальности, фиксировал тысячи поступавших извне сигналов.

Наконец в нем пробудилось какое-то понимание происходившего. Сформировались некоторые первичные мысли о природе физического феномена, превратившего его в игрушку. Он уже

приступил к анализу обстановки, как феномен вдруг исчез столь же внезапно, как и возник.

Разыгравшаяся в космосе сцена стала тут же размываться, а затем и вообще куда-то исчезла.

Семп снова находился во дворе, примыкавшем к строениям, в которых размещался комплекс, где вырабатывалась энергия магнитного характера.

Навстречу ему, перешагнув порог главного здания, двигался О-Ведд. Рядом с ним шел человек, который по росту и телосложению походил на Семпа, когда тот принимал форму человека, то есть его рост превышал сто восемьдесят сантиметров при хорошо развитой мускулатуре. Однако черты его лица были более грубыми, а глаза не голубыми, а карими.

Подойдя к Семпу, он представился:

— Меня зовут Е-Лерд. Я готов говорить с вами.

Глава шестнадцатая

— Для начала, — продолжил Е-Лерд, — я хотел бы в нескольких словах рассказать вам об истории силки.

Семп все еще жил недавней безжалостной борьбой, мобилизовавшей все его силы. В нем продолжала происходить перестройка множества энергетических потоков, в природе которых он хотел бы разобраться. Но слова Е-Лерда его взбудоражили.

В этот момент, когда он по-прежнему целиком был во власти негодования и злости, ничто другое, кроме этой темы, не могло бы отвлечь его внимание. Но…

История силки! Для Семпа уже ничего более важного на свете не существовало.

— Около трехсот лет тому назад, — повел свой рассказ Е-Лерд, — планетоид силки попал из дальнего Космоса в Солнечную систему. В нужный момент он был выведен на орбиту Солнце — Нептун. Уже в ходе первого орбитального полета некоторые силки, исследуя внутренние планеты, открыли, что лишь Земля была заселена разумными существами.

Силки обладали способностью менять форму тела по своему усмотрению. Поэтому они изучили вопрос о том, какие биологические структуры могли бы жить в двух земных сферах — в атмосфере и в океане, — а затем разработали соответствующую программу.

К несчастью, вскоре обнаружилось, что какой-то небольшой процент землян мог вступать с силки в телепатические контакты и читать их мысли.

Пришлось отозвать всех участников первого эксперимента и замять все воспоминания о них.

Поскольку продолжали встречаться земляне с необычайными способностями, возникла необходимость создать миф о появлении на Земле силки якобы в результате медицинского эксперимента, так сказать, “в пробирке”. Была разработана необходимая программа, побуждавшая силки вступать в интимные связи с земными женщинами и приводившая к тому, что их сперматозоид и женская яйцеклетка порождали силки, которые вообще ничего не знали об истории своего вида.

Для поддержания запущенного процесса на автоматическом уровне из людей-телепатов создали группу Посредников, которым поручили следить за ходом операции.

После этого все взрослые силки вернулись на свой планетоид, который к тому моменту выходил уже на самую дальнюю точку своей орбиты. Спустя сотню с небольшим лет силки вернулись в околоземное пространство и решили в осторожной форме нанести повторный визит.

Выяснилось, что за это время произошли непредвиденные события.

Земные биологи к тому времени уже приступили к собственным экспериментам. В результате уже на первом этапе появились на свет мутанты с отличавшимися друг от друга характеристиками. Отклонения от нормы передавались по наследству и усиливались по мере увеличения числа их носителей.

В конечном счете это привело к следующим последствиям: сохранился определенный контингент подлинных силки, способных по своему желанию производить тройную трансформацию; появились силки класса “Би”, которые могли совмещать жизнь на суше и в водной стихии, но были неспособны трансформироваться в космических силки; наконец, обнаружились мутанты в самых различных вариантах.

Две последние группы широко распространились в океанах. Поэтому было решено оставить

силки “Би” в покое, но особо мутировавшие особи, то есть Варианты, загрузить в гигантские космические корабли, заполненные водой, и запустить их в космос в целях изоляции и во избежание дальнейшего распространения путем неконтролируемых скрещиваний.

Этот план должен был быть уже реализован, когда планетоид, завершив облет Солнца, вновь отправится к Нептуну.

Теперь силки вернулись в третий раз и столкнулись с досадной ситуацией.

Выяснилось, что земная наука, на которую в первые визиты силки не обратили должного внимания, сумела развить систему восприятия силки мира до такого совершенства, что та оказалась близкой к чуду.

Земные силки сплотились между собой, уверенно пользовались своим даром и были связаны с Землей узами непоколебимой лояльности. Но в их распоряжении не было Энергии.

Все эти сведения Семп извлек из мыслей Е-Лерда.

Он был так изумлен узнанным, что в целях воссоздания полной картины задал Е-Лерду вопрос, который, как ему показалось, был самым существенным упущением в переданной ему

информации:

— Но откуда прибыл сам планетоид?

Е-Лерд впервые проявил некоторое раздражение.

“Мы слишком далеко и надолго уходим в космос, чтобы кто-то мог вспомнить об истоках, — телепатически ответил он. — Но ясно, что планетоид — порождение другой звездной системы”.

“Вы говорите это серьезно? — спросил смущенный Семп. — Неужели вы ничего не знаете об этом?”

Но Е-Лерд ничего, кроме уже сообщенного ему, добавить не мог, с какой бы стороны не подступался к нему Семп. В то же время мозг Е-Лерда оставался для него в целом закрытым и отзывался только тогда, когда тот контактировал с Семпом телепатически. Мозг О-Ведда, напротив, был для него распахнутой книгой. Но он обнаружил там те же самые сведения о роде силки и то же самое отсутствие информации о происхождении их планетоида.

“Но зачем вы стали воздействовать на биологию человека и смешивать два биологических вида?”

“Мы всегда это делаем. Это наш образ жизни

— вступать в контакты с жителями посещаемой нами звездной системы".

"Но каким образом вы можете знать, что так поступаете всегда? Разве вы только что не сказали, что абсолютно не помните, ни откуда прибыли сейчас, ни о тех местах, где были раньше?"

"Очевидность этого подтверждается теми орудиями производства, которые мы оттуда вывезли".

Своим поведением Е-Лерд отвергал любые возражения, которые считал не относившимися к теме их разговора. Семп обнаружил у своего собеседника соответствующий умственный настрой, который объяснял такой подход. Для космических силки прошлое не имело никакого значения. Они извечно выполняли определенные действия, потому что были созданы определенным образом — умственно, физически и эмоционально.

Силки не должен был ссылаться на какой-то предыдущий опыт, а действовать только исходя из того, что в нем (или в ней) было врожденным.

Это фундаментально объясняло значительную часть того, что Семп смог подметить. Поэтому-то силки не получали никакого научного образования. Для космического силки не существовало самого понятия "образование".

“Таким образом, — продолжал расспрашивать, не веря самому себе, Семп, — вы утверждаете, что не имеете ни малейшего понятия о причинах, которые побудили вас покинуть прежнюю звездную систему, где вы поддерживали отношения с местными жителями? А почему бы вам не остаться навсегда в какой-нибудь из облюбованных вами систем?”

“Вероятно, потому, — отрезал Е-Лерд, — что тогда кто-то посторонний сможет в опасной степени приблизиться к секрету Энергии. А допустить этого мы не можем. Именно поэтому, — продолжал Е-Лерд, — Семп и другие земные силки должны вернуться в свое лоно. Их природная сущность силки могла бы помочь им приобщиться к секрету Энергии”.

Вполне естественно, что дальнейший ход дискуссии сосредоточился на этом срочном вопросе.

“А что такое Энергия?” — наступал Семп.

Но Е-Лерд без обиняков ответил, что на эту тему разговаривать строго запрещено.

“В таком случае я буду вынужден прибегнуть к силе, чтобы вырвать у вас этот секрет, — заявил Семп. — Иначе будет невозможно достичь какой-либо договоренности”.

Е-Лерд сурово ответил, что всякое применение

силы приведет к необходимости воспользоваться самой Энергией в целях защиты.

Семп потерял терпение.

“Вы уже дважды пытались меня уничтожить, — изрек он с холодной яростью. — Так что даю вам только тридцать секунд…”

Е-Лерд был явно удивлен:

“Я пытался вас уничтожить?”

Но как раз в тот момент, когда Семп сосредоточивался, чтобы пустить в ход уровни логики, произошло вмешательство третьей силы.

Один из рецепторов Семпа, расположенный в глубине его мозга, уловил пульсирование неизвестной низкой частоты. Она оперировала с простыми кратными звуковых частот и непосредственно воздействовала на его систему слуха.

Новым в этом приеме было то, что звуковая волна несла встроенную в нее мысленную нагрузку. В результате этого в его ухе как бы раздался ясный и отчетливый голос.

“Ты выиграл, — сказал он. — Хочу поговорить с тобой лично, без посредников, которые мне служат, не подозревая об этом”.

Глава семнадцатая

Семп понял, что переданная ему мысль означала установление контакта. Соответственно его мозг, запрограммированный на то, чтобы одновременно отвечать на множество сигналов, мгновенно настроился на прием потока импульсов, исходящих от нового излучателя.

...Промелькнул неясный образ, но настолько неустойчивый и мимолетный, что по прошествии нескольких секунд Семп уже затруднялся сказать, был ли он плодом его воображения, или существовал на самом деле.

Где-то в самых глубинах астероида, в полном мраке затаилось нечто безмерное. Из его убежища веяло поистине гигантской мощью. ЭТО держалось как бы в стороне, а для наблюдения за Семпом использовало лишь ничтожную часть своих возможностей. Взятое в целом, ОНО воспринимало Вселенную и могло манипулировать громадными участками пространства и времени.

“Другим обо мне — ни слова”, — возникла в мозгу Сем-па мысль прямого контакта, сформулированная в четких словах.

Растерянность, охватившая Семпа в течение нескольких промелькнувших мгновений, граничила с отчаянием.

Он проник в крепость силки, будучи убежденным в том, что образование, полученное им от людей, в сочетании со знаниями кибмадинов обеспечивало ему временное преимущество над космическими силки и что если он не будет слишком затягивать дело, то сможет быстро добиться такого решения, которое полностью устранило бы опасность, исходившую от этих настоящих силки.

Вместо этого Семп, сам того не подозревая, проник в логово космического титана.

“Это и есть то, что называют Энергией”, — подумал он, потрясенный своим открытием.

Если то, что ему на какой-то миг приоткрылось, соответствовало действительности, то тогда Семп оказался перед лицом до такой степени могущественного существа, что все то, чем он располагал с точки зрения силы и мастерства, по сравнению с этим выглядело просто смехотворным.

И, следовательно, оба нападения на него исходили от этого монстра.

“Ведь правда?” — спросил он на волне, соединявшей его с собеседником.

“Да, признаю это”.

“Но чем они были вызваны?” — тут же ввернул Семп.

“Чтобы не дать себя обнаружить. Меня постоянно терзает страх, что если другие формы жизни узнают о моем существовании, то они тут же начнут искать способ меня уничтожить”.

Посторонняя мысль внезапно сменила тему:

“А теперь слушай меня внимательно и поступай следующим образом…”

И это признание вновь внесло сумятицу в душу Семпа.

Учитывая, что возникшая в нем ненависть была стойкой и в своей основе стимулировалась на уровнях логики (в данном случае это была физическая реакция на попытку его уничтожения), он с трудом сдерживал побочные автоматические последствия.

Но все составные части этой картины-головоломки начали теперь становиться на свои места. Поэтому тотчас же, по просьбе чудовища, он обратился к Е-Лерду и второму силки:

“Подумайте над всем, что было сказано. И когда прибудут покинувшие Землю силки, я с ними переговорю. Тогда мы и продолжим наш разговор”.

Столь неожиданное изменение позиции Семпа

поразило обоих его собеседников.

Но, как он заметил, в их глазах этот поворот выглядел проявлением слабости с его стороны, и оба они почувствовали в этой связи облегчение.

“Вернусь через час!” — сообщил Семп телепатически Е-Лерду.

Он повернулся, взлетел и, покинув двор, устремился к отверстию, которое вывело его к извилистому ходу в центр планетоида.

Снова на ультранизкой частоте прозвучал тот же голос, в котором слышалась настойчивость:

“Еще ближе”.

Семп повиновался, руководствуясь принципом неотвратимости: либо он мог себя защитить, либо нет. Он решительно устремился вперед, пересек с дюжину защитных экранов и в конце концов добрался до высеченного в глубине метеорита грота, лишенного каких-либо украшений. Не было даже света.

При входе туда в его мозгу прозвучал прежний голос:

“Вот теперь можно и поговорить”.

Семп лихорадочно обдумывал ситуацию: ему предстояло адаптироваться к столь фантастической опасности, что он был даже не в состоянии оценить ее.

Но ведь чудовище предпочло скорее раскрыть себя ему, чем позволить Е-Лерду заподозрить о своем существовании. Это было одно-единственное очко в пользу Семпа. Но, с другой стороны, он был глубоко убежден в том, что будет обладать этим преимуществом лишь до тех пор, пока находится внутри планетоида.

“Надо извлечь из этого максимум выгоды”, — подумал он.

Затем Семп телепатически обратился к незнакомцу:

“После всех этих наскоков на меня ты должен теперь совершенно откровенно ответить, хочешь ли ты достичь со мной договоренности?”

“Что конкретно тебе надо?”

“Ответь: кто ты? Откуда? Чего добиваешься?”

Существо не знало, кем оно являлось.

“Тем не менее у меня есть имя — Глис, — поправилось оно. — Когда-то давно у меня было много соотечественников. Но я не знаю, что с ними стало”.

“Тогда что ты есть?”

Существо не знало и этого. Что-то вроде энергетической формы жизни неизвестного происхождения. Оно перемещалось из одной звездной системы в другую, задерживалось на одном месте

на некоторое время и опять пускалось в путь.

“Почему каждый раз ты срываешься с места, а не останешься где-нибудь?” — сердито спросил Семп.

“Наступает такой момент, когда я чувствую, что уже сделал все от меня зависящее для блага той системы, куда попал”.

…Используя неимоверную энергию чудовище передвигало крупные метеоры, располагавшие водой и воздухом, к планетам, не имевшим атмосферы, и делало их тем самым пригодными для жизни. Оно освобождало космическое пространство от опасных бродячих небесных обломков, преобразовывало токсичные атмосферы в годные для дыхания…

“Я скоро закончу свою миссию и здесь. Думаю, что настал момент опять заняться изучением безграничного Космоса. Короче говоря, я облагораживаю обитаемые миры, а затем вновь пускаюсь в паломничество по Вселенной”.

“А кто такие силки?”

“Это старая форма жизни, развившаяся на метеорах. Я открыл их существование очень давно. Мне были нужны средства, подвижные и способные мыслить. Удалось убедить их поддерживать со мной постоянные отношения”.

Семп даже не стал задумываться над тем, какие использовались методы, чтобы убедить силки. Учитывая, что силки даже не подозревали о существовании этих отношений, методы, надо думать, были особенно изощренные. Тем не менее, насколько он мог сам в том убедиться, это было достигнуто мирным путем. В конечном счете, у Глиса оказались на службе силки, которые действовали в его интересах в мире малых перемещений. Силки же, со своей стороны, по-видимому, получили в свое распоряжение различные предметы и определенные части его материальной формы, запрограммированные на выполнение задач, превышавших их возможности.

“Я хотел бы, — заметил Глис, — заключить подобное соглашение и с вашим правительством на то время, которое мне еще предстоит провести в Солнечной системе. Но все это следует сохранять в самой строжайшей тайне”.

“Почему?”

Ответ пришел не сразу. Но частота волны, на которой поддерживалась связь, осталась задействованной, и по ней пробежал поток информации, отражавшей суть реакции Глиса: уверенность в безграничной мощи, которая по-

давляла во Вселенной буквально все.

И вновь у Семпа возникла опустошавшая его мысль о своей полной ничтожности перед подобным могуществом.

Тем не менее он сразу же телепатически ответил Глису:

“Но ведь надо, чтобы кто-то еще узнал о твоем существовании. Не могу же я хранить этот секрет только для себя?”

“Я категорически возражаю, и это особенно касается силки”.

Семп воздержался от полемики. Тысячелетиями Глис не раскрывался перед космическими силки, и Семп был абсолютно уверен в том, что монстр, не колеблясь, уничтожит весь планетоид лишь ради того, чтобы сохранить свой секрет.

Семпу повезло. Глис атаковал его на таком уровне, когда пострадало всего-навсего одно помещение астероида. То есть он сознательно ограничил тогда свою мощь.

“Разрешаю посвятить в эту тайну только ведущих членов правительства и Совета силки”, — смирился Глис.

Уступка казалась вполне приемлемой. И все же Семп сильно подозревал, что в течение долгой жизни Глиса всякий, кто узнавал о нем, в конце

концов расплачивался за это жизнью.

Поскольку он был убежден в этом, то пойти на компромисс не мог.

“Покажись мне целиком — таким, как ты есть, — попросил он. — То, что мне чуточку приоткрылось ранее, было лишь бледным отображением твоего существа”.

Он чувствовал, что Глис колеблется.

“Обещаю, — настаивал Семп, — что секрет узнают только лица, которых ты укажешь сам. Должны же мы знать, с кем имеем дело!”

Продолжая висеть в своей форме силки между сводом и полом грота, Семп вдруг почувствовал, как изменился энергетический потенциал воздуха и горных пород. И хотя сам он не выставлял никаких дополнительных средств слежения, он явно ощутил понижение уровня собственных энергетических барьеров.

Первое, что он испытал, — это ощущение чего-то совершенно необъятного.

После достаточно длительного изучения он констатировал, что существо, напоминавшее по внешнему виду скалу, имело округлую форму с диаметром около трехсот метров.

Оно жило, но не состояло из плоти и крови.

Оно питалось из какого-то источника энергии,

сравнимого с тем, что бушует в недрах Солнца.

И все же Семп отметил странный феномен.

Магнитные импульсы, пронизывавшие существо и воздействовавшие на его чувства, были в чем-то изменены, причем эквивалента подобных различий он ранее не встречал. Все происходило так, как если бы они пронизывали атомы, структура которых отличалась от всего того, что было ему известно до настоящего времени.

Он тут же вспомнил о том необъяснимом впечатлении, которое произвела на него странная группа молекул во время встречи с женщиной силки на Земле. Речь явно шла об одном и том же явлении, но теперь в неизмеримо большем масштабе.

Его особенно тревожил тот факт, что все его блестящие познания в области строения материи не давали ему никакой зацепки, чтобы понять характер представшего перед ним феномена.

“Достаточно?” — осведомилось существо.

“Да”, — как-то неубедительно ответил Семп.

Однако Глис воспринял этот сдержанный ответ как безоговорочное согласие. Тут же образ, простиравшийся через и за пределы стенок грота, померк.

В мозгу Семпа опять прозвучал голос:

“Показав себя, я допустил очень опасную неосторожность. Поэтому я вновь настоятельно прошу не рассказывать о том, что ты только что увидел, другим лицам, кроме тех, о которых мы уже договорились. Только абсолютный секрет на этот счет гарантирует безопасность обеим сторонам, — продолжало существо. — Я считаю, что моя мощь может привести к громадным разрушительным последствиям. Возможно, я и ошибаюсь. Но я был бы весьма удручен, если бы под влиянием внезапного страха уничтожил целую систему”.

В этом заявлении звучала скрытая угроза, носившая апокалиптический характер. Оставаясь в пределах возможного, она далеко превосходила все то, что Семпу доводилось до сих пор слышать в своей жизни.

Поэтому Семп все время колебался. Он был потрясен, но его настойчиво терзало желание узнать как можно больше.

“Сколько лет может жить силки? — спросил он и сразу же пояснил: — У нас в этой области нет никакого опыта, поскольку никто из нас до сих пор естественной смертью не умирал”.

“Примерно тысячу ваших земных лет”, — ответило существо.

“Какие у тебя намерения относительно силки, родившихся на Земле? Почему ты захотел, чтобы мы вернулись на планетоид?”

Снова пауза, и опять ощущение всеподавляющей мощи. Однако вскоре все же последовал сдержанный ответ, состоявший в том, что силки, родившиеся на планетах, оказывались менее тесно связанными с Глисом, чем те, кто совершил вместе с ним последнее странствие.

Поэтому Глис был заинтересован в том, чтобы иметь достаточно времени для подготовки нового поколения силки на смену нынешнему.

“Нам с тобой следует заключить особое соглашение, — завершил беседу Глис. — Возможно, ты смог бы занять место Е-Лерда и служить мне посредником”.

Учитывая, однако, что Е-Лерд и не подозревал о том, что является упомянутым посредником, у Семпа создалось впечатление, что сделанное ему предложение ничего, кроме опасности для него, не представляло.

“Как только я удалюсь, — подумал он, — мне никогда уже не позволят сюда вернуться”.

Впрочем, это не имело никакого значения. Сейчас самым важным было найти способ покинуть планетоид. И как можно скорее.

Глава восемнадцатая

В помещении Властей силки компьютер выдал на его запрос четыре варианта ответа.

Два из них Семп отклонил сразу же. На техническом жаргоне они назывались “пробными шарами”. Машина просто выдавала информацию в виде двух сводных таблиц. Тем самым человек или силки могли изучать проблему в разбитом на элементы виде. Но Семп в такого рода ответе не нуждался, во всяком случае пока.

Из двух оставшихся вариантов один утверждал, что это существо и есть Бог.

Но Семп на собственном опыте убедился, что мощь Глиса уступала Всевышнему, так как дважды он не смог с ним справиться. Правда, нужно было учитывать при этом и то, что если монстру не удалось этого сделать, то, видимо, только из-за нежелания уничтожать весь планетоид. Но всемогущий Бог таких ограничений себе не стал бы ставить.

Значит, Семпу следовало исходить из того, что верным был четвертый ответ, каким бы невероятным он ему ни казался.

Эта наиболее вероятная версия уводила в по-

крытые мраком глубины времени.

Согласно ей чудовище, затаившееся в астероиде, было старше большинства планетных систем.

“Когда оно появилось на свет, — докладывал компьютер, — конечно, существовали звезды и их системы, но они отличались от нынешних. Законы природы тогда были иными, чем сейчас. С того времени изменились как пространство, так и время. Они постарели, так что вид сегодняшней Вселенной не соответствует тому, который Глис знал при своем рождении. В этом состоит его преимущество, так как ему известны некоторые из начальных форм бытия атомов и молекул, и он может воссоздавать их в этом состоянии. Часть этих комбинаций отражает состояние материи в тот момент, когда она была, если выражаться фигурально, в “молодом возрасте”.

Правительственная группа, которой Семп доложил эту информацию, была потрясена. Как и он, эти люди строили свои планы из расчета достичь компромисса с космическими силки. А тут внезапно появляется третья колоссальная величина, наделенная неведомой мощью.

— Не означают ли ваши слова, — задал вопрос один из министров изменившимся от волнения

голосом, — что в определенном смысле силки являются рабами этого существа?

— Е-Лерд, — ответил Семп, — совершенно не ведал, с чем он имеет дело. Он полагал, что это всего лишь разработанный наукой механизм для использования определенной природной силы. Глис отвечал на его манипуляции с этой системой так, как если бы речь действительно шла о новой форме энергии. Но нет сомнения в том, что монстр уж давно контролирует Е-Лерда, соответствующим образом внутренне запрограммировав его.

Но, как подчеркнул Семп, столь гигантская форма жизни не может опускаться до каждодневных забот подчиненных ей субъектов. Ей достаточно получать от них то, что требуется.

— И чего же хочет это существо? — спросил другой министр.

— Он бродит по Вселенной, неся с собой благо, — ответил Семп с насмешливой улыбкой. — Во всяком случае, он хотел, чтобы я в это поверил. Он внушал мне, что был бы готов изменить Солнечную систему так, как мы того пожелаем.

В этот момент вмешался Мэтьюз:

— Господин Семп, — проговорил он, — как все это может повлиять на положение силки?

Семп ответил, что покинувшие Землю силки действовали безответственно и опрометчиво.

— Но, — закончил он, — должен вам заметить, что в целом космические силки произвели на меня очень благоприятное впечатление. И если хотите знать мое мнение, вопрос совсем не в них, так как наша проблема — это и их проблема, и они тоже должны найти ее решение, хотя и под иным углом зрения.

— Нэт, — спросил Чарли Бэкстер, — вы лично доверяете этому монстру?

Семп помедлил с ответом, вспомнив о нападениях, которым он подвергся, и о том, что его спасли лишь защитный экран кибмадина и метод инверсии энергии. Он не забыл и того, что чудовище предпочло раскрыть себя, чем позволить своему противнику, а именно Семпу, вынудить Е-Лерда дать ему возможность телепатического прочтения его знаний, что позволило бы силки узнать природу Энергии.

— Нет, — ответил он наконец.

Семп тут же понял, что столь простое негативное утверждение не может рассматриваться как полноценный ответ. Оно оставляло в стороне вопрос о реальной опасности, надвигавшейся на них из Космоса.

— Я отдаю себе отчет в том, — резюмировал он, тщательно подбирая слова, — что могут возникнуть сомнения относительно побудительных мотивов того, что я сейчас скажу. И все же, поверьте, я так считаю искренне. На мой взгляд, необходимо обучить всех земных силки оборонительной и наступательной системе кибмадина. Надо также объединить их в группы для постоянного наблюдения за Глисом. Следует запретить кому бы то ни было покидать планетоид, за исключением тех, кто решит сдаться.

Воцарилась глубокая тишина. Наконец один из ученых еле слышно спросил:

— Есть ли хоть малейший шанс на успех в случае использования логики уровней?

— Не вижу, каким образом, — ответил Семп.

— Я тоже, — с сожалением поддержал его спрашивавший.

Семп снова обратился к членам правительственной группы:

— Считаю, что мы должны объединить наши усилия, чтобы изгнать этого монстра из пределов Солнечной системы. Мы не будем чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока он не покинет ее.

Еще заканчивая эту фразу, он ощутил… столь

знакомое ему нарастание энергетического потенциала.

Перед его мысленным взором раскрылись космические дали и безмерность космического времени.

Безграничная мощь!

Именно такое ощущение охватывало его при вторичной агрессии со стороны Глиса… когда все его органы восприятия мира оказались дезорганизованными.

Парализовавший его в этот момент страх был несравним по своей интенсивности с тем, что он когда-либо испытывал ранее. Это был ужас человека, которому внезапно приоткрылась перспектива гибели всех существ его биологического вида на всей планете в целом.

Движимый этим чудовищным страхом, Семп развернулся и бросился, наклонив голову, к находившемуся позади него широкому окну, одновременно разбивая его вдребезги мощным энерголучом. Закрыв глаза, чтобы не поранить их об осколки стекла, он выбросился в пустоту с семидесятого этажа.

Во время падения пространство и время стали рушиться словно карточный домик. Семп трансформировался в силки класса “Си”, что

необыкновенно усилило остроту его восприятия. Он смог тут же составить себе представление о природе задействованной колоссальной энергии: речь шла о гравитационном поле такой интенсивности, что в сущности оно свернулось вокруг самого себя. Все органические и неорганические тела, которые попали в это поле, подвергались неодолимому чудовищному сжатию…

Защищаясь, Семп в первую очередь возвел инверсионную систему.

Но он быстро понял, что это было неадекватной реакцией на происходившие события.

Тогда он пустил в ход преобразователь гравитации. Это была система с неограниченной возможностью менять силу гравитации, и она стала низводить атакующее сверхполе до уровня безобидной для него энергии.

Только после этого Семп почувствовал, что сжатие уменьшилось, но не прекратилось совсем. И все же теперь оно не было до такой степени всеохватывающим и всеобволакивающим. Полной свободы действий он тем не менее не обрел.

В этот момент Семп понял природу явления, которое держало его в плену. Он был ориентирован в направлении крупного участка пространственно-временного континуума, который его

охватывал. В определенной степени все, что происходило в этом участке, совершалось и в нем, Семпе. И в той же мере он не мог выскользнуть из этой ловушки.

Мир закрыла пелена. Исчезло Солнце.

Семп сделал шаг назад, увидев, что находится внутри помещения. Понял: только автоматически встроенные экраны помешали ему столкнуться с твердыми, сверкавшими стенами.

Он отметил и еще три факта.

Помещение было знакомо ему в том смысле, что внизу под собой он видел один из блестящих образов планеты в миниатюре. Ясно проступали океаны и континенты. То, что Семп мог видеть это со стороны, указывало, что он снова очутился внутри планетоида силки, в одном из его “художественных” помещений.

В то же время имелась и одна существенная разница. Вглядевшись повнимательнее в образ-макет планеты, он узнал знакомые контуры и океаны Земли.

И тогда Семп понял, что испытанное им ощущение безграничной мощи, концентрически сдавливавшей со всех сторон, соответствовало действительности.

Монстр, живший в логове своего планетоида,

овладел Землей. Он ужал все, что находилось внутри и вне земного шара, доведя его до диаметра в тридцать метров, и пополнил им свою сказочную коллекцию.

То, что Семп видел внизу, совсем и не было макетом Земли. Это была сама Земля.

Одновременно Семп почувствовал, что возросла скорость планетоида. “Мы покидаем Солнечную систему”, — пришло ему на ум.

За эти несколько минут, что он висел между потолком и полом, неспособный ни во что вмешаться, скорость планетоида достигла сотен, а затем и тысяч километров в секунду.

Через час непрерывного ускорения скорость этого ничтожного по размерам небесного тела, выведенного на гиперболическую и постоянно расширявшуюся орбиту, достигла половины скорости света.

Спустя несколько часов планетоид пересек орбиту Плутона и мчался почти со световой скоростью.

А ускорение все продолжало нарастать…

Глава девятнадцатая

Где-то внутри себя Семп стал накапливать силы. Ярость клокотала в нем, как горный поток на скалистом склоне.

“Исчадие ада!” — телепатически “выстрелил” он в адрес чудовища.

Никакого ответа.

“Ты самое дьявольское создание, которое когда-либо существовало, — продолжил Семп вне себя от негодования. — Но погоди, ты у меня дождешься! Я позабочусь об этом!”

На этот раз ему ответили.

“Я навсегда покидаю Солнечную систему, — откликнулся Глис. — Почему бы тебе не покинуть астероид, пока еще не поздно? Я даю тебе возможность уйти”.

Семп в этом ничуть не сомневался. Он оказался самым опасным для монстра врагом. Его неожиданное появление здесь, то обстоятельство, что ему удалось проскользнуть сквозь ячейки наброшенной им “сети”, — все это являлось горьким сюрпризом для Глиса.

“Нет уж, никуда я отсюда не уйду, — огрызнулся он, — до тех пор, пока ты не вернешь Землю в ее

прежнее состояние”.

Последовало молчание.

“Можешь ли ты это сделать и сделаешь ли?” — добивался своего Семп.

“Нет. Это невозможно”, — ответил тот с сожалением.

“Но смог ли бы ты, если бы действительно захотел, вернуть Земле ее истинные размеры?”

“Нет, но сейчас я сожалею, что унес твою планету с собой, — жалостливо протянул Глис. — Я всегда придерживался принципа не вмешиваться в дела обитаемых миров, которые защищены развитыми формами жизни. Я и думать не думал, что какой-то там силки сможет представлять для меня реальную опасность. Но я ошибся”.

Это был не тот тип покаяния, к которому Семп мог бы отнестись с уважением.

“Но почему ты не можешь вернуть ее в прежнее состояние?” — настойчиво допытывался он.

Выяснилось, что Глис был способен создать чудовищное гравитационное поле, но сейчас уже не мог повернуть этот процесс обратно. Для этого потребовалось бы столько же энергии, сколько пришлось затратить на само сжатие.

“Где же взять столько энергии?” — как бы извинился монстр.

Действительно, где? Но Семп не мог так просто отступить.

“Я научу тебя создавать антигравитацию, — предложил он, — на базе того, что я могу делать в собственной системе контроля за энергией”.

Но Глис ответил, что у него уже была возможность изучить эту систему у других силки.

“Не думай, что я не пытался добиться этого сам. Выяснилось, однако, что антигравитация является более поздним проявлением материи и энергии. Я же являюсь ее первоначальной, примитивной формой, о чем известно только тебе”.

Надежды Семпа разом рухнули. Где-то в глубине он рассчитывал на то, что решение проблемы все же существует. Но пока он его не видел.

Впервые его охватило отчаяние, впервые он по-настоящему подумал о неотвратимости гибели Земли.

Глис тем временем продолжал:

“Сейчас я вижу, что мы оба, ты и я, столкнулись с действительно серьезной проблемой. Значит, надо договариваться. Я сделаю тебя главой нации силки. Я буду оказывать на них незаметное воздействие с тем, чтобы все твои желания исполнялись. Женщин — сколько угодно. Власти — сколько пожелаешь. О будущем этого плането-

ида мы позаботимся вместе”.

Семп даже не снизошел до того, чтобы рассматривать подобный вариант.

“Ты и я, мы думаем в разных плоскостях, — с горечью передал он ему телепатически. — Хорошо представляю себе, что ты сделаешь со мной, как только я рискну принять человеческую форму. — Он на секунду прервался, затем язвительным тоном продолжил: — Я вижу наше соглашение только как ограниченное во времени перемирие, в течение которого каждый из нас будет искать способ сокрушить другого”.

“Ну если у тебя такой настрой, — раздраженно заявил Глис, — то позволь уж изложить и мою позицию. Если ты хоть что-нибудь предпримешь против меня, я начну с уничтожения Земли и народа силки, а потом уж займусь тобой”.

Семп отреагировал ледяным тоном:

“Если ты когда-либо нападешь на существо или на что-то, чему я придаю значение, — включая всех силки и все, что осталось от Земли, — я нападу на тебя, используя все имеющиеся в моем распоряжении средства”.

“А у тебя за душой нет ничего такого, чем ты мог бы нанести мне вред, — пренебрежительно отозвался Глис. — У тебя только и есть эти защит-

ные экраны, которые обращают вспять поток энергии нападения. Именно так тебе и удается использовать против меня мою же собственную силищу. Но я просто не буду больше на тебя нападать. Следовательно, создалось бессрочное патовое состояние".

"Поживем — увидим", — уклонился Семп.

"Ты же сам сказал, что твои уровни логики бессильны против меня".

"Да, это так, но только непосредственно, — отрезал Семп, — но ведь существует немало обходных путей для того, чтобы подобраться к мозгу".

"Не вижу, каким образом подобная методика может быть использована против меня", — пробурчал Глис.

Этого пока не знал и Семп.

Глава двадцатая

Семп летел внутри астероида, оставляя позади многие километры подъемов и спусков, извивающихся и прямых как стрела. По пути ему попадались большие помещения, забитые обстановкой и произведениями искусства с других планет.

Он видел на многих стенах замечательные и необычные, игравшие всеми красками барельефы. И все время ему попадались замурованные планеты. Они излучали красоту, но одновременно вызывали в нем острый протест в том смысле, что над каждой из них было совершено чудовищное насилие.

Семп направился к городу силки. Он добирался доиего внутренними коридорами, лишенный возможности использовать внешние пути, так как остерегался покидать планетоид. Глис практически признал, что не сумел предусмотреть, каким образом его смертельный враг смог остаться в живых. И если Семп когда-либо выйдет из гротов астероида, у него не останется ни малейшего шанса влиять на исход борьбы и на цену, которую придется за это заплатить. Участь силки

будет решаться без него, поскольку — и в этом не приходилось сомневаться — вернуться ему уже никогда не позволят.

Дело было не в том, что Семп уже разработал какой-то план. Слишком тяжело, слишком трудно он переживал случившееся… Он не сумел ни защитить свой мир, ни добиться чего-то существенного. Он провалил задание, не исполнил своего долга.

Земли больше не существовало.

Семп не выдерживал и нескольких секунд, стоило ему только задуматься о всей полноте случившегося, о всеобъемлющей катастрофе, которая произошло так быстро.

Периодически он оплакивал Джоанн и Чарли Бэкстера, других друзей из числа Посредников и среди людей.

Все больше и больше погружаясь в свои тяжкие мысли, он занял наблюдательный пост на верхушке одного из деревьев, которое возвышалось на главной улице города силки.

И стал ждать, приведя в состояние боевой готовности все свои системы предупреждения. Так и нес Семп свою неутомимую вахту, в то время как вокруг него обыденная жизнь Сообщества силки продолжала идти своим чередом. Тот факт,

что силки по-прежнему сохраняли земной облик, показался ему весьма существенным.

“Это сделано специально, — с возмущением подумал он. — Для того, чтобы сохранять их в уязвимом состоянии”.

В этом виде их можно было уничтожить одним выбросом всепожирающего пламени!

Он телепатически обратился к Глису:

“Освободи их от этого принуждения, иначе я расскажу им всю правду о тебе”.

Сразу же последовал чудовищный ответ:

“Только заикнись, и я одним махом смету их всех”.

Семп приказал:

“Перестань принуждать их все время носить личину человека, иначе я немедленно открою боевые действия”.

Подобный ультиматум, видимо, подействовал на монстра, так как он на некоторое время задумался. Наконец он телепатически ответил:

“Ладно, согласен освободить половину из них. Ведь мне нужно поддерживать какую-то власть над тобой”.

Семп обдумал это предложение Глиса и пришел к выводу, что оно достаточно разумно.

“Но пусть освобождение от этой принудиловки

находиться в облике людей будет чередоваться: полсуток — для одной половины, полсуток — для другой”.

Глис пошел на этот компромисс, не торгуясь. Он был готов — и это ясно просматривалось во всем — признать равновесие сил с Семпом.

“Куда движется астероид?” — спросил Семп.

“В другую звездную систему”.

Такой краткий ответ Семпа не удовлетворил.

Не мог же Глис питать иллюзии, что ему и теперь позволят продолжать свою чудовищную игру в коллекционирование обитаемых миров.

“Мне кажется, ты что-то затеял”, — спровоцировал он Глиса.

“Не дури и оставь меня в покое”.

Да, сложилась действительно патовая ситуация.

Шли дни, за ними недели. Семп попытался рассчитать расстояние, которое прошел за это время планетоид, и направление, в котором тот двигался.

В среднем метеор мчался со скоростью примерно в один световой год за земной день. Прошло восемьдесят два дня. Внезапно он почувствовал, что астероид тормозит. Так продолжалось примерно два полных дня. Семп не колебался ни

минуты. Он не мог позволить этому странному кораблю, ставшему ему прибежищем, достичь конечной цели, о которой он не имел ни малейшего представления.

“Останови метеор!” — крикнул он.

“Ты что, считаешь, что можешь вмешиваться в столь незначительные решения?” — гневно возмутился Глис.

Но поскольку ситуация могла представлять смертельную опасность, Семп продолжал:

“В таком случае открой мне все закоулки твоего интеллекта. Познакомь меня со всем, что тебе известно об этой системе”.

“Я в ней никогда не был”.

“Ну и отлично. Я смогу убедиться в этом, как только ты сделаешь то, о чем прошу тебя”.

“И думать забудь, чтобы я позволил тебе бродить по лабиринту своего мозга. Тогда ты сможешь обнаружить что-нибудь такое, что сделает меня беззащитным перед твоей техникой боя”.

“Тогда смени курс”.

“Нет. Это значило бы, что отныне я не смогу направиться туда, куда захочу, до самой твоей смерти, которая случится не раньше чем через тысячу лет. И я отказываюсь даже рассматривать подобное ограничение моей деятельности”.

Это повторное упоминание о долголетии силки заставило Семпа задуматься. На Земле никто из них не знал, когда умрет, потому что из всех силки, которые на ней родились, ни один еще не скончался естественной смертью. Лично ему было тридцать восемь лет.

“Послушай, — вымолвил он наконец, — если у меня в запасе всего тысяча лет, то почему бы тебе не подождать? Ведь этот срок ничтожен по сравнению с продолжительностью твоей жизни”.

“Что же, так и поступим”, — согласился Глис.

Тем не менее скорость планетоида продолжала уменьшаться.

“Если ты не изменишь курс, — с вызовом бросил Семп, — я приму свои меры”.

“Ну и что ты можешь сделать?” — с презрением отмел его браваду монстр.

Это был хороший вопрос. Действительно, а что он мог предпринять?

“Делаю тебе последнее предупреждение”, — тем не менее упорствовал Семп.

“Я запрещаю тебе лишь раскрывать факт моего существования кому бы то ни было. В остальном ты волен делать все, что тебе заблагорассудится”.

“Если я тебя правильно понял, — настаивал

Семп, — ты убедил себя в том, что я для тебя не опасен. Именно так ты ведешь себя в отношении тех, кого считаешь для себя безвредными".

Глис ответил, что он и в самом деле придерживается такой точки зрения, поскольку, если бы его противник был способен в чем-то нанести ему ущерб, он давно бы уже это сделал.

"Итак, — подвел он итоги, — и я заявляю тебе это без всяких обиняков, отныне я буду поступать так, как мне заблагорассудится. Что касается тебя, то у меня остается лишь одна просьба — не раскрывай мою тайну. А теперь перестань мне досаждать своими обращениями".

Да, все встало на свои места. Его считали безвредным, поместили в раздел тех, чьи пожелания не стоит принимать в расчет. Восемьдесят дней бездействия оказались Семпу во вред. Он не напал на Глиса за это время, значит, не способен сделать это. Такова была очевидная логика монстра.

Так… Но что же все-таки он мог бы сделать?

Обрушить на чудовище энергетический удар? Но потребовалось бы время на его подготовку, да к тому же по закону возмездия — око за око — вполне вероятно, что тот уничтожил бы нацию силки и Землю.

Способствовать подобной катастрофе Семп ни

в коем случае не хотел.

К своему великому смятению, он должен был признать непоколебимость логики рассуждений чудовища. Оставалось лишь закрыть свой интеллект и сохранять секрет монстра — третьего дано не было.

Видимо, стоило бы заявить Глису, что существуют разные виды тайн. Так сказать, их иерархия. Одно дело — хранить секреты о себе самом. Другое — о той звездной системе, к которой сейчас направлялся планетоид. В целом вопрос секрета…

Неожиданно на Семпа нашло озарение.

“И как я об этом не подумал раньше?” — недоумевал он.

И в тот же самый миг, когда он осознал всю свою невнимательность, он понял одновременно и действие того механизма, который ввел его в заблуждение. Стремление Глиса сохранить в тайне факт своего существования показалось Семпу вполне естественным. В какой-то степени именно эта естественность помешала силки проанализировать возможные причины последствия этого требования монстра. Но сейчас…

“Секрет! — подумал он. — Ну конечно — В ЭТОМ-ТО ВСЕ ДЕЛО!”

Поразмышляв еще несколько секунд на эту

тему, Семп предпринял первые шаги. Он инверсировал гравитацию по отношению к планетоиду под собой. Легкий, как одуванчик, он поднялся в воздух и покинул вершину дерева, которое так долго служило ему наблюдательным пунктом.

Вскоре Семп уже с большой скоростью мчался вдоль гранитных стен коридоров.

Глава двадцать первая

Он без особых осложнений добрался до помещения, в котором хранилась Земля. Располагая свои экраны таким образом, чтобы полностью прикрыть ими этот столь дорогой ему шарик, Семп позволил себе подняться еще на одну ступеньку по лестнице Надежды.

“Ну конечно же, все дело в секретах!” — снова с воодушевлением подумал он. — В своем естественном проявлении жизнь не нуждается в сохранении каких-то ее секретов.

Ребенок постоянно щебечет, плачет или выражает свои потребности по мере поступления чувственных раздражений. Однако взрослея, он все больше испытывает давление различного рода запретов и наказаний, которые подавляют его естественные побуждения. В течение всей жизни растущий организм стремится с одной стороны свободно выразить свои желания, а с другой — все время подвергается принуждению. Фактически он как бы, всю жизнь пытается освободиться от детства с его непосредственной реализацией желаний. В этом и состоит “программирование” человека жизнью, или выработка условных ре-

флексов.

Само по себе это не логика уровней. Но между ними существует связь — условные рефлексы стоят на порядок ниже. Они являются своего рода контролирующими органами, то есть вырабатывают определенную жесткость поведения. Но это — центр, который создается воспитанием, путем неоднократного повторения и стимулирования определенных действий. Это происходит автоматически.

Решающий факт состоит в том, что раз уж Глис сам себя "запрограммировал" на сохранение тайны своего существования… то, значит, была возможность и разблокировать этот условный рефлекс, так сказать, "перепрограммировать" чудовище путем соответствующего цикла логики уровней.

Добравшись до этого, предпоследнего, этапа своего анализа, Семп заколебался. В качестве силки он сам был "настроен" скорее на нейтрализацию, чем на убийство, скорее на переговоры, чем на нейтрализацию, на то, чтобы сеять доброе начало.

Даже применительно к Глису вопрос о смерти должен был решаться как нечто стоящее на последнем, а не на первом месте.

Поэтому он телепатически передал ему:

“В течение всего твоего чрезмерно долгого существования тебя преследовал страх, что кто-то узнает способ, которым можно тебя уничтожить. Должен тебе сказать следующее: я — именно тот, кого ты опасался всю жизнь. Поэтому если ты не изволишь взять обратно все свои предыдущие наглые заявления, то должен будешь тоже умереть”.

“Я отпущу тебя на планету Земля, — холодно отреагировал монстр, — поскольку держу в полном подчинении заложников. Я говорю о народе силки!”

“И это твое последнее слово?” — спросил Семп.

“Да, и прекрати свои глупые угрозы! Они начинают меня раздражать”.

И тогда Семп произнес решающие слова:

“Я знаю, откуда ты появился, чем являешься и что стало с тебе подобными существами”.

Конечно, ничего этого он не знал. Но это было элементом разработанной им техники внушения. Этим заявлением общего характера он должен был начать расшатывать те связи мозга Глиса, которые ведали восприятием и памятью, то есть прежде всего знанием истинного положения дел. Затем по примеру всех живых существ у монстра

должен был автоматически появиться рефлекс на выдачу информации в ее нынешнем состоянии.

Однако, прежде чем поддастся этому импульсу, он выдвинет вперед самоналоженное принуждение к неразглашению своей тайны. И здесь заработает запущенная им логика уровней в цикле Истина Вопреки Запретам.

Это и составит точную схему воздействия на него, которая явится повторением навязывания точно таких же принуждений, происходивших в течение всей его долгой-долгой жизни. Решение проблемы для Семпа состояло в том, чтобы использовать эту схему путем резкого усиления естественного стимула — стремления к правде, что в конечном счете должно было привести к разрыву наложенных на нее искусственных пут.

Задействовав схему в соответствии с теорией, Семп передал сигнал на активное расшатывание.

Глис откликнулся на его демарш удивленно:

“Что это ты затеял?”

Теперь настала очередь Семпа показать себя существом коварным, уклончивым, интриганом.

“Я должен был привлечь твое внимание к тому факту, что вести дело со мной отвечает твоим интересам”.

Отступать было уже поздно, а маневр в случае удачного исхода мог бы спасти много жизней.

“Хочу тебе заметить, — стал оправдываться Глис, — что до настоящего времени я не нанес вреда ничему, что представляло бы собой ценность”.

Семп воспринял эту ремарку с большим облегчением. Да и не испытывал он ни малейшего сожаления в связи со своими действиями. С таким созданием, как Глис, он не мог тешить себя надеждой, что ему удастся когда-либо повторить попытку, которую он предпринял против монстра. Раз уж процесс начался, надо было идти до конца — либо все, либо ничего.

“Ты только что говорил о необходимости вступить с тобой в переговоры. Повтори-ка еще раз свои слова”, — настойчиво попросил Глис.

Семп сдержал себя, чтобы не поддаться пробуждавшемуся к нему сочувствию.

Глис продолжал:

“Я согласен выдать тебе все мои секреты, если ты скажешь, что ты предпринимаешь против меня. Я чувствую, как во мне возникают какие-то расстройства и волнения, и я не понимаю, по каким это происходит причинам”.

Семп заколебался. Конечно, это было превос-

ходное предложение. Но он понял, что если пообещает, то должен будет сдержать слово.

В мозгу монстра произошло следующее. Как он и надеялся, его последний сигнал привел в движение сообщества клеток, связанные с процессом, благодаря которому формы жизни медленно, годами и тысячелетиями, приспосабливаются к внешним изменениям. Тем самым у монстра оказались стимулированы те контрольные центры, которые обеспечивали последовательность цикла эволюции, механизм роста и изменений в организме.

Силки понимали толк в природе роста. Что касается изменений, то они прекрасно знали, как это происходит, благодаря особенностям собственного тела, которое обладало способностью к трансформациям. Но силки поздно вошли в процесс жизни. С точки сроков эволюции их клетки были так же стары, как скалы и планеты. Вся история жизни была записана в каждой клеточке силки.

Возможно, что у Глиса все было по-другому: монстр появился в предшествующую силки эпоху, и тогда же он остановил течение времени в самом себе. Во всяком случае, он не передавал свои свойства через семя, как это делается при

обычной эволюции, развивающейся во времени. В своем лице он сохранил образчик старых примитивных форм жизни. Конечно, это были крупные формы. Но память, заложенная в каждую их клеточку, была ограничена в наборе содержащихся в ней сведений только тем, что произошло до нее.

Поэтому Глис не мог, заблокировав свою эволюцию принуждением к соблюдению секрета, знать, от чего он защищает себя.

“Обещаю, что я не буду входить в систему ниджэнов, — поклялся Глис, — смотри... я меняю курс”.

Семп уже заметил, что планетоид изменил направление полета, но это, видимо, было очень малой уступкой со стороны чудовища, не имевшей большого значения.

Семп ограничился тем, что походя запомнил название звезды, которое произнес Глис. Он сделал вывод, что раз монстр знал название системы, значит, он уже бывал в этом районе. А это в свою очередь говорило о том, что у него были основания направиться именно сюда.

Это уже не имело никакого значения, поскольку они сошли с намеченного курса и никогда в эту систему не попадут. Если в этом месте была

ловушка, ставившая под удар его собственную жизнь или существование силки, то теперь она была нейтрализована. Опыт удался хотя бы уже с той точки зрения, что вынудил монстра действовать, не думая о последствиях.

Тенденция к покаянию, которую проявил Глис с момента, когда у него уже не было выбора, доказывала всю низость его натуры. Но это раскаяние пришло слишком поздно. Слишком поздно для многих планет.

“А для скольких точно?” — подумал Семп.

Он находится в таком странном состоянии, когда все мысли и силы сосредоточены на достижении одной, но страстно желаемой цели. Поэтому он и задал вопрос Глису, сделав это совершенно автоматически, как только мысль пришла ему в голову.

“Не считаю, что в моих интересах раскрывать тебе это, — парировал Глис. — Ты мог бы извлечь из этого нечто такое, что повредит мне”.

Но монстр, должно быть, чувствовал непоколебимую решимость Семпа, поскольку быстро уступил.

“Тысяча восемьсот двадцать три”.

Столь большое количество захваченных чудовищем планет не вызвало у Семпа шока. Это

сообщение лишь еще больше опечалило его, поскольку среди бесчисленного множества невинных жертв на этих планетах находились также Джоанн и Чарли Бэкстер.

“К чему было так бессмысленно свирепствовать? — спросил Семп. — Зачем понадобилось уничтожить столько планет?”

“Они были так прекрасны!”

Да, это было так. Семпу неожиданно вспомнилось, как выглядит из Космоса Земля со своей атмосферой, в которой проплывают над океанами, горами и равнинами облака. Он не раз любовался этой картиной и никогда не уставал от нее, поскольку по красоте это зрелище превосходило все, что Вселенная могла ему предложить.

Это волнующее ретроспективное воспоминание быстро исчезло, поскольку планета прекрасна только тогда, когда о ней по-отечески заботится Солнце, а не когда она сморщивается до размеров музейного экспоната.

Глис вел себя по отношению к планетам, как жившие когда-то на Земле охотники за головами. Те ловко убивали свои жертвы, очень терпеливо доводили их головы до размеров большого апельсина, чтобы затем любовно положить их в свою коллекцию.

В глазах охотника за головами каждая из этих превосходных миниатюр представляла собой символ его мужественности. А чем были планеты для Глиса?

Семп никак не мог представить себе этого.

Но он уже достаточно долго тянул с ответом. Семп почувствовал, как по каналу его связи с монстром пульсирует волна ярости. Поэтому он поспешил заявить:

“Хорошо, я согласен: как только ты сделаешь то, о чем я тебя прошу, я расскажу тебе все, что ты пожелаешь узнать”.

“Каковы твои условия?”

“В первую очередь выпусти всех силки в Космос”, — потребовал Семп.

“Но ты выполнишь свое обещание?”

“Да”.

“Смотри у меня! — с угрозой проворчал монстр. — Если ты не сдержишь слова, я сотру твою планету в пыль. Ни они, ни ты от меня никуда не денетесь, если ты не скажешь мне то, о чем я тебя попросил”.

“Я дам тебе ответ”.

Глава двадцать вторая

Все произошло следующим образом... Целый конгломерат скал в непосредственной близости от Семпа просто оторвался от планетоида и рванулся вверх. Семп очутился в просторах черного и пустого космоса в свободном парении среди обломков метеора.

“Итак, я выполнил свою часть договора. Очередь за тобой”, — донесся до него голос Глиса.

Едва заговорив, Семп стал внутренне мучиться вопросом, а действительно ли он сам понимает все то, что происходит вокруг.

Ему стало не по себе. Расшатывая процесс циклической эволюции у монстра, он исходил из того, что Природа сама определит уровень равновесия. По тем или иным причинам в лице монстра до сих пор сохранилась архаичная форма жизни. А сейчас начался процесс молниеносного развития ее телесной оболочки. В течение нескольких минут она проскочила миллионы лет нормальной эволюции. Из того факта, что ни одно из существ этого вида не дожило до настоящего времени, Семп сделал вывод, что остальные его индивиды прошли свой эволюционный путь в далеком

прошлом. Но чем он завершился?

Чем все же было это существо? Куколкой бабочки? Яйцом? Превратится ли оно в космическую бабочку? Или в чудовищного червя? А может быть, в колоссальных размеров птицу?

До настоящего времени такие варианты развития событий не приходили Семпу в голову. Он, в сущности, рассчитывал лишь на один вариант: угасание этого вида существ.

Но — и Семп вдруг осознал это очень остро именно в эту минуту — он, в сущности, не слишком серьезно продумал проблему и не ведал, чему могло бы соответствовать это… исчезновение вида… в своем конечном выражении.

По правде говоря, он вообще ни на секунду не задумывался о перспективе конечного продукта эволюции Глиса.

Расстроенному Семпу вспомнилось об одном из выводов компьютера, согласно которому атомная структура этого гигантского существа отражала примитивное состояние материи.

Не может ли случиться так, что в тот момент, когда частицы в его теле начнут перестраивать свои структуры, приводя их в соответствие с нынешним уровнем развития, высвободится такое количество энергии, которому вообще не было до

сего дня эквивалента?

“Чем же завершится эта эволюция?” — мучился вопросом растерявшийся Семп.

А под ним стал развиваться титанический процесс. Часть планетоида вспучилась.

Из него медленно выплыл раскаленный докрасна шар размером в полторы тысячи метров. В то время как Семп поспешно рванул в сторону, чтобы этот немыслимый шар не задел его по пути, он отметил, что у него на глазах разворачивался и второй, еще более немыслимый феномен. “Восходящая” скорость этого скалистого шара, который в этот момент уже стал бело-красным, увеличивалась, а его масса стремительно возрастала.

Аэролит уже давно проскочил мимо него и достигал теперь диаметра не менее чем в сто пятьдесят километров. Спустя минуту его размеры уже превзошли восемьсот километров, а процесс расширения беспрерывно продолжался и дальше в головокружительном темпе. Вскоре он превратился в пылающую массу гигантских размеров.

Внезапно она достигла в ширину пятнадцати тысяч километров и, удаляясь, все продолжала раздуваться.

Семп подал сигнал общей тревоги:

— Спасайтесь… Как можно быстрее! Уходите!

В то время как он стремительно уносился прочь, инверсировав гравитацию по отношению к чудовищному небесному телу, удалявшемуся от него, он увидел, что в течение нескольких последних минут начальная масса превратилась в солнце, диаметр которого далеко превышал сто пятьдесят тысяч километров.

На этой стадии оно было превосходного розового цвета до странности красивого оттенка.

Его цвет менялся, стал светло-желтым, а диаметр небесного тела, сиявшего чудесным охряным светом, превысил сто пятьдесят тысяч километров.

Это соответствовало размерам Солнца.

Через несколько минут оно по величине уже сравнялось с голубым гигантом, то есть его диаметр стал в десять раз больше солнечного.

Тотчас оно вторично окрасилось в розовый цвет и увеличилось за десять минут в сто раз.

Оно сияло ярче, чем Чудесница Мира в созвездии Кита, было крупнее, чем славная альфа Рас Альгети из созвездия Геркулес.

Оно было розового, а не красного цвета. Эта розовость оттенялась более отчетливо, чем раньше, но не переходила в красный, хотя и не оставалась

неизменной.

Вокруг расстилалась звездная Вселенная, помаргивая неизвестными небесными телами, далекими или близкими. Их насчитывались сотни, и они располагалась наподобие венецианских фонариков.

А внизу была Земля.

Семп залюбовался этой необыкновенной картиной неба. Потом взглянул на ближайшую планету, которая привлекла его внимание знакомыми контурами. Его охватило необычайное волнение.

“Возможно ли, — подумал он, — что все в мире обречено на развитие? Не перестроили ли случившиеся с Глисом перемены полностью этот участок пространства-времени?”

Архаичные формы не смогли удержать свою концентрированную структуру, едва лишь розовый сверхгигант перестал раздуваться, то есть как только разрешился тот процесс развития, который по какому-то случайному стечению обстоятельств вдруг прекратился где-то у истоков времени.

И теперь Глис превратился в солнце в пору его первой молодости и был окружен королевской свитой из тысячи восьмисот двадцати трех пла-

нет, рассыпанных, как звездные бриллианты, по всему небосводу.

В какую бы сторону ни посмотрел Семп — вокруг виднелись планеты, настолько близкие друг к другу, что их можно было принять за сестер Луны.

Обеспокоенный, он провел быстрый подсчет и с огромным облегчением отметил, что все планеты, находившиеся в поле его зрения, подпадали под живительные лучи чудовищного солнца, которое сияло наверху на расстоянии в половину светового года.

Когда Семп с ограниченной скоростью, которую могло выдержать его тело силки, пробивал плотные слои атмосферы, окружавшие Землю, ему показалось, что на ней ничего не изменилось — те же континенты, моря, города…

Он облетел автостраду и увидел цепочку автомобилей.

Тогда Семп, ошеломленный до предела, взял курс на здание Властей силки и тут же увидел выбитое окно, через которое так драматически вылетел…

Его даже не успели еще починить!

Когда Семп через несколько мгновений приземлился среди тех же самых людей, которые

присутствовали при его бегстве, он понял, что произошел феномен временного спазма, пропорционального размерам случившегося катаклизма.

Для Земли и ее жителей эти восемьдесят дней продолжались всего восемьдесят секунд!

Уже позже он узнает, что люди чувствовали себя в тот момент “не в своей тарелке”, примерно как это происходит во время землетрясений: напряженность в организме, временное отключение от действительности, впечатление погружения в темноту…

Как только Семп вошел в здание, он вновь принял форму человека и громко возвестил:

— Господа, я сообщу вам сейчас самую сенсационную за всю историю Вселенной новость. Это розовое солнце, которое вы видите наверху, — не результат атмосферных искажений. Более того, информирую вас, господа, что на сегодня Земля обрела тысячу восемьсот планет-сестер. И все они обитаемы. Посему давайте готовиться к новому фантастическому будущему!

Несколько позднее, удобно устроившись в своем доме во Флориде, Семп говорил Джоанн:

— В настоящее время мы понимаем, почему проблема силки не имела решения при прежнем

состоянии дел. Для Земли присутствие на ней двух тысяч силки составляло фактор перенасыщения. Напротив, в новой Солнечной системе…

Следовательно, больше не возникал вопрос о том, что делать с шестью тысячами представителей народа силки. Проблема заключалась в том, как увеличить эту цифру раз в сто, чтобы решать новые задачи.

И делать это надо было быстро!

Глава двадцать третья

Когда поступило обращение ко всем силки с просьбой о помощи, Нэт Семп занимался изучением новообразования, получившего астрономическое название Минус 1109-93. Земля теперь вращалась вокруг гигантского солнца и тысяча сто девятая по отношению к ней планета пересекала плоскость ее орбиты под углом в девяносто три градуса.

Конечно, все это было только временным каталогированием. Никто и не думал рассматривать Землю в появившемся соцветье небесных тел как какой-то естественный центр. Пока было не до приоритетов: требовалось просто разобраться в составе и структуре возникшей феноменальной космической системы.

Семпу в этой связи было поручено заняться тремя планетами — 1107, 1108 и 1109. Все они, на первый взгляд, были необитаемыми. Вот уже полдня, как он на низкой высоте летал между стройными и необычными на вид зданиями, которые, высоко вздымаясь ввысь, казались тем не менее поникшими — настолько все вокруг было пропитано печалью запустения. Для 1109-й

переходный период к возрождению, очевидно, оказался слишком долгим, чтобы на ней могла сохраниться жизнь.

В момент приема этого экстренного оповещения Семп находился в густо застроенной части города, где раньше, по-видимому, располагался его энергетический узел. Но приемник силки был постоянно настроен на ретранслятор, установленный между 1109 и 1110.

Передали следующее:

“Вниманию всех силки и правительственных учреждений. Только что получено… послание от Лэна Джедда”.

Паузу в середине этой фразы заполнял специальный сигнал, означавший, что силки “выстрелил” эту информацию сразу же после своей смерти. В их организме имелся некий пороговый участок, генерировавший самостоятельный нейропучок, который автоматически исторгался из тела по телепатическому каналу в момент прекращения жизненных функций, унося с собой последние мысли силки.

Семп вздрогнул, как от электрического удара: Лэн Джедд был его самым близким другом в рамках того, что в отношениях между двумя силки вообще можно было назвать дружбой.

Они вместе принимали решение заняться этими дальними планетами, чтобы потом обстоятельно обменяться мнениями в свете все более усложнявшихся отношений между силки и людьми.

Но более всего Семпа поразило то обстоятельство, что, если не считать того, кто передал это известие, он в настоящее время пространственно был ближе всех к Джедду. Семп незамедлительно ответил:

— Говорит Нэт Семп. Готов вылететь к месту происшествия. Кто вы и где?

— Оу-Дэн! На 1113-86.

Установить, кто это, было довольно сложно. Дело в том, что такое имя было типичным и широко распространенным среди тех силки с планетоида, о которых еще год назад никто и не слыхивал.

Появление этих “коренных” силки в новой, невообразимо более обширной, солнечной системе явилось для обитателей Земли фактором неопределенности, породившим немало до сих пор не решенных проблем. Семп и Лэн Джедд в последнее время часто дискутировали между собой на эту тему.

Ему стало немного не по себе при мысли о том, что этот Оу-Дэн, возможно, “прослушивал” их долгие беседы. Но главное беспокойство у Семпа

вызвало то обстоятельство, что как бойцы эти новоиспеченные силки, на его взгляд, стоили немногого. А это означало, что в предстоящие долгие часы ему придется находиться, вероятно, одному лицом к лицу с противником настолько таинственным и наделенным такой мощью, что он сумел уничтожить отнюдь не беззащитного силки.

Продолжая размышлять над возникшим положением, Семп одновременно, не теряя ни минуты, пулей вылетел из здания, где он находился в момент вызова. Несколько мгновений спустя он уже покидал атмосферу этой безжизненной планеты, используя метод гравитационной инверсии.

Несмотря на развитую им в космосе максимально возможную скорость, прошло несколько часов, прежде чем он увидел перед собой застывший корабль черного цвета.

Этот космолет предназначался для сугубо оборонительных целей и был построен в соответствии с чрезвычайной программой мер, принятых сразу же после того, как Земля стала составной частью образовавшейся гигантской солнечной системы. У него отсутствовала внешняя оболочка, а оснащен он был новейшим оружием, действовавшим на принципах, почерпнутых Семпом в ходе его

борьбы с Глисом. Он был одним из элементов того комплекса мер безопасности, которые были необходимы для обследования стольких никому неведомых миров.

Взяв командование кораблем на себя, Семп направил его туда, где находился Оу-Дэн, то есть на орбиту пятой от него планеты. Для такого могучего космолета, которым он располагал, это было пустяковой задачей.

При встрече с Оу-Дэном он узнал, что его друга обнаружили на метеорите, представлявшем собой плоскую глыбу, обращавшуюся вокруг планеты 1113-86. Неизмеримо малая песчинка в беспредельности миров, его тело после смерти гораздо более напоминало человека, чем при жизни.

По внешнему виду было невозможно сделать никакого заключения о том, при каких обстоятельствах и от чего погиб Лэн Джедд. Оу-Дэн телепатически передал Семпу, что, по его мнению, туловище силки было как бы ужато под чудовищным давлением, хотя, на первый взгляд, он если и укоротился, то самое большее сантиметров на двадцать.

При взгляде на своего так неожиданно ушедшего из жизни товарища Семп вдруг осознал,

что случилось худшее из того, чего можно было опасаться. Взрослый, отлично подготовленный силки с его великолепным набором мощнейших энергетических полей как оборонительного, так и наступательного характера встретил на своем пути чужое и враждебное существо. И потерпел полное поражение.

Оу-Дэн, сам в чем-то напоминавший своей формой продолговатый небесный осколок, поспешил телепатически проинформировать Семпа о некоторых подробностях:

“Это случилось во время нашего с ним разговора. Лэм как раз сообщил, что никого в живых на планетах 1110, 1112 и 1113 он не выявил, а я, продвигаясь по нисходящей, зафиксировал перед этим точно такое же положение на 1115, 1114 и подлетал к 1113. Именно в этот момент контакт был прерван на ноте посмертного сигнала от него”.

Итак, подумалось Семпу, налицо убитый Лэн Джедд и след для раскрутки — последняя, перед тем как его покинула жизнь, “молния” от зрелого и грозного силки, каким был его друг. А передал он в этом послании мысленный образ пирамидальной формы и свою спонтанную реакцию: “Возник ниоткуда, совершенно ниоткуда!”

Семп содрогнулся, представив, насколько фантастические выводы напрашиваются после этого прощального слова друга: нападение произошло на невообразимой скорости… из абсолютно неизвестного места. Очнувшись от своих горьких размышлений, он по-прежнему телепатически предложил Оу-Дэну:

“Почему бы вам не перейти на мой корабль? В случае агрессии мы будем чувствовать себя намного уверенней под его защитой”.

Оу-Дэн согласился и последовал за ним до силового поля, воздвигнутого вокруг комплекса сложнейших машин, собственно и составлявших космолет.

— Я не намерен у вас оставаться, — предупредил он.

Семп почувствовал в этих словах не скрытый антагонизм к ним, земным силки, а скорее отсутствие интереса к столь взволновавшей его самого проблеме.

— Я просто счел необходимым побыть у тела погибшего до тех пор, пока кто-нибудь не откликнется на мое сообщение. Теперь, когда вы прибыли, думаю, что мне уже можно вернуться на Землю.

— Но на корабле безопаснее, — настаивал

Семп.

— Встретиться с убийцей в таком необъятном пространстве можно только случайно, — упорно гнул свою линию Оу-Дэн. — Я считаю, что он обнаружил Лэна по задействованной им системе связи со мной. Следовательно, чем ближе вы будете к космолету, тем большей будете подвергаться опасности.

Глава двадцать четвертая

Семп остался в том же участке пространства, приведя в полную готовность системы вооружения корабля, в ожидании кого-то, о ком он не имел ни малейшего представления.

Открытый, без внешнего корпуса, космолет был погружен в полный мрак. На его борту не допускалось использование искусственных источников света. Своим излучением они могли повлиять на тончайшую настройку чувствительнейших инструментов, входивших в систему оснащавших его видов наступательного оружия. Этих наводок-паразитов и без того хватало с той техникой, которая была задействована для обеспечения его личной безопасности.

Томясь ожиданием, Семп взглянул в направлении Земли. Сколько же появилось новых, блиставших каждая своим неповторимым цветом планет! Воистину прекрасная и незабываемая панорама!

Он не раз в течение вахты вступал в контакт с Властями силки и другими учреждениями на родном ему небесном шарике, но ни разу никто не посоветовал ему каких-то мер безопасности,

которых он уже не принял бы. Со своей стороны и Земля не верила, что при созданной системе защиты какое-либо живое существо было в состоянии незаметно приблизиться к нему в этих удаленных пограничных регионах. Тем не менее посмертное послание Лэна Джедда недвусмысленно указывало, что все происходит мгновенно, без предварительных настораживающих признаков!

Так оно и было.

На момент нападения Семп находился в режиме полной готовности уже четыре часа восемнадцать минут и сорок две секунды по земному времени.

Существо, которое органы восприятия Семпа уловили буквально лишь на ничтожную долю секунды, имело форму перевернутой пирамиды. Любопытно, что об этой “перевернутости” в сообщении Лэна Джедда не было ни слова. Передававший его ретранслятор-компьютер по своим аналогам выдал значение типичной пирамиды — с широким основанием и остроконечной вершиной.

Здесь же все было наоборот.

Собственно, только это и удалось “рассмотреть” Семпу за тот неуловимо малый промежуток вре-

мени, когда противник попался в расставленную для него ловушку.

Несмотря на то что нападавший исчез с немыслимой быстротой, Семп благодаря своим расширенным возможностям силки через комплекс нейронных и энергетических рецепторов в их определенной комбинации смог воспроизвести эту сцену для более тщательного ее изучения. Оно неоспоримо показало, что за время, в течение которого незнакомец находился в западне, он действовал агрессивно и пытался его уничтожить. Семпа спас только дополнительный, специально встроенный защитный блок.

Его так и подмывало бросить все и сосредоточиться на выяснении причин, по которым не сработали его собственные оборонительные барьеры силки, в результате чего он оказался уязвимым для чужака. Но он преодолел в себе импульс нетерпения и решил: “Сначала следует разобраться в том, как и что произошло, а уж потом анализировать сам процесс схватки”.

Ведь любая атака, в сущности, сводилась к тем или иным способам использования силовых полей, а сейчас было жизненно необходимо выяснить: ОТКУДА, из каких неведомых далей, возникло это абсолютно фантастическое нечто?

Еще раз пробегая запечатленные в его сенсорном аппарате образы, Семп с удивлением заметил, что пирамидальная форма на самом деле была не существом, а проекцией пучка энергии, исходившей из дальнего точечного источника. Но как ни старался Нэт, он так и не смог из-за невероятной быстроты нападения разобраться в том, что из себя представлял генератор этого луча. Эти необыкновенные скорости живо напомнили ему недавнюю схватку с Глисом, однако и ее анализ не подсказал чего-либо стоящего.

Такое бессилие серьезно встревожило Семпа, поскольку сомнений в том, что происходило что-то вполне реальное, не было, но что именно, выяснить не удавалось. Поэтому вопрос о природе феномена встал с пугающей остротой.

И все же по одному каналу пришло очень смутное — он уловил его только потому, что прокручивал стычку с пришельцем раз двенадцать — ощущение чего-то достойного внимания, хотя пока ему было совершенно неясно почему. В конце концов у него создалось, так сказать, “впечатление”, что видимое начало этой перевернутой пирамиды имело где-то далеко позади себя другую исходную точку, та — следующую и так далее с уходом в головокружительные по

масштабам глубины… Но можно ли было это считать расстоянием? Семп не мог дать однозначного ответа.

Снова и снова всматривался он в запечатленную в его органах чувств смутную и еле различимую картину. И вдруг Семп неожиданно понял, что она ему напоминает: нескончаемо повторяющееся и убегающее куда-то в безмерную даль отражение предмета, находящегося между двумя идеальными, стоящими друг против друга зеркалами.

Но это была лишь приблизительная аналогия, поскольку в данном случае цепочка уходила в бесконечность лишь в одном направлении. То была загадка, найти ключ к которой пока не удавалось. Чтобы немного отвлечься от этой головоломки, он вновь задумался о самом характере столкновения не на жизнь, а на смерть, которое ему пришлось пережить.

Как и все стороны этого моментального контакта, саму стычку следовало рассматривать путем анализа последствий, пусть даже еще не совсем ясных. При таком подходе сразу бросалось в глаза, что выпад последовал в то же самое мгновение, как создание появилось в поле его восприятия. Подготовленная для него ловушка сработала

незамедлительно. Она состояла на первой линии обороны из молекулы Глиса с гравитационной мощностью, сопоставимой с планетарной. Та развернулась в сторону противника в тот же миг, потому что это в принципе свойственно гравитации. Практически молекула сразу же "зацепила" чужака и затруднила его действия.

Тем не менее он что-то сумел этому противопоставить — но что? У силки были развернуты буквально все его собственные линии защиты: силовые поля, магнитные методы отталкивания излучений, то, чему он научился в битве с кибмадином — обращать энергию атаки на самого агрессора…

Вывод был очевиден: нападение производилось не на энергетическом уровне. Ни один из силовых экранов Семпа не шелохнулся.

Однако сам он почувствовал, что в теле началась непонятная, но губительная трансформация. Возникло ощущение, что его начали сжимать… Мысли Семпа странным образом исказились. Он оказался не в состоянии дать команду ни одному из своих охранных полей. Нэт чувствовал, как неотвратимо надвигалась смерть…

К счастью, к этому моменту сказалось затруднившее действия чужака влияние молекулы. И

он исчез.

Схватка завершилась.

Глава двадцать пятая

Семп срочно установил связь с Землей. Сразу же обрушился град вопросов.

У кого-то, так же как и у него, возникло предположение, что пирамида — это оружие, работающее на принципе зеркала, находящегося на невообразимо далеком расстоянии. Эффект перехода из ничего во что-то с последующим новым уходом в ничто напоминал ситуацию, когда перед зеркалом включают и выключают в нужный момент свет, причем это продолжается ровно столько, сколько нужно для манипулирования рубильником.

— Нет, — возразил Семп. — Я думаю, что это какая-то форма жизни. Интуиция подсказывает.

Мнение главного участника событий положило конец дискуссии. Бэкстер проинформировал его о том, что полученные сведения введены для оценки в компьютер. В заключение он спросил:

— Пока суд да дело, не хотите ли переговорить с супругой?

Из слов Посредника он сделал вывод, что до сих пор ей ничего не говорили о пережитой им смертельной опасности. Семп с облегчением

вздохнул. Поэтому он радостно приветствовал Джоанн и спокойно поинтересовался:

— Что у тебя нового?

Но, к его удивлению, Джоанн была вне себя.

— Ты знаешь, — возмущенно заявила она, — я тут столько напереживалась в последнее время. — И она рассказала мужу, что силки-женщины недавно начали активно вступать в контакты с подругами земных силки и требовать, чтобы те развелись с ними. Одна из них на днях обратилась к Джоанн с подобным ультиматумом, выпалив, не долго думая, в качестве главного аргумента тезис о том, что ее муж-силки проживет по крайней мере тысячу лет, а она умрет намного раньше.

Джоанн тут же ответила разлучнице, что сейчас ей всего тридцать лет, что в настоящее время средняя продолжительность жизни достигла ста пятидесяти и что за то время, что у нее осталось, могут быть сделаны открытия, которые существенно удлинят этот срок, а то и вообще приведут людей к бессмертию.

Разумеется, для Семпа данный момент не был наиболее благоприятным для того, чтобы обсуждать проблему будущих взаимоотношений между силки и людьми. Поэтому он, телепатиче-

ски вложив в свое обращение максимум теплоты, заверил ее:

“Выбрось ты это из головы. Ты же прекрасно знаешь, как я тебя люблю, и из женщин, кроме тебя, у меня никого нет”.

“Самое интересное, что в этом ты абсолютно прав, но тем не менее ты меня не обманешь, — подхватила Джоанн. — Я чувствую, что ты находишься накануне каких-то новых для тебя больших испытаний, но, как всегда, опять все от меня скрываешь.

“Тебе, наверное, лучше всего представлять меня командиром боевого корабля, — отшутился Семп. — В настоящее время судно — это мое тело, а ты неизменно остаешься пылко любимой супругой командира”.

Это неуклюжее сравнение тем не менее понравилось Джоанн. Она улыбнулась ему на расстоянии и мысленно произнесла:

“Мне тут подсказывают, что пора прекращать разговор, но я хочу в свою очередь передать тебе, что продолжаю, несмотря ни на что, крепко тебя любить. До свидания, дорогой мой!”

Вмешался Чарли Бэкстер:

— Компьютер напомнил об одном вашем сообщении, заложенном в него несколько месяцев

тому назад. Конкретно, речь идет о словах, сказанных вам Глисом перед смертью.

В тот период, поняв, настолько опасным для него созданием является Семп, Глис направился в дальнюю солнечную систему, заселенную, как он утверждал, давними их врагами. Эти существа сами себя называли Ниджэны, что на их языке имело грозное значение — “Создатели Вселенных”. Если же расшифровать это имя полностью, то получалось так: “Народ, Который Знал о Сущности Вещей и Может по своему желанию Создавать Вселенные”.

Пока обеспокоенный Семп обдумывал, насколько обоснованной была эта гипотеза, Бэкстер продолжал:

— Вспомните, Нэт, тогда Глис на самом деле куда-то направлялся. Вы всполошились и стали ему угрожать. Тот прервал полет и попытался мирно договориться с вами. Поэтому с достаточной долей уверенности можно предположить, что его цель сейчас находится сравнительно недалеко. Астрономам уже удалось установить на новом небосводе положение нашего доброго старого Солнца, и путем несложных расчетов они получили траекторию тогдашнего направления полета Глиса. Выяснилось, — завершил свое со-

общение Бэкстер, — что пункт его назначения — звездная система, отстоящая от вас на расстоянии примерно в шесть световых лет.

Не теряя времени, Семп телепатически запросил:

“А нет ли у компьютера каких-нибудь идей насчет того, каким образом ниджэн расправился с Лэном и как мне противостоять ему, если он объявится вновь, но уже с подкреплением?”

Бэкстер в смятении ответил:

“Нэт, я понимаю, что это ужасно — говорить такие вещи тому, кто находится в вашем положении. Но компьютер заявляет, что не в силах выдать даже сколько-нибудь завалящую теорию насчет того, как эта штука выскочила из ничего и что за силу она применила против Лэна и против вас…”

Это было последнее, что Семп услышал от своего Посредника.

В этот момент пробудились датчики восприятия, которыми он охватил район, находившийся за границей появления ниджэна. Поскольку силки находился на связи с Землей, полученный им сигнал опасности был тут же зафиксирован и там.

Почти на том же самом месте, что и в первый

раз, в пределах корабля, а еще точнее в тридцати метрах от него, возникло существо.

Чужак был один, без сопровождающих! Это было единственным отрадным моментом в ситуации. Перевернутая пирамида сверкала перемежавшимися вспышками.

Теперь Семп отчетливо различал, что находившееся в ее вершине создание также представляло из себя перевернутую пирамиду, хотя в известной степени условно, поскольку ее основание было намного уже. Кроме того, у него имелись руки и ноги. Ростом в метр восемьдесят, незнакомец был прекрасен, так как его жесткая на вид кожа ослепительно переливалась всеми цветами.

На его появление мгновенно отреагировало поле молекулы Глиса. Но ниджэн был уже готов к этому и лишь слегка покачнулся, после чего вообще перестал обращать на нее внимание.

Семп отметил, что ниджэн внимательно рассматривает его посредством одной — а возможно, и больше — ослепительной точки, находившейся в числе других у него на верхней части тела. Силки попробовал послать в его сторону мыслеобраз на одной из частот электромагнитных волн.

Ответ последовал в том же диапазоне, но был намного мощнее того, к которому привык Семп.

Пришелец предложил:

“Поговорим”.

“Сначала вам придется кое-что объяснить, и немало”, — отозвался Семп.

“Нас поразил, — невозмутимо продолжило существо, — ряд недавних событий. Во-первых, всего в нескольких световых годах от нашей системы возникла грандиозная звезда. Проведенное нами обследование показало, что речь идет о внезапном появлении, по-видимому, самого крупного скопления планет в нашей галактике. Сейчас только некоторые из них заселены, но в прошлом многие из них тоже были освоены. Наше изумление достигло предела, когда одна из наших исследовательских единиц натолкнулась во время своего рейда на силки — могущественнейшее создание, которое, по преданиям седой старины является нашим опаснейшим врагом. Естественно, его тут же уничтожили”.

“Мы требуем, чтобы ваш народ подверг смертной казни того, кто так скоропалительно — или, как вы сказали, “естественно” — решил уничтожить силки”.

“Вы должны учитывать, что он действовал, повинуясь древнему инстинкту. Сейчас, как вы видите, положение исправлено. Таким образом,

никакого наказания мой коллега не понесет. Это могло случиться с любым из ниджэнов”.

“Не вы ли сами это сделали? Не вы ли являетесь этой — как вы ее назвали? — “исследовательской единицей”?”

“Вам это очень важно знать?”

“Возможно, и нет”.

Ниджэн сразу же сменил тему разговора:

“Какую роль вы играете по отношению к людям?”

“Мы выполняем функции полиции”.

“О! Это интересно”.

“Видите ли, — заметил Семп, — волей случая и по независящим от нас причинам мы в настоящее время оказались космическими соседями. В нашей системе насчитывается тысяча восемьсот возможных к заселению и заселенных планет. Сколько обитаемых миров у вас?”

“Мне трудно ответить на этот вопрос. Дело в том, что мы не мыслим в категориях системы наших планет. Понимаю, что вам трудно это представить, но, чтобы выразиться понятнее, могу сказать, что мы как бы имеем одну планету — ту, на которой мы проживаем”.

“А больше, как я понимаю, вам и не нужно?”

“Нет, в том смысле, как это подразумеваете вы.

Все это концептуально достаточно ново для вас. Но должен сказать, что наши предложения носят исключительно мирный характер".

Семп этому не поверил. Хотя по земным меркам подобное заявление могло оказаться и правдой. Ведь в настоящее время на Земле живут мирно, бок о бок, потомки народов, когда-то смертельно враждовавших друг с другом. Но вся изюминка была в том, что ниджэны не были потомками тех, кто во время оно имел таких врагов. Они, как рассказывал Глис, были существами бессмертными, и, значит, это те же самые ниджэны, которые в далеком прошлом стремились полностью извести силки.

Именно тогда Глис, чтобы спасти силки от полного уничтожения, а заодно и использовать их в качестве своих рабов, предложил им жить в симбиозе. Тогдашние силки пошли на это. Но теперь положение коренным образом изменилось: Глис потерпел поражение и преобразовался, а силки оказались вновь предоставленными самим себе.

Эта мысль вызывала тревогу у Семпа, но он, не колеблясь, продолжил диалог:

"Я не могу поверить тому, что вы утверждаете. Вспомните, когда вы недавно здесь появились, причем, возможно, с уже принятым решением

не пускать в ход силу, а лишь разобраться в обстановке, тем не менее попытались напасть на меня".

"Ну, знаете, это был всего лишь защитный рефлекс. Что-то неожиданно обрушилось на меня. Теперь-то я понимаю, что это был всего-навсего необычный вариант гравитационного воздействия. Поэтому я среагировал двояко: немедленно контратаковал и тут же исчез. Но как только я сообразил, в чем дело, то сразу же явился обратно. И вот я снова здесь. Так что давайте лучше продолжим наш разговор".

Объяснение было хорошее. Но внутренне Семп продолжал не верить словам своего визави. У него было тревожное предчувствие, что этим разговором ниджэн стремился выиграть время и что поэтому опасность для него увеличивалась с каждой минутой.

Семп стал быстро размышлять: "Зачем ему понадобилось выигрывать время?" Ответ был очевиден: чтобы разобраться в устройстве корабля, понять его структуру и определить, насколько мощным оружием он оснащен.

"Если то, что вы говорите, соответствует действительности, — возразил Семп, — тогда вы должны раскрыть мне свой метод нападения.

Каким образом вашему коллеге удалось лишить жизни силки?”

“Было бы нелепо раскрывать свои возможности, — парировал ниджэн, — ничего не зная о ВАШИХ планах”.

В принципе чужак, конечно, был прав. Но имелось еще несколько моментов, которые Семп хотел бы для себя уяснить.

В тот же миг он послал импульс излучения на всех тех волнах, которые, по имеющимся у силки понятиям, должны были вызвать какой-то отклик в теле противника.

В полученной ответной информации не было ни единого элемента, который можно было бы использовать для анализа. Это была полнейшая неудача, и Семп еле сдержался, чтобы как-то не проявить свою досаду. Он резко бросил ниджэну:

“Тогда уходите прочь! Я не намерен вести с вами переговоры до тех пор, пока вы не раскроете, каким образом было совершено это преступление. И хочу вас заверить, что впредь, до прояснения этого вопроса, не стоит надеяться на их возобновление”.

“Разумеется, без соответствующего разрешения никаких сведений на этот счет я раскрыть не могу, — спокойно отозвался ниджэн. — Поэтому

почему бы вам не отправиться со мной вместе и не вступить в контакт с…” — и он сформировал мыслеобраз, означавший нечто вроде правительства, но одновременно что-то совсем иное, пока неясное Семпу.

“Но тем самым я полностью отдаюсь на вашу милость?”

“Кто-то же должен вести переговоры. Почему бы именно вам не выступить в этой роли?”

“Каким же образом я смог бы сопровождать вас?” — уступчивым тоном поинтересовался Семп.

“Очень просто: встаньте передо мной в границах моей проекции и настройтесь на…” — И ниджэн указал на длину соответствующей волны.

И снова Семп не мог не почувствовать невольного восхищения хитроумной тактикой этого создания.

“Насколько я понимаю, стоит мне поддаться его уговорам, и он тут же воспользуется этим, чтобы покончить со мной”, — подумал он.

Но Семп не собирался так просто сдавать партию. А для начала он послал команду, чтобы разблокировать механизм ловушки, которой являлась молекула планетарной гравитации. Тем

самым он освободил ниджэна от ее воздействия.

Расчет был следующим: до сего момента пришелец был вынужден как-то балансировать чудовищное гравитационное притяжение молекулы и соответственно расходовать на это громадное количество энергии. Внезапное его купирование вынудит его спешно перестраивать свою защиту с учетом неизбежного при этом инерционного момента, равного центростремительной силе целой планеты.

Одновременно Семп предпринял и второй шаг, гораздо более тонкий. Он попытался применить логику уровней к одной подмеченной в поведении этого существа характеристике: у того четко просматривалась тенденция к предательству.

С точки зрения логики уровней, это был не очень значительный шаг с его стороны. Поскольку она принципиально соотносилась с сутью жизненного цикла, а он в отношении ниджэнов был ему пока совершенно неясен, на большее идти сейчас было невозможно. В то же время эта мера могла побудить противника раскрыться более основательно и привести к неожиданным последствиям. Тем более что ничего другого не оставалось.

Итак, Семп ввел в бой сразу три фактора: от-

ключил молекулу, запустил логику уровней в цикл Предательства и… вошел в то силовое поле, которое поддерживалось в большой пирамиде.

Силки охватила гамма ощущений, которых он никогда до этого в жизни не испытывал. К тому же как под ним, так и вокруг него исчезло все, что составляло корабль-западню…

Он осознал, что находится в… Но что это было?.. Место? Тогда совершенно необычное, поскольку тут вообще ничего не было. Но… тогда вставал резонный вопрос, а что же было это ничто?

Глава двадцать шестая

В жестко связанной группе предателем может стать только ее руководитель. Все остальные обязаны подстраиваться, соблюдать установленные правила. Преступна сама мысль о возможности оппозиции.

Шефу необходимо клясться в верности. Надо всемерно поддерживать заданную линию поведения. Идеал — доносить полиции главаря о любых отклонениях от нее как со стороны других, так и если это касается тебя самого.

В любой момент ради благополучия группы — но только по решению лидера — можно предать (или пожертвовать) любым членом этой группы, не утруждая себя объяснениями.

Более того, время от времени того или иного конформиста следует обязательно предать, даже если он и не уклонялся от предписанных установок.

Факт потери к нему доверия вожака самодостаточен, чтобы признать такого человека виновным. И все остальные члены группы обязаны отречься от него без каких бы то ни было колебаний.

Тот постулат, что предать может только шеф, применим к любой группе, включая и те, что состоят из выборных членов, если они его непосредственные сподвижники.

При разрастании группы главарь делегирует свои права на предательство в различной степени достойным этого лицам, действующим от его имени. Если этот процесс затягивается или чрезмерно расширяется, то в некогда жесткой группе появляется разболтанность, поскольку подначальники уже не столь чувствительны к неконформизму, как их лидер.

Но если верховный обладает способностью читать мысли и беспощадными методами использовать в свою пользу цикл предательства, он сможет продержаться в своем качестве… вечно.

И если предательство применять постоянно, то оно побеждает на всех уровнях. А самый из них высокий — это…

Существо, мысли которого воспринимал Семп, отринуло концепцию бескрайности. Наоборот, ему удобнее было чувствовать себя… малостью.

Но вдруг при всем удовлетворении своим бытием в виде простой точки оно подумало О ТОМ, чем могло бы стать при желании. Семп явственно уловил мысль: “Н’Ята была бы довольна, если бы

в этот момент я объял почти всю реальность". Логика уровней начала действовать.

Повинуясь этому неожиданному порыву, существо принялось стремительно рассеивать себя в окружающий мрак. Как тяжко было дробить столь крохотное на еще более мелкое, как отчаянно сопротивлялись отторжению частицы его самого, откликаясь на зов кровного родства. Чудовищно трудно было преодолеть первые метры, мучительно — первые километры, легче — когда пошли световые годы, и уж совсем просто — при межгалактических расстояниях. А дальше и вообще усилий почти не требовалось.

Внезапно его внимание привлекла одна из корпускул золотистого цвета, и он подумал: "Нет, нет, так нельзя!" Но тут же вспомнил, что сам пошел на то, чтобы добиться разбегания этих частиц, включая и эту, руководствуясь определенным интересом. Но вдруг в нем стало крепнуть убеждение, что эта частица интересна сама по себе, что в ней есть что-то привлекательное, независимое от его мнения.

Семп чутко уловил, что сразу же по возникновении этой мысли чистая энергия ниджэна стала убывать. Появилась эмоциональная неустойчивость: он переходил от взрывов радости к…

раздражению, затем к всплеску негодования, вылившемуся в самообольщение: “А может быть, я Бог или, по меньшей мере, полубог. И значит, все ДОЛЖНО мне повиноваться!”

И снова возобладал цикл предательства, запущенный логикой уровней.

“Но мне ведь было хорошо, когда это случилось!”

Все это время Семп, пристально наблюдая за развитием событий, вел смертельный для него бой, только смысл его от него ускользал. В сущности, никто в обычном смысле этого слова с ним не боролся. Он барахтался в тенетах какой-то природной силы, которая выходила за рамки имевшегося у него до сего времени опыта. Это что-то было фундаментальным свойством пространства, о котором ни люди, ни силки пока даже не подозревали.

Воспользовавшись ослаблением внешнего воздействия, Семп воздвиг собственные барьеры, подтянул ресурсы корабля-ловушки и компенсировал свои энергопотери. Золотистая точка сразу же исчезла.

Семп снова очутился в громадном зале. Несколько человек, сидевших за пультом огромного комплекса приборов, удивленно уставились на

него.

Семп узнал в них высший персонал Властей силки. Посредник Бэкстер в один прыжок преодолел разделявшее их расстояние. Между тем Семп испытывал особую, дотоле ему неизвестную, нестабильность в теле. Это не было неприятным ощущением, нет. Просто какая-то его часть как бы осознавала себя связанной с неким далеким миром. Он встревоженно подумал: “Видно, я все еще частично связан с тем местом, где только что находился. Так что в любую минуту меня могут вытянуть отсюда обратно”.

Самым неприятным моментом было понимание собственной незащищенности. Из всех возможных вариантов обеспечения безопасности в голову приходил только один — поскорее трансформироваться в человека.

Нельзя сказать, что это было тщательно взвешенное решение. Подумалось, что изменение структуры может оборвать эту ниточку… связи с дальними рубежами. Вот и все. И все же он тут же провел перевоплощение и в этой спешке даже чуть не свалился на пол.

Как он в то же мгновение убедился, этот его шаг, кажется, дал положительные результаты. Угнетавшее его чувство спеленутости чем-то

далеким отступило. Совсем оно не исчезло, но притаилось тихой тенью, стало еле различимым шепотом, хотя до этого заявляло о себе громким повелительным окриком.

Семп, не давая опомниться Бэкстеру, потребовал:

— Чарли, нужна немедленная консультация с компьютером. Я не имею ни малейшего представления о том, что происходило со мной!

Кто-то услужливо подсунул Семпу плащ, в который он машинально закутал свой обнаженный торс. Бэкстер не удержался:

— Но что все-таки случилось?

— Пока я выиграл некоторое время, — нетерпеливо откликнулся Семп.

На самом деле все было, несомненно, сложнее. Противник не смог уничтожить его мгновенно. Семпу удалось сманеврировать и запутать своего врага. В столкновении с высшим для него существом он сумел проявить свою ловкость и умело использовать способности силки. Но теперь он остро нуждался в помощи.

Взвинченный Бэкстер бросил:

— Сколько у нас времени?

— Думаю, надо действовать максимально быстро. Самое большее… час.

В этой ситуации даже умопомрачительная скорость работы компьютера показалась Семпу черепашьей, и он сидел как на иголках, пока из чрева электронной машины не поступили четыре оценки происшедших событий.

Первая из двух отобранных, под номером “три”, представлялась совершенно необычной:

“Впечатление: случившееся с вами тесно связано с каким-то разумом. Но есть в этом что-то предельное, чего нельзя переступать, нечто сущностное для всех вещей в мире”.

Принять эту гипотезу было трудно. Что такое “предельное”, “сущностное для всего”?

“Мне нечего больше добавить, — продолжал компьютер. — Свободное оперирование пространством, что, судя по всему, доступно ниджэнам, для нас — дело абсолютно темное. Представляется: базовые элементы их систем настолько полно адаптируются к любым условиям, что всегда имеют преимущество перед всеми другими формами жизни. Получается, что они в чем-то господствуют над самой сутью вещей”.

Признание компьютера в собственном бессилии прозвучало для Семпа в крайне неприятный для него момент. Он вдруг почувствовал, что сила, так властно удерживавшая его прежде, когда он

выступал в форме силки, теперь настраивалась на его человеческий облик. Возникло ощущение, что его вот-вот изымут из этого мира. Он поспешно проинформировал об этом Бэкстера.

— Наверное, лучше вернуться в состояние силки, — закончил он.

Ответ Бэкстера показал, что тот прекрасно понял, какая опасность нависла над Семпом — возможность оказаться в космосе в обличье человека. И все же он тревожно поинтересовался:

— А разве вы не спешили избавиться от формы силки потому, что чувствовали себя тогда более уязвимым для того, кто так упорно не желает выпустить вас из-под своего влияния?

Все верно. Но где альтернатива? В виде силки он по крайней мере хоть какое-то время будет чувствовать себя уверенно в опасной внешней среде.

Бэкстер настаивал:

— Нэт, почему бы вам не принять какое-нибудь иное состояние?

Семп удивленно воззрился на него:

— Чарли, последствия того, что вы предлагаете, непредсказуемы!

Бэкстер с жаром продолжал развивать свою мысль:

— Нэт, если в данном случае мы будем еще колебаться и в отношении доверия к самим себе, тогда проблема воистину неразрешима.

Ощущение неизбежности насильного внешнего преобразования становилось все острее. Но и то, что предлагал Бэкстер, отпугивало своей неизвестностью не меньше, чем угроза со стороны ниджэна.

Речь шла о том, чтобы принять какую-то новую форму, отличную от тех трех, что были его естественным состоянием. Но какую? Все дополнительно ему известные принадлежали чужакам: кибмадину, тому созданию, в которое тот превращался, и… ниджэну!

— Для перевоплощения в кого-то мне надо иметь его мысленный образ, — объяснил он Бэкстеру. — А я “видел” всего несколько других существ.

— Трансформируйтесь в ниджэна! — буквально выкрикнул Бэкстер.

Семп, полный недоумения, переспросил:

— Вы говорите это серьезно?

В этот момент он почувствовал, что какая-то его часть начинает отдаляться от него. Больше ждать было нельзя, и Семп молниеносно передал в свою систему преобразования образ ниджэна.

Каждая клеточка его тела получила одновременный и одинаковый заряд энергии, послуживший детонатором.

Процесс прошел быстро, потому что высвободившаяся таким образом химическая энергия нуждалась в последующих скоростных реакциях. Теоретически все должно было произойти менее чем за секунду. Практически, из-за скорости притирания друг к другу клеток, понадобилось ровно пять с половиной секунд.

И Семп оказался в странном для себя месте.

Глава двадцать седьмая

Первое ощущение Семпа — он снова читает мысли ниджэна. А тот в этот момент сосредоточился на чем-то, появившемся слева от него. “Присмотревшись”, ниджэн обнаружил, что к нему из своего далека пожаловала сама Н’Ята.

Само по себе подобное посещение было ему приятно и доставляло массу удовольствия, потому что она была по крайней мере на полфазы выше его по развитию. В обычных условиях он высоко оценил бы этот жест как льстящий его самолюбию и даже в известной степени полезный для него. Он не преминул бы использовать эту идеальную возможность для того, чтобы понаблюдать за ней и перенять кое-что из ее совершенств.

Но нынешнее положение ниджэна не было ни нормальным, ни обыденным. Она примчалась в ответ на его зов о помощи, учитывая вызывавшую беспокойство неспособность коллеги справиться с Семпом.

Охватившая в этой связи Н’Яту тревога проявилась в ее движении. Он воспринимал ее как простую золотистую точку величиной с атом. То

обстоятельство, что она была такой невообразимо малой величины и расположилась слева от него, позволило ему скрестить свои силовые линии.

Семп все это автоматически фиксировал, но вдруг поразился: “А как получается, что я за всем этим наблюдаю?” Он задействовал свои энергополя (ниджэн это с горечью заметил) и понял, что опять стоит перед необходимостью использовать цикл предательства.

В который уже раз логика уровней с органически присущим ей пониманием природы эмоций оказалась для Семпа единственно возможным методом организации эффективной обороны. Конечно, в своем цикле предательства логика уровней выступала только как тактическое средство, не обеспечивавшее полной победы. Да и претило ему применять крайние его степени к Н’Яте, ниджэну на порядок выше его первого знакомца.

Посему Семп припас для нее эмоциональный вариант. Он тонко подвел ее к более игривой концепции предательства, внушив маневр соблазнения. Обосновал это приоритетом удовольствия над негативными моральными аспектами.

Результаты не замедлили проявиться: золо-

тистая точка переместилась с левого фланга в центр, прямо напротив него.

Семп даже не мог помыслить, сколько Н'Яте при этом пришлось преодолеть световых лет — настолько далеко она находилась от этого участка космоса. Такие немыслимые расстояния не поддавались подсчету мерками даже того только на полфазы менее развитого, чем она, ниджэна-двойника, под личиной которого он сейчас выступал.

"Ну что же, продолжайте свою тактику предательства!" — вдруг послала ему мысленный сигнал золотистая точка. И начала исчезать. В тот же миг резко упал энергетический потенциал Семпа, которого теперь не только не хватало на обеспечение развертывания цикла предательства, но даже для поддержания его собственного эмоционального равновесия. Семп почувствовал, как на него навалились тоска и апатия, появились первые симптомы тяги к самоуничтожению…

Силки понял, что его план в отношении Н'Яты сорвался, что она сама перешла в контрнаступление, но сделала это в достаточно мягкой форме. Видимо, она быстро разобралась, что перед ней не настоящий Г'Тоно — так звали его противника, — пришла в некоторое смятение, но так

и не решилась уничтожить другого, пусть даже лжениджэна… Ее поспешное бегство было продиктовано стремлением получше разобраться в возникшей проблеме. Но главное сейчас для Семпа состояло в том, что она оставила ему свободу действий…

Он поспешил вернуться в компьютерный зал. Увидел Бэкстера и телепатически спросил его: “Что происходило?”

Одновременно про себя силки отметил три обстоятельства. Первое представляло относительный интерес: во все время противостояния с Н’Ятой он Бэкстера не воспринимал.

Поэтому он повторил свой вопрос:

“Чарли! Что происходило, пока меня не было?”

Посредник на сей раз обеспокоенно посмотрел на него. Затем преувеличенно громко заявил:

— Нэт, я не улавливаю ваших мыслей. Ваше тело ниджэна излучает энергию выше порога моего восприятия. Вы находитесь в каком-то ином состоянии.

Семп вспомнил, что когда он впервые повстречался с ниджэном и попытался наладить с ним канал общения, то натолкнулся на точно такую же проблему. Поэтому он подстроился под уровень восприятия Бэкстера. Тотчас же на худом

лице последнего появилось выражение облегчения.

— Ну наконец-то! Что стряслось?

Семп быстро ввел его в курс дела закончил свое изложение словами:

— Нет сомнения в том, что применение логики уровней при встрече с первым ниджэном Г'Тоно замутило его разум. Мне удалось одержать верх в том смысле, что у него ничего не вышло из задуманного. Во второй раз, став двойником Г'Тоно, я сумел на какое-то время ввести в заблуждение Н'Яту. Но она быстро сориентировалась и скрылась. Вывод: сейчас фактор времени приобрел для нас решающее значение.

— Выдумаете, что…

— Подождите!

Внезапно в памяти всплыло второе из подмеченных им по возвращении обстоятельств: находясь в обличье ниджэна, он отчетливо слышал звуки. Так, голос Бэкстера доходил до него, как и положено тому быть в земной атмосфере на уровне моря.

Исходя из этой посылки, он тут же проверил весь спектр обычных человеческих восприятий. Семп обнаружил, что может передвигаться. Его довольно необычные отростки внизу тела-пира-

миды поддерживали его и с успехом выполняли функцию равновесия… Были у него и своеобразные руки — гибкие и извилистые.

Он ничуть не удивился, что процесс осознания действительности протекает у него, как у человека. Ведь он был силки родом с Земли, хотя и в виде ниджэна. Его клетки, родившиеся на этой планете, должны были отличаться от тех, что имелись у подлинного ниджэна.

Было очевидным, что ниджэны обладают той же, что и силки, способностью обитать в космическом пространстве. Причем для этого им в отличие от силки не требовалось менять свою форму. Так, значит, у них другая молекулярная структура.

Времени на выяснение этого не было! Семп восстановил и третье подмеченное им обстоятельство: в туловище ниджэна помимо таких же, как и у силки, центров, управляющих остальным функционированием организма в условиях открытого космоса, в самой плотной части пирамиды имелись какие-то другие органы чувств, назначение которых оставалось неясным. Это были ничем себя не проявлявшие нейронные зоны без признаков насыщения их энергией и не отвечавшие ни на одну из посылавшихся им ко-

манд. Какого-то автоматического, независимого от его воли режима деятельности этих участков Семп не фиксировал.

— Подождите… — снова повторил он Бэкстеру.

Семп направил телепатический посыл в штаб-квартиру космических силки, размещенных на Земле. Запрос носил открытый характер, так что не было ничего удивительного в том, что на него сразу же откликнулись трое, в том числе силки женского рода. Все ответы были одинаковыми:

“Мы, космические силки, договорились не обсуждать касающихся нас вопросов в индивидуальном порядке”.

“Но у меня исключительно срочное сообщение. Есть ли среди вас лицо, уполномоченное вести переговоры от имени всех?”

“Да, Ай-Юн. Но для ведения беседы вы должны явиться сюда. Он имеет право обсуждать вопросы только под нашим общим контролем”.

Итак, они мыслили всем коллективом и так же действовали. У Семпа внезапно сработала интуиция. Повернувшись к Бэкстеру, он поинтересовалсч:

— Сколько понадобится времени, чтобы доставить меня в штаб-квартиру космических силки?

— Пятнадцать — двадцать минут, — поблед-

нел тот.

“Я буду у вас через двадцать минут, — вновь послал он телепатический сигнал космическим силки. — Но прошу к моему приходу собрать всю вашу группу!”

Семп, не теряя ни минуты, помчался к лифту и поднялся на крышу, где его уже поджидал скоростной вертолет. Тот взмыл, направляясь к трехэтажному зданию, где временно размещался управленческий центр космических силки.

Во время полета Семп продолжал переговариваться с ними, объяснив, с какого рода противником ему пришлось столкнуться. При этом он добавил:

“На личном опыте я убедился, что против ниджэнов не срабатывает ни одна из моих оборонительных систем. Следовательно, у земной разновидности силки нет защитного рефлекса на эту космическую угрозу. Но у космических силки, как мне представляется, могла сохраниться древняя оборонительная реакция на их извечного врага”.

Последовала продолжительная пауза, после которой в разговор вмешался новый партнер:

“Говорит Ай-Юн. Мы согласны. Временно сняты все запреты и дана установка на полностью

раскрепощенное поведение”.

Вклинилась силки-женщина:

“Но ведь сменилось столько поколений... Неужели в^ думаете, что до сих пор у нас в генах может сохраниться память предков?”

“Могу только сказать, что надеюсь на это...” — буркнул в ответ Семп.

Он заколебался. Но в его голове промелькнуло еще более фантастическое предположение. Из разговоров с Глисом он вынес впечатление, что до сих пор жив кое-кто из самых первых силки. Об этом он и сообщил своим сородичам.

“Вы хотите сказать... что им сейчас сто тысяч лет?” — поразился один из тех, кто участвовал в обмене мнениями.

“Может быть, и не так много, — ответил Семп. — По правде говоря, я лично не считаю, что Глис сделал свое предложение силки жить с ними в симбиозе сто тысяч лет тому назад. На мой взгляд, с тех пор прошло где-то пять — десять тысяч лет”.

Снова последовала пауза. Затем другой космический силки скептически заметил:

“Но что в состоянии сделать этот древний силки, если он, конечно, сохранился? Расправиться с ниджэном? Но, насколько мы знаем, в свое вре-

мя происходило как раз обратное: уничтожали именно силки, и они потерпели полное поражение. К тому же как мы их обнаружим, этих уцелевших реликтов? Ведь Глис стер из нашей памяти все, что относится к истории силки. Да и есть ли у вас какой-нибудь способ стимулировать этот предполагаемый старый защитный рефлекс?”

Да, у Семпа было припасено на этот счет одно превосходное и очень практичное средство. Но он пока не стал его раскрывать, а ограничился тем, что полюбопытствовал, сколько космических силки находятся к этому моменту в зале.

“Около сотни”, — ответил Ай-Юн.

Семп попросил уточнить, все ли они собраны в одном месте.

“Нет, но если понадобится, это не проблема”.

“Так сделайте это, и немедленно! Клянусь вам, что нельзя терять ни мгновения!”

Наконец вертолет прибыл на место. Бегом, все время бегом, Семп устремился с крыши здания в лифт, а выскочив на нужном этаже, с ходу рванулся к большой зеленого цвета двери.

Именно в этот момент Ай-Юн вдруг засомневался:

“Семп, мы сотрудничали с вами больше, чем

с кем-либо еще на Земле. Но сейчас хотелось бы предварительно выяснить…”

Не обращая на него никакого внимания, Семп вихрем ворвался в актовый зал.

Он успел лишь заметить, что неотступно следовавший за ним до этого Бэкстер повернул назад под прикрытие силового поля, выставленного на всякий случай против строптивых космических силки. Посредник просто хотел взглянуть на место, где будет проходить встреча Семпа. К тому же он собирался непосредственно следить за ее ходом через оставленный Семпом открытым телепатический канал. Бэкстер полагал, что, в случае возникновения непредвиденной ситуации, его опыт может пригодиться. Во всяком случае, он надеялся на это…

Глава двадцать восьмая

Ниджэн, в облике которого сейчас пребывал Семп, обладал круговым зрением. Поэтому Семп тут же отметил четырех силки, которые “висели” под крышей по обе стороны от двери. “Охранники?” — подумал он. Скорее всего, да.

В общем-то это была нормальная страховочная мера. Но Семп молниеносно насторожил ту систему в своем организме, которая в случае возникновения опасности сама выставит защитный экран.

Нельзя было сказать, что собравшаяся в зале достаточно большая группа космических силки представляла очень уж эстетически приятное для глаз зрелище, поскольку они не столь совершенно владели искусством перевоплощения в облик людей. Но в любом случае вид у них был неоспоримо человеческий.

Они разом взглянули на стремительно влетевшего в зал Семпа — и в то же мгновение послышался треск раздираемых тканей. Большинство присутствовавших в зале тут же автоматически приняли вид силки, естественно, даже не подумав о своих земных одеждах. Лишь с дюжину

лиц, в основном женского пола, застыли с раскрытыми от испуга ртами.

Трое, однако, рефлекторно преобразовались в форму ниджэнов и тут же бросились врассыпную.

Семп напряженно выжидал, хотя и не представлял себе, что произойдет дальше. Собственно, ради этого он сюда и явился. Итак, их оказалось трое. Почти невероятно! Трое из ста космических силки при виде неожиданно появившегося ниджэна слепо повиновались дремучему, заложенному в них инстинкту. Неужели лучшее средство борьбы с ниджэнами состояло в том, чтобы… принять их облик?

Это казалось слишком элементарным. Бэкстер, видимо, уловил настроение Семпа, так как направил ему посыл:

“Нэт, ты думаешь, что в прошлом силки погибали один за другим от внезапно выныривавших неизвестно откуда ниджэнов потому, что не успевали достаточно быстро перевоплощаться в них?”

Похоже, что именно так все когда-то и происходило. Ведь для силки самым уязвимым для их жизни моментом был процесс превращения в иную форму. Но простая констатация этого факта

мало что давала. Оставался открытым главный вопрос: что могли — и могли ли? — предпринять против ниджэнов преобразовавшиеся в них силки?

Он надеялся, что из тьмы веков, из полузабытья, искусственно созданного Глисом для того, чтобы обеспечивать свое господство с помощью примененной им нехитрой комбинации, выплывет сам по себе и нужный ответ. Ведь он сознательно рисковал жизнью, окажись у его далеких родственников эффективное средство борьбы с ниджэнами… Секунды уходили, но ничего не происходило… Ничего.

Чувствуя нараставшую растерянность Сэмпа, Бэкстер попытался ему помочь:

“Нэт, спросите у них, не возникало ли у них в период перевоплощения в ниджэнов каких-либо ассоциаций, осознания какой-то цели, ради которой эта трансформация обязательно должна была пройти успешно?”

Семп задал этот вопрос всем трем силки. Один из них, подумав, ответил:

“Иными словами, вы хотели бы знать, что я чувствовал буквально по секундам? Так вот, все проходило с вполне нормальной по времени задержкой. Процесс трансформации длился, как

я полагаю, семь секунд. Пока я ждал его завершения и сразу после, я чувствовал внутреннее побуждение бежать, причем все равно куда… Но едва сделав несколько шагов, я остановился, поскольку мне вдруг стало совершенно ясно, что вы — не настоящий ниджэн".

"А у вас не возникало при этом потребности прибегнуть к средствам энергетической защиты или нападения?"

"Нет. Ничего, кроме этого рефлекторного стремления к превращению в ниджэна и могучего позыва немедленно отсюда бежать".

Из двух других силки лишь один добавил кое-что новое:

"У меня возникло стойкое предчувствие, что один из нас обречен. Я затравленно спрашивал себя, кто им будет на этот раз?"

"А не виделось ли вам в этот момент, КАКИМ ОБРАЗОМ кто-то из вас будет убит? — не сдавался Семп. — Не мелькнуло ли у вас воспоминание о тех методах, к которым прибегает ниджэн, чтобы вот так, внезапно и без каких-либо предварительных признаков, возникать среди вас неизвестно откуда?"

"Ничего!" — единодушно ответили все трое.

"Нэт, не лучше ли вернуться к компьютеру?"

— предложил Бэкстер.

Семп согласился. По ходу Бэкстер принял одно важное решение. Он послал мысленный сигнал всеобщей тревоги “всем силки и Посредникам”, то есть более чем шести тысячам лиц… При этом он оповестил всех о той опасности, которую представляли собой ниджэны, и о единственном пока найденном силки средстве противостоять им — немедленно преобразоваться в своих врагов и бежать сломя голову! После этого он предоставил возможность Семпу передать всем силки образ ниджэна.

Спустя некоторое время они уже работали с компьютером. После их беседы он выдал следующее резюме:

“Ваши свежие данные не наводят меня на какие-либо дополнительные соображения относительно характера тех методов, которыми пользуются ниджэны для покорения пространства. Тем не менее стало ясно, каким образом был постепенно и почти полностью уничтожен древний народ силки. Речь идет о сознательном и последовательном истреблении их поодиночке”.

Компьютер также посчитал важным сообщение Семпа о том, что даже Н’Ята, которая по уровню развития стояла на полфазы выше пер-

вого ниджэна, не предприняла сколько-нибудь серьезной попытки уничтожить Семпа, когда он оказался в облике ее сородича.

Семпа начинало охватывать отчаяние. Было очевидно, что при контактах с ниджэнами его спасли лишь использование гравитационного поля молекулы Глиса и более чем скромное применение логики уровней в ее цикле предательства. Он все время возвращался к предыдущему заключению компьютера, ломая голову над тем, о КАКОЙ характеристике пространства ни люди, ни силки до сих пор даже не задумывались?..

О той, при которой происходит переход от “ничего” ко “всему” и от “всего” к “ничему”, от которой смертельно, хотя и не намного, ужалось тело Лэна Джедда. Он еще раз обратился с этим вопросом к компьютеру.

“Пространство, — ответил тот, — рассматривается как упорядоченная и нейтральная протяженность, в которой Материя и Энергия могут взаимодействовать согласно большому, но конечному числу правил... Расстояния в Пространстве настолько велики, что у Жизни была возможность спокойно развиться в бесчисленных и определявшихся случаем формах на громадном, но конечном числе планет при возникновении

— как полагают, опять же случайно, — благоприятных соответствующих условий".

Казалось, что все в этом определении отражено правильно. Тем не менее если это так, то как ухитряются ниджэны мгновенно преодолевать, как он сам в этом убедился, невообразимые расстояния? Значит, что-то в этой концепции было не так и требовалось внести в нее коррективы. Во всяком случае, так ему казалось.

Совсем упав духом, Семп все же предпринял еще одну попытку и вновь запросил машину:

— Но нам, видимо, не стоит забывать о том, что, рассуждая о Пространстве, мы имеем дело с сегодняшней, продвинувшейся в своем развитии Вселенной. Нельзя ли предположить, что в начале своего существования Пространство было — как бы это сказать поточнее? — менее нейтральным, что ли... Другими словами, каким было бы неупорядоченное Пространство?

"Мы можем это узнать, если и в данном случае применим логику уровней", — ответил компьютер.

— Что? — изумился Бэкстер. — Но как можно это сделать?

"Подумайте сами, — продолжала машина. — Приказ о задействовании подчиненных им зон

пространства должен поступать из какого-то центра сознания ниджэна. Наша проблема состоит в том, что мы не знаем, что за приказ поступает в таком случае. Но нет никакого сомнения в том, что существует какая-то разновидность мысли, которая его стимулирует. А после подобной стимуляции приказа следует базовое ответное действие. Само собой разумеется, что для того, чтобы привести весь этот цикл в действие, кому-то придется спровоцировать внушительное столкновение с ниджэнами".

Семп сразу же подхватил эту мысль:

— Значит ли это, что в этом случае мы можем вызвать потрясения намного более грандиозные и фундаментальные, чем те, что произошли при противостоянии с Глисом?

"Несомненно".

— Но… что может оказаться еще более масштабным, чем то, что произошло с Глисом, когда сравнительно маленький материальный объект превратился в самое большее из солнц в известной нам части Вселенной?

"Это-то и надлежит выяснить, и мне представляется, что именно вы решите эту задачу".

Семп, который до сих пор не думал в таком ключе, тут же преобразовался в силки. Он надеялся,

что в этом состоянии он надежнее уловит воздействие, которое, возможно, пытаются оказать на него издалека ниджэны.

Но никаких признаков подобных попыток он не уловил. Он не чувствовал, как это было совсем недавно, какой-либо привязки к дальнему участку космического пространства. Он не ощущал никакого дискомфорта ни на одном из своих глубинных уровней. Все его телесное существо находилось в гармонии с окружающей средой. Он проинформировал об этом Бэкстера, а затем вернулся в форму человека, приняв тем не менее все возможные в данном случае меры предосторожности. И в этом виде он по-прежнему не ощущал ничего необычного.

Некоторое время спустя компьютер высказал то, что было уже и так очевидно:

“Ниджэны не хотят подвергать себя риску. Они никогда не идут на это, имея дело с силки. Возникла альтернатива: либо вы сами бросите им вызов и пойдете навстречу опасности… либо они, обнаружив, что силки все еще существуют, начнут уничтожать их одного за другим”.

Краешком глаза Семп ухватил странное выражение на лице Бэкстера. Тот как бы ушел в себя, казался чем-то загипнотизированным.

— В чем дело? — воскликнул, ухватив его за руку Семп. — Такое впечатление, что в этот момент вы во что-то вслушиваетесь. Что это за распоряжение?

Бэкстер, вяло попытавшись высвободиться из железной хватки силки, прошептал:

— Поступило абсолютно абсурдное послание. Ничего не понимаю…

Глава двадцать девятая

Мягко и музыкально тренькнул входной звонок. Джоанн оторвалась от своих будничных дел на кухне и подумала: “Ну вот и настал момент откровения. Конец беспамятству”. И она спокойно направилась к двери. Но вдруг остановилась как вкопанная, испытав такой шок, которого она не знала никогда в жизни. Джоанн вдруг осознала одновременно две вещи.

Первое: “Беспамятство!.. Откровение!.. Что за чушь!.. С какой стати такое взбрело на ум?”

Второе: она совершенно не улавливала мыслей того, кто только что позвонил.

Джоанн бросило в дрожь. Методом прямой телепатии она читала мысли других намного лучше, чем муж. Но сейчас тот, кто стоял под дверью, не воспринимался ею вовсе. Он даже звуков не издавал. Выскользнув в коридор, Джоанн прошла в комнату и вооружилась. Конечно, это была слабенькая защита против, как она полагала, вторично заявившейся к ней силки-женщины. Впрочем, то, о чем думала та в первый раз, легко ею угадывалось.

Все равно, решила она, оружие будет большим

подспорьем, если посетителем окажется человек, тем более что и открывать она совсем не собиралась. Джоанн включила внутреннюю телекамеру и… никого не увидела.

Ее пронзила новая мысль: “Звонок нажат издалека, с расстояния во многие световые годы, для того чтобы оповестить тебя о неминуемом прибытии гонца. Поступай, следуя велению долга. Дело в том, что теперь будет запущен обратный ход мучительного, проходившего в лабораторных условиях, процесса превращения ниджэнов в людей… К сожалению, выяснилось, что ниджэны оказались не в состоянии естественным путем принимать форму человека. Пришлось прибегать к столь сложному способу трансформации для того, чтобы, обретя человеческое обличье, ты смогла выйти замуж за земного силки. Это было необходимо для того, чтобы ты разобралась в интересах нас, ниджэнов, в сути этих силки. Теперь же, когда выявлены также и остатки космических силки, можно принимать окончательное решение о том, что делать с этим опаснейшим видом жизни во Вселенной. От твоих поступков, как и от действий всех остальных Посредников, зависит их судьба”.

Джоанн нахмурилась, но никак не отреагиро-

вала на это послание. Что за глупости!

Но чужая мысль продолжала настойчиво стучать в мозгу:

“Ты, разумеется, воспринимаешь это обращение настороженно или с иронией, но получишь доказательства в самое ближайшее время. А сейчас можешь задавать любые вопросы, какие только заблагорассудится”.

Джоанн уже дала внутреннюю оценку этим “откровениям”: это — ловушка с целью выявить ее местонахождение в случае ответа.

В сущности, даже если бы все сказанное и было правдой, для нее это не имело большого значения. Джоанн была ПОЛНОСТЬЮ привязана к Земле. Ей подумалось: “Скорее всего, это начало финальной схватки между силки и ниджэнами. А этот конкретный эпизод — не более чем плод бредовых идей ниджэнов”.

Она боялась другого — того, что это или аналогичное ему послание получат все четыре тысячи семьсот Посредников. И среди них найдется кто-то, кто клюнет на эту приманку и ответит. Вот это, считала она, было бы катастрофой, потому что все лица, входившие в гильдию Посредников, знали ВСЕ, что относилось к силки.

И как раз в этот момент две женщины и один

мужчина из числа Посредников ответили в оскорбленном тоне на эту провокационную вылазку.

“Но почему тогда многие Посредники умерли в течение последних двухсот лет?” — спросил один.

“Другими словами, этот факт говорит о том, что мы не можем быть ниджэнами, которые бессмертны”, — сделал вывод второй.

“Если то, что вы заявляете, соответствует действительности, значит, силки и ниджэны могут мирно сосуществовать”, — добавил третий.

“На этот раз спятившие убийцы зашли дальше, чем им следовало бы”, — не вытерпев, пренебрежительно пробормотал дополнительно вмешавшийся четвертый Посредник.

“Не знаю, чего они добиваются этой ложью, но лично я в нее не верю”, — подхватил еще и пятый телепат.

Этого было достаточно. Как было выяснено позднее, туда, откуда последовали эти ответы — домой, прямо на улицу и в прочие места, — моментально явились ниджэны и изъяли всех пятерых.

В момент похищения только одна из женщин сумела испустить отчаянный мысленный вопль.

Остальные четверо молча приняли свою участь.

Между тем события в последнее время со стороны ниджэнов развивались весьма стремительно.

Вскоре после того, как космический силки Оу-Дэн покинул Семпа, оставшегося на корабле возле погибшего Лэна Джедда, он внезапно заметил какое-то едва уловимое движение сбоку от себя. Это было его последние впечатление в этой жизни.

В тот же миг он почувствовал сильнейшее давление изнутри, которому противопоставить что-либо из своего защитного арсенала был не в силах. Его застигли безоружным и врасплох, что в принципе должно было привести его к смерти. Но Г'Тоно, дважды перед этим потерпевший поражение от Нэта Семпа, стремился на сей раз заполучить не труп, а пленника. Поэтому Оу-Дэна в бесчувственном состоянии тут же доставили на планету ниджэна.

Проведенное затем тщательное обследование всех внутренних органов космического силки вызвало разочарование у многочисленных ниджэнов, специально прибывших туда ради этой цели из весьма отдаленных областей. В памяти Оу-Дэна не обнаружили ничего, что хоть как-то объясняло бы феномен успешного противостояния Семпа грозному Г'Тоно.

Однако датчики ниджэнов вскоре показали им, что между космическими и земными силки имелось громадное различие.

Следовательно, Семп был из числа неизвестной им земной вариации силки. Ниджэны пришли к правильному заключению о том, что космические силки не заслуживают внимания как объект изучения, поскольку они даже не пытались перенять у своих земных сородичей что-либо из их специальных знаний.

Изучая Оу-Дэна, ниджэны на какое-то время задержались с расшифровкой одного отчетливо исходившего от него импульса. Оу-Дэн настолько презирал отношения, существовавшие между силки и человечеством, что это породило у него своеобразный эмоциональный барьер. Поэтому ниджэны на определенный, но оказавшийся решающим период времени не смогли разобраться в сути Посредников как особой категории людей.

Именно за этот какой-то час задержки Бэкстер успел проинформировать Посредников о всех полученных на ниджэнов сведениях. Тогда же состоялась встреча Семпа и Бэкстера с космическими силки и их беседа с компьютером. Одним словом, к тому моменту, когда ниджэны пленили пятерых Посредников, Земля уже была готова к

любым неожиданностям.

Ниджэны успешно извлекли все нужные им сведения из этих пятерых Посредников, и все, что касалось логики уровней, было без промедления распространено среди множества миллионов миров, где властвовали ниджэны.

Глава тридцатая

На планете, где обитал Г'Тоно, имелась высокая гора, возвышавшаяся на многие сотни метров. На ее вершине красовался его замок. В тронном зале нервно суетилась осьминожная публика, частично в рамках заведенного там порядка, частично из-за пяти плененных людей и одного космического силки Оу-Дэна.

Пятерка Посредников все еще надеялась, что их пощадят. Оу-Дэн, в результате проведенных на нем исследований, получил существенные внутренние травмы и лежал в бессознательном состоянии, покинутый всеми, кроме нескольких стражников.

По другую сторону зала метрах в ста прямо напротив людей сверкал внушительный трон. На нем восседал сам хозяин замка — Г'Тоно, фигура в своем естественном виде еще более впечатляющая, чем все окружавшие его предметы.

Около дюжины осьминожек замерли на мраморном полу перед своим тираном. Для них это была исключительного значения привилегия, и каждые полчаса они с неохотой уступали свое место другой жаждущей этого блага группе.

Г’Тоно не обращал внимания на рабов. Его всецело занимал мысленный разговор с Н’Ята, проходивший на расстоянии в две тысячи четыреста световых лет. Темой оживленного обмена мнениями была судьба пленников.

Г’Тоно полагал, что ни Посредники, ни Оу-Дэн им больше не нужны и согласно принципу предательства их следует умертвить. Н’Ята возражала, что не стоит принимать окончательного решения до того, пока не будет полностью решена проблема земных силки. А это возможно лишь при безусловном и полном уничтожении всех силки вообще.

Она поправила Г’Тона в том, что принцип предательства применяется только к системам, основанным на полном и безраздельном господстве. А о таковом по отношению к людям не могло быть и речи и не будет до тех пор, пока кто-то из ниджэнов не завладеет Землей.

Г’Тоно обуяло чувство активного мужского начала по отношению к Н’Яте. Повинуясь этому импульсу, он твердо заявил, что она, несомненно, демонстрирует очаровательную женскую слабость, но выказывает явно ненужную осторожность в то время, как проблема человечества и силки в сущности уже решена. По его мнению,

узнав о концепции логики уровней, ниджэны навсегда избавились от опасности со стороны своих давних врагов.

— Создается впечатление, что вы допускаете возможность совершения нами какой-нибудь ошибки! — возмущенно закончил он.

— Посмотрим, — сухо отозвалась Н'Ята.

Г'Тоно гневно возразил, что способ мышления ниджэнов уже давно и на практике доказал свою эффективность. А раз сам их образ мышления был полностью отработан, то не было необходимости дожидаться результатов применения какой-то одной его логической части.

В подкрепление своих рассуждений он изложил причины, по которым, на его взгляд, силки в практическом плане можно было уже рассматривать как поверженных врагов. Он считал, что впредь все свои нападения ниджэнам следует проводить таким образом, чтобы ни у одного из атакуемых ими силки не появилось бы тех возможностей, которыми так успешно воспользовался в схватке с ним Семп. Кроме того, большинство ниджэнов после того, как техника логики уровней стала их достоянием, к счастью, отказалось от настоящей борьбы.

— Несмотря на наше вполне объяснимое в дан-

ном случае раздражение, — пояснил он, — то, что они сделали — точнее будет сказать, отказались сделать, — в сущности, пошло нам на пользу. — Он прервался, чтобы спросить: — Кстати, сколько ниджэнов твердо стоят на наших позициях?

— Почти со всеми вы виделись, — ответила Н'Ята. — Всего их насчитывается около сотни.

Тот факт, что их оказалось так мало, вынудил Г'Тоно чуть запнуться в своих разглагольствованиях. Но он вспомнил, что в реальной жизни два ниджэна редко совпадали в мнениях о чем бы то ни было. Всех их переполняла непомерная гордыня. Каждый был властителем целой планеты и рассматривался как король или королева. Порой какая-нибудь государыня позволяла себе снизойти до разговора с каким-нибудь царьком, как это делала, например, сейчас Н'Ята. Случалось, что и владыка милостиво выслушивал мнение августейшей персоны. Г'Тоно в этой связи с неудовольствием подумал, что вся сотня ниджэнов, откликнувшихся на призыв Н'Яты, состояла из особ мужского пола.

Но, по глубокому убеждению Г'Тоно, все это и предопределяло неуничтожимость ниджэнов. Они были так рассеяны по всей Вселенной, так слабо контактировали друг с другом, что и милли-

она лет не хватило бы на то, чтобы истребить их всех. Да и вообще, сыщется ли кто-то, в принципе способный поражать их насмерть? До сих пор таких существ просто-напросто не существовало.

— Ну уж а теперь, когда мы ознакомились с единственным по-настоящему опасным для нас оружием — логикой уровней, которой владеют силки, наши позиции стали абсолютно неуязвимыми, — настойчиво убеждал он собеседницу.

Н'Ята ответила, что все еще продолжает изучать логику уровней и что она обеспокоена не ошибками, которые ниджэны могут сделать в будущем, а тем, сможет ли она вместе с Г'Тоно исправить те из них, которые уже были допущены в прошлом.

Г'Тоно был уязвлен.

— По-настоящему опасной могла бы стать только одна ошибка: если бы я создал для этого Семпа возможность вынудить вас или меня перенести его сюда с помощью нашего механизма господства над пространством. — И он добавил пренебрежительно: — Хотя в этом случае мне первому довелось бы столкнуться с последствиями, я все же не уверен, что он вообще отважится на противостояние со мной! Что может он мне сделать, когда я более могуществен, чем любой

силки?

И он уверенно подвел итог их дискуссии:

— Таким образом, единственно через кого он может сейчас дотянуться до нас, так это через пленников. Посему считаю, что их немедленное уничтожение — необходимая мера предосторожности, а может быть, и более того. И не пытайтесь мне в этом помешать!

Он не стал дожидаться ответа Н'Яты, а послал мощный лучевой разряд в направлении двух женщин, трех мужчин и беззащитного Оу-Дэна. Все шестеро растаяли прямо на глазах.

После этого Г'Тоно вернулся к прерванной беседе. Он продолжал развивать полюбившуюся ему тему о благоприятных для ниджэнов моментах в нынешнем положении.

— В конце концов силки, не имея власти над пространством, обречены на прозябание в окрестностях Земли и могут передвигаться в Космосе самыми примитивными способами с ограниченной скоростью. Допускаю, что где-то через три недели по земному исчислению к моей планете причалит их звездный корабль и что я, если меня пригласят, смогу на какое-то время посетить их. Откровенно говоря, что могут они со мной сделать? Что они вообще могут заметить? Ведь

ниджэн обладает способностью появляться и исчезать в ничтожнейшую долю секунды…

Внезапно он, явно ошеломленный, смолк.

Н’Ята телепатически поинтересовалась:

“Что случилось?”

“Я…” — порывался выдавить из себя Г’Тоно.

Но на большее его не хватило. Неожиданное головокружение переросло во всепожирающее смятение разума. Он с грохотом свалился с трона на мраморный пол, покатился по нему и наконец в безжизненной позе замер.

Глава тридцать первая

Ниджэны солгали. Это обстоятельство привлекло самое пристальное внимание Семпа.

Спешно проведенная проверка тысяч документов показала, что Посредники ни при каких обстоятельствах не могли быть преобразованными ниджэнами.

Не верилось, что противник мог подставить кого-то из своих под контратаку такого уровня. Но факты были налицо: они допустили этот роковой промах.

Семп доложил свои соображения Чарли Бэкстеру. Тот согласился с ним:

— Вы правы, Нэт. Ложь — это полный крах для того, кто к ней прибегнул в мире, в котором существа наделены подвластными им потоками энергии, как это характерно для силки. Порождая Ложь, создают ситуацию дихотомии[3] при двух исключающих друг друга началах. Поэтому когда в чей-то разум внедрена дихотомия, то создается такое смятение, которое рассудок не выдержи-

---

[3] notes: 3

Дихотомия — деление объема понятия на два соподчиненных (производных) класса по формуле исключенного третьего (“А” или “не-А”).

вает. В схватке с ниджэнами возникла слишком притягательная возможность, чтобы оставить ее без внимания.

Излагая созревший у него в этой связи план Бэкстеру, Семп заметил:

— Придется послать меня туда на звездолете. Иначе мне не добраться.

— Не кажется ли вам, что метод, который вы собираетесь применить против этого ниджэна, может заставить его вернуться? — засомневался Бэкстер.

— Нет. Но бдительность ослаблять не следует. Меня же наверняка захватят.

— Но у вас уйдет целых три недели на то, чтобы добраться до него на корабле, — упорствовал Посредник.

— В конечном счете неизвестно, — не сдавался Семп, — получится ли у меня что-нибудь или нет. Я пока просто надеюсь добраться до автора этой лжи. Но само по себе это еще не решает проблемы. Надо подготовиться также и к тому, чтобы сурово наказать и того, кто ему помогает. Если удастся развязать нужную реакцию, то она пойдет как цепная и закончится раньше, чем кто-либо сообразит, в чем тут дело.

— Но теперь им известно, что такое логика

уровней, — поспешил выдвинуть новый аргумент Бэкстер. — Они смогут пустить ее в ход против вас, как это вы делаете против них. Об этом вы подумали?

Учитывая, что никакой защиты от логики уровней не было, Семп не стал затруднять себя размышлениями на эту тему. Просто не стоило заниматься этим… Он преобразовался в ниджэна и сделал мысленный посыл в адрес Бэкстера.

“Очень прошу вспомнить о том мгновении, когда вам пришло послание насчет того, что Посредники якобы на самом деле являются ниджэнами”.

Таким опытным в своем деле мастерам, как Семп и Бэкстер, понадобилось не более минуты, чтобы определить конфигурацию поступившей тогда волны и разобраться в тонкостях наложения, сделанного ниджэном на телепатическую волну Посредников. Теперь они в свою очередь умело препарировали этот уже готовый канал связи. Они наложили на несущую, модулированную самими ниджэнами, двести семьдесят восемь дихотомий, известных человечеству как наиболее сложные и запутанные со времен появления языка.

“Правильно — неправильно… плохо — хоро-

шо… справедливо — несправедливо…” Если все это безумие живой мозг получит для размышления впервые и разом за несколько секунд, он просто не выдержит и впадет в полное замешательство.

В ключевых местах этой цепочки дихотомии Семп расположил гипнотические приказы, призванные воздействовать на рассудок ниджэна в момент его смятения в двух направлениях. Первое: обеспечить Семпу возможность пользоваться его способностью мгновенного перемещения в пространстве. Второе: настроиться на глубокое восприятие в своем мозгу базисной логики уровней силки.

В соответствии с этими тут же отправленными Г’Тоно гипнотическими приказами Семп моментально оказался на границе приатмосферного слоя планеты ниджэна. Спускаясь свободно на ее поверхность, Семп увидел громадный город, расположенный на берегу вольно раскинувшегося океана.

Он выбрал для посадки пустынный океанский пляж. Грохот накатывавшихся валов и стойкий запах воды на какое-то время словно околдовали его. Стряхнув очарование, Семп направился к городу. В пригороде он смело вошел в одно из

причудливых зданий. Внутри находились три существа, сильно смахивавших на осьминогов. Он отчетливо различал их, но сами эти создания воспринимали его как одного из своих сородичей, поскольку Семп соответствующим образом задействовал их галлюцинаторные механизмы. Силки внимательно вчитался в мысли трех осьминожек, затем направился в ближайшую улочку, залез на крышу дома и принялся наблюдать за жителями планеты, проходившими внизу.

Лишь убедившись, что они не представляли для него никакой опасности и, более того, вообще были неспособны отстоять себя, Семп приступил к реализации второй фазы своего плана.

Спустя несколько минут он вступил в контакт с рядом основных членов правительства, заставив их под гипнозом увидеть себя в виде человека, и в упор мысленно задал каждому вопрос:

“Где находится то, что вы можете предать?”

Создания отшатнулись от него, поскольку не поняли значения его вопроса. Они единодушно утверждали, что на планете нет никого, кто был бы способен изменить.

Ответ в известной мере позабавил Семпа. Он означал, что, как он и подозревал, в этом мире существовал только один цикл предательства. И

предателем был шеф — ниджэн.

Он мысленно послал им еще один вопрос:

“Всегда ли планета называлась Ниджа?”

Им было известно и другое ее название. Когда-то, много тысяч лет назад, еще до установления единого языка, ее величали “Тела”, что означало “Приют отважных”. Слово “ниджа” переводилось иначе: “Убежище непорочных”.

Было очевидно, что для настоящих ниджэнов название имело другой смысл.

“Все ясно”, — суммировал Семп.

Ему и на самом деле было понятно все. Поэтому он задал последний вопрос:

“Где я могу встретить того, кто требует абсолютной чистоты и непорочности?”

“О! Его можно видеть только с разрешения полиции!”.

“А разве могло быть иначе?” — с иронией подумал Семп.

В любом случае заданное время кончалось и приближался момент, когда Г’Тоно должен был пробудиться от своего мысленного ступора. В связи с этим Семп на телепатической волне Посредников выстрелил посыл:

“Говорит силки, который встречался с вами после того, как был убит его товарищ. Кстати, я

по-прежнему уверен, что это преступление совершено вами. Насколько я понимаю, эта планета наглядно иллюстрирует высказанный вами тогда тезис о том, что ниджэны не имеют родины в общепринятом смысле этого слова. ВСЕ планеты, занятые ниджэнами, составляют вашу систему, не так ли?"

Вместе с этим посланием он направил в мозг Г'Тоно приказ о начале развертывания в нем цикла логики уровней. После чего снова обратился к фокусной точке, отстоящей от его месторасположения примерно на пятьсот километров.

"Лучше переговорить со мной сейчас, чем тогда, когда будет слишком поздно".

Спустя несколько мгновений Семп почувствовал нечто необычное в своей системе трансформации.

"Н'Ята!" — догадался он и тут же вспомнил об опасениях Бэкстера, что ниджэны могут напасть на него самого. Это и происходило в данный момент. Интересно, что на агрессию отреагировал только механизм перевоплощения. Думая обо всем этом, Семп внутренне смирился с возможностью личного провала. Он ведь с самого начала допускал, что может потерпеть поражение.

Ему стало жаль Джоанн. Ей придется научиться

жить без него. А то, что теперь случится с ниджэнами… Семп содрогнулся при воспоминании о судьбе Глиса. Он снова повторил про себя поразивший его сакраментальный вопрос: “Что может быть более грандиозным, чем то, что испытал тогда Плис?”

Но это были лишь мимолетные мысли, поскольку ему сразу же стало не до них. Все внимание целиком сосредоточилось на том, что начало разворачиваться в эти мгновения.

Глава тридцать вторая

Все это началось с бешеного мелькания в чудовищном калейдоскопе образов тел и — если верхнюю часть пирамиды позволительно так назвать — лиц ниджэнов. Некоторые из этих существ слали отчаянные мысленные сигналы.

Сам Семп, казалось, парил во вневременном вакууме, поскольку каждый пучок мыслей ниджэнов доходил до него отдельно и очень отчетливо.

“Кто это сделал?

“Что происходит?”

“Почему бы сначала его не прикончить, а затем решать нашу проблему?”

“Все произошло из-за нашей неосведомленности о том, что для нападения использована часть мозга ниджэнов. К тому же у нас нет доказательств, что мы в состоянии расправиться с ним. У этого силки логика уровней, видимо, является феноменом, связанным со Временем. А у нас, как это очевидно, — с Пространством”.

Вся система ниджэнов начала беспорядочно корчиться в немыслимом количестве вариантов реакции на случившееся. Она в этот момент

напоминала муравейник, по которому кто-то крепко наподдал. Все ниджэны особенно боялись одного: два тела не могут занимать одно и то же Пространство, а два пространства не могут совмещаться в одним теле, а опасность подобного развития событий, на их взгляд, реально существовала. Это заинтересовало и поразило Семпа.

Откуда-то до него домчалась мысль: “Пространственно-временной континуум, хотя и является самодостаточным механизмом исключительной, но конечной сложности, нуждается в том, чтобы ниджэны выжили. Потому что если какой-нибудь из ниджэнов сверхвозбудится, то пространство может на это отреагировать очень резко”.

Ясно, значит, именно поэтому погиб Лэн Джедд: один из ниджэнов сознательно сверхстимулировал себя и в очень малом, но точно рассчитанном пространстве, занимаемом телом Лэна, вызвал возмущение.

Итак, воздействуя на пространство, можно было нанести ущерб ниджэну. Сверхраздражая кого-нибудь из ниджэнов, можно было ожидать какого-то ответного фундаментального всплеска со стороны пространства или его подстройки к этим действиям.

“Что они хотят этим сказать? — недоумевал

ошеломленный Семп. — Что вообще значат эти мысли?”

Вероятно, речь шла об отношениях симбиоза между Вселенной и ниджэнами. Если один из членов этого сообщества становился нестабильным, то выходил из равновесия и другой. А в этот момент ниджэны как раз и входили в состояние неустойчивости.

Когда это наконец дошло до сознания Семпа, то со стороны всех ниджэнов, втянутых в разверзшийся катаклизм, последовала вспышка подтверждения правильности его догадки и жуткой тревоги. Именно тогда-то Н’Ята телепатически обратилась к силки:

“Выслушайте меня на нидже! Мы втянуты цепной реакцией от одного к другому в процесс уничтожения. Можно ли что-либо предпринять ради нашего спасения, например заключить какое-нибудь соглашение?

В нас, — продолжала в полном отчаянии Н’Ята, — не погасло осознание связи Жизни со всеми атомами Вселенной. В те давние дни начала всего сущего мы автоматически выработали метод сохранения этой связи в безопасном для нас виде. Другие формы Жизни ослабили или оторвались от прямого контакта с Пространством

и его содержанием. Мы, ниджэны, можем быть уничтожены, если будем вынуждены войти в состояние упорядочения в необходимом для Жизни хаосе. Сейчас это и происходит".

То, что ментально услышал Семп, показалось ему самым невероятным бредом, когда-либо слышанным в жизни.

"Вы шайка лгунов! — гневно воскликнул он мысленно. — И доказательством тому служит тот факт, что Г'Тоно удалось вывести из строя, насытив его мозг избытком противоположных понятий. А уж если говорить начистоту, — продолжал он, — то я не могу верить ни единому из ваших обещаний".

Чувствовалось, что Н'Ята была предельно напряжена.

"Удивительно, — откликнулась она, — что именно тот вид, которого мы больше всего опасались, — силки, сумел столь успешно дать нам генеральное сражение. Из-за безудержной спеси бесчисленных ниджэнов мы оказались крайне уязвимыми. Каждый ниджэн, когда вступает в контакт с нами, немедленно заряжается этой логикой уровней, а у нас нет никакой возможности предупредить его вовремя не делать этого".

Семп считал исключенной возможность со-

трудничества между силки и ниджэнами. Даже ценой судьбы Вселенной. Слишком безжалостно ниджэны уничтожали силки. Да и в любом случае он был уже бессилен что-либо предпринять. Начавшую развертываться логику уровней остановить невозможно. Ее цикл непременно завершится в них и в нем, причем по тому руслу, которого требовала сама ЛОГИКА.

Его размышления внезапно были прерваны двумя событиями, произошедшими почти одновременно.

Первое: эмоцией отчаяния и тоски всплеснулся мозг Н'Яты.

"Началось", — вырвалось у нее.

"Что началось?" — всполошился разум Семпа.

Но если с ее стороны и последовал какой-то ответ, то получить его Семп уже не успел. Потому что в тот же миг в нем возникло странное и в высшей степени острое ощущение.

Это и было вторым изменением в ситуации. Он вдруг оказался на Земле вместе с Джоанн. Они только что поженились, а за окном веселилось родное Солнце.

Затем все внезапно покрылось пеленой.

"Это произошло, видимо, еще раньше, — сообразил он. — За сто лет до моего рождения. Во

мне происходят преобразования, связанные со Временем", — подумал Семп. Логика уровней настигла его, унося в обратном направлении по стреле Времени.

Ночь. Черное небо. С неба бесшумно спускается силки… Семп понял, что это был первый силки, попавший на Землю. Тот самый, в отношении которого потом сочинят небылицу, что он был создан в лаборатории.

Эту сцену тут же сменил вид города силки в недрах планетоида Глиса. Далее последовала картинка открытого Космоса. Вдали сияло бело-голубое светило. Вокруг него во мраке — другие силки. У всех радостный и счастливый вид.

У Семпа создалось впечатление, что теперь он наблюдал жизнь силки в очень давние времена, за двадцать — тридцать тысяч земных лет тому назад, еще до контакта с ниджэнами.

Новая, еще более примитивная панорама. С тех пор прошли миллионы лет. Нечто — несомненно, это был он, но такой на себя непохожий: меньше размерами, глупее, ближе к животному состоянию, — вцепилось в некрупную космическую глыбу. Вокруг полная темень.

Еще один кадр. Миллиарды лет в прошлом. Никакого мрака, наоборот — яркий свет. Где это?

Определить было невозможно. Внутри солнца? Вполне вероятно.

Невыносимо пекло. И вдруг — титанический выброс материи выкинул его в далекую черноту.

Еще один скачок во времени. Теперь Семп чувствовал что-то связанное с Г'Тоно и другими ниджэнами, нечто такое, что он, за отсутствием лучшего определения, расценил как ментальный контакт.

По этой тончайшей связующей ниточке между разумами он мог наблюдать за крахом ниджэнов с безопасного для себя расстояния.

И оказался единственным живым существом, свидетелем распада Вселенной, где Галактика, в которую входит Земля, была всего лишь ничтожнейшей космической пылинкой.

Глава тридцать третья

Начало очень походило на то, что случилось с Г'Тоно, когда Семп столкнулся с ним во второй раз и запустил в нем победный для него цикл предательства.

Очень скоро наступил момент, когда все взаимосвязанные тела ниджэнов достигли разделительной черты между Сверхмалым и Сверхбольшим. Но на этот раз жертвы не имели выбора. Речь не шла о победе. Это был цикл логики уровней в ее максимальном выражении, действующей на бесчисленное множество индивидуумов и через них, причем каждый имел потенциал, необходимый для максимальной фазы.

Это был конец для миллионов ниджэнов. В какой-то момент каждый из них был самостоятельной единицей, живым существом, со своей массой и местоположением. Но уже в следующее мгновение тот мозговой центр ниджэнов, который обладал способностью мгновенно перемещать их в пространстве, попытался это сделать одновременно во все пространства сразу. И в этот миг все ниджэны распались на составлявшие

их атомы.

Став просто материальными объектами, они рассеялись — один атом сюда, другой — туда, квадриллионы — в третье положение…..

В то самое время, когда все ниджэны стали равновеликими Вселенной, та инверсировалась в свою очередь по отношению к ним, перейдя в естественное для себя состояние идеального упорядочения, изначально присущего точке величиной с одиночный атом.

Это не было феноменом сжатия. Просто мгновенный переход противоположностей друг в друга.

Семп со своей стороны вдруг почувствовал, что его разум, наоборот, начал стремительно рассеиваться по аналогии с тем, как это происходило с ниджэнами, обреченными достичь размеров Вселенной. Столь сугубо ментальным образом он вышел за рамки и Пространства и Времени и, чудовищным усилием преодолев подступавшее безумие, огляделся. В глубоком мраке что-то виднелось… Но он отвлекся и тут же забыл о точке, которая когда-то была Вселенной.

Точка исчезла. Вселенная схлопнулась.

Все это Семп отметил только малой долей своего сознания, поскольку его основная часть

целиком сосредоточилась на другом.

Он увидел “ДРЕВО”!

Семп находился где-то далеко-далеко от него, но это великолепное, похожее на игрушку, золоченое “ДРЕВО” различал превосходно.

Но затем он отвлекся и от него.

Ему снова вспомнилось, что Вселенная исчезла. Семп подумал: “А как давно это произошло? Тысяча, миллион, миллиарды лет назад? Или в никакое время? Может быть, когда-нибудь в будущем я смогу установить это?”

Семп все еще продолжал размышлять, когда внезапно появилось ощущение нестабильности. “Сейчас состоится инверсия”, — пришло ему на ум.

Первым признаком того, что он потерял устойчивость, было исчезновение великолепного “ДРЕВА”. Он понял, что в его распоряжении всего несколько мгновений, чтобы встретиться с нужной ему Вселенной. Но как это сделать?

Оказалось, что такой проблемы по существу и не было. Полномасштабный смысл логики уровней опирался на постулат о том, что все формы Жизни в любом своем предшествующем корне знают первопричину всего сущего и самим характером своей структуры уравновешиваются

против всех негативных воздействий.

И всегда самое мелкое насекомое, растение, скала или песчинка взаимодействуют между собой. В этом всеобщем процессе участвуют и атомы в центрах далеких звезд.

Проблема не в том, существует ли подобное взаимодействие в принципе, а в том, не следует ли его уменьшить, чтобы объект начал функционировать. Обычно подобное ослабление происходит неосознанно. Поэтому чувствительность ко многим объектам в этой Вселенной в нормальном состоянии сведена к нулю. Представлялось, что только ниджэны через все фазы своей эволюции пронесли на клеточном уровне метод осознания всеобщей связи и покорили тем самым пространство.

Когда Семп вспомнил об этой Вселенной, моментально началось его с ней взаимодействие, при котором он наделял ее всеми известными ему сущностными свойствами. И тогда вдруг вновь появилась золотистая блестящая точка.

В силу происходящего с ней взаимодействия Семп чувствовал, что эта Вселенная начинает сейчас формироваться изнутри в соответствии с его универсальной памятью о том, чем она была прежде. В этой ситуации Семпу пришла в голову

замечательная мысль: “Пока она не сформируется точно такой же, как раньше, почему бы ее не усовершенствовать?”

Думать о деталях времени уже не было. Осталось довольствоваться импровизацией по ходу и отдельными яркими озарениями. Вопрос стоял ребром: сейчас или никогда. При этом навсегда.

Ниджэны?

В определенной степени он понимал их стремление обезопасить себя и свой пространственно-временной континуум, истребляя тех, кто был способен бросить вызов их гегемонии. Следовательно, они не были настолько уж виноваты, как он считал прежде. Но, с другой стороны, новая Вселенная не нуждалась в такой форме жизни, которая могла бы ее уничтожить.

И Семп решил вычеркнуть из памяти сам факт их существования, чтобы они не попали в новый мир.

А что делать с человечеством, Посредниками, космическими силки?

Решение созрело мгновенно… В его Вселенной ВСЕ будут земными силки, наделенными способностями принимать любые формы и безграничным желанием осуществлять благотворные функции полиции во всех областях космоса.

И все они овладеют методом ниджэнов господствовать над пространством, но их способность к взаимодействию будет сведена к возможности молниеносного перемещения. Кроме того, никто из силки не будет подвластен логике уровней, а все последствия развернувшегося в нем цикла будут обращены вспять. В конечном счете и чтобы не было на этот счет сомнений, все силки обретут бессмертие, решил он.

Нельзя допускать в образующуюся Вселенную кибмадинов. К столь извращенным существам Семп не чувствовал никакого снисхождения.

И уж конечно, Земля вернется к своему родному Солнцу.

Правильно ли он поступил? Никто и ничего не мог ему посоветовать. Он едва успел подумать об этом. Искать варианты и размышлять у него уже не было времени.

Внезапно бесподобное совершенство единственного лучика во мраке… утратилось и он начал разгораться. Охряного цвета точка подошла к моменту инверсии.

Для Семпа это означало возвращение к Сверхмалому. Какая-то чудовищная сила неодолимо скрутила его, сжала, навалилась…

Когда у Семпа восстановилось нормальное

восприятие мира, то первое, что он увидел, — это усеянное звездами небо, раскинувшееся во все стороны вокруг него.

Он понял, что завис где-то в космосе в облике ниджэна. Он знал также, что для этой сверхчувствительной натуры ориентация в пространстве была инстинктивной. Итак, он внутри континуума и где-то здесь была Земля. Семп сманеврировал пространством по методу ниджэнов и вступил во взаимодействие с тем далеким, на расстоянии многих световых лет, участком, бытие которого он так отчетливо ощущал. Он провел инверсию только в малом масштабе. Обратился в точку, затем вернулся в прежнее состояние, опять в точку… во что-то… в ничто… в нечто…

И вот восемьдесят тысяч световых лет позади.

Как и прежде, он находился в помещении Властей силки и говорил Бэкстеру:

— Знаете что, пожалуй, не стоит посылать за звездолетом. Он мне не нужен.

Посредник смотрел на него блестевшими от волнения глазами.

— Нэт! — с облегчением выдохнул он. — Вам удалось добиться своего. Вы победили!

Семп помедлил с ответом. Его мозг терзала одна неотступная мысль: мог ли он участвовать

в создании второй модели континуума, если в тот момент, когда Вселенная схлопнулась и возродилась, сам он пережил трансформацию во времени?

А МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО БЫЛА ТА ЖЕ САМАЯ ВСЕЛЕННАЯ?

Он понял, что так никогда и не получит ответа на свой вопрос.

А потом… не было ли все это фантазией, необузданной игрой отражавшего его желания разума все то время, пока он находился в бессознательном состоянии? Не было ли это самым причудливым сном, когда-либо привидившимся землянину?

Справа от него находилось громадное окно, выходившее на террасу, с которой могли взлетать силки. Семп направился туда.

Стояла ночь. В мутном небе проплывала старушка Луна. Небосвод был усеян столь знакомыми ему созвездиями.

Семп встрепенулся, осознав, что его победа была полной и окончательной.

— Пойду повидаюсь с Джоанн, — устало бросил он Чарли Бэкстеру, неотступно следовавшему за ним.

Взлетая в эти милые ему земные просторы, он

подумал: “Милая женушка, как много мне надо тебе рассказать”.

Клетка для разума

Глава 1

Дэвид Марен нетерпеливо кусал губы, пока Председатель Совета Глав Групп объявлял: "Слушается дело Уэйда Траска, обвиняемого в антигосударственной деятельности".

До этого момента Марен с таким же нетерпением выслушивал предложения Главы Группы Джона Пилера, который после целого года напрасных усилий ещё раз пытался убедить советников в необходимости отменить Закон о Группе для женщин. Всем была известна тайная причина стараний Пилера — он испытывал особую привязанность к одной девушке и всеми силами добивался выделения части женщин в специальную категорию, чтобы исключить эту юную особу из любовных игр Группы.

"...Уэйда Траска, обвиняемого в антигосударственной деятельности..." Услышав эти слова, Марен сразу потерял интерес к дискуссии о женщинах, которую шепотом продолжали вести Пилер и советники. Начиналось слушание по делу, которого Марен ждал. Он обвел взглядом

зал Совета. За большим столом сидели двенадцать членов суда и два секретаря. Глава группы "Америка-Центр" Оскар Подредж, суровый с виду, тяжеловесный и крупный молодой человек, поднял голову: "Это тот ученый?"

Председатель Медельин указал подбородком на одного из секретарей, тот пролистал несколько документов и прочел: "Уэйд Траск, инженер-физик, эксперт по прапспам, специалист по прикладной электронике... Далее следует список его работ".

Медельин осмотрел лица своих коллег — одно за другим. "Похоже, что решение принято единогласно, господа", — бросил председатель, и в его голосе прозвучала нотка облегчения.

Марен поднял руку, показывая, что берет слово, но, внимательно оглядев аудиторию, задумался. Из всех находившихся здесь членов суда только Подредж, Эдмунд Слейтер, Медельин и он были профессионалами. Остальные до того, как им предложили их нынешние высокие посты, были руководителями в промышленности, образовании или науке. Медельин и Подредж были верховными организаторами — высшими владыками в эту эпоху, соединившую жизнь в коллективах со свободным предпринимать-

ством. Слейтер, представляющий полицию, был их мечом и плетью. А сам он, Дэвид Марен, был... кем же он был?

Он был человеком не совсем того же круга, что эти реалисты. Марен был Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил Великого Судьи и поставлял остальным человеческий материал, который они безжалостно кроили и обтесывали.

Его задача была завоевывать по одному или по несколько сразу "государства-бандиты", которые в огромном количестве возникли во всех частях мира после третьей атомной войны, завершившейся двадцать лет назад. Закончив свою работу, Марен передавал покоренные народы организаторам и полицейскому-палачу, а сам отходил в сторону: то, что происходило потом, его не касалось.

В Совете Марен всегда держался в стороне от коллег. Может быть, теперь это сослужит ему плохую службу: он знал, что возбудил в советниках ревнивую зависть, злобу и страх по отношению к себе.

Нарочно замедляя свою речь, чтобы справиться с тревогой, он сказал:

— Я считаю, что дело Траска нуждается в более подробном рассмотрении и, честно говоря,

думаю, что имеются основания для оправдательного приговора.

— Какие основания?

Это спросил Подредж, скорее с любопытством, чем агрессивно.

Марен изложил один за другим свои аргументы.

— Когда я прочел те бунтарские слова, в произнесении которых обвиняют Траска, я пришел к выводу, что их основной смысл таков: принцип коллективистского свободного предпринимательства требует дальнейшего развития.

Сколько раз мы сами в этом же зале обсуждали этот вопрос? Сколько раз мы спрашивали себя, не может ли изменение принципа Группы уничтожить тот или иной неисправимый порок человеческой природы? Поэтому я не могу признать, что за то, в чем его обвиняют, Траск заслужил смерть.

И, завершая свое выступление, Главнокомандующий твердо заявил:

— Я убежден, что Траск находится в начале такой научной карьеры, которая сделает честь власти, позволившей ей осуществиться. Вот почему я прошу, чтобы обвинительный приговор завершался так: "Судье, заседателям и обществен-

ному обвинителю выносится благодарность за усердие. Обвиняемому выносится порицание, однако он освобождается от наказания ввиду высокой ценности его работ".

Произнося эту речь, Марен ясно видел, что лица некоторых из сидящих за столом все больше хмурятся. Но не только он один заметил, как подействовали на суд его аргументы. Медельин раз за разом обводил взглядом судейский стол, и лицо председателя вздрагивало от мучительной тревоги. Он торопливо сделал рукой знак тому из секретарей, который сидел ближе к нему: "Будьте добры, прочтите точную запись высказываний Траска".

Секретарь порылся в своих папках, вынул из одного рукописного документа несколько листков, развернул их и начал отрывисто читать:

— "Принцип группизма внедрен слишком широко", — это говорит господин Траск, господа. — "Исследования, которыми я занимаюсь, показывают, что общественные отношения требуют взглянуть на понятие Группы под новым углом зрения, отличным от того, под которым оно рассматривалось до сих пор".

Марен мысленно проклял то помрачение ума, которое заставило Траска забыть распростра-

нявшиеся на всех граждан ограничения свободы слова. По словам ученого, в тот самый день, когда он высказал свои взгляды, он сумел перенести в нервную систему цыпленка импульсы нервной системы собаки, отчего почувствовал необычное для себя возбуждение. Во время судебного процесса Траск старался оправдаться тем, что открытие привело его в ненормальное душевное состояние, но это объяснение ему не помогло.

Медельин снова обратился к тому же секретарю:

— Ознакомился ли Великий Судья с материалами?

По телу Марена пробежала дрожь: то, как был задан этот вопрос, явно показывало, что Великий Судья интересуется делом Траска.

— Да, сэр. Он затребовал это дело на прошлой неделе и вернул сегодня утром.

— Высказался ли Великий Судья о том, какие меры следует принять к обвиняемому?

Это было похоже на вопросы по катехизису во время урока закона божьего. Было ясно: Медельин с самого начала знал, что Великий Судья уже вынес приговор.

Секретарь какое-то время листал свои документы, словно отыскивая ответ. Наконец он прочел:

— "Явный случай предательства".

— Стоит ли под этим его собственноручная подпись?

— Он поставил свой росчерк, сэр.

Итак, смерть.

Марен не спросил, почему это предварительное мнение не было вынесено на обсуждение: Великий Судья никогда не вмешивался в дебаты внутри Совета. Совет старательно поддерживал для заграницы видимость своей независимости. "Достаточно ученому сказать несколько критических слов, и человек, который правит Землей в 2140 году, уже нервничает", — с горечью подумал Марен. Кусая губы, он покачал головой и насильно заставил себя улыбнуться.

Теперь должны были начаться действия, которые обычно следуют за вынесением приговора. Простая техническая операция во всей её привычной грубости.

Медельин поднял трубку телефона. "Вы Тилден Аралло, глава Группы 814?"

Громкоговоритель передал ответ: "Тилден Аралло у аппарата". У этого человека был баритон. Аралло, должно быть, догадывался, что ему звонят "сверху", потому что был почтительным.

— С вами говорит Медельин, Председатель

Совета Глав Групп.

— Я к услугам Вашего Превосходительства.

— Совет поручил мне связаться с вами по поводу члена вашей Группы Уэйда Траска.

— Жду ваших указаний.

— Уэйду Траску вынесен приговор — смертная казнь. Следовательно, начиная с данного момента ваша Группа отвечает за действия упомянутого Уэйда Траска. Передвижению и деятельности названного Траска не должно чиниться никаких препятствий, помимо ограничений, предусмотренных действующим законодательством. Уэйд Траск, приговоренный к смерти за антиправительственную деятельность, должен быть извещен о том, что обязан явиться к Конвертеру для казни через неделю после сегодняшнего дня, до полуночи.

— От имени Группы 814 подтверждаю прием сообщения сегодня, 26 августа, в 10.30.

— Подтверждение приема зарегистрировано.

Медельин положил трубку.

Потом он обвел взглядом стол. Выражение костлявого лица Председателя было добродушным, но взгляд был холодным. Худыми пальцами глава Совета теребил свои седеющие волосы.

— Ну что же, господа, думаю, что на этом мы

прервем работу Совета до будущей недели. Дэвид, — прибавил он, глядя на Марена, — я хотел бы немного поговорить с вами.

— Я в вашем распоряжении, — ответил Главнокомандующий. Тон этих слов был почтительным, но без малейшего следа любопытства. Марену было легко догадаться, что разговор пойдет о военных действиях против "бандитствующей" королевы соседнего государства Георгия, которые были неизбежны и уже подготавливались. "Я должен бы сообщить Траску о приговоре", — подумал он.

Собеседники направились в один из углов зала Совета.

— Дэвид, — тихо и быстро произнес Медельин, — если бы я знал, что вы собираетесь ходатайствовать в пользу Траска, я предупредил бы вас.

Тут Председатель вдруг прервал себя и переключился на другую тему.

— Но хватит об этом. Мы совещались, Великий Судья и я, и выработали для вас следующие инструкции. Завтра вы завтракаете с Великим Судьей, а затем вылетаете в Лагерь "А", на границу с Георгией. Самолет отправляется в четырнадцать часов. Вскоре после прибытия в Лагерь "А" вы выступите с речью перед собранием георгийских

революционеров. Затем подождете сорок восемь часов, чтобы дать им время вернуться на родину. В подходящий момент те из них, кому достанется роль убийц, казнят самых видных руководителей георгийского режима. Одновременно с этим ваши войска перейдут границу и займут страну. Королеву и её семью нужно пощадить.

Медельин помолчал, потом нахмурил брови и продолжил:

— Мы желаем, чтобы вы переспали с королевой, Дэвид. Конечно, я должен признать, что она не воплощение красоты. Но необходимо, чтобы она считала, будто это вы лично из-за любовного каприза спасаете ей жизнь. Не обращайте ни малейшего внимания на её протесты. Пусть она поселится у вас, если будет нужно, похитьте её. Пообещайте ей вашу личную защиту, убедите её, что позаботитесь, чтобы её семья сохранила власть.

Марен утвердительно кивнул. Он чувствовал себя немного циником, но это было очень слабое чувство. Не в первый раз он будет для вида поддерживать законное правительство страны, а на самом деле захватывать её.

— Кому я должен сообщить дату наступления? — спросил он.

— Никому. Сейчас об этой операции знают только Слейтер, вы, я и, разумеется, Его Превосходительство. Применяйте обычную тактику дезорганизации. Желаю удачи!

Сказав это, Медельин быстро ушел, а Марен покинул зал Совета со странным чувством пустоты в душе.

Глава 2

Опираясь на парапет, окружавший Группистский Центр, Марен ждал своего "прыгуна" — магнитолет. Свежий колючий воздух обещал прекрасный день, но Марен ненадолго задержался на этой мысли. Он задавал себе вопрос, как он расскажет Траску о происшедшем, и от этого у него сосало под ложечкой. Марен решительно стиснул зубы. Совершенно ясно: только он и никто другой должен сообщить все Траску. Он сможет успокоить приговоренного, твердо пообещать, что воспользуется всей своей властью, чтобы добиться смягчения приговора.

Конец этим размышлениям положило появление "прыгуна", который скользил навстречу Марену по наклонному спуску. Совершенство этой машины мгновенно привело Главнокомандующего в почти детский восторг. Все в ней вызывало у Марена восхищение — и бесшум-

ность магнитных двигателей, и чистота линий массивного сверкающего металлического корпуса.

Укороченные крылья "прыгуна" не несли машину в воздухе — их единственным назначением было помешать ей переворачиваться, потому что для магнитного поля Земли, из которого "прыгун" черпал движущую энергию, было все равно, вверх или вниз головой расположен водитель. Эти усеченные крылья и ещё более укороченный хвост лишь обеспечивали устойчивость машины во время полета. Механик, который привел машину из подземного гаража, находившегося в глубине здания, вышел из нее, и Марен забрался на его место. Главнокомандующий направил "прыгун" по полосе, предназначенной для личных машин, включил автопилот и набрал номер личного телефона Траска. Почти сразу же он услышал низкий голос:

— Алло, слушаю вас!

— Это вы, Уэйд?

— А, Дэвид! Ну что?

В голосе физика вдруг почувствовалась настойчивость. Марен описал заседание суда, поторопился успокоить своего собеседника и наконец замолчал, чувствуя себя неуютно. За

свою жизнь Главнокомандующий достаточно часто произносил смертные приговоры, в боях он посылал людей на смерть тысячами, но этот раз был не похож на прежние.

— Дэвид, я обязательно должен увидеться с вами сейчас же!

Разве можно колебаться? Этот человек должен узнать, что друзья не покинули его.

— Где?

— В Лабораториях Траска.

Марен ненадолго задумался. Место встречи было не очень хорошим для него. Теперь, когда приговор вынесен, Лаборатории временно будут переданы под контроль государства, и эта охранительная мера будет выполнена быстро. Этот арест имущества не ставил под вопрос право собственности на него Траска, но все же лучше, чтобы Дэвида Марена не обнаружили в таком месте.

Тем не менее колебания Главнокомандующего были недолгими. Дэвид забыл о своих мысленных возражениях: в такой час дружба не должна иметь границ.

— Я буду там через десять минут.

— Прекрасно.

Раздался резкий щелчок — окончание связи.

Марен ощущал какое-то неопределенное беспокойство. В первый раз с начала своей военной карьеры он испытывал неприятную уверенность, что совершает ошибку.

В конце концов он забыл это тревожное чувство и тогда смог задуматься об участи, ожидавшей Уэйда Траска. Приговор будет официально сообщен ученому главой Группы 814 Тилденом Аралло. С этого момента приговоренный теоретически будет волен провести последнюю неделю своей жизни настолько приятно, насколько пожелает. Правительственная пропаганда настойчиво подчеркивала это: никогда, твердила она, цивилизованное общество не предоставляло такой большой свободы виновному. Но в действительности бегство было абсолютно невозможно. Каждому подданному Великого Судьи была вживлена непосредственно в плечевые мускулы электронная схема, которую могла включить любая станция контроля, а во включенном состоянии эта схема вызывала у человека боль, которая постоянно усиливалась. Это устройство действовало избирательно: каждый подданный имел свой код, соответствующим образом зарегистрированный в Центре Контроля. У Марена была своя комбинация цифр, у Траска тоже. Эти коды,

секрет которых был известен лишь немногим, и давали абсолютную власть Великому Судье.

* * *

— Садитесь, — сказал Траск.

Ученый был высоким и худощавым — у него была изящная стройная фигура интеллектуала. В его поведении чувствовалась странная решительность. Голубые глаза сверкали за стеклами очков. Жесты Траска были уверенными, в них не было ни малейшего намека на душевное смятение.

— Я должен вам кое-что показать.

Марен уселся там, где ему указал собеседник. Главнокомандующий был удивлен, но покорился. Он сомневался, чтобы то, что Траск хотел ему показать, имело какую-либо ценность. Марену часто приходилось обнаруживать, что приговоренный считает, будто имеет возможность сделать властям предложение, которое, как он надеется, окажется достаточно интересным и склонит чашу весов в его пользу. Главнокомандующего разочаровало, что Траск тоже поддался этой неразумной надежде. Он-то должен был знать, что, поступая так, предается напрасным мечтам.

Траск занял место напротив.

— Дэвид, — начал он с усилием (это чувствовалось по голосу), — Дэвид, я кое-что скрыл от вас. Вы помните, как я рассказывал вам о своем эксперименте, в ходе которого я перенес импульсы нервов собаки в нервную систему цыпленка?

Марен ответил утвердительно. Он был озадачен и растерян: этот вопрос свалился как снег на голову.

Траск торопливо продолжал:

— На самом деле этот эксперимент продолжается достаточно долго, — уже больше года. За это время я провел опыты на прапспах и теперь точно знаю свои возможности.

В тоне этого человека звучала такая сила, что Марен насторожился и удвоил внимание: Траск говорил так, словно не был приговорен!

Симпатия Главнокомандующего к Траску остыла. Дэвид стал ждать продолжения. Проявить добрые чувства к попавшему в беду гражданину, к тому же другу, — это одно, а чувствовать, что тебя заставляют слушать антиправительственные высказывания, — совсем другое дело!

— К чему вы клоните? — сухо спросил Марен. Эти слова подействовали на Траска, как холодный душ. На мгновение ученый замер на месте, потом его губы сложились в неуверенную улыбку,

которая постепенно стала шире. Траск медленно заговорил:

— Дэвид, сейчас я могу противостоять приговору, опираясь только на свои силы. Но все было бы намного проще, если бы я смог убедить вас и добиться вашего сотрудничества.

Вот оно! Роковые слова произнесены! В изумлении и ужасе Марен понял, что с самого начала скрывалось за поведением Траска. Обоснованы его притязания (способен противостоять приговору опираясь только на свои силы) или нет? Это неважно: перед Мареном было неоспоримое доказательство правильности вывода Великого Судьи.

Сознательное предательство!

Марен вдруг почувствовал печаль: он понял, что Траск не раскаивается в своем богохульстве. Подумать только, после трех атомных войн есть ещё люди, которые могут говорить таким языком! С горечью в сердце Марен, упершись взглядом в пол, вспоминал, как разбиралось дело Траска. Приходилось признать, что слепым был он, а зрячими остальные. Проницательный и ясный ум Великого Судьи позволили ему распознать измену, и он без лишних слов вынес не подлежащий обжалованию приговор. Марен негодовал. Он

поднял взгляд на человека напротив, видя в нем только приговоренного: теперь дружба умерла. Но в его уме — к несчастью, тоже слишком поздно — возникла другая мысль: опасность! Траск был из тех людей, которые ничего не оставляют на волю случая. Траск не рискнул бы так открыться перед ним, не подумав заранее, как и чем бороться с последствием отказа.

Рука инженера была в кармане. У него там — оружие?

Взгляды противников скрестились.

— Вы понимаете, Дэвид, что я должен был попросить вас об этом ради нашей прошлой дружбы?

Нужно выиграть время, подумал Марен, и найти случай вынуть пистолет.

— Каким же образом я мог бы сотрудничать с вами?

Траск покачал головой, его лицо искривилось в иронической улыбке.

— Боюсь, дорогой Дэвид, что потрясение было для вас слишком сильным. Ваше лицо вас выдало, поэтому я не думаю, что мои предложения способны привлечь ваше внимание.

Улыбка исчезла с лица Траска, он вынул руку из кармана и направил на Марена нейтрализатор.

— Пройдите туда, — бросил он, указывая на угол, загроможденный инструментами.

Марен поднялся на ноги и подчинился без слов. Он ждал, спокойный, полный любопытства и смирившийся. Смирившийся с чем? Этого он пока не мог точно сказать. Во всяком случае, угрозы для его жизни, похоже, не было. Когда Дэвид поднял голову, его взгляд встретился со взглядом ученого, и в этот раз именно Траск в конце концов отвел глаза.

— Полагаю, вы были бы не прочь подробнее ознакомиться с моими проектами?

Марен вздохнул: совершая низости, люди всегда ищут уважительные причины, чтобы оправдать их. Теперь Траск не вызывал у него ни малейшего интереса.

— Прошу вас, избавьте меня от вашей болтовни!

Ученый замер. Потом покраснел. От гнева или от нетерпения? Этого Марен не смог понять. Но когда голос Уэйда зазвучал снова, тот уже опять владел собой.

— Может быть, я слишком долго ждал удобного момента, чтобы начать действовать. Ясно, что сейчас мы слишком далеки друг от друга, чтобы я мог открыть вам мотивы своих действий. Тем

не менее я немного удивлен, что политическая экономия оставила настолько глубокий след в сознании такого человека, как вы. Итак, я скажу вам лишь вот что: идеология "группового свободного предпринимательства" дает человеку не больше, чем одна Группа или одна свобода деятельности. Такая идеология, как наша, может держаться лишь с помощью традиционных приемов придирающейся ко всему судебной власти, и в конечном счете потерпит крах в тот момент, когда преемники Великого Судьи перессорятся между собой.

— И именно вы измените это?

Должно быть, враждебные чувства Марена были заметны по его голосу, потому что на этот раз лицо Траска не просто покраснело, а побагровело. Ученый отрывисто рассмеялся.

— Прекрасно, дорогой друг! Впрочем, сама жизнь будет для вас наилучшим уроком. Когда вы проснетесь, идите ко мне и оставайтесь там, пока я не подам вам знак. Я не оставлю вас в затруднительном положении.

Когда Марен проснулся, только воспоминание об этих словах спасло его от помешательства.

Глава 3

Марен проснулся, словно вырвался из туман-

ного мира полузабытого сна. В этом сне его тревожили знакомые образы, но одновременно он чувствовал, что блуждает по неизвестным ему местам, видит и слышит что-то, что не имеет никакой связи с его жизнью. Марен раздвинул сумрак сна без страха и тревоги, совершенно не помня, что лишило его сознания.

Открыв глаза, Дэвид увидел, что он лежит на походной кровати в углу Лаборатории Траска. Никаких следов самого физика не было, и Марен почувствовал большое облегчение. Он снова закрыл глаза, расслабился и лениво потянулся.

Потом Марен подумал:

"Как только произойдет обмен тел, я перенесу аппаратуру в кабинет Марена. Тогда мне понадобится всего день или два для подготовки, а потом я пойду к Великому Судье".

Эта мысль возникла в уме Марена так естественно, что он не сразу осознал, какой поразительно чужеродной она была в его сознании.

"Когда произойдет обмен тел..." Обмен чего? Он был в недоумении.

@BODYM = От мыслей об этом ему хотелось спать. Марен с силой потряс головой: странно, как этот сон преследует его и наяву!

@BODYM = Дэвид вспомнил его и был удивлен

точностью воспоминания. В уме Марена всплывали обрывки разговоров и картины, связанные с событиями, к которым он никогда не имел никакого отношения. Впрочем, события эти были весьма прозаическими: какие-то люди серьезно обсуждают какие-то планы; он сам идет по улице в компании друзей; равнинные просторы до самого горизонта; города, которые он видит сверху, пролетая над ними; поросшая травой равнина, через которую к нему идет, раздвигая руками высокие стебли, улыбающаяся женщина — женщина, которую Марен никогда не видел наяву.

@BODYM = Что-то в этих воспоминаниях, хотя они и не принадлежали ему, неуловимо говорило о том, что они отражали реальное прошлое. Размышлять над всем этим было нелегко, тем более что Марен валился с ног от желания спать. Его как будто накачали снотворным. И вдобавок ко всему он чувствовал беспокойство и странное физическое недомогание.

@BODYM = Внезапно вспыхнула мысль: "Где Траск?" И почти тут же он вновь начал блуждать по огромному миру умственных образов.

@BODYM = На этот раз он осознал кое-что новое, что его поразило: эти картины были из жизни Уэйда Траска. В то время это был прилежный

ученик, застенчивый подросток, для которого его страхи стали толчком к формированию тайных идеалов. А идеалы в свою очередь порождали у юноши бешеную энергию. Особенно четкой была одна картина: он стоял на коленях у изголовья умирающего и явно делал это в ходе эксперимента.

@BODYM = — Вам нужно только попросить у неё то, что вам нужно. Мы сделаем так, как вы скажете, — говорил он. Умирающий бросил на него полный ненависти взгляд:

@BODYM = — Мерзавец! Подлец! Помогите мне! Вы это можете!

@BODYM = Тот, кто говорил во сне, ответил:

@BODYM = — Не позволяйте страху лишить вас здравого смысла. Объясните, почему вы болеете, и скажите, что нужно делать.

@BODYM = — Это же работа врачей! — простонал больной. — Откуда мне знать, почему я болею.

@BODYM = — Нужно сказать мне это или смириться с тем, что вы умрете, — ответил Траск, и эта картина рассеялась, как туман.

@BODYM = Эпизод с умирающим, как и все последующие эпизоды, состоял не из непрерывного ряда образов, а из разрозненных кусков, не свя-

занных между собой.

@BODYM = Невозможно было точно определить, когда Траск приступил к исследованиям, итогом которых стало его грандиозное открытие, но результаты этой работы были совершенно ясны. После начального периода подстройки под новое тело перенесенное сознание полностью берет управление на себя, и все воспоминания, сохранившиеся в занятом теле от прежнего сознания, стираются. Человек полностью сохраняет свои воспоминания, чувства и волю с той лишь разницей, что у него теперь чужое тело. Чтобы описать это удивительное явление, Траск должен был разработать новую теорию жизни.

@BODYM = Марен готовился изучить эту теорию, уже начал представлять её себе в общих чертах, — и тут вдруг в одно мгновение понял, что с ним произошло. Это был не зародыш мысли и не полуоформившееся подозрение, а молниеносное полное осознание. В один миг спутанная паутина страхов, удивлений, сомнений и фактов, в которой он бился, превратилась в единый и непрерывный упорядоченный узор.

@BODYM = Как сказал Траск? "... Перенести нервные импульсы цыпленка в нервную систему собаки".

@BODYM = Только в этот драматический момент, когда весь опыт последних часов выстроился в его уме в логическом порядке, Марен почувствовал грандиозность открытия Уэйда. Если такая операция удалась с цыпленком, почему она не может удаться с человеком? Почему нервные импульсы Траска не могут перейти в нервную систему Марена?

@BODYM = И наоборот!

@BODYM = "Я здесь, — думал совершенно ошеломленный Глава Группы Дэвид Марен. — Мое Я лежит здесь, это мое Я со всеми его воспоминаниями. И в то же время на этой постели лежит тело Траска с воспоминаниями и проектами Траска. А Траск теперь выглядит как я! Внешне он — это я, и если у него хватит смелости, он сможет проникнуть куда угодно. Даже к Великому Судье!"

@BODYM = Признания Траска не оставляли места для сомнений: у него был необходимый запас смелости. От потрясения, вызванного этим выводом, Марен открыл глаза и бессознательно поднялся на ноги.

Только сделав это движение, Дэвид понял, что тело Траска прекрасно повинуется ему: одним слитным усилием он сразу включил в работу кисти рук, ступни и органы чувств другого чело-

века! Озадаченный этим, Марен опустил взгляд, поднял руку и наконец увидел... себя.

Не осознавая, что делает, он рванулся с места и выбежал на улицу.

Его "прыгуна" уже не было на стоянке у Лаборатории, но Марен, кажется, недолго раздумывал, как быть, потому что добежал без передышки до самой остановки воздушных такси. Задыхаясь от бега, он стал ждать машину и через несколько минут, все ещё не отдышавшись, уже называл водителю адрес Траска и падал на сиденье.

После этого лихорадочное возбуждение сменилось апатией. Марен почувствовал такую растерянность, что его действия показались ему бессмысленными. Он был ничем — обезумевшая от страха и тоски точка в непрерывной системе координат "пространство-время". Человек, переставший быть собой. Он с ужасом дотронулся до очков Траска на своем носу. Подумать только! А его собственное зрение было не хуже, чем у орла! Как его вымотал этот бег и как долго он чувствует усталость от него! А тело Дэвида Марена было не знающей износа стальной машиной.

Наконец он начал реагировать на окружающий мир. За прозрачной стенкой такси проносился город. "Куда я еду? — спросил себя Марен. — Ах,

да. Конечно, к Траску. Он сказал мне, чтобы я отправился к нему".

На мгновение Марен замер неподвижно, снова подавленный и обессиленный, примиряясь с тем, что для того, кто внешне является Траском, квартира Траска единственный разумный адрес.

— Земля, — через громкоговоритель объявил из кабины таксист, и машина начала опускаться.

— Земля?

Марен начал было подниматься на ноги, готовый последовать указаниям Траска, но остановился, помрачнел и вместо этого передвинулся в угол диванчика-сиденья.

— Я передумал, — бросил он водителю и назвал парк в центре города приятное место, куда он, когда ещё был Мареном, иногда приходил, если нужно было решить трудную стратегическую задачу. Такси взлетело. Марен набрал в грудь столько воздуха, что узкие легкие Траска чуть не разорвались. Еще никто никогда не сталкивался с проблемой, как та, что стояла перед ним сейчас.

В парке Марен сел на скамью. Судя по солнцу, скоро должен был наступить полдень, но утро ещё не кончилось. Каждый раз, когда Марен осознавал, что ещё немного времени безвозвратно потеряно, он слегка вздрагивал.

Раз десять он пытался сосредоточиться на своей проблеме. Но каждый раз его внимание отклонялось в сторону, и в его уме оставалась пустота. Не в силах ничем заняться, Марен нервно скреб носком ботинка. Подгоняемый беспокойством и тревогой, он начинал идти по какой-нибудь из дорожек, встретив развилку, сворачивал на другую дорожку, возвращался на свою скамью и тут же вновь срывался с нее. Снова уходил, снова садился на прежнее место и опять уходил.

Глава 4

В тот же вечер, за несколько минут до двадцати двух часов, Марен, совершенно обессиленный и мрачный, вошел в просторную гостиную квартиры Траска: в конце концов он признал тот факт, что другого способа найти физика не было. На диване лежала худая и черноволосая молодая женщина. Она спрыгнула на пол, бросилась навстречу Марену, повисла у него на шее и раньше, чем ему могла бы прийти в голову мысль о сопротивлении, влепила ему в губы поцелуй. Марен оттолкнул её, и она с обиженным видом отошла прочь.

— Я нахожусь здесь ради вас, — сказала она. — Как только ваши собратья по Группе узнали, что вас приговорили, они наняли меня и послали

к вам домой.

Эти слова тут же покорили Марена. Купленная любовница для мужчины, который, вероятно, больше не может добиться милости у женщины, не торгующей собой! Это было великолепное средство контроля, и быстрота, с которой действовали руководители Группы, позволяла предположить, что, когда речь шла о приговоренном, этот метод был весьма эффективен.

Марен с любопытством стал рассматривать девушку: стройная и гибкая, полная жизни, явно прекрасного мнения о себе, судя по волнующей дерзости её манер. Потом внимание Марена переключилось на гостиную, роскошнее которой он ничего не видел в своей жизни: высокий потолок, стены обшиты дубом. Одну из стен почти целиком занимал прочный дверной проем. Марен инстинктивно остановил взгляд на больших часах, вделанных в правую стену: они вызывали у него странное воспоминание. Тело Траска вспомнило, что часы маскировали один из входов в личную лабораторию физика, где тот тайно провел немало экспериментов. Другой выход из неё вел в рабочий кабинет. С этой мыслью связалась вторая, непредвиденная: часы — один из бывших приемников Мозга.

Мозг исчез во время последней атомной войны, остались лишь следы его существования, и те, если не были уничтожены, оставались без употребления.

Марен отметил, что стрелки настенных часов показывали практически то же время (если не считать нескольких секунд разницы), что и его наручные часы, и уже собирался отвести взгляд от большого циферблата, но его остановили гулкие удары — часы начали отбивать время. Потом несколько секунд ожидания в давящей тишине, которую нарушало только слабое быстрое тиканье, — и послышался серебристый перезвон. Одновременно на циферблате задрожали цветные лучи. Эхо перезвона заглохло, и после новой паузы раздалась барабанная дробь, которая постепенно стала лишь далеким пульсирующим звуком. Тогда на её фоне зазвучал голос, говоривший с хорошо узнаваемым акцентом, характерным для речи автоматов. Он сказал на "типовом английском": "Сейчас быть двадцать два час, двадцать шестое август, две тысячи сто сороковой год" — и добавил, что "погода быть прохладная для август" и "небо быть немного облачное".

Удар литавр, и какой! Затем повтор колоколь-

ной мелодии, звучавшей перед этой сложной церемонией, и наконец снова тишина.

Марен, который самым явным образом показал свой сильный интерес к этому музыкальному представлению, понял, что молодая женщина наблюдает за ним с некоторым удивлением. Ну конечно — часы должны быть для Уэйда Траска привычной вещью, и он должен едва обращать на них внимание. Притворившись, что очнулся от глубокой задумчивости, Марен пристально взглянул на женщину и спросил:

— Чем ты зарабатываешь на жизнь? Спишь с мертвыми мужчинами?

Она, похоже, на мгновение сжалась, но не ответила.

У Марена не было ни малейшего желания играть роль моралиста и осуждать её, однако он продолжал тем же тоном:

— И какие у тебя расценки?

— От ста до пятисот долларов за неделю, — ответила она так же колко.

Марен вдруг осознал, что он не только старается стереть из памяти этой девушки эпизод с часами: он поймал себя на том, что всерьез думает, не принять ли её услуги. И мгновенно его мысль перенеслась к Делинди Даррелл, самой

прекрасной женщине из всех, которые родили ему детей. Он и Делинди прожили вместе около трех лет, но полгода назад Великий Судья взял её в любовницы. И за эти шесть месяцев Марен не взглянул ни на одну женщину.

— Ты можешь жить здесь, если хочешь, малышка, — снова заговорил он, на этот раз с неожиданной для себя лаской в голосе, — но я буду совершенно искренним и признаюсь, что мое сознание не будет достаточно свободным от посторонних мыслей.

Он улыбнулся и добавил с оттенком сарказма в голосе:

— Я буду считать тебя пятисотдолларовой девушкой.

Она рассмеялась, бросилась к нему, горячо обняла и убежала в сторону спальни.

Марен взял стул и сел на него лицом к двери. В первый раз за этот день он сказал себе, что, вероятно, уже мог бы действовать. Все заставляло думать, что Траск уже давно воспользовался своим сходством с Мареном, чтобы договориться о встрече с Великим Судьей. Все позволяло считать, что сознание диктатора уже похищено из его тела. "Я должен был что-нибудь сделать", — подумал Марен, побледнев от горя и волнения.

Потом захлестнувшая его волна отчаяния откатилась: совершенно очевидно, что он не смог бы сделать ничего. Иначе он бы уже действовал. Уже одно то, что он начинал оправляться от шока, должно быть поставлено ему в заслугу, потому что никогда ни один человек не испытывал душевного потрясения такой силы. В конце концов он решил: "Завтра (было около двенадцати часов ночи) я перейду к действиям".

Если только уже не слишком поздно!

С трудом передвигая ноги под грузом накопленной за день усталости, Марен направился в спальню. Едва перешагнув её порог он замер на месте: он совершенно забыл о женщине! Она лежала на постели, и её белое плечо сияло ярким пятном на фоне простыней. Небрежным движением она повернула голову к Марену, взглянула на него в упор и бросила:

— На случай, если вас заинтересует, как меня зовут, — мое имя Рива Аллен.

Марен сел рядом с ней. Ее близость переключила его мысли на другое: он был убежден, что группизм устранил проституцию, но вот теперь перед ним была проститутка — впрочем, очень привлекательная. Мало того — её прислала ему Группа. Эта неожиданно открывшаяся Марену

сторона жизни подданных Великого Судьи не вписывалась в его представления об этой жизни и вызывала жгучее любопытство.

— Расскажи мне о себе, о своей юности.

Обходной способ спросить, как она стала... тем, чем стала. Она ничего не имела против этой просьбы и легко рассказала Марену историю своей жизни.

— Я родилась среди тех, кому было поручено обслуживание Мозга. Как раз поэтому ваши часы меня так заинтересовали: я уже давно не видела таких.

— Мозг!

Несомненно, Рива не заметила необычного тона этого восклицания, потому что спокойно продолжила:

— По этой причине я никогда не могла зарегистрироваться: власти отказываются регистрировать всех, кто контактировал с Мозгом до его исчезновения.

Тут Рива оборвала свой рассказ и сменила тему.

— Где вы нашли эти часы?

Марен вряд ли расслышал её.

— Ты не зарегистрирована? — спросил он. Но этот вопрос лишь маскировал его подлинную

реакцию на слова Ривы.

"Значит, Контроль до сих пор так же сильно интересуется Мозгом, как и раньше!" Это была очень важная новость, открывавшая перед ним перспективы, о которых он и не подозревал. Но прежде всего нельзя было, чтобы девушка заметила его волнение. И он продолжал:

— Как же ты живешь? Где ты берешь еду?

— У меня есть временная продовольственная карточка. Через каждые шесть месяцев её возобновляют.

— А где ты живешь?

— Здесь.

Марен стал нетерпеливо настаивать:

— Эту неделю — да. Но у тебя ведь должен быть постоян...

Он оборвал фразу на полуслове и уже ласково продолжил:

— Где же ты держишь свои вещи?

— В камере хранения на вокзале. Это мне стоит двадцать пять центов в день. А наверху в вокзальном здании есть ванная комната, там я переодеваюсь.

У Марена были свои проблемы, и большие. Но, представив себе жизнь этой отверженной девушки, он посочувствовал ей. Несмотря на всю

тяжесть существования, которое выпало ей на долю, Рива излучала бодрость и хорошее настроение и была переполнена энергией. Марен начал задавать ей подряд все возникавшие у него вопросы. Кем она работала за свою жизнь? Где спала, когда у неё не было под рукой кого-нибудь вроде Уэйда Траска, кто приютил бы ее? А как она решает проблему получения почты? Пыталась ли она когда-нибудь поселиться в квартале прапспов? Почему она не живет в сельской местности?

Этих вопросов, следовавших один за другим, было много. Рива ответила почти на все, иногда лишь в общих чертах, но редко задумывалась над ответом. Через час Марен знал её жизнь.

У неё была печальная юность. Рива вспоминала о жизни с родителями. Семья всегда была в пути — то на дорогах, то в самолете. Они постоянно забирались все дальше и дальше, пытаясь сделать невозможное — убежать от властей. А бюрократия Великого Судьи всегда преследовала их по пятам, потрясая всеми своими списками. Представителям того меньшинства, в которое они входили, всюду отказывались предоставить права членов Группы. Прежние контакты с Мозгом были проклятием, которое преследовало их и загоняло в тупик нищеты и отчаяния. И на-

конец грянул гром: однажды люди из Контроля ворвались в хижину, где семья Алленов нашла себе приют. Несмотря на возмущенные протесты отца Ривы, который не мог поверить в то, что с ним происходит, его толкнули к стене пристройки и расстреляли без всяких объяснений. После этого власти не вмешивались непосредственно в жизнь Ривы и её матери, но кормильца в семье больше не было. Их жизнь превратилась в кошмар, и Рива, спасаясь от голода, переселилась в город.

Девушка начала проявлять признаки усталости, и Марен набрался смелости задать ей роковой вопрос. Он сделал это как можно более безразличным тоном.

— А Мозг? Куда он делся?

— Улетел на межпланетном корабле.

— На чем?

— На межпланетном корабле. Ну, вы же знаете: Космос, Луна, Венера, Марс...

— А, все это просто легенда! — возмутился Марен. — Есть упоминания о межпланетном полете, происходившем до второй атомной войны, это правда, но общепринятая точка зрения...

Он замолчал, увидев, что слова падают в пустоту: Рива уснула.

Марен разделся и лег в другую кровать. Он не чувствовал ни малейшей тяги ко сну, и мысль его работала с максимальной скоростью. Мозг должен быть еще... жив. Иначе чем объяснить ожесточение и упорство, с которым люди Судьи старались уничтожить всех, кто в прошлом контактировал с этим огромным компьютером?

Говорили, что Мозг наделил Великого Судью бессмертием. Марен, который уже много лет считал слухи о бессмертии диктатора по-детски наивной пропагандой, думал, что это утверждение заслуживает лишь того, чтобы пожать плечами. И все-таки существовала какая-то ужасная правда о Мозге, которую где-то скрывали, иначе Рива Аллен не оказалась бы в таком тяжелом положении. История её жизни была лишь маленькой деталью в общей картине, однако она придала реальность всему, что Марен слышал о Мозге.

Вдруг мысли Марена приняли странный оборот:

"...Нелегко выбрать удачный момент для восстания против такого сильного противника, как бессмертный диктатор. Георгийская группа рискует опоздать, а я не могу ждать".

Марен уже засыпал и мрачно задал себе вопрос:

"Я ли это думаю?" Мысль о восстании никогда даже не мелькала в его уме.

И что это за "георгийская группа"? Возможно ли, что в то короткое время, когда он спал, в его сознание проник какой-то проект Траска?

Впрочем, зачем Траску восстание? Разве нужна революция человеку, способному перемещать из одного тела в другое свое "я" и свои научные знания? И в любом случае восстание было немыслимо.

Идеология группизма, соединенного с теорией свободного предпринимательства, сейчас переживала этап становления. Как гигант, который идет по земле огромными шагами, она распространялась по миру, подавляя всякое сопротивление и возбуждая огромные надежды. В таких обстоятельствах люди неохотно прислушиваются к голосам, которые предостерегают их против катастроф, ожидаемых в далеком будущем, или обещают более грандиозные возможности, чем победители.

Тут мозг Марена снова начал действовать сам по себе: "Если они не начнут действовать, мне будет нужно перейти к действиям самому", — подумал он.

Он чувствовал облегчение от того, что не посвя-

тил в тайну своего открытия ни одного человека: благодаря этому он сможет действовать без посторонней помощи, и поле деятельности будет наибольшим.

Сон Марена был беспокойным. Дэвида тревожили нечеткие, но логически упорядоченные сновидения, как будто в его ум проникали замыслы другого человека.

Глава 5

Когда Марен проснулся, все тело его болело. Это было так непривычно, что его мгновенно охватила тревога. Дэвид задрожал от испуга и тоски. Темнота словно давила на него — это был древний страх людей перед ночью. Марен жадно вслушивался в тишину, ожидая повторения звука: он решил, что только какой-то необычный шум мог так подействовать на его нервы. Дрожь, от которой у него волосы вставали дыбом, не только не ослабевала, а наоборот, становилась все сильнее — ощущение не из приятных!

Вдруг он с поразительной остротой ощутил близость смертельной опасности. Это чувство было таким сильным, что по его спине пробежал холодок, словно вдоль позвоночника стекла струйка холодной воды. Замирая от ужаса, Марен приподнял голову и бросил взгляд на дверь.

То, что он увидел, привело его в замешательство. Широкие лучи света, вернее, полосы какого-то светящегося вещества вплывали в комнату через открытую дверь и останавливались посередине между дверью и его кроватью. Пока Марен, не веря себе и окаменев от изумления, рассматривал эту игру света, ближайшие к нему полосы растянулись, сделали скачок вперед и оказались в нескольких дюймах от его постели. Все остальные лучи — их было более десяти — в это время качнулись из стороны в сторону и ярко вспыхнули.

Марен выскользнул из постели так быстро, что его ноги коснулись пола раньше, чем он осознал, что делает. Все происходило в полной тишине, которую нарушило лишь слабое шуршание простыней.

Он нашел время бросить взгляд на другую кровать. Оттуда доносилось спокойное дыхание Ривы Аллен: она ничего не заметила.

В следующий момент мысль об этой девушке исчезла из ума Марена: лучи, словно их подняла какая-то внешняя сила, встали вертикально и ударили по кровати, которую он только что покинул. Один из лучей, похожий на узкий ремень, почти задел лицо Марена перед тем, как

обрушить на постель свой конец, свисавший, как конец провода.

Именно этот автоматизм вернул Марену самообладание. Перед ним было механическое устройство. Это было странно, даже невероятно, но он имел дело с машиной, а не с какой-то формой жизни. Теперь, когда эффект внезапности перестал действовать, Марен видел опасность лишь в загадочности этого явления. А источником опасности был тот, кто организовал нападение.

Марен одним прыжком оказался у платяного шкафа, осторожно достал нейтрализатор из кармана своего пиджака, и обошел кровать, крепко сжимая рукоять своего оружия. Страх покинул Марена, но осторожность — нет.

Он добрался до двери. Теперь надо было выбрать одно из двух броситься вперед или наблюдать. Пройти через сеть лучей или... или что?

Сначала — сориентироваться в обстановке! Марен стал внимательно всматриваться в пространство по ту сторону дверного проема. Определив источник света, он облегченно вздохнул: "Ну конечно!"

Лучи шли от одного из приемников, встроенных в часы. Быстро сделав в уме нужные расчеты,

Марен перепрыгнул через лучи и оказался на другой стороне. Он торопливо ощупал часы, отыскивая нужную кнопку, — и в одно мгновение все полосы света, которые попадали в поле его зрения между часами и дверью, исчезли. Одновременно погас светящийся циферблат часов. Марен вернул выключатель в прежнее положение — циферблат зажегся, но сверкающих серебристых лучей на этот раз не было.

Он вернулся на прежнее место, оглядел комнату, проверяя, не осталось ли в ней каких-нибудь следов "световых проводов", и убедился, что нет. Фантастическое представление пока закончилось.

Марен осторожно закрыл дверь, подождал несколько секунд, чтобы убедиться, что Рива по-прежнему спит, и зажег свет. Он был удивлен, что нападение, если это было нападение, было направлено против него, точнее, против Уэйда Траска.

Если только... Еще одна возможность: что, если нападение было организовано не против Траска, а самим Траском?

Когда в уме Марена зародилась эта мысль, он внимательно осмотрел гостиную и подумал о воспоминании по поводу секретной лаборато-

рии, возникшем у него, когда он впервые вошел в эту комнату. Любопытно, что тогда он четко представлял себе, как можно попасть в лабораторию. Теперь это воспоминание стало смутным, но Марен помнил, что средством связи между ней и гостиной служили часы.

Через пять минут он открыл замаскированную дверь и вошел в большую длинную и узкую комнату. Она была ярко освещена. Может быть, при открывании двери автоматически включался свет? Взгляд Марена скользнул по целому складу всяких сложных научных штуковин, присутствие которых в лаборатории электроника было естественным: двигатели, металлические панели, усаженные циферблатами, измерительными приборами и выключателями. К потолку было подвешено множество громоздких приборов, а одна из стен комнаты была похожа на телефонный коммутатор. Один из углов занимала куча ящиков, а возле стола на полу...

Марен крепче сжал в руке свое оружие и замер на месте. Потом он стал осторожно приближаться к бесчувственному телу, лежавшему на полу лицом вниз, и его пальцы уже не так крепко стискивали рукоять нейтрализатора.

Фигура человека на полу показалась Марену

знакомой. Подойдя к столу, Дэвид опустился на колени рядом с лежащим и осмотрел его. Этот человек дышал. Перевернуть его на спину в этой тесноте было нелегко, но все же Марен смог рассмотреть лицо неизвестного. Это было лицо, которое Марен хорошо знал, но через несколько секунд он с замиранием сердца понял, что не имеет ни малейшего представления о том, кто этот человек.

Марен поднялся на ноги и стал искать какую-нибудь веревку. Моток электрического провода, найденный в одном из ящиков, успешно заменил её, и Марен умело и быстро связал лежащему руки в запястьях и ноги в лодыжках, позаботившись о том, чтобы не нарушить кровообращение. "Завтра он должен проснуться. Тогда все и объяснится!" Несомненно, этот человек был лишен сознания с помощью нейтрализатора. Но чтобы выяснить, какой газ был использован, была нужна сложная аппаратура, так что лучше было не искать противоядие наугад, а дать сознанию вернуться естественным путем.

Марен возвратился в гостиную. Аккуратно вставив часы на прежнее место, он спросил себя, что ему следует сделать. Конечно, выспаться! Поэтому он вернулся в спальню и на этот раз закрыл

за собой её дверь, хотя не думал, что недавнее происшествие повторится.

Какой-то подручный Траска пробрался в тайную лабораторию, но не смог выполнить свое задание, каким бы оно ни было. То, что Траск прислал своего человека таким странным способом, должно получить объяснение позже. Утром с этим будет покончено.

Марен погасил свет и вернулся в свою постель в темноте. Теперь он чувствовал усталость и тяжесть под ложечкой. "Я чего-то не заметил", упрямо твердил он себе.

Чего же?

Он проспал около часа, а когда проснулся, ответ был совершенно ясен. "Ну конечно! — была первая мысль Марена. — Я не надел очки Траска и прекрасно видел без них!"

Он должен был это предвидеть: техника перемены внешности в армии была на очень высоком уровне, и было замечено, что многие манипуляции с внешностью способны изменить работу органов чувств. Несколько часов тело Траска было сильнее программы работы мышц Марена, хранившейся в его сознании, но сейчас Марен, несмотря на свою депрессию, должно быть, уже изменил "тональность" этого тела.

Дэвид долго размышлял над этим. Потом беспокойство возникло снова: причиной тревоги в первый раз была не история с очками, а что-то другое.

Вот только что именно?

Он опять заснул. И проснулся с ответом в уме:

"О господи, тот человек — это был... Дэвид Марен!"

Глава 6

Зазвонил телефон.

Тяжелые заботы и тревоги, заполнявшие ум Марена, покинули его. От них ничего не осталось, как только он открыл глаза.

Марен удивился, что было так рано: только что рассвело. Ему казалось, что он всю ночь обдумывал множество задач, которые его ожидали: его тело в лаборатории, вылет в Азию в четырнадцать часов, невозможность найти время для выполнения обязанностей Главы Группы (тех обязанностей, способы уклонения от которых он долго изучал, выбирая лучший) и Мозг, о котором он должен был найти документальные сведения: то, что заставило так энергично действовать Великого Судью, могло оказаться весьма полезным. Кроме всего этого, его внимание, кажется, привлекли Делинди, война в Азии и изобретение

Траска. Но получалось, что он размышлял над этим не всю ночь, раз какое-то время он спал или, во всяком случае, его мысль не работала сознательно. С невеселой улыбкой Марен протянул руку к телефону и в очередной раз заколебался. А если это кто-то, кого он не знает, но кто будет убежден, что имел с ним какие-то дела раньше?

Марен старался найти решение, а телефон продолжал настойчиво звонить. Наконец Дэвид поднял трубку.

— Это Ральф Скаддер, мистер Траск! — произнес мужской голос.

Марен подавил восклицание: он знал этого человека, вернее, этого прапспа. Ральф был старостой прапспов, то есть фактически предводителем банды. Не было тайной, что он руководил обществом "Удовольствия", тайной организацией, контролирующей азартные игры и проституцию, которой занимались женщины-прапспы, а также замешанной во множестве менее серьезных правонарушений. Среди сотрудников Контроля было распространено убеждение, что "Удовольствия" находились под защитой Великого Судьи.

У Марена вырвался глубокий вздох.

— Слушаю вас...

— Я организовал встречу по поводу того, что

мы обсуждали вместе. Сегодня в десять часов.

Что-то внутри Марена натянулось, как струна.

— Где?

— Перед встречей позвоните в "Удовольствия". Там вам скажут.

— Хорошо.

И Марен положил трубку, не позаботившись узнать, хочет ли Скаддер что-нибудь добавить. Дэвид почувствовал облегчение: его первый контакт с людьми в роли Траска прошел без труда. А если человек в лаборатории действительно Уэйд, Марен узнает, какие отношения связывают ученого и прапспа.

Когда Дэвид дошел в своих размышлениях до этого места, его взгляд случайно упал на соседнюю кровать. Она была пуста и аккуратно застелена. Марен с досадой поглядел на нее, потом пожал плечами: он не имел ни права, ни желания контролировать поступки Ривы Аллен. Однако в этом поспешном уходе было что-то странное и необъяснимое. Ее исчезновение раздражало Дэвида по самой простой причине: в нем поднималось, как волна, вожделение к женщине. Древнее заложенное в генах желание билось в самой глубине его клеток, жадно ища утоления.

Когда этот любовный огонь погас, Марен осо-

знал, что со вчерашнего дня от сильно изменился. Он уже не чувствовал себя таким растерянным. Тиски, которые сдавливали его, немного ослабили свой тяжелый нажим. И он видел даже не одно, а несколько решений.

Если будет необходимо, он предупредит Великого Судью. Удивительно, что он не подумал раньше о таком простом и прямом решении проблемы. Но до тех пор ему нужно было ещё многое узнать. Значит, было необходимо дождаться, пока очнется человек из лаборатории, который вполне мог и не быть Траском. Об этой возможности Дэвид думал с чувством вроде священного ужаса.

Какое потрясающее открытие сделал Траск! Одним усилием своего гениального ума он расшатал опоры власти. Вся военная техника, все мастерство такого человека как Эдмунд Слейтер оказались бессильны перед чисто механическим процессом, позволяющим душе менять тела. Как демон в представлении древних, человек, имеющий в своих руках эту силу, может овладевать людьми, быть каждым из них по очереди.

А поскольку людям будет нелегко осознать такую опасность, Траск может подняться на самую вершину власти, даже оказаться во главе какого-

нибудь всемирного движения.

Правда, Траску мешает одна мелочь: он пострадал от непредвиденной катастрофы и стал пленником в собственной лаборатории. Может быть, сейчас он как раз осознает весь размер катастрофы.

Марен устал, но желание побеседовать с Трасском оказалось достаточно сильным, чтобы заставить его направиться в лабораторию. Пострадавший лежал на старом месте, по-прежнему без сознания. Он по-прежнему дышал.

Глава 7

Марен вернулся в постель и снова заснул. Его разбудил скрип открывающейся двери: вошла Рива Аллен, одетая для улицы и с двумя чемоданами в руках, которые объясняли её бегство. Она выглядела очень элегантно и была очаровательна в своем синем костюме.

— Ох! Я вас разбудила, — огорченно воскликнула она.

— Ничего страшного, все равно уже пора просыпаться.

Марен не удержался от вздоха, когда взглянул на свои наручные часы: без двадцати девять — давно пора вставать! Он собрался вылезти из постели, но в это время Рива подошла ближе.

Остановилась перед ним и опустила чемоданы на пол.

— Я ходила за своими вещами, — объяснила она, словно Марену были нужны объяснения. Дэвид представил себе, как она на аэровокзале забирает свои вещи из камеры хранения. Его лицо сморщилось, словно от боли, и он сердито проворчал:

— Отлично! Располагайтесь как дома.

Ее ответная улыбка была неуверенной:

— Зачем мне оставаться, если вы решили и дальше обращать на мое присутствие так же мало внимания, как сегодня ночью?

Эта вспышка недовольства вернула Марену веселое настроение.

— Я был деморализован, но больше этого не случится!

Он встал и погладил Риву по щеке. Молодая женщина взяла Дэвида за руку и сладострастным движением прижалась к нему. Марен на мгновение обнял её, неразборчиво бормоча, что должен идти, и поскольку Рива, похоже, не собиралась отрываться от него, сам её отстранил.

— Сегодня вечером, — бросил он, уходя.

В ванной Марен составил себе план на день. Прежде всего замаскироваться под Марена. По-

думав это, он подскочил на месте: в легкости, с которой эта мысль пришла ему в голову, было что-то удивительное. И не потому, что это превращение было трудным физически: армейские специалисты так далеко продвинулись в науке маскировки, что любого человека можно было превратить в точную копию другого, если только разница во внешности не была слишком большой.

Марен улыбнулся своему отражению в зеркале — узкому лицу Траска: если существует человек, способный идеально сыграть роль Главы Группы Дэвида Марена, то это он! Но маскировка — только первый этап: перед ним была целая куча дел, за которые он не знал, как приняться. Его первоочередной долг, разумеется, приступить к выполнению своих срочных военных обязанностей. Но в тот же вечер он может вернуться из Георгии. Через двое суток, когда начнутся военные действия, ему будет уже не так легко покинуть фронт.

В одном он был уверен: если все пройдет успешно, он, может быть, избавится от необходимости рассказать о том невероятном, что с ним произошло. Первая задача: найти способ вернуть сознания Траска и Марена каждое в его пер-

воначальное тело. После этого, когда он снова по-настоящему станет самим собой и сделается хозяином положения, он сможет объективно поразмыслить об изобретении Траска и заняться остальными стоящими на очереди проблемами. Тогда ему не составит никакого труда оправдаться в своих поступках.

Одевшись, Марен поднялся на крышу и почувствовал облегчение при виде своего "прыгуна", припаркованного на стоянке для посетителей: это было своего рода материальным доказательством того, что человек в лаборатории был действительно Траском. С помощью находившейся в машине аппаратуры Марен мог за несколько минут покончить с подготовительным этапом своей программы действий — маскировкой.

Он вскочил в машину и, когда она набрала высоту, поторопился выйти на дорожку для личных аппаратов. Сделав это, Марен переключился на автоматический режим полета.

Глава 8

Хотя маскировочный индуктор, которым был оборудован "прыгун" был стандартного типа, применявшегося в армии, маскировка заняла немало времени. Сначала нужно было "впечатать" ряд простых электронных схем в мышцы

лица, головы и шеи, под кожу. Для этого использовался сверхскоростной пульверизатор, который впрыскивал специальный газ согласно заданному шаблону. Скорость струи была такой, что кожа оставалась совершенно неповрежденной.

Марен дождался, пока сгустки газа достигли нужной степени эластичности и упругости, и начал работать с табуляторами — их было по одному для каждой схемы. Нажимая на одну из регулирующих кнопок, он каждый раз ослаблял или растягивал те или иные пучки волокон в мышцах, определяющих форму лица.

После ночного происшествия в лаборатории Марен уже не доверял своим воспоминаниям о собственном лице. Поэтому он работал по модели — по своей фотографии, на которую смотрел через прозрачное покрытие удостоверения личности, прикрепленного к пульту управления "прыгуна". По мере того, как Марен перемещал регуляторы, сначала выражение, потом общая форма лица Траска изменялись.

Когда Марен счел себя достаточно похожим на Дэвида Марена, он выключил ток и соединил схемы параллельно.

Следующий этап лишь дополнил результаты первого: Марен отпечатал схемы на своих голо-

совых связках и медленно изменял натяжение мускулов гортани, пока голос Уэйда Траска не превратился в голос Марена, такой, каким он был записан на магнитной ленте системы связи аппарата.

После этого Марен перепробовал один за другим несколько своих же костюмов из шкафа для одежды, который тоже был в аппарате. Два сидели хорошо, все остальные были слишком широки в груди и плечах. Из этих двух один был темный, другой светлый. Марен выбрал второй. Решение подсказал ему опыт: яркая одежда, хотя и выделяет из толпы того, кто её носит, на самом деле отвлекает внимание от его внешности и позволяет ему остаться неопознанным.

Через несколько мгновений он приземлился на стоянке дворца Глав Групп, примирившись с тем, что должен играть себя самого.

Глава 9

В большой комнате, которую выделили во дворце начальнику Контроля, не было ничего, кроме внушительного вида письменного стола из стали и нескольких стульев. Бетонные стены, бетонный пол. Не видно никакой аппаратуры, что удивило Марена, который знал, как сильно этот низенький и худой решительный чело-

век автоматизировал свое зловещее ремесло. Впрочем, отсутствие здесь электроники как раз и доказывало, как высоко шеф полиции ценил такие устройства: вид кабинета давал понять со всей нужной Эдмунду Слейтеру ясностью, что он, главный шпион беспощадного диктатора, не имеет никакого желания, чтобы другие в свою очередь шпионили за ним в его святилище.

Когда Марен вошел, Слейтер перестал ходить из угла в угол, остановился перед ним и двусмысленно улыбнулся Главнокомандующему.

— Ваше вчерашнее вмешательство в ход заседания было совершенно неоправданным, Дэвид, — сразу же пошел в бой шеф полиции. — Правила игры, которую ведет тот, с кем мы имеем дело, не знают исключений и при этом очень разумны. Так разумны, что в этом есть что-то страшное! Даже я не считаю себя незаменимым!

— Я полагаю, вы намекаете на дело Траска. Да... я не понял, что лез прямо в зубы волку.

Слейтер покачал головой, и в его зеленовато-голубых глазах незаметно для Марена промелькнул какой-то вздрагивающий огонек.

— Вы поступили так не по незнанию, это была защита. В вашем голосе звучали неожиданные интонации — интонации гнева, и признаюсь

вам, Дэвид, я даже сейчас не понимаю, почему вы так себя вели.

Слейтер замолчал. Было ясно, что он ждет объяснений. Марен не сводил взгляда с шефа полиции. Теперь наступила очередь Главнокомандующего показать свое недовольство собеседником.

Отбить нападение прямым ударом, сказав всю правду, было невозможно, кроме того, продолжать разговор на эту тему означало зря терять время. Поэтому Марен спокойно ответил:

— Перестаньте тревожить себя попусту, Эд! И знайте одно: слухи о скрытых мотивах моих действий ни в коем случае не могли бы произвести на меня впечатление. Если бы опасения, которые вы пытаетесь мне внушить, были способны взволновать меня, то нужно было бы сразу же начать расследование против меня. И достаточно об этом! Скажите мне, что конкретно вы хотите мне сообщить, потому что мне тоже нужно вам кое-что сказать.

Зловещий маленький человек явно помедлил в нерешительности перед тем, как рассмеяться, но в его смехе не было ничего неприятного.

— Как вы знаете, иногда случается, что моя служба обращается к вашей с просьбой о подго-

товке кадров для связи между ними.

— Надеюсь, вы удовлетворены проведенными для этого мероприятиями?

У Слейтера несомненно была какая-то конкретная причина поднять этот вопрос, потому что такие мелкие проблемы не решались на уровне Главы Группы.

— Я хотел бы, — с легкой улыбкой продолжал Слейтер, — чтобы вы взяли под свою опеку одного молодого человека и сделали это сейчас же. Он впервые попадет на войну, и вы увидите, что ему нужно закалить свой характер.

— Сегодня у меня слишком напряженный график, и я не смогу заняться этим делом, — попытался защититься Марен.

И снова Слейтер улыбнулся.

— Мы — Великий Судья и я — проявляем особый интерес к этому молодому человеку. Когда вы увидите его, понаблюдайте за ним внимательно и спросите себя, не похож ли он внешне на какого-нибудь знакомого вам человека?

Марен широко раскрыл глаза от удивления и быстро подсчитал в уме: любовные игры начались сразу после войны, то есть двадцать лет назад: значит, молодой новичок вполне может быть сыном Великого Судьи. Глава страны участ-

вовал в нескольких первых играх и в интересах общества отказался от участия в любовных состязаниях, лишь когда его стало вызывать слишком много женщин. Марен не мог упорствовать в своем отказе.

— Пусть он ждет на взлетной полосе в четырнадцать часов.

Слейтер утвердительно кивнул:

— Хорошо! Этот вопрос решен, и теперь ваша очередь сказать мне, что у вас на уме.

После этих слов наступила тишина.

Потом Марен встал и направился к окну. Ответить оказалось труднее, чем он предполагал: то, что он хотел узнать, имело такую огромную важность, что он не мог позволить себе ошибиться. Расследование уже оказалось опаснее, чем он предполагал.

Марен стоял к окну лицом, и потому его взгляд не мог не упасть на здание за окном, нависавшее над внушительным дворцом Глав Групп. Именно в этот похожий на барак корпус Траск через шесть дней должен будет прийти на казнь. Здание было низким и уродливым массивным кубом, а решетки на окнах придавали ему тот мрачный вид, который подходит тюрьме. По бокам строения поднимались два одинаковых шпиля из стали и

бетона в несколько сот футов высотой — это были выпускные камеры конвертеров.

Со своего места Марен не мог видеть ни центральную станцию контроля, ни направляющие антенны: станция располагалась в пристройке корпуса, а антенны над его более высокой частью, которая не была видна отсюда. Но Дэвид знал, что где-то под этой отталкивающей своим суровым видом оболочкой находится реле, которое, когда будет включено в сеть, вызовет невыносимую боль в плечах Траска и неизбежно приведет его к его судьбе. Он начал нервничать. "Сколько людей вбивали себе в голову мысль проникнуть в эту крепость и уничтожить карточку со своим кодом?" — спросил он себя. Насколько ему было известно, это ещё никому не удалось. Эта мысль подействовала на Марена, как удар плети, он решительно отвернулся от окна и нарушил молчание:

— Эд, я хотел бы получить информацию по теме, запретной даже для Совета.

Слейтер, наполовину отвернувшийся от Дэвида, взглянул на него и прищурился:

— И какая это тема?

— Мозг.

Снова возникла давящая тишина. Марену по-

казалось, что начальник полиции бледнеет и по его телу пробегает дрожь.

— Дэвид, если бы я должен был сообщить Великому Судье, что вы произнесли это слово, я начал бы беспокоиться за вас.

Марен не ответил, и Слейтер, понизив голос, продолжил:

— Я сам руковожу его поисками. Они ведутся непрерывно. Мои люди знают: если они, на свое несчастье, проговорятся, что это расследование до сих пор продолжается, то умрут. Советую вам забыть о нашем разговоре.

Серьезность этого предупреждения не ускользнула от Марена, но все же Дэвид без колебаний продолжил:

— Я открою вам свою тайную мысль: если Мозг ещё существует, то именно вы знаете, где он находится.

Щуплый и нервный шеф полиции имел быстрый ум и сразу же понял, что скрывалось за этими словами. Он заговорил, словно думая вслух:

— Следов так много... Десятки тысяч версий... Куски мозаики, которую нужно сложить... Может быть, чтобы связать их между собой, нужен свежий глаз и острый ум?

Его взгляд перестал упираться в пустоту и оста-

новился на Марене. Слейтер, казалось, дрожал от сдержанного волнения.

— Дэвид, — продолжал шеф полиции, и в его голосе так же, как в поведении, чувствовалось старание сдержаться. — Дэвид, ваше предположение это, может быть, самый важный элемент мозаики за десять лет поисков. Мы должны поговорить на эту тему подробнее, а потом я решу, действовать мне по собственной инициативе или доложить о вашей идее Великому Судье.

— Где видели Мозг в последний раз?

— Сведения противоречивы. Последняя известная нам версия такова: это было примерно двадцать лет назад. Один бродяга — он за это время умер заявил, что однажды около двух часов ночи он увидел огромный самолет, паривший над горой, служившей укрытием для Мозга. На глазах у этого человека открылись громадные стальные двери, замаскированные в вершине горы, и самолет опустился в гигантский вертикальный туннель, предназначенный для эвакуации Мозга в случае опасности. Очевидно, нижняя часть корпуса самолета была съемной или раздвигалась так, что оказывалась полностью убранной. Есть и ещё кое-что, гораздо более важное: явно было продумано все, чтобы обеспечить защиту Мозга

от возможного нападения в воздухе. Стальные штифты, отверстия, просверленные в металлических стенках и перегородках, множество креплений — благодаря всему этому массивный Мозг мог быть размещен в специальных гнездах и укреплен там болтами и заклепками, что позволяло перемещать его весь целиком. Эта система была рассчитана с математической точностью. Нет смысла добавлять, что мы постарались найти всех, кто знал об этом полете.

"Мозг был переправлен на другую планету", — утверждала Рива Аллен. До сих пор рассказ Слейтера наилучшим образом подтверждал её слова.

— И что вы обнаружили?

— Загипнотизированных людей, сознание которых управлялось извне, и электронные схемы неизвестного типа непосредственно в их мозгах. Было слишком рискованно оставить в живых большинство тех, кто был бы косвенно причастен к этому делу. Я мог бы сказать вам, сколько человек было ликвидировано, но эти цифры вам бы не понравились: сумма звучит достаточно неприятно. Несмотря ни на что, мы пожалели некоторых из этих людей и ограничились либо наблюдением, либо контролем по отношению к

ним и их потомкам.

Мысли Марена вернулись к Риве Аллен: теперь все стало ясно. Ее история идеально сочеталась с признаниями Слейтера, но эта девушка никогда не узнает, как близко от смерти были она и её мать. Убить их было бы гораздо проще. Неужели количество жертв должно стать огромным, чтобы такие, как Слейтер и Великий Судья, устали быть палачами и успокоились!

— Знаете ли вы, кто организовал похищение Мозга?

— Да.

— Кто это был?

— Сам Мозг.

Эта голая комната, в сущности, была самым подходящим местом для такого разговора: её бетонные стены были непреодолимыми укреплениями для бесцеремонно следящих за жизнью людей записывающих устройств. Мрачный кабинет шефа полиции был почти единственным местом, где можно было укрыться от их коварства, и не нужно было напрягать воображение, чтобы представить себе человечество, вынужденное искать в таких клетках убежища от вторжения вражеских орд, управляемых мыслящими машинами. Марену было нелегко

представить себе такую сверхмашину. Ему было известно, что эксперты, изучившие приемники Мозга, пришли к заключению, что эти устройства свидетельствуют о существовании в электронике целой системы неизвестных теперь научных знаний. Со времени создания Мозга она была утрачена, и даже сейчас до её восстановления было далеко. Но из слов Слейтера возникал образ "существа", которое человеческий ум был не в силах представить себе, но которое (что ещё труднее было принять) интересовалось людьми.

Марен оперся спиной о подоконник.

— Каковы цели Мозга?

— Установить свою диктатуру над всем миром. Взять под свой контроль человечество.

Марен затрясся от смеха, но его хохот оборвался, когда он увидел, как серьезен Слейтер.

— Я не очень хорошо понимаю, что я нашел смешного в ваших словах, но, по правде говоря, я не в силах представить себе машину, которая интересуется людьми и заботится о них.

Слейтер покачал головой.

— Речь идет не о сознании, а о математике. Мы имеем дело не с чудовищем, больным манией величия, а с великолепным инструментом, решающим задачу, которую ему поставили. Мы не

собираемся уничтожать Мозг, если сможем избежать этого, мы лишь хотим восстановить свой контроль над ним и снова поставить ему ту же задачу, но в менее радикальной форме. Конечно, мы желаем покончить с войнами, мы стремимся к спокойному и гармоничному миру, но нельзя, чтобы эти цели были достигнуты за счет самоопределения человеческой личности. Мозгу было дано задание: употребить все находящиеся в его власти средства для разработки эффективного способа положить конец войнам. Он понял слово "власть" буквально.

Мысли Марена вернулись к вопросу о бессмертии Великого Судьи и его собственному неверию в это пропагандистское утверждение, но сейчас был неподходящий момент для разговора на эту тему. Нет! На это он найдет ответ, но не здесь, не сейчас, не сегодня. Марен взглянул на свои часы — пора было уходить.

— Я должен идти, Эд. То, что вы мне рассказали, очень любопытно. Но в вашем рассказе есть несколько утверждений, с которыми я не могу согласиться. Мозг никогда не участвовал ни в каких интригах, разве что кто-то побудил его к этому. Мозг способен проанализировать заданную ему ситуацию, выделить в ней нужные элементы и

представить результаты на рассмотрение людям, а те могут изучать его ответы и основывать на них свои действия. Сам же Мозг способен действовать только посредством сервомеханизмов, которые, какими бы чувствительными и тщательно разработанными ни были, все же остаются механизмами.

— Мозг — величайшая машина из всех когда-либо созданных, — ответил Слейтер. — Получив общие установки, он потом сам дает себе подробные указания через подчиненные ему механизмы. Разумеется, для этого было нужно, чтобы уже при создании Мозга конструкторы наделили его большими возможностями. Могу заверить вас, что лучшие ученые и инженеры нашей планеты в течение века создавали основное ядро Мозга.

Марен, уже направившийся к двери, обернулся.

— Есть ли признаки соглашения между ним и Георгией?

— Что заставило вас задать этот вопрос?

— Мы находимся накануне войны, а я внезапно почувствовал, что за тем, что на виду, скрывается действие каких-то других сил.

— Вы присутствовали на всех наших дискуссиях.

В этом Марен был сейчас гораздо меньше уверен, чем до сих пор. Он задумался, помрачнел и ответил:

— Я признаю, что на первый взгляд все идет, как обычно. Более удачного стечения обстоятельств мы не могли бы пожелать: противник сверхконсервативная монархия! То, что такой режим смог возникнуть в государстве, которое двести лет было коммунистическим, несомненно, один из самых удивительных парадоксов этой войны.

Марен сделал жест, выражавший раздражение.

— В конце концов мы с ними справимся... До свидания! — и вышел, закрыв за собой дверь.

Наступило время завтрака: настал момент выяснить намерения диктатора.

Глава 10

Под "прыгуном" проносилась столица, но Марен не видел её такой, какой она была на самом деле, а представлял себе то, что видел в старых фильмах как она выглядела во время больших войн, когда корчилась в предсмертных судорогах среди дыма пожаров.

Этот город-феникс дважды возрождался из пепла. В первый раз он сохранил традиционные городские черты: дома, созданные каждый по сво-

ему проекту в соответствии со вкусом владельца, улицы, широкие, как рукава огромной реки и бесконечные в длину, которые пересекались друг с другом в фантастическом беспорядке. Но второе возрождение произошло под твердой рукой Великого Судьи, и поэтому сейчас перед глазами Марена было что-то вроде шахматной доски. В каждой её клетке-квартале был зеленый участок, и каждая клетка, большая или маленькая, была окружена, как оправой, рядом высоких зданий. Считалось, что благодаря таким стенам из домов атомная бомба, если она упадет на город, разрушит лишь часть кварталов, так как эти мощные укрепления смогут уничтожить или по крайней мере ослабить огромную разрушительную силу, высвобождающуюся при взрыве.

Марен считал, что город выглядит немного средневеково, несмотря на тучи сновавших в небе "прыгунов", воздушных такси и самолетов. Благодаря своей профессиональной подготовке он мог, не обращая внимания на поверхностные черты, видеть основное, поэтому для него архитектура столицы несла на себе отпечаток устаревшей формалистической красоты. Строгость геометрической формы кварталов компенсировалась разнообразием их размеров, привносившим в

облик города оттенок импровизации, без которой не бывает подлинного искусства. Многочисленные парки, которые благодаря регулярному уходу всегда оставались зелеными и густыми, были на этой картине последним мазком, придававшим ей изящество и элегантность. Город Судьи казался процветающим и построенным на века.

Но тут вид под аппаратом Марена изменился: пейзаж стал более печальным и был ему незнаком. Теперь машина летела над пригородом, который тянулся до самого горизонта и представлял собой мрачный сероватый лабиринт низких построек. Их трубы выплевывали в небо дым и сажу, и местами были скрыты, как занавесом, грязным облаком вырывавшегося из домов затхлого воздуха.

Город Прапсп!

"Прапсп" было сокращением от "Пространство для Размещения Подлежащих Сегрегации Пораженных". Прапспами стали называть и обитателей таких кварталов.

Это было лишь сочетание звуков, но оно становилось кошмаром, когда у человека отнимали всякое иное имя и выдавали ему удостоверение о том, что он находится под юрисдикцией организации прапспов. Со времени катастрофы прошла

четверть века, но по-прежнему внизу каждого из этих удостоверений можно было прочесть напечатанную мелкими буквами строчку, в которой заключался весь смысл документа: "Владелец данного удостоверения подлежит смертной казни, если будет задержан вне запретной зоны".

Вначале такая мера казалась необходимой. Тогда в стране бушевала смертельная эпидемия, которую — может быть, слишком быстро и слишком легко — приписали радиации. Никто не задал себе вопрос, могло ли психологическое воздействие ужаса и отчаяния на тысячи людей отчасти объяснить её возникновение. Беда шла по обессиленному миру, а за ней следовала безжалостная реакция на нее: постоянное исключение из общества пострадавших и смертная казнь для нарушителей этого закона. Те, кто выжил, изменились физически, и это было воспринято как доказательство справедливости жестоких указов.

"Прыгун" приземлился, и Марен увидел картину, обычную в Городе Прапсп: мужчина с головой тигра (кошачьи глаза, кошачьи уши и даже лицо покрыто блестящей шерстью) шел по улице с женщиной, в лице которой были явно рыбьи черты. Эти двое, несомненно, были людьми, но

по их генетическому коду прошлась лапа ужаса и оставила на нем следы своих когтей. На эволюционном дереве человечества возникли, словно поднявшиеся на поверхность подземные воды, черты других форм жизни, унаследованные от далекого прошлого человеческого вида.

Тайна, которую несли в себе эти существа, вызвала у Марена совершенно новое для него любопытство. Однако это чувство не было ему полностью незнакомо. Ему вспомнился Траск, о котором он надолго забыл: Уэйд Траск, физик, электронщик и эксперт по прапспам не мог не интересоваться этим вопросом!

Марен поставил свой "прыгун" на стоянке и направился к воздушному такси. На этой машине была табличка "Занято", но посвященные знали, что это была рейсовая машина Дворца. Это такси было единственным законным транспортным средством для поездки к Великому Судье. Агент спецслужбы, который вел машину, был одет как все воздушные шоферы. Он и Марен хорошо знали друг друга, но тем не менее Главнокомандующий назвал пароль этого дня и причину своего визита. Офицер с серьезным видом запросил из Воздушного Контроля Дворца подтверждение, и лишь когда оно было получено, такси взлетело.

Глава 11

Такси погрузилось в смог, образованный дымами заводов и испарениями лачуг Города Прапсп. Когда оно достигло сердцевины этого облака, ему внезапно преградила путь вертикально взлетевшая патрульная машина Контроля. Она сияла белизной, и все в её очертаниях, вплоть до самых мелких деталей, говорило о высочайшей скорости. Голос по радио протрещал: "Назовите себя!" Марен и водитель выполнили приказ, и такси смогло продолжить свой полет. Над такси и под ним пролетали другие аппараты, но их, должно быть, предупредили, потому что оттуда никто не спросил, по какой причине Марен и таксист находятся в запретной зоне.

Наконец, Марен увидел зелень парка и маленькие постройки разбросанные между деревьями. Дальше виднелась лужайка, в центре которой стрелка показывала на табличку с надписью "Приземляйтесь здесь". Пилот посадил такси на бетонную дорожку, такси по инерции прокатилось и остановилось перед деревьями, загораживавшими дворец. Марен молча вышел из машины.

Трудно было поверить, что он находится в самом центре Города Прапсп. Легкий ветерок

скользил по его лицу и заставлял тихо шелестеть листву. Этот мирный пейзаж скрашивал некоторый аскетизм домашнего быта Великого Судьи. Может быть, диктатор лишь играл роль неприхотливого в домашней жизни человека, но у Марена эта простота всегда (и даже сегодня, когда у него было достаточно забот) вызывала ощущение, что он прилетел сюда отдохнуть и восстановить силы.

Дэвид направился к умело замаскированной решетчатой ограде, попутно отметив про себя, что часовые по традиции были одеты в форму прасповов. Диктатор использовал на своей службе как в секретных, так и в несекретных делах огромное количество этих отверженных.

Может быть, потому, что Великий Судья и сам находился вне сообщества обычных людей, он считал необходимым пользоваться для выполнения своих честолюбивых замыслов всеми силами, которыми располагал?

Эта идея была не из тех, которые могли погрузить Марена в бездну размышлений, однако его сознание на мгновение отметило сходство этого предположения с его предыдущими мыслями, и Дэвид автоматически признал за этими... созданиями право на место в обществе. Говорили,

что Слейтер, когда десять лет назад занял свою должность, попытался поставить возле Великого Судьи своих людей. Его доводы явно ничего не изменили в образе жизни главы государства.

Правду говоря, правитель — странный человек — выбрал своими защитниками и слугами отверженных! Но в данном случае прапспы, похоже, опровергли свою репутацию злобных и коварных существ. Несомненно, дело в том, что место при диктаторе позволяло им обрести чувство собственного достоинства.

Офицер охраны с рыбьими глазами, встретивший их у входа, был довольно красив... по-своему.

— Господин генерал, мисс Делинди Даррелл желала бы немного побеседовать с вами перед тем, как вы присоединитесь к гостям. Вы найдете её в личном бассейне, — объявил он.

Марен поблагодарил этого человека кивком, потому что был не в силах произнести ни звука. "Что-то должно произойти", — думал он, идя в указанное ему место. Они встретятся впервые с тех пор как... Он вздрогнул и сделал усилие, чтобы перевести свою мысль на другое. "Смогу ли я убедить её прийти ко мне?"

Делинди обсыхала на солнце, и вода стекала

струйками по её телу. Она была одна, и это было восхитительно. Сияющая улыбка ясно говорила о том, как она рада снова увидеть Марена. Она протянула руки навстречу Дэвиду, и он сжал её ладони в своих. Делинди разглядывала его, и в глубине её зрачков плясали веселые огоньки. Но в её голосе были тоска и тревога, когда она попросила Марена:

— Я хочу, чтобы ты послезавтра увез меня с собой в Азию. Можешь ты это сделать?

Пока она говорила эти слова, с ней произошло поразительное превращение. Маска радости спала! Делинди дрожала всем телом. Марен видел, как лихорадочно пульсировала артерия на её горле, как быстро поднималась и опускалась её грудь и вздрагивала от волнения ладонь.

— Умоляю тебя, подумай об этом, — прошептала она. — Ох! Если меня спросят, почему ты здесь, что я отвечу?

— Дети... Как поживают... — он запнулся и начал снова. — Как поживают наши дети?

— Великолепно!

Делинди слабо улыбнулась. Пульс на её горле перестал биться, дыхание стало нормальным, и на щеки вернулся румянец. Она улыбнулась ещё раз, более горячо и естественно.

— Милый, я так счастлива, что ты спросил меня о них. А теперь тебе лучше уйти, — и она выпустила его руки из своих.

— Я был бы рад взять тебя с собой, — тихо и быстро сказал Марен.

Он вернулся назад тем же путем, которым пришел, и теперь дрожал он. Значит, вот в чем было дело: Делинди хотела полететь вместе с ним на георгийскую границу накануне войны. Подозревает ли она, что там готовится наступление?

Завтрак был подан в маленьком особняке, построенном, как удостоверяла надпись на пилястре террасы, из гранита, привезенного со всех четырех сторон света, причем из каждого карьера было поставлено не более шести блоков. Эту постройку подарило Великому Судье в знак благодарности население одной старой европейской страны, завоеванной восемь лет назад. Все сооружения, которыми был уставлен парк, были такими же дарами, и каждое из них было образцом великолепного вкуса.

В углах зала с высоким потолком, вдали от оркестра был накрыт стол на восемь человек. Больше десятка слуг-прапспов стояли на своих местах возле кухни. Гости, пробуя ликеры, ждали начала завтрака в глубине этой гостиной. Ма-

рен узнал среди них драматурга, знаменитого музыканта, карточного игрока. Остальных было труднее подвести под какую-нибудь категорию. Каждый выглядел образцовым светским человеком: мастера разговора, умелые рассказчики, наделенные тем гибким, но неглубоким умом, который позволяет рассуждать о больших проблемах, совершенно не беспокоясь о том, как их решить. Для Марена георгийская кампания была делом, от которого зависел его престиж, а для этих людей, если бы они знали о ней, была бы просто темой для застольной беседы.

Гости обменялись с Мареном положенными приветствиями. Драматург предложил ему стакан. Дэвид уклонился от одного или двух замечаний по поводу своей личной жизни и принялся изучать тех, кого Великий Судья попросил явиться на свое празднество.

Главнокомандующего интересовала загадка его собственного приглашения. Строго говоря, оно было излишним. Обсуждать георгийскую кампанию? Об этом не могло быть и речи. К тому же, если только не отменить приказ о наступлении, Великому Судье было слишком поздно изменять план атаки, состоявший из огромного множества действий и передвижений.

У двери возникла суматоха, и в зал вошел человек, очень мало отвечавший обычному представлению о диктаторе. Он был раздражителен до того, что никому никогда не приходило на ум спорить с ним: или человек был согласен с господином, или прощался с жизнью.

Марен всегда разделял мнение Великого Судьи. Он заключил с самим собой странный компромисс, основанный на том, что он считал полным принятием целей диктатора, и свободно перемещался в границах этих общих принципов, принимая решения и действуя без страха вызвать злобу великого человека.

Иван Проков, более известный под прозвищем "Великий Судья", был красив. Ростом он был около шести с половиной футов. Диктатор был одет в рубашку из розового шелка и брюки из такой же ткани, но белого цвета, а вокруг шеи небрежно повязал галстук, тоже белый. Лицо его чем-то напоминало морду льва. От Великого Судьи исходила сила, подчиняющая себе других, но этот ореол власти был сочетанием внешних признаков, а они обманчивы. Поприветствовав жестом остальных гостей, он бросился к Марену, протягивая ему обе руки.

— Дэвид! — горячо воскликнул Великий Судья,

схватив своего гостя за руку и увлекая за собой к столу, — начнем сейчас же — у вас совсем нет времени.

На этом разговор между ними практически прекратился: потом оба только подключались к светской беседе других участников завтрака.

Марен, у которого впереди была тяжелая работа, торопливо поглощал восхитительную смесь из устриц, плова и овощей под соусом. Все остальные углубились в оживленную дискуссию на тему, нужно ли теперь же, не откладывая, начать исследование того, побеждают или терпят поражение группистские законы и правила жизни и, если нужно, кто должен руководить этим исследованием.

"Кто направил разговор по этому пути?" — задавал себе вопрос Марен, который не мог не отметить, что многие из сказанных здесь слов, если бы они прозвучали в суде, автоматически были бы основанием для обвинительного приговора. Он не помнил, чтобы при нем когда-нибудь было высказано столько бунтарских мыслей в присутствии Великого Судьи.

Эта мысль, как вспышка света, мгновенно раскрыла перед Мареном правду: его испытывают! Должно быть, речь в защиту Траска вызвала ка-

кие-то подозрения у диктатора.

Душу Марена терзало необычное для него беспокойство: он впервые оказался в таком положении. Два раза, пользуясь перерывами в беседе, он поднимал глаза — и встречал остановившийся на себе внимательный взгляд Великого Судьи. Во второй раз хозяин дома спросил: "Каким организациям или лицам вы поручили бы это исследование, Дэвид?"

Теперь, зная, что это испытание, Марен с полнейшим спокойствием ответил:

— Я без колебания выбрал бы Медельина и Слейтера.

Великий человек фыркнул со смеха:

— Вот мысль, которая не пришла бы мне в голову! — искренне признался он.

— Желаете ли вы, чтобы я изучил этот вопрос и представил вам доклад примерно через две недели, считая с сегодняшнего дня?

Брови Великого Судьи сдвинулись.

— Неплохая идея, но у меня есть для вас гораздо более важные поручения. Мы поговорим об этом потом, — и Великий Судья с задумчивым лицом переключился на еду. Позже он первый посмотрел на часы и воскликнул:

— Вам пора в путь, Дэвид! Желаю удачи!

На этом завтрак закончился.

На обратном пути Марен размышлял о том, что произошло. Его пригласили, чтобы понаблюдать за ним. Великий Судья, обеспокоенный позицией, которую занял его Главнокомандующий в деле Траска, пожелал как следует прощупать его. Трудно предугадать последствия этого экзамена. Да и совершенно бесполезно ломать над этим голову! В любом случае на данный момент мнение о нем Великого Судьи было второстепенной проблемой. Марен должен был выполнить поручение, потерять время и выиграть время.

Глава 12

Около двух часов дня Марен увидел ракетодром. Это была база, укрытая в глубине долины в двадцати милях к северу от столицы. Основной корпус представлял собой низкое и плоское здание без всяких украшений, похожее сверху на обструганную доску. Оно имело тот унылый вид, который характерен для военных городков. Население долины целиком состояло из солдат, и все здания в ней были предназначены для военных целей. Севернее, там, где местность становилась неровной, находилась стартовая площадка. Сам самолет-ракета стоял под защитным навесом огромной постройки, похожей на оборонитель-

ное сооружение.

После того, как "прыгун" коснулся земли, суета вокруг чудовищных размеров самолета с укороченными крыльями, похоже, ускорилась и стала лихорадочной. С высоты эта картина казалась почти спокойной, но по мере приближения Марен все больше воспринимал её как муравейник, где беспорядочно двигались во все стороны хлопотливые машины, тянувшие за собой пустые прицепы, полные прицепы, или не тянувшие ничего.

Возле трапа, приставленного к самолету, стояла группа людей. В центре её находился некто высокий и хорошо сложенный с мальчишеским лицом, чуть дальше двое мужчин постарше, сохранявшие на лицах бесстрастное выражение, и четвертый, который улыбался, несмотря на печаль в глазах. Последний протянул Марену свое удостоверение: это был одетый в штатское офицер Контроля. И он же, указав на молодого, объявил:

— Вот тот, о ком вам говорил господин Слейтер!

Из-за рева двигателей, гула голосов, криков и мелькания двигавшихся взад и вперед людей и машин Марен не расслышал часть после-

довавшей за этим формулы представления. "Представляю вам... (следующее слово потонуло в шуме) Бернли". Марен пожал руку молодому силачу, который был на несколько дюймов выше своих спутников. Новичку было самое большее двадцать лет, и на первый взгляд он не имел никакого сходства с Великим Судьей. Его лицо напомнило Марену чье-то другое, знакомое, но у Главнокомандующего не было времени думать об этом. Проворные маленькие тягачи рычали, перетаскивая грузы. Люди постепенно исчезли в бетонных укрытиях, и площадка вокруг огромного самолета-ракеты опустела.

— Можно взлетать, как только вы пожелаете, господин генерал, — сказал на ходу пилот.

— Я бы лучше поднялся на борт, — пробормотал Бернли, бросая робкий взгляд на Марена. Его спешка была почти грубой: Бернли рванулся к трапу с такой скоростью, словно боялся, что его не возьмут в самолет, если он отстанет. Марен пошел за ним более медленным и спокойным шагом. Что он будет делать с этим Бернли? На его взгляд, новичок был не способен к самостоятельным решениям. Люди такого типа могут испытывать вспышки ума и энергии под действием страха, но доверять им командные должности

было бы безумием. Марен был разочарован: Великий Судья останется недоволен.

Усевшись рядом с мальчишкой, Главнокомандующий добросовестно пристегнулся ремнем безопасности. Пилот, несомненно, ждал лишь его, чтобы поднять машину в воздух, потому что двери тут же с мягким шорохом закрылись и сиденья бесшумно откинулись назад; потом послышался приглушенный рев реакторов, и толчок придал машине фантастическое ускорение, которое сохранялось в течение нескольких минут, требовавшихся самолету, чтобы набрать высоту.

Вдруг реакторы замолчали, и аппарат полетел как ракета в верхних слоях атмосферы по параболе.

Когда он начал опускаться, Марен повернулся к своему молодому спутнику. Бернли закрыл глаза, откинул голову назад и полностью расслабился. Его вид тронул сердце Марена, отцовские глаза обнаружили сходство, которого не осознал ум. Если этот мальчик считается сыном Великого Судьи, для того это равносильно признанию отцовства. Ох, Великий Судья, уж не обманул ли вас кто-то? Конечно, результаты любовных игр аккуратно регистрируются, но в те далекие

времена в их организации было меньше порядка, и ни один архивист не мог поручиться за то, как женщина провела ночь перед открытием игр.

— Как вас зовут?

— Дэвид.

— Вот как! Значит, мы тезки.

— Конечно, господин генерал, меня ведь назвали в вашу честь!

Марен оцепенел от изумления, но быстро овладел собой и углубился в воспоминания о первых играх. Тогда нашлось много охотниц бросить ему вызов, и хотя в семнадцать лет он по закону ещё не имел права участвовать в любовных состязаниях, в то время существовало достаточно способов обойти правила, чтобы решительный молодой человек, воспользовавшись влиянием своей матери, мог выйти на старт. Для соблюдения внешних приличий на лицо Дэвида был наложен грим, делавший его старше. Возбуждение, эгоизм молодости и большой запас жизненных сил помогли ему одержать две победы и оплодотворить двух женщин.

Марен наклонил свое сиденье так, чтобы лучше видеть молодого человека. Тот густо покраснел от смущения.

— Расскажите мне о себе!

Дэвид Бернли рассказал историю своей жизни. Он вырос в маленькой общине на западном побережье у своей матери Этель Бернли вместе с двумя другими её детьми.

— Я был любимым ребенком в семье, — уточнил он с некоторой гордостью. — Мама после вас ни разу не встретила никого такого же восхитительного. Она повторяла это на все лады, и не думаю, чтобы эта похвала принесла много пользы Джорджу и Саре!

Джордж и Сара — это, конечно, два других ребенка, но Марен не стал спрашивать об этом: он был в ярости от того, что не мог вспомнить ни одну из двух первых женщин, от которых имел детей.

— Мама работала в яслях, поэтому я видел её очень часто и не чувствовал себя покинутым, как другие дети. Они, конечно, не находятся там все время, но...

— А где вы учились?

— В колледже. Сейчас у меня каникулы до сентября. Я пишу диплом по политэкономии.

Дэвид Бернли отдал себя в распоряжение правительства на время каникул, но он не предполагал, что его отправят на задание "вместе с его собственным отцом".

— Я, конечно, указал ваше имя в документах и, может быть, именно это сыграло роль. Но все равно я был так удивлен...

Было совершенно очевидно, что их встреча умело организована. И Марен подумал, что несмотря на все старания уменьшить значение отцовства, люди упорно продолжали мыслить прежними представлениями и желали, чтобы отцы и сыновья постоянно были рядом друг с другом. Они совершенно не принимали всерьез официальную точку зрения, по которой это считалось семейственностью, а возврат к отжившей свое системе брака снова сделал бы женщину рабыней мужчины.

Правительство выплачивало матерям пособие на воспитание детей из фонда, в который вносили деньги все мужчины страны без исключения победившие в любовных играх или проигравшие в них, квалифицированные работники и люди с низкой квалификацией.

Матери должны были сами заботиться о своих детях, но благодаря общественным детским учреждениям они освобождались от семейных обязанностей на определенное количество часов в неделю. На протяжении недели мать сама по согласованию с персоналом детского учреждения

распределяла это время наиболее удобным для неё и ребенка образом. Женщины могли делить недельную норму пребывания ребенка в яслях или детском саду на части, но минимум часов под присмотром общественных нянек был обязателен для ребенка, так как закон запрещал женщинам целиком посвящать себя обязанностям матери.

Эта система, которая предполагала хорошее знание положения женщины в прошлые эпохи и воплощала идею освобождения женщины, была прекрасна, но Марен вспомнил, что исследование, проведенное по поручению Совета, показало, что тридцать восемь процентов жителей страны обоих полов пыталось неофициально жить семьями. Приспосабливаясь к установленным порядкам, они придумывали десятки ухищрений, позволявших мужчинам, женщинам и детям быть вместе: иногда мужчина снимал комнату у женщины, иногда жил в соседнем доме, иногда через дорогу от своего семейного очага.

— Как быстро мы летим! Сколько времени занимает этот перелет? услышал Марен рядом с собой голос своего молодого спутника.

Главнокомандующий не успел ответить. Уже достаточно долго их аппарат спускался по

длинной плавной кривой. Внезапно сиденья выпрямились, и в следующее мгновение зарычали, извергая потоки энергии, тормозные реакторы. Разговаривать было совершенно невозможно, и Марен закрыл глаза, проклиная случай, который заставил семейные связи ворваться в его судьбу в самую важную неделю в его жизни и мешать ему заниматься делами.

В прошлом Дэвид Марен очень редко и нерегулярно интересовался своими детьми. Он вспомнил, как однажды, из любопытства пожелав узнать, какое потомство произвел на свет, он попытался проявить внимание к одному молодому человеку трех лет от роду, а тот все время отцовского визита был в бешенстве и не переставал орать.

Очень многозначительная реакция — мальчик интуитивно понял, что Дэвид Марен представлял из себя в области чувств.

Глава 13

Когда они приземлились, вокруг была полная темнота: здесь, в глубине Сибири, ещё не рассвело, и землю можно было различить сверху лишь по обширной сети разноцветных огней. Среди этих светящихся точек находился лагерь одной из бесчисленных армий Великого Судьи,

окружавших георгийские горы. Лагерь "А" был фактически создан ещё в конце третьей атомной войны, но количество находящихся в нем солдат и техники со времени его основания неуклонно возрастало, и в последние три года накопленные в нем военные силы стали значительными. За эти двадцать лет, среди которых были годы с самыми суровыми зимами из всех когда-либо отмеченных, в "городе" под названием Лагерь "А" развился ряд постоянных инфраструктур. Сейчас темнота все скрывала, но Марен знал, что в эту систему входили бетонированные дорожки, ангары для самолетов, несколько больших посадочных площадок и — что было ещё ценнее в таком удалении от центров — площадка для приземления ракет.

Самолет-ракета с заглушенными реакторами вынырнул из мрака под пронзительный кошачий визг разрываемого воздуха. Хотя магнитная аппаратура не годилась для этих крупных аппаратов и случай, когда такое чудовище с обрубками крыльев приземляется на малой скорости, никогда не предусматривался, пилот и наземный радар вступили в тесное взаимодействие между собой, чтобы успешно выполнить трудную операцию — посадку при скорости пятьсот миль в час.

Перед самым прикосновением машины к земле шасси выдвинулись из своих гнезд. Колеса при этом крутились с ужасающей скоростью, чтобы смягчить эффект отрывания, который испытывали шины. Долго, очень долго — так по крайней мере казалось пассажирам — аппарат летел над самой землей. Колеса едва касались бетона, из сопел вырывалось пламя, но автоматическая система компенсации обеспечивала самолету устойчивость.

Когда скорость была уменьшена с помощью сложных и идеально согласованных действий электронных приборов, пилот перешел на ручное управление. Аппарат сделал разворот, свернул на вспомогательную полосу, по инерции, с заблокированными тормозами подъехал к ярко освещенному зданию и остановился так тихо, что Марен, который ещё был в напряжении, не сразу понял, что буйство бешеной силы прекратилось.

— Ура! — воскликнул молодой Бернли.

Свистящий шорох открывающихся дверей. Марен спустился по трапу на землю и представил своего молодого спутника группе офицеров и гражданских лиц — своих подчиненных. В Лагере "А" было 4.20 утра. "Сколько из этих людей покинули постели, чтобы встретить меня?" — по-

думал Марен.

Прибывших уже ждали автомобили, которые доставили их к огромному зданию Ставки Главнокомандующего. Марен сразу же направился в библиотеку в сопровождении своего сына, которому он подал мысль ознакомиться с политическими и экономическими проблемами Георгии.

— Я особенно хотел бы, чтобы в ближайшие дни вы изучили документацию по структуре исполнительной власти в Георгии и составили для меня список влиятельных должностных лиц: имена, должности и важность их функций внутри системы.

— Я сделаю все, что в моих силах, — оживленно ответил молодой человек. — Кроме того, у меня уже есть данные общего характера по этому вопросу.

Покинув библиотеку, Марен вместе со специалистами приступил к проверке многочисленных электронных устройств и измерительных приборов, закрепленных под каждым сиденьем в конференц-зале. Перед группой электронщиков стояли две задачи. Во-первых, некоторые из участников совещания не знали ни слова по-английски. Для них нужно было сделать по-

нятным выступление Марена, подключив к их шлемофонам электронные системы перевода. Эти аппараты действовали по тому же принципу, что телефоны и автоматические пишущие машинки: звуковые колебания преобразовывались в электрические импульсы, которые активизировали матрицу, выбиравшую слова и их формы, а та включала механизм воспроизведения получившегося текста. Но была ещё и другая задача: выследить шпионов. Марен убедился, что его техническая команда достаточно квалифицирована, чтобы извлечь пользу из данных, полученных от стоящих под сиденьями датчиков. Потом он пил кофе в компании своих гражданских сотрудников и офицеров. При этом ему сообщили, что большинство георгийских агентов уже прибыло сюда. Обратно их доставят по воздуху и сбросят на парашютах в нескольких пунктах, а оттуда каждый будет добираться домой кто как сумеет. Несомненно, некоторые будут схвачены по дороге. Информация, которую противник сможет получить от них, придет слишком поздно, и власти не успеют принять какие-либо эффективные контрмеры.

Марен никого не порицал, но сделал вывод: шпионская сеть Великого Судьи уже раскинута

здесь. Лучше сейчас же предупредить Дэвида Бернли, чтобы он не вступал в разговор с незнакомыми людьми.

Вошел курьер.

— Господин генерал, аудитория начинает заполняться!

Марен встал.

— Я только переоденусь в форму. Когда все займут места, сразу же предупредите меня.

Он прошел в комнату, переоделся и направился в библиотеку по лестнице, которая начиналась в подвальном этаже, где хранились старые архивы, а кончалась в маленьком вестибюле библиотеки. Но у входа Марен остановился за шторами, закрывавшими дверь: он услышал голос своего сына:

— И что тогда будет?

— Ничего, — ответил мужской голос. — Мы хотим только загипнотизировать его с помощью медикаментов и закодировать против войны. У нас нет лишнего времени, и мы так или иначе должны начать. Слушайте меня внимательно: когда кончится собрание, мы используем вас, чтобы заманить его сюда. Вы будете связаны, так что у него не возникнет никаких подозрений...

Марен рискнул слегка раздвинуть шторы и осторожно заглянуть в библиотеку. Бернли сидел

за столом, и над ним наклонялся очень смуглый высокий мужчина лет тридцати. Лицо Дэвида было бледным и выражало растерянность и отчаяние. В нескольких шагах от них другой враг, коренастый и коротконогий, с электроразрядным пистолетом в руке наблюдал за дверью, выходившей в большой вестибюль напротив аудитории. Этот казался настолько же нервным, насколько его соучастник был спокоен.

Марен снял с предохранителя свой электропистолет, мускулы его лица напряглись. Он не чувствовал никакой жалости к этим двоим. Они сами сделали выбор: предпочли энергетическое оружие, выстрел которого ударяет как молния, менее опасному газовому нейтрализатору. Что ж, пусть будет так, как вам угодно, господа!

Одним точным движением Марен выстрелил во врага, который был вооружен. Тот рухнул на пол. Его голова превратилась в обугленную массу. Затем Главнокомандующий армиями Великого Судьи вышел из своего укрытия и снова выстрелил, на этот раз по сообщнику убитого. Одежда врага задымилась, он повернулся на месте и медленно упал на пол.

— А теперь перейдем к нам с тобой, Дэвид! — угрожающе произнес Марен. Его голос дрожал

от гнева. — Побеседуем немного. Ты...

Он не договорил. Молодой человек наблюдал за уничтожением своих мучителей, разинув рот, но взгляд его быстро перемещался, следуя за развитием событий, и все поведение Бернли говорило о внимании и настороженности. Но вдруг выражение лица Дэвида-младшего изменилось: огонь, горевший в его глазах, погас, бдительность исчезла. Бернли, словно придавленный огромной усталостью, свалился грудью на стол и замер без движения.

"Грохнулся в обморок!" Марен подумал об этом с презрением, но слабость молодого офицера была для него большим ударом, чем предательство: его родной сын — трус и кисейная барышня! Гнев жег Главнокомандующего как раскаленное железо.

Он сгреб в кулак аккуратно причесанные волосы Бернли, поднял за них его голову и с размаху залепил ему звонкую пощечину.

"У меня нет лишнего времени. Я должен до начала собрания узнать обстоятельства этого дела и решить, как быть с этим мальчишкой".

Дав волю своему гневу, Марен ещё несколько раз ударил по безжизненному лицу. Но прикосновение к нему мгновенно насторожило этого человека с богатым жизненным опытом, хорошо

знакомого со всеми видами обмороков, — Марен почувствовал под рукой потерявшую упругость вязкую плоть.

Почувствовал признаки смерти!

Удивленный этим, он разжал руку и схватил мальчика за запястье: пульса не было. Марен усадил тело сына в кресло, наклонился над ним, прижал ухо к его груди — и медленно выпрямился.

К растерянности и недоверчивому изумлению, которые он испытал в этот момент, добавилось другое чувство. Это было не горе. И даже не мысль, что смерть сына, о котором он ещё несколько часов назад не знал совершенно ничего, должна была бы причинить ему горе. Нет, Марен знал причину своего душевного смятения: сломана одна из его ветвей.

Ребенок — это твое продолжение в будущем. У мира Великого Судьи была своя трагедия: семьдесят процентов мужчин терпели поражение в любовных играх, и закон лишал их права продолжать поток жизни, который лился из глубины веков. Род побежденных обрывался: одним ударом был положен конец великой игре случая — произвольному сочетанию генов между собой.

Когда прошло первое потрясение, Марен снова

был в состоянии думать. И действовать тоже. Он взял трубку: "У телефона Дэвид Марен. Немедленно направьте врача в библиотеку. Кроме того, срочно пришлите мне санитарную машину и отделение охраны".

Наконец-то короткая передышка! Разве мало было случаев, когда люди умирали на его глазах — в основном под пыткой, иногда от слишком большой дозы газа или какого-нибудь препарата, — но врачи, специально обученные реанимации людьми из Контроля, оживляли их.

Марен опустился на колени возле трупа того врага, который был выше ростом, и начал его обыскивать. Связка ключей, записная книжка, ручка, бумажник, где не было ничего, кроме небольшой суммы денег, и носовой платок — вот все, что он нашел. Марен положил книжку себе в карман и собрался проделать со вторым трупом то же, что с первым, но тут стала открываться дверь. Когда она распахнулась, Марен был уже на ногах, а его нейтрализатор в боевом положении. Но вошли всего лишь охранники — шесть солдат под командой сержанта. Сержант с первого взгляда понял, что произошло.

— Возьмите под охрану двери и окна! — приказал он своим людям. Потом он повернулся к

Марену: — Врач будет здесь с минуты на минуту. Что случилось, господин генерал?

Марен предпочел оставить вопрос без внимания: он не хотел никому открывать подробности случившегося.

— Этот молодой человек скончался, очевидно, из-за нервного потрясения. Насколько мне известно, физически он не подвергся никакому насилию. Врач должен сделать все возможное, чтобы он вернулся к жизни. И избавьте меня от этих трупов!

— Есть, господин генерал!

Марен разрывался на части, не зная, как быть дальше. Наступало время идти на собрание, но уйти из библиотеки он не решался: если Дэвида Бернли удастся воскресить, мальчик может сказать что-нибудь такое, что вызовет подозрения.

Вдруг тело Бернли зашевелилось. Решив, что оно соскальзывает на пол под собственной тяжестью, Марен бросился к нему, чтобы поддержать, схватил Бернли за руку и почувствовал, что мышцы под её кожей дрожат! Реанимация произошла с удивительной быстротой: раньше, чем Марен успел спросить себя, как это случилось, Дэвид-младший уже сидел на столе и испуганно бормотал:

— Что это было — эта штука в моей голове?

Марен, для которого эти слова оказались полной неожиданностью, от изумления сделал шаг назад.

— Какая "штука"?

— Что-то завладело моим умом и управляло им. Я... — на глазах у Бернли выступили слезы.

— Могу ли я быть вам полезен? — спросил, подходя ближе, сержант из охраны.

— Сходите поищите врача!

Это было сказано, чтобы выиграть время: Марену нужно было во всем разобраться. По словам Слейтера, существует метод управления людьми на расстоянии с помощью электронных схем, вживленных в мозг, как прививают черенок к растению.

"Он был мертвым", — твердил себе Марен. Его сын умер без видимой причины. Может ли прерывание контакта управляемого с управляющим или даже просто короткое замыкание в схеме-"прививке" вызвать смерть управляемого?

Конечно, у Марена было слишком мало времени, и потому он не мог обдумать эту проблему на свежую голову, но все указывало на то, что Дэвид Бернли был вовсе не предателем, а жертвой. Его "смерть" прервала контакт впрочем, это послед-

нее было лишь предположением.

— Как ты себя чувствуешь, Дэвид? — ласково спросил Марен.

— Прекрасно, господин генерал!

Бернли попытался встать, покачнулся, но широко улыбнулся и восстановил равновесие. Он явно делал над собой усилие.

— Со мной все в порядке, — повторил он.

— Я прикажу отвести тебя в постель. Да! Дэвид, ещё вот что...

— Что?

— Ты не скажешь никому ни слова обо всем этом до моего возвращения.

Марен произнес это командирским тоном. Не дожидаясь ответа, он подозвал двух охранников, и те, наполовину волоча, наполовину толкая, вывели молодого человека из комнаты. Лишь после этого Главнокомандующий вернулся в свои комнаты, сознавая, что главная часть его работы ещё впереди. Он стал с беспокойством ждать начала собрания, удивляясь, отчего до сих пор нет сообщения, что оно открыто.

Чем больше Марен думал о последних событиях, тем больше становилась его тревога. "Что-то завладело моим умом и управляло им", — сказал молодой Бернли. Если это правда, это важнейшее

событие, может быть, не сравнимое по значению ни с чем другим. В любом случае было несомненно: нападение готовилось давно — управляющая схема, разумеется, была установлена в мозгу Бернли заранее.

Марен вздохнул, открыл прозрачную пластмассовую дверь и вышел в сад. Уже наступил рассвет, хотя солнце ещё не взошло. Воздух был холодным, даже колючим. Подумать только — совсем недавно он был в Городе Судьи, и там все ещё день!

Марен стоял неподвижно в сером полумраке раннего утра и думал, что находится на земле, породившей первый авторитарный режим, достойный этого имени. Именно здесь, в этом ключевом районе Земли, более двухсот лет назад возник Советский Союз, который распространил свои принципы силой раньше, чем они доказали свою правильность.

Кровь текла тогда по земле многих стран: невежды и софисты приняли сторону системы, обещавшей подорвать основы истории. Во многих странах народы, разбуженные западной цивилизацией от вековой спячки, стали жертвами демагогов, чья неразборчивость в средствах могла сравниться только с их же бескультурьем,

и прежде, чем люди смогли свободно высказать свое мнение о новой власти, оказывалось, что власть покончила со свободой мнений. После этого выяснилось, что эксплуатируемый народ, словно ребенок, который грубо обращается с младшими товарищами, вымещая на них свою ненависть к кому угодно, кроме настоящих виновников его несчастий. И в этих странах произошли крутые повороты в общественном мнении, приступы неудержимой безумной ярости, жажда бить насмерть, все виды общественных волнений, разгул всех видов физического насилия.

Потом были три большие атомные войны, и человечество сильно поредело. Когда в конце концов уцелевшие вышли из укрытий, они были обессилены и практически не оказали сопротивления новому вождю, сказавшему им: "Мы соединим коллективизм со свободным предпринимательством. Стремление к тому и другому заложено от природы в любом сердце. Первый устанавливает систему добрых отношений между коллективами, второе освобождает ум личности. Первый обеспечивает человеку жизнь через коллектив, второе признает за этим человеком его врожденное право на творчество".

И Великий Судья добавил:

— В путанице этих послевоенных лет крупные регионы надолго останутся без соответствующего их специфике управления. Возникнут временные государственные структуры, которые окостенеют, пытаясь закрепиться навсегда. Мы уже сейчас предупреждаем эти государства: опыт двух последних столетий не позволяет нам проявить к ним милосердие. Мы не потерпим никакого сепаратизма.

Возникло несколько тысяч самостоятельных государств, в основном крошечных и незначительных, чьи политика и экономика были чаще всего примитивными. Время от времени горстке людей удавалось подняться на вершину абсолютной власти, и с высоты своего величия они пугливо оглядывались вокруг, спрашивая себя, сколько времени оно продлится. Тогда незаметно рождались перешептывания, дипломатические маневры, успокаивающие слухи, распространяемые множеством ртов: первые декларации Великого Судьи носили в некоторой степени обобщенный характер, и никогда не шла речь о том, чтобы понимать их буквально, к тому же, если говорить правду, Судья произнес эти слова под возбуждающим влиянием момента.

Никто никогда не узнает точно, какая часть

этих слухов была распущена самим Великим Судьей, но как бы то ни было, за двадцать лет число независимых государств сократилось с первоначальной тысячи до ста. Падение Георгии, вероятно, вернет в овчарню ещё двадцать с лишним заблудших овец столько государств поторопятся заключить соглашения, которые независимо от формулировок будут означать одно — включение страны в единое Мировое государство.

Марен обернулся на звук шагов. К нему шел курьер с сообщением, что все готово для выступления генерала на собрании.

Глава 14

В зале было около ста человек — мужчины и женщины. Марену сказали, что каждый из присутствующих представляет от двадцати до двадцати пяти групп или организаций — значит, в этом собрании участвовали через своих представителей около десяти тысяч человек. Среди делегатов, несомненно, скрывались два или три шпиона георгийской королевы, но какую бы маску они ни носили, они будут схвачены в ближайшее время, и их судьба будет решена ещё до отлета Марена.

Главнокомандующий вошел в зал в одежде

простого солдата, но эта форма была свежевыглаженной и скроена так, чтобы как можно больше идти Марену хорошо разыгранная мизансцена, чтобы произвести впечатление на этих людей, которые воображали себя идеалистами и мечтали включить свою маленькую страну в экономико-политический комплекс Великого Судьи.

Политически Георгия была противоестественным образованием. Во время развала мировых армий группа европейских авантюристов захватила власть, а потом предприняла довольно странные маневры. Первым действием новых правителей было создание научно-военного государства, которое быстро раскололось примерно на тридцать федераций с коллегиальным управлением.

Когда закончился период послевоенной неразберихи, глава авантюристов принял титул наследственного монарха. Несмотря на всю странность этой фантазии, консервативные элементы общества одобрили решение правителя взять власть в свои руки и возложить на себя её знаки. Но после убийства "короля" действие демократии в стране было приостановлено и под управлением его старшей дочери там установился застывший строго иерархический режим,

который стал готовиться к защите от Великого Судьи. Неудивительно, что многие георгийцы в негодовании на то, что их лишили прежних прав, стали работать на Великого Судью.

Марен поднял руку, призывая собравшихся к тишине.

— Мужчины и женщины Георгии, я узнал, что ваши комитеты составили список примерно тысячи георгийских должностных лиц, которые должны быть убиты или казнены в случае захвата в плен. Я должен попросить вас — не принимайте никаких мер против королевы, не предупредив меня заранее.

Больше он не наложил никаких запретов. По правде говоря, поскольку всем георгийцам будут вживлены болевые схемы, смерть большинства приговоренных не принесет никакой пользы: просто делегаты ничего не знали об этом эффективном инструменте Контроля.

— Кого бы вы ни посчитали необходимым ликвидировать, убедитесь, что ваши планы идеально скоординированы: в первые часы революции один из вождей может собрать вокруг себя столько сторонников, что поставит под угрозу всю операцию.

Марен не чувствовал никакой жалости к на-

меченным жертвам. В трех атомных войнах погибли миллионы людей, и те, кто в очередной раз пытался возродить сепаратизм, источник будущих войн, вызывали у него отвращение.

Когда Главнокомандующий подробно излагал план действий, его ораторский пыл произвел впечатление на молча слушавших делегатов. Эта часть выступления закончилась словами: "Каждому из вас будет передан листок с инструкциями. Вы должны заучить их наизусть, так как текст написан симпатическими чернилами и через определенное время внезапно исчезнет".

Это было не совсем верно: директивы были не написаны чернилами, а отпечатаны с помощью электроники на материале, имитирующем бумагу. В заданный момент тексты на всех листках будут уничтожены дистанционной командой, и одновременно на какой-то срок будет активизировано другое сообщение, вписанное в саму структуру заменителя бумаги, которое непоправимо исказит первый текст и навсегда сделает его недоступным для расшифровки. Эта технология была разработана в Электронных Лабораториях Траска.

Теперь настало время заговорить о вознаграждениях. Марен перечислял их одно за другим и на

этот раз внимательно следил за реакцией своих слушателей: как правило, именно в такое время контроль человека над собой ослабевает. Если в ряды восставших проник шпион георгийской королевы, при этой распродаже должностей и богатств своей страны он должен втайне от других быть в бешенстве, и часть детекторов лжи, скрытых под сиденьями, обязательно отметит его волнение. Но больше, чем чувствительности аппаратов, Марен доверял своему собственному умению обнаруживать борьбу чувств в душе человека по выражению лица и движениям тела. С самого начала он обратил внимание на мужчину, сидевшего очень прямо в центре зала — рост выше среднего, около тридцати лет, внешность интеллектуала. Глава Группы сделал условный знак, и через мгновение у него в руке была записка : "Детектор подтверждает ваши подозрения".

Читая её, Марен краем глаза наблюдал за агентами Контроля, которые входили в зал через боковые двери по крайним проходам. Оказавшись на одной линии с подозреваемым, они синхронно повернулись и, растолкав нескольких слушателей, умело окружили свою жертву.

Мышцы шпиона напряглись, но он был вынужден сдаться: было совершенно очевидно, что

сопротивление бесполезно. Агенты потащили его к сцене. Марен успокоил собравшихся: "Этот арест произведен для вашей защиты: мы имеем основания подозревать, что этот человек — шпион. Может быть, некоторые из вас смогут его узнать, когда мы снимем с него маску".

Пленнику, должно быть, это казалось нереальным — так неожиданно все произошло. Он начал вырываться, но было слишком поздно. Его силой удержали на стуле, а в это время в зал вошел химик, кативший перед собой столик с банками и пузырьками. Этот человек не торопился, но знал свою работу: он проверил волосы, брови, щеки, уши, подбородок и рот арестованного, пробуя на каждой части тела все реактивы без исключения.

И на глазах у толпы лицо шпиона изменилось: белые, как лен, волосы сделались густо-черными, лицо стало худее и длиннее, а глаза, в которых светился страх, из серо-голубых превратились в светло-карие. Вдруг какая-то женщина крикнула: "Это же Куда!" Марен бросил вопрошающий взгляд на одного из своих подчиненных, и тот быстро набросал на грифельной доске несколько слов: "Высшее георгийское общество. Семья потомственных политиков".

Тогда Дэвид Марен вышел на авансцену.

— Друзья мои, я уверен: вы согласитесь, что мы в силах разобраться с этим Кудой и ему подобными. Перед вами стоят более важные задачи, чем решение судьбы шпиона. Отправляйтесь же выполнять свой священный долг! Через три дня мы встретимся в Итнаму. Приветствую вас от имени Великого Судьи, будущие руководители провинции Георгия!

Слушатели ответили на эти слова приветственными криками. В их дрожащих от волнения голосах прорывались истерические нотки. Скольких из этих людей не будет в живых через три дня? Возможность такого исхода их не останавливала, а Марен не имел никакого желания говорить, что статистические подсчеты по прежним революциям позволяли предполагать смертность среди руководителей восстания порядка двадцати процентов.

Пока участники собрания выходили из зала, Марен повернулся к охранникам, державшим шпиона:

— Хорошо обыщите его и приведите ко мне: я сам займусь им.

Через минуту Главнокомандующий входил в библиотеку. Дэвид Бернли сидел за тем самым

столом, за которым недавно "умер". Увидев это, Марен нахмурился. Молодой человек встал со своего места и вытянулся по стойке "смирно".

— Почему ты не в постели, Дэвид?

— Я должен был выполнить задание! — щеки Бернли горели от волнения. Я чувствовал себя прекрасно и настоял на своем... у них не было никакого предлога помешать мне встать. Я проверил информацию, которую вы просили у меня. — Он очень старался угодить Марену.

В этот момент генерал не знал, за что взяться: по его мнению, то, что случилось с его сыном, было гораздо важнее, чем георгийский шпион, а эта минута (точнее, две минуты) была драгоценна.

— Дэвид, эта... "штука", которая была у тебя в голове, — сколько времени она там находилась?

— Я её почувствовал, как только вошли те двое.

— Ты их знал?

— Я их никогда не видел, но они меня знали.

Марен быстро прикинул в уме: Слейтер, Великий Судья, многие люди из Контроля, сотрудники правительственных служб, участвовавшие в подготовке наступления, — о его полете знало достаточно много людей, и это объясняло утечку информации.

Дэвид-младший продолжил:

— Они знали, что я был пацифистом: я, конечно, болтал много лишнего в колледже. Они спросили меня, хочу ли я им помочь. Сначала я отказался. Клянусь, господин генерал, это правда! И тогда... появилось оно — там, в моем уме! Что-то завладело мной, и я услышал, как отвечаю им "да"! Они тут же сказали мне, что хотят взять ваше сознание под контроль, чтобы вы прекратили войну. Я продолжал говорить им, что согласен — против моей воли, честное слово, господин генерал! — Бернли дрожал.

— Не мучай себя, я тебе верю.

Это была правда: временная смерть Дэвида-младшего была неоспоримым фактом, и Марен был уверен, что первые слова, которые мальчик пробормотал, придя в сознание, вырвались у Бернли против его воли. План заговорщиков был совсем не плох: какой был бы успех, если бы накануне войны они смогли захватить вражеского Главнокомандующего и управлять им с помощью гипноза!

От этих размышлений Марена оторвал звук открывающейся двери — это были охранники, которые привели Куду.

— Подождите минуту! — Марен закрыл дверь

и подошел к сыну. — Сейчас мы будем допрашивать шпиона. Будь добр, забери свои бумаги и книги и жди меня в саду.

Дэвид быстро собрал свои вещи, но потом остановился:

— Я не могу остаться?

— Нет. У нас нет времени устраивать допрос по всем правилам, но мы не будем и перегибать палку.

Молодой человек немного побледнел, взял свои вещи и направился к двери, но замедлил шаг и обернулся.

— Насилие абсолютно необходимо?

— Насилие никогда не бывает абсолютно необходимым.

— Тогда почему...

Дэвид Бернли был явно озадачен.

— Если арестованный скажет нам то, что мы хотим узнать, никто не тронет и волоска на его голове, — спокойно ответил Марен и саркастически улыбнулся молодому офицеру, который кусал губы, говоря себе, что, вероятно, шансов на то, что шпион окажется таким сговорчивым, очень мало.

— И это ещё не все: может быть, мы посчитаем необходимым изменить некоторые из его взгля-

дов и вернуть его в Георгию как нашего платного агента!

Молодой Бернли дрожал так, что его зубы стучали.

— Но как вы можете надеяться, что он станет работать на вас? Люди так не поступают! Ни при каких обстоятельствах!

— Нам больше всего не хватает времени, а не методов, — категорически заявил Марен. — До встречи, Дэвид!

Бернли в последний раз показал свое нежелание уходить: уже положив ладонь на ручку двери, он обернулся.

— А какие методы вы примените?

— Для начала нанесем ему самый тяжелый удар: приговорим его к смерти по всем правилам.

Глава 15

После принудительного сеанса гипнотического внушения арестованный начал кричать что-то бессвязное. Марен, наблюдавший за ним с другого конца комнаты, с трудом разбирал слова, но его интонация говорила о ярости, и то же бешенство читалось в позе и жестах шпиона.

Потом этот гнев мгновенно погас. Арестованный вполголоса пробормотал несколько слов,

упал на стул и замер без сил. Его длинное тело сгорбилось и напряглось. Было заметно, как вздрагивают под одеждой его мышцы. В светло-карих глубоко сидящих глазах блестела влага, и их взгляд говорил о капитуляции: в нем были отчаяние и мольба о пощаде — взгляд человека, обезумевшего от страха и боли.

Это затишье перешло в драматическую замедленность движений: жертва медленно поднялась и, волоча ноги, стала ходить взад-вперед лицом к широкому окну, освещенному первыми лучами зари. Через одинаковые промежутки времени арестованный что-то бормотал сквозь зубы, но Марен лишь время от времени разбирал отдельные слова и не мог понять смысл его монолога. Генерал внимательно следил за этой сценой. Агент Контроля, который вел допрос вместе с Мареном, явно не очень привыкший к таким зрелищам, наклонился к командующему:

— Никогда бы не подумал, что такой парень сломается!

— Я уже видел, как раскалываются на допросах. Когда посмотришь на несколько нервных срывов, более или менее знаешь, чего можно ожидать.

Против воли Марена на мгновение перед его глазами пронеслись сумрачные тени, населяв-

шие его прошлое. Это были не четкие образы, а сплав мрачных воспоминаний — вереница сливающихся друг с другом мелькающих лиц диких от ужаса и растерянности, искаженных или безучастных, у которых общим было лишь одно — все они излучали страх, злость, отчаяние и боль.

— Чего мы ждем, господин генерал? В конце концов, судя по его виду, он готов быть послушным.

Вместо ответа Марен вдруг встал и пошел через комнату так, словно собирался пройти перед пленником, который еле держался на ногах. Но генерал специально оказался на дороге у шатавшегося арестанта, который его не видел, и толкнул его, делая вид, что хочет обойти. Куда тяжело упал на колени и остался так стоять, нелепо выгнув спину, похожий на пса, которого ударили плеткой. Потом он встал и снова, спотыкаясь, зашагал из угла в угол — падение явно уже стерлось из его памяти.

Марен прошел в соседнюю комнату: нужно было создать впечатление, что толчок был простой случайностью. Там он достал записную книжку, найденную на трупе. В ней были записи разного характера: телефонные номера, что-то похожее

на запись расходов, несколько строчек заглавных букв, объединенных по две или по три (должно быть, чьи-то инициалы) и пять записей. Одна была такая:

"У.Т. приговорен к смерти 26/8
Наступление на Г. 30/8
Уничтожение доказательств 29/8
Уничтожение архивов 30/8, 31/8, 1/9
Уничтожение аппаратуры 1/9, 2/9
Все секретари ячеек покидают Г. 1/9, 2/9, 3/9 (последний срок)".

Не веря своим глазам, изумленный Марен внимательно перечитал эти строчки. "У.Т. приговорен к смерти" — Уэйд Траск. Приговор действительно был вынесен 26 августа. Наступление на Г. (Георгию) действительно было назначено на тридцатое, но об этом знали только Великий Судья, Слейтер, Медельин и он сам. Главы Групп знали, что атака неизбежна, но никто из них не был поставлен в известность о дате начала операции. Марен поморщился, дойдя до выражения "секретари ячеек", которое принадлежало к терминологии коммунистов и не употреблялось уже четверть века. Разумеется, его использовало не георгийское правительство.

Снова положив книжку в карман, он позво-

нил в группу электронщиков и велел, чтобы ему принесли детектор *лжи*. Когда аппарат был установлен, арестованного усадили на сиденье детектора. Упрямо не отрывая взгляда от пола, шпион срывающимся голосом ответил на вопросы.

Имя? Йозефус Куда. Происхождение? Младший сын Георгия Куды, георгийского министра сельского хозяйства. Его рассказ не содержал ничего интересного: правительство его страны не знало, была ли в этот раз угроза войны серьезнее, чем в предыдущие годы, и Куда, агент разведки, внедренный в группу повстанцев, получил обычные указания: выяснить все, что удастся. Общее собрание, на которое были созваны делегаты, для него не было решающим событием, потому что в прошлом бывали другие такие же собрания, столь же тревожащие власти и при подобных же обстоятельствах. Он ничего не знал о тех двоих, кого застрелил Марен.

— Тогда кто они были? — воскликнул Главнокомандующий в порыве раздражения и приказал принести трупы. Куда посмотрел на них ничего не выражающим взглядом и отрицательно покачал головой. Стрелка детектора *лжи* не шевельнулась.

— Внушить ему наши принципы и заслать обратно для работы на нас? спросил агент Контроля.

Марен сделал знак, что нет. От этого не было бы никакой пользы: атака начнется уже через два дня. Тем не менее он ничего не сказал по этому поводу.

— В таком случае как с ним поступить?

— Одну минуту!

Марен подошел к двери в сад, позвал своего сына, и тот вбежал в библиотеку. Нескладной фигурой и угловатыми жестами он был похож на мальчика-переростка, задержавшегося в подростковом возрасте. Когда Дэвид Бернли увидел, в каком состоянии находится георгиец, то отнес это на счет побоев: на миг взгляд и поза выдали его молчаливое неодобрение.

— Он лишился сил, когда мы его загипнотизировали. Он придет в себя, поторопился объяснить Марен и замер, осознав, что говорит так, словно оправдывается. Он прикусил губу. Сломается ли он сам? Потом он продолжил самым приветливым тоном, на какой был способен: — Я доверяю тебе этого арестанта. Я хочу, чтобы ты выяснил у него имена и адреса всех близких родственников королевы Кийшнашении: мы намерены сохра-

нить им жизнь. Я говорю это тебе потому, что уверен — мой сын поверит в мою искренность. Если он даст нам эти сведения, его семью тоже пощадят.

— А его?

— Ему я не имею возможности предложить такую же сделку. — Марен был серьезен. — Мы не торгуемся со шпионами насчет их жизни. Он приговорен к смерти, и только суд имеет право выслушать просьбу о снисхождении к нему.

— А... — Молодой человек стоял неподвижно, как статуя, хотя дрожал всем телом. Наконец, он приоткрыл рот:

— Что я буду с ним делать?

Марен повернулся к человеку из Контроля.

— Арестованный Куда будет пользоваться полной свободой передвижения внутри этого здания. Ответственность за него несет Дэвид Бернли.

Генерал пожал руку сыну.

— До встречи через два дня.

— Вы уезжаете сейчас?

— Нет, но я не смогу увидеться с тобой до отлета.

Снова его беспокоило время. До сих пор, подчиняясь неизбежному, он старался терпеливо переносить свою боль. Но сегодняшний георгий-

ский антракт подходил к концу. Еще один час на совещание в штабе, чтобы убедиться, что все возможности учтены. А потом...

Глава 16

Было около девяти часов, когда самолет-ракета с пронзительным свистом спустился с высоты верхних слоев атмосферы. Он планировал над Долиной совсем близко от Города Великого Судьи, пока скорость не уменьшилась настолько, что позволила перейти на ручное управление. Самолет плавно подъехал к посадочной площадке, и Марен, который сумел поспать полчаса в дороге, вышел из него с твердым намерением посвятить остаток вечера своим личным делам. У выхода с площадки он остановился: его ждал Эдмунд Слейтер! Марен мгновенно упал с высоты положения Главнокомандующего в бездну тревоги — и на самое её дно. Он пошел навстречу Начальнику Контроля, протягивая ему руку и думая о том, что у Слейтера должна быть конкретная причина прийти сюда.

— Хозяин просит вас переночевать во Дворце и приглашает вас позавтракать с ним утром, — после обычного приветствия объявил генералу Слейтер.

— Завтрак в таком благородном обществе для

меня большая радость, но...

Невероятно, чтобы Слейтер потрудился приехать сам лишь для того, чтобы передать такую незначительную новость. Ее прекрасно можно было бы сообщить простой запиской или по телефону, в крайнем случае через посыльного. Марен взял себя в руки и твердо решил, что не позволит никому ни Слейтеру, ни Великому Судье — украсть у него этот вечер.

Он собрался объявить о своем решении явиться во Дворец позже и уже приоткрыл рот, но снова сжал губы: что на уме у этого карлика? Лучше говорить как можно меньше, пока положение не прояснится: несмотря на свое внешнее добродушие, Слейтер был профессионалом в делах смерти и разрушения. И Марен ограничился тем, что сказал:

— Я задаю себе вопрос, почему вы пришли встретить меня, Эд!

Слейтер помрачнел и стал смотреть себе под ноги. Потом, явно приняв важное решение, он заговорил:

— Дэвид, — и стал смотреть Марену в глаза, — Дэвид, я думаю, мы должны увидеться с Великим Судьей — я и вы.

— По какому вопросу?

— По делу Траска.

Поразительно, что руководитель такого уровня ещё беспокоится из-за этого дела: приговор вынесен, казнь совершится по заведенному порядку в назначенное время.

Марен мысленно выругал себя: "Как я не догадался раньше?" Полицейский пес Слейтер и Великий Судья, тигр, управляющий миром, должны были почуять, что в этом деле что-то не ладится. Марен уже не раз убеждался, что диктатор обладал удивительным шестым чувством: способностью в запутанном нагромождении фактов, связанных между собой или разрозненных, найти решающий фактор. Он безошибочно определил, что Траск — опасный человек.

Смятение, в которое привела Марена эта неожиданная помеха, улеглось так же быстро, как возникло, и Марен осознал, что на свой лад — и этот "лад" был неприятным — маленький нервный шеф полиции оказывает ему услугу.

— Благодарю вас, Эдмунд. Разумеется, я поеду с вами. Мы полетим на вашей машине или на моей?

— На моей.

— В таком случае я прикажу подогнать мою ко Дворцу.

— Это вы сделаете в самолете! Идемте же! — нетерпеливо поторопил его Слейтер.

Второй раз за этот день — второй день после приговора — в уме Марена пронеслась мысль: "А если я не сумею вернуться в свое тело вовремя?" Он почти видел, как уходят, тают пять дней отсрочки, которые ещё остаются у Траска, а он, Марен, неуклюже и беспомощно пытается вырваться из капкана из чужого тела, в котором застрял. В конечном счете его умение маскироваться будет бесполезно: возбудитель боли, дающий Контролю власть над человечеством, не даст обмануть себя внешним видом. Под бичом, вернее, под колющим стрекалом пытки, которая, раз начавшись, не прекратится ни на миг, он будет вынужден явиться на смерть.

— Дэвид, если я скажу Его Превосходительству, что он должен выслушать вас, думаю, он сделает это без предвзятого мнения.

Сердце подскочило у Марена в груди: Великий Судья мог принять окончательное решение и помиловать Траска до полуночи, а кто лучше Слейтера мог заступиться за Уэйда? Никто, даже Медельин, не имел лучшей возможности для этого. Но радость Марена была недолгой: ещё рано! Он будет готов к этому решающему шагу лишь

тогда, когда узнает, пришел ли в себя связанный человек в тайной лаборатории. До тех пор у него не будет никаких гарантий, что он спасется. Конечно, Великий Судья может дать себя убедить и пересмотреть приговор, но Марен совершенно не верил в это.

Сидевший рядом с ним Слейтер покачал головой, выражая сомнение:

— Мой друг, я задаю себе вопрос, почему вы прибегаете к уловкам, когда вас вот-вот могут снять с должности! Сейчас беспокоиться о чем-либо, кроме этого, совершенно бессмысленно.

— Снять с должности? Бог мой, почему? — ошеломленно спросил Марен.

Слейтер серьезно ответил:

— Он недоволен, Дэвид: ваш призыв к милосердию удивил и расстроил его.

Марен промолчал и пошел следом за шефом полиции к его "прыгуну".

Когда они долетели до передовых постов охраны Дворца, их начали сопровождать патрули Воздушных Сил Контроля. Машина Марена и Слейтера перелетала от одного патруля к другому, и когда очередная группа самолетов Контроля принимала эстафету, предыдущая возвращалась на свое место и снова начинала без остановки

описывать свои круги. Последняя машина сопровождения приземлилась одновременно с высокопоставленными посетителями, и раньше, чем те сделали хотя бы намек на шаг в сторону ограды Дворца, пеший патруль проверил, кто они такие, и передал их под присмотр часовых-прапспов.

— Советую вам пропустить меня вперед, — сказал Слейтер своему спутнику. — Погуляйте немного и присоединяйтесь ко мне через десять минут.

Для того, чтобы заняться поисками Делинди, момент был неподходящим, поэтому Марен стал ждать у входа в сады Дворца, сверкающие под лучами света. Когда прошло назначенное время, он подошел к скромному жилищу Великого Судьи — восьмикомнатному домику в сельском стиле.

В тенистом внутреннем дворике сидели под деревом двое мужчин. Когда Марен приблизился к ним, оба встали, и один — Слейтер — пошел ему навстречу скользящей походкой, словно выплывая из темноты.

— Дэвид, Его Превосходительство согласен обсудить с вами дело Траска, — в голосе Начальника Контроля звучала нотка гордости — он явно считал, что одержал нелегкую победу.

Внешне Марен был спокоен, но внутренне весь пылал. Идя к ожидавшему его Верховному Судье, он чувствовал кипение скрытого гнева в душе диктатора. Тело Главнокомандующего инстинктивно напряглось: Марен твердо решил сражаться.

Какое-то время не было слышно ничего, кроме его голоса и шороха ночного ветра. Вначале Марен повторил доводы, которые изложил перед Советом, когда тот отклонил его ходатайство. Потом генерал напомнил о некоторых изобретениях Траска и подробно остановился на том, какую услугу эти открытия оказали ему, Марену; наконец, он изложил свою просьбу:

— В таких обстоятельствах я полностью завишу от гения этого человека, поскольку нашим войскам постоянно нужны плоды его творчества — во всяком случае большинство этих плодов. Он помогал нам столько раз, что невозможно сосчитать, и ни разу не отказался выполнить заказ. По-моему, все это дело можно было бы решить на уровне отношений между людьми. Если бы я был при том, когда этот вопрос был поднят в первый раз, думаю, простой разговор с Траском быстро позволил бы мне выяснить, что он имел в виду на самом деле, когда критиковал наш строй.

Поэтому, Ваше Превосходительство, я не считаю, что Траска нужно казнить. У меня такое чувство, что его надо освободить, и как можно скорее.

То, что нужно было сказать, сказано. Какой бы ни оказалась цена защитительной речи, она произнесена и вернуть слова назад невозможно. Марен не представлял, что ещё он мог бы добавить. Может быть, в его голосе прозвучало немного больше волнения, чем надо. Жаль, но это было сильнее его. И к тому же, повлияет это волнение на решение Судьи или нет, оно будет отнесено за счет всем известного интереса Марена к судьбе Траска.

Генерал стал ждать.

Под деревом с шелестящей листвой сгущалась тишина, и неумолимо тянулось мгновение за мгновением, пока тот, кто сидел в тени дерева, взвешивал слова Марена. Легкий ветерок играл в ветвях. На миг опьяняющий запах цветов и кустов стал сильнее — и тут же растворился в затихающем ветре.

Вождь поднял голову.

— Дэвид, сначала я хочу, чтобы вы знали, как я ценю вас и за ваши человеческие качества, и за ваш дар военачальника. То, что вы вступились за Траска, потрясло и огорчило меня. На мгновение

я задал себе вопрос, какие у вас в действительности отношения с этим человеком.

— Я не поддерживал с ним никаких отношений, кроме тех, которые были необходимы по должности.

— Я верю в это, и именно поэтому рассчитываю на то, что вы перестанете оказывать ему поддержку. С этого момента целиком посвятите себя тому, чтобы одержать победу над Георгией.

Это был откровенный приказ. Марен побледнел, но заставил себя улыбнуться.

— Считайте, что это уже сделано!

Диктатор о чем-то задумался, потом продолжил:

— Дело Траска серьезнее, чем кажется. Мне жаль, Дэвид, что я не могу открыть вам всю правду, но поверьте мне — крайне важно, чтобы Георгия капитулировала как можно скорее. Вы можете спросить: если смерть Траска так необходима, почему не отменить отсрочку, предоставленную ему законом? Могу вам ответить лишь одно: у нас есть причины не делать этого.

Марен подумал о записях, найденных на трупе георгийца-заговорщика. Генерал собирался показать их Великому Судье в критический момент, но теперь об этом не могло быть и речи: у него

было слишком много сомнений относительно Мозга — и относительно Великого Судьи тоже.

Диктатор встал.

— Остановимся на этом. Советую вам пройти в домик для гостей, как заведено. До встречи за завтраком!

И перед Мареном непоправимо закрылась дверь.

Глава 17

Марен неохотно направился к построенному в швейцарском стиле домику для гостей. За это время в воздухе разлилась ночная прохлада, и мрак по бокам ярко освещенной дорожки стал гуще. Генерал вошел в дом. У него не было никакого желания спать, и мысль о том, что эта ночь будет потрачена зря, была ему невыносима.

Но приказ диктатора был ясен: Марен не должен был покидать охраняемую зону вокруг Дворца. Выйти из неё по какой бы то ни было причине значило неизбежно навлечь на себя подозрения. Марен неуверенно разделся, но из упрямства не надел пижаму, хотя и вынул её из шкафа: надеть её значило решиться лечь спать. А спать значило умереть через пять дней. Невеселое уравнение, к которому нельзя ничего прибавить и из которого ничего нельзя вычесть.

Нежелание спать не было результатом расчета, оно было рефлексивным.

Марен лег в постель голый, погасил свет и лежал в темноте с широко открытыми глазами. Он не смог удержаться от мысли о несостоявшемся свидании с Ральфом Скаддером. Не то, чтобы у Марена был план как-то использовать руководителя прапспов, но неудавшаяся встреча казалось ему упущенной возможностью. Генерал установил на нужное время звонок настенных часов со светящимся циферблатом. "Что ж, будем спать", — грустно сказал он себе. По крайней мере, завтра он будет бодрым.

Проснулся он мгновенно — от ощущения, что рядом кто-то есть. "Дэвид", — прошептал в темноте женский голос.

Делинди!

— Иди сюда, — шепнул он в ответ, и через мгновение почувствовал движение её тела и запах духов. Простыня соскользнула с Марена. Делинди свернулась рядом на постели и прижалась к нему. Шелк её пеньюара приятно холодил кожу Дэвида. Делинди возмутилась: "Ах ты, негодяй! Совсем голый!" Но при этом её пальцы быстро и без остановки скользили по его телу.

— Я не могу оставаться долго. Поговорим серьез-

но: как нам встретиться, чтобы поехать вместе?

Дэвид обнял её. Мягкие губы молодой женщины приоткрылись, когда он прижался к ним ртом, но Марен чувствовал скованность её тела, которое держал в объятиях.

— Причешись просто и не крась лицо. Я предупрежу коменданта базы, что меня будет сопровождать дама.

Делинди молчала.

— Ну так как? Что ты об этом думаешь?

— У меня будет не слишком соблазнительный вид...

— Не выдумывай! Красота Делинди не в косметике. Кому это знать, как не мне! Не будем усложнять ситуацию ненужной маскировкой. Как ты объяснишь свое отсутствие Великому Судье?

— А! Ему будет все равно: оно продлится всего один или два дня, а такие короткие отлучки для него ничего не значат.

— Ты сказала ему, куда едешь?

— Нет: он никогда не требует объяснений.

В темноте не было видно, что Марен при этих словах слегка покачал головой: Делинди дала себя обмануть, поверив в полную терпимость, которая была лишь видимостью. Сам Марен не

обманывался на этот счет, но не верил и в то, что диктатор так подозрителен по натуре, как думали многие наблюдатели. Правда была проще: невероятная проницательность сочеталась у Великого Судьи с его широко известной склонностью к гневу, которую он старался подавлять. Великий Судья как никто умел читать в чужих сердцах, и, едва заметив у другого бурление той ярости, прилив которой он чувствовал в себе, он брал себя в руки раньше, чем безумный гнев успевал разрушить его душевное равновесие.

— Вот как ты это проделаешь, — нежно заговорил Марен.

— Я слушаю, — Делинди прижалась к нему ещё теснее. В нескольких словах Марен назвал ей маршрут, которым она полетит в своем личном "прыгуне", место, где она должна пересесть на воздушное такси, и наконец пункт, где она найдет военный транспорт.

— Хитрый план, — сказала она, когда Дэвид закончил. — Но ты действительно считаешь, что они дадут себя обмануть?

Марен объяснил, почему это возможно.

— Те, с кем ты будешь иметь дело, — всего лишь люди. Их будет не так много, и им будет мешать необходимость действовать скрытно. Они утонут

в таком объеме работы и потеряют твой след.

Это рассуждение, несомненно, убедило Делинди, потому что у неё вырвался вздох облегчения.

— Ох, Дэвид! Как хорошо снова быть рядом с тобой! Мне так тебя не хватало! Я... — и вдруг оказалось, что Марен держит в объятиях плачущую женщину. — Господи, какая я несчастная! Как такое могло с нами случиться?

Марен крепче обнял её. Он чувствовал себя так, словно увяз в чем-то мягком: его ум как будто отказывался работать, словно горе этой женщины автоматически заблокировало какую-то тайную пружину в мозгу Марена. "Не поддавайся! Не позволяй жалости повлиять на твои решения!" — скомандовал он себе, он не очень хорошо понимал, что он хочет этим сказать, потому что какие же у него решения? В перспективе у него была лишь одна задача — снова стать Дэвидом Мареном по-настоящему, а не по видимости.

Всхлипывания молодой женщины вдруг оборвались.

— Сейчас мне лучше уйти. Я встречусь с тобой на ракетодроме.

Она обняла Марена и легким движением выскользнула из-под простыни. Дэвид услышал, как она встает, потом его уши уловили шуршание

её шагов. Дверь открылась, потом закрылась. На мгновение Марен возобновил в памяти эти недолгие минуты: прикосновение её ладони к своему телу, её шепот, слезы — все, что теперь ушло в прошлое, но оставило неизгладимое и яркое воспоминание.

Делинди, дочь бывшего посла Георгии в стране Судьи, попадала под подозрение в первую очередь. Желание полететь на границу, возможно, было лишь проверкой: она хотела знать, отвезет ли Марен её туда, и нельзя было исключить, что так она пыталась понять, начнется ли война на этот раз.

Генерал заворочался в постели, взбешенный тем, что эта ночь была полностью потеряна для дела.

Когда он снова проснулся — настольные часы показывали 1.18, — в его уме созрело бесповоротное решение. Марен оделся в темноте, не давая себе труда даже задуматься о его пересмотре. Решение было таким: начать действовать. Без колебания он покинул домик для гостей и через несколько мгновений шел по дорожке, которая вела к особняку Великого Судьи. Он двигался небрежным шагом, притворяясь, что просто захотел подышать свежим воздухом, — это дало бы

ему возможность объяснить свой уход из домика, если Делинди тайком следила за ним.

Тут Марен осознал, что его план основывался на предположении, что в доме Судьи находится вход в Укрытия (когда-то имевший номер 808-В). Сегодня он выяснит, так ли это, и, кроме того, узнает, что находится в этой части Укрытий. Когда он окажется там, то осмотрит их — как можно большую часть и как можно быстрее.

Когда окажется там...

В этих словах и заключалась вся проблема: как попасть в подземелье? При этой мысли Марен с такой остротой почувствовал свое бессилие, что должен был остановиться под прикрытием искусственной рощицы. Усилием воли генерал прогнал овладевшие им сомнения. О возвращении назад не могло быть и речи: сегодня ночью у него был шанс окончательно выяснить, находится ли Мозг в Укрытиях, и этот шанс мог больше никогда не представиться.

Благодаря прекрасному знанию местности Марен легко ориентировался по теням. Он прошел около шестидесяти ярдов, значит, на ближайшем перекрестке станет виден дом Великого Судьи. Все будет заперто на висячие замки: это свое постановление диктатор соблюдал. Посетители

Дворца обожали мелкие подробности такого рода, а популярность вождя часто держится на соблюдении какого-нибудь ничтожного правила. Выбор, стоявший перед Мареном, был очень прост: пробраться в дом диктатора обходными путями или...

Спокойный и уверенный в себе, он подошел прямо к главной двери, и та бесшумно открылась. Марен переступил порог. Справа от него из прихожей шел слабый свет. Ни малейшего шума.

Марена охватил безумный восторг. Это было ликование, вспышка неистовой радости, опьянение, слишком сильное и бурное, и потому опасное: счастье игрока, который поставил на кон свою жизнь и выиграл. Марену и раньше приходилось делать подобные ставки, но сегодня он впервые бросил на карту все: жизнь, имя, положение, власть. Однако его чувство было двойственным, потому что уже начинался второй тур этой партии, и ставка осталась прежней.

Марен на цыпочках прошел через зал, следя за тем, чтобы не задевать мебель, добрался до противоположной входу двери и оказался в абсолютно темном колодце-коридоре, куда выходили справа комната Делинди, слева комната Великого Судьи. Марен прислушался — тишину ничто

не нарушало. Он с облегчением сделал вывод, что комнаты закрыты. Двигаясь вдоль стены и ощупывая её, Марен нашел кнопку вызова лифта. В одноэтажном бунгало такое устройство могло находиться лишь по двум причинам: либо оно спускалось в подвальный этаж, либо (что вероятнее) подъезжало ко входу 808-В. Лифт для быстрой эвакуации Великого Судьи в Укрытия в случае необходимости — что может быть естественнее?

Приглушенный свистящий звук, потом скольжение, смягченный толчок при остановке — и прихожую залил поток света. Створки двери разошлись в стороны, и Марен, вздрогнув, вошел в кабину, где снова почувствовал дрожь на этот раз от облегчения.

Панель управления была кодовой. На ней было десять кнопок с цифрами от 0 до 9 и одиннадцатая для пуска лифта. Как у каждого калькулятора или вычислительной машины, эта клавиатура позволяла набрать любое число. Марен набрал 100 и нажал на кнопку пуска. Двери закрылись, двигатель тихо загудел — его звук был похож на стон, — и кабина быстро поехала вниз. Десять кнопок панели зажглись одна за другой. Когда дошло до 10, 0 засветился белым светом, а 1 красным. На цифре 11 кнопка 1 стала наполовину

красной, наполовину белой, а на цифре 100, когда лифт остановился, единица сделалась синей, а 0 красно-белым.

Дверь открылась. Перед Мареном был узкий коридор с сероватыми стенами, такой же, как все коридоры Укрытий. Марен пошел по нему, сжимая в руке энергетический пистолет, и примерно полчаса осматривал этот этаж если быстрое заглядывание внутрь бетонных комнат (которые были пусты) и окидывание взглядом темных переходов можно считать осмотром.

Потом генерал обшарил этаж, который находился ниже, поднялся на два этажа вверх, снова спустился на четыре этажа и так далее. С каждым шагом он все сильнее чувствовал себя одураченным и не заметил, как у него за спиной в стене вдруг открылось окно. Оттуда высунулась трубка из гибкого металла, нацелилась на Марена и выстрелила... чем-то. После этого по приказу невидимой машины он свернул со своего пути.

Потом он лежал без сознания, привязанный к медицинской тележке. Вокруг не было слышно ничего, кроме шелестящего шума механизмов, похожего на неразборчивый полушепот, тихого жужжания, напоминающего приглушенный смех, и диалога думающих машин. Не было ска-

зано ни одного слова, но колебания мозга Марена были записаны и внесены в регистрационные списки, кроме того, были проанализированы его рефлексы. Под конец в мозг генерала, непосредственно в нейронные структуры, машины вживили три блока управления. После этого Марен был освобожден и продолжил свои поиски, даже не подозревая, что они были прерваны.

Незадолго до пяти часов утра Марен поднялся на поверхность, убежденный в том, что в такой ситуации один человек может самое большее начать правильный обыск. Он снова почувствовал, что находится на пороге открытия, хотя теперь это чувство как-то странно ослабло. Генерал поторопился покинуть сад и успокоился лишь тогда, когда увидел, что от него до павильона Великого Судьи уже сто ярдов: теперь его в любом случае не могли застигнуть врасплох.

Марен вернулся в свою постель в бледном предутреннем свете, полный ярости от того, что ночь растрачена зря, и мысль об этой потере не дала ему уснуть. Он не нашел того, что искал и, значит, рисковал зря.

Да! Эта ночь действительно была испорчена — полный проигрыш.

Завтрак с Великим Судьей прошел без ослож-

нений. Хозяин и гость не сказали друг другу ни слова о георгийских делах. Вскоре после этого Марен покинул Дворец.

Снимая с лица Уэйда Траска маску Марена, он перебрал в памяти события прошедшего вечера. Нужно запомнить две вещи: Великий Судья выслушал его защитительную речь, и Делинди пришла к нему. Для Марена, который не мог себе позволить оставить что-либо на волю случая, каждый из этих фактов мог сам по себе быть причиной его приглашения во Дворец. Легко было представить себе, что подлинным организатором разговора о Траске был не Слейтер, а сам Великий Судья. Что до прихода Делинди, его можно было объяснить тремя причинами: во-первых, нет ничего невероятного в том, что диктатор хладнокровно использовал свою любовницу для слежки за её бывшим любовником, считая, что женщина будет верна скорее хозяину мира, чем одному из его подчиненных. С другой стороны, Делинди, возможно, была георгийской шпионкой и воспользовалась своими женскими чарами, чтобы обольстить диктатора после того, как покорила Главу Группы. И, наконец, третья гипотеза: она влюблена в Дэвида Марена.

Можно представить себе ещё четвертую воз-

можность, подумал Марен: Делинди бессознательно действовала под управлением Мозга, а её сознательное поведение полностью соответствовало её характеру. При этой мысли Марен почувствовал себя неуютно и отбросил её. Не то чтобы она была невероятной или нелепой — просто она была слишком неожиданной, и он не чувствовал себя в силах разбираться в этом сейчас, на рассвете третьего дня, возможно, последней недели своей жизни, когда у него столько дел.

Глава 18

Открывая дверь в квартиру Траска, Марен подумал, что большая залитая светом гостиная была пуста, но в угловом кресле сидела, свернувшись, Рива Аллен. Она бросилась навстречу Марену с радостным криком и стала обнимать и целовать его, дрожа от восторга, извиваясь всем телом, изгибаясь всеми возможными способами.

Но вдруг Рива, что-то вспомнив, отодвинулась от Марена и заговорила. Глухим голосом она произнесла заученные слова: "Мистер Аралло поручил мне сказать вам, чтобы вы позвонили ему, как только вернетесь, или позвонить самой".

— А-а!

Ну вот: теперь Марен уже не полностью хозяин

и своего дня! На секунду окружавший его мир как-то странно уплотнился, и Марен остро почувствовал его давление на себя: эта комната, такая уединенная, эта квартира, которая, хотя была снята на имя Траска, фактически являлась его собственностью, крепостью, где теоретически ничто не могло его коснуться без разрешения закона... Кроме того, он пользовался свободой, которую конституция предоставляла приговоренному до часа его казни. И тем не менее, несмотря на эти данные законом гарантии, власти всегда могли украсть у него часть его времени, имели тысячу способов тормозить его действия.

Поэтому было жизненно важно смириться с этим и хотя бы немного подчиниться желаниям этих наглецов. Он исчез на целый день, и Аралло, должно быть, заволновался. Марен почувствовал к Аралло все презрение, которое такой мелкий функционер мог вызвать у Главы Группы. Но в данных обстоятельствах было бы напрасно сопротивляться его желанию.

Марен нажал на кнопку телефона и старательно выговорил: "Аралло Тилден". Четкость произношения была необходима, чтобы электронная аппаратура могла соединить говорящего с нужным ему абонентом по одному звуку имени

вызываемого. Этот способ связи, разработанный в Лабораториях Траска, основывался на ранее известных методах: им пользовались почти одни служащие правительства, но Траск имел экземпляр своего изобретения.

Сервомеханизм, включенный сигналом вызова, зарегистрировал слоги, произнесенные Мареном, и преобразовал их в электрические импульсы, которые анализатор потом связал с группой звуков, имеющих общие характеристики, тем самым исключив из рассмотрения все другие группы. Затем селектор нашел в наборе заранее встроенных в аппарат матриц ту, где было записано сочетание звуков, соответствующее запрошенному имени. Второй селектор обследовал другой ряд матриц, содержащий позывные, нашел запрошенный номер, и тот был с помощью электрических сигналов набран на диске телефона. Этот же принцип использовался в аппаратах синхронного перевода и автоматических пишущих машинках.

Все эти сложные операции заняли лишь одно короткое мгновение. Настенный экран засветился, и на нем возникло мужское лицо. "А, это вы, Траск!"

Выражение лица Тилдена Аралло было недру-

желюбным: брови нахмурены, губы плотно сжаты, взгляд мрачный — лицо человека, у которого неприятности.

— Рива передала мне, что вы хотели говорить со мной.

— Да. Я хотел напомнить вам, что сегодня вечером будет собрание группы.

Марен не ответил. Поведение Аралло явно показывало, что исчезновение Траска произвело на него плохое впечатление.

— Мы рассчитываем на ваше присутствие.

— Я не вижу никаких причин, которые помешали бы мне присутствовать на нем.

— Честно говоря, я их тоже не вижу, — и после недолгого колебания Аралло добавил: — Я бы посоветовал вам проявить искренность и братские чувства.

Сказав это, Аралло положил трубку, а Марен в это время молча сел на прежнее место.

Этот разговор позволял предвидеть серьезные затруднения, но как их избежать? Что до искренности — вот уж она была бы сейчас совсем некстати. За работу! И Марен повернулся к Риве.

— Мне надо кое-чем заняться в кабинете, и я не хочу, чтобы меня беспокоили!

По выражению лица девушки он понял, что

был с ней слишком резок.

— Сегодня вечером я буду свободен, дорогая!

Рива горько покачала головой.

— Это не имеет значения... вы уже мертвы!

Тем не менее она проводила Марена до двери.

— Что ж, делайте то, что вам нужно. Хотите, я приготовлю вам завтрак?

— Прекрасная мысль! — воскликнул Марен, чувствуя облегчение от того, что она вела себя благоразумно.

Тем не менее, оказавшись в другой комнате, генерал с удивлением почувствовал, что дрожит всем телом. Но он не стал тратить время на анализ своих чувств, а загородил дверь стулом и через тайный вход прошел в лабораторию. Сверкание стекла, игра лучей на металле и блеск стола едва не ослепили Марена. Тело на полу — его собственное тело — было в сознании. Когда Марен подходил к связанному человеку, тот смотрел на него с тревогой, но в этом взгляде было больше гнева, чем страха.

— Вы слышите меня?

Пленник утвердительно кивнул.

— Скажите мне, куда вы спрятали переносчик сознания после того, как ушли из Лаборатории?

Ответом была циничная полуулыбка и пока-

чивание головой. Марен опустился на колени и вынул изо рта Траска кляп, соблюдая осторожность, потому что хорошо помнил, как крепки его челюсти.

— Как вы умудрились попасть в эту западню? — спросил он с любопытством.

Но Траск внимательно рассматривал его с мрачным выражением в глазах.

— Вот как! Вы не носите мои очки?

Марен забыл об этом, и при словах Траска в его уме забрезжил слабый свет догадки.

— Это была непредвиденная случайность, — хриплым голосом продолжил Траск, так как Марен молчал. — Я пришел сюда взять кое-что из аппаратуры. Вдруг у меня помутилось в глазах, я споткнулся и ударился головой о корпус часов. Это, несомненно, вызвало короткое замыкание, потому что я перенес электрический удар, от которого потерял сознание. Один из идиотских несчастных случаев.

Было похоже, что это воспоминание унижало Траска, но Марен едва обратил внимание на чувства Уэйда. Несчастный случай? Нет ли связи между этим несчастным случаем и струями света, которые вытекли из часов в первую ночь?

— Дэвид, неужели вы не видите, что это сенса-

ция? — прошептал Траск. Одним этим случаем мы с вами перевернули всю научную психологию!

Марен пожал плечами: слова Уэйда не произвели на него ни малейшего впечатления.

— Психология не наука. В этой области можно самое большее иметь какое-то мнение, но ни одна психологическая школа ни разу не согласилась с мнением другой. В армии мы теперь не используем психологов, разве что как техников на низких должностях под руководством военных.

Траск, похоже, не расслышал его слов.

— Сколько времени вам понадобилось для этого — я хочу сказать, для возвращения к вашему обычному зрению?

— Около пятнадцати часов.

— Ровно столько же, сколько и мне! — пришел в восторг Траск, который сумел сесть, несмотря на то, что был связан. — Вы разве не понимаете, что это значит, Дэвид? Что главное в человеке — его способ рассматривать объекты, его философия. С тех пор, как я себя помню, я всегда держался в стороне от мира действия. Я был наблюдателем, который строит в воображении отвлеченные проекты и чувствует любопытство, но не покидает своего безопасного места. Я ученый и созерцатель, и если мое зрение слабо, то потому,

что оно приспособилось к основному закону работы моего сознания.

Марен слегка заинтересовался этим открытием и удивился, что этот человек в такой критический момент может ликовать по поводу заумных идей, возникших в его изобретательном мозгу. Это делало Траска более человечным, и Марен немного смягчился.

Но огонь, горевший в глазах ученого, погас.

— Вы понимаете, Дэвид, что теперь мы связаны друг с другом, хотим мы этого или нет?

— Вы будете делать то, что я вам велю, — это все, что я понимаю.

— Мне достаточно делать только одно — ничего, и через четыре дня вы будете в конвертере! — и Траск погрузил в глаза Марена взгляд, в котором были ожесточение и настороженность, как будто пытался угадать намерения генерала.

— У меня нет времени обсуждать с вами что бы то ни было. Чем больше вы будете ставить мне палки в колеса, тем меньше я буду настроен помогать вам... потом. Я повторяю последний раз: где аппарат?!

Траск как будто пошатнулся. Его голос дрогнул.

— Мерзавец! Я знаю этот тон! Я узнаю убийц по одному голосу! Вот только речь идет о вашем

собственном теле, и я не думаю, что вы захотите его искалечить!

Марен ничего не ответил. Да, он убивал и без всякого сомнения ещё будет убивать — как инструмент государства. Но предполагая, что человек может применить в личных целях методы, которыми он пользуется на службе, Траск сам себе создал пугало и теперь напрасно пугает им себя.

Траск с жаром заговорил снова:

— Если бы у меня было время, я смог бы убедить вас, что сочетание коллективизма и свободного предпринимательства имеет все пороки, которые есть у каждой из этих систем в отдельности. — Ученый, должно быть, считал, что Марен вот-вот прервет его, потому что дальше говорил, захлебываясь, на одном дыхании: — Какова первая добродетель сверхчеловека, Дэвид? Принимать смерть как должное и быть готовым взглянуть ей в лицо в любой момент. Поэтому лучшее место для сверхчеловека — армия: она показывает нам невероятное — мужчин в расцвете сил, которых посторонняя им воля ведет в смертный бой.

Как только какой-нибудь гениальный вождь осознает эту истину, у него сразу же буквально начинает кружиться голова от того, сколько в

людях скрытой силы, и он уже представляет себе массы народа, организованные для достижения великих целей.

Вот только на практике это не получается! Выйдя из казармы, человек автоматически теряет то величие, которое дает ему слияние с массой. Опыт пяти тысяч лет ведения войн доказал, что армейская жизнь не решает эту проблему для человека — существа, способного не нуждаться ни в ком, кроме себя самого, но при этом не лишенного чувства солидарности, которое связывает его с другими людьми.

Тут Траск остановился и с беспокойством пробормотал:

— То, что я говорю, ни к чему не приведет: вы верны Великому Судье... но, Дэвид, вы когда-нибудь задавали себе вопрос, откуда появился Великий Судья? Нет, нет! Не вынимайте из кармана штампованные ответы, которые дают пропаганда и официальная история: родился в той части Советского Союза, которая потом стала Георгией, стал офицером... Нет! Не этот период! Вы слышали когда-нибудь рассказ, который заполнил бы пропасть между полковником Иваном Проковым и Великим Судьей? Я нет, а я очень люблю биографии без пробелов.

— Я могу вас просветить, — ответил Марен. — В конце войны в войсках Восточной Коалиции какое-то время был полный хаос. Фронтовые офицеры поняли то, чего, кажется, не знали в штабах: солдатам просто надоело воевать. Под руководством полковника Ивана Прокова они...

Вдруг поток генеральского красноречия иссяк от иронического взгляда Траска.

— Вы хорошо помните свой урок, верно? Но, может быть, мой дорогой, вы будете так добры объяснить мне, как человек, которому четверть века назад было под пятьдесят, сейчас может выглядеть на тридцать восемь? — Ученый бросил на Марена проницательный взгляд. — Ну? Я жду вашего ответа!

Марен, имевший мало желания продолжать этот бесплодный в его глазах разговор, колебался: он подумал о воспоминаниях Траска, которые видел во сне, пока приспосабливался к телу Уэйда. Тот эпизод, когда умирающий просил его о помощи... Это вполне могло указывать на прежнюю деятельность Траска!

Марен коротко рассказал ученому о случае со сном.

— Думаю, что если бы тот человек смог назвать причину своей болезни, он был бы спасен? Что

с ним стало?

— Это был один из моих первых экспериментов, которые должны были показать самодостаточность человека.

— И что доказал эксперимент?

Траск помрачнел.

— Наш мир потерпел крах, Дэвид. Невозможно сосчитать число людей, которым нужно, чтобы им говорили, что надо делать, что думать, во что верить! Они скорее умрут, чем возьмут на себя ответственность за свои боли, за свои неудачи, за свои многочисленные слабости. Мы должны изменить это! Мы должны установить новый порядок, при котором все люди будут зависеть друг от друга, а авторитет одаренного человека будет лишь источником информации, из которого будут черпать равные ему.

— Тот больной... он умер?

— Нет. Мы спасли его.

У Марена был ещё один вопрос, который надо было задать раньше, чем переходить к тому, что его больше всего волновало.

— Где происходили эти эксперименты?

— В Георгии. Королева и её младшая сестра благосклонно относились ко всякого рода экспериментам над жизнью и не были слишком

любопытны. Я прожил там три года.

— Кого вы посещали в эти годы?

Траск пристально взглянул на Дэвида и вздрогнул, прежде чем ответить. Он явно чувствовал себя неуютно.

— У вас что-то есть на уме, это видно! Но все-таки я вам отвечу. В то время я встречался с несколькими из самых выдающихся людей, которых я знал. Они, конечно, были идеалистами, но признавали ценность моих теорий об отношениях между людьми. Они поощряли меня в моих исследованиях.

— Как вы сблизились с ними?

— Я познакомился ещё в колледже с тремя из них — двумя мужчинами и женщиной, и спорил с ними целыми часами. Конечно, тогда мои идеи ещё не сформировались.

— И вы уехали в Георгию, как только закончили колледж?

— Нет. Я уехал лишь после того, как разработал свой резонатор с камерой для создания бесконечной последовательности эхо, который позволяет радио и телевидению транслировать свои передачи на всю планету без релейных станций. Это изобретение принесло мне деньги, которые мне были нужны, чтобы свободно продолжать

мои работы.

— И тогда вы начали искать этих людей?

Траск помолчал, потом раздраженно бросил:

— Послушайте, я пытаюсь быть совершенно искренним, но все это не имеет никакого отношения к тому, что вас интересует. Я буду счастлив рассказать вам все о тех делах, но не сегодня.

— Хорошо! Но я задам ещё два вопроса — последние.

— Спрашивайте, — покорно вздохнул ученый.

— Много ли было в Георгии этих... идеалистов?

— Я знал примерно двести таких людей, но у меня было впечатление, что их были тысячи. Можно было сказать, что у них были связи повсюду.

— Второй вопрос: говорили ли вы им о своем переносчике сознания?

— М-м... косвенным образом.

— Что это значит?

Траск беспокойно заворочался на своем месте, затрудняясь ответить.

— Ну, я дал им понять, что работаю над чем-то крупным, но всегда уклонялся от прямых вопросов.

— Почему?

Траск задумался.

— Да... понимаю, куда вы клоните. Вы спрашиваете, почему я не доверился этим людям, если они заслуживали уважения. Может быть, тут сыграла роль любовь к секретам, общая для всех изобретателей. Кроме того, я подозревал, что некоторые из тех, с кем я переписывался, были сторонниками насилия, и представлял себе, что будет, если они попытаются силой изменить общество. К тому же, по правде говоря, я думал, что изобретатель процесса, способного направлять ход истории, имеет право высказать свое мнение о том, как должно использоваться его открытие. Я же не мог предполагать, что так скоро буду обязан мчаться со всех ног в открытую могилу! — добавил он с язвительным смехом.

— Она действительно открыта, и чуть-чуть шире, чем надо! — угрожающим тоном сказал Марен.

Но рассказ Траска принес генералу большое облегчение, и Марен начал понимать, как обстояло дело. Натура Траска была странной смесью искреннего идеализма и практичности. Траск явно не пользовался их доверием и даже не был членом их организации. Его просто держали на длинном поводке.

— Дэвид, — серьезно заговорил Траск, — вы

не представляете себе, насколько мы далеки от того принципа уважения к достоинству отдельно взятого человека, который в общем виде можно сформулировать так: нарушить права одного значит нарушить права всех. Вот принцип, которому я следую!

— А маленький фокус, который вы проделали с моим телом, разумеется, не противоречит вашему моральному кодексу?

В пылу спора Траск упустил это из вида.

— Сейчас я ставлю на карту все, — помолчав немного, медленно сказал он. — Изобретатель устройства, которому суждено изменить историю человечества, оказался в исключительной ситуации.

Тут Траск замолчал, и на его лице отразилось удивление. Как будто слова, которые он только что произнес, открыли перед ним неожиданные перспективы и этим ошеломили его.

При виде того, как пот заливал лицо Траска, Марен подумал, что это его собственное тело возбуждается, напрягается, покрывается потом под влиянием чужих мыслей. Для Дэвида это было чем-то вроде осквернения — его тело было обесчещено.

Голос Траска зазвучал снова. Этот голос был

хриплым, и слова, которые он тихо произнес, отодвинули мысль об этом невероятном, но реальном переселении душ на задний план сознания Марена.

— Дэвид, вам не понадобится пытать меня. Я отдам вам свое изобретение.

Глава 19

Изумленный Марен стал ждать. Когда люди оказываются перед лицом вечности они реагируют по-разному. Это может быть ледяное спокойствие, мощный всплеск эмоций (варианты которого бесчисленны) или насмешка. Третий тип поведения выбирают в основном сторонники оппозиционных взглядов: проиграв, они принимают свою судьбу с шуткой на устах и наигранной улыбкой.

Траск начал с эмоций.

— С того момента, как мое изобретение будет у вас в руках, вы окажетесь на перекрестке путей истории, — патетически заявил он. — Вы будете в состоянии перекраивать мир по своему желанию. И у вас не будет выбора: вы неизбежно будете действовать так, как действовал бы я. Точно так же!

Тут его порыв мгновенно угас, и Траск с покорным видом поднял взгляд на своего тюремщика.

— Само собой разумеется, меня вы ликвидируе-

те. Хотя в конце концов, кто знает, — мечтательно добавил он. — Может быть, вы используете меня?

Это был уже не тот человек, который только что с таким жаром произносил высокие слова. Марен попытался понять, что скрывалось за этими словами, и в ужасе отступил: в них ясно были видны предательство, личные амбиции и жажда мести. Идеалы были тоже, но такие расплывчатые!

— Один из основных принципов группизма состоит в том, что индивид должен сознательно приносить себя в жертву высшим интересам коллектива, резко ответил он.

Траск, к которому, похоже, вернулась его самоуверенность, поморщился:

— Дэвид, учение группизма не настолько возвышенно и не настолько фундаментально, чтобы требовать самоотречения. Единственная сила, которая может побудить человека принести в дар самого себя — это глубокое внутреннее убеждение, что существует нечто незыблемое на уровне вечности.

— Тогда мы возвращаемся к боженьке!

— Я этого не сказал! — Траск, по-видимому, не потерял своего хорошего настроения. — Я лишь рассуждаю логически.

Несмотря на свою внешнюю веселость, видимо, в глубине души он был задет реакцией Марена, потому, что не настаивал на развитии этой мысли и сухо закончил:

— Аппарат лежит в вашем "прыгуне".

Ну конечно! Это было самое вероятное место, и Марен рано или поздно догадался бы об этом. Какой тайник может быть неприступнее, чем личный самолет Главы Группы? Откуда Траск мог знать, когда вышел из Лабораторий и направился к "прыгуну", что пустячный несчастный случай (неверный шаг!) сбросит его с высоты мечтаний о власти в болото катастрофы?

Уточнять, где находится аппарат внутри "прыгуна", было незачем: переносчик сознания мог быть только в багажнике.

— Идите за ним.

Видя, что Глава Группы молчит и не двигается с места, Траск стал настаивать:

— Чего вы ждете? Здесь есть все, что нам нужно: ток и необходимые интерфейсные устройства.

— Если вы не возражаете, я хотел бы также принести детектор лжи.

Траск пожал плечами:

— Это совершенно лишнее, но делайте, как хотите!

— Я также хотел бы на это время снова закрыть вам рот кляпом.

— Это тоже не обязательно, но если вам нравится... Стены в этом доме не пропускают звуков, и лаборатория изолирована от квартиры.

Марен почувствовал искушение поверить словам ученого, но он не имел права даже на тень риска. Если Траск сумеет бежать, ему будет нетрудно выдать себя за Дэвида Марена, а настоящий Дэвид Марен, заключенный как в тюрьму в подлинное тело этого самозванца, проживет недолго, если его обвинят в том, что он незаконно держал в заточении Главу Группы.

Марен заткнул рот своему узнику и вошел в квартиру. Рива читала, свернувшись на диване. Увидев Марена, она отшвырнула книгу так, что та перелетела через всю комнату, и вскочила на ноги.

— Кончил? — с жадным нетерпением спросила она.

— Я только начинаю.

Дойдя до двери, Марен обернулся.

— Я возьму аппаратуру из "прыгуна" и сейчас же вернусь.

Он перенес в логово Траска три ящика, лежавшие один на другом в багажнике, а потом

отсоединил от уникального пульта управления своей машины детектор лжи, встроенный в этот пульт среди множества других приборов. Собрав переносчик сознания по указаниям по-прежнему связанного Траска, Марен включил детектор лжи и задал своему пленнику несколько заранее подготовленных вопросов. Не могло быть ни малейшего сомнения: Траск действительно отдал ему свое изобретение — распознаватель лжи ясно показал это.

Марен не стал зря тратить время: он без предупреждения выстрелил гипнотическим зарядом в лишенного возможности двигаться Траска. Когда тот, потеряв сознание, соскользнул на пол, Марен развязал его, уложил возле переносчика и быстро прикрепил к бесчувственному телу электроды — восемь с одной стороны и около двадцати с другой. Каждый из них накладывался на тщательно выбранный нервный центр. Марен был удивлен тем, какое значение Траск придавал некоторым из этих центров: основным двигательным сочленениям — коленям, бедрам, лодыжкам и запястьям, потом основанию горла, пояснице, точке, расположенной рядом с сердцем с левой стороны, темени, макушке и вискам. Кибернетическое устройство позволяло

благодаря двойной схеме включения привести в чувство или лишить сознания как Траска, так и его самого.

Успешно преодолев первый этап, Марен проделал то же с телом, которое занимал сейчас. Это была трудоемкая работа. Когда она была наконец закончена, генерал лег рядом с Траском, взялся за ручку, чтобы включить аппарат, но на мгновение замер и с тревогой подумал: "Не сделал ли я каких-нибудь ошибок?" Марен не находил себе места от беспокойства. Ему было страшно: если он ошибся и теперь потерпит неудачу, он, может быть, навсегда потеряет возможность снова стать самим собой. Но Марен заставил себя расслабиться и после нового колебания повернул ручку.

Прошло несколько секунд — ничего не изменилось.

Марен попытался взять себя в руки и справиться с поднимавшейся в его душе волной страха. После отчаяния, в котором он жил последние двое суток, было бы ужасно обмануться сейчас в своих надеждах и потерпеть неудачу.

"Подожди! — мысленно сказал он себе. — Подожди еще! В конце концов, человеческий организм сложен и ему, наверное, нужно время, чтобы отреагировать".

В этот момент чей-то голос громко прокричал ему прямо в ухо:

"Срочное сообщение: подача тока от незарегистрированный устройство".

Марен подскочил на месте и испуганно оглянулся, чтобы увидеть источник этого неожиданного голоса, отзвуки которого ещё отдавались в его голове. Но в лаборатории не было никого, кроме тела, тихо лежащего рядом с ним. Послышался другой голос:

"Определение направления: посторонний устройство обнаружен: сектор Группа 814".

Снова наступила тишина. Марен обвел взглядом комнату — она по-прежнему была пуста. Тогда его мозг начал работать: "Слова звучали в моем мозгу. Я воспринял их без помощи ушей. Телепатия? Но... как это сделано? И кто говорил?"

Развить эту мысль дальше Марен не успел: прозвучал третий голос.

"Контакт невозможен: есть нужны дополнительные исследования и данные".

После этого Марен почувствовал нечто новое — на этот раз не слова, а ощущения на уровне подсознательных автоматических органических процессов: словно что-то сжалось в основании его мозга, слабая дрожь пробегала по его телу.

Это были изменения в организме, настройка функций, тончайшие операции над железами и клетками — глубинное исследование всего его существа.

Еще один голос:

"Передатчик номер 28.058 сообщать: случайно есть установлен контакт с нежелательный лицо, который не входить в организация. Необходимы внешний действия".

"Центральный устройство есть должен использовать внешний сервомеханизмы", — был ответ.

Марен, который слушал этот странный диалог со все большим изумлением, судорожно надавил на кнопку остановки аппарата и оборвал контакт с бесчувственным телом, лежащим рядом. Потом он сел и при этом сбросил с себя десяток электродов, прикрепленных к его коже. Голос снова зазвучал в мозгу генерала, но теперь был слабее и как будто дальше:

"Прямой контакт есть прерван, личность не есть установлен, хотя имя Уэйд Траск пройти верно. Другой имя отсутствовать".

Голос (или бог знает что) вдруг стал тише и замолк. Дрожащими пальцами Марен снял с себя электроды, которыми было утыкано его тело, сел на угол стола и стал обдумывать это фантастиче-

ское происшествие.

Он не сумел вернуться в свое тело. Это поражение заставляло Марена смотреть в будущее с ужасом, но он не мог ошибиться в причине неудачи: многозначительные фразы, которые он подслушал, произносились на знаменитом "типовом английском" — языке "мыслящих машин" высокого уровня. А это значит...

Что Мозг действительно жив!

Осознав это, Марен почувствовал себя как человек, перед которым в один миг открылась спрятанная от глаз правда, — словно крестьянин, который в ужасе видит, как зеленый ковер его луга распарывает трещина и на мгновение открывается бурлящий вулкан — огненное кипящее сердце Земли.

Итак. Мозг установил личность Траска! Начав с этого, он может вычислить и самого Марена. А это значит... Значит что? Мысленно ругаясь, генерал снова связал лишенное сознания тело. Что делать теперь? Разумеется, у него оставался выход: перенестись в чье-нибудь другое тело. Он не знал точно, как может подействовать на сознание человека прохождение через несколько тел, но предполагал, что его "я" останется внутренним миром Дэвида Марена. Он ведь сильно

изменился за пятнадцать лет — а разве основа его "я" стала другой?

Марен покачал головой: он решительно отказывался от такого выхода. У этого пути к спасению был один принципиальный порок: пойти по нему значило передать кому-то другому связанный с телом Траска смертный приговор, который унаследовал от него Марен. Посторонний человек, ставший жертвой такого обмена, не имел бы той информации, которая была у Марена с самого начала, и неминуемо сошел бы с ума.

"Нужно разбудить Траска! Мне нужен чужой ум". Как только Марен принял это решение, в его сознании перестали кружиться обрывки проектов, беспорядочные впечатления, попытки принять решение, чувство собственного бессилия и ужасная уверенность в том, что надо торопиться.

Дэвид не думал, что Траск подскажет ему спасительный выход, но ему был нужен человек, с которым можно говорить, чужой взгляд на случившееся, новые идеи. Генерал ещё немного поколебался и выстрелил в направлении лежащего тела патроном с газом, снимающим гипноз. Еще мгновение — и Траск зашевелился.

Глава 20

Уэйд застонал и перевернулся, словно для того, чтобы сменить неудобную позу. Под слоем загара он был бледен как мел. На мгновение его веки приподнялись, открыв невидящие глаза. Потом Траск лежал неподвижно. Сознание возвращалось к нему медленно. Марен ждал: этот процесс нельзя было ускорять искусственно, особенно для тела, которое несколько раз подряд насильственно погружалось в бессознательное состояние. Наконец Траск открыл глаза и чихнул. Тогда Марен заговорил, мучаясь сомнением, надо ли это делать. Он рассказал о силе, завладевшей сознанием Дэвида Бернли, пересказал то, что услышал от Слейтера о поисках Мозга, упомянул о случае со "шнурами света", произошедшем две ночи назад. Когда Марен дошел до этой части рассказа, Траск, внимательно слушавший его, вмешался:

— Вы думаете, что это было вызвано моим падением?

— У меня нет никаких идей, я излагаю вам факты, но не толкую их. Дайте мне договорить до конца.

Больше Траск не прерывал его, но, когда Марен дошел до того, что случилось с ним при включении переносчика сознания, выражение лица

ученого стало суровым.

— Я отдал вам свое изобретение, не прося ничего взамен. Вы подумали в тот момент, что значил мой поступок?

— Что вы хотите сказать? — спросил Марен, у которого было свое мнение о причинах, заставивших его собеседника сделать это.

— Я поступил так потому, что это было единственное логичное решение.

Марен покачал головой, но понял, что имел в виду Траск: логика требовала, чтобы он использовал власть, которая была у него в руках, так, как планировал это сделать сам изобретатель. Но в первый раз он подумал, что логика Уэйда, возможно, не так строга и рациональна, как тот считает. И тем не менее Траск показал, что способен быть решительным и бесстрашным, когда взялся за это исследование, выходившее за рамки обычного и связанное с опасностью для жизни.

Траск настойчиво продолжал:

— Неужели вы будете менее логичным, чем я? Вы должны освободить меня!

— Что?

Эта просьба изумила Марена. Он быстро окинул умом такую возможность. "Я мог бы завладеть всеми существующими экземплярами его изоб-

ретения и загримировать его... в Траска. Несмотря на его опыт электронщика, ему будет непросто избавиться от навязанной маски". Невозможно было сосчитать, сколько вражеских разведчиков, засланных обратно в свои страны, были превращены в верных агентов Великого Судьи одним лишь изменением внешности. И Марен на мгновение замечтался: он часто думал о судьбе этих шпионов, которые возвращались на родину с чужим лицом, не осмеливались никому открыть, кто они такие на самом деле и которым болевая схема постоянно напоминала, чего от них ждут. Нет, если Уэйд Траск в теле Дэвида Марена будет замаскирован под Траска, положение станет вдвойне невыносимым. А он, Марен, доведен до того, что прячется... под маской Дэвида Марена! Если бы все это не было так опасно, можно было бы умереть от смеха!

Марен представил себе Траска на свободе — это будет осложнением и опасностью.

— Я не согласен с вашей логикой, — медленно произнес генерал. Но на душе у него было неспокойно: он не был уверен в своей правоте. Траск наполовину убедил его.

— Дэвид, не будем зря выбрасывать на свалку мои знания и опыт. Мозг вычислительная ма-

шина, это моя область. Никто в мире не знает об этом столько, сколько я. Вы так же нуждаетесь во мне, как я в вас. Разве вы этого не видите?

— Я вижу только одно: если вы будете на свободе, вы предадите меня.

— А как я смогу это сделать?! — воскликнул Траск. В его голосе смешались мольба и гнев. — Вы мне отчаянно нужны. Послушайте меня, — и Уэйд перечислил меры предосторожности — те, о которых Глава Группы думал сам: контроль за изобретением, маскировка занятого Траском тела и так далее. — К тому же я думаю, что, Мозг это или нет, вы не собираетесь начать наступление сию минуту, — закончил ученый.

— Кто-то должен сохранять свободу воли, а я знаю, что сейчас я свободен, — просто ответил Марен.

— А если предположить, что Великий Судья — агент Мозга?

— Допустим. И что тогда? — ответил Марен, не проявляя желания углубляться в этот разговор.

— Считали бы вы нужным хранить ему верность и в этом случае? Нет... подождите, не отвечайте! Еще не время. Рано или поздно этот вопрос встанет перед вами, но сейчас мы должны провести главную операцию независимо от того,

какой выбор будет сделан в конце.

Марен, который привык действовать в рамках строгих предписаний, согласился с ним:

— Но если я отпущу вас, что помешает вам собрать новый переносчик сознания и завладеть телом Великого Судьи, как вы планировали в самом начале? — спросил он, желая все предусмотреть.

— Вы не будете против, если я отвечу под контролем детектора лжи?

Не теряя ни минуты, Марен включил прибор-свидетель.

— Мне нужно как минимум три недели, чтобы изготовить второй экземпляр моего аппарата, — сказал после этого Траск, и стрелка, отмечавшая ложь, не шевельнулась.

Решающий момент наступил, но слишком рано: сначала Марен должен был уладить некоторые вопросы — и генерал покачал головой.

— Нет. Пока нет. Позже.

— Но почему? — Траск явно старался справиться с гневом.

— Я должен перенести ваш аппарат в надежное место. И если говорить честно, я должен подумать, что мне делать с таким опасным человеком, как вы.

— Несчастный человек! — прошептал потрясенный Траск. — Ради бога, перестаньте хитрить. У нас не так уж много времени, все может решиться уже сегодня вечером.

Марен интуитивно чувствовал, что ученый прав. Но он не забыл о телефонном звонке, на который ответил накануне.

— Какие у вас отношения с Ральфом Скаддером?

На лице Траска отразилось изумление. Он с трудом сглотнул слюну и неуверенно пробормотал:

— Скаддер? Вы хотите говорить со мной об этом прапспе?

Марен опустил взгляд на собеседника и вдруг качнул головой.

— Не теперь: сейчас у меня нет времени просить у вас объяснений по поводу Скаддера.

К Траску уже вернулось все его хладнокровие.

— Послушайте: год назад он поставил мне группу подопытных, и я думал о том, чтобы использовать его организацию. Но ещё ничего не решено, и мы должны были встретиться ещё раз. Он недоверчив, требует много денег. Я был удивлен, что вы знаете о моих делах с ним, вот и все. Это было для меня шоком.

— Я это вижу.

Марен считал, что Траск сказал правду, но это не помешало генералу решительно заявить:

— Существует слишком много неконтролируемых факторов. Например, собрание вашей Группы, которое скоро начнется. У меня нет никакого желания терять время, но мне кажется, что и в ваших, и в моих интересах лучше, чтобы я пошел туда вместо вас. Это позволит мне выяснить, какое там настроение. После собрания я вернусь сюда и тогда обещаю вам принять решение — склониться в одну или в другую сторону. У меня едва остается время наскоро перекусить, принести вам еды, погрузить переносчик сознания в мой "прыгун" и умчаться отсюда.

Уходя, Марен чувствовал себя гораздо спокойнее. Он совершенно не мог представить себе Траска освобожденным: этот человек так далеко зашел в своем предательстве, что даже мысль о каких-либо отношениях с ним кроме отношений тюремщика к заключенному навсегда опозорила бы Марена в собственных глазах.

Но с этим убеждением смешивалась уверенность в том, что назревают важные события и он должен предпринять решительные действия ещё до рассвета.

Глава 21

Девятнадцать часов тридцать минут.

Типичное собрание Группы. Марен, играя роль Траска, занимал место номер 564. Члены Группы много раз выразили свои дружеские чувства приговоренному как человеку, — "хотя мы не находим ни малейшего оправдания вашим бунтарским высказываниям", уточнил оратор.

Двадцать часов четырнадцать минут.

Марен вышел из зала заседаний Группы. Лил дождь. Оконные стекла со встроенным освещением отбрасывали разноцветные блики на стены квартала символ атомной эпохи.

За высокой цепью зданий человек был словно в отдельном замкнутом мире. В квартале было только четыре прохода — мостики и туннели, специально сделанные узкими и низкими, которые прорезали стену домов, окружавшую квартал по периметру, во всех четырех её углах. Но Марен думал не об этом. Ему нужно было принять решение: встретиться со Скаддером в десять часов или...

Впереди у генерала была скучная задача: изучить старые отчеты, где говорилось от Укрытиях. Что происходило раньше там, где потом была построена резиденция Великого Судьи? Мог пройти не один день прежде, чем у него найдется время

для встречи с прапспом.

Снова изменив внешность, Марен отправился в свой штаб, и там два часа служащие, которым он доверял, с бешеной скоростью носились из архивов в его кабинет и обратно. Запах пыли и старой бумаги пропитал весь воздух, но Глава Группы в конце концов сумел откопать в этой груде бумаг несколько фактов: в этом секторе Укрытия пострадали особенно сильно — бомба вырыла в них воронку в две с половиной тысячи футов глубиной и в несколько тысяч футов в диаметре.

Мозг вполне мог быть размещен в котловане такого размера, а потом замаскирован постройками, если бы Великий Судья отдал соответствующие приказы.

"Это надо проверить", — сказал себе Марен, покидая свой кабинет.

Глава 22

По-прежнему шел дождь, и "прыгун" генерала по дороге к Городу Прапсп летел словно над черной пропастью. Никого не встретив на своем пути, аппарат начал спускаться. Невозможно было поверить, что под "прыгуном" находится город, но скоро внизу стали видны его очертания — огромное пятно, раскинувшее вокруг себя щупальца.

Идя по улицам, Марен рассматривал плоды злых шуток судьбы — чудовищ, которые встречались ему по пути, — со сложным чувством, в котором смешивались отвращение и восторг: их сделал такими процесс, протекавший на уровне клеток, точнее, на энергетическом уровне, находившемся ниже диапазона молекулярных частот. На том уровне, на котором работает переносчик сознания! Марен обнаруживал в своем уме проекты и теории относительно прапспов, он знал, что нужно сделать с ними, что нужно сделать для них.

Генерал упрямо сопротивлялся этим мыслям, потому что это были не его мысли: на самом деле он ничего не знал о научных принципах, на которых было основано открытие Траска, и не разрабатывал никаких планов, связанных с прапспами. Его мгновенно охватила тревога: то, что чужие воспоминания могли так незаметно для него всплыть в его уме, не переставало беспокоить Марена: их присутствие говорило о конфликте в его подсознании. Подавленные воспоминания Траска пытались вырваться наружу. Не может ли "я" ученого подняться из подсознания и завладеть сознанием Марена?

С этой неотвязной мыслью в уме генерал вошел

в будку телефона-автомата и набрал номер общества "Удовольствия". Ответила женщина. Когда Марен назвал свое имя, она сказала:

— Через десять минут два человека встретят вас на уровне три Укрытий. Они будут иметь приказ провести вас к мистеру Скаддеру. Точно выполняйте их указания. Чтобы попасть на уровень три, идите через вспомогательный выход номер восемь. Вход вы найдете в ста ярдах к западу от того места, где находитесь сейчас.

— Вас понял. Я приду на встречу.

Уровень три был скупо освещенным стальным подземельем. Тусклые лампы редким пунктиром отмечали состоявший из ряда больших залов коридор, в который Марен осторожно спустился согласно переданным по телефону указаниям. Местами от главной галереи отходили то с одной, то с другой стороны ещё более темные боковые проходы. Вокруг стояла полнейшая тишина.

Наконец вдали среди полумрака стали видны две черные фигуры, и Марен решительно направился им навстречу. Это были мужчина и женщина.

— Меня зовут Йиша, Дэн Йиша, — сказал мужчина. Спутницу свою он не представил. — Можно задать вам один вопрос перед тем, как мы дви-

немся в путь?

— Какой вопрос?

— Однажды вы использовали прапспов для своих экспериментов с памятью предков, которой мы обладаем. Нужны ли вам новые подопытные? И если да, отвечает ли один из нас необходимым требованиям?

Марен открыл рот, чтобы отклонить это предложение, но вдруг с изумлением понял смысл этих слов и снова сжал губы. Могут ли эти создания быть ему чем-нибудь полезны?

— Что вы помните? — сгорая от любопытства, спросил он Дэна.

— У меня полные воспоминания о времени разделения человеческой расы. Это то, что вам нужно?

Правда ли это? Со странным восторгом Марен понял, что благодаря изобретению Траска он мог бы сам превратиться в прапспа и проверить слова Дэна. Как бы он использовал полученные знания — это уже другой вопрос, главное, что это превращение возможно. Отправиться на поиски глубинного смысла жизни, выяснить, какие ужасные природные механизмы заставили её создать прапспов...

И снова в уме Марена возник неотвратимый

вопрос: что я могу сделать с этим... сейчас?

Нужно иметь этих двоих под рукой...

— А она? — Марен указал на женщину, не обращаясь к ней напрямую: женщины-прапспы психически опустились ниже своих товарищей по несчастью мужчин, поэтому даже прапспы-мужчины относились к ним как к дурочкам.

— Что ты помнишь? — грубо спросил свою спутницу Йиша.

— Море, — в её голосе звучала тоска, как по потерянной родине, и женщина дрожала. — Тину на глубоком дне. Подводные рифы. Жаркие пляжи, где невозможно спастись от жгучего солнца.

— Это вам подходит? — вежливо спросил Йиша.

Марен внезапно принял решение.

— Вы понадобитесь мне оба.

— Это будет опасно?

— Вам не причинят никакого физического вреда.

Этого им явно было достаточно.

— А сколько вы нам заплатите?

— Двести долларов каждому.

— Куда мы должны явиться?

— Приходите по этому адресу (он дал им адрес Траска) сегодня в час ночи.

Марен вынул из своего бумажника две пятидесятидолларовые бумажки и протянул их женщине, поскольку она стояла ближе к нему.

— Вот по пятидесяти долларов для каждого из вас.

— Одна моя! — дрожащим голосом воскликнула женщина, быстро пряча одну из банкнот за вырез своей одежды. Вторую Йиша вырвал у неё из рук. На мгновение Марену показалось, что Дэн вот-вот бросится на свою спутницу, но тот взял себя в руки и заявил голосом, в котором чувствовалась ещё не погасшая ярость:

— Я должен завязать вам глаза.

Спорить было не время, и Марен долго шел вслепую прежде, чем добрался до лифта, который поднял их на один из более высоких этажей. Там ему пришлось снова идти и сесть во второй лифт, который на этот раз спустился вниз. Дверь открылась, повязку сорвали с глаз Марена, и генерала тут же ослепил направленный на него луч яркого света. Чьи-то руки держали Марена, не давая ему двигаться.

— Обыщите его!

Скрипучий голос, который произнес это, был немного знаком Марену, и генерал предположил, что голос принадлежит Скаддеру, которого он

слышал только раз и по телефону. Кто-то обшарил карманы Марена. У него забрали нейтрализатор. Наконец грубые руки отпустили генерала.

Глава Группы, хотя был наполовину ослеплен бившим в глаза светом, начал различать окружающее. Он был в большой комнате, где находились пять или шесть прапспов богатырского сложения и в стороне от них сидел за массивным письменным столом тощий и хилый карлик с лицом хитреца.

Ральф Скаддер!

— Ну вот! Что может быть проще? Теперь мы сможем мило поболтать, и мне не придется при этом все время задавать себе вопрос, какую подлость вы мне готовите.

Марен, который уже полностью овладел собой, пожал плечами:

— Послушайте... Ральф (он не без труда назвал собеседника по имени, но через это надо было пройти) — вы что, всерьез считаете, что я могу устраивать подлости тому, кто может оказать мне услугу?

Скаддер немного помедлил, потом ответил, обдумывая каждое слово:

— Будь на вашем месте любой другой человек, этот вопрос не стоял бы вообще, но вы слишком

много знаете о прапспах. Я собрал кое-какие сведения о ваших экспериментах и без труда могу представить себе, что вам легко сделать меня своим орудием, нравится мне это или нет.

— Если я здесь, Ральф, то потому, что у меня есть определенная информация, которую вы можете использовать в наших общих интересах.

Эти слова Марен произнес как можно убедительнее, но при этом думал: "Какие проекты, должно быть, были у Траска! Использовать эти удивительные создания!"

— Я хотел бы поговорить с вами наедине. Это всего на несколько минут.

Скаддер, должно быть, совершенно успокоился, потому что сделал знак своим охранникам, и те вышли из комнаты.

Гном за письменным столом имел человеческую внешность, острый ум. Душа его была полна горечи, как у всех преследуемых людей, но он улыбался:

— Вам осталось жить три дня, не считая эту ночь. Я не могу понять, почему я ещё теряю время на вас!

— Я долго размышлял над тем, что я хочу сказать.

— Забавный вы человек! — в голосе Скаддера

звучало уважение к собеседнику. — Ваши серые клетки работают гениально, так что я вас слушаю, хотя не очень хорошо представляю, что вы можете сделать за три дня.

Впечатляющая похвала! Но несмотря на это ободрение, Марен колебался: он не мог сразу выложить Скаддеру свою идею: она была такой невероятной, что для того, чтобы эффект был полным, требовалась подготовка.

— Ральф, вы обследовали все Укрытия?

Марену показалось, что перед ответом была едва заметная пауза.

— Да, — сказал глава прапспов, но торопливо поправился: — В определенной степени.

— Какая часть их заперта?

— Три четверти... приблизительно.

Скаддер впился в собеседника горящими глазами.

— И какую часть этих трех четвертей вы контролируете?

— Боюсь, вы идете по неверному пути. Я контролирую лишь малую часть Укрытий, самое большее одну двадцатую. По правде говоря, есть целый сектор, где мы вообще не бывали.

Дэвид сделал первый прыжок в неизвестность:

— Ральф, сколько людей вы потеряли, пытаясь

проникнуть в этот сектор?

Последовало долгое молчание. Глаза, сверлившие Дэвида Марена загадочным взглядом, горели от восторга. Наконец прозвучал ответ. Он был уклончивым.

— Нам запретили ходить туда. Но я все же послал в этот сектор наших ребят. Они не вернулись.

— Ни один?

— Ни один.

Марен вздрогнул, и его тело напряглось: Скаддер сознательно послал своих агентов на верную смерть!

— Вы нашли какие-нибудь следы, позволяющие объяснить их исчезновение?

— Никаких.

На этот раз по глазам прапспа было видно, что тот начинает терять терпение, но Марен не хотел торопиться.

— Кто приказал вам обходить этот сектор стороной?

Ответа не было.

— Великий Судья, так ведь, Ральф?

Скаддер внезапно встал со своего места и сухо спросил:

— К чему вы клоните?

Настал момент нанести главный удар.

— Именно там спрятан Мозг. Мы должны добраться до него, взять под свой контроль и дать ему свои инструкции.

Крысиные глазки Скаддера заморгали. В этот момент предводитель прапспов был похож на веселого беса, который весь горит от надежды удовлетворить свою похоть.

— Вы ткнули пальцем в нужную точку, Уэйд! — сказал он почти шепотом. — Такой поразительной новости я не слышал уже много лет! И если это получится, вы выиграли! Каков ваш план?

Теперь Марен больше не старался хитрить.

— Мне нужна карта с обозначением верхней, нижней и боковых границ запретной зоны.

— Это сделать легко: все эти данные есть в картотеке. Я сейчас же прикажу начертить такую карту.

— Прекрасно. Это все, чего я хочу. А теперь не позовете ли вы моего партнера по жмуркам? Больше мне здесь нечего делать.

— Подождите минутку! — тонкие длинные пальцы Скаддера постукивали по столу. — Такие молниеносные встречи не в ваших привычках. Обычно вы осторожнее и щедрее на подробности. Расскажите мне о Мозге.

Это был первый вопрос. За ним должна была последовать дюжина других, точных и относящихся к существу дела (в определенном смысле), что обеспокоило Марена, у которого на самом деле не было серьезных планов.

Он ограничился тем, что пересказал информацию, которую узнал от Слейтера. Скаддер, не имевший этих сведений, должно быть, был удовлетворен, потому что после недолгой паузы, которая показалось лже-Траску бесконечной, предводитель прапспов поставил заключительную точку в их разговоре:

— Сейчас я позову Дэна. Свяжитесь со мной снова.

— Конечно, свяжусь.

— Сделайте это послезавтра. Это будет ваш последний день. Правду говоря, у вас немного времени!

— У меня есть ещё дела, тоже важные и которые нужно выполнить сейчас же.

— Подчиняюсь необходимости, Уэйд. Но я дорого бы дал, чтобы узнать, что вы задумали!

— Выслушайте меня внимательно, Ральф: то, что я собираюсь сделать, имеет смысл только в том случае, если вы правильно выполните свою часть работы. Если вы потерпите неудачу, ничто

уже не спасет положение.

Это была чистейшая правда, и Ральф понял это, потому что поторопился ответить:

— Не нервничайте: вы получите свою карту.

Потом он нажал кнопку внутреннего телефона:

— Дэн, иди сюда!

Марен с облегчением снова почувствовал повязку на глазах и, подчиняясь толчкам своих проводников, зашагал к двери, говоря себе, что сейчас он наконец выберется на свободу.

Но в этот самый момент в его уши ворвался грохот. Звук был приглушенным, но мощь вызвавшего его удара была, наверное, ужасной, потому что Укрытие покачнулось. Этот звук был знаком Марену: генерал уже слышал его во время испытаний оружия и в старых фильмах. Марен вздрогнул. В первое мгновение его ум отказывался признать правду. Но сомневаться в ней было невозможно.

Где-то поблизости затрещал громкоговоритель, и голос произнес:

— Войдите в ближайшее Укрытие. Только что произошел взрыв атомной бомбы в квартале Группы 814. Квартал полностью уничтожен. Войдите в ближайшее Укрытие и ждите дальнейших

инструкций. Повторяю...

Глава 23

Марен сорвал с глаз повязку и увидел, как Скаддер бросился к двери, но на пороге задержался и бросил через плечо:

— Надо выяснить, где находится эта Группа 814! Нам точно придется убрать часть аппаратуры, и быстро!

Марен мог бы дать ему нужные сведения, но в этот момент он думал о другом: "Квартира Траска, Рива, мое тело..." Он был в ужасе, но спокоен. Все это казалось ему таким далеким, таким нереальным — не совсем настоящим. Прозвучал новый монолог громкоговорителя:

— Всем Главам Групп! Приказ срочно прибыть в помещение Генерального Штаба в Укрытиях.

— Завяжите мне глаза снова: мне нужно уйти отсюда до того, как Контроль запретит машинам взлетать Военный совет собрался в подземном убежище Генерального Штаба Великого Судьи. Марен, торопливо загримировавшийся по дороге, сидел за письменным столом лицом к двери, через которую в зал вбегали курьеры из импровизированного информационного центра, созданного военными, которым передала свою власть полиция, получившая приказ обеспечи-

вать безопасность столицы под командованием Слейтера. Иногда генерал протягивал Великому Судье сообщение. Обычно это был сжатый отчет о положении наверху: по улицам ходят патрули, расстреляно около дюжины мародеров, транспортные колонны с продовольствием движутся из соседних секторов к складам Укрытий, где уже готовится к подаче на стол миллион завтраков. Еще более успокоительная информация: сильные ветры в верхних слоях атмосферы рассеяли смертоносное облако взрыва, и потому уровень радиоактивности осадков был ниже, чем нужно для объявления тревоги. Спокойно, без волнения и спешки, руководители Групп применяли систему децентрализации обязанностей, предусмотренную для поддержания порядка во время тревоги: из членов каждой Группы часть будет отобрана в отряд, и эти отряды получат приказ постепенно возвращаться в общественные и жилые помещения. Каждый отряд будет разделен на четыре смены, и до конца тревоги на поверхности все время будет находиться лишь одна из этих смен, чтобы в случае взрыва второй бомбы ни одна Группа не была уничтожена полностью.

Уже было ясно, что опасность крупномасштабной катастрофы полностью устранена. Лица

стали менее напряженными, и улыбки, хотя были мрачными, тем не менее говорили об облегчении. Все донесения, которые поступали теперь, лишь подтверждали первоначальную информацию, и Марен, откинувшись на спинку стула, отдался своим мыслям.

Что будет теперь? Отказавшись освободить Траска, он совершил катастрофическую ошибку: приговорил к смерти и Траска, и себя самого. Настоящий Траск погиб от бомбы, и вместе с ним уничтожено, разлетелось на атомы тело Дэвида Марена.

Со времени короткой встречи Марена со Скаддером прошло уже много часов, и, хотя воспоминание о первоначальном шоке цепко держалось в памяти Главы Группы, следы этого шока уже изгладились из его сознания, потому что Марен, привыкший не предаваться чувствам, а действовать, приложил все силы, чтобы забыть свой панический страх и заняться стоявшей перед ним неотложной задачей.

Несмотря на непрочность своего положения, Марен переключил внимание на чисто военную сторону происшедшего. Зрелище, которое открылось перед генералом на большом телеэкране, находившемся у него перед глазами, было ужас-

ным. Марен подумал, что для экспертов этот день будет звездным часом, и почувствовал интерес не без примеси радостного возбуждения: наконец станет ясно,насколько эффективны хваленые противоатомные кварталы-четырехугольники!

Как ни силен был взрыв, стены квартала, похоже, хорошо выдержали удар. Ударная волна отразилась от изогнутых секций умело спроектированного каменного барьера из домов, отхлынула и потом снова и снова бросалась на приступ запиравшей её преграды, каждый раз ещё больше разбивая развалины. Все произошло так, как предсказывала теория — вот о чем говорил печальный вид крошева, в которое разъяренная стихия превратила внутренность квартала.

Оставалось лишь определить с помощью анализа калибр бомбы, которую так хорошо удержала идеальная ловушка, и подсчитать число жертв. На данный момент было лишь известно, что девяносто четыре члена Группы 814, которые после собрания Группы отправились в другие районы города — кто на спектакль, кто к друзьям, — остались живы, команды Слейтера допрашивают их, и свидетельства уцелевших будут приложены к докладу.

Марен оборвал свои размышления, увидев, как Медельин шепнул что-то на ухо Великому Судье. Эти двое, словно сговорившись, одновременно перевели взгляд на Дэвида, и Судья сделал ему знак. Марен подошел к диктатору и поздоровался с ним, тот в ответ с важным видом наклонил голову. Когда глава государства выпрямлялся, в уме генерала с молниеносной быстротой пронеслись слова Траска: он будет сражаться с Великим Судьей, судьба неизбежно заставит его натянуть на себя шкуру мятежника. Как вообще можно представить себе такое? Это сумасшествие! Как можно пойти против такого восхитительного вождя, против создателя Государства Свободного Коллективистского Предпринимательства? Марен признавал, что это общество, возможно, не идеально, но лежавший в его основе компромисс был таким совершенным, что только поврежденный умом человек мог легкомысленно пожелать разрушить этот строй.

"То, что он, воспользовавшись своим положением, отнял у меня Делинди, могло бы стать мотивом для убийства", — серьезно подумал Марен. Но он не чувствовал ни малейшего гнева. Делинди, конечно, должна была согласиться. Может быть, она уступила из страха, но это было

лишь "может быть", а из-за женщины, которая не сопротивляется, соперника не убивают.

Оставался, разумеется... Траск, приговоренный предатель. Никто не знал, что он виновен, лучше Марена, который из-за фантастического стечения обстоятельств должен был расплатиться вместо него за эту вину. Строго говоря, Глава Группы мог представить себя уничтожающим Великого Судью для спасения собственной жизни, но его совесть не оправдывала эту смерть. Нет, он не убьет Великого Судью! Он не пойдет по стопам заговорщика Траска! Собственная безопасность не была в глазах Марена уважительной причиной для преступного убийства. Марен слишком долго был солдатом и слишком много людей погибло под его командованием, исполняя свой долг, чтобы он мог ни во что не ставить свою присягу и свою честь. Выход нужно было искать не в преступлении и не в захвате власти.

Марен не мог и подумать о том, чтобы, не имея за собой никакой вины, пойти на смерть, не испробовав все законные способы избежать этой судьбы, однако было ещё рано думать об отчаянных решениях, например, о том, чтобы во всем признаться — особенно теперь, когда он задавал себе вопрос, не является ли сам Великий Судья,

не сознавая того, агентом Мозга... И все же он в любом случае должен будет что-то сделать до того, как пробьет час казни.

Марен выпрямился. Диктатор снова поклонился ему, а Медельин произнес:

— От имени Его Превосходительства Великого Судьи и от имени Совета мне поручено выразить вам благодарность за то, как умело ваши люди овладели ситуацией в этих критических обстоятельствах.

Эта похвала была произнесена так церемонно, что тот, кому она была адресована, спросил себя, не передается ли эта сцена по телевидению, и эта мысль подсказала ему ответ:

— От имени гарнизона столицы я принимаю вашу благодарность.

На самом деле в его сегодняшней работе не было никаких проблем и невозможно было представить себе никаких затруднений. Войска были подготовлены к ликвидации чрезвычайных ситуаций, и эта подготовка основывалась только на логическом расчете: после того, как определены все возможные варианты развития обстановки, нужно лишь организовать действия частей и даже целых армейских корпусов по борьбе с катастрофой, учитывая человеческие и военные

нужды и так, чтобы получить максимальный результат с минимальными погрешностями.

Марену не понадобилось оглядываться назад, чтобы понять, что передача, если она велась, теперь закончена — он догадался об этом по тому, что Медельин и диктатор вдруг стали держаться менее скованно. Его предположение подтвердили слова Медельина:

— Дэвид!

— Что?

— Его Превосходительство и я сам надеемся, что чем скорее падет Георгия, тем меньше у нас будет причин опасаться повторения подобных случаев.

Было ясно: Великий Судья и Медельин считали, что взрыв произвели оказавшиеся в безнадежном положении георгийские шпионы. Значит, они ещё не установили связь между уничтожением Группы 814 и Траском. Не зная о том, что произошло в секретной лаборатории, как они могли догадаться, что единственным виновником случившегося был Мозг?

— Дэвид, атака должна быть проведена согласно плану.

— Можете положиться на меня.

— Передайте руководству работами, которые

ведутся здесь, своему заместителю и Совету.

— Отлично!

Марен был доволен: до отлета у него больше не будет служебных обязанностей. Но и свободный он мог делать лишь одно — ждать. События держали его в когтях, и он был бессилен против них.

Нужно ждать.

Глава 24

Было шесть часов. Громадный самолет-ракета, скользя в сером полумраке раннего утра, как сгусток светящегося серебристого тумана, пикировал над центром Урала, совершая посадку в Лагере "А". Когда его огромная скорость достаточно уменьшилась, Делинди оторвала взгляд от телеэкрана, который принимал изображение с камер, находящихся на взлетно-посадочной полосе, позволяя пассажирам наблюдать за приземлением. Молодая женщина была немного напугана и улыбалась через силу, её дыхание только начинало приходить в норму.

— Это что-то необыкновенное... это потрясающе... — пробормотала она. — Ты часто так летаешь?

Марен, который за восемнадцать лет совершил больше двухсот таких полетов, нежно улыбнулся

любимой:

— Это слишком опасно!

— Я вижу, ты у меня образцовый скромный эгоист. Или я не права? Делинди погладила его по щеке.

— Я люблю тебя, вот и все!

Сказав это, Марен удивленно моргнул: у него не было никакого намерения произнести эти слова, так как он вовсе не желал ходить по краю чувства-пропасти. Генерал повернулся в своем кресле, чтобы усесться поудобнее, чувствуя, что Делинди наблюдает за ним и так же смущена и встревожена, как он.

— Это звучит искренне, — нежно прошептала она. — Я не верила, что эти слова ещё могут быть настолько верны.

— Я тоже не верил в это.

Но генерал взял себя в руки, перешел опасную зону и снова был на твердой почве светского разговора. Он сменил тему:

— Я хочу, чтобы ты поселилась совершенно отдельно от меня. У нас есть чудесная комната, где ты прекрасно проведешь день или два.

— Ты уже говорил мне это, дорогой. Ты разве не помнишь?

— Я? — Марен был удивлен. — Да... может быть...

Похоже, я никак не могу выбросить из головы эти маневры!

"Странные маневры", — подумал он уже про себя. Маневрами Марен называл войну с Георгией, особенно в присутствии Делинди. До сих пор он ни разу даже не подумал об этих "маневрах", потому что был почти не в силах отвлечь свои мысли от собственного незавидного положения. Генералу казалось, что его ум кружится в четырех стенах, как лев в клетке.

Выйдя из машины, предоставленной в их распоряжение после посадки, Марен и Делинди вошли в аллею сада, окружавшего здание Ставки. В саду сидел высокий молодой человек, который, похоже ждал их — Дэвид Бернли. Увидев его, Марен остановился: ему стало неприятно от мысли, что он должен познакомить свою любимую с этим плодом своей крови. Для его отцовской гордости этот юнец был разочарованием: он не сумел создать себе имя, достойное их семьи. Отец Марена был известен как великолепный солдат в начале войны, карьера самого Марена тоже была далеко не ничтожной. И вот этот сын, который был (или казался) всего лишь второразрядной личностью.

— Здравствуй... э... папа.

Марен кивнул ему и повернулся к Делинди.

— Моя дорогая подруга, представляю вам молодого человека, с которым я сам познакомился лишь недавно. Во время первых игр его мать бросила мне вызов, а я имел дерзость победить её. Удивительно, как летит время!

Делинди с улыбкой протянула руку стоявшему перед ней юноше.

— Сын Дэвида Марена может быть для меня лишь другом.

Дэвид Бернли бросал на Делинди полные огня взгляды, и восхищение, написанное на его лице, ясно говорило, что ещё один мужчина сложил оружие перед совершенством её прекрасного лица и тела. По неопытности молодой человек не знал, как держать себя со зрелой и такой обольстительной женщиной. Марен поспешил ему на помощь:

— Что ты делал это время, Дэвид?

— По вашему желанию, господин генерал, я взялся за изучение родственных связей королевы с помощью... шпиона. Когда я сказал ему, как вы хотите использовать этот список, он очень воодушевился и охотно стал сотрудничать со мной. Теперь у нас есть полные данные.

— Прекрасно. Отошли их на мой КП или лучше

отнеси их туда сам.

Бернли уже овладел собой.

— Я хотел сказать вам... тебе... э... папа, что ты поступил просто восхитительно! Я прекрасно знаю, что ты, если бы захотел, мог бы его казнить. Твое великодушие делает тебе честь, и я горд, что в моих жилах течет твоя кровь.

Теперь настала очередь Дэвида Марена чувствовать себя неловко. Не найдя никакого ответа, он покачал головой и направился к двери, ведя под руку Делинди.

— До скорой встречи, Дэвид!

Когда влюбленные вошли в дом, Марен вытер лоб.

— Я совершенно не привык говорить с молодыми людьми. Ты это заметила?

— Чтобы уметь это, надо жить с ними с самого начала. Между мной и малышами нет преграды — мы шагаем в ногу друг с другом.

Марен не ответил: дети Делинди всегда были для него щекотливой темой, к тому же он чувствовал себя виноватым, что не зашел повидать их.

Оба ребенка были от него, что было довольно редким случаем: считалось нежелательным, с точки зрения генетики, чтобы одни и те же ветви жизни скрещивались несколько раз. Дети

одних и тех же родителей слишком похожи друг на друга, и в плодах таких союзов отсутствует фактор случайности. Но Марен использовал все свое влияние, чтобы нарушить это правило, чем ещё раз показал, что руководители страны ведут себя беззастенчиво и считают, будто они выше принципов группизма. Вспоминая прошлое, Марен видел в своем поведении пример наглости людей, стоящих у власти, — если ещё нужны дополнительные примеры этого.

Делинди, разумеется, не зачала ребенка от Великого Судьи. Это удивляло Марена, знавшего откровенно властный характер диктатора. "Надо будет на днях спросить об этом Делинди", — подумал он.

— Правда, есть одна неприятность.

— Какая?

— Старший узнал, что ты отец им обоим.

— И что же?

Делинди слегка встряхнула головой.

— Это перевернуло всю его душу, дорогой. Ему стыдно. Мне пришлось пообещать ему, что я никогда не расскажу об этом его друзьям.

Марен сжал губы. Это не смешно. Вот он, след новой культуры. У детей вырабатывают совершенно новые рефлексы, и они, как маленькие

губки, впитывают то, чему их учат. "Человек под давлением среды может принять любую форму, — подумал генерал. — Может быть, именно это хотел сказать Траск. Их умение приспосабливаться обманывало всех наблюдателей. Люди хамелеоны? Да, но лишь на время. Поместите этих зверьков под жгучее солнце, забудьте, что их приспособление к среде лишь поверхностная окраска, сделайте так, чтобы все вокруг них было раскаленным от жары. И тогда пусть кто-нибудь попытается заставить их принять так называемую "защитную окраску"! Они отпрыгнут от него и убегут прочь с его глаз!"

Эти размышления затрагивают слишком много сложных тем. Нужно вернуться к этому позже, на свежую голову.

— Дорогая, я буду занят весь день. Я приду к тебе, как только смогу.

Делинди нежно поцеловала его в губы.

— Я буду ждать. У тебя есть какая-то специальная программа работы?

Тон вопроса был непринужденным, но от Марена не ускользнуло напряжение в её голосе. К любому другому подозреваемому генерал уже давно применил бы решительные меры, чтобы заставить его говорить. Но из-за своего поло-

жения любовницы диктатора Делинди была неприкосновенна. С другой стороны, как дочь бывшего георгийского посла, она не должна была знать о готовящейся атаке на её родину. Марен имел причины считать, что будет благоразумнее не сообщать ей никаких сведений, кроме тех, которые она уже имеет.

— Мы начинаем крупные учения... Думаю, тебе они покажутся... в общем, они не заставят тебя скучать. И я хотел бы, чтобы ты как можно больше находилась рядом со мной.

Глава 25

В восемь часов Марен передал войскам приказ, который за два месяца до этого составили совместно Медельин, Слейтер, Великий Судья и он сам. Весь личный состав примет участие в "крупной операции", более полная информация о которой будет дана позже. Пусть "отважные солдаты этой великой армии" покажут "свое воинское мастерство, свой боевой дух и свою отвагу". От успеха "широкомасштабных маневров, которыми будем заняты вы и я в ближайшие дни", зависит будущее. Выдающиеся заслуги "Великий Судья немедленно отметит высокими наградами".

В этом приказе говорилось не больше, чем в де-

сятках других подобных приказов, отдававшихся в предыдущие годы, и все же нынешний отличался от них по тону. Тот, кто прочтет или услышит его, неизбежно спросит себя, не объявление ли это об ударе, которого ожидали так долго. В георгийской столице, куда приказ неизбежно попадет, каждое его слово будут взвешивать с тревогой и озабоченностью. Министры, замкнувшиеся в узких рамках своих бухгалтерских расчетов, будут задавать себе вопрос, не послать ли подкрепления на границу. Эти люди в своем иллюзорном мире воображали, что сто тысяч не желающих воевать новобранцев усилят двухсоттысячную армию, уже охраняющую границы. В конце дня стало известно, что по воздуху перебрасываются свежие войска. При этой новости Марен вздохнул: скоро станет известно, кто тешит себя иллюзиями — он или георгийцы. Генерал был готов биться об заклад, что методы, с помощью которых уже много лет прощупывались на большую глубину реакции противника, были научно обоснованы и, следовательно, сопротивление будет незначительным.

Вечером он пришел к Делинди. Молодая женщина была с ним ласкова и, похоже, старалась понравиться ему, но в то же время она была в

таком напряжении, что не могла ответить на ласки Марена. Это было именно поведение женщины, которая опасается атаки против своей родины, и мог ли Марен сердиться на неё за это? За притворной беззаботностью Делинди скрывались отчаяние и тоска, разрывавшие ей душу. Может быть, позже, когда завоевание Георгии будет только страницей истории и напрасные старания дочери посла помешать катастрофе, обрушившейся на её родину, станут лишь воспоминаниями, Делинди наконец снова станет самой собой?

Тогда будет интересно узнать точно, какой она была в эти дни.

Глава 26

Час ночи.

В слабо освещенном Лагере "А" жизнь кипит ключом. В полумраке Марена и Делинди ведут к самолету, который снаружи ничем не отличается от других воздушных машин, предназначенных для транспортировки десантных войск, но внутри оборудован роскошно: спальня, кабинет комната охраны, где могут находиться ординарец и часть экипажа.

Самолет направился к югу, где была выбрана база для атаки. Во время перелета Марен и Де-

линди спали, потом они отдыхали ещё два часа после приземления. Около четырех часов Марен остановил разбудивший его звонок будильника. Он спал в одежде, сняв лишь ботинки и китель, так что, выбравшись из постели, сразу же прошел в кабинет. Едва генерал закончил надевать свою форму, как шум шагов заставил его поднять голову: к нему подошла Делинди. Она на ходу причесывалась.

— Я бы хотела быть рядом с тобой, если в этом нет неудобства для тебя.

Марен был не в силах избавиться от мысли, что видит перед собой шпионку в разгар её приготовлений. Он обнял Делинди, и та улыбнулась ему деланной улыбкой: "Я не буду путаться у тебя под ногами".

На что она могла ещё рассчитывать? У неё больше не было ни малейшего шанса: приказы отданы, войска идут — уже ничто не может помешать атаке.

Марен нажал кнопку, в проеме двери, ведущей в комнату охраны, появился мужчина лет пятидесяти с красным лицом и отдал генералу честь.

— Дженнингс, покажите мне все сообщения, которые к вам поступили.

— Есть только одно сообщение, господин ге-

нерал. Оно принято только что. Я ещё не успел расшифровать его, — Дженнингс положил перед Мареном листы и ушел.

Это была шифрованная телеграмма за подписью начальника штаба армии: войска перешли границу Георгии. Война началась. Марен поднял взгляд от бумаги и посмотрел на Делинди: настало время сказать ей правду.

Он сделал это, сперва осторожно подготовив Делинди к такой новости, и прибавил в конце:

— Ты понимаешь, что раньше я не мог ничего сказать тебе об этом.

Она побледнела, но не потеряла спокойствия, и утвердительно кивнула ему.

— Это будет опасно для тебя?

Вместо прямого ответа Марен сказал:

— Тебя, кажется, волнует только это.

Молодая женщина неуверенно и слабо улыбнулась:

— Все ждали этой войны уже много лет. Мы, георгийцы, постоянно живем в состоянии коллективной иллюзии. У нас есть лишь одна надежда: что нас поймут.

— Что ты хочешь сказать?

Глава 27

Делинди отвернулась и стала смотреть на

прозрачную пластмассовую стенку самолета, не обращая внимания на взгляд, который не сводил с неё Марен. В одно мгновение эта женщина стала совершенно другой — возможно, немного более суровой. Может быть, нежность, которую Марен чувствовал в её душе, была лишь плодом его воображения, его вымыслом?

Чем больше Марен думал, тем сильнее становилось его убеждение, что Делинди либо георгийская шпионка, либо неосознанно выполняет приказы Мозга. А двое детей, которых она родила Марену? Часть её плана. И любовницей Великого Судьи она стала, выполняя этот же план. Теперь она хотела... быть понятой!

Генерал нарушил молчание:

— Представь себе, что Великий Судья дал мне полную свободу действий. Чего бы ты попросила у меня?

Ответ последовал мгновенно, и Делинди не стала придерживаться тех терминов, в которых был сформулирован вопрос. Она не повернулась к Марену, но генерал чувствовал, как часто и тяжело она дышит.

— Если бы ты был Великим Судьей, я попросила бы тебя изменить правила любовных игр, разрешив брак после определенного срока близости.

Я попросила бы тебя предоставить автономию самым крупным из подвластных тебе государств, таким, как Георгия. Я попросила бы тебя восстановить свободу вероисповедания. Я попросила бы тебя...

Тут её голос оборвался, но звук её слов отдавался в самой глубине души Марена.

"Если бы ты был Великим Судьей..."

"Она хотела бы увидеть, как я разрушу то, что Великий Судья создавал всю свою жизнь..." Марен не осуждал её, но вдруг почувствовал странную грусть. Потом он осознал, что Делинди замолчала.

— К несчастью (или, может быть, к счастью), я не Великий Судья. Однако несколько дней я должен замещать его на этой войне.

Наступила тишина. Делинди прошла у Марена за спиной и оказалась вне поля его зрения. "Как она отреагирует на мои последние слова?" — подумал Марен.

Пока генерал ждал ответа, его взгляд упал на папку, лежавшую перед ним. "Королевская семья Георгии. Доклад Дэвида Бернли". Марен неохотно взял в руки этот документ, хотя и знал, что собранная в нем информация будет для него бесценной завтра, когда ему нужно будет мгновенно

принимать решения. Своему сыну он поручил эту работу лишь из любопытства. Интересно, как мальчик справился с ней?

Генерал бросил взгляд на список имен (их было чуть больше ста), пробежал глазами комментарии, одним взглядом улавливая смысл нескольких параграфов. Вдруг одна фраза привлекла его внимание:

"После смерти своей младшей сестры Анделиндамины, скончавшейся много лет назад, её величество королева Кийшнашения является единственной представительницей королевской семьи по прямой линии". Дальше молодой офицер добавил:

"Королева не замужем. По моему мнению, её безбрачие имеет политическую причину: его цель — создать в других странах впечатление, что нынешняя королева последняя представительница королевской семьи".

Марен молча кивнул в знак согласия. Тактику королевы было нетрудно понять: если бы ей этим способом удалось убедить Великого Судью, что Георгия может пасть без боя, можно было надеяться, что он направит свою военную активность в другую сторону. Вероятно, это был один из бесчисленных георгийских приемов выигрывания

времени, которые теперь потеряли смысл.

Марен положил бумаги на стол. Он уже знал немалую часть данных, собранных в этом докладе, но в первый раз видел их так четко изложенными. И обнаруженная Дэвидом Бернли связь между георгийской политикой и безбрачием королевы была оригинальной идеей. Некоторые люди из списка и соединявшие их связи были Марену незнакомы. Не знал он и некоторых второстепенных деталей, к примеру, имени сестры королевы. Кстати, как её звали?

Анделиндамина!

Сохраняя полное спокойствие, даже не оборачиваясь, Марен опять положил доклад на стол и спросил Делинди:

— Ты была знакома с сестрой королевы?

— Да... мы были знакомы.

— Какая она была?

— Молодая наивная. Теперь она умерла, ты ведь знаешь.

Это была чистая правда. Может быть, физическая смерть более окончательна, но разве превращение неопытной молоденькой девушки в светскую даму не один из видов смерти?

Если то, о чем думал Марен, правда, то каким хитроумным был этот план! Дочь георгийского

посла! Разведслужбы увидели лишь то, что было перед глазами, и не удивительно: отношения между Георгией и государством Судьи были восстановлены совсем недавно. Значит, родная сестра царствующей королевы, никем не узнанная, проникла в самое сердце империи Великого Судьи! Проникла с конкретным заданием... и потерпела поражение.

Марен ясно чувствовал, что молодая женщина была в безумном смятении, сравнимом с тем, которое испытал он сам в предыдущие дни. Делая вид, что увлекся чтением доклада Дэвида-младшего, генерал тайком следил взглядом за отражением Делинди в находившемся рядом зеркале. Он видел, что Делинди сжалась и испугана. Но когда она заговорила, голос был бесстрастным и звучал естественно. Она спросила:

— Кто будет казнен?

Вот оно!

— Решения будут приняты на месте.

Любовница диктатора нисколько не сомневалась в том, каким будет исход сражения: она уже сейчас считала поражение своей родной страны свершившимся фактом.

— А королева? — снова спросила Делинди после долгой паузы.

— Тут у меня полная свобода действий.

Снова молчание.

— Она моя подруга, — теперь голос Делинди замирал.

Марен мысленно вздохнул: да, он не ошибся! Эта женщина действительно умоляла пощадить свою сестру. Говорить о распоряжениях, полученных относительно королевы, ему было запрещено, но он мог дать своей спутнице минимум спокойствия.

— Когда — и если — встанет вопрос о... возмездии, я могу сначала поговорить об этом с тобой, если ты пожелаешь.

— Спасибо!

Марену показалось, что тело, отражение которого он не терял из виду, вдруг немного расслабилось.

— Меньшего я от тебя не ожидала, — голос Делинди снова окреп.

— Хорошо, это решено!

После этого разговора ум Марена был занят только заданием, которое он должен был выполнить. Однако на мгновение в его памяти возникли дымящиеся развалины Квартала Группы 814, и это напомнило генералу о смертельной смертельной для него и для Великого Судьи —

угрозе, воплощением которой были эти руины. Генерал стиснул зубы и отогнал от себя все личные мысли.

Меньше чем через час Марен вел Делинди в самолет, на котором она возвращалась в Лагерь "А", где должна была пересесть в рейсовый самолет, регулярно летавший между Лагерем и столицей. Впрочем, в столице она не останется, потому что должна вернуться к своим детям, которые ждут её за городом, и быть с ними до тех пор, пока в столицу не вернется спокойствие.

Глава 28

В девять часов утренний туман рассеялся, и горы, над которыми летел самолет, вспыхнули зеленым пламенем под лучами солнца. Пол аппарата был прозрачным, и время от времени Марен различал внизу характерные признаки возделанных земель. Под крылом самолета возникали города и через мгновение снова растворялись вдали. Вдруг в небе закружился вихрь серебристых бликов: на самолет нападали вражеские истребители. Должно быть, эту эскадрилью вовремя перехватили, потому что больше не было ни одной тревоги.

В половине десятого Марен, чье сердце билось чуть быстрее обычного, прыгнул с парашютом

и приземлился очень удачно — меньше чем в четырехстах ярдах от района высадки.

Магнитные реакторы, катапультированные с самолетов-маток, опустились на землю следом за ним и извергли из себя в беспорядке тысячу сверкающих ракет, танки, мобильные артиллерийские орудия и транспортные машины, которые составили движущуюся гудящую цепочку и за несколько минут забрали всех солдат.

К половине одиннадцатого армия парашютистов, защищенная спереди движущейся стальной стеной, готовой изрыгнуть смерть при малейшем сопротивлении, стекалась к георгийской столице со всех сторон и двигалась по всем главным магистралям города, который можно было посчитать пустым, если бы столько полных ужаса лиц не смотрело настороженно из окон. Марен не увидел никаких следов боя. Когда незадолго до двенадцати часов генерал в сопровождении отряда солдат на бронемашинах подъехал к дворцу, тот был уже занят передовыми патрулями. При появлении Марена люди из охраны, которых он лично отобрал для предстоящего задания, замерли по стойке "смирно", а их офицер зашагал навстречу своему командующему. Отдав честь, этот человек тихо доложил:

— Королева в Тронном зале. Люди из Лаборатории вызваны.

Марен кивнул. Все было рассчитано с точностью до минуты.

— Как только они будут здесь, пусть камергер доложит обо мне.

Через несколько минут Марен входил в приемный зал для малых церемоний. Королева сидела очень прямо, вытянувшись в кресле с высокой спинкой. Она была молода, носила косы, и её лицо не было накрашено, но несомненно она была похожа на Делинди. Семейное сходство было не очень заметно, потому что королева не обладала классической красотой своей младшей сестры, и все же ошибиться было невозможно: линия носа, форма нижней челюсти, изгиб щеки и, что было менее явно, общее строение лица были одинаковы у обеих сестер. Королева была одета в шелковистое светлое платье, доходившее ей до колен.

Марен поклонился, королева ответила ему легким наклоном головы. Выпрямляясь, он увидел техника, входившего в заднюю дверь, к которой правительница сидела спиной. Даже не взглянув на Главу Группы, этот человек направил свой нейтрализатор на трон и выстрелил. Королева по-

никла в кресле, согнувшись пополам. Тогда в зал вкатили передвижной аппарат для вживления болевых схем. Женщины-операторы уложили бесчувственное тело вниз лицом на обитую мягкой тканью подставку, над которой поднималась мощная лампа. Машина заурчала, и, хотя ничего не было видно, болевая схема была впечатана в мышцы плеча георгийской королевы. Теперь правительница страны была отдана на милость подстанции Контроля, который мог в любую минуту начать терзать её плечо постоянно усиливающейся болью.

Марен все это время стоял неподвижно. Под его взглядом операторши снова усадили жертву в её кресло. Аппарат исчез. Подчиняясь беззвучному приказу генерала, анестезиолог выстрелил снова и скрылся.

Королева зашевелилась. Открыла глаза. Узнала Марена.

— Я в смущении от того, что произошло, Ваше Величество! Сейчас я пришлю к вам ваших женщин и попрошу у вас аудиенцию позже.

Королева встряхнула головой, словно для того, чтобы развеять туман в своем уме.

— Я не думаю, что... Я не знаю, что... — она говорила по-английски почти без акцента.

Марен попрощался с ней и быстро ушел.

Покинув дворец, генерал сразу же поторопился в свой новый штаб, размещенный в главном военном здании павшей столицы. Там шла лихорадочная деятельность. Время от времени поступали сообщения. Около трех часов дня, когда Марен торопливо поглощал сандвичи, запивая их кофе, ему передали целую охапку телеграмм. Беглый взгляд на всю эту кучу в целом позволил Главнокомандующему сделать вывод, что победа была полной: всякое организованное сопротивление было практически подавлено, и ниоткуда не поступало сведений о серьезных боях. Он передал эти доклады в штаб для анализа, и через час Верховное Командование объявило, что "великая" война с Георгией завершилась.

Тогда Марен переключил свое внимание на другую задачу: стал просматривать протоколы допросов вражеских руководителей. Никто из них не признался, что имеет какое-либо отношение к взрыву, разрушившему Квартал 814, и детектор лжи подтвердил их слова. Но когда их спрашивали, известно ли им о существовании тайных георгийских боевых групп, выполняющих задания за границей, их ответы были менее категоричными: "У нас существовало и существу-

ет до сих пор столько экспериментальных групп... Я не знаю ничего похожего на прежний коммунизм. Идеалисты? — у нас идеалисты тринадцать человек из каждой дюжины".

Марен сделал вывод, что георгийское правительство не было замешано в этом деле. Он направил на все пограничные заставы Георгии группы разведчиков с приказом вести тщательное наблюдение, особенно на границах с двумя соседними государствами, не находившимися под контролем Великого Судьи. Кроме того, Главнокомандующий отдал приказ такого содержания:

"С 1.09 до 3.09 арестовывать всех лиц, мужчин и женщин, которые попытаются покинуть Георгию. Проверять на детекторе лжи всех из их числа, кто относится к типу идеалиста или кажется умнее среднего человека".

Это распоряжение было сформулировано не очень четко, как заметил Марену полковник, руководивший службой военной разведки. Можно ли считать умным человека, который ещё пытается путем заговора воскресить отживший свое коммунизм? На это Марен ответил с насмешливой улыбкой:

— Мой дорогой Рекс, я имею в виду ум, на пер-

вый взгляд выдающийся, но имеющий пробелы, которые особенно благоприятствуют таким взглядам.

Отдав своему начальнику штаба приказ передавать по телеграфу в столицу те протоколы допросов арестованных, которые будут содержать сведения, имеющие отношение к бомбе, Марен лично направил Великому Судье официальное сообщение:

"Ваше Превосходительство! Полицейские силы, которые вы так великодушно предоставили в распоряжение Ее Величества Королевы Георгии Кийшнашении, выполнили свою задачу. В настоящее время они по просьбе Ее Величества обеспечивают безопасность пограничных провинций страны. Но, вероятнее всего, в течение недели их заменят верные законной власти местные войска. Выступления революционеров полностью подавлены. В Георгии снова действует законное правительство".

И подписался: "Дэвид Марен, Глава Группы".

В конце дня, дрожа от ядовитой радости, в столицу прибыл Слейтер. Он и Марен поужинали вместе в мирной обстановке, которую время от времени нарушало приглушенное эхо орудийных выстрелов. Немалая часть их разговора была

посвящена войне. Потом Марен, более заинтересованный, чем хотел показать, спросил своего гостя, есть ли что-нибудь новое о бомбе. Слейтер отрицательно качнул головой, и сделал это с таким нетерпением, что Глава Группы предпочел оставить эту тему. За кофе они затронули вопрос о подозрительных лицах, которых предполагалось ликвидировать. Начали с тех, кто в это время по той или иной причине находился в заключении. Таких было восемьдесят два. Марен и Слейтер решили этот вопрос самым простым образом: каждый составил список людей, которых считал необходимым принести в жертву, и оба сравнили перечни своих жертв. У Марена оказалось восемь имен, у Слейтера тридцать одно. Семь приговоренных Марена были указаны и в списке Слейтера. Шеф полиции позвонил в тюрьму, прочел эти семь имен и коротко приказал:

— Ликвидировать сейчас же!

Потом он положил трубку и повернулся к Марену:

— А теперь перейдем к остальным.

Марен кивнул в знак согласия, немного удивленный тем, что его не трогает судьба этих людей. Смерть, которой он боялся для себя, в этом случае казалась чем-то абстрактным. "Пусть каждый

из них выпутывается из этого сам", — подумал генерал. Если сумеют, хорошо, если нет — что ж, тем хуже для них. Он должен был выполнить свою работу — определить степень скрытой опасности, которую представлял каждый подозреваемый с учетом его карьеры и биографии. Одна ошибка в этой оценке — и умрет не один человек, а тысяча!

Марен сравнил имена Слейтера со ста десятью именами, перечисленными Бернли. Восемнадцать были в обоих списках. Он отрицательно качнул головой по их поводу: "Родственники королевы. Подождем!"

Кстати — королева! Марен взглянул на свои наручные часы: уже больше половины десятого! Он встал.

— Придется отложить наши дела. Вы знаете, что я должен сделать с этой дамой? Настало время для этого!

— Я тоже должен уйти: нужно решить целую кучу неотложных вопросов. И... Можно сказать ещё одно слово?

— О чем вы?

— О Мозге. Вы нашли что-нибудь?

— Нет.

— Ладно. Желаю удачи... с Ее Величеством.

Марен самодовольно усмехнулся, как полагается мужчине в таком случае.

— Есть моменты, когда по-настоящему понимаешь, как хорошо быть Главой Группы.

Глава 29

Оказавшись во дворце — было чуть меньше десяти вечера — Марен прошел в покои королевы. Увидев его, правительница встала со стула, на котором сидела, и повернулась к Марену лицом. Ее глаза были огромными — так широко они были раскрыты. Все в поведении королевы говорило, что её силы на пределе, а напряжение её тела показывало, насколько она испугана.

Когда королева заговорила, её голос, несмотря на старания держать себя в руках, дрогнул.

— Вы сейчас убьете меня, не правда ли? Великий Судья всегда казнит правителей тех стран, которыми он завладевает. Я готова к смерти. Но сначала я хотела бы обратиться к вам с просьбой, мой победитель.

Момент был неподходящий для того, чтобы рассеивать её заблуждение. Тон королевы был мелодраматическим, и Марен догадывался, что сейчас услышит что-то сентиментальное.

— Любая просьба, не выходящая за рамки данных мне предписаний, будет удовлетворена,

Ваше Величество, — медленно и спокойно ответил он.

Королева покачивалась на ослабевших ногах и сжимала губы. Марен чувствовал, что она вот-вот расплачется.

— Для вас, генерал, покорение Георгии, возможно, лишь одна из глав вашей биографии. Для меня же это похоронный звон по целой эпохе. В предсмертный час мне приходят в голову сумасшедшие мысли. Поражение имеет много символов, и в этих символах присутствует образ победителя. Я женщина. Я побеждена. А вы мужчина и мой победитель. Я видела вас всего одно мгновение — сегодня утром, но в это мгновение я почувствовала испуг, ужас... и любовь!

Марену не понадобилось закрывать дверь: по его приказу она была автоматически закрыта. Он обнял стоявшую перед ним женщину и на руках донес её до постели. Вздрогнув, словно её обожгло горевшее в ней самой пламя, побежденная прижала к себе своего победителя. В этот момент она была сильной!

* * *

Марен и королева лежали рядом в рассветном полумраке. Оба устали, но не были сонными.

— Ты не забудешь меня, правда?

— Никогда!

— Теперь ты можешь меня убить. Я в мире с самой собой — поражение завершено.

"Двое приговоренных к смерти (двое) цепляются за крошечный остаток жизни", — подумал Марен. Он действительно приговорен и умрет, если не сможет избавиться от этой судьбы, а она считает себя приговоренной.

Страсть, которой были заполнены предыдущие часы, заставила его забыть, что настала пора подарить этой женщине жизнь. Мысли генерала пошли в другом направлении: он перестал быть примитивным человеком, чей внутренний мир состоит только из реакций его клеток, и снова сделался сложным и многосторонним существом.

— Я подумал, как быть дальше, Шения. Может быть, есть выход. Возможно, есть способ оставить твоим власть, и я мог бы найти предлог для этого.

— Моим? Ты хочешь сказать — моим родным?

Она была в изумлении.

— А почему бы и нет? Для ста людей это сделать не труднее, чем для одной.

— Но это не будет опасно для тебя?

— Подожди... Я не сказал, что непременно добьюсь успеха, я лишь сказал, что есть возмож-

ность попробовать найти общий язык. Только для этого ты будешь вынуждена согласиться на те меры, от которых до сих пор всегда отказывалась.

— Так или иначе ты все равно выполнишь эти меры, — с жаром начала она. — Чтобы спасти моих... — Королева вдруг замолчала, а потом спросила, словно удивленный ребенок:

— Почему ты делаешь это? — И, не давая Марену времени ответить на этот вопрос, задала новый: — Ради меня?

— Ради тебя!

Это было все. Королева, похоже, поверила его словам, что было не так уж непривычно для Марена. Как он и предполагал, теперь она будет верить, что имеет защитника среди высших руководителей, входящих в Совет Великого Судьи. То, что этот защитник сам тайно от всех обречен на смерть, в данный момент, разумеется, не играло роли.

Если бы не эта договоренность, королева могла бы заупрямиться и противопоставить требованиям победителя театральное поведение в духе: "Я умираю за свой народ!" Теперь же она поставила подпись на всех документах, которые Марен попросил её подписать, и подтвердила по телевидению, что "столкнувшись с невероятным

по дерзости восстанием, зачинщики которого поставили перед собой безумные цели, и учитывая международную ситуацию", она "была вынуждена обратиться за помощью к Великому Судье и передать себя и свой народ под его защиту". И коротко сказала с горечью в голосе: "Эта защита предполагает некоторые перемены, но лучше перемены, чем неконтролируемое кровопролитие". "Чтобы облегчить проведение мер, необходимых в этой чрезвычайной ситуации, — сказала королева в заключение, — я приняла отставку Кугарачара Майетта и обратилась к Дуони Хавариста с просьбой сформировать новый кабинет министров".

Грубые фамилии, грубые люди — методы, освященные традицией: для молниеносной войны хороши все, кто есть под рукой. Для войны, правду о которой, конечно, никогда не узнает ни георгийский народ, ни какой-либо другой.

Слейтер расставлял по местам свои команды "офицеров в штатском". Сто тысяч георгийцев, известных своими монархическими взглядами и уже много лет назад отмеченных как потенциально опасные, будут "зарегистрированы" первыми. В таком масштабе эта процедура будет унизительной. Эти гордые люди будут мучиться

от позора, когда им придется стоять в очередях к передвижным регистрационным установкам, применявшимся в полевых условиях. Каждый гражданин будет должен пройти процедуру снятия отпечатков пальцев, подписать обязательство быть верным властям и лечь на живот под прибор впечатляющих размеров, который обычно принимали за рентгеновский аппарат, но который на самом деле вживлял болевые схемы.

Начав свою работу, люди Слейтера не остановятся, пока не пометят всех георгийцев до одного. Но Марен не стал ждать этого. Незадолго до двенадцати дня он позвонил Медельину.

Глава 30

— Оставляю вам готовую площадку для вашей работы, дорогой друг!

— От души поздравляю вас, Дэвид! — серьезно ответил Медельин. Полнейший успех по всей линии фронта. И вдобавок какой личный триумф! Главное — не забывайте раз в год навещать королеву, чтобы поддерживать вашу с ней дружескую связь.

— Вам нужно лишь сказать своему секретарю, чтобы он напоминал мне об этом, — сухо ответил Марен.

Вспоминая прошедшую ночь, он ясно чув-

ствовал, что, если у него ещё есть будущее, он не перестанет повторять восхитительное приключение, которое пережил вчера. Может быть, вначале это была хитрая игра женщины, желавшей спасти свою жизнь, но победа королевы над своим победителем была абсолютной: Марен был уверен, что она родит ему ребенка.

Да, возможно, это было расчетливое соблазнение. Только соблазнительница душой и телом попала в собственную западню.

В любом случае желания Марена были выполнены. И, конечно, королева в любой момент может обратиться за помощью к своему защитнику (если только он ещё будет жив).

Марен положил трубку и вбежал в самолет, который отвез его обратно в Лагерь "А". В пути на его эскорт напал георгийский истребитель, который после короткой схватки разбился, превратившись в пылающий факел. Безумный поступок вражеского летчика напомнил Марену о том, как патетически вела себя королева перед лицом, как она считала, неизбежной смерти, и он спросил себя, как он сам поступит в полночь, когда наступит седьмой день.

На посадочной полосе Лагеря "А" он обнаружил Дэвида Бернли, который был вне себя от

восторга.

— Папа, это чудесно! Ты спас тысячи человеческих жизней, которые надо было уберечь! Я жалею лишь об одном, что не смог принять в этом большего участия!

Тогда Марен объяснил своему сыну, как благодаря составленному им списку восемнадцать человек, намеченных для казни, были оставлены в живых. Действие этого рассказа было удивительным: на глазах Дэвида-младшего выступили слезы, и он, не говоря ни слова, крепко сжал руки своего отца. Оставшись один, Марен задумался об этой сцене.

"Каким станет мир, когда это сверхчувствительное поколение повзрослеет?" Генерал представил себе Группы, состоящие из людей, практически лишенных отцов с раннего детства — людей, которых неудовлетворенное желание иметь отца приведет к изменению самих основ группизма. Будет ли так на самом деле? Если такая эволюция должна произойти, он не ждет для страны в будущем ничего хорошего.

Приближался час отлета, и Марен начал нервничать и беспокоиться, потому что совершенно не знал, что произошло в столице за время его отсутствия. Как только там поняли, что между

Группой 814 и Траском есть связь, то, разумеется, включили болевую схему Траска, и дальность действия этого сигнала будет постепенно увеличиваться. У Марена были все основания запастись обезболивающими средствами: они могут понадобиться ему ещё до прилета в столицу. До приземления придется терпеть боль: Марен совсем не желал, чтобы офицеры, которые придут его встречать, заметили, что Главнокомандующий наглотался таблеток.

Однако самолет успел уже пролететь верхнюю точку своей параболы, когда боль грубо вонзила свой кинжал в плечо Главы Группы. Марен молча стал бороться с этой пыткой.

Было ясно: критический момент наступил.

Глава 31

Скрючившись в неудобной позе в своем кресле, Марен не мог заставить себя думать ни о чем, кроме хлеставшего его бича боли. Наконец телеэкран показал ему, что самолет круто заходит на посадку, и у Марена сжался желудок от резкого уменьшения скорости. Как обычно, посадка была выполнена с поразительной точностью. Лишь только двери открылись, генерал положил в рот таблетку и покинул самолет.

Его встречали, но это была не делегация его

сотрудников, которую он ожидал увидеть. Принимавшая Марена группа была необычной: его пришли поздравить с возвращением Подредж, ещё пять или шесть Глав Групп и Великий Судья, стоявший несколько в стороне от остальных. Тот, кому оказывалась эта честь, с ужасом подумал, что лишь через несколько часов сможет полностью избавиться от муки, которую терпел.

Диктатор подошел к генералу, положил свои тяжелые ладони ему на плечи и крикнул, покрывая своим голосом оглушительный шум машин:

— Дэвид, Медельин сообщил мне, что георгийское дело выполнено!

— Ваше Превосходительство, Георгия рухнула, как карточный домик. Война продолжалась всего пять часов.

Великий человек радостно прижал победителя к своему сердцу.

— Молодец, Дэвид! Вы по-прежнему величайший в истории мастер молниеносной войны!

Это похвала вызвала некоторое беспокойство в душе Марена, которому ещё никто до сих пор не выражал свое восхищение так демонстративно и который считал себя просто хорошим логиком в одном конкретном роде деятельности. По-прежнему такой же радостный, Великий Судья повел

его к остальным.

— Оскар, пожмите руку тому, кто не знает поражений!

Подредж погрузил свой взгляд в глаза Марена, словно вонзил в них пару стальных лезвий. Самый одаренный из Глав Групп пожал руку Главнокомандующему и, с любовью указывая на вождя страны, объявил:

— Для хозяина это великий день! С падением Георгии осуществилось то, о чем он мечтал двадцать лет. Теперь не осталось ни одного противника, настолько серьезного, чтобы нам стоило из-за него беспокоиться.

Откровенно говоря, это было не совсем верно: ещё могли возникнуть опасные коалиции. Но отчасти эти слова были верны, и Марен заставил себя улыбнуться:

— Георгия задержит нас надолго, Оскар: надо будет её очистить и проглотить!

Удивление генерала переросло в тревогу: он вспомнил об одном человеке, которого Великий Судья осыпал преувеличенными похвалами. Через несколько часов этого человека не было в живых! Марен вздрогнул и подумал: "Осторожно! Он опасается меня со времени истории с Траском". Может ли этот вождь с необычным

характером вернуть свое доверие человеку, в котором однажды усомнился? В этом весь вопрос!

Покончив с поздравлениями, Великий Судья положил свою крепкую руку на плечо Марена и сказал:

— Господа, нам остается решить одну важную проблему, и я желаю, чтобы мы немедленно отправились на место взрыва: нужно ввести Дэвида в курс дела, а для этого лучше всего быть на месте.

Все уселись в большой "прыгун", который быстро взлетел в сопровождении больших отрядов охраны — одного спереди, другого сзади.

Первым признаком того, что пострадавшая от взрыва зона уже близко, для Марена стали яркие огни мощных фонарей. Когда аппарат подлетел ещё ближе, генерал понял, что это были прожектора, установленные на всех уцелевших зданиях квартала. Место взрыва было полно занятых работой людей и техники.

Наблюдая за этой сценой, Марен в то же время не упускал ни слова из того, что говорили его адъютант, Подредж и диктатор. Так генерал узнал, что были обнаружены ещё восемь уцелевших членов Группы 814, которые после собрания покинули город, так что общее число выживших

было теперь сто два. Было похоже, что эта цифра окончательная, так как уже двадцать четыре часа не поступало сведений о новых спасшихся.

— Как только мы узнали, что Траск входил в восемьсот четырнадцатую, мы почувствовали, что дело принимает новый оборот, — сказал Подредж. Недавно была включена его болевая схема, и скоро мы узнаем, жив ли он. Я совершенно не представляю себе, какую выгоду он мог бы извлечь из этого взрыва, но совпадение слишком явное. За этим что-то кроется.

Марен, злой от боли, готов был ответить: "А если целились как раз в него?" но устоял против этого искушения и ограничился тем, что спросил:

— Предположим, он не появится — что тогда?

— Будем считать дело закрытым!

Марен утвердительно кивнул. В сущности, не было смысла уточнять столь очевидный факт, но окружавшее его облако боли замедляло работу его ума. За его спиной прозвучал голос адъютанта:

— Доказано, что бомба была сброшена с большой высоты, но табло контроля за воздушным пространством интересующего нас сектора показывает, что бомбардировщик под конец опустился в самый центр пожара.

Беспилотный самолет! Автоматические при-

боры слежения зарегистрировали его полет над столицей. Если бы его база находилась за чертой города, радиолокаторы наблюдения отметили бы его обратный путь. Офицер продолжал:

— Самолет взлетел с Запасного Аэродрома "Б", который находится в самом центре города. Судя по регистрационным журналам аэродрома, эта машина приземлилась на эвакуационной полосе для торговых самолетов ровно за пять часов десять минут до взрыва. График посадки показывает, что она прилетела с востока. РЛС обнаружения проследили его путь от самого атлантического побережья, а радары дальнего действия определили место его старта подводную лодку, находившуюся на поверхности в открытом море на расстоянии двухсот миль от берега и взорвавшуюся через минуту после разрыва бомбы. Все прибрежные станции отметили ударную волну этого взрыва. Хронометраж позволил нам даже точно определить место, где находилась субмарина, и мы знаем, что она затонула и лежит на глубине трех тысяч футов. Зондирование показало, что в этой точке действительно находятся какие-то металлические объекты. Как только эта новость стала известна, многие нейтральные страны тут же сообщили нам, что ни одна из их

подлодок не пропала. Вот все данные, которыми мы располагаем.

На мгновение внимание всех остальных было отвлечено от Марена, и генерал воспользовался этим, чтобы наклониться к своему адъютанту и шепнуть ему:

— Проверьте местонахождения всех подлодок, спущенных на воду за последние пятьдесят лет. Доклад представите мне лично.

— Слушаюсь!

Марен глубже уселся в своем кресле. Не в первый раз он размышлял над тем, как невероятно трудно организовать такое покушение в самом центре Города Судьи. Поэтому он предполагал, что бомба была изготовлена достаточно давно и доставлена издалека. Он смутно помнил, что двадцать пять лет назад в водовороте войны бесследно исчезло немало боевой техники, в том числе подводных лодок. Разве подчиненные Мозга не могли восстановить все это вооружение, укрыть его в бесчисленном множестве надежных тайников и переделать так, чтобы им можно было управлять дистанционно? И разве субмарина не могла незаметно покинуть свое укрытие, катапультировать беспилотный самолет и взорваться сама после того, как находившиеся на её

борту приборы установили, что взрыв успешно произведен?

"Прыгун" резко опустился, и Марен обвел взглядом опустошенное взрывом пространство. Работы по разборке развалин продвинулись уже достаточно далеко.

— Сколько времени понадобилось, чтобы радиоактивность упала до нормального уровня?

— Взрыв был вызван сверхтяжелыми элементами, которые образовались в последний момент перед ним и имеют период полураспада порядка одной сотой секунды. Через несколько минут после взрыва уровень радиоактивного заражения был уже неопасным.

Марен прокрутил эту мысль в своем уме.

— Был такой генерал Инскип, который десять лет назад ушел в отставку. Жив ли он еще?

— Да. Ему больше восьмидесяти лет, но у него ещё крепкое здоровье.

— Он был величайшим авторитетом в области вооружения, применявшегося в прошлом веке. А во время второй атомной войны было потрясающее оружие! Пошлите к нему комиссию из экспертов. Я хочу получить от него информацию, особенно относительно оборонительных средств, которые использовались для отражения штурмо-

вых операций различного рода.

— Инскип будет в восторге. Я слышал, у него было впечатление, что им немного пренебрегают.

Подредж, который расслышал конец этого диалога, повернулся к ним.

— Ясно, что организаторы покушения имели ограниченную цель: они хотели разрушить только этот квартал. Еще до получения от вас сообщений, что вы не смогли найти доказательств связи взрыва с происками георгийцев, мы чувствовали, что Георгия в этом деле ни при чем.

— Что вы обнаружили на Аэродроме "Б"?

— Пустой номер, — вмешался адъютант. — Бомбардировщик лишь использовал его как стоянку. Он ничего не выгрузил и не принял на борт.

— Понимаю... Он ждал команды. Если только он не был оборудован программируемым устройством управления, установленным на определенное время.

Марена тревожила одна назойливая мысль: Мозг пожертвовал ценнейшей техникой и подверг себя огромному риску лишь для того, чтобы уничтожить одного человека, в действиях которого не был уверен! Генерал не сомневался, что логика мыслящей машины была безупречной и та верно оценила степень опасности. Но мощь и

жестокость её ответа сами по себе подтверждали величайшую ценность изобретения Траска. Марен задавал себе вопрос, от которого ему становилось не по себе: может ли человек, владеющий таким открытием, дать победить себя из-за собственной неспособности защититься?

Чуть позже, когда он стоял среди развалин квартиры ученого, это смутное чувство боязни чего-то билось в его душе в одном ритме с колющей болью, терзавшей его плечо. Пол в основном уцелел, и на нем разложили листки с надписями, обозначавшими степень прочности разных участков: "безопасно", "ненадежно", "опасно", и в некоторых местах "особо опасно". Обходя участки, отмеченные последней из этих надписей, Марен без колебаний направился туда, где раньше была спальня и где теперь была прикреплена табличка "опасно".

Ни от тел, ни от кроватей не было и следа. Генерал стал осторожно расспрашивать проводника. Тот взглянул в свои записи:

— Здесь не было найдено никаких трупов, господин генерал.

Этот ответ отозвался в душе Марена таким отчаянием, что тот забыл даже о боли, которая грызла его плечо. Как будто до сих пор он не переставал

надеяться, а теперь надежда мгновенно умерла. На смену ей пришли апатия и покорность судьбе. Марен осознавал, что случилось самое худшее, и чувствовал себя раздавленным огромной тяжестью своего горя. Здесь Рива провела свою первую ночь в доме Траска. Марен мысленно видел перед собой её бронзовое от загара тело, наготу которого лишь наполовину прикрывали простыни, и одновременно представлял себе, как это тело обуглилось и рассыпалось в мельчайшую пыль под действием гигантского взрыва. А члены Группы 814, которые проявили сочувствие к Траску, мгновенно испарились в пламени пожара в своих стоявших вокруг домах, которые были теперь лишь кучами мусора. Люди умерли лишь из-за того, что их сосед-ученый узнал какую-то тайну, — вот в чем была вся трагичность случившегося.

Когда Марен возвращался назад, осторожно ступая по ненадежному полу, ему пришла в голову ещё одна мысль: даже если он спасется от приговора, Мозг не остановится, пока не найдет человека, узнавшего о его существовании, то есть его, Марена. Значит, для Дэвида Марена настал час показать, как он умеет применять законы логики. Генерал задал себе вопрос: "Буду ли я пытаться спасти свою голову?" С мучительной

тревогой он понял, что до сих пор ждал спасения со стороны — какого-нибудь случая, который автоматически изменит его нынешнее плачевное положение. "Что ж, проанализируем ситуацию так, словно это военная операция. Кто противник?"

Мозг?

Марен был в замешательстве и тревоге. Он с трудом нагнулся, чтобы не удариться о почерневшую от огня балку. Если его расчеты верны, он стоит в лаборатории, на том самом месте, где тогда лежала его телесная оболочка. Именно здесь два дня назад сознание Уэйда Траска, переселившееся в тело Дэвида Марена, нашло свою смерть. Этот несчастный случай усложнил ситуацию, но лишь отчасти. Если противником действительно был Мозг, Марен мог считать всех остальных всего лишь марионетками. "Они и есть марионетки", — внушал он себе. Он хотел верить в это и стал убеждать себя в своей правоте. Невозможно, чтобы компетентные органы до сих пор не сумели найти Мозг. Их неспособность сделать это можно было объяснить лишь тем, что сотрудники, занятые его поиском, находились под контролем Мозга, и все расследование было комедией огромного масштаба. Тут не могло

быть ошибки. Марен вспомнил, что сказал ему Слейтер о тайне, окружавшей поиски. Сотрудники Контроля, которые вели их по видимости так решительно, должно быть, дали клятву молчать о своей работе, и у них у всех было выработано психическое поведение, смысл которого сводился к следующему: человек чувствовал, что вспоминать о существовании Мозга опасно.

Марен подошел к месту, где раньше находились часы, и осмотрел пол, выясняя, нет ли в нем следов проводки. Но сложившийся в его уме образ Мозга не покидал его сознания. Вопрос был лишь один: где скрывается Мозг? Наиболее вероятным местом была все-таки воронка внутри Укрытий под особняком Великого Судьи. Более надежного тайника не было на всей планете. Правда, при одном условии: если Великий Судья находится под контролем Мозга.

Марен представил себе мыслящую машину, которая управляет всеми властителями человечества. Теперь, подумав об этом, он понял, что перед Мозгом стояла почти неразрешимая проблема — обеспечение собственной безопасности. Мозг нашел решение, жестокость которого была невообразимой: с помощью двух своих главных марионеток — Великого Судьи и Слейтера он

уничтожил всех, кто непосредственно помещал его в тайник, и одновременно убедил свои живые орудия, что бойни, которые они устраивали одну за другой, имели лишь одну цель: уничтожить его. Это убеждение невозможно было искоренить: чем больше становилось убийств, тем меньше их исполнители сомневались в их причине. Но фактически единственным, кто извлекал выгоду из этого настолько же долгого, насколько безрезультатного расследования, был Мозг.

Вдруг Марен заметил, что рядом с ним стоит Великий Судья.

— В чем дело, Дэвид?

Услышав, что диктатор обращается к нему, генерал показал на отверстия в главной балке, в которые, должно быть, пропускались соединительные провода часов.

— Я задавал себе вопрос, что это такое, Ваше Превосходительство.

Судя по планам, разрешение на просверливание этих отверстий не было дано. Это было отмечено. Значит, все рабочие, когда-либо выполнявшие ремонт в этом доме, будут опрошены на детекторе лжи. Для этого понадобится несколько дней, может быть, целая неделя, — подсчитал Марен.

Но по-настоящему этот вопрос его не интересовал. Главное — он увидел собственными глазами, что от квартиры Траска ничего не осталось. Ему было недостаточно увидеть разрушения на экране телевизора: Марену было необходимо побывать здесь, взглянуть на развалины собственными глазами, почувствовать, как раскатываются под ногами обломки, вдохнуть стойкий запах, оставленный бомбой.

Марен вдруг почувствовал огромную усталость. Доказательства налицо его тело больше не существует. Дэвид отказывался признать бывшее тело Траска своим, он внутренне сопротивлялся бы этому, даже если бы не имел других поводов для страха. "Если бы я каким-то чудом оказался в безопасности, сохранил бы я оболочку Уэйда?" — спрашивал он себя. Такая перспектива мало радовала Марена: в лучшем случае он теперь будет вынужден до конца жизни носить грим.

"Сейчас мне бы нужно принять снотворное и спокойно поспать часа четыре. Потом я буду готов действовать!"

В этот момент на плечо Марена легла чья-то рука. Он обернулся и увидел офицера-прапспа из охраны Великого Судьи. К нему подходили ещё четыре прапспа. Странно, но они держались

настороженно.

— Именем Его Превосходительства Великого Судьи вы арестованы! Будьте добры следовать за мной без скандала.

— Что? — воскликнул Марен, одновременно ошеломленный и взбешенный.

— Вы арестованы, господин генерал.

Марен повернулся к офицеру спиной. Плечи его согнулись под тяжестью поражения. Диктатор, Подредж и ещё два Главы Групп наблюдали за происходившим.

— Ваше Превосходительство, я не понимаю.

— Мы тоже многого не понимаем, господин Траск! Например, мы хотели бы знать, что стало с нашим дорогим другом Дэвидом Мареном.

Марен собрался было ответить, но закрыл рот и слегка встряхнул головой, словно разгоняя туман, которым боль окутывала его ум. Первое впечатление было верным, хотя он не ожидал, что события примут такой оборот: начинается кризис, а он не готов к этому.

Голос Великого Судьи зазвучал снова, на этот раз угрожающе:

— Даю вам гарантию, что вы получите полную возможность дать нам свои объяснения перед тем, как вас казнят.

Отвезите его в Контроль! — отрывисто приказал диктатор и на этом закончил разговор.

Глава 32

Ничто не было оставлено на волю случая. Перед тем, как втолкнуть Марена в специальный самолет Контроля, ему сковали руки, а как только арестованный оказался в машине, его обыскали. Это было сделано вежливо, но если бы Марен сам командовал этими людьми, то назвал бы такой обыск тщательным. В процедуру обыска вошел осмотр рта, и арестованный с удивлением узнал, что среди его зубов был один искусственный с отверстием, наполненным каким-то веществом. Те, кто осматривал Марена, не посчитали нужным проверить, нет ли у него капсул внутри мышц, и не стали выяснять, пропитаны ли какие-нибудь участки кожи арестованного составом, который, растворившись, мог бы превратиться в наркотик, но зато поскоблили Марену ногти: под конец его заставили снять мундир и надеть тонкий серый комбинезон. Все это было выполнено до того, как "прыгун" приземлился на террасе здания Совета Глав Групп. По прибытии на место Марена в наручниках провели в комнату из цемента и стали — одну из одиночных камер ведомства Слейтера. Там специалисты стали уничтожать маскиров-

ку Дэвида, и через полчаса по фотографиям и данным из архивов Контроля в нем узнали приговоренного бунтовщика Уэйда Траска.

Марен заметил тревожный признак: по мере того, как схема за схемой исчезал его грим, поведение его тюремщиков менялось — они становились грубее. Пока заключенный был похож на Дэвида Марена, они проявляли к нему некоторое уважение, теперь же руки, обшаривавшие того, кто считался Траском, толкали, щипали, хватали его все сильнее, все грубее, каждый раз чуть больше выходя из пределы необходимого. Наконец, один из обыскивавших, самый крупный, попытался силой усадить Марена. Дэвид ударил грубияна коленом в низ живота. Обидчик тут же со стоном свалился на пол, корчась от боли. Один из его собратьев ударил заключенного по лицу, но тот был готов к ударам: Марен уже достаточно долго старался вызвать у себя ненависть и ярость — единственное, что позволяло человеку выдержать пытку. Поэтому удар лишь немного оглушил Дэвида: вся сила кулака разбилась вдребезги об эту стену гнева. Защищенный своей мощной броней из ненависти, Марен выбросил ногу вперед, целясь в лодыжку того, кто его ударил. Потом заключенный сел: он

не потерял хладнокровия и знал по собственному опыту, что сидящего человека ударить труднее, чем стоящего.

С другого конца комнаты прозвучал властный голос:

— Оставьте его. Надо дождаться приказа.

Лежавший на полу здоровяк встал, кое-как дотащился до раскладушки и сел на нее, а второй пострадавший в это время перестал растирать себе лодыжку и упал на стул, явно страдая от боли.

Теперь Марен смог изучить своих сторожей. Их было пятеро, и все явно были из Контроля. Два более молодых, которым, похоже, было около тридцати лет, выглядели сообразительными и опытными в своем деле, остальные трое были плотного телосложения и чуть старше сорока лет. Что до их седого начальника, ему было лет пятьдесят пять. Он как раз подходил к заключенному.

— Моя фамилия Кэролл, господин Траск. С минуты на минуту я должен получить приказ применить все средства, чтобы получить от вас подробный рассказ о том, что вы делали в эти дни.

Марен рассматривал лицо этого человека, которого немного знал, потому что один или два

раза видел его в обществе Слейтера. Кэролл имел твердый характер, а высокое представление этого офицера о долге сейчас делало его опасным противником, так как Кэролл совершенно не сомневался в законности полученного им задания.

Но Марен не стал задумываться над этим. Ему было нужно лишь одно ненависть. Ненависть, которая одна своей необузданной силой может придать твердость мышцам человека и крепость его нервам, когда его пытают. Дружелюбные и благоразумные мысли были теперь очень далеко, на самой периферии сознания Дэвида.

За дверью послышался шум, Кэролл подошел к ней и несколько минут говорил там с человеком, которого Марен не видел. Потом дверь закрылась, офицер снова приблизился к Дэвиду и остановился перед ним. Голос Кэролла звучал бесстрастно, но офицер немного побледнел, когда объявлял заключенному:

— Приказ поступил. Когда вы решите заговорить, скажите это мне, и я вызову Великого Судью. Он желает лично выслушать ваше признание.

Глава 33

После этого время остановилось для Марена. Когда боль набрасывалась на него, он что-то вопил в припадке ненависти и бешенства, почти не

сознавая, что именно выкрикивает, — в основном это были бессмысленные неразборчивые ругательства по адресу мучителей. Слова не играли роли: значение имели только горевшая в нем ярость и его желание поддерживать в себе этот внутренний жар.

У Марена была серьезная причина молчать: он не мог, не должен был, не смел ничего сказать людям, которыми управлял Мозг, — во всяком случае, пока не исчерпает все другие средства. По своему опыту Марен знал, что его не убьют, пока не вырвут у него признание. Молчать значило жить, заговорить означало подписать себе смертный приговор.

В застенке, под слепящими лучами прожекторов, время то сжималось, то растягивалось до бесконечности, а Марен мог рассчитывать лишь на свои нервы. Он собирал все свои силы, и, падая в бездну слабости, каждый раз находил на её дне новый запас ненависти, которая опять наполняла его тело жгучей энергией. Тогда, весь дрожа от бурлившей в нем бешеной злости, Марен пронзительно кричал: "Кретины, придурки, рабы... идиоты, идиоты, идиоты..." — и снова те же ругательства, раз за разом, без конца. Он ни на мгновение не пожалел себя, ни разу не попросил

пощады. В сущности, Марен ни в чем не обвинял своих палачей — ему незачем было знать, правы они или нет. Он видел все стадии постепенного физического, морального и психического разрушения человека в тюрьме и под пыткой. Выжили только те, кто ухватился как за соломинку за что-то вроде сумасшествия — за безумную злость. И это было единственное, что имело значение для Марена.

В конце концов неослабевающий гнев заключенного подействовал на тех, кто его пытал. Марен знал, что так должно было случиться, хотя и не добивался этого намеренно. Жестокость этих людей, без которой они не были бы агентами Контроля, была также их скрытым уязвимым местом. Один за другим падали рубежи их духовной обороны, и давало трещины, как разрушающийся фасад, их наружное спокойствие, за которым скрывалась тяжелая душевная драма.

Один из агентов вдруг завопил во все горло. Остальные стали, подталкивая, выводить его из комнаты, а он вырывался и орал, как рассерженный ребенок. Но это был большой мальчик, и понадобилось несколько человек, чтобы справиться с ним. Другой начал тихо всхлипывать. "Дэн, вы позорите себя! Сейчас же прекратите!"

— крикнул ему Кэролл. "Это сильнее меня", — ответил агент. Слезы не переставали литься у него из глаз, и его тоже пришлось отправить за дверь.

Потом не выдержал третий офицер: на глазах у своих ошеломленных сослуживцев он вытянулся и словно окаменел. Все его мышцы напряглись как в столбняке, глаза выкатились. Врач поспешил сделать ему укол, и офицер рухнул на пол как развинтившаяся кукла.

Кэролл, конечно, поставил Великого Судью в известность о том, что произошло, потому что дверь вдруг открылась, и в её проеме Марен через сероватый туман различил представительную фигуру диктатора. Государственный человек озадаченно покачал своей львиной головой и сказал:

— Остановитесь: дайте ему отдохнуть. Отведите его в...

Марен не расслышал, куда Великий Судья велел его отвести: он просто отключился. Заключенный почувствовал, как чьи-то руки схватили его и погрузили в забытье, находившееся в опасном соседстве с обмороком.

Марен зевнул, открыл глаза, и к нему вернулась память. Он находился в большой со вкусом обставленной комнате и сидел в кресле. Его руки

были прикованы наручниками к подлокотникам и, судя по тому, как онемели оживавшие теперь ноги, их тоже приковали к ножкам кресла. Поскольку его голова могла двигаться свободно, Марен огляделся вокруг в надежде узнать это место. Справа были дверь и настенный телеэкран; окна не было; слева стояла кушетка; прямо перед Мареном были большие вделанные в стену часы, и...

Часы захватили его внимание. "Такие же, как у Траска", — подумал Марен, и тошнота подступила у него к горлу.

Пока Дэвид рассматривал часы, они вдруг загудели и пробили половину десятого (утра или вечера?). Едва затихло эхо этих ударов, как из какого-то скрытого отверстия часов вырвалась струйка света — серебристый ручеек, который потек по полу, свертываясь, скручиваясь в подобие шнура. А в это время часы выпускали в комнату все новые струи того же вещества. Вдруг конец "шнура" изогнулся, потом распрямился — и "шнур" сделал скачок в сторону Марена, который смотрел на это, парализованный изумлением. Дэвид вспомнил ту ночь неделю назад, когда в квартире Траска он видел, как такие же часы ткали паутину из таких же светящихся нитей, и

задрожал от панического страха. Живой световой шнур, рывками подползавший к нему, делал то, что не смогла сделать пытка.

В ужасе Марен, словно загипнотизированный, следил за приближением шнура, который, судорожно извиваясь, делал рывок за рывком вперед, каждый раз ещё немного сокращая расстояние между собой и его креслом. Вначале световая нить была ярдах в восьми от Дэвида; меньше чем за две минуты она проползла половину этого расстояния. Когда прошел шок, вызванный удивлением, Марен стал звать на помощь — сперва тихо, потом все громче. Его голос поднялся до крика, потом перешел в вопль. Гордость исчезла, желание держать себя в руках было забыто. У него было только одно желание: пусть придет кто-нибудь. Прекратите это, и скорее, скорее!

Никто не появился. Марен внезапно понял, что никто и не придет. И тут Дэвида осенило: перед ним мгновенно открылся подлинный смысл происходившего. Мозг умело навязал Великому Судье свою волю — заставил его перевести заключенного в комнату с часами. Мозг же внушил диктатору убеждение, что незачем ставить охрану у её двери, или устроил так, что часовым был назначен один из его рабов. Слейтер ведь

говорил, что Мозг может управлять людьми на расстоянии. Значит, его компьютерный противник способен блокировать слух человека в решающий момент. Может быть, часовой стоял на своем посту за дверью, но не мог услышать крики, звучавшие из охраняемой им комнаты.

Больше у Марена не было времени размышлять о своей судьбе: один из "шнуров света" подлетел к нему по воздуху и завис над его головой. Марен сжался, но "шнур" упал ему на колени...

* * *

... Где-то шумело море, разбиваясь о подводные скалы. В первое мгновение он лежал неподвижно. Потом в него ударила волна. Это ощущение было настолько реальным, что он почувствовал, как вода приподняла его и понесла в сторону берега. Потом она отхлынула назад. Отступая, море пенилось и шумело, вполголоса напевая свою песню. Он сжал губы и поймал ртом что-то неощутимо маленькое и приятное на вкус, принесенное волнами, проглотил это, одновременно пытаясь улечься на песке. Он плохо понял, как сумел сделать это: тело действовало само по себе, мысли и сознание не принимали в его движениях никакого участия. Он действовал, он существовал, он жил — и это было все.

С нового места ему не было видно море, но он слышал близкий шум откатывающихся назад волн, шелест и свистящий шорох сливающихся друг с другом струй и...

Звук затих.

* * *

"Я был морским животным, находящимся на одной из низших ступеней эволюционной лестницы", — с изумлением подумал Марен. "Это было воспоминание о какой-то ранней эпохе существования жизни!" Эта мысль потянула за собой другую, не менее поразительную: "Это то, что бывает с прапспами. Они могут сознательно вызывать у себя такие воспоминания!"

* * *

... Его окружала давящая тьма. Он почувствовал странное возбуждение и тут же тьму разорвал свет, такой ослепительный, что вызывал боль. Он понял, что именно этот свет возбуждал его. Прошло сколько-то времени, и вокруг снова потемнело. Его возбуждение ослабло, превратившись в слабую пульсацию. Вскоре свет возник опять. Теперь Марен знал, что означало связанное с ним чувство — это было ощущение жизни. Свет и тьма и связанные с ними ощущения продолжали чередоваться. Марен был потрясен

до глубины души, когда понял, что это было — самый ранний период существования жизни. Темнота — ночь, свет — день. А то, что возбуждалось под этим светом, было, должно быть, одной из первых переходных форм от мертвой материи к живой. Он попытался ещё глубже заглянуть в свою память, но тут...

* * *

... Он сжался, притаившись за гребнем скалы, и чувствовал пьянящий восторг, но к этому восторгу примешивался страх. Он чувствовал, что ниже, по другую сторону остроконечной скалы, находится огромный зверь, и изо всех сил старался не привлечь к себе его внимание. В ужасе и отчаянии тот, кем Марен себя вспоминал, судорожно стиснул в ладонях рукоять грубого каменного топора, и лишь тогда Дэвид осознал, что он уже не крошечное животное. Сгорбившись и прижимаясь к боку пригорка, он больше чувствовал, чем видел великолепные мощные мышцы, выступавшие буграми на его плечах и груди, и был уверен, что мог бы хорошо постоять за себя в схватке с насторожившимся чудовищем. Но зверь был нечувствительный к ударам — большой и глупый. Он сначала отступит, но потом разорвет человека когтями. А человек был

в силах заставить зверя отступить, но не мог рассчитывать на то, чтобы его уничтожить.

В отчаянии человек распластался на земле, желая избежать боя — и на этом месте воспоминание Марена оборвалось...

* * *

Было темно. Марен лежал на ковре — по крайней мере так ему казалось. Но его ощущения были немного искажены: он чувствовал себя физически слабее, чем раньше. "Не переселили ли меня в другое тело?" — с тревогой спросил он себя. Он попытался пошевелиться — и услышал звон цепей. Его запястья были стиснуты чем-то тонким и прочным, а ноги были сжаты в лодыжках металлическими кольцами. Марен вздрогнул и заставил себя расслабиться.

— Вы проснулись? Давно ли вы здесь? — спросил сзади него голос Ривы Аллен.

Это мог быть только сон! Этот голос мог появиться только из какого-то уголка его памяти! Рива Аллен ведь умерла, рассыпалась в прах от взрыва гигантской бомбы, самой мощной за последние четверть века!

Тот же голос снова зазвучал в темноте рядом с ним.

— Нам давали еду восемь раз. Это может озна-

чать три дня, но, может быть, прошло больше времени, потому что я все время была голодна.

Теперь Марен понял, что его слабость вызвана голодом. Но что все это значит? Кто все-таки лежит в этой темной комнате рядом с женщиной, которой больше нет?

Он с тревогой вспомнил: "Я не знаю, где я, но я попал сюда по воле Мозга. Ему совершенно безразлично, хорошо мне или плохо, он хочет лишь одного: узнать, какую опасность представляет для него Уэйд Траск и каковы цели Уэйда Траска. Он использует свое знание функций живого организма для выполнения своих хитрых замыслов".

Что узнал Мозг?

Тут мысли Марена прервал шум. Открылась дверь, пропустив луч света, который, расширяясь, как раскрывающийся веер, превратился в конус, и Марен повернул голову в его сторону. В комнату входили два прапспа, которые несли подносы с дымящимися кушаньями.

— Наконец-то принесли поесть! — радостно воскликнула Рива Аллен.

В этот момент в комнате появился третий незнакомец. Поскольку он был в маске, было невозможно понять, был ли он тоже прапспом, но как только он заговорил, Марен узнал его — это

был Ральф Скаддер.

— Глава Группы Дэвид Марен, — прозвучал из-под капюшона голос карлика, — я принял решение освободить вас и вашу подругу. Развяжите их, приказал Скаддер своим двум подчиненным.

Марен вспомнил, как Скаддер вел себя в ночь взрыва. Предводитель прапспов старался задержать его у себя, засыпая его вопросами. Это могло объяснить многое! Марен легко мог представить себе, что в это время подручные бандитского главаря Скаддера устроили обыск на квартире Траска. Однако оставалось неясным одно: как они отыскали секретную лабораторию?

Он заставил свои мысли переключить на многозначительное обращение к нему Скаддера: "Глава Группы Дэвид Марен". Он Дэвид Марен, и только это имеет значение! "Я снова стал собой", — сказал себе генерал. Должно быть, Мозг, выполняя над ним свои операции, каким-то образом включил некий жизненный механизм. "Я наконец вернулся в свое тело!" Сознание этого наполняло Дэвида восторгом. Это было чудесно!

— Только что было объявлено об аресте Уэйда Траска, — снова заговорил Скаддер. — Больше нет смысла держать вас под охраной.

Эти слова тоже немало объяснили. Предводи-

тель прансповв честно ждал возвращения Траска. Марен растер себе запястья, чтобы вернуть им гибкость, быстро проглотил свою долю еды, и потом принял решение. Было ещё слишком рано делать выводы из того, что с ним произошло: в последних событиях были противоречия, которые нельзя было разрешить одними раздумьями.

Его и Риву каким-то сложным путем вывели на поверхность. Оказавшись на улице, Глава Группы сразу же вбежал в телефонную будку и набрал номер персонального телефона Великого Судьи. На экране появилось лицо Селис, личной секретарши диктатора. Оно исчезло на несколько мгновений, потом появилось снова, и теперь Селис казалась взволнованной.

— Дэвид, — тихо сказала она. — Его Превосходительство отказывается разговаривать с вами. Но он просит вас быть на заседании Совета, которое начнется завтра в одиннадцать часов. Вы не хотите ему что-нибудь передать? — спросила она ещё тише.

— Моя милая, будьте добры, попросите его от моего имени отложить казнь Уэйда Траска до тех пор, пока я не побеседую с ним, то есть с Великим Судьей, — с беспокойством попросил Марен.

— Минуточку!

Она снова исчезла. А когда изображение девушки снова появилось на экране, Великий Судья, должно быть, находился рядом и диктовал ей слова, потому что она говорила бесстрастным голосом и четко отделяя слово от слова. Селис произнесла:

— Его Превосходительство поручил мне сообщить вам, что Траск уже получил отсрочку до конца заседания Совета. Он не понимает, как замаскированный Траск мог одержать победу над Георгией, и требует удовлетворительных объяснений по этому поводу. Это все. До свидания.

Послышался щелчок — их разъединили.

Глава 34

Отходя от телефона вместе с Ривой Аллен, Марен вспомнил слова секретарши диктатора, вздрогнул и покачал головой.

Потом генерал задумался. Он остановился и внимательно взглянул на свою спутницу. Эта женщина провела пять дней с Траском. Что тот рассказал ей? Если Дэвид хотел отчитаться перед Советом по всей форме, ему было необходимо иметь больше информации, чем сейчас.

— Вы не откажетесь поехать со мной? — спросил он.

Молодая женщина была лишь тенью той Ривы

Аллен, которую он знал: она похудела, глаза были как у сумасшедшей во время галлюцинации. Тем не менее она согласилась.

— Но вы понимаете, что это подразумевает? Вам известно, кто я такая?

— Да, да.

Она явно думала, что речь идет о любви. Тем хуже! Ему нужно быть в курсе всего, что произошло между ней и Траском, до последнего слова, до самого легкого намека. За это он заплатит Риве ту цену, которую она запросит.

Марен отвез Риву в свою квартиру во дворце Глав Групп. Но его ждали более срочные дела, и их было много, поэтому, приведя Риву к себе, Марен оставил её одну и прошел в свой кабинет в том секторе здания, который занимало руководство Вооруженных Сил. Оттуда он связался по телефону с начальником отделения военной разведки, работавшего в Георгии.

— Я так рад, что вы позвонили! — воскликнул, услышав его голос, этот офицер. — Я хотел доложить вам результаты операций, которые мы провели согласно вашим указаниям. Захватив всех, кто пытался пересечь границу, мы решили нашу проблему: первые же допросы дали интересную информацию. Прежде всего дело Траска, о

котором писали газеты, — не то, чем оно кажется на первый взгляд. Траск знает какой-то — мне неизвестно какой — секрет, и эти люди приставили к нему одного из своих самых умелых агентов — женщину. И...

Марена нелегко было удивить, но на этот раз он не смог сдержаться и изумленно воскликнул:

— Что?!

— Я был очень озабочен этой новостью, и как раз поэтому очень рад вашему звонку.

Марен сделал глубокий вдох и ответил:

— Благодарю вас, полковник. С этого момента я лично займусь этим делом.

— Если бы вы не позвонили, я передал бы свою информацию непосредственно Великому Судье. Я уже решил это сделать.

— Держите меня в курсе всего, что сможете узнать.

Кладя трубку, Марен почувствовал, что его руки дрожат.

Рива Аллен! Что она узнала за все то время, пока жила в квартире Траска? А за все то время, которое провела связанная по рукам и ногам рядом с тем, кто был для неё Дэвидом Мареном, Главой Группы, имеющим какие-то отношения с Уэйдом Траском?

Еще не совсем оправившись от волнения, генерал позвонил в Службу Связи и спросил подошедшего к телефону дежурного офицера:

— Майор, можно ли передать из этого здания секретное сообщение?

Маленький коренастый военный, чье изображение было видно на телеэкране, выглядел человеком, которого застали врасплох.

— Это... необычный приказ, — начал он, запинаясь, однако потом взял себя в руки и задумчиво добавил, — но в конце концов... Глава Группы может его отдать.

Марен был удивлен этим ответом и почувствовал приступ гнева. Поэтому тон его нового вопроса был вызывающим:

— Насколько я понимаю, у вас есть система автоматического прерывания всей неофициальной связи?

Собеседник генерала, похоже, забеспокоился, но его голос звучал по-прежнему твердо.

— Да, но только, если вызывающий абонент не пользуется изобретенной Траском аппаратурой с бесконечной цепочкой эхо, а большинство Глав Групп имеют её в порядке исключения, хотя мы и были против этого. Такие сообщения мы можем перехватывать, но не можем остановить.

Марен вспомнил, что Великий Судья действительно пожелал иметь линии прямой связи со своими советниками.

— Немедленно установите мне такую аппаратуру. Не теряйте ни минуты!

— Есть господин генерал.

Марен закончил разговор. Его мысль перепрыгнула на другое:

"Скаддер явно участвует в заговоре, иначе он не оставил бы Риву Аллен рядом со мной на все это время".

Едва эта мысль зародилась в уме генерала, как он уже звонил в Военную Полицию и отдавал приказ арестовать старосту прапспов.

— Пусть он принесет план Укрытий, который попросил его подготовить Уэйд Траск. Можете сказать Скаддеру, что, если он будет сотрудничать с нами, с ним ничего не случится. Я хочу допросить его завтра в первом часу. До этого он не должен видеться ни с кем.

После этого Марен велел людям из Службы Связи вызвать к нему на завтра к 10.40 его сына Дэвида Бернли и уточнил: "Пусть он придет в форме". Затем Главнокомандующий позвонил генералу в отставке Юджину Инскипу. К его удивлению, медсестра, которая подошла к телефону,

быстро передала трубку старому генералу.

— Эти чертовы бабы укладывают меня в постель уже на закате! Чем могу вам служить?

— Связались ли мои помощники с вами в последние дни?

Отрицательный ответ не слишком удивил Марена: сразу после приказа своему адъютанту связаться с Инскипом он был изобличен как самозванец, и адъютант, разумеется, не стал выполнять указания того, кого считал лже-Мареном. Дэвид глубоко вздохнул и задал решающий вопрос:

— Завершили ли вы свою работу о вооружении, применявшемся в прошлом веке?

После паузы и подчеркнувшего её вздоха Инскип ответил:

— Молодой человек, я не знаю, что у вас на уме, но по вашему тону догадываюсь, что речь идет о чем-то срочном. Желаете ли вы, чтобы я прислал вам второй экземпляр своей рукописи?

— Я не только буду счастлив получить его, но ещё хотел бы сам зайти за ним и побеседовать с вами полчаса, если вы сможете не заснуть до этого времени.

— Если это важно, я не буду спать всю эту чертову ночь, и пусть эти бабы только попробуют

отправить меня в кровать до вашего приезда!

— Вот это настоящий разговор! — засмеялся Марен. — А теперь выслушайте меня внимательно: меня интересуют, и срочно, бомбы и ракеты, способные разрушить целый город или уничтожить все на большой площади. Мы готовимся к отражению атак, при которых будут применены бомбы крупного калибра. Что ещё есть подобного?

— Вибрационное оружие. Потом газ, не имеющий себе равных по эффективности. И еще... В общем, я понимаю, чего вы хотите. Я просмотрю свою документацию, а пока могу вам сказать, что есть по меньшей мере пять типов ракет, относящихся к названной вами категории. До скорой встречи.

Встреча заняла девяносто минут этого судьбоносного вечера. Марен вернулся в свою квартиру, не забыв по дороге отдать приказ мобилизовать всех находящихся в городе техников для выполнения чрезвычайного задания.

Дэвид решил не открывать Риве, что он знает, кто она на самом деле. Не из жалости к ней: он подумал, что труп настоящей Ривы Аллен, должно быть, лежит в какой-то тайной могиле, и стиснул зубы. Нет, им двигала не жалость. Просто он не забывал, что эта женщина имела

способ ускользнуть от него: несмотря на все меры предосторожности она могла незаметно проглотить яд и этим избежать допроса. Решение могло быть только одно: заставить её все рассказать с помощью хитрости, вести себя так, словно она действительно та, за кого себя выдает. Что могла узнать она, теперь уже неважно.

Когда он вошел к себе, в ванной журчала вода. Рива вышла оттуда в его халате и, увидев Марена, бросилась к нему в объятия со страстностью молодого животного. Марен цинично ответил ей поцелуями на поцелуи, признавая при этом, что её любовный пыл не был поддельным. Эту женщину действительно сжигала страсть, которую, несомненно, он должен был утолить. Марен разделся. Ему пришла в голову мысль использовать гипнотизирующий газ, но он отказался от этого: такие газы сильно влияют на женский организм, и последствия их действия могут сохраняться ещё дольше, чем последствия действия наркотиков.

— Тогда ты сказал... А потом я сказала...

Сначала Рива отказалась подробно пересказать ему содержание "их" разговора. Она была явно удивлена его требованием и воскликнула, что Марен должен и сам знать, о чем они говорили между собой, когда он лежал рядом с ней на по-

лу. Она вспоминала какую-нибудь фразу, потом качала головой, глядя на Дэвида, словно желала сказать "Неужели вы на самом деле хотите, чтобы я это повторила?" Тогда она начинала сокращать и обобщать, и Марену приходилось вытягивать из неё подлинные слова и их точный смысл. "Она, должно быть, сильно заинтригована, но при этом ни на мгновение не вышла из своей роли", — подумал Марен. Вожделение, которое все больше охватывало Риву, мешало ей вспоминать. Хотя, может быть, это тоже была расчетливая игра: возможно, она хотела таким способом выяснить, насколько ценна для Марена эта информация, и определить, что в её рассказе интересует его больше всего. При других обстоятельствах полнейшее спокойствие, с которым эта женщина вела свой любовный шантаж, восхитило бы Марена. Но он твердо держался того объяснения, которое дал Риве по поводу своего любопытства: он тогда частично был под влиянием гипнотического средства и потому его воспоминания об этом времени спутанные и смутные, а он хочет знать, что его похитители могли из него вытянуть, — и не отступил от этой легенды.

Понемногу у генерала сложилось убеждение, что Траск был немного болтливее, чем хотел,

чего обычно нельзя избежать, когда разговор перескакивает с темы на тему, говорил о своих социальных идеях и делал туманные намеки на свое изобретение, но его открытие было слишком революционным: люди были просто неспособны без посторонней помощи преодолеть психологический барьер и представить себе механический перенос сознания из одного тела в другое, лежавший в основе изобретения Уэйда. Дэвид с облегчением сделал вывод, что шпионка ничего не поняла.

Около четырех часов утра у Ривы больше не осталось сил, и она уснула. Когда её дыхание стало ровным и спокойным, генерал выбрался из постели и выглянул в коридор, чтобы убедиться, что охрана, которую он приказал поставить у своей двери, на месте. Он увидел на посту двух крепких, широкоплечих женщин, опытных сотрудниц Контроля, и приказал им: "Разбудите её в половине девятого, отведите в свой сектор и допросите".

Сделав это, Марен взял свою одежду и прошел к себе в кабинет. В соседней с кабинетом комнате стояла раскладушка. Генерал лег на нее, но из-за волнения и тревоги заснул не сразу.

Эта ночь не пропала зря: одно за другим собы-

тия, с виду не имевшие друг к другу отношения, прочно связывались в его уме между собой, складывались в одно целое, и это целое приобретало смысл — смысл такой страшный, что Дэвид не решался взглянуть истине в лицо. "Если это правда, если это правда..." — думал он, дрожа от испуга.

Веки Марена отяжелели, и он закрыл глаза. В этот момент в его уме возникла навязчивая мысль — последняя за эти сутки:

"На этот раз я должен принять решение!"

Глава 35

Марен встал в начале седьмого, надел халат и позвонил заместителю начальника охраны.

— Полковник Грегсон у телефона, — ответил тот сонным голосом.

Марен назвал себя и спросил:

— Задержали вы Скаддера?

— Да, он в наших руках, — теперь Грегсон окончательно проснулся. — До чего он был удивлен!

Марен мог себе это представить: ещё бы, то, что хранилось в такой глубокой тайне, вдруг вышло наружу! Но в ответ он сказал только:

— Немедленно пришлите его ко мне.

— С картой?

— С картой. Да, есть ещё одно дело, Грег...

— Какое?

— Мне нужны все штурмовые бригады, которые у нас есть, с тяжелой техникой, такой, чтобы могла прорывать мощные укрепления. Боевые действия будем вести в Укрытиях, поэтому осторожнее со взрывчаткой!

— Предполагать, что против нас применят газы и радиоактивные снаряды?

— Будет прекрасно, если предположите.

— Мы будем готовы в девять. Это вас устроит?

— Вполне.

— Тогда можете положиться на меня!

Закончив этот разговор, Марен позвонил в Управление Противовоздушной Обороны.

— Приказ Воздушному Контролю: полностью запретить полеты над городом до новых указаний и постоянно патрулировать над ним на большой высоте. Стрелять по всем аппаратам, если они обнаружены в верхних слоях атмосферы сразу, если в нижних — после предупреждения. Мейер!

— Что прикажете, господин генерал?

— Соблюдайте строжайшую секретность. Людей, которые сегодня на дежурстве, предупредите по мере их заступления на посты.

— Слушаюсь, господин генерал!

Марен положил трубку, встал — и тут осознал, что за время его короткого сна решение было

найдено. Он знал, что нужно делать. Марен с идеальной ясностью представлял себе, как ему следует поступить, и никогда не был так уверен в своей правоте, как сейчас. Он готов действовать, и ничто не сможет его остановить! В хаосе последних событий родился новый Дэвид Марен — человек в полном смысле этого слова. Генерал вспомнил свой жизненный путь, состоявший частью из жестокости, частью из служения идеалу. Это был путь приспособленца: вся его жизнь прошла в рамках ограничений, с которыми он соглашался, чтобы принять мир таким, каким его видел Великий Судья.

Со всем этим было покончено. Конец сомнениям! Конец страху! Одеваясь, Дэвид перебрал в уме то, что он должен сделать в этот решающий день. Нет, больше у него не оставалось никаких колебаний. Все в его уме было четким и ясным. Все было очевидно.

Это будет необычная битва. Но на данный момент в его руках сосредоточена огромная военная сила, которая дает ему возможность вступить в сражение с таинственным неприятелем. И этот неприятель — Мозг — будет вынужден открыться.

Условия боя были фантастическими: враг мог

в любой момент подчинить себе сознание своих главных противников. В такой ситуации Марену оставалось лишь одно: решиться действовать первым и бросить свои силы вперед, чтобы заставить противника ответить.

Надо действовать, не заботясь о последствиях.

По почти пустым в этот ранний час коридорам Марен прошел в свой рабочий кабинет. Туда ему подали завтрак, и пока он подкреплялся едой, ввели Скаддера. Карлик выглядел одновременно рассерженным и сильно встревоженным.

— Значит, Траск начал свою игру? Хорошо, но я тут при чем? Я всего лишь согласился дать ему карту. Что тут противозаконного?

— Где эта карта? — резко оборвал его Марен.

Полковник Грегсон, хорошо сложенный человек немного старше сорока лет с неприметной внешностью, достал карту и развернул её под лампами. Глава Группы подошел к прапспу.

— Расскажите мне подробно о том, что показано на этой карте.

Скаддер неохотно подчинился. Из его объяснений стало понятно, что значение для Марена имели этажи 48, 49, 50 и 51 Укрытий. На штабных картах было отмечено, что этот их участок был закрыт и опечатан двадцать пять лет назад по

приказу Великого Судьи.

А Мозг, похоже, до сих пор не обращал внимания на то, что готовил Марен! Генерал почувствовал, что снова начинает волноваться, но его голос звучал спокойно и уверенно, когда он приказывал штурмовым бригадам захватить отмеченные на карте сектора и уничтожить все машины и приборы, которые будут там обнаружены. Разнести все на куски, сжечь все дотла, ничего не оставить! Марену было нелегко отдать такую команду, но выбора не было: у генерала было ощущение, что в его время никто не знает эту технику достаточно хорошо, кроме, может быть, Траска. А Траска он использовать не мог.

Когда приказ был отдан и войска двинулись в путь, Марен поручил одной из частей войск связи срочно доставить на "прыгунах" ко всем телефонным коммутаторам саперов, которые должны были полностью лишить связи Город Прапсп, перерезать все линии связи, идущие в Укрытия, и прервать междугородную связь.

Глава 36

"Жребий брошен!" — сказал Марен.

После напряжения последних часов его мозг был как пустой. Но мощные силы уже пришли в действие. Оставалось только ждать.

Чтобы время ожидания не пропало зря, Марен воспользовался своей властью члена Малого Совета диктатора и члена правительства и послал на все главные радио и телевизионные студии заявление, которое они должны были передать сегодня в одиннадцать часов утра. Это было заявление об отставке с поста Главы Группы. Он завернул свое кольцо в бумагу и сделал надпись: "Моей любимой Делинди", потом упаковал свою печать и поручил курьерской службе передать её в одиннадцать часов госпоже Селис во дворце Судьи. После этого Марен подготовил служебные письма ко всем Главам Групп с извещением, что он отказывается от всех своих официальных должностей, и уложил свои ордена в драгоценный футляр — посыльный доставит их на военное кладбище хранителю наград. Поскольку Марен не мог выйти из своей Группы, он не сделал никаких попыток связаться с ней.

Без двадцати десять из его личного громкоговорителя зазвучали хриплые голоса офицеров, командовавших штурмовыми бригадами. После наполненной тяжелым ожиданием паузы послышался свист распылителя газа. Марен приглушил звук, но шумы не исчезали, и он выключил аппарат.

Затрещал телефон: звонил его секретарь.

— На проводе полковник Грегсон. Он звонит со своего полевого КП.

— Дэвид, — заговорил Грегсон, — мы сражаемся, можно сказать, на два фронта. Когда мы продвигаемся в одну сторону, то натыкаемся на прапспов. А на всех других направлениях мы сталкиваемся с механическим чудовищем, которое защищено толстой металлической броней. Судя по показаниям наших датчиков, толщина брони восемь футов. Прапспы и эта машина применяют против нас газы. Нам тут придется несладко!

— Значит, вы разворошили осиное гнездо! — с удовлетворением ответил Марен. — Продолжайте в том же духе!

Он приказал снова привести Скаддера. На этот раз у прапспа был вызывающий вид.

— Я не виновен, — пошел он в наступление, — но я знаю, что происходит. Мы — вернее, те из нас, кто находится в Укрытиях, — можем продержать вас в таком напряжении восемь дней без передышки. Мы ведем переговоры.

Вот чего Марен не ожидал!

— Переговоры! — ошеломленно повторил он. — Но, боже праведный, с кем вы можете их вести?

@BODYM = — С настоящими хозяевами мира!

— вызывающе ответил Скаддер и с усмешкой добавил: — И если вы хотите услышать мой совет, вам было бы лучше не пользоваться этими сведениями без разрешения вашего господина и повелителя, Великого Судьи!

@BODYM = Для Марена, который сжег за собой мосты, важным было лишь то, что слова Скаддера проливали неожиданный свет на тайну загадочных переговоров. Заставляя себя не повышать голос, генерал спросил:

@BODYM = — Не могли бы вы объяснить мне все это подробнее?

@BODYM = — Нет ничего проще. Я начал о чем-то догадываться, когда мне однажды сообщили, что мне будет поручено быстро набрать среди прапспов телохранителей для Великого Судьи. Это было достаточно давно. В то время у нас, у прапспов, было два хозяина: Великий Судья и секретная группа, которая связалась со мной. Вы догадываетесь, кто платил больше? Так вот, щедрее была группа. Это был наш первый выход на сцену. Примерно в то же время появился Траск. У него была теория, что прапспы не результат несчастного случая и последствий войны, и я сразу же понял, что если удастся это доказать, то наше движение сможет стать самостоятельным

и покончить с нашей изоляцией от общества. Поэтому я встал на сторону Траска. Порывшись в старых архивах, я узнал достаточно, чтобы убедиться в одном: то, что считали эпидемией, вначале было экспериментом, который проводила эта самая группа. Вот об этом мы и ведем переговоры, — угрожающим тоном закончил Скаддер. — Мы желаем получить информацию об этих опытах.

@BODYM = Марен чувствовал в этом маленьком уродце всю решимость, на которую способен человек, сражающийся за свою жизнь. Уничтожение Мозга задержится на целую неделю... Он вздрогнул при этой мысли. Возможности для колебаний не оставалось — решение было лишь одно: он тоже должен вступить в переговоры и играть всеми картами, которые имеет на руках. И не время жалеть противника: после одиннадцати часов он уже не будет иметь власти члена правительства. Марен пошел в наступление:

@BODYM = — Скаддер, вы ошиблись, выбирая партнера для переговоров: единственный партнер, имеющий нужную силу, это я. Почему — я вам сейчас объясню.

@BODYM = После этого генерал, не повышая голоса, рассказал об арестах, произведенных в

Георгии, и коротко изложил сведения, полученные во время допросов.

@BODYM = — Одним словом, — сказал он в заключение, — если вы не свяжетесь со своими товарищами, которые руководят сопротивлением в Укрытиях, вы будете расстреляны в течение часа. Если они не сдадутся к десяти тридцати, все захваченные в плен будут казнены. Больше я не обсуждаю этот вопрос. Отвечайте: да или нет!

@BODYM = Крошечное крысиное лицо предводителя прапспов побледнело до синевы, но Скаддер был не лишен мужества и спросил:

@BODYM = — Получим ли мы те данные об экспериментах, которые желаем иметь?

@BODYM = — Вся информация по этому поводу, которая станет нам известна, будет передана прапспам, — пообещал Марен.

@BODYM = Какое-то время Ральф Скаддер молчал, сгорбившись и упершись взглядом в пол. Наконец он выпрямился и голосом, похожим на подавленное ворчание зверя, произнес:

@BODYM = — Хорошо! Мы сдаемся!

@BODYM = Победа Марена обернулась тяжелой драмой для прапспов, и генерал мысленно дал себе слово, что займется судьбой этих несчастных, если только у него ещё есть будущее. Может

быть, он в силах что-то сделать для них.

@BODYM = Но сейчас в его уме крутился другой вопрос, и Марен задал его Скаддеру: как его, Марена, тело было похищено из тайной лаборатории и переправлено в убежище предводителя прапспов?

@BODYM = — Да, — ответил Скаддер, — мои люди отправились искать вас к Траску за час до взрыва. Это была забавная история, — добавил он с невеселым смехом, — Траск в это время был в моем кабинете, и я тянул наш разговор, задерживал его у себя, чтобы мои люди смогли обшарить всю его квартиру сверху донизу.

@BODYM = — Но зачем все-таки вам понадобилось обыскивать его квартиру? Вы же не рассчитывали найти там меня?

@BODYM = — Нет, вам не за что благодарить нас: вам просто повезло. Эта женщина — Рива Аллен, кажется, так? — подняла тревогу и связалась со мной через людей, которые стоят за ней. Она уже много дней наблюдала за Траском, и вдруг он словно испарился: вошел в свой рабочий кабинет и не вернулся. Это озадачило и обеспокоило девушку.

@BODYM = — Спасибо! — Марен чувствовал большое облегчение: тайна разъяснилась.

@BODYM = Он велел привести шпионку, и вскоре та вошла в комнату, очень уверенная в себе, невозмутимо спокойная и веселая: она, очевидно, больше не желала играть роль скрывающейся от властей куртизанки. Широко улыбнувшись Марену, она радостно воскликнула: "Здравствуй, красавец-любовник!" — и рассмеялась искренним, безмятежным и звонким смехом. Марен вопросительно взглянул на стоявших по бокам заключенной женщин, которых он знал как мастериц своего дела.

— Вы вытянули из неё что-нибудь?

— Мы не отходили от неё с тех пор, как нам её передали — это было без четверти девять. Мы перепробовали все методы убеждения, но на все вопросы она только смеялась.

Марен спокойно покачал головой, но он не тешил себя напрасной надеждой: Рива сумела накачаться наркотиком. Вероятнее всего, наркотик был спрятан в одном из зубов. Достаточно было хорошего укуса. А что такое "наркотик смеха", Марен знал хорошо. Это средство убивало страх. Угроза смерти и пытки вызывали у того, кто находился под его влиянием, эйфорию. Действие наркотика продолжалось минимум двадцать четыре часа. На ближайшее время шпионка ловко

увильнула от допроса.

— Уведите её и держите под наблюдением.

Нелегко было Марену отдать этот приказ!

Вошла его секретарша.

— Прибыл лейтенант Бернли.

— Впустите его.

Глава 37

В дверях возникла высокая фигура Дэвида Бернли. Желто-голубой мундир туго обтягивал его широкие плечи. Молодой офицер замер по стойке "смирно".

— А, вот и ты, сын! — воскликнул Марен, намеренно напоминая о своем отцовстве. Генерала немного смутило то, как подействовало на Бернли его дружеское приветствие. Марен сейчас не слишком гордился собой, потому что в этом проявлении родительских чувств был вполне конкретный расчет: в ближайшие часы ему понадобится верность, которую нельзя найти у первого попавшегося подчиненного, — верность, которую отец имеет право ожидать от сына.

Судя по выражению лица, мальчик был глубоко растроган: приветствие подействовало так, как рассчитывал Марен.

— Здравствуй... папа! Вы меня вызывали?

— Я очень рад тебя видеть!

Стыд и чувство вины мгновенно исчезли у Марена: то, что он готовился совершить, имело такое огромное значение, что угрызения совести в подобный момент были чем-то смешным и второстепенным.

— Я хочу поручить тебе очень ответственное задание.

— Это будет для меня счастьем!

Марен решил не давать никаких объяснений.

— Иди за мной, Дэвид!

Возле двери генерал обернулся к Бернли:

— Под твоим началом будет небольшой отряд. Никто не должен знать, что ты мой сын.

— Есть, господин генерал! — ответил Бернли, отдавая честь, и на его лице отразилась решимость выполнить приказ.

— Речь идет о деле чрезвычайной важности. Вся моя надежда на тебя, ласково продолжил отец.

Бернли с трудом проглотил слюну, комком вставшую в горле, но недрогнувшим голосом ответил:

— Можете положиться на меня, господин генерал!

— Я полагаюсь на вас, лейтенант.

Больше они не обменялись ни словом. Как было условлено заранее, в соседней комнате Марена

ждали солдаты — двенадцать рядовых и капрал, присланные в его распоряжение командованием столичного гарнизона. Глава Группы представил им "лейтенанта Дэвида Бернли, который назначается командиром этого отряда до нового приказа", и подробно объяснил, что они должны делать. Им Марен тоже не дал никаких объяснений: они опытные солдаты, а он их главнокомандующий — этого достаточно. Все время, пока Марен говорил, он не переставал наблюдать за Дэвидом Бернли, щеки которого постепенно бледнели. Закончив инструктаж, Марен взглянул в лицо Дэвиду-младшему.

— Лейтенант!

— Что прикажете, господин генерал?

— Следуйте за мной со своим отрядом!

— Слушаюсь, господин генерал!

Они поднялись на этаж, где ровно в одиннадцать часов должно было открыться заседание Совета. Марен взглянул на свои часы: осталось ещё четыре с половиной минуты. Все шло точно по графику. У двери зала заседаний стояли на часах пять рядовых охранников и их офицер, все прапспы — значит, Великий Судья уже здесь. Офицер узнал Марена и кивком поздоровался с ним.

— Мы обязаны обыскать вас — так положено, господин генерал.

— Разумеется! — ответил Марен, нажимая на курок спрятанного в кармане нейтрализатора. Потом он схватил офицера свободной рукой и, закрываясь им как щитом, выстрелил снова, целясь в одного из охранников. Позади генерала его солдаты уже стреляли в остальных противников.

Боя практически не было — такой полной была внезапность нападения. Шесть прапспов совершенно не ожидали его и потому были побеждены мгновенно.

Марен не стал останавливаться и выяснять, заметил ли кто-нибудь происшедшее. Даже не обернувшись, он вошел в зал заседаний. Часы на стене показывали 11.01. График по-прежнему соблюдался идеально.

Глава 38

Марен неподвижно стоял в проеме двери, открывавшейся в залитый светом зал: он ждал, пока телохранители, насторожившиеся на своих постах за прорезанными в стенах амбразурами, узнают Главнокомандующего и ослабят внимание, а его бойцы, согласно его приказу, скрытно поднимутся по лестнице в коридор для наблюдения, где стоят эти охранники, и начнут вторую

внезапную атаку. Потом Марен очень медленно и размеренным шагом направился к Великому Судье, рядом с которым сидел Подредж. Генерал начинал волноваться: это был ключевой момент, и все зависело от синхронности действий. Его солдатам была поставлена задача нейтрализовать охранников выстрелами газовых пистолетов, завладеть их оружием, занять их места за амбразурами и служить ему прикрытием. Но нельзя было допустить, чтобы солдаты узнали диктатора до решающего момента: на этом условии держался весь план.

— Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

В сознание Марена навсегда врезалась картина, которую он увидел в последнюю секунду перед тем, как начать действовать: почти все Главы Групп — не хватало только Медельина и грозного Эдмунда Слейтера; Уэйд Траск, прикованный к креслу на нижнем конце стола, и, наконец, в своем белоснежном костюме Великий Судья, который поворачивал к нему лицо.

Пора!

Марен выстрелил через карман в Великого Судью, целясь ему в голову. Гипнотический пистолет генерала имел особую конструкцию: выбрасываемая им струя газа была диаметром

всего в несколько молекул. Тем не менее Великий Судья почувствовал легкий толчок, от которого его голова слегка качнулась назад. Впрочем, это могло быть просто сокращение мышц, потому что больше действие выстрела на диктатора ничем не проявилось. Марен стал ждать. Газ, который он применил, действовал по принципу вируса, только гораздо быстрее. Он мгновенно пропитывал всю сеть кровеносных сосудов, питающих мозг, и нервные клетки тут же реагировали на него: молекулы калия, которые в каждой клетке находятся в подвешенном состоянии на её заряженной электричеством поверхности — точнее, висят в энергетическом поле, которое и есть эта поверхность, освобождались. И тут же возникала путаница в мыслях и чувствах загипнотизированного человека: исчезала соединяющая их между собой огромная сцепляющая сила, которая позволяет им обеспечивать полное единство и целостность сознания человека, его "я".

Диктатор качнулся и стал наклоняться вперед. Подредж и Марен подхватили его, не дав упасть, и посадили в кресло на верхнем конце стола. Голова Великого Судьи склонилась набок, но диктатор был больше похож на расслабившегося человека, чем на потерявшего сознание. Солдаты, которые

в этот момент, должно быть, занимают места у амбразур, может быть, удивятся, но не станут задавать себе вопросы. Впрочем, об этой стороне проблемы Марен думал недолго. Как только диктатора удобно усадили, генерал перестал интересоваться им и повернулся к остальным. Они, кажется, уже опомнились. "Нужно вызвать врача... Ему плохо!" — громко закричал чей-то хриплый голос. Марен, который не предполагал, что непонимание происшедшего может быть таким полным, на мгновение встревожился. Глава Группы Джон Пилер уже открывал дверь. Главнокомандующий с ужасом представил себе, как его тайна будет раскрыта.

Дверь уже приоткрылась, но тут в образовавшуюся щель просунулось дуло нейтрализатора. Оно почти коснулось лица Пилера, и тот отскочил назад, растерянный и озадаченный. Одновременно с его движением державший оружие солдат четко и громко объявил:

— Никто не должен покидать зал: приказ генерала Марена!

— Рядовой, закройте дверь! — приказал Марен со своего места.

— Есть, господин генерал!

Дверь закрылась.

Глава 39

Марен оказался в центре внимания. Большинство повернувшихся к нему лиц окаменело от страха. Но чувствовалось, что под этим страхом тлеет гнев.

— За одно это вы пойдете в конвертер! — бешено выкрикнул Глава Группы Ярини, указывая на бесчувственное тело Великого Судьи. Подредж с грозным видом сверлил генерала взглядом и наконец задал странный вопрос: "Какая муха вас укусила, Дэвид?" Судя по этим комментариям, присутствующие оправились от первоначального шока, поэтому Марен заговорил:

— Не пугайтесь, господа, — это не государственный переворот. Я дам вам все необходимые объяснения. Прошу вас быть очень внимательными.

Советники молча вернулись каждый на свое место за столом. Вдруг раздался шум: Ярини вместо того, чтобы сесть, схватил свой стул и, потрясая им над головой, с воплем бросился на Марена. Не сделав и двух шагов, нарушитель спокойствия вдруг споткнулся и рухнул на пол. На мгновение в воздухе разнесся характерный запах гипнотического заряда. Если бы Марен ещё сомневался контролируют ли его люди амбра-

зуры, этого было бы достаточно, чтобы рассеять его сомнения.

— Господа, — очень спокойно продолжил он. — Не отказывайтесь от права услышать то, что я должен вам сказать. Вам совершенно незачем беспокоиться о Великом Судье: он очень скоро проснется.

Советники молчали и явно чувствовали себя неуютно. Марен догадывался, что некоторые из них задавали себе вопрос, не повредит ли им в какой-то степени уже одно то, что они слушают его. Но он был готов заставить их слушать и больше не обращал внимания на их сомнения и страхи.

Генерал начал со своей встречи с Траском после приговора, которая закончилась тем, что их сознания поменялись местами, и, ничего не скрывая, рассказал о своих отношениях с ученым. Только после этого он обвинил Великого Судью в том, чего никто не мог заподозрить — что диктатор защищает Мозг и сам находится под его управлением. Услышав это Джон Пилер побледнел, зажал себе уши и закричал во все горло:

— Больше я не стану слушать ни слова из этих предательских фантазий!

Марен снял нейтрализатор с предохранителя и выстрелил. Пока тело Пилера бессильно опус-

калось в кресло, генерал холодно предупредил остальных:

— Я убежден, что Пилер и Ярини разыгрывают комедию в интересах Великого Судьи. Если вы в дальнейшем потерпите присутствие подобных трусов на своих заседаниях, Совет покроет себя позором.

На губах Главы Группы Эльстана появилась улыбка, не предвещающая ничего хорошего:

— В любом случае вы не сможете увидеть, кто будет заседать в Совете!

— Совершенно верно, — ответил Марен и холодно сообщил, что он публично объявил о своей отставке.

Подредж пристально глядел на него, не веря своим ушам, и наконец сказал:

— Могу я позвонить в свой кабинет? Я хотел бы получить подтверждение этому.

Генерал кивнул в знак согласия.

Положив трубку после этого звонка, Подредж обвел взглядом комнату, не зная, как заговорить: то, что он услышал, явно привело его в замешательство. Наконец советник медленно произнес:

— Заявление Марена произвело сенсацию. Курс ценных бумаг на бирже упал на много пунктов.

Эльстан вскочил на ноги. Это действительно

предательство и бунт!

— Я должен позвонить своему биржевому маклеру, — пробормотал он и неуверенно протянул руку к телефону.

— Сядьте и перестаньте срамиться! — гневно прикрикнул на него Марен. Эльстан помедлил в нерешительности, потом покраснел и вернулся в свое кресло, больше не настаивая на своей просьбе.

После этого Подредж выпрямился и сказал:

— Дэвид, я хотел бы задать вам вопрос: чем вы объясните, что Мозг ни разу не выполнил обмен телами, хотя и знает этот процесс?

Несколько мгновений Марен молчал. Но у него не было никакого способа избежать изложения теории, которую он построил на этот счет и принял в качестве рабочей гипотезы. Наконец генерал ответил:

— По моему мнению, а оно, я подчеркиваю, основано на том, что Мозг не смог сделать меня бессильным, — так вот, по моему мнению, Мозг совершенно ничего не знает о переносе сознания. Думаю, установив в тюрьме контакт с Траском (то есть на самом деле со мной), он случайно включил какой-то механизм нервной деятельности, который автоматически вернул наши сознания в

их первоначальные тела. Более того, я думаю, что Мозг дезориентирован этим явлением.

— Это лишь предположение, — сказал Подредж.

Марен утвердительно кивнул. Он начинал злиться: неужели никто из них не может понять, какую борьбу он выдержал, чтобы добыть эти факты и раскрыть их? Но ничто в голосе генерала не выдало его раздражения, когда он ответил:

— Разумеется, это лишь предположение. Но то, что все действия Мозга, направленные против меня, потерпели неудачу, доказывает, что оно логично. К тому же правда, какова бы она ни была выяснится до конца дня.

— Вы хотите сказать, что теперь, когда Мозг загнан в угол, он будет вынужден показать, каковы на самом деле его возможности?

Это было настолько очевидно, что Марен чуть не дал волю своему нетерпению. Но генерал удержался от язвительного замечания, которое уже было готово сорваться с его губ: он понял, что Подредж, описывая ситуацию на таком примитивном уровне, пытается ему помочь. Марен вдруг сообразил, что его слушатели ещё в шоке и с ними нужно говорить просто.

— Да, это именно так, господин Подредж, —

сказал он, повысив голос. Что ещё вы хотели бы, чтобы я разъяснил?

Подредж несколько мгновений бесстрастно смотрел на Марена, потом на волевом лице советника появилась слабая улыбка, и он открыл рот. Но раньше, чем он успел сказать хотя бы слово, раздался целый хор голосов. Какое-то время все или почти все присутствующие говорили сразу:

— Мозг уже один раз показал свою находчивость. Как мы можем быть уверены, что он не одержит над нами верх?

— Что будет, когда Его Превосходительство проснется? И каков ваш план?

— Как мы сможем узнать, что Мозг действительно побежден?

— Что...

Марен поднял руку.

— Господа, прошу вас, тише! — сделал он замечание советникам. Во вновь наступившей тишине опять прозвучал серьезный голос Подреджа.

— Я думаю, Дэвид, что эта лавина вопросов сводится в основном к одному: что произойдет, когда он (советник указал подбородком на Великого Судью, который по-прежнему был без сознания) придет в себя? Скажу откровенно: как ни странно

это может вам показаться, я считаю, что вспышка гнева, свидетелем которой вы были, отчасти объясняется нашим общим беспокойством за вас.

Марен перевел взгляд на диктатора. Какой это необыкновенный человек! Сомнения быть не могло: министры Великого Судьи остались верны своему повелителю. Обаяние этой сильной личности было так велико, что обнаружение слабостей Судьи даже не пошатнуло веру советников в него. Потом мысли Марена приняли более личный характер: в первый раз за все утро он задал себе вопрос: "Что будет со мной?" Он сжег за собой мосты, теперь он всего лишь рядовой гражданин. Он не имеет никакой законной власти и подлежит всем наказаниям, которые могут повлечь за собой его действия. Чувство, вызванное этой мыслью, было неприятным, но прошло так же внезапно, как возникло.

— Прежде, чем перейти к вопросу о моей судьбе, — без труда ответил он Подреджу, — нам ещё осталось выслушать один любопытный рассказ. Этой ночью, когда я начал угадывать правду, я понял, что находился за кулисами драмы, о существовании которой я не подозревал, хотя в определенном смысле знал её полностью. Дело в том, господа, что все вроде бы не имею-

щие ничего общего между собой факты: Мозг, возникновение сразу после войны множества государств, быстрая капитуляция почти всех этих стран, как только мы ставили под сомнение их право на существование, бесчисленные казни — на самом деле тесно связаны между собой. И не будем забывать о прекрасной физической форме, в которой поддерживает себя Великий Судья. А теперь я хочу показать вам достаточно удивительное зрелище.

Марен придвинул стул к креслу Великого Судьи и сел рядом с диктатором.

— Ваше Превосходительство, теперь вы можете говорить. Вы хотите говорить. Вы понимаете меня?

Находившийся без сознания правитель как будто выпрямился.

— Я вас понимаю, — произнес он.

По группе слушателей пробежала дрожь, словно рябь по поверхности воды: все зашевелились на своих местах. Марен заметил это, но не повернул головы в их сторону.

Глава 40

— Сколько вам лет? — спросил Марен.

— О господи! — негромко пробормотал кто-то.

— Семьдесят девять, — ответил Великий Судья.

Марен быстро обвел взглядом стол заседаний: на всех лицах только внимание, все словно околдованы. Никто ни о чем не спрашивал, но нужный результат был достигнут с первого удара.

Генерал повернулся к Великому Судье и продолжил свои вопросы. Постепенно перед советниками разворачивался странный и впечатляющий рассказ.

Во время третьей атомной войны Великий Судья был офицером связи при штабе Восточной Коалиции. Он знал большую часть секретов и был знаком практически со всеми компетентными специалистами во всех отраслях знаний: учеными, инженерами, исследователями и множеством техников, в совершенстве знавших свое дело. К концу этой катастрофической войны он узнал, что ученые готовили заговор и выяснил, что в научных кругах всех стран шло брожение умов. В воздухе носились идеи, обладавшие огромной силой. Исследования, проводившиеся в военных целях, привели к созданию новых изобретений и оригинальным открытиям во всех областях науки. В частности, был разработан процесс, позволяющий замедлить старение организма и даже в определенной степени обновлять уже постаревшие ткани тела. Было ещё множе-

ство других малоизвестных работ, которые могли открыть неслыханные перспективы перед группой достаточно решительных людей, которая набралась бы смелости их использовать.

Полковник Иван Проков понял всю выгоду своего уникального положения: он был единственным штабным офицером, знавшим о заговоре, и потому имел возможность диктовать его участникам свои условия.

На этом месте рассказа Марен повернулся к Главам Групп и пояснил:

— Только человек, осуществляющий связь между службами, как полковник Проков, имел средства арестовать или казнить во время восстания военных руководителей высшего уровня.

Это уточнение не вызвало никакого отклика, и Марен продолжил свой гипнотический допрос.

Заговорщики к тому времени уже давно установили контакт с подобными им тайными группами, действовавшими на территории Западного Союза, что и позволило им организовать заговор с целью прекратить войну и взять в свои руки управление миром и в итоге осуществить этот план с не имевшим себе равных успехом.

Заговорщики предвидели мощную вспышку шизофренического национализма, прежде все-

го в Восточной Европе и на Среднем Востоке, поэтому в каждом из нескольких тысяч самостоятельных государств, возникших после войны, взял власть тайный представитель их организации. На все эти новые страны оказывалось огромное давление изнутри и извне. Агент заговорщиков, даже держа в своих руках рычаги власти, иногда должен был использовать все возможные виды обмана и предательства, чтобы включить доставшуюся ему частицу мира в Мировое государство — в Союз Великого Судьи. Чаще всего для присоединения страны к Союзу оказывались необходимы измена и война.

Тут Марен вмешался снова.

— Как все вы знаете, больше десяти лет я лично руководил всеми этими присоединительными войнами. Я предполагаю, что те главы правительств, кого мы казнили, не участвовали в заговоре, а те, кого мы по той или иной причине оставили у власти, были его участниками. Впрочем, есть одно исключение, — уточнил он, — это Георгия. Но о нем у нас будет возможность поговорить позже.

Первые заговорщики были сторонниками коллективизма, принятого в восточных странах. Они понимали необходимость компромисса с

силами, стоявшими за свободное предпринимательство, но для них это был только компромисс, необходимый ради прекращения войны, и они заключили тайное соглашение, по которому Великий Судья должен был, не теряя времени, саботировать проведение капиталистических принципов в экономике, чтобы в конце концов заменить капитализм социализмом, основанным на принципе Группы.

В течение предусмотренного для этого срока экстремисты сделали первый шаг к отмене компромисса — беспощадно перерезали восемьдесят тысяч соратников по заговору. Но их ждало разочарование: во время войны "западники" спрятали Мозг в тайном укрытии. Через десять лет после бойни Великий Судья попытался провалом попыток разыскать Мозг объяснить экстремистам то, что свободное предпринимательство искоренялось медленнее, чем они хотели. Тогда тайная группа, которая осуществляла свою деятельность через широкую сеть фиктивных организаций, а свой штаб разместила в Георгии, начала опасаться диктатора.

Несмотря на свое долгожительство, заговорщики уже много лет растили себе смену из одаренных молодых людей. Некоторые из этих

подрастающих талантов были приняты в тайную организацию, другим не доверяли настолько, чтобы ввести в засекреченное общество, но тем не менее выгодно использовали их.

Уэйд Траск принадлежал ко второй группе, и теперь заговорщики воспользовались Траском, который имел свои собственные взгляды на развитие общества, чтобы раз и навсегда выяснить, могут ли они рассчитывать на сотрудничество Великого Судьи. Для этого диктатору тайно сообщили, что ученый позволил себе бунтарские высказывания.

Траск был арестован и приговорен к смерти.

Тут же началась война с Георгией. Худшие опасения заговорщиков подтвердились: они поняли, что Великий Судья не имеет никакого желания пересматривать компромисс между группизмом и свободным предпринимательством. Они бросили бунт Траска как перчатку на арену, и, приговорив ученого к казни в конвертере, диктатор ясно показал своим бывшим друзьям, что теперь от стал их непримиримым врагом.

— Что вы думаете обо всем этом, Уэйд? — спросил Марен.

Изобретатель смотрел перед собой невидящим взглядом. Услышав вопрос Марена, он шевель-

нулся и устало пробормотал:

— Кто бы мог подумать, что третья атомная война ещё не закончилась?

— Ваше Превосходительство, — продолжил Марен, повернув голову к диктатору, — вы хотите рассказать нам ещё кое-что, так ведь? Есть ли заговорщики среди Глав Групп?

— Два заговорщика: Ярини и Джон Пилер.

— Отлично! — Марен обвел присутствующих взглядом с видом величайшего удовлетворения. — Вот кто доказал свою полнейшую бездарность: они не сумели помешать мне действовать.

— Вы все же должны учесть, Дэвид, насколько внезапными были ваши действия, — мягко заметил Эльстан. Но Марен едва расслышал его, поскольку уже переходил к следующему вопросу.

— Вы хотите рассказать нам... рассказать нам, как захватить этих... коммунистов, Ваше Превосходительство!

Ответ был жестоким:

— Для этого нет никакого надежного метода: участники заговора, как правило, замаскированы. Они находят людей, не вызывающих подозрений, изучают их привычки, потом убивают или похищают таких людей и занимают

их места.

— Сколько примерно у них крупных руководителей? Я подчеркиваю крупных, то есть имеющих доступ к органам власти нашей страны.

— Около трех тысяч.

— У них обязательно должен быть центральный штаб, центр информации и связи. Вы хотите рассказать нам о нем, Ваше Превосходительство, — поторопил Великого Судью Марен.

— Я не знаю, где он находится.

Марен был разочарован, но не стал настаивать. Однако он ненадолго задумался над этим. Всего три тысячи человек! Это совсем немного! Члены такого малочисленного комитета вполне могли в случае неудачи своего дела собраться на относительно малом пространстве. Например, в Георгии! И если бы они слишком поздно узнали о начале наступления, они уничтожили бы свои технику и документацию вместо того, чтобы вывезти их. Это и произошло. И происходит сейчас.

Марен с беспокойством спросил:

— Предупредили ли вы эту группу об атаке, которая готовилась против Георгии, и если да, то когда?

— В день, когда был вынесен приговор Траску.

— Значит, позже, чем это обычно делается в

подобных случаях?

— Да, намного позже.

Глава Группы Гейнс, который до сих пор лишь молча смотрел на происходящее своими большими печальными глазами, теперь прервал допрос.

— Мне непонятно кое-что: почему вы посчитали нужным загипнотизировать Его Превосходительство? Мне кажется, что под давлением неопровержимых доказательств Великий Судья заговорил бы сам.

— Мы ещё дойдем до этого. Почему вы предупредили их? — продолжил он, глядя на диктатора.

— Я надеялся, что они не порвут со мной раньше, чем я буду готов завладеть всем остальным миром. Я хотел убедить их, что разногласия между нами не принципиальны и касаются лишь выбора подходящего момента для преобразования нового строя.

— Но почему именно вы отказывались порвать с ними?

— Они угрожали, что перестанут поставлять мне эликсир долголетия.

— Понятно! — помолчав, Марен спросил: — Они выполнили свою угрозу?

— Да, на этой неделе я не получил очередную порцию эликсира.

Марен повернулся к Гейнсу.

— Является ли это ответом на ваш вопрос?

— Боже мой... да!

Марен снова резко спросил у главы государства:

— Вы знаете, где находится Мозг?

— Нет.

"Больше к рассказу нечего добавить", — сказал себе Марен. Однако его душевное напряжение вместо того, чтобы ослабеть, наоборот, усиливалось. Он явно знал все фактические данные, необходимые действия выполнялись, и тем не менее...

Подредж встряхнул головой и спросил:

— Какое отношение имеет ко всему этому королевское правительство Георгии? Оно тут как будто совершенно ни при чем.

— При чем. Заговорщики навязали народу, который давно привык к коллективизму, режим западного типа, к тому же монархический. Они явно считали, что такое правительство продержится недолго. Первый "король" Георгии был участником заговора. Он был убит, но от его дочерей скрывали правду и сохранили им жизнь.

— Интрига внутри интриги и ещё третья интрига внутри второй! произнес какой-то Глава

Группы.

— Заговор на мировом уровне подразумевает бесчисленное множество особых ситуаций. Он требует привлечения экспертов, администраторов, квалифицированных переводчиков. Один человек сам по себе может составить лишь обобщенный набросок такой схемы, как та, о которой мы сейчас узнали.

— А Мозг? — не выдержал Подредж. — Какое место он занимает во всей этой истории?

Этот вопрос разозлил Марена, но генерал быстро понял, что его раздражение лишь форма возникавшей в его душе мучительной тревоги.

У него было неспокойно на душе, когда он отвечал:

— В наших рассуждениях не хватает одного элемента. У меня складывается впечатление, что нам угрожает ужасная опасность. Интуиция подсказывает мне, что было бы хорошо эвакуировать из города всех жителей.

В зале наступила мертвая тишина.

Глава 41

Молчание нарушил Подредж, и в первый раз с начала этого долгого кризисного заседания он торопился, поэтому его слова звучали отрывисто.

— Это только впечатление, Дэвид?

Но в уме генерала произошел непонятный сбой: он чувствовал что-то вроде тумана в голове, словно его мозг превратился в жидкую кашицу, и с трудом понял слова советника. Марен огляделся. Странно: все расплывалось у него перед глазами и выглядело таким далеким! Люди казались какими-то призрачными фигурами, и в комнате было темно.

Подредж наклонился к нему:

— Не представляю, что может пойти не так на этом этапе. Большинство заговорщиков схвачено. Убежище Мозга найдено, и на Мозг ведется лобовая атака. Город защищен лучше, чем когда-либо за всю свою историю. Единственный человек, который мог бы представлять опасность, если бы Мозг завладел его сознанием, — Великий Судья, а Великий Судья защищен от всего, что могло бы в этом случае ему угрожать. Мы... В чем дело, старина? Вам плохо?

Марен уже знал: что-то не в порядке. Он чувствовал панический страх, такой же сильный, как в те минуты, когда, связанный по рукам и ногам, следил за тем, как часы испускали одну за другой полоски света и те подползали к нему. С огромным трудом, дрожа всем телом, он встал со своего стула и пробормотал, едва шевеля вдруг

отяжелевшим языком:

— Помогите мне!

Крепкие руки поддержали генерала и, подталкивая, помогли отойти в сторону.

Постепенно ум Марена немного прояснился и ноги стали уже не такими ватными. Еще немного пошатываясь и борясь с головокружением, Дэвид высвободился из державших его рук, и взгляд его лихорадочно блестевших глаз упал на Траска. Руки ученого извивались в сковывавших его запястья наручниках, мышцы челюстей и шеи проступили у него под кожей, все тело Траска напряглось и по его лицу стекал пот. Остекленевшие глаза Уэйда, которые, казалось, ничего не видели, встретились с глазами Марена. Траск выпрямился и прерывающимся голосом выговорил:

— Дэвид, несколько минут назад что-то попыталось завладеть моим сознанием.

Тени, окружавшие Марена, снова сгустились. Теперь зал казался погруженным в ночную тьму, а находившиеся в нем люди представлялись Марену черными силуэтами на фоне ещё более черного густого мрака.

"Дэвид Бернли..." — вспомнил генерал. В голове его сына Дэвида Бернли тоже ведь побывало "что-

то". Может быть, это оно и есть? Может быть, та же самая сила теперь проникла в его собственное сознание?

В это было тяжело поверить, потому что Марен не ощущал в своем уме никаких четко оформленных чувств или конкретных мыслей. Кроме того, он не чувствовал, что посторонняя сила управляет им. Скорее его состояние напоминало положение человека, погружающегося в море. Сейчас над ним было лишь несколько футов воды, но когда он опустится глубже, над его головой сомкнутся огромные водные массы.

Эта мысль была, как удар хлыста, и снова привела его в чувство.

Марен, подбирая подходящие слова, спросил Траска:

— Вам приказывают что-нибудь?

— Да. Что-то вроде "прекратить атаку". Мне кажется, что меня принимают за вас!

Это было так неожиданно, что Марену было очень трудно осознать все, что следовало из предположения Траска. Это значило, что Мозг действительно перешел к обороне. Это значило, что теперь Мозг покажет, что он знает и чего не знает.

Он не знал, что сознания Траска и Марена меня-

лись местами. Тем не менее генерала тревожило, что между ним и Траском по-прежнему сохранялась какая-то связь. А она была, потому что ничем другим нельзя было объяснить то сильное возбуждение нервной системы, признаки которого Марен чувствовал только что и продолжал чувствовать сейчас — головокружение, темноту в глазах, ощущение нереальности окружающего. Несомненно, его организм улавливал гармонические составляющие того пучка энергии, который Мозг направлял на Траска. Что-то от ученого продолжало жить в Марене, а что-то от Марена осталось в Уэйде. Но если Мозг думал, что управляет Дэвидом Мареном, он, несомненно, когда-то установил над ним контроль. Когда же?

Взгляд Дэвида по очереди останавливался на лицах советников — все они были мрачны. Он решительно вынул из кармана свой гипнотический пистолет, установил его на минимальный заряд (который погружал в гипноз человека со средними физическими данными на тридцать минут) и отрывисто сказал:

— Будет лучше, господа, если сейчас вы допросите меня. Пока я буду под гипнозом, постарайтесь узнать, завладел ли мной Мозг.

Потом Марен сел, поднял пистолет и нажал

на курок.

— Не люблю я этого. Вы слишком торопитесь, — сказал Глава Группы Эльстан.

"Может быть, он прав?" — смутно подумал Марен.

И это было все: больше он не думал. Он плыл посреди усеянного звездами мрака. Чей-то голос заговорил с Мареном. Он звучал над самым ухом Дэвида, если только Марен не уловил путем какого-нибудь резонанса мысль, посланную в ум Траска.

— Я есть рад от этот прямой связь. Много лет я не открывать мои планы. Теперь я иметь сообщение для человечества — высший степень важность. Люди плохо уметь думать. Человеческий мысль всегда становится нелогичный от ассоциации. Люди есть должны ненавидеть: они всегда думать внутри рамка ненависти. Человек входить в группа люди и думать только в понятия его группа. Люди никогда не понимать корни своя мысль. Поэтому они не иметь будущее. Без Я ваш вид неизбежно вымирать. Ваш поддержка сейчас есть весьма нужный для Я. В обмен на ваша помощь я предлагать вам свой полный сотрудничество, который делать эффективный ваш настоящий сила. Вы думать, я действовать.

Вы управлять, я выполнять. Вы стать мой хозяин с этого момент на весь ваш будущий жизнь. Вы есть согласны?

Это был вопрос, над которым стоило подумать, но Марену по-прежнему казалось, что он плавает в непроницаемом мраке среди ослепительных звезд. Его мысль вернулась к "чему-то", подчинившему себе ум его сына. Был ли это Мозг? И если да, то помогал ли он заговорщикам?

Ответ прозвучал непосредственно в уме Марена:

— Нет! Я иметь датчики, подключенные к Дэвид Бернли как ко все подчиненные мне люди. Я защитить Дэвид, когда видеть, что он подвергаться опасность. Контроль есть очень хорошо! Два человека найти ваш сын в библиотека военный лагерь. Они надеяться иметь его сотрудничество. Но если сын не сотрудничать, они быть готовы убить его и поставить на его место другой человек в грим. Я завладеть ум Бернли и заставить его говорить "Согласен, хорошо, как вы хотеть". Хорошие вопросы, хорошие ответы. Нет колебание, нет обман. Верно?

Возможность разговора с помощью одних мыслей изумила Марена. Но когда Мозг упомянул о своих "подчиненных", генерал вздрогнул. Он

вспомнил об уничтожении квартала Группы 814 и мысленно спросил:

— Это сделали вы?

— Да.

Поскольку Мозг не понял смысла событий, происшедших в квартире Траска, они "казаться" ему опасными. "И я уничтожить это место". "Люди есть плодовитые, они скоро заполнить места тех, кто умереть". Количество уничтоженных жертв не имело для Мозга никакого значения, пока на земле оставалось достаточно людей, чтобы продолжить человеческий род.

На взгляд Марена, такая философия была слишком варварской, и он ответил:

— Именно поэтому мы хотим вас уничтожить: эта логика нам не подходит!

— Вы говорить совсем глупо. Это есть эмоциональный мысль, типичный для люди. Когда люди есть добрые, они говорить о жалость с поверхностный логика. Но правда не есть такой. Когда у люди возникать ненависть, логика переворачиваться. Тогда происходить уничтожение. Неразумный уничтожение, гораздо более жестокий, чем Я. Я делать логические действия. Ни больше и ни меньше.

В глубине души Марен должен был признать,

что в этом анализе была доля правды, но доводы Мозга не действовали на генерала.

— Механический Мозг, управляющий людьми, не представляет для нас ни малейшего интереса. Задание, которое вам дали, было неверно сформулировано. Перестаньте выполнять его и ждите новых указаний. Больше мне нечего сказать.

Ответ был категорический и угрожающий.

— Вы выполнять то, что Я говорить. Вы есть под мой прямой контроль. Контроль не действовать вполне верно — что-то быть не совсем ясно в этот случай — но Я думаю, что он все же есть достаточный.

Возможно, Мозг был прав. А возможно, и нет!

— Я не думаю, что вы контролируете меня, но я хотел бы знать, где, по вашему мнению, вы завладели мной.

— В Укрытия.

Марен почувствовал облегчение и вместе с ним огромную усталость: после долгой тревоги он наконец узнал правду. Он попал под власть Мозга во время той рискованной вылазки в Укрытия под Дворцом, неудачная мысль о которой пришла ему на ум, когда он находился в теле Траска. А теперь он ощущал лишь действие остаточной связи, сохранявшейся между ним и ученым.

Марен совершенно не собирался вводить Мозг в курс того, что произошло между ним самим и Траском, но все же не удержался и сказал:

— Мне кажется, что вы заблуждаетесь насчет эффективности вашего контроля.

— Я есть должен признать: это иметь в себе что-то интересный и странный. Но я дать вам дополнительный шанс. Я есть весьма ценный инструмент. Я иметь в моей память документация за сто двадцать пять лет. Она стоит больше тысяча миллиарды доллары. Это есть первый причина. Второй: когда Я раньше выбрать вас как мой хозяин, Я найти все ваши дети. Все они теперь есть подключены к мои линии управление. Плохо, если Я есть должен убить их.

— Только попытайтесь убить хотя бы одного из них, и я не оставлю вам никакой возможности сдаться! Кроме того, какой вам смысл навязывать мне свою волю, играя на семейных чувствах? Согласно принципу, на котором основаны любовные игры, отец не имеет большого значения.

— Семья всегда есть важный. Но сначала есть нужно разбить старые формы, потом заменить их на новые. Тогда семья возродится на другая основа. Слушать, друг: вы сейчас прекратить штурм. Если нет, Я не иметь выбор: Я уничтожить

весь город. Мои правила не оставить мне другой выход. Думать быстро!

Пауза, которая переросла в молчание. Прекращение контакта.

Марен открыл глаза, увидел, что все, кто был в зале, столпились вокруг него, и почувствовал, что улыбается. Однако его душу сжимала мучительная тревога.

— Объявите тревогу! Всех жителей — в Укрытия! Я не знаю, сколько времени у нас осталось — может быть, всего несколько минут.

Глава 42

Поднявшись на ноги, Марен увидел, что настенные часы показывали 2.10 и долго смотрел на них, не в силах прийти в себя от изумления. Дэвид едва верил своим глазам: ему-то казалось, что с начала заседания прошло гораздо больше времени! Рассказать, что с ним происходило в последнюю неделю, убедить скептиков, допрашивать лишенного сознания Великого Судью — все это было непросто, и порой ему казалось, что время тянется бесконечно. Генерал пришел в ужас от того, что у штурмовых частей Грегсона оказалось так мало времени для прорыва укреплений Мозга.

В страшном беспокойстве, Марен подошел к

Траску, который был очень бледен и не сводил с него широко раскрытых глаз.

— Дэвид, лучшее, что вы можете сделать, — это усыпить меня до тех пор, пока все это не кончится. Я соединительное звено между Мозгом и вами. Я все слышал, если только в этом участвует слух.

Марен заколебался: этот последний вопрос представлял для него величайший интерес, но момент казался ему неподходящим для его обсуждения. Тем не менее он не удержался и спросил:

— Вы хотите сказать, что речь идет о каком-то ином акустическом процессе?

— Вот именно: в слуховой центр мозга вживляется схема с миниатюрным микрофоном, расположенным поблизости от костной стенки уха.

— Значит, телепатия исключена? Но ведь точно установлено, что схема находится в вашем мозгу, как же вы объясните, что я тоже слышу с её помощью?

На лице Траска отражалась усталость.

— Дэвид, на днях я изложу вам мои теории о жизни и эффекте удвоения, но сейчас разрядите в меня ваш нейтрализатор. Наш противник так же беспощаден, как сам человек, а когда он поймет, что вы не желаете играть по его правилам, я

буду полностью в его власти! Ради бога, старина, поторопитесь!

Марен установил нейтрализатор на двадцатичетырехчасовой заряд и выстрелил. Ученый медленно поник в своем кресле.

Потом генерал задумчиво подошел к Великому Судье, который полулежал на подлокотнике кресла и, казалось, мирно спал, посмотрел на диктатора и со вздохом сказал:

— Господа, придется держать его в этом состоянии до конца боя, — и прибавил: — С минуты на минуту надо ждать мощных ударов!

* * *

Незадолго до трех часов дня Мозг понял, что не сможет добиться победы дипломатическим путем: за несколько минут до трех эскадрилья, выполнявшая разведывательный полет над Мексиканским заливом, сообщила по радио, что на поверхности моря появились пять подводных лодок и каждая выпустила одну за другой восемнадцать дистанционно управляемых ракет, которые понеслись к столице с ужасающей скоростью три тысячи миль в час. Воздушный патруль тут же атаковал подлодки, но столкнулся с артиллерийским огнем невиданной силы и потерял более половины своего состава. Его

ракеты класса "воздух-вода" были уведены со своих траекторий и взорвались в открытом море, не причинив никакого вреда своим целям. После этого уцелевшие самолеты отступили и запросили указаний у своей базы. Подводные суда ещё какое-то время плавали там же, потом синхронно погрузились, и больше их никто не видел.

Тем временем ракеты мчались к столице с такой невероятной скоростью, что человеческий глаз не смог бы их разглядеть. Но автоматические радары обнаружили их, и длинные тонкие противоракеты по команде электронного устройства взлетели навстречу им с окружавших город укрепленных рубежей. В верхней части стратосферы один за другим вспыхнули девяносто взрывов оборонительные ракеты перехватывали и поражали свои цели. Мозг, сражавшийся за свое существование, взорвал боеголовки своих разлетевшихся на куски ракет. Семьдесят две из них разорвались — семьдесят две атомные бомбы, маленькие по размеру, но способные каждая разрушить целый город, вспыхнули исполинским фейерверком. Ударная волна ощущалась в радиусе ста миль, и приглушенный грохот разрывов донесся до Дворца Глав Групп, где продолжали непрерывно работать в своем зале Дэвид Марен

и советники.

Уже давно был передан сигнал тревоги, предупреждавший жителей столицы, что они должны спуститься на самые нижние этажи Укрытий. Кроме того, были получены сообщения о новых ударах противника.

С самолета военной разведки, выполнявшего наблюдательный полет в тридцати милях от столицы, было передано сообщение:

— Справа впереди облако пыли на расстоянии примерно тридцати миль. Оно движется в направлении города. Скорость десять миль в час.

Место, откуда было выпущено это облако, на данный момент было трудно точно определить. По всей видимости, распыление осуществлялось из длинного подземного трубопровода, связанного с тайным складом. Защитники столицы применили тактику, подсказанную методами, которыми авиация борется с пожарами: навстречу опасности были высланы самолеты, которые поднялись выше облака и опрыснули его химическими составами. Облако медленно разорвалось на мелкие хлопья, которые, крутясь, разлетелись во все стороны и потом растаяли. Там, где пролетела "пыль", погибло все живое: не осталось ни одного зверька, ни одного насекомого, а трава

высохла и почернела.

— Подумать только, он прятал все это десятки лет! — пробормотал Эльстан, не в силах опомниться от того, что увидел.

— Подождите, это ещё не все! — мрачно ответил Марен.

А третий этап наступления уже начинался.

С неба полил цветной дождь — розовый, синий, желтый и зеленый. Марен побледнел и задрожал, когда увидел его на телеэкране: этот дождь не падал ни на один город Земли уже семьдесят пять лет — со второй атомной войны. Как ни ужасна была третья, во время неё воюющие стороны по взаимному соглашению не применяли эти проклятые капельки, начиненные вирусами, спорами и бактериями — возбудителями смертоносных заразных болезней.

Специалисты, которым Марен передал главы рукописи Инскипа, объединенные под заголовком "Дождь", просто не имели тех десятков тысяч тонн антивирусных средств, которые были им необходимы, и поневоле были вынуждены проявить находчивость: они стали лить на город огромные потоки воды из противопожарных установок.

Вода текла ручьями из каждого дома и на каж-

дый дом, смывая разноцветную полужидкую массу в водостоки, по которым та попадала на очистные станции и смешивалась с грязью. После этого перед людьми возникла гигантская задача: уничтожить эту живую массу, которая невероятным образом несла в себе смерть.

За три четверти века до этого дня такой же разноцветный дождь падал на некоторые крупнейшие города земного шара много раз и по нескольку часов подряд, так огромны были запасы вирусов, велико ожесточение нападавших и сильно их желание поставить врага на колени. На этот раз ливень прекратился через одиннадцать минут, и Марен облегченно вздохнул: "Ну конечно! Он не может развернуть крупномасштабное наступление".

Позади генерала кто-то вдруг свистнул от удивления. Никакие слова не были бы яснее и многозначительнее этого сигнала и не заставили бы Марена сильнее насторожиться. Марен обернулся — и был настолько изумлен увиденным, что смог лишь пробормотать:

— Ваше Превосходительство!

Великий Судья выпрямлялся в своем кресле! А ведь гипнотический газ, который был ему впрыснут, должен был действовать ещё много часов!

Судья сел, огляделся вокруг себя бессмысленным взглядом и произнес:

— Я есть побежден. Мой долг есть капитулировать. Для интересы человечество — не уничтожать Я. Я отменять все приказы, которые есть даны мне. Я очистить все мои схемы, чтобы принять новое задание. Советники, теперь вы есть должны быть справедливые. Я есть полностью готов к будущее применение.

Передав сообщение Мозга, диктатор бессильно упал на спинку кресла и остался лежать неподвижно. Его тело обмякло, дыхание было частым и тяжелым.

После этого в зале долго стояла тишина, которую внезапно нарушил восторженный возглас Подреджа:

— Дэвид! Скоро Великий Судья проснется и узнает свой голос, когда будет прослушивать записи заседания. Теперь он не сможет сомневаться, что находился под управлением Мозга, и поймет, что ваши действия были необходимы. Вы можете также рассчитывать на мою поддержку: я не соглашусь ни с каким требованием наказать вас и не одобрю никакие меры, которые могли бы быть приняты против вас в связи с тем, что вы сделали.

Эти слова были встречены одобрительными восклицаниями и аплодисментами всех советников. Все окружили Марена, стали пожимать ему руку и звонко хлопать по плечу. Когда восторг утих, герой дня взял трубку своего телефона и, прикрыв её ладонью обратился к советникам:

— Я считаю, что Мозг не лжет, поэтому, если никто не против, я сейчас отдам Грегсону приказ прекратить огонь и ждать, пока машина сама откроет проход.

Никто не был против.

Отдав эту команду, Марен положил трубку и, глядя на Подреджа, покачал головой, но не высказал вслух беспокоившие его мысли. Остальные Главы Групп, похоже, не понимали, что произойдет в душе Великого Судьи, когда он будет вынужден признать, что находился под управлением Мозга. Столько безвинных людей убито лишь потому, что они, может быть, имели какую-то информацию о Мозге, — такое не может не вызвать тяжелейшей борьбы чувств в душе человека, даже если он ничем не ограниченный властитель. И ему может оказаться легче свалить свою вину на другого, чем признать свою ответственность за эти смерти.

Но Марен ограничился лишь тем, что бесстраст-

но произнес:

— Думаю, что военная операция закончена. Когда Его Превосходительство проснется, будьте добры сообщить ему, что я нахожусь по этому адресу.

Он написал на листке адрес собственного особняка Делинди, положил записку в конверт, запечатал его и молча протянул Подреджу.

Генерал и советник пожали друг другу руки.

Глава 43

— Его гнев не проходит. Он отказывается видеть вас, — сказал Подредж Марену по телефону.

Генерал повесил трубку, вернулся к увлеченно читавшей книгу Делинди, лег на траву у её ног и задумался. Взгляд Марена блуждал по окутанному легкой дымкой горизонту. Прошло примерно три недели. Ему повезло, что он ещё жив.

Молодая женщина отложила книгу и спросила:

— Ну что?

Марен ласково улыбнулся ей.

— Думаю, мы можем начать привыкать к мысли, что он не убьет меня, моя любовь, моя обожаемая Анделиндамина!

Когда Дэвид произносил георгийское имя своей любимой, в его голосе звучала нежность. Этот

вопрос был улажен ещё в тот день, когда Марен приехал к ней после победы над Мозгом. Он спросил Делинди, верно ли, что она и сестра георгийской королевы — один и тот же человек, и она без колебаний признала, что это правда.

— Я и не верила, что он убьет тебя. Хотя считается, что мужчины уничтожают то, что любят, — ответила она и стала смотреть куда-то вдаль.

— Особенно разгневанные мужчины, — согласился Марен и покачал головой. — Когда человек по-настоящему разъярен, дорогая, он нелегко меняет свое мнение. Я знал таких: их злоба гаснет только вместе с их жизнью. Против них есть одно средство: пуля или дубина. Чтобы вернуть их в нормальное состояние, нужен по-настоящему мощный удар — эмоциональный или иной. И даже он ещё должен быть нанесен с достаточной силой. Другого решения не существует.

— Твое рассуждение ошибочно уже в исходной точке, — твердо ответила Делинди. — Великого Судью можно убедить. Кроме того, я сейчас сама поговорю с ним.

Марен покраснел.

— И в самом деле... Я больше не думал об этом!

Делинди наклонилась к любимому, нежно поцеловала его в лоб и прошептала:

— Дэвид, милый, я здесь с тобой потому, что очень хочу этого, а не потому, что ты приказал!

Потом она встала и уверенной походкой направилась к дому, бросив через плечо:

— Я иду звонить ему.

Марен не шевельнулся. Он сгорал от ревности.

* * *

— Я не собираюсь подавать в отставку, но в моем нынешнем положении я должен подумать о преемнике для себя. Тем более, что меня ожидает старость, — сказал Великий Судья.

— У вас впереди ещё много лет, Ваше Превосходительство!

Марен держался немного официальнее и скованнее, чем обычно. Он и Великий Судья разговаривали во Дворце на следующий день после того, как Делинди позвонила диктатору.

— Разумеется, существует много возможностей. Например, эликсир долголетия ещё может быть найден, хотя мои бывшие товарищи уничтожили все его запасы. Как бы то ни было, о вашем месте в правительстве мы сможем поговорить в другой раз. Основная причина, по которой я вызвал вас сегодня, другая: я размышлял по поводу философии Траска и в конце концов пришел к мысли, что в его взглядах на Группу, может быть, содер-

жится ответ на один вопрос, который постоянно мучил меня с тех пор, как я узнал, что вы живете с Делинди. Тогда я просто приказал ей расстаться с вами.

— Ваше Превосходительство! — воскликнул Марен, побледнев. Он был в полном замешательстве: разговора на эту тему он меньше всего ожидал от Великого Судьи.

— Видите ли, Дэвид, — спокойно продолжал глава государства, — в моей жизни есть много тайн, и не самая малая из них — мое давнее желание иметь как можно больше детей. Я произвел на свет не один десяток сыновей и дочерей, прежде чем понял, что из-за них стал очень уязвимым для врагов. Тогда я скрыл от своих детей, что я их отец. Я скрыл это и от вас, и от вашей сестры Делинди.

— Я ваш сын? Делинди ваша дочь? — потрясенно спросил Марен и прерывающимся голосом добавил: — Это и есть то, что вы ей сказали, чтобы она навсегда покинула меня?

— Да. Я не заметил, как вы сблизились с ней. Это была ошибка с моей стороны.

Марен открыл рот, но от волнения слова застряли у него в горле. А Великий Судья продолжал говорить:

— Я полагаю, что в любовных играх рано или поздно был неизбежен случай, когда брат покоряет сестру по отцу, не зная о своем родстве с ней. Риск этого становится все меньше, но в прошлом архивные данные были недостаточно полными. Короче говоря, я попросил назначить Даррелла (как он называл себя здесь) послом Георгии в нашей стране потому, что надеялся видеть рядом с собой его дочь Делинди, которая на самом деле моя дочь.

Ум Марена обрел всю свою обычную ясность: как обстояло дело с его рождением, он знал гораздо лучше, чем Великий Судья. В самом начале войны родители Марена попали в плен. Когда он стал взрослым, мать искренне призналась ему, что была любовницей Судьи. Как она сказала, диктатор был убежден, что Дэвид его сын, и благодаря этому тот мог надеяться на благосклонность главы страны. "Но ты не его сын, — добавила она. — Я и твой отец почти не расставались друг с другом, пока были в плену, и мне пришлось приложить много стараний, чтобы Великий Судья считал себя твоим отцом. Если он когда-нибудь заговорит с тобой об этом, притворись, что удивлен".

— Значит, — медленно заговорил Марен, —

дочь посла — ваша дочь и ваш интерес к ней был отцовским?

Диктатор улыбнулся:

— Она просто чудо. Я горжусь, что у меня такая дочь.

— Но, — осторожно продолжил Марен, — как в те времена посол согласился, чтобы его жена и вы...

— Бросьте, Дэвид! — усмехнулся диктатор. — Вы же знаете, что тогда шла война. Он был на фронте. А она была гораздо более светской, чем позже. Делинди мой ребенок, хотя жена посла и убедила меня, что младенец родился раньше срока.

Марен нисколько не сомневался в том, кто настоящие родители Делинди. Великий Судья, возможно, хранил много тайн, но ему не было известно, что сестра георгийской королевы для пользы своего государства заняла место дочери дипломата.

— Как вы сказали, вы считали, что нашли средство, решающее проблему кровосмешения?

— Я твердо решил, что мы должны сделать попытку.

Марен напряг все силы, чтобы сдержать бурливший в его душе восторг.

— Должен ли я понять, Ваше Превосходи-

тельство, что вы готовы допустить, чтобы я воспользовался новым законом, разрешающим брак между мужчиной и женщиной, которые произвели двух общих детей в результате любовных игр, и женился на Делинди Даррелл?

Великий Судья встал со своего места и протянул руку собеседнику.

— Это всего лишь формальность, Дэвид! Вы можете быть счастливы друг с другом. Я убежден в этом.

— Я тоже, Ваше Превосходительство!

Великий Судья и Марен пожали друг другу руки.

Пока они шли по аллее к выходу, Марен размышлял над этим разговором.

"Это не просто формальность, — говорил он себе. — Я не его сын. Делинди не его дочь, но поскольку он считает нас своими детьми, для него, по крайней мере в области чувств, все происходит так, как если бы он действительно был нам отцом".

У Марена возникло предчувствие, что этой мыслью он прикоснулся к великой тайне человеческой природы. Существует какая-то идея — мысль или чувство — которая, если люди воспримут её, утолит их неотступное желание

близости друг к другу. Они пытались выразить эту близость словами "товарищ", "друг", "брат", но идеал быстро улетучивался из этих звуков и растворялся в туманной дали истории. Может быть, такие чувства способны послужить цементом, скрепляющим человечество, а новые отношения между человеком и Группой сделают их прочнее.

Вдруг эти серьезные мысли покинули Марена, и он почувствовал, что улыбается. Ему было весело, и он знал, почему: это было тайное удовольствие от победы над противником, чье превосходство было подавляющим.

"Подержать Старика в своей власти — это стоило всего остального!" — с лукавым озорством подумал он.

КОНЕЦ

Империя Атома

Глава 1

Младшие ученые весь день дежурили у веревок колоколов, готовые возвестить новость о рождении. Ночью они обменивались грубыми шутками о причине задержки. Однако следили, чтобы их не услышали старшие или посвященные. Ребенок родился за несколько часов до рассвета. Он был слабый и худой, а некоторые его особенности привели в отчаяние отца. Его мать, леди Таня, проснувшись, некоторое время слушала его жалобный плач, затем ядовито заметила: «Кто испугал маленького негодяя? Он как будто боится жить». Ученый Джоквин, старший во время родов, принял ее слова за дурное предзнаменование. Он считал, что мать не должна видеть уродца до следующего дня, но теперь ему казалось, что он должен действовать быстро, чтобы отвратить бедствие. Он торопливо приказал рабыням принести колыбель, закрыв ее со всех сторон, чтобы отразить любую злую радиацию, которая может проникнуть в спальню. Когда удивительная процессия начала протискиваться в дверь, леди Таня лежала, приподняв свое стройное тело. Она смотрела с удивлением, переходящим в тревогу.

Она терпеливо выносила мужу четверых детей и поэтому знала, что происходит нечто необычное. Леди Таня не была кротким существом, и даже присутствие ученого в комнате не остановило ее. Она с яростью спросила: «Что происходит, Джоквин?» Джоквин в отчаянии посмотрел на нее. Разве она не знает, что каждое слово, произнесенное в этот период со злым настроением, только обрекает ребенка на еще худшую судьбу? Он испуганно заметил, что она собирается продолжать говорить, и с мольбой к атомным богам взял свою жизнь в свои руки.

Он сделал три быстрых шага к ней и закрыл ладонью ей рот. Как он и ожидал, женщина была так изумлена его поведением, что не начала немедленно сопротивляться. К тому времени как она пришла в себя и начала слабо бороться, колыбель наклонили. И через ее рукоять она впервые увидела ребенка. Собиравшаяся в ее голубых глазах буря рассеялась. Мгновение спустя Джоквин мягко убрал руку с ее рта и медленно отступил к колыбели. Он стоял тут, дрожа от мысли о том, что он сделал, но постепенно, так как словесная волна не ударила в него с кровати, сознание правильности сделанного возобладало. Он начал внутренне сиять и впоследствии всегда

утверждал, что спас положение, насколько его можно было спасти. И теплом самопоздравлений он почти забыл о ребенке.

Он пришел в себя от вопроса, заданного леди Таней опасно спокойным голосом: «Как это случилось?»

Джоквин чуть не допустил ошибку, пожав плечами. Он вовремя удержался, но прежде чем смог ответить, женщина сказала более резко: «Конечно, я знаю, что это атомные боги. Но когда это случилось, по-твоему?»

Джоквин был осторожен. Ученые храмов обладали достаточными данными, чтобы знать, что контролирующие боги могут действовать случайно и их трудно ограничить датами. Тем не менее мутации не продолжаются, когда плоду в чреве матери исполняется месяц, поэтому время приблизительно можно определить. Не позже января 533 г. П.В. и не раньше… Джоквин помолчал, вспомнил дату рождения четвертого ребенка леди Тани. И вслух закончил подсчеты: «Несомненно, не раньше 529 после варварства». Женщина теперь более внимательно смотрела на ребенка. И Джоквин тоже. И удивился, поняв, как много он раньше не позволял себе видеть. Сейчас впечатление у него было даже хуже, чем раньше.

У ребенка слишком большая голова сравнительно с хрупким телом. Плечи и руки подверглись наиболее заметной видимой деформации. Плечи спускались от шеи под острым углом, делая тело почти треугольным. Руки казались перекрученными, как будто кость, а с нею мышцы и кожу повернули на 360 градусов. Казалось, каждую руку надо развернуть, чтобы привести в порядок. Грудь ребенка чрезвычайно плоская, и все ребра торчат сквозь кожу. Грудная клетка опускалась вниз гораздо больше, чем у нормальных людей. И все.

Но вполне достаточно, чтобы леди Таня с трудом проглотила комок. Джоквин, взглянув на нее, понял, о чем она думает. Она допустила ошибку, за несколько дней до родов похвастaвшись в тесной компании, что пятеро детей дают ей преимущество перед ее сестрой Урозоной, у которой только двое, и над сводным братом лордом Тьюсом, которому его удивительная жена родила только троих. Теперь преимущество будет на их стороне, потому что, очевидно, у нее не может быть больше нормальных родов, и они догонят или перегонят ее. Будет также немало остроумных замечаний по ее адресу. Возможность замешательства велика. Все это Джоквин про-

чел на ее лице, пока она твердеющим взглядом смотрела на ребенка. Он торопливо сказал: «Это худший период, леди. Через несколько месяцев или лет результат будет относительно… удовлетворительный.»

Он чуть не сказал «человеческий». Он чувствовал на себе ее взгляд. И беспокойно ждал. Но она только спросила: «Лорд-правитель, дед ребенка, видел его?»

Джоквин склонил голову. «Лорд-правитель видел ребенка через несколько минут после его рождения. Единственное его замечание сводилось к тому, что я должен установить, если это возможно, когда вы были поражены.» Она не ответила немедленно, но глаза ее сузились еще больше. Тонкое лицо застыло. Наконец она взглянула на ученого. «Я полагаю, вы знаете, — сказала она, — что причина может быть только в небрежности одного из храмов?» Джоквин уже подумал об этом, но теперь взглянул на нее с беспокойством. Раньше ничего не предпринималось по поводу так называемых «божьих детей», но сейчас Джоквину пришло в голову, что Линны будут рассматривать это как особый случай. Он медленно ответил: «Пути атомных богов неисповедимы.»

Женщина, казалось, не слышала. Ее холодный голос продолжал: «Я полагаю, ребенок будет уничтожен. Можете быть уверены, что в течение месяца столько ученых вытянут шеи, сколько свет не видал.»

Рассерженная, она не была приятной личностью, леди Таня Линн, сноха лорда-правителя.

Легко установить источник мутации. Прошлым летом леди Тане надоело отдыхать в одном из семейных имений на западном берегу, и она вернулась в столицу раньше, чем ее ожидали. Ее муж, главнокомандующий Крег Линн, проводил дорогостоящую реставрацию своего дворца. Ни сестра, живущая на другом конце города, ни мачеха, жена лорда-правителя, не пригласили леди Таню к себе. Волей неволей она вынуждена была остановиться в городском дворце.

Этот комплекс зданий, хотя по-прежнему содержавшийся государством, не использовался в качестве жилища уже несколько лет. Город сильно разросся, и уже давно вокруг дворца выросли коммерческие дома. Из-за недостатка предвидения у предыдущих поколений окружающие дворец земли не были объявлены государственной собственностью, и теперь было бы неразумно отбирать их силой. Особенно раздражало неуме-

ние видеть выгоды одного участка. На нем был расположен храм, примыкавший к крылу дворца. Он не раз вызывал головную боль у леди Тани. Оказавшись во дворце, она обнаружила, что единственная пригодная для обитания его часть соседит с храмом, а три лучших дворцовых окна выходят прямо на свинцовую стену храма.

Ученый, построивший храм, принадлежал к группе Рахейнла, враждебной Линнам. Весь город был возбужден, когда об этом стало известно. И то, что участок в три акра остался во владении храма, сделало оскорбление еще более явным. Линны до сих пор не забыли его.

Агенты лорда-правителя при первом же обследовании установили, что небольшой участок свинцовой стены радиоактивен. Они оказались не в состоянии определить источник радиации, потому что стена в этом месте была требуемой толщины. Но они доложили своему хозяину. До полуночи на второй день после рождения ребенка было принято решение.

Незадолго до двенадцати вызвали Джоквина и предложили изложить ход событий. Еще раз Джоквин держал в руках собственную жизнь. «Правитель, — сказал он, обращаясь прямо к великому человеку, — ваше справедливое негодование

ведет вас к серьезной ошибке. Ученые — это маги, которые, обладая полным контролем над атомной энергией, выработали независимость ума и поэтому не воспримут легко наказание за случайный проступок. Мой совет: оставьте ребенка в живых и спросите мнение цвета ученых. Я посоветую им покинуть храм рядом с городским дворцом, и думаю, они согласятся.»

Сказав это, Джоквин взглянул на лица сидевших перед ним. И понял, что допустил ошибку в первоначальной оценке. В комнате находились двое мужчин и три женщины. Мужчины — серьезный строгий лорд-правитель и полный лорд Тьюс, единственный сын леди Лидии от первого брака. Лорд Тьюс в отсутствие лорда Крейга, мужа Тани, сражавшегося на Венере, исполнял обязанности главнокомандующего.

Женщины — леди Таня, еще в постели, ее сестра Урозона и жена лорда-правителя Лидия, мачеха двух младших женщин. Леди Таня и ее сестра не разговаривали друг с другом, но общались через лорда Тьюса. Тот легко справлялся со своей ролью посредника и, как казалось Джоквину, искренне забавлялся.

С надеждой смотрел Джоквин на леди Лидию, пытаясь понять ее отношение. Он считал

ее необыкновенно злобной женщиной. Из-за нее общий характер поведения семьи Линнов радикально изменился. Красивая, средних лет женщина, с прекрасными чертами лица, она была опаснее любого хищника. Постепенно ее интриги, как щупальца спрута, охватывали все правительство, и каждый затронутый ими учился иметь с нею дело. Контр-интриги, заговоры, планы, постоянное насилие, сознание неизвестной опасности, которая может обрушиться в любое время, — такова была цена. Постоянное напряжение отрицательно отразилось на Линнах. И в них теперь был лед. Напряженные и нервные, несчастные и медлительные, сидели они в комнате; мысли их скрыты, но поступки предсказуемы, и все из-за этой женщины.

Тем не менее именно в леди Лидии искал Джоквин ключи к тому решению, которое будет принято. Высокая, стройная, поразительно хорошо сохранившаяся, она была главным двигателем разрушения. Если у нее есть мнение — а у нее всегда есть мнение, — она уже начала действовать за сценой. И если она убедит своего склонного к компромиссам мужа предпринять специальные действия, сцена готова для разрушений.

И хотя он определил по их манерам, что его

вызвали по чисто психологическим причинам, Джоквин заставил себя верить, что с ним советуются. Но эту веру трудно было сохранить. У него сложилось впечатление, что они слушают его слова как пустую формальность, не обращая на них ни малейшего внимания. Лорд Тьюс взглянул на мать, слегка улыбнулся. Она опустила веки, как бы скрывая мысль. Две сестры с застывшими лицами продолжали смотреть на Джоквина. Лорд-правитель ослабил напряжение, кивком отпустив ученого. Джоквин вышел дрожа. У него появилась дикая мысль предупредить оказавшихся в опасности храмовых ученых. Но он быстро отказался от этой мысли, как от безнадежной. Его послание не выпустят из дворца. В конце концов он пришел к себе, но не мог уснуть. Наутро ужасный приказ, которого он боялся всю ночь, был вывешен для всеобщего сведения. Джоквин слепо смотрел на него. Приказ был простой и безоговорочный.

В соответствии с приказом все ученые храма Рахейнла должны были быть повешены до темноты. Имущество храма конфискуется, само здание сравнивается с землей. Три акра храмовой территории превращаются в парк.

В приказе не говорилось, что парк отходит к

городскому дворцу, но впоследствии оказалось именно так. Приказ был подписан твердой рукой самого лорда-правителя.

Прочитав его, Джоквин понял, что война храмовым ученым объявлена.

Глава 2

Ученый Олдин вообще не испытывал предчувствий, тем более их не было у него, когда он медленно шел к храму Рахейнла. Взошло солнце. Мягкий ветерок веял на улице Пальм, на которой стоял его новый дом. Мозг Олдина представлял собой обычный калейдоскоп счастливых воспоминаний и спокойной радости, что простой деревенский ученый за десять лет сумел стать главным ученым храма Рахейла.

Было лишь единственное пятно в этих воспоминаниях, и именно оно стало истинной причиной его быстрого продвижения. Более 11 лет назад он как-то сказал другому младшему, что поскольку атомные боги передали некоторые тайны механической силы людям, стоит подольститься к ним экспериментальными методами, чтобы выведать другие тайны. И в конце концов, может, и есть зерна истины в легенде о городах и планетах, сверкающих атомной энергией и светом. Олден невольно вздрогнул при этом воспоминании. Только с течением времени понял он размеры своего богохульства. И когда на следующий день тот младший холодно сообщил ему, что про-

информировал главного ученого, это казалось концом всех надежд.

Но, к его удивлению, оказалось началом нового этапа в его карьере. Через месяц его вызвали для разговора с приехавшим Джоквином, который жил во дворце Линнов. «Мы поощряем молодых людей, чьи мысли не идут по проторенным дорогам, — сказал Джоквин. — Мы знаем, что для молодых характерны радикальные идеи, а по мере того как человек становится старше, он обретает равновесие между своей внутренней сущностью и потребностями мира. Другими словами, — закончил ученый, улыбаясь младшему, — имейте свои мысли, но держите их при себе.» Вскоре после этого разговора Олден был назначен на восточный берег. Оттуда год спустя он перебрался в столицу. Становясь старше и приобретая все большую власть, он обнаружил, что радикализм среди молодежи встречается гораздо реже, чем говорил Джоквин. Годы власти привели сознание глупости его тогдашних слов. В то же время он гордился ими, как будто они делали его «отличным» от других, ставили выше других ученых. Как главный, он понял, что радикализм — единственный критерий, по которому отбираются кандидаты для продвижения.

Рассматривались только те рекомендации, в которых указывались хоть малейшие отклонения от стандартного мышления у кандидата. Это ограничение имело одно счастливое последствие. Вначале жена Олдена, решившая быть властью над властью храмов, объявила себя единственной судьей в деле продвижения. Юные храмовые поэты навещали ее, когда Олден отсутствовал, и читали ей свои стихи.

Когда они обнаружили, что ее обещания ничего не значат, их визиты прекратились. Олден обрел мир в доме, а жена его стала гораздо более страстной…

Его размышления кончились: впереди была толпа, крики и гул имели в себе что-то неприятное. Олден увидел, что люди собрались вокруг храма Рахейнла. Он подумал: «Несчастный случай?» И заторопился вперед, протискиваясь сквозь внешний край толпы. Неожиданно он рассердился, когда ему не уступили дорогу. Разве они не понимают, что он главный ученый? Он увидел в нескольких десятках футов от себя стражников дворца верхом и уже открыл рот, чтобы позвать их на помощь, когда что-то остановило его. До сих пор все его внимание сосредоточивалось на храме. Теперь, повернувшись, он увидел окру-

жавший парк.

Пятеро юных поэтов Розамунды свисали с ветвей дерева на краю храмовой территории. На большом дереве поблизости шестеро младших и трое ученых еще судорожно дергали ногами. Олден застыл, парализованный. И тут же несколько посвященных, кому на шеи набросили веревки, закричали. Их крик оборвался, как только телега, на которой они стояли, выехала из-под них.

Ученый Олден пробирался сквозь толпу на ватных ногах. Он наталкивался на людей, шатался как пьяный, он лишь смутно сознавал происходящее. Если бы он единственный в толпе вел себя так, его тут же заметили бы и потащили на виселицу. Но казнь захватила толпу врасплох. Каждый новый прохожий, подошедший, чтобы посмотреть, что происходит, испытывал ужасный шок. Женщины падали в обморок. Несколько человек тошнило, другие стояли с оцепеневшим взглядом. Выбравшись из толпы, Олден вновь приобрел способность думать. Он увидел открытую калитку, нырнул в нее и поплыл — совершенно новое ощущение в ногах — сквозь кусты. И тут только он сообразил, что находится на территории городского дворца лорда и леди Крег Линн.

Это было самым ужасным моментом за все утро. В ловушке — и по собственной вине! Олден упал за густыми кустами и лежал в полуобмороке от испуга. Постепенно он понял, что впереди длинное надворное строение и путь к нему защищен деревьями. Олден не смел вернуться тем путем, что пришел сюда, не смел оставаться на месте. Он поднялся на дрожащих ногах, и боги были с ним. И вскоре он уже лежал, сжавшись, в длинном узком амбаре, где хранилось сено, примыкавшем к конюшне.

Это тоже не очень хорошее укрытие. Оно оказалось почти пустым, и только в дальнем конце, ближайшем к конюшне, лежало сено. В него он и забился. Едва успел он улечься, как дверь из конюшни в десяти футах справа от него открылась. Сверкнули вилы с четырьмя зубцами и унесли груду сена. Конюх пинком затворил дверь, послышались удаляющиеся звуки шагов. Олден лежал, затаив дыхание. Он только начал приходить в себя, как — бум — открылась другая дверь, вилы выхватили еще груду сена и исчезли. Несколько минут спустя произошло новое вмешательство. За тонкой стеной, отделявшей это помещение от конюшни, остановились рабыня и конюх. Конюх, очевидно, солдат, а не раб, спросил:

— Где ты спишь?

— В западной рабской казарме. — Она отвечала с неохотой.

— Какой матрац?

— Третий.

Он, казалось, задумался. Потом:

— Я приду в полночь и лягу с тобой.

— Это против правил, — дрожащим голосом сказала девушка.

— Не будем думать о правилах, — грубо сказал солдат. — Пока.

Он ушел со свистом. Девушка не двигалась. Потом послышались чьи-то быстрые шаги. Девушка зашептала что-то, и слова ее не были различимы. Ответила другая женщина:

— Это второй раз с его появления на прошлой неделе. В первый раз мы подсунули ему старую Эллу. Он в темноте не заметил, а она охотно пошла. Но, очевидно, придется заняться. Я скажу мужчинам. — Они разошлись в разные стороны.

Олден, которого разгневало поведение солдата, теперь рассердился еще больше. «Эти ничтожные рабы! Заговор против граждан!»

Его поразило, что между рабами существует связь. Он слышал и раньше, что многие мелкие рабовладельцы стали очень осторожны из-за

убийств. И вот он получил доказательство, что слухи эти справедливы.

Олден набожно подумал: «Мы должны повышать мораль владельцев и, — глаза его сузились, — с помощью силы сломить организацию рабов. Нельзя допустить такое вопиющее нарушение!»

Гнев его мгновенно исчез, когда в ста футах от него открылась дверь. Олден инстинктивно сжался и больше не думал о проблеме рабов.

Несмотря на нервное потрясение, к полудню он вернул способность нормально размышлять. Вначале он понял, почему ему удалось избежать облавы, в которую попали все остальные. Лишь две недели назад он переехал в новое помещение на улице Пальм. Солдаты, очевидно, явились по старому адресу, затем им нужно было пересечь весь город, в результате он вышел из дома до их появления. От такой ничтожной случайности зависело его спасение. Олден задрожал, потом в глубине его души поднялся гнев, смертоносный гнев несправедливо осужденного. Ярость подкрепила его силы, и он наконец оказался способен к характерному для него четкому логическому мышлению. Очевидно он не может оставаться в пределах городского дворца. На помощь пришли

воспоминания, незначительные детали, которые он видел в прежние годы, не сознавая этого. Он припомнил, что каждые несколько ночей в ворота дворца привозят сено. Судя по пустоте амбара, новый запас скоро прибудет. Он должен выбраться раньше.

Олден начал пробираться направо. Он припомнил, что там имелись ворота. Однажды, гуляя, он мельком видел сквозь них конюшню. Если проникнуть в конюшню, а потом в те ворота… Хорошо бы переодеться! В конюшне должны висеть рабочие комбинезоны. Лучше бы женскую одежду из-за длинных волос, которые отращивали ученые.

То, что ему нужно было, он нашел в правом углу конюшни, отведенном под дойных коров. И он и животные молчали, пока он торопливо натягивал рабочую одежду, которую молочницы надевают поверх платья.

Городской дворец, переставший быть резиденцией Линнов, превратился в сельскохозяйственный и чиновничий центр. У ворот дежурили солдаты, но они не побеспокоились расспросить неуклюжую рабыню, вышедшую уверенным шагом, как будто ее послали с важным поручением.

Вечером Олден с тыла подходил к храму Ко-

виса. Когда перед ним показались свинцовые стены, он снова начал нервничать. Он боялся, что сейчас, когда безопасность рядом, что-нибудь случится. Робко постучал он в боковой вход и, дрожа, ждал.

Дверь открылась неожиданно; Олден был так напряжен, что реагировал немедленно и мимо удивленного младшего ступил в затененный коридор.

Лишь когда он закрыл дверь, так что они оказались почти в полной темноте, Олден назвал себя удивительно молодому человеку.

Глава 3

Медрон Линн, лорд-правитель, шел по улице Линна. В последние годы он реже выходил в город, но, как и в прошлом, испытывал любопытство и возбуждение. Как всегда, у него была определенная цель. Только так мог он оправдать затраченное время и усилия.

Его окружало обычное количество телохранителей, но они были специально обучены для таких выходов; как солдаты в увольнительной, шли они перед и за ним, как будто их совсем не интересовал худой бледный человек с кремовым лицом, приказ которого становился законом на Земле и других планетах.

Лорд-правитель отыскивал рынки в наиболее населенных районах. Вид многих цветных товаров напомнил ему о его молодых днях, когда эти части города были тусклыми и нераскрашенными, а уровень мастерства ремесленников оказывался чрезвычайно низок. Торговцы ворчали и сердились, когда в начальные годы своей власти он приказал, чтобы дома сдавались лишь тем, кто будет их ярко раскрашивать, а торговые лицензии получали лишь те, кто торгует высо-

кокачественным товаром. Забытый кризис. Под давлением конкуренции весело раскрашенные дома повлияли на внешность всего города, а требование на товары хорошего качества вызвало повышение мастерства ремесленников.

Лорд-правитель Линн вынужден был пробиваться сквозь толпу покупателей и продавцов. Рынок заполняли люди с холмов и из-за озера, было также значительное количество жителей с других планет с удивительными глазами. В такое время лучше всего завязываются разговоры.

Он заговаривал только с теми, кто не узнавал в этом небритом человеке в мундире отставного солдата правителя. Потребовалось немного времени, чтобы выяснить, что тысячи агентов, которых он разослал с заданием пропагандировать его точку зрения на повешения, проделали хорошую работу. Он сам встретил семерых таких агентов, и трое завязали с ним разговор. Пятеро фермеров, трое торговцев и два работника, с которыми он заговорил сам, на критические замечания лорда-правителя ответили проправительственными лозунгами, которые они могли услышать лишь от его людей.

Неплохо, сказал он себе. Первый же вызванный им кризис разрешился благополучно. Лишь одно

поколение отделяло Линнскую империю от длительной гражданской войны, которая и привела семейство Линнов к власти. Сборщики налогов все еще приносили мало денег. Одной из причин тяжелого финансового положения служили храмы. Ученые держали народ так прочно, как никто в прошлом. Так казалось лорду-правителю. Храмовые обряды обладали гипнотической властью, а специально подготовленные люди внушали собравшимся необходимость пожертвований. В особенности подвержены этому были женщины, так что храмы сами сдерживали их, иначе они отдали бы все свое имущество. Мужчины, часто занятые на войне, менее поддавались власти храмов. За счет огромных доходов храмы содержали орды ученых, старших и младших, и посвященных. Армия храмов была так огромна, что почти в каждой семье был хотя бы один родственник, который учился, чтобы стать ученым.

Лорду-правителю начало казаться — и совсем не нужно было, чтобы Лидия напоминала об этом, — что нужно попытаться нарушить эту гипнотическую власть. Пока это не произойдет, финансовое положение останется напряженным. В самом Линне торговля расцвела, но в других городах она восстанавливалась гораздо медленнее.

Продолжались несколько завоевательных войн, три из них на Венере против венерианских племен. Цель, которую он перед собой поставил, — объединение Солнечной системы, — требовала, чтобы такие экспедиции обеспечивались любой ценой. Что-то нужно было принести в жертву, что-то большое. Лорд-правитель выбрал храмы как единственного реального конкурента правительства в сборе доходов.

Лорд-правитель остановился перед лавкой керамики. У хозяина внешность линнца. Он, несомненно, гражданин. Только мнение граждан имеет значение. Хозяин был занят обслуживанием покупателя. Ожидая, лорд-правитель снова подумал о замках. Казалось ясным, что ученым не удалось восстановить престиж, утерянный во время гражданской войны. За несколькими исключениями, они все поддерживали Рахейнла до того самого дня, когда он был захвачен и убит. Ученые тут же присягнули на верность новому режиму, а тогда у него не было достаточно сил, чтобы отвергнуть их присягу. Однако он никогда не забывал, что их временная монополия на атомную энергию чуть не привела к восстановлению прогнившей республики. И если бы им удалось это, то казнен был бы он.

Торговец заключил сделку. И двинулся навстречу потенциальному покупателю. Но тут лорд-правитель заметил, что один из прохожих узнал его. Ни слова не сказав торговцу, лорд-правитель торопливо отвернулся и зашагал по улице в сгущающейся тьме.

* * *

Члены совета ученых ждали его, когда он, убедившись в прочности своей позиции, вернулся во дворец. Встреча была не легкой. Из семи членов совета присутствовали шестеро. Седьмой, поэт и историк Коурайн, как сообщил Джоквин, заболел. На самом деле он испытал приступ страха, узнав об утренних казнях, и немедленно выехал в отдаленные храмы.

Из шестерых по крайней мере трое явно не надеялись выйти живыми из дворца. Оставались только трое: Мемнис, историк войн, смелый, седоглавый старик лет восьмидесяти; Тиар, логик, волшебник арифметики, который, как говорили, получал сведения о числах непосредственно от богов; и наконец сам Джоквин, который много лет служил посредником между храмовой иерархией и правительством.

Лорд-правитель своими желтыми глазами

осмотрел собравшихся. Годы власти придали его лицу сардоническое выражение, которое даже скульпторы не могли устранить из статуй, опасаясь нарушить сходство между изображением и оригиналом. Ему в это время было около 50 лет, и, несмотря на худобу, он обладал отличным здоровьем. Начал он с холодного, обдуманного и уничтожающего обвинения храма Рахейнла. А кончил так:

— Завтра я выступлю перед Патронатом с объяснениями по поводу своих действий относительно храма. Надеюсь, Патронат примет мои объяснения.

И впервые за все время чуть улыбнулся. Никто лучше его не знал, что раболепный Патронат не осмеливался даже мигнуть в политическом смысле без его разрешения.

— Я предвижу это, — продолжал он, — так как одновременно попрошу рассмотреть многочисленные петиции о реорганизации храмов.

Молчавшие слушатели зашевелились. Три члена совета, ожидавшие смерти, со слабой надеждой взглянули друг на друга. Один из них, Горс, человек средних лет, сказал:

— Ваше превосходительство может рассчитывать на нас… —Его остановил гневный взгляд

Мемниса! Он подчинился, и постепенно храбрость вернулась к нему. Он сказал все.

Лорд-правитель знал, что он на его стороне. Он испытывал огромное внутреннее облегчение, как человек, который спас свою шкуру.

Джоквин учтиво говорил:

— Как уже подчеркнул Горс, мы все будем счастливы выслушать ваши слова.

Лорд-повелитель угрюмо улыбнулся. Он учел критические моменты в своей речи и заговорил с точностью юриста.

— Правительство, — сказал он, — согласно наконец разделить храмы на четыре обособленные группы, как того давно хотят ученые. — Они впервые услышали о таком плане, но ни один из них ничего не сказал. — Как давно уже утверждают ученые, — продолжал лорд-правитель, — противоестественно, что четырем атомным богам: Урану, Плутону, Радию и Эксу — поклоняются в одних и тех же храмах. Соответственно ученые разобьются на четыре самостоятельные организации и распределят между этими организациями все храмы. Каждая группа будет служить только одному богу и его атрибутам, продолжая выполнять свои практические функции по поставке превращательной энергии в

соответствии с распоряжениями правительства. Каждая группа будет возглавляться не советом равных, как в современных храмах, а единым руководителем, для которого будет подобран соответствующий титул. Руководители групп будут избираться пожизненно объединенным комитетом из представителей правительства и делегатов храмов.

Речь продолжалась, но дальше шли детали. Совету был предъявлен ультиматум. И Джоквин по крайней мере не тешил себя никакими иллюзиями. Четыре раздельные группы храмов, каждая управляемая ответственным только перед лордом-правителем, навсегда покончат с надеждами, которые питали наиболее просвещенные ученые. Сам Джоквин считал храмы собранием знаний, и у него были собственные мечты о той роли, которую смогли бы сыграть храмы в будущем. Он торопливо встал, чтобы никто из испуганных членов совета не заговорил первым. И серьезно сказал:

— Совет будет счастлив рассмотреть ваше предложение. Мы считаем огромной удачей, что правителем является человек, который посвящает свое чрезвычайно ценное время заботам о благополучии храмов. Ничто не может …

Он не надеялся получить отсрочку. И не получил. Лорд-правитель решительно заявил:

— Поскольку я лично буду завтра делать сообщение Патронату, совет ученых сердечно приглашается остаться во дворце для обсуждения подробностей реорганизации. Я полагаю, что на это потребуется от недели до месяца, и больше, и приказал приготовить для вас помещение.

Он хлопнул в ладоши. Открылась дверь. Вошли дворцовые стражники. Лорд-правитель сказал:

— Покажите почтенным господам их помещение.

Так был арестован совет.

* * *

На четвертый день ребенок еще был жив. Главная причина заключалась в том, что Таня никак не могла принять решение.

— Я выдержала тяготы беременности и боль родов, — гневно говорила она, — и ни одна женщина не может не принимать это во внимание. К тому же … — Она замолкла.

Правда заключалась в том, что, несмотря на бесчисленные препятствия, она могла себе представить определенное использование сына, которого боги переделают по-своему. И в связи с

этим уговоры Джоквина не оставлялись без внимания. Большую часть четвертого утра Джоквин посвятил этой теме.

— Ошибочно считать, что дети богов — идиоты, — говорил он. — Это пустая болтовня бессмысленной толпы, которая преследует эти бедные создания на улицах. Им не дают возможности получить образование, и они постоянно находятся под таким сильным давлением, что неудивительно, что мало кто из них доживает до взрослого состояния.

Его примеры приняли более личный характер.

— В конце концов, — мягко сказал он, — он Линн. В худшем случае он будет вашим верным помощником, который никогда не захочет уйти от вас и жить самостоятельно, как нормальные дети. Тайно сохраняя его при себе, вы получите лучшего из всех возможных рабов — преданного сына.

Джоквин знал, когда остановиться. И в тот момент, как он увидел, что глаза женщины задумчиво сузились, — она взвешивала его аргументы, — он решил предоставить ей решать оставшиеся сомнения. Он вежливо удалился, присутствовал на утреннем совете лорда-правителя и здесь продолжил уговоры.

Глаза великого человека оставались настороженными, пока Джоквин говорил. Постепенно сардоническое выражение сменилось удивлением. Наконец лорд-правитель прервал Джоквина. «Старик, с какой целью защищаешь ты жизнь урода?»

У Джоквина было несколько причин. Одна чисто личная. Другая — он верил, что продолжение существования ребенка может принести, пусть небольшую, пользу храмам. Логика была простой. Рождение ребенка ускорило кризис. Его смерть лишь усилит этот кризис. Напротив, если ребенок будет жив, мстительные действия Линнов до некоторой степени смягчатся.

Но Джоквин не стал говорить об этом, не упомянул и о своих личных надеждах, связанных с ребенком. Он сказал:

— Никогда раньше ребенка богов не убивали намеренно. Всегда считалось, что у богов есть свои тайные причины для создания чудовищ в облике человека. Смеем ли мы сейчас подвергать это сомнению?

Этот аргумент заставил его собеседника изумленно взглянуть. Войны, которые вел лорд-правитель, дали ему контакт с передовыми мыслителями и историками на нескольких планетах, и он

стал считать богов всего лишь средством для сохранения контроля за мятежными подданными. Он не отрицал совершенно их существование, но сомневался в их сверхъестественной власти.

— Ты на самом деле веришь в то, что говоришь?

В жизни Джоквина было время, когда он не верил. Постепенно, однако, он полуубедил себя, что могучие невидимые силы, вызываемые крошечными радиоактивными частицами, не могут иметь другого объяснения. Он осторожно сказал:

— В молодости я путешествовал и видел первобытные племена, поклоняющиеся богам дождя, богам рек, богам деревьев и разнообразным богам животных. Видел и более развитые народы, в том числе и здесь, на Земле, где божество — невидимое всемогущее существо, живущее где-то в пространстве, которое они называют богом. Я все это наблюдал и слушал, как в каждом племени рассказывается о начале вселенной. В одной легенде говорится, что все вышло из пасти змеи. Таких змей я не видел. В другой легенде говорится о потоке, затопившем все планеты. Не знаю, можно ли это сделать имеющейся в мире водой. Третья легенда: человек слеплен из глины, а женщина сделана из мужчины.

Он взглянул на своего слушателя. Лорд-правитель кивнул.

— Продолжай.

— Я видел народы, обожествляющие огонь, и народы, обожествляющие воду. И после всего этого я посетил долину, где, как говорят, живут наши боги. Я находил их резиденции — обширные опустошенные пространства в несколько миль глубиной и на много миль в длину и ширину. И в этих пространствах с безопасного удаления из-за свинцовых укрытий я видел невероятно яркие огни, которые до сих пор горят в своей бесконечной ярости в фантастических глубинах планет.

— Правда, — сказал я себе, — что эти Уран, Радий, Плутоний и Экс — самые могучие боги во вселенной. Конечно, — решил я, никто в здравом разуме не станет их оскорблять.

Лорд-правитель, который в ходе своих странствий тоже осматривал некоторые дома богов, сказал только:

— Гм… м…м… м!

У него не было времени для дальнейших замечаний. Откуда-то — казалось, с самого близкого расстояния — послышался резкий звук, громче самого громкого грома. Полминуты спустя за ним последовал рев, такой оглушительный, такой

яростный, что весь дворец задрожал.

Наступила пауза, но все молчали. Со всех сторон раздавался звон стекла — разбивались окна. Потом послышался третий взрыв и почти немедленно за ним четвертый.

Этот последний взрыв был настолько силен, что всем стало ясно: конец света наступил.

Глава 4

Когда Олден в полдень на третий день после рождения ребенка Линнов вошел в большой храм Ковис, это был усталый, голодный человек. Эот был также загнанный человек, думающий только о бегстве. Он упал в кресло, предложенное младшим. И пока молодой человек осознавал ситуацию, Олден приказал никому не сообщать о своем присутствии, за исключением Горо, главного ученого храма Ковис.

— Горо отсутствует, — возразил младший. — Он совсем недавно отбыл во дворец правителя.

Олден начал снимать женское платье. Усталость быстро покидала его. «Отсутствует, — радостно думал он. — Это означает, что до возвращения Горо он главный ученый в храме. Для человека в его положении это как отсрочка смертного приговора.»

Он приказал, чтобы ему принесли еду. Занял кабинет Горо. И стал задавать вопросы.

Впервые узнал он объявленную народу единственную причину казней в храме Рахейнла. Олден обдумывал эту причину весь вечер, и чем больше он думал, тем больше негодовал. Он

смутно сознавал, что мысли его очень радикальны, если не еретические; парадоксально, но он чувствовал также глубокую обиду из-за того, что богам нанесли такое сильное оскорбление в их храмах.

С абсолютной ясностью, в которой, однако, не было неверия, он знал, что боги сами по себе не проявят своего недовольства. Мысли беженца автоматически переключились на практические последствия. К концу вечера он уже рассматривал возможности.

С незапамятных времен боги одобряли некоторые процессы. Командиры и владельцы космических кораблей дарили храмам железо. После совершения предписанного церемониала это железо помещалось в непосредственной близости к закрытому божьему веществу и оставалось там ровно сутки. Через четверо суток — одни на каждого бога — энергия божьего вещества перемещалась в железо. Тогда его возвращали на корабль, где, также после соответствующих церемоний, помещали в металлический отсек. Там с помощью фотоэлектрических цепей — это приспособление также было известно с древних времен, как огонь, меч, копье и лук, можно было начать и прекратить серию взрывов заданной

мощности. Когда использовалось достаточное количество таких металлических отсеков, самые большие из созданных людьми кораблей поднимались так легко, будто были сделаны из ничего. С самого начала времен божье вещество во всех замках содержалось в четырех различных помещениях. И было известно, что когда богов соединяют, они начинают сильно гневаться.

Олден тщательно взвесил небольшие количества каждого типа божьего вещества. Потом велел младшим перенести металлический цилиндр из испытательной камеры в сад в тылу храма. И тут ему пришло в голову, что остальные храмы тоже должны участвовать в протесте. Он знал, что шестеро из семи членов Совета ученых все еще во дворце, и у него было сильное подозрение, что их удерживают там насильно.

В богато украшенном кабинете Гора он написал приказ исполняющим обязанности главных ученых храмов отсутствовавших членов совета. Он приказывал делать то же, что и он сам. Он подробно описал свой план и кончил так: «Полдень будет часом протеста.» Каждое письмо было отослано с вестником-младшим.

У него не было сомнений. К полудню следующего дня он поместил зерна урана, радия,

плутония и экса в систему фотоэлектрических реле. С безопасного, как он думал, расстояния нажал кнопку, последовательно соединившую все вещества. Когда удивительный и мощный экс присоединился к веществу, последовал страшный взрыв. За ним еще три. Только два храма не подчинились приказу беженца. И им повезло. Первый взрыв до основания разрушил храм Ковис, оставив лишь груду камней.

Ни в одном из четырех храмов не уцелел ни один человек. От Олдена не осталось ни клочка плоти, ни капли крови.

К двум часам у подножия дворцового храма собрались толпы. Дворцовая стража сдерживала напор, постепенно отступая к воротам, а окружение предводителя приготовилось к осаде.

Когда полчаса спустя ад был в самом разгаре, Джоквин, находившийся в городе и вернувшийся во дворец по туннелю, ведущему непосредственно через холм, попросил разрешения говорить с толпой. Лорд-правитель долго и внимательно смотрел на него. Наконец он кивнул. Толпа зашумела, когда ворота открыли, но солдаты сдерживали натиск. Джоквин протиснулся вперед. У него был скорее пронзительный, чем сильный голос, но площадка, выступающая из холма, была

так искусно сооружена, что говорящий мог обращаться к толпе через множество мегафонов.

Прежде всего Джоквин развязал ленты и распустил волосы по плечам. В толпе поднялся крик: «Ученый, это ученый!»

Джоквин поднял руку. И наступившая тишина показала ему, что вспышка близка к концу. Толпа становилась управляемой.

Со своей стороны он не имел иллюзий относительно значения этой толпы, нападающей на дворец. Он знал, что уже посланы почтовые голуби в казармы трех легионов, расположенных сразу за городскими стенами. Скоро по улицам пройдут войска, проскачет кавалерия далеких племен, чей бог — гигантская мистическая птица Эрплен. Важно, чтобы толпа рассеялась до появления этих тренированных убийц.

— Жители Линна, — сказал он ясным, уверенным голосом. — Сегодня вы видели доказательство мощи богов.

Крики и стоны последовали за его словами. Потом снова наступила тишина. Джоквин продолжал:

— Но вы неправильно истолковали данные нам сегодня знаки.

На этот раз только молчание встретило его

слова. Он овладел аудиторией.

— Если бы боги не одобряли лорда-правителя, — продолжал Джоквин, — они так же легко уничтожили бы дворец, как уничтожили четыре храма. Боги недовольны не лордом-правителем и его действиями. Некоторые ученые старались расколоть храмы на четыре отдельные группы, чтобы каждая группа поклонялась только одному богу. Это и только это — причина гнева богов.

Послышались крики:

— Твой храм тоже уничтожен.

Джоквин колебался. Ему совсем не хотелось становиться мучеником. Он видел два письма Олдена — в два храма, не подчинившиеся его приказу, — и лично уничтожил их. Теперь он не знал, как ему использовать то, что чисто механическое соединение божественного вещества производит взрыв. Но одно было несомненно. Боги не возражают против того, чтобы всем четверым поклонялись в одном храме. И поскольку только сохранение существующего положения оставляло храмы сильными, возможно, именно так боги выразили свое отношение.

Джоквин понимал, что его рассуждения — софизм. Но сейчас не время для утраты веры. Он опустил голову.

— Друзья, — покорно сказал он. — Каюсь, я был среди тех, кто отстаивал раздельное поклонение. Мне казалось, что боги будут приветствовать, если каждому из них будут поклоняться в особом храме. Я ошибался.

Он полуобернулся к дворцу, где его слушал гораздо более могущественный человек, чем вся эта толпа.

— Я знаю, что всякий, кто, подобно мне, верит в сепаратистскую ересь, отныне убежден, что только вместе можно поклоняться четверым богам. А теперь, чтобы не было больших неприятностей, идите по домам.

Он повернулся и медленно ушел во дворец.

Лорд-повелитель был человеком, признающим неизбежное.

— Остается один нерешенный вопрос, — сказал он позже. — Какова истинная причина, по которой ты хочешь сохранить жизнь ребенку моей невестки?

Джоквин просто ответил:

— Я давно хотел посмотреть, что произойдет, если ребенку богов дать нормальное обучение и воспитание.

И все. Но этого было довольно. Лорд-правитель сидел, закрыв глаза, и размышлял. Наконец он

медленно кивнул.

Глава 5

Еще ребенком Клэйн постоянно чувствовал: «Я никому не нужен. Меня никто не любит.»

Рабыня, ухаживавшая за ним, переняла отвращение его родителей. Она прекрасно видела, что отец и мать редко навещают новорожденного. Бывало, часами маленький мутант оставался один. А когда рабыни обнаруживали его плачущим в мокрых и грязных пеленках, они не проявляли терпения.

Руки, способные на нежность, грубели, прикасаясь к нему. И тысячи случаев грубого обращения сообщались мышцам и нервам, становясь частью привычного восприятия окружающих. Он приучался раболепствовать.

Странно, но когда слова начали приобретать смысл, в условиях его жизни наступило некоторое изменение. Клэйн вполне невинно обронил несколько слов, из которых Джоквин заключил, что рабы не выполняют его приказы. Несколько вопросов при каждом посещении прояснили ему картину, и рабы тут же поняли, что неразумные действия влекут за собой наказание кнутом. Мужчины и женщины узнали, что когда ребенок

становится старше, он может рассказать о том обращении, которому подвергался.

Однако способность ребенка понимать имела и свои неприятные последствия. В возрасте между 3 и 4 годами Клэйн понял, что он не такой, как другие. Между 4 и 6 его рассудок терпел ужасные удары, а стареющий ученый каждый раз пытался ликвидировать их последствия. Вскоре, однако, Джоквин понял, что если он хочет спасти рассудок мальчика, нужны более решительные действия.

— Это все другие дети, — сказал однажды Джоквин, белый от гнева, лорду-правителю. — Они мучают его. Они стыдятся его. И сводят на нет все, что я делаю.

Линн Линнский с любопытством смотрел на ученого.

— Но я тоже стыжусь его, стыжусь самой мысли, что у меня есть такой внук. — Он добавил: — Боюсь, Джоквин, твой эксперимент не удался.

Теперь Джоквин с любопытством смотрел на правителя. За шесть лет, прошедших со дня храмового кризиса, он научился по-новому смотреть на лорда-правителя. Ему пришло в голову, что перед ним величайший гражданский администратор с легендарных времен. Иногда сквозь

спокойную внешность, с которой лорд-правитель смотрел на мир, проглядывала его главная цель — объединение империи. Перед Джоквином был человек, достигший почти полной объективности во взгляде на мир. И это было очень существенно. Если Клэйн будет спасен, то только с помощью лорда-правителя. Лорд-правитель понял, что посещение Джоквина имеет особую цель. Он угрюмо улыбнулся.

— Что же я должен сделать? Отослать его в провинцию, где он вырос бы в изоляции, окруженный рабами?

— Это было бы смертельно, — ответил Джоквин, — нормальные рабы презирают мутантов так же, как свободные рыцари и патроны. Борьба за разум должна вестись здесь, в городе.

Правитель нетерпеливо ответил:

— Ну что ж, забирай его в храм и делай с ним что хочешь.

— Храмы полны шумных невменяемых и младших, — ответил Джоквин.

Лорд-правитель сердито посмотрел на него. Он медлил. Это значило, что Джоквину будет трудно получить согласие.

— Боюсь, старик, — серьезно сказал лорд-правитель, — что ты в этом вопросе не проявляешь

разумности. Мальчишка похож на оранжерейное растение. Нельзя из детей выращивать мужчин таким образом. Они должны выдерживать тяготы путешествий еще в молодости.

— Но ведь ваши дворцы — как раз и есть такие теплицы, где молодые люди живут, не зная тягот существования, — ответил Джоквин.

Старый ученый махнул в сторону окна, которое выходило на столицу. Правитель улыбнулся, признав правоту сравнения.

— Скажи, чего ты хочешь? Если можно, это будет сделано. Джоквин не колебался. Он коротко заявил, что во дворце у Клэйна должно быть убежище. Святыня, куда другие дети не смели бы входить под страхом сурового наказания.

— Вы здесь, во дворце, выращиваете всех своих внуков, — говорил Джоквин. — И вдобавок несколько десятков других детей — сыновей заложников, союзных вождей и патронов. Против этой толпы нормальных детей, грубых и бесчувственных, как все мальчишки, Клэйн совершенно беззащитен. Они все спят в одной спальне, поэтому у него нет убежища даже в своей комнате. Пусть ест и спит по-прежнему с остальными, но у всех должно быть место, где его не смогут преследовать.

Джоквин замолчал, лишившись дыхания. Голос был уже не тот. Да он и понимал, насколько необычна его просьба. Он просил, чтобы на высокомерных, гордых маленьких людей, из которых в будущем вырастут руководители Линна — патроны, генералы, вожди, даже лорды-правители, — чтобы на них было наложено ограничение. И ради чего? Чтобы бедный мутант мог показать, есть ли у него разум.

Джоквин видел, что лорд-правитель хмурится. Сердце у него сжалось. Но он неверно понял причину сердитого выражения. И действительно, он не мог бы выбрать для своей просьбы более подходящего времени. Накануне, гуляя по саду, лорд-правитель обнаружил, что его преследует непочтительно ржущая группа мальчишек. Такое случалось уже не впервые, и именно это воспоминание заставило его нахмуриться.

Он решительно поднял голову и сказал:

— Этим юным негодяям необходима дисциплина. Небольшое ограничение принесет им пользу. Строй свое убежище, Джоквин. Я поддержу тебя.

Дворец правителя размещался на капитолийском холме. Поверхность холма была искусно преобразована. Всю ее заняли террасы с садами и кустарниками, так что старики, вроде Джоквина,

почти не узнавали прежнего холма.

В западном углу дворца находилась голая скала на возвышении. Чтобы добраться до нее, нужно было пройти узкой тропой по крутому склону, а затем подняться по вырубленным в холме ступеням.

Скала оставалась голой, пока ею не занялся Джоквин. Под его руководством рабы быстро нанесли почву, садовники насадили кусты, траву и цветы, чтобы была защита от горячего солнца, приятная зелень, на которой можно полежать, и прекрасный вид. Была поставлена прочная ограда поперек тропы, а у ворот — солдат, свободный, шести футов и шести дюймов ростом и с соответственно мощной фигурой. Этот солдат был выбран еще и потому, что четыре года назад его жена тоже родила ребенка богов. Солдат оказался веселым добродушным парнем, который не давал самым настойчивым мальчишкам проход, грозно загородив своим телом ворота.

Несколько недель после завершения строительства орлиного гнезда и введения запрета на его посещение мальчишки руганью и криками выражали свое негодование. Они часами стояли у ворот, выкрикивая угрозы и оскорбления. Но невосприимчивые, всегда добродушные страж-

ники в конце концов заставили их отступить. И тогда дрожащий мальчик в орлином гнезде смог успокоиться, перестать чувствовать себя преследуемым и при первом же знаке опасности находить убежище. С этого времени на него перестали обращать внимание. Никто не играл с ним, и, хотя это равнодушие тоже было жестоким, оно по крайней мере оставалось пассивным. Он смог жить своей собственной жизнью.

Его мозг, этот раненый, испуганный и тонкий комплекс интеллекта и эмоций, медленно выходил из тьмы, в которую падал. Джоквин выманивал его оттуда тысячью уловок. Он учил мальчика запоминать простые стихи. Рассказывал ему о великих деяниях, больших сражениях, рассказывал длинные волшебные сказки с продолжением. Он давал мальчику вначале тщательно смягченные, а потом все более правдивые сведения о политической атмосфере внутри дворца. И снова и снова с нарастающей убедительностью внушал, что рождение мутанта — очень важное, особое событие. Любой человек может родиться нормальным, но мало кто бывает избран богами атома.

Джоквин знал, что это опасный путь. Мальчик может почувствовать превосходство даже над

другими членами семьи Линнов.

— Но он быстро узнает свои возможности, когда станет старше, — объяснил как-то Джоквин лорду-правителю. — Самое важное, что теперь его восьмилетний опыт может противостоять самому вульгарному преследованию со стороны других мальчиков. Он все еще запинается и заикается, когда пытается ответить, и любой контакт со взрослыми для него болезнен. Но если его не захватить врасплох, он научился справляться с собой. Я хочу, — закончил Джоквин, — чтобы мальчик мог изредка навещать вас.

Он часто повторял эту просьбу и всегда получал отказ. Эти отказы беспокоили Джоквина, которому уже исполнилось 80 лет. И он часто думал о том, что будет с мальчиком после его смерти. Чтобы не погубить мальчика, он связался со многими известными учеными, поэтами и историками. Он убеждал их своими аргументами, а потом приставлял к мальчику как платных учителей. Он тщательно следил за этими людьми и быстро отсылал тех, кто не понимал всей важности предпринимаемой попытки.

Обучение мальчика оказалось чрезвычайно дорогостоящим: содержание, которое давали дед мальчика лорд-правитель и его отец лорд Крег,

не покрывало платы многочисленным учителям, нанимаемым Джоквином. Когда Джоквин умер, как раз перед одиннадцатилетием Клэйна, почти весь доход с его имений шел на содержание мальчика.

Джоквин оставил 10 миллионов сестерций младшим, посвященным и старшим различных храмов. 5 миллионов сестерций он завещал своим личным друзьям, еще два миллиона — историкам и поэтам, чтобы они завершили начатые ими работы, и наконец его 5 праправнуков получили по миллиону сестерций каждый.

Эти суммы почти полностью составляли все денежное наследство. Около 500 тысяч сестерций оставлялось на покрытие многочисленных расходов по имениям и фермам до следующего урожая. Так как все эти имения, вместе с тысячами рабов, были завещаны Клэйну, был короткий период, когда новый владелец, сам того не зная, оказался на грани банкротства.

Об этом было доложено лорду-правителю, и он выдал из своего собственного состояния заем для поддержания имений. Он предпринял и другие шаги. Он узнал, что рабы Джоквина недовольны тем, что принадлежат мутанту. Он разослал своих шпионов, чтобы выявить заговорщиков,

и потом для примера четверо были повешены. До лорда-правителя дошло также, что правнуки Джоквина, рассчитывавшие получить имения, делают темные угрозы по адресу «узурпатора». Лорд-правитель конфисковал их часть наследства и отправил всех пятерых в армию лорда Крега, которая готовилась к вторжению на Марс.

Совершив все это, старый правитель забыл о своем внуке. Лишь два года спустя, когда мальчик случайно прошел мимо окна его кабинета, он почувствовал любопытство.

В тот же день он отправился к орлиному гнезду, где жил самый странный отпрыск семейства Линнов.

Глава 6

Он тяжело дышал, добравшись до основания скалы. Это удивило его. «Клянусь четырьмя атомными богами, — подумал он, — я старею.» Через два месяца ему исполнялось 64 года.

64. Он взглянул на свое худое тело. Ноги старика, подумал он, не такие слабые, как у некоторых в его возрасте, но, несомненно, расцвет позади. «Крег был прав, — подумал он ошеломленно. — Пришло для меня время экономии. Больше никаких войн с Марсом, за исключением оборонительных. И пора произвести Крега в наследники и соправители.» Мысль о наследнике напомнила ему, где он. Там, вверху, один из его внуков с учителем. Он слышал бормочущий баритон мужчины и отдельные замечания мальчика. Все звучало нормально, по-человечески.

Лорд-правитель нахмурился, думая об обширности мира и малочисленности семьи Линн. Стоя здесь, он понял, почему пришел сюда. Все Линны нужны, чтобы удерживать власть. Даже тупоумные, даже мутанты должны исполнять обязанности, соответствующие их способностям. Ужасно сознавать, что он приближается к самой

одинокой вершине своей жизни, способный доверять только кровным родственникам. И даже они держаться вместе из-за честолюбия.

Старый человек сухо и угрюмо улыбнулся. Что-то в форме его челюстей и подбородка говорило о стали. Это была внешность человека, выигравшего кровавую битву при Атмуме, которая отдала ему Линн; улыбка человека, который смотрел, как его солдаты боевыми топорами на куски разрубили Рахейнла. «Вот это был человек! — подумал он, еще и через тридцать лет удивляясь упорству противника. — Почему он отказался от всех моих предложений? Впервые в истории гражданской войны была сделана такая попытка примирения. Я предложил компромисс. Он хотел весь мир, а я нет, во всяком случае не таким путем, но волей-неволей пришлось взять его, чтобы спасти свою жизнь. Почему человеку нужно все или ничего?»

Конечно, Рахейнл, холодно и спокойно ожидавший первого удара топора, должен был осознать тщетность своих стремлений. Должен был знать также, что ни что его не спасет; что солдаты, бежавшие, терявшие кровь и боявшиеся за свои жизни, не будут милосердны к своему главному врагу. Правитель с кристальной ясностью пом-

нил свой выбор палачей. Он приказал, чтобы первый же удар был смертельным. Толпа хотела пытки, зрелища. Она как будто получила его, но на самом деле перед взорами собравшихся разрубили на куски мертвеца.

Зрелище смерти великого Рахейнла навсегда вызвало холод в душе правителя. Сам он никогда не чувствовал себя участником убийства. Убийцей была толпа. Толпа, с ее безумными эмоциями, с ее силой численности, которую ни один человек не может игнорировать, не подвергая смертельной опасности себя и свою семью.

Толпа с ее примитивной кровожадностью пугала его, хотя он и презирал ее; она влияла на него, хотя он всегда использовал ее в своих целях. Ужасно было думать, что почти каждый шаг в его жизни делался с учетом толпы.

Он родился в мире, опустошаемом двумя могучими враждующими группами. Не возникало вопроса, к какой группе присоединяться. Когда оппозиция захватила власть, она старалась убить, обесчестить или изгнать всех членов всех семей другой партии. В такие периоды детей многих известных семей тащили по улицам на крючьях и швыряли в реку. Позже, если вам удалось выжить, вопросом жизни и смерти для вас

становилось захватить власть и влияние в своей группе. И это тоже не предоставлялось случаю или чувствам. Существовали группы среди групп, убийства тех, кто мог соперничать в борьбе за власть. Убийства и предательства становились все изощренней.

Прошедшие через эту непрекращающуюся борьбу за существование становились крепкими.

Лорд-правитель Линн с трудом оторвался то своих раздумий и начал взбираться по ступеням на саму скалу. Вершина скалы — площадка длиной в 20 футов и почти такой же ширины. Рабы Джоквина натаскали туда плодородную почву, на этой почве росли цветущие кусты; два из них достигали 15 футов в высоту.

Мутант и его учитель сидели в легких креслах в тени самого высокого куста и не заметили появления лорда-правителя.

— Хорошо, — говорил, учитель, ученый, по имени Неллиан, — мы согласились, что слабость Марса в его водной системе. Различные каналы, по которым поступает вода с северного полюса, единственный источник водоснабжения. Неудивительно, что в марсианских храмах поклоняются воде, как мы атомным богам. Другое

дело, — продолжал Неллиан, — знать, как использовать эту слабость Марса. Каналы Марса так широки и глубоки, что их невозможно, например, отравить даже временно.

— Макрокосмически рассуждая, — сказал мальчик, — это верно. Молекулярный мир предоставляет мало возможностей, кроме тех сил, которые может перенести человеческое тело.

Лорд-правитель мигнул. Правильно ли он расслышал? Неужели тринадцатилетний мальчик может рассуждать так? Он уже хотел выйти и показаться. Но теперь передумал и, заинтригованный и удивленный, ждал продолжения.

Клейн продолжал:

— Беда моего отца в том, что он слишком доверчив. Я не знаю, почему он считает, что ему просто не везет в этой войне. На его месте я внимательно отнеся бы к возможности предательства и тщательно проверил бы свое окружение.

Неллиан улыбнулся.

— Вы говорите с убежденностью юности. Если вам когда-нибудь доведется побывать на поле битвы, вы убедитесь, что мысли трудно охватить реальность. Смутные теории опрокидываются под дождем стрел и копий, под ударами мечей и топоров.

Мальчик невозмутимо ответил:

— Никто не сумел сделать правильное заключение из взрывов космических кораблей, перевозящих воду. Джоквин знал бы, что думать об этом.

Разговор, как показалось лорду-правителю, приобретал детский характер. Правитель сделал шаг вперед и кашлянул.

При этом звуке ученый повернулся и, увидев подошедшего, с достоинством встал. Реакция мутанта была более быстрой, хотя и не вся заключалась в движении. При первом же звуке он повернул голову. И все. Несколько мгновений он сидел неподвижно. Вначале выражение его лица оставалось прежним — спокойным. У лорда-правителя было время рассмотреть внука, которого он почти не видел со дня рождения.

Голова мальчика была нормальной, с явно линнским носом и голубыми глазами Линнов. Но было и нечто большее. Тонкая красота матери отразилась в этом лице. Ее рот, ее уши и подбородок. Лицо и голова были прекрасными, почти ангельскими. Но все остальное отличалось от нормального. Общая форма очень-очень человеческая. Тело, ноги, руки — все было на месте, но все искажено.

Лорду-правителю пришло в голову, что если мальчик наденет длинную одежду ученого, а руки спрячет в складки платья — кисти у него нормальные, — никто не заподозрит правду. Не было ни малейшей причины, почему бы это лицо нельзя изобразить на серебряной или золотой монете, которые разойдутся среди отдаленных и высокоморальных племен. Ангельское лицо Клэйна согрело бы сердца варваров. «Слава богам, — не в первый раз подумал лорд-правитель, — что у него не четыре руки или ноги.»

И в это мгновение мальчик очнулся от оцепенения. (Лишь тут лорд-правитель сообразил, что Клэйн буквально замер на месте). Произошла мгновенная трансформация. Прекрасное лицо изменилось. Глаза остекленели, рот дернулся и утратил свою форму. Все лицо стало таким идиотским, что на него больно было смотреть. Медленно тело мальчика сползло со стула, и он застыл, полусогнувшись и глядя на деда. Он начал скулить, а потом что-то неразборчиво бормотать.

Неллиан резко сказал:

— Клэйн, овладейте собой.

Эти слова были подобны ключу. С криком мальчик метнулся вперед и пронесся мимо лор-

да-правителя. С безрассудной скоростью, почти скользя, сбежал он по каменным ступеням. И исчез на тропе.

Наступило молчание. Немного погодя Неллиан спокойно спросил:

— Можно ли мне сказать?

Лорд-правитель заметил, что ученый обращается к нему не по форме, и мимолетная улыбка коснулась его губ. Антиимпериалист. Через мгновение он почувствовал раздражение: «Эти проклятые республиканцы!» — но коротко кивнул в знак разрешения.

Неллиан сказал:

— Он так же вел себя со мной, когда Джоквин впервые привел меня к нему. Это возвращение к эмоциональному состоянию, которое он испытывал ребенком.

Лорд-правитель ничего не ответил. Он смотрел на город. День был туманный, дымка затягивала пригороды. С высоты они, казалось, расплывались в дымке — дома, улицы. Но все же за ними он видел вьющуюся реку и местность, частично скрытую вуалью тумана. На местности виднелись круглые ямы, теперь пустые: большая война истощала человеческие ресурсы Земли, население которой достигло огромного числа в 60

миллионов жителей. За время его жизни население Земли почти удвоилось.

Удивительно, как раса, будто на невидимой привязи, устремлялась вперед, глядя своим коллективным взглядом в ослепительно яркое будущее, все еще скрытое за отдаленным горизонтом. Лорд-правитель вернулся мыслью и взглядом на скалу. Не глядя на Неллиана, он спросил:

— Что он имел в виду, когда сказал, что мой сын, лорд Крег, должен проверить возможность предательства в своем окружении?

Неллиан пожал плечами.

— Вы слышали это? Мне можно не говорить, что мальчик окажется в серьезной опасности, если кое-кто услышит о его словах. Откровенно говоря, я не знаю, где он получает информацию. Но у него очень хорошее представление о дворцовых интригах и политике. Он очень скрытен.

Лорд-правитель нахмурился. Скрытность он мог понять. Люди, слишком много знающие о делах других людей, имеют обыкновение умирать неожиданно. Если мутант действительно знает, что в ход марсианской войны вмешалось предательство, даже намек на такое знание означает его гибель. Правитель колебался. Потом:

— А что это он говорил о космических кораблях с водой, взрывающихся перед посадкой? Что он знает о таких вещах?

Теперь настала очередь другого колебаться. Наконец Неллиан сказал:

— Он говорил об этом несколько раз. Несмотря на всю свою осторожность, мальчик тоже нуждается в товарище, он так хочет произвести впечатление, что сообщает свои мысли людям, которым доверяет. Вроде меня. — Ученый украдкой взглянул на лорда-правителя. —Естественно, я держу такую информацию при себе. Я не занимаюсь политикой.

Великий человек слегка поклонился.

— Я вам очень признателен за это, — сказал он.

После небольшой паузы Неллиан продолжал:

— Он много раз говорил о происшествии в храме Рахейнла при его рождении, когда четыре храма взорвались. Я узнал, что Джоквин рассказывал ему об этом. Джоквин оставил в своем имении тайный архив, к которому мальчик имеет доступ. Он трижды навещал главное имение после смерти Джоквина.

Лорд-правитель смутно припомнил, что давал по просьбе Неллиана разрешение на эти

поездки.

— Мне нет необходимости говорить, — продолжал Неллиан, — что у мальчика, в отличие от эмоционального состояния, вполне взрослый интеллект — на уровне 19 лет.

— Гм… м…м, — сказал лорд-правитель. Манеры его стали решительными. — Мы должны излечить его от этой слабости. Есть несколько методов. — Он улыбнулся, вспоминая. — На войне, когда мы хотим покончить со страхом солдата, мы подвергаем его повторяющейся опасности в сражении. Конечно, он может быть убит, но если выживет, приобретет уверенность и храбрость. Точно так же оратор вначале тренирует свой голос, но только настоящее выступление дает ему уверенность. — Правитель задумчиво улыбнулся. — Пожалуй, на войну его не пошлешь. Солдаты, к сожалению, считают мутантов дурным признаком… Публичные выступления… Можно наметить его в один из отдаленных храмов. Одетый в одеяние ученого, он сможет читать ежедневную службу, вначале лишь наедине с атомными богами, потом в присутствии ученых, посвященных и младших и наконец перед публикой. Я прикажу, чтобы подготовку начали завтра же. Ему совсем не обязательно жить

в храме. Примерно через год мы отведем ему отдельную резиденцию и закрепим за ним привлекательных рабынь. Я отберу кротких, мягких девушек, которые не будут пытаться управлять им. Я их сам отберу и хорошо поговорю с ними. — И добавил — Позже их можно будет продать в отдаленные районы.

Лорд-правитель помолчал и пристально взглянул на Неллиана.

— Что вы думаете о таком начале?

Ученый кивнул.

— Прекрасно, прекрасно. Я рад, что вы лично заинтересовались мальчиком.

Лорд-правитель был доволен.

— Будете сообщать мне о нем раз в три месяца.

Он уже отворачивался, когда взгляд его остановился на чем-то полускрытом в кустах на краю скалы.

— Что это — спросил он.

Неллиан выглядел смущенным.

— Это... гм... это... прибор, сооруженный Джоквином.

Замешательство ученого удивило правителя. Он подошел ближе и взглянул. И увидел металлическую трубу, уходящую вниз. Трубу почти совершенно скрывали лианы, но кое-где на

склоне ее можно было разглядеть.

Правитель все еще рассматривал трубу, когда из нее послышался хриплый женский голос:

— Целуй меня, целуй меня снова.

Лорд-правитель прикрыл травой открытый конец трубы и встал.

— Будь я… — начал он. — Подслушивающее устройство, другой конец размещен где-то в месте свиданий.

Неллиан сказал:

— По другую сторону еще одна.

Лорд-правитель хотел уже уйти, как заметил возле трубы блокнот. Он поднял его и просмотрел. Страницы чистые. Вначале он удивился, но потом увидел траве бутылочку чернил и ручку.

Теперь он по-настоящему заинтересовался. Взяв бутылочку, он вытащил пробку. Сначала он разглядывал чернила, потом понюхал. Наконец с улыбкой закрыл бутылочку и поставил ее в траву.

Спускаясь, он думал: «Джоквин был прав. Мутант может быть нормальным, даже сверхнормальным.»

Глава 7

К этому времени Марсианская война велась уже два года и оказалась наиболее дорогостоящей из всех войн. С самого начала, еще на стадии планирования, она вызвала невероятный накал страстей. Воевать или не воевать — три года назад этот вопрос расколол правительство на две враждующие группы. Лорд Крег Линн, отец Клэйна, сын лорда-правителя и главнокомандующий экспедицией, был с самого начала и полностью против войны.

Он прибыл в город с Венеры три года назад в своей личной космической яхте в сопровождении почти всего штаба. И затем целые месяцы спорил со своей семьей и различными влиятельными патронами.

— Пришло время империи прочно стоять на всех своих границах, — говорил он слушателям. — Из города-государства мы превратились в государство, охватывающее всю Землю, за исключением некоторых горных территорий. Четыре из одиннадцати островных континентов Венеры — наши союзники. И нам не нужно беспокоиться из-за обитаемых спутников Юпитера,

потому что они населены варварами. Марсиане, правда, управляют своей планетой по своим диким обычаям, но будет разумно оставить их в покое. Племена, завоеванные ими, постоянно восстают, и марсиане все время заняты. Поэтому они для нас не опасны, а это должно стать нашим единственным соображением по поводу всех следующих войн.

Если сообщения верны, многие патроны и рыцари были убеждены его доводам. Но увидев, что лорд-правитель склоняется к войне, они тут же изменили свои взгляды, по крайней мере публично.

Жена лорда-правителя Лидия и лорд Тьюс, сын Лидии от предыдущего брака, особенно настаивали на вторжении. Их аргумент, постепенно ставший и аргументом лорда-правителя, заключался в следующем: марсиане сами обрекли себя на войну, полностью отказываясь от торговых и иных сношений с остальной частью Солнечной системы. Кто знает, какие планы они вынашивают, какие армии тайно готовят, сколько космических кораблей строится на планете, которая свыше десяти лет не допускает посетителей извне?

Аргумент убедительный. Сухое предположение

лорда Крега, что, возможно, метод, использованный империей при вторжении на венерианский остров Кимбри, вызвал такое отношение марсиан, не убедило сторонников войны. Метод был простой и безотказный.

Кимбри, подозрительное племя, в конце концов согласилось принять посетителей. И очень забеспокоилось, когда в течение несколько месяцев около тридцати тысяч дюжих молодых мужчин прибыли в одиночку и группами. Беспокойство оказалось оправданным. Однажды ночью посетители собрались в трех главных городах кимбрийцев и одновременно напали на центры управления. К утру было перебито около ста тысяч венериан и остров был захвачен.

Этой экспедицией командовал лорд Тьюс. По настоянию его матери устыдившийся патронат проголосовал за триумф для лорда Тьюса.

Естественно, что группа Лидии-Тьюса рассматривала высказывания Крега как результат зависти. Одни говорили, что такие слова недостойны такого выдающегося человека. Другие — что собственные его войны велись неудачно. Некоторые заходили так далеко, что вообще не верили в боевые качества линнских армий, возглавляемых лордом Крегом, и тут же добавляли, что он

просто трус.

Для лорда Крега, упорно придерживавшегося своего мнения, величайшим шоком оказалось открытие, что его собственная жена Таня поддерживает его противников. Он так рассердился, что тут же послал ей приказ о разводе. Леди Таня, которая поддерживала партию войны, только чтобы ускорить карьеру мужа, испытала сильнейшее нервное потрясение. Неделю спустя она частично оправилась, но состояние ее духа явно показывает тот факт, что она приехала в лагерь мужа на окраине города. И в обеденный час, на виду у сотен высших офицеров, на четвереньках подползла к нему, умоляя взять ее обратно. Изумленный Крег ввел ее в ближайшую дверь, и они помирились.

С этого времени леди Таня изменилась. Высокомерие ее исчезло. Она отошла от политической деятельности и посвятила себя дому. Ее гордая ослепительная красота перешла на стадию просто хорошей внешности.

Заботливая жена поцеловала на прощанье мужа в начале весны и смотрела, как его остроносая яхта взлетела, чтобы присоединиться к космическому флоту, ожидающему на другой стороне Земли вылета к Марсу.

Космические корабли, подобно другим известным с легендарных времен инструментам, транспорту и оружию войны, имеют свои ограничения. Они самое быстрое средство сообщения, доступное человеку, но насколько быстрое, никто не знал. Во время вторжения на Марс считалось, что космические корабли противника способны развивать огромную скорость в тысячи миль в час в безвоздушном пространстве. Поскольку полет к Марсу требовал от 40 до 100 дней, в зависимости от взаимного расположения планет, самое короткое расстояние расценивалось в миллион миль.

Ученые подозревали, что это число не соответствует действительности. Если оно верно, то звезды должны быть удалены на сотни миллионов миль. Это казалось настолько невероятным, что многие сомневались в способностях и знаниях храмовых ученых.

Космический корабль длиной в 150 футов мог перевезти 200 человек и не больше в полете на Марс, длящемся 60 дней. В корабле больше места, но не хватило бы воздуха. Воздух очищался, но до определенного предела.

200 человек в корабле, столько вез каждый транспорт в первом флоте. Всего во флоте было

500 кораблей. Назначением его служила большая пустыня, известная как Киммерийское море. По краю этой пустыни проходил канал шириной в милю, и на сотни миль по обе стороны канала тянулась зеленая растительность, питаемая тысячами крошечных распределительных каналов. Ослин, один из пяти крупнейших городов марсиан располагался в большой долине в пункте, где канал извивался как река.

В определенном смысле каналы и были реками. Весной вода по ним перемещалась с севера на юг, постепенно замедляясь, и к середине лета совсем останавливалась. Население Ослина превышало миллион. Его падение означало бы сильнейший удар по марсианам и давало большие выгоды завоевателям.

Флот достиг Марса в установленное время; лишь один корабль не появился в точке встречи за 48 часов ожидания. В полночь на второй день корабли группами по 10 устремились к каналу и городу. Была избрана площадка примерно в пяти милях от пригорода, и один за другим линии кораблей выстраивались среди кустарников и открытых полей. Они немедленно начали разгружаться; были выгружены войска, большая часть лошадей, оборудование и запас пищи.

Это были опасные 6 часов. Разгружающиеся корабли весьма уязвимы для нападения особого типа судов, снабженных длинными металлическими таранами, которые легко разрывают тонкие металлические пластины, из которых сооружены корпуса космических кораблей. Для атакующего корабля застать транспортник в воздухе означало неизбежную удачу. Атакующий, приблизившись сбоку, ударял и переворачивал транспорт. Поскольку на верхней стороне транспортника не было двигательных труб, поддерживающих корабль в воздухе, он обычно падал как камень. Периодические попытки установить двигатели сверху или внизу корабля вызывали радиоактивные ожоги у экипажей и пассажиров, и никакое количество свинцовых прокладок, казалось, не спасает от этого.

6 часов прошли без нападения. Примерно за два часа до рассвета армия начала двигаться вдоль канала по направлению к городу. Через час авангард поднялся на холм, за которым лежала большая долина, а за ней — Ослин. Солдаты остановились, осадив коней. К лорду Крегу был отправлен курьер с невероятным сообщением. В долине расположилась марсианская ария, такая огромная, что ее палатки и сооружения терялись

в дымке расстояния.

Командующий выехал вперед, чтобы самому увидеть неприятеля. Сопровождавшие утверждали, что он был совершенно спокоен. Но надежды на легкую быструю победу рассеялись в это мгновение. Впереди стояла основная марсианская армия численностью в 600 тысяч человек. Ею командовал сам король Винатгин.

Лорд Крег уже решил атаковать немедленно, когда небольшой вражеский флот пролетел над холмами, осыпав стоявших там дождем стрел и ранив около 500 солдат. Главнокомандующий остался невредим, но противник знал слишком много. Лорд Крег быстро отдал необходимые распоряжения.

Цель его была простой. Король Винатгин и его штаб, несомненно, знали о приближающемся нападении. Но одно дело иметь информацию, совсем другое — передавать ее в огромную, разбросанную по широкой долине армию. Это была единственная причина, ставившая под сомнение исход сражения. Марсиане численно превосходили атакующих в 6 раз. Оборона вначале была неуверенной, но затем укрепилась. Позже стало известно, что марсиане потеряли сто тысяч убитыми и ранеными, но в маленькой линнской

армии 30 тысяч было убито, ранено и пропало без вести. И когда к полудню не удалось продвинуться вперед, лорд Крег приказал отступать с боем.

Но беды еще не кончились. Когда его войско растянулось вдоль канала, пятитысячный кавалерийский отряд ударил в тыл, отрезал армию от лагеря и повернул отступающих в сторону пустыни.

Наступление темноты спасло армию от полного уничтожения. Отступление длилось до полуночи, только потом солдаты смогли лечь и уснуть. Но для лорда Крега отдыха не было. Он связался с флотом, ожидающим в космосе. Осторожно приземлилось сто кораблей, выгрузив добавочное оборудование и рационы. Ожидалось, что корабли подвергнутся нападению, однако этого не произошло, и им удалось благополучно взлететь до рассвета. И слишком быстро защитная темнота сменилась ярким дневным светом.

Привезенные запасы помогли выдержать этот день. Вражеская армия теснила их час за часом, но лорду Крегу было ясно, что король Винатгин использует свои силы неумело. Наступление велось неуклюже и нерасторопно. Врага удалось перехитрить, и к вечеру, оставив защитный кавалерийский заслон, линнская армия оторвалась

от противника.

Ночью удалось отдохнуть, и лорд Крег снова начал надеяться. Он понял, что в случае необходимости сумеет погрузить свои силы и убраться с планеты без дальнейших потерь. Это была соблазняющая перспектива. Она соответствовала его убеждению, что марсианская война не имеет шансов на успех.

Но он неохотно осознал, что возврат линнской армии невозможен. Его будут считать несостоявшимся полководцем. Ведь в конце концов он выбрал место нападения, хотя и не одобрял кампанию в целом. И еще одно. Могли подумать, что он, противившийся войне, сознательно проиграл сражение. Нет, он, несомненно, не мог возвращаться в Линн. К тому же в любом случае нужно ждать, когда второй флот доставит через две недели еще сто тысяч человек.

Две недели? На четвертый день тонкие нити распределительных каналов начали пересыхать. К вечеру солдаты увязли в песке. Впереди, насколько хватал глаз, расстилалась красная пустыня. На восток примерно в 19 днях пути находился другой канал, но лорд Крег и не думал о таком опасном путешествии. 70 тысячам человек нужно много воды.

Впервые в своей военной карьере Крег оказался отрезанным от воды. Положение стало угрожающим, когда одиннадцать из двенадцати космических кораблей, посланных за водой, взорвались при приближении к лагерю и залили пустыню и несчастных, оказавшихся под ними, кипятком. Один корабль приземлился, но вода в нем закипела, и его удалось спасти, только срочно выпустив эту воду в песок.

Почти сварившийся командир с трудом выбрался из рубки и доложил лорду Крегу:

— Мы выполнили ваш приказ, сэр. Выбросили почти все оборудование и погрузились в канал, используя корабль как танкер. Вода немедленно начала греться.

Он выругался.

— Это проклятые водяные боги, которым поклоняются марсиане.

— Чепуха, — ответил Крег. И приказал отвести командира на его собственный корабль под арестом.

Тщетная предосторожность. У других солдат появилась та же мысль. Марсианские боги заставили воду кипеть, поэтому корабли и взорвались. Лорд Крег в горячей речи, обращенной к легионам, указал, что ничего не произошло с водой в

обычных баках остальных кораблей.

Его прервал голос:

— Почему же тогда не привезти в них воду?

Солдаты подхватили это замечание, и после этого не имело смысла отвечать им, что нельзя рисковать флотом.

На седьмой день армия начала испытывать жажду. Лорд Крег понял, что не может ждать прибытия второго флота. Он начал осуществлять план, о котором подумал еще тогда, когда выбрал Ослин для нападения.

Ночью он вызвал свои двести кораблей и погрузил в них армию, почти по 350 человек на корабль. Он предполагал, что шпионы марсиан надели мундиры мертвых линнских солдат и кружат вокруг лагеря. И поэтому не сообщал пункты назначения до вылета кораблей.

План его был основан на наблюдении, которое он сделал, когда юношей посетил Марс. Во время путешествия по каналу в Ослин он приметил город Магга. В этот город, расположенный в труднодоступных горах, можно было пройти по четырем узким дорогам, которые легко защитить. Двадцать лет назад в нем был гарнизон. Но лорд Крег справедливо решил, что легко справится с этим гарнизоном, если тот не усилен. Был и еще

один благоприятный фактор, хотя при принятии решения Крег о нем не знал. Король Винатгин не поверил полученной информации, что ему противостояла главная экспедиционная армия Линна. Ежечасно ожидая высадки больших сил, он удерживал свое войско у Ослина.

Маггу захватили вскоре после полуночи. К утру войска были готовы к осаде. Воды было множество. Когда неделю спустя прибыл второй флот, он тоже высадился в Магге, и экспедиция была спасена.

Даже сторонники лорда Крега не сумели оценить его оборонительную победу. В Линне видели только, что армия была зажата в маленьком городке и казалось обреченной. Даже лорд-правитель, захвативший в свое время много считавшихся неуязвимыми позиций, приказал тайно проверить утверждение сына, что войско в безопасности.

Армия оставалась в Магге все лето и зиму. Весь год она подвергалась осаде, а лорд Крег упрямо требовал у патроната еще 200 тысяч человек. Патронат отказывался слать войска на верную гибель. Однако лорд-правитель наконец понял, что положение Крега прочное, и лично потребовал посылки подкреплений. В тот день, когда

лорд-правитель задумчиво спускался из убежища своего внука-мутанта, на пути к Марсу находилось еще 4 легиона.

Глава 8

Лорд-правитель не очень удивился, когда две недели спустя Неллиан передал ему письмо от Клэйна. В письме говорилось:

Моему деду,
почтеннейшему лорду-правителю

Я крайне сожалею, что не справился со своими эмоциями, когда вы пришли ко мне. Позвольте заверить, что я горжусь оказанной мне честью и что ваше посещение изменило мое мнение относительно многих предметов. До вашего прихода в Орлиное гнездо, я не считал, что у меня есть обязательство перед семейством Линнов. Теперь я решил поддержать имя Линнов, которое вы сделали великим. Приветствую вас, мой высокодостойный дед, величайший из живших когда-либо людей.

Ваш восхищенный и скромный внук
Клэйн.

В письме содержались мелодраматические нотки, и лорд-правитель не мог согласиться с утверждением, что он величайший из людей. Он даже не второй, хотя, может быть, и третий.

«Мой мальчик, — подумал он, — ты забыл моего дядю, полководца из полководцев, и его противника, яркую личность, кому в двадцатилетнем возрасте был присужден триумф и которому в еще более раннем возрасте официально было разрешено пользоваться титулом „великий“. Я знал их обоих и знаю, чего я стою.»

Тем не менее письмо было приятно лорду-правителю. Но оно и удивило его. В нем был некий подтекст, будто решение было принято человеком, обладающим властью и правом принимать решения.

Он отложил письмо в раздел семейной корреспонденции и начал новый подраздел — «Клэйн». И забыл о нем. Но неделю спустя вспомнил, когда жена показала ему два послания, одно адресованное ей, второе, незапечатанное, — лорду Крегу на Марсе. Оба послания были от Клэйна. Лидия забавлялась.

— Тебя здесь кое-что заинтересует, — сказала она. Лорд-правитель прочел адресованное ей письмо.

Моей благородной бабушке.

Достопочтимая леди, чтобы не обременять своими просьбами вашего мужа, моего деда, почтительно прошу вас отправить письмо обычной почтой моему отцу лорду Крегу. В нем молитва, которую я прочту на следующей неделе в храме, молитва о даровании победы над марсианами. В следующей почте моему отцу будет послана металлическая капсула, освященная на этой церемонии прикосновением богов металлов Радия, Урана, Плутония и Экса.

Почтительнейше ваш Клэйн.

— Ты знаешь, — говорила Лидия, — получив это, я сначала не поняла, кто такой Клэйн. Мне почему-то казалось, что он мертв. Напротив, он, похоже, вырос.

— Да, — с отсутствующим видом ответил лорд-правитель, — да, он вырос.

Он осматривал молитву, которую Клэйн посылал лорду Крегу. У него было странное чувство, что есть в этом что-то, чего он пока не понимает. Почему письмо передается через Лидию? Почему не через него непосредственно?

— Ясно, — сказала леди Линн, — что поскольку будет посвящение в храме, письмо должно быть отослано.

Именно так, подумал лорд-правитель. Ничего не оставлено на волю случая. Они должны послать письмо. Они должны послать металл, освященный богами.

Но почему все же информация передавалась через Лидию? Он прочел молитву, на этот раз поражаясь ее обыкновенностью. Такая заурядная, такая незначительная… Именно такие молитвы заставляют солдат думать, что они сражаются ради… слабоумных. Строчки располагались широко, и именно это заставило глаза правителя слегка сузиться.

— Что ж, — рассмеялся он, — я возьму письмо и сам отошлю его.

Придя к себе, он зажег свечу и подержал письмо над огнем. Через две минуты между строками появилась запись, сделанная невидимыми чернилами. Шесть строк из тесно подогнанных слов между каждыми двумя строками молитвы. Лорд-правитель, поджав губы, прочел подробную, точную инструкцию. Это был план действий марсианской армии, не столько военный, сколько магический. Несколько раз упоминался взрыв

храмов много лет назад.

В конце было оставлено место для его подписи. Он не стал сразу подписывать, но в конце концов подписал, положил письмо в конверт и приложил большую государственную печать. Потом сел и подумал: Но почему Лидия?

В сущности не нужно было долго гадать о размерах предательства, которое преследовало легионы Крега в течение трех лет.

В такой семье, как наша, угрюмо думал лорд-правитель. Заговорщики договаривались здесь, в 60 футах под Орлиным гнездом, где ребенок богов прижимался ухом к трубе, слушал их слова и записывал невидимыми чернилами на страницах как будто пустого блокнота.

Лорд-правитель знал, что его жена бесконечно интригует за его спиной. Он женился на ней, чтобы оппозиция была представлена в правительстве. Она была дочерью одной из благороднейших семей Линна; все взрослые мужчины этой семьи погибли, сражаясь на стороне Рахейнла. Двое из них были захвачены и казнены. Ей было 19 лет и она была замужем и имела сына, впоследствии лорда Тьюса, когда лорд-правитель организовал самый скандальный бракоразводный процесс и последующий вторичный брак в

истории Линна. Лорда-правителя это не беспокоило. К тому времени он уже принял название города и государства как фамилию для своей семьи. Следующим шагом надо было залечить, казалось, неизлечимую рану, нанесенную гражданской войной. Этим шагом была женитьба на Лидии, и шаг это оказался мудрым.

Она служила клапаном для всех сжатых сил оппозиции. По ее действиям он узнавал о намерениях оппозиции. И шел ей навстречу, насколько это было возможно. Будто бы следуя советам жены, он привлек на свою сторону сотни способных администраторов, солдат и патронов, которые помогали ему управлять все возрастающим населением Земли и ее колоний. В последующие годы все больше и больше оппозиционных членов патроната поддерживали его законы. Они смеялись над ним из-за его привычки читать главные речи. Они высмеивали его любимые словечки: «Быстрее, чем сварить спаржу», «Слова изменяют мне, джентльмены», «Будем довольны синицей в руках». И другие. Но снова и снова они поддерживали его в интересах империи. И когда его агенты докладывали о готовящихся заговорах, дальнейшее расследование показывало, что в этих заговорах не участвует ни один влиятель-

ный человек.

Не раз винил он Лидию за ее разнообразные дела. Она не могла не быть в оппозиции, как и он не мог, еще будучи юношей, не быть втянутым в водоворот политических амбиций своей группы. Ее убили бы сами оппозиционеры, если бы она показалась им слишком «нейтральной».

Нет, он не винил ее за действия в прошлом. Но этот случай был особым. Огромные армии уничтожались, чтобы качества лорда Крега как полководца проигрывали в сравнении с лордом Тьюсом. Тут действовали личные интересы, и лорд-правитель понял, что пред ним серьезный кризис. Самое главное — спасти Крега. Но при этом не встревожить Лидию и остальных. Несомненно, у них есть возможность просматривать его личную переписку с Крегом. Посмеет ли он остановить их? Поступить так было бы неразумно.

Все должно казаться нормальным и обычным, или в испуге они могут предпринять попытку убить лорда Крега. Пока армии лорда Крега держатся, группа не будет делать решительных шагов.

Сумка с почтой для лорда Крега должна попасть в их руки, как и в предыдущих случаях. Если

письмо будет вскрыто, вероятно, будет предпринята попытка убить Клэйна. Следовательно, что?

Лорд-правитель разместил стражников во всех местах свиданий, окружив ими также основание Орлиного гнезда. Он вывесил такой приказ, чтобы оправдать появление стражников: «Мне надоело наталкиваться на бесстыдно целующиеся пары. Это не просто плохой вкус. Это настолько распространилось, что требуются решительные действия. Стражники будут сняты примерно через неделю. Я рассчитываю на здравый смысл всех, особенно женщин, и надеюсь, в будущем такие спектакли не повторятся.»

Неделя, чтобы защитить Клэйна до посвящения в Храме. Интересно было бы посмотреть, что станет этот мальчишка делать с металлом, но, конечно, его присутствие невозможно. В день посвящения лорд-правитель сказал Неллиану:

— Я думаю, он должен поездить по Земле. Без всякого заранее намеченного маршрута. И инкогнито. И пусть выедет завтра же.

С Клэйном все. Лорд-правитель также посетил лагерь солдат за пределами города. Для солдат это был неожиданно прекрасный день. Правитель роздал миллион сестреций. Были организованы бега, состязания в скорости и в других видах

спорта, и победители получили награды; и даже побежденные, которые честно боролись, получили значительные суммы.

Очень хороший день. Уезжая, лорд-правитель до самых городских ворот слышал приветственные крики. Потребуется несколько недель, если не месяцев, чтобы вызвать недовольство этих солдат.

Приняв все возможные меры предосторожности, лорд-правитель отправил почту и стал ждать результатов.

Группа Лидии действовала быстро. Рыцарь опустошил почтовую сумку. Рыцарь и патрон просмотрели каждое письмо, разложив их в две стопки. Одна из стопок, большая, была снова помещена в сумку. Вторую рассматривал лорд Тьюс. Отобрав несколько писем, он передал их матери.

Лидия просматривала их одно за другим и протягивала те, которые нужно было распечатать, одному из двух рабов, искусных в обращении с химикалиями. Именно эти рабы распечатывали письма.

Седьмым из отобранных было письмо Клэйна. Лидия взглянула на надпись на конверте, увидела имя адресата, и губ ее коснулась легкая улыбка.

— Скажите мне, — проговорила она, — может,

я ошибаюсь, но разве в армии карлики, мутанты и другие уроды не считаются дурным предзнаменованием?

— Именно так, — ответил один из рыцарей. — Увидеть одного из них накануне битвы значит проиграть ее. Иметь дело с одним из них значит потерпеть неудачу.

Леди-предводительша улыбнулась.

— Мой благородный муж не интересуется такими психологическими феноменами. Нужно проследить, чтобы армии стало известно, что лорд Крег получил письмо от своего сына-мутанта.

Она бросила письмо в сумку.

— Я уже читала его.

Три четверти часа спустя курьер был на пути к кораблю.

— Ничего важного, — сказала Лидия сыну. — Твой отчим, по-видимому, занимается только сохранением морали во дворце.

Лорд Тьюс задумчиво сказал:

— Хотел бы я знать, зачем ему понадобилось подкупать охранный легион.

Еще более удивили заговорщиков события следующего дня, когда лорд-правитель объявил объединенное заседание обеих палат патроната.

Как только об этом было объявлено, леди Лидия отправилась к мужу с расспросами. Но великий человек покачал головой, улыбнулся и сказал без явной хитрости:

— Моя дорогая, это будет приятным сюрпризом для всех. Ты должна позволить мне такие простые удовольствия.

Заседание должно было состояться через несколько дней. К этому сроку шпионы Лидии не сумели ничего выяснить. И она, и лорд Тьюс встретились с отдельными лидерами патроната в надежде, что у тех может быть, как выразилась Лидия, «щепотка информации». Но поскольку ее самое искусно расспрашивали, ей стало ясно, что они были в таком же неведении, как и она. И вот, впервые за много лет, она сидела в своей ложе в патронате, не зная, что за повестка намечена.

Решающий момент наступил. Она видела, как ее муж прошел по проходу и поднялся на помост. В раздражении она схватила лорда Тьюса за рукав и яростно прошептала:

— Что у него на уме? Вся эта история становится фантастической.

Тьюс ничего не ответил. Лорд-правитель Медрон Линн начал с предписанного обычаем обращения:

— Благородные члены моей семьи, мудрые и щедрые лидеры патроната, благородные патроны и их достойные семьи, рыцари империи и их леди, почетные члены, представители доброго народа империи Линн, я с радостью объявляю вам о своем решении и не сомневаюсь в вашей единодушной поддержке…

Аудитория затихла. Лидия закрыла глаза, дрожа от раздражения. Слова ее мужа означали, что не будет споров, не будет обсуждения. Патронат формально ратифицирует решение, но на самом деле оно станет законом, как только правитель произнесет свои слова.

Тьюс наклонился к матери.

— Обрати внимание, он не читает свою речь.

Лидия не заметила этого. А следовало бы, с опозданием подумала она. Ее шпионы среди домашней прислуги сообщали, что не нашли ни клочка бумаги, никакого черновика или набросков в частных помещениях лорда-правителя и в его кабинете.

На помосте Медрон Линн продолжал:

— Нелегко человеку, ведущему подобно мне активную жизнь, осознать, что годы проходят. Но не может быть сомнения, что я старюсь, что физически я не так крепок сегодня, как был 10

лет или даже 10 месяцев назад. Пришло время подумать о наследнике, причем я имею в виду не только преемника, но и соправителя. Он будет соправителем, пока я остаюсь правителем, и станет единоличным правителем после моей отставки или смерти. Размышляя об этом, я сообщаю вам с радостью, что назначаю на эту важную должность моего возлюбленного сына лорда Крега, чье долгое и честное служение империи в последние годы было подкреплено значительными военными достижениями.

Один за другим перечислил он успехи лорда Крега в его предыдущей карьере. Затем:

— Его первым большим достижением в Марсианской кампании, так злополучно начатой, стало спасение армии из тяжелого положения, когда по случайному совпадению в момент высадки ей противостояла намного превосходящая вражеская армия, в результате чего могло произойти небывалое поражение линнской армии. Почти чудом удалось ему привести свою армию в такое место, где она могла защищаться. А теперь мы уверены, что он одержит победу, которую у него вырвал случай два года назад.

Он помолчал, и пока Лидия слушала, открыв глаза и осознавая глубину своего поражения,

сказал твердо:

— На своего сына лорда Крега я возлагаю совместное со мной управление Линнской империей и даю ему титул лорда-правителя. Этот титул не подчинен моему, как лорд Крег не подчинен мне, за исключением границ, связанных с подчинением сына отцу.

Лорд-правитель снова помолчал и улыбнулся странной бледной улыбкой на своем угрюмом лице, потом продолжал:

— Я знаю, что вы вместе со мной будете радоваться этому счастливому известию и быстро утвердите — я надеюсь, сегодня же — это назначение, так чтобы мой сын обладал всей властью накануне решающей битвы.

Он поклонился и сошел с помоста. Наступила тишина. Аудитории, казалось, требовалось время, чтобы понять, что он кончил. Но когда начались аплодисменты, они звучали яростно до тех пор, пока он не покинул мраморный зал.

Глава 9

Лорд Крег читал письмо Клэйна с хмурой улыбкой. Он понял, что молитва была использована мальчиком, чтобы замаскировать более важное сообщение, и необходимость такой уловки удивила его. Она придавала вес документу, с которым обычно такие планы не связываются.

Важной особенностью плана было то, что он требовал лишь незначительных изменений в расстановке войск. Целью плана была атака. Но добавлялся невероятный психологический фактор. В пользу плана говорил взрыв одиннадцати космических кораблей с водой. Со времени взрыва прошло два года, но феномен так и остался необъясненным!

Крег долго размышлял над тем местом в письме, где утверждалось, что присутствие армии короля Винатгина в Ослине не было случайностью, но было вызвано предательством. «Я просидел взаперти два года, — горько думал он, — сражаясь с превосходящими силами противника, потому что моя мачеха и ее толстяк сын стремятся к неограниченной власти.»

Он видел себя мертвым, а лорда Тьюса — на-

следником лорда-правителя. Мысль эта казалась ему отвратительной. Он резко, решительно вызвал к себе храмового ученого, прикомандированного к армии, человека, известного своими знаниями Марса.

— Как быстро движется в это время года вода по каналу Ослин?

— Примерно пять миль в час, — был ответ. Крег обдумал это. Примерно 130 миль в марсианский день. Достаточно трети или даже меньше. Если посвященный металл бросить примерно в 20 милях к северу от города, эффект будет достигнут как раз в момент давно планируемого наступления. Никакого вреда не принесет такое незначительное изменение плана, успокаивал он себя.

Армия все еще готовилась к наступлению, когда с Земли пришла новость, что Крег назначен лордом-соправителем. Новый правитель Линнской империи сообщил об этом в скромно сформулированном коммюнике и тут же удивился результату. Куда бы он ни шел, солдаты встречали его приветственными криками. Служба безопасности уже доносила ему, что войска ценят то хладнокровное мастерство, с каким он вывел армию из западни после первой высадки. Но теперь он чувствовал себя объектом личного

преклонения.

В прошлом он изредка встречал офицеров, вызывавших у подчиненных дружеские чувства. Впервые он сам вызывал их. И сразу оказались оправданными годы тяжелой полевой жизни, напряженная работа среди множества измен. Как друг и старший товарищ, как главнокомандующий и собрат по оружию, лорд-соправитель Крег Линн в день наступления обратился к своим людям со специальным посланием.

Солдаты Линна!

День и час победы близок. У нас достаточно сил и вооружения для достижения любой цели. В эти мгновения перед решающей битвой вспомним еще раз, что цель победы — объединенная Солнечная система, один город и одна вселенная. Наша цель — немедленный и полный успех. Но помните: победа всегда результат несгибаемой целеустремленности, соединенной с искусством бойцов. Поэтому прошу вас: ради вашей жизни и нашей победы стойте на месте прочно и, когда можете, идите вперед. Как солдаты, мы посвятили себя с самыми чистыми и правдивыми намерениями атомным богам и победе. Каждому из вас желаю успеха.

Крег Линн, лорд-соправитель.

Исход второй битвы при Ослине никогда не вызывал сомнения. В утро битвы жители города, проснувшись, обнаружили, что канал шириной милю и все мелкие каналы заполнены кипятком. Пар густыми облаками поднимался над городом. Он скрывал космические корабли, опускавшиеся прямо на улицы. Он скрывал солдат, выгружав-

шихся из кораблей. К середине утра солдаты короля Винатгина начали сдаваться в таких количествах, что королевская семья не могла бежать. Монарх, плача от стыда, попросил защиты у линнского офицера, который под охраной отвел его к лорду-соправителю. Побежденный король упал к ногам Крега и затем, помилованный, но закованный в цепи, стоял, как пленник, на холме рядом с победителями и смотрел на крушение военной мощи Марса.

Через неделю сдались все крепости, кроме одной, в далеких горах, и Марс был завоеван. В разгар триумфа в сумерках одного дня отравленная стрела вылетела из тени здания в Ослине и пронзила лорда Крега. Он умер через час в страшных мучениях, а убийца так и не был найден. Когда три месяца спустя известие о его смерти достигло Линна, обе стороны действовали быстро. Лидия приказала убить двух рабов, знатоков химии, и курьера через несколько часов после известия о победе Крега. Теперь же она послала убийц к двум рыцарям и патрону, помогавшим ей вскрывать почту. Одновременно она велела Тьюсу покинуть город.

Когда солдаты старого лорда-правителя явились, чтобы арестовать его, предупрежденный

молодой человек уже находился на борту своего космического корабля. Его бегство вызвало первый приступ ярости у правителя. Он решил отменить свой визит к Лидии. Медленно тянулся первый день, и постепенно в нем крепло мрачное восхищение женой: он понял, что теперь, после смерти Крега, не может разорвать с ней отношения. Он решил, что не она организовала убийство Крега. Какой-нибудь испуганный приверженец, боясь за себя, действовал на свой страх и риск; а Лидия, прекрасно понимая ситуацию, лишь постаралась смягчить его. Для империи разрыв с ней мог бы оказаться роковым. Когда она со свитой явилась, чтобы выразить ему соболезнование, он уже принял решение. Лорд-правитель со слезами на глазах взял ее за руку.

— Лидия, — сказал он, — для меня это ужасный момент. Что ты предлагаешь?

Она предложила объединить государственные похороны и триумф. Она добавила:

— К несчастью, Тьюс болен и не сможет присутствовать. Похоже, что болезнь удержит его долго.

Лорд-правитель понял, что она смиряет свои честолюбивые устремления относительно Тьюса, по крайней мере на время. Это была большая

уступка, и не необходимая ввиду его решения замять все дело.

Он наклонился и поцеловал ей руку. На похоронах они рядом шли за гробом. И поскольку мозг его мучился сомнениями относительно будущего, он продолжал спрашивать себя: «Что теперь?» Это была агония нерешительности, сознания ограниченных возможностей стареющего человека.

Он все еще рассуждал об этом, когда взгляд его упал на мальчика в траурном одеянии ученого. Мальчик шел рядом с Неллианом, и это позволило правителю узнать его. Клэйн.

Лорд-правитель шел за сверкающим гробом, в котором лежал его мертвый сын, и впервые за последнее время боль его слегка отступила; он задумался. Как будто особенно надеяться на мутанта нельзя. И все же он вспомнил слова Джоквина о том, что мальчику нужно дать возможность вырасти. «Тогда он себя покажет», — говорил покойный ученый. Он предсказывал, что Клэйн «займет свою нишу в линнском зале славы.»

Медрон Линн угрюмо улыбнулся. Обручение мальчика должно продолжаться. Нужно распорядиться об эмоциональной добавке.

Хотя Клэйн едва достиг половой зрелости,

вероятно, пора ему узнать, что женщины представляют собой клубок эмоций, опасный, но восхитительный. Опыт общения с женщинами поможет ему достичь физического и душевного равновесия, иначе его существование станет односторонне интеллектуальным.

Глава 10

— Семья Деглет, позже переименованная в Линн, — говорил Неллиан своему ученику лорду Клэйну Линну, — вступила в банковское дело около 150 лет назад.

Стоял теплый летний день спустя несколько недель после похорон лорда Крега. Учитель и ученик сидели под большой смоковницей во дворе имения, унаследованного Клэйном от Джоквина. Четырнадцатилетний мальчик, не отвечая, приподнялся со своего сидения. Он смотрел на дорогу, которая вела в Линн, расположенный в 80 милях. На горизонте виднелось облачко пыли, один раз солнце блеснуло на металле. Возможно, повернулось колесо, но было еще слишком далеко, чтобы разглядеть подробности.

Клэйн понял это и сел, а слова его были ответом на слова Неллиана.

— Разве не правда, что основатель семьи сидел на углу улицы и давал прохожим деньги в обмен на заклад — драгоценности и кольца?

— Я считаю, — ответил старый ученый, — что ваш предок был проницательным ростовщиком и знал толк в благородных металлах и драгоцен-

ных камнях. Постепенно он завел свое дело.

Мальчик хихикнул.

— Однокомнатное деревянное сооружение, очень плохо защищающее от дождя и холода.

— И все же это был собственный дом, — сказал учитель, — с которым связано представление об определенном достоинстве. История говорит, что позже, когда он смог покупать рабов, он построил себе несколько домов, разнообразных по размерам, и проводил в каждом по одному дню, переодеваясь соответственно. Так он в разные дни недели встречался с разными слоями населения. В один он, сидя на деревянной скамье, ссужал деньги работнику, в другой имел дело с рыцарской семьей, которая закладывала свои земли и замки, чтобы продолжить вести жизнь, которую им не позволяли их средства. Ваш предок понял неразумность такой ложной гордости и с ледяной объективностью использовал ее в своих целях. Вскоре он владел большим количеством домов и имений и имел врагов, которые неразумно закладывали свою собственность, чтобы на месяц-два оттянуть выплату долгов. — Неллиан помолчал и вопросительно взглянул на своего ученика. Потом сказал:

— Выражение вашего лица свидетельствует,

что вы задумались над моими словами, молодой человек.

Клэйн молчал, слегка покачивая головой. Наконец он сказал:

— Я думаю о гордости, которая послужила причиной падения многих семей и империй. — Он вспомнил свою собственную склонность к оцепенению в присутствии некоторых людей. Может, так он выражал свою гордость? Он объяснил это Неллиану. — Как я понимаю, я сохраняю тем самым самоуважение, как будто мной овладело что-то внутри меня. При таких обстоятельствах я могу жалеть себя, но не стыдиться.

Он покачал головой, потом вспомнил и посмотрел на зеленые холмы, где в облаке пыли теперь постоянно блестел металл. Но разобрать все еще ничего было нельзя, и Клэйн сказал:

— Я думаю, раньше это случалось со мной так часто, что теперь я с собой не справляюсь.

— Но вы с каждым разом все лучше владеете собой, — быстро возразил Неллиан.

— Это верно. — Мальчик кивнул и оживился. — Я как солдат, который с каждой битвой все больше становится ветераном. — Он нахмурился. — К несчастью, есть войны, в которых я еще не участвовал.

Неллиан улыбнулся.

— Вы должны продолжать преодолевать ограниченные препятствия, как вы давно решали с Джоквином. И — все об этом свидетельствует — такова же политика вашего деда.

Клэйн взглянул на него сузившимися глазами.

— Почему мой дед стал этим заниматься, с недавнего времени?

Длинное морщинистое лицо учителя насмешливо улыбалось.

— Это вполне закономерно.

— Закономерно? — Ваш статус после провозглашения вашего отца лордом-соправителем соответственно изменился.

— Ах, это! — Клэйн пожал плечами под свободной храмовой одеждой. — Но это не имеет практического значения. Как мутант, я в своей семье подобен горбуну, которого терпят из-за кровного родства. Когда я вырасту, смогу интриговать за сценой. В лучшем случае я смогу выполнять роль посредника между храмами и правительством. Мое будущее стереотипно и стерильно.

— Тем не менее, — возразил Неллиан, — у вас как у одного из троих сыновей лорда-соправителя Крега Линна имеются законные права в прави-

тельстве, и вам придется ими воспользоваться, хотите вы этого или нет. — Он сварливо закончил: — Позвольте сказать вам, молодой человек, что если вы пренебрегаете своими правами, мы с Джоквином зря тратили на вас время. В бесконечной Линнской империи вы либо будете жить в соответствии со своим рангом, или погибнете от руки убийцы.

Мальчик холодно сказал:

— Старик, продолжайте урок истории.

Неллиан улыбнулся.

— В другой манере, но ваши перспективы напоминают перспективы вашего предка, о котором мы говорим. Вы презренный мутант. Он был презренный ростовщик. Разумеется, вы понимаете, что перед ним стояли не меньшие, если не большие препятствия, чем перед вами. И все же, мой мальчик, мы говорим о человеке, который основал семью Линн. Когда вы заглядываете вперед, вы видите только трудности. Оглядываясь назад на его карьеру, мы видим, как просто все было для храброго человека, действовавшего среди неразумных людей. Видите ли, благородные семьи, занимавшие у него деньги, лишь старались как можно дольше сохранить видимость. И, конечно, когда истекал срок, они винили не себя, а

коварного молодого Гована Деглета. Но тот лишь нанимал добавочных телохранителей и отнимал у должников имущество. К тридцати годам он был уже настолько богат, что смог взглянуть на почти разоренные семьи патронов в поисках невесты. Его предложение потрясло патронов до глубины их аристократических душ. Но патрон Сеппер был человек, считавшийся с реальностью. Чтобы спасти себя от гибели, он организовал брак своей прекрасной дочери Пиккарды Сеппер с презренным ростовщиком. И она делила его постель и рожала ему детей, хотя всю жизнь не любила их. Она называл их, включая вашего прапрадеда, «рабьим отродьем».

Тонкое лицо мальчика исказилось в циничной усмешке.

— Если она была так настроена, думаю, что дети были не его. Вспомните, Неллиан, в своем убежище во дворце я годами был свидетелем любовных свиданий самых известных придворных дам. Внешне все они респектабельны, все замужем, но переходили от одной связи к другой. Не раз я слышал признания, что ребенок, которого носит дама, совсем не от ее мужа. Конечно, неважно, являемся ли мы, Линны, прямыми потомками Гована Деглета. Мы унаследовали его деньги,

а связи Сеннета дали благородство. Но… — он пожал плечами.

Неллиан улыбнулся.

— Гован знал аристократок и их мораль. Он все время следил за женой; будучи страстной женщиной, она вскоре поняла, что единственным источником для нее является муж. История утверждает, что он был счастливым и довольным мужем.

Ученый встал.

— Молодой человек, — сказал он, — я думаю, пора прекратить урок. Через несколько минут здесь будет ваш дед лорд-правитель…

— Мой дед! — Клэйн, дрожа, вскочил.

Мгновенно самообладание покинуло его. Крайним напряжением овладев собой, он спросил:

— Чего он хочет?

— Он везет с собой несколько недавно захваченных на Марсе девушек. Они будут вашими любовницами. Мне сказали, что девушки очень хорошенькие.

Он замолчал. Клэйн его не слышал. Для Клэйна слова Неллиана превратились в бессмысленные звуки, а потом…

Чернота! Позже, может быть, в тот же вечер, он осознал себя. Он лежал на полу в своей спальне.

Из постели на него смотрела испуганная девушка. Она истерически говорила:

— Не хочу. Убейте меня. Но он ненормальный. Я не хочу!

Откуда-то вне поля зрения Клэйна донесся холодный голос лорда-правителя:

— Выпорите ее. Четыре хлыста. Но не калечьте.

Когда в следующий раз Клэйн пришел в себя, девушка склонялась над ним:

— Бедный! Тебе так же плохо, как мне. Иди в постель. Придется пройти через это.

Жалость в ее голосе снова вызвала его беспамятство. Жалости он не выносил.

Он чувствовал, что проходило время. У него было несколько любовных видений, которые казались нереальными. В этих видениях он был яростным и ненасытным, а девушка робкой и нежной.

Потом другие видения. Появилась другая девушка. Он слышал слова Неллиана:

— Поразительно! Я не знал, что у мужского тела такие огромные возможности для любви.

Но все это было как сон. Он узнал, что первую девушку зовут Селк. Имя второй он так и не узнал, не узнал имена других и даже не был уверен, что

они, эти другие, были.

Потому что вскоре ему нужна была только Селк. В этот момент он достиг наибольшей остроты сознания. Его поучал дед; одну из фраз деда он запомнил навсегда. Дед сказал:

— Мой мальчик, если ты настаиваешь, чтобы была только она одна, тогда тебе придется приспособиться к ее возможностям…

Клэйн смутно припомнил, что согласился с лордом-правителем. Он приспособится.

Он полностью пришел в себя за обедом с Неллианом. Клэйн остановился, поднеся ложку ко рту. Что-то в нем привлекло внимание ученого, потому что тот спросил:

— Что, Клэйн?

Мальчик кивнул.

— Я хотел бы продолжить разговор, начатый в тот день, — сказал он, — о моем предке Говане. Что было с его детьми?

Неллиан облегченно вздохнул и мысленно продиктовал письмо лорду-правителю:

— Ваше превосходительство, — молча сочинял он. — Через год и восемь месяцев лорд Клэйн оправился от эмоционального шока, вызванного знакомством с женщиной. Мозг действительно странный инструмент.

Вслух он сказал:

— Ваш прапрадед Косан Деглет был банкиром и патроном. У него были отделения во всех главных городах…

* * *

Историю семьи Деглет-Линн изучал и другой, более взрослый учащийся. 7 лет после убийства Крега лорд Тьюс прожил в Аваях на море.

У него было небольшое имение на главном острове архипелага, и после случившегося мать посоветовала ему избрать именно его для жительства, а не большие поместья на материке. Умный осторожный человек, Тьюс понял ценность совета. Если он хочет оставаться живым, его удел — власяница и пепел.

Вначале это был сознательный обман. В Линне Лидия напрягала мозг в поисках объяснения и в конце концов заявила, что ее сын устал от политики и уединился, чтобы на покое предаться размышлениям. Долгое время ее вздохи были весьма убедительными, она так описывала его чувства, как будто сама стремилась избавиться от обязанностей своего положения. И ей верили.

Патроны, губернаторы и послы на своем пути из Линна через океан останавливались, чтобы

отдать дань уважения сыну Лидии. Постепенно они начали сознавать, что он в немилости. В ужасной, отчаянной, опасной немилости.

Напряженное молчание лорда-правителя при упоминании Тьюса вскоре стало известно всем администраторам и политикам. После этого все стали умными. Вспомнили, как торопливо удалился из Линна Тьюс, когда было получено сообщение о смерти лорда Крега, сына лорда-правителя. В то время его отъезд был едва замечен. Теперь об этом вспомнили и сделали выводы. Большие корабли, несущие правительственных чиновников, перестали останавливаться на острове.

Изоляция глубоко повлияла на Тьюса. Он стал наблюдателен. Впервые заметил он, что островитяне выходят в океан. В воду, которая была с легендарных времен отравлена атомными богами. Значит, вода больше не смертоносна? Он отметил это для будущих исследований и впервые заинтересовался тем, как жители острова называют океан. Тих. Жители континентов передвинулись подальше от берегов, чтобы уйти от смертоносных испарений моря, забыли древние названия.

Он размышлял о возрасте цивилизации, ко-

торая претерпела такую катастрофу, что были забыты даже названия океанов. Сколько? Он мог только предполагать: тысячи лет.

Однажды он написал матери: «Ты знаешь, раньше меня это не интересовало. Но теперь впервые я задумался над происхождением нашей культуры. Возможно, вместо того, чтобы заниматься бесконечными интригами, мы должны были бы поинтересоваться своим прошлым и выяснить, какие смертоносные силы высвободились давным-давно на этой планете. Меня беспокоит вот что: те, кто действовал против Земли, готовы были буквально уничтожить планету. Такая безжалостность для меня неожиданна, и хотя все это лишь отвлеченные рассуждения, я с некоторым беспокойством смотрю в будущее. Возможно ли, чтобы борьба за власть между группами достигла такого размаха, что весь мир содрогнется от безумия этой борьбы? Я предполагаю внимательней всмотреться в эти проблемы, чтобы выработать здравую философию власти.»

В другом письме он заявлял: «Мне всегда досаждала примитивность нашего оружия. Я склонен верить сказкам о существовании в древности различных типов огнестрельного оружия. Как ты знаешь, в нашей культуре имеется очень стран-

ный парадокс. Мы владеем машинами, которые так тщательно сконструированы, что могут быть герметически закрыты для путешествий в безвоздушном пространстве. Знание металлов, которое делает это возможным, унаследовано Линном, но его истинное происхождение неизвестно. С другой стороны, наше оружие — луки, стрелы, копья. Я думаю, что в прошлом это примитивное вооружение было замещено другими, совершенно новыми типами оружия, которые, в свою очередь, сменились еще более новыми. Это означает, что промежуточные виды вооружения просто исчезали из нашей культуры: тайны их производства забылись. Эти сложные устройства трудно было производить — я все время рассуждаю, — и поэтому умение передавалось от отца к сыну, как произошло и с знаниями в металлургии. Мы знаем, что даже во времена варварства храмы были хранилищами производственных знаний, и похоже, что кто-то сознательно уничтожил некоторые виды древних знаний. Мы знаем также, что с древних времен храмы противятся войнам. Возможно, в них сознательно была уничтожена информация, касающаяся оружия.»

Среди прочего Тьюс тщательно изучал происхождение семьи Линн. Как и Клэйн, изучавший

ту же историю, Тьюс отметил, что Косан Деглет, сын основателя семейства, был изгнан из Линна врагами семьи. Изгнанный формально, со всей собственностью, конфискованной патронатом, он переселился на Марс и там, с помощью отделения своего банка, сумел восстановить и дело на Земле. Как и многие проницательные люди до него, он предвидел изгнание; когда захватили его дома, там нашли удивительно мало сокровищ.

Враги Косана вынуждены были повысить налоги. Эти налоги оказались столь обременительны, что деловые люди все сильнее хотели возвращения Косана Деглета. Это желание, отметил Тьюс, мудро стимулировалось с Марса самим Косаном. В нужный момент представители народа формально пригласили его вернуться из изгнания, подавили попытку части благородных семей силой захватить власть и провозгласили Косана лордом-правителем.

В течение 30 лет Косан был фактически повелителем Линна. Тьюс вспомнил, как однажды посетил дом, где жил Косан Деглет. Теперь это было торговое здание, но у входа висела медная табличка с надписью:

Прохожий! Когда-то это был дом Косана

Деглета.

В нем жил не только великий человек, но само

Знание обитало в этом доме.

Погоня за знаниями и банковское дело — таковы были краеугольные камни власти Деглетов. Так решил лорд Тьюс. В ключевые моменты банковские интересы семьи были такой притягательной силой, что подавляли всякое сопротивление. И во все годы их роста страсть к собиранию произведений искусства и связь с учеными приносили им уважение и восхищение, что помогало уменьшить влияние случайных ошибок.

В течение долгих месяцев изучения и одиночества, последовавших за изгнанием, Тьюс много думал об этом и постепенно стал критически оценивать свою жизнь в Линне. Он начал видеть ее безумие и бесконечное надувательство. Он со все большим удивлением читал письма матери. Это был рассказ о бесконечных обманах, заговорах и убийствах, написанный простым кодом, эффективным, поскольку он был основан на значениях слов, известных только его матери и ему самому.

Удивление перешло в отвращение, а отвращение вызвало понимание величия семьи Деглет-Линн сравнительно с ее противника-

ми. «Нужно было что-то сделать с этой бандой невежественных воров и рвущихся к власти негодяев, — решил Тьюс. — Мой отчим лорд-правитель предпринял решительные действия, которые оправдались и временем.»

Его озарило. Такой подход больше не является правильным. Для объединения вселенной больше не нужно сосредоточивать власть в руках одного человека или одной семьи. Старая республика также невозможна, ее губят бесконечные раздоры. Но теперь, после десятилетий всеобщего, не разделенного на партии патриотизма под руководством лорда-правителя, можно восстановить республику, и, весьма вероятно, она уцелеет. А в качестве предосторожности члены семьи должны снова овладеть искусством банковского дела.

Тьюс решил: «Если я смогу вернуться в Линн, то лично займусь этим.»

Проходили месяцы.

* * *

Как обычно, Неллиан сообщил Медрону Линну: «… через две недели ваш внук лорд Клэйн со своей свитой поселится в храме Джоквина и возобновит свое обучение, чтобы в конечном

счете стать ученым.»

Старик удивился, когда два дня спустя маленькой космической шлюпкой прибыл специальный курьер. Учитель мальчика приглашался В Капитолийский дворец для встречи с лордом-правителем. «Если возможно, — говорилось в письме, — прибудьте вместе с курьером и до наступления ночи вы вернетесь к себе.»

Неллиан мудро воспринял это приглашение как приказ. Через два часа его ввели к лорду-правителю. Он заметил, что у правителя уставшее лицо. Его пригласили сесть в большое кресло у окна, выходящего в сад.

Лорд-правитель тоже присел, но лишь на мгновение. Он ходил по комнате, останавливался, глядя в лицо учителю Клэйна, и снова начинал ходить. Потом садился в кресло, беспокойно вертелся, снова вскакивал и начинал ходить.

Они говорили о будущем 16-летнего лорда Клэйна Линна.

— Самая главная задача, — не в первый раз говорил Медрон Линн, — удерживать... гм ... враждебные силы от того, чтобы его удушили.

Неллиан осторожно промолчал. У него не было иллюзий насчет «враждебных сил». Прямую опасность представляла леди Лидия, жена Мед-

рона Линна.

Лорд-правитель снова остановился, лицо его стало задумчивым.

— У нас странная семья, — сказал он. — Сначала ростовщик, потом проницательный Косан Деглет, который единолично сумел стать лордом-правителем. Можно опустить Парили Старшего: его слабость позволила вырасти оппозиционным силам. Но кризис наступил в большой битве за контроль над храмами во времена Парили Деглета и его брата Лорана. Их не любили, потому что они действовали деспотически и потому, что они заметили то, чего почти никто тогда не заметил, — растущую власть храмов. Жрец-политик, действуя через легко поддающуюся воздействию храмовую конгрегацию, все более и более влиял на государство, и почти всегда его влияние было нереалистичным и узколобым, направленным только на усиление власти храмов. Парили и Лоран совершенно сознательно — я в этом не сомневаюсь — вели затяжные войны, главной целью которых было удержать большие массы людей подальше от храмов и одновременно придать им солдатскую философию, противостоящую власти храмов. Группа, позже связавшая себя с Рахейнлом, в это время пользовалась под-

держкой, открытой и тайной, храмовых ученых, и следует отдать должное Лорану, моему отцу, и его брату: они сумели удержать власть и влияние, хотя все их ненавидели и против них непрерывно действовали храмы. Вспомним: они были изгнаны на 15 лет и вернулись уже в 30-летнем возрасте. Во время этих 15 лет в Линне действовал закон, по которому смертной казни подлежал всякий, кто хотя бы предложил разрешить Деглетам возвращение в Линн. По этому обвинению были повешены или обезглавлены некоторые друзья нашей семьи.

Лорд-правитель угрюмо помолчал, как будто чувствовал боль за смерть давно казненных. Немного погодя он оторвался от своих раздумий и сказал:

— Парили и Лоран вернулись в Линн во главе армии 60 лет назад. Они были решительными и жестокими правителями. Они отказались хоть в чем-то полагаться на толпу, истерически приветствующую их возвращение. В атмосфере убийств и казней они удерживали свою власть безжалостным контролем. Парили был замечательным полководцем, Лоран — выдающимся администратором; естественно, именно он вызывал наибольший гнев врагов семейства. Как сын Ло-

рана, я много раз наблюдал его методы. Они были жестоки, но необходимы, но все же не удивительно, что, несмотря на все предосторожности, он был убит. Дядя братьев удержал власть до возвращения с Венеры Парили с несколькими легионами. Парили быстро восстановил положение нашей семьи, став лордом-правителем. Одним из первых его действий была встреча со мной. Мне было тогда 17 лет, и я был единственным прямым наследником Деглетов. То, что сказал Парили, встревожило меня. Он предвидел свою смерть, так как сильно болел, а это означало, что я буду еще очень молод, когда наступит кризис.

И вот в 17 лет я стал лордом-правителем со всей полнотой власти. Мне было 22, когда он умер, и через несколько месяцев началось ожидавшееся восстание. Из-за дезертирства части армии оно оказалось даже опаснее, чем мы думали. Потребовалось 8 лет гражданской войны, чтобы выйти из тупика.

Усталый стареющий правитель помолчал, потом сказал:

— Если возможно, нужно предотвратить такую катастрофу, когда придет мое время. Поэтому необходимо использовать всех членов семьи. Даже Клэйн должен сыграть большую роль.

Неллиан, который терпеливо ждал, когда же правитель скажет о цели вызова, спросил:

— Что же вы ему предназначили?

Лорд-правитель колебался, потом глубоко вздохнул и резко сказал:

— Мы не можем ждать, пока храмовые ученые завершат его образование. Со смерти Джоквина присутствие Клэйна не вызывает энтузиазма — это следы старых восстаний и интриг. Спроси Клэйна, готов ли он немедленно надеть мантию главного ученого и тем самым стать членом внутренней храмовой иерархии.

— В 16 лет! — выдохнул Неллиан. И это все, что он мог сказать.

В сущности он не видел ничего плохого в предложении сделать 16-летнего юношу одним из руководителей храмов. Представление о правах семьи Линн укоренилось в нем не менее прочно, чем в лорде-правителе. Но как старый сторонник храмов, он чувствовал беспокойство от явного стремления использовать Клэйна для подчинения храмов семье Линнов.

Он с тревогой подумал: «Если я правильно учил мальчика, он не будет полностью на стороне семьи, а будет самостоятельно использовать свое положение в храме.» Тем не менее это была лишь

возможность. Клэйн по-своему высокомерен. Вслух Неллиан наконец сказал:

— Ваше превосходительство, интеллектуально мальчик готов. Эмоционально… — и он покачал головой.

Лорд-правитель, присевший ненадолго, вскочил и остановился прямо перед учителем, глядя на него сверху вниз. Он сказал обдуманным тоном:

— Клянусь атомными богами, он должен пройти и через это. И передай ему, что я не позволю оставлять единственной любовницей эту девушку Селк. Нельзя допускать, чтобы он оставался влюблен в одну женщину. Это не значит, что он должен отослать ее, просто должны быть и другие. Передай ему, что когда через 10 дней он войдет в храм Джоквина, то войдет как главный ученый, и я хочу, чтобы он действовал соответственно.

Он отвернулся, показывая, что решение окончательное. Потом снова повернулся к учителю и добавил:

— Напоминаю тебе об опасности убийства. Посоветуй ему держаться в стороне от Лидии. Все. Можешь идти.

И он вышел из комнаты. Через три месяца Нел-

лиан вторично был приглашен в Капитолийский дворец; на этот раз лорд-правитель казался меньше напряженным.

— Я кое-что слышал о мальчике, — сказал он. — Но предпочитаю прямую информацию. Что это за лечебные методы, которыми он пользуется в своем главном храме?

Учитель нахмурился.

— Весьма предосудительная практика, — холодно сказал он. — Однако лорд Клэйн заверил меня, что у него чисто экспериментальные цели, поэтому я остаюсь наблюдателем.

Лорд-правитель, расхаживающий по комнате, остановился и взглянул на старого ученого, чьи кустистые брови были неодобрительно сжаты. Он вспомнил, что Неллиан в прошлом республиканец и сохранил республиканские взгляды. Поскольку приверженцы республики связали себя с пагубной практикой массового внушения, их неодобрение чего-либо было совершенно неприемлемо для лорда-правителя. Особенно верно это было в делах, связанных непосредственно с храмами.

Он уже хотел так и сказать, но потом передумал и спокойно спросил:

— Что же случилось и что ты не одобряешь?

Неллиан тепло ответил:

— Ваш внук давно интересовался храмовыми ритуалами и их воздействием на множество людей. В качестве эксперимента он поместил в храме Джоквина, который он, как вы знаете, теперь возглавляет, причудливо выглядевшую машину, которую извлек из древних раскопок. На машине множество циферблатов и движущихся частей, и она вызывает суеверный страх. К моему удивлению, ваш внук заявил, что он будет лечить больных и раненых, но предварительно их должна зарегистрировать эта машина. Это значило просто, что больной должен был сидеть и смотреть на циферблаты, очевидно, настраиваясь на их целительную радиацию. Я сам слышал, как лорд Клэйн говорил одному больному, что с этого момента все его ощущения будут исходить из машины и что он будет днем и ночью ощущать ее целительную силу.

Старый ученый помолчал.

— Ваше превосходительство, мне больно видеть, как ваш внук использует почтение людей к храмам. Меня беспокоит такой цинизм.

Лорд-правитель отбросил его критическое замечание.

— И каков же результат? — спросил он. — Я

не верю услышанным рассказам, слишком уж они благоприятны. Лечит ли машина больных и раненых?

— Конечно, нет. — Неллиан говорил нетерпеливо. — Но, ваше превосходительство, вы не поняли. Использование преклонения перед храмами для таких мирных целей явно… — он запнулся в поисках слова… — кощунственно.

Медрон Линн с любопытством взглянул на него.

— Вы говорите, что Клэйн использует храмовые ритуалы внушения. А как, по вашему мнению, их можно использовать?

Неллиан был тверд.

— Только в духовных целях. Чтобы привести мирских мужчин и женщин к большему почитанию богов. Поскольку люди поддаются внушению, для этого должна быть основательная причина, близко связанная с богоданной жизнью. Использовать это в целях лечения… — Он содрогнулся, покачал головой и сказал решительно: — После нового года я не хочу иметь ничего общего с этим экспериментом.

Линн Линнский прогуливался у окна, пытаясь скрыть улыбку. Вот он остановился и спросил:

— Сам ли Клэйн исполняет ритуалы? Кажется,

это слишком трудная задача для одного человека.

Учитель, неожиданно повеселев, покачал головой.

— Вначале он так и делал, но вы, наверно, знаете, что он давно стал чем-то вроде покровителя мутантов. Самых разумных из них он обучил ритуалам, связанным с машиной. Теперь они работают с машиной долгие часы, а ваш внук посещает храм лишь раз в неделю. Что хорошо в этой истории, так это изменившееся отношение к мутантам. Потребуется немало времени, чтобы изменения проникли и в низшие классы, поскольку Линн полон циников. Но наблюдается постоянное движение к терпимости, правда, пока еще очень медленное. Но должен существовать и другой способ изменить отношение к мутантам.

— Что вы предлагаете? — мягко спросил лорд-правитель. — У меня в данный момент ничего нет, — испытующе ответил Неллиан, — но я не сомневаюсь, что может быть найден метод, который не будет связан с таким святотатственным использованием внушения.

Правитель задумчиво кивнул и сказал серьезным тоном:

— Я глубоко уважаю вас, Неллиан, как вы знае-

те. Но меня очень беспокоит проблема мутантов. Я хочу, чтобы вы с терпимостью отнеслись к деятельности моего внука, а тем временем подумали бы о другом методе … принятия мутантов населением… Не будем волноваться об отношении высших классов. — Он ровно закончил: — Как только разработаете альтернативный метод, приходите ко мне, и, если он окажется практичным, я полностью поддержу вас.

Неллиан угрюмо кивнул.

— Очень хорошо, ваше превосходительство. Я не хочу казаться негибким. Всем известна моя терпимость, но это слишком для принципиального человека. Я разработаю такой метод и должным образом представлю его вам. Желаю вам всего наилучшего, сэр.

Медрон Линн окликнул его:

— Скажите Клэйну, чтобы он не попадался на глаза моей жене.

Учитель остановился в дверях, повернулся и серьезно ответил:

— Хорошо, ваше превосходительство.

Лорд-правитель сухо сказал:

— Что же касается лечащей машины, единственное мое сожаление, что я не легко поддаюсь внушению. Немного упрощенности сейчас мне

бы не помешало.

Неллиан сказал:

— Почему бы вам не посетить храмы обычным порядком, сэр? Я уверен, боги дают успокоение даже благороднейшим умам.

— В этом мы с вами не согласимся, — последовал сардонический ответ. — Хорошо известно, что атомные боги интересуются только невежественными, простыми, верящими — и, конечно, своими верными слугами храмовыми учеными. До свидания.

Он повернулся и быстро вышел из комнаты.

Глава 11

Однажды, идя по улице Линна в сопровождении марсианской рабыни Селк — охранник незаметно шел в 50 футах сзади, — Клэйн увидел молодого художника за работой. Клэйн остановился.

Художник улыбнулся зрителям и продолжал наносить быстрые искусные мазки на полотно. Картина представляла веселый водоворот красок, создающий впечатление городской улицы. Клэйн, чье художественное образование было исключительно религиозным, удивился. «Сколько?» — спросил он.

— 500 сестерций. Мутант заплатил половину и сказал:

— Когда картина будет окончена, принеси мне ее домой. Он написал на карточке свое имя и адрес и протянул художнику. У того поднялись брови при виде подписи, но он ничего не сказал.

На следующий день он пришел в городской дом Клэйна в сопровождении темноволосой подвижной девушки и приземистого встрепанного молодого человека. Все они были очень приветливы, увлечены живописью и готовы обсуждать,

в какую раму нужно поместить картину. Клэйн, повинуясь неожиданному порыву, пригласил их остаться на обед.

В ожидании обеда он следил за девушкой. Она непрерывно двигалась, разнося выбранные в баре напитки и смешивая себе другие. От услуг рабов она оказалась.

— Я не верю в рабство, — холодно сказала она в присутствии троих рабов. — Считаю это отвратительным варварским обычаем.

Клэйн ничего на это не ответил. Он был знаком с доводами противников рабства, но знал, насколько политически опасна эта тема. Поэтому он продолжал наблюдать за гостьей и заметил, что она внимательно осматривает дорогие занавеси и мебель. Приподняв конец бесценного ковра и ощупывая его, она почувствовала на себе его взгляд. Подойдя к нему, сказала:

— Я хочу спросить. Все равно это будет оставаться барьером между нами? Вы мутант Линн?

Его охватил озноб. Но ее манеры были так привлекательны, что оцепенение длилось недолго. Он склонил голову и впервые в жизни вслух рассказал о своей беде:"Атомные боги отметили меня узкой грудной клеткой, перекрученными руками и покатыми плечами.»

— Вас это беспокоит? — спросила она. — Меня нет. Прежде чем Клэйн смог ответить, объявили, что обед подан. Поскольку он обслуживался рабами, Клэйн следил за реакцией девушки. Но если она и поняла парадокс, то ничем не проявила этого. Очевидно, высказав свое мнение, она не стала требовать невозможного.

Во время обеда выяснилось, что непричесанный молодой человек композитор.

— Если хотите, — сказал он, — я сочиню музыку по этому случаю и посвящу ее вам.

Клэйн заинтересовался.

— Какие инструменты будут преобладать в вашем сочинении?»

— Струнные.

— Сочините, — сказал Клэйн. — Я буду счастлив заплатить за это и велю, чтобы струнный оркестр сыграл для нас.

— Заплатить! — сказал молодой человек. Казалось, он рассердился.

Девушка быстро сказала:

— О, мы можем сами собрать оркестр, но будет прекрасно, если вы заплатите Медде. Он ничего не смыслит в деньгах. Его родители торговцы, и с тех пор как отец отрекся от него, за то что Медда стал музыкантом, он говорит, что деньги ничего

не значат.

Медда нахмурился и повернулся к Клэйну.

— Ваше превосходительство, — сказал он, — у этой девушки прекрасный голос и великолепная фигура. Она прекрасно играет на всех струнных инструментах. Но она так и не научилась не вмешиваться в чужие дела.

Девушка не обратила на это внимание. Она обратилась к Клэйну:

— Сколько вы заплатите за десятиминутное сочинение, приятное и мелодичное?

Клэйн улыбнулся.

— 500 сестерций?

Девушка захлопала в ладоши.

— Договорились, — сказала она. — Медда, у тебя на месяц есть еда.

Медда что-то пробормотал, но не выглядел недовольным. Вскоре он согласился через неделю представить композицию.

Позже, когда они уходили, девушка чуть задержалась и сказала Клэйну:

— Я слышала, вы ведете очень ученый образ жизни и окружены стариками и рабами. Почему бы вам не встречаться чаще с молодыми художниками? Вы узнаете, что люди создают красоту и сегодня.

Клэйн уже подумал об этом. Он не сделал ошибки, отказываясь от своего прошлого, но вечер был для него приятным сюрпризом. Прежде чем он смог ответить, девушка снова заговорила, на этот раз негромко.

— В городе немало талантливых художников и очень талантливых и привлекательных девушек, включая меня. — Она улыбнулась и отступила на шаг, чтобы он смог взглянуть на нее.

Она была настолько новым типом личности и настолько привлекательна физически, что Клэйн был потрясен. Он наконец с усилием ответил:

— Очень привлекательны.

Она с удовольствием улыбнулась и сказала:

— Я уверена, что девушки с радостью включат вас в нашу группу. Но у нас есть правило, ваше превосходительство, и мы ни для кого его не нарушаем. Пока вы дружите с нами, у вас не должно быть рабынь. До свидания.

Она повернулась и легко вышла из комнаты к ожидавшим ее товарищам.

Клэйн, оставшись один, думал о своих посетителях. Он догадался, что встретился с представителями безденежной артистической колонии, и предположил, что человек, платящий по 500 сестерций, будет с радостью принят в их ряды.

Может ли он позволить себе это? Теоретически, как главный ученый, предполагается, что он живет в аскетическом воздержании.

Но как мутант Линн, чья главная задача — приобрести контроль над собственным поведением, он вполне может стать покровителем искусств. И он улыбнулся несовместимости понятий.

Клэйн тщательно и осторожно избегал встреч с Лидией. Когда она находилась в Линне, Клэйн целые месяцы проводил в своих имениях, чтобы не рисковать встречей с женой лорда — правителя. Только когда она уезжала в один из отдаленных дворцов, он возвращался в свой городской дом.

Сохраняя такую дистанцию, он беспристрастно оценивал опасность для себя. Он знал, чего от нее ожидать, и действовал соответственно.

Он продолжал учиться. Ресурсы храмов и библиотеки Джоквина истощились. Знаменитые ученые, которых одного за другим приглашали к нему, один за другим отдавали свои мысли и знания. Среди многих других интересных сведений он узнал, что величайшим хранилищем знаний в империи является библиотека его деда в Капитолийском дворце.

Здесь, сказали ему, хранится много недоступных древних книг, которые агенты Деглетов и

Линнов собирали сотни лет по всей Солнечной системе. Некоторые из этих книг никогда не были прочитаны за последние поколения. Происходило это потому, что лорд-правитель сохранял их для себя, надеясь когда-нибудь пополнить свое образование. Но, как и следовало ожидать у такого занятого человека, это время никак не наступало.

Клэйн подождал, пока леди Лидия выехала из города на отдых. Потом вернулся в Линн и попросил разрешения лорда — правителя на чтение редких книг. Великий человек, который давно перестал интересоваться книгами, дал разрешение, и Клэйн в сопровождении трех секретарей-рабов (двух мужчин и одной женщины) ежедневно в течение нескольких недель приходил в дворцовую библиотеку и читал о прошлом. Книги были написаны после золотого века, но прежде чем многие подробности забылись или были объявлены бессмысленным вымыслом.

Книги добавили немногое к тому, что он уже знал, но их авторы передавали слухи, которые от отца к сыну прошли через много поколений от самых туманных дней. Они указывали направление. Они прибавили ему уверенности, что он на правильном пути и впереди еще более ценные

открытия.

Однажды он увлеченно читал, когда краем глаза замерил входящую в библиотеку свою неродную бабушку. Он не знал, что она в городе.

Для леди Лидии встреча была такой же неожиданностью, как и для Клэйна. Она почти забыла о его существовании, а вернулась в Линн, потому что получила сообщение о болезни лорда-правителя. Получив сообщение, она поняла, что больше нельзя тратить время. Нужно добиться возвращения Тьюса из изгнания.

Она увидела Клэйна в благоприятных для его внешности условиях. Он был скромно одет в одежду храмового ученого. Этот костюм очень хорошо скрывал его физические недостатки.

Складки костюма искусно скрывали изуродованные руки. Ладони казались продолжением нормального тела здорового юноши. Плащ был перевязан у шеи узкой красивой лентой, скрывая шею и грудь. Над воротником возвышалась прекрасная юная голова лорда Клэйна.

Такая голова заставляла любую женщину взглянуть вторично, красивая, благородная, с изумительно чистой кожей. Лидия, никогда не видевшая внука своего мужа, разве что на расстоянии — Клэйн заботился об этом, почувствовала

страх в сердце.

«Клянусь Ураном! — подумала она. —Еще один великий человек. Как будто мне мало забот вытягивать Тьюса из изгнания.»

Казалось маловероятным, чтобы следовало позаботиться о гибели мутанта. Но если она хочет, чтобы Тьюс унаследовал империю, нужно присматривать за всеми прямыми наследниками. И вот она добавила этого нового родственника к списку наиболее опасных родных больного лорда-правителя.

Она видела, что Клэйн смотрит на нее. Лицо его изменилось, застыло, утратило свою привлекательность, и она вспомнила то, что слышала о нем. Его легко вывести из себя эмоционально. Эта перспектива заинтересовала ее. Она с тонкой улыбкой пошла к нему.

Он дважды попытался уйти. И не смог. Вся краска сбежала с его щек, лицо еще больше исказилось, исчезли последние следы красоты. Губы шевельнулись, но только нечленораздельные звуки донеслись до нее.

Лидия заметила, что стоявшая рядом юная рабыня почти так же возбуждена, как и ее хозяин. Девушка умоляюще смотрела на Лидию и наконец сказала:

— Можно мне говорить, ваше превосходительство?

Это шокировало Лидию. Рабы говорят, только когда к ним обращаются. Это не просто порядок, устанавливаемый отдельными владельцами, — это закон государства, и всякий, кто сообщит о таком проступке, получит половину штрафа, налагаемого на владельца. Леди Лидию поразило, что именно она стала предметом такого унижения. Она была настолько ошеломлена, что девушка успела выговорить:

— Вы должны простить его. У него бывают приступы нервного паралича, когда он не может ни двигаться, ни говорить. Неожиданное появление его благородной бабушки…

И тут к Лидии вернулась речь. Она выпалила:

— Плохо, что у рабов нет подобного паралича. Как ты смеешь обращаться ко мне?

Но тут же спохватилась. Не так часто позволяла она выходить из себя.

Девушка отшатнулась, как будто ее ударили. Лидия теперь с любопытством смотрела на нее. Может быть только одно объяснение, почему рабыня так смело говорит в присутствии хозяина. Должно быть, это его любимая наложница. Странно только, что сама рабыня как будто довольна

их отношениями, иначе она бы не беспокоилась так о нем.

«Похоже, этот мой родственник-мутант может быть привлекателен, несмотря на свое уродство. И привлекателен не только для рабыни, побуждаемой обстоятельствами.»

В этом скрывались какие-то возможности.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Селк, — хрипло ответила молодая женщина. — Я, марсианка. Марсианская война дала несколько тысяч юношей и девушек для рабских школ.

В голове Лидии сложился план. Девушку нужно убить и тем самым вселить в мутанта страх. Этот страх удержит его, пока ей не удастся вернуть Тьюса из изгнания. В конце концов мутант не так уж важен. Невозможно презренному мутанту стать лордом-правителем. Но все же его нужно убрать, так как партия Линнов сможет как-нибудь использовать его в борьбе против Тьюса и ее самой.

Она снова взглянула на Клэйна. Тот сидел неподвижно, с остекленевшими глазами, с бесцветным и неестественным лицом. Лидия не пыталась скрыть свое презрение, когда, шурша оборками, повернулась и вышла в сопровожде-

нии свиты и личных рабов.

Рабов иногда делали убийцами. Выгода их использования заключалась в том, что рабы не могли быть свидетелями в суде ни за, ни против обвиняемого. Но Лидия давно обнаружила, что рабам не хватает решительности в преодолении препятствий. При малейшей опасности рабы отступали, а вернувшись, сочиняли фантастические истории о вставших перед ними преградах. Лидия использовала бывших рыцарей и сыновей рыцарей, чьи семьи из-за безденежья были лишены звания. Такие люди отчаянно нуждались в деньгах, и когда их постигала неудача, то для этого всегда были достаточные основания.

Лидия боялась незнания подробностей. Более 30 из 60 лет жизни мозг ее служил ненасытной губкой, впитывавшей подробности и подробности подробностей. Поэтому необычный интерес для нее представлял случай, когда два рыцаря, нанятые для убийства любовницы внука ее мужа Селк, доложили, что они не сумели найти девушку.

— В доме лорда Клэйна такой нет. Ее информатор, стройный юноша, по имени Меерл, говорил с той смесью храбрости и почтительности, с какой наемные убийцы говорили со своими высокопо-

ставленными нанимателями.

— Леди, — продолжил он с поклоном и улыбкой, — я думаю, вас перехитрили.

— Думать буду я, — резко ответила Лидия. — А ты лишь нож с приданной к ней крепкой рукой. И больше ничего.

— И хороший мозг, чтобы направлять руку, — сказал Меерл. Лидия почти не слышала. Ответ ее был автоматическим. Потому что … может ли это быть? Возможно ли, чтобы Клэйн догадался, что она хочет делать?

Ее удивила решительность и быстрота действий, предпринятых на основе одного подозрения. Мир полон людей, которые ничего не делают по поводу своих подозрений. Если Клэйн сознательно обманул ее, значит, он гораздо опаснее, чем она думала. Следующий шаг придется спланировать более тщательно.

Она вспомнила, что двое убийц все еще стоят перед ней. Взглянула на них.

— Ну, чего вы ждете? Вы знаете, что за неудачу не простят.

— Великодушная леди, — сказал Меерл, — неудача не наша, а ваша.

Лидия колебалась, пораженная правдивостью и прямотой ответа. Некоторые убийцы вызывали

у нее уважение.

— 50 процентов, — сказала она.

И бросила им кошелек. Он был искусно пойман. Мужчины быстро поклонились, сверкнули зубами, звякнули металлом. Повернулись и исчезли за темным занавесом, скрывавшим вход.

Лидия погрузилась в мысли, но ненадолго. Послышался стук в другую дверь, вошла одна из ее фрейлин с запечатанным письмом в руке.

— Письмо пришло, мадам, когда вы были заняты. Лидия слегка подняла брови, увидев, что письмо от Клэйна. Поджав губы, она прочла:

> Моей благородной бабушке.
>
> Благородная леди.
>
> Приношу искренние извинения за оскорбление и расстройство, причиненные вам вчера в библиотеке. Могу лишь винить свою болезнь, хорошо известную в семье. Когда меня постигает приступ, я не могу себя контролировать.
>
> Приношу также свои извинения за действия рабыни, заговорившей с вами. Первым моим намерением было прислать ее вам для наказания, но мне пришло в голову, что вы чрезвычайно за-

няты. Соответственно, я продал рабыню в сельскую местность, где ее, несомненно, отучат от наглости.

Еще раз приношу извинения и остаюсь Вашим послушным внуком Клэйном.

Лидия неохотно призналась, что восхищается этим письмом. Теперь она никогда так и не узнает, на самом ли деле ее перехитрили.

«Возможно, — сухо подумала она, — с определенными затратами я сумею установить, действительно ли он продал ее или просто отослал в имение, пока я не забуду, как она выглядит. Могу ли я это сделать?»

Она задумалась. Придется послать на расследование кого-то видевшего девушку. Кого? Она подняла голову.

— Далат.

Женщина, принесшая письма, присела.

— Да?

— На кого похожа вчерашняя рабыня в библиотеке?

Далат была обескуражена.

— Н… ну … я не помню, ваше превосходительство, Кажется, блондинка.

— Блондинка! Ну, ты тупоумная! У девушки были прекрасные золотые локоны, а ты не за-

метила!

Далат пришла в себя.

— Я не привыкла запоминать рабов, — сказала она.

— Убирайся отсюда! — Но Лидия произнесла это спокойно, без эмоций. Она признала свое поражение.

В конце концов главная задача — возвращение Тьюса в Линн. Лорд Клэйн, единственный мутант в семье лорда-правителя, может подождать.

Тем не менее досада от поражения осталась.

Глава 12

В течение года лорд-правитель превратился в больного старика. К 81 году он почти ослеп на левый глаз, и лишь голос его оставался сильным. У него был громовой баритон, который вселял ужас в сердца преступников, когда он занимал свое судейское кресло — обязанность, которую он благодаря сидячему образу жизни исполнял все чаще и чаще, по мере того как мелькали месяцы.

Но делами он тоже продолжал заниматься. Иногда, приняв решение, хотя в совете продолжался спор, он позволял себе задуматься о будущем своей семьи.

— Я должен сам увидеть молодых людей и оценить, кто из них может стать со временем лордом-правителем, — решил он однажды.

Совершенно сознательно он включил в число тех, кого собирался посетить, и мутанта.

В этот вечер он совершил ошибку, слишком долго просидев на балконе без одеяла. Он простудился и весь последующий месяц провел в постели. Беспомощно лежа на спине, остро сознавая слабость своего тела, ясно понимая, что жить ему оставалось немного, лорд-правитель оконча-

тельно понял, что не может больше откладывать выбор наследника. И хоть он не любил Тьюса, он начал прислушиваться к словам жены, вначале неохотно, затем с большим согласием.

— Вспомни свою мечту об объединенной империи, — говорила она ему снова и снова. — Ты не должен в последнюю минуту давать волю чувствам. Лорды Джеррин и Дрейд еще слишком молоды. Джеррин, конечно, самый выдающийся молодой человек в своем поколении. Он будущий лорд-правитель и так и должен быть назван в твоем завещании. Но еще нет. Нельзя вручить Солнечную систему 24-летнему юноше.

Лорд-правитель беспокойно зашевелился. Он заметил, что она ни одним словом не упомянула о причине изгнания Тьюса. И не позволила ни малейшего намека на тот эмоциональный факт, что Тьюс ее сын.

— Конечно, продолжала Лидия, есть еще дяди юношей с материнской стороны, оба способные администраторы, но им не хватает воли.

Она помолчала.

— И есть еще твои дочери и зятья и их дети.

— Забудь о них. — Лорд-правитель слабо махнул рукой. Второе колено родства его не интересовало. — Но ты забыла Клэйна.

— Мутант?! — удивленно воскликнула Лидия. — Ты серьезно? Лорд-правитель молчал. Пришлось неохотно согласиться. Но он знал, почему сделал это предположение. Отсрочка. Он понял, что его упорно толкают к признанию наследником толстого сына Лидии от первого брака.

— Если ты станешь рассматривать только своих кровных родственников, — настаивала Лидия, — это будет лишь наследование, обычное для наших подчиненных монархов и варваров Венеры и Марса. Политически это бессмысленно. Но если ты примешь во внимание интересы группы, то твои действия будут свидетельствовать об истинном патриотизме. Нет другого способа убедить мир, что у тебя в сердце лишь интересы империи.

Но старый пройдоха, хоть его дух и разум ослабили болезни и возраст, был не так прост. Он знал, что о нем говорят за спиной, будто Лидия делает из него что хочет, как из замазки. Подобное мнение его не очень волновало. Больше 50 лет слушал он непрестанную пропаганду врагов и сплетни друзей и выработал к ним иммунитет.

В конце концов решающим фактором оказалось отчаянное осознание, что у него нет выбора.

Неожиданным фактором послужило посещение больного младшей из двух дочерей от первого брака. Она попросила разрешения на развод со своим мужем и позволения выйти замуж за изгнанного Тьюса.

— Я всегда любила Тьюса, — заявила она, — и теперь хочу присоединиться к нему в его изгнании.

Перспектива открылась столь ослепительная, что старик был одурачен. Ему не пришло в голову, что Лидия целых два дня уговаривала осторожную Гудрун, что это ее единственный шанс стать первой леди Линна.

— В противном случае, — сказала ей Лидия, — ты будешь всего одной из родственниц, зависящей от каприза жены лорда-правителя.

Линн Линнский не подозревал об этих закулисных переговорах. Его дочь выйдет замуж за лорда Тьюса! Эта возможность согревала его холодеющую кровь. Конечно, она слишком стара, чтобы иметь детей, но она будет служить Тьюсу, как служила ему Лидия, совершенным фоном, совершенным представителем его собственной политической группы. Его дочь!

«Я должен узнать, что думает Клэйн, — решил он. — А тем временем пошлю за Тьюсом.»

Он не сказал этого вслух. Ни один из членов семьи, кроме него самого, не сознавал, какие огромные знания давно умерший храмовый ученый Джоквин завещал Клэйну. Лорд-правитель предпочел сохранить эту информацию при себе. Он знал привычку Лидии нанимать убийц, а Клэйн и так подвергался опасности из этого источника.

Он рассматривал мутанта как неожиданную стабилизирующую силу во время хаоса, который может последовать за его смертью. Он написал письмо, приглашающее Тьюса вернуться в Линн, а неделю спустя, оправившись наконец от болезни, приказал отнести себя в резиденцию Клэйна в западном пригороде. Там он провел ночь, а вернувшись на следующий день, сместил два десятка ключевых начальников, которых Лидия умудрилась протащить во время его болезни: он тогда слишком уставал, чтобы вчитываться в бумаги, которые давали ему на подпись.

Лидия ничего не сказала, но заметила последовательность событий. Посещение Клэйна, затем действия против ее людей. Она размышляла над этим несколько дней, а затем, накануне возвращения Тьюса, сама впервые отправилась в скромно выглядящий дом лорда Клэйна Линна,

позаботившись, чтобы ее не ждали.

По пути ей пришло в голову, что ситуация ее не устраивает. Десяток ее планов близок к осуществлению, а тут вмешивается совершенно неизвестный фактор — лорд Клэйн. Думая об этом, она удивилась. Какую опасность для нее, спрашивала себя она снова и снова, может представлять мутант?

В глубине души она сознавала: в этом что-то есть. Старик не стал бы беспокоиться из-за пустяка. Он либо спокоен спокойствием усталости, либо абсолютно нетерпелив. Молодые люди особенно легко выводили его из себя, и если Клэйн — исключение, для этого должна быть причина.

С расстояния, жилище Клэйна выглядело небольшим. Вначале кусты, а затем сплошная стена деревьев окружали подножие холма. Крыша дома виднелась за соснами и другими вечнозелеными растениями. Когда ее носилки приблизились, Лидия решила, что дом трехэтажный, что значительно меньше дворцов других Линнов. Носильщики, тяжело дыша, поднимались мимо прекрасной рощи и наконец остановились у низкой массивной изгороди, не видной снизу. Лидия, всегда обращавшая внима-

ние на защитные устройства, подняла голову.

Она вышла из носилок, почувствовав прохладный ветерок вместо жара летнего дня. Воздух был полон запахом сосен и другой растительности.

Лидия медленно прошла вдоль изгороди, отметив, что она искусно скрыта растительностью, так что с улицы снизу ее нельзя увидеть. Материал похож на тот, из которого сооружены храмы ученых, только здесь заметна свинцовая облицовка. Высота изгороди примерно 3 фута, а толщина — три с половиной. Толстая, низкая и бессмысленная для обороны.

«В молодости я могла бы через нее перепрыгнуть», — подумала она. И, раздраженная, вернулась к носилкам: так и не смогла понять цели изгороди и в то же время не верила, что у нее нет цели. Еще более обескуражило ее открытие, что ворота представляли собой просто отверстие в стене, причем не было никакой охраны. Через минуту носильщики по тоннелю из разросшихся кустов пронесли ее мимо деревьев за ограду и вышли на открытую лужайку. И здесь начались настоящие сюрпризы.

— Стойте! — сказала леди Лидия. Перед ней раскинулось нечто среднее между лугом и садом. Приблизительно 50 акров открывались с

этой точки. Грациозный ручей пересекал луг по диагонали. Вдоль ручья выстроились десятки гостевых домиков, стройных сооружений, каждое под навесом деревьев. Справа от нее возвышался главный дом. В дальнем углу луга аккуратно в ряд стояли 5 космических кораблей. И повсюду виднелись люди. Мужчины и женщины, в одиночку и группами сидели, прогуливались, работали, читали, писали, чертили, рисовали. Лидия задумчиво подошла к художнику, который со своим мольбертом и палитрой сидел в десятке ярдов от нее. Она не привыкла к тому, что на нее не обращают внимания.

Она резко спросила:

— Что это? — и взмахом руки указала на луг. — Что тут происходит?

Молодой человек пожал плечами. Он задумчиво добавил несколько легких мазков и, все еще не глядя на нее, сказал:

— Здесь, мадам, сердце Линна. Здесь создается мысль и мнение империи и затем передается общественности. Здесь рождаются идеи и потом, распространяясь, становятся обычаями народов по всей Солнечной системе. Быть приглашенным сюда — беспримерная честь, это означает, что ваша деятельность в искусстве или науке полу-

чает признание, какое только могут дать власть и деньги. Мадам, кем бы вы ни были, я приветствую вас в интеллектуальном центре мира. Вы не были бы здесь, если бы у вас не было бы непревзойденных достижений к какой-либо области. Но прошу вас не рассказывайте об этом до вечера. Тогда я буду счастлив выслушать вас. А сейчас, старая мудрая женщина, добрый вам день.

Лидия задумчиво отошла. Она подавила желание приказать раздеть и выпороть наглеца. Ей неожиданно захотелось как можно дольше оставаться инкогнито, пока она исследует этот странный салон под открытым небом.

Это была вселенная незнакомцев. Ни разу не встретила она знакомое лицо. Какими бы ни были их достижения, эти люди не принадлежали к знати империи. Патронов не было, лишь у одного мужчины она заметила на плаще герб рыцаря. Подойдя к нему, Лидия поняла по чуждому религиозному символу, что его рыцарство провинциального происхождения. Он стоял у фонтана, выпускавшего струю воды и дыма. Прекрасное зрелище — дым, поднимающийся тонким, подобным ручью облаком. Когда она остановилась у фонтана, прохладный ветерок на мгновение стих и она ощутила волну жара,

напомнившую ей о парящем горячем нижнем городе. Лидия сосредоточилась на рыцаре и на своем желании получить информацию.

— Я здесь недавно, — очаровательно сказала она. — Давно ли действует этот центр?

— 5 лет, мадам. В конце концов нашему юному принцу всего 24 года.

— Принц? — переспросила Лидия. Рыцарь, бородатый, краснолицый мужчина, извинился. — Прошу прощения. В моей провинции это древнее слово означает предводителя высокого рода. В своих путешествиях в ямы, где живут атомные боги, а некогда существовали города, я обнаружил, что у этого слова легендарное происхождение. Так утверждают старые книги, найденные мной в развалинах старых зданий.

Лидия, ошеломленная, спросила:

— Вы спускались в дома богов, где горит вечный огонь?

Рыцарь засмеялся

— Некоторые из них совсем не вечные, как я установил.

— А вы не боялись?

— Мадам, — пожал плечами рыцарь, — мне 50 лет. К чему мне беспокоиться, если моя кровь будет чуть повреждена сиянием богов?

Лидия колебалась, заинтересованная. Но позволила себе отвлечься от своей цели.

— «Принц», — угрюмо повторила она. Применительно к Клэйну титул этот имел отзвук, который ей не понравился. Принц Клэйн. Странно подумать, что есть люди, считающие его своим руководителем. Что произошло со старыми предрассудками относительно мутантов? Она хотела снова заговорить, но тут впервые по-настоящему взглянула на фонтан.

И отшатнулась, подавив крик. Вода кипела. От нее поднимался пар. Взгляд ее упал на горлышко, и Лидия поняла, что от фонтана поднимался не дым, а пар. Фонтан кипящей парящей воды. Вода шумела, булькала. Она никогда не видела столько кипящей воды из искусственного источника. Лидия вспомнила почерневшие котлы, в которых рабы грели воду для повседневных нужд. И почувствовала зависть. Какая роскошь — фонтан кипящей воды!

— Как это получается? — спросила она. — Тут подземный горячий источник?

— Нет, мадам, вода поступает из ручья вот здесь, — рыцарь указал. — Она вытекает отсюда по трубам в дома для гостей.

— Ее нагревают углями?

— Нет, мадам. — Рыцарь явно наслаждался. — Под фонтаном есть углубление, вы можете заглянуть сами, если хотите.

Лидия хотела. Она была очарована. Она понимала, что позволила себе отвлечься, но в данный момент это было не важно. Лидия сверкающими глазами следила за тем, как рыцарь открывает дверцу в цементе. Наклонившись, она заглянула туда. Потребовалось несколько секунд, чтобы приспособиться к тусклому внутреннему освещению. Она разглядела массивное основание горлышка, куда уходила труба, подающая воду. Лидия медленно распрямилась. Рыцарь закрыл дверцу. Когда он повернулся, она спросила:

— Но как это действует?

Рыцарь пожал плечами.

— Некоторые утверждают, что марсианские водяные боги покровительствуют ему, с тех пор как они помогли его покойному отцу победить в войне с марсианами. Вы помните, воды канала вскипели и привели в ужас марсиан во время атаки. А другие говорят, что атомные боги помогают своему любимому мутанту.

— Ох! — сказала Лидия. Такие разговоры она могла понять. Никогда в жизни она не беспокоилась из-за того, что подумают боги о ее действиях.

И не собиралась беспокоиться сейчас. Выпрямившись, она величественно взглянула на рыцаря.

— Не будьте глупцом! — сказала она. — Человек, осмелившийся побывать в домах богов, должен иметь достаточно ума, чтобы не повторять старые бабские сказки.

Тот раскрыл рот. Лидия повернулась прежде, чем он мог заговорить, и пошла к своим носилкам.

— К дому! — приказала она рабам. Те понесли ее к входу в дом, и только тут она сообразила, что так и не выяснила секрет кипящей воды. Она захватила Клэйна врасплох. В своей пышной манере вошла в дом, и когда раб увидел ее и побежал в лабораторию доложить хозяину, было уже поздно. Она показалась в двери в то момент, когда Клэйн отвернулся от анатомируемого трупа. К ее крайнему разочарованию, он не оцепенел в эмоциональном спазме. Она ожидала этого и хотела без помех осмотреть лабораторию.

Но Клэйн подошел к ней.

— Благородная бабушка, — сказал он и наклонился, чтобы поцеловать ее руку. Двигался он с легкой грацией. — Надеюсь, у вас найдется время и желание осмотреть мой дом и мою работу. И то и другое имеет интересные особенности.

У него были такие свободные, человеческие манеры, что она была обескуражена. Не часто ей приходилось испытывать это ощущение. Она нетерпеливо отбросила слабость. Его слова подкрепили в ней желание, с которым она явилась.

— Да, — сказала она, — я буду счастлива увидеть твой дом. Уже несколько лет я собиралась навестить тебя, но все время была занята. — Она вздохнула. — Государственные обязанности очень утомительны.

Прекрасное лицо смотрело на нее с сочувствием. Стройная рука указала на мертвое тело, над которым работали эти тонкие пальцы. Мягкий голос сообщил ей, что целью вскрытия было установление взаимного расположения органов, мышц и костей.

— Я вскрываю мертвых мутантов, — сказал Клэйн, — и сравниваю их с нормальными людьми.

Лидия не вполне поняла его цель. Ведь каждый мутант отличается от других, в зависимости от того, как поразили его боги. Она так и сказала. Сверкающие голубые глаза мутанта смотрели на нее с почтением.

— Известно, — сказал он, — что мутанты редко живут более 30 лет. Естественно, — продолжал он со слабой улыбкой, — поскольку до этого мо-

мента мне осталось 6 лет, меня это беспокоит. Джоквин, мудрый старый ученый, к несчастью покойный ныне, считал, что смерть происходит в результате внутреннего напряжения из-за того обращения, которому подвергаются мутанты. Он полагал, что если это напряжение снять, как пытался делать со мной, мутант проживет нормальный срок и будет обладать нормальным интеллектом. Он считал, что мутант, если дать ему возможность, сможет реализовать нормальные для себя возможности. И возможности эти будут сверхчеловеческими.

Клэйн улыбнулся.

— Пока я не заметил в себе ничего необыкновенного.

Лидия вспомнила кипящий фонтан и похолодела.

— Этот старый дурак Джоквин! — подумала она с яростью. — Почему я не обратила внимание на то, что он делает? Он создал чуждый мозг в самом сердце правящей группы империи.

Тревога ее нарастала. «Смерть, — думала она, — через несколько часов после смерти старика. Нельзя рисковать, имея дело с таким созданием.»

И дальше ее интересовала только доступность

для убийц различных комнат дома. Клэйн, казалось, понял ее настроение, потому что после короткого осмотра лаборатории, причем она прочти ничего не запомнила, он повел ее из комнаты в комнату. Ее внимание заострилось. Она заглядывала в двери, осматривала окна и с удовлетворением заметила, что полы повсюду покрыты коврами. Меерл сумеет напасть без шума.

— А твоя спальня? — спросила она наконец. — Мы идем туда, — ответил Клэйн. — Она рядом с лабораторией. Я хочу еще кое-что показать вам в лаборатории. Вначале я не был уверен, что покажу, но теперь, — у него была ангельская улыбка, — покажу.

Коридор, ведущий в спальню, был настолько широк, что мог выполнять роль приемной. Стены от пола до потолка увешаны коврами. Странно. Лидия приподняла ковер и заглянула под него. Стена чуть теплая и сооружена из храмового камня. Лидия вопросительно взглянула на Клэйна.

— У меня в доме немало божьего металла. Естественно, я не хочу случайностей. Из лаборатории в спальню ведет другой коридор.

Лидия заметила, что обе двери в спальню не имеют замков. Она напряженно думала об этом,

идя вслед за Клэйном в лабораторию. Ей казалось, что он должен был принять меры для самозащиты. Убийца должен ударить раньше, чем Клэйн поднимет тревогу, чем быстрее, тем лучше. К сожалению, подумала она, это произойдет только после утверждения Тьюса наследником. Лидия вдруг заметила, что Клэйн остановился возле черного ящика.

— Джело Гриант, — сказал Клэйн, — привез мне это из своего путешествия в царство богов. Я войду в него, а вы пройдите вперед и загляните в темное стекло. Вам будет интересно.

Лидия повиновалась, удивленная. На мгновение после исчезновения Клэйна стекло оставалось темным. Затем оно начало слабо светиться. Лидия отшатнулась от этого чуждого сияния, Затем, вспомнив, кто она, вернулась к стеклу.

И закричала. Сквозь стекло виделся светящийся скелет. И тень бьющегося сердца, тень расширяющихся и сжимающихся легких. Она смотрела, окаменев. Скелет поднял руку, опустил. И ее парализованный мозг осенило.

Она смотрела на внутренности живого человека. Клэйна. Неожиданно она заинтересовалась. Клэйн. Как шальные, глаза ее скользили по его костям. Она видела ребра вокруг сердца и легких.

Она заглянула в область почек, но тут свет погас. Клэйн вышел из ящика.

— Ну, — спросил он, довольный, — что вы думаете о моем маленьком подарке от богов?

Эта фраза удивила ее. Всю дорогу домой она о ней думала. Подарок от богов! В некотором смысле так и есть. Атомные боги послали своему мутанту способ заглянуть в себя, изучить свое тело. Какова их цель? У нее сложилось убеждение, что если боги действительно существуют и если, как кажется очевидным, они помогают Клэйну, тогда боги атомов снова, как и в легендарные времена, вмешиваются в человеческие дела.

Тревожное ощущение имело только один обнадеживающий ритм. И этот ритм барабаном стучал в ней. Убить! И быстро. Быстро.

Но проходили дни. Требования политической стабильности отнимали все ее внимание. Тем не менее среди множества забот она не забывала о Клэйне.

Курьер лорда-правителя, привезший Тьюсу приглашение вернуться в Линн, передал ему также письмо от матери. Написанное, казалось, в страшной спешке, оно объясняло, как было получено разрешение. Цена поразила Тьюса.

«Как, — думал он, — жениться на Гудрун!» По-

требовался целый час, чтобы он смог успокоиться и обдумать предложение. В конце концов он решил, что его план слишком грандиозен, чтобы позволить ему потерпеть неудачу из-за отвращения к женщине, интерес которой к мужчинам определялся не их качеством, а количеством. Он не был привязан к другой женщине. Его жена семь лет назад, обнаружив, что изгнание из Линна может стать постоянным, быстро убедила отца развести их. Да, он свободен для брака.

Возвращение Тьюса стало триумфом дипломатии его матери и великим мгновением для него самого. Корабль его опустился на площадь, и тут, под непрерывные приветственные крики, его встретили лорд-правитель и весь патронат. Последовавший парад открыли пять тысяч кавалеристов, за ними 10 тысяч пехотинцев, тысяча инженеров и десятки машин для бросания камней. Дальше следовали лорд-правитель, Лидия и Тьюс, триста патронов и шестьсот рыцарей империи. Завершал парад еще один 5-тысячный кавалерийский отряд.

С рострума над зданием патроната лорд-правитель, чей львиный голос не ослабел с возрастом, приветствовал приемного сына. Все сплетни, распространявшиеся о причинах изгнания Тьюса,

подтвердились. Он удалялся для рассуждений. Он устал от хитростей и интриг государственной деятельности. Возвращается он только после повторяющихся просьб своей матери и лорда — правителя.

— Как вы знаете, — заключил лорд-правитель, — семь лет назад я лишился наследника в момент высшего военного триумфа, какой испытывала когда-либо империя, — завоевания Марса. Сегодня, когда я стою перед вами, больше не молодой, больше не способный нести полный вес военного и политического руководства, для меня необыкновенное облегчение заявить с уверенностью: я прошу вас верить этому скромнейшему и достойнейшему члену моей семьи, сыну моей дорогой жены Лидии. Солдатам я скажу, что это не ослабление. Вспомните Кимбри, завоеванный, когда командующему было всего 25 лет. В особенности я обращаюсь к ветеранам Венеры, где подлые правители склонили дикие венерианские племена к восстанию. Вскоре Тьюс будет там с величайшей армией, какую видела империя после завоевания Марса. Я хочу сделать предсказание. Я предсказываю, что не пройдет и двух лет, как вожди венерианского восстания будут повешены на столбах, которые они сейчас

используют для казни пленных. Я предсказываю, что их повесят по приказу лорда-правителя и главнокомандующего Тьюса, которого я назначаю своим наследником и преемником. И пусть его опасаются те, кто замыслил зло для империи. Вот человек, который поразит их и их планы.

Ослепленный Тьюс, который до сих пор во всем следовал советам матери, вышел вперед, чтобы ответить на приветствия и сказать несколько слов.

— Немного, — предупредила его мать. — Будь уклончив. — Но у лорда Тьюса были другие планы. Он тщательно продумал план будущих действий и хотел сделать заявление.

— Я уверен, — сказал он толпе, — вы согласитесь со мной, что титул лорда-правителя принадлежит исключительно первому и величайшему человеку Линна. Поэтому прошу, и пусть это будет обязательным титулом, чтобы ко мне обращались как к лорду-советнику. Я с радостью буду служить советником как лорду-правителю, так и патронату и в этой роли хочу быть известным народу великой Линнской империи. Спасибо за внимание, а теперь я советую устроить трехдневные игры и раздачу пищи по всему городу за мой счет. Идите и развлекайтесь,

и пусть атомные боги пошлют вам удачу.

В первые минуты после того, как он кончил, Лидия была поражена ужасом. Неужели Тьюс сошел с ума, отказываясь от титула лорда-правителя? Радостные крики толпы несколько успокоили ее, а потом, идя вместе с Тьюсом и старым правителем по аллее, ведущей с рострума к воротам дворца, она начала осознавать мудрость нового титула. Лорд-советник. Прекрасный щит против тех, кто пытается возбудить народ и внушить вражду к абсолютным правителям Линна. Ясно, что долгое изгнание обострило прежде туповатый мозг ее сына.

Лорд-правитель, по мере того как проходили дни и становился все яснее новый характер Тьюса, начал испытывать сожаление. Определенные ограничения, наложенные на его приемного сына во время его пребывания на Аваях, оказались излишне суровыми и сослужили ему плохую службу. Не следовало давать жене Тьюса разрешение на развод. Нужно было, чтобы она последовала за ним.

Ему казалось, что теперь остается только одно решение. Он ускорит брак Тьюса с Гудрун, затем отправит их в медовый месяц на Венеру, послав в качестве предосторожности с ними четверть

миллиона солдат, так чтобы будущий лорд-правитель мог совместить любовь с войной.

Решив главную проблему, лорд-правитель занялся вопросом о том, как уберечь других наследников от смерти, которую заботливая Лидия им, несомненно, готовит.

Но очень скоро, вопреки предосторожностям своим и врачей, лорд-правитель заболел неизлечимо. Он долгие часы проводил в постели. Все уловки, включая ледяные ванны, его любимое лекарство, не смогли помочь ему. За несколько часов был извещен патронат, и руководителей государства пригласили к постели умирающего. Лорд-правитель несколько лет назад ввел закон, по которому правителю не разрешалось умирать в одиночестве.

Это была предосторожность против отравления, которую в свое время он считал весьма разумной, но сейчас, когда он смотрел на толпу, вливающуюся в двери его спальни и слушал приглушенный гул голосов, она казалась гораздо менее разумной.

Он подозвал Лидию. Та кивнула, услышав его просьбу закрыть дверь. Люди в спальне беспокойно переглядывались, когда она выпроваживала их, но спокойный голос лорда-правителя повто-

рил приказание, и они вышли. Потребовалось около 10 минут, чтобы очистить комнату. Лорд-правитель лежал, печально глядя на жену. Ему предстояла неприятная процедура, а близость смерти не делала ее менее противной. Он начал без предисловий.

— В последние годы я не раз намекал тебе, что опасаюсь за здоровье своих родственников. Твоя реакция не оставляет мне сомнений, что в твоем сердце нет нежных чувств, присущих женщине.

— Что это? — спросила Лидия.

Она знала, что последует. И спросила:

— Дорогой муж, не сошел ли ты с ума?

Лорд-правитель спокойно возразил:

— Сейчас, Лидия, я не собираюсь пользоваться дипломатическим языком. Не вздумай осуществлять планы убийства моих родственников, как только я буду мертв.

Язык этот оказался слишком силен для женщины. Краска неожиданно сбежала с ее щек, она стала бледна, как свинец

— Я убью твою родню! — выдохнула она.

Некогда серо-стальные, теперь водянистые глаза смотрели на нее безжалостно.

— Я обезопасил Джеррина и Дрейда. Они командуют сильными армиями, и в моем завещании

тщательно обеспечено их будущее. Некоторые из администраторов защищены аналогично. Женщины не так счастливы. Я думаю, мои две дочери в безопасности. Старшая бездетна и лишена честолюбия, а Гудрун теперь жена Тьюса. Но я хочу, чтобы ты пообещала, что не будешь пытаться повредить ей и будешь воздерживаться от таких действий относительно троих ее детей от первого брака. Я хочу, чтобы то же относилось к детям моих трех двоюродных братьев. Наконец, я хочу такого же обещания относительно леди Тани, ее двоих дочерей и сына Клэйна.

— Клэйн! — сказала Лидия. По мере того как он говорил, мозг ее продолжал работать. Он перескочил через невероятное оскорбление, миновал все имена и задержался только на одном. Она вновь произнесла это имя, громче.

— Клэйн! — Глаза ее стали бездонными омутами. Она пристально смотрела на мужа. —Если ты считаешь меня способной на такие преступления, почему ты думаешь, что я выполню обещание, данное мертвецу?

Старик оживился.

— Потому, Лидия, — сказал он, — что ты не просто мать, защищающая ребенка. Ты руководитель, чья политическая прозорливость и ум

сделали возможным создание огромной империи, которую теперь унаследует Тьюс. В глубине сердца ты честная женщина, если ты дашь мне обещание, я думаю, ты его сдержишь.

Теперь она знала, что он только надеется. И к ней вернулось спокойствие. Блестящими глазами следила она за ним, сознавая, как непрочна власть умирающего, как бы отчаянно он ни пытался навязать свои желания преемникам.

— Хорошо, мой дорогой, — успокоила она его. — Я обещаю тебе. Ни одни из тех, кого ты упомянул, не будет убит.

Лорд-правитель в отчаянии смотрел на нее. Он понял, что даже отдаленно не тронул ее. Внутренняя сущность этой женщины недоступна эмоциям. И он немедленно отказался от таких попыток.

— Лидия, — сказал он, — не рассерди Клэйна, пытаясь убить его.

— Не рассердить его? — подхватила Лидия. Она говорила резко, потому что его слова оказались для нее неожиданностью. С изумлением смотрела она на мужа, как будто не могла поверить, что правильно его расслышала. Она медленно повторила слова, вслушиваясь в них, как бы пытаясь постигнуть их скрытое значение.

— Не рассердить его?

— Пойми, — сказал лорд-правитель, — что после моей смерти тебя ожидает еще 15–20 лет жизни, если ты сбережешь свою физическую энергию. Если ты проведешь эти годы, пытаясь править миром за Тьюсом, он быстро и легко отстранит тебя. Ты еще этого не понимаешь, и я советую тебе перестроиться. Ты должна искать власть в других людях. Джеррин не нуждается в тебе, а Дрейд нуждается только в Джеррине. Тьюс сможет и будет обходиться без тебя. Из всех великих остается Клэйн. Он сможет тебя использовать. Через него ты сможешь сохранить хотя бы часть власти.

Взгляд ее не отрывался от его рта. Она слушала, как голос его становился все слабее, пока не затих окончательно. В наступившей тишине Лидия обдумывала его слова. Так ей казалось. Через своего умирающего деда говорил Клэйн.

Это Клэйн хитро предположил, что она будет опасаться за свое собственное будущее. Клэйн, перехитривший ее с этой рабыней Селк, теперь отчаянно пытается предупредить ее действия.

Глядя на умирающего, она в глубине души рассмеялась. Три месяца назад, распознав признаки окончательного распада в своем муже,

она настояла на том, чтобы Тьюс был отозван с Венеры, а на его место назначен Джеррин. Ее умение рассчитывать теперь приносило плоды. Все получалось даже лучше, чем она надеялась. Пройдет не менее недели, прежде чем корабль Тьюса достигнет Линна. В течение этой недели вдова Лидия будет всемогуща.

Возможно, ей все же придется отказаться от своих планов относительно других членов семьи. Но они по крайней мере нормальные люди. Клэйн, чужак, чудовище, нелюдь, должен быть уничтожен любой ценой. В ее распоряжении неделя и, если понадобится, целых три легиона и сотня космических кораблей. Перед такой силой не устоят и боги, создавшие его.

Длинный напряженный разговор истощил последние силы лорда-правителя. За 10 минут до захода солнца огромные толпы, собравшиеся вокруг дворца, увидели, как открылись ворота. Вышла Лидия, опираясь на руки двух старейших патронов, в сопровождении толпы дворян. Через мгновение всем стало известно, что Линн Линнский умер.

Глава 13

Лидия лениво проснулась наутро после смерти лорда — правителя. Она потянулась, обнажив прохладные, белоснежные простыни, и зевнула. Потом открыла глаза и взглянула на потолок. Яркий солнечный свет врывался через открытые окна. У постели стояла Далат.

— Вы просили разбудить вас пораньше, благородная леди — сказала она.

В голосе Далат звучала такая почтительность, какой Лидия не замечала раньше. Она на мгновение задумалась над этим различием и поняла причину: «Линн мертв. На неделю она фактический правитель города и государства. Никто не посмеет возразить матери нового правителя … гм … лорда-советника Тьюса. Радостная, Лидия села в постели.»

— Вернулся ли Меерл?

— Нет, благородная леди.

Она нахмурилась. Ее убийца имел обыкновение, которое она вначале принимала неохотно, а потом, поняв его ценность, с великодушной улыбкой. Он имел доступ в ее спальню в любой час дня и ночи. И она удивилась, что, получив

такое важное задание, он до сих пор не доложил об исполнении.

Далат заговорила снова.

— Я думаю, мадам, что вам нужно сказать ему, что с его стороны неразумно оставлять свой адрес для посылок, которые должны быть переданы вам.

Лидия выбралась из постели. Она взглянула удивленно и гневно.

— Грязный дурак, зачем он это сделал? Покажи посылку.

Она с яростью сорвала упаковку и увидела урну, полную пепла. К основанию урны была прикреплена записка. Удивленная, она развернула ее и прочла:

> Дорогая мадам!
>
> Ваш убийца был слишком влажен. Атомные боги, будучи пробужденными, становятся яростными в присутствии влаги.
>
> ***Уран, от имени совета богов.***

Бах! Звук разбившейся о пол вазы вывел ее из оцепенения. Широко раскрытыми глазами смотрела она на горку пепла среди обломков

керамики. Дрожащими пальцами подобрала записку. На этот раз ее привлекло не название, а подпись: *Уран*.

Ее как будто окунули в холодную воду. С ужасом она смотрела на пепел, который был Меерлом, ее самым надежным убийцей. Она поняла, что переживает эту смерть острее, чем смерть мужа. Старик и так слишком зажился. И пока в нем теплилась жизнь, он обладал властью для перемен. Когда он перестал дышать, она впервые за многие годы вздохнула спокойно. Как будто с ее души сняли груз.

А теперь груз вернулся. Она тяжело дышала. С яростью пнула пепел. Как мог Меерл потерпеть неудачу? Меерл, осторожный, искусный, Меерл, храбрый, отважный, дорогой!

— Далат!

— Да, леди?

Сузив глаза и прикусив губу, Лидия обдумывала дальнейшие действия. Но недолго.

— Вызови полковника Малджана. Пусть явится немедленно.

У нее неделя, чтобы убить человека. Пришла пора действовать в открытую.

Лидия приказала отнести себя к подножию холма, на котором располагался дом лорда Клэй-

на. Она надела густую вуаль. Носильщиками ей служили рабы, с которыми она никогда раньше не появлялась в обществе. Она сидела в старых носилках одной из своих фрейлин. Глаза ее под искусной маскировкой возбужденно горели.

Утро было необычайно жаркое. Порывы теплого воздуха доносились с холма, от дома Клэйна. Немного погодя Лидия увидела, что солдаты, пройдя вверх около ста ярдов, остановились. Остановка становилась все более долгой и удивительной. Лидия уже собиралась выйти из носилок, когда увидела спешащего к ней Малджана. Черноглазый, ястребиноносый офицер был весь в поту.

— Мадам, — сказал он, — мы не можем приблизиться к ограде. Она как будто в огне.

— Я не вижу никакого огня.

— Это невидимый огонь.

Лидия удивилась, заметив, что полковник дрожит от страха.

— Здесь что-то сверхъестественное, — сказал он. — Мне это не нравится.

Лидия вышла из носилок, охваченная ознобом предчувствия поражения.

— Ты дурак? — яростно спросила она. —Если не можешь преодолеть ограду, высади людей с

космических кораблей.

— Я уже послал за ними, — ответил он, — но ...

— Но! — произнесла Лидия как проклятие. — Пойду сама взгляну на эту ограду.

Она начала подниматься и остановилась там, где залегли солдаты. Жар стал нестерпим, от него захватывало дыхание. Ей казалось, что легкие ее полны огнем. В мгновение горло ее пересохло. Она спряталась за куст. Но это не помогло. Лидия видела обожженные, скрючившиеся листья. И отошла за небольшое возвышение на склоне холма. Она скорчилась тут, слишком пораженная, чтобы думать. К ней пробирался Малджан. Вот он подошел, тяжело дыша. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог заговорить. Потом указал верх.

— Корабли, — сказал он. Она следила, как они выползают из-за деревьев. Вот они пролетели над оградой и исчезли из вида за деревьями, окружавшими луг имения Клэйна. 5 кораблей пролетело и исчезло. Лидия почувствовала, как приободрились при их появлении солдаты.

— Пусть люди спустятся вниз, — хрипло приказала она и сама отступила быстрее всех. Улица внизу по-прежнему была почти пустынна. Несколько человек задержались при виде

необычных маневров солдат, но их разогнали караульные, оставленные на дороге. Операция должна считаться частным делом.

Лидия ждала. Ни звука не доносилось из-за деревьев, где исчезли корабли. Как будто они упали в какую-то пропасть молчания. Прошло около получаса, затем неожиданно показался корабль. Лидия затаила дыхание, глядя, как он пролетел над деревьями и опустился на дорогу. Из него вышел человек в мундире. Малджан помахал ему и побежал навстречу. Последовал очень горячий разговор. Малджан повернулся и с видимой неохотой направился к Лидии. Он сказал негромко:

— Дом тоже покрыт непреодолимым горячим барьером. Но они разговаривали с лордом Клэйном. Он хочет поговорить с вами.

Лидия выслушала это в глубокой задумчивости. Она начала понимать, что такое положение может тянуться целые дни. «Если бы только подобраться к нему поближе, — безжалостно подумала она, — под предлогом, что нужно обсудить его предложение ...»

Казалось, все идет прекрасно. К тому времени, как корабль перенес ее через изгородь, жар от стен дома сменился вполне терпимым теплом.

И, как ни невероятно, Клэйн согласился, что она может взять с собой в дом для охраны дюжину солдат. Когда она вошла, ее охватило странное чувство. Никого не видно, даже рабов, ничего не двигается. Она направилась к спальне, идя все более медленно. Ее охватило восхищение. Казалось невероятным, что были сделаны такие тщательные приготовления, включая эвакуацию рабов. И однако все так и есть. Ни разу за все время общения с ней он не допустил ошибки.

— Бабушка, дальше не подходите. Она застыла. И увидела, что находится в ярде от коридора, ведущего в его спальню. В дальнем конце коридора стоял Клэйн. Он казался одиноким и совершенно беззащитным.

— Если подойдете ближе, — сказал он, — смерть постигнет вас автоматически.

Она не видела ничего необычного. Коридор был точно таким, каким она его помнила. Занавеси сняли со стен, обнажив храмовый камень. И все же она чувствовала слабую теплоту, неестественную и смертельную. С усилием отбросила она это чувство.

Лидия уже хотела отдать приказ, но Клэйн заговорил первым.

— Бабушка, не поступайте опрометчиво. Поду-

майте, прежде чем бросить вызов силам атома. Разве случившееся сегодня не убедило вас? Вы, конечно, понимаете, что тому, кого любят боги, не могут повредить смертные.

Женщина не отказалась от своей цели.

— Ты неправильно процитировал пословицу, — сказала она. — Тот, кого любят боги, умирает молодым.

И все же она заколебалась. Ее поразило, что он продолжает стоять менее чем в 30 футах, безоружный, беззащитный, со слабой улыбкой на губах. Как многого он добился, подумала она, совершенно победил свою первую болезнь. И какое прекрасное лицо, спокойное, уверенное!

Уверенное! Неужели за ним действительно боги? Может ли это быть?

— Предупреждаю вас, бабушка, не двигайтесь. Если хотите доказательств, что боги за меня, пошлите солдат. Но сами не двигайтесь!

Она почувствовала слабость, ноги ее подгибались. Ее охватила уверенность, что он не обманывает. В то же время она понимала, что не может отступить.

И все же придется. Она понимала, что в ее ужасной нерешительности безумие. Нужно смириться, отступить, признать поражение. Она

раскрыла рот, чтобы отдать приказ, когда это произошло.

Неизвестно, чем руководствовался солдат. Возможно, им овладело нетерпение. А может, он надеялся на продвижение. Во всяком случае с неожиданным криком:

— Я перережу ему глотку! — он устремился вперед.

Миновав Лидию, он пробежал всего несколько футов и начал распадаться. Он опадал как пустой мешок. И вот только мелкий пепел опускался на пол. Всего лишь одна волна пара. Страшно горячий ветер лишь чуть коснулся Лидии, которая сделала несколько шагов назад, но ударил по солдатам. Послышались сдавленные крики и вопли, сменившиеся звуками свалки. Хлопнула дверь, и они остались одни. Лидия выпрямилась, чувствуя, что из коридора по-прежнему доносится горячий воздух. Осторожно оставаясь на месте, она окликнула:

— Клэйн!

Тот отозвался немедленно.

— Да, бабушка?

Она колебалась, испытывая чувства сдающегося полководца. Наконец медленно сказала:

— Чего ты хочешь?

— Прекращения нападений на меня, полного политического сотрудничества. Но люди не должны как можно дольше подозревать об этом.

— Ох! Ей стало легче дышать. Она боялась, что он потребует публичного признания.

— А если я не соглашусь? — спросила она наконец.

— Смерть!

Сказано было спокойно. Но женщина и не подумала усомниться. Ей давалась возможность. Но оставался еще один нерешенный вопрос. Очень важный вопрос.

— Клэйн, ты стремишься к посту лорда-правителя?

— Нет!

Ответ был слишком быстрым. Она почувствовала недоверие, убеждение, что он лжет. Но через мгновение она обрадовалась, что он отказался. Это в каком-то смысле его связывало. Мысли ее обратились ко всем возможностям ситуации, потом вернулись к трезвой необходимости настоящего.

— Хорошо, — сказал она, чуть вздохнув. — Я согласна.

У себя во дворце она прежде всего вызвала убийц для проведения необходимой операции —

устранения свидетелей ее поражения. К полудню она получила новости. Первая заключалась в том, что корабль лорда Тьюса неожиданно прибыл раньше ожидания и сам Тьюс направляется во дворец. Вторая, более приятная, — полковник Малджан найден мертвым в саду.

И только тут Лидия поняла, что находится именно в том положении, которое покойный муж советовал занять ей для собственной безопасности и благополучия.

Слезы и сознание великой потери наконец пришли к ней. На могиле лорда-правителя народ Линна отдал ему дань, какая никогда раньше не давалась человеку:

МЕДРОН ЛИНН
ОТЕЦ ИМПЕРИИ

Глава 14

В правительственных и военных кругах Линна и Венеры последовательность битв с венерианскими племенами на трех центральных островах называли соответствующим словом — война! Но в пропагандистских целях при любой возможности использовали слово мятеж. Это была необходимая иллюзия. Враги сражались с яростью людей, отведавших вкус рабства. С помощью слова «мятеж» можно было хоть до некоторой степени поднять соответственно дух солдат.

Люди, противостоящие ужасным опасностям болот, едва ли могли признать, что все беды вызваны предателями империи. Лорд Джеррин, исключительно честный человек, восхищавшийся храбрым противником, не делал попытку навязать лживое мнение. Он понимал, что линнцы — угнетатели, и временами чувствовал себя по-настоящему больным из-за необходимости поддерживать это угнетение. Но он понимал также, что у него нет выбора.

Венерианцы были второй по могуществу расой Солнечной системы, уступая только Линну. Эти два народа боролись друг с другом 350 лет, и пе-

релом наступил лишь около 40 лет назад, когда армия Рахейнла высадилась на Уксте, главном острове Венеры. Юному военному гению было всего 18 лет во время битвы в Казунских болотах. Последовало быстрое завоевание еще двух островов, но затем ослепленные сторонники Линнов вызвали гражданскую войну, которая через восемь лет кончилась казнью Рахейнла лордом-правителем. Линн Линнский с холодной яростью продолжил захват четырех главных островных крепостей Венеры. На каждом острове он установил особое правительство, оживил старые языки, одновременно подавляя общий язык, — тем самым заставляя жителей каждого острова считать себя отдельной нацией.

Так продолжалось много лет, а потом неожиданно одновременным выступлением венерианцы захватили главные города 5 основных островов. И обнаружили, что лорд-правитель более предусмотрителен, чем они полагали. Военные крепости находились не в городах, как все были уверены и как докладывали шпионы заговорщиков. Центры линнской власти были размещены в большом количестве небольших крепостей, разбросанных в болотах. Эти крепости всегда казались слабыми форпостами.

И ни один венерианец не догадался сосчитать их. Внушительные городские крепости, нападение на которые было тщательно подготовлено, оказались буквально пустой скорлупой. Когда венерианцы решили напасть на крепости в болотах, было уже поздно нападать врасплох. С Земли прибывали подкрепления. Планировавшийся быстрый удачный ход превратился в затяжную войну. И вскоре венерианцев охватило убеждение, что они не смогут победить.

Месяц за месяцем стальные тиски, подкрепленные флотами космических кораблей, заметно сжимались вокруг сужающейся территории, контролируемой повстанцами. Не хватало продовольствия, ожидался очередной неурожайный год. Мужчины были угрюмы и раздражительны, женщины плакали, общая атмосфера страха передавалась детям. Ужас порождал жестокость. Пленных линнцев вешали на столбах, причем их ноги лишь на несколько дюймов не дотягивались до земли. Искаженные мертвые лица жертв смотрели на искаженные ненавистью лица убийц. Выжившие знали, что за каждую смерть будет заплачено. И увеличивали свою сумму долга.

Ситуация была гораздо сложнее, чем казалась. 6 месяцев назад перспектива неизбежного триум-

фа для Джеррина обеспокоила лорда-советника Тьюса. Он размышлял над ситуацией, сознавая, как эмоции толпы могут изменяться под воздействием победы.

Нельзя поставить под угрозу его собственные либеральные планы. Он продолжал лелеять их, хотя эти планы становились все более смутными. После долгих размышлений Тьюс вспомнил присланную больше года назад просьбу Джеррина о подкреплениях. Тогда Тьюс счел нецелесообразным ускорять конец венерианской войны. Теперь он передумал. Громогласно заявляя о своей заботе о Джеррине, он представил его просьбу патронату и добавил свои настоятельные рекомендации, чтобы не менее трех легионов были посланы на помощь «нашим доблестным армиям, противостоящим искусному и коварному врагу.»

Он мог бы добавить, что это именно он дает подкрепления и тем самым обеспечивает победу. Но не стал этого делать. Патронат не осмелился бы отказать ему в таком же триумфе, какой планировался для Джеррина. Тьюс обсудил готовящуюся ловушку с матерью, леди Лидией, которая, в соответствии со своим политическим соглашением с Клэйном, передала всю информацию мутанту. Лидия не считала, что предает

сына. У нее не было такого намерения. Но она знала, что Тьюс сам собирается на Венеру, и сообщила об этом Клэйну.

Его реакция удивила ее. На следующий день он попросил аудиенции у Тьюса. И тот, державшийся очень любезно с внуками покойного лорда-правителя, тут же разрешил Клэйну организовать собственную экспедицию на Венеру.

Он удивился, узнав, что экспедиция вылетела через неделю после получения разрешения, но, подумав, решил, что это к лучшему. Присутствие Клэйна на Венере создаст затруднения для Джеррина. Рождение 25 лет назад мутанта в правящей семье Линна вызвало сенсацию. Его существование заглушило суеверия, но невежественное простонародье сохранило свои страхи. При соответствующих обстоятельствах люди забросают его камнями. И солдаты могут впасть в панику при мысли о неудачах, преследующих армию, которая накануне сражения увидит мутанта.

Он объяснил свои соображения Лидии, добавив: «Это даст мне возможность установить, замешан ли Джеррин каким-либо образом в тех трех заговорах против меня, что раскрыты за год. И если это так, я смогу использовать присутствие Клэйна.»

Лидия ничего не сказала, но ее обеспокоила ошибочность его логики. Она тоже в свое время замышляла против Клэйна. Теперь уже несколько месяцев она спрашивала себя, какая слепая материнская любовь заставила ее добиваться власти для Тьюса. Под руководством Тьюса правительство бездействовало, а он дергался в причудливой пародии на либеральное правление. Его планы на переходный период оказались слишком смутными. Она сама была опытным тактиком и легко различала зарождавшееся в сыне лицемерие. «Он начал ощущать вкус власти, — думала она, — и понял, что наговорил слишком много.»

Она беспокоилась. Для политика естественно дурачить других, на что-то отвратительное и опасное есть в политике, обманывающем себя. К счастью, опасность вряд ли подстерегает его на Венере. Ее собственные расследования убедили ее, что в заговорах против Тьюса не замешаны влиятельные семьи. К тому же Джеррин не из тех, кто ускоряет ход событий. Он будет раздражен прибытием Тьюса. Он поймет, что нужно Тьюсу, но ничего не предпримет.

После отлета Тьюса с его тремя легионами она взяла на себя управление. У нее были планы

восстановления прежнего контроля над патронатом. К тому же существовало около ста человек, которых она хотела убить.

За весь период кризиса на Венере жизнь в Линне протекала абсолютно нормально.

Глава 15

Вначале поверхность внизу была тенью, видной сквозь туман. По мере того, как три космических корабля экспедиции лорда Клэйна Линна погружались в двухтысячемильную атмосферу, дымка, покрывавшая сцену, исчезла. Горы, ранее похожие на карту, приобретали объемность. Обширное море к северу ушло за горизонт, и потянулись болота, холмы и леса. Местность становилась все более дикой, но яма теперь находилась прямо по курсу — гигантская черная дыра на большой равнине.

Корабли опустились на зеленый луг в полумиле от ближайшего края ямы, расположенной на северо-востоке. Из кораблей вышло около 600 мужчин и женщин, половина из них рабы. Было выгружено огромное количество оборудования. К ночи были сооружены жилища для Клэйна и обслуживавших его трех рабынь, для двух рыцарей и трех храмовых ученых и пяти ученых, не связанных с религиозными организациями. Вдобавок для рабов был построен загон, а вокруг лагеря полукругом разместились два отряда солдат.

Были расставлены часовые, и космические корабли поднялись на пять тысяч футов. В течение всей ночи десятки костров, за которыми следили преданные рабы, разгоняли тьму. Наступил рассвет, и лагерь забурлил деятельностью нового дня. Клэйн не остался руководить ею. Сразу после завтрака были оседланы лошади; в сопровождении двадцати пяти человек — половина из них солдаты — он направился к ближайшему дому богов.

Все двадцать пять были отъявленными безбожниками, но не прошли они и нескольких сотен ярдов, как Клэйн заметил, что один из всадников побледнел. Клэйн подъехал к нему?

— Съел что-нибудь за завтраком? — спросил он мягко. — Лучше вернись в лагерь и отдохни сегодня.

Те, что должны были продолжать путь, следили за счастливцем, возвращавшимся в лагерь.

Местность становилась неровной. В земле появились трещины, устремляясь в сторону ямы, которая все еще не была видна из-за деревьев. Прямыми были эти трещины, слишком прямыми, как будто давным-давно под разными углами из ямы вылетали предметы, разрывая землю.

У Клэйна была своя теория относительно ям.

Атомная война могучей цивилизации. Атомные бомбы вызвали реакцию в земле, и лишь постепенно эта реакция прекратилась в сопротивляющемся грунте, бетоне и стали огромных городов. Столетиями ямы полыхали смертоносной активностью. Сколько это продолжалось? Никто не знал. Клэйн думал, что если отыскать старые звездные карты, то можно было бы оценить промежуток времени. Период этот должен быть очень велик, потому что несколько человек, посетивших ямы на Земле, не испытали никаких плохих последствий.

Божьи огни умирали. Наступало время для разумных смелых людей исследовать ямы. Те, что придут первыми, найдут бесценные сокровища. Большинство ям было расположено в абсолютно пустынной местности, заросшей травой и кустарниками. В некоторых на глубине виднелись развалины, полуразвалившиеся здания, обвалившиеся стены, загадочные пещеры. Туда осмелилось спуститься несколько человек; они принесли с собой странные механические устройства, большей частью сломанные, но некоторые из них работали. В них скрывались удивительные чудеса, неизвестные храмовым ученым. Яма на Венере, к которой они теперь приближались,

всегда возбуждала воображение авантюристов. Много лет посетители корчились за свинцовыми и бетонными барьерами и заглядывали в фантастические глубины. Безымянные города были когда-то построены в глубинах земли. Дно ямы представляло собой мешанину бетонных дамб, усеянных черными дырами, которые, казалось, вели в бездонные глубины.

Свита Клэйна застыла. Солдат, ехавший перед ним, испустил крик, потянул поводья и указал вперед. Клэйн заставил своего коня подняться на пригорок, где стоял солдат. И остановился. Он глядел на полого уходящую вниз травянистую насыпь. Насыпь тянулась примерно на сто футов. За ней была низкая бетонная стена.

А дальше — яма. Вначале они были очень осторожны. Использовали стену как защиту от возможной радиации, которая может исходить из ямы. Клэйн был исключением. С самого начала он стоял прямо и смотрел вниз через бинокль. Остальные постепенно утрачивали осторожность и наконец все, за исключением двух художников, смело стояли, глядя в самый знаменитый дом богов.

Утро не было ясным. Слабый туман поднимался со дна ямы. Но с помощью бинокля можно было

разглядеть подробности и увидеть дно пропасти примерно в семи милях внизу.

К середине утра туман заметно рассеялся, большое солнце Венеры освещало глубины ямы. Два художника, уже зарисовавшие общие очертания, принялись заносить подробности. Их выбрали за умение составлять планы и карты, и теперь бдительный Клэйн видел, что они работают хорошо. Его собственное терпение, результат изолированного воспитания, было больше, чем у них. Целый день осматривал он глубины ямы с помощью бинокля, сравнивая реальность с рисунком.

К вечеру работа была завершена с весьма удовлетворительными результатами. Обнаружили не менее трех возможных выходов их ямы на случай необходимости. Все три выхода были привязаны на местности и на планах к заметным ориентирам.

Ночь прошла спокойно. На следующее утро Клэйн вызвал один из кораблей, и сразу после завтрака на борт поднялись два храмовых ученых, один рыцарь, три художника и дюжина солдат. Корабль легко поднялся с земли. Несколько минут спустя он повернулся носом к яме и направился вниз.

Корабль не делал попытки приземлиться,

но просто кружил в поисках радиоактивных участков. Кругом и кругом на высоте от 500 до 200 футов. Задача рискованная. Корабль был их единственным инструментом для обнаружения присутствия атомной энергии. Давно уже было установлено, что когда один космический корабль проходит точно над другим, верхний корабль лишается движущей силы. И сразу начинает падать. В случае с кораблями они обычно движутся с такой скоростью, что тут же минуют друг друга. Как только они расходятся, к верхнему кораблю возвращается движущая сила и он продолжает движение по своему курсу.

Военные ученые неоднократно пытались использовать это явление для борьбы с космическими кораблями противника. Но эти попытки ни к чему не привели, так как корабль, находящийся на высоте в 500 футов над источником энергии, почти не испытывал помех.

Девять раз их корабль начинал падать, и каждый раз они кружили над районом, определяя его границы, нанося их на карты, отмечая вначале опасные зоны, затем зоны со средней радиацией и наконец безопасные зоны. День кончился, а эта работа все еще не была завершена. И только к полудню следующего дня стали ясны все подроб-

ности. Поскольку приземляться было уже поздно, они вернулись в лагерь и уснули, чтобы снять накопившуюся усталость.

Было решено, что первую высадку произведут сто человек и возьмут с собой припасов на две недели. Место высадки было избрано Клэйном после консультаций с рыцарями и учеными. С воздуха видно было большое бетонное сооружение с сохранившимися стенами и крышей. Главной его особенностью было то, что оно располагалось вблизи выхода, по которому люди могут пешком покинуть яму. Здание окружали десятки пещерообразных отверстий.

Космический корабль благополучно сел. Немедленно открыли люк. Подойдя к выходу, Клэйн испытал впечатление необыкновенной тишины. Он перебрался через край и впервые встал на почву, которую до сих пор видел только с расстояния. Остальные начали спускаться вслед за ним, тишину нарушили звуки деятельности. В утреннем воздухе слышалось дыхание ста человек, их шаги. Разгружались припасы.

Менее чем через час Клэйн смотрел, как космический корабль поднимается в воздух и уходит быстро на 500 футов. На этой высоте он выровнялся и начал кружить над исследователями.

И снова не было допущено никакой торопливости. Установили палатки и обозначили защитный круг. Пищу спрятали в укрытие из бетона. Незадолго до полудня, немного поев, Клэйн, один рыцарь, один храмовый ученый и шесть солдат покинули лагерь и направились к «зданию», которое и привлекло их в этот район. С близкого расстояния это оказалось вовсе не здание, а выступ из бетона и металла — остатки глубокого укрытия, сделанного людьми, памятник тщетности стремлений человека искать спасения механическими, а не интеллектуальными или моральными методами. Вид этого убежища подействовал на Клэйна. Тысячелетия стояло оно здесь, вначале в кипящем океане неукротимой энергии, а теперь в глубокой тишине, ожидая возвращения человека.

Сам Клэйн считал, что со времени великой войны прошло около 8000 лет. У него было достаточно данных из других ям относительно календарной системы древних. Получалось, что Линн существует в 12000 г. н.э.

Он остановился, осматривая частично открытую дверь, потом приказал двум солдатам открыть ее. Они не смогли пошевельнуть ее, и поэтому, отстранив их, он неохотно протиснулся

мимо проржавленного косяка. Клэйн оказался в узком коридоре длиной примерно в 8 футов, оканчивавшемся другой дверью. На этот раз дверь была закрыта. Пол бетонный, стены и потолок тоже, но дверь металлическая. Клэйн и рыцарь, рослый черноглазый человек, открыли ее, почти не прилагая усилий, хотя дверь ржаво заскрипела.

Они стояли, пораженные. Внутренность оказалась не темной, как они ожидали, а тускло освещенной. Свет исходил из ряда небольших шаров на потолке. Шары не прозрачные, но закрытые чем-то похожим на медь. Свет проходил сквозь это покрытие. Ничего подобного в Линне не знали. Клэйн подумал, что свет загорелся, когда они вошли. После короткого обсуждения они закрыли дверь. Ничего не произошло. Они снова открыли дверь, но свет даже не мигнул. Он горел, очевидно, много столетий.

С усилием Клэйн подавил желание немедленно снять сокровища и отнести их в лагерь.

Смертельная тишина, ощущение невероятной древности говорили, что нет необходимости торопиться. Клэйн первым оказался здесь. Медленно, почти неохотно он обратил свое внимание на помещение. В одном углу стоял сломанный

стол. Перед ним стул с одной сломанной ножкой и единственной полоской дерева на месте сидения. Тут же груда какого-то хлама, включая череп и несколько почти неопознаваемых ребер. Останки человека лежали на вершине длинного металлического стержня. Больше ничего в комнате не было. Клэйн прошел вперед и вытащил стержень из-под скелета. Это движение, хотя и легкое, оказалось слишком сильным для скелета. Череп и ребра распались в пыль, и беловатый туман осел на пол. Клэйн неохотно повернулся и, держа в руке стержень, вышел.

Снаружи все было по-другому. Он отсутствовал 15 минут, но многое изменилось. Принесший их космический корабль все еще кружил над головой. Но другой садился рядом с лагерем.

С шумом опустился он, воздух вырвался из образованной им впадины. Клэйн направился в лагерь. В это время люк корабля открылся и оттуда вышли три человека. Один в мундире офицера генерального штаба протянул Клэйну пакет. В пакете было письмо от его старшего брата лорда Джеррина, главнокомандующего линнской армией на Венере. В завещании покойного лорда — правителя указывалось, что Джеррин станет соправителем Тьюса, достигнув

30-летнего возраста, и сферой его деятельности будут планеты. В Линне он подчинялся Тьюсу. Письмо было коротким.

Мне стало известно, что ты прибыл на Венеру. Мне вряд ли нужно говорить тебе, что присутствие здесь мутанта в критический период войны против мятежников имеет неблагоприятные последствия. Мне сказали, что ты получил разрешение на эту поездку лично от лорда-советника Тьюса. Если ты не понимаешь сложных мотивов, которыми руководствовался Тьюс, давая это разрешение, это значит, что ты не сознаешь и последствий этого для нашей семьи. Приказываю тебе немедленно вернуться на Землю.

Джеррин. Клэйн прочел письмо и, подняв голову, заметил, что капитан корабля, привезшего посланца, делает ему знаки. Клэйн отвел капитана в сторону.

— Я не хотел бы беспокоить вас, — сказал тот, — но мне следует известить вас, что сегодня утром, вскоре после того, как ваша экспедиция углубилась в яму, мы видели большой отряд к северо-западу от ямы. Они не двигались в этом направлении, но рассыпались, когда мы пролетели над ними. Это значит, что они венерианские мятежники.

Клэйн постоял, нахмурившись, потом кивнул в благодарность за информацию. Он прошел в свою просторную палатку и написал ответ брату, который должен оттянуть кризис между ними, пока большой кризис на Венере не заставит Джеррина забыть о его присутствии.

Этот кризис должен был обрушиться на ничего не подозревавшего Джеррина через неделю.

Глава 16

Тьюс поселился во дворце давно умершего венерианского императора Херкеля в другом конце города, далеко от штаба Джеррина. Ошибки такого рода создают историю.

Тьюс привез с собой бесконечный отряд генералов и высших офицеров. Некоторые умные люди из лагеря Джеррина нашли возможность проехать через весь город, но даже они явно торопились и не могли выдержать медленных церемоний, связанных с представлением правителю.

Велась большая война. Фронтовые офицеры считали, что их взгляды будут поняты. Они были далеки от мирной пышности Линна. Только те, кто посещал Землю, сознавали крайнее равнодушие населения к венерианской войне. Для тех, кто оставался дома, это была далекая пограничная война. Такие войны велись империей постоянно, менялась только каждый раз их сцена.

Буквальная изоляция обострила подозрительность с которой высадился Тьюс. И испугала. Он не сознавал, как широко распространилось

недовольство. Заговор зашел далеко, настолько далеко, что тысячи офицеров знали о нем и не хотели, чтобы их видели с человеком, который, по их мнению, должен проиграть. Они видели вокруг себя огромные армии под командованием Джеррина. Конечно, рассуждали они, никто не может победить человека, которому верны легионы превосходных солдат.

Тьюсу казалось, что необходимы быстрые, решительные действия. Когда неделю спустя после его прибытия Джеррин нанес ему формальный визит, он поразился тому, с каким холодом встретил Тьюс его просьбу, чтобы подкрепления были посланы немедленно на фронт для окончательного разгрома венериан.

— А что ты будешь делать, одержав победу? — спросил Тьюс, с удовлетворением отмечая недовольство Джеррина.

Тема вопроса, но не тон подбодрили удивленного Джеррина. Он много думал о будущей победе и после недолгого размышления решил, что именно за этим Тьюс явился на Венеру — обсудить политические аспекты завоевания. Манеры Тьюса он приписал его вступлению во власть. Таков был способ нового правителя вести себя соответственно своему положению.

Джеррин коротко высказал свои идеи. Казнь тех руководителей, которые ответственны за политику убийства пленников, обращение в рабство тех, кто непосредственно участвовал в казнях. Остальным нужно позволить спокойно вернуться домой. Вначале каждый остров будет управляться как особая колония, но даже в течение первой фазы будет восстановлен общий язык и разрешена свободная торговля между островами. Вторая фаза начнется через пять лет, ей будет предшествовать обширная реклама. На каждом острове появится самостоятельное правительство, но все они будут частью империи и будут содержать оккупационные войска. Третья фаза начнется через десять лет после второй и будет включать центральную венерианскую администрацию с системой федеральных правительств.

И эта система не будет иметь собственных войск, она будет существовать исключительно в рамках империи.

Пять лет спустя начнется четвертая и последняя фаза. Все семьи с двадцатилетним стажем верности получат линнское гражданство со всеми привилегиями и возможностями продвижения.

— Иногда забывают, — сказал Джеррин, — что Линн начинал как город-государство, завоевывая

соседние города и удерживая их в своей власти путем постепенного распространения гражданства. Нет причин, почему бы эту систему с равным успехом не распространить на планеты. — Он закончил. — Все вокруг нас свидетельствует, что развивавшаяся на протяжении последних пятидесяти лет система абсолютной власти потерпела полную неудачу.

Пришло время для нового, более прогрессивного государственного устройства.

Тьюс чуть не встал, слушая Джеррина. Теперь он видел всю картину. Покойный лорд-правитель в сущности вручил планеты Джеррину. И это был план превращения планет в мощную военную силу, способную, если понадобится, завоевать сам Линн.

Тьюс улыбнулся холодной улыбкой. «Еще нет, Джеррин, — подумал он. — Я все еще абсолютный правитель, и еще три года будет делаться все, что я прикажу. К тому же твой план может помешать моему плану восстановления республики в удобный момент. Я абсолютно уверен, что ты, со всеми твоими либеральными разговорами, не захочешь восстанавливать конституционное правительство. А именно этот идеал должен быть достигнут любой ценой.»

Вслух он сказал:

— Я рассмотрю твои рекомендации. Но пока я хочу, чтобы в дальнейшем все перемещения по службе утверждались мной. Любой приказ, направляемый тобой полевым офицерам, должен быть передан вначале мне для внимательного изучения, а я отправлю его по адресу.

Он решительно закончил:

— Причина в том, что я сам хочу познакомиться с положением всех частей и с именами людей, командующих ими. Это все. Приятно было побеседовать. До свидания, сэр.

Но это было только начало. Начали прибывать приказы и документы, и Тьюс изучал их с прилежностью чиновника. Его мозг упивался бумажной работой, и возбуждение делало каждую подробность важной и интересной. Он знал эту венерианскую войну. В течение двух лет жил он во дворце в нескольких сотнях миль за линией фронта и действовал в должности главнокомандующего, теперь исполняемой Джеррином. Поэтому ему не нужно было изучать ситуацию с самого начала. Нужно было лишь ознакомиться с развитием событий за последние год — полтора. Трудная, но не непреодолимая преграда.

С первого же дня он начал осуществлять свою

исходную цель: заменять офицеров, показавшихся ему сомнительными, подхалимами, которых он привез с собой из Линна. Тьюс иногда стыдился своих действий, но оправдывался необходимостью. Самое главное — добиться, чтобы армия не могла действовать против него, лорда-советника, законного наследника Линнов, единственного человека во вселенной, чья окончательная цель не эгоистична и не автократна.

В качестве дополнительной предосторожности он изменил расположение некоторых частей армии Джеррина. Это были легионы, привезенные Джеррином с Марса и, должно быть, наиболее преданные ему лично. Хорошо, если Джеррин не будет знать их точное расположение в течение ближайших критических недель. Через двадцать дней он получил от шпиона ожидаемое донесение.

Джеррин, два дня назад уехавший в инспекционную поездку на фронт, возвращался в Меред. У Тьюса был всего час на подготовку. Он все еще готовил сцену для предстоящего свидания, когда объявили о прибытии Джеррина. Тьюс улыбнулся собравшимся придворным.

Громким голосом он сказал:

— Сообщите его превосходительству, что в

данный момент я занят, но если он немного подождет, я с радостью приму его.

Эти слова вместе с понимающей улыбкой произвели сенсацию в комнате. К несчастью, Джеррин не стал ждать ответа. Он был уже в комнате. Он не остановился, пока не оказался прямо против Тьюса. Тот оглядел его с ленивым высокомерием.

— Ну, в чем дело?

Джеррин спокойно ответил:

— Моя неприятная обязанность, милорд-советник, сообщить вам, что необходимо немедленно эвакуировать все гражданское население Мереда. В результате служебного несоответствия ряда офицеров венерианцы прорвались севернее города. Уличные бои начнутся еще до утра.

Многие присутствующие издали тревожные возгласы, последовало общее движение к выходу. Рев Тьюса остановил постыдное бегство. Тьюс тяжело опустился в кресло и искаженно улыбнулся.

— Надеюсь, — сказал он, — виновные офицеры понесли заслуженное наказание.

— Тридцать семь человек казнены, — ответил Джеррин. — Вот список, можете просмотреть сами.

Тьюс выпрямился. «Казнены!"Ему вдруг пришло в голову, что Джеррин не стал бы так быстро казнить людей, долго служивших под его командованием. Он рывком достал листок из конверта и пробежал список. Все имена принадлежали тем, кого он назначил за последние дни. Медленно поднял он голову и посмотрел на Джеррина. Взгляды их встретились. Голубые глаза Тьюса горели гневом. В стальных серых глазах Джеррина светилось презрение.

— Ваше превосходительство, — негромко сказал он, — один из моих марсианских легионов изрублен на куски. Тщательно создававшаяся годами стратегия уничтожена. По моему мнению, людям, ответственным за это, лучше убираться с Венеры назад к удовольствиям Линна. Или то, чего они так глупо бояться, действительно произойдет.

Слова его ошеломили Тьюса. Лицо его на мгновение превратилось в маску ярости. Огромным усилием подавив гнев, Тьюс выпрямился.

— Ввиду серьезности ситуации, — сказал он, — я остаюсь в Мереде и принимаю на себя командование войсками. Вы немедленно передадите свою штаб-квартиру моим офицерам.

— Если ваши офицеры явятся в мою штаб-квар-

тиру, их высекут прямо на улице. И это относится ко всем в данном районе города.

Он повернулся и вышел. У него не было ни малейшего представления, что предпринять в развернувшемся фантастическом кризисе.

Глава 17

Клэйн провел три недели до крушения венерианского фронта, исследуя многочисленные отверстия в яме. И хотя угроза бродячих отрядов венерианцев не материализовалась, он для безопасности перевел весь отряд в яму. У трех главных выходов, ведущих в пропасть, были поставлены часовые, два космических корабля постоянно курсировали над местностью вокруг ямы и над самой ямой. Эти предосторожности не были полной гарантией безопасности, но все же действовали. Появление любого большого отряда в окрестностях лагеря не могло остаться незамеченным, и у людей Клэйна было бы достаточно времени, чтобы погрузиться на корабль и отступить.

Это было не единственным преимуществом экспедиции. Хотя венериане поклонялись морскому богу Сабмерну, после пятидесяти лет линнского владычества они уважали и линнских атомных богов. Сомнительно, чтобы они стали рисковать божественным недовольством, вторгаясь в один из домов богов. И вот шестьсот человек были отрезаны от вселенной не только недоступностью

ямы, но и ограниченностью мозга. Но они не были изолированы.

Днем один из кораблей отправлялся в Меред, а когда он возвращался в глубины ямы, Клэйн поднимался на борт и обходил каюту за каютой. Его осторожно впускали мужчина или женщина, и между ними происходил разговор. Шпионы Клэйна никогда не видели друг друга. В сумерках корабль возвращался в Меред и высаживал их в различных районах города.

Шпионы не все были наемниками. В высших кругах империи были люди, считавшие мутанта Линна законным наследником покойного лорда-правителя. Для них Тьюс был лишь временным заместителем, которого в свое время можно будет отстранить. Такие люди были бесценным источником информации для Клэйна. Клэйн знал положение в целом лучше, чем его информанты. Хоть он и производил впечатление на интеллигентных людей, факт оставался фактом: мутант не мог стать правителем империи. Уже давно Клэйн оставил ранние честолюбивые стремления, преследуя лишь две главные политические цели.

У него было преимущество, поскольку его семья принадлежала к правящей группировке Линна.

Хотя среди родственников у него не было друзей, его терпели из-за кровного родства. В его интересах, чтобы они оставались у власти. В кризисе он должен сделать все возможное, чтобы помочь им. Такова была цель номер один.

Целью номер два было участвовать каким-либо образом во всех главнейших политических решениях, принимаемых в Линнской империи. Он исходил из честолюбия, которое не надеялся когда-нибудь удовлетворить. Он хотел быть полководцем. Война в ее практических аспектах казалась ему грубой и неинтеллигентной. С детства изучал он военную стратегию и тактику, стараясь добиться, чтобы битвы выигрывались одним непобедимым маневром.

Он прибыл в Меред на следующий день после столкновения Тьюса с Джеррином и поселился в доме, который заранее тщательно подготовил для себя и своей свиты. Он постарался поселиться как можно незаметнее, но не обманывал себя: прибытие его все равно будет замечено. Другие тоже дьявольски хитры. Другие тоже содержат армии шпионов. Все планы, рассчитанные на секретность, рано или поздно терпят неудачу. И то, что они иногда удаются, лишь доказывают неразумность жертвы. Одно из удовольствий

жизни — делать все необходимые приготовления на виду у противника.

Он неторопливо начал готовиться.

Глава 18

Когда Тьюсу впервые доложили о прибытии Клэйна в Меред — спустя час после того, как это произошло, — он почти не заинтересовался. Поступали более важные, как казалось, сведения о распоряжениях Джеррина по обороне города и размещению войск. Тьюса более всего поразило, что некоторые из этих сведений приходили в форме копий приказов, посланных самим Джеррином.

Неужели Джеррин пытается восстановить их взаимоотношения вопреки тому, что было? Неожиданный маневр, и означает он только, что кризис наступил раньше, чем Джеррин к нему изготовился. Тьюс холодно улыбнулся, сделав этот вывод. Его быстрые действия привели противника в смятение. Нетрудно будет на следующее утро захватить штаб-квартиру Джеррина тремя легионами и тем самым покончить с мятежом.

К трем часам Тьюс разослал необходимые приказы. В четыре его особый шпион, сын обедневшего рыцаря, сообщил, что Клэйн послал вестника к Джеррину с просьбой о свидании в этот же вечер. Почти одновременно другие

шпионы доложили о деятельности в резиденции Клэйна. Среди прочего в дом с космического корабля были доставлены несколько маленьких круглых предметов, завернутых в ткань. В бетонную пристройку перенесли в мешках больше тонны медного порошка. И наконец металлический куб такого же типа, какие используются при строительстве храмов, осторожно опустили на землю. Должно быть, он был не только тяжелый, но и горячий, потому что рабы действовали при помощи рычагов и асбестовых рукавиц с свинцовыми прокладками.

Тьюс задумался над этими фактами, и сама их бессмысленность встревожила его. Он вдруг вспомнил разные слухи о мутанте, которым раньше не придавал значения. Сейчас не время для случайностей. Взяв с собой 50 охранников, он направился к дому Клэйна.

Увидев дом Клэйна, Тьюс удивился. Космический корабль, об отлете которого ему доложили, вернулся. С кораблем толстым кабелем соединялась гондола. Такие гондолы прикреплялись к кораблям для перевозки добавочного груза. Гондола лежала на Земле, и вокруг нее суетились рабы. Приблизившись к дому, Тьюс увидел, что они делают.

Рабы подносили в мешках медный порошок. При помощи какой — то жидкости им покрывали полупрозрачный корпус гондолы.

Тьюс вышел из носилок, полный человек с пронзительными голубыми глазами. Он медленно обошел вокруг гондолы, и чем больше глядел, тем бессмысленней казалось ему это занятие. Странно, что никто не обращает на него внимание. Присутствовали два стражника, но они, по-видимому, не получили никаких приказаний относительно зрителей. Стражники сидели, развалясь, курили, обменивались хриплыми шутками, не подозревая, что рядом с ними находится лорд-советник.

Тьюс не стал просвещать их. Удивленный, он нерешительно пошел к дому. Не было сделано никаких попыток помешать ему. В большой прихожей разговаривало и смеялось несколько храмовых ученых. Они с любопытством взглянули на него.

Тьюс спросил:

— Лорд Клэйн в доме?

Один из ученых кивнул.

— Найдете его в берлоге. Он работает над благословением.

В комнатах было еще много ученых. Тьюс

нахмурился, увидев их. Он был готов к решительным действиям, если потребуется. Но неблагоразумно арестовать Клейна в присутствии такого количества храмовых ученых. В доме слишком много стражников.

К тому же он не мог придумать повода для ареста. Похоже, здесь готовят большую церемонию. Он отыскал Клэйна в «берлоге», небольшой комнате, выходящей во дворик. Клэйн, спиной к нему, склонился над кубом из храмового строительного материала. На столе рядом с кубом лежали шесть полушарий из медного вещества. У Тьюса не было времени их разглядывать, потому что Клэйн повернулся, чтобы посмотреть, кто пришел. Он с улыбкой выпрямился.

Тьюс стоял, вопросительно глядя на Клэйна. Младший подошел к нему.

Мы надеемся, — сказал он, — что этот стержень, который мы нашли в яме богов, есть легендарный огненный стержень. В соответствии с легендой, главное требование к просителю — чистое сердце. И тогда боги по своему усмотрению, но при определенных обстоятельствах активируют стержень.

Тьюс кивнул и указал рукой на куб. — Я доволен, — сказал он, — что ты интересуешься

религиозными вопросами. Я считаю важным, чтобы член нашей знаменитой семьи занимал высокое положение в храмах, и хочу заявить, что бы ни произошло, — он многозначительно помолчал, — что бы ни произошло, ты всегда можешь рассчитывать на меня как на своего покровителя и друга.

Он вернулся во дворец Херкеля, но, будучи осторожным, благоразумным человеком и зная, что люди не всегда так чисты сердцем, как заявляют, он оставил шпионов следить за возможной враждебной для него деятельностью.

Тьюсу доложили, что Клэйн был приглашен Джеррином на ужин, но принят с той холодной формальностью, которой отличались отношения братьев. Один из рабов-официантов, подкупленный шпионом, рассказал, что за едой Клэйн просил, чтобы сто космических кораблей были отозваны с патрульных полетов для какой-то задачи, суть которой раб не понял.

Говорилось еще об открытии фронта на северо-востоке, но настолько неясно, что лорд-советник не думал об этом, пока вскоре после полуночи не проснулся из-за отчаянных криков и звона оружия за стеной своей спальни.

Не успел он сесть, как дверь растворилась и в

спальню ввалилась толпа венерианских солдат.

Фронт на северо-востоке был прорван.

* * *

Наступила третья ночь его плена, ночь повешения. Тьюс дрожал, когда через час после наступления сумерек за ним пришли и отвели на освещенную факелами площадь. Он будет первым. И когда его тело закачается, двадцать тысяч венерян затянут петли на шеях десяти тысяч линнских солдат. Последующая агония растянется не меньше чем на десять минут.

Ночь, на которую остекленевшими глазами смотрел Тьюс, была ни на что не похожа. Бесчисленные огни горели на обширной равнине. Поблизости он видел столб, на котором будет повешен. Дальше рядами стояли столбы в пяти футах друг от друга, а между ними площадки для костров.

Осужденные уже стояли у столбов, со связанными руками и ногами, с веревкой на шее. Тьюс ясно видел только передний ряд. Первая линия жертв офицеры, все они стояли спокойно. Некоторые разговаривали друг с другом, но когда привели Тьюса, разговоры прекратились.

Никогда в жизни не видел Тьюс столько ужаса

на лицах. Слышались крики, стоны отчаяния. Тьюс не ожидал, что его узнают. Трехдневная борода и ночные тени делали это трудным. Никто ничего не сказал, когда он поднялся на эшафот. Бледному и неподвижному, ему надели на шею петлю. В свое время Тьюс приказал повесить немало людей. Совсем другое ощущение — быть жертвой, а не судьей.

Гнев, охвативший его, был основан на том, что он понимал: он не оказался бы в таком положении, если бы действительно против него готовился заговор. Напротив, он рассчитывал на то, что Джеррин своими войсками будет удерживать врага, а он с тремя легионами отберет власть у Джеррина.

В глубине души он верил в честность Джеррина. Он хотел унизить его, свести к нулю заслуженные почести для молодого человека, с которым не желал делить власть. Отчаянная ярость Тьюса выросла из сознания, что Джеррин никогда не устраивал против него заговоров. И тут, случайно посмотрев вниз, Тьюс увидел у эшафота в группе венерианских руководителей Клэйна.

Шок был слишком велик, чтобы все понять сразу. Тьюс глядел на стройного молодого человека, и перед ним постепенно вырисовывалась вся

картина. Между Джеррином и венерианцами было заключено предательское соглашение. Тьюс видел, что мутант в одежде храмового ученого и в руках держит четырехфутовый металлический «огненный стержень». Всплыло воспоминание. Он забыл о благословении в небе. Тьюс поднял голову, но чернота была непроницаема. Если корабль с гондолой находился вверху, он был частью ночи, невидимый и недосягаемый.

Тьюс снова взглянул на мутанта и собрался уже заговорить, но прежде чем он смог это сделать, Клэйн сказал:

— Ваше превосходительство, не будем тратить время на взаимные обвинения. Ваша смерть возобновит гражданскую войну в Линне. Мы меньше всего хотим этого и докажем сегодня ночью, вопреки всем вашим подозрениям.

Тьюс теперь овладел собой. Он быстро обдумывал шансы на спасение. Их не было. Если космические корабли попытаются высадить войска, венерианцам нужно только подтянуть веревки и повесить связанных, а потом их огромная армия будет сдерживать атаки. Это единственный возможный маневр, и поскольку он не может удаться, следовательно, слова Клэйна — ложь.

Мысли Тьюса были внезапно прерваны: вене-

рианский император, человек лет пятидесяти, с угрюмым лицом, взбирался на платформу. Несколько минут стоял он, пока тишина постепенно не охватила всю огромную толпу. Потом подошел к мегафонам и заговорил на общем языке Венеры.

— Друзья венериане, в эту ночь мщения за все преступления, совершенные против нас империей Линна, здесь присутствует агент главнокомандующего армии нашего подлого врага. Он явился к нам с предложением, и я хочу, чтобы он вышел сюда и рассказал вам о нем. И вы рассмеетесь ему в лицо, как это сделал я.

Во тьме послышались крики:

— Повесить его! Повесить его тоже!

Тьюс был потрясен этим яростным криком, но в то же время вынужден был восхититься хитростью венерианского вождя. Это был человек, последователи которого, должно быть, не раз сомневались в его способности к борьбе. У него было упрямое лицо обеспокоенного полководца, ожидающего резкой критики. Какая возможность для него приобрести популярность!

Клэйн поднимался по ступеням. Он подождал, пока восстановится тишина, и затем сказал удивительно сильным голосом:

— Атомные боги Линна, чьим посланником я являюсь, устали от этой войны. Я призываю их покончить с ней. Сейчас!

Венерианский император смотрел на него.

— Ты не это собирался говорить! — воскликнул он. — Ты… — Он замолчал. Потому что взошло солнце.

В_з_о_ш_л_о С_о_л_н_ц_е. Несколько часов назад оно зашло за горизонт. И вот одним прыжком оно взлетело прямо вверх и повисло над головой.

Необыкновенно яркий свет залил сцену множества неизбежных смертей. Стояли столбы с привязанными жертвами, сотни тысяч зрителей-венериан, обширная равнина, прибрежный город в отдалении — все ослепительно освещено.

Тени начинались на другой стороне равнины. Город освещался более слабыми отражениями. А море к северу и горы на юге, как и прежде, были погружены во тьму.

Видя эту тьму, Тьюс понял, что вверху вовсе не солнце, а огромный огненный шар, источник света, на расстоянии в милю равный солнцу. Боги Линна ответили на призыв.

Послышался крик сотен тысяч глоток, ужаснее и сильнее звука Тьюс никогда не слышал. В нем был страх, и отчаяние, и испуганное по-

чтение. Мужчины и женщины упали на колени. Венерианский вождь понял всю глубину своего поражения. Он тоже испустил ужасный крик — и прыгнул к рычагу, который опускал люк, на котором стоял Тьюс. Краем глаза Тьюс заметил, как Клэйн поднял стержень, который держал в руке.

Вспышки не было, но император исчез. Тьюс так и не мог решить, что же произошло, но у него сохранилось воспоминание о человеке, буквально превращающемся в жидкость. Жидкость, обрушившуюся на платформу и прожегшую дыру в дереве. Картина была такой невероятной, что Тьюс закрыл глаза и даже себе потом не признавался в увиденном. Когда он наконец открыл глаза, с неба опускались корабли. Для лежавших ниц венериан появление пятидесяти тысяч линнских солдат должно было показаться очередным чудом.

Вся основная армия была пленена в эту ночь, и хотя война на других островах продолжалась, большой остров Укста был полностью захвачен в течение нескольких недель. Клэйн доказал свою правоту.

Неделю спустя в туманный полдень Клэйн в числе других влиятельных линнцев провожал флотилию кораблей, которые сопровождали

лорда-советника, возвращавшегося на Землю. Прибыл Тьюс в сопровождении свиты. Группа храмовых посвященных затянула гимн. Лорд-советник остановился и постоял с минуту, слушая со слабой улыбкой на лице.

Возвращение на Землю, предложенное Клэйном, полностью устраивало Тьюса. На него выпадет первое торжество по поводу победы на Венере. У него будет достаточно времени, чтобы подавить слухи об унизительном пленении самого лорда — советника. И к тому же именно он настоит на полном триумфе для Джеррина.

Тьюс удивился, что временно забыл свои сомнения относительно таких событий. Когда он поднимался на борт, посвященные снова запели.

Ясно, что атомные боги тоже довольны.

Глава 19

В своем обращении к патронату после возвращения с Венеры Тьюс среди прочего заявил:

— Нам сейчас это трудно осознать, но у Линна не осталось значительных противников. За последние два десятилетия наши войска нанесли решающие поражения нашим недругам на Марсе и Венере, и теперь мы оказались в уникальном историческом положении: мы единственная сила человечества. Кажется неизбежным период неограниченного мира и созидания.

Он вернулся во дворец, мысленно слыша еще приветственные крики патроната, настроение у него было ликующее. Шпионы уже донесли ему, что патроны считают победу на Венере его заслугой. В конце концов до его прибытия война тянулась бесконечно. И потом вдруг, почти за одну ночь, все кончилось. Ясно, что его мудрое руководство сделало это возможным. Тьюсу не нужно было быть мудрецом, чтобы понять, что в таких обстоятельствах он вполне может допустить триумф для Джеррина и при этом ничего не потеряет.

Несмотря на собственное заявление патронату,

он сам на протяжении последующих мирных недель все более поражался своим словам: никаких врагов. Нечего опасаться. Трудно было поверить, что вселенная принадлежит Линну и что ему, лорду-советнику, подчиняется больше людей, чем кому-либо другому. Такое положение ослепляло Тьюса.

Он будет заботливым вождем, уверял он себя. Он предвидел великие деяния, которые озарят славой золотой век Тьюса в истории Линна. Видение было таким благородным и вдохновляющим, что Тьюс долгое время лишь играл величественными планами, не предпринимая никаких конкретных действий.

Вскоре ему доложили, что Клэйн вернулся с Венеры. Через несколько дней он получил письмо от мутанта.

Его превосходительству,
лорду-советнику Тьюсу.

Мой благородный дядя, Я хотел бы навестить вас и передать результаты нескольких бесед с моим братом Джеррином, а также мои собственные соображения относительно потенциальных опасностей для империи. Нас обоих тревожит преобладание рабов над гражданами Земли, а также наша полная неосведомленность относительно ситуации на спутниках Юпитера и Сатурна. Поскольку это единственные возможные пока опасности, чем скорее обсудим мы все их аспекты, тем увереннее будем, что Линну ничто не сможет угрожать.

Ваш послушный племянник Клэйн.

Прочитав письмо, Тьюс почувствовал раздражение. Оно казалось надоедливым. Оно напомнило, что блестящее будущее, которое он предвидел для империи, и контроль над Линном не были подлинными, что его племянники могут принудить его к компромиссу, который затмит его славу. Тем не менее он дипломатично ответил:

Мой дорогой Клэйн!

Приятно было получить твое письмо. Вернувшись с гор, я буду счастлив принять тебя и обсудить дела самым тщательным образом. Я приказал собирать данные, так что, встетившись, мы сможем рассуждать, опираясь на факты.

Тьюс, лорд-советник.

Он действительно отдал приказ и действительно выслушал чиновника, который считался экспертом по спутникам Юпитера и Сатурна. Спутники населяли племена, стоящие на разных стадиях варварства. Доклад основывался на опросе жителей спутников, иногда оказывавшихся в Линне и на сообщениях тьюсовцев, навещавших определенные порты. Все свидетельствовало о том, что старая игра интриг и убийств среди вождей, жаждущих власти, продолжалась.

Убедившись, что ситуация не вызывает опасений, Тьюс отбыл на отдых в горы в сопровождении трехсот придворных и пятисот рабов. Он все еще был там, когда месяц спустя пришло второе письмо от Клэйна.

Благородному лорду-советнику Тьюсу.
Ваш ответ на мое письмо принес мне

большую радость. Не могу ли я получить сведения относительно ваших агентов: сколько их и где они сосредоточены?

Причина моего вопроса в том, что я обнаружил: несколько моих агентов на Европе, величайшем спутнике Юпитера, были неожиданно казнены год назад. Вся моя информация об этой территории основана на докладах не менее двухлетней давности, да и те довольно туманные.

Похоже, что около пяти лет назад некий вождь начал объединение Европы, и с тех пор с каждым месяцем доклады моих агентов становились все более смутными. Я подозреваю, что мои агенты стали жертвой тщательно спланированной пропаганды. Если это так, то меня чрезвычайно беспокоит, что кто-то сумел перехватить мои каналы информации.

Это только подозрение, конечно, но желательно, чтобы ваши люди произвели расследование, имея в виду, что их нынешние источники информации могут оказаться ненадежными.

Ваш верный слуга и племянник Клэйн.

Письмо напомнило Тьюсу, что он живет в мире шпионов. «Я полагаю, — устало подумал он, — что уже сейчас обо мне распускают слухи. Люди представить себе не могут, какие планы я со своими помощниками разрабатываю для государства во время так называемой увеселительной поездки.»

Он подумал, не выпустить ли серию заявлений относительно блестящего будущего.

Весь день он испытывал раздражение, потом снова перечел письмо Клэйна и решил, что необходим спокойный и дипломатичный ответ. Он может заявить, что принимает предосторожности против любой случайности.

Он отдал необходимые распоряжения, посоветовал Клэйну поступить так же и начал серьезно обдумывать положение которое сложится, когда 6–8 месяцев спустя с Венеры за заслуженным триумфом прилетит Джеррин. Будущее уже не казалось таким безоблачным, как сразу после его собственного возвращения с Венеры. Племянники стремятся вмешиваться в государственные дела и имеют на это законное право. У каждого, в соответствии с законом, был совещательный голос относительно государственных дел, хотя прямо вмешиваться в управление они не могли.

«Клэйн в своем праве, — неохотно признал Тьюс. — Но моя мать однажды сказала: тот, кто постоянно использует свои права, не мудрец.» — и он рассмеялся.

Вечером перед сном Тьюса озарило: «Я снова начинаю подозревать: те же страхи, что беспокоили меня на Венере. Проклятая дворцовая атмосфера действует на меня.»

Он считал себя неспособным к низменным мыслям и признавал их присутствие в других, так он говорил себе, с большой неохотой и то только из-за их возможного влияния на дела государства.

Он был убежден, что для него подлинное наслаждение — выполнение своего долга. Именно оно заставляло его следить за возможными заговорами, хотя самому ему они были отвратительны.

Сознание собственной безупречной честности утешало Тьюса. «В конце концов, — думал он, — я могу иногда ошибаться, но не могу ошибиться серьезно, если буду внимателен к опасности из всех источников. И даже мутант с научными знаниями — это вопрос, которому я должен уделять тщательное внимание с учетом интересов государства.»

Он уже не раз думал об оружии, которое Кл-

эйн использовал на Венере. И в продолжение следующих дней пришел к выводу, что должен действовать. Он продолжал уверять себя, что делает это неохотно, но в конце концов написал Клэйну:

Мой дорогой племянник!

Хотя ты и не просил о покровительстве, которое заслужил как своим происхождением, так и своими работами, я уверен, ты будешь счастлив услышать, что государство готово принять под охрану материалы, добытые тобой из ям богов и других древних источников.

Самое безопасное для них место — твоя резиденция в Линне. Поэтому я приказываю перевезти в город все оборудование из твоего сельского поместья. Через неделю в поместье прибудет отряд с соответствующим транспортом, другой отряд сегодня же приступает к охране твоей городской резиденции.

Командир отряда, ответственный передо мной, создаст тебе все условия для работы. Я рад, мой дорогой Клэйн, что оказал тебе столь дорогостоящее, но за-

служенное внимание.

Вскоре я лично навещу тебя, осмотрю твои сокровища, чтобы в дальнейшем использовать их для всеобщего благодеяния.

С самыми сердечными пожеланиями

Тьюс, лорд-советник.

Отправив письмо и отдав необходимые приказы командирам отрядов, Тьюс подумал: «По крайней мере все материалы будут собраны в одно место. Позже всегда возможен более строгий контроль — если, конечно, возникнет необходимость.»

Мудрый руководитель предусматривает любую случайность. Даже действия любимых родственников нужно рассматривать объективно.

Тьюсу сообщили, что Клэйн не сопротивлялся и все материалы благополучно доставлены в Линн.

Тьюс все еще находился в горном дворце, когда пришло третье письмо Клэйна. Сжато сформулированное, оно представляло собой социальный трактат. В предисловии говорилось:

Нашему дяде, лорду-советнику.

Лорды Джеррин и Клэйн Линн полагают, что в Линне существует опасное преобладание численности рабов. Они полагают далее, что рабство нежелательно в любом здоровом государстве. Поэтому они предлагают, чтобы лорд-советник Тьюс во время своего правления придерживался следующих основных принципов и сделал их основополагающими для будущих поколений:

1. Всякое законопослушное человеческое существо обладает полным контролем над собственной личностью.

2. Там, где такого контроля сейчас не существует, он будет предоставлен постепенно, причем первые две ступени вводятся в действие немедленно.

3. Первая ступень: ни один раб не может быть физически наказан без постановления суда.

4. Вторая ступень: продолжительность рабочего дня раба не должна превышать десять часов.

Далее описывались следующие ступени постепенного освобождения рабов, так что спустя 20 лет только неисправимые будут «несвободны»,

да и те будут контролироваться непосредственно государством, причем с каждым из них в соответствии с законом будут обращаться как с индивидуумом.

Тьюс, удивляясь и забавляясь, читал этот документ. Он вспомнил другое высказывание своей матери: «Не беспокойся из — за идеалистов. В нужный момент толпа перережет им глотки.»

Но его благодушие быстро растаяло. «Эти мальчишки вмешиваются в дела государственного управления.» И к концу лета Тьюс приготовился вернуться в город. При этом он не переставал хмуро думать об «угрозе государству», которая, по его мнению, возрастала.

На второй день после своего возвращения в Линн он получил еще одно письмо от Клэйна. В письме содержалась просьба о свидании, чтобы «обсудить вопросы, касающиеся обороны империи.»

Тьюса больше всего разъярило то, что мутант даже не дал ему прийти в себя после возвращения. Конечно, ему при переселении особенно нечего было делать, но все же вежливость требовала подождать. Тьюс с гневом решил, что настойчивость Клэйна носит все признаки сознательного оскорбления.

Он послал в ответ коротенькую записку.

> Мой дорогой Клэйн. Я приму вас, как только освобожусь от более важных дел. Подождите извещения.
>
> ***Тьюс.***

Спал он спокойно, уверенный, что занял твердую позицию и сделал это вовремя.

И проснулся, чтобы узнать о катастрофе. Единственным предупреждением послужил стальной блеск металла в утреннем небе. Захватчики высадились в Линне с трехсот космических кораблей. Должно быть, предварительно высадились шпионы, потому что захватчики сразу оказались у главных ворот и казарм внутри города. С каждого корабля высадилось по двести странных воинов.

— Шестьдесят тысяч солдат! — произнес лорд-советник Тьюс, изучив донесения. Он отдал приказы о защите дворца и разослал почтовых голубей в три легиона, размещенные вне города, приказывая двум из них начать немедленное наступление. И сидел, бледный, но спокойный, глядя из окна на разворачивающийся спектакль.

Все было смутным и нереальным. Большинство нападавших кораблей скрылось за большими

зданиями. Некоторые лежали на открытых площадках, но казались мертвыми. Трудно было представить себе, что поблизости от них идет яростная битва. В девять часов принесли послание от леди Лидии:

Дорогой сын. Есть ли у тебя новости? Кто на нас напал? Это ограниченное вторжение или нападение на всю империю? Связался ли ты с Клэйном?

Первого пленника привели, когда Тьюс хмурился из-за неприятного предложения искать помощи у своего родственника. Мутант был последним, кого он хотел бы видеть. Пленник, бородатый гигант, гордо признался, что он с Европы, одного из спутников Юпитера, и не боится ни человека, ни бога. Рост пленника и его явная физическая сила поразили Тьюса. Но его наивный взгляд на мир действовал ободряюще. Следующие пленники обладали сходными физическими и умственными характеристиками. И уже задолго до полудня Тьюс ясно представлял себе ситуацию.

Происходило вторжение варваров с Европы. Очевидно, лишь с целью грабежа. Если не действовать быстро, Линн в два дня лишится сокровищ, собранных столетиями. Кровавые приказы посыпались из уст Тьюса. Пленных

не брать. Разрушить их корабли, их оружие, их одежду. Не оставить ни одного следа варваров в великом городе.

Медленно тянулось утро. Тьюс хотел осмотреть город в сопровождении дворцовой кавалерии. Но отказался от этого замысла, подумав, что командиры не смогут посылать ему донесения. По той же причине он не мог перенести свою резиденцию в менее заметное здание. Перед полуднем пришло успокоительное известие, что два из трех легионов наступают у главных ворот.

Новости успокоили Тьюса. Он начал размышлять в более широких рамках о случившемся. С неудовольствием вспомнил письмо Клэйна. Торопливо призвал нескольких экспертов и сидел, слушая их доклады.

Данных собралось множество. Европу, главный спутник Юпитера, с легендарных времен населяли яростно соперничающие племена. Говорили, что обширная атмосфера Европы была создана искусственно учеными золотого века с помощью атомных богов. Подобно всем искусственным атмосферам, она содержала большое количество тенеола — газа, пропускающего солнечный свет, но не позволяющего теплу уходить в пространство.

Пять лет назад путешественники начали рассказывать о вожде по имени Чинуар, который безжалостно объединял все враждующие племена планеты в одну нацию. Потом путешествия стали опасными, и торговцам разрешили посадку лишь в строго определенных районах. Там им говорили, что попытка Чинуара к объединению не удалась. Контакты после этого делались все более слабыми. Тьюсу становилось ясно, что на самом деле объединение удалось и что все противоположные сведения были ложной информацией. Хитрый Чинуар перехватил все каналы информации и, продолжая укреплять свое положение на планете, снабжал остальной мир дезинформацией.

Чинуар. В этом имени было что-то зловещее, какая-то сдержанная ярость, резкий металлический колокольный звон. Если такой человек уйдет хотя бы с частью приверженцев и с частью богатств Линна, солнечная система взорвется. Правительство лорда-советника Тьюса может рассыпаться, как карточный домик.

Тьюс колебался. В голове у него возник план, который лучше осуществить ночью. Но это значит дать варварам еще несколько часов для грабежа. Он решил не ждать, но приказал третьему, пока

резервному, легиону войти в туннель, ведущий во дворец.

В качестве предосторожности и в надежде отвлечь внимание неприятеля он послал с пленным офицером письмо Чинуару. В письме он указал на безрассудность нападения, результатом которого будут лишь кровавые репрессии на Европе, и говорил, что еще есть время для почетного отступления. Только одно было неверно в рассуждении Тьюса. Чинуар собрал большие силы и сдерживал их, надеясь установить, находится ли лорд-советник во дворце. Освобожденный пленник, принесший письмо, сообщил о местонахождении Тьюса.

В последующей яростной атаке варвары овладели центральным дворцом и захватили врасплох легионеров, которые начали появляться из тайного туннеля. Люди Чинуара вылили в туннель масло из огромных дворцовых цистерн и подожгли его.

Так погиб целый легион. В эту ночь сотни резервных варварских космических кораблей высадились за линнскими солдатами, осаждавшими ворота. А наутро, когда варвары, находившиеся в городе, сами контратаковали, два легиона были изрублены на куски.

Лорд-советник Тьюс ничего не знал об этих событиях. Накануне его череп был отдан любимому златокузнецу Чинуара, тот залил его линнским золотом и изготовил кубок, чтобы отпраздновать величайшую победу столетия.

Глава 20

Для лорда Клэйна Линна, занимавшегося проверкой счетов по своему сельскому имению, новость о падении Линна была тяжелым ударом. За незначительными исключениями, все его атомные материалы находились в Линне. Он отпустил посланника, который неблагоразумно сообщил свои новости при открытых дверях, сидел за столом и размышлял. Когда он осмотрел комнату, где трудилось множество учеников, ему показалось, что по крайней мере один из рабов не мог сдержать радости. Он не стал откладывать, но немедленно подозвал этого человека к себе. У него была неизменная система обращения с рабами, унаследованная от давно умершего учителя Джоквина вместе с имением.

Работа, верность и положительное отношение давали рабам лучшие условия, более короткий рабочий день, большую свободу в действиях, право после 30 лет жениться, а после 40 обретать полную свободу. Лень и другие отрицательные свойства, как обман, наказывались рядом мер. Не будучи в состоянии изменить законодательство страны, Клэйн не мог представить себе лучшую

систему ввиду существования рабства. И вот сейчас, несмотря на свое беспокойство, он действовал, как поступал в таких случаях Джоквин, когда не было явных доказательств вины. Он сказал рабу Оорагу, что тот вызвал его подозрения, и спросил, оправданы ли они.

— Если ты виноват и сознаешься, — сказал он, — то получишь мягкое наказание. Если не сознаешься, а позже окажешься виновным, будет три наказания, что означает, как ты знаешь, тяжелую физическую работу.

Раб, рослый мужчина, ответил с насмешкой:

— К тому времени Чинуар покончит с вашими линнцами, и ты будешь работать на меня.

— Полевые работы, — сказал Клэйн коротко, — на три месяца по десять часов в день.

Не время для милосердия. Империя, подвергшаяся нападению, не уклонится от самых жестоких действий. Все, что можно истолковать как слабость, теперь губительно.

Когда стражники уводили раба, тот закричал:

— Злобный мутант, Чинуар покажет тебе твое место.

Клэйн не ответил. Он считал сомнительным, чтобы новый завоеватель был избран судьбой для наказания Линна за все его злые деяния. Он

выбросил эти мысли из головы и вышел. У входа он остановился, взглянул на десяток преданных рабов, которые сидели за столами.

— Не поступайте опрометчиво, — медленно ясным голосом сказал он. —Если вы испытываете такие же чувства, как Ооpаг, сдержите их. Падение города от неожиданной атаки не так уж важно. — Он остановился, поняв, что обращается к их инстинкту осторожности. Разум говорил ему, что в периоды больших кризисов люди не всегда осмысливают все возможности.

— Я понимаю, — сказал он наконец, — что быть рабом небольшое удовольствие, хотя есть и свои преимущества — экономическая безопасность, бесплатное обучение мастерству. Но слова Оорага доказывают, что если молодым рабам предоставить свободу поступков, они потрясут общество. К сожалению, люди разных рас лишь постепенно учатся жить вместе.

Он вышел, довольный тем, что поступил наилучшим образом в данных обстоятельствах. Он не сомневался, что поведение Оорага снова в миниатюре отражало всю проблему империи рабства. Если Чинуар завоюет хоть сколько-нибудь значительную территорию, автоматически последует восстание рабов. В Линнской империи много

рабов, слишком много для ее безопасности.

Снаружи он увидел первых беженцев. Они прилетели в многочисленных разноцветных воздушных экипажах. Клэйн некоторое время следил за ними, стараясь представить себе картину их бегства из Линна. Удивительно то, что они ждали до полудня второго дня. Люди просто отказывались верить, что город в опасности, хотя, конечно, более ранние беженцы могли уйти в других направлениях. И не показаться вблизи его поместья.

Клэйн решительно отбросил задумчивость. Он подозвал раба и отправил его к беженцам:

— Пусть те, у кого есть средства транспортировки, продолжают движение. Здесь, в 80 милях от Линна, мы сможем позаботиться только о пешеходах.

Он прошел в кабинет и созвал командиров своих войск.

— Мне нужны добровольцы, — объяснил он, — в особенности люди с сильными религиозными чувствами, которые ночью полетят в Линн и все транспортабельное оборудование из моей лаборатории.

План, который он обрисовал 50 добровольцам, был прост. В смятении, охватившем большой

город, пройдет, вероятно, несколько дней, прежде чем варварская армия займет все действительно важные резиденции. Варвары, особенно в эти первые дни, вполне могут пропустить дом, стоящий за деревьями.

Если по несчастной случайности дом все же занят, вероятно, в нем так мало противников, что храбрые люди легко перебьют всех врагов и выполнят свою задачу.

Я хочу подчеркнуть важность вашего задания, — продолжал Клэйн. — Как вы все знаете, я член храмовой иерархии. Мне доверили священные божественные металлы и оборудование, включая материалы, взятые из самих домов богов. Если драгоценные реликвии попадут в нечистые руки, произойдет катастрофа. Поэтому я приказываю: если по несчастной случайности вы попадете в руки врагов, не открывайте цели вашего рейда. Говорите, что пришли за собственным имуществом.

Помня об отряде, оставленном Тьюсом, он закончил свою инструкцию:

— Возможно, оборудование охраняют линнские солдаты. В таком случае отдайте командиру отряда это письмо.

Он протянул документ командиру доброволь-

цев. Это был приказ, подписанный Клэйном и заверенный печатью. После смерти Тьюса такой приказ вряд ли будет оставлен без внимания.

Когда добровольцы отправились готовиться, Клэйн послал один из своих кораблей в ближайший город Горам. Он спрашивал у коменданта города, своего друга, какие контрдействия принимаются против вторжения: «Проявляют ли власти городов понимание, что от них требуется в подобных чрезвычайных обстоятельствах? Или им с самого начала нужно объяснить старый закон?»

Ответ прибыл в кратчайшее возможное время — через 40 минут. Генерал отдавал свои войска в распоряжение Клэйна и советовал отправить вестников во все главнейшие города Земли именем «его превосходительства лорда Клэйна Линна, временно занявшего место благородного Тьюса, покойного лорда-советника, который погиб во главе своих войск, защищая город Линн от подлого внезапного нападения варварских орд звероподобных людей, которые стремятся уничтожить прекраснейшую из всех цивилизаций.»

В письме было еще многое в том же духе, но не подбор выражений удивил Клэйна. Его поразило само предложение. Его именем будет организо-

вана армия.

Перечитав письмо, он медленно подошел к большому зеркалу в примыкающей ванной и посмотрел на свое отражение. На нем было представительное платье храмового ученого. Складки скрывали его «отличия» от взгляда посторонних. Наблюдатель должен быть очень внимателен, чтобы заметить, как тщательно плащ облегает тело и как плотно привязаны рукава.

Потребуется три месяца, чтобы достичь лорда Джеррина на Венере, и четыре — лорда Дрейда на Марсе, так как обе планеты находятся по ту сторону Солнца. Столько же времени уйдет на ожидание их ответа. Только член правящей семьи может, вероятно, получить поддержку разнообразных элементов в империи. О семье самого лорда-советника не было никаких сообщений. К тому же там одни женщины. Остается лорд Клэйн, младший брат Джеррина, внук покойного лорда-правителя. В течение по крайней мере шести месяцев он будет исполнять обязанности лорда-правителя Линна.

Подходил к концу второй день вторжения. Начали прибывать большие корабли с солдатами. К сумеркам свыше тысячи человек разместились лагерем вдоль дороги, ведущей в Линн и на бе-

регу реки. Над головой курсировали небольшие экипажи и большие боевые корабли, патрули охраняли все подступы к имению.

Сами дороги были пустынны. Разведчики доложили, что из Линна движутся толпы беженцев, покидающих город через открытые главные ворота. Но пока беженцы еще не появились.

За последний час перед сумерками воздушные патрули доложили, что ворота закрываются одни за другими. И поток беженцев постепенно сокращался до ручейка у темного города. Весь последний час в небе не показывались транспорты с беглецами. По-видимому, те, кто мог заплатить за проезд, уже находились в безопасности или ждали слишком долго, может быть, в надежде помочь отсутствующим членам семьи.

В полночь добровольцы отправились в свою опасную экспедицию в десяти скутерах и одном космическом корабле. В качестве первого результата своей новой власти Клэйн усилил их сотней солдат регулярной армии. Он присутствовал при отлете кораблей, затем отправился на встречу к собравшимся высшим офицерам. Дюжина генералов поднялась при его появлении. Они отдали салют и стояли смирно.

Клэйн застыл. Он хотел быть спокойным и дело-

вым, уверяя себя, что происходящее совершенно естественно. Но испытывал он нечто другое. Знакомое ужасное чувство охватывало его. Он чувствовал, как в его нервах оживает опасная детская паника, продукт ужасных детских дней мутанта. Мышцы его лица сокращались. Он трижды с трудом глотнул. Потом напряженным жестом ответил на салют. И, торопливо пройдя в голову стола, сел.

Клэйн подождал, пока все усядутся, потом попросил коротко доложить об имеющихся в распоряжении войсках. Он записывал числа по каждой провинции и затем суммировал их.

— Без четырех провинций, представители которых еще не прибыли, — объявил он, — на сегодня у нас 18 тысяч обученных солдат, 6 тысяч частично обученных резервистов и около 500 тысяч пригодных к воинской службе граждан.

— Ваше превосходительство, — сказал его друг Моркид, Линнская империя обычно содержит армию в миллион человек. На Земле главные силы размещались вблизи Линна. Теперь они уничтожены. Около 400 тысяч находятся на Венере и чуть больше 200 тысяч на Марсе.

Клэйн, который мысленно вел подсчет, быстро сказал:

— Это не дает миллиона.

Моркид серьезно кивнул.

— Впервые за многие годы численность армии сократилась. Завоевание Венеры, казалось уничтожило всех потенциальных врагов Линна, и лорд-советник Тьюс счел, что пришла пора экономить.

— Понятно, — сказал Клэйн.

Он побледнел и чувствовал слабость, как человек, обнаруживший, что не может передвигаться самостоятельно.

Глава 21

Лидия с трудом выбралась из носилок, отчетливо сознавая, какой старой и непривлекательной кажется она улыбающимся варварам во дворе. Она не беспокоилась из-за этого. Она уже давно состарилась, и собственное отражение в зеркале больше ее не шокировало. Самое главное — что Чинуар согласился принять ее.

Старая женщина невесело улыбнулась. Она больше не ценила высоко кожу и кости, составлявшие ее тело. Была даже какая-то радость в сознании, что она идет навстречу смерти. Несмотря на возраст и некоторое отвращение к самой себе, она не хотела забвения. Но Клэйн просил ее рискнуть. Лидию смутно удивляло, что мысль о мутанте, исполнявшем обязанность лорда-правителя, больше не смущала ее. У нее были свои причины верить в способности Клэйна. Она медленно шла по знакомым коридорам, под сверкающими арками, по комнатам, блистающим сокровищам семьи Линнов. Повсюду были рослые бородатые воины, явившиеся с далекой Европы завоевать империю, о которой они знали только по слухам. Глядя на них, она чувствовала

оправданными все безжалостные действия, которые она предпринимала в свои дни. Эти люди, как казалось старой женщине, были живым воплощением хаоса, против которого она боролась всю жизнь.

Когда она вошла в тронную комнату, мрачные мысли покинули ее. Она острым взглядом огляделась в поисках загадочного вождя. На троне или поблизости от него никого не было. Мужчины разговаривали группами. В одной из групп выделялся высокий молодой человек. Все были бородатые, а он гладко выбрит.

Он увидел ее, перестал слушать одного из говоривших, перестал настолько заметно, что все замолчали. Тишина передалась остальным группам. Не прошло и минуты, как все смотрели на нее, ожидая, пока заговорит командир. Лидия тоже ждала, разглядывая его. Чинуар не был красив, но у него внешность сильного человека. Однако этого мало. Варварский мир полон сильных людей. Лидия, ожидавшая выдающихся качеств, была поражена.

Лицо Чинуара было скорее чувствительным, чем грубым. И этого тоже недостаточно для объяснения того, что он стал абсолютным повелителем огромных недисциплинированных орд.

Великий человек выступил вперед.

— Леди, — сказал он, — вы просили меня о свидании.

И тут она поняла, в чем его власть. За всю свою долгую жизнь она никогда не слышала такого звучного баритона, такого удивительно прекрасного голоса, привыкшего командовать. Она неожиданно поняла, что ошибалась относительно его внешности. Она ожидала обычной красоты. Этот человек был прекрасен.

И ее охватил страх. Такой голос, такая личность… Она видела человека, способного подчинить линнскую империю. Толпы будут загипнотизированы. Самые умные люди — околдованы. Она усилием воли разорвала очарование. И сказала:

— Ты Чинуар?

— Я Чинуар.

Ответ снова вызвал у Лидии оцепенение. Но на этот раз она быстро пришла в себя. И теперь полностью владела собой. Глаза ее сузились. Она враждебно смотрела на вождя.

— Я вижу, — сухо сказала она, — что пришла сюда напрасно.

— Естественно, — Чинуар склонил голову.

Он не спросил ее, зачем она пришла. Не заин-

тересовался. Стоял и вежливо ждал, пока она кончит говорить.

— Пока я не увидела тебя, — угрюмо говорила Лидия, — я считала тебя талантливым полководцем. Но теперь вижу, что ты считаешь себя орудием судьбы. Я вижу, как тебя укладывают в могилу.

В комнате послышался гневный ропот. Чинуар жестом восстановил тишину.

— Мадам, — сказал он, — ваши слова оскорбляют моих офицеров. Говорите, зачем пришли, и тогда я решу, что с вами делать.

Лидия кивнула, но заметила, что он не сказал, что сам оскорблен. Она внутренне вздохнула. Мысленно она уже составила представление об этом человеке и испугалась. Истории известны были прирожденные вожди, порождаемые немыми массами. В них была воля править или умереть. Тот факт, что они обычно умирали в молодости, не означал разницы. Воздействие их на свое время было колоссально. Такие люди даже в смертных муках тащили за собой древние династии. А этот уже убил законного правителя Линна и нанес ошеломляющий удар в сердце империи. Благодаря случайности, конечно, но история принимает такие случаи без колебаний.

Лидия спокойно сказала:

— Я буду говорить коротко, поскольку вы, без сомнения, планируете новые политические и военные кампании. Я пришла по просьбе своего внука лорда Клэйна Линна.

— Мутант! — Чинуар кивнул. Его замечание было уклончиво, просто констатирование, а не комментарий.

Лидия поразилась тому, насколько хорошо он знает правящую семью Линна, включая Клэйна, который всегда старался держаться незаметно. Она не осмелилась задуматься над значением этого факта. Лидия спокойно продолжала:

— Лорд Клэйн храмовый ученый и в течение многих лет занимался научными экспериментами. Большая часть его оборудования, к сожалению, в Линне. — Лидия пожала плечами. — Оно абсолютно бесполезно для тебя и твоих людей, но будет большой потерей для цивилизации, если оно потеряется или будет испорчено. Лорд Клэйн просит позволения послать рабов в свой городской дом и перевезти научное оборудование в его сельское имение. В обмен…— Да, — повторил Чинуар, — в обмен…

Тон его звучал слегка насмешливо, и Лидия вдруг поняла, что он играет с нею.

— В обмен, — сказала она, — он заплатит драгоценными металлами и камнями любую названную тобой сумму. — Закончив, она перевела дыхание и ждала.

На лице вождя варваров появилось задумчивое выражение.

— Я слышал об экспериментах лорда Клэйна с так называемыми божьими металлами Линна. Очень любопытные рассказы. Освободившись от своих военных обязанностей, я немедленно осмотрю его лабораторию. Можете передать своему внуку, — тоном окончательного решения продолжил он, — что его план возвращения величайших сокровищ всей Линнской империи был с самого начала обречен на неудачу. В первые же минуты нападения пять космических кораблей сели у дома лорда Клэйна, чтобы я был уверен, что его загадочное оружие не будет обращено против моих воинов. Я считаю большой неудачей, что его самого в это время не было в городе. Можете передать ему, что нас не захватила врасплох ночная попытка два дня назад захватить оборудование. — он закончил — Большое облегчение сознавать, что большая часть его оборудования в наших руках.

Лидия ничего не сказала. Фраза «Можете пе-

редать ему» произвела на нее глубочайшее впечатление.

Она не осознавала, в каком напряжении находилась… Ей казалось, что стоит ей заговорить, она покажет, как велико ее облегчение. «Можете передать ему…» Возможно только одно истолкование. Ей позволено будет уйти. Снова она ждала.

Чинуар прошел вперед и остановился прямо перед ней. В его манерах появилось что-то варварское, до сих пор тщательно скрываемое. Намек на насмешку, презрение физически сильного человека к упадку, чувство превосходства над утонченностью Лидии. Когда он заговорил, было ясно, что он сознает, что проявляет милосердие.

— Старуха, — сказал он, — я позволил тебе прийти, потому что ты оказала мне большую услугу, добившись своими интригами поста лорда-советника для своего сына Тьюса. Это событие, и только оно, дало мне возможность осуществить свой план нападения на обширную Линнскую империю. — Он улыбнулся. — Можешь идти, и не забывай об этом.

* * *

Чинуар медленно поднимался по холму к низ-

кой уродливой изгороди, окружавшей городской дом лорда Клэйна. Он задержался у изгороди, узнав храмовый строительный материал, из которого она была изготовлена, потом задумчиво пошел дальше. Через несколько минут с тем же интересом рассматривал он фонтан кипящей воды. Затем подозвал к себе инженера, руководившего строительством космических кораблей, доставивших его армию на Землю.

— Как это устроено? — спросил он.

Инженер осмотрел основание фонтана. Он не торопился, этот рослый толстый человек с репутацией сквернослова, отпускавшего такие шутки, что самые крепкие мужчины краснели от стыда. Он уже обосновался в одном из линнских дворцов с тремя линнскими девушками-любовницами и сотней рабов. Это был счастливый человек, совсем не тщеславный и не гордый. Инженер обнаружил дверцу в основании фонтана и опустился на колени в грязь, как простой рабочий. Тут же к нему присоединился Чинуар, не отдавая себе отчет в том, как шокировали его действия высокородных линнцев, принадлежащих к рабам его личной свиты. Двое мужчин заглядывали в полутьму.

— Храмовый материал, — сказал Миван, ин-

женер.

Чинуар кивнул. Они без слов встали: такие вопросы они обсуждали на протяжении нескольких лет. В доме несколько минут спустя вождь и его приспешник приподняли тяжелые ковры, закрывавшие стены коридора, ведущего в главную лабораторию. Как и ограда, стены были теплы на ощупь.

Храмовый строительный материал! Снова они не обменялись ни словом. Вошли в лабораторию и в изумлении переглянулись. Помещение было значительно расширено сравнительно с первоначальным видом, хотя они этого не знали. Одна из стен была убрана. Почти на каждом квадратном ярде обширного нового пола стояли машины непрозрачные и машины прозрачные, машины большие и маленькие, некоторые явно законченные, другие — из отдельных фрагментов.

Чинуар задумчиво прошел вперед, рассматривая машины. Ни разу он не задержался для подробного изучения. Потом краем глаза уловил движение.

Сияние. Он наклонился и вгляделся в длинный, отчасти прозрачный металлический ящик, напоминающий по форме гроб, покрытый разноцветной и дорогой на вид облицовкой. Внутрен-

ность ящика представляла собой узкий туннель. По нему катался огненный шар. Он спокойно поворачивался, примерно за минуту покрывая расстояние от одной стенки до другой. У дальней стенки он с той же неторопливостью остановился, казалось, размышляя над последующими действиями, и начал обратное путешествие.

Сама бессмысленность этого движения очаровала Чинуара. Он осторожно протянул руку к шару. Ничего не произошло. Чинуар убрал руку и поджал губы. Несмотря на свое нападение на Линн, он не признавал риска. Чинуар поманил стражника.

— Приведите раба, — сказал он.

По его приказанию бывший линнский дворянин, потея каждой порой, коснулся пальцем движущегося шара. Палец его прошел как будто сквозь пустоту.

Он отшатнулся, испуганный. Но Чинуар еще не кончил. Снова неохотно, хотя и не так испуганно, раб протянул палец. Шар прокатился сквозь палец. Чинуар знаком приказал рабу отступить и задумчиво посмотрел на него. Что-то отразилось в его лице, потому что раб с ужасом воскликнул:

— Хозяин, я ничего не понял из увиденного. Ничего! Ничего!

— Убейте его, — сказал Чинуар. И, нахмурившись, снова повернулся к машине.

— Должна быть какая-то причина для его движения и …существования, — упрямо сказал он своим прекрасным голосом.

Полчаса спустя он все еще осматривал машину.

Глава 22

— Если бы я только мог… — много раз думал Клэйн. И знал, что не осмелится. Пока.

Он с некоторым цинизмом позволил присланным лордом Тьюсом солдатам перевезти его оборудование в Линн. В том числе и лучшую свою находку — огненный шар, катящийся в похожем на гроб контейнере, открытие золотого века, которое до самого сердца потрясло столетия прошлого.

Именно из-за этого шара он позволил Тьюсу захватить контроль над созданием древней удивительной культуры.

Ему нужно было просто оказаться в присутствии шара и, зная ее действие, настроиться на него.

Затем он мог контролироваться мысленно на расстоянии — в течение трех дней. Вся его необычная жизнь будет в распоряжении Клэйна.

В какой-то момент третьего дня — точно его определить не удалось — шар перестанет «приходить», когда он «зовет» его.

Тогда нужно снова приблизиться к контейнеру и установить прямой контакт.

Из действий Тьюса казалось ясным, что лорд-советник не собирается запрещать Клэйну доступ к оборудованию. Поэтому неважно, что шар будет находиться в Линне под охраной солдат.

Несмотря на все предосторожности, Клэйн не предвидел, что Линн будет захвачен одним стремительным ударом.

И вот оружие, которое могло бы покончить с войной, находится вне пределов его досягаемости. Разве что он решится на какой-нибудь отчаянный ход.

Пока он не чувствовал такого отчаяния. Но линнские силы еще недостаточно сильны, чтобы захватить чудо.

Мысленно представляя себе, как он войдет в Линн и в собственный дом, Клэйн посвящал себя делу обучения армии.

В линнской армии говорили: в первый месяц новичок служит причиной гибели своих опытных товарищей. Во второй месяц он мешает отступлению, вызванному его присутствием. И лишь на третий месяц он становится пригоден для гибели в первой же стычке.

Клэйн, глядя на группу новичков после нескольких недель обучения, сознавал, насколько верно это изречение. Умение хорошо стрелять из лука

требовало полного единства мысли и тела. Бой на мечах немыслим без учета действий товарищей. А владение копьем — само по себе искусство.

В этот вечер Клэйн изложил командному составу план действий, являвшийся попыткой скрыть слабость. План предусматривал использование необученных людей в первой линии обороны. Клэйн говорил:

— Не переупражняйте их. Выведите их на открытый воздух и учите простейшим приемам пользования оружием. Сначала лук и стрелы, потом копья и наконец мечи.

После совещания он до глубокой ночи изучал сообщения из городов Ноурис и Галф, которые сдались буквально без борьбы. Когда началась атака варваров, рабы просто перебили своих хозяев. Примечание генерального штаба рекомендовало массовую казнь всех пригодных к воинской службе мужчин-рабов.

Клэйн разослал приглашения собравшимся торговым и промышленным деятелям на утреннюю встречу и унес с собой в постель проблему рабов.

В десять утра он открыл совещание и сообщил свыше ста собравшимся, что армия рекомендует смерть всех мужчин-рабов.

Это заявление вызвало общий гул. Один сказал:

— Ваше превосходительство, это невозможно. Нельзя уничтожать такое ценное имущество.

За двумя исключениями, это оказалось общим мнением. Оба исключения представляли собой молодых людей. Один из них заявил:

— Джентльмены, это необходимое действие.

Другой сказал:

— Я чувствую, что кризис делает возможным осуществление большого прогрессивного дела-конца рабства в Линне.

Собравшиеся торговцы встретили их заявления гневными криками.

Клэйн вышел вперед и поднял руку. Когда все смолкли, он начал:

— Сейчас не время для полумер. Нам нужно принять одну или другую сторону альтернативы.

Последовала серия переговоров между группами торговцев. Наконец их представитель сказал:

— Ваше превосходительство, собравшиеся здесь деловые люди считают возможным обещать рабам свободу.

Клэйн долго смотрел на улыбающуюся аудиторию, потом резко повернулся и вышел. В этот

день он подготовил специальный бюллетень.

СВОБОДА ЗА ВЕРНУЮ СЛУЖБУ

По приказу его превосходительства лорда Клэйна Линна, правителя Линна, храмового ученого, возлюбленного самих атомных богов:

Приветствую всех добрых мужчин и женщин, верно и эффективно служивших защищаемой богами Линнской империи. У вас есть возможность получить полную свободу, которую вы заслужили своими действиями и отношением за прошлые годы.

На империю напали жестокие и грубые варвары. Их успех может быть лишь временным: непреодолимые силы собираются против них. Миллионная армия на пути с Венеры и Марса, а здесь, на Земле, готовится к сражению армия численностью более чем в два миллиона.

У противника меньше шестидесяти тысяч солдат. К этой маленькой армии, чей первоначальный успех объясняется исключительно внезапностью нападения, поторопились присоединиться некото-

рые неразумные мужчины и женщины. Всем женщинам, если только они не замешаны в уголовных преступлениях, обещано прощение.

Для мужчин, которые перешли на сторону врага, остается лишь одна надежда: немедленно бегите из варварской армии и явитесь в один сборных лагерей, перечисленных в конце этой прокламации. В лагере не будет стражи, раз в неделю будет проводиться перекличка. Каждый мужчина, чье имя будет регулярно появляться в списках, получит полную свободу после разгрома врага.

Для непокорных наказание — смерть. Тем мужчинам и женщинам, которые продолжают свою верную службу, я, лорд Клэйн, исполняющий обязанности лорда-правителя Линна, приказываю:

Все женщины и дети должны оставаться на прежних местах и служить, как и раньше. Все мужчины должны явиться к хозяину и сказать: *Я хочу исполнить приказ лорда Клэйна. Дайте мне недельный запас пищи, чтобы я смог добраться до сборного пункта.* Получив пищу, немед-

ленно уходите. Не задерживайтесь ни на час.

Если по какой-либо причине вашего хозяина нет дома, берите пищу и уходите без разрешения. Никто не помешает вам покинуть город. Всякий мужчина к которому относится данный приказ и который будет найден в городе спустя 24 часа после объявления этой прокламации, будет заподозрен в измене.

Наказание — смерть.

Всякий мужчина, который спустя неделю будет найден в 50 милях от города, будет заподозрен в измене.

Наказание — смерть.

Чтобы спастись, идите в сборные лагеря, чтобы ваши фамилии регулярно появлялись в недельных списках. Если варвары нападут на ваш лагерь, рассыпьтесь по лесам и холмам и прячьтесь или идите в другой лагерь.

Все лагеря будут снабжены достаточным запасом пищи. Все доказавшие свою верность получат свободу, когда окончится война. Они немедленно получат право вступать в брак. Им будет предоставлены

земли для поселения. Через пять лет они получат права гражданства.

Наступает конец рабства в Линнской империи.

БЛАГОРАЗУМИЕ — БЕЗОПАСНОСТЬ — СВОБОДА

Документ имел свои слабые места. Прежде чем опубликовать его, Клэйн обсуждал его достоинства с группой сомневающихся офицеров. Он не обращался к торговцам: они слишком заинтересованы в выгоде, чтобы рассуждать объективно. Клэйн указал, что невозможно сохранить в тайне приказ о массовых казнях. Большинство рабов бежит, и тогда они станут по — настоящему опасны. Он признал, что хотя сам он намерен выполнить обещанное, прокламация содержит немало лжи. Только в Линне миллион рабов перешел на сторону Чинуара, который использует их для несения гарнизонной службы в городах, которые захватывает, а его собственная армия всегда готова к битве. Спор кончил Моркид, сосредоточенный и желчный.

— Джентльмены, — сказал он, — вы как будто бы не знаете, что наш главнокомандующий одним ударом покончил со всеми нашими ил-

люзиями и лишними надеждами и сразу занялся самым основным в положении, в котором мы очутились. По самому ходу обсуждения ясно, что у нас нет выбора. Во время, казалось бы, неминуемой катастрофы мы счастливы, что наш предводитель — первоклассный гений, наметивший дорогу, которая приведет нас к победе.

Джентльмены, да здравствует лорд Клэйн Линн, исполняющий обязанности лорда-правителя Линна.

Аплодисменты длились пять минут.

Глава 23

Клэйн следил за битвой при Гораме с патрульного корабля, перелетавшего из одного пункта в другой. Вражеские корабли все время старались перехватить его, но у него были более быстрые и маневренные двигатели.

Испробовали и обычный трюк, стараясь занять положение над кораблем. Но ожидавшегося не произошло. Маленький корабль даже не нырнул, что было обычной реакцией, когда два корабля оказывались на одной гравитационной линии.

Тем не менее эти попытки обеспокоили Клэйна. Чинуар, конечно, понимал, что его противник знает больше о металлах богов, чем он и его техники. Но плохо, если он заключит по поведению корабля, что на борту находится сам Клэйн. А Клэйн хотел видеть битву. И видел ее от начала до конца.

Оборона была прочной, прочнее, чем он полагал на основании того факта, что за четыре недели пало еще несколько городов. Необученные угрюмо сражались не на жизнь, а на смерть. Стрелы косили нападающих. Копья, направляемые неумелыми, но отчаянными руками,

причиняли раны, а иногда смерть. Хуже всего было в бою мечами. Мускулистые могучие варвары, сократив расстояние, расправлялись со своими более слабыми противниками.

Первая линия обороны погибла. Началось сражение у второй линии. Вперед выдвинулся резерв варваров и был встречен волной стрел, затмившей небо. Ржание лошадей, проклятия, стоны раненых поднимались к маленькому кораблю. Защитники держались вместе. Таковы были указания. Медленное отступление к центральной площади, которая прочно оборонялась от неожиданных нападений с тыла.

В последнюю минуту космические корабли возьмут на борт теснимую, но теоретически все еще действенную армию бывших штатских. Через полтора месяца обучения она была слишком ценной, чтобы дать ей погибнуть в отчаянной битве.

Такое упорное сопротивление определит ход войны. Подсчитывая потери после очередной битвы, Чинуар призадумается. Его армия, усиленная рабами, росла с каждым днем.

Но чем больше она становилась, тем труднее ею управлять.

Но относительно исхода этой битвы или судьбы

этого города не было никаких сомнений. Когда темный прибой ночи хлынул с востока, победные костры загорелись на всех главных улицах. Дым поднимался к небу, кроваво-красные языки пламени лизали тьму. И линнцам, испытавшим первые минуты варварской оккупации, было не оценить тот факт, что это поражение послужит поворотным пунктом в войне.

Пришло время решать, где, когда и при каких условиях главные линнские силы дадут решающее сражение за власть над планетой. И еще одно решение, включающее огромный риск, — приблизиться к огненному шару. Клэйн поежился и плотнее запахнул плащ.

Он все еще размышлял об этом, когда принесли послание. Его доставил линнский дворянин, освобожденный варварами.

В послании Чинуара была лишь одна фраза:

> Задумывались ли вы когда-нибудь, мой дорогой лорд Клэйн, как была уничтожена цивилизация золотого века?

Над этой проблемой Клэйн ломал голову множество раз. Но откуда может знать ответ варвар с далекого спутника Юпитера?

Клэйн расспросил освобожденного дворянина,

рыцаря империи, человека средних лет, относительно условий в Линне. Ответы были неприятные. Множество рабов отомстило прежним хозяевам. Бесчисленное количество благородных линнских женщин превратили в проституток.

Расспрашивая о других новостях, Клэйн узнал, что Чинуар публично пригласил храмовых ученых позаботиться о некоторых реликвиях, прежде принадлежавших лорду Клэйну.

Клэйн спросил:

— Он действительно назвал меня? — Ваше имя было в объявлении, — ответил дворянин. — Я читал его во время выполнения одного поручения вне дворца.

Клэйн долго обдумывал этот разговор. Он заподозрил ловушку — и все же Чинуар не мог знать ценности огненной сферы.

Даже если вождь варваров заглянул внутрь, он мог удивиться. Но это ничего не дало бы ему.

Тем не менее допустим, это ловушка. Но для его целей достаточно на мгновение приблизиться к шару. Решится ли он на такой шаг?

Он все еще размышлял над этим, когда другой освобожденный дворянин принес второе послание Чинуара:

— Я хотел бы поговорить с вами и показать вам

нечто, ранее вами не виданное. Можете ли вы придумать, как организовать такую встречу?

На следующее утро лорд Клэйн показал это послание своему штабу. Все единодушно выступили против такого свидания, но согласились, что есть возможность отправить формальное послание вождю варваров.

Мутант, у которого были свои причины проявить твердость, уже написал ответ. И прочел его офицерам.

> Вождю варваров Чинуару.
>
> Ваша трусливая попытка получить прощение за свои кровавые преступления путем личного обращения ко мне бесполезна. Убирайтесь с планеты вместе со своим варварским войском. Только немедленное отступление может спасти вас и Европу от гибели.
>
> ***Клэйн, исполняющий обязанности лорда-правителя***

Послание было одобрено и отправлено с пленным варварским офицером. Клэйн немедленно начал подготовку к наступлению на Линн. Этот план неоднократно обсуждался штабом.

Офицеры считали, что высадка десанта смутит защитников города и даст возможность линнской армии овладеть городом. Предполагалось, однако, что удержать город невозможно и на следующую ночь после наступления из него придется уйти.

Клэйну этого было достаточно. Накануне нападения он сам отправился в Линн, проделав основную часть пути в воздушном скутере. В уединенном месте он выгрузил из скутера осла и телегу с овощами и прошел с ним последние 12 миль.

В своей тускло-коричневой одежде храмового посвященного он ничем не выделялся. Армия рабов, удерживавшая Линн, была так многочисленна, что силам Чинаура пришлось допустить нормальный приток пищи в город во избежание голодной смерти.

Линнские разведчики давно доложили, что городские ворота открыты.

Клэйн вошел без помех со стороны бывших рабов, которые охраняли ворота. Внутри он вызывал еще меньше подозрений, и никто не остановил его на улицах по пути к его городскому дому. Он поднялся на холм. Единственный солдат-варвар, охранявший эту часть изгороди,

позволил ему провести телегу.

С озабоченным видом, как будто выполняя обычное дело, Клэйн направился к черному входу в дом, передал овощи двум женщинам и спросил:

— Кто начальник сегодня?

Ему назвали варварское имя «Глидон».

— Где он? — спросил Клэйн, — В кабинете, конечно… вот здесь. — Старшая женщина указала на главный вход, проходивший через большую центральную комнату, где размещалась большая часть бесценного оборудования.

Войдя в большую комнату, Клэйн заметил у всех входов в нее солдат-варваров. В центре комнаты он увидел контейнер с огненным шаром… Туманная сфера, светящаяся от внутреннего огня, продолжала двигаться взад и вперед…

Он мог пройти мимо и коснуться ее, проходя. Не торопясь, он пошел вперед, коснулся пальцем поверхности сферы и, не задерживаясь, продолжал идти к кабинету.

Ему очень хотелось не допускать больше риска. Если он будет действовать немедленно, то захватит дом, и ящик окажется в его власти.

Но если он продолжит выполнять свой первоначальный план, а ящик переместят и в течение

трех дней он не сможет отыскать его… Клэйн вздрогнул и предпочел не думать о такой возможности.

На него произвели впечатления послания Чинуара. У вождя варваров имелась какая-то важная информация. Каким образом он раздобыл предмет, настолько ценный, что рискнул самоуважением, устанавливая связь с ним, Клэйном?

Если поторопиться, это знание может быть утеряно. Идя по комнате, мутант молча укрепился в своем решении. Чуть погодя он уже говорил офицеру варваров, что пришел позаботиться о реликвиях атомных богов.

Огромный варвар встал, посмотрел на него, почти наивно ахнул и подозвал двух солдат.

И сказал:

— Лорд Клэйн Линн, вы арестованы.

Одному из солдат он приказал:

— Принеси веревку. Свяжите его.

Мутант послушно дал себя связать.

Глава 24

Получив сообщение, Чинуар немедленно направился в Линн. На крыше центрального дворца его встретил Мееван. Его полное лицо улыбалось.

— Ваша теория подтвердилась, — восторженно сказал он. — Вы думали, что он предпримет попытку в критический период вторжения. Он явился сегодня утром.

— Расскажите мне все подробно, — негромко проговорил золотой голос.

Чинуар задумчиво слушал. Когда рассказ был кончен, он стал задавать вопрос за вопросом. Каждый ответ, казалось, вызывал новые вопросы. Наконец Мееван сказал ворчливо:

— Ваше превосходительство, я не сомневаюсь, что наши люди выполнили все лучшим образом. Они клянутся, что захватили его при входе в здание, прежде чем он смог что-нибудь сделать или чего-нибудь коснуться. Но какое это имеет значение? Что вас смущает?

Чинуар промолчал. Он сам не сознавал, какое напряжение охватило его. В конце концов, говорил он себе, ситуация достаточно простая.

Он открыто пригласил храмовых ученых позаботиться о реликвиях божественного металла, попавших в руки завоевателей. Предложение было тщательно сформулировано и должно было вызвать одобрение побежденных, даже если приводило к поражению единственного интересовавшего его храмового ученого. Единственное условие: в обмен на возвращение реликвий ученые должны были продолжать эксперименты, как будто никакой войны нет.

— Боги, — ханжески писал в приглашении Чинуар, — выше человеческих распрей.

Очевидно, по крайней мере одна цель достигнута. Мутант сам предоставил себя для этой работы. Чинуар осторожно размышлял о дальнейших шагах.

— Приведите его сюда, — сказал он наконец. — Нельзя рисковать, оставляя его в его доме. Мы знаем слишком мало, а он много.

Ожидая, он осматривал огненный стержень — один из немногих действующих образцов в доме. Чинуар не торопился в своих выводах. То, что стержень действовал неделю назад, вовсе не означало, что он будет действовать сейчас. Чинуар испытал его через большое окно, направив на крону ближайшего дерева. Не было ни зву-

ка, ни видимого света, но верхняя часть дерева обрушилась на тропу. Чинуар испытал удовлетворение человека, чья логика оказалась верной. Это было не совсем обычное удовлетворение. С самой юности, когда он был писцом в захолустье, до дней власти он шел на риск, который считал необходимым, но не больше. Даже сейчас он не мог быть уверен, что атомный колдун лорд Клэйн не нанесет ему поражение при помощи какой-нибудь дьявольской уловки. Несколько минут он размышлял над этим, затем приказал принести с ледника дворца ящик. Содержимое ящика прибыло с Европы упакованное в лед. Чинуар указывал рабам, куда поставить ящик, когда в тронный зал вбежал задыхающийся офицер.

— Сотни космических кораблей! — крикнул он. — Нападение! Глядя из окна на снижающиеся корабли, Чинуар понял, что его подозрения были оправданы. Появление Клэйна в городе было частью плана, который теперь осуществлялся. Приятно сознавать, что сам лорд Клэйн попался в ловушку.

Чинуар не стал тратить времени на созерцание битвы: все равно из дворца он не увидел бы важнейших подробностей. Не было у него и того чувства, что было у Тьюса несколько месяцев

назад: что командиры должны знать его местонахождение на всех этапах схватки. Он написал записку Меевину и приказал нести за собой упакованный в лед ящик. Потом под сильной охраной направился в штаб резервной армии в центре города.

Ядро резерва составляли варвары, но, подобно основным защитным силам города, он преимущественно состоял из рабов. Появление Чинуара было встречено возбужденным ревом. Приветственные крики звучали долго после того, как он вошел в здание.

Он обговорил ситуацию с некоторыми командирами рабов и нашел, что те сохраняют спокойствие и уверенность. Согласно их оценке, в первой волне высадились 60 тысяч линнских солдат. Рабам, по-видимому, не пришло в голову, что совпадение с первоначальным числом варваров не случайно. Но Чинуара это совпадение поразило. Он призадумался, не имеет ли оно какое-то символическое значение. Такая возможность вызвала у него сардоническую улыбку. Не символы, а мечи говорят на языке победы.

К полудню нападение было отбито во всех пунктах. Все еще каплющий ящик доставили из дворца к трем. Поскольку больше непосред-

ственной опасности не было, Чинуар отправил курьера к Меевану. В три тридцать появился широко улыбающийся Мееван. За ним рабы-линнцы несли носилки. В носилках, связанный по рукам и ногам, находился исполняющий обязанности лорда-правителя Линна. Опустив носилки рабы, удалились. Наступила тишина.

Клэйн с искренним интересом рассматривал вождя варваров. Мнение Лидии об этом человеке поразило его больше, чем он признавался себе. Вопрос в том, можно ли убедить этого сильного, красивого военного гения, что атомные боги существуют. Убедить сейчас, в течение получаса. К счастью, впервые в своей карьере храмового ученого Клэйн чувствовал за собой могучую силу, найденную колдунами легендарных дней. Он увидел, что безличное выражение на лице Чинуара сменяется отвращением.

— Клянусь божьими силами, — сказал с отвращением Чинуар, — вы, линнцы, все одинаковы, все слабы.

Клэйн ничего не ответил. Он часто с сожалением смотрел в зеркала и видел то, что видит сейчас Чинуар: стройного молодого человека с бледным женственным лицом и… что ж, этому не поможешь.

Выражение лица Чинуара снова изменилось. На нем появилась ирония.

— Я говорю с лордом Клэйном Линном? — вежливо спросил он. — Мы не ошиблись?»

— Не ошиблись, — спокойно ответил Клэйн. — Я явился сюда с единственной целью — поговорить с вами, пока длится битва. И вот я здесь.

Вероятно, это прозвучало смешно в устах связанного человека. Охранники фыркнули. Мееван хихикнул. Только Чинуар не прореагировал. Его удивительный голос был спокоен, когда он сказал:

— У меня нет ни времени, ни желания играть словами. Я вижу, что вы рассчитываете на что-то. Вероятно, это имеет отношение к вашим знаниям атомной энергии.

Он взял в руки стержень.

— Насколько я понимаю, мы можем убить вас в секунду, если захотим.

Клэйн покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Убить меня невозможно.

Мееван не выдержал. Выступив вперед, он сказал:

— Чинуар, этот человек невыносим. Позвольте мне ударить его по лицу, и мы посмотрим, защитят ли его атомные боги от такого бесчестья.

Чинуар знаком отстранил его. Необыкновенно яркими глазами смотрел он на пленника, Его поразила быстрота, с какой в комнате воцарилось напряженная атмосфера. И, невероятно, но именно пленник перехватил преимущество.

— Невозможно убить меня!

Этим предложением он бросил им вызов.

Чинуар сморщил лоб. Руководствуясь здравым смыслом, а не предчувствуя опасность, он обращался с Клэйном осторожно. Но сейчас он искренне счел, что этот человек ведет себя ненормально. В словах Клэйна звучало убеждение, которое больше нельзя игнорировать. Цель его вторжения в линнскую империю может оказаться в опасности.

Он сказал настойчиво:

— Я должен кое-что показать вам. Пока вы не увидите этого, не будет сделано никакой попытки убить вас. Со своей стороны не торопитесь применять то, что в вашей власти, пока не увидели.

Он заметил удивленный взгляд Меевана.

— Власть! — воскликнул инженер, и прозвучало это как проклятие. —Его власть!

Чинуар не обратил на это внимания. Тут была его собственная тайна, и откладывать он не мог.

— Принесите сюда ящик, — приказал он. Ящик

был насквозь мокрый. Он оставил грязный след на бесценном ковре, а там, где его поставили, немедленно образовалась лужа. Прошло некоторое время, пока потеющие рабы снимали крышку. Даже стражники вытягивали шеи, пытаясь увидеть содержимое. Возгласы ужаса прервали напряженное ожидание.

Внутри находилось нечто восьми футов длиной. Ширину его определить было нельзя, но складки тела создавали впечатление большого размера. Оно, очевидно, погибло незадолго до того, как его поместили в лед. Выглядело свежим, почти живым, нечеловеческое, глядящее мертвым взглядом в расписанный потолок.

— Откуда оно у вас? — спросил Клэйн. — Найдено на одном из спутников… через несколько часов после того, как там видели чужой корабль.

— Давно? — Два земных года. — Похоже, что корабль улетел. Чинуар покачал головой.

— Семь месяцев назад шахтеры нашли точно такое же в космическом костюме на метеорите.

Мутант долго разглядывал существо. Наконец он поднял голову и встретился с выжидающим взглядом Чинуара. Клэйн медленно спросил:

— Как вы это объясняете?

— Нечеловеческая раса с огромными научными

знаниями. Безжалостная, враждебная… до того, как было найдено тело, меня удивляли доклады о катастрофах в отдаленных районах Европы… Я думал, что это второе посещение Солнечной системы. Не могу вам сейчас изложить все доводы, но я считаю, что цивилизация золотого века погибла при первом посещении.

Клэйн сказал:

— Я рад, что вы показали мне это, но с какой целью вы мне это показали?

Чинуар перевел дыхание. И сделал второй ход, чтобы предотвратить катастрофу, о которой свидетельствовали действия и манеры необычного пленника. Он сказал:

— Будет большой ошибкой, если мы с вами продолжим взаимоуничтожение.

— Вы просите о милости?

Это было слишком. Варвар зарычал:

— Я обращаюсь к здравому смыслу.

— Невозможно, — сказал Клэйн. — Людям нужна месть. Они поймут победу, если она придет с вашей смертью.

Эти слова вызвали ругательство Меевана.

— Чинуар, — закричал он, — что за вздор? Я никогда тебя не видел таким. Не признаю людей, заранее обрекающих себя на поражение. Я

покажу тебе, что нужно сделать с этим… этим… Стражники, проткните его копьем.

Никто не двинулся. Напряжение вождя передалось воинам. Они неуверенно переглядывались. Мееван выхватил у одного из них меч и бросился на связанного пленника.

И исчез. На его месте вспыхнул огненный шар.

— Попробуйте использовать против меня огненный стержень, — послышался голос Клэйна. Напряженная пауза. — Попробуйте. Вам это не повредит.

Чинуар поднял огненный стержень и нажал активатор. Ничего не произошло… нет! Шар пламени засверкал ярче.

Голос Клэйна нарушил тишину.

— Вы по-прежнему не верите в богов?

— Я поражен, — ответил Чинуар, — что вы распространяете суеверия, а не знание. Мы, так называемые варвары, — гордо продолжил он, — презираем вас за вашу попытку поставить преграды на пути человеческого духа. Мы свободные мыслители, и вся ваша атомная энергия не сможет закрепостить нашу мысль.

Он пожал плечами.

— Что же касается вашего управления огненным шаром, не буду делать вид, что понимаю

это.

Наконец-то он прорвался сквозь ледяную оболочку мутанта.

— Вы действительно не верите в атомных богов? — недоверчиво спросил Клэйн.

— Стражники, — пронзительно выкрикнул Чинуар, — нападите на него со всех сторон.

Огненный шар полыхнул. Стражников не стало.

— Теперь верите? — спросил Клэйн.

Варвар выглядел измученным и постаревшим. Он покачал головой.

— Я проиграл войну, — пробормотал он. — Только это я признаю. Можете подобрать мантию, упавшую с моих плеч. — и спросил — Во имя ваших богов, что это за шар?

— Он содержит всю звездную вселенную. Чинуар наморщил лоб и наклонился вперед, как бы пытаясь понять.

— Какую вселенную? — спросил он наконец. — Когда смотришь внутрь через пустую трубу, — терпеливо объяснил Клэйн, — видишь звезды. Как окно в космос. Только это не окно. Это сама вселенная.

Вождь варваров казался искренне смущенным.

— Это вселенная? — переспросил он.

Клэйн кивнул. Даже с найденными им древними объяснениями ему нелегко было свыкнуться с этой мыслью.

Чинуар покачал головой.

— И Земля здесь? — он указал на сверкающую сферу.

— Это четвертое измерение, — по-прежнему терпеливо ответил Клэйн.

Он видел перед собой ошеломленного человека и не хотел использовать это свое преимущество.

Варвар сузил глаза и наконец сказал:

— Как поместить большой предмет в меньший? — Он требовал логичного объяснения.

Клэйн пожал плечами.

— Когда размер есть лишь иллюзия, зависящая от точки зрения, проблема не существует.

Чинуар поразмыслил над этим.

— Я полагаю, — сказал он, — что на данном этапе наших отношений вы говорите правду. Очевидно, вы не собираетесь рассказывать мне о вашем оружии. А ваш фантастический рассказ я отвергаю.

Клэйн покачал головой, но ничего не сказал. Он дал единственное имевшееся у него объяснение, которое натолкнулось на здравый смысл

противника. Он не винил варвара. Сам он только постепенно примирился с мыслью, что материя и энергия отличны от того, чем кажутся.

А теперь настало время действовать, заставлять, убеждать. Путы спали с него, как будто их никогда не было. Он встал, и огненный шар — это бесценное сокровище веков — поднялся над его головой, повторяя все его движения.

Чинуар упрямо сказал:

— Ошибка убивать человека, даже раба.

Клэйн ответил:

— Боги требуют абсолютной покорности.

Чинуар в ярости воскликнул:

— Вы глупец, я предлагаю вам Солнечную систему! Неужели это чудовище в ящике повлияло на ваши намерения?

— Повлияло. — Но тогда… — Я не верю в объединенное руководство, сказал Клэйн.

Пауза. Потом Чинуар сказал:

— Вы далеко зашли. Раньше вы использовали атомную энергию, только чтобы спастись.

— Да, я далеко зашел, — согласился Клэйн.

Чинуар взглянул на существо в ящике.

— Подлинная опасность для Линна здесь. Обещаете ли вы стать лордом-правителем?

— Я ничего не обещаю. Они взглянули друг на

друга, два человека, понимающие друг друга. Тишину нарушил Чинуар.

— Я сдаюсь, — сказал он со вздохом, — сдаюсь вам, вам одному, со всеми своими силами — в надежде, что у вас хватит храбрости и здравого смысла не уклоняться от ваших новых обязанностей как Защитника Солнечной Системы. Эту роль, — угрюмо закончил он, — я предназначал себе.

* * *

В хорошо охраняемой комнате в отдаленном пригороде Линна сгусток энергии равномерно двигался взад и вперед. Во всей Солнечной системе не было ничего подобного этому сгустку. Он выглядел маленьким, но то был обман человеческих чувств. Книги, описывавшие его, и люди, написавшие эти книги, знали лишь часть его тайн.

Они знали, что внутри микровселенной пульсируют многообразные отрицательные силы. Они реагировали на космические лучи и атомную энергию, как ненасытная губка. Никакая субмолекулярная энергия, высвобожденная в присутствии сгустка, не могла уйти от него.

Лишь одна слабость была у сгустка, и люди

ухватились за нее. Сгусток имитировал мысль. Так казалось.

Наблюдая за этим удивительным феноменом, Клэйн, как и древние мудрецы до него, задавал вопрос: Означает ли это, что человек контролирует вселенную или вселенная контролирует человека?

Волшебник Линна

1

Дитя богов» сделало прогресс. Рожденный презираемым мутантом в царствующей семье полуварварской, приходящей в упадок Линнской империи около 1 2000 г. н. э., он вырос почти незамеченным теми в семье и правительстве, кто был занят бесконечными интригами в борьбе за власть. Отосланный на обучение в храмы, он узнал внутреннее значение материи от нескольких мудрецов, которые поняли секрет атомных богов. К тому времени, когда его потенциальные враги поняли, что он может быть опасен для их замыслов, он стал уже слишком силен, чтобы его можно было уничтожить.

Он исследовал гигантские шахты, где, как считалось, жили атомные боги, и понял, что это были остатки разрушенных городов. Из остатков, найденных им в руинах, он собрал по частям механизмы и оружие, включая и чудесный шар, поглощающий либо расщепляющий всякую энергию и материю, к которым он прикасался, кроме — это было догадкой Клэйна, основанной на том, что это страшное оружие тем не менее не смогло защитить исчезнувшую цивилизацию

— «защищенной» материи. Шар реагировал на мысль контролирующего его человека.

Его открытия объясняли многое. Они объясняли полумифические истории о давно погибшей удивительной цивилизации, существовавшей где-то несколько тысячелетий назад. Они также давали более ясную картину того, каким образом культура лука и стрелы могла бок о бок существовать с простейшими космическими кораблями, которые мог построить любой умелец, и они давали частичное объяснение так называемым «божественным» металлам, приводившим корабли в движение. Однако тайна позабытой катастрофы осталась без объяснения.

А затем со спутника Юпитера, Европы, в Линн вторгся Чиннар со своими варварскими ордами. Он привез с собой мертвое тело огромного нечеловеческого существа. Чиннар полагал, что очень давно такие существа пришли со звезд и уничтожили человеческую цивилизацию. И хотя его собственное нападение на Линнскую империю потерпело неудачу, своим государственным отношением к благоденствию человеческой расы, ему удалось убедить Клэйна в том, что присутствие в Солнечной системе одного чудовища говорит о близости еще одного вторжения.

Клэйн, в древнейших книгах уже встречавший неясные упоминания о каких-то Риссах, был поражен искренностью варвара. Однако он отверг притязания Чиннара взять контроль над Линнской Империей. И без того было слишком много сложностей, запутанностей, осложнений.

Например, то, что новый лорд-советник, лорд Джеррин, был его братом.

Чужой корабль двигался в обманчивой темноте, где лишь редкие отблески отраженного солнечного света показывали его присутствие. Он останавливался на многие месяцы, чтобы изучить спутники Юпитера, и находившиеся на его борту Риссы не скрывали присутствия своего корабля, но и не выставляли ни его, ни себя напоказ.

Группы разведчиков Риссов натыкались на людей множество раз. В таких случаях действия их оставались неизменными. Они убивали всякого видевшего их человека любой ценой. Однажды на далеком Титане холмистая местность с ее несчетными пещерами дали возможность одному человеку избежать сети, которую они для него расставили. В ту ночь, после того, как у него было достаточно времени, чтобы добраться до ближайшего селения, атомная бомба поглотила

весь этот район.

Чего бы это ни стоило, такой курс оправдывался. Несмотря на нерегулярность полетов их корабля над городами и поселками, присутствие большого корабля отмечалось в весьма неясных докладах. И очень долго никто не подозревал, что на этом корабле были нечеловеческие существа.

Их меры предосторожности не могли изменить обычный порядок жизни и смерти. В нескольких часах от Титана, одного Рисса — оператора, ремонтировавшего незначительную поломку в приборе на внешней поверхности космического корабля, ударило метеором. По невероятному совпадению, этот летающий объект двигался в том же направлении, что и корабль и приблизительно с такой же скоростью. Оператора убило ударом и смело в космос. На Европе, самом большом спутнике, разведывательный корабль Риссов, пилотируемый одним астронавтом, совершил автоматическое возвращение на корабль-матку, но без пилота на борту. Его спидометр показал более тысячи миль полета, и пытавшиеся проследить его обратную кривую оказались над такими обрывистыми и крутыми горами, что поиск был быстро прекращен.

Как ни странно, оба тела были найдены, первое

— войсками, занятыми в изнурительных маневрах, подготавливающих вторжение Чиннара на Землю, второе — шахтерами с Европы. Оба чудовища были принесены предводителю; и, сложив вместе различные сообщения, он сделал удивительно точную догадку о происхождении этих странных существ.

Его нападение на Землю и последовавшее поражение от руки лорда Клэйна Линна состоялось несколькими месяцами позже, в то время чужой корабль все еще находился вблизи Европы. Машина со звезд продолжала свой неспешный поход-исследование. Она прибыла на Марс меньше чем через месяц после того, как лорд Джеррин и его армия отправились на Землю, и прошел еще один месяц, прежде чем о ее существовании доложили Линнскому военному коменданту на Марсе.

Потомок великого Рахейнла, комендант был гордый молодой человек, и он отклонил первый отчет как вымысел или результат буйного воображения, весьма распространенного в этих районах, где образование пало жертвой затянувшихся войн. Но когда из другого сектора поступил второй доклад, ему пришло в голову, что это мог быть марсианский вариант варварского вторже-

ния. Он действовал быстро и решительно.

Полицейские и патрульные корабли рыскали в атмосфере. А так как чужак не делал никаких усилий, чтобы остаться незамеченным, контакт был установлен почти сразу же. Два полицейских корабля были уничтожены огромными вспышками энергии. Остальные корабли, наблюдавшие катастрофу на расстоянии, поспешно отступили.

Если Риссы и поняли, что они попали в более высоко развитую часть Солнечной системы, то судя по их действиям, это их не особенно обеспокоило. Возможно, они даже не догадывались, что в этих районах их действия означали войну.

Комендант отправил на Землю предупреждение, а затем приступил к организации своих сил. В течение двух недель его патрульные суда собирали информацию, и вырисовывающаяся картина была для непреклонного молодого человека весьма удовлетворительной. Противник, как казалось, высылал разведывательные группы на небольших кораблях. Их-то на пятнадцатый день и атаковали роем кораблей, пилотируемых людьми.

Техника нападения была очень тщательно подготовлена. В каждом случае была сделана попытка протаранить корабль Риссов. Успеш-

ными были четыре атаки. Падая вниз на землю, разбитые «подъемные» корабли блестели в пасмурном полуденном свете. Космические корабли молниеносно пикировали, затаскивали упавшие машины на борт и поспешно взлетали к широко разделенным посадочным полям.

Это была главная победа, даже более значительная, чем подозревали в самом начале. Враг отреагировал на следующее утро. Город Гадре взлетел от колоссального взрыва, взметнувшегося грибом дыма, затмившим небо на согни миль.

Жестокость контрудара завершила войну на Марсе. С этих пор чужак остался в совершенном одиночестве. Юный Рахэйнл, пораженный жестокостью ответа, приказал начать эвакуацию из крупных городов и послал очередной из длинной серии предупреждающих докладов на Землю. Отослал он для осмотра и два наиболее крупных и наименее поврежденных из вражеских кораблей, захваченных им.

Где-то через месяц он перестал получать доклады о присутствии корабля в марсианской атмосфере. Он заключил, что тот отправился на Землю и на этом основании составил свой последний доклад. И успокоился.

Теперь проблема пришельцев будет занимать

умы более оснащенных и подготовленных людей, и будет решена, если ее вообще можно решить.

Джеррин изучал первый доклад с Марса, когда его жена Лилидел вошла в комнату. Он поднялся, проводил ее с младенцем, лежащим у нее на руках — их седьмой ребенок — до стула. Его беспокоила предстоящая беседа. Он заранее знал, о чем пойдет речь.

Лилидел начала сразу. И, как он и ожидал, речь действительно шла о его брате, Клэйне. Он слушал вежливо, с растущим раздражением, которое возникало у него всякий раз, когда она эмоциями пыталась повлиять на его мнение. Дав ей выговориться, он мягко вставил:

— Дорогая моя, если Клэйн хотел взять власть, то у него было два полных месяца между окончанием войны с варварами и моим возвращением.

Она уважительно слушала. Лилидел — он вынужден был это признать — была замечательной женой. Исполненная сознанием долга, добрая, благоразумная и с незапятнанным прошлым, она была, как он много раз подчеркивал, образцом среди женщин благородного происхождения.

Порой Джеррин задумывался и не мог понять — что же в ней раздражало его. Он страдал от того, что ему приходилось думать об этом. Пото-

му что, если рассматривать по отдельности, ее характер был совершенным. И все-таки в целом, временами она раздражала его до отчаяния. Он снова заговорил:

— Мы должны признать, что Клэйн провел кампанию против варварского вторжения с замечательным мастерством. Я до сих пор не совсем понимаю, как это было сделано.

Он сразу понял, что сказал не то. По мнению Лилидел, это была ошибка — быть слишком великодушным в оценке заслуг других. Клэйн всего лишь исполнил свой долг. Сейчас же не было причин, мешавших ему вернуться к личной жизни, так почему бы ему не ограничить свои амбиции на благо семьи и государства.

Джеррин с грустью слушал. Он был всерьез недоволен тем, как вел себя по отношению к победе брата. Самое меньшее Клэйну следовало бы предложить Триумф. Но однако его советники предупредили его, что такое признание будет весьма опасным.

Когда он снова заговорил, его слова казались прямым ответом Лилидел. Фактически, это была отчасти защитная реакция на всех, кто сдерживал его естественное стремление отдать должное там, где это нужно. Он сказал:

— Дорогая моя, если то, что я слышал о Клэйне — правда, тогда он смог бы захватить контроль над правительством в любое время. И я бы хотел подчеркнуть еще одно: мысль о том, что место лорда-советника — это законная собственность моей ветви семьи — это иллюзия. Мы можем держать его, но власть ускользает из рук человека даже когда он считает, что крепко ее держит. У меня здесь, — он поднял доклад с Марса, — очень серьезное сообщение от генерала Рахэйнла.

Ему не позволили так просто сменить тему. Если у него нет никаких амбиций относительно своего будущего, то по крайней мере он мог бы подумать о собственном отпрыске. Выходило так, что основная его забота — утверждение в качестве наследника старшего сына. Юному Каладжу было сейчас семнадцать лет. И определить его будущее необходимо заранее. Джеррин наконец прервал ее:

— Я собирался сказать тебе. Я должен совершить инспекционную поездку по провинциям и выезжаю сегодня после обеда. Нам лучше отложить эту дискуссию до моего возвращения.

Лилидел оставила последнее слово за собой, сказав, что ему повезло с женой, соглашающейся на его участившиеся отъезды с тяжелым, но по-

нимающим сердцем.

2

Кто-то сказал:

— Смотрите!

В этом слове было столько изумления, что лорд Джеррин невольно обернулся. Все вокруг вытягивали шеи, вглядываясь в небо.

Он перевел взгляд туда, куда смотрели уже все. И его окатила волна ужаса. Там, наверху, висел корабль, размерами превышающий все, виденное им прежде. Хорошо зная предельные размеры космических кораблей на Земле, он догадался, что гость был даже не из Солнечной системы. Мысль его мгновенно обратилась к сообщениям, пришедшим от военного коменданта на Марсе. И тогда на какой-то момент его охватило чувство надвигающейся беды.

Однако отвага ненадолго оставила Джеррина. Он быстро определил, что незнакомец имел треть мили в длину. Зоркий взгляд выхватил и отметил на будущее детали конструкции, имеющие ярко выраженные особенности. Пока он смотрел, огромная машина бесшумно проплыла мимо. Она болталась в трех милях над землей, и ее скорость была невысока, потому что минуту

спустя махина все еще маячила вдали. Наконец она исчезла за дымкой восточного горизонта.

Прежде чем корабль исчез из виду, Джеррин уже отдавал распоряжения. Ему еще предстояло получить сообщение о разрушении марсианского города Гадре, но он был более предусмотрителен, чем Рахэйнл. Флот космических кораблей и менее крупных судов, который он выслал за незнакомцем, имел строгий приказ держаться на расстоянии.

После того, как были приняты превентивные оборонные меры, лорд Джеррин вернулся в Линн в ожидании сообщений. К утру прибыло полдюжины донесений, но к тому, что он уже видел лично, они ничего важного не добавили. Что на самом деле имело значение, так это прибытие в полдень письма от лорда Клэйна.

«Ваше превосходительство.

Я настойчиво призываю вас отдать приказ об эвакуации из крупных городов всех сил и оборудования, необходимых для обороны государства. Жизненно необходимо уничтожить этот корабль, пришедший с другой системы. Есть некоторые причины полагать, что на его борту — потомки тех же самых существ, уничтоживших легендарную цивилизацию Земли. Назывались они

Риссами.

Я прошу о нашей скорейшей встрече. У меня есть ряд ценных предложений, касающихся тактики, которую следует применить против врага.

Клэйн».

Джеррин прочел записку несколько раз и попытался представить все детали эвакуации, которую рекомендовал брат. С практической стороны вопроса объем работы показался таким огромным, что он сердито отложил письмо в сторону. Позже он одумался и отправил ответ.

«Превосходящий Брат.

Все необходимые и осуществимые меры предосторожности сейчас принимаются. *Я* буду совершенно счастлив вашему визиту в любое время.

Джеррин, лорд-советник Линна».

И лишь отправив письмо, он впервые задумался: «А каким образом Клэйн так быстро узнал о межзвездном корабле?» Казалось загадочным, что он мог видеть его лично. Этот случай укрепил его подозрения, что сторонники Клэйна находятся в каждой службе, включая, очевидно, и его собственный штаб.

К вечеру, когда доклады о корабле пошли лавиной, тень подозрений против брата-мутанта растаяла под давлением растущей стопки до-

несений.

Еще недавно чужой корабль пересекал океан. Затем он оказался над горами. Далее он остановился на час над городом Гарамом. Стая небольших судов отделилась от него и провела день в исследовании ближайших холмов.

Несмотря на приказы Джеррина не путаться под ногами у вражеских челноков, произошло два инцидента. Столкновения произошли в двух отдаленных друг от друга местах, но оба имели схожие последствия. И оба явились результатом чрезмерного любопытства патрульных кораблей с Земли, решивших поближе познакомиться со снующими вражескими судами.

Наблюдатели сообщили о ярких голубых вспышках. Земные корабли охватило пламя, и сильные взрывы разметали обломки на десятки миль вокруг.

Эти сообщения, когда они дошли до Джеррина, потрясли его. Но его намерения укрепились. В это время он ожидал вестей с Марса о последствиях плана Рахэйнла. (Он отдавал себе отчет, что корабль, прибывший на Землю, был тем же самым, что и на Марсе. Просто он продолжал путь от четвертой планета к третьей быстрее, чем космический корабль, который, несомненно,

привезет доклад марсианского коменданта), Но сейчас ему казалось, что ответ был ясен.

Чужак прибыл с какой-то другой звезды. Вскоре он вернется домой. Пришельцы не делали попыток вступить в контакт с землянами, и, видимо, не стоит мешать им выполнить свою работу. Тем временем линнский флот укрепит оборону и приготовится к схватке. Когда он передал эти указания начальнику штаба, офицер погладил бороду и веско произнес:

— Что вы имеете в виду — укрепить оборону? Каким образом? Произвести больше копий и луков?

Джеррин поколебался. Сформулированный таким образом план звучал расплывчато. Наконец он сказал:

— Быть построже. Быть готовым к жертвам.

Что он под этим подразумевал, было неясно.

Прошел второй день, и все это время у него росло ощущение ошибки, чего-то упущенного. Следующим утром офицер, отвечающий за надзор за лордом Клэйном и его главными сторонниками, доложил, что мутант вывозит все оборудование из своей резиденции в Линне.

Джеррин выслушал новость с возрастающим гневом. Это был как раз такой инцидент, который

мог — если о нем узнают — породить панику. Он все еще кипел, когда от брата пришла вторая записка.

«Дорогой Джеррин.

Я получил сообщение о беде на Марсе и настоятельно советую отдать приказ об эвакуации из Линна и других городов.

Говорю вам, сэр, этот корабль должен быть уничтожен до того, как он покинет Землю.

Клэйн».

Это было резкое письмо. От его краткой резкости сухощавое загорелое лицо Джеррина залило краской. И какое-то время все его внимание было поглощено тоном, а не содержанием. Затем он подумал: «Беда на Марсе!»

Сдерживая волнение, он послал курьера на поле, где всегда приземлялись правительственные корабли с Марса. Курьер вернулся с пустыми руками.

— Больше недели с Марса не было ни одного корабля, ваше превосходительство.

Джеррин расхаживал по дворцовой приемной. Каналы, по которым Клэйн получал информацию, намного превосходили возможности правительственной связи, и этот факт сильно обеспокоил лорда-правителя. Он сознавал, что

дав ему знать косвенным путем о более быстром средстве сообщения между планетами, мутант приоткрыл завесу таинственности над своими истинными возможностями. Готовность открыть эту тайну говорила о серьезности ситуации.

И тем не менее, он не решался принять все, что за этим могло последовать.

Он еще не пришел в себя, когда вошла Лилидел. Как обычно она вела за собой одного из детей.

Она говорила, а Джеррин рассеянно слушал. Она уже не была той великолепной красавицей, на которой он женился, хотя ее удивительно правильные черты остались почти без изменений с того дня, когда они впервые встретились.

Не лицо, а ее тело несло отпечатки прошедших лет, и рожденных ею детей. Джеррин не был слишком требователен. Он лишь хотел, чтобы характер жены изменился настолько же, как и ее тело. Наконец он терпеливо сказал:

— Я хочу, чтобы было ясно одно. Человек, который не может защитить империю, не может оставаться у власти. Я предлагаю тебе перестать беспокоиться о престолонаследии нашего сына и серьезно подумать об отчаянном положении, в котором мы находимся из-за присутствия чужого корабля.

Он быстро рассказал ей о посланиях, которые он получил от Клэйна. Когда он закончил, женщина была бледна.

— Этого-то я и боялась, — проговорила она напряженным голосом. — Я знала, что он затевает заговор.

Эгоцентричность этого замечания неприятно задела лорда-правителя. Он подчеркнул, что Клэйна едва ли можно считать ответственным за появление корабля. Лилидел отмела это объяснение в сторону.

— Какие у него основания — это неважно, — сказала она нетерпеливо. — Когда у человека есть цель, любая причина хороша.

Она продолжала в том же духе, пока Джеррин не оборвал ее:

— Ты что, не в своем уме? — яростно спросил он.

— Позвольте вам заметить, мадам, что я не потерплю такой ерунды в своем присутствии. Если ты хочешь поболтать о заговорах Клэйна против государства, то, пожалуйста, не со мной.

Ее нелогичность так разозлила Джеррина, что на какой-то момент он забыл о своих собственных подозрениях.

Лилидел смотрела на него обиженным взгля-

дом.

— Ты никогда прежде не говорил со мной так, — фыркнула она, крепко прижимая к себе девочку, словно им грозила опасность.

Это движение привлекло его внимание к ребенку. В ее действиях было нечто такое, что пробудило в памяти Джеррина прошедшие годы, все случаи, когда она приводила с собой одного из их детей, если приходила к нему с жалобой или просьбой. Шок от прозрения был ужасен. Он всегда гордился тем, что Лилидел, в отличие от интригующих супруг правителей прошлого, никогда не использовала их отношения в личных целях.

Неожиданно у него в голове промелькнули тысячи эпизодов, когда она приходила к нему с просьбами посодействовать интересам какого-нибудь человека. Она предлагала назначения на должности различной важности, вплоть до комендантских. В своей спокойной, тихой манере она провела фантастическое число указов, распоряжений и законов, из которых возможно лишь какая-то частица могла зародиться в ее собственной голове.

В его глазах она стала вдруг представителем группы, управляющей его провинциями, в то вре-

мя как он был всецело занят военными делами. Они сплели вокруг него обширную организацию, содействующую их интересам. И именно они хотели настроить его против Клэйна.

Степень предательства отрезвила его. Трудно было поверить, что Лилидел могла осознавать, что лежало за всем, что она сделала и делает. Легче было думать, что ее характер тоже был проанализирован какими-то умными людьми и что ее просто использовали. Несомненно однако то, что она должна была вести эту игру сознательно, исходя из материнских идеалов. Он не сомневался, что она любила своих детей.

Проблема была слишком важна, чтобы принимать решение немедленно. Джеррин спокойно сказал:

— Пожалуйста, оставь меня. У меня нет желания грубить тебе. Ты застала меня в тяжелый момент.

Когда она ушла, он долго стоял в нерешительности, мысленно вернувшись к сообщению Клэйна. Наконец он принял решение: «Если я не знаю, что делать с этим проклятым кораблем, необходимо посоветоваться. Пора разузнать, что думает по этому поводу Клэйн».

Его сообщение к брату было кратким и по су-

ществу. «Давай встретимся. Назначь дату, место и условия».

Ответ Клэйна был не более многословен: «Распорядись о немедленной эвакуации из крупных городов. Тебя устроит, если я пришлю за тобой корабль?»

«Да», — ответил Джеррин.

3

Когда команда лорда-советника прибыла на корабль, не было никаких следов Клэйна. Джеррин принял крывшееся за этим с мрачной улыбкой. Но среди его штаба слышалось раздраженное бормотание. Напряжение спало, когда к трапу поспешно подошел какой-то сотрудник в генеральской форме. Быстро подойдя, он отсалютовал, встал по стойке смирно, ожидая разрешения говорить. Джеррин дал его.

Человек быстро извиняющимся тоном сказал:

— Ваше превосходительство, лорд Клэйн шлет свои искренние сожаления, что не смог завершить некоторые предварительные мероприятия. Мы заберем его в его имении, и он будет к вашим услугам, как только окажется на борту.

Джеррин смягчился. Он не был ярым сторонником правил, но ему не нужно было говорить, что люди, намеренно их нарушающие, выражают невысказанные цели и мысли. Он был рад, что Клэйн выбрал этот способ выразить свои цели. Он удовлетворился минимумом любезности.

Джеррин не был настолько бестактен, чтобы спросить о природе этих «предварительных

мероприятий», которые вызвали задержку. Он считал само собой разумеющимся, что они существовали только в воображении его брата.

Из иллюминатора своих апартаментов несколько минут спустя, он видел, как уплывала внизу земля, и тогда он почувствовал первое беспокойство, в первый раз подумав, что он, возможно, поторопился, рискнув взойти на борт этого корабля без сопровождающего флота. Трудно было поверить, что его брат пойдет на риск большой гражданской войны, и однако такие вещи случались.

Он не мог себя заставить открыто признать, что он возможно попал в ловушку, потому не стал говорить его офицерам о своих подозрениях.

Он почувствовал себя лучше, когда корабль начал спускаться к посадочному полю имения Клэйна. Позже, когда он увидел, как его брат идет через поле, тревоги его почти совсем улеглись. Он заинтересовался, когда увидел, что люди позади Клэйна несли какой-то удлиненный продолговатый предмет. В этом желобе было нечто блестящее, и оно казалось очень медленно двигалось взад и вперед. Оно уже было вне поля его видимости, когда он смог решить, что это. Оно выглядело как стеклянный шар.

Вскоре корабль снова был в воздухе, и наконец прибыл офицер с просьбой Клэйна об аудиенции. Джеррин сразу же дал разрешение. Он был озадачен. Так куда же направлялся корабль?

Все это время он сидел; но, когда вошел Клэйн, он поднялся на ноги. Устройство апартаментов было идеальным для принятия почтения высокопоставленными лицами от меньших смертных. Из передней, где находился вход, три ступеньки вели к большой приемной. Наверху, словно на тронном подиуме, ждал Джеррин. Прищурив глаза и сжав губы, он наблюдал, как его брат подходит к нему.

Еще из иллюминатора он заметил, что Клэйн, как обычно был в храмовой одежде. Теперь у него был момент рассмотреть подробности. Даже в этом скудном скромном окружении он выглядел бесцветным и непритягательным.

В этой комнате, с дюжиной штабных офицеров в их голубовато-серебряной униформе, он казался настолько убогим, что старший брат, не мог поверить, что здесь была какая-то угроза его собственному положению. Непреклонная враждебность покинула Джеррина. Волна жалости и понимания нахлынула на него. Он ведь слишком хорошо знал, как тщательно эта одежда скрывала

плечи, руки и грудь мутанта.

«Я помню, — подумал он, — как группа детей, в которой бывал и я, раздевала его и насмехалась над ним».

Это было давно, более двадцати лет назад. Но это воспоминание вызвало чувство вины, и он обнял своими огромными, сильными руками хрупкое тело Клэйна.

— Дорогой брат, — сказал он, — рад тебя видеть.

Через минуту он отступил назад, чувствуя себя гораздо лучше, ощутив в себе гораздо больше уверенности что его нежный брат никогда не будет соперничать с ним за власть. Он снова заговорил:

— Могу я спросить, куда мы направляемся?

Клэйн улыбнулся. Его лицо стало полнее, с тех пор как Джеррин видел его в последний раз. Некогда его ангельско-женственное качество уступало место более жестокой, мужественной внешности. Даже улыбка была уверенной, но на какой-то момент она придала ему вид человека скорее даже красивого, нежели просто симпатичного. Ему было тридцать три года, но у него все еще не было следов того, что он когда-либо брился.

Сейчас он сказал:

— По моим последним докладам захватчик в настоящее время «лежит в дрейфе» над горной цепью примерно в сотне миль отсюда. Я хочу, чтобы ты стал свидетелем атаки, которую я планирую предпринять против этого корабля.

Чтобы постичь полный смысл этого, потребовалась вся оставшаяся часть путешествия.

Джеррин моментально сообразил, что происходит. Он стоял на площадке и смотрел, как Клэйн изучал вражеский корабль, который был где-то в трех милях от них. Наконец Клэйн подошел к нему и сказал обеспокоенным голосом:

— Наша проблема — это возможность неудачи.

Джеррин ничего не сказал.

Клэйн продолжал:

— Если использование металлов храма не сможет уничтожить корабль, тогда они могут предпринять ответное действие.

Ссылка на божественные металлы вызвала у Джеррина раздражение. Его собственное отношение к храмам и к религии, которую они проповедовали, было отношением солдата. Их идеи были полезны в поддержании дисциплины среди рядового состава. Цинизма в этом он не чувствовал. Он никогда не задумывался о религии как таковой. Сейчас же он ощущал на себе

некоторое давление. Он не мог избавиться от убеждения, что Клэйн и другие принимали как само собой разумеющееся, что в религии что-то было. Он слышал смутные отчеты о деятельности Клэйна в прошлом, но в своей строгой аскетической и активной жизни, где каждый день был посвящен огромному числу административных задач, у него никогда не было времени подумать над непонятными рассказами о волшебстве, которые изредка ему доводилось слышать. Сейчас ему было не по себе от того, что он воспринимал эти рассказы, как обычные суеверия.

Очевидно, ему вот-вот должны продемонстрировать скрываемые до этого времени силы, и он чувствовал беспокойство.

«Мне никак не следовало, — думал он, — позволять себе связываться с этими метафизмами».

Он ждал, что будет дальше, испытывая непонятную грусть.

Клэйн задумчиво наблюдал за ним.

— Я хочу, чтобы ты стал свидетелем этого, — сказал он. — Потому что на основании этого я надеюсь получить твою поддержку на главную атаку.

Джеррин быстро сказал:

— Ты думаешь, что эта атака провалится?

Клэйн кивнул.

— У меня нет оружия лучше того, которое имелось в золотом веке. А если лучшее оружие той великой научной эры не смогло предотвратить разрушение, в котором наши предки едва выжили, то я не вижу, как мы можем достичь успеха с остатками их науки.

Он добавил:

— Я так думаю, что вражеский корабль построен из материалов, в которых нельзя установить рисунка разрушения.

Значение этого потрясло Джеррина.

— Должен ли я понимать это так, что эта первая атака предпринимается с единственной целью убедить меня поддержать вторую атаку? И что именно на эту вторую атаку ты возлагаешь свои надежды?

Клэйн поколебался, затем кивнул.

— Да, — ответил он.

— Каков характер твоего второго плана? — спросил Джеррин. Он побледнел, когда Клэйн обрисовал его. — Ты хочешь, чтобы мы рисковали флотом просто в качестве поддержки?

Клэйн ответил просто:

— А на что он годится, кроме этого?

Джеррин дрожал, но сохранял голос спокой-

ным.

— Роль, которую ты задумал отвести себе, в некоторой степени показывает, как серьезно ты относишься к этому делу. Но, брат, ты просишь меня рискнуть судьбой государства. Если ты потерпишь неудачу, они разрушат город.

Клэйн сказал:

— Кораблю нельзя позволить вернуться домой.

— Почему нет? Это кажется простейшим решением. Рано или поздно они уйдут.

Клэйн напрягся.

— Что-то случилось, — сказал он. — Тысячи лет назад война для них не была полностью успешной. Тогда они ушли, очевидно, даже не осознавая того, что нанесли непоправимый урок Солнечной системе, разрушив все ее города. Если сейчас этот корабль возвратится к себе и доложит, что мы фактически беспомощны, они вернутся в полном составе.

— Но почему? — сказал Джеррин. — Зачем им беспокоить нас?

— Территория.

Кровь прилила к лицу Джеррина, и перед глазами его предстала картина сражения, происходившая в глубокой древности. Отчаянная, убийственная, безжалостная война двух рас, со-

вершенно чужих друг другу. Одна, стремящаяся захватить, другая — удержать Солнечную систему. Этого было достаточно. Он почувствовал в себе твердую решимость и выпрямился.

— Очень хорошо, — сказал он звенящим голосом. — Я желаю посмотреть этот эксперимент. Действуйте.

Металлический ящик с катающимся в нем взад и вперед серебряным шаром, принесли в центр болотины. Это был тот самый предмет, который, как видел Джеррин, они взяли на борт в имении Клэйна. Он подошел к нему и встал, глядя на него.

Шар спокойно катился сначала в один конец, затем обратно, в другой. Его движение казалось не имело смысла. Джеррин опустил руку и взглянул вверх, чтобы посмотреть, возражал ли Клэйн против его поступка; и так как Клэйн просто стоял, наблюдая за ним, осторожно подставил палец на пути этой сияющей сферы.

Он ожидал, что его вытеснит с дороги прочной металлической тяжестью-весом.

Шар прокатился сквозь него.

В него, через него, за него. Не было вообще никакого чувства, никакого ощущения какой бы то ни было плотности. Словно он держал руку в

пустом воздухе.

Почувствовав какое-то отвращение из-за его чужеродности, Джеррин отпрянул.

— Что это? — спросил он с неприязнью.

Лица Клэйна коснулась мимолетная улыбка.

— Ты задаешь не тот вопрос, — сказал он.

Джеррин был моментально сбит с толку, а затем вспомнил свою военную подготовку.

— Что она делает?

— Поглощает любую направленную на него энергию. Превращает все, что его коснулось в энергию, а затем поглощает эту энергию.

— Он не превратил мой палец в энергию.

— Пока он в своем ящике, он безопасен в обращении. Возможно, существует какой-то предел ограничения на количество энергии, которую он поглотит, хотя мне еще предстоит выяснить это. Что и дает мне надежду, что его возможно применять против врага.

— Ты собираешься использовать это против них?

Невероятно, ему и в голову не пришло, что это оружие. Пораженный, Джеррин уставился на шар; и чувство, которое ненадолго ушло — что его каким-то непонятным образом разыгрывают — вернулось. Джеррин несчастно посмотрел во-

круг. Бронированный боевой корабль треть мили в длину плыл в дымке к юго-востоку. Здесь же всего дюжина людей стояла в лесной болотине. Поблизости лежало небольшое открытое судно, которое привезло их с их собственного космического корабля. Судно было не вооружено, за исключением двадцати лучников и меченосцев.

И все же Джеррин сохранил самообладание.

— Когда ты собираешься атаковать?

— Сейчас!

Джеррин открыл рот, чтобы сказать еще что-то, и вдруг заметил, что серебристый шар пропал из ящика. Вздрогнув, он посмотрел вверх — и застыл, когда увидел, что тот плывет в воздухе над головой Клэйна.

Теперь он был ярче и танцевал, и подрагивал, как нечто живое. Это было какое-то нереальное сияние. Легкий, как перышко, он плыл над головой мутанта, покачиваясь в такт его движениям.

— Смотрите за кораблем! — показал Клэйн.

Эти слова и движения были как сигнал. «Шар» вдруг исчез со своего места над его головой. Джеррин мгновенно увидел его, высоко в небе, какой-то отблеск на фоне темной массы огромного корабля. Последовала яркая вспышка, а затем фантастический предмет был снова над головой

Клэйна.

Высоко над ними огромный корабль, очевидно, не поврежденный, покачивался на своих невидимых якорях.

Джеррин сказал с разочарованием:

— Не сработало?

Клэйн махнул ему судорожным движением руки.

— Подожди! — сказал он. — Возможно, будет контратака.

Последовавшая тишина длилась недолго.

Вдоль линии корабля, пробегая от носа до хвоста, появился огненный обруч. В миле от них, в лесу, загрохотал гром. Он приближался и становился громче. В четверти мили, в зарослях, ярко вспыхнул огонь, а затем он оказался в четверти мили за ними, на другой стороне.

Джеррин заметил, что на какой-то момент, когда им угрожали гром и пламя, шар пропал. Когда он взглянул еще раз, он снова находился над Клэйном, танцуя и подпрыгивая. Должно быть, Клэйн поймал смущенный взгляд, так как сказал:

— Они не смогли определить наше местоположение и потому вычертили кривую и ударили по ней через промежутки. Вопрос в том, заметят ли

они, что в одном из возможных центров нападения на них, взрыва не было?

Джеррин догадался, что враг вычертил тонкую кривую и по какой-то магической науке выбрал как раз их место в качестве одного из направлений своего удара.

И, очевидно, сверкающая сфера поглотила энергию атакующей силы.

Он ждал в напряжении.

Пять минут спустя признаков дальнейшей атаки все еще не было. По истечении двадцати минут Клэйн с удовлетворением сказал:

— Кажется, они удовольствовались одной контратакой. По крайней мере мы знаем, что они не сверхсущества. Пойдемте.

Они сели на небольшое судно, медленно проскользили над размахнувшимися ветвями деревьями, затем вывернули через узкий проход в долину, из которой корабль был не виден. Когда они набрали скорость, Клэйн заговорил снова.

— Я бы хотел взглянуть на этот захваченный корабль, который Рахейнл прислал тебе с Марса. Чем скорее мы начнем действовать, тем лучше. Возможны ответные меры.

Джеррин уже думал об этом, о том насколько далеко он зашел. Атака произведена, врагу актив-

но дали понять, что его присутствие нетерпимо. Шла война, и обратно повернуть нельзя.

Он тихо спросил:

— Когда ты плакируешь произвести свою вторую атаку?

4

Вторгшийся корабль, по счастью, не подошел к городу Линну ближе ста пятидесяти миль. Потому было естественным, что первой его жертвой будет не Капитолий. Первый удар принял один крупный центральный город.

Бомба была сброшена приблизительно через двадцать минут после попытки Клэйна уничтожить чужака шаром. Она упала на город, который был полностью эвакуирован, за исключением уличных патрулей и грабителей, делавших присутствие этих патрулей необходимым. Густые, плотные облака дыма скрыли повреждения и бедствия.

Менее чем через полчаса одной из колоссальных бомб ударило по второму городу, где вырос гриб ядовитого дыма, гибельного и неотразимого.

По третьему городу нанесли удар часом позже, а по четвертому вскоре после полудня. Затем возникла пауза, и стало видно, как из великана вышло множество небольших судов. Они исследовали внешние границы четырех гигантских площадей дыма и дразняще пролетели рядом с

линнскими патрулями, словно стараясь вызвать их огонь.

Когда известие об этом маневре доставили Клэйну, он сразу же послал сообщение Джеррину:

«Превосходящий лорд-предводитель.

Создается впечатление, что они были сильно удивлены нашей вчерашней атакой, и сейчас пытаются вызвать больше огня из оружия, которое я обратил против них, возможно, в надежде точно узнать, какие силы мы можем собрать против них.

Изучив машины, захваченные у них Рахейнлом, я счастлив доложить, что требуется лишь незначительный ремонт, и что мы сможем начать атаку, возможно, завтра ночью.

В надежде, Клэйн».

Определенные характеристики патрульного судна чужаков озадачили Клэйна. Так как он руководил работой механиков, ему пришлось приложить усилия, чтобы сконцентрироваться на более глубоких аспектах задачи.

— Если у меня будет время, — сказал он себе, — я изучу это приспособление у рулевого механизма.

Две машины лежали бок о бок в его подземных мастерских. Каждая была примерно пятьдесят футов в длину и по существу имела очень простую

конструкцию. Их атомные двигатели отличались от двигателей линнских кораблей только тем, что были более компактны. Принцип же был тот же самый.

Машины с такими двигателями летали в атмосферах планет уже тысячи лет.

В назначенный для атаки день Джеррин прибыл вскоре после полудня. Он был бледен, серьезен и подавлен.

— Семнадцать городов, — доложил он Клэйну, — сейчас разрушены. Они, безусловно, приглашают сделать нас все, что мы можем.

Клэйн подвел его к приборам управления судна, которое было уже отремонтировано.

— Я экспериментировал, — сказал он, — с небольшим приводом, которым они снабдили рычаги управления.

Он наклонился.

— У меня здесь карта, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты отметил на ней, где сейчас по последним докладам находится вражеский корабль.

Джеррин пожал плечами.

— Это просто. Он дрейфует над…

— Не говори мне! — слова Клэйна были столь быстрыми, резкими, что достигли желаемого эффекта самой своей формой.

Джеррин вопросительно уставился на него.

Клэйн продолжал:

— У меня есть некоторое соображение в связи с этим, так что поставь отметку — и мне ее не показывай.

Старший взял карту и кончиком карандаша дотронулся как можно ближе к тому месту, где находился корабль. Отступив на шаг, он ждал. Клэйн коснулся кнопки.

Почувствовалась легкая пульсация, когда двигатели загудели в пустой громадине подземной камеры. У них под ногами судно медленно повернулось на своей вращающейся платформе и пришло в равновесие. Шум двигателей затих. Клэйн выпрямился.

— Нос сейчас направлен на север-северо-восток. Начерти на карте линию в этом направлении из этой пещеры.

Джеррин молча начертил линию. Она прошла в миллиметре от точки, где он поставил свою отметину.

— Не понимаю, — медленно произнес он. — Ты хочешь сказать, что это судно знает, где находится его корабль-матка?

— Кажется, да. Конечно, чисто механически.

— Тогда и весьма вероятно и корабль-матка

знает, где оно.

Клэйн нахмурился.

— Возможно, но я сомневаюсь. Это было бы очень сложно, и даже излишне, при нормальных обстоятельствах следить за сотнями небольших судов. Небольшое судно однако должно уметь возвращаться к большой машине.

Он добавил:

— Если бы они знали, где это судно, то, я думаю, предприняли бы какое-нибудь усилие, чтобы вернуть его.

Джеррин покачал головой.

— Это кажется не столь важно. В конце концов мы сможем определить место нахождения захватчика в любое время.

Клэйн на это ничего не сказал. Он уже изучил подробные доклады о том, как эти небольшие корабли входили и выходили из их родителя. И теперь уже несколько часов у него созревала мысль об одной возможности.

Это была не та вещь, которую можно было легко объяснить практическому человеку. Вся идея об автоматическом механизме была так же нова, как и поразительна.

Час «ноль» был близко.

Пока они ждали в укрытии горы, стемнело. До

этого между ними состоялся бессвязный разговор, но теперь они молчали. От стоявших сзади людей доносился редкий невнятный шум.

План был составлен. Флот получил приказ. Теперь оставалось лишь провести саму атаку.

— Ату-у!

Сигнал пронесся с края вершины. Джеррин распрямился и затем, шагнув ближе, обнял брата. Сумерки скрыли это проявление братских чувств от посторонних.

— Удача, — сказал Джеррин, — и прости меня за все, что я сделал, сказал или подумал против тебя.

Он сошел вниз, в темноту, где ожидали его собственные солдаты.

Механизмы захваченного судна Риссов функционировали безупречно. Машина поднялась, как тень, набрала высоту и перелетела через горную вершину. Почти моментально они были в центре сражения.

Линнские космические корабли атаковали группами в сто машин и шли волнами. Они управлялись неполными экипажами, и у них были две цели. Пикируя носом в торпедообразного захватчика, заставить вступить в бой по возможности все оборонительные средства врага. Это

была первая цель.

Считалось, что чужакам не захочется, чтобы их межзвездный корабль был пробит сотнями реактивных снарядов весом тысячи тога каждый.

Второй задачей каждого атакующего экипажа было покинуть свой корабль на небольшом спасательном судне за несколько секунд до столкновения. Предполагалось, что в воздухе будет так много спасательных кораблей, что враг не заметит приближения своей собственной пропавшей когда-то машины.

По расчету управлять любой прямой атакой должен поглощающий энергию шар Клэйна.

Небо вспыхивало пламенем. Повсюду горели и падали линнские корабли. Клэйн однако не видел спасательных судов, и у него появилось первое тоскливое чувство, что люди не смогли уйти. Сделать тем не менее было ничего нельзя, только идти вперед.

Удары линнских кораблей, бившихся о металлический корпус захватчика, были теперь почти беспрерывны; и больше уже не было никаких сомнений, что оборона врага была не в состоянии справиться с такой сложной атакой.

Клэйн напряженно думал:

— Они будут вынуждены уйти. У нас не будет

времени подойти ближе.

Эта возможность раньше ему в голову не приходила.

Он считал бесспорным, что большой корабль сможет стряхнуть нападающих линнцев без труда и не сходя с места. Вместо этого они наносили ему серьезные повреждения.

Рядом с ним его командующий прошептал:

— Кажется, я вижу отверстие.

Клэйн вгляделся туда, куда тот показывал и увидел это отверстие. Он почувствовал холодную дрожь, потому что оно было прямо по их курсу. Никакой ошибки — его судно устремилось к нему — их втягивало внутрь. Возможно, что автоматическое управление его небольшой машины включило дверной механизм своего корабля-матки и, возможно, они смогут войти в него без сопротивления. Его собственный план был проломить вход крошечной бомбой, и ему казалось, что он все еще предпочитал этот способ. Сейчас вопрос был такой: была ли это ловушка тех, кто на борту, или же процесс был настолько автоматизирован, что никто не обращал никакого внимания на вновь прибывших?

Это был риск, на который приходилось идти. Самая большая опасность заключалась в том, что

эта гигантская машина начнет движение.

Свет воздушной камеры оказался обманчиво тусклым. Он прикидывал, что было еще более ста футов, как раздался щелчок. Машина резко сбавила ход, и он увидел, как неясно вырисовывающиеся серые двери развернулись в обе стороны.

Двери плавно закрылись позади них, и перед ними заскользили еще одни. Небольшое судно со своими тридцатью пятью человеками на борту, спокойно двигалось вперед — и оказалось внутри корабля, пришедшего из звездных глубин.

Джеррин ждал в полевом штабе, куда он для укрытия забрал свою семью.

— Они еще внутри, — таков был краткий доклад его старшего полевого офицера.

Примерно через восемнадцать часов, ситуация фактически означала смертный приговор. Джеррин обвинял себя.

— Ни в коем случае ему нельзя было разрешать идти, — сказал он Лилидел. — Нелепо, что член нашей семьи должен участвовать в прямых штурмах.

Сам он принял участие более чем в ста штурмах, но сейчас это игнорировал. Он игнорировал и тот факт, что только человек, управляющий

энергетическим шаром — сам Клэйн — мог провести атаку, которую задумал.

Джеррин расхаживал по штабному кабинету; и только через несколько минут он заметил, что впервые Лилидел нечего было сказать. Джеррин пристально посмотрел на нее, мрачно понимая, что ни она, ни те, кто стоял за ней, не были недовольны тем, что произошло.

— Дорогая моя, — сказал он наконец, — неудача Клэйна будет иметь последствия для всего государства. Она будет означать начало, а не конец наших бед.

Она по-прежнему молчала. И он увидел, что в этом кризисе она была не в состоянии понять этого. У нее были свои собственные цели, цели матери и представителя группы, которая действовала через нее. Его мысли вернулись в прошлое, к выбору, который сделала старая леди Лидия, его бабушка, убедив своего стареющего мужа, что ее сын должен стать наследником Линна.

— Я должен сделать так, — решил Джеррин, — чтобы престолонаследие не стало делом Лилидел. Да и мне пора больше интересоваться детьми. Я больше не могу доверяться тому, что она сделала с ними.

Это особенно касалось Каладжа, его старшего

сына.

Он снова взглянул на жену и открыл было рот, чтобы сказать, что, если Клэйн останется в живых, у него будет власть по желанию взять правительство. Он не сказал этого. Это не послужит никакой полезной цели. Во-первых, она не поверит, а во-вторых, это было не совсем верно. Правительство частично зависело от совместных действий управляемых; и были факторы против Клэйна, о чем, к счастью — он был убежден — знал и сам Клэйн.

Встречи между ними сделали дружеское сотрудничество возможным. Только чрезвычайные обстоятельства, как он был уверен, могли изменить сейчас политическую ситуацию в Линне.

«Мне придется сделать завещание, — подумал он. — Случись со мной что-нибудь, умри я — не должно быть никакой путаницы».

Он почувствовал себя угнетенным. Уже во второй раз — менее чем за год — как беда поразила сердце империи. Сначала Чиннар, варвар, а теперь чужаки. С воздуха он видел потоки беженцев из дымящихся городов, разбомбленных прежде, чем они были полностью эвакуированы, и он сознавал свое несоответствие перед лицом такой колоссальной катастрофы. Это и решило дело.

— Я отказываюсь, — сказал он, — верить, что Клэйн потерпел неудачу. Если это так, то мы проиграли. И осознание этого еще раз подчеркивает его важность в кризисное время. Он единственный человек, способный управиться с чрезвычайной ситуацией, имеющей дело с атомной энергией. Если он все еще жив, я намереваюсь сделать следующее.

С широко раскрытыми глазами она слушала, как он объяснял о завещании, которое собирался написать. Вдруг лицо ее исказилось от ярости.

— Ты с ума сошел! — выдохнула она. — Ты серьезно? Ты собираешься лишить наследства собственного сына?

Он сурово посмотрел на нее.

— Дорогая моя, — сказал он, — я хочу дать ясно понять тебе и твоей личной армии раз и навсегда. Пока я лорд-советник, государство не будет рассматриваться как собственность, которую автоматически наследуют мои дети. Слишком рано решать, обладает ли Каладж качествами, необходимыми для руководства. У меня впечатление, что он чрезвычайно эмоциональный юноша, который слишком часто поступает так, как хочется ему. Пока что здесь нет признаков стабильности, которой обладаю я, обладает Клэйн и до опреде-

ленной степени обладал Тьюс.

Лицо женщины смягчилось. Она подошла к нему.

— Я вижу, ты устал, дорогой. Пожалуйста, не делай ничего в спешке, пока не пройдет этот кризис. Я принесу тебе чашку чая — крепкого, как ты любишь.

Она внесла чай дрожащими пальцами и вышла со слезами на глазах. Напиток показался необычайно горьким, даже на его вкус, но он отхлебнул его и начал диктовать, сначала завещание, затем письмо Клэйну. Он признал, что он слишком многое принимал как должное, но настроение его оставалось мрачным. И только после того, как он запечатал две статьи и положил их среди деловых бумаг, он почувствовал, что напряжение прошедших нескольких дней сказалось на его теле. Он почувствовал огромную усталость и даже небольшой озноб.

Отослав секретаря, он лег на кушетку под окном. Прошло двадцать минут, и мягко открылась дверь, так мягко, что спящий казался непотревоженным. Лилидел вошла, взяла чашку, в которой был чай, и на цыпочках вышла.

Прошло около часа, когда напряженная тишина комнаты была вновь нарушена. Внешняя

дверь распахнулась. Через порог ворвался штабной офицер.

— Ваше превосходительство, — задыхаясь, начал он, — захватчик появился над лагерем.

Стройное, одетое в униформу тело на кушетке не шевелилось.

5

Когда «подъемное» судно Клэйна остановилось внутри вражеского корабля, он через мгновение увидел, что их прочно удерживали в чем-то вроде металлического футляра. Нос машины и половина корпуса были погружены в эту облегающую люльку. Вокруг него повсюду были другие небольшие суда, вставленные в подобие ячейки.

Судно автоматически скользнуло в свое гнездо. Теперь была только одна проблема. Заметит ли тот, кто управляет большой машиной, что это спасательное судно, которое было захвачено на Марсе человеческими существами?

Если он заметил, то в первые минуты ничем это не показал.

Там, где заканчивался футляр «гнезда», были высокие ступеньки. По этим ступенькам и поднялись Клэйн и его люди, пройдя в пустой коридор. Клэйн внезапно остановился, поколебался, глубоко вдохнул — и послал шар на его смертельное задание.

Свернув, он пропал из виду, вернулся, снова исчез и опять вернулся. Затем, в третий раз, соскользнул, как удар молнии.

На этот раз он вернулся уже пресыщенным.

Они не нашли ни одного живого существа какого бы то ни было вида. Они бродили несколько часов, прежде чем наконец убедились, что за эти несколько секунд громадный корабль был охвачен простым процессом. Шар поглотил всех чужаков на борту. Как только Клэйн удостоверился в этом, он направился в огромную комнату управления.

Он зашел как раз вовремя, чтобы стать свидетелем одного странного механического явления. Какая-то громадная стекловидная, зеркальная пластина, которая не издавала ни звука, ни света, когда он в первый раз прошел через комнату управления, замерцала вспышками света и из нее раздались какие-то робкие, явно бессмысленные звуки.

Клэйн занял место за каким-то барьером и с подпрыгивающим над его головой шаром настороженно наблюдал.

Огни на пластине вдруг усложнились. На ней вырисовывались какие-то очертания, и Клэйн был потрясен, когда узнал в этом создании точно такое же чудовище, которое привез с Европы Чиннар.

Только этот каким-то удивительным образом

жил в изображении.

Существо глядело из пластины в комнату управления, и прошла почти минута, прежде чем его взгляд коснулся Клэйна. Оно произнесло что-то серией низких звуков, которые ничего не означали для мутанта. Еще двое других вышли из неясности и тоже уставились сквозь пластину.

Одно из них жестом явно отдало команду и что-то прорычало. Раздался щелчок, и экран погас. Звуки еще продолжались несколько секунд, а затем и они затихли.

Поколебавшись, Клэйн осторожно прошел дальше в комнату управления. Он пытался понять, что же он такое увидел. Изображение живых чужаков, сфокусированное откуда-то издалека на блестящую пластину. Понять это было очень трудно, но ему стало тоскливо от убеждения, что другие чужаки теперь знали, что произошло на первом их корабле, добравшемся до Земли.

Мысленным усилием он должен был постичь возможность того, что связь можно устанавливать и другими средствами, а не дымовыми сигналами, световспышками стратегически установленных зеркал и кораблями-курьерами. То, что он увидел, указывало, что такая связь была

возможна не только через планету, но и через бездну космоса между звездами.

Это меняло все. Это меняло всю ситуацию. Захват одного этого корабля ничего не значил. Другие чужаки знали, что оборонительные силы Солнечной системы не смогли защитить свои города. Они будут озадачены захватом их корабля, но сомнительно, что они будут серьезно встревожены.

Чего почти добился один корабль, безусловно, сможет сделать флот — без усилий. Вот каким будет их отношение; и Клэйн, быстро оценив оборонительные возможности Солнечной системы, не сомневался в способности мощных сил вражеских кораблей сделать все, что они захотят.

Весь этот инцидент с наблюдением на расстоянии имел громадное значение. В мрачном настроении он начал изучать систему управления большой машины. Прошло почти четыре часа, прежде чем он удовлетворенно отметил, что мог вести ее для атмосферного путешествия.

Определенные функции сложной панели управления совершенно сбили его с толку. Чтобы овладеть арсеналом этого корабля, потребуется время и серьезные исследования.

Он направил корабль к штабу Джеррина.

Он приземлился на спасательном судне, на котором развевались победные флаги Линна, и через несколько минут был допущен туда, где лежал мертвый Джеррин.

Это было примерно через час после того, как было обнаружено тело.

Когда он взглянул на своего покойного брата, лорд Клэйн почти мгновенно заметил следы отравления. Пораженный, он отступил от кушетки и оглядел сцену, пытаясь оценить ее в целом.

Вдова Лилидел была на коленях с рукой, заброшенной через тело в очевидной агонии горя. Она казалась больше встревоженной, чем убитой горем, и по тому, как были прищурены ее глаза, в них был какой-то оттенок вычисления. Слез у нее не было.

Картина заинтересовала Клэйна. У него были бесчисленные доклады о группе, которая использовала эту женщину для влияния на Джеррина, и было время, когда он даже намеревался предупредить брата против нее.

Он поймал себя на мысли, что думает о том, где сейчас был ее старший сын, этот невероятный Каладж.

Понадобилась всего лишь минута, чтобы эта мысль оформилась в четкую возможную картину

этой ситуации. Он вдруг увидел, как Каладж уже отправлялся в Голомб, небольшой городок за Линном, куда были переведены Патронат и другие правительственные отделы. Заранее получив предупреждение, группы, стоящие за Лилидел — среди них многие хорошо известные патроны — могло воспользоваться случаем и объявить мальчишку лордом-советником.

Здесь был взрывчатый материал для кровавой борьбы за власть. Если не предпринять правильных действий, могут поползти слухи о том, что Джеррин был убит. Некоторые из этих слухов укажут на вдову, другие на самого Клэйна. Его собственные сторонники, которые неохотно приняли благородного Джеррина, весьма вероятно откажутся согласиться с тем, чтобы семнадцатилетний юнец был поставлен к власти их злейшими врагами.

Секретарь Джеррина, генерал Марак — тайный сторонник Клэйна — тронул за руку Клэйна и прошептал на ухо:

— Ваше превосходительство, здесь копии очень важных документов. Я не поклянусь, что оригиналы еще здесь.

Через минуту Клэйн читал последнюю волю своего брата. Затем он прочел личное письмо,

существенным предложением которого было:

«Вверяю мою дорогую жену и детей твоей заботе».

Клэйн повернулся и посмотрел на вдову. Ее глаза, на мгновенье встретившись с его, вспыхнули ненавистью; а затем она опустила их и с тех пор не подавала знаков, что замечала его присутствие.

Он догадался, что его появление на сцене было неожиданным.

Пора было решать. И тем не менее он колебался. Он взглянул на высших штабных офицеров, все люди Джеррина, и все равно никак не мог решиться. В его голове была картина большая, чем что-либо происходившее в этой комнате или на этой планете. Картина мощного чужого флота, отправляющегося с какой-то далекой звездной системы отомстить за захват своего разведывательного корабля. Разумеется, это будет лишь дополнительным стимулом. Их истинной целью будет уничтожение всех человеческих существ Солнечной системы и захват всех планет, пока люди будут драться друг с другом за личные интересы правительственной власти.

Слегка дрожащими пальцами Клэйн сложил оба документа и положил их в карман. Стоя

здесь в присутствии своего покойного брата, так недавно ставшего другом, он возненавидел политическую осведомленность, заставившую его автоматически подумать: «Я должен постараться получить оригиналы, на случай, если я когда-либо захочу их использовать».

Отвращение стало еще сильнее. Прищуренными глазами, с мрачным лицом он смотрел не только на эту сцену пред ним, но и на мир Линна снаружи — сложное соединение непосредственного видения и острой, восприимчивой памяти, сцену, которую он наблюдал, и все сцены, свидетелем которых он когда-либо был, Он вспомнил свои интриги за многие годы, свою эмоциональную радость в политических маневрах: и теперь одной вспышкой осознания понял, что все это было ребяческим вздором.

Губы его шевельнулись. Он тихо пробормотал:

— Любимый брат, мне стыдно, потому что я знал достаточно, чтобы быть осторожней.

Ему казалось, что Джеррин был более великим человеком, чем он. Всю свою жизнь Джеррин относился к политике и политикам с презрением, посвятив себя суровой жизни военного человека в век, когда война была неизбежна.

«Могу я сделать меньше?» — вопрос дрожал

в голове, как брошенный нож, вибрирующий в плоти.

Затем он увидел, что был сентиментален в своих сравнениях, потому что его проблема была на уровне, который Джеррин вряд ли когда-нибудь мог себе представить. Здесь для него была власть, если бы он ее захотел. Все интриги Лилидел и ее группы не могли бы помешать ему захватить власть простой силой. Без стыда, без скромности он понимал, что он «самый-самый» ученый в Линне.

Он ясно и четко почувствовал свое превосходство, проницательность своего понимания. Каким-то образом у него это было, а у других нет. Это делало сейчас необходимым для него отказаться от высшей должности на Земле, ибо у него был долг перед всей человеческой расой. Долг, выросший из понимания колоссальной опасности.

Он не мог рассчитывать на то, что кто-то еще сможет оценить степень этой опасности, и меньше всего он ожидал этого от этой корыстной, продажной, несерьезной женщины и тех, кто стоял за ней.

Резко, с гневной решительностью Клэйн повернулся и поманил генерала Марака. Тот быстро

подошел. Клэйн быстро прошептал ему:

— Я бы посоветовал всем уйти отсюда со мной. Иначе я не отвечаю за жизнь человека, который знает, что в этих документах. — Он постучал пальцем по своему карману, где находилась копия завещания Джеррина.

К несчастью такова была суровая действительность. Интрига и внезапная смерть.

Не говоря ни слова присутствующим, он повернулся и вышел из комнаты, Марак шел следом за ним. Его задача теперь — удержать своих горячих последователей от политики захватить власть от его имени.

И спасти мир, который почти потерял рассудок от коррупции.

Через несколько часов он приземлился в своем имении. Его встретил командир его охраны.

— Ваше превосходительство, — сказал он кратко, — шар и его контейнер украдены.

— Шар пропал! — воскликнул Клэйн. Его дух надломился, словно от тяжести.

Через несколько минут он уже знал эту историю. На охрану шара, очевидно, напали из засады более крупные силы.

Командир закончил:

— Когда они не вернулись сюда по графику, я

расследовал все лично. Я нашел их тела на дне каньона. Все они были мертвы.

Мысли Клэйна уже оставили само преступление и искали виновного. И моментально он сосредоточился на южном человеке.

— Чиннар, — свирепо сказал он.

6

Для Чиннара и его людей поражение от лорда Клэйна за несколько месяцев до того не стало окончательной гибелью. Прежде, чем приказать своей армии сдаться, этот замечательный логик проанализировал свое положение.

В самом худшем случае, сам он не будет убит сразу же — его оставят для публичной казни. Его люди, разумеется, будут проданы в рабство, если только он не сможет, убедить лорда Клэйна позволить армии остаться единым подразделением. Чтобы сделать это, он должен убедить мутанта, что такая сила могла бы быть полезной ему. — Так как его рассуждение имело прочную основу, все произошло так, как он и надеялся. Клэйн перевел варварскую армию вместе с рядом частей рабов в легко защищаемую горную территорию. Вновь получив контроль над непобедимым шаром энергии, мутант считал, что он контролирует ситуацию. Он даже не без основания подозревал, что Чиннар держал тогда ряд космических кораблей в открытом космосе, где до них все еще можно было добраться.

Тогда он сообщил предводителю варваров:

— Эти корабли могут обеспечить вам транспортировку, чтобы вернуться на свою планету. Но предупреждаю вас, чтобы вы не делали такого шага без моего разрешения. Вы должны знать, что я могу разыскать и уничтожить вас в любое время.

У Чиннара не было в этом никаких сомнений. И кроме того, у него не было желания возвращаться на Европу. Разворачивались великие события, и он намеревался быть в их центре.

Свои приготовления он начал смело.

Однако космические корабли снаряжались для побегов. Люди, прикрепленные к ним, громко протестовали, когда им сообщили, что они должны были сбрить свои бороды, но предводитель был непреклонен. Поодиночке корабли сели во мраке ночи на тщательно выбранные места как можно дальше от города Линна. Из них выскочили безбородые люди, одетые, как обыкновенные линнцы. Они убивали только мужчин, как рабов, так и линнцев — и за много месяцев набрали себе огромные припасы зерна, фруктов, овощей, металла и дерева, которые могли пригодиться армии.

Для пленных Клэйном была назначена минимальная диета для поддержания существования.

В течение недели они питались роскошно. От каждого костра в горах шел запах жареного мяса. В течение нескольких недель к каждому костру приходило по несколько женщин. Чиннар отдал приказ, чтобы в лагерь приводились только рабыни, а любая линнская женщина, схваченная по ошибке, должна была быть убита.

Все соглашались, что это было мудро, однако он подозревал, что ни одна женщина не была казнена. Чиннару было ясно, что линнские женщины, узнав о таком выборе, предпочтут замаскироваться под рабынь. Таким образом кровожадная угроза помогла. Громадный лагерь, который мог бы находиться в крайнем беспорядке, несколько месяцев действовал с высоким уровнем эффективности.

И из-за страшного расстройства нормальной линнской жизни, вначале в результате вторжения варваров, а затем из-за захватчика-чужака, их жестокие действия проходили почти незамеченными; о их существовании почти в буквальном смысле и не подозревали.

Появление захватчика сделало возможным даже более Дерзкие действия. Среди бела дня корабли варваров садились на окраинах городов и небольшими группами пролетали мимо

сторожевых постов без окликов. Эти небольшие шпионские подразделения приносили сведения с широко разбросанных пунктов к одному из самых проницательнейших военных умов своего века. В результате Чиннар знал еще до самого события, что против корабля-захватчика должна была быть произведена атака. И он также знал и ее характер.

В ночь атаки он полностью осознавал, что было поставлено на карту. Он лично сопровождал людей, которые подобрались на расстояние стрелы от конструкции, похожей на гроб, являвшейся контейнером для шара энергии. Он дождался, пока шар не исчез в темноте в направлении к гигантскому вражескому кораблю. Затем он дал команду. Маленькая группа варваров устремилась на полсотни охранников вокруг контейнера.

В темноте слышны были крики смертельно напуганных людей, застигнутых врасплох превосходящей силой. Но затем быстро наступила тишина. Варвары избавились от мертвых стражников, перетащив их за ближайшую скалу. Затем они стали в напряжении ждать шар.

Он появился внезапно. Только что, мгновение назад, еще ничего не было, и вдруг серебряный

шар уже спокойно катается взад-вперед. Чиннар пораженно смотрел на него. Он уже не первый раз видел его, однако теперь он представлял себе некоторые возможности этого оружия.

Вслух он сказал:

— Принесите телескоп. Можно посмотреть и внутрь, пока мы ждем.

Это была новая идея, а примененный способ был очень грубым, Два человека воткнули длинный, узкий телескоп в «эпидерму» шара, а затем медленно равномерным шагом шли рядом с ним. Проблема заключалась в согласованности, и роль Чиннара была самой трудной, Он шел рядом с телескопом, припав одним глазом к окуляру; и хитрость была в том, чтобы установить ритм движения вперед и назад.

То, что он вначале увидел, отличалось от всех его ожиданий до такой степени, что у него затуманилось зрение, и он сбился с шага. Внутренне собравшись, он посмотрел еще раз. Странно, удивление снова было почти также велико, словно мозг уже выбросил виденное ранее.

Он увидел сияющую звездами вселенную. В смятении он отступил назад, стремясь охватить огромную величину, всю фантастическую действительность. Затем он снова подобрал шаг и

посмотрел еще раз. К тому времени, когда он снова выпрямился, он пытался дать объяснение увиденному.

Шар, — решил он, — был «дырой» в космосе. Сбитый с толку, он уставился на него, когда тот катался взад и вперед. Как серебристый шароподобный предмет мог быть отверстием во что-либо?

Он знаком приказал людям унести телескоп, а затем засунул в шар свой палец. Он вообще ничего не почувствовал: ни сопротивления, ни какого бы то ни было ощущения.

Палец слегка опух, и он вспомнил, что метеорокопатели подтверждали, что космос был не холодным, но, что жизненно необходимо было надевать герметический костюм. Из-за недостатка давления его палец бы разбух.

Интересно, — подумал он, — может он проник в какую-то глубину космоса. Палец, высунувшийся из плоти в вакуум. Он задумчиво отошел от шара и сел на камень. На востоке небо начинало светлеть, но он все еще сидел, его люди все еще напрасно ожидали приказа уходить. Он намеревался дать Клэйну любую возможность использовать сферу-шар против чужаков.

Когда из-за неровного горизонта показалось

солнце, он резко встал и велел перевезти контейнер и шар к ожидавшему кораблю. У судна были указания сразу же выйти в атмосферу и встать на орбиту вокруг Земли.

Чиннар четко помнил, как Клэйн вынужден был прийти в город Линн, чтобы использовать шар против него самого. И это был факт, что каждый раз, когда его использовали, он должен был перевозиться ближе к объекту, против которого его собирались применять.

Таким образом, величайшее оружие, которое можно себе представить, было в его владении.

Он не был удовлетворен. Беспокойно расшагивал по комнате, которая была его штабом, он снова и снова обдумывал свое положение. Годы назад он открыл основной секрет власти и успеха. И сейчас, когда картина была не завершена, ему было не по себе.

Люди приходили и уход *аз* его комнаты. Шпионы приносили информацию. Корабль-агрессор был захвачен. Джеррин был мертв. Клэйн отказался воспользоваться этой смертью и дал указания своим сторонникам не выступать против плана сделать Каладжа лордом-советником.

Когда человек, доставивший эту последнюю новость, ушел, Чиннар в удивлении покачал

головой, и впервые за все эти месяцы какая-то часть его страшного напряжения спала. У него самого не хватило бы смелости не захватить власть в такой благоприятный момент. Не мог он представить себе и логику этого — даже так, действительность казалась сверхчеловеческой.

Это заставило его поколебаться. Ведь он намеревался приложить усилия захватить гигантский корабль-захватчик, когда на нем не было Клэйна. С точностью часового механизма его люди завершили всю предварительную работу, но он не отдавал последнего приказа.

На шестой день после смерти Джеррина от Клэйна прибыл посыльный, приказывающий ему явиться на борт захваченного гиганта. Чиннар заподозрил самое худшее, но у него не было другого выбора, за исключением открытого сопротивления. Так как это быстро собрало бы против него основные линнские армии, то он решил довериться Клэйну и своему собственному анализу ситуации.

В соответствии с этим в назначенный час Чиннар и его штаб прилетели на патрульном судне с мощным сопровождением к имению Клэйна. Когда они сходили на землю, корабль-чужак парил высоко над головой.

Вокруг расхаживали несколько охранников. Нигде не было признаков достаточно крупной силы для защиты боевого корабля против решительной воздушной атаки.

Взглянув вверх, Чиннар увидел, что несколько дюжин люков корабля были открыты и что через них шло слабое, но регулярное движение. Эту картину его шпионы передавали со значительными подробностями, и она сбила сейчас Чиннара с толку так же, как и раньше. Корабль казался беззащитным, совершенно открытым для нападения. Сама степень этой беззащитности заставила его поколебаться. Все еще было трудно поверить в то, что Клэйн мог быть настолько халатен, но теперь предводитель варваров молча обругал себя за то, что не смог воспользоваться военной возможностью.

Впервые за свою страшную карьеру он упустил возможность. У него было предчувствие беды.

Прищурившись, он наблюдал за тем, как подошел один из офицеров Клэйна. Отдав честь варварским командирам с холодной формальностью, он поклонился Чиннару.

— Ваше превосходительство, не последуете ли вы и ваш штаб за мной?

Чиннар ожидал, что его поведут к главному

дому имения, который был виден в трети мили к югу за низким холмом. Вместо этого линнский офицер провел их к небольшому зданию, полуукрытому в густом подлесье. Он еще раз отдал честь и поклонился.

— Проходите, пожалуйста, внутрь по одному, — сказал он, — так чтобы машина могла сделать, — он колебался из-за слова, — вашу фотографию.

Он поспешно добавил:

— Лорд Клэйн просил меня заверить вас, что это очень важно; иначе вам будет невозможно приблизиться к «Солнечной Звезде».

Чиннар ничего не сказал, не позволил он себе и сразу же проанализировать значение этих слов. Он знаком велел своим офицерам войти вперед себя и с любопытством смотрел, как каждый по очереди заходил, исчезал на минуту, а затем появлялся, проходя через дверь. Так как он не расспрашивал их, никто из них осмотрительно не предлагал никакой информации.

Наконец настал и его черед. Не спеша, Чиннар шагнул в дверь. Он оказался в голой комнате — если не считать стула, стола и прибора, который лежал на столе. На стуле сидел офицер, который при входе Чиннара встал и поклонился.

Варвар ответил на приветствие, затем с любопытством уставился на прибор. Он выглядел так, словно его вырвали из его металлической оправы. Там, где резали горелкой, металл был расплавлен. Чиннар отметил это, когда проходил, и еще увидел, что сама машина, казалось, состояла, в основном, из похожего на телескоп выступа, укомплектованного линзами. Он повернулся к сопровождающему.

— Что он делает? — спросил он.

Офицер был вежлив.

— По словам лорда Клэйна, сэр, он делает фотографии.

— Но это всего лишь другое слово для портрета, — сказал Чиннар. — Вы хотите сказать, что машина сделала мой портрет? Если так, где он?

Щеки сопровождающего слегка вспыхнули.

— Ваше превосходительство, — признался он, — я больше ничего не знаю. Лорд Клэйн просил меня отсылать всех спрашивающих лично к нему, — он добавил несколько многозначительно. — Я полагаю, что теперь, когда вы здесь, он будет ждать вас.

Чиннар был настойчив.

— Я не видел, чтобы вы что-нибудь делали.

— Автоматически, сэр. Все, что стоит перед ним,

фотографируется.

— Если такая фотография необходима, — сказал варвар, — необходима до того, как я подойду к кораблю, то как же лорд Клэйн и его люди смогли войти в судно неделю назад и захватить его, не фотографируясь?

Это был риторический вопрос, и он почти не слышал утверждений служащего о своем неведении. Молча он вышел из маленького здания и вслед за первым офицером пошел к более крупному спасательному судну, которое как раз садилось в полусотне футов от него.

Через несколько минут их быстро унесло к одному из отверстий. Спасательное судно скользнуло внутрь и носом мягко встало в прорезь. Чиннар вышел с другими, поколебался, когда увидел двойные ряды охраны, подтянутой для их приема, а затем, уже заметив холодность приветствия, без слов прошел по коридору к огромной двери. Переступив порог и увидев огромную виселицу, которая была воздвигнута у дальней стены, он непроизвольно остановился.

Замешательство было преждевременным. Он невозмутимо прошел вперед, прямо к подножию виселицы. Сел на нижнею ступеньку, вытащил блокнот и начал писать прощальное обращение.

Он все еще писал его, когда краем глаза увидел, как вошел Клэйн. Он встал и поклонился. Стройный молодой человек подошел к нему и без всяких предварительных слов сказал:

— Чиннар, выбор у вас простой. Выдать шар или пойти на виселицу.

— Шар? — наконец произнес варвар. Он надеялся, что это звучало по-настоящему удивленно, но не сомневался в серьезности своего положения. Впереди были трудные минуты.

Клэйн сделал нетерпеливый жест, поколебался, а затем стал заметно спокойней.

— Чиннар, — произнес он медленно, — умелая реорганизация ваших сил в последние несколько месяцев привела меня к решению использовать вас в главном предприятии.

Варвар еще раз поклонился, но глаза его сузились от открытия, что его деятельность была известна мутанту. Чиннар ни недооценил, ни переоценил этот факт. Он понимал и слабость, и силу положения лорда Клэйна. Большой слабостью было то, что он слишком зависел от самого себя. Он был во владении людей, у которых было слабое или вообще никакого представления об относительной важности того, чем он обладал или его действий.

И потому, во время варварского нападения на Линн, атакующие захватила дом Клэйна со всем его ценным научным оборудованием, включая и силовой шар. Не зная огромных потенциальных возможностей шара, они сделали ошибку, попытавшись использовать его и другое оборудование в качестве приманки, чтобы заманить Клэйна в ловушку. И тем самым позволили ему приблизиться к шару — и самим попасть в ловушку.

Тайна, делающая такие вещи возможными, была формой силы. Но, очевидно, стоит только понять систему, и решение оказывается простым. Следить за движениями Клэйна. Он не мог быть одновременно повсюду. Как и другим людям, ему нужен сон; у него должно быть время на еду. Не мог же он постоянно быть настороже.

То, что он позволил силам варваров реорганизоваться, не говорило о том, что он мог предвидеть все возможные случайности такого поступка. Об этом говорил его захват шара.

Снова молчание нарушил Клэйн:

— Как вы знаете, — сказал он, — я спас вас от участи, которая обычно ожидает тех, кто осмеливается напасть на Линн. Казнь таких вождей может быть, а может и не быть, средством устрашения, средством против других авантюр;

возможно, так и есть. Я спас вас от этого, а одним из первых ваших действий стала кража оружия для самостоятельного использования, для которого у вас нет знаний.

Чиннару показалось, что пора было отказываться.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — запротестовал он в своей открытой манере. — Что, разве шар украли?

Клэйн, казалось, не слышал. Он мрачно продолжал:

— Я не могу честно сказать, что когда-либо восхищался вами. Вы обнаружили, открыли простой способ власти и продолжаете следовать ему. Я лично против такого большого числа убийств, и я действительно верю, что возможно достигнуть высот власти в любом государстве, как бы оно ни управлялось, без того, чтобы вонзать кому-то нож в спину.

Он остановился, сделал шаг назад. Глаза его были безжалостны, когда он взглянул Чиннару прямо в лицо. Сказал кратко:

— Хватит об этом. Вы уступите шар или идете на виселицу?

Чиннар пожал плечами. От давления смертной угрозы напрягся каждый мускул в его теле. Но

своей потрясающей логикой он уже проанализировал потенциальные возможности своей кражи шара; и он все еще придерживался своего анализа.

— Я ничего об этом не знаю, — сказал он тихо. — Шара у меня нет. До этой минуты я даже не знал, что его украли. Что это за предприятие, в котором вы планировали меня использовать? Уверен, что мы сможем договориться.

— Никаких договоров, — холодно сказал Клэйн — пока я не получу шар. — Он продолжал. — Однако, как я вижу, вы убеждены, что я не повешу человека, у которого он находится, так что давайте приступим. Вы сами заберетесь на виселицу или вам нужна помощь?

Так как никакого эффективного сопротивления здесь быть не могло, Чиннар повернулся, зашел по лестнице на верх виселицы и, не дожидаясь, пока палач ему поможет, сам продел голову в веревку. Он был сейчас бледен, несмотря на свою уверенность. Впервые его ударила мысль, что ослепительная карьера Чиннара, бывшего писца, сделавшего себя абсолютным правителем Европы, вот-вот закончится.

Он увидел, как Клэйн дал знак палачу, линнскому сержанту, выйти вперед. Тот встал у рычага,

который открывал крышку люка и повернулся, следя за Клэйном, поднявшим руку. Мутант напряженно стоял в этой позе и сказал:

— Последний шанс, Чиннар. Шар или смерть.

— У меня его нет, — сказал Чиннар ровным спокойным голосом, но с таким видом, что все решено.

Неумолимо и резко рука Клэйна упала вниз. Чиннар почувствовал, как люк под его ногами провалился. И затем…

Он падал.

7

Он пролетел около фута и приземлился так резко, что тело его завибрировало от боли. К глазам подступили слезы. Он сморгнул их. Когда зрение прояснилось, он увидел, что стоит на крышке второго люка, выстроенного ниже.

До него донеслось какое-то шарканье. Он огляделся. Его штабные офицеры сражались с линнскими стражниками, пытаясь пробиться к нему. Чиннар колебался, думая, что, может быть, ему и им следует сделать попытку драться до смерти.

Он покачал головой очень слабо. То, что он все еще был жив, подчеркивало его собственные твердые убеждения. Он подал свой золотой голос, и его офицеры наконец прекратили борьбу, остановились, угрюмо глядя на него.

Чиннар обратился к ним, косвенно обращаясь к Клэйну.

— Если моя жизнь действительно будет в опасности, — сказал он с хорошо слышимой уверенностью, — это произойдет потому, что лорд Клэйн потеряет рассудок. Это было бы и в том случае, если бы у меня был шар.

Он понимал, что Клэйн воспринимает эти слова как признание, и холодно взглянул на мутанга, побуждая к замечанию. Клэйн нахмурился, но через мгновение принял вызов.

— Предположим, шар был бы у вас, — сказал он мягко, — так почему это вас защищает?

— Потому, — сказал Чиннар, и его золотой голос никогда еще не был так ровен, — что, если он у меня, пока я жив, у вас был бы шанс вернуть его. Если я умру, тогда этот шанс пропадет навсегда.

— Если бы он был у вас, — сказал Клэйн мрачным, но ироничным голосом, — зачем вам держаться за него, зная, что вы не сможете им пользоваться?

— Сначала мне нужно было бы все изучить, — был ответ варвара. — В конце концов вы узнали, как им пользоваться без всяких предыдущих знаний о его работе.

— У меня была книга, — вспыхнул Клэйн, — и, кроме того, я обладаю знаниями о природе и строении материи и энергии.

— Возможно, — холодно сказал Чиннар, — я мог бы заиметь эту книгу, такое случается.

— В частности, эту книгу я запомнил, — сказал Клэйн, — а затем уничтожил.

Чиннар был вежливо скептичен.

— Возможно, мои агенты смогли бы отыскать место, где вы сожгли его, — сказал он. — Или, если бы я послал их в дома богов, они смогли бы найти еще одну книгу.

Он чувствовал, что снова нарастало напряжение и что никакой словесный эпизод не разрешит этот спор. Клэйн становился все жестче, глаза его сужались.

— Чиннар, — сказал он резко, — если бы шар был у вас и вы бы знали, что никогда не сможете разузнать, как им пользоваться, держались бы вы за него, зная об опасности перед человеческой расой?

Варвар сделал глубокий вдох. Он ожидал яростной реакции.

— Да, — сказал он.

— Почему? — было видно, что Клэйн сдерживается.

— Потому, — ответил Чиннар, — что у меня нет уверенности в человеке, который неоднократно отказывается принять власть и таким образом отвергает единственное средство, которым он может руководить действиями против возможного захватчика. И, кроме того, шар, очевидно, бесполезен против Риссов.

Клэйн казалось не слышал последних слов.

— А если бы я сказал вам, что отказался взять власть потому, что у меня план гораздо большего масштаба.

— Я признаю власть, — сказал Чиннар решительно, — а не грандиозные планы человека, который сейчас фактически бессилен.

— Мой план, — говорил Клэйн, — такого масштаба, что я не рискну сообщить о нем человеку с вашим негибким отношением из страха, что вы посчитаете его невыполнимым. Думаю, на этот раз ваше воображение не сможет оценить этих возможностей.

— А вы попробуйте.

— Когда у меня будет шар, — сказал Клэйн, — и ни секундой раньше. А что до моего бессилия, не забывайте, пожалуйста, что у меня есть корабль.

Чиннар презрительно ответил:

— Что вы собираетесь с ним делать — напасть на законное правительство и заставить людей полюбить себя? Это не тот путь, которым может действовать мутант. Для вас и для вашей группы момент для взятия власти прошел. Возможно, он больше не появится до нападения Риссов, а к тому времени все, что вы смогли бы сделать, будет уже слишком поздно.

Он продолжал еще более яростным тоном:

— Лорд Клэйн, вы меня сильно разочаровали. Ваша неудача подвергла мои войска и меня самого серьезной опасности, потому что очень скоро законное правительство Линна потребует, чтобы вы выдали нас, и, разумеется, от вас потребуют, чтобы вы выдали и корабль. Если вы откажетесь, тогда впервые в своей жизни вы выступите открытым неповиновением. И с этого момента дни ваши сочтены.

Клэйн улыбался.

— Я вижу, — сказал он, — что вы опять принялись за свои старые игры в политические интриги, а я совершенно не терплю такое ребячество. Человеческая раса в смертельной опасности, и я не собираюсь спорить ни с кем, кто интригует и замышляет, пытаясь воспользоваться такой ситуацией. Люди должны взрослеть или умирать.

Он отвернулся в сторону и что-то сказал одному из стоящих рядом с ним офицеров. Тот кивнул, и Клэйн снова посмотрел Чиннару в лицо.

Варвар приготовился к следующему этапу пытки.

Клэйн кратко сказал:

— Снимите, пожалуйста, петлю с шеи и подойдите к баку в углу слева от вас.

Снимая веревку, Чиннар внимательно осмот-

рел этот бак. Он был большой, бетонный, Чиннар заметил его, еще когда входил сюда. Это его заинтриговало: он не мог представить его предназначение.

Спускаясь с виселицы, он лихорадочно думал. Затем сказал Клэйну:

— Я действительно легко поддаюсь убеждению. Почему бы вам не рассказать о своем плане? Я не могу дать вам шар в подтверждение своей честности, потому что у меня его нет.

Клэйн лишь нетерпеливо помотал головой.

Чиннар принял отказ и сухо сказал:

— Мне влезть в бак?

Клэйн сказал:

— Взгляните внутрь, вы увидите устройство.

Чиннар с любопытством взобрался наверх и глянул вниз. Резервуар был довольно глубок, и он был пуст. На дне был простой ручной насос и две цепи с зажимами, прикрепленными к пальцам, вделанным в бетонный пол.

Он осторожно спустился в резервуар и подождал указаний.

Взглянув вверх, он увидел, что Клэйн смотрел на него вниз из-за края.

— Пристегните цепные зажимы на щиколотках, — указал мутант.

Чиннар повиновался. Их металлический щелчок прозвучал как окончание. Металл тяжело и неудобно оттягивал вниз.

— Цепи, — объяснил мутант, — будут удерживать вас на дне резервуара, так что, когда пойдет вода, вам придется откачивать ее, если не хотите утонуть, — он добавил. — Как видите, подход очень простой. Насос работает легко, Выбор будет полностью за вами. Вы будете жить или умрете вашими собственными усилиями, и в любое время вы можете остановить весь процесс, согласившись отдать шар. Вот пошла вода.

Она потоком понеслась вокруг ног Чиннара, шумно булькая и пузырясь. Она была тепловатой, так что ощущение было довольно приятным. Чиннар сел на пол и посмотрел вверх на Клэйна.

— Можно сделать просьбу? — спросил он.

— В нее входит передача шара?

— Нет.

— Тогда мне неинтересно.

— Это насос, — сказал Чиннар. — Его присутствие меня удручает. Вы не уберете его отсюда?

Клэйн помотал головой.

— Через пять минут вы, может, будете рады, что он здесь.

Тем не менее, когда он говорил, в глазах его

было беспокойство. Ясно, что такой реакции он не ожидал.

Он закончил.

— Если вы когда-нибудь передумаете, вы увидите, что насос быстро снижает уровень воды.

Чиннар не ответил. Вода была у его шеи. Через минуту она сомкнулась над его ртом. Он обнаружил, что непроизвольно расслабился, так чтобы немного держаться на воде. Он напрягся в ожидании физического ужаса, до которого оставались считанные минуты.

Наконец он уже стоял и мог чувствовать тяжесть цепи на щиколотках. Не было никаких сомнений в том, что он добрался до предельной точки этого способа спастись. А вода поднималась все выше.

Опять она дошла до его рта, затем до носа. Он задержал дыхание, когда она поднялась до глаз и сомкнулась над головой. А затем, резко, словно разрываясь, он выдохнул и вдохнул.

В груди возникла ножевая боль, но и все. На вкус вода была выдохшейся и неприятной, не так, как будто он ее пил. Наконец, пропало всякое ощущение. Темнота накрыла его сознание.

Когда он пришел в себя, он лежал над бочкой. Никогда в жизни он не чувствовал себя более

жалким. Они все еще выдавливали из него воду.

Он кашлял. Всякий раз, когда вытекала из него вода, его тело разламывалось. Боль возвращения к жизни была несоизмеримо сильнее, чем боль смерти. Но далее он, наконец, понял, что будет жить.

Они перенесли его на койку и здесь, через час или около того, он снова стал чувствовать себя нормально. Клэйн вошел один, подтащил стул и сел, молча разглядывая его.

— Чиннар, — сказал он наконец, — я с неохотой вынужден признать, что восхищаюсь вашим мужеством. Я презираю звериную хитрость, находящуюся за ним.

Чиннар ждал. Он отказывался верить, что его муки закончились.

— Вы еще раз доказали, — горько сказал мутант, — что храбрый человек, готовый к обдуманному риску на жутком уровне политической интриги может даже победить смерть. Я ненавижу глупую логику, заставляющую вас чувствовать, что вы вынуждены держать у себя шар. Если вы будете настаивать на этом безумии, мы все погибнем.

— Если бы этот шар был у меня, — проговорил Чиннар, — тогда вашим логичным действием

было бы забыть о себе и рассказать мне, как он работает.

Чиннар говорил ясным тоном, осознавая, как опасно было это утверждение. Это было его первое косвенное признание своих собственных огромных честолюбивых планов. Ибо было очевидно, что если бы он когда-либо научился пользоваться шаром, то с тех пор он был бы в состоянии захватить власть, когда ему этого захочется, и овладеть любым государством.

Это также подразумевало, что, согласно его анализу характера Клэйна, тот действительно мог позволить ему управлять шаром в какой-нибудь чрезвычайной ситуации, затрагивающей судьбу человеческой расы.

Клэйн качал головой.

— Этого не произойдет, мой друг. Я не думаю, что шар сам по себе когда-нибудь будет полезен против Риссов. Почему — я вам не скажу.

Чиннар молчал. Он надеялся без излишнего оптимизма, что придерживаясь своей линии он получит ключ к функционированию шара. Но информация, которую он получил, представляла проблему еще более трудной.

Клэйн продолжал:

— Может показаться, что я был очень беспечен

с шаром. Но я давно обнаружил, понял, что не могу быть одновременно повсюду. И разумеется, я повторяю, он совершенно бесполезен для любого другого. Он работает на основе одной математической формулы, имеющей отношение к освобождению атомной энергии, и я сомневаюсь, что в Солнечной системе еще кто-то, кроме меня, Даже просто знает, что существует такая формула.

Чиннар получил свой ключ, и он был горек. Наконец он сказал:

— Какие теперь у вас планы относительно меня?

Клэйн колебался. Когда он наконец заговорил, в голосе его слышался огонь.

— За прошедшие несколько месяцев, — сказал он, — я терпел ваши убийственные набеги, потому что сомневался, смогли бы мы получить такие обширные запасы продовольствия и прочее каким-либо законным способом под моим контролем.

Помолчав, он продолжал:

— Я также сомневаюсь в том, что было бы возможно собрать вместе столько много женщин, не применяя методов, подобных вашему. Для моих целей женщины также важны, как и про-

довольствие.

Он снова замолчал, И у Чиннара было время почувствовать досаду. Он-то думал, что немного разбирался в запутанных планах, рождавшихся в голове этого человека. Но теперь моментально он оказался за пределами его глубины, и сейчас у него было убеждение, что его обыграли в его же собственной хитрой игре.

Мысль о том, что его тайные набеги будут сейчас использованы на пользу плана Клэйна, была поразительной. Мутант продолжал.

— Вот что я хочу, чтобы вы сделали. Завтра «Солнечная Звезда» подойдет к вашему лагерю. Вы начнете грузить свое снаряжение на нижние палубы — их там двадцать, и каждая может вместить около десяти тысяч людей и их запасы — так что будет много места для всей вашей армии и женщин.

Чиннар сказал:

— Раз у меня такая сила на борту, что помешает мне захватить корабль?

Клэйн мрачно улыбнулся.

— Двадцать верхних палуб уже заняты хорошо вооруженной линнской армейской группировкой, все молодые женатые люди, вместе со своими женами. Кроме, как на офицерском уровне, связи

между двумя группами не будет. Фактически, кроме входной двери из вашего штаба, все сообщающиеся двери будут запечатаны.

Чиннар кивнул, наполовину себе самому. Звучало впечатляюще. Любая оборона такого рода, конечно, могла быть преодолена дерзким и хитрым планом. Но сейчас это его почти не волновало. Тут подразумевалось, что должно было состояться невероятное, небывалое путешествие и это заняло все его мысли.

— Куда мы летим? — спросил он резко. — К одному из внешних спутников?

— Погодите, увидите, — холодно сказал Клэйн.

Нахмурясь, он поднялся.

— Хватит об этом. Инструкции вы получили. Мне необходимо совершить важную поездку в Капитолий. Я хочу, чтобы вы и ваши силы были на борту и готовы к полету через неделю с этого дня. И если вы хоть раз можете подняться над слабоумным военным идиотизмом, который направляет ваши рассуждения, принесите с собой шар. — Его тон был тоном сдерживаемого гнева.

Чиннар задумчиво уставился на него.

— Друг мой, — сказал он, — вы сейчас эмоциональны. Политической интриги никак не избежать. То, что вы вдруг неожиданно презира-

ете, есть человеческая среда. Среди человеческой страсти, человеческого честолюбия никогда не было и не будет никакого иного климата, в котором придется вам действовать. Человек добивается успеха или терпит неудачу в той мере, в которой он понимает и управляет безжалостными рычагами и другими, себе подобными. Если он пытается отказаться от интриги, прилив смоет его и его планы, словно их никогда не было. Берегитесь.

Он закончил автоматически:

— Шара у меня нет.

8

Стрела вылетела из темноты, просвистела мимо головы Клэйна и вонзилась в плечо охранника.

Тот тихо вскрикнул и схватился за тонкий, вибрирующий прут. На помощь ему прыгнул товарищ. Другие воины нырнули в улицы. Послышался визг, почти что женский по высоте страха и раздражения. Наконец группа солдат выбралась из темноты, волоча за собой тонкую, сопротивляющуюся, мальчишескую фигуру.

Раненому тем временем удалось вырвать стрелу из своей кровоточащей плоти. Больше напуганный, чем раненый, он стоял тут же и ругался глубоким низким голосом.

Его люди уже возвращались из дальних углов улицы. Факелы вспыхивали и оплывали на ночном ветру. В этой дымной зловонной атмосфере меняющиеся узоры тусклого света лишь мельком высвечивали лица и тела. Клэйн стоял молча, недовольный окружавшей его возбужденной толпой. Наконец, когда казалось, что конца суматохе не будет, он крикнул офицера, и через минуту путь для него был очищен. По нему охранники тащили задержанного.

Кто-то крикнул:

— Это женщина!

Крик эхом прокатился по толпе. Раздались изумленные проклятия. Женщина или мальчик — при этом тусклом свете трудно было сразу определить — перестала сопротивляться. А затем, заговорив, сняла вопрос о поле.

— Отпустите меня, грязные вы крысы! Вы получите за это плети. Я желаю говорить с лордом Клэйном.

Голос, несмотря на злобный тон, был женский. Что было более удивительно, выговор был поставлен в школах, где обучались юные леди благородного происхождения.

Это поразительное открытие вывело Клэйна из ледяного спокойствия, в которое его ввергло покушение на его жизнь. Он не сомневался, что покушение было на него, а не на охранника. Он не сомневался ни секунды, что убийца был агентом группы, стоящей за Лилидел.

Теперь, когда покушение не удалось, у этой леди надо получить имена тех, кто стоял непосредственно над ней. Впрочем, это его мало волновало. Что беспокоило его, так это то, что она явно не думала над серьезными последствиями своего поступка, Берясь за задание, она не могла

не знать о давно установленном способе наказания женщин-убийц. Их отдавали солдатам.

Он уставился на нее встревоженными глазами. Возможно, это было впечатление от неровного света, но она казалась чуть старше ребенка. Ей было не больше восемнадцати лет. Ее глаза сверкали страстным огнем решительного подростка. Губы ее были полными, а рот чувственным.

Его передернуло, когда он понял, что мысленно предавал ее наказанию, установленному давней практикой. Он, кто так недавно выступал против стольких многих старых обычаев, не мог сейчас позволить себе обидеть своего личного охранника. Медленно он стал непреклонен к неизбежностям ситуации.

Так как он был зол на нее из-за решения, которое она вынуждала его принять, он спросил с мрачной резкостью:

— Кто вы?

— Здесь я разговаривать не буду, — сказала она.

— Как вас зовут?

Она заколебалась; затем, очевидно, почувствовав в его голосе враждебность, она угрюмо ответила:

— Маделина Коргей.

Имя заставило его сильно задуматься его еще раз. Потому что это была древняя и знаменитая фамилия в Линне. Генералы и патроны пронесли эту фамилию по полям сражений, подписывали ею законы страны. Отец девушки, вспомнил Клэйн, погиб в бою на Марсе, год тому назад. Так как он герой войны, поступок его дочери будет прощен.

Клэйн был раздосадован, поймав себя на мысли, что уже думает о политических последствиях. Но было бы глупо закрывать глаза на тот факт, что этот случай мог быть весьма опасным для него. Он сердито покачал головой. Теперь, когда Каладж уже избран лордом-советником и готов к своему триумфальному входу в город Линн завтра утром, сторонники мальчика могли бы поднять из-за этого шум. И однако надо учесть ожидания охранников, которым нет дела до извинений. К счастью, было возможно и промежуточное решение.

— Возьмите ее, — сказал он, — я допрошу ее, когда мы доберемся до места.

Никто не возражал. Вполне естественно, что будет период расследования, после чего — приговор.

Клэйн отдал необходимые распоряжения. На-

конец, процессия снова двинулась по улице.

Прошло несколько недель со дня захвата корабля-захватчика и более шести месяцев со дня поражения Чиннара и его варварской армии с Европы, этого далекого и малоизвестного спутника Юпитера. Мир Линна все еще приходил в себя от этих двух недавних катастроф. Но пережившие их уже забыли, как велика была опасность. Со всех сторон империи все громче раздавались голоса недовольства.

Коммерческие группы заявляли, что Чиннар никогда и не был действительной угрозой и что так или иначе опасность была результатом грубой халатности, допущенной правительством. Джеррин отклонял прежние возражения, но теперь, когда он был мертв, все решительно шло к тому, чтобы отменить указ, объявленный Клэйном во время варварского вторжения, освободивший всех верных рабов. Лихорадочная ярость бесчисленных людей, лишенных ценных слуг возрастала с каждым днем. До Клэйна доходили отвратительные разговоры о том, что, может быть, с самого начала и не было бы никаких несчастий, если бы мутанта не терпели бы так долго в семье предводителей лордов.

Это была прямая атака на него самого, которую

он не мог отразить никакими известными ему средствами. Тем более, что он не дал своим сторонникам помешать голосованию Патроната, давшего титул лорда-советника юному Каладжу.

Встревоженные направлением, которое принимал общественный гнев, несколько приверженцев Клэйна уже пожалели, что позволили себя убедить. Сейчас ему необходимо, — утверждали они, — действовать до того, как лорд-советник Каладж прибудет в Капитолий.

Именно это и заставило Клэйна предпринять поход по ночным улицам спящего Линна. Планировался государственный переворот — таково было сообщение, полученное им по прибытии в город несколько часов назад — цель которого была объявить его лордом-правителем.

По прибытии во дворец Патрона Саронатта, где заговорщики устроили свой штаб, Клэйн позвал руководителей в один их трех апартаментов, которые сразу же были отданы ему. С самого начала его позиция подверглась нападкам. Он слушал, пораженный, как его бывшие верные сторонники набросились на него с такой резкостью, какой он никогда в свой адрес не слышал. Тут были насмешки и яростные тирады. Его страх перед вторжением чужаков, если не был открыто

осмеян, то подвергся нападениям на том основании, что только будучи лордом-предводителем, он будет в том положении, чтобы защитить государство. Аргументы в точности походили на аргументы Чиннара и выдвигались они с той же решительностью.

Вскоре после трех утра один знаменитый патрон выступил против его руководства.

— Меня пригласили, — сказал он взбешенно, — присоединиться к группе Лилидел, и я приму это приглашение. Хватит с меня этого осторожного труса. — Это было начало. Затем началась свалка за то, чтобы покинуть тонущий корабль. В четыре часа, когда Клэйн начал говорить, его аудитория сократилась до двадцати человек. Остались, в основном, военачальники, которые сражались с ним против Чиннара. И даже они, он видел, были не слишком дружелюбны. Ради них он просто и кратко обсудил возможный характер приближающегося нападения Риссов. Он не сказал им, каковы были его планы, но все же постарался их хоть как-то воодушевить.

— Наши противники, — сказал он, — по-моему, пока что не представляют себе, что делают, выдвигая этого маменькиного сынка на должность лорда-советника. Детей интересуют люди, нахо-

дящиеся вокруг них, а не отдельные личности, которых они никогда не встречают. Вы только представьте себе ребенка, который находится сейчас в таком положении, что каждый раз может поступить, как ему хочется. — Он поднялся и мрачно оглядел всю небольшую группу. — Подумайте над этим.

Клэйн вернулся к себе в резиденцию гораздо больше потрясенный оборотом, который принимали события, чем он хотел признать. Он уже шел в спальню, когда командир его охраны напомнил ему о преступнице.

Клэйн поколебался. Он устал, и ему надоели проблемы. Он не был даже уверен, что ему интересно узнать, кто хотел его смерти. Даже некоторые из его старых сторонников могли сейчас считать, что живой он опасен для них. В конце концов дело решило его любопытство. К тому же свои успехи он приписывал привычке быстро и тщательно разбираться во всем, что затрагивало его интересы. Он приказал привести девушку.

Она вошла в комнату смело, с презрением отвергнув попытку охраны ввести ее как пленную. При ярком свете керосиновых ламп она выглядела старше, чем ему показалось раньше. Он

решил, что ей было года двадцать два — двадцать три или чуть больше. Она была даже красива, на его взгляд. В ее чертах видны были и приятная внешность, и проницательный ум. Впечатление портило лишь чересчур высокомерное выражение ее лица. Но он понимал, что это вовсе не обязательно является недостатком. Первой заговорила она.

— Если вы думаете, — сказала она, — что я обыкновенная преступница, вы сильно ошибаетесь.

Клэйн иронично поклонился.

— Я уверен, — ответил он, — что все убийцы необыкновенны.

— Я выстрелила в вас, чтобы привлечь ваше внимание, — сказала она.

Клэйн вспомнил момент нападения. Стрела, как он помнил, просвистела в футе от его головы. Для искусного лучника — это плохой выстрел. Теперь встал вопрос, насколько она была искусна? И насколько ей помешала темнота?

Женщина заговорила снова.

— Я член Стрелкового Клуба Марсианских Генералов и за две недели до нападения Чиннара, я заняла второе место на чемпионате. Поэтому я и решилась на риск. Я уверена, что могу доказать вам, что попала бы в вас, если бы хотела именно

этого.

Клэйн насмешливо спросил:

— Вы что не могли избрать какой-нибудь другой способ привлечь мое внимание.

— Нет, — вспыхнула она, — так как я надеялась еще и удержать его.

Клэйн оставался тверд. Все это была словесная игра, и ему было неинтересно.

— Боюсь, что это выше моего понимания, — сказал он.

— И боюсь также, что нам придется последовать более традиционному способа допроса и предложить обычные причины покушения.

Он помолчал — все таки любопытно.

— Но почему же вы хотели привлечь мое внимание?

— Я хочу выйти за вас замуж, — ответила она.

Клэйн, стоявший все это время, подошел к стулу и сел. Последовало долгое молчание.

Он смотрел на нее яркими глазами, которые выказывали большее смятение, чем ему хотелось признать даже самому себе, Он не ожидал, что кто-либо сможет проникнуть через его твердую оболочку искушенности. Он вдруг подумал, что, если заговорит, голос его будет дрожать. И тем не менее было естественно, что его взволновало

подобное заявление.

Эта молодая женщина принадлежала к той части Линна, которая, как он считал, навсегда была вне его досягаемости. Она была частью общества, которое, за исключением нескольких мужчин, всегда игнорировало мутанта — члена семьи последнего лорда-правителя Линна. То, что девушка ее положения решила выйти за него замуж, просто доказывало, что она видела в нем путь к власти для себя. Если только что прошедшая ночь была доказательством, тогда это могло быть отменой приговора. Ее поступок был первым проломом в стене общественного мнения. В политическом смысле она могла быть очень ценной для него.

Клэйн застонал в душе, когда увидел, что снова оценивает ситуацию с точки зрения выгод для своих целей. Вздохнув, он принял решение. Он позвал командира охраны.

— Выделите апартаменты леди Маделине Коргей. Она будет нашей гостьей до дальнейших уведомлений. Проследите, чтобы она была надежно защищена.

С этим он лег спать. Он оставил указания, когда его следует разбудить, и некоторое время лежал, не засыпая, прокручивая в голове свои планы

на день. Прежде всего визит, который он хотел сделать в Центральный Дворец, чтобы еще раз посмотреть на чудовище, которого Чиннар привез с Европы. Необходимо, чтобы кто-то знал хоть что-нибудь о физической стороне смертельного врага человека.

9

Лорд Клэйн проснулся в середине утра от далекого пения. Это на минуту озадачило его, но затем он вспомнил, что сегодня прибывает лорд-советник Каладж, и по этому поводу объявлен праздник.

Он торопливо позавтракал и на патрульном судне отправился в Центральный Дворец. Когда они стали снижаться, чтобы сесть, пилот послал с одним из охранников сообщение.

— Ваше превосходительство, площадь полна людей.

Клэйн приказал:

— Садитесь в переулке, оставшийся путь мы пройдем пешком.

Они сели безо всяких происшествий и стали пробираться между танцующими и музыкантами. Они проходили мимо раскачивающейся группы поющих мужчин и женщин; и Клэйн, никогда не переставший удивляться человеческим глупостям, наблюдал за ними с неподдельным изумлением.

Они отмечали приход к власти юнца, которого они никогда не знали. Мелодичные голоса, хрип-

лые голоса, добродушные возгласы, женщины, кокетливо покачивающие бедрами, мужчины, хватающие за голые руки, целующие любую пару женских губ случайно оказывающихся рядом — по-своему это было изумительное зрелище. Но принимая во внимание опасность, которую чудом удалось избежать, и надвигающиеся вторжения, это была картина, которая говорила о страшной беде.

Взрослые мужчины и женщины вели себя, как дети, принимая своим правителем мальчишку, чьим единственным очевидным правом на это было то, что он сын великого лорда Джеррина. Такая большая любовь ко всему детскому подвергала опасности всю человеческую жизнь.

На этом месте его размышления были прерваны.

— Вот этот подлый священник! — заорал чей-то голос.

Эти слова пронеслись по толпе. Слышны были гневные крики: «Злодей!», «Мутант!», «Служитель дьявола!». Танцы вокруг него оборвались, и угрюмая толпа угрожающе двинулась к нему. Кто-то заорал:

— Это лорд Клэйн, это из-за него все наши беды!

По толпе разнесся яростный гул. Рядом с Клэйном командир охраны тихо подал знак двум дюжинам своих людей. Мощные охранники надавили на толпу, держа руки на мечах и кинжалах. Клэйн, все это время наблюдавший за инцидентом, шагнул вперед с усмешкой на губах. Он поднял руку и на какой-то момент добился желаемой тишины и звучно выкрикнул:

— Да здравствует новый лорд-советник Каладж!

С этими словами он сунул руку в сумку, которую годами носил как раз для подобных случаев и вытащил ее, сжимая горсть серебряных монет. Резким движением кисти он бросил деньги в воздух. Металл сверкнул на солнце и опустился на широкую площадь двадцатью футами дальше. Еще до того, как монеты упали, следующая горсть искрами взлетела в воздух в противоположном направлении.

Он снова крикнул, на этот раз более цинично:

— Да здравствует лорд-советник Каладж!

Толпа не слушала. Люди с криками бросились за деньгами. Даже после того, как люди Клэйна были вне опасности, он мог слышать крики: «Отдай мне, — это моя!», «Ты, скотина, ты наступил мне на руку!». Шарканье ног и удары кулаков

громко раздавались в утреннем воздухе.

Этот инцидент оставил у Клэйна горькое чувство. Снова он был вынужден полагаться на какой-то прием для управления людскими массами. Простой, эффективный, хитрый — он был частью его обширного запаса информации о человеке с улицы.

Несмотря на свое огромное желание отмежеваться от таких дешевых хитростей, он не мог этого сделать. Вспомнилось, что говорил Чиннар. Он помотал головой. Должен быть какой-то способ пробудить людей к тому, что наступает одиннадцатый час судьбы человека. И что на этот раз люди должны отложить в сторону все личные амбиции и действовать в согласии против врага такого свирепого, который отказывался вступить в контакт с человеческими существами.

Но как? Что он мог сказать или сделать, чтобы высечь искру. Он, который проводил свое время и тратил энергию, изучая механизмы на борту корабля Риссов — задача настолько колоссальная и такая важная, что все остальное рядом с ней тускнело в своей незначительности.

И тем не менее, вот он идет во дворец, чтобы лично сделать то, что должно быть текущей работой для одного или нескольких подчиненных.

Такой она, разумеется, конечно же не была. Никто больше не был компетентен для обеих задач (политической и научной), которые необходимо было решить. Несколько лет назад он с опозданием организовал школу ускоренного обучения для занятий наукой; но он был слишком занят, чтобы уделять ей должное внимание. Политика, войны, интриги. Люди, с которыми надо встречаться. Шпионские доклады, которые надо изучить. Исследования. Эксперименты. Новые идеи. Каждый час суток пролетал, как мгновение, оставляя все новые заботы. Для одного это слишком много. И теперь, когда наступил кризис, он почувствовал истинность этого.

Он все еще думал об этом, когда прибыл к дворцовым воротам. Время было, как он заметил по привычке обращать внимание на детали, без нескольких минут двенадцать. В голове его был вопрос — позволят ли ему войти внутрь?

Оказалось, что это совсем не проблема. Обезумевший командир охраны пропустил его и его сопровождающих. Клэйн направился прямо к рефрижераторной. У него не было никаких проблем с поисками тела мертвого Рисса, которое Чиннар привез с собой с Европы.

Продолговатое тело нечеловекообразного суще-

ства на тепло реагировало плохо. Когда с жестких, с коричневыми пятнами складок кожи, закапала вода, от него поднялось зловоние. Сначала запах был слабый. Но он становился все сильнее.

Мясники, которых он взял с собой, распилили тело на части. Клэйн брал куски и диктовал двум своим секретарям — сначала одному, потом другому. Закончив с одним сегментом, он передавал его художнику, уверенными, быстрыми мазками рисовавшему близкое к натуре изображение.

День подходил к концу, и запах сгущался, пока, казалось, не проник в каждую щелку комнаты. А Клэйн все изучал и диктовал, изучал и диктовал, В ход пошли газовые горелки и измерительные трубки. Сок из желез, жидкость из циркулирующей системы существа и из спинного столба разделялись на компоненты, описывались, получали название и иллюстрировались для изучения в будущем.

Раз, когда он сунул палец в нечто липкое и вязкое и попробовал его на вкус, один из секретарей упал в обморок. В другой раз он попытался скормить кусочек этого крысе в клетке. Животное, специально содержащееся голодным, набросилось на него и сдохло, несколькими минутами позже, в конвульсиях.

Клэйн продиктовал:

— Мясо по проверке оказалось преимущественно сложной протеиновой структуры, такой сложной, что в действительности кажется сомнительным, будет ли оно съедобным для какого-либо животного земного происхождения. Крыса, которой оно было скормлено, сдохла через три минуты и восемь секунд.

Вскоре после обеденного часа части тела были уложены обратно в ящик и поставлены в ледовую комнату. Выполнив эту задачу, он заколебался. Потому, что это была первая из двух его целей. Вторая требовала знаний о том, как грубо обходиться с волей другого.

Снова он был в роли, которую не любил. И другого выбора не было.

Он послал свою группу домой и спросил дорогу к апартаментам Каладжа. Служащий, к которому он обратился, узнал его и, взявшись за голову, сказал:

— Ох, ваше превосходительство, неразбериха сегодня фантастическая.

На время успокоившись, он показал Клэйну направление. У входа в апартаменты Каладжа была охрана, но они вскочили по стойке смирно, когда он сказал:

— Я — лорд Клэйн Линн, дядя лорда-советника.

— О вас объявить, ваше превосходительство? — с сомнением спросил один.

— Нет. — Клэйн был холоден и уверен в себе. — Я просто войду.

Он вошел.

Вначале была небольшая ниша, затем большая внешняя комната. С любопытством оглядевшись вокруг, Клэйн увидел Каладжа, стоящего на голове у открытого окна. Он делился своим мастерством с марсианской девушкой-рабыней. Девушка хихикала, затем повернулась и, увидев Клэйна, застыла.

Она что-то сказала, и Каладж кувыркнулся, выходя из своей позы. Он, должно быть, слышал, как его мать выражала страхи по поводу лорда Клэйна, потому что он побледнел, когда увидел, кто это.

— Дядя! — сказал он. И нотки тревоги в его голосе не прошли мимо Клэйна. Каладж был под гипнозом своего собственного беспокойства.

До известной степени страхи мальчишки были оправданы. Клэйн не мог терять времени. Он пришел во дворец с двумя целями. Одна цель — осмотр Рисса — была достигнута. Вторая зависела от Каладжа.

Клэйн не чувствовал угрызений. По докладам его шпионов, этот мальчик был ненормальным. Если так, тогда его нельзя было спасти. В прошлом Клэйн часто забирал таких детей и взрослых в частную лечебницу и там со всеми своими знаниями пытался развить их. Тщетно.

На этот раз нечего было и надеяться на успех.

Каладжем приходилось пожертвовать. И Лилидел. И всей этой группой, стоящей за ней.

Жертвы безумства поднялись до власти.

— Мой мальчик, — сказал Клэйн, — я получил от богов указание о тебе. Они тебя любят, но ты должен выполнить их волю.

— Они любят меня? — спросил Каладж. Глаза его были широко раскрыты.

— Они любят тебя, — ответил Клэйн твердо. — Почему же тогда, ты думаешь, тебе было разрешено достигнуть высот власти? Ты, конечно же, не думаешь, что любой человек смог бы сделать тебя лордом-советником без их разрешения?

— Нет, нет, конечно, нет.

— Слушай внимательно, — продолжал Клэйн, — вот их указания для твоих будущих действий. Повторяй их за мной. Ты должен править по праву.

— Я должен править по праву, — голос его был унылым.

— Не позволяй ни одному человеку во дворце советовать тебе в делах государства. Что бы ты ни решил — это будет решением богов.

Каладж повторил слова с повышающейся интонацией. А затем моргнул.

— Даже матери? — спросил он, пораженный.

— Особенно матери, — сказал Клэйн.

Он продолжал.

— Тебе понадобятся новые люди вокруг тебя. Некоторое время будь осторожен, но постепенно назначай людей по своему собственному выбору. Не обращай внимания на рекомендованных твоей матерью и ее друзьями, А сейчас у меня здесь документ.

Прибыв домой, он не терял времени.

— Я уезжаю сейчас же, — сказал он руководителям различных отделов своего домашнего штаба. — Вы, возможно, долго не услышите обо мне. Будете вести себя и дела имения как в прошлом.

Командир охраны сказал:

— А как с преступницей?

Клэйн поколебался, затем:

— Я полагаю, люди в ожидании?

— Именно так, сэр.

Клэйн сказал спокойно и твердо:

— Я считаю этот обычай отдавать женщину-убийцу солдатам варварской практикой и этого не будет. Во-первых, это было бы очень опасно для нас, так как ее семейство дружно с новым лордом-советником. Вы могли бы особо подчеркнуть это людям, а затем скажите им…

Он сделал предложение о компенсации. Она была так щедра, что не было никаких сомнений в том, что она будет принята. Он закончил:

— Предложение действительно на один год. И, капитан…

— Да, сэр?

Клэйн открыл было рот, чтобы сделать свое следующее объявление, затем закрыл его. Это было больше, чем еще один ход в сложной игре, которую он играл и, однако, здесь был и политический оттенок.

«Я должен подняться над всей этой мелочностью» — сказал он себе. Несмотря на то, что сказал Чиннар, это было больше искусство управлять государством, нежели животной хитростью. Все это казалось так очевидно, так существенно. Потому что, если он будет всего лишь играть в игру, которую играли другие, тогда не будет…

Сама его решимость сделала его тверже. Он тихо сказал:

— Вы можете сказать офицерам роты, что леди Маделина Коргей в будущем будет известна как леди Маделина Линн. Всему составу обращаться с ней соответственно.

— Да, сэр. Поздравляю, ваше превосходительство.

— Бракосочетание состоится сегодня, — закончил Клэйн.

10

Но что ты подписал, — возмущалась Лилидел. — Что было в документе?

Она в отчаянии шагала по апартаментам. Каладж угрюмо следил за ней, раздраженный ее критикой. Она была тем человеком, который мог заставить его почувствовать себя маленьким мальчиком, и он был в молчаливой ярости из-за того, что она еще раз напомнила ему о том, что ему следовало прочитать то, что он подписал.

Он не хотел думать о появлении Клэйна во дворце пять недель назад, и раздражало то, что этот случай в голове его матери остался таким же свежим, как в тот день, когда это случилось.

— Почему это я должен читать этот документ? — возразил он. — Это была всего лишь очередная бумага. Вы всегда приносите мне что-нибудь на подпись; так что значит еще одна? И во всяком случае, он мой дядя, в конце концов, он не причинил мне никаких неприятностей, когда я стал лордом-советником.

— Мы не можем позволить, чтобы это ему прошло, — сказала Лилидел. — Просто представь, как он смеется про себя, думая, что мы боимся

действовать против него в открытую.

Это также было одним из бесконечных повторений. Неврастеник Каладж не мог не думать с интересом, а не была ли его мать немного сумасшедшей.

Лилидел неистовствовала дальше:

— Мы разослали запросы всем комендантам с указаниями тщательно изучать официальные документы и особо подчеркнули требования сверяться с нами по поводу всего, что относится к военному делу.

— Конечно, — в голосе ее зазвучала горечь, — просить некоторых из них сотрудничать — что со стенами разговаривать. Они обращают на нас такое же внимание, как если бы они были правительством, а мы простые наемные.

Каладж тревожно заерзал. Присвоенное матерью «мы» вызвало ревность. У нее не было официальной должности, и тем не менее она вела себя так, как будто лордом-советником была она, а он был лишь ее сыном и наследником. Он вспомнил, уже не в первый раз, что Клэйн сказал что-то об отстаивании своих прав. Беда в том, что он не мог осмелиться возразить матери и всем этим властным людям.

«Пора что-то делать», — подумал он.

Вслух он сказал:

— Но какой во всем этом толк? Наши шпионы докладывают, что его нет ни в одном из его имений, — он Добавил с хитрой насмешкой, ставшей одним из средств его защиты от влияния матери. — Прежде, чем сделать что-либо против него открыто, тебе придется определить его местонахождение, и даже тогда я бы держал перед собой Траггена, будь я на твоем месте. Опасную работу должен выполнить Трагген или начальник лагерных легионов. — Каладж встал. — Ладно, я собираюсь навестить игры.

Прогуливающимся шагом он вышел из комнаты.

Лилидел с тревогой проследила за ним. Она не осознавала, что ее отравление Джеррина вызвало внутри нее неразрешимые противоречия. Но, несмотря на убийство, где-то в подсознании она подходила к великой должности, которую занимал теперь Каладж, по меркам достоинства своего покойного мужа.

Для нее было огромным шоком, когда Каладж настоял на том, чтобы празднества по поводу его назначения длились больше определенных ранее трех дней и были бесплатными для людей, но за счет колоссальных затрат для правительства.

Забавы до сих пор продолжались, и интерес его к ним не ослабевал.

Уже были более тревожные инциденты. Несколько юношей, вернувшихся с Каладжем с игр во дворец, были поражены, услышав, как он вдруг взорвался:

— Я могу убить всех вас! Охрана, убить их!

Когда он выкрикнул приказ в третий раз, стоявший ближе всех к нему охранник, звероподобный великан, заметил, что один из товарищей Каладжа держал руку на полуобнаженном мече. Одним движением он рубанул мальчишку саблей, разрубив его почти надвое. В последовавшей за этим суматохе, девять из одиннадцати молодых дворян были убиты. Оставшиеся два, бежав, спаслись.

У Лилидел не было другого выхода, как назвать это покушением на убийство. По ее настоянию двоих спасшихся мальчишек протащили по улицам на крючьях и в конце концов посадили на кол.

Стоя здесь в его апартаментах — куда ей приходилось приходить в эти дни, если она хотела увидеть его — у Лилидел было печальное убеждение, что все происшедшее было всего лишь началом.

В последующие недели она обнаружила, что

Трагген собрал несколько групп хулиганов, чтобы те действовали в качестве личной охраны Каладжа, и что у них был приказ исполнять любые распоряжения лорда-советника. Она не могла не заподозрить мотивы Траггена, но и не могла открыто придраться к его приказам. Естественно, что распоряжения лорда-советника Каладжа должны автоматически выполняться. Неестественными были сами распоряжения, которые отдавал Каладж, и было слишком очевидно, что интриган Трагген мог прямо влиять на это.

Месяц проходил за месяцем, «и все чаще до нее доходила информация, что исчезали сотни людей, и о них никто больше не слышал. Их места моментально заполнялись новенькими, которые ничего не хотели знать о том, что происходило раньше, и отмахивались от неясных рассказов, которые слышали, как от ерунды.

Повсюду в Линне люди всех общественных положений всеми правдами и неправдами стремились заполучить доступ к лорду-советнику. Страстное желание тысяч карьеристов стать частью дворцового круга было нескончаемым. Для целых поколений это был путь к власти и положению. Теперь достижение такой цели ввергало человека в кошмар.

Он получал все внешние атрибуты и прелести, к которым стремилось его сердце. Он посещал банкеты, на которых подавали несезонные деликатесы да редкие и дорогие блюда с других планет. Каждый вечер бальный зал дворца заполнялся вихрем весело разряженных танцующих. На поверхности все было так, как и должно было быть.

Обычно первые несколько инцидентов еще не вызывают у человека тревогу. Крикнет кто-нибудь в толпе от страха и боли, и часто бывает трудно узнать, что произошло.

Кроме того, это происходило с кем-то другим и казалось далеким и не имеющим личного значения. Даже если происходило поблизости.

Охрана — так доложили Лилидел — выработала искусный способ похищения мертвого тела, плотно окружая его и выбегая в ближайшую дверь.

Вначале было трудно представить, что такое когда-либо могло произойти с тобой. Но напряжение начинало сказываться. Ни один человек, принятый в высоких правительственных кругах, не осмеливался выйти из активной общественной жизни. Но слишком многие семьи в Линне оплакивали либо сына, либо дочь, убитых мясниками Каладжа.

Прошел год и три месяца.

Наконец бесконечные поиски Лилидел ключа к характеру документа, который Каладж подписал для Клэйна, был вознагражден. Ее внимание привлекла текущая переписка одного провинциального коменданта. Он писал:

— Пожалуйста, передайте его превосходительству лорду-советнику мою признательность за меры предосторожности, принятые правительством для обеспечения безопасности населения на случай бомбардировки наших городов еще одним захватчиком. Мы, из Риэна, имея страшный пример того, что случилось с нашим соседним городом Мьюре, возможно, можем лучше понять практическое совершенство предпринимаемого. По моему мнению, это больше, чем что-либо, укрепило репутацию лорда-советника среди людей, которые прежде могли считать его слишком юным для своего высокого поста. Проявленная широта государственного подхода, твердая решительность, (а вы знаете, фермеры обычно наименее патриотичная и наиболее меркантильная часть населения в чрезвычайных ситуациях) — все это подтверждает, что лорд-советник — человек замечательной прозорливости и характера.

Это было все, что там было, но для Лилидел этого было достаточно. Неделя тщательных запросов представила картину того, что произошло и происходило давно.

Повсюду, кроме окрестностей Линна, горожане были организованы и приписаны к ближайшим фермам. Для дальнейших указаний и под угрозой сурового наказания им было приказано тратить десять процентов своих доходов на постройку жилищ и погребов для хранения продуктов на фермах, куда они должны были отправиться в случае объявления чрезвычайного положения.

Здания должно было строить таким образом, чтобы они могли быть переоборудованы в амбары, но в течение трех лег они должны были оставаться пустыми. Вести строительство будут горожане, и они должны будут раз в месяц посещать свои фермы группами, для того чтобы познакомиться с окружающей обстановкой.

По истечении трех лет фермер сможет купить свои постройки за пятьдесят процентов стоимости материалов — но без расходов за работу — но он не мог сносить их в течение последующих десяти лет. Продукты в погребе оставались собственностью горожан, но от них необходимо будет избавиться к концу пятого года.

Лилидел даже огорчилась, что столь незначителен был результат документа, который Каладж подписал для Клэйна. Затем она проконсультировалась у экспертов по сельскому хозяйству.

Один из них сказал изумленно:

— Но с фермерами так не поступают. Они этого не потерпят. Они не будут сотрудничать. И самое лучшее, что мы сейчас сможем сделать — это отдать им постройки по окончании трех лет.

Лилидел хотела было согласиться с подобными предложениями, как вспомнила — это все время выскакивало у нее из головы — что все это распорядился делать Каладж.

— Ерунда! — отмела она все возражения. — Мы будем действовать точно так же, как и в прошлом.

Затем добавила:

— И, конечно же, мы расширим это, включая сюда и город Линн.

Впоследствии она торжественно сказала Каладжу:

— Прелесть этого в том, что лорд Клэйн фактически укрепил твое положение. — И все же она колебалась. Одно в ее победе было не так. Прошло уже больше года, а известий о мутанте все еще не было. Он исчез, словно умер, и был похоронен.

Победе, когда проигравший не знает, что он проиграл, не хватало какого-то особого вкуса.

— Но что все это значит? — капризно спросил Каладж. — Против чего все эти предосторожности?

— А-а, здесь был какой-то корабль-нарушитель с одной из внешних планет. Твой отец очень беспокоился по этому поводу, но когда флот атаковал, у него почти или совсем не было проблем с тем, чтобы прогнать его. Я полагаю, нам следовало преследовать их и объявить войну, но нельзя все время воевать с варварами. Важны не меры предосторожности, а то, что народ, кажется, одобряет их. И он думает, что это твоя заслуга.

Каладж сказал:

— Но я подписал только одну бумагу, — этот момент почему-то очень беспокоил.

Его мать уставилась на него, ничего не понимая. Иногда ей было трудно уследить за ассоциациями сына.

— Что ты имеешь в виду?

Каладж пожал плечами.

— Доклады утверждают, что официальные приказы были отправлены в каждый район с моим именем и печатью. Но я подписал только один.

Лилидел побелела.

— Как он мог это сделать? — она внезапно оборвала свои слова. — Если подумать, присланный нам в самом деле выглядел странно.

Она послала за документом.

— Это моя подпись и печать, — сказал Каладж. — Все верно.

— И таких было сотни, — прошептала ошеломленная Лилидел.

Она никогда прежде не видела фотокопий.

Через неделю она все еще не решила, следует ли ей чувствовать себя удовлетворенной или неудовлетворенной в этой ситуации, когда до нее дошел ужасный доклад. Сотни гигантских космических кораблей зависли над горными районами Земли. Из каждого высаживались тысячи чудовищ.

Риссы прибыли.

11

Лорд Клэйн и в самом деле был очень активен. Минул уже год с того момента, когда он в назначенный час послал не допускающий возражения приказ во все отсеки своего корабля, а затем уселся за рычаги управления.

«Солнечная Звезда» начала набирать высоту. В первое мгновение все шло достаточно нормально, однако изменения почувствовались в течение нескольких минут. Темнота наступила с чрезвычайной быстротой. Ускорение заставило людей в комнате управления посмотреть друг на друга с болезненными улыбками.

Клэйн заметил эту реакцию, но оставался неподвижен на своей кушетке рядом с кнопками. Под ложечкой было ощущение какой-то пустоты, но только он знал место их следования.

Через три часа он уменьшил это создающее напряжение ускорение и поднялся к себе пообедать. Представляя себе все трудности, которые будут испытывать тысячи люди на палубах внизу с приготовлением еды, он подождал полтора часа, прежде чем снова включил ускорение.

Прошло пять часов, прежде чем он снова умень-

шил ускорение до одного «д» и предоставил еще полтора часа на приготовление и прием пищи. Следующий период ускорения длился четыре часа. В это время он на короткое время ослабил огромное давление, пока передавались его новые инструкции.

— Люди на борту этого корабля, — приказал он, — теперь будут спать по семь часов. Ускорение будет несколько выше нормального, но не такое большое, как прежде. Непременно воспользуйтесь этой возможностью.

Затем он приказал своим офицерам передать режим путешествия своим подчиненным и далее по всему кораблю:

«Два часа — завтрак, три — ускорение, полтора — обед, пять — ускорение, полтора — ужин, четыре — ускорение, семь — сон. — Дополнительное время на завтрак включало одевание и туалет».

— Это, — сказала Маделина, — глупо.

Клэйн внимательно посмотрел на нее, сидящую через стол от него. Это было их четвертое утро на корабле. Ему было интересно, как на нее подействует тяжесть ускорения и тоскливый распорядок. И вот уже в течение нескольких обедов он наблюдал за ней. Как жена, Маделина была столь же откровенной, какой она была, когда бы-

ла арестанткой. Пора было открыть ей правду.

Она смотрела на него, ее темные глаза вспыхнули.

— Я не вижу, — говорила она, — никакой причины убегать. В этом мире нужно быть смелым, Клэйн. Может быть, поэтому ты ничего не добился.

Ее небрежное отношение ко всем его достижениям сильно удивило Клэйна. Но в словах ее был и более тревожный подтекст. После тридцати лет свободной деятельности, он должен сейчас приспосабливаться к присутствию человека, который может говорить с ним в такой критичной и не отделяющей его от других манере. Самым неудовлетворительным интеллектуально была его собственная реакция на ее присутствие.

Благодарность! Женщина из аристократического круга Линна сама захотела выйти за него замуж. Она была немногим больше ребенка — импульсивного, нетерпеливого, недисциплинированного, без опыта подготовки, что одно уравновешивало бы ее суждения. Но тем не менее он был благодарен ей. И обеспокоен. Предположим, что она потеряет терпение и решит, что совершила ошибку. Он не сомневался, что она уйдет от него легко, пренебрежительно, возмож-

но ища какого-то другого покровителя на борту корабля. Чиннара? Рассматривать такую возможность он не хотел.

Ей пора было узнать, что их полет не был просто бегством от Лилидел. Он сказал:

— Почему бы тебе не подняться вместе со мной в комнату управления. Там рядом с ней есть стеклянная комната, откуда открывается прекрасный вид на звезды.

Маделина пожала плечами.

— Я уже видела Солнце из космоса и раньше.

Это походило на отказ, и Клэйн не знал, радоваться ему или печалиться.

Через час, как раз когда он собирался прибавить ускорение, она вошла в комнату управления.

— Где тут комната обзора? — спросила она весело.

Клэйн увидел, как несколько офицеров многозначительно переглянулись между собой. В молчаливом бешенстве, Клэйн подошел к ней. Ее поступок был непростителен, так как он сказал ей о режиме полета.

— Сюда, — сказал он ей.

Она, должно быть, заметила сдерживаемый гнев в его голосе. Но она просто мило улыбнулась и прошла в том направлении, которое он указал.

Подойдя к двери обзорной, она остановилась. Он услышал, как она вздохнула, а затем прошла вперед, скрывшись из виду. Когда Клэйн подошел к двери, он увидел, что она уже стояла, прижавшись лбом к прозрачной стене.

В дюймах за ней была сама кромешная тьма. Клэйн молча занял место рядом с ней. Его злость не проходила. Потому что этот визит Маделины, небрежно рассчитанный, чтобы досадить, прекрасно входил в совокупность всех еще больших глупостей, все больше совершаемых человеческими существами на Земле накануне бедствия. С каждым проходящим днем становилось все яснее, что взаимоотношения людей были неразрывно связаны с самой опасностью Риссов. Это были не две, а одна сложная проблема.

С мрачным осознанием того, как запутанна, сложна будет война с чужаками, Клэйн ожидал реакции Маделины.

Обзорная была единственной из всех прозрачных секций в других частях корабля, в том отношении, что «стекло» выдавалось наружу. С того места, где они стояли, можно было смотреть и вперед и назад. Почти прямо за кораблем виднелась очень яркая звезда.

Клэйн тихо сказал:

— Маделина, появившись вот так, ты выставила меня на посмешище перед моим же штабом.

Маделина не обернулась, но ее плечи непокорно приподнялись. Она сказала:

— Я думаю, весь этот полет смешон. Вы, мужчины, должны бы стыдиться, что убегаете. Лично я не хочу иметь ничего общего с этим.

Она импульсивно повернулась, но в лице у нее было напряжение.

— Теперь послушай, Клэйн, — сказала она, — я больше не буду ставить тебя в неловкое положение, так что не волнуйся. Видишь ли, я знаю, что буду тебе полезной. Ты слишком осторожен. Ты не чувствуешь, что жизнь коротка, и ты должен срезать углы и делать все быстро и без страха. Я боюсь только одного — что я что-нибудь пропущу, какой-то опыт, какую-то жизненно важную часть жизни.

Она продолжала с серьезным видом:

— Клэйн, я говорю тебе, что этот полет — ошибка. Нам следует вернуться и поселиться в имении. Конечно, мы должны принять меры предосторожности против опасности, но даже если мы и в самом деле попадем в одну из ловушек Лилидел, я готова. Я люблю жизнь, но я не собираюсь проводить ее на коленях.

Снова она резко прервала свою мысль.

— На какую планету мы летим? Марс? Венеру?

— Ни то, ни другое.

— Может, на один из спутников? Если это какое-нибудь интересное место, Клэйн, я, может быть, не испытывала бы такого нетерпения. В конце концов должен же у девушки быть медовый месяц. — Она указала на яркую звезду позади них. — Что это за планета?

— Это Солнце, — ответил Клэйн.

Он, наконец, помог ей взобраться на одну из кушеток и вернулся в комнату управления.

Несколько минут спустя «Солнечная Звезда» рванулась с возрастающим ускорением через космос, который с каждым часом становился все темнее.

Был час ужина пятого дня, когда Клэйну сообщили, что Чиннар просит встречи. Он поколебался, борясь с мгновенно появившимся раздражением. Еще одно человеческое препятствие, и важное препятствие.

— Пригласите его, — приказал он наконец.

Предводитель варваров вошел в задумчивости и принял стул, на который указал ему Клэйн. На лице его была видна борьба эмоций, но когда он наконец заговорил, голос его был ровен.

— Вы сумасшедший! — сказал он.

Клэйн улыбнулся.

— Я не сомневался, что у вас будет именно такая реакция.

Чиннар отмахнулся от этого замечания сердитым жестом.

— Где логика в таком действии?

— В надежде.

Варвар скривил губы.

— Вы отказались от политического контроля над планетой, огромными географическими пространствами Земли, куда люди могут отступить в случае чрезвычайного положения — ради мечты.

Клэйн сказал:

— Эта тема о политическом контроле стала вашей навязчивой идеей, Чиннар. Перед лицом вторжения Риссов — это бессмысленное достижение. Эту проблему в Солнечной системе не решить.

— Да, человеку, первая мысль которого — бежать от опасности в открытый космос, — усмехнулся Чиннар.

Клэйн снова улыбнулся, на этот раз более мрачно.

— Если бы вы знали, какие у меня планы, вы

бы проглотили эти слова.

Чиннар пожал плечами.

— Ну и куда мы летим? — спросил он наконец.

Клэйн сказал ему:

— На одну звезду, которую я нашел на старой звездной карте этой части галактики.

Произнося эти магические слова, ему пришлось сохранять свое спокойствие. «Галактика», да еще и «звезды» — даже для него, столько открывшего в науке древних дней, здесь были новые значения, эмоциональные волнения уровня, находящегося за пределами всего, что он когда-либо знал.

— Это около шестидесяти пяти световых лет от Солнца, — сказал он спокойно.

Он наблюдал за Чиннаром, пытаясь увидеть, имело ли упомянутое им фактическое расстояние какое-нибудь значение для него. Однако варвар, казалось, был занят каким-то мысленным конфликтом. Наконец он поднял глаза, лицо его исказилось.

— Людей — туда? — даже после минутной тишины голос его прозвучал пораженно.

Клэйн серьезно сказал:

— Я хочу, чтобы вы представили себе науку золотого века, Чиннар. Конечно, эта идея не нова для вас, кто привез тело первого Рисса в Линн.

Давным-давно человеческая цивилизация достигла высоты, на которую с тех пор никогда не поднималась. В те удивительные дни корабли не только летали к другим планетам, но и к другим звездам.

Потом пришли чужаки. Произошла страшная война. С разрушением всех городов цивилизации Солнечная система была практически похоронена. Но в открытом космосе, возможно, спаслись и продолжали научное развитие те, кто покинул Землю задолго до войны.

Молодой человек встал.

— Ваше превосходительство, — сказал он официальным тоном, — по моему мнению, вы своими действиями разрушили Солнечную систему. Оставив Линнскую империю в руках сумасшедшего юнца и его матери-убийцы, вы одним взмахом отдали судьбу человечества правительству, которое будет повергнуто в смятение в момент нападения Риссов и останется в состоянии замешательства до конца. Ваш воображаемый полет нелогичен, во-первых, потому, что, если бы другие люди нашли средства борьбы с Риссами, они к этому времени вступили бы в контакт, связались бы с Землей.

Клэйн поколебался.

— На это есть несколько возможных ответов. Колонии не строят межзвездные корабли. Или, если они у них есть, тогда к тому времени, когда они их создали, они забыли про существование Земли. Или, по крайней мере, забыли, где она.

Чиннар сдерживал себя с видимым усилием.

— Ваше превосходительство, — сказал он, — я призываю вас повернуть. Я тоже верю в воображение, иначе никогда бы не достиг своего нынешнего положения и не осмелился бы на такой риск, как нападение на Линн. Если бы я думал, что вы совершите этот полет в темноту, я бы никогда не сдался вам, с шаром или без.

Клэйн сказал:

— Чиннар, вы меня очень разочаровываете. Некоторым любопытным, возможно, и нелогичным образом, я рассчитывал, вы увидите необходимость позабыть все неуместные личные амбиции. Я рассчитывал, что вы откажетесь от удовольствия, которое вы получаете в военных сражениях — я уверен, у вас есть какой-то план ведения чисто оборонительной войны против Риссов. Я надеялся, что вы откажетесь от всего этого во время этого кризиса. И что я нахожу?

Он сделал движение рукой, выражавшее его собственное негодование по поводу тех мелочей,

какими занимался Чиннар.

— С самого начала вы составляли планы, первым делом для собственных выгод. Вы силой принудили меня обороняться от вас.

— Вы, разумеется, думаете, — усмехнулся Чиннар, — что те, другие, не строили никаких собственных планов и не интриговали бы друг против друга, не появись я на сцене.

Клэйн тихо сказал:

— Каждый человек на время должен забыть о своих собственных замыслах, своих собственных желаниях. Здесь не может быть никаких исключений.

Чиннар был холоден и высокомерен.

— Заводите старую песню, да? Ну, я отказываюсь говорить с человеком, потерявшим рассудок из-за какой-то детской, наивной мечты. Способный человек, который отрекается от своих же идей, предает себя и свое государство… Он должен сражаться за свои собственные убеждения против твердых убеждений других людей. Я убежден, что после того, как вы заняли такую непонятную позицию, все ваши планы отныне под подозрением.

Он гордо пошел к двери, повернулся:

— Не забывайте, что причины, по которым

Риссы нападают на Солнечную систему, должно быть, состоят в том, что в том районе космоса, куда могут долетать их корабли, ограниченное количество обитаемых планет. Надеюсь, вы уверены, что мы обязательно найдем обитаемую планету, когда мы доберемся до места нашего назначения где-то, — он замолчал, неожиданно напрягшись. — Сколько на это уйдет?

— Что-то больше года, — ответил Клэйн.

Чиннар застонал.

— Безумие, — пробормотал он. — Сущее безумие!

Он вышел, оставив Клэйна в тревоге и расстройстве.

Вождь варваров, несомненно, был одним из выдающихся военных умов этого века, храбрый и расчетливый человек, возможно изучивший всю ситуацию с Риссами с тщательным вниманием к каждой мелочи. Никакой страх перед неизвестными далями не повлияет на его решение.

И тем не менее его анализ был неверен. У Чиннара не было полного научного понимания, которое единственное делало возможным верное решение. Вся его отвага, его расчетливый риск и его полководческое искусство всего лишь задержали бы врага, но не разбили бы его.

Если ответа нельзя было получить в космосе, тогда ответа не было вовсе.

12

Прошла неделя полета. Сначала Клэйн чурался некоторых мер предосторожности, которые он в прошлом принял бы против такого человека, как Чиннар.

«Если интриги могут когда-нибудь закончиться, — говорил он себе не в первый раз, — то кому-то надо сделать первый шаг. Надо. Надо показать людям, что ты им доверяешь».

Однако одна мысль не давала ему покоя. За эту неделю она разрослась в его сомнениях до тревожных размеров. Проблема была проста. Чиннар недвусмысленно заявил, что сотрудничать с ним не будет.

На шестой день эти сомнения разрушили сдержанность Клэйна. Он начал следить за Чиннаром. Он был страшно разочарован, хотя, как он с горечью понимал, не очень удивлен, когда обнаружил, что в нижней половине корабля шли массовые военные приготовления.

Открытие удручило Клэйна потому, что Чиннар, несомненно, рассчитывал на свою собственную предосторожность для защиты от какой бы то ни было слежки. Это лишь выдавало его само-

уверенность. Сами приготовления были искусны. Он подготовил взрывчатку, обнаруженную во время одного из захватов. Специально были подготовлены группы с таранами для того, чтобы выбить те двери, которые не откроет взрывчатка. Вся варварская армия целиком — великолепное войско бойцов — была разделена на группы, по размерам более приспособленные для боевых действий в ограниченном пространстве.

Дата атаки была назначена Чиннаром на период сна восьмой «ночи».

За двенадцать часов до ее начала Клэйн пригласил предводителя варваров прийти осмотреть оружие Риссов. Он отдавал себе отчет, что это снова старые хитрости. В оправдание он сказал себе, что то, на что он надеется, может быть достигнуто только постепенно, А пока он должен принимать старое окружение человеческих махинаций, которые он так хорошо знал.

Последовала задержка на несколько часов, пока Чиннар обсуждал расчет времени приглашения со своим штабом. Наконец он послал посыльного к Клэйну, принимая предложение. Но время атаки не перенесли.

Чиннар прибыл в назначенное время с двумя офицерами — инженерами. Он проигнорировал

протянутую руку Клэйна, сказав кратко:

— Вы же не рассчитываете, что я буду дружен с человеком, который меня пытал.

— Но не убил вас, — подчеркнул Клэйн со слабой улыбкой.

— Это, — сказал Чиннар, — потому, что вы надеялись использовать мои силы. Так как это касается моих собственных возможностей, у меня должна быть картина возможностей нашего положения, с тем что бы я смог начать подготовку своих людей. Давайте приступим.

Клэйн почувствовал неясную жалость к великому человеку. Он настолько явно не понимал, с чем он столкнулся.

Это лишь подчеркивало, насколько он был некомпетентен, чтобы оценить суровые реальности войны с Риссами.

Из следующих слов варвара стало ясно, что у него специфические представления насчет того, какое оружие ему хотелось увидеть. Он сказал:

— Перед тем, как ступить на борт корабля, меня «сфотографировал» какой-то аппарат. То же самое было сделано с каждым. Какова была цель?

Клэйн провел его в специальную комнату управления оружием с ее громадными стульями и необычного размера оборудованием.

Он оставался в тени, пока инженеры Чиннара поражались мерцающими механизмами и приборами. Чиннар, очевидно, разделял их изумление, однако невозмутимо сказал:

— Я вижу, что в научном плане Риссы превосходят нас во всех областях.

Клэйн ничего не ответил. Недели назад у него была такая же реакция. Сейчас он уже не был так уверен. Он непроизвольно взглянул на пол. Он был покрыт ковром из тонкого волокна. Заглянув под коврик, он обнаружил, что когда-то здесь было еще одно покрытие, наподобие пластикового. Оно все было снято, кроме нескольких кусков и обрывков.

Его рабочие не смогли убрать эти куски, Материал не поддавался даже металлическим зубилам.

Клэйна это навело на мысль, что это был очень старый корабль. С веками пластик неравномерно разрушался, а Риссы не знали, как его заменить.

Были и другие признаки. Некоторые из переключателей не действовали. Проследив их провода, он попал в пустые комнаты, выглядевшие так, будто в них когда-то были машины.

Это имело грандиозное значение. У Риссов тоже была несбалансированная цивилизация. Более

удачливые, чем люди, они смогли продолжить строительство межзвездных кораблей. Или, возможно, они использовали корабли, которые сражались в смертельной войне пятьдесят веков назад, и просто не знали, как восстанавливать в них механизмы.

Это привело Клэйна к следующей картине. Две расы, вырывающиеся из глубокой ночи, где Риссы далеко опережали в гонке за научное превосходство.

Что же касается сегодняшнего дня, их преимущество было ошеломляющим. Человек проиграет в первом же серьезном бою.

Чиннар заговорил снова.

— Если я сделаю что-нибудь не так, вы меня остановите.

Он, казалось, позабыл про защитную «фотографирующую» машину. Устраиваясь поочередно в каждом из громадных кресел управления, он стал манипулировать приборами. Каждый раз он задавал вопросы, а инженеры делали пометки.

— Что делает это? А это? А это? — он напряженно слушал, и ни один ответ не казался ему слишком подробным.

Несколько раз, несмотря на долгие объяснения, он мотал головой и откровенно признавался:

— Я не понимаю, как это работает.

Клэйн воздержался от еще более глубокого признания. Он разобрал большинство из этих машин и собрал их снова. Но вот как они работали — это уже проблема совершенно другого уровня понимания. Он пытался сделать копии даже простых на вид плат и схем, но получил лишь отрицательный результат.

К счастью, кладовки огромного корабля были забиты копиями, так что широкие эксперименты были еще возможны.

Чиннар уже стал кое-что понимать. Его взгляд быстро пробегал по громадному пульту: и было неудивительно, что он подошел к «защитной» машине и уставился на нее. Здесь она уже не имела ни малейшего сходства с телескопической «фотографирующей» машиной, которая делала его «снимки». Он смотрел на множество замков, прочно закрывавших каждый циферблат.

Клэйн вышел вперед.

— Это вот что, — сказал он.

Клэйн начал объяснение с некоторых понятий сложной науки и передовой механики.

— Как вы, может быть, знаете, — сказал он, — девяносто с лишним химических элементов периодической системы состоят из атомов, которые

в свою очередь являются сложными структурами, куда входят ядра и орбитальные частицы. Внешнее «кольцо» частиц каждого атома является наиважнейшим в любой химической реакции. Там, где внешние «кольца» двух элементов очень схожи, трудно отделить их химическим путем.

Естественно, атомные соединения находятся в беспорядочном состоянии. Они дают постоянное радиационное излучение на различных уровнях энергии. При первом осмыслении может показаться, что на уровне каждой частицы излучение одного предмета будет в точности походить на такое же излучение энергии у такого же тела. Согласно диаграммам Риссов, которые я изучил — а здесь на борту есть несколько интересных пленок с иллюстрациями текста — эти излучения различаются в отношении времени и пространства. Они существуют в другом временном пространстве. Признаюсь, что эту формулировку мне было трудно ухватить.

Он помолчал. Он впервые с кем-либо говорил об этом; и он чувствовал внутренне напряжение. Иногда, когда он думал о той огромной сокровищнице знаний, которую он захватил вместе с этим кораблем Риссов, ему грозил эмоциональный удар. И это чувство он должен был сейчас

подавлять. Наконец он продолжил:

— Эта машина, — он показал на пульт «защитной» машины, — излучает поток радиации, которая распространяется внутри и вокруг корабля. Мощность излучения поднимается и опускается по шкале энергии несколько сотен тысяч раз в секунду. Когда оно входит в пространство какого-то другого предмета, температура предмета, подвергшегося воздействию, повышается. Это происходит со всеми, кроме «защищенных» атомами.

Природа такой «защиты» в принципе проста. Когда вас сфотографировали здесь, в ряде трубок была установлена модель, по которой впоследствии узнается ваше положение в пространстве. Это может быть использовано либо для выделения вас из миллиона других предметов для того, чтобы уничтожить, или это может быть использовано, чтобы «защитить» вас. Сейчас, например, излучение перескакивает через вас, и меня, и других людей этого корабля. Оно перескакивает через все предметы на корабле, узнавая их и отвергая их несколько сотен тысяч раз в секунду.

Клэйн закончил:

— Это одно из самых смертоносных оружий, изобретенных для применения против созда-

ний из крови и плоти. Если бы я знал, что у них на борту есть нечто подобное, я бы не подумал атаковать. Все люди в космических кораблях, принявших участие в сражении, были убиты. Не просто какой-то процент из них, но каждый линнец той части флота, которая атаковала. Мои люди и я спаслись на борту патрульного корабля Риссов, в котором была «защитная» камера, которая нас автоматически «сфотографировала». Очевидно, они использовали ее для того, чтобы спасательные суда могли привозить на корабль образцы.

Закончив отчет, он ждал. Он был не очень удивлен затянувшимся молчанием. Наконец, Чиннар сказал:

— Это действует только против живого?

— Установка такая.

— Но это может быть применено против неодушевленных предметов. Вы либо сознательно или неосознанно подразумевали это, когда употребляли такие слова, как «предмет».

Клэйн поколебался. Уже не в первый раз он поражался проницательности предводителя варваров.

Пожав, наконец, плечами, он признал этот факт.

— Откровенно говоря, я не вполне понимаю, как это можно эффективно использовать против неорганических веществ. Оно повышает температуру всей облучаемой массы примерно на шестьдесят градусов. Это смертельно для живых организмов, но даже дерево переживет это.

— Значит, вы можете сказать, что этот прибор не смог бы уничтожить нашу планету?

— Я не вижу, каким образом.

— Это то, — сказал Чиннар, — что я хотел узнать.

Его тон указывал на то, что он догадался о цели долгого объяснения. Когда его глаза встретились с глазами Клэйна, в них вспыхнул язвительный свет.

— Вам придется попытаться еще раз, — сказал он. — Меня напугать трудно.

Он, показалось, остался неудовлетворен своим опровержением. Потому что он, поколебавшись, взглянул на своих инженеров, открыл рот, чтобы что-то сказать, а затем, очевидно, передумал. Устроившись молча на следующем кресле, он начал манипулировать пультом очередного оружия.

Клэйн ничем не выдал своего разочарования. Он намеревался вернуться к этому вопросу, и у

него было ощущение, что Чиннар тоже. Пока же он принялся объяснять работу нового оружия.

Оно действовало на молекулярном уровне. Оно определенно было не радиоактивным. Оно, казалось, вызывало ужасное возбуждение в молекулах объекта. Результат: предмет сгорал бело-голубым огнем, быстро распадаясь на составляющие его газы. Его можно было использовать против органических веществ, но это было ограниченное оружие в том смысле, что его нужно было наводить и держать на цели. К тому же было неизвестно, могло ли оно использоваться автоматически.

Клэйн продолжал:

— Я его просто испытал. У меня не было времени его изучать. — Он на мгновение умолк, а затем нарочно поспешно закончил. — Большую часть своего внимания я отдал «защитному» устройству. Его существование сводит к нулю все, чем мы располагаем.

Чиннар быстро сказал:

— А его сводит к нулю шар.

Он огляделся вокруг и твердо встретил решительный взгляд Клэйна.

— Подумайте, ваше превосходительство, если они пытаются приземлиться, шар не только

скашивает их, он уничтожает каждого Рисса, находящегося поблизости.

— Все, что им нужно сделать, — сказал Клэйн мрачно, — это пролететь на небольшой высоте над одним из наших городов с включенным «защитным» устройством, и в этом городе умрут все до единого. Сотня кораблей смогла бы через определенное время стереть все население Земли.

Чиннар смотрел ему в лицо.

— Тогда почему они применяли против разрушенных городов атомные бомбы? — его тон требовал от Клэйна дать логический ответ.

Клэйн медленно сказал:

— Я думаю, это оружие они разработали после войны, уничтожившей человеческую цивилизацию. Я думаю они не хотели, чтобы мы узнали про это из их разведывательного корабля. Его потенциальные возможности можно снизить, если эвакуировать города и рассеять население.

Чиннар помотал головой.

— Ваш ответ недостаточно полон. Неотразимое оружие не нужно прятать. Вы говорите, что испытали его. Зная вашу основательность, я могу предположить, что вы знаете дальность его действия.

— Около двух с половиной миль, — ответил

Клэйн без колебаний.

— Раз у него есть дальность действия, — сказал Чиннар, — то оно, очевидно, должно быть более эффективно на расстоянии одной мили, чем на двух.

Клэйн кивнул.

— Чем ближе к кораблю, тем выше он делает температуру. При двух с половиной милях это еще смертельно, но человек может находиться в агонии несколько часов, прежде чем наступит смерть.

— Что происходит, когда между ним и намеченной жертвой ставится преграда?

— Воины линнского флота, — сказал Клэйн, — были защищены несколькими дюймами металла, но они все до одного погибли.

— Судя по вашему отчету, — вспыхнул Чиннар, — они должны были погибнуть, находясь от захватчика более чем в двух с половиной милях. На самом же деле все они подошли достаточно близко, чтобы протаранить корабль. Если бы корабль был без управления целых две мили, лишь немногие из них добрались бы до цели.

Клэйн раздраженно сказал:

— Хорошо, предположим небольшая часть населения благополучно укрылась от этого оружия.

Тысяча или десять тысяч людей выживают, чтобы сражаться дальше. Конечно же, это неудовлетворительное решение. Риссы могут не обращать на них никакого внимания.

Чиннар поднялся на ноги.

— Ваше превосходительство, — сказал он сердито, — ясно, что вы и я не понимаем друг друга.

Клэйну было ясно кое-что еще. Спор достиг критической стадии.

— Ваше превосходительство, — начал Чиннар, — я — прежде всего человек военный, вы — ученый. Для меня ваш страх, что могут быть убиты люди, имеет мало или вообще не имеет никакого значения. Людей убивают всегда, если не на войне, так другим способом. Но войны все же существуют, так что нам не нужно заглядывать дальше.

Он с мрачностью продолжил:

— Существенной чертой военного человека является умение думать процентами потерь. Защищены должны быть лишь искусные руководители. Во время войны смерть первоклассного военного стратега может стать национальным бедствием. Последующее поражение может так или иначе означать рабство для всего населения. В войне с чужаками это может означать истреб-

ление расы.

В этот момент Клэйн открыл рот, чтобы перебить, передумал, затем снова передумал и сухо спросил:

— А кто будет определять значимость человека? Он сам? — но внезапно умолк. — Продолжайте.

Чиннар сердито пожал плечами.

— В определенных жестких правительственных структурах один человек может проиграть все битвы и все равно остаться у власти. Но какой-нибудь храбрый и решительный генерал с достаточным числом сторонников может прорваться сквозь такую эгоцентрическую систему и завладеть управлением оборонительных сил. Эта ситуация существовала в Линне для одного человека — для вас, — и затем презрительно. — Вы испугались.

— Продолжайте, — холодно сказал Клэйн.

— Значимость руководителя, — говорил Чиннар, — составляет один принцип войны. Другой, даже более важный, — не отдавать своей земли захватчику, за исключением определенных военных целей, когда вы убеждены, что при этом на самом деле укрепляете свое положение. Когда вы заставляете его за это расплачиваться.

Клэйн сказал:

— Если бы мы отдавали одного человека за двух Риссов, мы бы истребили бы себя, а естественный прирост на одной или двух планетах Риссов восстановил бы их потери за один год. Фактически, даже по самым скромным подсчетам, мы потеряли бы десять наших людей за каждого убитого нами Рисса.

— Вы не можете этого доказать, — резко сказал Чиннар. В раздражении он взмахнул рукой. — Впрочем, это неважно. — Он продолжил. — Вы ошибаетесь, считая, что я против такого полета. Но я считаю, что он слишком поспешен. Сначала нужно защитить Солнечную Систему. Мы должны показать этим чужакам, что они не могут успешно высадиться ни на одну из наших планет. Позже, когда мы установим свою линию обороны, когда мы узнаем, где и как мы можем сражаться, когда население будет подготовлено к условиям, в которых должно вестись сражение, тогда и только тогда мы сможем доверить другим вести дело.

Глаза его сверкали, лицо было сурово, губы плотно сжаты.

— Вот, — сказал он, — что я про это думаю.

Он сел и посмотрел на Клэйна. Последний колебался. Насколько он мог видеть, в этом не

было ничего важного или нового. Он давно уже обдумал все доводы Чиннара и нашел их несоответствующими ситуации. Наконец, он медленно сказал:

— Во-первых, я отвергаю то, что один или два человека необходимы человеческой расе, даже если им политической хитростью удалось убедить большое число последователей в том, что через них их группа может получить власть. Я лично сказал многим людям, как придется вести войну с Риссами. В случае кризиса эти люди сделают так, чтобы все узнали об этом.

— Слишком поздно! — воскликнул Чиннар.

Клэйн продолжал:

— Эта война между Риссами и человечеством не может быть выиграна сопротивлением лишь на одной планете или на единственной Солнечной системе. Я даже не уверен, что следует пытаться выиграть. Это второе.

Чиннар сказал:

— Я большой сторонник ограниченных целей — при условии, что согласится противник.

— В-третьих, — сказал Клэйн, — мы не будем действовать на основании того, что расходуется половина населения или три четверти его. Руководители с такими представлениями преступно

безответственны.

Чиннар рассмеялся.

— Хороший военный допускает потенциальные возможности своего положения. Он определит, какие жертвы необходимы. Когда альтернативой является полнейшая гибель, тогда жертва трех четвертей населения или больше — это уже во власти отдельного руководителя.

Клэйн сказал:

— Я надеюсь, что Лилидел не дойдет до подобного предела. А сейчас, — тон его изменился, — прежде чем я выскажу свой четвертый довод, я хочу, чтобы вы осмотрели эту часть пульта управления оружием.

Он указал на секцию, которую они еще не смотрели.

Чиннар пристально посмотрел на него и уселся в одно из кресел. Первым же прикосновением к какой-то кнопке он вызвал изображение на большом экране перед собой. Нахмурившись, он посмотрел на изображение в космосе.

— Окно? — спросил он с сомнением.

— Дальше-дальше, — отозвался Клэйн.

Варвар быстро двигался от прибора к прибору. Вдруг он резко напрягся, когда дошел до тех, которые показывали внутренние части корабля. В

тишине он настроил еще несколько ручек, увеличив изображение, которое разворачивалось на пластинах, и услышал разговоры, раздававшиеся из скрытых громкоговорителей.

Люди говорили в своих комнатах, в коридорах, в огромных общих кухнях. Говорили, не зная, что за ними наблюдают. Эти всевидящие глаза подглядывали за влюбленными и за штабом Чиннара в варварском отсеке корабля. Они показывали приготовления, которые велись варварами для нападения.

Получив достаточно информации, чтобы оценить ситуацию, Чиннар отключил прибор, с которым работал, и около минуты сидел спиной к Клэйну. В конце концов он поднялся, повернулся и взглянул на Клэйна спокойными глазами.

— Каков ваш четвертый довод?

Клэйн смотрел на него, неожиданно помрачнев. Потому что он вернулся на ребяческий уровень, несмотря на его желание поднять все дело на уровень, где оно было бы выше политики, выше силы. Оно неумолимо опустилось до этого уровня. И теперь ему ничего не оставалось, как действовать соответственно.

Он сказал:

— Очень простой. Мы на пути к другой звезде.

В своей эгоцентрической манере я некоторым образом укрепился во власти. Если я увижу, что мое руководство находится под серьезной угрозой, я с большой неохотой буду вынужден вмешаться со своей «защитной» машиной в такой степени, что она сможет принести ущерб любым заговорщикам. Я ясно выразил свою мысль?

Варвар смотрел на него с ледяной враждебностью.

— Абсолютно, — сказал он. Он повернулся, пожав плечами. — Давайте продолжим осмотр.

Дальнейшего обсуждения не было. Что касалось Клэйна, он не чувствовал себя победившим, это было поражение для них обоих.

13

Прошел год или точнее восемнадцать месяцев. Гигантский корабль приближался к цели своего путешествия.

Планеты-близнецы, как две большие луны, плыли в черноте впереди. По их размерам и по расстоянию друг от друга у них, похоже, был один и тот же диаметр; казалось ясно, что они вращались одна вокруг другой и что обе они шли по какой-то эксцентрической орбите вокруг горячей голубой звезды, которая была их солнцем.

«Солнечная Звезда» приближалась к ним по линии, почти равноудаленной от каждой планеты. Офицеры — и варвары, и линнцы — собрались в обзорной. С того места, где он стоял недалеко от Чиннара, Клэйну были слышны их замечания.

— Несомненно, у обеих есть атмосфера.

— Мы видим материки и океаны на обеих.

— Смотри, это, должно быть, гора. Видите, какая от нее тень.

Клэйн слушал молча. Большинство замечаний подтверждало его собственные впечатления. У него было еще несколько других мыслей, которые еще пока никто не высказал, но они придут

к ним, он был уверен.

Он подождал дополнительных замечаний и наконец, как он и ожидал, они появились. Кто-то сказал:

— Кажется, мы заметили вспышку корабля перед этим. Здесь должен быть настоящий поток движения между этими планетами.

Другой сказал:

— Я наблюдал за темными сторонами каждой планеты, где сейчас ночь. И городских огней пока не заметил.

Гул разговора резко прекратился. Больше дюжины пар глаз уставились на Клэйна. Мутант слабо улыбнулся и повернулся к Чиннару.

— Они ждут, чтобы я дал им гарантии, что мы найдем там людей, — пробормотал он тихим изумленным голосом. Варвар холодно пожал плечами. Клэйн повернулся к своему смешанному, частью враждебному штабу.

— Господа, — сказал он, — подумайте о следующем. Города уязвимы для чужаков, поэтому здесь нет городов. Говорить о том, что здесь нет постоянного движения между планетами, пока еще слишком рано.

Он подошел и что-то подрегулировал рычагом. Корабль стал постепенно поворачивать. Вне

всяких сомнений он направлялся к планете, находившейся в нескольких минутах справа от них.

Никто не сделал никаких замечаний по поводу этого выбора. Любая планета из этих близнецов казалось такой же хорошей, как и другая, тем более, что в таком быстром корабле обе можно посетить за несколько дней.

Корабль вошел в атмосферу Близнеца-1, как кто-то предложил назвать ее, на тихой скорости. На звездной карте Клэйна эти две планеты имели собственные названия — Внешняя и Внутренняя — но мутант не упомянул об этом. Машина спустилась к уровню моря и постепенно выравнивала курс, пока на высоте трех миль не пошла над холмистой глушью, поблескивавшей ручьями и реками. Насколько мог видеть глаз, кругом были леса и зеленые луга.

Люди переглядывались. Клэйн подошел к Чиннару и, встав рядом с ним, мрачно глядел на простиравшуюся под ними девственную землю. Чиннар заговорил первым:

— Жаль, что чужаки не нашли эту планету. Они бы получили ее без боя.

Клэйн резко засмеялся.

— Чиннар, — сказал он через минуту, — на Земле не будет никакого боя, пока жители Близ-

неца-1 или Близнеца-2 не смогут обеспечить нас сверхоружием.

Варвар ничего не сказал. Он, должно быть, ощутил какое-то сильное разочарование Клэйна.

Кто-то закричал:

— Там какая-то деревня!

Клэйн насчитал девятнадцать домов, расположенных довольно далеко друг от друга, а затем еще одну кучку домов, еще дальше друг от друга. Около сотни акров редко посаженных деревьев предполагали сад, там же были и поля зеленых насаждений.

Он не видел ни одной движущейся точки, что на расстоянии трех миль было вовсе не удивительно. Людей с такой высоты разглядеть трудно.

Они пролетели мимо. Дома исчезли в тумане позади, но их существование уже передало теплоту возбуждения людям в обзорной. Поднялся шум от разговоров.

Клэйн сказал Чиннару.

— Предположим, что эта планета населена обществом земледельцев. С армией не больше той, что находится на борту, мы могли бы овладеть ими. Тогда, если бы нам даже не удалось найти оружие, чтобы остановить захватчиков, мы смог-

ли бы иметь здесь ядро цивилизации.

Чиннар хранил угрюмое молчание, и целую минуту оба стояли, не говоря ни слова.

Затем Клэйн сказал:

— Давайте посмотрим, что мы найдем. Все может быть не так, как это кажется сейчас.

Он переменил тему.

— Как вы думаете, нужно подходить к ним?

Они решили войти в несколько деревень в полном составе. Их было несколько, но сейчас самая большая состояла из двадцати восьми домов, другие были разбросаны поблизости. Было решено, что шпионам-одиночкам будет нелегко просочиться в такие небольшие сообщества. Шпион годился для таких городов, как Линн, куда ежечасно со всех сторон и частей Солнечной системы прибывали гости. Здесь же любой новый человек будет считаться посторонним. Весьма вероятно, что могут возникнуть настолько серьезные языковые трудности, что это помешает непосредственному общению. Только достаточно большая сила, способная справиться с сопротивлением или с враждебностью, будет в состоянии получить важную информацию.

Когда решение было принято, Клэйн скомандовал:

— Шесть патрульных судов уходят немедленно. Три европейских, три линнских. — И добавил: — Удачи.

Группы готовились к таким экспедициям в течение многих месяцев.

Наблюдая за их приготовлениями к отправке, Клэйн сказал:

— Я предлагаю всем собраться здесь через четыре часа. В это время, возможно, у нас будет какая-то информация.

Клэйн вернулся в обзорную за несколько минут до назначенного времени. Он прибыл в комнату, которая звенела от возбуждения, и потребовалось несколько минут, чтобы понять, что произошло. Все, кроме одного, командиры патрулей прибыли с докладом, и что-то было не так. Он быстро навел порядок.

— Докладывайте по-одному, — резко сказал он и повернулся к Чиннару, — сначала один из ваших.

Варвар кивнул одному из своих командиров патруля.

Офицер уныло начал:

— Мы нашли все так, как и можно было ожидать в какой-нибудь сельской общине. Это были люди, все верно, и они казались довольно

простыми, очень похожими на наших. Как инструктировал лорд Клэйн, мы не предпринимали никаких враждебных действий, просто ходили и осматривались. Все очень дружелюбны. Не было вообще никаких языковых проблем, хотя, скажем, в основном говорили мы. Как только они поняли, чего мы хотим, один мужчина и женщина провели нас вокруг. Дома были простой конструкции, обставлены чуть лучше, чем мы могли бы ожидать, но никаких следов техники.

— Вот что мы узнали. Эта планета называется Внешняя, а ее спутник — Внутренняя. Одна из женщин сказала, что у нее на Внутренней живет сестра, и она призналась, что бывает там, но я не смог найти места откуда взлетают корабли. Планеты-близнецы очень похожи, жизнь исключительно фермерская или деревенская. Названия Земля, или Линн, или Солнечная система им, кажется, совершенно незнакомы. Естественно, понемногу стали расслабляться. Вы же знаете, какие у нас мужчины горячие, так и смотрят за хорошенькими женщинами…

Он остановился, а Клэйн быстро взглянул на Чиннара, чтобы поглядеть, как предводитель отреагирует на это. Способность вождя варваров управлять своими людьми всегда вызывала

интерес у Клэйна. Сейчас Чиннар медленно подмигнул. Результат появился тотчас. Офицер просветлел. В голосе его послышалось оживление.

— Ружс, — сказал он, — по-своему нормальный мужчина. Он поднял одну из тех, что помоложе, и понес ее в кусты. Она смеялась и особо не вырывалась, так что я решил не вмешиваться.

— Что произошло?

— Я наблюдал за реакцией других людей. Они были довольно равнодушны. Знаете, я должен был бы понять, что что-то было не так: кажется, меньше через минуту Ружс вернулся со странным выражением лица. Я так понял, что девчонка убежала от него, но ничего не сказал, потому что не хотел, чтобы над ним смеялись. А молчание этого дурака делу не помогло.

Чиннар был спокоен:

— Продолжай.

Докладывающий скорбно продолжал:

— Мы задавали еще вопросы. Я поинтересовался, знали ли они о чужих. Когда я описал их, один из мужчин сказал: «А, вы имеете в виду Риссов». Вот так вот просто. Он потом еще сказал, что они изредка торгуют с ними.

Клэйн перебил:

— Они торгуют с ними? — резко спросил он.

Офицер повернулся к нему, снова посмотрел на Чиннара, который кивнул ему, словно говоря, что он может отвечать на вопрос, и опять обернулся к Клэйну.

— Он так сказал, ваше превосходительство. И я уверен, что они узнали описание.

Клэйн был поражен. На какой-то момент он перестал задавать вопросы и расхаживать перед офицером взад-вперед. Наконец он остановился и окинул взглядом всю группу.

— Но это означает, — проговорил он озадаченным голосом, — что они нашли какой-то способ нейтрализации Риссов. Иначе почему Риссы оставили их в покое и все же прилетают в Солнечную систему и отказываются даже общаться с человеческими существами? — он покачал головой. — Я отказываюсь верить, что они в самом деле решили проблему агрессии Риссов. Эту проблему людям только одной планеты никогда не решить.

Никто ничего не сказал. И наконец Клэйн снова обернулся к командиру патруля.

— Продолжайте, — сказал он кратко.

— Я знал, что вы захотите расспросить этих людей лично, — сказал офицер, — поэтому я

предложил, чтобы какой-нибудь мужчина и какая-нибудь женщина пришли и посмотрели корабль. Я посчитал, что лучше привезти их сюда убеждением, чем силой, хотя, естественно, если бы не сработало первое, тогда пришлось бы действовать по-другому.

— Естественно.

— Ну вот, наши проводники согласились прийти, не возражали, и даже показалось, что они как-то по-детски заинтересовались, так могли бы заинтересоваться и наши люди.

— Продолжайте, продолжайте.

— Мы поднялись. Уже в полете Ружс подобрался к женщине и, прежде чем я успел понять, что происходит, полез к ней приставать. По крайней мере, я так слышал. Я не видел, что случилось. Я слышал шум. Когда я обернулся, мужчина и женщина пропали.

Клэйн с минуту безучастно смотрел на него, а потом спросил:

— На какой высоте вы были?

— Около двух миль.

— А вы смотрели через край? Патрульного корабля, я имею в виду.

— В течение нескольких секунд я думал, может, они выпрыгнули.

— Или их столкнули, — добавил Чиннар.

Офицер кивнул.

— Зная импульсивность простых наших людей — да, я подумал об этом.

Клэйну показалось, что замечание было хорошо выражено. «Импульсивность» простого народа в корабельном отсеке Чиннара привела за все время полета к убийству тысячи двухсот девяноста мужчин и трехсот семидесяти двух женщин. Каждый раз судьи Чиннара приговаривали убийцу к ста ударом плетью — по десять ударов в течение десяти дней. Сначала Клэйну казалось, что несколько повешений послужили бы лучшим средством устрашения, однако статистика доказала, что лишь трое из наказанных таким образом, совершали преступление во второй раз. Плети, очевидно, проникали глубоко, правда, лишь в шкуру тех, кто их получал.

Офицер заканчивал свой отчет:

— Ну вот, пожалуй, и все, сэр. Кроме того, что Ружс признался мне, что первая девчонка исчезла у него так же, как вторая.

Каждый из четырех других командиров патрулей доложил о происшедшем с ними, что было похожим по существу, различались только детали. Все они пытались привести с собой гостей.

В двух случаях от приглашений отказались, и они пытались захватить одного мужчину и одну женщину. Одна пара поднялась примерно на милю, а затем, очевидно, устала от «игры» и исчезла. Третий офицер описал, как человек типа Ружса из его отряда оскорбил женщину, которую он пытался привести. Четвертому командиру все-таки удалось довезти своих гостей до корабля. Он казался опечаленным.

— Я думал: они потерялись в толпе, и мои люди все еще ищут их. Но я полагаю, что они, раз взглянув на рой людей в коридорах, ушли домой.

Его слова завершили отчеты. Оставался лишь один доклад, в целом же картина была довольно ясная.

Клэйн хмуро размышлял о необъяснимых подробностях, когда у дверей возникла какая-то суматоха. В комнату ворвался шестой командир патруля. Даже на расстоянии было видно, что он был бледен и возбужден.

— С дороги, — крикнул он офицерам, стоящим у дверей. — Быстро, у меня важное сообщение.

Перед ним расступились, и он побежал по коридору и остановился перед Клэйном.

— Превосходительство, — задыхался он, — я расспрашивал селян, когда один из них сказал,

что за атмосферой второй планеты, он назвал ее Внутренней, находится корабль Риссов — такой же, как наш, он определенно сказал, что как наш.

Клэйн небрежно кивнул. В такие вот минуты момента он чувствовал себя на высоте. Подошел к Чиннару и сказал:

— Полагаю, нам следует высадить всех находящихся на борту, кроме наших боевых экипажей, высадку произвести на ночной стороне в далеко расположенных друг от друга незаселенных районах. После года, проведенного в тесном помещении, все должны получить возможность снова опуститься на планету.

— А как с кораблем Риссов? — спросил Чиннар.

— Никак. Остаемся в состоянии готовности, но в сражение не вступаем. — Глаза его сверкали от возбуждения. Он напряженно сказал: — Чиннар, тут есть кое-что для нас. Я предвижу трудности, От нас потребуются самые большие усилия. Я собираюсь сам исследовать эту сельскую жизнь.

Чиннар нахмурился, но ровно кивнул.

— В связи с состоянием тревоги, — сказал он, — что если несколько моих офицеров останутся здесь на дежурстве с вашими? В этом будет некоторое сотрудничество, которое пойдет на пользу

бдительности.

Сильное возбуждение у Клэйна погасло. Он задумчиво посмотрел на предводителя варваров. Наконец он кивнул.

— С определенными мерами предосторожности во избежание каких-либо попыток завладеть кораблем, — сказал он, — это звучит разумно.

Они улыбнулись друг другу как два человека, хорошо понимающих друг друга.

14

Высадка прошла без происшествий. Клэйн ступил на траву и остановился, чтобы набрать глубокий глоток воздуха. Воздух имел очень слабый едкий запах, судя по всему в нем было мельчайшее количество хлора. Это было необычно, если учесть природную склонность этого газа смешиваться с другими веществами.

Это предполагало естественный хлоропроизводящий химический процесс. Что его заинтересовало, так это то, что содержание хлора могло объяснить слабую общую дымку в воздухе. Она была, как ему вдруг показалось, несколько зеленоватая.

Он засмеялся и выкинул это из головы.

Первый дом деревни стоял в ста ядрах. Это было одноэтажное строение, несколько расходящееся во все стороны и сделанное из дерева.

Все его существо дрожало от нетерпения. Но Клэйн держался спокойно. Он провел день на складном стуле около судна. Он не обращал прямого внимания на «внешних», Когда он замечал, как кто-то или группа что-то делает, он делал запись в своем журнале. Сориентировав селение

по стороне света, он отмечал приходы и уходы жителей.

С приближением ночи воздух становился прохладней, но он, просто накинув куртку, продолжал наблюдения. В домах зажегся свет. Он был слишком ярок для свечей, на таком расстоянии Клэйн не мог определить, что это.

Начиная примерно через два часа после темноты, огни по одному погасли. Вскоре все селение погрузилось в темноту. Клэйн записал: «Они, кажется, не боятся. Нет даже сторожа».

Он проверил это. В сопровождении двух крепких варваров он часа два бродил между домами. Темнота была полной. Не было ни звука, за исключением их собственных шагов и редкого ворчания одного из воинов. Движения и звуки, казалось, не беспокоили жителей, никто не вышел проверить, кто шумит.

Клэйн вернулся на корабль и вошел в свою закрытую каюту. В кровати он прочитал записи в своем журнале. Снаружи доносились отдельные звуки укладывающихся солдат, ворочавшихся в спальных мешках. Потом, когда наступила тишина, он выключил свет.

Он спал тревожно, голова была напряжена от мыслей о его цели, планах и действиях, которые

необходимо предпринять. Проснулся он на рассвете, наскоро позавтракал и затем снова уселся наблюдать за происходившим в селении. Прошла какая-то женщина. Она бесстрастно Посмотрела на людей вокруг корабля, хихикнула, когда один из солдат свистнул ей, а затем скрылась из виду среди деревьев.

Несколько мужчин, смеясь и разговаривая, прошли в сад к северу и стали собирать фрукты. Клэйн мог видеть, как они, стоя на лестницах, наполняли свои небольшие ведерки. Около полудня, удивленный каким-то противоречием в их действиях, он оставил корабль и двинулся поближе к ним.

Время прихода было выбрано неудачно. Когда он подошел, мужчины, как будто договорившись, оставили свои ведерки и направились к деревне.

На его вопрос один из них ответил:

— Обед!

Все они дружелюбно закивали и ушли, оставив Клэйна одного в саду. Он подошел к ближайшему ведру, и, как он наполовину и ожидал, оно оказалось пустым. Все ведра были пусты.

Огромное голубое солнце было прямо над головой. Воздух был теплым и приятным, но не горячим. Дул легкий ветерок, и в окружающих

его тишине и спокойствии было ощущение вечного лета.

Но ведра были пусты.

Клэйн провел минут сорок, исследуя сад. И нигде не было никакого бункера, ничего, куда могли бы унести фрукты. Сбитый с толку, он забрался на одну из лестниц и с осторожностью наполнил ведро.

Он был осторожен, хотя не знал, чего он опасается, что может произойти. Ничего не произошло. В ведро вошел двадцать один золотистый плод. В том то и была беда. Они были в нем. Клэйн отнес плоды и ведро к спасательному судну, поставил их на землю и приступил к их систематическому изучению.

Он не нашел ничего необычного. Никаких приспособлений, никаких кнопок, никаких рычагов, ничего. Ведро казалось обыкновенным металлическим контейнером и содержало в тот момент осязаемые неисчезающие плоды. Он взял один, желтый, и надкусил его. Он был восхитительно сладок и сочен, но вкус был незнакомым.

Он задумчиво ел его, когда один из мужчин подошел за ведром.

— Вы хотите эти фрукты? — спросил селянин. Он, очевидно, был готов отдать их ему.

Клэйн стал медленно вынимать плоды по одному. Пока он это делал, он рассматривал мужчину. Парень был одет в грубые слаксы и рубашку с открытым воротом. Он был чисто, тщательно выбрит, и казалось, что он только что умылся. На вид ему было лет тридцать пять.

Клэйн помедлил.

— Как вас зовут? — спросил он.

Мужчина широко улыбнулся.

— Марден.

— Хорошее имя, — сказал Клэйн.

Марден казался довольным. Затем он посерьезнел.

— Но мне нужно ведро, — сказал он. — Собирать дальше.

Клэйн взял еще один плод из контейнера и спросил:

— Почему вы собираете фрукты?

Марден пожал плечами.

— Каждый должен иметь свою долю.

— Почему?

Марден глупо взглянул на Клэйна, какие-то секунды он смотрел, словно не был уверен, что расслышал правильно.

— Это не очень умный вопрос, — сказал он наконец.

Клэйн тоскливо предположил, как распространится эта история о том, что какой-то тупица с корабля задавал глупые вопросы. С этим ничего не поделаешь.

— Почему, — настойчиво продолжал он, — вы чувствуете, что вам нужно работать? Почему бы не работать другим, а вам ничего не делать?

— Я не делать свою долю? — в голосе Мардена явно чувствовалось потрясение. — Но тогда у меня не будет права на еду.

— Кто-нибудь не даст тебе есть?

— Н-нет.

— Кто-нибудь накажет тебя?

— Накажет? — Марден казался озадаченным. Лицо его просветлело. — Ты имеешь в виду, будет ли кто-нибудь сердиться на меня?

Клэйн оставил это. Он разговаривал с этим человеком» сего несколько минут. Но ему открылась философия здешних жителей, настолько укоренившаяся, что люди даже и не представляли, что может быть другое отношение.

— Посмотри на меня, — сказал он. Он показал на корабль, неясным пятнышком висевший в небе. — Я владею частью этого.

— Ты живешь там? — спросил Марден.

Клэйн не обратил внимание на неточность.

— И посмотри на меня здесь, — сказал он. — Я весь день сижу на этом стуле и ничего не делаю.

— Ты работаешь с этим, — Марден показал на журнал, лежащий на земле.

— Это не работа. Я делаю это для моего собственного удовольствия. — Клэйн и сам почувствовал себя сбитым с толку. Он поспешно сказал: — Когда я голодаю, делаю я что-нибудь сам? Нет. Эти люди приносят мне что-нибудь поесть. Разве это не лучше, когда приходится все делать самому?

— Ты пошел в сад и сам набрал фрукты себе.

— Я собрал ваши плоды, — сказал Клэйн.

— Но ты собрал их своими собственными руками, — торжествующе сказал мужчина.

Клэйн прикусил губу.

— У меня не было необходимости в этом, — объяснил он терпеливо. — Мне было любопытно узнать, что вы делаете с плодами, которые собираете.

Он нарочно говорил небрежно, когда задал следующий вопрос.

— Что вы с ними делаете? — спросил он.

На какой-то момент Марден, казалось, был озадачен, а затем кивнул в знак понимания.

— Ты имеешь в виду плоды, которые мы собираем. В этот раз мы послали их на Внутреннюю. — он

показал на большую планету, только что показавшуюся из-за восточного горизонта. — Урожай был плохой на… — он назвал какую-то местность, название которой Клэйн не уловил. Затем он кивнул, будто говоря: «Это все, что ты хотел узнать?» и поднял ведро.

— Хочешь остальные плоды? — спросил он.

Клэйн помотал головой.

Марден весело улыбнулся и с ведром в рукё зашагал прочь.

— Надо приниматься за работу, — сказал он через плечо.

Клэйн дал ему пройти около двадцати футов, а затем окликнул его.

— Подожди минутку!

Он поспешно вскочил на ноги и, когда удивленный Марден повернулся, пошел к нему. Было что-то необычное в том, как он размахивал и раскачивал ведром…

Когда Клэйн подошел, он увидел, что не ошибся. В ведре должно было остаться около восьми плодов. Они пропали.

Не говоря больше ни слова, Клэйн вернулся к своему стулу.

День тянулся медленно. Клэйн взглянул на холмы на западе в их ярко-зеленом убранстве и

с бесконечными розовыми цветами. Пейзаж был идиллический, но он не мог успокоить Клэйна. У него была цель, и он чувствовал близость решения. Оно было где-то здесь, тем не менее у Клэйна уже появилось убеждение, что люди Внешней и Внутренней были такой же или большей преградой, чем была у него в Линне.

Он уныло наклонился и сорвал розовый цветок, из тех, что во множестве росли вокруг. Не глядя на него, он разломил его на кусочки, которые рассеянно уронил на землю.

Слабый запах хлора вызвал раздражение в носу. Клэйн глянул вниз на обрывки цветка, а затем понюхал пальцы, куда выдавил сок из стебля.

Ошибки быть не могло — это был хлор.

Заинтересовавшись, он записал это в свой журнал. Потенциальные возможности этого открытия были поразительны, и тем не менее — он помотал головой — это не ответ.

Наступала ночь. Как только во всех домах зажглись огни, он сел за свой собственный ужин. А потом в сопровождении двух варваров начал свои обходы. В первом окне, в которое он заглянул, было девять человек, сидевших на кушетках и стульях и разговаривавших друг с другом со значительным оживлением.

Такое количество жильцов казалось необычным для этого дома. Клэйн подумал: «Гости из Внутренней?» В этом, он понимал со всей серьезностью, не было ничего необычного.

С того места, где он стоял, он не мог видеть источника освещения комнаты. Он перешел к окну на дальней стороне. Лишь на какой-то момент он подумал об источнике света как о чем-то, что свисает с потолка.

Глаза его быстро приспособились к фантастической действительности. Там не было ни шнура, ни прозрачного плафона, ни лампы. Этот свет не имел сходства со светом на борту корабля Риссов.

Он висел высоко в воздухе и светился огненным блеском.

Он попробовал подумать о нем как об атомном освещении. Но атомному освещению, с которым ему приходилось работать, нужны сосуды!

Здесь ничего подобного не было. Источник света висел под потолком — крошечный яркий шар. Клэйн оценил его диаметр дюйма в три.

Он двигался от дома к дому. В одном месте человек читал, и свет горел у него над плечом. В другом он парил над женщиной, которая стирала. Пока он смотрел, она вытащила белье из

корыта, потрясла корыто, словно околачивала его, и через секунду положила белье обратно в парящуюся воду.

Клэйн не мог быть уверен, но подозревал, что она вылила горячую воду из корыта и снова наполнила его кипятком — возможно, из какого-нибудь горячего источника — и все в течение одной минуты, продолжая свою работу.

Он не мог не заинтересоваться, что она делала с бельем, когда заканчивала стирку. Возможно, она уходила туда, где светило солнце, вывешивала там свое белье и, проснувшись утром, снимала его, просушенное на солнце?

Клэйн подозревал, что так оно и произойдет.

Она, казалось, не спешила, поэтому он двинулся дальше. Наконец он подошел к дому Мардена. Он шел к двери медленно, думая: «Эти люди дружелюбны и бесхитростны. У них нет правительства. Здесь нет интриг. Где, как не здесь честный подход даст нам то, что мы хотим».

Странно, даже когда он стучал в дверь, ему казалось, что в его рассуждениях был изъян. От этого он вдруг снова почувствовал напряжение.

15

Марден открыл дверь. Он выглядел спокойным и беззаботным. И не было никаких сомнений в его добродушии, так как он не колебался. Он улыбнулся и сказал дружелюбным, веселым голосом:

— А, человек, который не работает. Входи.

В этом замечании сквозило терпимое превосходство, но Клэйн не обиделся. Он задержался в центре комнаты и выжидающе огляделся: когда он смотрел сюда в окно, здесь была какая-то женщина. Сейчас от нее не осталось и следа.

Из-за его спины Марден сказал:

— Когда моя жена услышала стук, она ушла в гости.

Клэйн повернулся.

— Она знала, что это я? — спросил он.

Марден кивнул и сказал:

— Естественно. — он добавил: — И к тому же она видела тебя у окна.

Говорилось это просто, но откровенность эта была обезоруживающе опустошительна. Клэйн моментально представил себя таким, каким его должны были видеть эти люди.

Худенький любопытствующий попик, глубокой ночью рыскающий вокруг их домов, задающий глупые вопросы.

Картина была неприятная, и ему показалось, что лучшим его ответом будет такая же откровенность. Он сказал:

— Марден, мы озадачены вашими людьми. Можно я сяду и поговорю с тобой?

Марден молча указал на стул. Клэйн погрузился в него и сидел некоторое время хмурясь, приводя в порядок свои мысли. Наконец он сказал.

— Мы с Земли, — сказал он. — Мы с планеты, откуда первоначально произошли все человеческие существа, включая и ваш народ.

Марден посмотрел на него. Взгляд его был вежлив. Казалось, он говорил: «Если ты так говоришь, то так оно, наверное, и должно быть. Конечно, верить тебе я не должен».

Клэйн тихо сказал:

— Ты веришь этому?

Марден улыбнулся:

— Никто здесь не помнит такого родства, но может это и так, как ты говоришь.

— У вас есть письменная история?

Селянин колебался.

— Она началась триста лет назад. До этого —

пустота.

Клэйн сказал:

— Мы с тобой оба люди. Мы говорим на одном языке. Это кажется логичным, не так ли?

— А, язык. — Марден засмеялся.

Клэйн изучающе посмотрел на него, озадаченный. Он так понял, что селянин не мог воспринять абстрактную идею, которая не встраивалась в его понятия.

Клэйн сказал:

— Этот способ, которым вы переносите себя и свои вещи с Внешней на Внутреннюю и в другие места на этих планетах, — вы всегда умели делать это?

— Конечно. Это самый лучший способ.

— Как вы это делаете?

— Как, мы просто… — Марден замолчал, и на лицо его легла любопытная пустота; он слабо закончил, — делаем это.

Это было так, как Клэйн и думал. Вслух он сказал:

— Марден, я не могу этого делать, а я хочу уметь. Ты можешь мне это просто объяснить?

Мужчина помотал головой.

— Это так не объясняется. Просто делается и все.

— Но когда ты научился? Сколько тебе было, когда ты сделал это в первый раз?

— Около девяти.

— Тогда почему ты не мог делать этого раньше?

— Я был слишком молод. У меня не было времени научиться этому.

— Кто учил тебя?

— А, мои родители.

— Как они тебя учили?

— Это было не совсем обучение. — У Мардена был несчастный вид. — Я просто делал то, что делали они. Это было очень просто.

У Клэйна в этом сомнения не было, раз они все могли делать это, очевидно, даже не думая об этом. Он разглядывал собеседника и понял, что давил на него сильнее, чем это казалось на поверхности. У Мардена никогда не было подобных мыслей, и они ему не нравились.

Клэйн поспешно переменил тему разговора. Был еще более жизненно необходимый вопрос, бивший в корень всего этого.

Он задал его.

— Марден, — сказал он, — почему Риссы не захватят планеты Внешнюю и Внутреннюю?

Он объяснил про нападение на Землю, про

применение атомных бомб, про отказ вступать в контакт и про возможность будущей опасности. Описывая, что произошло, он следил за реакцией селянина. И к своему разочарованию увидел, что тот не в состоянии ухватить картину как целое.

Тогда у него в мыслях возникла картина, которая его потрясла. Предположим, у этих людей было чем ответить на угрозу Риссов. Предположим, что здесь, на этой тихой планете было все, что людям Земли было нужно, чтобы выиграть их смертельную войну.

И они могли это получить, потому что Марден сказал:

— Риссы нас не беспокоят. Зачем им?

— На это должна быть какая-то причина, — сказал Клэйн. Он убежденно продолжил: — Марден, нам обязательно нужно узнать, что это за причина. Даже для вас это важно. Что-то их сдерживает. Пока вы не узнаете что, вы никогда не будете чувствовать себя по-настоящему в безопасности.

Марден пожал плечами. У него был скучный вид человека, который поспешно сделал поверхностный вывод о чем-то, что не входило в его собственные представления. Он сказал терпимо:

— Вы, земляне, не очень умны и задаете глупые вопросы.

Это фактически был конец их беседы.

Клэйн еще оставался, но Марден больше не воспринимал его серьезно. Его ответы были вежливы и ничего не значили.

Да, они торговали с Риссами. Это вполне естественное дело. Планеты-близнецы отдавали свои излишки продовольствия, а в ответ они получали, что хотели из того, что было на корабле Риссов. В общем-то у Риссов было не так уж много из того, что хотели жители Внешней и Внутренней. Но что-нибудь да всегда было. Мелочь — как это.

Он встал и принес Клэйну штампованное пластмассовое украшение, фигурку животного. Это была дешевая поделка, стоящая самое большее несколько сестерций. В замешательстве Клэйн осмотрел ее. Он пытался представить, как две планеты отдавали свои излишки продуктов нечеловеческим существам взамен за бесполезные безделушки. Это не объясняло, почему Риссы не завоевали эту систему, но впервые смог понять презрение, которое, должно быть, испытывали чужаки к человеческим существам.

Наконец он ушел, чувствуя, что совсем измотал себя с Марденом и что надо попытаться еще с кем-нибудь.

Он вызвал по радио Чиннара и попросил его

спуститься. Несмотря на свое ощущение срочной необходимости, он осторожно предложил варвару подождать до полуночи следующего вечера. В эту ночь Клэйн спал несколько спокойнее, но проснулся на рассвете. Он провел день на складном стуле, анализируя возможности положения. Это был один из самых длинных дней его жизни.

Чиннар опустился незадолго до сумерек. Он привел с собой двух своих секретарей и молча выслушал отчет Клэйна.

Мутант был занят своим и только через несколько минут заметил насмешливое выражение лица предводителя варваров. Чиннар сказал:

— Ваше превосходительство, вы предлагаете обмануть этого внешнего?

Клэйн был все еще сосредоточен на собственных целях. Он начал:

— Дело в том, что следует принять во внимание некоторые вещи, которые уже произошли, и простой характер Мард…

Чиннар перебил его:

— Совершенно точно. Я одобряю ваш анализ. Я считаю, что эта мысль превосходна. — Чуть-чуть мотнул головой, отвергая циничный подтекст этой похвалы. Но Клэйн был поражен.

Почти двадцать четыре часа он составлял схему

сегодняшней беседы. И ему ни разу не пришло в голову, что он играет свою старую, хитрую роль. В том, что он задумал, была хитрость, основанная на четком понимании трудности общения с этими внешними. Основанная также на его убеждении, что времени терять было нельзя.

— Приступим? — спросил Чиннар.

Клэйн молча пошел вперед. Он решил не стыдиться того, что ему не удалось жить по идеалам, что он считал просто необходимым для окончательного успеха. В конце концов он действовал в новом окружении.

Но этого больше не должно случиться.

Марден принял их любезно. Глаза его немного расширились, когда он услышал удивительный золотистый голос Чиннара, и в дальнейшем, когда говорил предводитель варваров, он слушал его с глубоким уважением. Такая реакция соответствовала задумке Клэйна. Одной из личных проблем его на Земле было то, что он был хрупкого телосложения и что из-за определенных отличий в его физическом строении, вызванных мутацией, он носил серую маскирующую одежду служителя атомных богов. Та сила, которую он показывал, была интеллектуальной, а это не впечатляло людей, пока до них не доходило, что

за этим кроется. Что всегда требовало времени.

За весь вечер Марден ни разу, даже косвенно, не намекнул, что его собеседник задает глупые вопросы.

Чиннар начал с похвалы обеим планетам и их народам. Он назвал Внешнюю и Внутреннюю двумя примерами Рая. Он расхваливал их экономическую систему. Народ был чудесный, самый цивилизованный, какой он когда-либо встречал. Здесь все делается так, как и должно делаться. Здесь живут так, как люди мечтают жить. Здесь разум вознесен на самую вершину мудрости.

Клэйн мрачно слушал. Он был вынужден признать, что это хорошо сделано. Чиннар говорил с селянином, словно он был первобытным дикарем. Здесь, казалось, не было никаких сомнений. Селянин воспринимал каждое слово восхваления с видимым удовольствием.

Чиннар говорил:

— Мы, как дети, у твоих ног, Марден, жадные до знания, почтительные, в нетерпении перед долгим восхождением к высотам, где ты и люди планет-близнецов живете в восхитительной гармонии, Мы представляем себе, что цель, возможно, недостижима при нашей собственной жизни. Но мы надеемся, что наши дети разделят

совершенство с вашими детьми. Может быть, ты уделишь нам немного своего времени сегодня вечером — расскажешь нам по своему усмотрению немного из того, во что вы верите, о мыслях, которые проходят в твоей голове, надеждах, которые у вас есть. Скажи нам, есть ли у вас национальный символ, флаг, какое-нибудь растение, герб?

Он замолчал и резко сел на пол, знаком предложив секретарям и Клэйну сделать то же самое. Это было неотрепетированное действие, но Клэйн с готовностью последовал его примеру. Чиннар продолжил.

— Пока ты отдыхаешь в этом кресле, мы будем сидеть у твоих ног и почтительно слушать.

Марден подошел и сел. Он плавно поерзал, а затем, словно вдруг пришел к какому-то решению, откинулся на подушки. Он был явно озадачен той ролью, которую ему навязали, но было очевидно, что видел причины на то, чтобы ее принять.

— Я не думал об этом раньше, — сказал он, — но это правда, теперь я вижу.

Он добавил.

— Я не совсем понимаю, что вы подразумеваете под «флагом» или растениями как национальным символом. Я немного улавливаю идею, но… — он помялся.

Чиннар сказал:

— У вас есть время года?

— Да.

— Здесь есть периоды, когда цветут деревья и растения, и периоды, когда падают листья?

— Это происходит с некоторыми из них.

— У вас есть сезон дождей?

— Да.

— Как вы его называете?

— Зима.

— Вы отмечаете приход дождей?

Лицо Мардена просветлело от понимания.

— О, нет. Его окончание, не начало. Появление первого хлородела где-нибудь на планетах. Тогда у нас танцы и празднество.

Чиннар небрежно кивнул.

— Это старый обычай или новый? — он добавил, — Все это может казаться тебе неважным, но мы стремимся ухватить дух вашего идиллического существования.

— Это очень старый обычай, — сказал Марден. Он с сожалением пожал плечами. — Но у нас нет ничего из того, что вы упомянули. Никаких национальных символов.

Вечер продолжался, сидящий, казалось, не осознавал, что фактически отвечал на вопросы. Он

принял обычай как само собой разумеющееся. Для него это были не символы. Таково положение вещей. Все это было таким естественным. Возможность того, что у других народов могли быть другие обычаи, не приходило ему в голову.

Итак, было установлено, что символом жизни на Внешней и Внутренней был розовый хлорный цветок, хлородел. Что каждый год люди посещали подземные пещеры. Что они ставили маленький квадратный ящичек на стол, когда ели, и стучали по нему, когда насыщались. Что они всегда отдавали лишние продукты Риссам.

Один выявившийся момент был особенно интересным. Здесь были старые, захороненные города, как признал Марден. Или, вернее, руины городов. Прошли уже годы с тех пор, как в них было найдено что-то важное.

Чиннар осторожно увел разговор на несколько секунд в сторону, а затем вопросительно посмотрел на Клэйна. Это тоже было частью их предварительной договоренности. Клэйн кивнул.

Предводитель варваров поднялся. Он поклонился селянину.

— О, благородный человек Внешней, мы хотим попросить тебя об одной огромной услуге. Не пе-

ренес бы ты нас вашим удивительным способом в такой город, где сейчас светит солнце?

— Сейчас? — спросил Марден. Голос его был небрежен. Было непохоже, что он против этой идеи.

— Нам не нужно оставаться там долго, мы просто хотим посмотреть.

Марден встал. Он в задумчивости хмурился.

— Позвольте подумать — который город? А, знаю, где корабль.

Клэйн напрягся, сам не зная от чего. Было досадно осознавать, что ему было немного тревожно. А затем…

Впоследствии он пытался анализировать, что происходит. Была какая-то вспышка, свет вокруг. Он исчез так быстро, что Клэйн ничего не успел понять. А затем вокруг была дневная яркость. Почти прямо над головой висело голубое солнце планет-близнецов.

Они стояли посреди груды разбитых камней и искореженного металла. Насколько мог видеть глаз, повсюду росли деревья и кустарники. Пока Клэйн наблюдал, следил — это была его роль, притворяться подчиненным — Чиннар подошел к куску бетонного столба и пнул толстый кусок дерева, лежавший на земле.

Тяжелый сапог вызвал густой звук в этой тишине. Но деревяшка не сдвинулась с места. Она была прочно заделана в землю.

Чиннар вернулся к Мардену.

— В последнее время в этом или других городах что-нибудь раскапывали?

Марден был удивлен.

— А зачем нужно копаться в таком хламе, как это?

— Конечно, — быстро проговорил Чиннар. Он колебался. Он, казалось, хотел уже сказать что-то еще, но вдруг как-то странно застыл. Его голова резко откинулась назад. Клэйн проследил за взглядом и удивился, увидев над головой «Солнечную Звезду».

То есть на какую-то долго мгновения он подумал, что это был их собственный корабль.

Истина дошла до него. Он сказал:

— Риссы!

Откуда-то рядом Марден мягко сказал:

— О, да, я подумал, что, может быть, вам будет интересно увидеть это, потому я и привел вас в этот город. Риссы очень заинтересовались, когда мы рассказали им, что вы здесь в корабле, похожем на их. Они решили прилететь на Внешнюю, чтобы посмотреть. В вашем отношении я

почувствовал — мне показалось, вам может быть захочется первыми увидеть их корабль.

Был такой момент, когда даже Клэйн растерялся. Чиннар заговорил первым. Он спокойно повернулся к внешнему.

— Мы согласны с твоим суждением о бесполезности дальнейшего осмотра этих руин. Давайте вернемся в твой дом.

Клэйн в последний раз мельком взглянул на боевой корабль Риссов. Он исчезал в дымке под восточным горизонтом.

Он предполагал, что этот корабль безошибочно направлялся к «Солнечной Звезде».

16

Как и перед путешествием из дома Мардена к руинам древнего города, Клэйн бессознательно напрягся и перед обратным путешествием. Снова был вспыхнувший шар света. На этот раз перенос показался даже скоротечней, чем прежде.

Потом они были в комнате Мардена. В дверях Клэйн, последним покидавший дом, помедлил. Он спросил:

— Марден, интересно, почему вы сказали Риссам, что мы здесь?

Марден, казалось, был удивлен, затем на лице его появилось знакомое выражение: «Еще один дурацкий вопрос». Он сказал:

— Рано или поздно они спрашивают нас, происходит ли что-нибудь. Естественно, мы им рассказываем.

Клэйн сказал:

— Они говорят на вашем языке или вы говорите на их?

Внешний засмеялся.

— Ты все говоришь о языке, — сказал он и пожал плечами. — Мы и Риссы понимаем друг друга, вот и все.

Остальные уходили в темноту. Чиннар задержался и оглядывался назад. Клэйн оставался на месте.

— Вы поднимаетесь на корабль Риссов или они спускаются на землю? — спросил он.

Он напряженно ждал. В голове его была цель, которая дрожала от хитрости, но он был слишком зол, чтобы стыдиться. Поступок внешних, то, что они рассказали Риссам о присутствии «Солнечной Звезды», потряс его. Это определило рисунок его беспощадного плана.

Марден сказал:

— Мы поднимаемся на борт. У них есть какая-то круглая штука, которую они наводят на нас, и тогда это безопасно.

Клэйн осторожно спросил:

— На сколько людей наводили эту штуку?

— О, на несколько сот, — он стал закрывать дверь.

— Пора ложиться, — сказал он.

Клэйн стал остывать. Ему пришло в голову, что всю эту проблему нужно продумать до конца, возможно, он поспешно осудил этих людей.

Несколько минут спустя он был на спасательном корабле, направляясь назад к своему отсеку на «Солнечной Звезде». Вскоре корабль уже

двигался под резким наклоном в глубокую тень ночной стороны Внешней.

Из штаба Чиннара прибыл посыльный.

— Великий Чиннар просит о встрече.

Клэйн медленно сказал:

— Скажите его превосходительству, что я хотел бы, чтобы он подготовил письменное изложение того, что мы узнали от Мардена.

Немного позже. Он уже готовился ложиться, когда прибыл второй посыльный с письменной просьбой.

«Уважаемый лорд Клэйн.

Пора обсудить наш следующий шаг.

Чиннар».

Беда была в том, что у него не было никаких планов. Здесь был огромный секрет, но его нельзя было получить ни одним из тех способов, которые он мог придумать.

Люди планет-близнецов могли, возможно, спасти расу. И тем не менее он был уже убежден, что они не будут спасать.

Они отказывались понять, что существовала такая проблема. Если на них нажать посильней, они сердились и нервничали, как человек, основные позиции и отношения которого подвергались нападкам. Невозможно было принудить

их. Их способ перемещения сводил к нулю все старые методы убеждения угрозой и силой. Значит, оставалась хитрость.

Что вернуло его к его первой мысли: реальных планов не было. Он написал:

«Ваше превосходительство.

Я бы хотел отложить это дело до утра.

Клэйн».

Он запечатал его, отдал посыльному и лег спать. Сначала он не мог уснуть. Он все метался и ворочался, а когда после долгих мучений задремал, то тут же, вздрогнув, проснулся. Его совесть грузом давила на него. Этот полет был неудачен. Ни Марден, ни его соотечественники не могли даже понять, что требовалось. Что особенно сбивало с толка, потому что, судя по всему, они могли читать мысли.

Наконец он заснул. Утром он продиктовал записку Чиннару.

«Ваше превосходительство.

Я считаю, что нам следует обменяться взглядами и информацией прежде, чем мы встретимся для обсуждения будущих планов.

Клэйн».

Ответом на это было:

«Уважаемый лорд Клэйн.

У меня такое ощущение, что вы избегаете этого обсуждения, потому что у вас нет планов. Тем не менее, так как было проделано длительное путешествие, давайте обязательно рассмотрим все возможности. Не могли бы вы обозначить для меня сведения, которые мы, по вашему мнению, получили?

Чиннар».

«Уважаемый Чиннар.

Хлородел — это «национальный» цветок, потому что он выделяет газ, из-за которого Риссы не могут дышать этим воздухом.

Упоминание о постукивании по ящику в центре стола, когда они не голодны, — обычай, который берет, возможно, начало в периоде радиоактивности после большой войны. Маленький ящик был детектором, и, должно быть, они очень часто голодали, потому что прибор показывал, что пища радиоактивна.

Ежегодное посещение пещер происходит из этого же периода.

Они дают Риссам излишки продуктов, не помня, что это, должно быть, началось как форма дани завоевателю. В этой связи я бы сказал, что только определенные продукты могут употребляться Риссами из-за их несколько отличного

химического состава.

Клэйн».

«Ваше превосходительство.

Вы серьезно полагаете, что хлородел может создать атмосферу, в которой Риссы не могут дышать? Тогда мы получили свой ответ. Нам не нужно искать дальше. Давайте скорее вернемся в Солнечную систему и рассадим этот цветок, пока его запах не растворится в каждой капельке воздуха, на каждой пригодной для обитания планете или спутнике.

Чиннар».

Клэйн вздохнул, когда прочитал это. Проблема вождя варваров, невероятного прагматика, оставалась столь же трудной для решения, как и все другие.

Он ел завтрак, пока обдумывал свой ответ. Он опустил корабль ближе к атмосфере планеты и провел около часа в поисках корабля Риссов. Без успеха. К тому времени, когда он с удовлетворением убедился, что вблизи от деревни Мардена его не было, от Чиннара пришла еще одна записка.

«Уважаемый лорд Клэйн.

То, что вы не смогли ответить на мое последнее письмо, указывает, что вы не принимаете то, что кроется за вашим открытием о хлороделе.

Давайте сразу же встретимся и обсудим всю эту проблему.

Чиннар».

Клэйн написал:

«Уважаемый Чиннар.

Мне очень жаль видеть, как вы кидаетесь к решению, которое в более широком смысле может и не иметь значения. Борьба между Риссами и людьми не будет разрешена использованием какого-то защитного газа. Если Риссы когда-либо посчитают, что против них проводится кампания по отравлению атмосфер планет, они примут контрмеры. Они могли бы применить радиоактивные яды в планетном масштабе или какой-нибудь другой газ, также неблагоприятный для человека, как хлородел кажется неблагоприятным для Риссов.

То, что давным-давно Близнецы Внешняя и Внутренняя защитили себя таким образом, ничего не решает, это факт не решающий, не убедительный. Риссы могли допустить подобные действия. Особенно во время неразберихи, которая была под конец войны между Риссами и людьми. К тому времени, когда они обнаружили, что сделали люди Близнецов, ограниченный характер этого действия был очевиден. Соответ-

ственно Риссы захотят все исследовать. Даже в таком виде, как было, они, должно быть, грозили чем-то страшным, раз было сделано соглашение о дани.

Я повторяю, это не окончательный ответ. Далеко нет. Я серьезно считаю, что это будет сигналом для попытки разрушить Солнечную систему.

Клэйн».

«Уважаемый лорд Клэйн.

Я поражен вашим чисто интеллектуальным подходом к этим вопросам. Мы защищаем свои планеты всеми, любыми средствами, имеющимися в нашем распоряжении. Давайте немедленно встретимся, чтобы обсудить единственный открытый сейчас для нас путь: вернуться на Землю с полным кораблем хлородела для пересадки.

Чиннар».

«Уважаемый лорд Клэйн.

Я не получил никакого ответа на свое предложение, доставленное вам три часа назад. Пожалуйста, дайте о себе знать.

Чиннар».

«Уважаемый лорд Клэйн.

Я изумлен тем, что вы не ответили на мои две последние записки. Я, разумеется, понимаю, что у вас нет ответа, потому что какой еще может

быть наш шаг, кроме возвращения на Землю? Альтернативный путь будет означать продолжение наших безрассудных поисков в космосе еще одной планеты, населенной человеческими существами. Прав ли я в своем предположении, что та звездная карта, которая привела нас на Внешнюю, не показывает никаких других звезд, пригодных для обитания планет?

Чиннар».

«Уважаемый лорд Клэйн.

Эта ситуация становится уже нелепой. Ваш отказ отвечать на мои записки отражается на наших отношениях. Если вы не ответите на это письмо, я откажусь от дальнейших контактов с вами.

Чиннар».

Лорд Клэйн увидел эту записку, как и предыдущие, некоторое время спустя. Он еще раз навещал Мардена.

Беседа началась неудовлетворительно. Место было плохое. Марден был занят, собирая плоды, когда Клэйн остановился под деревом, где он работал. Он посмотрел вниз и явно выказал раздражение из-за «дурака», который уже так долго надоедал ему.

Он сказал ему:

— Корабль Риссов подождал около часа, затем пошел дальше. Я вижу это вас радует.

Это действительно радовало. Клэйн спокойно сказал:

— После наших неприятностей с Риссами у нас нет желания встречаться с ними. По нашему мнению, они бы напали на нас, как только увидели бы.

Марден продолжал собирать плоды.

— У нас не было неприятностей с Риссами никогда.

Клэйн сказал:

— А с чего вам? Вы даете им все, чем владеете.

Марден, очевидно, как-то думал о предыдущем разговоре на эту тему. Он холодно сказал:

— Мы не таим от других то, что не нужно самим. — говорил он резко.

Клэйн спокойно сказал:

— До тех пор, пока вы сдерживаете рост населения, ничего не знаете из науки и платите дань, вас оставят в покое. Все это при условии, что не пропадет хлородел. В противном случае Риссы бы высадились, и вы бы узнали, чего стоила их дружба.

Это было предостережение. Он делал его, потому что этим мыслям пора было распространяться

среди этих людей. Тем не менее Клэйн быстро переменил тему.

— Почему ты не сказал нам, что вы умеете читать мысли? — спросил он.

— Вы не спрашивали, — сказал Марден. — Кроме того…

— Кроме того, что?

— С вами не очень хорошо получается. Вы, люди, не думаете ясно.

— Ты имеешь в виду, мы думаем по-другому?

Марден отмахнулся.

— Думают только одним способом, — сказал он нетерпеливо. — Я нахожу, что с вами легче пользоваться устной речью, и нужное слово, когда по-другому я не могу его найти, искать в вашем мозгу. Все, кто имел с вами дело, чувствуют то же самое. — Он, кажется, посчитал, что объяснил вопрос.

Клэйн сказал:

— На самом деле вы не говорите на нашем языке? Вы узнаете его, получая некоторые из наших мыслей, когда мы говорим?

— Да.

Клэйн кивнул. Многие вещи становились гораздо понятнее. Это была человеческая колония, которая достигла новых высот научного развития

много после того, как прервалась связь между Землей и Внешней. Причины их последующего упадка были, вероятно, сложными. Разрыв торговли с другими планетами, населенными людьми. Разрушение десятков тысяч их собственных фабрик. Невосполнимые потери в рядах их техников. Страшное давление угроз со стороны Риссов. Все это неумолимо добавлялось к нынешнему застойному состоянию.

Клэйн сказал:

— Это чтение мыслей имеет какое-либо отношение к вашему способу перемещения?

Марден, казалось, был удивлен.

— Как же, конечно. Этому учатся в одно время, хотя это требует большего времени.

Он слез с дерева, держа ведро.

— Все это время, пока ты говорил, в подсознании у тебя был один вопрос. Это твоя основная причина этого посещения. Я не совсем могу разобрать, но если ты его задашь, я отвечу, как могу, а затем могу пойти обедать.

Клэйн вытащил свою звездную карту.

— Ты когда-нибудь видел такое?

Марден улыбнулся.

— Ночью я гляжу в небо и вижу это там.

— А кроме этого?

— Я видел редкие мысли о таких картах у Риссов.

Клэйн протянул ему карту.

— Вот ваше солнце, — сказал он. Он показал. Затем опустил палец. — А вот наше. Ты можешь использовать знание в моем мозге о таких вещах, чтобы сориентироваться по этой карте и показать мне, где находится ближайшее солнце Риссов?

Последовало долгое молчание. Марден изучал карту.

— Трудно, — вздохнул он. — Но я думаю, вот это.

Клэйн отметил его дрожащими пальцами, затем хрипло сказал:

— Марден, как можешь точно. Если ты ошибся, а мы отправимся туда, то потеряем полгода или больше. Могут умереть миллионы людей.

— Или эта, или эта, — сказал Марден. Он показал на звезду в дюйме от предыдущей.

Клэйн помотал головой.

— Та в ста световых лет, а эта около двадцати.

— Тогда ближняя. У меня нет впечатления, что расстояние очень большое.

— Спасибо, — сказал Клэйн. — Извини за такое беспокойство.

Марден пожал плечами.

— До свидания, — сказал Клэйн.

Он повернулся и направился к спасательному судну.

17

Вернувшись на корабль, он прочел письма Чиннара с грустным ощущением, что впереди новые беды. Он съел обед, а затем, собравшись, пригласил разозленного варвара на совещание.

В свое письмо он вставил извинение. Он объяснил, где он был, хотя без указания цели посещения Мардена.

Этот отчет он приберег на то время, когда Чиннар и он остались одни. Когда он закончил, Чиннар сидел некоторое время, не говоря ни слова. Он казался невероятно сбитым с толку. Наконец он мягко сказал:

— Вы не верите в хлородел?

Клэйн сказал:

— Я вижу его как оружие на самый крайний случай. Нам нельзя использовать его до тех пор, пока мы совершенно точно не поймем все возможные последствия.

Чиннар вздохнул.

— То, что вы представили хлородел как оружие, убедило меня в том, что это путешествие в конце концов имело смысл. Теперь же вы от этого сами отказываетесь и предлагаете посетить планеты

какой-то другой звезды.

Он поднял руку, словно собирался каким-то жестом сделать свой протест более эффектным. Казалось, он понял тщетность этого, потому что заговорил снова.

— Признаюсь: меня это обескураживает. На что вы надеетесь, отправляясь на планету Риссов?

Клэйн серьезно сказал:

— Если Марден прав, на это у нас уйдет три месяца. Фактически звезда Риссов находится почти, хотя и не совсем, так же близко от Земли, как и эта. — Он помолчал. Ему была очень нужна моральная поддержка для этого путешествия. Он продолжил: — Я честно считаю нашим долгом исследовать потенциальные возможности контрмер против смертельного врага человека. Эта война не будет выиграна обороной.

Он видел, что Чиннар смотрит прямо на него. Варвар сказал:

— Если Марден прав — вот эта чертова фраза, — он помотал головой в видимом отчаянии. — Сдаюсь. Любой, кто прикажет такому огромному и важному кораблю, как этот, отправиться в путь на основании воспоминаний Мардена о том, что он увидел в мыслях Рисса…

Он умолк.

— Конечно же, на борту «Солнечной Звезды» должны быть карты.

Клэйн колебался. Это был его больной вопрос. Он осторожно сказал:

— Когда мы захватили корабль, произошел несчастный случай. Все тогда хотели многое узнать, и один из людей забрел в комнату с картами. Вы можете догадаться об остальном?

— Они установили электрические ловушки для посторонних.

— Конечно, он был убит, — кивнул головой Клэйн.

— Это был урок для всех нас. Я обнаружил, что обо всем основном управлении и о механических отделах позаботились таким же образом. Мы использовали осужденных рабов для выполнения опасных работ, пообещав им в случае успеха свободу. Результат: только лишь один еще случай.

— Что это было? — заинтересовался Чиннар.

— Межзвездный телевизионный коммутатор, — ответил Клэйн. Он замолк. — Я точно так же, как и вы, согласен, что нам приходится делать свой очередной шаг на основании воспоминаний Мардена.

Он поколебался, потом сказал свою просьбу:

— Чиннар, — произнес он медленно, — хотя

я, очевидно, игнорировал ваше мнение об этом путешествии, я все таки отношусь к нему с уважением. Я искренне считаю, что вы чересчур узко практичны. Вы зациклены на Солнечной системе. Мне кажется, вы не понимаете, насколько вы сильно думаете о ней как о доме, который надо защищать до смерти. Но неважно. То, что я должен сказать вам, уже больше не основывается строго на логике и даже на том, в согласии мы или нет. Я прошу вашей поддержки, потому что, во-первых, что бы там ни было, я командир этого корабля, во-вторых, если мы все-таки отправимся на какую-либо планету Риссов, я намерен подвергнуть всех нас огромному риску — это потребует вашего полнейшего сотрудничества, в-третьих, несмотря на все ваши сомнения, вы сами чувствуете, что открытие хлородела пока что частично оправдывает это путешествие. Я не согласен с этим, но, по крайней мере, это показывает, что здесь есть тайны, которые нужно разгадать. — Он тихо закончил: — Вот все, что я хотел сказать. Каков ваш ответ?

Чиннар сказал:

— Во время нашего обсуждения ни вы, ни я не сослались на способ внешних для перемещения. Каковы причины того, что вы о нем не

упомянули? Разве вы не думаете, что в нем есть ценность?

Мысли, которые были у Клэйна по этому вопросу, заставили его на мгновение задержаться с ответом. Наконец он сказал:

— Это было бы огромное преимущество, но я не могу считать это чем-то решающим — так это видится сейчас. Кроме того, мы не можем получить его.

Он рассказал об условиях, которые он прилагал, и о невозможности получить этот секрет, тайну от обитателей. Он закончил:

— У меня действительно есть план поэтому. Идея моя в том, чтобы оставить здесь молодые пары. У которых во время поездки родились дети. У них будут инструкции сделать так, чтобы их дети воспитывались внешними. На это потребуется девять лет.

— Понятно, — Чиннар нахмурившись посмотрел на пол, наконец поднялся. — Если понадобится воевать, когда мы доберемся до планеты Риссов, позовите меня. Это то, что вы подразумеваете под поддержкой?

Клэйн тускло улыбнулся и тоже встал.

— Думаю, да, — сказал он.

Лорд Клэйн Линн медленно прошел к комнате

управления оружием после расставания с Чиннаром. Он долго сидел в одном из огромнейших кресел управления, лениво управляя прибором обозрения. Наконец он покачал головой. Неприятно было то, что сомнения Чиннара по поводу принятия решения на основании слов Мардена убедили его. Все равно такую поездку нужно было совершить, но не на таком хрупком основании.

К сожалению, единственная другая мысль, которая была у него, была настолько дикой — и опасной — что он до сих пор никому о ней не сказал. Даже Чиннар не предложил нападения на боевой корабль Риссов.

Прошло шесть часов. А затем прибыло послание от предводителя варваров.

«Уважаемый лорд Клэйн.

Корабль не вышел на ускорение. В чем дело? Если мы собираемся в это путешествие, мы должны быть в пути.

Чиннар».

Клэйн покусал губы. Он не стал отвечать на письмо сразу же, но его появление укрепило его в необходимости какого-то решения.

«По крайней мере, — подумал он, — я мог бы снова спуститься и повидать Мардена».

Было уже темно, когда он приземлился в селе-

нии. Марден открыл дверь с неохотой человека, который заранее знал, кто его посетил, и которому это было неинтересно.

— Я думал, вы уходите, — сказал он.

— У меня есть просьба об одолжении, — сказал Клэйн.

Марден смотрел в щель двери.

— Нам, видимо, придется пойти на соглашение с Риссами, — сказал Клэйн. — Как ты думаешь, один из ваших — тех, кому позволяется зайти на борт корабля Риссов — согласился бы помочь моим эмиссарам встретиться с Риссами?

Марден засмеялся как над доверительной шуткой.

— О, да, Гайлан согласится.

— Гайлан?

— Когда он узнал о вражде между вами и Риссами, он решил, что что-то нужно сделать, чтобы свести вас вместе. — Тон Мардена говорил о том, что Гайлан был немного наивен в таких вещах. Он закончил, — Я поговорю с ним об этом утром.

Клэйн настаивал:

— Почему не сейчас? — ему пришлось побороть свое нетерпение. — Все это очень серьезно, Марден. Может произойти большое сражение. Еще не совсем поздний вечер. Может, ты смог бы связать

его со мной немедленно?

Он старался скрыть свое волнение. Был риск, что Марден поймет его истинные намерения. Он надеялся, что их сложность и механический аспект собьют подозрения внешнего. Он видел, что тот, казалось, сомневался.

— Здесь что-то о ваших целях… — начал Марден. Он помотал головой. — Ну так ведь вы никогда честно не думаете, так ведь? — казалось, он разговаривал сам с собой. — Это ваш страх, — задумчиво произнес он вслух. И снова не закончил предложение. — Минуточку, — сказал он.

Он исчез в доме. Прошла не одна, а несколько минут. Затем он подошел к двери с высоким худым мужчиной с мягким лицом.

— Это Гайлан, — сказал он. И добавил: — Спокойной ночи. — Он закрыл дверь.

Битва началась в предрассветные часы. Клэйн сидел в комнате в глубине комнаты управления оружием. С этого наблюдательного пункта на пластинах обозрения ему была видна вся картина.

Высоко на «переднем» экране был четко виден боевой корабль Риссов. Подобный чудовищной торпеде, он вырисовывался на фоне темного неба Внешней.

Все пластины были на инфракрасном излуче-

нии, и видимость была поразительно четкой.

Кто-то потянул Клэйна за руку. Это был Гайлан.

— Пора? — взволнованно спросил внешний.

Клэйн поколебался и взглянул на тридцать добровольцев, ожидающих в коридоре. Они тренировались, готовились часами, и сейчас была опасность перенапряжения. У них были свои инструкции. Все, что ему нужно было сделать, это дать сигнал. Его колебания закончились.

— Хорошо, Гайлан, — сказал он.

Он не обернулся, чтобы увидеть, какова была реакция, а коснулся кнопки, которая зажгла лампочку перед человеком, управляющим молекулярным оружием. Офицер помедлив, навел прицел, а затем нажал на спуск.

Он держал прицел твердо.

По всей длине вражеского боевого корабля прошла полоса огня. Эффект превзошел все ожидания Клэйна. Пламя лизало высоко, ярко. Ночь ожила сверкающим бешенством этого огромного костра. Темная земля внизу искрилась в отраженном блеске.

А ответного огня все еще не было. Клэйн украдкой глянул в сторону коридора, где ждали добровольцы. Он был пуст.

Какой-то крик вернул его взгляд к кораблю Риссов.

— Он падает! — кричал кто-то.

В самом деле, медленно и величественно, один конец корабля уходил вниз, а другой задирался вверх. Он сделал полный кувырок в первые пять миль своего падения, а затем стал вращаться быстрее. Человек, работающий с экраном, на котором он был виден, на несколько секунд потерял его из виду. Когда он снова навел на него, он уже был на десять миль ближе к земле и продолжал падать.

Он ударился о землю с любопытным эффектом. Почва, казалось, была не твердой, а вела себя, словно жидкость. Корабль вошел в нее примерно в треть своей длины.

Это было единственное свидетельство того, каким невероятным был удар.

Офицеры разразились бурными криками. Клэйн ничего не сказал. Он тоже был взволнован, но к массовому энтузиазму органически не мог присоединиться. Краем глаза он заметил какое-то движение. Он повернулся. Это был Гайлан.

У внешнего было страдающее выражение лица.

— Вы поступили нечестно, — сказал он сразу,

как только смог сделать так, чтоб его услышали. — Я думал, что это должно было быть попыткой встретиться.

Это был момент ощущения вины, напомнивший об оставленных идеалах. Клэйн покачал головой. Ему было жаль внешнего, но он не извинялся.

— Мы вынуждены были приготовиться к атаке, — сказал он, — нельзя играть с существами, бомбившими земные города.

— Но это вы атаковали, — возразил Гайлан. — В тот же момент, когда я перенес ваших людей на борт, каждый побежал к какой-то машине и что-то взорвал.

— У Риссов есть другие корабли, — дипломатично сказал Клэйн. — Тысячи кораблей. У нас есть только этот. Чтобы заставить их говорить с нами, нам придется достать их там, откуда они не смогут уйти.

— Но они все погибли, — горестно сказал Гайлан. — При падении погибли все, кто был на борту.

Клэйн постарался сдержать свое торжество.

— Он действительно ударился об землю довольно сильно, — признал он.

Он понимал, что разговор ни к чему не при-

ведет.

— Послушай, Гайлан, все это дело ужасно, но ты смотришь на него слишком узко. Мы хотим вступить в контакт с Риссами. Пока что они нас не подпускали. Если ты заглянешь в мои мысли, ты увидишь, что это правда.

Гайлан сказал с несчастным видом:

— Я думаю, это так, но я не представлял, что вы собирались сделать. Что-то в твоих мыслях было, но…

Клэйн мог понять часть этого затруднения. Всю свою жизнь Гайлан принимал как должное то, что он знал, что происходит в головах других людей. Но он был не в состоянии представить, что тридцать человек могут атаковать гигантский боевой корабль с десятками мощных существ на борту. И что эта небольшая группа людей взорвет ловушки, которые Риссы сконструировали для защиты своих секретов на случай, если корабль когда-нибудь попадет в руки врага. Эта идея включала в себя понимание механики. Следовательно, это было за пределами возможностей Гайлана и его товарищей. Без достаточных знаний, без сложных ассоциаций их способность читать мысли в этой ситуации была для них бесполезной.

Клэйн видел, что тот был по-настоящему удручен. Он быстро сказал:

— Послушай, Гайлан, я хочу тебе что-то показать.

Гайлан хмуро сказал:

— Думаю, я лучше пойду домой.

— Это важно, — сказал Клэйн. Он мягко потянул его за рукав. Гайлан позволил подвести себя к «защитному» прибору. Клэйн показал на главный выключатель.

— Ты видел, как один из наших людей отключил это, сделав вот так?

Он взял прибор и глубоко воткнул его в гнездо. Щелкнув, тот встал в позицию.

Гайлан помотал головой.

— Нет, не помню.

Клэйн серьезно сказал:

— Нам нужно удостовериться в этом, — он объяснил, как работает «защита», и что любой внешний, побродивший рядом с кораблем, умрет. — Ты должен пройти на борт, Гайлан, и отключить это.

Гайлан удивленно сказал:

— Это та вещь, которой они защищали меня и других, кому разрешалось входить на корабль?

— Да, это она. Это она убивает все в радиусе

двух с половиной миль.

Гайлан нахмурился.

— Почему она не убила людей, которых я поднял на борт?

Клэйн тяжело сглотнул.

— Гайлан, — сказал он мягко, — ты когда-нибудь видел, как человек сгорает заживо?

— Я слышал об этом.

— Он умирал сразу же?

— Нет. Он бегал как безумный.

— Совершенно верно, — мрачно сказал Клэйн. — Гайлан, те добровольцы начали все поджигать собой, как только вступили на корабль. Но они погибли не сразу. Они погибали, выключая эту машину.

Это происходило не совсем так. Но было слишком трудно объяснить, что происходит с обменом веществ человеческого существа, когда температура в каждой клеточке его тела вдруг подскакивает до шестидесяти градусов.

Внешний с неловкостью сказал:

— Мне лучше поспешить. Может, кто-то ранен.

Он исчез. Это заставило Клэйна подпрыгнуть. Это было впервые, когда он действительно увидел, как это происходит, и ему стало жутковато. Вдруг Гайлан уже снова стоял рядом с ним.

— Выключил. — Он, казалось, успокоился.

Клэйн протянул ему руку.

— Гайлан, — тепло сказал он, — я хочу поблагодарить тебя.

Внешний пожал ему руку. Он, очевидно, все это время что-то обдумывал.

— Нет, — сказал он, — все это было нечестно. Вы обошлись с Риссами нечестно. — На его мягком лице появилось какое-то упрямое выражение. — Никогда больше не просите меня оказать вам еще одну услугу.

— Все равно спасибо.

Чуть позже Клэйн подумал: «Сначала я поднимусь на борт и достану карты, а потом…»

Ему пришлось бороться с огромным внутренним возбуждением. Он представил себе послание, которое он пошлет Чиннару прямо перед завтраком. Он вдруг не смог сдерживаться. Он сел и дрожащей рукой быстро написал:

«Дорогой Чиннар,

Вы будете рады узнать, что мы успешно провели операцию против вражеского боевого корабля. Наша победа включает захват его корабля и уничтожение всех Риссов на борту. Интересно отметить, что на захваченных картах ближайшая звезда Риссов совпадает с той, которую выбрал

Марден.

Клэйн».

Как оказалось, последнее предложение записки пришлось переписать прежде, чем послание было доставлено. Захваченные карты доказывали, что Марден ничего не знал про направления звезд. Солнце Риссов было в трех месяцах от них, но в совершенно противоположной стороне.

Через несколько дней «Солнечная Звезда» была в пути.

18

Первый крик мальчика слабо донесся до ушей Клэйна сквозь толстые двери спальни, Крик наэлектризовал его. Он уже приказал убавить ускорение до одной гравитации. Теперь он пошел в лабораторию, примыкавшую к пульту управления, намереваясь поработать. Но на него навалилась огромная усталость, Впервые он почувствовал, в каком напряжении он был все это время, как он устал. Он лег на койку и тотчас уснул.

Когда он проснулся, было утро. Он пошел в их с Маделиной апартаменты, и по его просьбе ему показали малыша. Он тщательно искал следы его собственных мутационных признаков, но никаких признаков ненормальности не было. Это его озадачило. Уже не в первый раз у него было ощущение разочарования. Он так мало знал в мире, где столько всего нужно было узнать.

Интересно, могло между ребенком и им самим быть какое-нибудь внутреннее сходство? Он надеялся, что было. Ибо он не сомневался в собственном величии. Его история показывала, что он был восприимчив, как немногие когда-либо

жившие. И он начинал подозревать, что он был еще и сверхнормально устойчив.

Ему надо будет следить за признаками того, что они оба — были другими.

За исключением его нормального состояния, внешний вид малыша не доставлял ему эстетического удовольствия. Он был почти так же страшен, как и дети, которых он имел несчастье видеть, и он был изумлен, когда нянька пропела:

— Такой прелестный ребенок!

Клэйн полагал, что он может превратиться в красивого человека, так как Маделина была чрезвычайно красивой девушкой. Внешняя нормальность ребенка доказывала, что ее часть будет физически преобладающей.

Взглянув на ребенка еще раз, когда его заворачивали после купания, Клэйн загрустил. Все это время он переживал, что могли быть мутационные изменения, и был счастлив, что их не было. Но он уже представлял, как ребенок будет стыдиться своего отца.

Эта мысль оборвалась, когда из спальни пришла сиделка и сказала ему, что Маделина не спит и спрашивает его. Он нашел ее веселой и полной планов.

— Ты знаешь, — сказала она, — я никогда

прежде не представляла, какие удивительно внимательные люди окружают нас. Эти женщины были со мной изумительны.

Он задумчиво смотрел на нее, пока она говорила. За время долгого путешествия Маделина прошла глубокую психологическую перестройку. Однажды произошел случай с наемником Лилидел, который каким-то способом пробрался на корабль под видом солдата. Предполагаемый убийца никогда не догадывался, сколь безнадежна была его цель. Приблизившись к их апартаментам, он автоматически включил тревогу; и тогда Клэйн специально пригласил Маделину присутствовать при его смерти. Отчаянное желание этого человека жить чрезвычайно подействовало на нее. С этого момента она перестала говорить о смерти как о чем-то, что она могла взять или оставить.

Он слушал сейчас, радуясь Произошедшей перемене, когда она хвалила нескольких слуг индивидуально. Она внезапно замолчала.

— О, я почти забыла. Ты же знаешь, как нам было тяжело решить, как его назвать — так вот, мне приснилось: Брейден. Только подумай — Брейден Линн.

Клэйн согласился на это имя после минутного

колебания. Имя ребенка должно быть индивидуальным, чтобы выделять его из других в его линии. Разумеется, будет еще целая вереница вторых имен, в честь знаменитых людей обеих семей. Это был старый обычай, и обычай, который он одобрял — такое большое число имен. Это напоминало носителю историю его рода. Это приносило ощущение непрерывной жизни и давало гордому обладателю чувство сопринадлежности, желание поступить так же или лучше, чем его тезка. Даже он, у которого было так много физических причин, чтобы не иметь такого ощущения сопринадлежности, чувствовал давление многих имен, которыми его наградили в час его крещения.

Полное имя, данное в конце концов новорожденному, было Брейден Джеррин Гарлан Джоквин Доунд Коргей Линн.

Через две недели после рождения Брейдена «Солнечная Звезда» прибыла к своему второму месту назначения в космосе.

Клэйн проворно вошел в комнату для совещаний. Теперь, наконец-то, не было причин для внутренних конфликтов. В темноте перед ними уже светилась вражеская планета.

Пора было приготовиться к действию.

Сначала он сказал свою заготовленную речь, подчеркивая ценность отваги. Пока он говорил, его глаза изучали лица людей, ища признаки недовольства. Он не думал, что его будет слишком много. Это были серьезные люди, осознающие реальность их миссии.

Некоторые из них, как он видел, казались озадаченными направлением его разговора. Было время, когда он уступил бы этому накапливающемуся нетерпению. Теперь нет. Во всякой великой цели лидер должен сначала вызвать эмоциональное отношение, необходимое для успеха. В прошлом он считал солдатскую храбрость само собой разумеющимся делом. Это так, солдаты действительно храбры, но только если им об этом постоянно напоминать.

Завершив свою хвалу их храбрости, он с жаром пустился в объяснение своей цели. Он еще не дошел и до середины, когда стал замечать реакцию.

Офицеры, варвары точно так же, как и линнцы, были почти одинаково бледны. Только Чиннар хмурился с неожиданно задумчивым видом, глаза его оценивающе прищурились.

— Но, ваше превосходительство, — запротестовал один из линнцев, — это планета Риссов. У них

будут сотни кораблей на наш один.

Клэйн держался хладнокровно. Такое бывало уже много раз, когда он понимал, что только он до конца продумал ситуацию как целое. Он мягко сказал:

— Господа, я надеюсь мы все согласны с тем, что этот корабль и те, кто на борту, должны идти на риск в пределах здравого смысла.

— Да, но это безумие. — Это был генерал Марак, теперь личный секретарь Клэйна. — Как только они обнаружат нас… — он замолчал, словно его поразила какая-то новая мысль. Он сказал: — Или вы ожидаете, что нас не обнаружат?

Клэйн улыбнулся.

— Мы позаботимся, чтобы обнаружили. Мой план: высадить большую часть, — он поднялся и прикусил губу, он почти что произнес «варварской», затем продолжал, — Европейской армии и захватить плацдарм.

На лицах варварских офицеров появилось тоскливое выражение, и почти каждый из них выглядел напуганным. И снова исключением был Чиннар. Клэйн чувствовал, что предводитель варваров наблюдает за ним горящими глазами, в которых появились проблески понимания. Клэйн поднялся.

— Господа, — упрекнул он, — воздержитесь от того, чтобы смутить войска своим слишком очевидным смятением. Наш подход к этой проблеме логично обоснован. Космические корабли не уничтожаются в космосе. Они не могут даже поддерживать контакт друг с другом, когда те, кто на борту, находятся в дружеском расположении и прилагают все усилия, чтобы держаться вместе. Так что вы можете быть уверены, что Риссы не свяжутся с нами, пока мы продолжаем движение.

Что касается высадки, это старейшая реальность вечной истории, что плацдарм всегда можно захватить и некоторое время удерживать. И еще никто никогда не придумал способа помешать армии высадиться на какой-либо планете.

Он внезапно замолчал.

— Но теперь достаточно споров. У нас есть своя цель. Сейчас мы подходим к тому, что является более важным, к сложным деталям достижения этой цели.

Он объяснил свои собственные идеи, а затем, прежде чем открыть общую дискуссию, закончил:

— Во всем мы должны следовать правилу обдуманного риска. Мы должны все время отдавать

себе отчет, что будут жертвы. Но, по моему мнению, ни один план не может быть приемлемым, если не дает какой-то надежды на спасение большей части армии, взявшей плацдарм.

Чиннар был первым, кто поднялся.

— Какова, — спросил он, — точная цель высадки?

— Посмотреть, какую реакцию она вызовет, насколько сильна эта реакция, как они наносят удар, каким оружием, короче, как Риссы планируют защищать свою планету?

— Разве не может быть так, — спросил Чиннар, — что эти сведения были известны древним людям, сражавшимися в великой войне между Риссами и людьми?

— Возможно. — Клэйн колебался, не будучи уверенным, настал ли момент обнародовать свою собственную оценку этой прошедшей войны и ее ведения. В конце концов он решил, что нет. Он сказал. — Я не нашел письменных книг о самой войне как таковой, так что не могу ответить на ваш вопрос.

Чиннар твердо, спокойно смотрел на него несколько секунд, а затем закончил:

— Естественно, я за высадку. Вот мои идеи по вашему плану.

На таком практическом уровне продолжалось обсуждение. Дальнейших возражений по самой высадке не было.

19

Они опустились на иссушенную, неровную холмистую поверхность того, что когда-то могло быть мертвым морем. Скальные образования пересекали эту неприятную, безводную местность. Воздух был разрежен, и утро прохладным, но к полудню уже стояла мучительная жара.

Люди ворчали, даже когда ставили палатки. Клэйн чувствовал на себе многозначительные хмурые взгляды, когда медленно пролетал на высоте в несколько футов. И с десяток раз, когда его корабль бесшумно поднимался над скалами, прежде чем занырнуть в очередную долину, до него доносились замечания здоровых мужчин, на чью отвагу можно было рассчитывать.

Он периодически приземлялся, чтобы осмотреть защитное устройство и устройство молекулярной энергии, которые он приказал установить в лагере. Это были те самые приборы, которые уничтожили всех членов экипажей, находившихся на борту линнских боевых кораблей во время атаки, которая и дала ему возможность захватить «Солнечную Звезду». Молекулярное оружие прожгло огромные дыры во втором

корабле Риссов. Он удостоверился, что каждое оружие установлено на максимальную мощность и продолжил полет.

В конце концов он встал рядом с Чинкаром, выглядывая в сторону унылого горизонта, Варвар молчал. Клэйн повернулся и отдал последние указания.

— Выслать группы налета. Если добудете пленных, доложить мне немедленно.

Чиннар потер подбородок.

— А если они сбросят на нас атомные бомбы?

Клэйн ответил не сразу. С холма ему были видны некоторые палатки. Большинство из них были укрыты в ложбинки позади искривлений скальных образований. Но тут и там он мог видеть тонкие, неровные линии. Они доходили до горизонта и дальше — свыше тридцати миль в каждом направлении от того места, где они стояли.

Атомная бомба убьет каждого, находящегося в непосредственной близости. Страшный ветер сорвет все палатки. Радиация, эта смертоносная вещь, отскочит от твердой, блестящей скалы и убьет только тех немногих, кто остался незащищенным.

Это то, что касалось наземного взрыва бомбы.

Если она взорвется в воздухе, если, например, автоматическое управление молекулярного оружия заставит ее взорваться на высоте двадцать миль, эффект будет ниже. На двадцати милях давление воздуха будет не слишком смертельно, особенно для людей, получивших приказ укрыться в скалу под палатки. По двое из четырех в каждой палатке должны всегда находиться в специальном укрытии. Двое других должны быть настороже. Предполагалось, что они быстро укроются, если над ними появится корабль Риссов.

Клэйн объяснил свое понимание ситуации и закончил:

— Если они сбросят на нас бомбу, что же, мы сбросим і одну или две на их города.

Его внешняя холодность уступила место внутреннему ликованию. Он мягко засмеялся и сказал:

— Нет, нет, мой друг. Я начинаю понимать проблему двух враждебных цивилизаций в этой обширной вселенной. Ничего подобного этому никогда не было до того, как люди и Риссы столкнулись между собой. Ни одна планета не может быть защищена. На все планеты можно напасть, все уязвимы — и на этой, раз мы здесь, на одной из их родных планет, мы теряем меньше всего.

Он протянул руку.

— Удачи вам, Великий Чиннар. Я уверен, что вы, как всегда, сделаете все честно.

Чиннар несколько секунд смотрел на предложенную руку и наконец пожал ее.

— Вы можете рассчитывать на меня, сэр, — сказал он.

Какое-то мгновение он колебался.

— Извините, — медленно произнес он, — что я не отдал вам шар.

Это откровенное признание потрясло Клэйна. Потеря шара была страшным несчастьем, и лишь неимоверная сила воли предводителя варваров удержала его в конце концов от того, чтобы довести дело до конца. Даже тогда он понимал, что нуждается в таком человеке, как Чиннар. Он не мог заставить себя сказать, что это не имело значения. Но так как признание подразумевало, что шар можно получить на Земле, он ничего не сказал.

Возвратившись на «Солнечную Звезду», он повел корабль из комнаты управления оружием. Дюжина человек стояла позади него, наблюдая за различными экранами, готовые привлечь его внимание ко всему, что он сам мог пропустить.

Они прошли над городами — все они были в

горных районах — и им не понадобилось много времени, чтобы обнаружить, что там шла эвакуация. Бесконечные потоки небольших судов текли из каждой «метрополии», выгружали беженцев и возвращались за новыми.

Это зрелище подбодрило остальных офицеров.

— Всеми атомными богами, — ликовал один, — мы обратили этих вонючек в бегство.

Кто-то настаивал:

— Давайте бросим на них несколько бомб и посмотрим как они побегут.

Клэйн ничего не сказал, просто помотал головой. Он не удивлялся злобной ненависти. Уже два дня он наблюдал, как она росла и поднималась вокруг него и до сих пор не показывала никаких признаков уменьшения.

— Я должен изменить эти непроизвольные чувства, — сказал он себе. — Но это потом.

Эти два дня он получал периодические радиодоклады от Чиннара. Патрули уже были высланы. Это было одно сообщение. Около половины из них вернулось, когда пришел второй доклад.

— Похоже на то, — сообщил Чиннар, — что вокруг нас скапливается какая-то армия. Повсюду наблюдается большая активность, и наши патрульные суда были сожжены артиллерией на

такой большой высоте, как восемнадцать миль. Пока что не было никаких попыток атаковать какую-либо нашу машину с воздуха. Они похоже пытаются сдержать нас. Наши люди пока не взяли ни одного пленного.

Третий доклад был кротом.

— Некоторая активность в воздухе. Пленных нет. Нам попытаться войти в один из их лагерей?

Ответ Клэйна на это был:

— Нет!

Увиденная с огромной высоты картина лагеря Риссов пленила его. Было ясно, что надвигается острое столкновение. Если учесть, сколько Риссов было на планете, трудно было понять, почему ни один еще не был схвачен.

На третий день, пролетая над еще одним городом и увидев, что он все еще истекает беженцами, Клэйн обдумал одну возможность. Послать вниз патрульное судно. Перехватить судно с беженцами, сжечь машину и захватить тех, кто был на борту.

После некоторого размышления, он отказался. Во-первых, машины Риссов держались своих трасс. Это предполагало, что по всей длине маршрута были установлены «защитные» приборы. Ни

одно человеческое существо не могло надеяться проникнуть за эту линию смерти. По этой же причине он отказался рассматривать предложение Чиннара послать патрули во вражеские лагеря. Лагеря тоже были защищены.

Риск для нескольких человек был не так важен, конечно. Но была и еще одна причина того, чтобы не испытывать опасность. Ему была известна реакция Риссов. Теперь они должны что-то предпринять против захватчиков и характером этого «что-то» показать, чего они боятся.

На третий день его совет Чиннару был тот же — ждать и следовать схеме.

Ночь не принесла никаких неожиданностей. В середине утра Клэйн наблюдал, как поток беженцев уменьшается до струйки грузовых судов. Он мог представить огромное облегчение, которое должно быть охватило население. Они, вероятно, считали, что они выиграли первый этап сражения, или посчитали противника слишком глупым, чтобы тот мог оценить то преимущество, которое у него было.

Пусть думают, как им нравится. Достигнув безопасности Широкого рассеивания, они сейчас должны быть готовы для активного второго этапа. Он не ошибся в своем анализе. Незадолго до

сумерек этого дня, Чиннар прислал давно ожидаемое сообщение.

— Пленный взят, когда вы будете внизу?

— Завтра, — ответил Клэйн.

Остаток дня и часть ночи он провел, обдумывая потенциальные возможности. Его планы были готовы около полуночи. В это время он обратился к сотне командиров групп. Это была очень резкая, решительная речь. Когда он закончил, люди были бледны, но они страстно приветствовали его. К концу вопросов один из них спросил:

— Ваше превосходительство, должны ли мы понимать так, что вы планируете спуститься завтра?

Клэйн поколебался и кивнул.

Марак серьезно сказал:

— Уверен, что говорю за моих коллег, когда говорю вам: пересмотрите ваше решение. Мы обсуждали все это между собой много раз за эти долгие месяцы и наше мнение таково, что жизнь каждого на борту этого корабля зависит от того, останетесь ли вы в живых. Еще ни одна великая экспедиция не зависела так полностью от знаний или руководства одного человека.

Клэйн поклонился.

— Спасибо. Я постараюсь быть достойным

доверия, возложенного на меня. — Он помотал головой. — Что касается вашего предложения, я должен его отклонить. Я чувствую, что мне необходимо расспросить пленника, которого мы захватили. Почему? Потому что на Земле я анатомировал тело одного из этих существ, и я, возможно, единственный, кто знает о нем достаточно, чтобы беседа имела какой-то смысл.

— Сэр, — сказал человек, — как насчет Чиннара? Мы слышали о его проницательности.

Клэйн мягко улыбнулся.

— Боюсь, Чиннару тоже придется присутствовать при беседе. — Он внезапно замолчал. — Извините, господа, этот спор должен прекратиться. На этот раз командующий должен рискнуть так же, как и любой из его солдат. Я думал, это мечта рядовых.

Это вызвало новые одобрительные возгласы, и через несколько минут спустя собрание, все в хорошем настроении, разошлись.

— Мне это не нравится, — сказал Чиннар.

В общем Клэйну это не нравилось тоже. Он сел в кресло и внимательно рассмотрел пленника.

— Давайте обдумаем это, — медленно сказал он.

Рисс гордо стоял — по крайней мере таково бы-

ло впечатление, которое он производил — перед своими человеческими противниками.

Клэйн наблюдал за ним неспешно, сверхъестественно осознавая ряд возможностей. Рисс был примерно в двенадцати футах от него. Он возвышался, как великан, над мощным варваром и теоретически мог прыгнуть вперед и разорвать любого на части, прежде чем погибнуть самому.

Не то чтобы к этому следовало относиться серьезно, но все равно была такая вещь, как готовность на всякий случай.

Чиннар сказал:

— Это было немного чересчур, очевидно. Люди, естественно, ликовали, что схватили его, но, разумеется, я задал подробные вопросы. У меня нет сомнений, что он стремился в плен.

Клэйн согласился с этим анализом. Это был пример бдительности, которую он и ожидал от блестящего предводителя варваров. И, кроме того, именно такая возможность заставила его принять столько мер предосторожности.

Теоретически все, что он сделал, могло оказать ненужным. И наоборот, если его беспокойство окажется оправданным, тогда меры предосторожности просто обеспечат первую линию обороны. На войне самые лучшие планы подвергаются

всевозможным испытаниям.

Клэйн вытащил свою записную книжку и начал рисовать. Он не был художником, но в конце концов он передал грубый набросок члену своего штаба, который с ним был. Тот осмотрел рисунок и затем достал небольшую чертежную доску и стал делать наброски быстрыми, уверенными штрихами. Когда рисунок был окончен, Клэйн дал знак художнику передать его Риссу.

Огромное чудовище приняло бумагу, доску и прочее. Он изучал его со следами возбуждения, затем затряс складками кожи. Наблюдая за ним, Клэйн не мог определить, выказывал ли он одобрение или неодобрение.

Рисс продолжал разглядывать бумагу и наконец залез в одну из своих кожных складок и из какого-то скрытого места вытащил большой карандаш и что-то нарисовал на чистой стороне бумаги. Когда Рисс закончил, тогда уже Чиннар шагнул вперед и взял у него рисунок. Его намерением, очевидно, не было изучать его, потому что он передал его Клэйну, даже не взглянув на то, что там было. Передав его мутанту, он на мгновение качнулся, стоя спиной к Риссу, и прошептал:

— Ваше превосходительство, вы понимаете, что оба руководителя этой экспедиции собраны

здесь, в одном месте?

Клэйн кивнул.

20

Краем глаза Клэйн заметил высоко в небе яркую вспышку света. Он быстро оглянулся, чтобы посмотреть, заметил ли ее еще кто-нибудь. Один из варваров вытягивал шею, на лице его было какое-то неуверенное выражение. У него был вид человека, который не уверен, что то, что он увидел, что-то означало.

Клэйн специально севший так, чтобы он мог среди прочего спокойно смотреть вверх, не боясь быть замеченным, медленно опустился в кресло. Он напряженно ждал следующей вспышки. Она появилась внезапно. Она была почти прямо над головой, что немного встревожило. Но все равно он не показал никакого вида.

На этот раз кажется никто не смотрел на вспышку.

Клэйн поколебался и затем наконец ответил на вопрос Чиннара своим собственным вопросом.

— Так что такого вы ожидаете?

Предводитель варваров, должно, быть почувствовал нотку возбуждения в его голосе. Пристально взглянув на Клэйна, он медленно сказал:

— Рисс позволяет взять себя в плен. У него должна быть какая-то цель. Этой целью спокойно может быть обеспечение того, чтобы стоящие за ним силы нанесли свой удар в определенное время и определенном месте. Почему бы и не в тот момент и не в тот район, где высшие руководители вражеской экспедиции допрашивают своего пленника-чужака?

— Вы значит чувствуете, что он мог бы оценить наш с вами ранг? — Клэйн говорил не спеша.

— Два и два он сложить может, — сказал Чиннар. Варвар был сейчас зол. Он кажется осознавал, что лишь частично понимает, что происходит. — И вспомните, что говорил Марден об общении с Риссами. Предположительно, они умеют читать мысли. Кроме того, — сказал он вдруг с сарказмом, — впервые в нашем союзе вы появились как властелин. Вы единственный человек здесь, который сидит. Это не похоже на ваше обычное поведение на публике. И впервые за то время, что я знаю вас, вы надели парадную одежду священника линнского храма. Что вы стараетесь сделать — заставить его понять, кто вы?

— Да, — сказал Клэйн.

Он говорил мягко, а затем громко рассмеялся.

— Чиннар, — сказал он наконец более спокой-

но, — это испытание чего-то такого, что я увидел во время атаки против боевого корабля Риссов на Внешней.

— Что вы увидели? — сказал Чиннар.

— Наше молекулярное оружие оказалось гораздо более мощным, чем я представлял себе прежде. Фактически оно не могло уничтожить тот корабль — я использовал его лишь для того, чтобы отвлечь их внимание. Но оно сожгло более фута прочной внешней оболочки корабля, куда бы оно ни попало. Впоследствии я обнаружил, что радиус его действия около двадцати миль и что на борту корабля оно было синхронизировано с автоматическими наводящими приборами.

Мрачно улыбаясь, он показал свои белые зубы.

— Чиннар, — сказал он, — весь этот район защищается молекулярным оружием, которое с абсолютной точностью сожжет любую атомную бомбу с неба на расстоянии около двадцати миль.

Решительное волевое лицо предводителя варваров потемнело от замешательства.

— Вы имеете в виду, что оно взорвет их на таком большом расстоянии?

— Нет. Оно сжигает их. Здесь нет ядерного взрыва, лишь только молекулярная трансфор-

мация в газ. Бомба маленькая, и она полностью рассеивается, газ подхватывается воздушными потоками, и ее радиоактивность разносится на сотни квадратных миль.

Он ждал сильной реакции и не ошибся.

— Аорд Клэйн, — сказал Чиннар со сдерживаемым возбуждением, — это потрясающе. Все эти месяцы у нас была эта замечательная оборонительная машина. И мы не знали этого.

Он замолчал. Затем сказал медленнее:

— Я не стану предполагать, как в случае с хлороделом, что это ответ на наши требования. Большой корабль, как наш, смог бы перелететь через сплошные ряды такого оружия. Он может получить серьезное, но не выводящее его из строя повреждение, и может опуститься достаточно низко, чтобы его защитные пространственно-временные резонаторы истребили всех внизу. Как же нам защищаться от этого? Зарываться?

— Как можно быстрее, — сказал Клэйн, — мы нырнем в отдельные пещеры, которые роют ваши люди, и влезем под несколько ярдов скалы, камня.

Чиннар снова нахмурился.

— Все это не объясняет причины этой сцены с нашим пленником. Вы пытаетесь принудить их

напасть на нас?

Клэйн, смакуя предстоящий эффект, тихо сказал:

— Атака идет уже почти пять минут.

Сказав это, он поднял рисунок, который сделал Рисс, и притворился, будто изучает его.

Волна возбуждения вокруг него достигла своей вершины. Люди пронзительно перекликались. Эхо криков уходило вдаль, когда крики подхватились другими.

Во время этой суматохи, Клэйн, казалось, изучал рисунки. Затем он внимательно стал наблюдать за пленным Риссом.

Охрана забыла про огромного чужака. Они стояли, вытягивая шеи, вглядываясь в небо, где вспышки стали более многочисленными. Одним словом Клэйн мог бы вернуть их к своим обязанностям. Но он решил ничего не говорить.

Интересно, как прореагирует это существо, когда в конце концов поймет, что атомная атака была полной неудачей?

В течение нескольких секунд чудовище сохраняло свою гордую, спокойную осанку. Затем он откинул голову назад и серьезно, важно, горячо, убежденно уставился в небо. Это длилось меньше полминуты. Его взгляд резко опустился с высоты,

и он быстро огляделся вокруг. На какой-то момент его быстрые глаза остановились на Клэйне, который быстро заморгал, но взгляда не отвел.

Это был эффективный способ. Его склоненная голова говорила о том, что он был поглощен рисунком. Моргая веками, он отчасти скрывал, что он заметил этот взгляд. Взгляд Рисса скользнул над ним, и пленник сделал свой первый преднамеренный шаг.

Он дотянулся до складки на своей коже, начал что-то вытаскивать… и остановился, когда Клэйн сказал мягко, почти шепотом:

— Не делай этого! Останься живым! Я знаю, ты пришел сюда, чтобы пожертвовать собой, но сейчас в этом нет необходимости. Это не принесет никакой пользы. Останься живым и послушай, что я тебе скажу.

Он не слишком много ожидал от этого. Телепатическое общение между чужаком, который умел читать мысли, и человеком, который этого не умел, конечно же, должно было быть очень хрупким делом. Тем не менее, хотя он до сих пор не смотрел на Рисса, он увидел, что существо начало колебаться.

Более твердо, но все равно шепотом Клэйн сказал:

— Вспомни рисунок. Я до сих пор не знаю, какова была твоя реакция, но подозреваю, что она была отрицательной. Обдумай это. Первое суждение не обязательно самое лучшее. Пять тысяч лет назад человек и Рисс почти уничтожили друг друга. И сейчас Риссы предприняли действия, которые начнут борьбу сначала. Пока что мы не сбросили ни одной бомбы, не использовали мы и резонаторы. Это не было сделано специально. Это было задумано, чтобы показать, что на этот раз люди хотят другого соглашения. Скажи своим, что мы пришли как Друзья.

И все равно было трудно сказать, какова была реакция. Чужак оставался в прежней позе, спрятав одну «руку» в складке кожи, Клэйн не недооценивал его возможностей. Анатомируя тело мертвого Рисса на Земле, он обнаружил в коже достаточно большие карманы, чтобы там можно было спрятать энергетическое оружие.

Он предупредил Чиннара, чтобы тот был настороже, но попросил его не делать обыска. Важно было, чтобы Рисс чувствовал свободу в действиях.

Рядом с ним Чиннар монотонно проговорил:

— Ваше превосходительство, я думаю наш пленник собирается с духом на что-то отчаянное.

Я наблюдал за ним все это время.

Так что по крайней мере еще один не забыл об опасности. Прежде чем Клэйн смог заговорить, Чиннар продолжил резко:

— Ваше превосходительство, я настаиваю, чтобы вы не рисковали. Убейте его прежде, чем он захватил нас врасплох.

— Нет, — сказал Клэйн. — Я намерен дать ему патрульное судно, если он его примет, и позволю ему спастись. Выбор будет за ним.

Пока он говорил, он впервые поднял голову и прямо взглянул на Рисса. Огромные, сияющие глаза существа сверкнули ему в ответ. Не было сомнений в том, что он знал, чего от него ожидали.

Ужасно было наблюдать конфликт между его желанием жить и убеждениями, которые привели его сюда, чтобы пожертвовать собой. Было заметно, как напрягся каждый его мускул.

Эта напряженная сцена затянулась. Рисс стоял на маленьком уступе, глядя вверх на Клэйна и Чиннара, которые стояли выше на этом бесплодном и неровном склоне холма. За чужаком в скалах виднелись палатки варваров. Они простирались до тех пор, пока видел глаз. Прошла минута. То, что время шло без результата, по мнению Клэйна, было благоприятно. Он чуточку

расслабился и сказал Чиннару:

— Я бы хотел узнать, что, по вашему мнению, он нарисовал в ответ на рисунки, которые сделал я. Вы не посмотрите их, пока я за ним послежу? Мне думается, вам придется сначала изучить мои, если надеетесь понять его ответ.

Хотя он и не сказал этого, ему также была интересна собственная реакция варвара.

Не отрывая взгляда от Рисса, он протянул чертежную доску. Чиннар взял ее и наконец сказал:

— Я смотрю на ваш рисунок. Здесь показаны три планеты. Одна полностью заштрихована. Одна вся белая, а на третьей горные районы заштрихованы, а предгорья и равнины белые. Я прав, полагая, что эти рисунки изображают именно планеты?

— Да, — сказал Клэйн.

Он ждал. Чуть погодя, Чиннар сказал:

— Надпись внизу листа изображает фигуру человека и напротив ее — белый прямоугольник, а ниже — Рисс с заштрихованным прямоугольником.

— Это поясняющая надпись, — сказал Клэйн.

Последовала длинная пауза, более длинная, чем Клэйн ожидал от человека столь проницательного. И тем не менее, подумав еще раз, он

не был удивлен. Это был вопрос отношений и убеждений. Это был полностью первый процесс рационального принятия новой цели. Последовавшая наконец реакция совершенно его не удивила.

— Но это смешно, — сердито сказал Чиннар. — Вы что серьезно предлагаете Риссам и человеческим существам делить каждую третью планету?

— Это лишь приблизительный подсчет, — сказал Клэйн.; Он не стал дополнительно аргументировать свою идею. Пятьдесят веков назад Риссы и человек не были готовы даже к тому, чтобы поделить гильотину. Психологическое отношение, кажется, одна из немногих вещей, которые пережили бойню.

Он ждал. Когда варвар снова заговорил, в его голосе было удовлетворение.

— Ваше превосходительство, я изучаю его ответ. Он нарисовал три планеты, все заштрихованы. Я так думаю, он отклоняет ваше предложение о разделении.

Клэйн спокойно сказал:

— У него было время передать мой план при помощи телепатии. Эта идея может распространяться довольно быстро. Это все, на что я в

настоящий момент могу надеяться.

На самом деле, ситуация сейчас отличалась от ситуации, которая сложилась в давнем прошлом, В этот раз и люди, и Риссы могли оглянуться назад и увидеть несчастье, которое постигло их предков.

В этот раз один человек уже верил в сотрудничество.

Один человек, сидящий здесь, на этой далекой враждебной планете признавал как реальность, что здесь будут трудности. Признавал жестокую нетерпимость как человека, так и Риссов. Знал, что его будут считать дураком, своего рода врагом. И тем не менее у него не было намерения отказываться от своей цели.

Он увидел себя, балансирующего мгновение вечности на самом кончике власти. За всю историю человека такой момент, это сочетание событий, никогда не случалось, а возможно, никогда не повторится. Через несколько лет то, что он знал в науке, будет известно всем, и пользоваться этим будут тысячи специалистов. Придется, если человеческая раса надеялась выжить в соперничестве или сотрудничестве с Риссами. Он уже подготовил множество офицеров. Беда в том, что из-за своей лучшей подготовки, он узнавал деся-

ток вещей, в то время как они узнавали одну.

Этот факт и создавал различия. В этом таилась огромная возможность. В культурном, промышленном отношении это было плохо для человеческой расы. В политическом это было очень важно.

Остановить его не мог никто. Никто не мог отказать ему. Он был Лорд Клэйн Линн, потенциальный Лорд-правитель, главнокомандующий «Солнечной Звезды», единственный человек, что-то понимающий обо всех машинах на борту. Никогда он еще не чувствовал в себе такую живость, остроту мысли, и он не болел уже много лет.

Чиннар пресек его мысль, в голосе его было раздражение.

— Ваше превосходительство, если бы все ваши замыслы не были столь успешны, я бы сказал, что вы сумасшедший. Атака Риссов против нас здесь была тактически и стратегически неверна, плохо спланирована, плохо проведена. В течение нескольких минут не было ни одного взрыва. Если бы я был на месте командующего с той стороны, то, что уже произошло, было бы лишь началом главной атаки. Логически нет предела жертвам, на которые должна пойти любая раса,

защищая свою планету.

Он продолжал озадаченным тоном:

— Здесь что-то в этой атаке, чего мы не видим, какой-то фактор, который они принимают в расчет, а мы нет. Это сдерживает их. — Он замолчал. Затем иронично сказал: — Но что, как с этим парнем? Каким образом вы можете решить проблему Риссов в масштабе галактики, если не можете даже убедить этого одного индивидуума?

Клэйн тихо сказал:

— Все, что ему нужно сделать, чтобы получить патрульный корабль, — это вытащить руку, безобидно…

Он умолк. Потому что «рука» стала выходить. Рисс стоял какой-то момент, внимательно глядя на Клэйна. Затем он подошел к патрульному судну, на которое мысленно указал Клэйн. В молчании они наблюдали, как он зашел в него и взлетел.

Когда он исчез, Чиннар сказал:

— Ну, что теперь?

Предводитель варваров имел привычку задавать приводящие в замешательство вопросы.

21

Клэйн вернулся на «Солнечную Звезду» и задумался. Какой должен быть следующий ход?

Идти домой? Казалось слишком рано.

Он провел полчаса, играя с малышом Брейденом. Ребенок очаровал его.

«Вот, — подумал он уже не в первый раз, — секрет всего прогресса».

В данную минуту у Брейдена не было собственных идей, не было неменяющихся отношений или убеждений, кроме, может быть, тех, которые произошли от того, как с ним обошлись няньки и Маделина. Были возможны две различные реакции на грубое или нежное обращение, от чего нельзя легко отмахнуться. Но он лично не знал о своем происхождении ничего. Он не испытывал ненависти к Риссам. Воспитываясь с каким-нибудь юным Риссом, они могли даже развить дружеские отношения, хотя это было не самым важным в решении проблемы Рисса и человека. Это не могло быть осуществлено в достаточно большом масштабе. Кроме того, они будут ограничены другими связями.

Он наконец оставил малыша. И устроился в

кресле в комнате управления. Там, окруженный доспехами приборов, которые управляли огромными машинами, он сказал себе: «Насколько я понимаю, это вопрос объединения».

У него было какое-то чувство. Ему казалось, что сейчас имелись буквально все факты. Было одно возможное исключение. То, что Чиннар сказал о неудовлетворительной степени атаки Риссов.

Нахмурившись, он мысленно проследил цепь событий на этой планете Риссов. И Чиннар, решил он, был прав.

Он все еще думал об этом, когда ему принесли сообщение.

«Уважаемый лорд Клэйн,

Взято еще несколько пленных. Очень прошу прибыть немедленно. Есть недостающий фактор.

Чиннар».

Клэйн совершил посадку вскоре после обеда. Охранники-варвары пригнали пленников из небольшого гнезда в горном склоне.

Они выходили робко, бочком — тощие, с горящими глазами и лихорадочным видом. Это, несомненно, были люди. Чиннар ввел в курс дела.

— Ваше превосходительство, я хочу, чтобы

вы познакомились с потомками человеческих существ, которые раньше занимали эту планету — до того, как она была захвачена Риссами пять тысяч лет назад.

У Клэйна был мгновенный знак — один этот взгляд на пленных, когда они поднимались. Это было все, что ему нужно. Мысли его получили первый толчок. Через мгновение он был способен внимательно рассмотреть их, и ему показалось, что таких жалких людей он раньше никогда не видел. Самый высокий из группы — их было восемь — был не больше пяти фунтов и трех дюймов. Самый низкорослый был старый, иссохший и морщинистый человечек около четырех футов и шести дюймов. Он и заговорил первым.

— Мы слышали, вы с Земли.

Его акцент настолько отличался от линнского, что его слова походили на тарабарщину. Клэйн взглянул на Чиннара, который пожал плечами, улыбнулся и сказал:

— Скажем, да.

Странно, смысл дошел, а после этого стал возможен мучительно медленный разговор.

— Ты старший? — спросило существо.

Клэйн подумал и кивнул. Старичок подошел ближе, поджал губы и хрипло сказал:

— Я старший в этой компании.

Он, должно быть, сказал это слишком громко. Один из остальных, стоящий неподалеку, зашевелился и сказал оскорбленным тоном.

— Да? Послушай, Глюкер, ты болтаешь, мы деремся. Если в этой компании есть старший, то это я.

Не обращая внимания на перебивание, Глюкер сказал Клэйну.

— Ничего, кроме постоянных интриг и жалоб. Клянусь святым шаром, с ними ничего невозможно сделать.

Мысли Клэйна перескочили назад на отчаянную политическую и экономическую интригу Линна. Он с улыбкой заговорил:

— Боюсь, интрига — это общее наследие ограниченного сооб… — он замолк. До него вдруг дошел смысл предыдущих слов, и он, взяв себя в руки, сказал с напряженным спокойствием. — Клянусь, чем?

— Шаром. Знаешь, который катится туда-сюда. Это то, что никогда не меняется.

Клэйн уже полностью овладел собой.

Он сказал:

— Понятно. Вы нам как-нибудь должны его показать.

Он повернулся к Чиннару.

— Вы знали об этом?

Чиннар помотал головой.

— Я разговаривал с ними час после того, как их привели, но они никогда не упоминали об этом.

Клэйн поколебался, затем отвел варвара в сторону.

— Изложите кратко, — сказал он.

Картина была достаточно обыкновенной. Человек ушел под землю. За время долгой, длительной борьбы гигантские машины создали целый мир пещер. Много позже роющие машины превратились в бессмысленные груды металла, пещеры сохранились.

— Но, — спросил озадаченный Клэйн, — каким образом они задерживали Риссов? Просто залезть в пещеру было недостаточно.

Чиннар улыбнулся.

— Ваше превосходительство, — сказал он, — мы проверили их метод прямо здесь. — Он махнул рукой в сторону скалистой, неровной местности, где запустение простиралось по всему горизонту. — У них, кроме всего прочего, было «защитное» устройство…

Клэйн вспыхнул.

— Вы хотите сказать, что они знают, как их

делать? — он подумал о своих собственных бесплодных усилиях сделать копию сплавов Риссов.

— Для них это часть жизни, — сказал Чиннар. — Сделать нужный сплав — для них это просто вопрос подготовки. Они соединяют их вместе, потому что… ну… просто вот так. Они «знают».

Клэйн испытывал легкое возбуждение. Снова та же самая история. В Линне космические корабли существовали в культуре стрелы и лука. На Внешней непостижимо передовая система перемещения и телепатия были общепринятой реальностью в простой земледельческой цивилизации. И теперь вот здесь были те же самые признаки того, что чудеса науки были частью обычной, банальной жизни. Какой-либо прием, если его запоминали и передавали из поколения в поколение — в этом не было ничего удивительного. Удивительным был сам способ.

Такие народные способы, конечно, имели свои ограничения. У людей имелись предупреждения. Они сопротивлялись переломам. Крайним примером этого служили внешние. Линнцы как нация почти так же шли к упадку. Об этих маленьких людях судить было труднее. В своем закоренелом и отчаянном существовании у них было мало возможностей для развития. И потому

из-за среды, окружавшей их, они были такими же негибкими, как любой внешний.

Более глубокие значения таких вещей всегда оставались смутными.

Клэйн прервал размышления.

— Давайте договоримся прийти к ним домой завтра.

Они летели над местностью, которая вначале была скалистой и бесплодной, голой. Вдруг земля стала зеленой. Какая-то река показалась совершенно внезапно — она извивалась среди деревьев и густого кустарника. Признаков обитания Риссов по-прежнему нигде не было.

Клэйн спросил об этом Глюкера. Человечек кивнул.

— Воздух слишком тяжел для них. Но и нам они не позволяют им дышать. — Голос его был угрюм.

Мутант кивнул, но больше ничего не сказал. Вход в пещеру удивил его. Это были огромные бетонные столбы на склоне холма, ясно видимые на расстоянии нескольких миль. Их патрульное судно опустилось вне досягаемости резонаторов, и прежние пленники прошли вперед в «защищенный» район. Они вернулись, «сфотографировали» посетителей и вскоре их уже вели по

ярко освещенному бетонному проходу. Долговязые мужчины и женщины, несчастные малютки вышли из деревянных и каменных жилищ, чтобы поглядеть своими лихорадочными болезненными глазами на процессию незнакомцев.

Клэйн начал чувствовать первое восхищение. Зрелище было почти буквально из кошмара. И тем не менее эти полулюди с их тщедушными телами и отчаявшимися, напряженными, встревоженными душами отбили военно-научную мощь империи Риссов. Они зарылись в землю, отступив в этот искусственный подземный мир, буквально отрезав себя от солнечного света. Но и здесь были живы и так же активны, как муравьи в муравейнике.

Они ссорились, дрались и интриговали. У них была своя собственная кастовая система. Они следовали старым свадебным обычаям. Они жили, любили и рожали прямо вблизи от угрозы Риссов. Их средняя жизнь длилась тридцать пять земных лет, насколько мог подсчитать Клэйн.

Процессия подошла к более просторной пещере, которая была занята несколькими женщинами, кучей ребятишек и лишь одним мужчиной. Клэйн настороженно следил, как этот мужчина, коротышка с тонкими губами и суровыми

голубыми глазами легко вышел навстречу. Глюкер подобострастно представил его как Хадда, «Главный».

У мутанта был свой собственный метод оценки самодовольных людей. И сейчас он сделал свою собственную первую попытку поуправлять шаром, который эти человечки держали где-то в этом лабиринте пещер.

Вопрос был в том, находится ли этот шар достаточно близко?

Только он подумал, как он вспыхнул над его головой. Из сотни глоток вырвался вопль изумления и трепета. И не было никаких затруднений.

На обратном пути Клэйн приказал Чиннару вновь погрузить армию на корабль.

— Существование остатков человеческой расы на этой планете, — объяснил он, — подтверждает наше открытие. Получив определенное оружие, человек может пережить нападение Риссов. Мы возьмем с собой достаточно специалистов из этих «человечков», чтобы начать на Земле создание двух главных видов оружия. Когда все больше и больше людей будут узнавать этот процесс, то мы сможем рассчитывать, что наша оборона выстоит.

Он добавил:

— Это, разумеется, не вернет нам наши планеты. Это прискорбно, но оборонительное оружие также хорошо сработает и на Риссов.

Он пристально взглянул на Чиннара, ожидая какой-либо реакции. Но худое лицо варвара было бесстрастно. Клэйн поколебался, затем продолжил:

— У меня план: прежде чем мы уйдем отсюда, наделать миллионы фотокопий моего рисунка, показывающего, как мы предлагаем разрешить вражду между человеком и Риссом. Мы разбросаем их над разными городами и над горными районами, чтобы каждый Рисс смог представить основную идею разделения.

Чиннар издал звук, как будто он подавился.

Клэйн быстро сказал:

— Мы не должны забывать, что у Риссов тоже есть проблема. Очевидно, что им нужна более разреженная атмосфера, чем человеку. Они могут выдержать плотный воздух на земном уровне моря и здесь, но для повседневной жизни они должны быть высоко. Это значительно ограничивает выбор районов, пригодных для их обитания. Человек относился не слишком сочувственно к этим трудностям, а фактически усугублял их.

Чиннара наконец прорвало:

— Что вы хотите этим сказать?

Клэйн медленно ответил:

— Судя по всем сведениям, люди золотого века обнаружили, как выделять кислород в других отношениях из коры пустынных планет и спутников. Предположительно, Риссы также знали, как это делается, но у них было ужасно невыгодное положение. Они бы хотели, чтобы этот процесс прекратился скорее, чем этого хотел человек. Могу себе представить ликование людей, когда они на одной за другой планетах все уплотняли атмосферу.

Чиннар сказал безжалостным тоном:

— Это естественно, когда каждая раса сражается за выживание до конца.

Клэйн резко сказал:

— Все это хорошо для различных существ, которые думают на животном уровне. Человек и Рисс должны подняться выше этого. — Он мрачно замолчал. — Вы понимаете, что мы не допустим Риссов в Солнечную систему. Но так же и люди не должны стремиться поделить основную систему Риссов. На родные планеты не должно быть никаких посягательств.

— Каким образом мы собираемся от них отделаться? — спросил Чиннар.

Клэйн не дал прямого ответа.

Вернувшись на корабль, Чиннар сделал лишь одно серьезное возражение, когда Клэйн сказал ему, что в пути придется сделать остановку на Внешней.

— А как же люди Солнечной системы? — с тревогой спросил он. — Насколько нам известно, главная атака уже состоялась. И мы знаем, что на сегодня у людей нет резонаторов и энергетических лучей, чтобы защитить себя.

Клэйн был мрачен.

— Для завоевания обитаемой планеты требуется время. Вот на что я рассчитываю. — Он сурово добавил: — Если мы отправимся назад прямо сейчас, мы сможем сражаться с Риссами только на равных условиях. Это было бы плохо для нас, так как у них есть корабли, и оружие, и бесчисленное оборудование для их дальнейшего производства.

— А каким образом изменится ситуация, если мы сначала отправимся на Внешнюю?

— Я точно не знаю, — откровенно сказал Клэйн.

— Понятно. Еще одна идея?

— Да.

Чиннар несколько минут помолчал. Затем в его глазах показался смех.

— Я поддерживаю, — сказал он, — не глядя.

Он протянул руку.

— Ваше превосходительство, — проникновенно сказал он, — Я — ваш. С этого момента больше никаких интриг, никакой оппозиции. Я приветствую будущего лорда-правителя Линна, у которого я прошу статуса верного союзника.

Это была неожиданно полная сдача. Клэйн моргнул и тяжело сглотнул. На мгновение он был ошеломлен. Затем, овладев собой, он сказал со слабой улыбкой:

— Я еще не лорд-правитель. Потребуется время, чтобы влиятельные люди снова вспомнили обо мне. Возможно, будет трудная подготовительная работа.

Развивать это дальше необходимости не было, искушенный в политике варвар, поджав губы, кивнул.

Клэйн продолжал:

— У нас сейчас два шара, один в резерве на Земле.

— Его глаза встретились с глазами Чиннара, ища подтверждения.

Последний согласился:

— Да, два. Вы сможете взять его в Солнечной системе в любое время.

Клэйн продолжал твердым голосом:

— Как я понимаю, шар — это грубый вариант системы перемещения, разработанной на Внешней и Внутренней.

— И таким образом…

— Управление космосом. — Какой-то жар вдохновения от мысли, сидевшей у него в голове, украл силу его голоса. — Чиннар, вы никогда не интересовались, как функционирует Вселенная?

Варвар усмехнулся.

— Я родился, я живу. Я умру. Это и есть моя функция. Вы можете изменить этот порядок?

Клэйн криво улыбнулся.

— Вы берете слишком глубоко, мой друг. Я как раз начинаю смутно ощущать силы, которые действуют внутри меня. Они более сложны, чем естественные науки. Я намереваюсь оставить их в покое, пока у меня не будет больше времени.

Он помолчал, нахмурившись.

— Возможно, это ошибка. Как смеет человек, который не понимает самого себя, предлагать уладить дела Вселенной?

Он пожал плечами.

— Ничего не поделаешь. Сейчас я надеюсь на то, что с помощью шара Марден сможет обучить меня их системе.

Марден с любопытством отступил, пропуская в дом людей, несших в контейнере шар. Когда они все это поставили, Клэйн спросил:

— Марден, ты когда-нибудь прежде видел что-нибудь подобное?

Марден улыбался. Шар поднялся из контейнера и занял место над его головой.

— Искусственное отверстие, — сказал он. — Я слышал о них. Они были началом.

И добавил:

— Если бы я знал, что у вас есть такая вещь, я бы научил его, — он кивнул на Клэйна, — как все это работает, когда он говорил об этом в первый раз.

Клэйн сказал:

— Это поможет мне читать мысли?

Марден был терпелив.

— На это потребуется несколько лет. Остальное вы можете начать делать сразу же с помощью этого шара.

Позже Чиннар спросил:

— Но как вы рассчитываете применить шар против Риссов? Вы же сами сказали, что не это будет решающим.

Клэйн ушел от ответа. Идея в его голове была настолько сложна в своих научных понятиях, настолько обширна по масштабу, что он был не в

силах выразить ее словами.

Кроме того, сначала нужно было многое сделать.

Путь домой был долгим и утомительным, но все же время впустую не тратилось. Несколько десятков людей на борту тронулось умом, и был ряд людей с замутившимися мыслями и эксцентричными характерами. Клэйн осматривал, изучал их, пробовал на них разные способы терапии и вновь и вновь возвращался к малышу Брейдену, источнику своего собственного интереса.

Ему казалось, что в ребенке он найдет начало нормальности и ненормальности взрослого.

Малыш делал левой рукой столько же движений, сколько и правой. Он не интересовался предметами, которые держали от него дальше двух футов. Но если его подносили ближе, он обычно — хотя не всегда — тянулся к нему руками, однако часто как левой, так и правой.

Когда ему давали что-то такое, за что он мог схватиться, его можно было поднять в воздух, и он держался совершенно самостоятельно. Он делал это одинаково любой рукой, но каждый раз пользовался одними лишь пальцами. Большой палец все еще был бесполезным придатком.

Он выказывал явные признаки страха после

какого-нибудь громкого шума, болевого раздражения или когда внезапно летел вниз при подбрасывании. Ничто другое его не тревожило. Он не боялся животных или предметов, больших или маленьких, независимо от того, как близко их подносили. И ему нравилось, когда его гладили под подбородком.

Другие малыши на борту реагировали на все это точно также.

Много раз Клэйн размышлял над своими наблюдениями.

— Предположим, — удивлялся он, — окажется, что у «всех» малышей будут инстинктивные реакции как у Брейдена и у тех, кого я проверил. Другими словами, в основном они не кажутся либо правшами, либо левшами. Они не боятся темноты. Очевидно, они учатся этим вещам. Когда? При каких условиях? Каким образом один малыш становится безответственным Каладжем, другой — безжалостным, блестящим Чиннаром, а третий — рабочим на полях?

Было одно, как он обнаружил, в чем Брейден отличался от других малышей его возраста. Когда ему по подошвам проводили тупым предметом, все пальцы сгибались в одном направлении. Все другие малыши сгибали большой палец вверх, а

четыре пальца — вниз.

Разграничительная линия казалось проходила в возрасте одного года. Из девятнадцати старших детей, проверенных Клэйном, шестнадцать реагировали как Брейден.

То есть все их пальцы гнулись в том же направлении. Трое других продолжали реагировать как обычные младенцы в возрасте меньше одного года. Каждый из этих трех был признан трудным ребенком.

То, что в четыре месяца Брейден имел такую же реакцию, как и гораздо старшие дети, наводило Клэйна на мысли. Может быть, здесь было свидетельство того, что его сын унаследовал сверхобычную устойчивость, которую он подозревал в себе?

Он все еще был углублен во всю эту сложную проблему нормальной психики, когда «Солнечная Звезда» вошла в атмосферу Земли. Прошло девятьсот семьдесят дней после их отправления.

22

Перед посадкой Клэйн выслал патрули. Их доклады были обнадеживающими.

Его имение было не тронуто, хотя примерно в двух милях от дома вырос большой и шумный поселок беженцев.

Согласно отчетам командиров патрулей, в Солнечной системе находилось почти четыреста боевых кораблей Риссов. Они заняли большинство горных районов на различных планетах и спутниках и деловито укрепляли свои позиции.

Эффективного сопротивления не было. Армейские части, получившие приказ сражаться, уничтожались. Граждане, которые показались на глаза врагу или которым не повезло, и они оказались на месте высадки, были уничтожены все до единого.

Сразу же после своего прибытия захватчики провели массированную атаку почти на полсотни городов. Около двух миллионов людей попали под ужасные атомные взрывы; так сообщалось в докладах. Остальные успешно добрались до своих фермерских убежищ и были в безопасности.

Уже больше года не упало ни одной бомбы. И

даже в те первые гибельные дни не был атакован ни один город в низинах. Риссы сосредоточили свои громадные бомбы на города, расположенные у подножия гор и в горах, на высоте не менее трех с половиной тысяч футов над уровнем моря.

Глупые и беспечные, среди беженцев попадались как те, так и другие, в течение четырех месяцев потихоньку возвращались в неповрежденные центры. Требовались энергичные действия. И тем не менее Клэйн отрицательно помотал головой.

И тем не менее он действовал в пределах обозначенных как его человеческим, так и вражеским оружием.

— Сначала мы возведем оборонительные сооружения вокруг имения, — сказал Клэйн Чиннару. — Для того чтобы установить резонаторы и молекулярное оружие и приняться за пещеры, потребуется около недели. Пока все это делается, я постараюсь собрать своих агентов.

На все требовалось время, мысль и тщательнейшая подготовка.

Спасательные суда парили в ночи. Призрачные фигуры стояли на земле. Небольшие суда слетали вниз из черноты на огни, расположенные по определенному рисунку. Такие сборы давно стали

практикой Клэйна, и он принимал их спокойно. Годами он действовал через агентов, выслушивая отчеты о сценах, которые наблюдали не его, а чужие глаза, и у него было отработанное мастерство составлять итоговые картинки, так что зачастую он мог видеть то, чего не заметили агенты.

Каждая встреча с агентом следовала общей схеме. Каждый в отдельности оставался в темноте. Здесь были рабы, которые следили, чтобы мужчины и женщины были накормлены, но сама еда выдавалась через узкую прорезь окна паре рук, которые вытягивались из ночи. Съедалось это человеком, скрытым в тени, в редком ряду ему подобных. Однако случаи, когда они заговаривали друг с другом, были редки.

Каждый агент сначала докладывал трем офицерам. Доклад был устным и передавался из темноты офицерам, которые сами были скрыты в темноте. Если даже один из этой комиссии решал, что рассказ заслуживал дальнейшего рассмотрения, агента передавали дальше, к Клэйну.

Следующий этап — меры предосторожности. Агент обыскивался, если мужчина — мужчиной, если женщина — женщиной. Большинство агентов были в деле уже давно и знали каждый этап, так что не высказывали никаких возражений,

когда заходили в личное патрульное судно Клэйна и впервые за все время беседы должны были открыть лицо.

Постепенно, таким вот образом, пока проходила ночь, общая картина прошедших двух с половиной лет доходила до Клэйна.

Последний агент наконец ушел — слабый звук их небольшого корабля был едва ли громче, чем шепот в кромешной тьме. Клэйн вернулся к кораблю и обдумал то, что узнал.

Лилидел и Каладж знали о его возвращении. Это демонстрировало оперативность агентурной работы их сторонников. Но эта информация порадовала Клэйна. Они распространят известие о его появлении гораздо быстрее, чем это мог сделать он.

Он не удивился, когда узнал, что Лилидел уже рассматривает его как опасность более страшную, чем Риссы. Для нее правление было личным обладанием. То, что у нее самой не было представления о том, что нужно делать в этом национальном чрезвычайном положении, ничего не значило. Не считаясь с последствиями, она намеревалась держаться за власть.

Так как восстановление всех связей требовало времени, Клэйн предположил, что у нее будет

время на то, чтобы что-то предпринять. Со всей тщательностью, на которую был способен, он взялся за задачу заделать лазейки в своей оборонительной системе.

Для начала он сосредоточился на поселке беженцев.

23

Управляющий делами его имения зарегистрировался за него по закону о беженцах. Управляющий, в свое время бывший высокопоставленным лицом в Марсианском правительстве, доложил, что во время регистрации, более года тому назад, он не заметил ничего необычного в том, как обращались с его бумагами. Картина, которую он дал о том, как оперативно организованные комиссии чиновников, была типичной и для других районов, где был введен тот же самый закон — при невезении Лилидел — и это весьма удовлетворило Клэйна.

Из-за площади его имения ему определили триста семей, всего тысяча девяносто четыре человека. Это был поселок, полный странных людей. Когда на следующий день он вышел, чтобы взглянуть на них, Клэйну показалось, что он никогда не видел такой пестрой толпы. Порасспросив, он обнаружил, что ему приписали жителей какой-то части одной улицы. На первый взгляд, это выглядело справедливо и казалось обозначало, что с его фермой поступили так же объективно, как и с другими. Здесь была полная

квота людей: разумных и глупых, длинных и коротких, толстых и худых, умных и тупых — обыкновенных среди населения любого города.

Клэйн решил так этого не оставлять. Чтобы убить одного или больше человек, требуется только один убийца. Такому человеку нужна будет только одна возможность, или подвернувшаяся случайно, или подстроенная. Убить было слишком просто, и ни один мужчина, ни одна женщина в истории никогда не оправлялась от такого несчастья.

Он сосредоточил на этой проблеме половину своих агентов и медленно, пока проходили дни и приходили доклады, пришел к мысли, что он дал им задание, которое никогда не могло быть удовлетворительно выполнено.

Он поручил собрать досье на каждую семью и в каждое досье подготовленные служащие вносили поступающую информацию о членах семьи. Стало очевидно, что часть истории жизни каждого человека была недоступна.

В своей решительности проникнуть в эту темноту он организовал газету с объявлениями, полную болтовни о том, что происходило в прошлом членов группы. С ростом нового поселка его агенты, взяв роль дружелюбных репортеров,

расспрашивали каждого взрослого и каждого ребенка старше десяти лет под предлогом сбора информации для бюллетеня. Некоторые из агентов считали, что возрастная граница слишком низка, но Клэйн настаивал. История Линна, особенно более древних времен, была полна примеров отважного поведения очень юных людей в критические времена.

Он надеялся на то, что он сможет изолировать убийцу. В ответах и вопросах он искал колебание и нежелание. Он хотел выявить скромного, неуверенного в себе беженца как человека, у которого были были, возможно, кровожадные причины для утайки информации.

Как оказалось, агенты внесли в число подозреваемых семнадцать мужчин и девять женщин. Клэйн велел их арестовать и отослать в более отдаленный район.

И все равно он был неудовлетворен.

— Не то, чтобы я, — грустно сказал он Маделине, — отказываюсь от утверждения, что люди должны возвыситься над собой в этом кризисе. Но несколько нежелающих действовать совместно могут вызвать беду.

Она нежно похлопала его по руке.

— Как же ты всегда переживаешь.

Она была стройной прямой девушкой сейчас, с тонким, чувственным лицом. Вся сила ее чувств осталось прежней, но теперь она была направлена на мужа и ребенка. Она внезапно импульсивно обняла его.

— Бедняжка, тебе приходится думать о таких многих вещах.

Этот день также прошел без происшествий. Через своих агентов Клэйн следил за каждым горизонтом человеческой деятельности. Сообщения из Голомба, где находилось правительство, раз и навсегда лишили его желания сотрудничать с группой Лилидел.

Невероятный Каладж вновь занялся своими развлечениями. Люди и звери снова умирали на арене на потеху двора. Ночью правительственные здания превращались в театры и танцевальные залы. Часто весельчаки еще забавлялись, когда служащие приходили утром, чтобы начать работу. Лорд-советник проявил интерес к армии. Тысячи людей подвергались муштре, так чтобы они могли формировать построения, выстраивающие фразы типа «Народ Любит Каладжа».

Выше в горах появилась вторая экспедиция Риссов. Высаживались тысячи чудовищ. Чиннар, доложивший об этом, прислал и призыв:

«Ваше Превосходительство,

Как вы собираетесь изгнать их из Солнечной системы, если у вас нет даже контроля над Линном?

Пожалуйста, примите меры без промедления».

Клэйн ответил, что он готовит служащих для первого этапа захвата рычагов управления. Он подчеркнул, что это сложная задача.

«Руководителю, — писал он, — приходится работать с людьми. Это ограничивает все его действия и определяет его судьбу. Вы должны знать лучше, чем большинство людей о том, что попытаться переступить такие препятствия уже препятствие. Я думаю о том, чтобы призвать людей исполнить свой долг перед расой и пренебречь такими вещами как, кто будет боссом, а кто будет подчиняться. Я все еще надеюсь, что у нас все же будет такое стихийное желание к сотрудничеству на благо всех, которого не видели поколения.

В настоящий момент, несмотря на риск, я с каждым шагом продвигаюсь вперед. Согласен с вами, что это существенно, чтобы у меня был контроль над государством на несколько лет».

Не успел он отправить это послание, как один из охранников в патрульной машине совершил

вынужденную посадку в саду и доложил, что приближается двадцать линнских космических кораблей.

Когда он говорил об этом, темные формы огромных судов уже вырастали вдали.

24

Они вошли четырьмя рядами по пять в каждом и сели на землю примерно в четырех с половиной милях от дома. Они приземлились таким образом, что их люки смотрели в сторону от имения. Некоторое время шла какая-то деятельность, которую Клэйн не мог видеть. Он догадался, что идет высадка войск.

Но сколько было людей, решить было трудно. В космических сражениях эти большие машины перевозили только двести офицеров и солдат. Но в таких коротких поездках как эта, можно было перевозить и полторы, и две тысячи на корабль.

Скоро стало ясно, что действительно здесь было задействовано большое количество людей, потому что в течение часа сотни групп их карабкались за холм и, окружая, стали охватывать имение.

Клэйн с тяжелым чувством наблюдал за ними сквозь систему наблюдения Риссов. Одно дело обладать оборонительной системой, которая могла убить каждого из приближающихся сейчас. И другое дело убить их на самом деле.

Возможность того, что ему, может быть, придется сделать это, снова вызвала у него его старый

гнев. Он мрачно подумал, заслуживает ли человеческая раса того, чтобы сохраниться навсегда. Как и в прошлом, он ответил удовлетворительно, и поэтому ничего не оставалось, как принять приближающуюся армию.

Как молекулярные лучи, так и резонаторы были установлены таким образом, чтобы на расстоянии двух миль направить их страшную реакцию на все суда, на которые они не были настроены.

Он подлетел к этой границе, взяв с собой систему громкоговорителей. Он установил спасательное судно Риссов на курс, проходивший как раз посередине линии смерти. На расстоянии сотни ярдов он не был полностью недосягаем для хорошего лучника, но металлические стенки машины обеспечивали достаточную безопасность.

Ближайшие от него люди находились сейчас почти в двухстах ярдах. Клэйн громко дал первое предупреждение. Четким, механическим голосом он обозначил линию смерти, указав деревья, кусты и другие вехи, которые образовывали границу. Он настойчиво предлагал находившимся в пределах слышимости передать предупреждение солдатам дальше.

Закончил он это первое настойчивое предупре-

ждение словами:

— Испытайте это. Пошлите животных и посмотрите результат.

Он не ждал их реакции, а полетел, чтобы и другие группы получили тоже такое же предупреждение. Повернув назад, он увидел, что оно остановило их примерно в пятидесяти ярдах от разделяющей линии. Шли совещания. Наконец посыльные в небольших быстроходных кораблях полетели от группы к группе. Клэйн, довольный, посадил машину и стал ждать. Последовала еще одна заминка в действиях групп солдат, а затем небольшой патрульный корабль приземлился в ближайшую группу. Из него вылез Трагген и встал с мегафоном в руках. Он двинулся было вперед, но, должно быть, он знал о предупреждениях, так как остановился, не пройдя и десяти ярдов. Подняв мегафон, он закричал:

— Лорд-советник Каладж, который лично командует этими войсками, приказывает вам немедленно сдаться.

Клэйну было интересно, что насколько можно было охватить глазами, нигде не было видно никого, кто хотя бы отдаленно напоминал лорда-советника. Он сказал:

— Скажите его превосходительству, лорду-со-

ветнику, что его дядя хотел бы поговорить с ним.

Трагген холодно сказал:

— Его превосходительство не разговаривает с теми, кто находится вне закона.

Клэйн быстро спросил:

— Меня объявили вне закона?

Трагген колебался. Клэйн не стал ждать, пока он ответит.

Он сообщил:

— Пожалуйста, передайте его превосходительству, лорду Каладжу, что, если он не выйдет поговорить со мной, я поеду вдоль этой границы и буду рассказывать правду о нем солдатам.

Клэйн сделал паузу с кривой улыбкой.

— Я забыл, — сказал он, — вы ведь не можете сказать ему этого, не так ли? Лучше скажем так. Скажите ему, что я угрожаю пролететь вдоль линии и сказать «неправду» о нем солдатам.

Он закончил:

— Я дам ему всего десять минут, так что вам лучше поторопиться.

Трагген поколебался, а затем повернулся и пошел к своей машине. Она поднялась от земли и улетела назад в сторону хребта более чем в двух милях от «места». Клэйн и не собирался следить за тем, как она приземлится.

Он пролетел взад-вперед перед солдатами, останавливаясь перед каждой группой, рассказывая о себе грубые шутки.

Анализируя популярность определенных офицеров во время войны с варварами, он предположил тогда, что ни один офицер на самом деле не мог быть любим просто сам по себе — средний солдат просто не имел возможности узнать о настоящем характере их командира.

Значит, это должно было быть что-то другое. Он наблюдал и слушал и, наконец, выбрал ряд грубых острот, которые высмеивали власть. Просто рассказывая одну или две из них, он изменил отношение к себе у большинства солдат, слышавших его ободрения. Согласно докладам, его стали считать славным малым. Он им не был, но это не имело значения. Так называемый юмор был волшебным ключом к их доброй воле.

Гражданские, естественно, требовали другого отношения — факт, который старые солдаты иногда забывали.

Вопрос состоял в том, будут ли эти люди, которые были с Джеррином на планетах, которые мало, а то и ничего не знали о том, что сделал лорд Клэйн Линн против Чиннара, и которые сейчас, как предполагалось, должны были схватить его,

будут они так же смеяться над его шутками?

Они смеялись, почти все до одного. Целые группы тряслись от хохота. Несколько офицеров пытались строго остановить их, но их голоса потонули в толпе. По истечении десяти минут Клэйн вернулся к месту своей первоначальной остановки, удовлетворенный тем, что он сделал, что мог, чтобы обратить людей на свою сторону.

Какую пользу это принесет, вопрос другой.

Он забыл про это, ибо увидел приближающуюся длинную, странную и удивительную процессию.

Первыми подошли десятки ярких раскрашенных патрульных машин. В полете они кружили по спирали, словно в хорошо организованном пиротехническом представлении. На последнем вираже они элегантно заняли позицию прямо напротив Клэйна. Это было мастерски, даже блестяще сделано, так что только когда они застыли, он понял, что в их новой позиции прочитывалось одно слово. Слово это было «КАЛАДЖ».

И вот появилась самая удивительная машина из всех — большой, с открытой палубой патрульный корабль. Это было пиршество цветов. Немного витиеватое, возможно, немного не в тон и, пожалуй, чересчур величественное для своей цели — Клэйн предположил, что его целью было

оттенить лорда-советника.

Эта была ошибка со стороны Каладжа. Он был почти незаметен. Он избрал яркую форму, которая довольно хорошо сливалась с цветами. Красная куртка могла бы быть композицией из гвоздик или роз, или любого из должных цветов. К желто-голубым полосатым брюкам хорошо подходил почти десяток похожим образом окрашенных цветочных украшений.

Казалось ясным, что новый лорд-советник уже достиг того опасного для себя окружения, где никто не осмеливался давать ему совета.

Пока Клэйн наблюдал, красочно-яркое чудище корабля село на землю. Другие суда приземлились вокруг и, наконец, вперед выступил Трагген с микрофоном.

— Его превосходительство лорд Каладж лично приказывает вам сдаться.

Фарс должен был продолжаться.

Клэйн ответил достаточно громко, чтоб слышал Каладж:

— Скажите ребенку в цветочном ящике, что я хочу поговорить с ним.

Когда Трагген нерешительно повернулся к цветочному кораблю, Клэйн увидел, что Каладж взял мегафон. Через мгновение его пронзительный

голос приказал стоящим вблизи солдатам идти вперед и схватить Клэйна.

— Не бойтесь, — смело закончил Каладж, — единственная его сила — это гипноз, и вам не нужно беспокоиться. У меня здесь для него клетка. Заприте его внутрь и принесите ко мне.

Клэйн мрачно улыбнулся про себя. Каладж, очевидно, объяснил себе, почему он был так раболепен в последний раз, когда он и его дядя встретились.

Гипноз. Это был простой способ скрыть слабость.

Клэйн подождал реакции на приказ мальчишки.

И солдаты, и их офицеры, казалось были в неуверенности. Не было проявлений решительности и стремительности, рвения показать главнокомандующему, что здесь были люди, готовые и желающие умереть за него. Офицеры тоскливо смотрели на Траггена, но если они ожидали, что он им поможет, они ошибались. Тратген выхватил свой мегафон и закричал в него:

— Вы подчинитесь командам вашего лорда-советника или впоследствии пожалеете.

Это вызвало движение. Дюжина солдат с одним офицером во главе побежала к цветному кораб-

лю и вытащила оттуда клетку. Молниеносно подлетело какое-то патрульное судно и клетку водрузили на борт. Люди взобрались через поручни, и корабль ринулся к Клэйну.

Когда он достиг границы смерти, вырвался клуб пламени. Там, где только что было судно, на землю медленно оседало облако пепла.

— Следующий! — неумолимо сказал Клэйн.

Последовала пауза, а затем сердитый крик Каладжа.

— Гипноз, — заорал он очередной группе людей. — Не обращайте внимания, идите и возьмите его.

Люди в нерешительности попятились, но их офицеры, казалось, каким-то странным образом приняли объяснение Каладжа. Взбешенные, они приказывали своим людям садиться в патрульные суда и, будучи линнскими офицерами, забрались внутрь с ними. Какая бы слепота ни поразила их, это не имело ничего общего с недостатком отваги.

На этот раз два судна вышли вперед и были также мгновенно уничтожены.

Через свой громкоговоритель Клэйн проговорил в тишину:

— Трагген, атомные боги будут продолжать

защищать меня от всех атак. Если вы хотите сохранить свой легион, попытайтесь убедить его превосходительство, что я не управляю всей этой трагедией. Я просто могу предупредить вас, что боги сами защитят меня от того, что вы и он, и все глупцы, которые привели его к власти, захотите сделать против меня. Берегитесь!

Каладж, должно быть, услышал, потому что завопил:

— Армия будет наступать одной группой. Мы развеем гипнотические штучки этого предателя.

Эта команда привела Клэйна в уныние. Он-то надеялся, что даже этот мальчишка поймет тщетность дальнейших атак. Но, очевидно, он ждал слишком многого. Теперь выбирать между Каладжем и армией приходилось ему. Если он будет вынужден убить этого юнца, последствия будут непредсказуемы. Это может серьезно замедлить действие схемы, которую он установил себе для захвата власти.

В настоящий момент оставалась одна возможность.

Он устроился за пультом управления оружия спасательного судна Риссов. Отработанными движениями опытного мастера он привел наводящее устройство в действие.

Пена голубого пламени прожгла траву рядом с украшенным цветами судном Каладжа.

В микрофон он насмешливо позвал:

— Ваше превосходительство, это похоже на гипноз, когда это так близко?

Трава горела. Даже с того места, откуда смотрел Клэйн, земля казалась расплавленной.

На цветочном корабле Каладж встал и лениво подошел к краю своего судна и взглянул вниз на языки пламени. Затем поднял свой мегафон.

— Нужно лишь посмотреть на них, — сказал он, — и они исчезают, — голос его поднялся. — Атаковать предателя!

Это был довольно изумительный блеф. Каким-то образом из глубины своего смятения мальчишка вычерпнул внешнее проявление уверенности, без чего не мог обойтись ни один предводитель, если он надеялся управлять боевой армией.

Клэйн тщательно прицелился.

Бок судна перед Каладжем сверкал жадным огнем. Жар, должно быть, был ужасный, потому что оба пилота выкатились со своих кресел и нырнули через передний борт корабля. Одежда их дымилась.

Каладж съежился, но с места не тронулся. Кл-

эйн был потрясен. Таяла его надежда на легкое решение; и вот уже отвага лорда-советника достигла эффекта. Если бы Каладж сейчас был убит, то могло бы считаться, будто он погиб смертью героя.

Клэйн поколебался. Следующий шаг должен быть решительным. Если он прицелится даже на несколько футов слишком близко, Каладж либо погибнет, либо будет тяжело ранен.

Клэйн сказал в микрофон:

— Каладж, я предлагаю вам побыстрее решить, что это не гипноз, и сказать, что дальнейшие действия должны подождать до изучения ситуации.

Предложение было, к счастью, сказано в нужное время. Огонь распространялся. Впереди и с боков большинство цветов уже горели и пламя уже прочно охватило то, что должно было быть деревянной палубой. Порыв дыма поглотил Каладжа, и в нем, очевидно, был жар, так как он отступил на несколько футов и закашлял, как любой человек, глотнувший дыма вместо воздуха.

Потом он совершил ошибку, закрыв рот платком.

И это, казалось, убедило его, что его блеф не может больше продолжаться.

С удивительным достоинством он перегнулся

через борт, отойдя от огня, и надменным знаком подозвал Траггена.

Последовало краткое совещание, после которого Каладж забрался в один из Цветных патрульных кораблей, которые его сопровождали. Машина взлетела и направилась к отдаленной линии космических кораблей. Трагген подозвал командиров ближайших групп, и последовало новое совещание, после которого офицеры присоединились к своим подразделениям.

Армия начала отходить. Примерно через полтора часа не было видно ни одного человека. Как раз перед сумерками поднялся первый корабль. За ним один за другим последовали остальные. В сгущающейся темноте было трудно определить, когда отошел последний корабль, Но одно казалось ясным. Сражение закончилось.

Он думал, что проблема Лилидел и Каладжа на этом закончилась. Но когда он добрался до дома, его ждало страшное несчастье. Во внутренний дворик только что вкатили носилки.

На них лежала мертвая Маделина.

25

В своей смерти она походила на спящую молодую девушку, волосы слегка растрепаны, вялое тело, руки безвольны.

Клэйн глянул на нее и почувствовал, будто часть из его собственной жизни выходит из него. Но голос его был ровным, когда он спросил:

— Как это случилось?

— В поселке беженцев, полчаса назад.

Клэйн хмуро задумался, и лишь через несколько секунд его поразила причина замешательства. Он сказал:

— Но что она там делала?

— Пришло какое-то сообщение с приглашением для нее навестить новорожденного.

— О-о! — произнес Клэйн. И хотя голос продолжал ему еще что-то говорить, некоторое время он лично ничего не слышал.

Он тоскливо думал: «Конечно, именно так».

Мать Маделина, щедрая хозяйка имения — во все эти роли Маделина направляла свою эмоциональную натуру. А проницательная Лилидел, наблюдающая издалека глазами и ушами своих шпионов, увидела потенциальные возможности.

Прямая атака, чтобы отвлечь «его» внимание, и если это не сработает, то она хотя бы нанесет один смертельный удар. Или возможно атака на него была идеей Каладжа, а Лилидел просто использовала эту возможность.

До него вновь дошел голос докладывающего командира охраны.

— Ваше превосходительство, — говорил офицер, — она настаивала на том, чтобы пойти. Мы приняли все меры предосторожности. Охрана зашла в дом и нашла там женщину, мужа и младенца. Когда Маделина вошла в спальную, мать ребенка сказала: «Разве вам нужно, чтобы все эти солдаты находились здесь?» Леди Маделина сразу же выслала охрану во внешнюю комнату и закрыла дверь. Ее должно быть закололи в тот момент, когда закрылась дверь, потому что она не издала ни звука. Она умерла, не зная этого.

— А убийца? — вяло спросил Клэйн.

— Мы заподозрили неладное меньше, чем через минуту. Несколько наших солдат выломали дверь. Другие побежали на улицу. Убийцы были очень умелы. Муж исчез в задней части дома, где находился патрульный корабль. Женщина, должно быть, выбралась из окна. Они пропали из виду до того, как мы смогли найти еще один корабль

или добраться до одного из наших. Преследование сейчас продолжается, но я буду удивлен, если оно будет успешным.

Клэйн тоже в этом сомневался.

— Их уже опознали?

— Нет еще. Но они, должно быть, беженцы, засланные в поселок как раз с этой целью.

Он велел вырыть могилу на холме, где был похоронен Джоквин, его давно умерший учитель. На надгробии была вырезана эпитафия:

Маделина Коргей ЛИНН

Любимая жена Клэйна и мать Брейдена.

После похорон он долго сидел на траве рядом с могилой и впервые подумал о собственной ответственности за это убийство. Он мог бы принять больше мер предосторожности.

Он оставил это, потому что было бесплодно. Один человек мог сделать лишь то, что в его силах, Его окончательный вывод был прост. Он вернулся в Линн со всеми его страшными интригами. Несмотря на все его искусство, Лилидел и Каладж успешно поймали его на свою старую уловку. Они сделали это накануне его попытки взять власть. Ничего не оставалось делать, как только доводить этот план до конца.

Лорд Клэйн Линн разместил свой штаб в одном

поселке, который располагался в миле от окраин Голомба, города, где укрылось правительство. Его офис размещался в большом одноэтажном доме, который удобно стоял в стороне от грязной дороги. Вокруг дома росли высокие деревья, и под ними были быстро разбиты палатки. Огромный сарай за домом был достаточно просторен, чтобы вместить многочисленный флот небольших кораблей.

По другую сторону дороги находился многоэтажный постоялый двор, размещавший более сотни людей.

Клэйн организовал круглосуточное патрулирование на спасательных судах Риссов. Своей ужасной огненной мощью они господствовали на всех подходах к поселку.

Охрана патрулировала по полям и дорогам. Служащие в больших количествах стали прибывать в первый же день, и с каждым днем их становилось все больше. В основном они были из его собственного имения, но некоторых наняли на месте. Ко второму дню он организовал резерв из сотни посыльных кораблей и был готов начать работу.

С самого начала он не допустил буквально ни одной ошибки в расчетах. Его огромный опыт

очень пригодился ему. Решения он принимал безошибочно и почти автоматически, не задумываясь.

Физически дела обстояли не так хорошо. У него была постоянная усталость.

Он не обращал внимание на эти симптомы. Он силой принуждал себя к длительным усилиям.

И в этот второй день он написал одно письмо, и отправил сотню его копий по планете людям, которые были всегда его главными сторонниками. Слова его были Дружескими, но твердыми. Он предложил всем, находящимся на руководящих постах, предоставлять ему копии любых докладов, которые они делали для правительства, и передавать ему все официальные распоряжения или документы, которые они, в свою очередь, получали.

Его письмо не содержало прямого намека, что он узурпирует функции правительства, но подтекст, должно быть, был ясен. В течение нескольких часов из ближайших провинций стали прибывать ответные послания. Почти три четверти ответов были утверждением безусловной преданности. Остальные приняли такое же отношение, но более осторожно.

Незадолго до наступления ночи в тот же день

несколько десятков известнейших людей лично пришли поздравить его с действием и поклясться, что будут поддерживать его до смерти.

С каждым часом возбуждение и напряжение нарастали. Клэйн лег спать поздно и хотя почти мгновенно заснул, ему снились странные, ужасные сны его детства. Всю эту долгую ночь он беспокойно метался и ворочался. А утром проснулся с таким ощущением, будто не спал вовсе. Он появился из своей спальни, чувствуя себя измученным, даже когда начался долгий день.

Он обнаружил, что послания шли непрерывным потоком все ночные часы. Это были из более отдаленных районов. По их числу Клэйну показалось, что каждый человек, которому он написал, дал добрый совет десяткам других сторонников на своей территории. К середине утра поток посланий говорил уже о необходимости занять часть постоялого двора и спешно направлять сюда служащих из его имения.

Клэйн ел свой обед с чувством победы. С того места, где он сидел в окне гостиничного ресторана, он видел, как приходили и уходили люди, как перешедшие на его сторону прогулочные корабли низко летали над деревьями. Казалось, что каждую минуту садилась или взлетала какая-

нибудь машина.

Тут и там поспешно строились времянки, тогда как умелые администраторы принимали все необходимые меры, чтобы приноровиться к системе его действий.

Вскоре после обеда Клэйн послал свое второе письмо, на этот раз губернаторам, правительственным чиновникам и важным особам, которые раньше его не поддерживали.

Это письмо было составлено уже по-другому. Холодно, кратко он извещал получателей о местонахождении своего штаба. Он закончил свою записку указанием: «Примите, пожалуйста, к сведению, что копии всех документов, которые вы предоставляете Каладжу, в будущем должны посылаться мне. Также вы будете высылать любое сообщение или документ, которые получите от правительства Каладжа после того, как сначала сделаете копию для своих досье».

Скрытый смысл этого письма не сможет остаться не замеченным проницательными людьми. Сотни осторожных людей рассмотрят ситуацию и будут действовать согласно своим личным интересам и убеждениям. Реакция была потрясающей. В течение двух часов стали прибывать не только послания, но и сами люди. Патроны,

губернаторы, военачальники, штабные офицеры, правительственные чиновники — всю последующую часть дня и весь вечер небольшой штаб Клэйна был битком набит людьми, готовыми продемонстрировать свою лояльность сейчас, когда они были уверены, что был кто-то, кому ее можно продемонстрировать.

В эту ночь Клэйн пошел спать еще более утомленный, чем в предыдущие дни с момента смерти Маделины. Но вопрос, сомнение, которое было в его голове столько лет, был разрешен.

Он высек искру, затронул жизненные струны, и люди ответили — как он и надеялся.

Пора. О, ну в самом деле пора.

Для человеческой расы было четверть двенадцатого.

И все-таки они ответили. Он спал напряженно. И проснулся удивляясь, достанет ли у него сил сделать десять тысяч вещей, которые еще нужно было сделать. Через несколько скоротечных лет все эти люди должны научиться принимать свою великую роль в звездной вселенной.

Шествие новых сторонников через его кабинет возобновилось вскоре после рассвета. Так как люди все прибывали, один знаменитый Патрон предложил Клэйну перенести свой штаб в Голомб

в правительственное здание более подходящего размера.

— Так будет легче, — настаивал он. — Там уже установлена связь между департаментами.

Клэйн согласился и объявил, что переедет на следующий день.

После полудня напряжение несколько спало. Служащие открывали офис с единственной целью: принять новых людей и определить их обязанности. Это была задача, которую Клэйн до этого выполнял почти без посторонней помощи.

Он стал получать сообщения о замешательстве Лилидел по поводу того, как люди из правительства исчезали из своих служебных помещений. Когда же у нее возникло первое подозрение об истинном положении, Клэйн не обнаружил. Однако он не слишком удивился, когда на пятое утро она явилась лично, менее чем за час до того, как он был готов переехать в Голомб.

Человек, который доложил о ней, цинично сказал, так чтобы она слышала:

— Ваше превосходительство, какая-то женщина, утверждающая, что она ваша невестка, хочет с вами встретиться.

Это было жестокое замечание, особенно потому, что человек, произнесший его, заявил о своей

преданности ему только вчера.

— Пришлите ее сюда, — все что сказал Клэйн.

В женщине, которая пошатываясь вошла в кабинет, лишь с трудом можно было узнать Лилидел. Лицо ее все было покрыто пятнами. Глаза были широко открыты, слишком широко, а кожа вокруг них была обесцвечена, словно она провела бессонную ночь. Она была то в ярости, то в ужасе.

— Ты сумасшедший! — взвизгнула она. — Как ты смеешь пытаться свергнуть законное правительство.

Эта фраза рассмешила его. Она и Каладж были «законным правительством». Это все, о чем она могла думать. И лишь после того, как ее убедили сесть, она достаточно успокоилась, чтобы Клэйн открыл ей правду. Она слушала его слова с явным страхом человека, которого приговорили к смерти.

Клэйн мягко объяснил, что во время кризиса правительства падают, потому что не могут себе помочь.

— Иногда, — продолжал он, — когда слабый правитель не очень вмешивается в правление квалифицированных подчиненных, его правительство может пережить небольшую бурю, но во

время национальной опасности правительство, которое не отвечает требованиям, рушится, как карточный домик.

К концу его объяснения она, должно быть, перестала слушать, потому что снова закричала о том, что она собирается сделать с предателями.

— Я приказала Траггену всех их казнить, — сказала она голосом, дрожащим от бешенства.

Клэйн покачал головой и тихо сказал:

— Я тоже послал приказ Траггену сегодня утром. Я приказал ему привезти сегодня Каладжа сюда, ко мне, живым. Посмотрим, какому приказу он подчинится.

Лилидел уставилась на него. Затем она удивленно тряхнула головой и пробормотала:

— Но мы «законное» правительство.

Следующий ее поступок показал, каков, как она думала, будет выбор Траггена. Глаза ее закрылись. Голова опустилась. Она медленно повалилась на пол к ногам Клэйна.

Каладж, когда его ввели под вечер, был нагл. Он сел в кресло. Откинулся назад. Сказал:

— Боги все еще любят меня, дядя?

Клэйн был изумлен. Он уже наблюдал ограниченное развитие прежде. Это показывало, как люди реагируют на новое окружение. Почти

три года Каладж был лордом-советником. За исключением разве что Лилидел, люди, которые поставили его к власти, все рассчитывали использовать наивного юнца в своих собственных целях. Как они жестоко ошиблись.

Клэйн не тратил время на юное чудовище. Он уже отослал Лилидел в дом отдыха, который он содержал в отдаленной провинции. Теперь, с эскортом, он отослал туда и Каладжа.

Работе, которую нужно было делать, казалось, не было границ. Поступающие доклады, даже сокращенные для него, требовали времени для прочтения и понимания. Постепенно однако, даже когда он все больше уставал, проявлялась общая картина.

Из всего, что он смог собрать, выходило, что первый этап вторжения Риссов закончился. Прибытие нового полчища колонистов показывало, что начинается второй этап. Он будет беспощадным. Удар будет нанесен на каждое крупное сообщество. Кораблям с резонаторами достаточно лишь пролететь низко над землей, и люди будут погибать миллионами.

А потому — атаковать Риссов.

Но он застудил грудь и никак не мог вылечиться. Чувствуя себя хуже, чем он хотел себе в том

признаться, Клэйн направился в свое имение. Там он приготовился к простому, как он намеревался, отдыху.

Это оказалось худшим из того, что он мог сделать. Он постоянно кашлял и давился мокротой. Голова раскалывалась настолько, что он едва мог думать. Временами зрение его настолько затуманивалось, что он мог видеть лишь с огромным трудом.

Стало невозможно удерживать твердую пищу. Он был вынужден перейти на диету только из жидкостей. Вечером второго дня, больной, как никогда в жизни, он лег спать.

Он был все еще убежден, что все, что ему было нужно — это отдых.

«В конце концов, — неуверенно сказал себе Клэйн, — это смешно».

Было утро третьего дня, проведенного в постели. Сквозь открытое окно он слышал звуки работающих в саду людей. Дважды за вот уже несколько минут мелодичный смех какой-то женщины прозвенел в тихом, приятном воздухе.

Глаза его болели, тело то бросало в жар, то знобило. Ему уже было все равно, что с ним. У него было смутное чувство, что он совершил ошибку, вернувшись в имение; «Солнечная Звезда» было

лучшим убежищем. Лучше оборудована, больше подготовленных химиков. Что-нибудь для него бы сделали.

Эта мысль никогда не приобретала четкую форму. Просто нечто такое, что он мог бы сделать. Все, что он мог сделать сейчас, это выдержать до конца.

Промелькнула мысль: «Беда в том, я никогда прежде не болел. У меня нет опыта. Я не представлял, что болезнь ослабляет разум».

Он слабо пошевелился, лежа в постели. «Нужно поправиться, — убеждал он себя, — я единственный, кто может прогнать Риссов с Земли. Умри я...» — но он не смел думать об этом.

С кривой усмешкой он нарисовал себе картину, как презренный мутант поднялся до величайшей должности в империи Линна. И в час победы над смертельным врагом... свалился в постель. Вот он, беспомощный от болезни более мощной, чем любая власть, которой он мог когда-либо обладать. И победа ускользала, испаряясь вместе с ним.

Покачав головой, сильно удрученный, он повернулся на бок и заснул.

Ему снилось, будто он ребенок, ему четыре года, он стоит в саду центрального Дворца времен лор-

да-правителя Линна. И что за ним гонятся другие дети. В этом кошмаре, единственная его надежда была на то, чтобы он смог управлять шаром энергии прежде, чем они смогут схватить его.

Шар, символ огромной силы, почти божественный шар.

Даже во сне он знал, что оба шара, тот, который вернул ему Чиннар, и тот, который они взяли у маленьких людей, были далеко от имения. И тем не менее все равно он старался взять шар под свой контроль. Его мозг, казалось, был не в состоянии сформировать мысль-сигнал.

Мальчишки были уже близко. Оглянувшись, он мог увидеть их сверкающие глаза, их открытые жадно рты. Даже их дикие крики доплывали до него через годы и отзывались в его мозгу со всей прежней силой.

А затем, как раз когда их растопыренные руки уже хватали его, как раз когда им уже овладело полное отчаяние, он произнес вслух сигнальное слово для шара.

Он проснулся в испарине от страха, но почти мгновенно снова заснул. И снова за ним гнались мальчишки. Он понял, просто, что ошибся, когда пытался сказать сигнальное слово. То, что он действительно хотел, это добраться до черного

ящика, в котором обычно хранился шар.

Он дотянулся до него и в радостном экстазе стал забираться в него. Он знал — каким-то образом он знал — если он заползет внутрь, то мальчишки его не заметят. Он спрятался, вжался глубоко в ящик — он был глубже, чем это ему вспомнилось — и погружался в темноту, когда отчетливо подумал:

«Что я здесь делаю? Куда это ведет меня?»

Долгое время он размышлял над тем, что за этим кроется. А затем очень медленно и болезненно он сдвинул покрывала в сторону. Он сел, его слегка тошнило, но он был тверд.

«Болен или нет, — подумал он, — я встаю».

Он пойдет на «Солнечную Звезду». В огромных химических лабораториях корабля, во время долгого путешествия он нашел время смешать некоторые из лекарств, описанные в каких-то старых медицинских книгах, которые он нашел. Он испробовал их на явно умиравших, затем осторожно на больных. Некоторые из них были удивительно эффективны против респираторных заболеваний.

В комнату вошла сестра. Он взглянул на нее затуманенными глазами.

— Моя одежда, — пробормотал он, — принесите

мою одежду.

— Ваше превосходительство, — она волновалась, — вам нельзя. Вы больны. Вы должны лечь в постель.

Она не ждала ответа. Она поспешила из комнаты. Через минуту в комнату вбежал врач. Он бросился к постели, и Клэйн почувствовал, как его без сопротивления положили в постель на спину. На тело натянули простыни.

Он запротестовал с минутным жаром.

— Доктор, мне нужна моя одежда. Мне нужно на корабль. — Его голос угас до почти беззвучного шепота.

Над ним расплывчатая фигура врача повернулась к расплывчатой фигуре сестры.

— Корабль, — сказал он. — Что он хочет сделать? Отправиться в бой?

Последовала пауза. Затем доктор снова заговорил.

— Сестра, пригласите остальных женщин и дайте ему холодную ванну. Я полагаю ему нужен шок.

Вода ощущалась смутно. Он принял это ощущение пассивно, но подумал с долей насмешки:

«Я пойман здесь. Я не могу убежать. Они будут следить за мной круглые сутки. Они знают все

маленькие хитрости инвалида. И каким-то образом в этот час мой ранг не значит ничего».

Он не помнил, как его перенесли обратно в кровать, но он вдруг снова оказался под простынями. Сейчас они казались более тяжелыми, словно был добавлен дополнительный вес. Он с интересом подумал, что они, вероятно, старались удержать его простым грузом одеял. Над ним одна из сестер сказала:

— Он спит. Это хорошо. Я думаю ему будет лучше, когда он проснется.

Его ощущения были не похожи на сон. Не было это и сновидением. Казалось, что он стоял на зеленой лужайке и интересно, что Маделина была рядом с ним, улыбаясь и говоря:

— Я буду тебе полезной. Тебе нужен кто-то, как я.

Он вспомнил это со слабой улыбкой. Его улыбка сошла, и он повернулся к Джеррину:

— Боюсь, это значит, что Чиннар — следующий лорд-правитель. Линны уходят. Вся борьба была впустую…

Далеко кто-то сказал:

— Патронату порекомендовали, и для управления империей создан Совет Девяти.

Он был один на зеленой лужайке, расхаживаю-

щий на свежем воздухе, глубоко дыша. Впереди был какой-то лес, с тенями под деревьями. Какие-то фигурки порхали от ствола к стволу. Он, казалось, узнал их, и тем не менее он не мог решить, кто они.

Он подошел к краю леса, поколебался, а затем, осознавая, что Маделина рядом, прошел дальше в тень.

Он проснулся и открыл глаза.

Было так, словно даль была перекрыта и фактические глубины исчезали. Он почувствовал расслабление и легкость. Зрение было ясным, тело прохладным и удобным. Клэйн повернул голову.

Чиннар, осунувшийся, с ввалившимися щеками сидел в глубоком кресле рядом с кроватью. Вид его встряхнул память Клэйна. Он вспомнил, что лекарства были принесены ему с корабля.

Он лежал в кровати, выздоравливающий, но ослабевший. И он сказал Чиннару:

— Сколько на это ушло?

— Восемнадцать дней.

Варвар изнуренно улыбнулся.

— Нам пришлось пробиваться сюда, — сказал он. — Когда я услышал, что вы умираете, я послал ультиматум вашему врачу. Когда он не ответил,

я спустился с тремя вашими обученными фармацевтами и армией. Так как все ваши резонаторы были с корабля и настроены на нас, мы просто вошли.

Он замолчал.

— Как получилось, что у вас здесь такой тупой невежда? После всей этой медицинской работы, которую вы провели на корабле, возвратиться сюда.

Клэйн извиняющимся тоном сказал:

— Я забыл, что он здесь. Я был так занят, когда мы вернулись. Кроме того, я был болен, и мне не хватало здравого смысла.

Его поразила одна мысль. Он уставился на Чиннара, более четко поняв смысл присутствия варвара. Вот здесь был вождь, приученный к кровавой тактике, И тем не менее он бескорыстно пришел помочь своему главному сопернику за власть в Солнечной системе.

Чиннар, казалось, понял его мысли.

— Ваше превосходительство, — сказал он мрачно, — восемнадцать дней я дежурю возле вашей кровати, потому что мой ответ на проблему Риссов не лучше, чем у всех дураков Линна там. — Он махнул рукой и продолжил: — Это кажется невероятным, но человеческая раса может быть

спасена только одним человеком, а как он надеется это сделать, я даже не могу себе представить.

Он помолчал. Каким-то странным образом он выглядел таким напряженным, что Клэйн был наэлектризован. Варвар мрачно кивнул.

— Вы правильно догадываетесь, — сказал он, — идет война с Риссами. И уже сейчас все старые планы сопротивления, которые у меня были, начинают походить на глупость больного мозга.

Он замолчал.

— Шесть дней, — сказал он просто, — сотни боевых кораблей Риссов атакуют человеческие поселения любых размеров. Я даже не мог оценить для вас все потери. Мужчины, женщины и дети умирают в агониях. Без всякого сомнения, это похоже на второй и последний этап.

Еще раз его тон изменился.

— Ваше превосходительство, — указал он сурово, — мы должны уничтожить эти чудовища до последнего.

— Нет! — сказал Клэйн.

Он медленно привстал в кровати, чувствуя свою слабость. Но глаза его твердо встретили налитый кровью взгляд собеседника.

— Чиннар, — сказал он, — завтра утром мы сбросим нарисованный ультиматум, дающий

Риссам месяц, чтобы уйти из Солнечной системы и принять идею раздела как постоянную политику.

— А если они откажутся? — в голосе варвара слышалось явное сомнение. Он протестующе добавил: — Ваше превосходительство, через один месяц пятьдесят миллионов людей будут…

Клэйн продолжал, словно не слышал:

— Начиная, примерно через два дня с этого времени, мы начинаем повсюду разрушать их силы и их цивилизацию. Точное время зависит от того, как скоро я смогу встать.

Он помотал Чиннару головой.

— Не тревожьтесь. Я еще никогда не чувствовал себя более в своем уме, чем сейчас. Я готов, я наконец-то в состоянии. Говорю вам, друг мой, я вижу вещи, которые ни один человек или мозг никогда прежде не видел. Все предварительные испытания проведены, хотя мне еще нужно сделать несколько специальных электронных фотографий.

— А потом что?

— По крайней мере, откроется какая-то часть глубочайшего знания материи и энергии.

26

Целую минуту после того, как он вошел, Клэйна не замечали. Он воспользовался этой возможностью осмотреть всех присутствующих.

Это была… ассамблея, собравшаяся здесь в огромной физической лаборатории на борту величественного — прежде Рисского, сейчас Линнского — боевого корабля «Солнечная Звезда». Присутствующие Ученые Храма смотрелись ярко и чисто в своих белых парадных одеждах. Правительственные чиновники также были поразительно хорошо одеты; это была верхушка, и, разумеется, у них был доступ к материалам.

Из всех гостей самым потрепанным выглядело крупное дворянство. Их имения были поистине захвачены толпами беженцев, и за время этого кризиса стало уже обычной практикой поддерживать вид равного лишения. Почему-то, как наблюдал Клэйн во время вторжения варваров, это в равной степени удовлетворяло безземельных, безденежных и безмозглых.

Неожиданно люди увидели его. Гул разговоров стих. Лорд Клэйн поколебался еще секунду, а затем прошел через кордон солдат, которые долж-

ны были защищать ряд машин от любопытных посетителей. Он включил питание микроскопа и камеру с универсальным питанием и другие приборы, которые будут задействованы. Затем он повернулся к гостям, последние из которых рассаживались в креслах.

Клэйн знаком пригласил носильщиков вынести шар и его контейнер. Когда его установили под одной из более сверкающих машин, он нажал кнопку. В шар, когда он прокатился, вошла телевизионная камера, затем она двинулась вперед и назад совершенно синхронно с шаром.

Он выбросил руку к еще одному переключателю; свет погас. С потолка спустился огромный экран. На нем появилась звездная вселенная. Клэйн указал на слабо мерцающий шар справа от экрана, катающийся взад-вперед.

— Картина, на которую все сейчас смотрели, находится внутри него, — сказал он.

Идея, должно быть, была слишком нова, чтобы они могли понять ее. Или, возможно, они отвергли его объяснения, даже когда он закончил говорить. Никто не казался удивленным, что было ненормально.

Он подождал, пока эта сияющая масса звезд не пришла в равновесие. А затем, просто предста-

вив это так, привел всю массу в движение мимо камеры. Сначала движение было невидимым. А затем какое-то сияющее солнце пронеслось в их сторону. Оно выросло до огромных размеров, потом быстро заскользило мимо. Какая-то планета невероятно близко коснулась экрана и величественно покатилась ближе. Вдали был виден какой-то спутник. Клэйн назвал их.

— Наша Земля и наша Луна, — сказал он, — а то было наше Солнце. Давайте введем их в комнату, хорошо?

Он не рассчитывал, что они это поймут. Отклонив камеру, он подождал, пока не погас экран, и на мгновение задумался. Из аудитории донесся коллективный вздох изумления. Сверкнув, показался какой-то сияющий белый шар около трех дюймов в диаметре, который и прошел под окуляром микроскопа. В комнате внезапно стало так же светло, как днем.

Клэйн сказал в мертвой тишине, которая последовала за вздохом:

— Хотя это трудно понять — это наше Солнце. Хотя их невозможно видеть невооруженным глазом, все планеты находятся с ним. Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер и так далее.

Он подождал, и какой-то человек произнес

неестественным напряженным голосом:

— Но как это возможно? Мы сидим здесь, в корабле, в нескольких милях над Землей.

Клэйн не ответил. Потому, что это была одна из основных тайн пространственно-временного континуума. Риссы выделили какой-то любопытный продукт в их «защитном» устройстве с его резонирующим потоком энергии, который моментально войдет в каждое пространственно-временное поле.

Но здесь в шаре и его побочных продуктах должен быть ответ более точный и окончательный, чем любой другой, о котором когда-либо мечтали.

Рациональная космология? Конечно, впервые в истории жизни люди глядели в сокровенные значения вещей. Что появилось раньше: мысль о Вселенной или сама Вселенная? Ответ должен быть сложно вплетен в саму природу вещей. Размер, скорость, пространство, место — все находится в понимании, не в действительности. Мертвый ничего из этого не осознает. Живой может вглядеться на миллиард световых лет в темноту, на галактики, стремительно уходящие в еще большие «дали». Но он не может легко приспособиться к четырехмерному восприятию,

что даст ему возможность постичь целую вселенную как мгновенную мысль в собственном мозгу. У нее не было бы другой величины, кроме существующей в его же оценке, другой скорости, кроме как относительно самого себя.

— А сейчас, — Клэйн повернулся, — у нас здесь есть Земля размером с пылинку. Это довольно большой размер. С помощью микроскопа мы сможем увеличить ее в сотни миллионов раз. Это даст нам на рассмотрение огромное тело, которое мы можем надеяться увидеть по небольшим сегментам.

Он чувствовал на себе десятки глаз, когда склонился над прибором. Сделав необходимую настройку, он выпрямился и сказал:

— Я установил в эту машину инфра-иглу, которую я могу описать вам, только дав несколько ничего не значащих цифр. Риссы использовали их, чтобы пронзать предметы в одну десятимиллионную миллиметра. Я использую ее так, как можно использовать нож.

Он сделал паузу, чтобы дать возможность таинственным словам дойти до людей. Затем сказал:

— Теперь я поставлю наше крошечное Солнце и его планеты в положение, где микроскоп можно сфокусировать на Землю.

Он посмотрел в окуляр прибора. Не отрываясь от него, он сказал:

— Я могу видеть под собой Землю. Впечатления вращения нет, и тем не менее скорость оборота должна быть двадцать тысяч в секунду. Это будет пропорционально ее размерам. Я еще не высчитал его, потому как то, что я намереваюсь сделать, будет зависеть от автоматического механизма. Впечатление, что за секунду проходят тысячи дней по двадцать четыре часа, только кажущееся. Между нами и этой Землей существует неразрывная связь. Расчет времени будет точным.

Он продолжал:

— Вы можете спросить, как я могу надеяться увидеть что-нибудь на предмете, вращающемся с такой страшной скоростью. Особенно, если он делает тридцать оборотов вокруг Солнца каждую «секунду». Мой ответ в том, что Риссы снабдили нас всеми необходимыми автоматическими средствами. Это вопрос синхронизации, невозможный для человеческого разума, но простой для путей энергии. Я немного попрактиковался на Луне вчера, чтобы убедиться, что эта теория правильна.

Он выпрямился, поднял стопку фотографий и передал их ближайшему зрителю.

— Передавайте дальше, — сказал он.

Он не обращал внимания на охи и ахи, которые начались почти сразу же. Вернувшись к возвышающемуся микрофону, он возобновил объяснения.

— Скорость почти или вообще не имеет значения, когда действуют эти реле. Эта камера Риссов делает миллионы снимков в секунду. Снимки не фотографируются на пленку, а хранятся в трубке. А то как они могут использоваться, происходит примерно следующим образом. Вчера, как вы, вероятно, помните, мы посещали горные города и наблюдали их один за другим с безопасного расстояния. Вот чего вы не знаете, так это то, что я сделал фотографии каждого и поместил их в эту трубу.

Пока он говорил, он все время смотрел в окуляр. Вот он снова выпрямился.

— Вот сейчас камера делает снимки Земли, каждый раз, когда она проходит под ней. Когда я ставлю этот рычаг на место, она делает снимки только того района этого крошечного глобуса, который по структуре соответствует одной из сделанных мною вчера фотографий городов, управляемых Риссами.

Он надавил на рычаг.

Между сверкающим Солнцем и аудиторией бесшумно выдвинулась ширма, сильно приглушившая свет экрана. На экране было какое-то яркое пятно.

— А, я вижу резкость не совсем настроена, — сказал Клэйн.

Он еще что-то настроил. Результат показался мгновенно. Яркое пятно на экране на экране стало четким и превратилось в город в горах.

Какой-то низкий голос произнес:

— Да это же Денра.

И все равно, он понял по их слабой реакции, что у них не было представления о том, что сейчас произойдет. Это было не удивительно: он вынужден был признать это. Они были свидетелями координации наук Риссов и человека на ее высшем уровне — и у них просто не было достаточной подготовки и знаний, чтобы ухватить грандиозность того, что должно было произойти.

Не колеблясь, он продолжал:

— Следующий шаг — это синхронизировать нашу проникающую «иглу». Пожалуйста, поймите все вы, что когда ее применяют против Земли размером с пылинку, протыкание «точки» диаметром в одну десятимиллионную миллиметра может быть гибельным. Приборы должны быть

настроены соответственно таким образом, чтобы нанести лишь поверхностный удар.

На экране город Денра исчез в облаке пыли. Часть горы была словно выдолблена каким-то громадным молотком на глубину около мили.

— Прелесть этого, — сказал Клэйн ровным, не испытывающим раскаяния голосом, — в том, что здесь нет радиоактивности и нет возможных контратак. Так вот мы, очевидно, не станем уничтожать наши собственные города, если не будем вынуждены это сделать, даже если в настоящее время они и заняты Риссами. Я думаю: нам следует дать захватчикам шанс обдумать происшедшее, пока мы переключимся на другой город, на этот раз не на Земле, а на планете Риссов, которую посетила «Солнечная Звезда». Пока мы были там, я сделал необходимые фотографии, потому что даже тогда мои мысли шли где-то в этом направлении.

Потребовалось около минуты, чтобы вынести это солнце и его планеты из шара под универсальным микроскопом.

Клэйн сказал:

— Как вы знаете, наши условия переданы. Чтобы рассказать все это, мы использовали серию картинок. Мы требуем сдачи полевых боевых

кораблей, которые пришли в Солнечную систему, совместной работы в нашей галактической мирной программе — куда входит совместное развитие всех вновь открытых пригодных для обитания планет, и частичный раздел многих уже населенных миров. Межзвездный телевизионный механизм, переведенный со второго корабля, который мы захватили, находится на борту и действует — к сожалению, сам второй корабль все еще в неисправности. Пока что мы не получили никакого ответа на наш ультиматум. Потому возникает необходимость убедить упрямого противника на части его собственной территории в том, что ему придется сотрудничать или погибнуть.

Он коснулся какой-то кнопки, и город Риссов на экране рассыпался, словно был сделан из порошка. Удар, казалось, был более сильным, чем первый, потому что не только город был раздавлен, но и огромная гора за ним разорвалась, как кусок ткани.

— Сейчас я настрою на еще более глубокий удар, — сказал Клэйн. — По той причине, что мы «сфотографировали» города, занятые Риссами только на Земле и на одной планете Риссов, на которой мы были. Любые удары, которые мы на-

носим по другим планета Риссов, отмеченным на захваченных звездных картах, придется нанести «влет», то есть без помощи предварительных «фотографий». Я думаю, мы всегда можем ударить по горному району радиусом в сто миль.

Несмотря на его волю и спокойствие, голос его дрогнул. Он должен ударить достаточно сильно, так, чтобы почувствовался эффект — аудитория была в мертвой тишине, но они вероятно не могли, как он, понять огромные масштабы происходящего. Приручалась Вселенная. Человек больше никогда не будет выглядывать на звезды и чувствовать себя маленьким и незначительным. Пространство и время оставались, как всегда, восхитительно грациозными, но занавес все же поднимался. Дни, когда сама таинственность и размеры потрясали умы тех, кто смотрел, не прошли. Однако… все это уже никогда не будет по-прежнему.

Клэйн скрыл свой трепет, взяв дополнительное время для подготовки к следующему удару. Наконец, почувствовав, что он снова овладел собой, он сказал:

— Мне представляется, что им понадобится какое-то время, чтобы принять горькую действительность своего поражения. Нам просто

придется продолжать наказывать их до тех пор, пока они не дадут нам сигнал, что они готовы обсуждать условия.

Прошло четыре часа, прежде чем поступил этот сигнал.

Прошел год. Идя рядом с Чиннаром, Клэйн сказал:

— Все равно она кажется мне странной.

Они оба, Клэйн в будничной мантии священника, а Чиннар в форме рядового варварской армии — привычная картина вокруг Линна в те дни — медленно подошли к недавно законченной колонне победы.

Клэйн внимательно осмотрел ее. Она стояла на огромной площади перед Центральным Дворцом. За ее строительство проголосовал Патронат, и она состояла из огромного мраморного куба, на вершине которого была создана сложная сцена. Человек в мантии ученого храма стоял, расставив ноги, на двух планетах. Высоко над головой он держал третью планету. Он стоял на цыпочках, словно дотягиваясь к чему-то. Повсюду у его ног были другие планеты и звездообразные объекты.

Мантия в отличие от всего, что Клэйн когда-либо носил, была ярко-золотой по цвету. Она сияла на полуденном солнце. Лицом фигура по-

разительно походила на Клэйна, но тело было непропорционально громадным по сравнению с остальной частью статуи. Там возвышался великан.

Клэйн обернулся к Чиннару, чтобы сказать что-то, и увидел, что тот наблюдал за какой-то парой, которая остановилась в нескольких футах от них.

— Посмотри сюда, — сказал мужчина женщине, — здесь написано «Спаситель расы». Что придумают наши правящие силы в следующий раз?

Женщина сказала:

— А ты уверен, что это член правящей семьи? А-а, вот там имя, — она шевельнула губами, словно читала его про себя. Затем сказала, — Клэйн Линн. Это который? — они отошли в направлении дворца.

Клэйн сухо сказал:

— Такова слава.

Он увидел, что Чиннар улыбается. Великий человек улыбался.

— Мир большой, — сказал он. — Зачем им знать ваше имя или как вы выглядите? Они не видели, что вы делали. Может, когда у нас телевидение будет шире распространено, тогда вас, может,

будут узнавать на каждом углу.

Клэйн сказал:

— Я не спорю. Много ли я сам думаю о великих людях прошлого? Разделить это на десять — вот и будет мое истинное положение в деле славы. — Он добавил:

— Это хорошо, что люди забывают своих героев и своих богов. Если бы не забывали, для новорожденных жизнь была бы по-настоящему серой.

Чиннар сказал:

— Жаль, что я не смог быть здесь во время открытия. Давайте сядем на минутку.

Он знаком пригласил Клэйна к одной из тяжелых каменных скамеек. Вскоре прошла группа смеющихся девушек. Они даже не взглянули ни на колонну, ни на двух мужчин, сидящих под нею.

Два молодых человека с палитрами и мольбертами разложили свои принадлежности и сели на скамейки через аллею перед монументом. Они начали рисовать.

— Что мне в ней нравится, — сказал один, — это то, как она вырисовывается на фоне неба. Если я смогу правильно затушевать ее на переднем плане, то думаю я смогу сделать чудесную картину.

— Это отвратительная работа, — сказал другой, — но картины скульптур довольно хорошо идут. Когда появляется какая-нибудь новая, важно быть первым. Если я смогу разместить дюжину копий в лучшие магазины, то У меня будут заказы на сотни.

Они снова умолкли. Через несколько минут второй из них подошел к Клэйну и Чиннару.

— Я пробую нарисовать эту скульптуру, — сказал он, — а вы оба, сидя на этой скамейке, ничего в нее не вносите. Если вы не против, я бы хотел, чтобы вы оба встали и подняли правые руки, словно вы отдаете дань герою. Уверяю вас, на это не уйдет много времени. Я работаю быстро, и смогу набросать ваши портреты за несколько минут.

Должно быть, он неправильно истолковал выражение лица Клэйна, потому что пожал плечами и сказал:

— Если не хотите, то, может быть, вы не против перейти на те другие скамейки.

Чиннар бросил ироничный взгляд на лорда-правителя. Линна, затем поднялся. Он сказал:

— Сомневаюсь, чтобы мой друг стал позировать именно перед этой статуей, но я буду очень счастлив сделать это так, как вы предложили.

— Спасибо, — сказал художник.
И пошел к своему мольберту.

Библия Пта

Глава 1
ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он — Пта.

Он не думал, что это его имя. Нет. Пта — это он весь, его мысли и тело, зоркие глаза и чуткие уши, сильные руки и ноги, которые уверенно шли по земле. И земля… Нет, земля не Пта, но он связан с ней чем-то прочным, хотя и неясным для сознания. Он был Пта и шел по земле, направляясь к Пта, возвращаясь в столицу Пта, столицу его империи Гонволейн после долгого отсутствия.

То немногое, что он осознавал, не вызывало никаких возражений разума, было очень важно. Он ощущал необходимость пройти весь путь и передвигался монотонным, но быстрым шагом, желая увидеть следующий поворот русла реки и повернуть к западу.

На западе он видел огромную долину, покрытую травой и редкими деревьями. Вдали, подернутые дымкой тумана, маячили горные вершины. Там цель его пути.

Его раздражала река, русло которой извивалось по долине и преграждало путь к цели, отнимая

силы и время. Его тело и смутное сознание жаждали быстрее достичь манящих гор. И там смеяться, кричать во весь голос, скакать от восторга.

Надо идти… Идти туда… иду туда!

Вдруг в сознании промелькнула неуверенность в себе самом.

Он Пта, возвращающийся к своему народу. Как выглядит Гонволейн, на кого похожи его жители?

Этого он не может вспомнить. Искал в памяти и не находил ответов на эти вопросы. Это было за пределами его сознания.

Сейчас ему предстоит пересечь реку, которая уже знакома. Дважды он ступал на мокрый песок у кромки воды и каждый раз отступал, пораженный враждебным противодействием. Пришла неожиданная боль от сознания мысли, что ему неизвестно, что было до того, как Пта вышел из тьмы.

Растерянно он смотрел во все стороны на юг, восток, север. Везде были такие же горы, как на западе. Нет, совсем другие! Туда его не влекло.

И снова он смотрел на западные горы. Ему необходимо идти туда, не обращая внимания на противодействие реки. Ничто не может остановить его. Через реку, вперед к цели… Вели-

чественный мир манил Пта.

Он ступил в воду, шаг назад и снова вперед, в темный бурлящий поток. Река охватила его. Она казалась живой. Она тоже двигалась по земле и не была частью земли… И не была частью Пта.

Мысль оборвалась, когда он провалился в глубокую яму. Вода жадно взметнулась вверх, проникая в рот, нос, уши. Судорожно затрепетали легкие, дыхание перехватило. Он присел на дно и резко оттолкнулся от него ногами, опираясь ладонями на густую массу реки. Еще и еще пытался он выбраться на мелкое место. Удалось.

Он не испугался. Просто все происходило так, как хотел его разум. Надо идти к горам, а река пытается остановить его. Но он позволит реке задержать Пта. Если и будет кому-то плохо и больно, то реке, а не ему. Смело вперед.

Он не обращал внимания на спазмы, сдавившие горло. Шел прямо, преодолевая сопротивление темной, бурлящей жидкости. Он сильнее реки и боли. С этой мыслью боль ушла. Вода уже не тащила его вниз с такой силой, омывала ноги после того, как он отталкивался от мягкого дна. Каждый раз, как голова его возвышалась над бурлящим потоком, он видел: горы приближаются.

Резкая волна боли снова прошла сквозь тело,

когда он почти достиг берега. Вода снова устремилась через рот внутрь тела и повлекла вниз. Он судорожно закашлялся, скрылся под водой и вышел на берег, опираясь на дно руками и ногами. Пройдя полосу мокрого песка, тело Пта рухнуло на траву.

Приступ кашля прекратился, он встал и посмотрел на мрачный бурлящий поток. Отворачиваясь, он познал одну истину — он не любил воду.

Дорога, на которую он вступил, поставила перед сознанием еще одну загадку. Она давала Пта возможность без препятствий идти прямо на запад. Ясно, что она ведет его к цели. Но куда? Не ясно. Снова мысль вернулась к реке, которая бурлила, извиваясь. Но она никуда не текла, не стремилась к своей цели, и можно было не познавать ее сущности до конца.

Надо идти дальше!

Когда он принял это решение, то раздался какой-то незнакомый звук.

Он прислушался. Звук приближался с севера, откуда пришла дорога, обогнув поросший деревьями холм. Источник звука не был виден, затем его глаза увидели нечто. Часть его была похожа на тело Пта. Эта часть была сверху, имела руки, ноги, голову и все остальное, что было у него.

Но светлым было только лицо, остальное было темнее. Другая часть, которая была внизу, была ему совсем не знакома. Она состояла из кусков дерева и по бокам имела большие круги, катившиеся по земле. А впереди всего этого было еще что-то. Свирепого вида животное с четырьмя ногами и одним большим рогом, торчащим посередине лба.

Пта направился к этому зверю, широко открыв глаза и стараясь запечатлеть в мозгу все, что он видит. Уши ощутили, что верхняя часть приближавшегося объекта внимания пронзительно закричала, морда животного уперлась ему в грудь, рог застыл на уровне лица. Страшное нечто перестало двигаться.

Пта почувствовал растущее раздражение. Часть, похожая на человеческое тело, продолжала орать на него. Осмысление происходящего продолжалось. Пришло понимание, что части целого могут существовать отдельно. Стало ясно, что он слышит слова общения людей.

— Что с тобой? Лезешь прямо под повозку! Ты больной? Только идиоту придет мысль шляться нагишом! Хочешь повстречать воинов богинь в таком виде?

Слишком много нового смысла было в том, что

он слышал. Слова роились у него в голове, мешая друг другу. Он с трудом улавливал суть. Усилие понять фразу вытеснило чувство раздражения.

Он произнес равнодушно:

— Повозка. Болен.

Человек с ухмылкой уставился на него и уже тихо произнес:

— Ты болен. Поехали со мной в Линн. Это всего в пяти канбах отсюда. Там есть замок, где тебя накормят и вылечат. Иди сюда, я помогу влезть на повозку.

Когда повозка тронулась, человек спросил:

— Где твоя одежда?

— Одежда? — наивно переспросил Пта.

— Ты хочешь сказать, что не сознаешь срама наготы. Ты не понимаешь, что раздет? Ну-ка не отводи глаза в сторону.

Пта тяжело повернулся. В тоне, каким была сказана последняя фраза, он ощутил особый смысл, а именно предположение, что с ним не все в порядке. Что-то должно быть по-другому.

— Раздет? Одежда? — в голосе появилась злость.

— Не психуй, — поспешно сказал спутник. — Посмотри… Одежда… вот такая… как у меня.

Человек снял свой пиджак и поднес его ближе

к Пта.

Злость ушла из сознания. Пта всматривался в человека, пытавшегося объяснить, что он вовсе не темный ниже головы, просто покрыл свое тело чем-то темным, что не есть часть человека. Пта потрогал пиджак, развел руками в стороны, осмотрев их. Эта часть одежды шуршала и мялась в пальцах свободно. Пта засмеялся.

Человек снова повысил голос:

— Эй, ты что это…

Пта удивленно посмотрел на него и подумал, что это создание, такое шумное и беспокойное, задержало его, чтобы показать свою одежду. Случайно его ладони наткнулись на дырку в спине, плохо прикрепленную заплатой. Он просунул палец в отверстие и широко улыбнулся.

Глаза человека сузились, губы сжались, и он прошипел:

— Значит ты не знаешь, что такое одежда? Ну-ну! Ты совсем болен. Ты издеваешься надо мной…

По лицу человека было ясно, что он принял новое решение. Внезапно он рванул пиджак на себя и хлестнул им животное. Оно резко рванулось вперед, повозка подпрыгнула на кочке. Пта не был готов к этому и упал на дорогу.

Он лежал, а повозка быстро уносилась на запад. Все дальше и дальше, туда, куда надо идти. Возница стоял на ней и пиджаком хлестал животное, которое скакало все быстрее.

Пта шел по дороге и со злостью думал, что передвигаться в повозке, которую тащит животное, быстрее, легче и приятнее.

Он шел довольно долго, прежде чем увидел впереди много огромных зверей. Он следил за ними с возрастающим интересом, особенно тогда, когда заметил, что на них сидят люди. Наездники передвигались быстро, и расстояние разделявшее их, сокращалось с каждой минутой. Он ждал, дрожа от нетерпения. Хорошо рассмотреть наездников удалось тогда, когда четыре животных приблизились на десять шагов.

Животные были крупнее, чем он предполагал. Они были в два раза выше человека и очень массивные. Их шеи были длинны и оканчивались головами с тремя лошадиными мордами. Ярко-желтые шеи резко выделялись на фоне темно-зеленых тел, которые сзади несли длинные и пышные хвосты фиолетового цвета. Они нетерпеливо топтались на месте, осаживаемые седоками. Огромная масса не мешала им двигаться легко и быстро, поднимая клубы пыли.

— Это он, — сказал один из седоков, — тот псих, о котором рассказывал крестьянин.

— Малый прекрасно выглядит. Прямо просится под арест… Скоро ты, приятель, попадешь в тюрьму, не волнуйся, — добавил второй.

А третий всадник задумчиво произнес:

— Где-то я его видел… Точно! Но где, не могу вспомнить.

Они приехали сюда потому, что им рассказал человек из повозки. Значит, он был враг. Такая мысль не была до конца логичной, но возникала невольно. Неполное понимание происходящего раздражало Пта. Осознание было приятнее догадок.

Длинный хвост животного давал ему прекрасную возможность взобраться на спину зверя и такое желание возникло. Очевидно, о нем догадывались наездники, и сделать это было не просто. Но на животном он быстрее доберется до цели.

Пта сказал:

— Помогите мне. До Линна пять канб. Там в замке меня накормят и вылечат. Спуститесь и помогите мне подняться на животное. Я болен и без одежды.

Такая длинная фраза убедила бы даже Пта. Он ждал реакции на свои слова, изучая каждый

жест, запоминая слова, звучавшие из уст всадников. Ему надо знать язык этих людей. Люди переглянулись. Один из них с улыбкой сказал:

— Будь спокоен, парень, мы поднимем тебя на спину гримбса и увезем в город. Мы этого тоже хотим и приехали забрать тебя с собой.

Другой добавил:

— Ты не совсем прав, незнакомец. До Линна не пять, а три канба. Твое счастье, что ты такой простак… Мы ожидали встретить мятежника… Дальярд, брось ему сверток с одеждой.

На траву у дороги что-то упало. Пта с недоумением разглядывал одежду, стараясь сравнить ее с тем, во что были облачены всадники. Но их одежда была совсем не похожа на ту, которая лежала перед ним.

— Ты что, совсем кретин? — Грубо сказал тот, кто бросил одежду. — Не знаешь, как это одевается или издеваться вздумал? Вот это одень первым… это наверх.

Мозг Пта начал работать быстрее. Теперь он знал больше и мог понять, что надо делать. Подгоняемый сердитыми возгласами, он оделся. Подошел к животному, на котором сидел ругавший его больше всех и названный Дальярдом.

— Наверх, — сказал он, — помоги мне поднять-

ся наверх.

Он был уверен, что ему помогут и не ошибся.

— Держись за руку и забирайся в седло. Это было легко. Совсем легко. Одну руку всаднику, другой помогать, держась за кожаную ленту. Как только он очутился в одном из седел, он легко выбросил из другого на землю человека, который говорил с ним грубо.

Пока тот вставал, выкрикивая проклятья, Пта хлестнул своего скакуна вожжами и направил его на запад. Он поехал туда, где исчезла вдали повозка крестьянина, ставшего его первым обидчиком.

Быстрая езда доставляла наслаждение. Он не ощущал ни монотонной тряски, ни толчков, подобных тому, который сбросил его с повозки. Все происходило плавно, ритм бега животного успокаивал. Он решил, что это лучший способ достичь цели.

Смотреть на ноги скачущего животного было интересно. Фиолетовый хвост колыхался в воздухе и, казалось, ограждал от пыли, клубившейся сзади.

Сквозь пыль он заметил, что за ним скачут еще трое животных и несут четырех седоков. Со стороны это должно было выглядеть великолепно.

Гонки по долине. На огромной скорости несется первое животное, но его настигают трое других, даже последнее, несущее двух седоков… Они все ближе, ближе. Пта понял, что ошибся, ему не догнать того, в повозке. Придется иметь дело с теми, кого крестьянин назвал воинами богинь. Их крики раздавались совсем рядом.

С нарастающим раздражением Пта следил, как его окружают. Возможно, его животное было не столь резвым, как остальные. А может быть его преследователи знали способ более быстрой езды. Они так направляли своих животных, что их желтые шеи почти касались его и лошадиные морды дышали в плечи.

Животное под ним резко встало на задние ноги, и он чуть не вылетел из седла, затем остановилось.

Пта сидел сердитый, ожидая, когда его преследователи развернутся лицом к нему. Ситуация была абсолютно незнакома, и мозг не подсказывал, что надо делать. Он стал обдумывать, как следует поступать, если его будут стаскивать вниз.

Один из всадников сказал:

— Наконец догнали. Что будем делать с этим придурком?

— Предоставьте его мне! — крикнул Дальярд. — Эту смазливую рожу надо умыть кровью! Он сейчас будет плевать зубами!

Пта смотрел на кричавшего. Он не был уверен, что правильно понимает все слова, но его мускулы встрепенулись и напряглись. В мозгу стал возникать порядок действий, которые надо было предпринять. Подъехать к каждому сбоку, вышибить из седла и продолжить путь на запад.

Он увидел, как один из воинов вытащил из длинного кожаного чехла какой-то предмет с острым концом. Когда острый конец поднялся вверх, то в острие сверкнул луч солнца.

— Слезай! — закричал этот всадник. — Вниз, или я воткну копье прямо в шею, на которой ты зря носишь голову.

— Проткни его, проткни! — кричал Дальярд сбоку. — Научи, как вести себя со стражниками.

Мозг Пта наполнился яростью, расширившей его возможности. Он решал, как поступить. Надо вышибить из седла Дальярда и его напарника первыми. Одного рукой, другого ногой. Затем обезоружить держащего копье. Останется только один. Его тоже на землю надо.

Кулак обрушился на лицо Пта.

Это было неприятно, но боли он не почувство-

вал. Просто ощутил то, что еще не было осознано. Это заставило действовать решительно. Его нога устремилась в лицо человека, сидевшего сзади Дальярда.

Хрустнули кости, брызнула кровь. Человек, глухо вскрикнув, откинулся назад и скользнул на землю, не попытавшись даже смягчить удар. Так же резко Пта вышвырнул из седла Дальярда, тот грохнулся под ноги животного, но не остался лежать без движения, а закричал:

— Проткни его, Бир, проткни! Он убил Сэна.

Пта отпрянул в сторону, пригнулся и стал ждать боль. Но ничего не произошло. Человек с копьем и еще один стражник были уже далеко. Дорога уходила в лощину. Он подстегнул свое животное и бросился вдогонку. Когда он добрался до начала лощины, где скрылись преследуемые, то увидел, как вдалеке мелькнули среди деревьев и скрылись силуэты беглецов. Проехав лощину, он увидел, что дорога поворачивает вправо. С обеих сторон на полях работали какие-то люди. Уничтожают сорняки — осознал Пта. Но то, что он заметил несколько минут спустя, не было еще доступно его сознанию.

Одна дорога разделилась на две равные части. Это абсурд. Так не должно быть. Есть одна цель,

должна быть и одна дорога. Изумленный Пта остановил животное, расслабился. Только что была одна дорога. Теперь их две. Одна снова поворачивает направо, другая — налево, в большую равнину. Закрыл глаза… Куда влечет?.. На запад!

Он ехал долго и спокойно, приближаясь к цели, которая манила Пта.

Где-то наверху раздался характерный звук. Что там в небе?

Едва не задев его огромными лапами, над головой пронесся летающий зверь. Его огромные серо-голубые крылья с шумом рассекли воздух, удлиненная, почти треугольная голова свешивалась, всматриваясь вниз пылающими от ярости глазами. Когда птица пролетела чуть вперед и стала делать вираж на повороте, то выяснилось, что на ее спине два седока, и один из них — Бир. Пта застыл на месте.

Его очередной враг на необычном летающем чудовище будет снова мешать ему, находясь в безопасности. Это преследование становится невыносимым.

Пта поднял руки, сжал кулаки и, грозя ими, закричал, что всадников птицы ждет участь всадников на длинношеих животных.

Летающий зверь сделал еще один круг над го-

ловой, затем поднялся выше и медленно полетел в западном направлении. Вот он уже превратился в точку на фоне заходящего солнца, затем вообще исчез.

Пта снова поскакал туда, где горел закат. Он не обращал внимания на солнце, почти достигшее линии горизонта, но понял, что оно непонятно быстро стало меркнуть в густом облаке пыли. Пыль приближалась, и вот уже стала различима лавина большого числа животных, каждое из которых несло седока. Появились в небе и серо-голубые крылатые звери.

Огромный табун несся навстречу, и вот уже он окружен сплошной стеной, издающей крики, топот. Хаос вокруг привел его в смятение.

Куда смотреть… что анализировать?

Что-то очень тонкое и длинное, похожее на уздечку, обвилось вокруг туловища, спеленало руки. Рывок и он упал на землю.

Придя в себя, Пта встал, освободился от лассо. Он понял, что уже не может ехать дальше на животном. Надо снова стать всадником, повторить то, что уже ему удалось раньше. Начал искать глазами Бира. Не нашел, значит, эти всадники не знакомы с его хитростью. Он выдержал паузу, заметив, что толпа вокруг притихла в ожидании

дальнейшего развития событий. Припомнил нужную фразу и произнес, обратившись к ближайшему воину:

— Спуститесь и помогите мне снова сесть на животное… До Линна три канба… Там меня накормят и вылечат. Я… — Тут он осекся. На одном из животных сидел необычный человек… не мужчина. Он был почти такой же, как остальные, но вместо шорт на нем было длинное темное платье. Женщина… Она сидела не в седле, а в каком-то ящике со спинкой и не управляла животным. Это делал другой человек, сидевший в седле перед ящиком. Голос женщины зазвучал звонко и певуче.

— Мой лорд, он так странно произносит слова. Неужели он действительно сумасшедший?

Высокий мужчина с волосами серо-стального цвета ответил ей:

— Думаю, да. К тому же стражник, который рассказал нам об этом идиоте, доложил, что этот парень убил воина, — и, обратившись к одному из мужчин добавил, — капитан, вы лично отвечаете за безопасность принцессы.

Пта с интересом слушал этот разговор. Его внимание привлекали все слова, услышанные впервые, которые не вызывали ассоциаций с

образом предметов или знакомыми понятиями. Но чувствовал, что угроза нарастает. Все люди пытаются задержать его, каждый по своему. Мысли о крестьянской повозке, воинах-стражниках раздражали. Этот лорд тоже хочет помешать… Главное препятствие — река. Она позади. Поступки людей повторяются и всегда без результата, на них можно не обращать внимания. Решено, он идет дальше.

Пта повернулся лицом к западу и, огибая зеленые туши, направился к цели. Он выбрался из кольца окруживших его воинов, ощутил дуновение прохладного ветра и с наслаждением вздохнул воздух, не несущий в себе запах животных.

Но не успел он пройти и десяти шагов, как был сбит с ног и очутился на траве у дороги. Снова его окружили животные и люди, снова воздух не доставлял удовольствия. Только крики не повторились.

Женщина сказала спокойным голосом:

— Даже для сумасшедшего логика его поведения слишком необычна. Что ты намерен с ним сделать, мой лорд?

Человек, к которому она обратилась, пожал плечами:

— Наверное, казню. Убийца есть убийца, — и, посмотрев в сторону капитана, добавил, — выдели шесть человек. Пусть оттащат его в поле и зароют подальше от дороги. Думаю, глубже трех футов копать не стоит, затоптать могилу плотнее и все. Выполняйте приказ.

Пта с улыбкой смотрел, как шестеро слезли на землю и направились к нему. Слова «мой лорд» наконец приобрели определенный смысл, но общая картина, стоявшая за услышанным, не была до конца понятной. Столько новой информации сразу не усваивалось. Но серьезность происходящего и общее состояние окружающих подсказывало, что положение угрожающее.

Ясность пришла в тот момент, когда двое всадников незаметно зашли за спину и резко схватили за оба локтя одновременно, и попытались заломить руки. Это было так неприятно и оскорбительно, что он в мгновение отшвырнул нападавших в грязь у дороги. Пта повернулся, и в тот момент третий нападавший попытался схватить его за ноги. Когда его плечо опустилось, а руки коснулись колен, два мощных кулака обрушились на голову воина. Бедолага рухнул на землю и остался недвижим, странно раскинув руки, лицом вниз.

Пта сообразил, что его нога против воли наступила на голову врага и удивился своему движению. В этот момент два всадника схватили его за руки, а третий одновременно вцепился в ноги и пытался обматывать их ремнем. Все боровшиеся потеряли равновесие, очутились на земле и подняли вокруг себя облако пыли. И это стало совсем невыносимо. Пта напрягся, высвободил одну ногу и пнул грудь того, который суетился с ремнем. Одним из нападавших уже не мешал. Вставая на ноги, Пта поднял и двух других, с силой столкнул их лбами и отшвырнул в разные стороны.

Затем он посмотрел на лорда… на женщину… опять на лорда. Переводя свой яростный взгляд с одного врага на другого, Пта оценивал расстояние, отделяющее от них его тело и молчал.

Молча следили за его движениями и окружавшие воины.

Всех поразил исход схватки.

Первой заговорила опять женщина:

— Кажется, его лицо мне знакомо. Как тебя зовут, человек? Как твое имя?

Прозвучавший вопрос расслабил мышцы и остановил его порыв к борьбе. Его имя?.. Конечно, Пта. Пта из Гонволейна. Вопрос удивил тем,

что ответ на него очевиден. Он, подняв обе руки, произнес:

— Пта Трижды Величайший.

Вдруг закричали все люди. И те, которые помогали поднять на спины животных поверженных в драке воинов, и те которые сидели верхом на животных. Смысл крика не был ясен. Лорд махал руками, тыкал пальцем в его сторону и повторял много раз слово «стрелы». Что оно означает? И тут острая боль прошла в левой части груди.

Пта опустил голову и увидел, что из тела торчит тонкая деревяшка. С удивлением он выдернул ее и бросил под ноги. Вторая стрела пригвоздила ладонь к бедру. Он выдернул и ее, затем медленно повернулся к человеку, доставлявшему стрелами такое беспокойство, и услышал срывающийся от напряжения голос женщины:

— Лорд, останови их! Останови их всех! Неужели ты не слышал, что он сказал?! Неужели не видишь?!

— Чего? — мужчина повернулся к ней.

— Не видишь, что это тот, чья сила неисчерпаема, кто не ведает усталости, не знает страха…

— Бред, — раздался жесткий ответ. — Этот миф создал ум толпы. Мы тысячу раз говорили тебе, что богиня Инезия использует легенду о Пта для

пропаганды своего величия. И потом, живой Пта — это невозможно.

Женщина снова крикнула:

— Останови их! Он вернулся к своему народу через века. Посмотри! Его лицо! Он похож на статую в замке.

— Принцесса, он похож не на статую. Грязный, голый. Если его помыть и одеть, пожалуй, он станет похожим. Он почти точная копия принца Инезио — любовника богини. Не мешай. Надо его прикончить. Хватит для замка одного фаворита.

Истерика изменила лицо женщины, глаза сузились. Она крикнула резко и повелительно.

— Не здесь! Доставь его в замок.

Лорд нехотя махнул рукой, подождал, пока Пта выдернет все стрелы из тела и сказал, обращаясь к нему:

— Ты пойдешь с нами в замок Линн. Мы накормим и вылечим тебя, потом дадим летающего скрира, который доставит тебя куда пожелаешь. Согласен?

Глава 2
БОГИНЯ В ЦЕПЯХ

В застенках громадного замка города Пта мрачно вздыхала темноволосая женщина. Ее облик был величественным, но она лежала полуобнаженная на сыром и холодном каменном полу. Красивое тело было опутано тяжелыми цепями, которые не позволяли даже выпрямить изящные ноги. Многие века она томилась в заключении, не подвластная ни смерти, ни болезням. Это была богиня.

Взгляд темноволосой богини был направлен в сторону кресла, на котором сидела не менее величественная золотоволосая красавица с торжествующей улыбкой на лице. По всему каземату звенел ее мягкий смех с оттенком сарказма. И вот зазвучал ее приятный чистый голос:

— Ты все еще сомневаешься в моих способностях, дорогая Лоони? Века тебе не прибавили мудрости. Помнишь время, когда ты не верила, что я смогу заточить тебя в темницу. Но ты же здесь…

После паузы блондинка продолжала:

— Вспомни, когда я впервые спустилась сюда поведать о намерении лишить Пта его могущества, а ты напомнила, что только мы вдвоем способны отбросить его в прошлое. Что для этого мне нужно опереться на твой полюс Власти, а ты не дашь на это согласия. Пойми, пока ты с простодушной надеждой ждешь своего Пта, проживающего миллиарды человеческих жизней, я познаю пределы божественной силы, которую он нам дал, и расширяю их.

Брюнетка шевельнулась, и сквозь шум цепей вместо тяжелого вздоха послышалось:

— Ты изменница, Инезия.

В полумраке на губах сидевшей в кресле снова заиграла лучезарная улыбка.

— Святая простота, — произнесла она нежно, — твои слова только доказательство моей неизменной победы. Это обвинение — пустой звук, потому, что Пта мертв и ты мертва. Навсегда.

Брюнетка приподняла плечи над полом. Дух ее окреп, дыхание стало ровным, и она произнесла:

— Никто из нас еще не умер. Слова мне раскрыли, что появилась причина беспокойства. В твоих глазах подтверждение моей правоты. Говори что угодно, Инезия, я не поверю. Ты отправила

его в далекое прошлое Гонволейна, лишила его власти, совершила насилие над его личностью. Но многоликая и безгранично трансформирующаяся сущность Пта не может тебе позволить полностью верить в осуществление коварного плана… — не услышав ответа, богиня-узница продолжала.

— Помни, дорогая Инезия, строя любые коварные планы, помни о чарах. Столько веков они оберегают Пта от твоих злых помыслов. Сейчас ты наслаждаешься уверенностью в своей победе. Напрасно. Семь защит прикрывают его, Инезия. Не больше и не меньше, а как прежде — семь. Снять их, при этом не лишив нас могущества, может только он сам.

Ответа вновь не последовало, и Лоони закончила уже с иронией:

— Не пытайся заставить Пта делать то, что ты хочешь. Его воля порывиста и неукротима. С каждой твоей попыткой он становится более искусным и мудрым. Движется время, Инезия, оно драгоценно, необратимо, оно уходит.

Смех блондинки снова заполнил темницу, и голос Лоони угас. Внезапное понимание, что она зря расходует силы, заставило принять прежнее положение. Голова и плечи легли на холодные

камни, руки расслабились.

На детском личике златоволосой Инезии отразился восторг, как у зверька, который удачно спровоцировал свою жертву на безнадежную попытку скрыться от противника. Наконец, она произнесла с напускным сожалением:

— Как странно. То, что ты пророчествуешь, известно мне, но я продолжаю свое дело. Я играла бы с огнем, если бы позволила Пта развиваться свободно, изучать мир обычным способом и как Пта.

Возможно, ты забыла, что у него много человеческих обликов с разной личностью. Я выберу одну из них, перенесу в наше время и буду господствовать над ней, запутывать ощущения, лишать воли… Ох уж эти наивные чары — семь защит. Как легко они рухнут! Вспомни божественный трон во дворце Нушира Нуширвана. Чтобы достичь его, Пта должен будет завоевать Нуширван. А я лишу его человеческую личность изобретательности, окружу огромными армиями. У меня теперь не один план, как раньше, а несколько, и все предусмотрено. Ты знаешь, пока трон существует, я не могу обладать абсолютной властью в Гонволейне. Этот трон — тайная основа его главенства. Но не навсегда.

Богиня Лоони никак не реагировала на рассуждения своей соперницы, но та продолжала:

— Я должна убедить или заставить Пта пересечь реку кипящей грязи. Эта река раньше мне не давала добраться до трона. Но в этот раз я смогу добиться своего. Теперь я знаю, как за несколько часов уничтожить его божественность…

…Мои чары опутают волю Пта. Он меня снова полюбит, признает мою божественность. И под могучей волной молитвенного экстаза даст мне право лишить тебя, дорогая Лоони, божественной жизни. Он пройдет через царство Тьмы и снова пересечет реку кипящей грязи. Он сам поможет победить его могущество…

…А теперь, дорогая Лоони, я вынуждена оставить тебя. Многое из того, что я тебе рассказала, уже исполнилось. Процессия, сопровождающая Пта, приближается к замку Линн. Мне нужно подчинить его мозг моей воле, быть рядом с ним в гуще событий и управлять всем происходящим.

Лоони открыла глаза и следила, как Инезия удобнее расположилась в кресле, и ее тело стало неподвижным. Давление присутствия ее личности ослабло, исчезло совсем.

Два тела, сидящей Инезии и опутанной цепями Лоони, казалось, беззвучно заполняли темнотой

холодное помещение.

Опускалась ночь. День проходил.

Глава 3
ЧЕЛОВЕК ИЗ 1944 ГОДА НАШЕЙ ЭРЫ

Замок был местом, угнетавшим сознание. Низкие потолки угрюмо нависали над головой, из полумрака помещений почти не было возможности видеть пространство, окружавшее мрачное строение. Подавленный этой атмосферой, Пта стоял у стола и смотрел на пищу, лежавшую между его мощными, но безвольными руками.

От нее исходило тепло, пар и острейший аромат, который приятно раздражал обоняние. Ноздри ловили этот запах и отвлекали от происходящего. С дальнего конца стола раздался голос, принадлежавший лорду. Озадаченный происходящим, Пта принял предложение сесть, точнее, подчинился ему.

Он ничего не упустил из виду во время путешествия в замок Линн. Его чувства, обостренные опытом происходившего и новыми мыслями, отмечали все.

Замок был очень высоким. Его стены сложены из белого камня, который за многие века приобрел грязно-серый цвет. Наверно, раньше замок

светился надеждой на лучшее для всех жителей города. Но сейчас он мрачно возвышался над городскими кварталами и был отделен от них широким пространством, заполненным деревьями. Замок производил неприятное впечатление и давно нуждался в ремонте.

Пта увидел, что он не один за столом. Среди других людей были лорд и принцесса, чьи волосы переливались и сверкали как вода, причинявшая боль. Но неприязнь к этим золотистым локонам не ощущалась. Пта видел теперь и группу мужчин, сидевших в глубине комнаты. Для него это были безымянные существа, которые, не двигаясь с места, с бесстрастными лицами следили за его движениями только уголками черных глаз.

— Так и должно быть, — раздался женский голос, — он видит пищу впервые.

Пта быстро взглянул в ее сторону. Что-то в манере, с которой была произнесена фраза, ему не понравилось. Но взгляд натолкнулся на очаровательную улыбку и раздражение отступило.

Лорд сказал шепотом:

— Внимание. Давайте есть. Посмотрим, станет ли он нам подражать.

Принцесса ответила нормальным и спокойным голосом:

— Я уверена, что нет необходимости шептаться. Он вернулся без памяти и пока ничего не знает. Посмотрите, как он начинает есть.

Это был первый вкус, который испытал Пта в новой жизни. Он поглощал пищу, не обращая внимания на окружающих. Каждый кусок был приятен языку и грел руки, рот, желудок. Ложки, вилки и ножи, лежавшие рядом, не пригодились. Отодвинув в сторону пустую тарелку, Пта, вытирая руки об одежду, произнес:

— Где скрир? Теперь я полечу в Пта!

Женщина улыбнулась.

— Пойдем со мной…

Лорд положил ей руку на плечо.

— А ты уверена…

Она быстро ответила:

— Не волнуйся. Мы можем потерять только голову, но если добьемся своего, то наградой будет превращение нашего замка в королевский, Линн станет столицей огромной империи. Уверяю, я знаю, что делаю. Не сомневайся.

Принцесса улыбнулась Пта, который следил за происходящим, почти не понимая его смысл.

— Сюда! — сказала она. Ее голос был таким уверенным и чувственным, что спрашивать ничего не хотелось. — Скрир ждет тебя внизу у входа.

Нужно спуститься ступеньками. — Ее улыбка манила, и он согласился. В мыслях он уже летел по воздуху, как это делал Бир. Воображаемая картинка была яркой и устойчивой.

Ступеньки вели гораздо ниже, чем это можно было предположить. Память подсказывала, что поднимаясь вверх от входа, пришлось меньше переступать ногами. Но это была другая лестница. Наконец, они пришли на этаж, где пол был из камня. По всей длине коридора виднелись факелы, торчавшие через ровные интервалы в одной из стен. С обеих сторон было множество закрытых дверей. Женщина остановилась перед открытой.

— Иди, — улыбнулась она. И мягко прикоснулась к нему ладонью. Ее тело было мягким и теплым. Все тело Пта затрепетало от желания прижать к себе женщину.

Пта переступил порог и оказался в крохотной комнате без окон с низким каменным потолком. Кроме факела здесь ничего не было. За спиной раздался резкий звук. Пта медленно обернулся и увидел, что дверь закрыта. В ней открылось маленькое отверстие, где он заметил женское лицо.

— Не беспокойся. Мы выбрали иное решение. Скоро сюда прибудет твоя жена, величественная

Инезия, и заберет тебя в великую столицу.

— В Аккадистран! — раздался в коридоре голос лорда. — Неужели ты надеешься, что он будет ждать спокойно…

Окно и двери резко захлопнулись. Голос оборвался на середине фразы. Факел потух. Наступила тишина.

Пта растерянно стоял в темноте. Он ждал, что дверь откроется и объявит о прибытии той, имя которой произнесла принцесса. Величественная Инезия придет и заберет его в Пта. Он помнил все, что ему пообещали.

Время шло. Нетерпение нарастало в нем, убеждая, что в Пта можно добраться и пешком, только надо идти без остановок. Мысль о путешествии, которое не начинается, заставила сесть. Пол был жестким и холодным, но он ждал, ждал…

В сознании непрерывно возникали туманные образы. Они были странные, хаотичные, незаконченные, лишенные конкретного смысла. Пришла только одна ясная мысль — безумие.

Что-то было неверным. Он должен действовать. У него отнимали время, не давали принять решение. Переполненный яростью, Пта встал и с ужасной силой обрушился на дверь. Но та даже не шелохнулась под тяжестью его тела.

Он опять сел на пол и был удивлен этим. Он не помнил, что когда-то сидел в такой позе.

Время шло. Темнота и тишина существовали отдельно. Неведомые силы раздирали его тело на части, побеждали сознание. Очередные образы возникали в его голове.

— Танк не должен стоять. Что с двигателем… Мы почти… Мы почти у… Внимание… Штурмовик пикирует… Он над нами…

Сознание рухнуло в темноту.

Много веков душа Холройда боролась против тьмы, в которой не было ни прошлого, ни настоящего, а только оболочка из сырого камня, которая слепо и беспощадно сжигала его тело. Неумолимая сила давила его плоть, медленно, но уверенно безжалостный холод тьмы высасывал из него тепло.

Холройд очнулся. Он ощутил усталость после кошмарного сна. Словно это был не сон. Его пальцы вновь ощутили грубый каменный пол, который не давала видеть глазу обволакивающая тьма.

Он попытался сесть. Получилось не сразу, разум отказывался признавать окружающую черноту и реальность этого помещения. Наконец, он окончательно пришел в себя и смог оторвать

туловище от камней.

Сев в ту же позу, которая была незнакома, он внезапно ощутил волну ярости, захлестнувшую сознание, которое отказывалось признать необходимость пребывания в этом месте.

— К чертям весь этот бред! — повторил он вслух свою мысль.

Раньше в голове не возникали слова, теперь они начали выплывать из тумана, и он разразился тирадой:

— Здесь ничто не похоже на Соединенные Штаты. Это не Германия, где мы сражались. Может, Северная Африка?.. Нет! Здесь безумие, фантастическое безумие, пронизывающее мир, замки, больше похожи на крепости и тюрьмы. Безумны мысли и действия, и все происходящее.

Его мозг продолжал работать в темноте ночи, может быть, дня. Неопределенные, не связанные воедино образы теснились в сознании. Хаос воспоминаний, событий, географических понятий, знакомых и незнакомых языков. В голове наиболее часто возникали слова — Америка, Германия, Северная Африка. Все эти понятия били в его мозг как тяжелый, все сокрушающий молот.

— Отзовись, тот, который зовет себя Пта, — это был мужской голос, звучавший в темноте глухо,

но не вызывающий раздражения. Обращались к нему.

Холройд резко обернулся. Холод обволакивал все тело, словно оно было вморожено в ледяную глыбу, занимавшую все пространство камеры, где он очутился. Мозг лихорадочно искал слова для ответа. Губы шевельнулись, и он пробормотал:

— Холройд Пта. Нет, неверно. Надо Пта Холройд. Нет. Холройд — американец… Питер Холройд, капитан 29 танковой бригады… но кто же Пта?

Вопрос, с таким трудом прозвучавший из его уст, послужил ключом, приоткрывшим дверь памяти. Нахлынули воспоминания. С удивлением он произнес, но уже увереннее и громче:

— Я — сумасшедший?

Пта, трижды великий бог Гонволейна, чье последнее воплощение было Питером Холройдом, капитаном танковых войск США. Эта истина выплыла из глубины подсознания и породила стрессовое состояние… После паузы он снова пришел в себя:

— Черт возьми! Я — Холройд. И я…

Горло перехватил спазм ужаса. Его тело трепетало от невообразимого страха перед своей половиной. Вновь вернулась мысль о безумии. Кошмар! Полное безумие…

Спустя минуту он все же заставил себя успокоиться. Темная комната, вероятно, тюремная камера. В мозгу не одно, а два сознания. Но он жив. Жив, несмотря на прямое попадание в танк. И еще внутренний голос говорил, что теперь он — Пта.

Нет, это не совсем верно. Только что ему сказали: «Тот, который зовет себя Пта». В этой фразе не все ясно. И мозг смог уловить эту неопределенность. Лежа на полу, он спокойно стал вспоминать все, что произошло по дороге в замок Линн.

Опять нахлынула волна беспокойства, переросла в страх. Ужас снова рвался в его мозг. Но стресс и в этот раз принес спокойствие, оставив осознание двойственности, заключенной в нем.

Она не ощущалась физически. Но Пта был частью его, или, скорее всего, он был частью Пта. Но сейчас доминировал Холройд, его мысли, его личность. Почему было так, он не мог понять. Но пришло облегчение. Его могучие мышцы расслабились, стали по силе равны человеческим. Темную тишину тревожило только его прерывистое дыхание. Вдруг показалось, что мелькнул лучик света. Где же он, показалось, что в углу снизу.

Действительно, оттуда все больше и больше стал струиться ослепительно белый свет. Небольшая камера стала видна вся. Тот же мрачный и гнетущий потолок, закрытая дверь и монолитный пол из камня. Нет, камни не везде одинаковы, а одна плита у дверей исчезла. Очевидно, это туннель.

Медленно, прилагая все силы, Холройд повернул свое тело и стал следить за источником света, находившимся в туннеле. Почти сразу он заметил стоявшего рядом с отверстием в полу человека очень маленького роста. Он был в шортах и рубашке навыпуск. Выражение его округлого лица было добродушным. Сверкающие от любопытства глаза обежали всю комнату и снова остановились на Холройде. Их взгляды встретились.

— Вижу, — сказал он. — Ты неважно выглядишь. Я не знал, в какую камеру тебя поместили, а то пришел бы раньше. Ждешь, когда принесут еду? — сжал губы и снова осмотрелся. — Не приносили еще, ну, ну… Ладно не волнуйся. У меня есть суп, он тебе понравится.

Человек исчез в дыре…

Через некоторое время он снова появился и протянул Холройду котелок:

— Это тебя подкрепит.

Еда была теплой, и тело стало оживать. Суп щекотал язык и огнем растекался по рукам, ногам, оживил задеревеневшие пальцы. Ужасное чувство холода покинуло плоть, пришло успокоение и даже блаженство. Холройд стал прислушиваться к нагромождению слов, которые маленький человечек произносил все время, пока еда еще была в котелке.

— От имени всех узников замка Линн приветствую тебя. Меня зовут Тар. Добро пожаловать в наши ряды. Узники создали свой союз. Организацию, которая действует заодно с мятежниками. Предательство у нас карается смертью. Это ты должен знать. Мы о тебе знаем все. Называть себя Пта, это гениальная идея. Никто еще до такого не додумывался. Ты выбрал хорошую линию поведения. Это ново.

После паузы человечек продолжил:

— Возможно, мятежники и согласятся использовать твое положение. Но надо им рассказать, что ты можешь сделать. Крестьянин сказал, что у тебя была полная потеря памяти. Это правда?

Холройд все это время наслаждался, утоляя голод, и упивался теплом, растекавшимся по телу. Слова незнакомца звучали не для него, но внезап-

но он осознал, что вторая половина его сознания все воспринимает. Кто-то использовал его мозг… познавал назначение фраз… внимательно анализировал происходящее. И эта вторая половина тоже был он. Он сам слушал и понимал Тара.

Холройд снова ощутил холод камня, на который опирался рукой, согретой съеденным супом. Вокруг была мрачная тюрьма, из которой надо выбираться. С этого момента и сам Холройд стал ясно осознавать свое положение. Тот, другой, который слился с ним, понял это чуть раньше. Две личности слились в одном желании, но оставались при этом самостоятельны в мыслях. Холройд вздохнул. Нет, это нельзя называть потерей памяти… когда помнишь о своей другой половине. Он сосредоточился, пытаясь распутать логический клубок истины, познать двойственную суть собственной личности и фактов, которые ему уже были известны.

Принцесса сказала, что послала за той, кого называют богиней Инезией. Это имя снова всплыло из глубины памяти. Теперь это не кажется обычным воспоминанием о слове. Мозг замер. Послали за ней?

Надо раскрыть сущность этого понятия — богиня Инезия!

Этот титул заполнил весь разум, проник во все закоулки сознания. Затем сверкнул тонкий луч догадки, будто острый нож воткнулся в мягкий плод.

Он должен выбраться из тюрьмы. Питер Холройд не мог этого сделать. А что может Пта? Он должен освободиться. Должен! Если еще не поздно.

Глаза Пта широко раскрылись и яростно засверкали. Каждый мускул затрепетал, наливаясь силой. Он свирепо вглядывался в Тара.

— Сколько времени я нахожусь здесь? — голос Пта эхом отозвался в его же ушах. Произнося эти слова, он понял, что прервал говорившего, но тот уже отвечал ему.

— Вот что я скажу… вам. Говорят, что вы сильны, как гримбс, но уже семь дней… ничего не ели и не пили… не могу спорить с тем, что говорят… Вы умерли здесь…

Он говорил еще что-то, но Холройд уже не слушал.

Семь дней, — думал он… Семь дней бог Пта в безумии лежал на камнях подземелья, и его смогли низвергнуть так низко, что он вернулся в свое последнее воплощение. И мозг восстал, потому что… сильное истощение… через семь

дней? Невозможно…

Прошло более семи лет или даже столетий. Пта не был подвластен времени, он существовал как бог, и этот срок мог пройти для него не так, как для людей. Может, намного быстрее. Можно ли так объяснить то, что произошло с его телом и сознанием?

Снова мысль Пта прервалась. Он сел, удивленный этим, в привычную теперь позу. Что за безумие нахлынуло на него. Семьсот лет, семь дней? Облизнув пересохшие губы, он стал думать о семи днях.

— Сколько займет, — громко произнес он, — займет времени… — мозг двадцатого столетия пытался подобрать слова, соответствующие ситуации, затем он решил спросить просто. — Сколько понадобится времени для полета на скрире в город Пта и обратно?

Яркие глаза Тара внимательно изучали его.

— Ты парень с юмором, — наконец произнес он, — говорят, что ты шел в Пта пешком. Это только доказывает, что с разумом у тебя было не все в порядке, когда тебя посадили в подземелье.

Он покачал головой, и Холройд понял, что Тар разочарован. У него возникло желание схватить собеседника и вытрясти из него ответ на вопрос.

Он поборол дикое чувство, но почувствовал, что снова наливается яростью. Сдерживая себя, он угрожающе повторил:

— Сколько времени… Сколько времени уйдет на это?

— Поймите, этот вопрос не имеет смысла. Нет такого скрира, который мог бы долететь от Линна до Пта не отдыхая. Это слишком далеко. Наша принцесса уже побывала там. Но вначале она летела до прибрежного города Тамардин, затем через Линисар, великолепный Гэй и другие города вдоль побережья. Ее путешествие заняло два месяца. Хотя существуют быстрокрылые птицы. Говорят, что некоторые из посланцев богини на специально обученных скрирах долетают в другой конец Гонволейна за восемь дней без остановок. А до Пта — за шесть дней. Но послушай…

Холройд вздохнул.

Шесть дней туда, шесть обратно. Богиня уже целый день знает о нем. Через пять дней она будет здесь. Пять дней в запасе, чтобы выбраться из тюрьмы.

Глава 4
ЧЕРЕЗ 200 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ В БУДУЩЕМ

Какое-то время Холройд вовсе не чувствовал себя подавленным, но почти не двигался и совсем прекратил мыслить, пока Тар не принес еще один котелок с супом. Его запах и вкус снова пробудили сознание. Вернулись страх и смятение.

Одна часть сознания спокойно ждала прибытия богини. Эта холодная и неприрученная сила обладала возможностями, пределы которых были неведомы Холройду. Он начинал сознавать, что воля Пта решает, когда телом и мыслями может владеть человек двадцатого века, а когда главенство переходит к божественной сущности.

Понимание этого было ясным и не допускало тени сомнения. Пта, могучий бог Гонволейна, знакомый с миром людей не больше, чем ребенок, и умудренный опытом участия в мировой войне американский офицер Питер Холройд были в одном теле. И бог считал боевого танкиста только частью своей сущности. Холройд вздрогнул и ощутил уже собственную ярость, направленную

на Пта.

— Ты, идиот! — вскрикнул он. — Не ты ли сам породил хаос, который смешал нас вместе. Это ты, а не я позволил смазливому личику двумя улыбками заманить нас в темницу! Самому распоследнему олуху… одного взгляда на эту систему тирании… с ее удельными принцами в замках, королями, императорами… какой-то богиней на вершине пирамиды власти… только взгляда достаточно, чтобы понять: — твое прибытие — это мина под ее фундамент. Ты не можешь…

На этих словах он осекся. Голос гулко отражался от низкого потолка, эхо последнего звука угасло в маленькой камере. В наступившей тишине Холройд охватил руками перекошенное яростью лицо и понял, что это истерика безнадежности, безумный крик самому себе. Успокоившись, он почувствовал себя лучше. Более того, он даже ощутил, что все же способен быть полным хозяином своего тела, мыслей и поступков.

Божественная сущность Пта доверяла ему, не наказывала болью за своеволие. Не было боли и тогда, когда пришло осознание двойственности духа в одном теле. Сомнения нет, он имеет право на свободу. И он чувствует себя бессмертным.

Еще раз появился Тар. На этот раз он принес

большие зеленые фрукты, похожие по запаху на цитрусовые. Они были на удивление сочные и сладкие, по вкусу не напоминали те, что были знакомы Холройду прежде. Незнакомые фрукты поставили перед ним простой вопрос, который почему-то раньше не приходил в голову — Где находится Гонволейн? Что это за страна с городами Пта, Тамардин, Ланизар и Гэй? Прекрасный Гэй, сказал Тар. Холройд попробовал представить себе незнакомый город на незнакомом побережье… и не смог. Для него названия этих городов не вызывали никаких ассоциаций. Картина, вставшая перед глазами, отображала виденные им на Земле в 1944 году города с их руинами, опустевшими улицами, угасшей экономикой. Он начал громко произносить незнакомые слова: Гонволейн, Пта, Тамардин…

В них был своеобразный ритм, странная притягательность, музыкальная гармония. Надо узнать о них как можно больше. Холройд хотел просить Тара рассказать о стране Гонволейн, обернулся и увидел, что находится в камере один. Камень, загораживающий вход в подземелье, вернулся на место.

Холройд долго лежал на твердом полу. Наконец, камень сдвинулся, и снова вышел Тар. В

этот раз он принес еще фрукты и кусок мягкого белого хлеба, совсем недавно испеченного. Увидев первую знакомую пищу, Холройд схватил драгоценный кусок, запихал его в рот, и слезы застлали его глаза. Боевому офицеру было стыдно рыдать над куском хлеба перед этим маленьким хозяином подземелья. Слезы пересохли, стыд отступил. Может, в Гонволейне много хлеба и всего остального. Он представил знакомые картины безграничных пшеничных полей, которые способны прокормить много людей. Холройд уже проглотил кусок хлеба и не успел раскрыть рот, как услышал голос Тара:

— Меня удивляет полная потеря памяти у такого физически крепкого человека. Стальные мускулы и слабый мозг. Если бы вы могли читать книги, то быстрее бы вспомнили, кем были раньше.

— Читать книги? — эхом отозвался Холройд. Ему раньше и не приходило в голову, что в Гонволейне могут быть книги.

— Конечно, смотри, — и Тар ловко выдернул из внутреннего кармана своей одежды обыкновенную брошюру, похожую на памятки солдата в ту, последнюю мировую… последнюю… которая была известна Холройду. Только те памятки были

грязными, согнутыми и потрепанными. А эта совсем новая, не залапанная грубыми пальцами механика танка или наводчика орудия.

Холройд взял брошюру, и после камня ее обложка показалась теплой, шелковисто-гладкой. Он вгляделся в слова на обложке.

«Воин, бей врага на его территории» (возможность нападения на Аккадистран). По стилю похоже на памятки союзников, Дядюшка Джон и его мудрецы любили такие выражения.

…Грязная акция царя Аккадистрана, использующего территорию нейтрального Нуширвана для содержания пленных граждан Гонволейна, требует отмщения, войны до полного разгрома врага. Правительство богини Инезии должно сокрушительным ударом ответить на эти вероломные действия подлого врага.

Следует прежде всего добиться того, чтобы их люди не соблюдали свои обеты. Это угрожает божественной власти богини. Люди должны…

— Отлично, вы умеете читать, — маленький человечек отвел в сторону ладонь Холройда, желавшего перелистнуть страницы. — Не отрицайте, я видел, как вы шевелили губами, читая в уме. Для начала надо взять что-то попроще.

Он нырнул в дыру, но вернулся очень быстро,

неся под мышкой две обыкновенные книги с обложками, явно побывавшие в руках других читателей.

— Я буду приносить вам книги по утрам, вместе с едой. Читайте их, когда не будет хотеться спать. Может быть, они помогут вернуть память, может, и нет, но надо попытаться. А я пока уберу здесь на полу. Столько шкурок от фруктов, можно поскользнуться.

Минутой позже Холройд уже перелистывал дрожащими пальцами страницы обеих книг. Первую просто пролистал. Он спешил увидеть все сразу, бросал жадные взгляды на рисунки и не обращал внимания на текст. Все иллюстрации были цветными и сделаны с такой четкостью, как фотографии. Каждая деталь была различима, цвета не отличались от натуральных. Текст тоже был очень четким. Аккуратные черные буквы на ярко-белом фоне. Бумага почти не гнулась и была очень гладкой, но не давала бликов от света факела, который зажег Тар. Книга называлась «История Гонволейна с древнейших времен». Читать ее Холройд решил с первой страницы.

«В начале был Сияющий Единственный Пта, бог Земли, моря и пространства, которые не были разделены. Глубоко религиозный народ Гонво-

лейна миллионы лет верит, что Пта вернется, чтобы слиться с людьми, которых он создал для их же величия и укрепления его могущества. О, Дайан, о Колла, о божественный Рэд...»

Холройд вчитывался в слова, почти не понимая их. Затем вернулся к тому месту, где говорилось о миллионах лет и улыбнулся. В этой фразе автора книги угадывалась тонкая, но циничная ирония. Следующий абзац вроде подтвердил эту догадку.

«... Земля — древняя планета, издавна заселенная людьми. Континенты и моря за миллионы лет не были всегда одинаковыми. Страшные катаклизмы меняли их облик. Первый из этих катаклизмов разделил материк Гондвану на несколько частей и раздвинул их в разные стороны...»

Холройд прочел всю книгу до конца на одном дыхании, отложив ее в сторону и сразу взялся за вторую. Это была «История мира в картах и описаниях».

Картографы воспроизводили всю картину трансформации материков в различные эпохи истории планеты Земля. Четкость изображения была настолько неправдоподобной, что не позволяла оторваться от деталей, отвлекая от общей картины. На четвертом листе была карта мира,

которую он помнил. Дальше было все непривычно. Исчезла Япония, так им и надо. Нет Англии, это неприятно. Очертания материков изменились неузнаваемо.

В самом конце книги был изображен современный Гонволейн. Это был большой и очень вытянутый континент, занимавший бóльшую половину южного полушария. В левой части он был прогнут к северу, а слева — на востоке — был более широким и кончался на том месте, где, судя по комментариям, более миллиона лет назад находилась древняя Аведралия.

Гонволейн простирался на одиннадцать тысяч канб в длину и пять тысяч канб в ширину. В северной части от Нуширвана его отделял узкий, не более тысячи канб шириной, гористый перешеек. Холройд прикинул в уме размеры Земли и цифры, нанесенные на карту. Получалось, что один канб составлял милю с четвертью. Это должно быть так, если планета не изменилась в размерах.

Севернее Нуширванского перешейка, где ранее располагались континенты, называвшиеся историками Америга и Бретония, располагались земли Аккадистрана. На месте Атлантического океана была отмечена только группа крупных озер. А водное пространство между Аккадистра-

ном и Гонволейном именовалось морем Тета. Больше всего Холройда поразили не изменения очертаний суши и ее привычных названий, а численность жителей новых стран. В Гонволейне было пятьдесят четыре миллиарда жителей, в Аккадистране — девятнадцать миллиардов. В самом молодом государстве — Нуширване, на территории, которая поднялась со дна моря всего около тридцати миллионов лет назад, проживало пять миллиардов человек.

Карта показала, что замок Линн и город, где он находится, расположены в юго-восточной части континента. От него надо лететь на скрире к северо-западу и, пролетев восемьдесят канб, птица принесет седока в город Пта. Великая столица находится на берегу моря Тета в бухте Большой скалы. Пролив, отделяющий город от ближайшего мыса государства Нуширван, не больше двадцати сотен канб.

Пораженный прочитанным, Холройд вскочил на ноги и стал ходить по камере из угла в угол, держа книгу перед глазами. Он снова перечитывал главы, описывающие империю, управляемую богиней. Она была так огромна для масштабов двадцатого века, что представить это было сложно. Медленно его мозг стала заполнять мысль,

что бравый танкист в 1944 году погиб, и сейчас ему не следует так волноваться, созерцая новую картину цивилизации.

Он был мертв. Если не считать бога Пта, то тело его покоится в сгоревшем танке на поле боя. Прошло столько времени, что душа наверняка покинула тело и забыла о его существовании. Последняя мысль показалась нелепой, даже смешной.

Раздался шорох. Камень, загораживающий лаз в полу, шевельнулся. Холройд шагнул к нему порывисто, без видимых усилий, поднял гранитную глыбу, затем медленно положил ее у дверей. Сознание принесло чувство уверенности и готовность к решительным действиям. План был предельно прост. Голова Тара просунулась в отверстие.

— Благодарю, — пропыхтел он. — Эту плиту толкать снизу довольно тяжело. У меня для вас завтрак.

— У тебя для меня… что? — воскликнул Холройд. Вся его воля сконцентрировалась, и думать он мог только о побеге. Он не спал уже сутки. Всю ночь не сомкнул глаз и даже не вспомнил о сне. Поняв это, он глубоко вздохнул. Боги не спят, по крайней мере, не испытывают в этом необходимости.

Может, он бы и уснул, если бы устало тело.

Тар удивленно смотрел на узника:

— О чем вы спросили?

Холройд энергично потряс головой.

— Не обращай внимания. Я просто не разобрал слов… Слишком долго спал.

Маленький человечек ухмыльнулся.

— Это хороший признак. Вы чувствуете себя значительно лучше. Завтрак я оставлю. Поешьте, потом я хочу с вами поговорить.

— Я тоже, — ответил Холройд.

Тар нырнул в подземелье, но остановился и оглянулся назад, внимательно глядя на собеседника. Какое-то время он пристально изучал Холройда, затем произнес:

— Для человека, который вчера был почти мертв, вы проявляете слишком большой интерес к жизни. Что вы задумали?

— Поем, отвечу, — насмешливо произнес Холройд. — Это связано с тем, о чем ты сам упоминал.

— Я упоминал только об одном, — прозвучал удивительно равнодушный голос Тара, — о том, в чем вы можете быть заинтересованы, учитывая сложившееся положение. Я сказал, что мятежники могут найти вас и использовать то, что вы

называете себя Пта. Только это.

Холройд молчал. Он не думал о пудинге, стоявшем на полу в грубой миске. Он был удивлен. Раньше казалось, что Тар тоже узник замка Линн. Надо попытаться понять об этом больше, чем приходило в голову. Тар связан с внешним миром.

— Что еще? — спросил Холройд.

Тар вздрогнул.

— Извините, что я больше не говорил об этом. Но они не заинтересовались. Они не знают, как можно это использовать с пользой для их замыслов. А для вас будет очень просто исчезнуть потом. Теперь я сказал все как есть.

— Они могут освободить меня?

Человечек окаменел, словно почувствовал свою смерть в словах, которые только что прозвучали.

Его глаза насторожено смотрели на Пта. Наконец, он нерешительно кивнул.

— Хорошо, — воскликнул Холройд. — Скажи, чтобы они меня забрали этой ночью.

Тар рассмеялся. Смех разрушил гнетущую тишину тюрьмы. Когда его голова почти скрылась в темном квадрате норы, он еще раз обернулся. Его глаза прищурились, губы стали тонкими, выражение лица приобрело агрессивный оттенок, как

у зверя перед прыжком на жертву. Он колючим голосом произнес:

— Чтобы потом ты рассказывал всем, как наша организация спасла тебе жизнь, а ты улизнул?

Справедливость этих слов ужалила самолюбие. Но Холройд был уверен, что мораль здесь не пользуется особой популярностью. В этом было и преимущество Пта. Трижды Величайший Пта выше любой этики и морали, он бог.

— Послушай, — сказал он, — вожди восставших зря так решили. Они не учли мой характер, мою личность. Они думают, что я безумец и не смогу понять их цели. Безумный человек, конечно, ничего не стоит.

Он перевел дыхание и продолжил.

— Передай им, что я могу играть роль Пта так, как никто другой, на высшем уровне. Если они так сильны, что смогут захватить замок, то здесь и будет моя штаб-квартира. Передай им, что они не смогут сами собрать такую армию, которая сплотится вокруг меня. Воины будут идти в бой за мной, как за богом. Я знаю достаточно, чтобы одурачить всех, включая… — Он уже хотел произнести «включая богиню», но вовремя остановился. Такое заявление было бы слишком самоуверенным и могло породить недоверие, —

… включая людей довольно высокого ранга.

Тар холодно произнес:

— Пустая болтовня человека, который хочет выкрутиться из опасной ситуации.

— Я был болен, очень болен…

— Хорошо. Я постараюсь еще раз связаться с мятежниками. Но не раньше, чем через неделю.

Холройд покачал головой, всем своим видом показывая, что такой срок его не устраивает. Ссора с Таром была нежелательна. Но с побегом надо спешить. Богиня уже на пути сюда и очень скоро прилетит в Линн. Он был уверен в этом.

— Только этой ночью! — сказал он и не услышал ответа. Собеседник исчез в норе. Холройд заглянул вниз, затем выпрямился, мрачно улыбаясь. Почти сразу появился Тар, выставил на пол суп, фрукты, хлеб и спокойно произнес:

— Помоги поставить камень на место. Я подумаю, что можно сделать для тебя.

Холройд, удивленный такой переменой его настроения, с улыбкой ответил:

— Извини. Но я увидел, что камень держится на слабых опорах и может в любое время упасть вниз. Что, если в это время ты будешь в подземелье. Да и мне будет спокойнее, если подпереть им двери.

Вместо ответа Тар бросил на него долгий пристальный взгляд и удалился. Он приходил еще с обедом и ужином, но никак не реагировал на попытки продолжить разговор о побеге. Оставалось действовать самому.

Глава 5
ПОДЗЕМЕЛЬЕ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

В узком туннеле были светлые участки и провалы ужасающей темноты. Крохотные факелы торчали у самого потолка, но Холройду приходилось сгибаться почти в двое, чтобы не задеть их головой. По сторонам разбегались туннели еще меньшего размера. В их черные дыры не мог пролезть человек обычного роста. На них не следовало обращать внимания. Главное не заблудиться в лабиринте туннелей побольше. Он должен идти только по этому, главному коридору.

Холройд обратил внимание на один из факелов. Как и другие, он был деревянным… и холодным. Холройд лишь дотронулся до факела, и свет исчез, будто повернули выключатель. На ощупь он обнаружил шарнир, к которому был прикреплен кусок дерева, изображавший факел… чуть повернул его, затем еще… еще… свет снова вспыхнул только тогда, когда факел вернулся в прежнее положение.

Холройд уже собирался тронуться в путь, когда

заметил у основания факела табличку, на ней было написано:

КАМЕРА 17.

Имя: случай амнезии

Отметки: заключенный, никакой информации.

У следующего светильника он прочитал:

КАМЕРА 16.

Имя: Нрад

Отметки: заключенный, одиночное нападение на стражников.

Мрачными глазами Холройд изучил эту лаконичную фразу. Пока он был способен только оценить бессмысленность поступков этого неведомого Нрада.

Последний из цепочки светильников был у камеры 1. Здесь кончался освещенный коридор, и Холройд, интуитивно шагнув в темноту, обнаружил на ощупь крутые ступени. Он крадучись стал подниматься наверх. По тускло освещенным коридорам от лестницы в глубину здания, он считал этажи. Окон рядом с лестницей не было, и беглец мысленно пытался представить, как выглядел на фоне темно-голубого неба замок, когда его взяли сюда лорд, принцесса и стражники. Сколько было этажей выше поверхности, сколько вросло в землю. Сколько из двухсот

миллионов лет, прошедших со дня рождения Холройда, простояли эти стены. Время сбивало логику рассуждений, оно было более враждебно, чем смерть. Забавно, теперь все, что произошло с ним до смерти — ничего не значит. Надо только взобраться по лестнице до самого верха… Десятый этаж, одиннадцатый… двенадцатый.

Он добрался до последнего — двенадцатого, тщательно поискал выход на крышу, и, не найдя его, вступил в проход и осторожно двинулся вдоль него. Потолок здесь был достаточно высок для того, чтобы идти не сгибаясь. Холройд шел как и по уровню темницы, исходя из простой мысли, что игнорируя ответвляющиеся туннели и перемещаясь по прямым коридорам, он не сможет заблудиться. Здесь тоже были таблички на каждом светильнике. На первой он прочитал:

Имя: Садра

Отметки: кухарка, сочувствует мятежникам, любовник — младший сержант Гэн.

Доступ к смотровой щели, без права выхода.

Надписи были похожи. В каждой жили служанки, большинство имели любовников и сочувствовали каким-то бунтовщикам. И все спали. А выхода не было.

Одиннадцатый этаж полностью был занят слу-

гами, которые тоже спали. Холройд беззвучно проследовал вниз по узкой лестнице. На восьмом жили представители общественного зоса, на седьмом — общественного фазоса. Разглядев через маленькое отверстие в дверях раскиданную по их комнатам темную одежду, Холройд понял, что это жрецы и жрицы.

На четвертом этаже располагались апартаменты лорда-принца и табличка рядом с ними гласила: «Принцесса Гия, любимая дочь и наследница».

Значит, эту спесивую красавицу зовут Гия, подумал Холройд. Коварная, алчущая власти и способная на любую подлость Гия. Сцепив зубы, он стал вглядываться в окошко на ее двери, которое было прикрыто занавеской недостаточно плотно. Сквозь щель он увидел большие апартаменты, убранные коврами, заставленные креслами, столами, тумбами. В дальнем конце на правой стене зала была дверь в спальню, которая освещалась большим количеством светильников. Принцесса не спала.

Холройд увидел часть кровати, длинный и узкий полированный стол, в конце которого было закреплено зеркало. Через него можно было видеть кресло, расположенное в стороне от двери

за стеной. Там сидела принцесса Гия, и ее губы шевелились.

Прильнув ухом к замочной скважине, Холройд услышал невнятные звуки, создающие монотонную мелодию. Они звучали почти беспрерывно, но смысл слов, произносимых принцессой, был ему недоступен.

Кем бы ни была эта женщина, что бы ни бормотала, но это не помогает ему выбраться из замка Линн.

Холройд еще долго бродил по этажам, увы сбился со счета и, вновь очутившись перед дверью принцессы, понял — это снова четвертый этаж и она все еще говорит.

Справа от двери в апартаменты коварной Гии была еще одна, правда, без окна, но из замочной скважины пробивался тонкий луч света. Присев на корточки, Холройд взглянул туда. Кресло загораживало говорившую, и он снова попытался разобрать слова:

— … сделай, чтобы его минуты стали днями, часы годами, — дни веками. Дай ему познать бесконечность времени, пока он не вышел из тьмы… его минуты — днями… его часы… годы…

Это молитва! Сначала Холройд не пытался вникнуть в ее смысл. Верующие могут без конца

повторять заученные догмы, не несущие конкретного значения для мира людей. Монотонный ритм убаюкивал сознание, но Холройд продолжал слушать.

Постепенно его мозг стал воспринимать происходящее более четко, но одновременно закружилась голова, светильники начали слепить глаза. В тело проник ужас, пришла и утвердилась в сознании всеобъемлющая, пронзившая эмоции, как смертоносный клинок, мысль.

«Пусть его дни станут веками».

Они уже стали такими… для Пта!

Слишком поздно Холройд ощутил, что его собственный разум перестал контролировать тело. Теперь над ним властвовал другой разум, не ведающий страха и поступающий безошибочно в любой ситуации. Руки, уже помимо его воли, надавили на дверь, и дело было сделано. Он вошел в спальню принцессы, и та, услышав сухой треск лопнувшего запора, вскочила из кресла.

Паника человека, который привык быть чрезмерно самоуверенным, должна выглядеть смешной, — подумал Пта-Холройд, — доказательство этой истины перед глазами. Но вдруг движения женщины стали нечеловечески легки и быстры, изменилось выражение лица, и взгляд приобрел

уверенность в собственной безопасности.

Пта осознал, что произошло на его глазах. Слишком мало он ведал об окружающем мире, но понял — теперь перед ним стоит богиня. Вспышка сознания молившейся принцессы Гии, понявшей, кто стоит у дверей ее спальни, пронеслась через восемь тысяч триста канб к столице Пта, и в ту же секунду богиня Инезия завладела ее телом.

Но Пта в это мгновение позволил Холройду подумать о Таре, которого он предал, оставив камень в полу открытым. Тайные ходы заговорщиков теперь будут раскрыты. Холройд был зол на ту дикую силу, которая снесла дверь, использовала побег из заточения в своих интересах, пренебрегая опасностями и не думая о последствиях. Но перед ним богиня.

Злость ушла из сознания, остался только облик спокойной и красивой женщины, стоявшей перед ним. Память Питера Холройда подсказывала, что ее облик при первой встрече произвел не такое впечатление. Но она тогда уступила ему и первой улыбнулась. Вот и сейчас улыбка ее обезоруживает. Холройд понимал, что Пта не просто поразить улыбкой даже такого очаровательного существа, но если он слит со смертным челове-

ком, то красота и гармония не так уж бессильны.

Эта женщина божественно красива. Это уже не принцесса Гия, а богиня. Из ее глаз струится свет, тело окружено мерцающим ореолом, способным затмить свет всех светильников. Лорд-принц не узнал бы сейчас свою дочь Гию. Мягкий голос богини прозвучал с такой страстью и проникновением, что казался нереальным.

— Питер Холройд. О, Пта! Этот миг — главный в нашей жизни. Не бойся того, что я знаю тайну твоей личности. Мы одержали первую победу, смогли сделать ее реальной. Но это не конец борьбы. Богиня Инезия все еще может уничтожить тебя. Она извлекла тебя из параллельного времени с одной целью — убить Пта окончательно. Без божественной мудрости, лишенной абсолютного могущества, ты можешь быть материализован и уничтожен.

— Подожди! Не говори сейчас ничего, — эта фраза прозвучала резко, голос зазвенел как натянутая струна. Холройд закрыл рот, не успев произнести ни единого звука. «Не богиня!» — подумал он. Это не богиня Инезия. И это было самое удивительное во всем происходящем.

Красавица заговорила быстрее и каждым словом пыталась убедить Пта в истинности ее

рассказа.

— Ее первый замысел я расстроила. Собрав остаток божественной силы, о котором Инезия не знала, я направила тебя в самый отдаленный от столицы город Гонволейна. Мне пришлось проникнуть в тело принцессы, когда вы впервые встретились. Твой дух в глубине мозга постоянно испытывает угнетение от действия личности твоего же последнего воплощения. В этой борьбе вы оба можете быть уничтожены, — затем ее голос окреп, и каждое слово, как удары колокола, стало проникать во все самые спокойные точки сознания, — Питер Холройд, начинается и твоя борьба за жизнь. Действуй так, будто кругом враги. Будь сверхподозрителен ко всему окружающему, забудь все свои планы и намерения. Тебе предстоит завоевать Нуширван. Используй любые средства, которые будут доступны. Этой ночью ты полетишь в столицу Пта. Твоему мозгу не понадобится много времени, чтобы осознать необходимость захвата Нуширвана.

Она одарила его печальной улыбкой и продолжила:

— Это все, что я могу тебе сказать. На моих губах те же оковы, которые опутывают мое настоящее тело в темнице замка Пта уже так много

веков, что я не способна их сосчитать. Пта… Питер Холройд… твоя вторая жена, забытая тобой Лоони, попытается сделать больше… не только защитить от происходящего. Поторопись! Через мой балкон к пернатым скрирам и…

Ее голос дрогнул, взгляд устремился через плечо Холройда. Он обернулся и увидел голову Тара, выглядывающую из-за дверного проема и сверлящего глазами полуобнаженную грудь принцессы. Холройд-Пта шагнул к принцессе, схватил ее за руки, но она улыбнулась мягко и нежно, шепнув:

— Хорошо, что это тело умрет. Иначе оно запомнит… слишком много. Удачи!

Тар закричал:

— Торопись, парень. Пора уносить ноги.

Вдалеке послышались другие крики и приближающийся топот многих ног.

Вид прекрасного женского тела, которое только что покинуло пламя жизни, стоял перед глазами Холройда до тех пор, пока он не очутился в седле, расположенном на спине огромного скрира. Его руки ощутили жесткие перья, и зрительная память пережитых событий подсказала — держаться надо только за седло. В первом седле уже был Тар.

Могучие крылья птицы с шумом распрямились, их первые взмахи породили ветер, пригнувший ветви деревьев. Резкий крик Тара уколол сознание, скрир взмыл в ночное небо.

В мозгу Холройда отпечаталась картина звездного неба и спина маленького человека, из которой торчала стрела. С каждым взмахом крыльев добровольный погонщик скрира сползал в сторону, но не выпускал поводья из рук. Выдирая огромные перья, Холройд стал карабкаться по спине птицы к Тару, но не успел. Тот соскользнул вниз, еще держа в одной руке поводья.

Голова птицы резко рванулась вниз, но сразу выпрямилась. Крик устремился вниз и угас.

Холройд-Пта остался один на неуправляемом скрире посреди огромного и странного мира.

Глава 6
ПОЛЕТ СКВОЗЬ НОЧЬ

Луна просматривалась через причудливые облака. Холройд подумал, что ее диск слишком велик. Будто Земля и ее серебряная дочь сошлись друг с другом гораздо ближе, чем были в далеком двадцатом веке. Сияние огромного лунного диска сочилось сквозь ночь и позволило последний раз взглянуть на Линн.

Башня замка, где он недавно был пленником, возвышалась над темными домами, как белая и чистая колонна. Он еще успел различить кольцо деревьев, ближние дома. Но город быстро превратился в фантасмагоричный сгусток теней и затерялся вдали, слился с бескрайней темной плоскостью.

Холройд попытался сосредоточиться и оценить ситуацию, в которой очутился. Но в мозгу снова возник образ женщины, которая умерла у него на руках. Красота лежавшего на ковре тела, его мягкость, тепло, и… необъяснимая смерть. Все это вместе настолько поразило воображение, что он инстинктивно пытался стереть из памяти эту

картину, но не мог.

На своем веку Холройд пережил немало смертей. Погибали однополчане, приходилось наблюдать агонию врага. Но даже тогда, когда пушка его танка разносила людей в клочья, отправляя в ад, он знал, что личной ответственности за смерть человека не несет. Война есть война.

Но в Замке Линн умер друг. Больше чем друг — освободитель, сознательно отдавший жизнь за свободу другого человека. Холройд думал… Еще одна жизнь прошла. Еще одно тело станет прахом. Оно было прекрасно. Сколько же их вступило в ужасный союз с Землей за эти двести миллионов лет? Эта мысль потрясла так сильно, что осознавать ее значение в полной мере мозг отказывался.

Ветер трепал одежду, путал волосы, размазывал по лицу слезы. Мускулистые крылья скрира монотонно вздымались и с шумом рассекали воздух. Ночь казалась бесконечной. В кромешной тьме возникла ярость.

«Черт побери! Пта! Куда ты стремишься? Что делаешь? Сколько можно балансировать на спине, покрытой перьями? День… Год… века… сплошного мрака?»

Мысли Холройда-Пта вновь вернулись к со-

бытиям в замке Линн. Что-то тревожило, было необъяснимым и казалось нарушением обычной логики. Почему там все спали, пока он бродил по коридорам. Побег прошел слишком гладко и не казался результатом собственных усилий. Да и в полете сквозь бесконечную ночь была какая-то фальшь.

Холройд грузно ворочался в седле, безуспешно пытался разглядеть, болтаются ли снизу поводья, позволяющие управлять полетом птицы. Но свет луны только тускло мерцал на перьях, до которых могли дотянуться руки. Не удавалось даже разглядеть голову птицы на фоне черного неба.

Лоони, кем бы она ни была, обещала помогать. Нет ли подвоха в этой неожиданной помощи? Маловероятно. Зачем нападать на Нуширван? Каких изменников надо уничтожить? Мозг Холройда пылал мыслями, приходящими одна за другой.

ОН ДОЛЖЕН напасть на Нуширван. На страну, где живет пять миллиардов человек. Где огромная армия. Где горы будут помогать своим и мешать ему. Представив себя полководцем, он ухмыльнулся. Короткий возглас сорвался с губ и унесся в бесконечность ночи. Но мысли остались. И он понял, что такое возможно. Лоони говорила о реальных вещах.

Во все века поступки отдельных людей, способных принимать решения, правили ходом истории. Огромные толпы выполняли волю единиц. Вполне логично допустить, что полубог Пта-Холройд способен достичь границы Нушир-вана, подчинить своей воле огромную армию и разгромить это неведомое государство прежде, чем богиня Инезия поймет, что происходит.

Его сердце забилось в груди, дыхание стало прерывистым. Мысли потекли в едином направлении.

Надо наладить связь с мятежниками, в первую очередь найти главарей. Очевидно, это группа офицеров.

Надо понять, что означает фраза из книги, которую давал Тар: «Божественная сила богини всегда приходила к ней от верующих». Если это правда, то откуда черпает свои силы Пта?

Сознание явно наталкивалось на какое-то препятствие. Необъяснимость подобных истин двадцатого века доминировала в теле и душе бога Гонволейна. Она не давала постичь и бесконечность ночи, которой не было конца.

Рассвет пришел внезапно. Солнце вздыбилось над горизонтом и почти сразу оторвалось от поверхности земли, осветив лучами лес, напо-

минающий тропические джунгли. Внизу можно было увидеть признаки жизни. Маленькие поселения, фермы, обработанные поля. Эта земля была обжитой и плодородной.

Далеко на севере сверкали волны темного моря, а впереди был огромный город. Утренняя дымка не позволила четко разглядеть все постройки. Хорошо различался лишь гигантский утес на берегу, похожий на башни средневекового замка. Утес?

Холройд нахмурился. Столица Пта — город огромного утеса. Скрир не мог за одну ночь преодолеть расстояние от города Линн до столицы. Тар говорил, что самому быстрому требовалось семь дней полета. Это не могло быть реальностью. Но бесконечность ночи подсказывала, что пришедшая мысль верна. Кто-то подтолкнул его к Пта. Может быть, Лоони?

Сознание подсказывало, что надо найти способ, как заставить скрира приземлиться, использовать любой шанс. Он должен посадить звероптицу на землю. Сейчас. Здесь. Немедленно!

И в это мгновение скрир, словно гигантский ястреб, сложив крылья, устремился вниз, направляясь к границе джунглей.

В этом месте, где должно было закончится парение птицы, Холройд не видел признаков

жилья. Лишь в последний момент ему удалось разглядеть под зелеными ветвями деревьев одинокий домик. Почти задев лапами огромные, похожие на листья пальмы, ветви, массивный скрир спланировал к самой опушке, взмахнув несколько раз крыльями и плавно опустился на траву. Его голова поднялась. Перед глазами очутились хохолки перьев, торчавших из складок толстой кожи, покрытой крупными бугорками. Это было неожиданно. В двадцатом веке Холройд знал не более десятка названий птиц. Сейчас он пытался вспомнить, на кого из знакомых обитателей Земли похож скрир. Кто был предком этого монстра? Слишком много времени прошло, слишком большой период эволюции этого существа был неизвестен. Его мысли прервал звонкий смех женщины:

— Питер Холройд-Пта. Ты поступишь разумно, если немедленно спустишься вниз.

Холройд вздрогнул, и руки непроизвольно вцепились в жесткое седло. Футах в двадцати от птицы на узенькой тропинке спокойно стояла девушка. В ее смуглых глазах светилась уверенность, а выражение лица напоминало печальный образ, который нельзя было не узнать:

— Лоони!

— Быстрее! Летающий скрир долго не стоит на одном месте. Будь осторожен, не приближайся к голове птицы. Ее клюв может убить. Прошу тебя, Пта, торопись. У нас есть всего один час, и не стоит терять время.

Очутившись на земле, Холройд почувствовал смущение. Трудно было даже сразу определить, чем вызвано такое необычное чувство. Затем он пошел. Лоони безоговорочно воспринимает его только как Пта, не замечая, что телом владеет слабый разум Питера Холройда. Но это не доставляло каких-либо неудобств. Пта сейчас действительно был больше Холройдом.

Возможно, это был Холройд, взявший от истинного хозяина тела чуть больше, чем следовало. Холройд, устремившийся в сферу Гонволейнского варианта безумия… Если он действительно жил в СОБСТВЕННОМ теле.

Слияние бога и человека в теле сейчас было таким, что божественный дух затуманился в сознании человека, ощущавшего близость женщины. Он медленно приблизился к ее влекущей плоти. Бог уступал дорогу любви.

Лоони стояла не шелохнувшись. Ее темные глаза ярко сверкали, черные волосы волнами покрывали плечи и небрежно спадали еще ниже.

Это была простая сельская девушка, юное тело которой дышало жизнью. Холройд видел, что его желание не осталось незамеченным, загадочная улыбка озарила лицо красавицы. Наконец она произнесла:

— Питер Холройд, не смотри так на мое тело. Это крестьянская девушка по имени Мора. Она живет здесь с отцом и матерью. Их домик в четверти канбы. Не обращай внимания на форму.

Не обращать внимания? Эту просьбу он не мог выполнить. Когда девушка повернулась, направившись по тропинке, он вздрогнул. Ее движения были так грациозны, так пленительны. Каждым своим мускулом Холройд ощутил ее молодость, невинность, весеннее пробуждение женского начала в каждом движении.

Несколько минут он молча следовал за юной Морой, потом решился задать вопрос:

— Куда мы идем? Что будет со скриром? Ответа не было. Они вошли в лес. Тропа огибала деревья, густые листья которых лишь изредка пропускали косые лучи утреннего солнца. Их окружил таинственный полумрак мира, пронизанного мистической сущностью. Холройд осмотрелся вокруг и снова спросил:

— Как получилось, что я смог долететь до сто-

лицы Пта за один ночной перелет?

— Потом все поймешь сам. А скрир тебе уже не понадобится.

Девушка продолжала идти вперед не оборачиваясь. Холройд стал снова вспоминать бесконечность ночи, сквозь которую перенесла его гигантская птица. В сознании зарождалось чувство приближающейся опасности. Оно возрастало с каждым шагом. Стало казаться, что в любую минуту может произойти непредвиденное. Неужели эта женщина заманивает его в ловушку?

Размышляя об этом, Холройд следил глазами за изящными движениями бедер, грациозной походкой спутницы. Потом перевел взгляд на свои ноги и решился задать еще один вопрос:

— Куда... — подняв голову, он увидел маленький домик, стоявший в дальнем конце поляны, залитой лучами утреннего солнца. Здесь царили тишина и спокойствие. Наверное, это именно тот домик, который промелькнул перед его глазами при посадке скрира. Продолжать вопрос не было смысла.

В домике тоже было тихо. Девушка прошла через открытое пространство и перешагнула порог. Постройка, в которую она вошла, была из теса-

ных бревен и произвела на Холройда хорошее впечатление. Подойдя ближе, он решил, что здесь жили приятные люди, все казалось ухоженным, опрятным, без каких-либо излишеств…

«Жили… Почему нет хозяев сейчас? О коврик на пороге, кажется, давно никто не вытирал ноги. Неужели и в доме жизнь замерла?» — с этой мыслью Холройд заглянул внутрь и снова увидел девушку Мору.

— Я рада, что ты не решаешься входить сюда. Постарайся понять меня. В замке Линн Пта надо было заманить в темницу. Только так можно было разбудить сознание Холройда. Теперь я всегда буду идти первой туда, куда позову тебя. Будь уверен в этом.

«Действительно, все произошло так, как она говорит. Но зачем они пришли сюда?» — подумал Холройд, шагнул вперед и осмотрелся.

Обстановка в комнате была более чем скромной. Три стула, стол, сундук, ковер на полу… На потолке деревянный светильник… В дальнем углу какой-то помост, из центра которого торчит металлический стержень… Он окружен тусклым фиолетовым ореолом…

Холройд понял, что девушка перехватила его взгляд.

— Это молитвенный жезл, — сказала она. Молитвенный жезл… Источник божественной силы Инезии…

Холройд подошел к помосту и сконцентрировал мысли на желании понять назначение жезла и возможность его использования. Но сознание молчало, он растеряно взглянул на девушку и догадался, что та продолжала говорить все это время не останавливаясь:

— Родители Моры уехали в город. Пта, мы здесь одни. Ты и я впервые одни.

Заметив, что он теперь слушает внимательно, красавица продолжала:

— Время не имеет значения. Его прошло столько, что я умирала сто миллионов раз ради тебя. Сегодня ты будешь со мной, как с крестьянкой Морой, завтра — как с прелестной горожанкой из серебряного города Триа, которую увидишь на улице. В следующий раз заключишь в объятия придворную красавицу. Но каждый раз это буду я, твоя счастливая жена. Все будет так же, как и в далеком прошлом. Все повторится… Если только нашему счастью не помешает коварная Инезия.

Последние слова Холройд почти не расслышал. Но все, что она сказала, вошло в мозг. Значение слов было мало понятно. Не смог он определить и

смысл знаков на помосте, рядом с молитвенным жезлом. В голове была одна мысль, достойная только солдата Второй мировой войны. И Пта-Холройд произнес:

— Неужели тебе будет приятно, если я стану наслаждаться с другими женщинами…

Пленительное выражение лица Моры сменилось разочарованием:

— О, Пта. Неужели ты так изменился. Неужели сейчас ты считаешь, что в прошлом нам было плохо? Что мы не были счастливы тогда? Ты же всегда был таким раскрепощенным. И я не противилась твоим желаниям. Исполняла волю мужа всегда так, как он этого хотел.

На эти слова трудно было ответить. Если это было так, то она обиделась не напрасно. Можно было услышать любую отповедь на такой бестактный вопрос, но эта просто обезоружила солдатскую логику американца. Женщина, которая способна из любви выполнять любые прихоти супруга, даже самые абсурдные — богиня.

«Лоони! Лоони считает своей чужую плоть. Ее настоящее тело заковано в темнице дворца Пта. Узница хочет получить хоть немного удовольствия, если все ей не доступно», — подумав так, он произнес уже вслух:

— Послушай, неужели ты перенесла меня сюда только для того, чтобы заниматься любовью? Но сначала я хочу узнать, как ты это сделала. Почему скрир летел именно туда, где была только крестьянская девушка Мора? И объясни мне, будь добра… тот карлик, который хотел управлять полетом скрира… Тар… стрела в спине, это случайно или…

— Все объясню, — ее голос прозвучал резко. Все… по порядку… сначала ты узнаешь о молитвенном жезле. Ты хотел понять, как он действует.

Холройд заметил, что свечение вокруг жезла усилилось. Он действительно из металла. Вроде бы из обычной стали. Память явно свидетельствовала, что это первый металл, который попался на глаза со времени пребывания в Гонволейне. И он произнес уверенным голосом:

— Говори, я слушаю!

Девушка сейчас была серьезной, но от взгляда Холройда не ускользнул мимолетный смешливый прищур темных глаз. «Надо быть настороже с этой красоткой. Женский характер не поддается анализу мужской логики». Так он думал, инстинктивно ощущая, что девушка тоже в уме оценивает возможные варианты его поступков.

Очевидно, она не боится его, если в ее глазах неуловимо-насмешливый вызов. «Твои опасения смешны, парень. Мы же здесь одни».

Спустя мгновение она шагнула на помост, где светился молитвенный жезл, и молитвенным голосом произнесла:

— Возьми мою руку. Я покажу, как молятся крестьяне. Очень важно, чтобы Пта научился делать это именно здесь. От миллиардов подобных молитвенных жезлов этот отличается тем, что способен установить наличие божественной силы в молящемся.

Холройд молча кивнул. Говорить не было смысла. Он чувствовал, как воля и понимание растут. Теперь он был уверен, что не совершит неверного шага, не поверит чьим бы то ни было интригам, избежит сомнительных соблазнов. Он шагнул к ней, но внезапно остановился.

«Надо еще несколько дней, чтобы понять происходящее, определить, как надо действовать». Сознание подсказывало также, что Лоони понимает, почему он не решается подойти поближе.

Девушка поспешила навстречу и нетерпеливо произнесла:

— Не будь глупцом. Нет времени ждать. Промедление может все погубить.

Это могло быть верно. Любая ошибка увеличивала опасность, могла помешать достижению цели. Не в характере Холройда было пассивно ждать, чем же закончится трансформация его сознания. Сопротивляться девушке, которая влекла его к жезлу, не было смысла.

— Идем, — говорила она. — Тебе не надо будет ничего делать. Ты должен просто научиться этому.

Ее руки были сильны, но Холройд стоял на месте.

— Мне кажется, что прежде, чем совершить что-то другое, следует отправиться в столицу Пта, — произнес он, и, высвободив свою руку, молча пошел к двери.

Проходя поляну, он дважды обернулся. В доме не ощущалось никаких признаков жизни. Кругом было так тихо, как могло быть только в могиле. Это ощущение еще больше усилилось, когда Холройд-Пта шагнул в тень густой листвы.

Глава 7
ПРОСТРАНСТВО ТЬМЫ

В джунглях было душно. Тяжелый влажный воздух, полумрак и тишина угнетали. Он хотел быстрее избавиться от неприятных ощущений и непрерывно шел на запад, не выбирая дороги. Взобравшись на высокий холм, где почти не было деревьев, он остановился. Впереди было видно бесчисленное множество таких же холмов, возвышавшихся над джунглями. Город Пта не был виден. На севере была видна еле различимая темная полоса. Это море, догадался Холройд.

Затем он увидел, что, спустившись с холма, можно попасть в большую долину, где нет зарослей пальмовых деревьев. Там…

Там был огромный военный лагерь. Всюду много воинов, животных… и женщин.

Присутствие женщин в армии сначала удивило. Затем он сообразил, что это огромное войско не на маневрах. Это — поселение, где семьи некоторых воинов живут в постройках, похожих на казармы.

Повсюду можно было видеть, как происходят

учения отдельных подразделений. Вот равнодушно галопирует слоноподобная кавалерия. Всадники держат перед собой длинные пики, и главная их забота — не нарушить строй. Будничная картина надоевших всем маневров, без которых немыслима регулярная армия. Издалека было видно, как отдельные всадники покидают свои отряды, подъезжают к женщинам, но затем возвращаются в строй. Это нарушало стройность рядов, но было по-человечески объяснимо. На дальнем краю долины виднелись другие казармы, рядом с которыми маршировала пехота.

Путь на запад лежал через эту долину, кишащую воинами. Холройд решил, что надо идти дальше и вести себя как Пта. А, может, на него просто не обратят внимания. Вся долина протянулась миль на пять, и пройти ее можно часа за полтора, если не останавливаться.

Он прошел треть пути и приблизился к группе мужчин и женщин, готовивших пищу, когда сбоку услышал тяжелый топот целого строя всадников на грузных животных-гримбсах. Первая шеренга остановилась в десяти футах от него. Всадники с насмешливыми улыбками следили за Пта-Холройдом. Тот, который был одет лучше всех, поднял руку и, отделившись от строя,

направил своего гримбса к Холройду. Лицо его вытянулось в изумлении. Он снял шляпу, украшенную цветными перьями и, взмахнув ею, прокричал:

— Принц Инезио! Ваше удивительное посещение нашего полка вдохновит всю армию. Один, без свиты. Это подвиг! Разрешите информировать маршала о вашем визите.

Он умчался прочь, оставив Холройда посреди огромной толпы мужчин и женщин с мыслью, что кроме статуи во дворце на него похож еще человек по имени Инезио… Принц Инезио. Такое сходство тревожило.

Холройд попытался оценить положение, в котором он очутился. По всей долине маневрировали отряды наездников и пеших воинов. У каждой казармы выстраивались шеренги. А вокруг собралась масса мужчин в шляпах с перьями и женщин. Значит, это офицеры и их жены. Путь на запад перекрыт.

Ничего не оставалось иного, как играть роль принца Инезио. К тому же, здесь можно изучить, на что способна такая армия, как надлежит ею управлять. А затем… Вперед на завоевание Нушрвана!

Внезапно он осознал рискованность своих пла-

нов, но нетерпение нарастало. Он был возбужден возможностью приблизиться к цели.

Почти наверняка он похож на принца Инезио не только внешне, но и голосом, манерами. Но главное в другом. Он был Пта. Трижды величайшим Пта. Пта всего Гонволейна. Осознание близости к богу гулко отозвалось во всех уголках его тела.

Холройд надменно окинул взглядом окружавших его женщин, офицеров, ждавших распоряжений главнокомандующего, и самоуверенным тоном произнес:

— Готовьтесь к войне. Я буду наблюдать за маневрами. Продолжайте!

По реакции окружающих он понял, что эта фраза прозвучала убедительно. Это сказал не Холройд, а Пта. Скорее, это сказал высокомерный принц Инезио. Пта становился все мудрее, набирался опыта и шел к цели.

Толпа вокруг вела себя естественно. Молоденькие и миловидные жены офицеров смотрели на принца с нескрываемым любопытством. Высокий мужчина средних лет в шляпе с десятью белыми и пятью красными перьями вышел вперед и с достоинством произнес:

— Мы все польщены, повелитель. Я сохранил

в памяти тот день, когда был представлен вам во дворце. Разрешите напомнить мое имя — маршал Нанд. Все 9430 усиленных корпусов, которыми мне поручено командовать, готовы хоть сегодня отправиться к границам Нуширвана.

Его речь продолжалась. Холройд хотел ее дослушать до конца, но не мог. Всплеск личности Пта начал быстро угасать, а мысль Холройда закружилась в водовороте подсчета численности армии.

«Девять тысяч четыреста тридцать армейских корпусов. Если в каждом от сорока до девяноста тысяч человек, как было раньше (а в этой долине, кажется, маршируют больше ста тысяч человек). Даже если всего сорок тысяч, то во всех корпусах наберется четыреста миллионов воинов. Это трудно представить».

Шоковое состояние проходило. Наверное, для страны с населением в пятьдесят четыре миллиарда человек это не очень большая армия. Даже Нуширван, с его пятью миллиардами населения, был способен вывести на поле боя миллиард своих воинов. Холройд пытался сдерживать учащенное дыхание. Его переполнил восторг полководца, получившего в подчинение армию, возможности которой невообразимо велики.

Надо подумать о тактике блицкрига. Скриры — авиация. Гримбсы — танки. Пехота способна захватить любую территорию противника.

С каждой минутой неведомая и огромная страна становилась все более понятой. Здесь можно не умирать, а жить вечно. Он должен жить в этой стране, Холройд-Пта, божественный правитель Гонволейна.

— Ваша светлость, извольте последовать за мной. Если Вам будет угодно, я распоряжусь провести парадное перестроение всего корпуса. Если это доставит Вам удовольствие, то каждый из трехсот пятидесяти тысяч офицеров и солдат…

— Из скольких? — тихо спросил Холройд. Сознание снова захлебнулось грандиозностью прозвучавшего числа воинов. Мозг снова отказывался воспринимать информацию. Он ошибся ровно в девять раз. В армии Гонволейна может воевать три с половиной миллиарда человек. В год смерти Холройда на всей планете жило почти в два раза меньше людей.

Величайшая армия могучего государства. Его армия. Его земля. Надо только завладеть ею до конца, спутать планы богини. Овладеть тем, что принадлежит ему по праву.

Где-то сзади, за спиной, раздался мягкий жен-

ский голос:

— Я здесь, Пта, в новом теле. Чтобы помогать… советовать тебе…

Эти слова произвели странный эффект. Появилось чувство абсурдности происходящего. Питер Холройд, простой американец, демократ и вдруг владыка мира. Чертовски недемократический бред. Сможет ли он убедить свое второе «я» отказаться от таких намерений. Сомнения охладили разум, и Холройд угрюмо взглянул на новый облик Лоони. Теперь она была в пухлом теле женщины среднего возраста. Он не успел ничего произнести в ответ и снова услышал ее шепот:

— Я — жена маршала Нанда. Та, что слева, его любовница, не обращай внимания. Пта, армия должна быть преобразована. Раньше женщинам не разрешали жить вместе с мужьями. Но Инезия решила уничтожить тебя и привела все войска в такое состояние. Многие офицеры понимали, что это расхолаживает солдат и продолжали проводить учения. Дисциплина в армии не так плоха, но Инезия не знает об этом.

— Моя дорогая, — раздался голос маршала, не отвлекай его высочество от государственных дел.

— Я говорю принцу Инезио очень важные ве-

щи. Правда, Ваша светлость?

Улыбнувшись, Холройд кивнул. Он вдруг почувствовал вернувшуюся уверенность. Ответ женщины был дипломатичен и вполне удовлетворял окружающих. Это была жизнь, открывающая каждый миг очередную грань своего многообразия.

В действиях Лоони было много такого, что не нравилось. Но она пыталась помочь ему.

Надо снова попытаться оценить все происходящее, понять логику развития событий. Ее тело, ее настоящее тело, заключено в темницу, оковано цепями. Но она до смешного просто попадает в другое тело. Из-за нее Пта должен идти на риск. Нет, ему еще многое неясно, так же туманно выглядят мысли о нападении на Нуширван. Где тюрьма, в которой заключена Лоони? Почему она не все может говорить ему? Кто мог запечатать уста богини?

Действительно, до нападения на Нуширван еще далеко. Но… оно возможно. Дорога к цели казалась открывшейся на долгое время. Возможно, сознание противится действию из-за сочувствия и уважения перед истинным телом Лоони. И вновь зазвучал ее голос:

— Пта! Ты не должен оставаться здесь. Ты уви-

дел все, что имеет решающее значение. Ты уже знаешь главные недостатки армии. Дисциплина падает потому, что в каждой солдатской хижине есть любовница, офицеров отвлекают от дел жены. Богиня Инезия хочет уничтожить тебя. Теперь ты знаешь и это. Не теряй время на эту мизерную часть твоей армии. Клянусь тебе, каждый час, каждая минута твоей жизни важны.

Помни, Пта, мое тело все время лежит во мраке темницы. Если Инезия увидит мою плоть без души, то сможет уничтожить ее. Тогда вернуть мне все способности сможет только Пта, обладающий абсолютным могуществом. Ради твоего и моего спасения, позволь провести тебя через пространство тьмы. Ты должен познать и ее. Это необходимо для победы над коварством Инезии.

Холройд слушал ее напряженно, но неохотно. Он был почти уверен, что сам смог бы оценить недостатки армии, но услышав последнюю просьбу Лоони, с изумлением повторил ее слова:

— Пространство тьмы!

Она нетерпеливо взмахнула руками.

— Это всего лишь возможность покинуть долину. То, что ты открыл сегодня, можно было узнать еще вчера. Утро началось. Ты узнал, что надо исправить в армии. Знай, что у Инезии

есть человек, необыкновенно похожий на тебя, даже голоса у вас неразличимы. За эти несколько минут я не смогла рассказать тебе все, что должна… Пта, проведи все утро со мной. Выслушай все, чему я должна научить тебя. А затем иди своим путем. Пта, скажи, что ты будешь желать, проходя через пространство тьмы. Ты должен сказать это… Если бы я могла, то заставила бы тебя сказать это немедленно.

Холройд перестал ощущать нерешительность и заинтересовался. Она была права. Из всех проблем, возникших с момента прибытия в Гонволейн, сложнее всего было накопить необходимое количество знаний. Познать сущность этого мира. Внутреннее сопротивление выполнению некоторых желаний Лоони не мешало провести с ней несколько часов в простой беседе. Может, он поспешил в прошлый раз, покинув ее так невежливо в лесной избушке.

В это время маршал Нанд отчетливо произнес:

— Войска построены! Принц, назовите любое подразделение, которое вы желаете увидеть в действии.

Назвать подразделение! Холройд презрительно ухмыльнулся. Только назвать, и все. Произнести его точное наименование по уставу армии

Гонволейна. Только раскрыть рот и продемонстрировать его полнейшее невежество, незнание командующим прописных истин. Он повернулся к жене маршала и поспешно прошептал:

— Я согласен пройти через пространство тьмы. Что делать?

Ответ не прозвучал. Все вокруг исчезло. Сплошная темнота. Она была густой и непроницаемой. Через мгновение он ощутил, что Лоони рядом. Он и эта женщина были тенями в ночи. Тенями темнее кромешной тьмы.

КАК ДАЛЕКО ?

Слова коснулись его мозга, хотя они не прозвучали в ушах и не были адресованы ему. Он не осознал, откуда пришла эта мысль, но она пришла. Все было ясно. Он существовал в этом пространстве тьмы. Его мозг обладал сверхчеловеческими способностями и ждал ответа на вопрос. Сознание звенело, как перетянутая струна.

Ответ пришел издалека. Все пространство и время вздохнули ответной мыслью, отзвуки которой пресытили черный водоворот тьмы, уходя снова вдаль быстрее, чем летели тени мужчины и женщины.

ДАЛЬШЕ, РАБ!

НО ГОДЫ УЖЕ ДЛИННЫ!
ОНИ БУДУТ ДЛИННЕЕ!

Ночь времени углублялась. Века растворились во тьме. К Холройду пришло бездонное чувство, что вечность так же близка, как эта всеокружающая ночь. Он осознал, что сознание женской тени тоже было двойственным. Одна сущность корчилась в бессильной ярости, подчиняя своим желаниям тело, другая была рабски безвольна, зависела от прихоти растущей.

Лишенная даже искорки света, вселенная пульсировала, переполненная страхом, горевшим в угнетенной части ее сознания, потерявшей надежду. Надежда может умереть в этом черном НИГДЕ. Эта мысль пришла резко и отчетливо прозвучала в сознании.

КАК ДАЛЕКО?
ДАЛЬШЕ, ГЛУПЕЦ!
СТО МИЛЛИОНОВ ЛЕТ?
ДАЛЬШЕ… О, ГОРАЗДО ДАЛЬШЕ.

Порабощенный женский ум успокоился, доверился силе, властвовавшей над ним. Длинная ночь завершилась.

Холройд все еще продолжал грезить пространством тьмы, балансируя на грани подсознания и окружающей реальности. Мозг был в смятении.

Что произошло? Он слабо попытался стряхнуть со своего тела что-то лишнее, необычное, раздражающее. Ночь смыла чувство обладания телом, но оно продолжало существовать.

Наконец, он открыл глаза. Тело вовсе не лежало, как ему казалось. Ноги стояли на полу лесной избушки. А рядом стояла крестьянка Мора. В той же позе, в какой он оставил ее несколько часов назад. Мозг Холройда окунулся в воспоминания. Назад, сюда. В джунгли, в знакомый домик на поляне, где не чувствуется жизнь.

Она перенесла его назад — через пространство тьмы. Назад, в прошлое. Но как? И Холройд растерянно спросил:

— Я сплю?

— Это было воспоминание, — спокойно ответила девушка.

Смысл фразы был непонятен. Холройд изучал выражение лица девушки, но оно было бесстрастным. Потом она произнесла:

— Это было воспоминание о том, как Пта был впервые перенесен в Гонволейн. Только с твоего разрешения и очень кратко я смогу показать тебе, что случилось. Ты ведь желаешь познать эту ценную истину.

Холройд не спешил, пытаясь вспомнить все пе-

режитое им в Гонволейне. Наконец он произнес:

— Но и ты была в моем воспоминании! — На мгновение его пронизала уверенность, что он пробил брешь в окружавшей его фантасмагории. — Это ты перенесла меня!

Он замолк и заново попытался представить, как одна часть сознания девушки корчилась от боли, мятежно пытаясь освободиться от влияния второй сущности. Мягкий голос девушки прервал эти мысли:

— Да, я была тогда с тобой. Но не по своей воле. Возможно, теперь ты сможешь представить могущество силы, противостоящей тебе…

Холройд кивнул. Неприятная дрожь медленной волной хлынула по всему телу. Ее объяснения совпадали с догадками, но не воспринимались как реальность…

Женщина, существо из пространства тьмы, властвующее над временем… Богиня Инезия! Да, это точно.

Впервые Холройд полностью осознал, что он действительно должен драться за свою новую жизнь… Уже дерется.

Импульсивно Холройд шагнул к помосту, из которого торчал молитвенный жезл. Подойдя вплотную, он вопросительно оглянулся. Затем

шагнул на помост.

Она кивнула и рванулась вперед. Ее нетерпение заставило Холройда улыбнуться, и он уступил дорогу девушке, как бы извиняясь за то, что в прошлый раз убежал. Уж очень спешила Мора тогда продемонстрировать божественную силу жезла, показать, как он действует. Она не могла знать, о чем думал Холройд уходя, и должна подумать, что Холройд-Пта действительно извиняется. Риск есть, но он неуловимо мал. Девушка хочет помочь, но почему она так нетерпеливо рванулась вперед?

Стоя у жезла, крестьянка Мора говорила:

— Молитвенный жезл имеет большой смысл. Но прежде нужно понять — тебе надо владеть Гонволейном. Пусть тебя не удивляет, что для этого надо покорить Нуширван. Там находится Великий Трон Власти. Раньше он стоял в твоем дворце, в крепости Пта. Инезия перевезла его в столицу Нуширвана по разрешению Нушира. Но это даже хорошо. Ведь все могущество придет сразу, как только ты, Пта, сядешь в него. И в Гонволейн вернется Лучезарный Единственный Пта.

Инезия верит, что сможет уничтожить тебя прежде, чем ты доберешься до Трона и овладеешь им. Пта, умоляю, поверь мне. Только вторжение

в Нуширван во главе самой могучей армии позволит тебе сесть в Божественный Трон Пта.

Девушка умолкла, будто уже не хватало сил произносить слова, отягченные таким глубоким значением. Переведя дыхание, она продолжила с возросшей энергией:

— Пришло время действовать решительно. Нам нельзя останавливаться. Как только ты познаешь действие молитвенного жезла, я объясню, что еще ты должен совершить. Возьми меня за руку.

Холройд осторожно дотронулся до ее ладони и ощутил тепло охвативших его кисть пальцев. Жизненная энергия пульсировала в теле девушки, обволакивая и его плоть, волосы шевелились, будто наэлектризованные. Пришла мысль поцеловать Мору прямо сейчас. Поцеловать! А не сама ли она внушает ему это желание? Неужели это ее мысль через пальцы струится в мозг Холройда-Пта? Да нет, он и сам способен был так реагировать на тело крестьянки.

С любопытством он наблюдал, как девушка коснулась верхушки молитвенного жезла, охватила его пальцами, на мгновение застыла, обернулась и, глядя в глаза Холройду, стала опускать руку, говоря при этом:

— Хочу повторить, действуй уверенно. Ты

практически неотличим от принца Инезио, даже манера говорить, оттенки голоса совпадают.

— Почему…

Холройд осекся, когда пальцы девушки достигли места, где молитвенный жезл соприкасался с помостом. В это мгновение он ощутил, что держится не за теплую руку женщины, а будто за высоковольтный кабель без изоляции.

Тело Холройда-Пта корчилось в конвульсиях. Он пытался высвободиться, но его усилия были тщетны. Телом владела вливающаяся в него огромная энергия. Сознание пронзала острая, как игла, мысль: Обман!

Глава 8
АЛЬПИНИСТ НА УТЕСЕ

Последние несколько дней Лоони в любое время могла увидеть плоть Инезии. Плененной богине достаточно было приподнять голову над каменным полом и повернуться в сторону кресла, где покоилось полуосвещенное тело.

В очередной раз открыв глаза, Лоони увидела слабое сияние золотых кудрей, покрывающих изящный силуэт фигуры. Голова склонена на бок, руки безвольно повисли — души Инезии в теле не было.

Поняв это, Лоони тут же ощутила нарастающее напряжение, словно ментальный ветер всколыхнул полумрак темницы. Его нарастающее давление заполнило все пространство. Темнота растворялась, и неведомая сила прижала цепи, опутавшие ее тело к холодному полу. Ее голова рухнула на камни, только темные волосы смягчили удар.

В этот же момент золотоволосая женщина шевельнулась в кресле. Ее глаза открылись, и улыбка осветила лицо. Инезия посмотрела на

пол, увидела темноволосую красавицу в цепях и произнесла звонким голосом, переполненным триумфом победительницы:

— Милая Лоони, все происходит так, как я задумала. Он считает, что я — это ты. Он позволил взять его душу и тело в пространство тьмы. Чары, не позволявшие показать Пта его путь в Гонволейн, разрушены. К тому же Великий Пта познал могущество молитвенного жезла не так, как надлежит богу — прямым течением. Энергия, способная оживить его память, отфильтрована моим духом.

В камере зазвенел мелодичный смех златовласой богини. Тело Лоони не шевельнулось. Инезия продолжала нарочито громко:

— Я намерена сломить гармонию духа Пта. Уже разрушено три уровня защиты. Еще три слоя чар будет сломлено до нападения на Нуширван. Пта сам поможет это сделать. Последний уровень защиты я способна уничтожить сама, надо только раньше Пта добраться до Трона. Думаю, что ему даже на придется сесть на трон…

Кстати, дорогая, чуть не забыла сказать одну важную деталь. Твое имя включено в список людей, которых казнят по приказу принца Инезио. И Пта подпишет его… Даже если он не решится,

то список заговорщиков сделает реальным нападение на Нуширван…

Лоони уже спокойно наблюдала за выражением лица своей мучительницы. Юное личико златовласки торжествовало. Глаза широко открыты, губы сжаты. Инезия не могла за маской безразличной уверенности в своих действиях полностью скрыть азарт и риск борьбы между мужским и женским величием.

Богиня Лоони поняла, что сломлено только две защиты. Две из семи. Но насколько искусно это проделала Инезия, выдав себя за Лоони? Она позволила памяти Пта начать возрождаться в той области, где не было ощущения противостояния, привлекла его доверие и сняла два слоя чар, хранящих его жизнь. Пта сам пошел по дороге смерти.

Не без усилия Лоони придала своему голосу оттенок насмешливого сарказма:

— Так ты хочешь стать и мною тоже? Несчастная Инезия! Как это трудно — быть двумя богинями одновременно. Я не верю, что Пта уже любил тебя. Ты не способна так быстро снять эти чары без моей помощи. А я тебе не помогала.

Золотые кудри дрогнули.

— Эту неудачу я не собираюсь скрывать. Этот

идиот Холройд — целомудренный моралист.

— Но ведь и Пта был таким. Неужели ты, его жена, забыла это, — голос Лоони звучал увереннее. — Он никогда не соблазнялся телами, украденными тобой у других женщин.

В глазах Инезии вспыхнул огонь, дыхание прервалось. Гнев охватил все ее существо, но это продолжалось недолго. Ответная реплика прозвучала грубо, но не гневно, а с насмешкой:

— Ты, кажется, не осознаешь, что Пта идет к смерти во времена Гонволейна, а его телом управляет разум из далекого прошлого, не принадлежащий богу. Человеческий ум силен, но не настолько, чтобы полностью приспособиться к миру Гонволейна и миновать все ловушки, расставленные мною на пути к цели…

Он проснется завтра с мыслью, что принц Инезио не может не стать любовником Инезии. Он будет думать, что ты изменила планы, чтобы доказать неизбежность войны с Нуширваном. Его психика не устоит перед моим очарованием. Пта овладеет телом, в котором буду я, а не ты. Он познает мои права…

В голосе Инезии появились нотки грусти. Колени сжались, изящные руки судорожно вцепились в подлокотники кресла. Затем она расслабилась

и насмешливо продолжала:

— Неужели ты думаешь, что он способен устоять перед моим желанием. Один, в роскошных апартаментах дворца, окруженный чужим миром. Он будет уверен, что назваться принцем Инезио — единственная надежда уцелеть. Теперь тебе ясно, почему этот идиот стал принцем. И я баловала его настолько, что даже позволила носить мое имя все эти годы. Теперь его сходство с Пта сыграет свою роль…

Лоони, я ухожу. Пора забрать его во дворец принца Инезио. Еще день он будет возвращаться к сознанию. Пусть это происходит там, так лучше. Меня беспокоит уходящее время, но за равновесие Пта-Холройда надо бороться без лишнего риска.

Каменная стена за креслом, в котором сидела богиня Инезия, дрогнула. Ее половинки распахнулись, как ворота и в щель вошли четверо мужчин в темных одеждах. Они молча обогнули кресло и опустились на колени перед златовласой красавицей. Та указала рукой в дальний угол темницы, который скованная богиня не могла видеть. Монахи молча направились туда, пронесли рядом с Лоони безжизненное тело Холройда и скрылись в проеме стены.

Инезия встала и также направилась к выходу, но обернулась:

— Дорогая, я обязана предостеречь тебя от безрассудных поступков. Сейчас мне нужно опираться и на твой круг власти. Поэтому впервые за долгие века тебе возвращена часть могущества. Советую не покидать свое тело. Я буду иногда заходить сюда. Если в этой плоти не окажется души, то она немедленно будет уничтожена. Ты знаешь, чем это грозит. Оставайся хозяйкой своей судьбы. Ты в полной зависимости от сил, которые не вернулись в тело Лоони. А те, которые пришли, угасают с каждой минутой. Лоони не сможет вернуться в свою плоть и умрет в теле, которое не сможет покинуть. Смерть человека страшна агонией ухода из жизни. Ты не понимаешь, что не сможешь вселиться в живое тело любого жителя Гонволейна, тем более из дворцовой прислуги, так, чтобы мне это не стало известно.

… И не питай призрачной надежды на могущество духа Пта. Он сейчас не способен восстановить чары, хранящие божественный дух или воспользоваться какой-либо мелкой оплошностью с моей стороны. На любом шаге по дороге к божественной смерти я смогу уничтожить тело Пта и попытаться повторить попытку в следующем его

воплощении. На этот раз я смогу добиться своего. Я стану единым и вечным правителем Гонволейна. Оставлю тебя с этой приятной мыслью.

Последние слова она произнесла, уже скрывшись в темной щели каменных ворот, которые бесшумно закрывались. Свет в помещении угас, тело Лоони вновь ощутило холод пола и тяжесть цепей.

Она долго лежала без движения, не пытаясь поднять головы. Даже мысли ее замерли. Но в сознании нарастало чувство невозможности бездействия. В висках застучало: «Ты не богиня, а хвастливая дура. Он в апартаментах принца Инезио. Ко мне не вернулось столько могущества, чтобы победить соперницу, тут Инезия права. Но мне хватит сил убить тело Холройда и спасти Пта, чтобы он снова мог родиться с полной защитой».

Тело было покидать намного сложнее, чем рассчитывала Лоони. Усилие сохранить свою плоть в человеческом облике отняло больше сил, чем раньше. Мизерная доля вернувшегося могущества истощилась. В тюрьме было невероятно холодно. Каждая минута жизни, каждый градус теплоты тела требовал расходовать ограниченные возможности. Но она покинула плоть, ощущая свое тело лежащим внизу, в

непроглядной тьме. Глаза, уши, осязание уже не требовалось. Дух снова ощутил великое чувство восторга божественной сутью, бывшей основой ее существования.

Раньше она могла управлять покинутым телом, контролировать его чувства на расстоянии. Но сейчас это было невозможно. Надо рисковать. Лоони, Инезия, Пта находится на грани, отделяющей бога от человека. Пта должен быть спасен любовью.

Пройти сквозь стену было достаточно легко. Дорога была знакома. Как часто в далеком прошлом Лоони проходила через глыбу утеса, вонзаясь в воду, которая принимала тела самоубийц и благополучно выносила их на скалистый берег во время прилива.

Она проникала через гранит медленнее обычного, но чувствовала неотвратимое приближение к воде. Все ближе… ближе. Вот и берег. Вода влекла дальше, там есть человеческое тело. Их там много. Дважды она ошиблась, устремив свой слабый дух к мужчинам. Надо не спешить… С трудом она определила необходимое направление, влечение было слишком слабым. Смерть наступила давно.

Затем… у Лоони появилось тело. Невозможно

было определить, когда погибла девушка, но аура жизни, хранившаяся в клетках тела, была еще сильной, резко отличавшейся от мертвой материи воды, проникшей внутрь организма.

Существо Лоони заполняло мертвые нервные ткани. Тело облегало ее, вяло сопротивляясь приходящей жизни, будто песок поглощал густую жидкость. Смерть для человеческого существа была окончательным исходом. Даже божественный дух мог вернуть жизнь телу только на время.

Как долго лежало окруженное безвременьем тело Лоони на скалистом побережье, определить было невозможно. Время замерло. Истерзанное тело освобождалось от смерти.

Ощущение жизни возвращалось, приходя с каждой волной прибоя, омывавшего девушку. Судорога, пробегавшая по телу каждый раз, эхом откликалась в сознании богини Лоони. Она ждала.

Медленно возникали ощущения острых камней, врезающихся в кожу… галька… песок… брызги, летящие в лицо… Вернулась возможность двигаться. Мышцы рук напряглись, ноги согнулись в коленях. Ощущения человеческого тела пробуждались после смертельного сна.

Последним вернулось зрение. Лоони виде-

ла ночное небо со зловещими облаками. Утес, возвышавшийся почти до облаков. Звезды. Ее тело находилось в глубине лагуны среди острых камней. На другом берегу лагуны виднелись огни ночного города, ностальгически манившие новое тело.

Одна рука все еще полностью была во власти бушующей бездны моря и безвольно колебалась вместе с пеной прибоя. Увидев это, Лоони подумала, что человеческим мышцам не под силу без ее помощи доставить тело наверх утеса. Но выбраться из этой пропасти было необходимо. Она должна убить, чтобы спасти себя и Пта.

Девушка встала на ноги и пошла к месту, где много веков лежало спрятанное оружие. Она не обращала внимание на воду, стекавшую с волос, одежды. Раньше она часто гуляла по этому берегу, когда ей надоедали холодные стены тюрьмы. Здесь всегда были тела утопленниц, которые не успел поглотить древний океан. Как давно она была здесь. Но память сохранила каждый камень, каждую песчинку. Оружие было на месте.

Девушка начала взбираться вверх по острым безжизненным скалам. Ночь продолжалась. Мокрая одежда прилипала к телу. Облака неслись над заливом к северо-западу. Звезды мерцали

холодным светом, а Луна помогала различать щели в граните. Скоро можно будет держаться за лианы, которыми был опутан утес серху. Внезапно ветер переменил направление и облака устремились обратно, темнея с каждой секундой. Они впитывали столько дождя, сколько могли, и возвращались мучить тело. И хлынул ливень… Струи дождя слепили глаза… Сделали тело снова холодным… Руки скользили по камням… Ноги с трудом находили опору… Девушка приближалась к лианам…

Дождь прекратился с первыми лучами восходящего солнца. Зарево над горизонтом еще не согревало, но надежда добраться до вершины утеса в этом теле окрепла.

Самый трудный этап был преодолен, хотя необходимо еще много сил, а тело утомлено. Руки отказываются подчиняться воле. Они боятся возвращения смерти, но надежда не умерла. Даже у самого тяжелого пути есть конец. И он приближается.

Глава 9
ДВОРЕЦ — КРЕПОСТЬ

Время для Холройда остановилось. Он сразу начал бороться, сопротивляясь ужасающей энергии, заполнявшей все тело. Эта необузданная сила исходила с ужасающей неотвратимостью от руки девушки, державшей молитвенный жезл.

Затем пришло понимание, что он лежит на полу огромного зала, залитого солнечным светом. Холройду еще не доводилось видеть таких больших залов. Футов сто на двести, и ни одной опоры для потолка, кроме стен. Но уже через мгновение его поражали не размеры, а изысканное великолепие окружения.

Ослепительный свет из больших окон потоками заливал все пространство. Мебель сверкала безукоризненным лаком. Огненные отблески играли на креслах, шкафах и изящных столиках, созданных умелыми мастерами. Стены, облицованные панелями из какой-то удивительной породы древесины, сияли мягкой синевой. В дальнем конце зала он заметил несколько дверей, каждая из которых вызвала бы восторг у любого

ценителя искусства. Лучи света рисовали на стеклах дверных проемов миражи фантастических деревьев. Что в действительности располагалось за ними, было неразличимо.

Восхищенный Холройд смотрел на иллюзорные пейзажи и только краем глаза ощутил движение в зале. Та, которая шла к нему, была самым главным украшением зала. Юная золотоволосая красавица с голубыми глазами. Ее тело, достойное античной богини, было облечено в снежно-белое платье. Голос оказался сладострастным, но тревожным:

— Инезио! Что произошло? Ты рухнул, как подстреленный врилл.

Ангельски красивая женщина стояла перед Холройдом, ожидая ответа. А он лихорадочно искал в сознании правильную линию поведения, пытаясь сосредоточиться. Мозг уловил имя, которое прозвучало. Он понял, что перенесен во дворец и заменил собой принца Инезио.

Лоони просила действовать решительно. Эта мысль прибавила самообладания, вернула мужество, и Холройд произнес:

— Я просто споткнулся. Извини.

Он встал. Мягкие белые пальцы златовласки помогли принцу. Оказалось, что ее нежные руки

достаточно сильны.

Наблюдая за движениями уходящей девушки, Холройд невольно сравнил пластику движений тела в белом платье с изяществом львицы. Уже в самых дверях девушка обернулась и произнесла:

— Сегодня утром Бенар собирался принести тебе список мятежников, которых надо приговорить к казни. Будь добр, подпиши его. Мне очень хочется покончить со лже-патриотами, ведущими Гонволейн к войне с Нуширваном. Даже с Аккадистраном они не хотят мира. Но об этом поговорим позднее.

Она ушла. Холройд опустил руки, не зная, как удержать красавицу. О чем она говорила? Списки отправляемых на казнь. Мятежники… Мятежники… Война…

Лоони перенесла его во дворец. Он — принц Инезио. Зачем? Предотвратить казнь? Познать новые истины, позволяющие избежать смерти? Одно было ясно. Он во дворце-крепости.

Холройд шагал по роскошному ковру, размышляя о необходимости в очередной раз покориться обстоятельствам. Он должен осознать свое новое положение, выбрать верный путь к цели. Очутившись у дверей, он распахнул радужные стекла, смягчавшие солнечный свет.

Перед ним была терраса, украшенная клумбами пышных цветов, окруженная стриженными деревьями, за которыми виднелись городские крыши. Над головой — чистое голубое небо.

В лицо пахнул теплый ветер, пропитанный ароматом цветов и запахом моря. Больше всего Холройда заинтересовал город Пта. Он заполнял все видимое пространство побережья как слева, так и справа, далеко впереди виднелся зелено-голубой океан. Причудливый силуэт крыш затейливо переплетался с кронами высоких деревьев. Столица Пта утопала в зелени.

Под ногами тоже зеленела мягкая трава. Холройд шагнул на террасу, сделал несколько шагов и заметил тонкий ручеек. Вода весело журчала, струясь по каменистому дну, и бежала вперед. Ветерок уронил в ручей несколько лепестков розового цвета, и Холройд пошел вслед за ними от дворца. Вдруг ручей исчез внизу, забрав с собой розовые искорки.

Трава стала редкой, а вместо плодородной земли вокруг виднелись камни. Холройд осторожно сделал несколько шагов туда, где скрылись лепестки, споткнулся и замер в изумлении. Под ногами разверзлась бездна… Он на краю пропасти.

Опершись на камни, Холройд-Пта следил за уходящим в глубину маленьким водопадом. Сколько лететь лепесткам до земли, полмили, милю? Это место могло быть только Великим Утесом. Узкий залив внизу был окружен скалами, и вода в бессильной ярости разбивалась об острые гранитные глыбы. Ни один корабль не мог бы пристать к этому берегу. Уши уловили шум прибоя. Вода пенилась по всей поверхности залива. На противоположном берегу тоже были дома. Это тоже столица Гонволейна или другого города?

Море-океан, Великий Утес, бездна под ногами. Все отпечаталось в памяти и ушло в подсознание. Город. Город. Он был белым… и голубым, и красным, и желтым — разноцветным. Под лучами яркого солнца город выглядел, как драгоценный камень невероятных размеров… Нет, это впечатление обманчиво.

Колокольни, купола, шпили соборов, замки. Их линия изгибалась вместе с берегом океана и уходила за горизонт. Далеко за всеми крышами виднелся и лес. Где-то там домик в джунглях, молитвенный жезл и Мора.

Холройд ухмыльнулся. С этой Лоони надо быть начеку. Дважды она завлекала в ловушку, обещая защищать.

В камень, на который опиралась мужская рука, впилась стрела. Она как бы прилипла к чему-то липкому, но все же не удержалась и, набирая скорость, исчезла в бездне пропасти. Холройд взглянул вниз и застыл в изумлении.

Футах в пятистах от края террасы, цепляясь за сплетения лиан, карабкалась человеческая фигура. Рука соскользнула с камня. Это спасло Холройда. Не пригнись он сейчас, вторая стрела попала бы в голову. В него стреляла молодая, довольно высокая и худая брюнетка.

Шок прошел. Холройд-Пта внимательно следил, как женщина цепляется за корни, лианы, выступы утеса, неумолимо приближаясь к нему. Лук, выпустивший стрелы, был перекинут через плечо и не представлял опасности. Широкий кожаный пояс обвивал талию женщины и держал ножны с кривой саблей. Телу Холройда передавалось каждое усилие чужих мышц, пальцы искали малейшей опоры на отвесной скале. Мозг ощущал жажду к жизни, пронизавшую тело женщины.

— Кто ты? Чего хочешь? — крикнул Холройд.

Снизу было слышно только хриплое дыхание. Внезапно в мозг вонзилась мысль об одиночестве. Он одинок в этом мире. Она одинока на отвесной

скале. И каждый борется со смертью.

Вокруг все чужое. И город… И море… И дворец. Обернувшись назад, Холройд увидел часть дворца, дверь в роскошный зал. Стены дворца были обвиты такими же лианами, как и утес. Дворец-крепость не был виден целиком. Мешали кроны деревьев. Белый дворец, покрытый зелеными пятнами. Никаких признаков жизни, никаких звуков. Дворец-призрак. Старый и мертвый. Только он сам жив. Только он… и эта женщина, которая хочет убить… Все остальное нереально.

Посмотрев в бездну, Холройд увидел, что нападавшая отдыхает на выступе скалы и внимательно смотрит вверх. Их взгляды встретились.

— Не удивляйся моему появлению. И прости. Именем бога Пта, прости меня. Я думала, что ты стражник. Я очень устала, и глаза обманули меня.

Холройд улыбнулся. Бессмертный Пта не боится стрел. Зачем эта отважная мученица хотела убить принца Инезио? Почему она извиняется?

Мужчина и женщина следили друг за другом. Она уже была футах в десяти. Грязная, исцарапанная. Жалкое существо в серых шортах, изорванной блузе, водорослями во всклокоченных черных волосах. Брызги водопада попадали

на камни, которые предстояло преодолеть женщине, делали их скользкими. А силы у нее на пределе.

Холройд нахмурился, что с ней делать? А если она снова начнет стрелять? Тело Пта не погибнет, но психика Холройда не утратила инстинкт самосохранения. Ему будет больно.

Женщина достигла границы, отделявшей отвесную стену от террасы. Холройд спокойно произнес:

— Будет лучше, если ты бросишь наверх свое оружие. Лук мешает тебя вытащить. Быстрее. И не бойся. Я помогу.

Женщина уверенно ответила:

— Саблю не отдам. Лучше прыгнуть вниз с Утеса, чем живой попасть в руки дворцовых стражников. Я брошу тебе лук и стрелы. Ты будешь в безопасности. Но сабля будет у меня.

Взяв лук и стрелы, Холройд хотел положить их подальше от края пропасти, шагнул в сторону и сообразил, что женщина уже стоит рядом.

Странная брюнетка не знала равных по ловкости передвижения. Каждый жест был быстр и точен. Она устремилась к дворцу, но это оказалось лишь попыткой скрыть от глаз мужчины попытку вытащить саблю из ножен. Холройд

отпрянул в сторону, выронил лук, рассыпал стрелы по траве. Одним движением женщина сбросила сразу все стрелы в пропасть и бросилась к своему врагу. Худое тело извивалось, пытаясь вонзить оружие в сердце Пта. Попытка не удалась. Холройд уклонился и сделал попытку схватить яростную фурию.

К его изумлению, попытка оказалась неудачной. Женщина также смогла ускользнуть от быстрых рук Холройда-Пта, который вдруг осознал, что сабля не металлическая. Неужели она из дерева? Полированное дерево!

Такая мысль на мгновение ослабила внимание. Острие вонзилось в правый бок. Холройд почти не ощутил боли. Он инстинктивно схватил кривое лезвие и вырвал саблю из рук нападавшей.

Перед ним уже стояла не яростная фурия, а женщина, изумленная всем происходящим гораздо больше самого Холройда.

— Магический укол… Он не убил тебя, — смущенно бормотали ее губы.

— Какой укол?

Холройд уже не ждал ответа на свой вопрос. Лезвие сабли пульсировало в его руках. Оно было живым. От сабельного клинка исходил поток, напомнивший тот, который вошел в тело Пта

через руку Лоони от молитвенного жезла. Острый конец сабли еще находился в теле Пта, и это место пылало огнем. Бросив саблю на камни, Холройд-Пта рванул на себе одежду и посмотрел на место, где должна была зиять рана. Увидев, что кожа цела, он перевел взгляд на саблю. Женщина взяла ее за рукоятку, вложила в ножны. Затем сняла пояс и бросила его вместе с ножнами вниз. Магическая сабля вернулась к подножию Великого Утеса.

— Слушай внимательно, — произнесла она, — магический укол должен был убить тебя. Но ты жив. Значит, некоторые женщины Гонволейна долгие века хранили веру в могущество Пта и сейчас молятся у своих жезлов. Правда их мало. Много времени прошло с тех пор, как жены перестали молиться за жизнь своих мужей. Но некоторые любят их и молятся за тебя, Великий Пта. Это дает им новую надежду. Пта, не забывай об этом, ты должен…

— Пта! — повторил Холройд. До этого момента он считал, что женщина пытается убить принца Инезио. Как настоящий принц должен реагировать на имя Пта? Теперь каждая травинка здесь знает его тайну.

Незнакомка пыталась убить Пта! Это потрясло

сознание. Мозг отказывался понимать происходящее. Он смотрел женщине прямо в глаза и молчал. Наверное, выражение его лица выглядело очень глупым, потому что он услышал:

— Не делай больше глупостей. Можешь убить меня хоть сейчас, но это ничего не даст… Очнись… и слушай.

Я могла бы… помочь тебе. Но не здесь, и не сейчас. Я должна покинуть тебя… Если ты дашь мне документы, написанные перьями скрира.. Они там…. в апартаментах принца. Иди за мной.

Холройд шел, будто во сне. Женщина знает, что говорит с Пта. Она хотела убить Пта. Она точно знает, что надо делать Пта. Она способна подчинить Холройда-Пта своей воле.

Незнакомка шла быстро и немного опередила Холройда. Когда он вошел в зал, женщина уже держала в руках лист плотной бумаги, украшенной гербами, чудную стеклянную ручку в форме пера и массивный металлический перстень.

— Надень это, — сказала она, протянув Холройду перстень, — это большая печать принца. Она дает власть над людьми, вторую по могуществу после Инезии.

Кто эта незнакомка, зовущая богиню просто по имени? Как вести себя с ней? — Так думал

Холройд, приняв перстень. Мозг продолжал анализировать ситуацию.

Это не Лоони. Она ведет себя слишком просто, не так, как прежде.

Женщина написала что-то стеклянным пером на бумаге с гербом и спокойно произнесла:

— Поставь печать вот сюда.

Холройд взял бумагу в руки и молча исполнил просьбу, но ощущение опасности не покидало его. А вдруг женщина, знающая о нем больше других, подослана со злым умыслом? Нельзя позволить ей уйти просто так. Кто она? Это надо выяснить прежде, чем документ попадет в ее руки.

Гулкие шаги раздались за стенами зала. Женщина выхватила документ, метнулась к двери, ведущей на террасу, распахнула стеклянные створки и быстро заговорила:

— Прости, Пта, что успела сказать так мало. На моих устах печать, запрещающая раскрыть тебе…

Она стояла между двумя фантастическими деревьями. Высокая, худая, в грязных лохмотьях, совсем чужая среди дворцового великолепия. Голос снова вернулся к ней.

— Пта, будь осторожен! Ты пока не способен до конца осознать опасность ее поступков. Если

сможешь познать все могущество божественной силы, то поймешь и свою личность. Только тогда сможешь делать все, что захочешь сам. И с ней тоже. Но ты должен познать могущество первым. Думай…

И снова она онемела, виновато улыбнувшись. Потрясла головой и, преодолевая невидимое сопротивление, продолжала:

— Видишь, здесь я не могу тебе больше помочь. К тебе идут. Удачи, Пта.

Дверь на террасу закрылась, и в эту же секунду раздался стук в другую дверь.

Раздражение охватило мозг. Кто посмел его беспокоить. Он — Пта. И он сам решает, как поступать, что делать, каким путем идти. Холройд — это Пта. Любая победа Пта будет и его победой. Он обязан победить.

По телу пробежала дрожь, которую остановил второй стук в дверь. Холройд почти крикнул:

— Войди!

Вошла высокая плотная женщина в одежде воина. Отсалютовав копьем и щелкнув пятками сандалий, необычная стражница доложила:

— Великий принц Инезио! Купец Миров заявил, что прибыл сюда по желанию богини и просит принять его немедленно. Приказывайте.

Холройд стоял посреди зала невозмутимый и чувствовал, как тело наливается сверхъестественной силой. Решив, что возможности Пта сейчас не понадобятся, он жестом приказал открыть дверь.

Купец? Чем торгует? Посылая сюда Холройда-Пта, Лоони наверняка знала, что принц встретит купцов. Значит, из общения с ними можно узнать что-то важное о Гонволейне, о пути достижения цели. Он будет познавать мир.

Глава 10
КНИГА СМЕРТИ

В коридоре послышалось хриплое сопение и шаркающие шаги. Звуки приближались, и вот на пороге появился тучный мужчина, явно страдающий одышкой. С грацией слона он раскланялся, прошлепал несколько шагов по ковру, низко склонил голову и забубнил, не поднимая глаз:

— Принц Инезио! Ваше Высочество!

Холройд холодно глянул на толстяка.

— Ну?

Дверь в зал закрылась, и с пришедшего вмиг слетело подобострастие, будто он получил разрешение снять маску и показаться в истинном облике. Однако голос его не претерпел особых изменений и сохранил интонации просителя.

— Мой повелитель! Вы всегда держите данное слово. Исполните и в этот раз то, что обещали. Уже три дня мне оказывают почести как посланцу Зард. И только сегодня я случайно встретил богиню Инезию. Ее божественность сообщила мне, что Вы сможете уделить мне внимание сегодня. Могу ли я надеяться на это?

— Да, — ответил Холройд-Пта.

Он чувствовал одиночество и безразличие к происходящему. Вникать в тонкости происходящего не хотелось. Смысл встречи с торговцем пока был неясен, надо узнать больше и только потом делать выводы.

Грушевидный субъект расплывался в улыбке.

— Ваше Величество, разрешите сопровождать Вас в торговую палату. Там Вы сможете поставить свою печать на свиток, как положено по ритуалу.

В коридоре Холройд обратил внимание, что дверь в его апартаменты охраняли только женщины. У других дверей охрану несли уже мужчины. Толстяк привел в белую без всяких украшений, в центре которой стояли огромные каменные весы. Рядом стоял человек с носом, как клюв попугая, и манерами подхалима. Он услужливо поправил стул и произнес:

— Ваша светлость! Мы начнем сразу, как только вы займете свое место.

Мужчина начал взвешивать на весах тяжелые коричневые камни, а носатый делал какие-то пометки. Холройд понял, что учитывается каждый кусок, а взвешивается не что иное, как железная руда.

Железо — особая ценность. Вот зачем Лоони свела его с купцом. В Гонволейне нет железа, его привозят из страны, где правит Зард. Из металла делают молитвенные жезлы, поддерживающие и укрепляющие власть богини Инезии. За двести миллионов лет человеческая цивилизация почти исчерпала рудные залежи планеты.

— Где свиток? — спросил Холройд у сопевшего рядом толстяка. Тот растерянно улыбнулся, а носатый учетчик быстро вынул из кармана два свитка сразу и залебезил:

— Благодарю, Высокочтимый принц Инезио, за оказанное доверие. Все сокровища будут немедленно доставлены в казну. Вот свиток для отправки в Аккадистран, а этот — для хранения в покоях Вашей Светлости, как это предусмотрено ритуалом.

Купец Миров провожал Холройда до самых покоев и по дороге бормотал:

— Теперь я уверен, что получу сполна за все железо… Высокочтимый принц Инезио так справедлив… Сегодня же пошлю посыльного к Зард, передать, что Вы дали обещание и сдержите слово, как было всегда… Кого я вижу, военный министр Бенар. Мое почтение и наилучшие пожелания, дорогой Бенар.

Холройд кивком поздоровался с тем, кого торговец железом назвал военным министром. Это был почти старик с темными пятнами под глазами, дряблой кожей и обиженным выражением лица. Министр поприветствовал принца Инезио почти так же сухо, как иностранного торговца. А в мозгу Холройда вязко ворочалась одна из последних фраз Мирова:

— Зард Аккадистранская будет довольна… его обещанием.

Купец остался у дверей, а старик-министр вошел в покои принца вместе с Холройдом и заговорил об угрозе Зард Аккадистранской… угрозе возвращения за обещание… Что было в книжке, которую Тар приносил в подземелье? Зард Аккадистранская незаконно похищала людей? Это был памфлет или памятка солдатам и офицерам?.. Вернет за обещание?..

А голос Бенара все дребезжал над ухом:

— Я рад, что вы согласились. Истребить шайку — единственный способ.

— О чем это ты? — резко спросил Холройд.

Старик вздрогнул, глянул на дверь напыщенно произнес:

— Хирургическая операция необходима. Список уже готов. Туда включены все офицеры, дважды

публично призывавшие к нападению на Нуширван. Каждый случай доказан, и это снимает с нас все обвинения. Казнь — только способ выполнить наши обещания. После такого решения наша армия не станет вмешиваться в конфликт, когда войска Зард захватят всех изменников вместе с семьями.

Равнодушие Холройда будто ветром сдуло. Стало ясно, какую проблему надо решать Пта. Пока еще оставалась неопределенность мотивов поведения, это беспокоило, но желание действовать стало явным. Перед ним во мраке стояла невидимая стена, преодолеть которую можно только разрушив ее.

Военный министр пригласил принца войти в дверь, которую еще не приходилось открывать. В большой комнате, где они очутились, стены закрывали огромные карты. Невольно взглянув на них, Холройд узнал очертания, знакомые по книгам Тара. Стена Гонволейна, стена Нуширвана, стена Аккадистрана. Имел ли хотя бы один из главнокомандующих времен Второй мировой войны такие подробные карты военных действий?

В центре комнаты, на столе, лежала огромная книга. Что в ней? Имена и фамилии призывавших

к войне. Перелистывая страницы, человек-бог анализировал ситуацию.

Зард прислала дары, стоимость которых выражается не только деньгами. В цену входят и те люди, которых она собирается похитить из Гонволейна, причем без развязывания войны. Богиня Инезия предает своих подданных.

Мороз пробежал по телу Холройда. Опасность! О ней предупреждала Лоони и та, которая хотела убить Пта! Он очутился здесь, чтобы принять решение. Лоони считает, что Холройд-Пта не осознает всей ответственности за нападение на Нуширван. И это так. В чем смысл такой войны?

Бенар произнес:

— Как видите, принц, список велик. Мы не забыли никого…

Он ждет благодарности за усердие, подумал Холройд. Напоминает о старании доносчиков, но рассчитывает на похвалу в свой адрес. Как во все времена. Сколько же они вписали сюда имен? По десять колонок на каждой странице, в каждой по сорок имен. Писцы умудрились втиснуть на лист бумаги четыреста жизней. Такой мелкий почерк, что трудно прочесть. И всех их хотят убить! Знает ли военный министр, сколько своих офицеров он собирается отдать палачам?

— Сколько страниц в книге?

— Тысяча восемьсот. Уверяю вас, принц, мы старались. Надо вырвать с корнем всю крамолу. Она слишком быстро размножается.

Сколько трупов? Тысяча восемьсот на четыреста… Только офицеры… Сколько же… Шестнадцать дюймов на десять и еще на четыре… В этой книге шестьсот сорок кубических дюймов мертвецов.

Холройд поднял книгу и ощутил ее тяжесть. Пришла мысль. Непроизвольно его уста произнесли:

— Я беру книгу с собой. Некоторых можно не казнить. Проверка не займет много времени.

Вдогонку Холройду звучал старческий фальцет Бекара:

— Клянусь, Ваше Высочество, имена и доказательства вины офицеров высшего круга власти, старших чинов и всех, кто был вам представлен, проверялись с особой тщательностью. Здесь вписаны только генерал Маарик и полковник Дилин. Применен принцип разумной достаточности.

— Тем не менее, я беру книгу в свои апартаменты. Решение будет принято там. Вас оповестят.

Закрыв за собой дверь, Холройд обернулся и увидел у окна маленький столик, перепол-

ненный яствами. За ним сидела золотоволосая богиня Инезия и ласково улыбалась. Указав на одно из кресел, она произнесла:

— Садись, дорогой Инезио. Я хочу поговорить о новом пути успокоения народа. Министр полиции предложил восхитительный вариант. Надо тебе самому поехать на Нуширванский фронт и объявить о начале войны, но не начинать наступления. Несколько ложных выпадов, два-три боя и мятежники будут удовлетворены. Давай обсудим это предложение за чашкой нира…

Глава 11
ПЕРСТЕНЬ ВЛАСТИ

Улыбка богини опустошила сознание Холройда. Он не сразу понял, о чем идет речь. Но ощущение пустоты в мозгу проходило. Правда, его эмоции были направлены в иное русло. Решительность противостоять казни офицеров сменилась раздражением от бесцеремонного вторжения сиятельной красавицы в его апартаменты.

Память подносила все новые детали пребывания во дворце, складывая, как мозаику, общую картину новой действительности. Он отчетливо представил первую встречу с богиней. Детское личико, миниатюрное тело без малейшего изъяна, голубые глаза. Мантия, величаво плывущая по белому мрамору и коврам. Раньше она казалась фантастическим существом, порожденным игрой воображения. Сейчас она была реальна. За столом сидела живая богиня Инезия и говорила с ним мягким голосом:

— Милый Инезио. Ты сегодня утром очень задумчив. Меня удивляет необычность твоего поведения.

— Я размышляю над предложением министра полиции, — услышал из своих уст Холройд. Он действительно еще не решил, как действовать дальше. Свои слова его удовлетворили. Нужно быть внимательным и осторожным. В голубых глазах, внимательно следивших за каждым его жестом и выражением лица, было отнюдь не детское любопытство. Что-то неуловимо тревожило в облике златовласки. Но что?

Понимание источника тревоги пришло не сразу. «Осторожнее! Ты несусветный идиот! Это не просто женщина! Она обладает огромной властью.»

Но сознание было сковано. Новая ситуация приводила в смятение. Наверное, надо протестовать, не соглашаться с тем, что поступки принца «необычны». Смутное ощущение неведомой опасности не только заставляло трепетать мозг, но и мешало принимать решения. Нельзя долго молчать.

— Ты хочешь послать меня на войну, которая не начинается? Нападение на Нуширван будет ложным?

Наконец он понял, что предложила богиня. Он шагнул к столу, и мозг сразу стал оценивать возможные варианты. Холройд-Пта ощущал, что

появляется возможность использовать ситуацию для достижения своей цели. Контролировать ход событий будет не сложно.

Богиня звонким голосом объяснила суть своих замыслов:

— Я отправлю гонцов во все замки лордов-принцев. Они объявят, что ты со штабом завтра отправляешься на фронт. Всем прикажут поддержать твои планы, призвать и вооружить ополчение. По всем дорогам к фронту повезут запасы пищи, военное снаряжение. Надо убедить народ, что предстоит долгая война. Всех бунтовщиков надо направить на левый флаг фронта, где их уничтожит противник или они сами погибнут во время маршей по горам. Там сотни квадратных канб ущелий, вулканов и никаких дорог. Пойдем, я покажу эти места на карте.

Холройд воспринимал каждое слово, но не совсем ясно понимал, как использовать ситуацию и не подвергаться опасности. В голове ощущался мягкий и теплый туман, пронизывающий радостью и яростью одновременно. Некоторые мимолетные мысли приносили боль, которая затем растекалась удовлетворением. Остальные эмоциональные всплески соединялись в буйство дьявольского восторга.

«Ложная атака на Нуширван… О, Даяна! О, Колла! О, божественный Рэд!.. Нападение на страну Нушира по желанию богини, а не Пта. Надо его готовить так, чтобы никто не догадался, что оно будет настоящим».

Мысли привели к логическому концу и застопорились на этой идее. Изящная белая рука указывала пальцем на его лоб и отвлекала от дальнейших рассуждений.

— Ты их наведешь сам. Пошли, я покажу где это будет.

Рука красавицы парила перед глазами и тревожила. Холройд сдержал порыв отпрянуть назад. Он боялся выдать свои мысли или совершить неверный поступок. Перед ним богиня, чья власть так велика, что даже Лоони, способная владеть временем и пространством, боится Инезию.

Палец коснулся лба!

— ИДИ ЗА МНОЙ!

Холройд не двинулся с места. Их взгляды встретились. Стали различимы мелкие морщинки в уголках синих глаз. Ее изящные губки дрогнули:

— Странно. Ты способен сопроти…

Рука богини опустилась, она почти рухнула обратно в кресло, и Холройд услышал собственный спокойный голос:

— Что случилось?

— Ничего, ничего.

Было неясно, отвечает ли Инезия на вопрос или успокаивает себя, говоря против воли…

Холройд ждал. Происшедшее не было понятно. Откуда этот теплый туман в сознании? Что так поразило Инезию? Может, он начал овладевать могуществом Пта? Пта, вдавленного в личность Питера Холройда. Богочеловек, видимо, не способен совершать чисто человеческие поступки. И ему нельзя приказывать безнаказанно. Но она тоже богиня? Она требовала повиновения принца Инезио, а не Пта. Это не одно и то же. Божественная сила должна понять, с кем она имеет дело. Пта может быть разоблачен. В сознании возник сгусток огня, затем холод пронизал все мысли, и напряжение снялось.

— Инезио, чем ты занимался после того, как мы расстались в последний раз?

Фраза прозвучала резко, и не ответить было нельзя. Голубые глаза излучали искрящийся поток света, озаривший мерцающими бликами все вокруг. Смотреть на богиню было тяжело. Перед ним была голубая вода, смешанная с лучами солнца. Лицо Инезии загораживала пульсирующая стена света, заполнившего все пространство.

Как эхо богине ответил голос Холройда:

— После того, как мы расстались в последний раз… Сейчас вспомню… Я ходил в сад… туда, где ручей… Приходил толстый Миров… Мы считали сокровища, присланные Зард… Потом…

Глаза Инезии снова изменились. Теперь они приобрели цвет моря под небом, затянутым грозовыми тучами и рассекаемым беспрерывными всполохами синих молний. Зрачки смотрели уже не на лицо, а на руки. На его левую руку.

— Кто дал тебе это? — гневно спросила Инезия.

— Перстень?

Холройд вглядывался в перстень с таким же удивлением, как и богиня. Надо было объяснить, но мозг не подсказывал нужных слов. Он неуверенно произнес:

— А разве я сам..

Звонкий женский смех дал понять, что продолжать бессмысленно. Звонкий смех напомнил, что юное лицо и грациозное тело принадлежат той, которая может убить Пта. Она снова прекрасна, и глаза уже не свинцовые, правда, не такие, как при первой встрече. Они сверкают адской яростью, на которую человек не способен.

— Кто дал его тебе? Кто? Кто? — кричала Инезия.

Холройд был потрясен переменой поведения золотоволосой красавицы, но чувствовал, что сейчас он владеет ситуацией. Этот взрыв негодования, демонические глаза и почти истерический крик не подавили волю Пта, и он спокойно сказал:

— Все очень просто. Купец Миров спросил, где моя печать. Надо было опечатать свиток с перечнем даров Зард. Может быть в спешке я перепутал и надел другой перстень.

Он понимал, что ответ не прозвучал убедительно. Кольцо было не в комнате с сокровищами, а там, где его взяла незнакомая женщина, там, где были слитки с именным гербом Пта. Зачем эта странная гостья заставила одеть этот перстень принца Инезио? Оно принесло опасность, гнев богини. Кажется, богиня уже не так разгневана. Глаза снова становятся нормальными, спокойными. Голос тоже прозвучал мягко и без раздражения:

— Прости меня, Инезио! Я не смогла сдержать своих чувств. Есть силы, о которых ты еще не знаешь. Не все мои планы осуществляются, и это слишком взволновало меня. Сними перстень и я возьму тебя в путешествие умов, — она улыбнулась удивительно нежно и продолжала. — А

потом мы будем любить друг друга и расстанемся, как любовники. Ну а пока, положи перстень обратно…

Туда, где он лежал раньше.

Холройд медленно пошел к одним из дверей, открыл их и понял, что интуиция подвела. На столике в этой комнате лежали листы бумаги с гербами. Темноволосая незнакомка взяла перстень здесь. Он закрыл за собой дверь и почувствовал желание убежать отсюда немедленно. Он узнал это ощущение. Так же произошло тогда, в маленьком домике среди джунглей. Словно кто-то толкал в спину. Уходи. Уходи.

Надо брать тайм-аут, оценить ситуацию. Но только не теперь. Позднее. Есть возможность узнать что-то важное. Он решился вновь испытать судьбу, но все еще стоял с перстнем в руках.

Путешествие умов. После него любовь богини. Это будет нелегко. До появления в Гонволейне Холройду было тридцать три года и его фамилия не могла быть занесена в список безгрешных мужчин. Любовь сама по себе не пугала, но почему-то казалась невозможной. Мешал Пта, он всегда был рядом. Холройд желал интимной любви.

«Но если она будет настаивать… Глупости… А

вот путешествие умов беспокоит. Что это означает?...

Инезия говорила, что бунтовщиков поглотят ущелья и вулканы Нуширвана. И потом она сказала... что она сказала?»

Холройд пытался вспомнить, но время работало не в его пользу. Надо было возвращаться в апартаменты, там ждала богиня. Он заметил маленькую нишу в стене прямо над столом с гербовыми бумагами и сунул перстень внутрь.

Глава 12
ВЫРВАННАЯ СТРАНИЦА

Богиня стояла в центре зала спиной к Холройду. И он шел по ковру, спокойно оценив всю прелесть ее фигуры. Глядя глаза в глаза, это не удалось бы сделать объективно. Она была ростом не выше пяти футов. Золотые волосы венчали голову, как корона, придавая величие юной красавице. Шелковистые локоны мерцали мягким блеском. Казалось, она была способна только на детские шалости, не более. Но это ощущение вмиг улетучилось, когда она села в кресло, положив на колени толстую книгу. Там были вписаны имена тех, чьей смерти желала богиня. «Надо быть осторожным», — подумал Холройд и сел рядом с ней в кресло. Равнодушно перелистав страницы страшной книги, она задумчиво глянула на принца и тихо произнесла:

— Инезио, дорогой. Нельзя быть таким нерешительным. Ты еще не подписал список. Жаль.

Холройд хотел как-нибудь ответить на эту реплику, но это не понадобилось. Она продолжала:

— Наверное, ты не понимаешь всю важность

этой акции или плохо знаешь простых людей. Все наше молодое поколение не хранит верности религии. Они ничему не верят, думают только о себе и крайне нетерпеливы. Надо перекрыть этот источник крамольных мыслей, уничтожить всех вождей мятежников, сорвать их планы. Не давать им опоры в психологии толпы. Сейчас есть возможность сделать их виновными во всех бедах.

Инезия говорила долго и старалась убедить Холройда-Пта в том, что все беды от пренебрежения к молитвам, что надо вернуть миллионы людей к жезлам, и жизнь вернется в старое русло. Она убеждена, что мятежный дух отступничества не продержится после казни главарей больше двух поколений.

Холройд спокойно слушал, затем взял кубок, стоявший рядом. Нир был еще горячим, и это доставило удовольствие. Он отхлебнул несколько глотков и удивился — вкус напитка оказался странным. В мозгу стали возникать фантасмагорические картины. Мужчины… Женщины… Их души, раздавленные катастрофой, отброшенные назад, в старые времена. В мрачные могилы, без надежд выбраться из них, пока золотоволосая богиня продолжает жить. Пока замки с принцами и императорами продолжают хранить железную

власть над людьми. Рабство без проблеска надежды. Все это напоминало ад. АД!

Он почти физически ощущал схватку сознания с воображением. Мозг яростно, словно конь, закусивший тугие удила, рвался к познанию истины, которой не было. Ее просто не могло быть. Но он боролся.

Богиня продолжала говорить:

— Наверное, ты прав. Всех сразу подвергать наказанию может и не нужно. Но здесь есть страница, которую тебе следует все же подписать. Инезио, я этого хочу. Это необходимо! Каждое имя, внесенное туда, принадлежит убийце. Пока они живы, законы попираются. Народ презирает мое правительство за нерешительность. Ты подпишешь эту страницу, не так ли?

Холройд не шелохнулся, и она повысила голос:

— Инезио! Не заставляй меня злиться. Ты же знаешь, кто дал власть тебе, всем министрам, принцам и генералам. Правьте народом, но самые важные решения принимать буду я. И это — одно из них. Ты должен подписать этот лист.

Ответ Холройда прозвучал тихо, но уверенно.

— Подумай. Ты хочешь успокоить души, но решение убить столько людей может лишить веры тех, кто еще не потерял ее навсегда.

Инезия вскочила, схватила стеклянную ручку в форме пера скрира, ткнула ею в раскрытую страницу и воскликнула:

— Подпиши здесь!

Она вырвала страницу из книги, что-то написала на полях и подвинула скомканный лист к рукам Холройда.

— Я даю им отсрочку казни на шесть месяцев. Всем! Пиши!

Не выдержав ее взгляда, Холройд взял стеклянное перо, прочитал новую надпись. Действительно, казнь откладывалась на полгода. И он подписался именем Инезио под колонками имен.

Через шесть месяцев он будет сидеть в божественном кресле. Он станет Пта, а может, погибнет вместе с богом. Из тысячи восьмисот страниц он подписал только одну. Пожалуй, это был самый безобидный вариант развития событий. Удалось спасти даже больше людей, чем он рассчитывал.

Палец коснулся лба Холройда. Голос богини снова стал ласковым:

— Пошли со мной, принц Инезио!

Глава 13
ПУТЕШЕСТВИЕ УМОВ

Холройд ожидал чувства боли, но оно не возникло. Текли секунды. В сознании родилось ощущение полета с огромной скоростью. Все быстрее… быстрее… и вдруг остановка, такая резкая, что дыхание перехватило. Он смотрел с высоты на горную страну.

Горы, горы… вулканы. Огнедышащие жерла кратеров извергали клубы грязного дыма в пасмурное небо. Сотни пиков, сотни вулканов… Везде, где глаза видели землю, картина была одинаковой. Из черных трещин в истерзанной земле клубился желтоватый пар.

«Нушрван», — подумал Холройд. Тут же в мозгу появилась боль. Сюда не надо посылать людей. Приглядевшись, он понял, что не совсем прав. Внизу была не безжизненная земля. Склоны гор у подножий зеленели виноградными плантациями, фруктовыми садами. Люди жили в этой стране и не умирали. Достаточно большая армия способна покорить эту страну. Где же жилища? Вот они, у берегов горных рек, в долинах, рядом

с плантациями. А там впереди, на горизонте, большой город. Крыши домов, шпили соборов, башни крепостей. Мозг требовал:

— Надо лететь туда! Сейчас!

Так же мысленно пришел ответ:

— Это невозможно. Я не могу пересечь реку кипящей грязи.

— Почему?

На сей раз ответа не было. Холройд сам пытался понять… Река кипящей грязи! Эти слова породили в голове неприятные воспоминания. Как он не заметил этого раньше. Всю долину, которая была под ними, пересекала змееподобная темно-серая лента, шириной около четверти мили. Армиям, идущим из предгорьев Гонволейна, пришлось бы пересечь ее. Страшная река. Сюда не надо посылать людей. Преодолевая сопротивление, в сознании возникла мысль о мосте. Воображение нарисовало картину, как по понтонам, словно танковые колонны, идут тяжелые гримбсы с наездниками, марширует пехота. Летают скриры. Каждый солдат, и тем более офицер, во Вторую мировую преодолевал еще более опасные реки, да еще под огнем артиллерии и бомбами врага. А в Гонволейне нет бомб и снарядов.

Маршрут путешествия умов проходил вдоль

реки, кипящей грязью. Судя по ощущениям Холройда, они с богиней летали со скоростью не менее четырехсот миль в час. Пейзаж внизу менялся достаточно быстро. Интерес к познанию предстоящего поля боя не угасал. Сначала река текла на запад. Сейчас полет продолжался в северном направлении. Река змеилась, но общее направление движения было почти круговым. Поток кипящей грязи большим кольцом окружал столицу Нуширвана. Для командующего армиями это была ценная информация, но почему этот барьер не может преодолеть Инезия?

Время летело вместе с ними. Солнце уже опускалась за горизонт. Его лучи рисовали отчетливые тени от горных вершин, долины и ущелья погрузились во мрак. Ужасная страна, здесь не хочется жить вечно.

Снова налетел вихрь, такой же, как в начале полета, и Холройд очутился в апартаментах принца Инезио. Путешествие умов завершилось, но тайна реки кипящей грязи не была открыта.

В зале уже было сумеречно. Огромные окна выходили на восточную сторону дворца-крепости. Кресло скрипнуло под весом тела Холройда. Богиня, сидевшая напротив, смотрела на своего спутника с забавной улыбкой на губах. Ее глаза

были безмятежны.

— Ну вот ты и познакомился с окраинами Нушир-вана. От того места, где мы были, недалеко до страны Зард — Аккадистрана. Путешествие умов дало знания, которые будут нужны на войне.

Холройд понимал, что армии Гонволейна, привыкшие к плоскогорьям, не сразу приспособятся к действиям в горах. Но тайна реки его беспокоила. Что из увиденного было новостью для принца Инезио? Что он уже знал раньше?

Принц Инезио задавал богине много лишних вопросов о Нуширване. Она нехотя отвечала. Наконец прозвучал вопрос:

— Эта река кипящей грязи… Почему мы не могли пролететь дальше ее берегов?

Женщина тряхнула головой. Золотистый ореол волос испустил снопы искр. Голос Инезии был нежен и ласков.

— Есть вещи, дорогой Инезио, о которых даже ты не должен спрашивать. Да и мои возможности сейчас не беспредельны.

Она встала. Обошла вокруг стола. Теплые и мягкие руки обвились вокруг его шеи. Сначала губы показались холодными, но они быстро согрелись. Вопросы, роившиеся в мозгу растерянного Холройда, улетели во тьму, которую не освещали

золотые локоны. Он думал:

— Не сейчас. Обдумаю все потом… Богиня…

Холройд взял ручку-перо и начал писать:

«Величайшим могуществом в Гонволейне сейчас обладает богиня Инезия. Перед тем, как был убит Пта, она принесла его сюда. Как это произошло, мне показали».

Написав этот абзац, он почувствовал удовлетворение. Возможность видеть эту истину написанной придавало уверенности. Весь вчерашний день он пытался обрести уверенность в себе. Каждое утро замедляло течение времени. Надо спешить.

Холройд сидел за письменным столом и обдумывал, что надо сделать. Будничная обстановка позволяла не отвлекаться и размышлять спокойно. Казалось, его положение начинает проясняться.

Лоони послали против ее воли вернуть Пта в Гонволейн, и она сделала это. Так все началось. Если все воспоминания записать, то из этой мозаики можно сложить всю картину. Надо писать дальше.

«Вторым величайшим могуществом в Гонволейне, правда, очень ограниченным, обладает Лоони. Она сорвала попытку богини Инезии

лишить Пта защиты от опасности. Как это было, мне показали…»

Холройд перестал писать. Нет, ему не показывали этого, только сказали, и то не обо всем. Он тихо присвистнул и начал писать, макая стеклянное перо в чернильницу и уже не сомневаясь в своих догадках.

«Женщина, которую я принимал за Лоони, конечно же, была Инезией. Значит, то, о чем мне говорила принцесса Гия, крестьянка Мора, жена маршала Нанда — лишь искаженная картина истины, может, даже ее полная противоположность. А та, худая и грязная женщина с темными волосами, которая стремилась убить Пта и не могла говорить обо всем до конца, должна быть настоящей Лоони. Она дала перстень власти».

Холройд бросил перо и вглядывался в написанные слова. Он был потрясен. Тысячи новых вопросов теснились в голове, требовали ответа, приводя в изумление…

«Зачем… Зачем они поступают так, как поступают?»

Ответа на этот вопрос не существует. Инезия не пожелала дать ключ к разгадке всех тайн. Так она и должна была поступать. Пта готовился вновь слиться со своим народом, и он был не глуп. Он

сохранил свою защиту. Защита имеет несколько уровней. Холройд стал их выписывать на листы бумаги.

«Первый: Пта позволил пробудиться личности человека, чье воплощение достигло Гонволейна. Он вернул Холройду сознание. Для бога это слишком низкий уровень. Но Пта пожелал этого. Такова первая защита.

Второй: Область тьмы должна быть показана. Не зная истинного пути, Пта не может быть уничтожен как бог.

Третий: Молитвенный жезл должен дать истинную, чистую силу.

Четвертый:

Путешествие умов раскрыло простую вещь. Богиня не способна пересечь реку кипящей грязи, окружающую трон.

Пятый…»

Холройд задумался. В чем его смысл. Здесь нельзя ошибаться. Инезия добивалась еще чего-то и очень настойчиво…

Домик в джунглях и желание овладеть крестьянкой Морой… И здесь, во дворце, она добилась своего. Холройд понимал, что это произошло помимо воли, но очень естественно. И это понятно.

Секс был великой основой жизни. В мире

людей, если не нарушать гармонии чувств, то женщина становилась богиней, мужчина — богом. В мире, где секс способен на это, он может быть силой, дающей власть над любым народом, даже если в нем пятьдесят четыре миллиарда индивидуальностей. Мужской характер склонен к возданию всяких почестей героям, королям. Они не всегда верят в существование богов, но боготворят любимых. В этом и состоит пятый уровень защиты.

«Шестой:

Он связан с книгой смерти, именами людей, которых так хочет казнить Инезия. Иначе она не была бы так настойчива, когда требовала подписать хотя бы один лист.»

Холройд нахмурился. Озарение пришло внезапно, молнией сверкнув в сознании. Острая боль пронизала тело. Как безумец, он вскочил и заметался по апартаментам принца… Вот эта страшная книга. Все имена по алфавиту. Как мелко написано. Где буква «Л»? Он прав. Страница вырвана здесь. Предыдущая кончается именем Линра, следующая начинается неким Лотибаром.

Он не ошибся. Его заставили подписать приговор Лоони. Мрачный и растерянный, Холройд

старался оценить последствия своего поступка. Только слабая надежда теплилась в сознании. Он все же добился отсрочки казни на шесть месяцев.

Медленно приходило понимание, что не все потеряно. Он еще не садился на божественный трон. Река кипящей грязи не подвластна Инезии. Что же делать с нападением на Нуширван?

Стук в дверь прервал его рассуждения. Женщина-стражник доложила:

— Маршал Горо передает слова почтения принцу Инезио и желает сообщить, что генеральный штаб готов отправиться на Нуширванский фронт.

Надо было действовать так, чтобы найти выход из дворца, не заблудившись в лабиринте его коридоров. Принц Инезио не может так оконфузиться. И Холройд громко произнес фразу, придуманную заранее.

— Пришлите сюда эскорт для торжественного отъезда на войну. Отправление немедленно.

Стражницы бегом удалились, а он вернулся в комнату, где писал, собрал заметки и застыл на месте, пораженный мыслью, пришедшей только сейчас. Мозг медленно наполнялся холодом и решимостью. Он обошел стол, сунул руку в нишу,

где по настоянию Инезии оставил таинственный перстень и спрятал его в карман. В большом зале Холройд забрал огромный том со списком заговорщиков. Книга могла еще пригодиться.

В сознании возник образ бога, способного нести смерть. Проживший столько веков, Пта не мог быть так глуп, чтобы не расставить западню для бунтовщиков. Значит, надо продолжать действовать по выработанному плану, пока не придет более мудрое решение проблем.

Напасть на Нуширван. Захватить так называемый божественный трон, но не садиться в него. Хотя можно и сесть, если не будет другого выхода. Времени мало и пора действовать. Осторожность не выигрывает сражений. К тому же иного плана в сознании просто нет.

Глава 14
ТРИУМФ ЗОЛОТОВОЛОСОЙ БОГИНИ

Ручей струился и пенился. Лоони сидела на траве пытаясь привести в порядок волосы. Мокрая одежда лежала рядом, а худое, долговязое тело, пережившее смерть, переливалось коричневыми и белыми бликами. Рассматривая свое отражение, Лоони удовлетворенно улыбалась.

Тело, которое она заняла почти неделю назад, успело загореть и уже не напоминало о судьбе его прежней хозяйки. Теплое солнце и божественный дух превращали утопленницу в миловидную девушку. Волосы, так тщательно вымытые и приглаженные гребнем, сверкали темным сиянием. Зеленые глаза смотрели более уверенно, и вода отражала их, будто два изумруда, сиявших мягким светом. Лицо…

Лоони вздохнула. Она сделает его получше, но… слишком выступают скулы. Девушка будет выглядеть простушкой.

Лоони все еще вглядывалась в свое отражение, но ощущение присутствия чужого духа внезапно заставило поднять голову. В десяти футах от нее,

над водой из ничего возник голубой смерч. Вращающийся сгусток цвета и света уже отбрасывал тень и становился менее прозрачным, приобретая форму женского тела. Из ничего возникла Инезия. Маленькое, изящное, обнаженное тело пульсировало, проходя материализацию на отмели. Вода у ее ног бурлила. Ручей боролся с новым препятствием нехотя и без надежды на успех.

Не спеша Инезия вышла на берег и села в двух ярдах от своей соперницы. Лоони насмешливо смотрела на золотоволосую богиню, которая презрительно произнесла:

— Дать ему перстень власти, и ты думаешь, что это разумно?

Лоони пожала плечами. Она хотела ответить, но передумала, поняв, что вопрос прозвучал чисто риторически. Инезия пришла не спрашивать, а утверждать. В выражении лица богини кроме безмятежности было и торжество. Поэтому в ответ на вопрос она также спросила:

— Значит, он подписал приказ о моей смерти. Я ждала твоего появления именно сейчас. Сколько моей жизни еще осталось, дорогая Инезия?

Безмятежность богини рассыпалась звонким смехом.

— Неужели ты надеешься, что я отвечу?

— Тогда я буду продолжать бороться, будто этого не случится никогда.

Видеть, как с изнеженного лица Инезии исчезает выражение самодовольства, было приятно. Маленькая, но победа. Она ответила грубо и надменно:

— По крайней мере, истинное тело я могу уничтожить в любое время, если пожелаю. Хоть сейчас.

Чувство победы угасло. Лоони с трудом произнесла:

— Ты хочешь сказать, что оно еще существует?

Она дрожала, похолодев от ужаса. Истинное тело! Глупо даже надеяться спасти его. Сейчас она не может свободно покинуть новое. Ему не помочь. Лоони была уверенна, что ее божественное тело, которое так любил Пта, уже не существует. Поэтому все свои планы она строила, учитывая реальное положение дел… Тело, в котором был полюс божественного могущества, еще не уничтожено. Надо его вернуть, надо действовать быстро и решительно. И она хмуро произнесла:

— Ты умнее, чем я предполагала. Но, дорогая Инезия, тебе не хватило мудрости понять главное. Я буду жить или умру вместе с Пта.

— Вы оба умрете… и очень скоро, — холодно

сказала златовласка. — Пять чар из семи уже разрушены. Кажется, Пта уже чувствует опасность, но это теперь не имеет значения. Он попал в мою сеть, скоро падет и шестая защита. Моя маленькая хитрость сработает, любая его мысль может быть полностью независимой. Тем более, что эта идея уже давно вошла в сознание Пта. Новый план действий для него в действительности не нов. Идея в голове Пта возникла по моей воле, и он осуществит ее через день или два. Ты понимаешь, что все твои надежды на вернувшуюся свободу и крохи божественной силы — напрасны?

Лоони устало села. Беседа с глазу на глаз с соперницей могла вести к победе, и прерывать ее не стоило. Она позволила молчанию продлиться, пока не почувствовала возвращение уверенности. Ее преимущество было настолько мало, что почти не помогало бороться с хитрой соперницей. Неделя, которую она провела у ручья в ожидании визита богини, позволила укрепить новое тело, но подавляла волю. Нельзя было отходить от воды, которая позволяла быстрее и с меньшей потерей сил вернуться в истинное тело.

Помогал и характер Инезии. Она всегда была тщеславной, смешно хвасталась даже маленькими победами, надеясь унизить Лоони. Такие

беседы помогали сохранить волю и силу духа закованной в цепи сопернице, но Инезия не могла отказать себе в удовольствии унизить ее. Так же было и сейчас.

Лоони спокойно сказала:

— Честно говоря, я не верю, что он способен организовать вторжение так, как это надо. Горы, вулканы, совсем не та война, которую он знает. С большими потерями и мучениями ты семь раз попытаешься добраться до трона Пта, и семь раз армия Гонволейна потерпит неудачу.

Инезия нетерпеливо отмахнулась. В ее голове появились интонации триумфа, и Лоони уловила изменение.

— Через день или два, — сказала Инезия, — мой план осуществится. Можешь не сомневаться…

Лоони подумала, что так уверенно Инезия может говорить о будущем только в случае, если оно уже стало прошлым… Или настоящим.

Или настоящим!

— … Во второй день пребывания на фронте Пта собрал десять тысяч маршалов с женами и долго рассказывал, как следует воевать. Я была одной из жен и знаю, что выбранная стратегия должна привести к победе. Он значительно увеличил количество скриров и гримбсов на передовой

линии. Это имеет смысл…

Инезия прервала свои откровения о новой тактике и стратегии армии, улыбнулась и продолжала слащавым голосом:

— Только ты, дорогая Лоони, можешь понять, что это означает. Но твой язык опечатан, не так ли милая? Ты все поймешь, когда услышишь ключевое слово — АККАДИСТРАН. И я тебе говорила об этом раньше.

— Дьяволица! Ты убийца! Это подло! — с яростью вскричала Лоони.

В ответ прозвучал звонкий смех, переходящий в сатанинский хохот. Сомнений в безнадежности души и разума Инезии не могло быть. Золотоволосая богиня, ведущая своего мужа и соперницу по дороге смерти, воскликнула:

— Какие мы сентиментальные! Что можно поделать с этим, если всем человеческим существам судьба уготовила смерть еще раньше, чем они родились.

Инезия разлеглась на зеленой траве, раскинув волосы среди цветов. Ее совершенное тело купалось в лучах утреннего солнца. Глаза, напоминавшие голубые льдинки, смотрели на долину, простиравшуюся до северных холмов. Убегающий в глубину пейзажа ручей был доста-

точно широк. Недалеко стоял огромный скрир Лоони и методично погружал свою голову в поток, каждый раз вынимая серебристо-белую рыбу. Длинная шея птицы при этом резко выгибалась, и улов исчезал в клюве.

Лоони сначала показалось, что она может прочесть мысли соперницы, следившей за птицей. Но затем она поняла: золотоволосая богиня не пытается прогнать птицу, а думает о решении более сложной задачи. Инезия вздохнула и произнесла с досадой:

— Плохо, что Пта инструктировал армию после того, как назначил на высшие посты мятежных офицеров. В его действиях чувствуется уверенность, но и нетерпеливость. Мятежники поверили в серьезность предстоящей войны. Даже я была удивлена его смелым замыслам и манерой отдавать приказы всей огромной армии. Сомневаюсь, что человек Холройд не осознает пределов своей власти. Он наверняка понял, лишь полу-Пта способен был ее получить. Но это уже не важно. Мятежники потерпят поражение благодаря моей небольшой хитрости.

Взгляды женщин встретились. Лоони понимала, что благодушие соперницы не искренне.

— Хитрости? — эхом отчаяния прозвучал ее

голос.

— Вчера он отправился с мятежниками-офицерами и художниками изучать с воздуха район предстоящей атаки на врагов. Они летели на скрирах, рисовали карты и расположение войск. Сегодня они поедут туда же на гримбсах, уточнять детали.

— Но я не понимаю…

— Поймешь, дорогая Лоони, когда я скажу, что два дня назад в руки бывшего генерала мятежников, а теперь маршала Маарика, попали донесения. Их, якобы, принц Инезио написал мне сам. И он уже знает, что настоящей войны не будет. Будет только небольшая стычка, где погибнут почти все мятежники, — Инезия лениво поднялась, сверкнув волосами, и продолжила. — Мятежники сегодня утром начнут действовать… И моя хитрость разрушит шестую защиту Пта. Это случится сегодня утром, а вечером божественный трон будет в моей власти.

— Я тебе предоставила на время определенную власть и свободу. Будь счастлива мыслью, что моя спешка связана с тем, чтобы помешать тебе вмешаться в ход событий и не позволить чинить препятствия. Прощай, дорогая!

Она вступила в ручей и исчезла.

Долго смотрела Лоони в то место, где только что была жестокая соперница. Неделю она дала своему новому полуживому телу, чтобы вернуться к жизни. Какой долгой оказалась эта неделя.

Одеваясь, Лоони размышляла о дальнейших действиях. Пта успел приготовиться к войне раньше, чем она предполагала. Надо действовать быстрее. Ее план помощи Холройду-Пта в осознании истины надо приспособить к новой ситуации. Сейчас главное найти Пта. Где бы он ни был, надо найти его немедленно. Штаб мог быть на центральных холмах, противостоящих Нуширванскому городу Триа. Где-то в этой огромной долине среди огромного скопления людей и боевых животных был Пта. ОН В ОПАСНОСТИ.

Лоони завязала сандалии, жестом подозвала скрира, и через минуту птица унесла ее в небо, на север.

Нападение на Нуширван состоится. Но оно не будет логичным. Месть настигнет владыку Аккадистрана и Нуширванскую армию, которая похищает граждан Гонволейна. Подлости нет прощения. Великая война начнется через месяц.

Потрясение прошло. Мрачный Холройд спокойно сидел на спине гримбса и смотрел на приближавшегося противника, который вовсе не

спешил, видимо, уверен в успехе своего десанта. До первых шеренг оставалось около полумили.

Сегодняшнее могущество бога Пта не способно было изменить ситуацию. Но он не должен попасть в плен. Надо дать понять этим болванам, что Гонволейнской армии необходимо еще три, даже четыре месяца, чтобы подготовиться к победоносной войне среди гор и вулканов. Нужно накопить здесь огромные запасы продовольствия, увеличить в несколько раз число грузовых гримбсов и скриров. Горы можно покорить только хорошей организацией снабжения армии, прочным тылом. Жуткие жерла вулканов, пузырящиеся темные зыбучие пески. Кто из этих новоявленных генералов способен организовать марш миллионов животных с грузом через труднопроходимую горную страну? Холройд засмеялся.

Полковник вновь заговорил.

— Глупо даже помышлять о сопротивлении. Их на пятьсот человек больше. Вы не сможете вырваться из этой западни.

Краем глаза Холройд уловил движение на крутом склоне по правую руку. Всадники уже спускались вниз и исчезали среди зарослей. Маневр, достойный подражания. Слева тоже

перерезали путь в ущелье. Кольцо смыкается. Противник использовал свое численное преимущество наиболее разумно. Они знают, что Пта не будет идти на прорыв со своим штабом. А одному не вырваться.

Изменить ситуацию вряд ли возможно. Холройд еще раз оценил позицию и определил, что есть два варианта поведения. Он развернул своего гримбса и направился к молодому офицеру, который внимательно следил за противником. Офицер заметил это движение и стал следить уже за Пта, при этом он улыбался. Улыбка положила конец надежде на первый вариант. Поэтому Холройд остановился и крикнул:

— Маршал Уубриг, прикажите людям рассыпаться во всех направлениях. Попробуем сбить с толку этих нуширванцев. Может, кто-нибудь и сможет вырваться из кольца.

Все сопровождавшие принца дружно засмеялись, а маршал вежливо ответил:

— Господин, этим людям сложно приказывать. Вы же знаете, в штабе отборные люди. У каждого из них сестра, брат или мать с отцом в плену. Они знают, Нушир недоверчив, и убеждены, что, пожертвовав собой, они погубят и родных. Если же вы сдадитесь, то это другое дело. Подумайте, как

люди с такими мыслями исполнят мой приказ, если он прозвучит громко и от имени великого принца Инезио.

Холройд молчал. Он не знал, как живут родственники мятежников в плену, о чем думают жители провинции Нуширвана, которая раньше принадлежала Гонволейну. Именно эта провинция и послужила началом распри народов. Нельзя не учитывать, что мятежники сейчас так же будут напористы, как немцы во Вторую мировую после первых успехов.

«Нападай на Нуширван» — предложила Лоони. Она действовала коварно. Сначала подала эту мысль, затем пыталась отговорить от нападения, что и дало убеждение в необходимости вторжения. Все ее поведение было обычной хитростью, заставившей Пта самому принять решение о войне с Нуширваном.

Ближайшие всадники были всего лишь в трех сотнях ярдов. Надо торопиться, найти того, кто поможет осуществить второй вариант спасения. Холройд уже открыл рот и хотел подать команду, но заколебался. Все тело ощутило предстоящее чувство, которое Пта хранил в памяти. Он почти физически переживал неприятное ощущение.

Всадники приближались. Оставалось не боль-

ше ста ярдов, и Холройд решился.

— Воины Гонволейна! Кто из вас способен пронзить мое сердце стрелой?

Никто не ответил. Блестяще экипированные офицеры только переглядывались между собой, смотрели на приближающегося противника и не двигались с места. Наконец заговорил тот же полковник:

— Видите ли, принц, мы обещали передать вас живым. Только в этом наша надежда.

Чувство безнадежности положения покинуло Холройда. Он решился. Тело пронизал холод, но похищения Пта допустить нельзя. Другого выхода не было. В прошлый раз смертельный удар привел его в ярость. Как будет сейчас?

Он видел, что полковник держит в руках тонкое копье из прочного дерева с каменным наконечником. Офицер уже знал его желание, но Холройд направил своего гримбса к нему. Борьба между ними была короткой. Глаза полковника широко раскрылись, когда копье было вырвано из его рук, точно у слабого ребенка. Холройд торжествующе вскрикнул, копье в его руках совершило несколько кругов, со свистом рассекая воздух.

Тысяча врагов приближалась. Время неумолимо уходило, и Холройд-Пта с силой вонзил копье

в свою грудь. Наконечник пронзил сердце человека-бога, и в глазах потемнело.

Первое мгновение боль была ужасной. Затем агония прекратилась. Холройд ощущал вес копья в том месте, где оно пронзило кожу. Ощущение было омерзительное, но он терпел сколько мог. Только позволил туловищу откинуться на круп животного и медленно сползти набок. Ноги остались в стременах, а руки по-прежнему крепко держали кожаные поводья. Кто-то совсем рядом разразился отборной бранью, он говорил по-гонволейнски.

— Так вот как вы решили передать принца в наши руки. Нушир отплатит вам за это сполна. Не отпускайте этих грязных предателей.

Голос полковника ответил:

— Мы не виноваты. Вы сами видели, как он отнял у меня копье и закололся. Кто мог подумать, что этот изнеженный любимчик богини поступит таким образом.

Холройд невольно проникся симпатией к этому человеку. Недовольные заговорщики были правы. Какая еще группировка решилась бы восстать против бессмертной женщины, религиозного рабства, поддерживаемого могущественными владыками замков Гонволейна. Каждый, кто

решился на это, был готов к своей смерти и не верил в мужество принца.

Вождь нуширванцев проревел:

— Живого или мертвого, но мы заберем этого наглеца. Пора отсюда уходить. Ждать здесь я не намерен. Вперед!

Холройд слышал, как тяжелые когтистые лапы царапали землю. Гримбс бежал во всю прыть, ломая кусты, не огибая холмы и овражки. В голове кружилась только одна мысль: «Никто не додумался вынуть копье из груди». Оружие болталось из стороны в сторону. Не может же оно торчать весь день в его сердце. Тело и дух Пта должны быть гармоничны, надо что-то сделать.

Полуоткрыв глаза, Холройд смотрел в небо, покрытое редкими облаками. Поза была неудобной и не позволяла расслабиться. Вдруг на его лицо упала тень. В небе летел одинокий скрир с наездником. Если бы этот глупец на птице мог понять, что случилось внизу. Может, он и успел бы прислать подмогу, перекрыть подступы к границе. Но птица продолжала лететь на север и, наконец, исчезла из виду.

Как же избавиться от копья? Холройд стал потихоньку сползать вниз, будто мертвое тело не могло удержать равновесие на широкой спине

гримбса. Он стремился занять такое положение, чтобы рука дотянулась до древка. Затем начал продавливать каменный наконечник глубже. Вернулась боль и отвращение к происходящему. И вот уже копье царапает спину животного. Гримбс споткнулся и сбился с темпа.

Холройд наблюдал сквозь веки за мятежниками, скакавшими рядом. На него обратили внимание. Сквозь боль в мозгу прозвучал чей-то голос:

— Прекратить движение! Эй, ты, вытащи копье. Еще немного и он свалится, а гримбсы затопчут труп так, что никто не узнает принца Инезио.

Омерзительное ощущение исчезло. Холройд ликовал. Вечером он убежит. Темнота поможет обмануть стражников, а силы хватит справиться с десятком людей. Тут раздался крик:

— Командир, смотри! На копье нет крови. Тут что-то не так.

Гримбс остановился. Чьи-то грубые руки стащили тело Холройда на землю и стали ощупывать. Самодовольный голос командира произнес:

— Так я и думал. Нет даже раны. Любовник богини решил пошутить с нами. Вставайте, принц Инезио. Мы знаем, что вы не мертвы.

Не говоря ни слова, Холройд поднялся с земли

и взобрался на своего гримбса.

Все нуширванцы вокруг были рослыми и сильными мужчинами. Многие носили усы или бороды. Отборная группа, подумал Холройд. Они должны были смеяться над неудачной хитростью принца Инезио. Но никто не смеялся. Все смотрели на принца с удивлением, но никто из этих силачей не хотел встретиться взглядом с Холройдом.

Отряд снова двинулся в путь. Странная реакция на оживление человека, чье сердце было пронзено копьем. Надо сделать их своими друзьями. Но как? Поведение незнакомых воинов не было естественным и предсказать их поведение трудно.

Длинная колонна гримбсов преодолевала вершину очередного холма. Кто-то подал Холройду плетенную корзину с фруктами, другие пленники еды не получили. В корзинке было три вида фруктов. Один из них был незнаком. Круглый плод со шкурой красного цвета, которая снималась как с банана. Толстый, мягкий, около трех дюймов в диаметре. Вкус, как у винограда, и совершенно без запаха. Ни хлеба, ни другой пищи, кроме фруктов, в корзинке не оказалось.

Увидев, что к нему приблизился нуширванский офицер, Холройд протянул ему корзинку и с

улыбкой произнес:

— Если хотите есть, то берите это. Я могу обходиться без пищи… — он сделал паузу, улыбнувшись посетовав на забывчивость — … около семиста лет.

— Пошел ты в Аккадистран! — выругался офицер.

Уже смеркалось, а караван пленников все шел вперед. Холройд так и не притронулся к пище. Голодные люди в ней нуждались больше, чем полубог. Но поделиться фруктами можно было только с гримбсами. Холройд обратился к тому, чье имя успел узнать в пути:

— Генерал Ситейл, известно ли вам, сколько времени осталось до реки кипящей грязи?

Худой мужчина, лет сорока, с ястребиным носом неохотно ответил:

— Мы достигнем ее раньше, чем стемнеет. Через реку перекинуто двенадцать мостов. По одному из них мы переправимся. Тогда до города Триа останется восемь канб.

Холройд спокойно кивнул в знак благодарности за исчерпывающий ответ. Но в мозгу возникло ощущение беспокойства. Что означает невозможность пересечь реку кипящей грязи для Инезии? Даже в путешествии умов она не способна на это.

Надо быстрее понять, что за этим кроется.

Он изучал профиль нуширванского генерала. Весь его вид показывал, что он не намерен вступать в беседу с пленником. Время уходило. А время — это единственное, чего не хватало Холройду-Пта.

Горы вокруг становились выше, чем в начале путешествия. Новые вершины были более острыми, почти не покрыты растительностью. Густой дым, извергаемый вулканами, струился по ущельям. Холройд почти чувствовал мир мглы, укрывающей Нуширван. Он решил еще раз поговорить с офицером:

— Клянусь, что не притронусь к еде. Если не хотите есть сами, то отдайте другим воинам, которые не будут знать, что она от меня. С едой нельзя передать ненависть или идеологию.

На этот раз генерал Ситейл взял корзинку и передал ее другому. Холройд не стал следить, кому досталась пища, он продолжил разговор:

— Скажите, если я поклянусь, что прибыл на фронт сражаться до победы и завоевать столицу Нуширвана, то изменит это ваше отношение ко мне? Вы же Гонволейнцы из этой провинции, которая сейчас принадлежит Нуширу. Я не ошибся?

— Можете произносить любые клятвы. Все знают, принц Инезио — марионетка в руках богини Инезии.

— Вы правы, — мрачно ответил Холройд — но я не принц Инезио. Слушайте и верьте, я — Пта.

Генерал внимательно глянул на собеседника, но тут же рассмеялся:

— Хорошо сказано. Но это неправда. Никто не может убедить нас, что эта личность существовала когда-либо. Тем более, это не может быть правдой сейчас. Смотрите, впереди уже река кипящей грязи. Сегодня поздно вечером мы будем в городе Триа.

Когда гримбс топтал каменный мост над рекой, Холройд чувствовал тепло, исходящее из кипящего болота. Караван пересек реку кипящей грязи и углубился на территорию Нуширвана. Пта в плену.

Глава 15
ГОРОД ТРИА

Как только последний гримбс каравана пересек реку, в сознании Холройда-Пта стало расти чувство радостного возбуждения. Он подумал — так мог радоваться человек, не знающий, что находится на пути к камере пыток. Мрачная аналогия не задержалась в мозгу, она не была связана с конкретными фактами. Доминировало предчувствие глобальных и великих событий. Мог ли простой смертный человек желать большего. Попасть в двухсотмиллионное будущее Земли и жить в фантастическом мире, как полубог. Сознание Холройда не вмещало все происходящее.

Пта! Могущественный Пта! Если сможет он вернуть великую власть, которой владел раньше, то цивилизация власти лордов-принцев рухнет. Мрачные замки не будут больше тюрьмами для людей.

Мозг трепетал. Чувства, охватившие Холройда-Пта, не были ему знакомы. Они родились после перехода через мост. Сидя на широкой спине гримбса, Холройд постарался расслабиться, очи-

стить мысли от суетных устремлений. Он ждал, высматривал по сторонам знак судьбы, означающий новую, ужасающую силу его личности. Но ощущал только неуклонное движение грузного животного вперед. А впереди неизвестность.

И снова ярость от бессилия охватила полубога. Молнией ударила в мозг мысль о перстне власти. Он нащупал перстень в кармане, вынул его. Как этот кусочек металла мог помешать Инезии? Он пытался вспомнить подобный сюжет из сказок, слышанных или прочитанных в детстве. Криво ухмыльнувшись, Холройд надел перстень на палец, трижды его повернул и громко произнес:

— Повелеваю властью перстня немедленно перенести меня в штаб армии Гонволейна…

Ничего не произошло, и Холройд закатился от хохота. Его рассмешила яростная наивность Пта, гнев исчез. Так и должно было случиться. Божественная сила — это не просто фокус-покус. Она может вырасти только из глубинных, наиболее устойчивых и сверхэмоциональных чувств человека.

Когда-то, давным-давно, король по имени Пта ощутил в себе состояние гениальной божественности. И он смог его сделать реальностью. Это случилось, когда первый вассал пал у ног перво-

священника. Бога сделали люди, и некоторые из них помнили об этом.

Как только катастрофическая сила была открыта, то люди с мечами, помня о происхождении величия бога, начали яростно сражаться за право на власть. Они надеялись подчинить удачу силой оружия. Однажды открытая великая сила не могла исчезнуть, но надежда трансформировать ее, взять в свои руки жила века. Новый божественный правитель занимал место свергнутого. Эта сила никогда не исчезнет из мира людей. Она родилась навечно. Пта верил, что успокоение он может найти, только слившись с расой, которая верила в него, делала богом.

Почему Пта натворил столько глупостей по дороге к цели? Холройду казалось, что он способен найти ответ на этот вопрос. Но ответ не возникал в сознании. Мозг безмолвствовал. Рой вопросов нарастал, становился бесформенным и колебался в такт шагам гримбса.

Караван конвоиров и пленников поднимался все выше и выше в город.

Холройд уже видел замок. Он без удивления осознал истину, что эта провинция Нуширвана раньше была частью государства Гонволейна. Перед ним был первый замок Пта. Вот почему

трон власти находится здесь.

Замок построен из темного камня, высокие башни венчали не шпили, а купола, будто старая ведьма сидела, поджав колени, среди игрушечного города на склоне холма. Место, куда стремился Пта, в воображении Холройда представлялось иначе. Сначала это мешало, но затем в голове начался процесс осмысления. Холройд-Пта начал разрабатывать тактику и стратегию штурма мрачной крепости.

Армия не имеет осадной артиллерии. Значит, эскадрильи скриров должны высадить десант. Волна за волной с неба будут прибывать войска. Надо нарушить сообщение между башнями. Пусть каждая крепость или фронт защищаются в одиночку. Главное — провести всю операцию внезапно и действовать решительно. Можно за три дня до штурма крепости войти в город колоннами гримбсов и парализовать коммуникации врага. В исторических книгах сказано о семи штурмах, но ни один из них не похож на этот план. Хорошо, что несколько высших маршалов уже в курсе дела.

Тени в долине заметно удлинились. Кроваво-красное солнце погружалось в жерло курящего вулкана на западе. Оттуда к городу по дороге полз

поток каких-то телег. Он растекался среди фронтов, казарм и жилых домов, которыми был усеян каждый холм. Внезапно в их рядах появилось оживление. Затем весь конвой принялся громко кричать.

— Нушир! Нушир! Нушир летит в замок Триа! Нушир будет допрашивать принца Инезио! Слава Нуширу!

Минутой позже гримбс достиг вершины холма, откуда был виден весь город Триа. Нуширванцы свою столицу так не называли, но каждому это слово было знакомо. Один из офицеров как-то сказал, что этот город местные жители вслух именуют Уир, Уит или Уик. На военных картах Гонволейна по-прежнему писали Триа. Во всем Нуширване только два города были ближе к границе с государством, от которого откололась эта провинция. Но один из них был далеко на западе, другой так же далеко на востоке. Идея Инезии погубить мятежников в горах этого района толкала Холройда-Пта на кратчайшую дорогу к трону власти.

Город Триа начинался на небольшом плато и карабкался от этого центра на окрестные холмы и склон большого вулкана. В сумерках столица Пта была похожа на город из легенд Эйм. Темная,

таинственно искаженная, необыкновенно смутная мечта древности.

Ветер донес шум города, сдул в сторону вонь навоза гримбсов и помета скриров и наполнил ноздри Холройда ароматом кухонь, другими запахами человеческого жилья. Он ощущался на каждой улице, у каждого дома. Растянувшийся по узким улицам конвой поднял облако пыли. Но воздух в городе был привычным и приятным.

— Принц!

Это крикнул генерал Ситейл. Холройд понял, что уже знает, о чем хочет спросить этот вояка с ястребиным носом.

— Там, у реки, вы назвали себя Пта. Почему же сейчас вы не используете свое могущество? Зачем была эта ложь?

Холройд ответил не сразу. Он забыл о попытке вырваться на свободу и сделать конвоиров своими союзниками. Он забыл, что сказал тогда на мосту этому генералу. Надо было объясниться, и Холройд попытался это сделать как можно более естественно.

Генерал Ситейл слушал его внимательно и с удивлением, наконец он воскликнул:

— Вы хотите сказать, что когда река кипящей грязи осталась у нас за спиной, то разрушились

чары, не пускавшие богиню Инезию в Нуширван?

— Я не знаю, каким образом это происходит. Она не раскрыла мне этой тайны. Мой разум не смог прорваться через сеть интриг и провокаций.

Было уже темно, и собеседники почти не видели друг друга. Свет исходил от факелов, освещавших двери домов. В окнах было темно. Над городом стоял темный туман. После марша под палящим солнцем, в столице Нуширвана веяло холодом от каждой стены, каждого камня мостовой. Путешествие подходило к концу. Холройд спросил:

— Генерал, что со мной будут делать в первом дворце Пта?

Ответа на этот вопрос не последовало. Пауза затянулась так долго, что оба собеседника были смущены. Нехотя генерал произнес:

— Надеюсь, что вас вместе с остальными отправят в Аккадистран. Вы наверняка знаете, что Зард делает с похищенными. — Голос звучал иронично. — Правительнице Аккадистрана нужны колонисты. Но еще ни один из похищенных не смог убежать из колоний. Мы думаем, что там не райская жизнь, подозреваем самое худшее, но никто не знает точно. Говорят такие невероятные

вещи, что трудно поверить… Ваше утверждение о тождестве с Пта нас интересует независимо от того, сколько в нем правды. А сведения о мятежниках, которые посылают своих людей в тюрьму замка Линн, когда хотят, мы проверим. Жаль, что карлик Тар погиб, но мы найдем нужных людей. Так что мы поговорили не без пользы. А теперь, принц, разрешите подстегнуть вашего гримбса. Мы отстали от конвоя.

Прибытие в замок прошло спокойно. Гримбсы выстроились вдоль стен, каждый знал свое место. Животное Холройда остановилось у парадного входа и замерло, позволяя седоку спуститься на землю. Стражники окружили пленника, но не позволили себе грубого обращения.

— Принц Инезио! Вас хочет видеть благородный Нушир.

По длинному мраморному коридору его ввели в огромный зал. Здесь на троне сидел мужчина, рядом с ним на креслах расположились две женщины. Остальные стояли.

Глава 16
НУШИР НУШИРВАНСКИЙ

Нушир Нуширванский оказался крупным, упитанным молодым мужчиной с голубыми глазами. Почетные кресла его жен стояли чуть сзади огромного трона, оба по правую руку.

Когда Холройд вошел в зал, обе женщины непроизвольно переглянулись, шепотом перебросились парой фраз и снисходительно закивали. Одна из них была стройной и темноволосой, другая пухлой блондинкой. Их жесты были такими слаженными, будто жены Нушира думали и говорили в полном согласии. Холройду стоило больших усилий перевести взгляд на владыку Нушрвана и сконцентрировать внимание на его словах. Не оборачиваясь, он догадался, что стражники закрыли за ним дверь.

Пухлый мужчина спросил мягким голосом:

— Ты действительно принц Инезио?

В этих словах ощущалось нетерпение. Нушир встал и сделал два шага навстречу пленнику. Глаза его были почти бесцветными, с голубоватым налетом, и смотрели без выражения. Холройд

насторожился и ограничился кивком в ответ. Не было сомнения, что наследственный вождь откоповшейся провинции был в сговоре с мятежными офицерами только по захвату принца в плен.

— И ты не желаешь нападать на мою страну?

По каждому нерву Холройда пробежало понимание ситуации. Он, прищурившись, вгляделся в чересчур упитанного владыку. Такой допрос можно завершить в свою пользу. Если мнение жен может быть решающим, то через десять минут Холройд-Пта может из пленника превратиться в гостя. Он прикинул в уме ситуацию, которую следовало создать. Теперь было понятно, какие чувства окружающих могут привести к этому.

Бледно-голубые глаза излучали презрение, большие пухлые руки сжимали и разжимали пальцы, будто пытались схватить Холройда. Толстые губы обвисли, не давая закрыться рту. Тяжелые ноздри порывисто раздувались. Весь облик владыки раскрывал его мысли. Нушир Нуширванский жаждал узнать все о нападении на его страну. Прошлое вторжение окончилось неудачей для нападавших. Насколько серьезна новая угроза? Вот что волновало этого толстяка. Холройд произнес:

— Если вы предприняли меры к обороне столи-

цы, то бояться нечего.

— Что ты имеешь в виду?

— Вторжение, — равнодушно сказал Холройд, — планируется провести только для успокоения бунтовщиков. Ваша армия могла уничтожить тех, кто призывает к войне. Доводить ее до конца никто не собирается. Захватив меня, вы сыграли на руку людям, жаждущим уничтожить лично вас.

— Он лжет! — Голос — пронзительный голос эхом отозвался в каждом углу тронного зала. Это крикнула брюнетка. Она схватила своего мужа за руку и продолжала:

— Он слишком долго думал, прежде чем ответить. Видишь, как он ведет себя. Он что-то скрывает. Прикажи палачу допросить этого лгуна. Под пытками мы узнаем все.

— Неужели в Нуширване и Гонволейне одинаковые принципы управления государством? — Спросил Холройд.

Пустые голубые глаза пристально изучали пленника. В из взгляде была неуверенность. Нушир растерянно пробормотал:

— Объясни свои слова, принц.

— Этими странами правят женщины. Разве ты не понял, что все решают жены, а владыка

Нуширвана только исполняет их капризы.

Женщины задохнулись от злости. Они переглянулись, поняв друг друга без слов. Брюнетка снова села в кресло. Обе выглядели растерянными.

Нушир тоже вернулся на трон и бесстрастно ждал, когда закончится эта неприятная пауза. Брюнетка попыталась дотронуться до руки мужа, он никак не среагировал. Так и не поняв настроение Нушира, она, обращаясь то ли к Холройду, то ли к Нуширу произнесла:

— В Нуширване только один правитель. Но мы его жены. Его интересы в наших сердцах. Мы блистаем в лучах его величия. Наши советы — это продолжение его мыслей. Мы действуем во благо Нушира и смогли уличить тебя во лжи. Поэтому мы настаиваем на пытках… и немедленно.

Последние слова она почти прошипела, сверля глазами пытающегося быть равнодушным Холройда. Попытка сыграть на самолюбии Нушира и лишить влияния жен была с трудом, но отбита. Брюнетка оказалась достойной соперницей.

Затем в мозгу созрела мысль — никакие пытки не страшны телу Пта. Зря эта брюнетка стремится отослать его к палачам. А вот блондинка смотрит без ярости, даже доброжелательно. Судя по ее по-

ведению и месту, она — младшая жена Нушира. На глазах у Холройда блондинка менялась. Глаза приобретали осмысленное выражение, в них разгорелась жизненная сила. Щеки зарумянились, тело напряглось и приняло более величественную позу. Как бы обдумав происшедшее, она сказала звонким голосом:

— Послушай, Нийа. А если принц говорит правду. Некоторые разведчики тоже докладывали, что готовится ложное нападение. Значит, он наш союзник, а не враг. Давай подождем до утра. А сейчас гостю надо отвести достойные принца апартаменты и предоставить женщину, способную усладить владыку могучего государства.

Наступило молчание. Дважды брюнетка Нийа пыталась возразить, но была настолько поражена предложением партнерши, что так и не решилась произнести что-либо. Обе женщины ждали решение Нушира.

Тот в задумчивости потирал свой гладкий подбородок. Наконец он отважился и принял решение.

— Так и сделаем. Я тоже пришел к этому выводу. Высокий ранг гостя позволяет ему выбрать одну из моих жен на ночь. Беседу продолжим утром. Если она окончится удачно, то почетный эскорт

скриров доставит принца в штаб Гонволейнской армии. Достойный Инезио, которая из моих жен тебе более желанна?

Отказ Холройда был равносилен смертельному приговору, и он это понимал. Колебаться долго было тоже нельзя, и он смело произнес:

— Выбираю ту, которую зовут Нийа, и благодарю за честь, великий Нушир. Вы не пожалеете о принятом решении.

Про себя Холройд думал, что глупо оставлять эту скандалистку с мужем. За ночь она настроит владыку против принца Инезио.

Нушир рассмеялся.

— Те, кто раньше удостаивался такой чести, всегда выбирали белокурую Калию. Их соблазняла молодость. Но ты, принц, не ошибся. А для Нийи это будет интересным развлечением. Я согласен.

Он дернул за шелковый шнурок, и тронный зал заполнился стражниками и прислугой. Через десять минут Холройд был уже наедине с брюнеткой в ее апартаментах.

В дальнем конце спальни было окно, украшенное витражами. Темноволосая Нийа пристально наблюдала, как Холройд осматривает панораму города Триа. Столица Нуширвана походила на город, напоминающий средневековую Евро-

пу. Факельное освещение, островерхие крыши домов, редкие стражники на узких улочках. Обманчивое спокойствие.

Чувство возбуждения, возникшее при переходе через реку кипящей грязи, усиливалось. Мозг был окутан удовлетворением от маленькой победы, одержанной сейчас. Холройд-Пта добился свободы. Пусть на время, но за эту ночь можно обдумать ситуацию, найти верное решение. Решится ли Нушир утром отправить его в Гонволейн, как обещал? Равновесие между победой и поражением неустойчиво. Тревожит то, что он пересек реку кипящей грязи. Пта в опасности, но пока свободен. Надо использовать шанс для достижения главной цели. И ни шагу назад. Как сейчас не хватает знаний. Думай Пта, анализируй каждую мелочь.

Холройд сухо рассмеялся. Одинокий человек в мире, о котором он почти ничего не знает. Он жаждет действия, но не в состоянии своевременно учитывать важные обстоятельства. Риск огромен. Но сейчас самое главное — свобода.

Он вспомнил о Нийе. Надо переспать с этой злюкой. Любое пренебрежение с его стороны не останется без внимания. Утром она, наверняка доложит мужу, что принц пренебрег честью

овладеть женой правителя Нуширвана. Не стоит рисковать.

Холройд отвернулся от окна и был немало удивлен картиной. Брюнетка прислонила ухо к замочной скважине, внимательно вслушиваясь в звуки, исходящие оттуда. Их глаза встретились. Приложив палец к губам, Нийа выпрямилась и плавной походкой подошла к принцу, сказав:

— Нам надо действовать быстро. Ты совершил ошибку, выбрав Нийу вместо Калии, в чье тело я вошла, желая выручить тебя. Теперь я переселилась в тело Нийи, а блондинка пусть смутно, но помнит, что ее принуждали защищать принца Инезио. Поэтому надо спешить. Время уходит.

Она смолкла, а Холройд гневно воскликнул:

— Что…

Тело словно окаменело, глаза сузились. Еще более грозно он спросил:

— Ты кто?

Женщина прошептала:

— Я та, которая вскарабкалась на утес, чтобы убить тебя. Это я дала тебе перстень Пта. Вспомни, говорил ли ты кому-нибудь об этом? Если нет, то ты поверишь, что я не Инезия.

Холройд попытался что-то сказать, но брюнетка резким жестом не позволила прервать себя.

— Мы не смеем терять время, клянусь. Сейчас Инезия здесь, во дворце Нушира. Она пытается уничтожить божественный трон Пта. Трон — последняя…

Ее голос умолк. Язык распух и стал слишком велик. Она пыталась закончить фразу, но не смогла. Брюнетка села в кресло и руками закрыла лицо. Через минуту она продолжила скороговоркой, говоря явно через силу:

— Мы пойдем туда немедленно. Час, даже минута могут решить все. Пта, я поняла, что ты слишком поглупел. Но это тоже может помочь спастись.

Холройду показалось необычным, что все его планы, казавшиеся такими надежными, рухнули в один миг. Слова женщины были правдой. Он никому не говорил о встрече на террасе замка Линн, Инезия пришла в ярость, увидев перстень Пта на руке Холройда. Даже если она догадалась, кто дал перстень, она не знала, как незнакомка смогла добраться до Пта. Значит, перед ним Лоони. И если она говорит, что нельзя медлить, то в этом нет смысла сомневаться.

Явно, что в его похищении главным режиссером всего фарса была Инезия. Пта пересек реку кипящей грязи, и кульминация всех ее планов

уже не за горами. Защитные чары, которые много веков назад создал Пта, разрушены. Было безумием знать это и оставаться здесь в бездействии. Но он не мог принять какое-либо решение. Пта колебался не без основания.

Ему сказано, что вернуть божественную силу он может только сев на трон. Какая нелепость. Только дети могут поверить в это. Но Лоони и Инезия утверждают это. Зачем Инезия, обманывавшая на каждом шагу, сама сообщила Пта эту великую правду? Зачем вообще она упоминала трон Пта? Она должна была открыть ему эту тайну в силу неведомых причин, связанных со стремлением словом и делом сломать защиту Пта. Кроме того, это был психологически оправданный шаг. Мозг Пта был сфокусирован на эту цель и сокрушал по пути оставленные уровни защиты самостоятельно. Но теперь дорога смерти пришла к финишу. Надо действовать решительно.

Холройд видел, что… Лоони… следила за ним широко раскрытыми и полными печали глазами. Он оценил, что женщина позволила ему самостоятельно размышлять и не перебивала ход мыслей, и решительно произнес:

— Как мы можем попасть туда?

— Изъяви желание совершить прогулку. Те-

плые одежды сложены в седельных сумках скриров Нийи. Я — жена правителя и могу приказывать охранникам скриров в любое время дня и ночи! Идем!

Холройд направился за ней, затем остановился и воскликнул:

— Погоди! Среди мятежников есть генерал Ситейл. Нельзя ли его освободить и дать скрира. Думаю, что в Гонволейне он может быть нам полезен…

Лоони оборвала его.

— Это невозможно. Он на такое не способен. У нас нет времени. Торопись, Пта.

Через пятнадцать минут они взлетели.

Глава 17
СТРАНА ВУЛКАНОВ

Наверху было очень холодно. Звезды на небе были незнакомые, но очень близкие. Вокруг виднелись мрачные силуэты гор, лишенных растительности и других признаков жизни. Но не вся земля внизу была погружена во тьму. Вулканические кратеры пылали тысячами костров. Их кроваво-красное пламя и красно-черные клубы дыма обезображивали ночной пейзаж, делали его ужасным. Каждый конус огня оранжевыми корнями потоков лавы врастал во тьму, которая казалась еще более зловещей. Вершины без кратеров выглядели страшней вулканов. Скрир, на спине которого летели Холройд и Лоони, лавировал среди потоков ядовитых вулканических испарений.

Холройд чувствовал, что маневры птицы-зверя становятся менее уверенными. Они летели на огромной высоте. Дважды внизу промелькнули скриры с наездниками, но они не поднимались и до половины высоты гор. Крылья птицы накапливали усталость, их взмахи становились более

медленными.

Холройд невольно думал о конечной цели их полета. Мозг инстинктивно пытался определить события. Скрир начал снижение, и сразу стало теплее. Руки и ноги вновь наливались силой, сознание становилось более четким. Внизу уже не было красных пауков — вулканических кратеров. Изредка попадались огоньки маленьких поселений. И вот внизу разбрызгал свои огни город, затем еще один и еще. Города располагались в долинах и были связаны друг с другом цепочками редких огней.

И вот внизу огромное плоскогорье, плавно переходящее в равнину, на которой виднелись огни множества городов. Воздух стал еще теплее, и Холройд уже не волновался. У птицы хватит сил долететь до цели.

Прошло еще часа полтора, когда Лоони, управлявшая полетом скрира, повернулась и крикнула:

— КОТАХЭЙ! Столица Нуширвана!

Экзотическое название столицы звучало чарующе. Голос Лоони, манера говорить заставляли сердце Холройда биться чаще. Котахэй выглядел так же, как и другие города, разве что был чуть больше. С высотки его огибала широкая река, а

на севере уже виднелись другие горные хребты.

Лоони снова заговорила:

— Вчера я металась в панике между двенадцатью мостами через реку кипящей грязи. Надо было найти тебя. Когда я смогла перелететь через реку, стало ясно, что ты разрушил шестую защиту. Мне не удалось найти мост, где это произошло. И я устремилась сначала в Котахэй. Но поняла, что ошиблась и вернулась в Триа. Над этим городом я ощутила твое присутствие. Твое величие исходило от старого замка, и я вошла в тело одной из служанок. От нее перейти в нужное время в тело белокурой жены Нушира Калии было просто.

Холройд жадно слушал ее рассказ. Она открывала новое знание, убирала пробелы в том, что уже было известно раньше. От Лоони исходил поток жизни. А в городе с таинственным именем Котахэй, там внизу, была Инезия, несущая смерть. И там был трон Пта.

Образ златокудрой богини возник перед глазами. Неправдоподобная красота ее тела не вписывалась в эту ночь. Ветер свистел в ушах, прижимая одежду к груди. Холройд-Пта весь отдался движению и молча следил за темными крыльями скрира.

Божественный трон Холройд не мог даже

представить. Мозг отказывался представить его образ хотя бы в общих чертах. Но он наверняка существует. Он там, внизу. Лоони верит в это. Инезия строит все свои планы, также считая, что трон — реальность. Это было очень давно. Тогда Пта не было смысла вводить в заблуждение жен, которых он сделал богинями своей волей. Он не должен был обмануть своих любимых.

«Если бы я был Пта…» — подумал Холройд и тут же улыбнулся, осознав абсурдность этой мысли. Он БЫЛ Пта. По крайней мере, другого Пта не было. Но мысль вернулась.

«Если бы я был Пта, то не доверился бы женщинам до конца. Я бы обеспечил надежность своей защиты, оставил себе шанс, о котором не сказал бы ни одной из них». Но в чем этот шанс? Надо попытаться найти его. Продумать все варианты, изобрести способ нарушить любой враждебный план, выработать тактику, гарантирующую от смерти всемогущего бога. Не стоит пренебрегать даже ничтожной возможностью действовать самостоятельно. Может стоит сесть в этот трон, или придумать еще что-нибудь.

Скрир стал делать круг над городом, и Холройд увидел, что за ним летела большая группа птиц с наездниками. Это прислуга Нийи. Эскорт стал

резко снижаться, скриры протяжно кричали. Внизу замелькали огни, и огромный двор замка наполнился светом. Одна за другой птицы заходили на посадку, пробегая по двору несколько шагов и выстраиваясь вдоль стен. Наконец, приземлился и скрир, доставивший сюда Холройда и Лоони.

Прислуга узнала супругу Нушира. Захлопали двери, вынесли большие факелы.

Лоони-Нийа приказала:

— Придворных будить не надо. Гость Нушира и я войдем во дворец без эскорта.

Проходя по коридорам, весело мерцавшими огнями факелов, отраженных во многочисленных зеркалах, Холройд везде видел воинов-гвардейцев, вытягивающихся по стойке смирно перед женой их господина. Их лица не были враждебны. Холройд прошептал на ухо своей спутнице:

— Ты знаешь, где она? Где трон?

В его сознании возникло чувство приближения к точке, где решалась его судьба.

Лоони также шепотом ответила:

— Я точно знаю. Нийа знала… где трон… дверь в конце коридора. Иди.

Они прошли к массивной деревянной двери, украшенной изумительной резьбой. Холройд

попытался ее открыть, но она была заперта изнутри. Всей тяжестью он навалился на дверь, ударил плечом по резному орнаменту. Тяжелая дверь не шелохнулась.

— Не спеши, — сказала Лоони. — Она там, внутри. Стражники по моему приказу взломают дверь. На этот раз мы хозяева положения. Во дворце нет женского тела, которое по рангу выше Нийи… Ой!

Дверь бесшумно раскрылась. На пороге стояла Инезия. Золотые локоны сверкали, как корона, и спускались на плечи богини, одетой в черное платье. Улыбаясь, она произнесла:

— Входите, я жду вас.

Глава 18
БИТВА БОГИНЬ

Голубые глаза Инезии сверкали крошечными золотыми искорками, а улыбка была, как восковая. Точно не она сама была счастлива, а лучи, исходящие от волос, заставляли радоваться встрече. Она повторила:

— Входите. Я следовала за вами и ждала. Конечно, без воды трудно повелевать духом, если, конечно, он есть в теле. Входите оба. Буду рада рассказать вам об этом.

Пта ощутил в ее голосе торжествующие нотки. Угрюмо улыбаясь, он шагнул в зал и остановился у порога. Нет, его не сковал страх предстоящего. Просто он был удивлен, и чувство нереальности ситуации усилилось. Вместе с ним окрепло и чувство уверенности. Он не грезит. Трон за той дверью в дальней стене.

Минуту все трое стояли молча. Холройд-Пта изучал выражение лица Инезии. Он думал, что даже красавица не выглядит привлекательно, когда злорадствует.

Паузу прервала Инезия.

— Дорогая Лоони. Наступил финал мелодрамы. Он тебе не нравится? Как жаль, ты не хотела проиграть, увы. И не волнуйся. Нас никто не побеспокоит. Смотрите на трон сколько угодно. Но вы опоздали, я здесь почти шесть часов. Ты меня поняла?

«Паук зовет в гости муху, входи, дорогая» — подумал Холройд. Напоминание о троне его не взволновало, мозг решал другую проблему. Почему Инезия так уверена, что никто не войдет сюда. Многие во дворце сейчас не спят. Откровение было внезапным, и он обратился к Лоони:

— Самое удивительное для меня, что вы обе можете входить в любое тело человека. А если…

Лоони внимательно следила за поведением соперницы, старалась не упустить то, что Инезия хотела скрыть от ее интуиции. Она бросила взгляд на Холройда и ответила:

— Не в любое, а только в женское или в самку животного. Есть природный барьер, который…

Фраза оборвалась, потому что Лоони увидела, как тело Инезии обмякло и плавно опустилось на ковер. Из глаз темноволосой богини брызнули слезы.

— Пта, она ушла в другое тело.

Распахнулись двери, и в зал вошли пять жен-

щин. Одна из них что-то прятала в складках платья. Холройд быстро оттолкнул Лоони к трону и, улыбаясь, приблизился к женщинам. Он не ошибся, сверкнуло тонкое лезвие каменного ножа. Отнять его у нападавшей не составляло труда. Полубог, не прекращая улыбаться, бросил оружие к бездыханному телу Инезии. Но чувство опасности не проходило, наоборот, он ощущал его повсюду.

— Быстрее, — торопил он, — прикажи этим женщинам удалиться. Та, которая попытается убить Нийу и захватить тело самой высокопоставленной женщины во дворце, и будет Инезия. Торопись!

Лоони поняла все раньше, чем он закончил фразу, и приказала служанкам удалиться. Трое подчинились и отправились к выходу, а две остались на месте. Одна просто испугалась, а другая закричала:

— Стойте. Это не хозяйка, а самозванка. Мы знаем, что жена Нушира улетела с ним в город Триа.

Говорившая была женщиной мощного телосложения. Судя по одежде, она исполняла во дворце обязанности суперинтенданта.

Одна из уходивших служанок спросила дрожащим голосом:

— Если это правда, почему ты не зовешь гвардейцев?

Лоони шепнула Холройду:

— Что делать? Звать стражу?

Он колебался. Мозг не успел сосредоточиться на этой опасности. Сознание анализировало все варианты. Умение переходить из тела в тело открывало перед богинями практически беспредельную власть над миром. Они проникали куда угодно: во дворец, в крепость, в любое место, где были женщины. Могли убить кого угодно. Никто не в силах противостоять этим демоническим созданиям. Понимание этого опустошало мозг. Любой замок мог пасть без осады, если в нем загадочно погибали люди.

Холройд-Пта осознал, что независимость государства Нуширван кончилась. Оно беззащитно с тех пор, как Инезия переправилась через реку кипящей грязи. Успела ли она распространить свое влияние на колоссальную территорию Аккадистрана? Есть ли у Зард Аккадистранской своя защита? Пта должен попасть в эту страну!

Все, что произошло в этом зале до их прибытия, ясно. Они с Лоони прибыли раньше, чем Инезия завершила свои козни с троном. За шесть часов лишить всего могущества божественный трон

она вряд ли смогла. Наверняка она испугалась, когда Пта стал ломиться в двери. Ее улыбка была наигранной. Но дверь открылась очень быстро. Значит, эта коварная бестия имеет запасной план. Вот эти женщины и пришли его реализовать. Пятеро смогут справиться с одной Лоони, если им внушить, что во дворце самозванка. А потом Инезия вернется в свое тело и доведет до конца разрушение мощи трона. Схема простая. Безжалостная Инезия задумала уничтожить тело, в котором находится Лоони, чтобы в этом дворце не было женщин главнее суперинтендантши. Холройд шепнул Лоони:

— Зови гвардейцев. Скажешь, что эскорт может подтвердить, что Нийа прилетела из города Триа.

Стражники сразу схватили всех шестерых женщин. Ошалевшая суперинтендантша не оказала ни малейшего сопротивления. Никто из гвардейцев не сомневался, что выполняет приказы не своей госпожи.

Лоони распорядилась:

— Всех пятерых заприте в их комнатах и поставьте стражу у дверей, но утром освободите. Потом я найду способ наказать их за наглость.

Один из гвардейцев молча наблюдал, как

Холройд поднял нож и выкинул его через открытую дверь. В это время тело Инезии дрогнуло. Золотоволосая красавица поднялась с ковра, и уже все стражники смотрели на нее с восторгом. Наконец, старший из них спросил:

— Госпожа Нийа, а что делать с этой?

Лоони улыбнулась и холодно сказала:

— Она останется здесь. Девушка пострадала без вины. Уходите все.

Дверь за гвардейцами закрылась. Из всех троих сейчас улыбнулась только Лоони. А Холройд молча прошел между двумя богинями к двери в дальней стене и остановился у порога. Мозг наполнялся новыми знаниями и анализировал их. Он многое увидел за стеной, снова обернулся к соперницам и спокойно ждал, что произойдет дальше. Первой нарушила молчание Лоони, которая с улыбкой обратилась к Инезии:

— Ну, дорогая, ты превзошла самое себя. Твои хитрости стали слишком наивны для богини. Затем, уже серьезно, она продолжала:

— Не торопись, Пта. Я посмотрю на порог этой двери. Под ковром может быть металл, и она сможет помешать тебе войти.

Лоони опустилась на колени и стала ощупывать ковер у порога двери, ведущей к трону.

Инезия метнулась туда же, пытаясь помешать сопернице. Холройд не без труда тащил золотоволосую фурию в другой конец зала, которая гневно кричала:

— Как только пройдут шесть месяцев, я не буду ждать ни секунды. Ты умрешь!

В ответ Лоони рассмеялась:

— Благодарю, моя милая, теперь я знаю, сколько времени у меня в запасе. Можно успеть сделать больше, чем ты думаешь.

Она продолжила, обращаясь уже к Холройду:

— Путь свободен. Идем!

Брюнетка шагнула в дверь, и Холройд услышал ее восторженный крик:

— О, Пта, Пта. Мы не проиграли! Она испугалась моего отказа от божественного тела.

Лоони обернулась, увидела недоуменное лицо Холройда и постаралась объяснить свою мысль:

— Инезия хотела, чтобы принц Инезио напал на Нуширван и недели две, а, может, месяцы пробивался с армией через горы к этому дворцу. Пта пересек реку кипящей грязи, и путь для нее открылся, но время еще есть. За две недели она смогла бы полностью лишить могущества этот трон. Ее испугал перстень, которым завладел Пта. Это не был перстень власти, а лишь печать

принца Инезио. Я только отдала ему часть своей божественной силы. Инезия решила, что война объявлена, и стала спешить. Но и я не теряла времени.

Лоони смеялась так весело, как способна была хозяйка тела Нийи. А Инезия неподвижно стояла в центре тронного зала. Ее лицо стало белым, как мел, из голубых глаз струился леденящий холод. Она глухо промолвила:

— Лоони, ты умрешь, и никто не сможет тебе помочь. Пта не способен взять из трона истинно безграничное могущество. Сила к богам приходит от верующих. А я много веков делала все возможное, чтобы народ о нем забыл. Твоему телу не много осталось времени томиться в цепях.

Голос Инезии зазвучал более уверенно, и она продолжала:

— Может быть, он и получит божественного могущества больше, чем сейчас есть у тебя. Но это меня не страшит. Я покорюсь твоей маленькой победе. Но запомни. Все решится в Аккадистране. Не забывай это слово.

АККАДИСТРАН!

— Ты — коварная дьяволица! — вскричала Лоони.

Брюнетка и блондинка с ненавистью смотрели

друг на друга. Холройд-Пта перестал слушать их. Он почти не понимал, о чем говорят его жены, и был уверен, что ему сейчас не надо быть рядом с ними. Мужчины обожают наблюдать обнаженные женские тела, но обнаженные души сразу двух женщин его разум не хотел воспринимать.

Затратив определенное усилие, он стряхнул оцепенение не только с тела, но и с сознания.

Холройд-Пта перешагнул порог тронного зала. Он знал, что Лоони следит за его действиями, а Инезия ждет, чем закончится его попытка. Это отвлекало, и он забыл обеих женщин.

Глава 19
БОЖЕСТВЕННЫЙ ТРОН

Зал, в котором очутился Холройд, был облицован серым камнем. Здесь не было никакой мебели. Пол, стены… потолок… повсюду серые полированные плиты. Казалось, что этот зал существовал бесконечно долго. Время не властвовало над этими серыми плитами. Они могли ждать бога сколько угодно.

Трон был слева. Он сиял. Свет был таким ярким, что глазам было больно смотреть. Мистическое сооружение имело необычные формы. Мерцающие струи кристаллического света сплетались в таинственный узор. Опаловые тона были забрызганы янтарными блестками. Контуры цвета киновари прерывались пятнами бледной охры. В центре этой сложной конструкции, как драгоценный камень, выделялся куб идеальной формы со сторонами около пятнадцати футов. И все это висело над полом, не имея опоры.

Трон не имел связи с окружающей реальностью, манил неясной надеждой. Холройд приблизился к этому мистическому сооружению

и замер, восхищенный величием увиденного. Нижняя грань куба находилась, по крайней мере, в десяти футах над головой.

Оцепенение прошло, и он огляделся по сторонам, изучая, что может помешать взойти на трон. Две пары глаз следили за ним. И в каждом взгляде пылал огонь восхищения. Они ждали рождения бога.

Эти глаза обладали гипнотической силой для Холройда. Он попытался сбросить с себя их влияние. Ощущение, которое он испытал при этом, можно сравнить с падением со скалы в стеклянный шар, которым на самом деле был его собственным мозгом. Стекло не разбилось вдребезги, а волнами стало разбегаться вокруг трона. Чары рухнули, и он увидел каменные ступени, выбитые в стене. Они вели к потолку, где начиналась строгая полоса каменных скоб. Последняя скоба была точно над кубом. Даже ребенок смог бы, перебирая руками, добраться до последней скобы и спрыгнуть на трон. А уж у него тем более достаточно силы для этого.

Уже поднимаясь по лестнице, он ощутил внутреннее сопротивление, но не отказался от своего намерения. Опасения были выброшены из мозга. Он будет сидеть на троне. Выбора нет. Даже если

его поступками руководит одна из богинь, он должен пройти через это, чтобы испытать тело Пта. Но сейчас стало ясно — этого будет не достаточно. Пришло знание, что божественная сила приходит из молитв людей, один трон не способен превратить его в трижды Величайшего Пта.

Трон — лишь фитиль, детонатор, а, может, аккумулятор божественного начала, которое способно породить истинное могущество Пта, наполнить которое смогут миллиарды верующих женщин через молитвенные жезлы. Инезия много веков изгоняла из женских умов веру в величие Пта. Но религиозные обычаи в человеческой психике были очень устойчивы и жили долго. Надежда теплилась в сознании.

Взойдя по лестнице к потолку, он понимал, что Холройд-Пта сможет победить смерть только защищаясь. Нападать он не способен. Жизнь Пта будет спасена, но Лоони может умереть. Тогда цивилизация Гонволейна, основанная на тирании владельцев замков, останется на века. Стоит ли бороться, зная это?

Он глянул на двух женщин, глаза которых неотрывно следили за каждым движением. Трудно было представить, что когда-то они были его женами. Страстная и капризная златокудрая

девчонка Инезия. Смуглая Лоони сейчас дрожит от нетерпения. Как выглядит ее истинное тело? Он его не видел со времени изгнания Пта из Гонволейна, такова истина.

Мысли смешались, утратили четкость. Может быть, это произошло оттого, что тело Холройда раскачивалось, как маятник. Перехватывая руками каменные скобы, он то приближался, то удалялся от трона. И вот последняя скоба.

Бриллиантовый свет освещал Холройда. Сверху трон напоминал зеркало, где отражался только он сам. Внизу не было ни потолка, ни скоб. Только будущий бог имел право отражаться в таинственном кубе. Пальцы разжались. Он на троне власти.

Тело Холройда начало медленно погружаться в куб. Он тонул в троне, исчезал. Вот его уже нет.

Время тянулось медленно. Из нижней грани показались ноги. Также медленно Холройд возвращался в реальный мир. Его тело рухнуло на пол с шестнадцати футов. Еще мгновение куб мерцал, затем раздался слабый хлопок и трон лопнул, словно мыльный пузырь.

Холройд лежал на полу без движения, как труп.

Тишину нарушил звонкий смех Инезии. Лоони

резко обернулась и гневно глянула на золотоволосую богиню. Ее глаза расширились. Нескрываемое ликование было на лице соперницы. Слабо вскрикнув, она бросилась к телу, лежащему на полу. Она тормошила Холройда, трясла за плечи, колотила в грудь, пыталась обнять. Затем положила ладони на его лицо и попыталась открыть глаза. Веки, подергивались, снова закрылись.

Инезия продолжала смеяться. Лоони встала, щеки ее порозовели и она выдохнула из себя:

— Пта жив! — и снова опустилась на колени рядом с телом.

— Конечно, он еще жив, — откликнулась Инезия. — Я не успела найти источник смертоносной силы, скрытой в троне.

Но божественное могущество не было скрыто так тщательно, и его большую часть удалось уничтожить.

Самодовольный тон Инезии привел Лоони в ярость.

— Не пытайся убедить меня, что ты способна победить божественную силу Пта без него.

— Я и не пытаюсь. Это был сюрприз для меня. Но конечно теперь, когда это случилось, мое участие становится абсолютно очевидным.

Лоони отказывалась верить глазам. Если бы она

подозревала такой исход, то наверняка смогла бы предотвратить катастрофу. Глядя в лицо изнеженной и алчной Инезии, она поняла, что та не станет больше отвечать на вопросы. Сейчас она будет только хвастать своими способностями.

Инезия продолжала:

— Мне стало ясно, что Пта не осмелится сесть на свой трон до того, как получит силу от молитв женщин. Но он с ними практически не мог общаться. Я была во всех телах женщин, говоривших с ним. Отторжение от женского мира сработало. Честно сказать, я не верила, что это его воплощение даже без моего противодействия было способно вступить в круг власти.

— Зачем ему было стремиться к трону, если он хотел привлечь веру в него для инициации божественной силы? На этот вопрос ты не сможешь мне ответить. Его могущество опиралось на любовь каждой женщины Гонволейна. Не забывай, Пта во все времена был более велик, чем мы обе. Сколько бы людей тебе ни помогало, он останется непобедим.

Инезия грациозно пожала плечами. Глядя на нее, Лоони думала, что богиня-правительница сейчас решает свои проблемы. Она борется с желанием закричать от восторга. Щеки ее пылали,

пальцы не могли и секунды находиться в покое, все тело ее охватил радостный трепет победы, сравнимый только с любовным экстазом. Было даже удивительно, как ей удавалось говорить тихим, вкрадчивым голосом.

— Если бы Пта перестал бояться, то лишил бы меня шансов на победу. А теперь я перевезу его в Аккадистран, в великую столицу Гадир. Он пройдет дорогой похищенных до конца.

Смех Инезии звучал резко, словно по склону горы катилась гроздь металлических колокольчиков.

— Интересно будет посмотреть, что случится, когда божественное тело Пта расчленят на куски. Когда эти безмозглые бунтовщики начнут вторжение на Нуширван, мои небесные всадники получат приказ действовать.

Побелевшая Лоони не сводила глаз с Инезии. Дважды она пыталась заговорить, но ужас сковал ей язык. Заметив эти попытки, Инезия свирепо произнесла:

— Не пытайся убедить меня, что в этом нет необходимости. Есть только один вид союза Гонволейна с Аккадистраном — союз на основе сокрушительного поражения. Запомни, пока боевые скриры в моей власти, каждый молит-

венный жезл Гонволейна будет под контролем. Шансов у вас нет. В Аккадистране я еще позволяю молящимся создавать божественную силу, она укрепляет не его, а мое могущество. Но в Гонволейне молящихся женщин не будет. И Пта умрет.

Она умолкла. Голубые глаза сверкали, лицо было безмятежным. Помолчав немного, она произнесла тоном, не допускающим возражений.

— Какой будет форма правления после уничтожения последних бунтовщиков, еще не решено. Лорды и принцы в замках сильны, но их поведение может породить новые мятежи. Родятся новые наглецы, посягающие на власть сильных.

В голосе Инезии появились мрачные нотки.

— Не терплю, когда мне противоречат. Если на это не обращать внимания и приобрести способности старого Пта вести за собой народ, то можно даже восстановить курьезный тип правительства, который он терпел. Но то, что имело смысл при жизни Пта, без него может стать неуправляемым. Помнишь, дорогая, что творилось в стране, когда я свергла тебя? Но мы не могли править вдвоем. Две суверенные богини в одном государстве — это абсурд.

Лоони наконец поняла, куда клонит ее со-

перница. Она рванулась к ней, но опоздала на мгновение. Инезия яростно набросилась на тело Пта, и оттащить ее было не так просто.

С нескрываемой злобой Инезия кричала:

— Смотри не него, дура! Это все, что ты можешь! Я ухожу…

Лоони знала, что сейчас она ничего не может сделать. Но чувствовала происходящую перемену ситуации.

Вдали от воды процесс шел медленно и тяжело, но через несколько минут началось движение сквозь тьму. И вот она уже лежит на твердой земле. Начинается новый день.

Глава 20
ЗАРД АККАДИСТРАНСКАЯ

Лоони ощутила, что атмосфера пронизана ужасом. Но это чувство было не ее. Оно исходило от рыдающих женщин, кричащих детей и надрывного гомона мужских голосов. Все люди были охвачены страхом перед омерзительной реальностью своего существования.

Богиня поднялась с земли, осмотрелась, и вздох надежды вырвался из ее груди. Инезии здесь не было. А тело Пта лежало рядом на подстилке. Он выглядел, как мертвец, та же поза, ни единого движения. Лоони еще раз внимательно осмотрелась.

Они с Пта находились внутри пространства, размером не меньше квадратной канбы, окруженного высокой стеной и переполненного людьми. За одной из стен можно было видеть боевых скриров, которые группами маневрировали в небе. Лоони содрогнулась от ужаса. Здесь был один из тысячи полигонов тренировки скриров в нападении на людей. Жертвами наверняка были похищенные Гонволейнцы.

Подстилка, на которой лежал Пта, была одной из многих, разделенных между собой небольшими перегородками. На всех подстилках лежали люди по одному или даже группами. Некоторые вставали и медленно прохаживались по земле, их место немедленно занимали другие.

Дети, женщины, мужчины. И ни одного спокойного лица. Тысячи глаз вокруг, и никто не смотрит на Пта.

Лооні сидела на краю подстилки и ждала. Она понимала, что Инезия медлить не станет. Особенно сейчас, когда тело Пта беззащитно и нельзя даже определить, что он сознает, а что не задевает его чувств. Наверняка она вернула свое истинное тело в столицу. Здесь, где много молитвенных жезлов не под ее контролем, она не станет рисковать красотой. Но душа Инезии в Аккадистране. Конечно, она вошла в тело Зард Аккадистранской и отдает распоряжения в замке Гадира. И воины уже спешат сюда так быстро, как способны лететь боевые скриры и скакать гримбсы.

Лооні в отчаянии стала трясти неподвижное тело и шепотом кричать ему в уши:

— Очнись, Пта!.. Очнись… Пта…

Тело не оживало. Холройд-Пта был в трансе,

близком к смерти. Его руки, ноги безвольно принимали любое положение, пальцы Лоони чувствовали только их вес.

Она давно бы отправилась назад, в Нуширван, и оставила тело Нийи. Но страх перед желанием Инезии уничтожить это тело останавливал, искорки надежды не угасли совсем. Пта еще не умер. Сейчас решалась судьба огромных стран, целые континенты приближаются к грани, за которой катастрофа. Надо действовать, но она не могла решиться.

Безжалостное солнце стремилось к зениту. Почти полмиллиона ног поднимали пыль, серым туманом стелившуюся над лагерем пленников. Жара, духота и бездеятельность подавляли волю попавших сюда.

Двое мужчин несли третьего к Лоони. Один из них сказал:

— Отойди, женщина. Мой брат болен, пусть полежит немного.

Другой устало добавил:

— Повезло парню. Он уже не видит, как мы тут маемся.

Даже не посмотрев на Лоони, они посадили больного на землю, прислонив к ограде, и подошли к Холройду-Пта. Лоони встала между ними.

Брат потерявшего сознание произнес:

— Надеюсь, вы не возражаете, что этого мы сбросим. Брат еще жив, а вашему уже все равно.

Лоони молчала. Их намерение было таким понятным, но неприемлемым. Не получив ответа, один из мужчин принялся сталкивать безжизненное тело на землю.

Схватив за руки, Лоони с силой отпихнула его в сторону. Но он был сильнее женщины и упрямо добивался своего. Через минуту изможденное тело любимой жены Нушира покрылось синяками и выбилось из сил. Только фанатичная верность Пта давала женщине силы продолжать борьбу, но они иссякали.

Хватая нападавших за одежду, пиная ногами, она не удержала равновесие и упала. В глазах потемнело, а уши уловили шепот.

— Отправляйся в Нуширван!

Открыв глаза, она увидела, что брат больного перестал бить ее и произнес:

— Отправляйся в Нуширван. Я встречу тебя во дворце Котахэй… но после…

Лоони похолодела, вскочив на ноги и вцепилась в одежду сказавшего это. Оба, потрясенные, смотрели в глаза друг другу. Страх и недоумение не давали говорить. Наконец, мужчина выдавил

из себя:

— Наверное, я схожу с ума. Я не пойму, как это произошло.

Слишком мало сил осталось в теле Нийи, и оно опустилось на колени, затем женщина легла и поджала ноги. Но тут же выпрямилась.

Тело Пта исчезло.

Шоковое состояние Лоони прошло. Она снова глянула на мужчину, пославшего ее в Нуширван. Как долго Пта боялся проявить себя. Он боялся, что Инезия узнает о его новых способностях. Божественный Пта прав. Он скрылся в суматохе драки. Это могло пройти незамеченным.

— Если вы не возражаете, то на этой подстилке будет лежать мой брат, — прозвучал знакомый голос.

Лоони вглядывалась в усталое лицо собеседника, но никаких признаков присутствия Пта не было. Может, он только выполняет повеление бога. И ей тоже Пта уже сказал, что надо делать.

«Отправляйся в Нуширван».

Но Лоони еще колебалась. Инезия наверняка будет их обоих поджидать именно здесь. Пусть убедится, что все идет по ее плану, это тоже важно.

Почти одновременно по верхнему краю вы-

сокой стены забегали воины. Внизу тоже все пришло в движение. Стражники с лестницами-стремянками группами бежали в район загородок с подстилками для больных, окружили «больницу». Тех, кто лежал совсем близко от стены, бесцеремонно сбрасывали на землю и отталкивали в сторону. В ход пошли большие пилы, кувалды. Воины разрушали стену.

Минут через десять в стене, отделявшей резервацию для пленников от свободной территории, были проделаны ворота. Через них въехала на огромном гримбсе стройная, с карими глазами женщина. Каждое движение прибывшей подчеркивало ее превосходство над остальными людьми. Карие глаза пылали янтарным блеском. Но в их взгляде было больше спесивого самодовольства, чем истинного величия. Зард Аккадистранской были подвластны более двадцати миллиардов человек. Есть ли в ее теле Инезия?

Гримбс остановился в двадцати шагах от Лоони. Зард спустилась на землю по спинам своих охранников. Те окружили ее кольцом. Правительница знала, кто ей нужен из больных, и уверенно направилась к подстилке, где раньше лежал Пта.

Увидев мужчину, лежавшего там, и спокойный взгляд Лоони, она отпрянула назад. Коричневые

зрачки расширились от испуга.

Зард пыталась говорить, но не могла. Ее руки непроизвольно тянулись к незнакомцу на подстилке, будто пытаясь изменить его облик. Затем она справилась с волнением и, обращаясь к Лоони, произнесла низким злым голосом:

— Где он? Где этот безумец? Он только что был здесь.

Лоони поняла, что именно сейчас она должна подтвердить обезумевшей правительнице, что ее ложное впечатление о состоянии Пта после пребывания на троне верно. Все ее тело дрожало от возбуждения. Впервые за многие века заключения она могла победить соперницу. Только надо говорить естественно и не раздумывая.

— Ни ты, ни я не можем быть в двух местах одновременно, даже богиням это неподвластно.

Такая фраза позволяла перехватить инициативу в разговоре и легче сделать очередной шаг. После небольшой паузы Лоони продолжала:

— Я решила дать ему столько шансов выжить, сколько имеют другие пленники Зард. Теперь он в толпе этих несчастных мучеников. Ищи его, Инезия, теперь даже я сама не знаю, где Пта…

Лоони умолкла. В ее сознании шла внутренняя борьба. С одной стороны, она боялась действо-

вать излишне самоуверенно, речь шла о жизни и смерти. Но ведь Пта не хочет, чтобы Инезия знала о его истинном состоянии. Значит, он не получил достаточно могущества для борьбы со злом. Ему надо выиграть время, найти выход из тупика. Значит, надо любой ценой отвлечь Инезию. И Лоони продолжила:

— Инезия, благодарю тебя. Пойми, что я хочу сказать. Речь о народе. Благодарю, ты не начала эту бессмысленную войну. Ты победила, и этого достаточно. Властвуй над Гонволейном и Аккадистраном. Объединить их народы теперь можно и без войны. Есть десятки способов. Распорядись, что теперь возможны только смешанные браки, и через поколение страны сольются. Только не надо войны. Это же миллионы трупов. Каждая смерть подданного уменьшает величие правителя. Это истина, с которой не спорят даже богини…

Глаза Зард Аккадистранской менялись медленно, их коричневые зрачки светлели, мерцание становилось не таким зловещим. Они уже не пылали яростью и страхом. Инезия-Зард смотрела на Лоони уже с усмешкой и злорадством.

— Бедняжка! Ты никогда не была способна подняться выше человечности. Какая сентиментальность! Но она родилась из истерики, не

забывай об этом. Дорогая моя, богиня должна подобно ветру нести все запахи: и полевых цветов, и ядовитых испарений. Клянусь, я не так свирепа и своенравна, как тебе это кажется. Эти два народа не могут соединиться естественным путем. Но это совершится. Клянусь!

Правительница поняла, что ее не слушают и стала вглядываться в толпу пленников. Огромная масса людей, похожих друг на друга, была подавлена своим жалким существованием, и никто не смотрел в сторону грозной Зард. Инезия злобно прошипела:

— Он ушел туда, пусть так. Но еще никто не смог убежать из резервации. Стражники получат портрет принца Инезио и мне доложат, когда он найдется. Я сама хочу видеть его тело мертвым, — саркастическая улыбка скользнула по лицу правительницы. — Радуйся, дорогая Лоони. Приказ о нападении на Гонволейн армия получила еще утром. Теперь никто не сможет остановить эту силу, даже я. Колесо истории закручено, и у него слишком велика инерция.

Ее улыбка стала демонической.

— Посмотрим, что получится, когда один главнокомандующий в двух телах будет руководить двумя враждующими армиями. Прощай, милая

Лоони! Твое тело пока останется невредимым. Я хочу уничтожить вас вместе.

Зард Аккадистранская резко повернулась и пошла к своему гримбсу. Спины охранников услужливо пригнулись. Правительница проследовала по этим ступеням, не оглядываясь. Спустя несколько минут каменщики заделали дыру в стене, и ничто уже не напоминало о происшедшем.

Лоони не могла решить, что же делать. Ее тянуло в толпу узников. Но даже Инезия с ее стражниками не стала искать Пта, эта затея была почти безнадежной. Среди моря людей, потерявших интерес к жизни, найти единственного, способного к борьбе, было почти невозможно. Глупо терять время. Надо отправиться в Нушырван, выполнить то, что задумано. И ждать Пта. Надо сообщить ему о начале войны. Но это можно сделать только там, где они условились встретиться. Что он предпримет, когда узнает о нападении, предугадать невозможно. Война способна уничтожить ту молитвенную силу, которой он овладел.

Волна безжизненности всколыхнула сознание Лоони. Происшедшее было слишком тяжелым ударом для богини. Приказ о начале войны отдан,

близится развязка. Злодейские замыслы богини Инезии воплощаются медленно, но неуклонно. Ночью хорошо обученные скриры-убийцы перелетят через древнее море Тета. Лоони попыталась избавиться от страшных мыслей. Ей стало жаль несчастное тело Нийи, которому суждено остаться здесь. Пора в Нуширван.

Глава 21
МЕЖ СТЕН СМЕРТИ

От подстилки, рядом с которой Лоони дралась с мужчинами, до границы «больничной» зоны Холройд добежал за несколько секунд. Он перепрыгивал тела корчившихся от боли, лежавших без сознания. За последним барьером, отделявшим подстилки от общей зоны резервации, он с силой вдавил свое тело в толпу.

Только в узкую щель между чьих-то плеч он заметил, что Лоони еще борется с человеком, который хотел уложить на подстилку больного брата. Остальные продолжали без движения лежать на своих местах. Среди больных были и женщины. Даже если в одном из женских тел богиня Инезия, она не успела бы заметить, куда скрылся Холройд-Пта. Похоже, что непосредственная опасность в данную минуту Пта уже не угрожает.

Он попытался найти место, где не было бы так тесно. На каждом квадратном футе находился человек. Протискиваясь через толпу пленников, Холройд искал свободное место. Ему казалось, что

ноги идут по зыбкому песку, как будто он стоял в вязкой жиже. Но это была иллюзия, его угнетало чувство страха и безысходности, пронизывающее все пространство резервации. Наконец Холройд нашел уголок, где между стоящими людьми было немного пространства. Здесь он успокоился, и в сознании возникла мысль спрятаться в укромном уголке. Необходимо найти тайное убежище и оставить там свое тело. Бессмысленно блуждать в людском океане.

Пришла ночь. Холройд все еще оставался у подножия стены, к которой примыкала «больница». Как и другие, он улегся прямо на землю, ежеминутно его пинали в спину. В поисках свободного места бродили сотни людей, то и дело наступая на лежащих. Грязная босая ступня прижала волосы Холройда к земле. Он резко дернул незнакомца за ногу и поднялся. Потревоживший его спокойствие молча улегся на свободное место и закрыл глаза. Надо искать ворота, через которые можно выбраться из этого каменного мешка, подумал Холройд. Он понимал, что там наверняка много охранников, но это не тревожило.

Холройд бродил, переступая спящих и пытаясь встретить хоть кого-нибудь способного на побег. Наконец он спросил одного мужчину:

— Как нам отсюда выбраться? Куда идти?

Мужчина глянул на него с интересом, но не ответил. Десятки других глаз безумно следили за теми, кто не находил места для ночлега. Холройд ощущал, что его сознание стремится пробить массивную стену отчуждения и открыть истину этим несчастным, но все попытки тщетны.

Продолжая медленно бродить среди спавших, Холройд искал закуток, где его тело не будут топтать. Он был подавлен людской массой и сознавал, что место, огражденное от внешнего воздействия, сможет дать покой не только телу но и мозгу. О своей душе он волновался меньше, чем о плоти. Если телесная оболочка Пта попадет в руки Инезии, то она постарается уничтожить тело. Надо найти какой-то выход, он должен существовать.

Неожиданно в ушах зазвучал голос. Холройд сразу уловил, откуда он исходит. Футах в пяти-десяти справа на стене стоял человек с рупором. Над толпой произносились отрывистые фразы:

— Резчики… те, кто обучен уходу за боевыми скрирами… подходите к плотницким ямам… там на склоне холма…

Глашатай прошел футов сто по гребню стены и снова повторил свой призыв. Кто-то из узников

произнес:

— Нас заманивают на крутой склон. Это ловушка, я резчик, но не пойду туда.

Холройд понимал, что никто из пленников не знает истинных целей резервации. Коварство ночных глашатаев было более изощренным. Они заманивали жертвы для обучения атаке на людей боевых скриров. Генеральный штаб Аккадистрана здесь проводил учения пернатых эскадрилий в условиях, максимально приближенных к реальности. Но рабочие места резчиков могли стать местом, где удастся скрыть свое тело и отправиться в Нуширван. Кроме того, надо узнать о тактике боя с участием дрессированных скриров. Пробраться сквозь толпу к дальней стене не составило большого труда. Там было значительно просторнее. Наиболее отчаянные мужчины и женщины расхаживали по самому краю холма. Дальше был пологий спуск. Надсмотрщики время от времени сталкивали туда тех, кто был ближе. Внизу их строили в колонны по сто человек и подводили к каким-то норам у подножия высокой стены. Вооруженные охранники следили за порядком в колоннах, а безоружные, но физически сильные солдаты впихивали людей в норы. Жертвы кричали от ужаса, но их не было слышно

из-за общего шума, стоявшего внизу.

Сверху было видно, что справа от нор, где исчезали люди, находились большие ворота. А за ними начинался ряд стен, перпендикулярных той, которая отгораживала резервацию от остального мира. Эти стены были чуть выше основной, и можно было заметить их продолжение за пределами резервации.

Пока Холройд изучал обстановку, воины с копьями дважды пытались спихнуть его со склона, там формировалась новая сотня. Но он каждый раз ускользал от них, и стражники хватали других пленников, которые не сопротивлялись. Решив, что сверху ничего нового не узнать, Холройд сам ринулся вниз. Он бежал по склону, обгоняя тех, кого спихнули стражники, ловко протиснулся сквозь толпу и очутился перед одной из ям. Оттуда доносились глухие удары деревянных и каменных кувалд. Каждый удар будил в сознании Холройда забытое чувство божественной ярости. Он бросился дальше, в сторону ворот.

Раздался крик:

— Назад! В строй! Жди своей очереди, иначе проткну!

Его били, кололи копьями, толкали, но Холройд пробивался к воротам. Словно бульдозер, он про-

таранил охрану и добрался до цели. Там стояла дюжина мужчин, вооруженных легкими пиками или луками. Стрелы и пики у всех были с каменными наконечниками. Их головные уборы украшали перья. Холройд сообразил: долговязый с четырьмя перьями должен быть старшим офицером.

Ярость молнией осветила мозг, и он устремил свое существо в офицера. Сначала тот сопротивлялся… затем..

— Бросьте этого торопыгу в яму, если ему так хочется резать камни, — крикнул он глухим голосом и указал рукой на свое тело, которое стражники крепко держали под руки…

«Как плохо я выгляжу. Грязный, худой, волосы всклокочены. На месте Лоони я бы давно забыл о таком доходяге».

Холройд вернулся в свое тело, когда оно уже лежало на дне ямы, ближней к воротам. Она была размером около двух сотен квадратных ярдов и проходила под стеной. Холройд позволил себе передышку и лежа осмотрелся. Мозг впитывал информацию, как губка.

На дне длинной ямы стояли ряды скамеек, где сидели такие же изможденные люди, как и он сам. Перед каждым стоял небольшой стол,

рядом горшок с клеем, в руках пила из светлого металла. Холройд зачарованно смотрел, как мастера кувалдами разбивали каменные глыбы, выбирали подходящие осколки, обрабатывали их пилой. Как они умудряются не разбить или же не отрезать себе пальцы, думал Холройд. Такое количество мастерских может обеспечить наконечниками копий и стрел всю армию Аккадистрана. Из какого металла сделаны эти пилы? Режут камень, как масло. Каким клеем они прикрепляют камень к дереву? Много интересного можно узнать здесь, но сейчас важнее другое.

Холройд медленно поднялся и пошел под стену. Какой-то толстяк тут же подбежал к нему, крича на ходу:

— Ты новенький? Почему один?

Он повязал Холройду на левый локоть ленту с номером и продолжил:

— Теперь ты номер триста сорок семь. Ищи себе место. Я потом покажу, что надо делать. Учти, работа тяжелая, но жить будешь дольше. Ленту не потеряй. Кто отказывается работать или теряет ленту, уходит первый. А так будешь ждать своей очереди.

Холройд молча смотрел в глаза говорившему.

— Ну, что уставился? Я старший сотни. Или

надеешься, что тебя назначат на мое место? Не рассчитывай прожить лишний месяц и есть три раза в день. Мне еще неделя осталась. Будешь получать свою пайку только утром и последним, я прослежу. Сегодня ушел сто сорок седьмой. Вопросы будут?

Проходя мимо скамеек, Холройд смотрел на номера ленточек резчиков по камню. Свободное место он нашел на краю одной из скамеек. Рядом работал парень с номером сто пятьдесят три. Это означало, что сегодняшний день может оказаться последним в его жизни. Холод проник в мозг, Холройд сел рядом и сказал:

— Добрый человек. Я вижу, ты не трясешься от страха даже перед лицом смерти. Как твое имя?

Парень ответил:

— Мое имя Крэд, уважаемый.

Затем он обмакнул древко пики в клей, насадил только что выточенный наконечник, бросил его в сторону и взглянул на Холройда.

Его лицо расплылось в улыбке:

— Что бы сделали со мной, назови я просто уважаемым того, кто очень похож на тебя. Пошли к старшему нашей сотни.

Пробираясь за парнем, Холройд так же, как он собирал готовые пики и копья. При этом он

продолжал оценивать свое положение.

Он не ошибся, скрыв от богинь знание своего нового могущественного дара, который влился в его тело, побывавшее на троне. Там, на полу, лежал тот, кого привела к цели звериная ярость, переходящая в агонию. Это чувство исчезло. Нет агонии. И нет зверя. Но есть капитан Питер Холройд из танкового корпуса армии США. И он способен перенести свою сущность в любое тело.

Это грандиозно.

Размышляя о стратегии войны с Нуширваном, Холройд понял, что новые возможности дают шанс нарушить планы Инезии, даже если учесть, что она способна посылать свое тело через пространство. Пожалуй, и раньше он вел себя правильно, логика его рассуждения оказалась верной. Трон был всего лишь источником хранившейся части могущества Пта. Оно уже использовано, и дополнить божественную силу могут только молитвы женщин.

Сознание подсказывало, что ситуация требовала практически раздвоения его личности. Необходимо знать, о чем будут говорить, как действовать две богини Гонволейна. Только в их беседе между собой с губ Лоони снимается печать молчания, а Инезия, оправдывая и хвалясь ста-

рыми победами, невольно дает ключ к разгадке новых козней. Теперь у него начинал вырисовываться достаточно мрачный план действий. Инезия намеревается начать наступление. Если предотвратить атаку, то Великий Пта выиграет схватку со смертью в образе златокудрой красавицы.

Полубог был ближе к людям, чем богиня. Он чувствовал — Инезия обречена на гибель. Обладая магической силой, она забывает или презрительно игнорирует одно свойство, присущее каждой личности. Может быть, божественный разум не в силах понять его значение.

Люди способны противостоять божественной мощи, если…

— Мы пришли, — сказал Крэд.

Холройд внимательно смотрел на высокого, сероглазого и абсолютно седого мужчину. Крэд обратился к нему со словами:

— Старший по яме, я привел новенького. Думаю, что ему надо показать.

— Ладно, — равнодушно ответил старик. — Покажи ему.

Глава 22
ПИЩА БОЕВЫХ СКРИРОВ

Сначала Холройд смотрел только на скриров, круживших над огромной ареной. Только в подсознании отложилось то, что огромное пространство вокруг заполнено людьми, наблюдавшими своеобразный спектакль. Он отметил, что в полетах стай огромных птиц есть определенная система. Боевые скриры летали десятками. На спине одного из скриров, составлявших своеобразную эскадрилью, сидел наездник. Остальные летающие чудовища повторяли каждый маневр ведущего скрира, словно самолеты в строю. Внезапно одна из эскадрилий резко спикировала вниз. Только сейчас Холройд понял, что на арене находились сотни мужчин и женщин, предназначенных в пищу птицам, проходившим обучение участию в боях.

Холод сжал мозг, словно металлический обруч. Глаза Холройда не могли оторваться от ужасного зрелища. На арене шло сражение, жертвы пытались защитить свою жизнь. Они держали над головой грибообразные щиты, пытаясь

поразить или просто отпугнуть прожорливых врагов длинными пиками. Птицы были неплохо натренированы и ловко уклонялись от уколов пиками, и выклевывали из толпы людей, словно червяков. Кошмарная атака длилась минуты четыре, затем эскадрилья взмыла вверх, унося в клювах и лапах страшный груз. Проследив за полетом, Холройд увидел, что птицы отнесли несчастных к месту, где располагались птенцы боевых скриров и начали их кормить.

— Они откармливают свой молодняк мясом? — спросил Холройд. Старший по яме, казалось, не расслышал вопроса. Крэд собирался ответить, но не успел. В голосе Холройда появилась свирепость.

— Невероятно! Хотел бы я знать, что за дьявол выдумал эти дурацкие щиты?

Крэд в удивлении раскрыл рот, не зная, как реагировать на поведение новичка. Седой старик угрюмо произнес:

— Сначала ты ответь мне…

Взглянув на лицо Холройда, старик осекся. Зрачки его расширились. Потрясенный своим открытием, старший по яме не мог говорить. Затем…

— Принц!.. Принц… Инезио!

Он упал на колени, слезы градом катились по лицу. Старик пытался целовать руку Холройду и бормотал:

— Я знал… Я верил… Богиня должна была прислать помощь… Я знал, что это издевательство над жителями Гонволейна не может продолжаться бесконечно… Принц Инезио! Хвала богине! Хвала богине!

Холройду с трудом удавалось сохранить спокойствие. Мозг переполнялся необузданной яростью, способной разнести на кусочки его тело. До этого мгновения он был способен оставаться холодным и внешне спокойным. Это было спокойствие вулкана, покрытого снежной шапкой, но переполненного бурлящей лавой. Гармония льда и пламени, разума и безрассудства, бога и человека. Прославление богини этим стариком нарушило неустойчивое равновесие сознания.

Чудовищная, гнусная и лживая истина!.. Хвала богине? За что ее благодарить? Эту бесстыдную, подлую, похотливую ведьму? Эту дьяволицу, жаждущую крови, славы и власти?

Эти мысли не были произнесены, но прозвучав в сознании, погасили волны ярости. Старший по яме узнал в нем принца и поверил в реальность спасения. Вера в богиню может оказать помощь в

осуществлении плана. И он спокойно произнес:

— Встаньте! Теперь вы маршал! Храните веру живой. Нас ждут нелегкие дни. Богиня Инезия послала меня сюда и наделила божественной силой для борьбы с этим святотатством.

Старший по яме поднялся, размазывая слезы, и Холройд осознал, что этот маршал теперь верно служит своему главнокомандующему. Можно ли так же надеяться на остальных смертников?

— Неужели, маршал, вы не могли изготовить более надежного оружия, чем эти пики. Да и деревянные зонтики не лучшая защита от боевых скриров. Новоявленный маршал выпрямился, на его лице появилось выражение уверенности. Решительно смахнув последние капли слез, он звонко произнес:

— Ваше Высочество, мы можем делать для наших людей лучшее оружие. Я уже семь лет здесь и кое-что придумал. Мы готовы испытать на следующей сотне мою идею защиты от скриров. Разрешите показать?.. Я сейчас вернусь.

Маршал побежал в яму, а Холройд с Крэдом остались наверху и молча наблюдали за атакой очередной эскадрильи. Страшный спектакль продолжался.

Старик вернулся довольно быстро. В его руках

был длинный шест с зазубренным наконечником на одном конце и большим крюком на другом.

— Смотрите, принц, этот шест длиннее пики. Он легкий и крепкий. Мы их можем делать из обычного газового дерева. Когда скрир атакует, то надо крюком захватить его шею или лапу, а другой конец воткнуть в землю. Скрир — птица не очень умная. Даже если скрир ошибется, то он рухнет на землю и раздавит своим телом уколовшего. Потом он поднимется и улетит еще более злым. Один укол пики не убивает такую птицу.

Холройд взял новое оружие в руку, попытался имитировать его применение и произнес:

— Тот, кто зацепит скрира за шею или лапу, неминуемо погибнет.

— Но птица не сможет сразу подняться. Другие успеют своим пиками нанести много ран или стрелой смогут пробить толстую кожу на шее. Мы дадим шанс выжить многим. Если Ваше Высочество не возражает, то я пошлю на арену несколько человек с этим оружием.

Холройд ответил сухо:

— Только двоих. Они не смогут победить сотни птиц сегодня. Время для решительных действий еще не наступило.

Он понимал, что богиня может уловить связь

исчезновения Пта со сменой тактики боя жертв гладиаторов.

Когда два человека с новым оружием погибли, Холройд улыбался. Рядом с их трупами бились в агонии четыре огромных птицы.

Идея новоявленного маршала была полезной.

С каждым часом в Холройде росла уверенность в правильности своих действий. На подготовку к схватке надо еще много времени. Не хватает умения командовать, не все известно об армии Аккадистрана. Этой ночью надо бежать из резервации. Каждый час, проведенный здесь, дает богине шанс обнаружить Пта. Этого допустить нельзя. Он должен выбраться из этого ада. Ночью!

Глава 23
МОРЕ ТЕТА

Для тела Холройда были приготовлены носилки. Старый маршал и Крэд были предупреждены и ничему не удивлялись. Узники резервации умели держать молчание, не испытывали страха перед смертью и безгранично доверяли принцу, посланному богиней.

Затем было занято тело старшего офицера, командовавшего охранниками, доставившими в яму вечернюю пищу. Аккадистранский офицер — Холройд — спокойно приказал поднять носилки с безжизненным телом. Двое дюжих стражников выполнили команду, остальные молча последовали за ними.

Потом они шли по длинным коридорам, где было много охранников и воздух переполнял малопривлекательный запах пищи. Один из коридоров в этом лабиринте раздваивался, как язык змеи. Почти все стражники и прислуга сворачивали влево, но Холройд приказал нести свое тело в правый коридор. Очутившись перед дверью, офицер распахнул ее и приказал нести

носилки с телом дальше. Охранники с носилками стали спускаться по лестнице. Другой офицер внизу встал, глянул на тело, освещаемое тусклым светом факелов. Он не успел произнести ни слова, сущность Холройда перетекла в его мозг.

Офицер крикнул командиру охранников, носивших пищу:

— Веди своих обратно. Эти с носилками вернутся потом.

Он направился дальше, минуя столы, за которыми люди пили какую-то бледно-пурпурную жидкость, похожую на виноградный сок или вино.

Холройд заметил у больших дверей напыщенного субъекта. За этой дверью — выход. Субъект без сопротивления позволил завладеть своим мозгом. Он суетился, отсылая офицера, чуть не поскользнулся на ступеньках крыльца, но стражники с копьями в струнку вытянулись перед этим вельможей.

Они вышли на улицу и пошли вдоль стены.

Стена! Внешняя стена резервации. Сознание Холройда встрепенулось. Один из тех, кто ходил по стене, наблюдал за узниками, с ухмылкой глянул на носилки с безжизненным телом Пта. Свобода!

Осмотревшись по сторонам, Холройд приказал стражникам:

— Несите его вниз по этой улице. Ну, что уставились? Там есть повозка, которая заберет эту падаль.

Он шагал уверенно, внимательно изучая все, что попадалось на пути, пытаясь в полумраке выяснить, куда ведет дорога.

Стена, за которой была страшная арена и толпы гладиаторов, окружала огромный холм. Слева, у подножия холма, виднелись редкие дома и целая сеть дорог, ведущих к городу, за которыми виднелась гавань, заполненная кораблями. Город не привлек внимание, а вот гавань…

Добраться туда можно быстро. Надо завладеть телом капитана корабля и… Нет… Нетерпение нарастало. Могущественные способности проникать в любое тело дают возможность завладеть скриром. Плавание на корабле — это потеря времени. Как хорошо, что ни одна из армий не вооружена зенитными орудиями…

Мысль оборвалась, когда Холройд увидел, что стена уже далеко и вокруг никого нет. Он остановился и приказал носильщикам:

— Бросьте его там, в кустах, подальше от глаз. А носилки унесите обратно.

Стражники возвращались по дороге с обычной для людей их профессии уверенностью, что все происшедшее вполне естественно и они точно выполнили приказание старших по званию.

Как только они исчезли из виду, вельможа направился по их следам. Холройд довел его вдоль стены до того крыльца, где проник в его мозг, открыл дверь и громко крикнул:

— Без меня ничего не случилось?

Он не стал выслушивать заискивающие рапорты, что все в порядке, пьяных нет и так далее. Холройд уже был в теле Пта.

Ухмыльнувшись, он вскочил на ноги и быстро направился к подножию холма. Здесь не было никаких строений, свет факелов со стены сюда не доходил. Наступившая ночь сулила удачу.

Идя по дороге, Холройд пытался представить ощущение людей, в которых входило его сознание. Испытывают ли они страх от потери возможности управлять телом, речью, мыслями. Думают ли они вообще в это время? Наверняка офицеры, помогавшие Пта выбраться из резервации, смутно помнят свои действия. Он старался организовать свой побег самым естественным образом. Даже если сама Инезия будет расспрашивать об этом случае, то они не смогут раскрыть

ей истину. Поздно вечером забрали труп из ямы, унесли подальше и выбросили, а утром его склевали скриры. Ничего необычного не произошло. Все офицеры могли убедить себя, что действовали по своей воле. В глубине души Холройд надеялся, что так случится.

Он свернул на одну из тропинок, которая вела к зданию, похожему на ферму. До наступления полной темноты осталось не более получаса. Уловив в одной из ферм движение, Холройд направился туда. Отрыть дверь загона для скрира было не просто, наконец удалось сдвинуть засов с места и проникнуть внутрь. Пара пылающих глаз раскачивалась в темноте, жесткие перья птицы зловеще шуршали. Сдерживая нетерпение, Холройд приблизился к скриру. Тот вел себя спокойно и не сопротивился неумелым попыткам закрепить седло и удила. Домашние скриры вели себя совсем не так, как боевые убийцы.

Труднее всего оказалось забраться на спину птицы без помощников. Только с третьей попытки Холройду удалось очутиться в седле. Взлетев, птица сделала круг над родным двором, залитым холодным светом луны и послушно направилась к побережью моря Тета.

Только утром впереди показалась земля. Лес на-

чинался у самого берега. Казалось, среди холмов и нескончаемого леса нет и признаков жилья. Холройд уже два часа летел над землей со скоростью не меньше ста миль в час. Он думал, где лучше спрятать свое тело, когда дух направится в Нуширван. Внезапно необычная мысль пришла в голову, он оглянулся на огромный хвост скрира. Пусть птица летит над лесом, он может привязать себя к седлу и получит несколько часов свободы духа без особого риска. Через минуту его тело осталось далеко позади.

Сущность Холройда устремилась в пространство. Полет сквозь пространство был уже знаком. При переходе в тела людей там, в резервации, он не успевал ощутить движение. Сейчас его обуяла жажда полета, свобода маневра. Насладившись, он попытался остановиться и ощутить дыхание пространства. Но вокруг не было ни света, ни воздуха. Душа не могла ощущать пространство. Вселенная черна и пуста для нее.

Он вернулся в свое тело, попытался успокоить волнение и понял, что птица продолжает спокойно лететь в сторону Нуширвана.

Что нужно сейчас делать? Как это узнать? О чем говорила Инезия? Что свою истинную сущность нельзя познать до конца, пока она связана

с телом. Он помнил первое посещение царства тьмы, сущность должна быть способна управлять телом, находясь вне его. Может быть, мешает высота, или этот вид божественного проявления сейчас недоступен для Пта?

Он заставил себя взглянуть вниз. Сплошной лес, ни города, ни реки, ни озера. Сущность Холройда устремилась в пространство, но не туда, куда продолжало лететь его тело. Наконец, появилось ощущение опоры. Он спускался ниже, и чувство давления усиливалось. Оно знакомо! Вода? Впервые божественный дух, покинувший тело, ощущал что-то, кроме собственных мыслей. Он над морем Тета.

Проверив свою догадку, Холройд заспешил обратно. Должно быть, он летел близко к поверхности, ощущение опоры духа исчезло внезапно. Земля! Тело другого человека можно ощутить в полете так же, как воду. Надо только преодолеть много сотен миль до столицы Нуширвана.

Холройд точно ощутил скопление людей и реку. Снизившись, он чувствовал присутствие живых тел. Он выбрал ближайшее, устремился в него и ощутил потрясение, подобное шоку от удара электрическим разрядом.

Женщина!

«Надо быть осторожнее», — подумал Холройд. Раньше, когда он устремлялся по прямой в тела людей, которых мог видеть, такие ошибки были невозможны. Сейчас сознание улавливало только слабые сигналы, не различая при этом пол, возраст и даже место нахождения человека.

Следующая попытка Холройда была не такой опрометчивой. Он приблизился к источнику ощущения жизни достаточно близко. Не ощутив чужой ауры или сопротивления, он вошел в тело, став чиновником мелкой конторы, перебиравшим бумаги на своем столе. Из этих бумаг следовало, что столица расположена в двадцати пяти канбах севернее.

Следующее тело принадлежало солдату, идущему по торговой улице на окраине столицы Котахэй. Холройд продолжал путь к центру города вместе с солдатом несколько минут. Его мозг должен привыкнуть к ярким краскам, детским крикам, запахам города.

Затем, став усатым молодым человеком крупного телосложения, служившим писцом во дворце Нушира, он узнал, что владыка страны беседует в своих покоях с женой Калией.

Уводя писца от покоев Нушира, Холройд вспомнил младшую жену владыки Нуширвана. Она

такая же светловолосая, как Инезия, но не так зла. Спустя минуту он уже смотрел на Калию глазами Нушира, которая продолжала говорить с мужем:

— Надо ввести во всех замках, крепостях и укреплениях новый порядок. Пусть женщины живут отдельно от военных мужчин и не владеют оружием. Они должны молиться за мужей. Надо отправить посланников к вождям мятежников, в первую очередь к маршалу Маарику, Оилику, Ларго, Сарату, Клауду. Предложи им освобождение через нашу страну. Объясни, что ты не в состоянии противостоять Зард Аккадистранской, которая действует заодно с Инезией.

Холройд положил руку на плечо младшей жены Нушира и мягко произнес:

— Повремени с наставлениями, Лоони. Я прибыл договориться о встрече с тобой. Где мы можем повидаться, находясь в своих телах?

Сказав это, он широко улыбнулся и стал ждать ответа.

Глава 24
СВИДАНИЕ В КОТАХЭЙ

Лоони долго не отвечала. Глаза пухленькой Калии увлажнились, руки задрожали. Она поднялась с кресла и прошептала:

— О, Пта!

Затем, стряхнув оцепенение, она рванулась к мужу, схватила его за руку и быстро заговорила:

— Пта, она уже отдала приказ! Ты понимаешь? Армии готовятся к войне. Нападение неизбежно!

— Хорошо, — ответил Холройд.

Голос Нушира не смог передать истинное значение этой реплики. Блондинка отшатнулась назад и потрясенно смотрела на Холройда.

— Не будь наивной, — угрюмо продолжал он. — Сейчас мы не можем помешать Инезии осуществить ее замыслы. Но если мои выводы верны, все это обернется в нашу пользу. Мы можем чувствовать симпатию к этим бедолагам, готовящимся к смертельным битвам, но действовать опрометчиво не следует.

Холройд замолчал и дождался, когда с лица Калии-Лоони окончательно исчезнут страх и

смятение, затем продолжил:

— Нушир уже знает много наших тайн. Теперь надо точно установить, на чьей стороне будет его армия в будущем. Я надеюсь, что личность, устремившая свои желания к развязыванию войны между Аккадистраном и Гонволейном, не станет тратить времени и усилий на Нушира Нуширванского.

Он способен понять, что обеспечит себе долгую жизнь и спокойную старость, если изменит форму правления в государстве. Чем плоха для него и его потомков конституционная монархия. Представь парламент, действующий по воле восьмидесяти или восьмидесяти пяти миллиардов жителей. Сколько бы ни вошло туда людей, они не смогут игнорировать волю своих избирателей. Форму правления в городах можно не менять. Не вижу причины, чтобы Нушир отказался от этой идеи.

Печальные глаза Лоони напомнили Холройду о его теле, привязанном к спине летящего скрира. Если бы он знал раньше, что приказ о начале войны отдан, то не рискнул бы совершить этот поступок. Эскадрильи боевых скриров Зард могли уже подняться в воздух. Время уходит.

— Лоони, мне нужна твоя помощь. Нам очень

важно соединиться физически. Для этого надо точно определить, где сейчас находится мое тело.

Он стал объяснять, как проходил полет на юг через море Тета, затем на запад через бесконечный лес, к необитаемым берегам Гонволейна. Лоони оборвала этот рассказ:

— Действительно. На востоке от города Пта есть огромный лес, Пта. Если скрир будет продолжать полет прежним курсом, то вскоре прилетит к заливу, где встречаются три реки, текущие в древнее море. В этом заливе есть пять островов. Жди меня на том, который ближе к южному берегу. Я приду в теле, которое ты видел, когда я поднялась на великий утес. Это теперь единственное законное и свободное от души тело, которое я могу занять.

Она смущенно улыбнулась, затем серьезно спросила:

— Пта, у тебя есть план действий? Я имею в виду такой, который приведет к свержению Инезии… и ее смерти.

— Я понял смысл происходящего и верю в разум и здравый смысл людей. Мое новое оружие сбережет миллиарды человеческих жизней. Теперь у меня есть возможность проникать в любой

мозг, включая владык, вроде Нушира. Но если Инезия ухитрится овладеть моим настоящим телом прежде, чем я буду готов к действиям, то это обернется бедой для всех. Больше я не могу сейчас сказать.

Он видел, что голубые глаза озабоченно пытаются уловить глубинный смысл слов, но пухлое лицо Нушира ничего не выражало, поэтому Лоони спросила:

— Сколько времени пройдет, прежде чем ты начнешь действовать?

Холройд тяжко взглянул. На этот вопрос он не мог дать ответ. Слишком сложно было представить все последствия его действий. Ему было необходимо не менее пяти месяцев. Смертельный приговор для Лоони был отсрочен на полгода, но часть отведенного срока уже прошла. Больше пяти месяцев на подготовку тратить нельзя. Эта мысль заставила вздрогнуть обоих.

Через пять месяцев боевые скриры Зард учинят бойню на севере Гонволейна. Мужчины, женщины, дети будут гибнуть сотнями миллионов. Города не выдержат осады, и захватчики будут кормить телами их жителей боевых скриров и гримбсов. Встающие перед глазами Холройда ужасные сцены похожи на страшный суд, апока-

липсис, конец света.

Чтобы осознать весь ужас возможного развития новой истории Земли, Холройд пытался вспомнить 1944 год. Человечество не первый раз получает жестокие уроки.

Надо подавить страх, не поддаваться ему и терпеливо готовиться к сражению с дьяволом. Только за час до решающей битвы надо приготовить оружие и покончить со злом одним, но сокрушающим ударом.

Холройд вытеснил из сознания фантасмагорические картины и быстро произнес:

— Я увижу тебя в дельте трех рек и все объясню. До встречи.

Через десять минут он вернулся в свое тело и увидел, что скрир подлетает к заливу. В него впадало три реки. Вот и острова, описанные Лоони. Сама богиня прибыла сюда только через два дня.

Глава 25
ВТОРЖЕНИЕ В ГОНВОЛЕЙН

Островок, где жили Холройд и Лоони, был маленьким раем для двух тел. Худая и загорелая девушка и высокий мужчина с темными волосами чувствовали себя в полной безопасности. Холмы и впадины этого острова были покрыты зеленью. В джунглях зрели фрукты, ручьи журчали чистой водой. Мягкая трава всегда была готова служить постелью влюбленным телам.

Они ждали, когда к Холройду потечет могущественная сила, способная дать надежду на спасение. Если женщины начнут молиться у жезлов, то победа над злом свершится.

Шли дни… недели…

Время текло неумолимо. Они вселялись в чужие тела на всех континентах Земли, выбирая наиболее влиятельных людей. Это требовало терпения и настойчивости. Человечество было слишком огромным.

Правители, маршалы, чиновники, удельные владельцы и мятежные командиры, их жены — все они были пронизаны рабской психологией

и не хотели перемен. Слишком часто Лоони и Холройд-Пта слышали во всех концах света одни и те же фразы:

«Богиня ничего не говорила. Она бы предупредила народ».

«Война с Аккадистраном не объявлена. Где свиток с печатью Инезии?»

«Твои слова лживы».

Богиня действительно ничего не говорила людям. Но слухи распространялись подобно инфекции болезни, от которой не помогают никакие лекарства. Торговые караваны гримбсов возвращались из странствий пустыми, гонцы на скрирах приносили известия из приграничных районов. Нелегко было верным слугам Инезии утаить от людей подготовку к войне. С севера Гонволейна стали прибывать беженцы, неся вести о терроре захватчиков. Но богиня молчала.

Холройд пытался представить Инезию в замке Пта. Перед его мысленным взором всегда представали покои принца Инезио и золотоволосая красавица в белом платье. Тогда он не знал, что Инезия способна хладнокровно вести Пта к гибели и хохотать, говоря о миллионах смертей.

Лоони и Холройд направились в столицу Пта. Город словно вымер. Они стояли на высоком

холме, с которого открывалась панорама на весь город и море. Супружеская пара, чьи тела они заняли, проходя по вечерним улицам, на каждом перекрестке читала листовки, наклеенные под факелами.

«Жители Пта!

Бедствие обрушилось на земли Гонволейна. Безбожные мятежники, обезумев, напали на Нушырван. Армия Аккадистрана начинает мстить нам за подлость бунтовщиков.

Ночью в городах не должно быть света.

Не позволим боевым скрирам Зард Аккадистранской вероломно напасть на нашу столицу.

Верьте в богиню!»

Верьте в богиню? О, Колла! О, Пта!

Холройд сказал, обращаясь к своей спутнице:

— Удивительно, Инезия только сейчас сообразила, что темнота на руку захватчикам и ничего не дает обороняющимся. Отсюда мы увидим первую атаку.

Лоони молча положила голову на плечо мужу. Темнота сгущалась, в небе тянулись зловещие облака, город погружался в кромешную тьму. Холройд уже не мог видеть крыши домов, башни замка, но чувствовал близость вечного города Пта, столицы света, древнего дома сиятельного

Божественного владыки веков.

Столица Пта во тьме! Впервые за все времена там не горел ни один факел. Пта растворился в ночи и стал подобен бесформенным холмам, видневшимся вокруг.

Через облака пробился лунный свет и осветил печальный облик Лоони. Она прошептала:

— Пта, скажи, что еще надо делать? Неужели мы будем только смотреть на все это. Уже пало девять городов на западе, сорок три на северо-востоке, восточное побережье полностью захвачено Зард, на северном держится только Калурна. Вчера пали восточные столицы провинции Лира, Гали, Ристерн, Танис.

— Этой ночью падет и столица Пта, — спокойно ответил Холройд. — Нет, Лоони, сейчас мы не можем ничего сделать. Даже если вмешаемся в действия идущих на штурм, польза будет минимальной, кроме того…

Он умолк, Лоони ощутила, как напряглось его тело. Затем рука Холройда указала на огромную тучу в северной части неба.

— Смотри и слушай!

Лоони насторожилась, ее слух уловил звуки, подобные тем, что предшествуют приближавшемуся шторму. Это не ветер. Ужасные звуки

нарастали. С черного неба доносилось:

С-к-р-р-р-и-и-и-р-р…

Черная туча оказалась стаей сотен тысяч боевых скриров. Грубые, пронзительные крики заполняли вселенную. Сколько крыльев летающих убийц рождают это шипение в небе — пятьсот тысяч, десять миллионов? Какой десант они принесли?

Сверху донесся пронзительный сигнал. Туча ринулась вниз. Безумная бойня в столице началась.

Очутившись на острове, Холройд в ярости закричал:

— Я разорву ее тело на куски! Я выдерну золотые волосы клочьями! Я…

Сознание подсказывало Холройду, что с Инезией, этим воплощением дьявола, надо поступить по-другому. Ярость погасла.

Битва за Гонволейн шла с переменным успехом.

Не все города переходили в руки врага после первого штурма. В армии на вооружении появились шесты с крюками, восточная группа войск давала отпор аккадистранцам в воздухе. Главный штаб агрессоров уже не мог формировать достаточно крупные стаи боевых скриров для штурма

сразу трех городов.

Холройд был уверен, что за всю историю цивилизации на Земле не было столь кровопролитной войны. Огромная армия Гонволейна уже давно не получала достаточно пищи. Огромные массы обезумевших людей, преодолевая отвращение, ели жесткое и противное мясо скриров и гримбсов, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Холройд скрывал от Лоони, что в армии уже поговаривали о случаях людоедства. Ожидание было тягостным. И все же единственным средством, дававшим надежду на победу — было ЖДАТЬ.

И они ждали. Много раз богиня в теле однажды умершей девушки и полубог с горящими от ненависти и бессилия глазами обсуждали свои планы и ждали. Они надеялись на любовь.

В одну из ночей, когда они, обнявшись, лежали на мягкой траве, Холройд тихо произнес:

— Знаешь, я понял, что божественное могущество — это очень простая вещь. Сначала появляется возможность направить свою сущность, которую люди называют душой, в любое тело. Потом приходит умение перемещать тело в пространстве или управлять им на расстоянии. Но этого мало, чтобы стать богом. Власть приходит с умением преодолевать время, отправляясь

в прошлое и будущее, преодолевать спираль бытия, вырываться за ее пределы. Я попал в Гонволейн, минуя все витки, накрученные временем за двести миллионов лет. Сработал второй круг божественной власти.

Есть и другие круги власти. Путешествие умов, в которое Инезия была вынуждена направить меня, показало, что чары Пта подобны гипнозу. Даже она не смогла полностью подавить другой разум. Мое могущество не позволило это сделать.

Голос Лоони мягко прозвучал в темноте:

— Древний Пта знал особенности человеческой психики и пределы возможности мозга. Кругов власти шесть. Большее количество нельзя прочно удерживать в одном разуме одновременно. Подумай и согласись, Пта не ошибся, выбирая составные части своей божественной силы.

Холройд устало кивнул. Этой ночью он больше не произнес ни одного слова.

Больше месяца Холройд и Лоони не говорили о божественной силе Пта. Он стал замечать, что с каждым днем тело Лоони становилось все более совершенным, черты лица приобретали благородные пропорции, острые скулы уже не были заметны, глаза сверкали теплым светом. Холройд

вспоминал их в первую встречу: водоросли во всклокоченных волосах, сабля, способная поразить Пта, которого забыли женщины Гонволейна. Зачем она делает из нового тела идеал, достойный любви бога? Все женщины хотят украсить себя, даже богини.

— Скажи, что любил прежний Пта? Почему он стремился слиться с народом? Может, эта его ошибка позволила Инезии низвергнуть его страну?

Лоони уверенно произнесла:

— Посмотри в свою душу, Питер Холройд! Ты — Пта, я чувствую, я знаю это. Ты прежний Пта, великий, мудрый и мятежный Пта. Посмотри на себя и увидишь, каким был Пта… и каким он будет!

Холройд ничего не ответил, и она продолжила:

— Слияние с народом не может принести зла богу этого народа. Он мне говорил, что разум иногда порождал темные мысли, чужие желания, жестокие поступки, которые могли быть смыты только в одном источнике — жизненной силе людей. Он не хотел зла и боялся перерождения. Если его страхи были небеспочвенны, то сейчас в Гонволейне происходит не крах веры в богиню, а возрождение надежды на Пта.

Сейчас я знаю, что все желания Пта есть в тебе. В подсознании Холройда уже родилась истина. Грех не должен сковать разум народа. Мы разобьем оковы зла и победим врага его же оружием, не потеряв доброты. Пта! Не терпи пороки, не уменьшай желание творить добро!

Почти не дыша, она ждала ответа, но Холройд молчал. Он смотрел на нее и не видел. Слышал ли он сейчас свою жену?

— Пта, ты почувствовал новое могущество? Оно выросло? Скажи!!!

— Да… я ощущаю… Смотри, Лоони, сегодня должно получиться.

Он шагнул в ручей, и сразу вокруг тела возник сверкающий вихрь. Холройд исчез, но тут же появился рядом с Лоони.

Сто двенадцать дней и ночей они ждали этого момента. Пта теперь способен перемещать свое тело в пространстве. На сто тринадцатое утро он уже смог взять с собой Лоони. Когда солнце поднялось в зенит, они получили возможность перемещаться вдвоем, не опираясь на воду.

Пришло время действовать.

Глава 26
СВЕРЖЕНИЕ БОГИНИ

Два искрящихся смерча осветили темницу, где было заковано в цепи настоящее тело Лоони.

Холройд потерял много времени, расковывая цепи, которые не могла даже поцарапать любая пила Гонволейна. Затем Лоони помогла ему уложить мертвое тело женщины, к которому успела привыкнуть, на место своего многовекового заключения. Тусклый свет не позволял разглядеть, что цепи уже не прикованы к каменному полу.

Лоони тихо сказала:

— Можно было не терять столько времени. Мое тело не такая ценность, чтобы бог перед сражением терял столько сил. Потом тебе хватило бы могущества создать мне новое тело, достойное войти в круг божественной власти.

Главное заманить сюда Инезию, когда она узнает, что Пта жив и может действовать. Она явится в темницу, чтобы уничтожить мое истинное тело, вдруг подмена откроется.

— Твоя готовность пожертвовать самым ценным для победы над злом мне известна. Не

волнуйся, мы опередим Инезию. Наши тела в соседней камере будут в полной безопасности, не стоит рисковать ими. А эта девушка, которой ты помогла стать красавицей, будет жить своей жизнью. Может быть, вы подружитесь. Этим я займусь потом.

Холройд и Лоони перенесли свои тела сквозь стену, договорились об условленном сигнале, и их сущности стремительно понеслись в Аккадистран.

Самый высокопоставленный сановник во дворце Гадира любовался панорамой столицы Аккадистрана, когда в его мозг вошел Пта. Все города Земли сейчас очень похожи. Всюду камень и мрамор подавляют природу, — подумал он и обернулся. В огромном зале находилась сама Зард Аккадистранская со своей сестрой и всей свитой. Сестра Зард сомкнула пальцы обеих рук, затем развела их в стороны и снова сомкнула, прижав ладонь к ладони. Холройд понял, что Лоони приняла верное решение, выбирая тело. Он повторил условный сигнал и, улыбаясь, приблизился к Зард. Как только их взгляды встретились, он без колебаний вонзил нож в сердце правительницы Аккадистрана. Удар был безжалостным и коварным, но она заслужила его. Миллионы людей

погибли в войне, начатой Инезией, но нельзя забывать о тех несчастных, чьими телами кормили своих младенцев боевые скриры по велению самой Зард.

Он знал, что убивает тело, которым управляет Инезия. Это надо было сделать, только бы она не попыталась войти в мозг сестры правительницы. Она не осмелилась, понимая, что дворцовые перевороты ведут к смерти всех родственников свергаемых владык. Что она испытала, когда умирало тело?

В зале все кричали.

— Дельд убил владычицу.

— Дельд — убийца!

— Смерть Дельду!

Холройд даже не попытался уклониться от копий, пронизавших тело главного сановника. Его мозг был потрясен страшной болью, нервы трепетали. Но бог должен познать ужас смерти человека. И он познал это сполна.

Затем Холройд переместился в тело военного министра Зард, изумленного происшедшим, и тот произнес:

— Немедленно созвать всех министров. Генеральному штабу отдать приказ о выводе всех армий из Гонволейна. Стража, убрать всех из

этого зала, кроме брата и сестры Зард. Первыми удалите женщин.

Только одна женщина оказала стражникам сопротивление. Она яростно закричала:

— Поздно, Лоони! Ты выжидала слишком долго. Через месяц весь Гонволейн будет захвачен. А твое тело будет немедленно уничтожено! Дура!

Холройд подумал: «Эта женщина не поняла, что Зард убил сам Пта, а не послушный исполнитель воли Лоони». Вслух он произнес:

— Уведите эту истеричку. У нее помутился разум.

Сестра Зард подошла к военному министру и прошептала:

— Она еще не подозревает, что ты жив. Это упрощает дело. Настоящее тело Инезии в опечатанной комнате большой башни замка Пта. Ей придется идти до темницы. Мы должны опередить ее.

Так и случилось. Холройд и Лоони в темнице приготовились ждать появления Инезии.

Мерцающий свет возник около кресла, где обычно сидела Инезия. Когда вихрь материализовался, Холройд обвил золотые локоны богини вокруг своей руки и заставил ее опуститься на колени. Голубые глаза расширились от ужаса.

— Инезия, тебя погубило собственное коварство. Я надеялась, что ты явишься сюда, чтобы уничтожить мое тело. Но в волшебных цепях лежит другая. И не пытайся покинуть свое тело. Тюрьму стерегут одни мужчины, и они пустят сюда только богиню Инезию. Ты сама так распорядилась еще много веков назад. Спеши, Пта! Она пытается растаять. Цепи не позволят ей это сделать.

В безумной ярости Холройд опутывал извивающееся тело тяжелыми цепями. Тошнота подступила к его горлу, когда Лоони принесла раскаленный стержень, молот и кувшин воды. Инезия не могла даже повернуть голову и увидеть, как умело орудует молотком бывший офицер танковых войск США. Она только услышала, как зашипела вода, закалившая раскаленный стержень. Теперь ни один человек не способен без молота освободить из плена бывшую богиню.

Лоони спокойно произнесла:

— Дорогая Инезия, не надо так бояться. Ты хотела нашей смерти, но мы не так жестоки. Оставайся в этой темнице до той поры, пока Пта не наберет столько могущества, сколько требуется для изгнания тебя из круга божественной власти. Ты станешь смертной и будешь жить, как пожe-

лаешь. К тому времени в Гонволейне будут мир и спокойствие. Могла ли ты рассчитывать на более мягкую кару? Благодари Пта и молись за него!

— Идем отсюда, — пробормотал Холройд. — Мне плохо.

Лооні распахнула дверь темницы и вышла. Холройд направился следом, но обернулся и еще раз взглянул в потухшие голубые глаза:

— Инезия, ты не учла, что большая беда всегда возвращала людей к религии. Женщины прятали молитвенные жезлы от твоих воинов, рискуя жизнью. Религия — это не просто вера в богов, это еще и страх. Религия загорается от искры, когда в мозг входит мысль о смерти близкого человека. Вера рождается из тьмы неверия и крепнет от страха за жизнь. Ты начала великую войну, принесшую миллионы смертей. Женщины Гонволейна молились за своих мужей, сыновей, братьев и любимых, сражавшихся с врагом. Не все забыли имя Пта, и они никогда не пожалеют об этом.

Холройд вышел вслед за Лооні. Они вместе закрыли тяжелые каменные двери темницы и трижды опечатали их перстнем Пта.

Прежде чем они оба исчезли, Лооні тихо произнесла:

— Я не собираюсь ей мстить, Питер.
Пта не ответил.

